ПРАВИТЕЛЬСТВО ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«ИСТОРИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР “ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ”»

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ЦЕНТР ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

ТУЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ
ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Г.В. ПЛЕХАНОВА»

МЫ ПОМНИМ…

Книга воспоминаний и размышлений поколений

Сразу после войны

Авторы проекта,
редакторы-составители
Ю. М. Осипов, Л. И. Ростовцева

Тула 2017

ББК 63.3(2Рос-4Тул)63
УДК 316.3+64(47)
М 94

ISBN 978-5-8125-2335-0

М 94 Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. Сразу после войны / Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой.— Тула: Аквариус, 2017. — 828 с.

Рецензенты:
доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН Ж. Т. Тощенко,
доктор исторических наук, профессор Е. В. Симонова.

Четвертая книга воспоминаний и размышлений поколений «Мы помним...» выходит под названием «Сразу после войны». Она подготовлена в рамках проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов» и рассказывает, как сложились судьбы героев предыдущих книг «Мы помним...» после Победы в Великой Отечественной войне, а также знакомит с эссе, очерками, документами о послевоенном времени новых участников проекта.

Это народная история, книга-памятник, собрание впервые опубликованных документов из личных архивов, воспоминаний свидетелей эпохи и семейных преданий. Это учебное пособие по истории, социологии, экономике, философии войны и послевоенного периода, а также эмпирическая база для научных исследований.

Предназначено для всех, кому дороги судьбы России, в первую очередь для молодежи, а также учителей и преподавателей образовательных учреждений, музейных работников, ученых, аспирантов, учащихся всех форм обучения, волонтеров, сотрудников органов молодежной политики.

© Л.И. Ростовцева, 2017
© МОО ИПЦ «Преемственность», 2017
© Тульский филиал ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2017

ISBN 978-5-8125-2335-0

ДОРОГИЕ ВЕТЕРАНЫ, ДЕТИ ВОЙНЫ,
ПРЕДСТАВИТЕЛИ ПОСЛЕВОЕННЫХ ПОКОЛЕНИЙ,
ЖИТЕЛИ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ!

Для меня большая честь представить вам книгу «Сразу после войны», вышедшую в исторической серии «Мы помним...». Она издана в рамках проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов». Цель проекта — усилить связь времен и поколений, познакомить молодежь с историей страны и тульского края. Он уже получил множество положительных отзывов от читателей.

Книга «Сразу после войны» подготовлена в содружестве ученых Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова, МГУ имени М.В. Ломоносова и «Историко-просветительского центра “Преемственность”» под эгидой министерства молодежной политики Тульской области.

Эта книга рассказывает о войне, о восстановлении страны в трудные послевоенные годы. Ее страницы повествуют об истории нашей Родины через судьбы разных людей: знаменитых полководцев, государственных деятелей, конструкторов-оружейников, ученых, инженеров, педагогов и многих других.

Знакомясь с их жизнью, мы понимаем, что история — это не просто даты и события прошлого. Историческая память — это та связующая нить, которая объединяет нас и наших предков. Это знание, которое вызывает в нас чувство гордости за Отечество, за наш народ.

Изучая славное прошлое, мы закладываем основу для великого будущего нашей России.

АЛЕКСЕЙ ДЮМИН,
Губернатор Тульской области,
Герой России

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

ИСТОРИЯ ЗНАЕТ И ЗОВЕТ!

История знает, она знает все в ней и с ней происходящее, что-то намеренно утаивая, что-то зачем-то не договаривая, а что-то, наоборот, отчетливо привнося в историческую память людей, с ней — реальной историей — соприкоснувшихся.

История не только все знает, но и непременно влечет к себе человека живущего, манит его, зовет — не забывать о ней, думать о ней, писать о ней, пусть и не обо всем из исторически случившегося, но все-таки о многом, а главное — о близком, родном, своем!

История — это судьба людей, народов, стран, государств. Наша российская история — сложная, насыщенная событиями, драматическая, а местами и временами — трагическая.

В рамках проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов» были подготовлены и выпущены в свет три книги (в пяти томах) под общим названием «Мы помним...» (2010, 2012, 2015), книги воспоминаний, очерков, документов о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., ее героических участниках, защищавших Родину, всех нас, Великую Россию и не жалевших своей жизни.

Однако память ныне живущих соотечественников обращена не только к той великой войне, но и к мирному времени, в частности, непосредственно послевоенному, начатому в 1945 г. Победой в Великой войне и условно закончившемуся в 1953 г.— году смерти И. В. Сталина, под водительством которого и прошла та беспримерно тяжелая, жертвенная война, была одержана славная историческая Победа.

Нынешняя серийная книга, уже четвертая, посвящена как раз послевоенному периоду бытия страны, называвшейся Союзом Советских Социалистических Республик, ее великого народа и живших тогда людей. В этом томе тоже приводятся воспоминания, очерки, документы, а его содержание столь же народно, искренне, честно, как и содержание предшествовавших ему книг. Уверен, что и этот том будет позитивно, сочувственно, может, местами и не без слез — встречен читателем, перед которым раскроется важная глава в истории родной страны, рассказанная не профессиональными историками, а ее гражданами,

жившими тогда и живущими сейчас, вроде бы уже в другой, но при этом и во все той же стране — России!

Время с 1945 по 1953 гг. — время перехода страны к мирной жизни, демилитаризации и восстановления народного хозяйства, залечивания его многочисленных ран, восстановления разрушенных войной городов и деревень, предприятий, путей сообщения, многое из чего было отстроено и создано заново. Это было время всеобъемлющего обновления и созидания, быстрого роста и бурного развития — индустрии, транспорта, связи, строительства, образования, науки, техники, время укрепления обороноспособности страны посредством модернизации армии и создания атомного оружия, а также время еще скрытого, но уже имевшего место реального движения страны в космос.

История все знает — хорошее и плохое, правильное и ошибочное, правдивое и ложное; от истории никому и никуда не уйти, хотя кажется, что она безостановочно проходит и ее уже нет; как раз наоборот, история никуда и насовсем не уходит, она всегда здесь, прямо в памяти людской, но не только — она и в памяти самой истории, которая длится себе и длится, покидая прошлое, проходя через настоящее и устремляясь в будущее.

Историю надо помнить и, по возможности, знать, причем не только старательно написанную профессиональными историками, но и ту, которая хранится в кладовых памяти народной. Вот почему и являются на свет такие замечательные произведения, как «Мы помним...», вот почему рождена книга, которую вы, читатель, держите в руках и, надеюсь, уже с интересом читаете. Книга сия — наш с вами ответ на зов истории, может, не во всем правильный и точный, но, безусловно, искренний, в целом и правдивый, а главное — народный!

Ю. М. Осипов,
руководитель Центра общественных наук,
МГУ имени М.В. Ломоносова,
председатель Межрегиональной общественной организации
«Историко-просветительский центр “Преемственность”»,
Заслуженный деятель науки РФ,
доктор экономических наук, профессор

СЛУЖИТЬ ВЕЛИКОМУ ДЕЛУ ВОСПИТАНИЯ

Книга, которую вы держите в руках, явилась продолжением многолетнего плодотворного и резонансного народного проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов...». В 2016 году он стартовал в четвертый раз. Его результатом стала настоящая, четвертая книга воспоминаний и размышлений поколений «Мы помним...» под названием «Сразу после войны», в которой нашли отражение сложные и порой неоднозначные события послевоенных лет. Они стали предметом как воспоминаний очевидцев, ветеранов войны, детей послевоенного времени, так и размышлений современного молодого поколения, бережно хранящего семейную память о тех событиях и их героях.

Я горжусь тем, что идея этого замечательного, востребованного временем проекта родилась в стенах нашего филиала и успешно реализуется большими энтузиастами, предвосхитив появление многих подобных патриотических инициатив в стране. Благодарен Центру общественных наук Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова за многолетнее плодотворное сотрудничество.

Новая, четвертая книга состоит из 12 глав, в нее вошли работы авторов из различных городов, сел, регионов России, а также ряда зарубежных стран. Это свидетельствует о неослабевающем интересе и широкой поддержке данного начинания представителями разных поколений, социальных слоев и культур.

Тульский филиал РЭУ им. Г. В. Плеханова рассматривает всемерную поддержку проекта как одно из приоритетных направлений научно-исследовательской и воспитательной работы вуза, призванное обеспечить формирование ценностей патриотизма и гражданственности в сознании современной молодежи. Я убежден, что судьбы героев книги будут служить великому делу воспитания человека образованного, нравственного, знающего и уважающего историю своего народа, способного к созиданию, готового трудиться на благо своей родины и обладающего чувством ответственности за судьбу страны.

Авторам и участникам проекта хотелось бы пожелать дальнейших успехов в реализации его следующих этапов.

Н. В. Калинин,
директор Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова,
кандидат экономических наук

ГЕРОИЗМ СОЗИДАТЕЛЕЙ

В 2009 году оформился и стартовал наш проект «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов». О героизме во время Великой Отечественной войны на фронте и в тылу, в плену и оккупации выпущено три книги воспоминаний и размышлений поколений «Мы помним...». Четвертая книга «Сразу после войны» в этой серии — важная веха в развитии проекта и сформировавшегося вокруг него общественного движения.

В чем особенности новой книги?

Во-первых, она посвящена мало исследованному периоду — после Победы советского народа в Великой Отечественной войне до 1953 года. И хотя биографический метод, используемый как основной, позволяет расширить рамки повествования, акцент все-таки сделан на этом периоде, весьма противоречивом — и радостном, и трагическом в то же время. Поэтому во многих работах говорится о том, как встретили семьи или герои очерков, эссе, рассказов День Победы и как восприняли известие о смерти И. В. Сталина.

Речь идет в книге о героизме послевоенного времени, о том, как порой в тяжелейших условиях приходилось вести борьбу на фронте созидания — строить шахты, создавать новое оружие, управлять страной, восстанавливать разрушенные войной производство и сельское хозяйство, развивать науку, культуру, образование.

Во-вторых, одна из задач книги — проследить влияние войны на судьбы людей. В связи с этим всех авторов можно условно разделить на две группы. Одна из них — те, кто раньше участвовал в наших проектах и писал уже о военном времени (после названия их работы дается сноска с указанием выходных данных эссе в предыдущих книгах). Другая группа авторов — те, кто впервые подготовил для четвертой книги «Мы помним...» свою работу и рассказывает в ней о событиях сначала в войну, а потом после Победы. Причем, часть работ отобрана в ходе проведенного конкурса эссе «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов», а часть подготовлена приглашенными авторами. Во втором туре конкурса участвовало 220 работ (в отборочных турах внутри образовательных учреждений приняли участие около 900 человек). В книгу «Сразу после войны» включены работы 194 авторов из 16 регионов России, а также Беларуси, Украины, Казахстана, Германии, Канады. Но преимущество в представительстве по-прежнему, как и в предыдущих книгах, остается за жителями Тульского края и Москвы.

В-третьих, настоящая книга — правдивая, в которой речь идет не только о светлых страницах в истории, но и приоткрывается завеса над мрачными сторонами. В некоторых рассказах о судьбах репрессированных, бывших военнопленных, пребывавших на оккупированных территориях слышится столько боли и горечи! Тем не менее общий вывод, как правило, делается один — отец (или родители) не обижались на власть, с удвоенной-утроенной энергией учились, работали, добивались уважения и признания. Удивительно, но когда читаешь эти строки, задеваются те добрые струны души, которые вызывают сострадание, сопереживание, сочувствие, а в итоге удовлетворение и даже радость от того, что правда восторжествовала, что состоялся трудовой подвиг, творческий прорыв.

В-четвертых, книга «Сразу после войны» — памятник нашим предкам, отцам и дедам, матерям и бабушкам, о которых мы хотим сохранить память. Кроме того, это учебное пособие, которое можно использовать в учебной и воспитательной работе образовательных учреждений. Наконец, это научно-исследовательская работа, которая открывает возможности для анализа проблем ценностей, мотивации и поведения людей в военное и послевоенное время, поиска смысла сущего и должного. В ней оживают забытые имена и подвиги, открывается новая информация, впервые публикуются документы из семейных архивов.

В-пятых, многоплановость книги позволяет ощутить каждому свою причастность к истории России, величавой и трагической, увидеть в ней источник живого научения, сокровищницу мудрости и силы, испытать гордость за своих предков. Образы святых и подвижников, национальных героев и гениев пробуждают жажду служения и подвига, дают веру в силу своего народа, сплачивают. Поэтические строки многих авторов книги вызывают радость гармонией и ритмом, образы художников и их полотна восхищают мастерством и сарказмом (как, например, у Кукрыниксов). Успех армии переживается как свой личный успех, а героизм ассоциируется как с вождями и военачальниками, так и с простым солдатом. Книга показывает, что территория страны завоевана кровью и трудом, любовью к своей родной земле. Хозяйственный патриотизм послевоенного периода идет не только от войны, но и от творческой радости труда. Здесь тоже самоотверженность, сплоченность, подвиг — но уже ради мирного созидания.

Традиционно книга состоит из двух частей: «О послевоенном времени из первых уст» и «Послевоенный период в сознании современной молодежи». В каждой части по 6 глав. Открывается первая глава «Чтобы живые помнили» воспоминаниями Эры Георгиевны Жуковой о послевоенных событиях в жизни Маршала Победы. А далее музейщики, потомки, родственники и сослуживцы выдающихся сынов Отечества рассказывают о вкладе легендарных личностей в восстановление и развитие страны, укрепление ее обороноспособности. Особо ценными являются очерки о создателях оружия, так как они позволяют проникнуть в творческую

лабораторию М. Т. Калашникова, Г. А. Денежкина, А. Г. Шипунова, Ю. В. Мирохина и др., воспитывают патриотизм. Духовную силу дает соприкосновение с именами святителя Луки Войно-Ясенецкого и протоиерея Ростислава Лозинского, весьма уважаемых на тульской земле.

Неизменный интерес вызывают воспоминания участников Великой Отечественной войны в главе «Победители о времени и о себе». Мощнейший эмоциональный заряд несет в себе глава «Послевоенное детство и юность». С большой любовью написана глава «Отцы и деды — созидатели». О незаурядных людях, совершивших ратные и трудовые подвиги, говорится в главе «Герои и подвижники». Завершает первую часть книги глава «Правда о послевоенном времени. Из писем, дневников, воспоминаний», основанная на документах.

Вторая часть состоит из молодежных работ-победителей четвертого конкурса эссе «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов» и студентов научного кружка Тульского филиала РЭУ им. Г. В. Плеханова (научный руководитель — Л. И. Ростовцева, д-р социол. наук). Сначала работающая молодежь, аспиранты, магистранты, студенты вузов и колледжей рассказывают о своих героях. Затем школьники пишут о судьбах своих семей в войну и послевоенное время, о бабушках и прабабушках (глава «Какая безмерная ноша на женские плечи легла»), о дедах и прадедах (глава «Они победили фашизм и разруху»). Завершающая глава — «Многонациональная семья героев» — состоит из работ и школьников, и студентов.

Таким образом, представленная вниманию читателя книга — дань памяти и выражения благодарности участникам и детям войны за ратный и созидательный труд на полях сражений и трудовом фронте, за подвиги. Она явилась для молодежи стимулом развития творчества и научного интереса к экономике, социологии, истории России, своей семьи и рода в годы Великой Отечественной войны и после Победы. Надеемся, что книга будет способствовать укреплению связи поколений ради исторической правды, патриотического и нравственного воспитания молодежи. Здесь каждый найдет себе пример для подражания и извлечет уроки из прошлого.

Л. И. Ростовцева,
профессор Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова,
ген. директор Межрегиональной общественной организации
«Историко-просветительский центр “Преемственность”»,
руководитель проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов»,
доктор социологических наук

ЧАСТЬ 1

О ПОСЛЕВОЕННОМ ВРЕМЕНИ

Из первых уст

Глава 1. ЧТОБЫ ЖИВЫЕ ПОМНИЛИ

ПОСЛЕВОЕННЫЕ СОБЫТИЯ[1]

Жукова Эра Георгиевна, *89 лет,*
юрист-международник,
кандидат юридических наук,
г. Москва

В конце апреля и первых числах мая мы все напряженно ждали победного окончания войны. Наконец стало известно, что Берлин взят.

9 мая 1945 года после сообщения о подписании акта о безоговорочной капитуляции Германии вся Москва высыпала на улицу. Был солнечный, хотя и прохладный день. Народу было столько, что трудно двигаться. Вечером был потрясающий салют в честь Победы — такого никогда больше не было. В небе во всех направлениях перекрещивались лучи прожекторов, на их пересечении высвечивался портрет Сталина. Несмотря на прохладную погоду, никто допоздна не хотел уходить домой: ликование было действительно всеобщим.

Папа приехал в Москву только в 20-х числах мая. Тогда мы узнали подробности последних событий войны и первых дней наступившего мира. Нам интересно было узнать, как готовилась церемония подписания акта о капитуляции в Карлсхорсте, другие детали и подробности. Рассказывал папа и о заказанном по этому случаю обеде на 200 человек, который, правда, состоялся лишь во втором часу ночи из-за непредвиденных задержек. Любопытно, что в меню по строгому указанию отца были включены блюда и напитки только отечественные, ничем из трофейных запасов он не раз-

Подписание акта о безоговорочной капитуляции Германии 9 мая 1945 г.

[1] Продолжение. Начало см.: Жукова Э. Г. «Легких путей в жизни нет...» // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. Ч. 1 / Под ред. Ю. М. Осипова, Л. И. Ростовцевой. — Тула: Гриф и К, 2012. — С. 43–52.

решил воспользоваться. В качестве первого блюда, несмотря на поздний час, подали традиционные русские щи. Потом начались песни и пляски, папа и тут не отстал. Банкет закончился в шесть-семь утра.

В тот же приезд папа сказал нам, что, как только позволит обстановка, он постарается организовать наш приезд к нему. Он свое слово держал, и вскоре после Парада Победы в Москве мы прилетели в Германию. Поселились в живописном пригороде Берлина — Венденшлоссе.

Помню, что домик, в котором мы поселились, был двухэтажный, очень компактный, аккуратненький и чистенький, как и другие дома вокруг, на окнах висели тюлевые занавесочки. Дом окружала невысокая ограда, внутри был небольшой цветник. Все выглядело патриархально, как в сказках братьев Гримм. А ведь на этой земле только-только закончилась война!

Папа постарался устроить для нас осмотр Берлина. Город произвел на нас гнетущее впечатление: кругом руины, развалины, в которых копошатся какие-то старые люди, а по дорогам идут и идут беженцы, возвращающиеся в Берлин. Побывали мы у Бранденбургских ворот, у Рейхстага, в имперской канцелярии. Везде те же следы разрушения. Ветерок гнал из разбитых окон канцелярии полуобгоревшие бумаги, под ногами валялись разбитые стекла.

Через какое-то время папа отправил нас на машине по стране. Это было очень интересно. Нам довелось побывать в Лейпциге и Дрездене. Узнали, что знаменитая картинная галерея уже готова к отправке в Москву. Но нам все же посчастливилось увидеть знаменитую «Сикстинскую Мадонну» Рафаэля.

Интересной оказалась поездка на северный курорт Херингсдорф. Мы впервые увидели Балтийское море, которое имеет свой, необычный цвет и совсем не похоже на наше привычное Черное море. Видели роскошные виллы, кабинки на белом песке, напомнившие известные слова из песенки Вертинского: «Потом опустели террасы и с пляжа кабинки свезли...» И хотя на берегу и на пляже было пустынно, следы былой роскоши бросались в глаза.

Тогда же мы побывали в Праге и Карловых Варах (по тем временам — Карлсбаде). С удовольствием гуляли по улицам Праги, постояли у знаменитых пражских часов в ожидании фигур, выходящих в определенное время.

В те дни мы много общались с папой. Иногда удавалось даже совершить конную прогулку в близлежащем лесу. Какое это было удовольствие!

Бывая дома, папа рассказывал нам о встречах с американским государственным и военным деятелем Эйзенхауэром, британским фельдмаршалом Монтгомери, французским генералом де Латр де Тассиньи, о высоких наградах, полученных от правительства США, Англии и Франции. Эйзенхауэр вручал папе орден «Легион почета» прямо в штабе в Берлине, а Монтгомери организовал церемонию вручения орденов более торжественно. В согласованный заранее день награждаемые: папа, К. К. Рокоссовский, В. Д. Соколовский, М. С. Малинин — прибыли в район Бранденбургских

ворот к Рейхстагу, их встретил почетный караул английских гвардейцев, а затем они получили награды из рук Монтгомери. Вечером в его резиденции был устроен большой прием. Было много шуток по поводу того, что английский орден Бани 1-й степени и Большой рыцарский крест давали награжденному право на звание пэра и на участок земли в Великобритании. Выяснилось, однако, что для этого надо быть гражданином этой страны.

Папа очень тепло отзывался о генерале Эйзенхауэре, подчеркивая его открытость, дружелюбие, простоту в обращении. Монтгомери, наоборот, произвел на него впечатление довольно сухого, замкнутого человека. Еще до нашего приезда в Германию папа был приглашен во Франкфурт-на-Майне, где его торжественно встретил генерал Эйзенхауэр и фельдмаршал Монтгомери, которым в очень дружеской обстановке он вручил высший орден «Победа». Ордена и медали были, кроме того, вручены двадцати американским и английским генералам. Сохранилось много фотографий, запечатлевших эту встречу.

17 июня 1945 года открылась Потсдамская конференция глав правительств СССР, США и Англии по согласованию послевоенных проблем в интересах мира и безопасности. По рассказам папы мы знали, что сначала хотели проводить ее в Берлине, но из-за разрушений это было невозможно, поэтому встречу решили провести в Потсдаме. Для размещения участников совещания был выбран пригород Потсдама — Бабельсберг, место проживания в недавнем прошлом крупных генералов, правительственных чиновников и вообще богатых людей. Место было живописное. Белоснежные виллы утопали в зелени и цветах, их прежние хозяева имели собственные озера, где водились даже угри, а у берега стояли небольшие яхты. После окончания Потсдамской конференции, когда все разъехались, мы переехали на одну из этих вилл.

В День авиации в воздушной армии С. И. Руденко был устроен авиационный праздник, куда папа взял и меня. Погода была отличная, и праздник удался на славу. Помню, кроме Сергея Игнатьевича, на празднике присутствовал заместитель командующего бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии Павел Алексеевич Ротмистров с сыном. С семьей Павла Алексеевича я поддерживала дружеские отношения и после войны.

В августе Сталин пригласил в Москву генерала Эйзенхауэра. Поскольку он считался гостем отца, они уехали вместе. Мы оставались в Потсдаме. Приглашение было приурочено ко Дню физкультурника, назначенному в Москве на 12 августа. Эйзенхауэр пробыл в Москве пять дней, и все эти дни они тесно общались, обменивались впечатлениями о прошедшей войне, взаимно интересовались особенностями проведения тех или иных операций.

Когда я поступила в институт, папа мне отдал подаренный Эйзенхауэром красивый, из крокодиловой кожи портфель, в углу которого была серебряная монограмма с дарственной надписью. Чтобы не привлекать внимания студентов к этому портфелю, монограмму сняли, и, к сожалению, она потерялась.

Быстро летело время, заканчивались каникулы, и впереди была учеба. Об опоздании к началу занятий не могло быть и речи, предстояло возвращение в Москву, учеба в десятом классе. Папа еще и еще раз напоминал об ответственности, о том, что впереди выбор жизненного пути.

Вернулись мы в Москву без папы, начались школьные будни. Папа время от времени приезжал, и можно было обо всем поговорить и все обсудить. Как всегда, когда он был дома, я и Элла старались от него не отходить, чтобы не пропустить какого-нибудь интересного рассказа. Папа всегда был безумно занят, уходил рано утром и возвращался домой поздно вечером. Но при такой занятости он был исключительно хорошим, заботливым и внимательным, и я даже не понимаю, как ему это удавалось. Отец всегда был в курсе наших дел, знал, с кем мы дружили и чем занимались. Приучал нас к аккуратности, требовал хорошо учиться и доводить начатые дела до конца. Воспитывал нас не какими-то нравоучениями, а собственным примером. Мы видели, как он относится к работе. Он никогда нас не наказывал. Максимум — мог что-то сказать строгим голосом или сурово посмотреть.

Еще в конце войны отец подарил мне аккордеон, который, признаюсь, я не очень любила — он такой тяжелый. Но огорчать отца мне не хотелось. Папа играть на баяне начал раньше. Вскоре после разгрома немцев под Москвой к нему приехала делегация из Тулы. В подарок туляки привезли отцу тульский баян. До войны папа не умел играть ни на баяне, ни на каком-либо другом музыкальном инструменте. И нотной грамоты не знал. Но баян его заинтересовал. За год под руководством красноармейца Ивана Усанова он научился играть свои любимые русские песни «Степь да степь кругом» и «По диким степям Забайкалья». Некоторые мелодии подбирал на слух сам. В увлечении отца баяном я усматриваю отголоски его деревенской жизни.

Особенно любил песню «Темная ночь», которую мы иногда исполняли вместе: он на баяне, я на аккордеоне. Папа вообще любил все русское. Когда концерт начинался с произведений композиторов других стран, говорил неизменно: «У нас разве нет своих композиторов?» Он не был против иностранцев, но считал, что в начале концерта должна звучать русская музыка. Очень любил произведения М. Глинки и П. Чайковского. Ходил на русские оперы. Помню, вместе мы побывали

Творческое содружество отца и дочери

на «Иване Сусанине» — так тогда называлась опера Глинки «Жизнь за царя». С особым волнением отец слушал хор «Славься!». Любил слушать записи Федора Шаляпина. Подарил мне набор его пластинок.

Папа способствовал карьере широко известного оперного певца Бориса Штоколова. В 1948 году, когда отец был командующим Уральским военным округом, на выпускном вечере в спецшколе ВВС он услышал пение 18-летнего Штоколова, который исполнил песни «Грустные ивы» композитора Матвея Блантера и «Эх, дороги» Анатолия Новикова. Вскоре с помощью отца Штоколов оказался не в училище ВВС, а на дневном отделении консерватории.

С некоторой грустью и разочарованием папа рассказывал о состоявшемся 7 сентября 1945 года совместном с союзниками параде, который он принимал. Дело в том, что, как было заранее спланировано и согласовано четырьмя представителями союзных войск, парад должны были принимать главнокомандующие войсками всех четырех держав. В последнюю минуту, однако, поступила информация, что главнокомандующие союзных войск не смогут присутствовать на параде. Причина их отсутствия осталась неизвестной.

В назначенное время у Бранденбургских ворот в торжественной обстановке парад был проведен. С нашей стороны в нем участвовали подразделения частей, штурмовавших Берлин, со стороны союзников — части оккупационных войск и гарнизонов соответствующих секторов Берлина.

В конце 1945 года над папиной головой опять начали сгущаться тучи. На созванное в Москве военное совещание его не пригласили. На этом совещании Сталин заявил, что Жуков, мол, преуменьшает роль Ставки и приписывает все заслуги себе. Уже тогда присутствовавшие военачальники не выступили в защиту своего соратника, что в дальнейшем имело свое мрачное продолжение. Невзирая на эти тревожные симптомы, папа продолжал много работать, в частности над вопросами демократических преобразований в советской зоне Германии. Он часто встречался с немецкими руководителями, они вместе реализовывали планы по улучшению положения местного населения.

В конце марта 1946 года из Германии были отозваны Эйзенхауэр и Монтгомери. В телефонном разговоре с папой Сталин заявил, что ему тоже, пожалуй, пора возвращаться в Москву. На вопрос, какую он хотел бы занять должность, папа ответил, что готов работать на любом посту.

В апреле 1946 года папа был назначен главнокомандующим Сухопутными войсками. Как всегда, он был полон решимости энергично взяться за дело. Но ему не дали. Начался активный сбор компромата. Дирижировали всеми действиями Берия и Абакумов.

В те же дни на состоявшемся заседании Высшего военного совета, в котором участвовали маршалы Советского Союза и маршалы родов войск, Сталин предъявил присутствовавшим показания бывшего ко-

мандующего ВВС А. А. Новикова. Из них явствовало, что, мол, маршал Жуков, умаляя роль в войне Верховного Главнокомандования и Ставки, приписывает себе все заслуги в войне, возглавляет заговор в целях осуществления военного переворота.

Выступившие после прочтения этих выбитых побоями и пытками показаний члены Политбюро ЦК партии Маленков и Молотов поддержали наветы Новикова. Дали слово маршалам А. М. Василевскому, К. К. Рокоссовскому и другим. Они, отметив недостатки и ошибки в работе отца, а также особенности его крутого характера, не согласились с тем, что он замыслил заговор. Особенно горячо выступал маршал бронетанковых войск Павел Семенович Рыбалко. Обратившись к Сталину, он решительно заявил, что не верит тому, что маршал Жуков — заговорщик.

Тем не менее отец был освобожден от занимаемой должности, прослужив в Москве всего около двух месяцев. Уже в июне 1946 года он прибыл в Одессу на должность командующего войсками Одесского военного округа. Тогда же на даче был произведен негласный обыск в поисках каких-либо компрометирующих материалов.

В конце лета я поступила в Московский государственный институт международных отношений (МГИМО). Экзамены я не сдавала, так как окончила школу с серебряной медалью, прошла только собеседование в присутствии нескольких профессоров и дипломатов. Приемную комиссию возглавлял М. А. Силин, начальник управления кадров МИД, и все абитуриенты здорово побаивались и волновались.

На летние каникулы отправились к папе в Одессу. Город поразил меня своей непохожестью на все другие, где мне приходилось прежде бывать. Много белых зданий, масса зеленых насаждений, великолепный, напоминающий Большой, театр оперы и балета. Неизгладимое впечатление произвел и знаменитый Привоз — яркий и шумный одесский рынок, на котором можно было купить, по-моему, все что угодно.

Мы провели в Одессе не так уж много времени. Папа полностью вошел в свои дела, часто ездил в войска, увлекся работой и как будто бы отошел от нанесенного ему удара. Сказалась присущая ему выдержка, умение не раскисать в трудных ситуациях, сила воли, соединенная с уверенностью в своей правоте. Папа много рассказывал о своих служебных поездках в Кишинев, Тирасполь и другие города.

Офицер охраны С. П. Марков потом вспоминал такой случай. Как-то зимой отец поездом направился на штабные учения в Тирасполь. Из-за сильной бури и снежных заносов железнодорожное движение было остановлено. «Можно было отменить или перенести на день-два проведение учений. Но это было не в характере Жукова, — отмечал Марков. — Вызвали маленький самолет Ан-2, и учения начались точно в назначенный срок». Как это все характерно для отца: предъявляя строгие требова-

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков с семьей

ния к подчиненным, он не давал поблажек и себе.

В Одессе и других местах отец много встречался с людьми. Ему, конечно, было приятно, что, несмотря ни на какие указания местных партийных руководителей (а такие были), люди относились к нему по-доброму и даже с восхищением. В августе папа получил отпуск — свой первый послевоенный. Всей семьей мы отправились в Сочи, куда затем приехал из Польши К. К. Рокоссовский с женой и дочерью. После отдыха я и Элла вернулись в Москву, а папа с мамой — в Одессу.

В Москве наша с Эллой жизнь шла своим чередом. Я занималась в институте, следила за учебой сестры. В письмах и по телефону получала указания родителей, вела хозяйство.

Летние каникулы 1947 года также прошли в Одессе. Я уже окончила первый курс института, чувствовала себя полноправной студенткой. Папа много расспрашивал об учебе, новых друзьях, моих интересах, и не просто так, а заинтересованно.

В то время у меня окрепла дружба, перешедшая затем, как говорят, в роман, с моим будущим мужем Юрой Василевским. Папа, естественно, об этом знал и не мешал нашим отношениям. Однако он старался внушить мне, что спешить с браком не следует и что на первом плане должна быть учеба.

Время в то лето мы проводили очень весело и интересно. С нами была Рита Пилихина, уже оканчивавшая ВГИК, где она училась на оператора. Она постоянно нас всех фотографировала, придумывая различные композиции. Мы часто ездили на пляж в чудесное место под названием Лузановка, где много купались и загорали. Папе иногда удавалось сопровождать нас, к нашему всеобщему удовольствию. Он прекрасно плавал, мог подолгу находиться в воде и меня научил этому. Мама всегда волновалась, когда мы уплывали с ним далеко и надолго в море.

В декабре 1947 года папа приехал по срочному вызову в Москву. Зачем его вызывали, он не знал, но настроение было тревожным. Продолжались аресты его сослуживцев и соратников. Уже был в тюрьме член Военного совета 1-го Белорусского фронта генерал К. Ф. Телегин, генерал Л. Ф. Минюк и другие. Чекисты по указке Берии и Абакумова собирали материалы на отца, теперь уже обвиняя его в присвоении несметных богатств в личных целях. Искали вымышленный «чемодан с бриллиантами», который-де то ли он сам, то ли мама всегда возят с со-

бой. На самом-то деле в том небольшом чемоданчике-несессере, подаренном маме папой, находились туалетные и другие дорожные мелочи. Был и другой чемоданчик, и тоже небольшой, который был приготовлен на случай ареста. Да, отец не исключал такой возможности, видя повальные аресты работавших с ним людей. В первых числах января 1948 года на квартире произвели унизительный многочасовой обыск, породивший столько лживой информации, которая аукается до сих пор.

Оставаясь внешне спокойным и молчаливым, папа, конечно же, испытал сильнейший стресс и в результате получил свой первый инфаркт. Был ему всего 51 год. Это случилось на даче, откуда его и увезли в больницу. Лечился он около месяца. Выйдя оттуда, он вскоре получил новое назначение — в Свердловск командующим войсками Уральского военного округа.

В первой половине февраля родители выехали поездом в том самом штабном вагоне, в котором папа передвигался во время войны по фронтам, к месту нового назначения. На меня, как я уже упоминала, возлагались воспитательные функции и ведение немудреного хозяйства. Лека, моя сестра, требовала все больше внимания, а у меня к тому времени была своя личная жизнь. На август была назначена свадьба.

Все каникулы, и зимние, и летние, проводились, конечно, с родителями. Нам там очень нравилось. Зимы были настоящие — морозные, с обилием снега. Никогда не забуду, как в ясный зимний день нас покатали по городу на санях, запряженных очень резвой лошадкой. Летом 1949 года я приехала к папе уже с мужем.

Дача, выделенная отцу, находилась в совершенно потрясающем по красоте месте. В густом лесу на берегу озера Балтым стоял забавный довольно большой дом, абсолютно несимметричный, похожий на терем. Он состоял как бы из нескольких ярусов, в каждом были разнообразные башенки и балкончики. Точно не знаю, кому принадлежало авторство проекта этой дачи, но жить там было интересно. Рассказывали, что дом был построен кем-то из командующих войсками округа еще до войны. Недавно мне стало известно, что дом начисто сгорел (предполагали, что это был поджог). Это очень грустно, так как местные власти планировали организовать в этом доме музей памяти маршала Жукова. Но вообще я благодарна жителям Екатеринбурга за добрую память об отце. Помимо разного рода мероприятий, в том числе спортивных, связанных с его именем, в 1995 году возле штаба Уральского военного округа был установлен бронзовый памятник отцу на коне работы скульптора К. В. Грюнберга. Постамент памятника изготовлен из знаменитого уральского гранита.

Папе тоже очень нравилось это место, и он старался по возможности чаще бывать с нами. Изредка нам удавалось поездить верхом по окрестностям. Папа с Юрой в сезон иногда ездили на охоту — то на уток, то на зайцев.

Бывая по своему обыкновению очень часто в войсках, а затем на встречах со своими избирателями, отец объехал весь Урал. На встречи с ним

собиралось множество народу — многие напоминали маршалу о встречах на войне, о том, что кого-то он посылал в тыл врага, кому-то вручал орден. В газете как-то прочла, что на одной из встреч с отцом, чтобы занять места получше, многие «пришли в клуб с вечера, одетые в праздничные наряды, запасшиеся бутербродами, пирожками, коржиками для завтрака».

На одной из партийных конференций папа познакомился со знаменитым нашим сказочником Павлом Бажовым. В память об этой встрече сохранилась фотография, на которой они оба, улыбаясь, смотрят друг на друга.

Помимо выдвижения в депутаты Верховного Совета СССР, были и другие симптомы некоторого изменения отношения к отцу со стороны властей, можно сказать, «потепления». Летом 1951 года он был включен в состав правительственной делегации для посещения Польской Народной Республики по случаю национального праздника — годовщины возрождения Польши. Министром национальной обороны ПНР в те годы был старый друг и соратник отца К. К. Рокоссовский. Папа рассказывал, как они тепло встретились, какое хорошее впечатление произвели на него участвовавшие в параде войска. На торжественном заседании представителей трудящихся Варшавы и Войска Польского, проходившем в оперном театре, папа выступил с приветственной речью.

Осенью 1952 года папа приехал в Москву, чтобы участвовать в работе XIX съезда КПСС, на который он был избран делегатом от Свердловской парторганизации. Мы все были очень рады приезду родителей, тем более что с ними приехала моя маленькая дочка Сашенька, уже долгое время гостившая в Свердловске. Я занималась в аспирантуре, поэтому папа с мамой взяли ее к себе.

На партийном съезде отца избрали кандидатом в члены ЦК КПСС, что в значительной мере меняло его опальное положение и означало, что отношение Сталина к нему изменилось. Мы с мамой тоже были на съезде по гостевым билетам, но сидели далеко, так что партийное руководство во главе со Сталиным видели издали.

К нашей большой радости, в конце февраля папа был отозван из Свердловска. Таким образом, внезапная смерть Сталина застала его уже в Москве. Он был назначен первым заместителем министра обороны (министром был тогда Н. А. Булганин) и главкомом Сухопутных войск, то есть вернулся на тот пост, который занимал ранее.

Думаю, что отец ожидал изменения в своей военной судьбе и был рад возвращению в Москву. Хотя, надо сказать, ему очень нравилась уральская природа и расставался он с ней с грустью. Немного беспокоила его предстоящая работа с людьми, которые в свое время остались равнодушными к несправедливым наветам на него, а некоторые повели себя просто предательски. Но, повторяю, папа никогда не был мстительным и не позволял себе, чтобы личные симпатии и антипатии вторгались в служебные дела.

В тот период времени я много работала над своей кандидатской диссертацией по одной из проблем международного права. Помимо института, занималась в библиотеках, с папой виделась лишь вечерами да по воскресеньям. Он был занят с утра до позднего времени — работа в такой должности в Москве после долгого отсутствия требовала предельного внимания. В войска поступала новая военная техника, требовавшая организационной перестройки армии, всем этим приходилось ему заниматься.

И тем более радостными были часы общения. По выходным мы ездили на дачу, иногда ходили в театр. Папа с удовольствием гулял или забавлялся с трехлетней внучкой, она была очень забавной.

В последние годы круг общения моего отца сузился. Он много читал. Предпочитал мемуары и военную литературу. Любил «Тихий Дон» Михаила Шолохова. Около 10 лет работал над своими «Воспоминаниями и размышлениями». Написать эту книгу считал своим долгом. Несколько лет его жизни выпало из-за тяжелого недуга. Ведь ему пришлось заново учиться ходить. Будучи больным, папа вел себя геройски. Последние годы моего отца были тяжелыми, но он прожил их достойно. Как и всю свою жизнь.

ПОРФИРИЙ НИКИТИЧ КРЫЛОВ — ОДИН ИЗ КУКРЫНИКСОВ

***Кузина Марина Николаевна**, 68 лет,*
заслуженный работник культуры РФ,
член Союза художников РФ,
г. Тула

Порфирий Никитич Крылов (1902–1990) — Герой Социалистического Труда, действительный член Академии художеств СССР, Народный художник СССР, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР, почетный гражданина Города-героя Тулы и Тульской области, один из знаменитой триады художников-карикатуристов Кукрыниксов.

Кукрыниксы. Дрезден. Май 1945 г.

В своих воспоминаниях Порфирий Никитич писал: «Наш дом в Туле стоял на повороте Веневской улицы и продолжении Замочной. Под крышей на железе был написан номер дома и фамилия владельца: Н.З. Крылов. Три небольших окна по фасаду смотрели на Патронный завод, до которого было минут пятнадцать ходу. На этом заводе мой отец работал токарем. В семье нашей было шесть детишек — мал мала меньше. Спали мы все на полу — один подле другого.

Целые дни мы проводили в засеке за Патронным заводом. Однажды, убежав от ребят, я увидел около домика лесника такую картину: на берегу небольшого ручейка, подле плетня пчельника, сидели в довольно значительном отдалении друг от друга трое мужчин. На коленях у них лежали небольшие ящики. Они рисовали красками. Впервые я видел живых художников! Я, наверное, стоял с открытым ртом...Особенно меня заинтересовал высокий важный человек с бородой и усами, в пенсне. Рядом с ним висел на сучке дерева его пиджак с петлицами и ясными пуговицами. Он стукал по картоночке зеленой краской, и у него получались трава, кусты, после чего он черной и коричневой красками проводил лнии сверху вниз, затем в сторону, и у него получались деревья.

Я стоял, затаив дыхание и пожирая глазами так понравившуюся мне картину, пока человек, привлекший мое внимание, не повернул голову в мою сторону и не шуганул меня.

Позже мне довелось познакомиться с этим человеком. Он оказался преподавателем одного из тульских училищ, художником-самоучкой. Никаких следов в моей биографии этот любитель не оставил. Но процесс его работы в лесу и особенно результаты этой работы произвели на меня сильнейшее впечатление. С того дня я начал бредить красками. Мне очень хотелось сделаться художником.

Май 1913 года. В одну неделю умерли от скарлатины мама, сестренка и два брата. Меня и двух оставшихся в живых братьев даже не изолировали. Лечивший нашу семью фельдшер Патронного завода Храбров сказал: «Этих отделять бессмысленно: если заболеют — умрут, если не заболеют, будут живы». Мы уцелели, но остались сиротами. Папа как-то сразу осунулся, сильно поседел за одну неделю...

Мне тогда шел одиннадцатый год. С рисованием я не расставался и даже пробовал писать акварелью. Однажды, в день получки, папа принес мне масляные краски и щетинные кисти.

Трудно передать, как осчастливил меня отцовский подарок. Я несколько раз просыпался ночью, отвинчивал у тюбиков головки и с огромным наслаждением вдыхал запах масляных красок. Я и теперь иной раз это делаю, мне почему-то кажется, что нынешние краски не обладают таким привлекательным запахом, как те, «первые».

На другой день я пробовал писать красками, подаренными папой, но меня постигла горькая неудача. Я разводил краски подсолнечным

маслом, они текли и оставляли на бумаге жирные пятна. От обиды и огорчения я даже заплакал.

К счастью, мне на помощь пришла дальняя родственница, чьи двоюродные братья были художниками. Она посоветовала бумагу покрыть предварительно проклейкой и дать ей высохнуть, после чего можно будет писать красками. Так я и сделал. Работа стала налаживаться. Я копировал с открыток, с рисунков, с журнальных картинок. И дома, и в школе меня называли «наш художник». Мне это прозвище очень было по душе.

Как этот красно-синий карандаш попал мне в руки — объяснить не могу. Но, став его владельцем, я уж с ним не расставался и часами рисовал на бумаге: красной стороной — землянику, синей — точки на ягодах и листья.

...В 1919 году я поступил на Патронный завод кладовщиком-инструментальщиком. Днем я работал в мастерской, а по вечерам ходил в заводской клуб «Заря просвещения», находившийся в здании главной конторы, около центральной проходной.

Обязанности декоратора в клубе выполнял наш гравер Петр Васильевич Беляков (по сцене Раздольский), принимавший активное участие в заводской художественной самодеятельности. Впоследствии он вместе с моим братом учился во ВХУТЕМАСе, окончил его и одно время был архитектором Тулы. Меня и группу моих товарищей по заводу тянуло к живописи. Председатель нашего завкома А. Н. Босой поддержал нас и посоветовал начать рисовать в зрительном зале клуба, где в праздничные дни обычно шли любительские спектакли.

Спустя некоторое время — а занятия шли регулярно — председатель завкома порекомендовал нам подыскать для изостудии руководителя. По студии Пролеткульта мы знали трех художников — А. В. Солодовникова, П. Д. Покаржевского и Г. М. Шегаля. На последнем мы и остановили свой выбор, который оказался очень удачным. Григорий Михайлович Шегаль был всегда бодр, сосредоточен, обладал большим педагогическим даром, был честным и принципиальным художником. На первых порах он ставил нам натюрморты. Иногда мы занимались набросками с живой модели, позировали сами студийцы, а Григорий Михайлович объяснял предлагаемую задачу. Он учил глядеть цельно, писать по возможности цветно и терпеть не мог безвкусицы и пестроты. Любимым его выражением было: «Хорошо, попал... попал...» или «Не попал». Это значило, что студиец что-то не так сделал. Он умел вовремя похвалить, а когда хвалил или, наоборот, «разносил» за что-нибудь, то обращался не только к провинившемуся, а ко всем нам. Дескать, мотайте себе на ус... Некоторым из нас он рекомендовал подождать с живописью, а пока заняться рисованием. Советы нашего руководителя были очень полезны, и мы, студийцы, с радостью вскоре убедились, что благодаря занятиям с Шегалем стали уверенно подвигаться в живописи и рисунке.

Я лично многим обязан Григорию Михайловичу. В течение ряда лет нашего с ним общения он был для меня наглядным примером трудолюбия

и любви к живописи. В 1921 году я получил от Тульского отделения Союза металлистов командировку в Москву для продолжения образования. Захватив с собой папку с рисунками и акварелями, я отправился в столицу поступать на живописный факультет ВХУТЕМАСа... Я попал сразу же на второй курс — в мастерскую А.А. Осьмеркина, на дисциплину, звучавшую очень серьезно: «Выявление формы в пространстве». Как и мой первый учитель Григорий Михайлович Шегаль, Александр Александрович Осьмеркин был великолепным педагогом, чудесным человеком, ставшим впоследствии моим другом... Помню, как он водил меня в музей и как хорошо умел разъяснить все тонкости живописи... Третьим моим учителем был А.В. Шевченко, в мастерской которого я провел четыре года. У него я сформировался как художник и получил, как говорится, последнюю "шлифовку"» [1, с. 5–7].

Во ВХУТЕМАСе, самом престижном в то время художественном учебном заведении, встретил Порфирий Никитич своих единомышленников — Михаила Васильевича Куприянова и Николая Александровича Соколова. Вместе, втроем, создали эти художники уникальное содружество под именем «Кукрыниксы», о котором А.М. Горький написал: «...не знаю, существовала ли — и не думаю, что в области карикатуры могла существовать — такая "единосущная, нераздельная троица"». Долгую совместную творческую жизнь прожили Кукрыниксы, получив мировую славу и признание как мастера политической сатиры, карикатуры, плаката, иллюстрации, работая для «Окон ТАСС», журналов Крокодил», «Прожектор», газет «Правда» и «Красная звезда», призывавших к беспощадной борьбе с фашизмом.

Особую известность получил плакат Кукрыниксов «Беспощадно разгромим и уничтожим врага!». Не случайно Гитлер не мог выносить даже имени Кукрыниксов, собираясь повесить всех троих художников на Красной площади столицы. Военная тема была главной в творчестве художников. Являясь корреспондентами газеты «Правда», Кукрыниксы получали командировки на многие фронты для зарисовок и публикаций в газетах о страшных бесчинствах фашизма.

Сохранились их совместные и личные дневники, фронтовые записки Порфирия Никитича Крылова, свидетельствующие о тех душевных переживаниях от увиденного в военные годы.

«...В начале войны с гитлеровской Германией один из наших летчиков, Александр Молодчий, совершил подвиг — прорвавшись, первым сбросил бомбы на Берлин. За это ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Мы предложили написать с него портрет. Летчик согласился.

И вот, отложив на время перо сатириков, взялись мы за кисти портретистов. Побывали на аэродроме. Молодчий приехал к нам в мастерскую. Написали его портрет в боевой форме на фоне аэродрома с самолетом-бомбардировщиком. Работали с интересом, и, когда портрет уже был завершен и одобрен самим Молодчим, он вдруг предложил покатать нас троих на своей боевой машине. Мы, конечно, сразу согласились...

...Весной 1942 года было опубликовано постановление о присуждении Государственных премий в области искусства. Нашему коллективу «Кукрыниксы» была присуждена премия первой степени за политические плакаты и карикатуры на антифашистские темы. Объединившись с поэтами Н. Тихоновым, С. Маршаком, С. Михалковым и В. Гусевым, тоже получившими Государственные премии, мы передали деньги на постройку тяжелого танка «КВ» и назвали его «Беспощадный». На башне этого танка нами была изображена карикатура на Гитлера, разлетающегося на куски от выстрела советского танка, и под карикатурой поэты С. Маршак и С. Михалков написали стихи. В мае сорок второго года танк был передан Советской Армии. Экипаж его героически воевал. Началась переписка с танкистами. В тяжелых боях погибли командир «Беспощадного» Паша Хорошилов и танкист Алеша Фатеев. Смерть их мы переживали как гибель наших родных братьев.

Однажды, после тяжелых боев, танк прибыл на ремонт под Москву. На его стальной броне оказалось более сорока вмятин. В ней застряли вражеские снаряды. И поэты, и мы помогли его ремонту. В течение всей войны танк «Беспощадный» был для нас каким-то живым, очень близким существом, и это заставляло волноваться и заботиться о нем. И в то же время его боевые действия мы считали своего рода возмездием фашистским извергам, чьей жертвой стала юная Зоя Космодемьянская» [1, с. 8].

...1943–1944 годы. Дневниковые фронтовые записки о поездках по разрушенным фашистами городам потрясают. Орел, Киев, Сталинград, Новгород. Следы пребывания фашистов и разрушения видны повсюду... Новгород почти уничтожен, разрушены или разорены все его соборы. Погибли замечательные фрески. Страшные разрушения от Новгорода до Ленинграда. Бывшие города представляют собой сплошную кашу изуродованной жизни. И повсюду свежие могилы.

...Ноябрь — декабрь 1943 г. На окраине Тулы, недалеко от Косой Горы, — следы боев, здания разрушены со следами бомбежек. Желтая солома на крышах — как молодая кожа на месте бывших ожогов. По обочинам дороги стоят вехи — соломенные метелки, своеобразные сухопутные бакены, сопровождающие машины до самой линии фронта. На столбах — щиты с призывом: «Хочешь жить — убей фашиста!»

На полях остатки проволочных заграждений, темнеют зигзагообразные линии окопов и траншей. Вот минные поля, из-под снега, под бурьяном — мины... Дальше — Мценск, Орел, Курск с линиями немецкой обороны, изувеченными зданиями с плакатами Кукрыниксов «Под Орлом аукнулось — в Риме откликнулось.

(И все это художники пытались передать в многочисленных этюдах, выполненных каждым из авторов. В Тульском музее изобразительных искусств хранятся очень точные, выразительные этюды П. Н. Крылова с разрушенными домами, памятниками.)

...Самым сложным и необходимым была встреча с Г.К. Жуковым в Берлине в 1945 году. Пресс-конференция собралась в загородном доме Жукова, на берегу большого озера, в Вандешлоссе. Корреспонденты задавали маршалу вопросы, связанные с окончанием войны, интересовались биографией Жукова.

Мы сидели с разных сторон и внимательно всматривались в Георгия Константиновича. По окончании конференции нас познакомили. Мы рассказали ему о задуманных картинах, о желании написать его портрет...

Маршал отнесся к этому положительно и адресовал нас к одному из своих помощников, чтобы договориться о времени. И вот мы в назначенное время пришли с этюдниками, папками.

— Так это вы и есть Кукрыниксы!

Мы попросили маршала не смотреть на нас как на «военных», ибо мы глубоко штатские люди, но Жуков нашел, что у нас «вполне военный вид». Жуков сразу же заставил нас забыть всякую напряженность. Он спросил, можно ли ему работать и надевать очки, но в этом мы ему отказали.

Когда начался сеанс, Жуков сидел хорошо, с нужным нам поворотом и выражением лица. В позе не было неподвижной застылости. Временами мы разговаривали, делали зарисовки, писали портрет в цвете.

По окончании работы Георгий Константинович посмотрел рисунки и этюд, поставив на них красным карандашом свой автограф и число. Позже, в Москве, когда картина уже была почти закончена, Г. К. Жуков приехал к нам в мастерскую.

Почти год прошел с того дня, когда мы видели его под Берлином. Мы с особым вниманием всматривались в лицо нашего гостя, рассчитывая свежим глазом увидеть отклонения и, если они обнаружатся, исправить по натуре ошибки в картине. Но, к счастью, мы их почти не нашли. Работа с натуры, хоть крохотный час, — все же великое дело...

...Германия. Берлин. 22 мая 1945 г. Народа в Берлин прибывает все больше и больше. На велосипедах, с тележками идут по улицам возвращенцы. Многие улицы уже расчищены, многие убраны. На одной из главных магистралей Берлина до сих пор горит метро. Дым идет из-под земли, дорога вся дымится на довольно большом участке.

Никогда не видел я таких разрушений, как в Берлине. Это какой-то ад в изображении Доре. Особенно это жутко, когда на фоне этих гигантских разрушений движется очень много прилично одетого народа. Аллея побед, Тиргартен, Рейхстаг — вот что следует изображать.

...Магдебург на Эльбе. 27 мая 1945 года. Репатриация. Французы. Тележки — велосипеды — узлы — чемоданы. Церемония у переправы. Француз и англичанин переводчик. Группы по 100–300 человек. Встреча русских. Мужчины — женщины. Крики радости (приветствия)» [2].

Участие на Нюрнбергском процессе явилось для Кукрыниксов событием огромного значения. Получив командировочные удостоверения и три комплекта военной формы полковников, Кукрыниксы, вместе с известны-

ми художниками, журналистами и писателями, присутствовали на «Суде народов». В течение месяца художники рисовали шаржи и карикатуры на Геринга, Гесса, Риббентропа. Так родилась знаменитая серия зарисовок военных преступников «Из зала суда». Часть зарисовок вместе с подлинной командировкой на Нюрнбергский процесс П. Н. Крылова хранится в тульской музейной коллекции и часто экспонируется.

Большой интерес представляют воспоминания Кукрыниксов о Нюрнбергском процессе.

«...Нюрнберг, 1945 год. Обрушившиеся серые здания и груды кирпича мелькают в окнах машины на протяжении всего нашего пути по городу до здания Дворца юстиции. Наконец приехали. Шагаем по нескончаемым коридорам этого здания. Группа американских часовых проверяет пропуска и разрешает нам войти в зал суда. Сейчас мы увидим фашистских извергов, проверим на натуре точность наших представлений.

Нам придется изображать этих бывших «сверхчеловеков» на последнем этапе их существования. Какие же они на самом деле?Мы занялись рассматриванием пока еще пустого небольшого здания суда. Внезапно дверь в боковой стене отодвинулась и появились очень знакомые нам фигуры: Геринг, Гесс, Риббентроп, Розенберг, фон Паппен, Кальтенбруннер.

Естественно, что за месяц нашей работы в зале суда они уже достаточно хорошо знали каждого из нас в лицо. И мы нередко замечали их попытки скрыть себя от наших глаз. То Геринг закрывал лицо рукой или просил американца-часового загородить его. Или Гесс обращался к Герингу с той же просьбой. Но разве загородишься на несколько часов подряд?Они были обречены «позировать» нам — хочешь не хочешь.

Однажды «Правда» напечатала нашу карикатуру о защитниках подсудимых. Мы изобразили два ряда защиты в виде «переднего края», а сзади — тех, кого они защищают. Перья и самописки адвокатов были нарисованы в виде оружия, нацеленного в сторону судейского стола. «Последняя линия обороны» называлась эта карикатура, ставшая популярной.

Суд между тем продолжался. Обвинители зачитывали свои документы, защитники рвались к трибуне с ворохом бумаг. Особое внимание всегда вызывало выступление советского обвинителя. В этот момент даже Гесс бросал чтение детективных романов и, надев наушники, вытягивал шею. И все остальные подсудимые тоже начинали внимательно слушать Романа Андреевича Руденко.

Присутствуя на Нюрнбергском процессе и делая зарисовки с подсудимых, мы поставили перед собой задачу: избегать сочинительства. Зарисовки эти были, конечно, шаржированными, но они не трактовались как схемы того или иного персонажа, не выходили за рамки портретного образа. Мы стремились, чтобы характерность каждого «портрета» была выражена предельно, будь то жестокость, хитрость, тупость, игра в безразличие...» [1, с. 10–11]

* * *

Г. Геринг

Р. Гесс

Розенберг

С первых дней содружества каждый из нас увидел пользу и интерес в коллективе. Если кто-либо из нас тяготился бы совместной работой, наш коллектив перестал бы существовать. Как мы работаем?

Прежде всего мы верим другдругу. Ведь неудача общей работы — вина каждого из нас и, наоборот, удача — большая личная радость. Каждому из нас хочется видеть коллективную работу обогащенной выдумкой и качеством исполнения, и для этого мы вносим в нее лучшее, что имеем, не жалея и ничего не приберегая для себя лично. Здесь нет места для болезненного самолюбия по принципу: «Мое лучше».

Спорим ли мы? Случается. Но это бывают лишь творческие споры, не нарушающие единодушия в работе. Любой такой спор решается с карандашом в руке. Допустим, мы обсуждаем решение очередной темы и одному из нас кажется, что его предложение лучше. Тогда ему говорят: возьми и нарисуй, как ты это себе представляешь. Когда рисунок готов, все вместе его обсуждаем и можем сказать: ты прав, надо так делать. Или наоборот: нет, это не убедительно потому-то и потому-то. Обиды здесь не может быть, нужно верить коллективу. Приходится призадуматься: а может, я действительно не прав?

За долгие годы содружества каждый из нас привык верить товарищам, как самому себе. Мы друг у друга учимся, друг другу помогаем. Это еще больше нас объединяет.

Как мы работаем над карикатурой?

Приходя ежедневно утром в мастерскую, мы все трое уже из дома приносим туда свои размышления, а иногда и решения предстоящей творческой задачи. Обсуждая, мы выбираем наиболее интересные предложения, иногда совмещаем их, используя отдельные детали разных вариантов. Черновые эскизы делает каждый. Рассматриваем черновые рисунки трех, выбираем наилучшее решение, кладем его в основу. В процессе окончательного исполнения рисунок может переходить из рук в руки, пока не станет удовлетворять всех.

Работа над картиной проходит так же. Эскизы делает каждый. Картину мы пишем сразу втроем,

переходя от одного места к другому, меняясь местами. Часто позируем друг другу.

У нас в коллективе нет разделения труда. Нет того, что один из нас рисует только головы, другой мастер по туловищам, а третий приделывает руки и ноги. Каждый из нас должен уметь все. Профессиональный рост каждого необходим всему коллективу.

И совсем не обязательно, чтобы в совместную работу каждый из трех вносил ровно треть общего труда. Иногда один даст очень много, а другому в тот раз ничего не придет интересного в голову, зато в следующий раз все будет наоборот. Случается, что и все трое работают с одинаковым успехом.

Нас спрашивают, как мы писали свои большие картины — «Конец», «Бегство фашистов из Новгорода», «Зоя». Были ли мы в тех местах, которые изображали?

Да, мы побывали в убежище у Гитлера в Берлине через десять дней после конца войны. В Новгород ездили на машине вскоре после прорыва ленинградской блокады, еще до того, как пошел первый поезд в Ленинград. Выезжали и в село Петрищево — место казни Зои Космодемьянской. Всюду мы делали зарисовки и писали этюды с натуры, собирали документальный материал.

...Нас иногда спрашивают, какой жанр, какой вид работы нам больше всего по душе. Трудно сказать. Мы любим ту работу, которая увлекла в данный момент, — карикатура ли это или плакат, картина или иллюстрация.

Конечно, большое место в нашей жизни занимает тот вид работы, с которого мы начинали, — газетная карикатура.

Специфика газетной работы требует от художника быстрого и оперативного отклика на важнейшие события дня. У него мало времени на разработку темы и создание рисунка. Но оперативность этой работы не дает художнику права на скидку — он должен с предельным лаконизмом, изобретательностью и сатирической остротой раскрыть в своем рисунке существо того или иного события.

Вот этот принцип — работать без скидки — для нас очень важен, и не только в газетном рисунке.

Риббентроп

Фон Папен

Фон Шпеер

Именно поэтому некоторые из наших картин имеют две даты: созданные когда-то, они не удовлетворили нас и заставили снова вернуться к ним, чтобы полнее, точнее передать наш замысел.

Много наших работ сделаны не так или не совсем так, как хотелось бы. Но никогда недостатки наших работ не объясняются малым количеством вложенного в них труда. И очень больно, досадно бывает порой, когда услышишь от какого-нибудь молодого творческого работника такую нелепую и вредную мыслишку, что, дескать, все решают талант и вдохновение. Нет, нет и еще раз нет. Не может быть ни таланта, ни вдохновения без кропотливого труда. А история живописи очень ясно, как, быть может, никакая другая история, свидетельствует о том, что самые яркие дарования, если их развитие не подкрепляется упорнейшей работой над собой, над каждым произведением, — безвозвратно гибнут.

На протяжении долгой совместной работы у нас выработалась своя внутренняя конституция. Мы так привыкли работать втроем, что, если случается одному из нас заболеть, — двум другим легче работать, находясь в одной комнате с больным. Сам он может и не работать, но его присутствие, его слово помогают работе. Или такой пример: допустим, у кого-либо из нас приобретают работу, сделанную персонально, подписанную своей фамилией, — все равно гонорар, полученный за нее, делится на три части, как и за общую, кукрыниксовскую. Мы к этому привыкли, нас это устраивает.

Коллективная работа очень укрепила нашу дружбу. Каждый из нас троих заботится о личном своем росте, но то, что создано коллективно, не смог бы осилить любой из нас в отдельности.

В нашем коллективе, кроме Куприянова, Крылова и Соколова, есть еще четвертый художник, о котором мы больше всего заботимся, это — Кукрыниксы. Мы знаем, что он необходим нам так же, как и мы ему. В этом наше счастье...

Наша дружба не раз проверялась жизнью. Все трое мы оставались ей верны. Мы благодарны друг другу за то, что не потеряли интереса к совместной работе.

Это, конечно, не означает, что наша работа всегда шла гладко так, как нам хотелось. Нет, нас постигали и неудачи, подчас значительные. Как и у большинства художников, бывало и чувство досады за допущенные промахи в той или иной работе» [2].

* * *

Кукрыниксы — прекрасные иллюстраторы классиков русской и советской литературы. М. Горький, заметив их талантливые шаржи на писателей в «Литературной газете», заказал им иллюстрации к роману «Клим Самгин». Среди проиллюстрированных ими книг «Дама с собачкой» А. П. Чехова, «12 стульев» И. Ильфа и Е. Петрова, «Судьба человека» М. Шолохова. За выдающиеся успехи Кукрыниксы удостоены высоких наград нашей Родины. В многообразном искусстве Ку-

крыниксов большое место занимает их индивидуальное творчество. Каждый художник развивался по мере роста коллективного искусства, взаимно обогащая друг друга. Напряженная совместная работа способствовала более полному раскрытию индивидуальности каждого автора, выступившего со своими темами, художественными приемами. Своеобразен метод живописного восприятия у Порфирия Никитича. Работая непосредственно с натуры, он умел увидеть, почувствовать остроту мотива, волнующую, впечатляющую. С первых шагов творчества у Крылова появился редкий дар наблюдательности, умение восхищаться «цветом» природных форм и свои открытия поднять на уровень поэтического звучания. Со временем, сформировавшись в живописца с изящной творческой манерой, Порфирий Никитич наполнил свое искусство глубиной мысли, большей образностью восприятия. Своим успехом в творчестве он обязан неустанной работе над собой, неуспокоенностью достигнутым. Где бы ни находился художник, он всегда имел с собой бумагу, карандаш, кисти, краски. Трудиться по-настоящему научил родной город, считал Порфирий Никитич.

На каждом этапе жизненного пути его искусство наполнялось новым смыслом. С одинаковым увлечением работал Порфирий Никитич в технике живописи, акварели и рисунка. Легкость, прозрачность акварели помогали ему достичь в живописи той же легкости, воздушности, и, наоборот, техника масляной живописи способствовала достижению в акварели объемной формы. Разнообразны жанры, сюжеты произведений П. Н. Крылова. В них непосредственное ощущение духа того или иного времени, тех событий, которые вдохновляли художника. Если обратиться к работам 30-х годов — периода индустриализации страны, то можно увидеть, какое место заняла в творчестве Крылова эта тема и какими средствами была она воплощена. На основе творческих поездок по стране — от Донбасса до Магнитогорска в специальном вагоне от газеты «Правда», — на основе увиденного создана большая серия акварельных и живописных работ. Репортажные мотивы обретают в них обобщенный характер.

Значительное место в творчестве Крылова занимает пейзажная живопись, натюрморт. И в портретном жанре Порфирий Никитич выступает художником-психологом, выявляя главное в характере, состоянии человека. В семейном портрете «Завтрак на террасе» (1934) Порфирий Никитич утверждает ощущение радости жизни, духовной близости людей. Впечатление единения подчеркнуто всем цветовым строем полотна, сочностью красок природы, щедростью утреннего стола.

Творческая манера Порфирия Никитича на каждом этапе менялась, совершенствовалась. Плотность живописной фактуры, пастозность письма, обобщенность ранних работ сменяются большой легкостью, подвижностью кисти, утончением красочного слоя. Его произведения наполняются воздухом, светом, появляется ощущение «дыхания живописной

поверхности». Эти новые художественные приемы использует художник в создании портретов, относящихся к концу 60-х— началу 70-х годов.

Эволюция художественных приемов ощущается и в других жанрах: пейзаже и натюрморте. К ним у художника особое отношение. Натюрморты Порфирия Никитича — выражение его глубокой любви к природе. Как разнообразны по характеру изображения его букеты, с нежными лепестками роз, незабудок, сирени! В каждом произведении — решение своеобразных живописных задач, стремление достичь осязаемой материальности каждой природной формы. Работа в натюрморте — это постоянная тренировка руки, глаза, души художника, понимание всего цветового богатства окружающего мира.

Все это помогало ему глубже погружаться в тайны природы, создавать впечатляющие образы в пейзажной живописи. Не случайно пейзаж — это особый мир его творческих увлечений. Необычайно обширна «территория» его художественных исследований жизни природы. Порфирий Никитич много путешествовал по нашей стране и за рубежом. Его пейзажи различные по мироощущению, восприятию тихих красок России, солнечного сияния природы Крыма, Кавказа, таинственных очертаний архитектуры Средней Азии, а также неповторимой по характеру природы Италии, Франции, Болгарии. Написанные с натуры, пейзажи Крылова имеют вполне законченный характер, заключая в себе мир разнообразных ощущений и открытий. Прекрасное цветение родной земли утверждает художник.

И какое грустное впечатление производят его работы военного времени! Война заставила Порфирия Никитича острее почувствовать красоту русской земли и воспеть ее в своих произведениях. Пейзажи Крылова объединены в серии, в которых он ставил разные живописные задачи и глубже постигал природу. Для каждого пейзажа он выбирал определенное время дня, освещение, что позволяло ему найти необходимую цветовую гамму для передачи данного момента. Она либо мягкая, светящаяся, либо контрастная, напряженная. Столь же сложно отношение художника к самой живописной поверхности работ. Он пишет порой плотно, корпусно, порой — прозрачно, легко. Многочисленные пейзажи Крылова выполнены в разных местах. Но самым дорогим местом на Земле был для него родной Тульский край. Ясная Поляна, Поленово, Тула дарили художнику особое вдохновение, о чем свидетельствуют тонкие поэтические образы природы. В Туле писал он любимые уголки и среди них изображение родного дома улице Замочной. Образ тихого, родного очага наполнен проникновенными чувствами. Как прекрасно, что на Земле есть дорогое сердцу место — Родина! Именно здесь в полной мере искусство Порфирия Никитича Крылова находит широкое признание, глубокое, искреннее понимание [3; 4].

В знак глубочайшей признательности туляков выдающемуся художнику в 1997 году в Туле был открыт Музей П.Н. Крылова (ул. Кутузова, 10) — филиал Тульского музея изобразительных искусств, где хранится его

большое творческое наследие, насчитывающее около полутора тысяч произведений живописи, графики, переданное в дар Туле как самим Порфирием Никитичем, так и его сыновьями Андреем, Анатолием и внуком Дмитрием.

В этом году 22 августа исполняется 115 лет со дня рождения Порфирия Никитича Крылова и 20 лет музею. В честь этих дат мы планируем провести празднование, научно-практическую конференцию по изучению большого творческого наследия выдающегося художника XX столетия.

Литература

1. Порфирий Никитич Крылов. – Тула: Гриф и К, 2002.
2. Архив П.Н. Крылова, хранящийся у сына А.П. Крылова.
3. Кукрыниксы. Втроем. – М.: Советский художник, 1975.
4. Кукрыниксы. В 4-х томах. Том IV. – М.: Изобразительное искусство, 1989.

СОЗДАНИЕ РАКЕТНО-ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ В ЭКСПОЗИЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО МУЗЕЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РФ

***Сабуров Леонид Давыдович**, 65 лет,*
главный научный сотрудник Центрального музея Вооруженных Сил РФ,доктор исторических наук,
почетный кинематографист РФ,
Россия, г. Москва

В архиве Президента Российской Федерации находятся черновики писем Г.Н. Флерова к И.В. Курчатову, С.Ф. Кафтанову, И.В. Сталину и его секретарю, относящиеся к 1941–1942 гг., о важности работ «над ураном»[1, с. 13]. Еще ранее об этом говорили В.И. Вернадский и А.Ф. Иоффе. В 1940 г. Я.Б. Зельдович и Ю.Б. Харитон опубликовали статью «Кинетика цепного распада урана», где обосновали условия, необходимые для осуществления ядерного взрыва. Спустя полтора месяца после старта Манхэттенского проекта США, 28 сентября 1942 г. И.В. Сталиным было утверждено Постановление Государственного комитета обороны «Об организации работ по урану». С.В. Кафтанов, возглавлявший Комитет по делам высшей школы при Совнаркоме СССР, вспоминал: «Осень сорок второго. Немцы дошли до Волги, до Кавказа. Идет напряженная работа по самым актуальным для того времени темам: танковая броня,

взрывчатые вещества, горючее для танков и авиации... И люди, и сырье, и материалы — все мобилизовано до предела. И тут поступает предложение развернуть работу в совсем другой, новой, почти фантастической области» [2, с. 18]. В сентябре 1941 г. в СССР начала поступать разведывательная информация о проведении в Великобритании совместно с США интенсивных научно-исследовательских работ по созданию атомных бомб. Разведывательная информация поступала по каналам Главного разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии. Однако официальное письмо Л. П. Берии на имя И. В. Сталина по этим данным с предложением по организации подобных работ в СССР было направлено только в 1942 г. [3, с. 102] после принятия решения ГКО о возобновлении работ по урану. Письмо Г. Н Флерова С. В. Кафтанову завершалось пророчески: «История делается сейчас на полях сражений, но не нужно забывать, что наука, толкающая технику, вооружается в научно-исследовательских лабораториях. Нужно всегда помнить, что государство, первое осуществившее ядерную бомбу, сможет диктовать миру свои условия...» [4, с. 21] 11 февраля 1943 г. по решению ГКО руководством Академии наук СССР была создана Лаборатория № 2 во главе с И. В. Курчатовым.

Игорь Васильевич Курчатов (1903–1960 гг.), научный руководитель советского ядерного проекта. С 1943 г. — возглавлял Лабораторию № 2 Академии наук СССР, с 1956 г. Институт атомной энергии. С 1949 г. по 1960 г. — председатель Научно-технического совета при Совете Министров СССР. Под его научным руководством осуществлена разработка советского атомного и термоядерного оружия. Трижды Герой Социалистического труда (1949 г., 1951 г., 1954 г.). Лауреат четырех Сталинских премий и Ленинской премий (знак № 1). Академик Академии наук СССР (1943 г.).

В экспозиции музея представлены личные вещи ученого, которые переданы из дома-музея академика в Институте атомной энергии Курчатова в 2006 г. Шляпа фирмы «Gonar» (ЧССР), светильник-ночник сова из уральского камня и пепельница с фигуркой птицы, фигурка «Бравый солдат Швейк» находились в его кабинете. Баночка из-под плавленого сыра, керамическая, с рабочего стола Курчатова использовалась для хранения карандашей.

Курчатов И. В.

Ученый прекрасно понимал, что осуществление проекта невозможно без организации серьезных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по всем аспектам проекта. Поэтому Постановление ГКО от 8 апреля 1944 г. наряду с определением задач для Лаборатории № 2 обязывало Народный комиссариат химической промышленности (М. Г. Первухин) спроектировать цех по производству тяжелой воды и завод по производству шестифтористого урана. Народный комиссариат цветной металлургии

(П. Ф. Ломако) должен был получить 500 кг металлического урана, построить завод к 1 января 1945 г. и поставить Лаборатории № 2 десятки тонн высококачественных графитных блоков. Лаборатория осуществляла свою деятельность в кооперации с некоторыми институтами и группой оборонных заводов в Москве. Однако работы по атомному проекту велись недостаточно интенсивно, и 3 декабря 1944 г. Сталин утвердил постановление ГКО, явившееся важной вехой в осуществлении советского атомного проекта. Заключительный пункт этого документа гласил: «Возложить на т. Берия Л. П. наблюдение за развитием работ по урану».

В соответствии с Постановлением ГКО от 15 мая 1945 г. Ю. Б. Харитон был назначен научным руководителем работ по атомной бомбе.

Юлий Борисович Харитон (1904–1996 гг.), научный руководитель и главный конструктор советского ядерного центра Арзамас-16 (г. Саров) в 1946–1993 гг. Под его руководством в центре разработаны все советские атомные и водородные заряды. Трижды Герой Социалистического труда (1949 г., 1951 г., 1954 г.). Лауреат трех Сталинских и Ленинской премий (знак № 2).

В зале музея экспонируются его фотографии, личные вещи, документы и подарки: депутатский билет, портрет на металле, логарифмическая линейка, часы наручные, ключи от коттеджа и сейфа.

6 августа 1945 г. военно-воздушными силами США была сброшена атомная бомба на японский город Хиросиму, а 9 августа — на Нагасаки. Применение атомного оружия коренным образом изменило политическую и военную обстановку в мире. События августа 1945 г. подтолкнули И. В. Сталина к подписанию 29 августа Постановления ГКО, согласно которому атомному проекту СССР был придан статус высшего государственного приоритета. С этого момента направление материальных и людских ресурсов на создание атомного оружия в СССР приобретает масштабы, многократно превосходящие все затраты по этой тематике.

Через 14 дней после атомной бомбардировки Хиросимы Постановлением Государственного комитета обороны № 9887сс/оп от 20 августа 1945 г. был создан орган управления атомным проектом — Специальный комитет № 2 при ГКО под председательством Л. П. Берия (с 1941 по 1953 гг. являлся заместителем Председателя Правительства СССР). Специальный комитет № 2 был наделен чрезвычайными полномочиями по привлечению любых ресурсов, имеющихся в распоряжении правительства СССР, к работам по обеспечению создания в СССР атомной промышленности, разработке ядерного и термоядерного оружия.

Харитон Ю.Б.

Ванников Б. Л.

Для непосредственного руководства научно-исследовательскими, проектными, конструкторскими организациями и промышленными предприятиями, занятыми в атомном проекте, был создан рабочий орган Специального комитета № 2 — Первое главное управление (ПГУ) при Совете Народных комиссаров СССР во главе с Б. Л. Ванниковым.

Генерал-полковник инженерно-технической службы **Борис Львович Ванников** (1897–1962 гг.), начальник Первого Главного управления при Совете Министров СССР (1945–1953 гг.). В 1953–1958 гг. — первый заместитель министра среднего машиностроения. Трижды Герой Социалистического труда (1942 г., 1949 г., 1954 г.). Дважды лауреат Государственных премий СССР (1951 г., 1953 г.).

В экспозиции находятся портрет по металлу, зажигалка, принадлежащие Б. Л. Ванникову.

Еще в 1943 г. по решению Государственного Комитета Обороны создана лаборатория № 2 Академии наук СССР под руководством И. В. Курчатова. Это был первый и основной центр по разработке ядерного оружия. Лаборатория № 2 работала в кооперации с группой оборонных заводов в Москве. Создавалась модель бомбы. Но уже вскоре началась работа с изделием проектных размеров. И сразу потребовалось проведение мощных испытательных взрывов обычной взрывчатки. Возникла проблема создания конструкторского бюро, расположенного в таком месте, которое было бы достаточно удалено от крупных населенных пунктов, но одновременно находилось бы близко от Москвы.

Окончательное решение о строительстве специального конструкторского бюро на базе завода № 550 в поселке Сарова Темниковского района Мордовской АССР принимала комиссия в составе Б. Л. Ванникова, И. В. Курчатова, А. П. Завенягина. П. М. Зернова и Ю. Б. Харитона 13 апреля 1946 г. Номерной знак этого КБ был 11, а называлось оно по-разному в разные времена — «База 112 Главстроя СССР», «Приволжская контора Главстроя СССР», просто номерные «почтовые ящики». Сейчас это Российский федеральный ядерный центр, Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики в городе Сарове. Первым директором института был назначен заместитель наркома танковой промышленности Павел Михайлович Зернов, а первым научным руководителем и главным конструктором — Юлий Борисович Харитон.

Для реализации решения о создании КБ был подготовлен проект постановления Совета Министров СССР, который предписывал возложить

проведение всех строительных работ на Главпромстрой МВД СССР. Это была головная строительная организация Лаврентия Павловича Берии. В составе Главпромстроя создается специальная строительная организация — Стройуправление № 880 МВД СССР.

Берия Л. П.

21 июня 1946 г. Совет Министров СССР принял постановление о строительстве научно-технической базы КБ-11 для реализации атомного проекта. Постановлением были определены очень жесткие сроки: первая очередь объекта должна была войти в строй 1 октября 1946 г., вторая — 1 мая 1947 г.

Научный руководитель ВНИИЭФ академик Ю. Б. Харитон, вспоминая о послевоенных годах, писал: «Я поражаюсь и преклоняюсь перед тем, что было сделано нашими людьми в 1946–1949 годах. Было нелегко и позже. Но этот период по напряжению, героизму, творческому взлету и самоотдаче не поддается описанию... Через четыре года после окончания смертельной схватки над фашизмом моя страна ликвидировала монополию США на обладание атомной бомбой. Через 8 лет после войны первой в мире создала и испытала водородную бомбу...»

В 1947 г. Советское правительство заявило, что секрета атомной бомбы больше не существует, а в августе 1949 г. было проведено первое испытание ядерной бомбы

Документы, фотографии личные вещи ученых Е. П. Славского, К. И. Щелкина, Н. Л. Духова также знакомят нас с историей создания ядерного оружия в СССР.

Ефим Павлович Славский (1898–1991 гг.), первый заместитель начальника Первого главного управления при СНК СССР (1946–1953 гг.), одновременно являлся директором плутониевого комбината № 817 «Маяк» (Челябинск-40). В 1953–1957 гг. первый заместитель министра, а в 1957–1986 гг. министр среднего машиностроения. Один из создателей ядерного щита в СССР, атомного флота и мирной энергетики. Трижды Герой Социалистического Труда (1949 г., 1954 г., 1962 г.). Лауреат двух Сталинских, Ленинской и Государственной премий.

Славский Е. П.

Интересными экспонатами являются: композиция от коллектива химического комбината города Челябинска, шкура волка, композиция в память к 70-летию участия в гражданской войне — подарки Е. П. Славского.

Щелкин К. И.

Кирилл Иванович Щелкин (1911–1968 гг.), с 1945 г. по 1955 г заместитель научного руководителя советского ядерного центра Арзамас-16. С 1955 г. по 1960 г. научный руководитель ядерного центра Челябинск-70. Выдающийся специалист в области физики горения и взрыва. Трижды Герой Социалистического Труда (1949 г., 1951 г., 1954 г.). Лауреат трех Сталинских и Ленинской премий.

Среди подлинных предметов К. И. Щелкина в экспозиции зала представлены бинокль, часы настольные, пишущая машинка.

Николай Леонидович Духов, генерал-полковник инженерно-технической службы. С 1946 по 1964 гг. заместитель научного руководителя советского ядерного центра Арзамас-16, затем директор филиала ядерного центра в Москве, впоследствии НИИ автоматики и контрольной аппаратуры. Руководил сборкой первой советской атомной бомбы. Трижды Герой Социалистического Труда (1945 г., 1949 г., 1954 г.). Лауреат пяти Сталинских и Ленинской премий.

Среди экспонатов зала можно отметить награды Н. Л. Духова.

Западные специалисты считали, что атомная бомба в СССР может быть создана не ранее чем в 1954–1955 гг., но произошло это 29 августа 1949 г. Информация, поступавшая по каналам разведки, облегчила и ускорила работу советских ученых.

В экспозиции представлена копия грамоты о присвоении в 1999 г. посмертно звания Героя Советского Союза полковнику в отставке Адамсу Артуру Александровичу за мужество и героизм, проявленные при выполнении специальных заданий.

Сотрудником ГРУ под псевдонимом «Ахилл», установившим контакт с американским физиком Мартином Кэмпом, являлся А. А. Адамс — бывший первый директор московского автозавода «АМО».

Из служебной характеристики Артура Адамса»: «...В общей сложности завербовал 16 агентов, при этом действовал инициативно, проявлял смелость и находчивость».

Духов Н. Л.

С помощью резидентуры «Ахилла» добыто 367 документальных материалов, большинство из которых были ценными и весьма ценными и полностью соответствовали разведывательным задачам [5, с. 242].

На отдельной витрине демонстрируется значительный вклад в развитие ядерного оружия, в частности создания мощной водородной бомбы учеными — академиками Сахаровым Андреем Дмитриевичем и Зельдовичем Яковом Борисовичем. Вместе с фотографиями расположены их вещи и документы.

Сахаров А. Д.

Андрей Дмитриевич Сахаров (1921–1989 гг.). Первая советская водородная бомба была создана в 1953 г. по предложенной А.Д Сахаровым схеме «слойка». Взорвана первая в мире водородная бомба — советская РДС-6 была 12 августа 1953 г. на полигоне в Семипалатинске. В ноябре 1955 г. испытана более совершенная водородная бомба, созданная на основе совместной схемы А. Д. Сахарова и Я. Б. Зельдовича. Впоследствии А. Д. Сахаров участвовал в разработке сверхмощной термоядерной бомбы (50/100 мегатонн), успешно испытанной в 1961 г. на полигоне «Новая земля». Активные выступления А. Д. Сахарова за прекращение испытаний ядерного оружия, призывы к сближению СССР с Западом привели к его отстранению от секретной работы. За активные протесты против ввода советских войск в Афганистан в 1980 г. академик А. Д. Сахаров был лишен всех государственных наград и отправлен в ссылку в Горький, а в декабре 1986 г. М. С. Горбачев предложил А. Д. Сахарову вернуться в Москву. В последние годы жизни А. Д. Сахаров стал духовным лидером борьбы за демократизацию советского общества.

Трижды Герой Социалистического Труда (1954 г., 1956 г., 1962 г.). Лауреат Сталинской и Ленинской премий, Нобелевской премии мира (1975 г.), академик АН СССР.

В экспозиции представлены Указы Президиума Верховного Совета СССР о лишении и последующем возращении государственных наград А. Д. Сахарову, соответствующее решение Политбюро ЦК КПСС по этому вопросу.

Представлены также личные его вещи: берет, очки, логарифмическая линейка, переданные женой Сахарова Елены Боннэр в 2006 г. и дочерью Л. А. Верной (Сахаровой).

Яков Борисович Зельдович (1914–1987 гг.), начальник расчетно-аналитического сектора и заместитель научного руководителя советского ядерного центра Арзамас-16 (1948–1964 гг.). Главный теоретик разработки советской водородной бомбы совместно с А. Д. Сахаровым. Выдающийся астрофизик, теоретик образования Галактики и Вселенной. Трижды Герой Социалистического труда (1949 г., 1953 г., 1956 г.). Лауреат четырех Сталинских и Ленинской премий (знак № 3). Академик АН СССР (1958 г.).

Зельдович Я. Б.

Среди экспонатов можно отметить личные вещи Я. Б. Зельдовича, которые поступили

от его дочери М. Я. Овчинниковой в 2006 г.: часы «Слава» — подарок Я. Б. Зельдовичу, книга «Ядерная Физика» Макса Борна [6, с. 7–9].

Из экспозиции мы узнаем историю испытаний ядерного оружия, которыми ведал специальный отдел Генерального штаба Вооруженных сил СССР, созданный 4 сентября 1947 г. Это было первое структурное подразделение в военном ведомстве, начавшее заниматься проблемами ядерного оружия.

29 августа 1949 г. испытана первая советская ядерная бомба (РДС-1).

4 сентября 1954 г. на территории Тоцкого полигона проведено корпусное опытно-показательное учение с применением ядерного оружия.

Усилиями советских ученых в кратчайшие сроки в нашей стране было создано подобное оружие и волею судьбы первое испытание этого нового, мощного оружия в войсковых условиях было поручено маршалу Г. К. Жукову.

В послевоенный период состоялось первое знакомство маршала с новым оружием фашистской Германии («Фау»). В качестве трофеев Советскому Союзу достались агрегаты и отдельные фрагменты немецкой ракеты «Фау-2» [7, с. 125–128]. На основании Постановления ГКО № 9475 от 8 июля 1945 г. была создана Комиссия по изучению германской техники под руководством генерал-лейтенанта Л. М. Гайдукова и была сформирована группа специалистов для изучения немецкой техники, которой было поручено «произвести сбор и вывоз в Советский Союз материалов, образцов и технической документации по немецким реактивным снарядам и реактивному вооружению»[8]. Со стороны главноначальствующего Советской военной администрации в Германии Г. К. Жукова оказывалась всемерная помощь и поддержка, и при его непосредственном участии был создан институт реактивной техники «Нордхаузен», в котором приступили к работам будущие главные конструкторы отечественной ракетной техники: С. П. Королев, В. П. Глушко, Н. А. Пилюгин, В. И. Кузнецов, В. П. Бармин, М. С. Рязанский и др.

29 апреля 1946 г. под руководством И. В. Сталина состоялось историческое совещание, где присутствовал Г. К. Жуков [9, с. 472], определившее первоочередные задачи по созданию ракетостроения как новой отрасли оборонной промышленности.

Послевоенный период ознаменовался бурным развитием ракетной и космической техники. Были созданы Научно-исследовательский институт реактивного вооружения (4-й ЦНИИ МО), государственный центральный полигон Капустин Яр; на базе отечественных образцов, а также немецких ракет «Фау» советские конструкторы разработали и испытали серию ракет аналогичного класса. Первая из них стартовала уже в октябре 1947 г. Но немного раньше, приказом Министра Вооруженных Сил СССР № 009 от 09.06.1946 г. Г. К. Жуков был назначен командующим Одесским военным округом.

Георгий Константинович понимал, что появление принципиально нового оружия повлечет за собой принципиальные изменения в теории и практике военного искусства. «Необычное оружие, — считал Г. К. Жуков, — требует необычных подходов не только к его применению, но и к уточнению многих, а может быть и всех наших теорий в тактике, оперативном искусстве и, наверное, в стратегии. ...Нам нужны новые подходы, в новых условиях, для решения новых задач [9, с. 34]. Но какие это будут уточнения?Как появление нового оружия скажется на природе боя? К какой войне нужно готовить войска? Эти и многие другие вопросы, возникшие с появлением ядерного оружия, требовали ответа.

Чтобы в какой-то мере найти ответы на эти вопросы в сентябре 1954 г. под руководством первого заместителя министра обороны СССР Г. К. Жукова было проведено первое в нашей стране войсковое учение с применением ядерного оружия. Оно прошло на Тоцком полигоне в Оренбургской области [10, с. 33–40]. Об этих учениях сейчас пишут много небылиц. Пишут о «многочисленных жертвах», обвиняя советское руководство и лично Г. К. Жукова, якобы бездумно бросивших войска в атомное пекло, в бесчеловечности. При этом умалчивая о том, что в Соединенных Штатах к тому времени был проведен уже целый ряд войсковых учений с применением ядерного оружия: три учения с применением семи ядерных боеприпасов были проведены в 1951 г.; в 1952 г. было проведено учение с участием 10600 человек, в 1953 г. — с привлечением 21000 военнослужащих. Кроме того, еще два учения с применением ядерного оружия были проведены американцами в 1955–1957 гг. При этом американское руководство не скрывало, что считает Советский Союз своим вероятным противником в будущей войне.

Уже в 1945 г., в июне, Комитет Начальников штабов США разработал план № 1 атомной войны против СССР под кодовым названием «Pincher» — нанесение 50 атомных ударов по 20 городам. В марте 1948 г. был подготовлен план № 2 «Broiler» — нанесение 34 ядерных ударов по 24 городам СССР, в декабре того же года план № 3 «Sizzle» — применение 133 ядерных авиабомб по 70 городам, в том числе 8 авиабомб по Москве и 7 авиабомб по Ленинграду, в январе 1949 г. план № 4 «Trojan» — применение 133 ядерных авиабомб по 70 городам СССР. Даже после первого испытания в СССР атомной бомбы США продолжали планирование ядерных ударов по городам СССР. В октябре 1949 г. был подготовлен план № 5 «Shakedown», предусматривавший применение 200 ядерных авиабомб по 104 городам СССР, за ним последовал план № 6 «Dropshot», в соответствии с которым планировалось применение уже 300 ядерных авиабомб по 200 городам СССР. И так далее. 18 августа 1948 г. Совет национальной безопасности США принял директиву 20/1 «Цели США в войне против России», рассчитанную на многие десятилетия.

В этих условиях советское военное руководство не могло оставаться безучастным. Тогда было принято решение о развертывании подготовки Вооруженных Сил страны к действиям в условиях реального применения вероятным противником ядерного оружия. Крайне необходимо было в интересах совершенствования противоатомной защиты войск, проверки расчетных нормативов по поражению атомным оружием техники и вооружения провести учение с максимальным приближением к боевой обстановке. Осуществление такого замысла было продиктовано также стремлением не отстать в подготовке Вооруженных Сил СССР от армии США.

В 1958 г. создано Главное управление специального вооружения, переименованное затем в Главное управление Министерства обороны СССР. На него возложены задачи хранения, эксплуатации и испытания ядерных боеприпасов.

На фотографиях представлены Герой Социалистического Труда, заместитель министра среднего машиностроения, начальник Главпромстроя НКВД генерал армии Комаровский А. Н., начальник 12-го Главного управления Министерства обороны СССР генерал-полковник Болятко В. А., Герой Социалистического Труда, начальник 12-го Главного управления Министерства обороны СССР маршал артиллерии Бойчук Е. В.

Здесь расположены документы — постановление Государственного Комитета Обороны СССР, схема государственной системы разработки ядерного оружия в СССР, таблица сравнительных ядерных арсеналов СССР и США.

Создание советского атомного оружия в чрезвычайно короткий по историческим меркам срок в труднейших условиях послевоенного времени явилось триумфом отечественной науки и техники, крупным успехом промышленности, результатом беспрецедентной концентрации интеллектуальных усилий, материальных и духовных ресурсов страны во имя решения задачи, жизненно необходимой для государства.

Это событие явилось переломным в мировой истории: монополия одной державы в обладании ядерным оружием была ликвидирована. С этого момента начинается процесс достижения стратегического равновесия между СССР и США.

Литература

1. Атомный проект СССР. Т. 2. Атомная бомба 1945–1954. — М.: Саров, 2006.
2. Там же.
3. Матюшкин В. Повседневная жизнь Азамаса-16. — М.: Молодая гвардия, 2007.
4. Атомный проект СССР. Т. 2. Атомная бомба 1945–1954. — М.: Саров, 2006.
5. Лота В.И. Ключи от ада. Атомная эпопея тайного противоборства разведок великих держав. – М.: Кучково поле, 2009.
6. Белов А.Ф. Послевоенная история Советских Вооруженных Сил. – М.: Граница, 2014.

7. Мигулин С. И. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков: у истоков прорыва в космос // Материалы международной научно-практической конференции «Жуковские чтения» 15–17 ноября 2016 г. – М.: Эрвест, 2016.
8. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 436. Л. 105.
9. На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник // Научный редактор А.А. Чернобаев. – М.: Новый хронограф, 2008.
10. Пстыго И.И. Г.К. Жуков после войны. – М.: Шаг, 1996.
11. Афанасьев. В.А. Жуков Г.К. и ракетно-ядерное оружие // Материалы международной научно-практической конференции «Жуковские чтения» 15–17 ноября 2016 г. – М.: Эрвест, 2016

СОЗДАТЕЛИ СОВЕТСКОГО АТОМНОГО ПРОЕКТА. ЮРИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ МИРОХИН (1919–1987)

***Савченко Оксана Валерьевна**, 48 лет,*
зав. кафедрой теологии СарФТИ НИЯУ МИФИ,
г. Саров Нижегородской области

Мирохин Ю.В.

Сегодня историография Сарова занимает достойное место в отечественной историко-краеведческой науке. Истории Саровского городища, Саровской пустыни и РФЯЦ-ВНИИЭФ (Российский федеральный ядерный центр — Всероссийский НИИ экспериментальной физики) посвящено много интересных и значительных публикаций. В последние годы появилось много биографических исследований, публикаций мемуарного характера, исследований, приуроченных к юбилейным датам различных учреждений города и подразделений института, которые постепенно раскрывают историю созданного на Саровской земле сверхсекретного Объекта и рассказывают нам о людях, создавших ядерный щит Родины.

Одним из создателей атомного проекта был и мой дедушка Юрий Валентинович Мирохин, приехавший на Объект в апреле 1948 и с 1959 г. по 1983 г. работавший в должности первого заместителя главного конструктора КБ-2.

Он был автором и соавтором более 200 уникальных разработок приборов и систем автоматики ядерных боеприпасов (ЯБП), специальных

радиотелеметрических систем, позволивших провести полномасштабную и всестороннюю отработку ЯБП трех поколений на экспериментально-испытательной базе ВНИИЭФ и внешних полигонах, принять их на вооружение Советской Армии. Он воспитал талантливых конструкторов, исследователей, испытателей — ярких представителей «школы Мирохина».

Конструкторские бюро и испытательные полигоны, заводские цеха и кабинеты министерств, проектные организации ракетчиков и серийные заводы, военные институты и управления Минобороны — всюду и со всеми он находил общий язык, будь то инженер или рабочий, солдат или генерал, академик или министр. И всегда успешно решал поставленные задачи. Он внес огромный вклад в создание ядерного щита нашего Отечества, о чем свидетельствуют заслуженные им высокие награды, почетные звания и благодарная память большого коллектива людей.

Его бывший коллега Дмитрий Григорьевич Приемский написал в своих воспоминаниях: «В фундаментальном труде «Создатели ядерного оружия» (ВНИИЭФ, 2004 г. Т. 1) из-за принятой системы классификации материалу о Ю. В. Мирохине отведено место на 300 и 301 страницах. Приди ему в голову мысль защитить докторскую диссертацию, что было бы сделать очень просто, то он, по моим расчетам, переместился бы на страницу 133. Между тем, если было бы возможно объективно оценить уровень вклада отдельной личности в создание нашего ядерного оружия, то Ю. В. Мирохину принадлежало бы место в первом, не таком уж большом списке фамилий» [1, с. 126–127].

Главный конструктор Научно-исследовательского института измерительных систем в 1966–1995 гг. (НИИИС им. Ю. Е. Седакова, Нижний Новгород) Н. З. Тремасов в своей книге «Назначение отменяется, позвоните по телефону...» писал: «Первое и главное качество Юрия Валентиновича — техническая эрудиция... все, что связано с созданием автоматики боеголовок ракет, прошло через его светлый ум, во всяком случае, все новые идеи, принципиальные разработки велись под его руководством» [2, с. 401–402].

Юрий Валентинович Мирохин родился 17 ноября 1919 г. в Пятигорске. Его отец погиб на Гражданской войне, мать, Альма Карловна Энгельгардт, вышла замуж за Ивана Семенович Боженко, и семья переехала в Ленинград. В школе Юрий Валентинович познакомился со своей будущей женой — Еленой Константиновной Тукмаковой. В 1938 г. он поступил в Ленинградский электротехнический институт. В июле 1941 г. ушел добровольцем на фронт и всю войну прошел на Ленинградском фронте: в пехоте, в радистах, в техобслуге на аэродроме, по «дороге жизни» сделал не один рейс — дважды после бомбежки машины под ним уходили под лед, но он успевал выскочить. В 1944 г. Юрий Валентинович вступил в КПСС. В феврале 1944 г. Юрий Валентинович

и Елена Константиновна поженились, в декабре 1944 г. у них родилась дочь Нина. В апреле 1951 г. родился сын Валентин.

После демобилизации Юрий Валентинович восстановился в институте, закончил его в 1948 г. по специальности «Телевидение» с квалификацией «инженер-физик». Учебу совмещал с практической работой в научно-исследовательском Институте телевидения. В апреле 1948 г. приехал на Объект. По воспоминаниям Ю. В. Мирохина, выбирал его в ЛЭТИ лично Юлий Борисович Харитон (руководитель Объекта). Первое место работы — лаборатория № 8 КБ-11 (металлургия урана и плутония) — с апреля 1948 г. по июль 1950 г. В 1950 г. был назначен старшим инженером отдела № 47. В 1952 — заместитель начальника отдела № 52 (преобразован из отдела № 47) сектора № 6, в 1955 г. — начальник отдела № 52. В 1958 г. — заместитель начальника сектора № 6 по радиотехническим вопросам. С 1959 г. по 1983 г. — первый заместитель главного конструктора КБ-2 и начальник сектора № 6 (с 1967 г.). В 1962 Ю. В. Мирохин защитил кандидатскую диссертацию (кандидат технических наук).

В 1953 г. — Сталинская премия, 1962 г. — Ленинская премия. За разработку и внедрение комплекса приборов неконтактного подрыва Ю. В. Мирохину в 1982 г. была присуждена Государственная премия. 1954 г. — Орден Трудового Красного Знамени, 1955 г. — Орден Ленина, 1976 г. — Орден Октябрьской Революции, медали и знаки за доблестный труд.

Выступая на первой конференции по истории разработки первых образцов атомного оружия, Самвел Григорьевич Кочарянц, главный конструктор КБ-2, сказал о Юрии Валентиновиче: «Ю. В. Мирохин — это высокоэрудированный руководитель, который при проектировании изделий быстро ориентировался во всех технических вопросах и находил нужные решения. За свою работоспособность, человечность в общении с сотрудниками он пользовался большим уважением в нашем коллективе. Был, пожалуй, одним из главных «пожарников», тушившим разногласия между разработчиком и опытным или серийным заводом, военной приемкой или какой-либо комиссией» [3, с. 393].

О характере Юрия Валентиновича, его стиле руководителя и подчиненного вспоминают его коллеги и друзья. В книге, посвященной Юрию Валентиновичу Мирохину, более 100 страниц воспоминаний его коллег, стихи, шаржи.

Николай Васильевич Бородин (с 1959 г. во ВНИИЭФ): «Он редко пользовался своими властными полномочиями. Его методом был метод убеждения. Обладая широтой интересов и глубиной знаний, огромным опытом, он с интересом слушал других, в мягкой форме выявлял логические нестыковки, подсказывал оптимальные решения. Любил изобретателей и помогал им довести дело до конца. Не любил халтуры и показухи. Когда ему приносили результаты измерений с точностью до третьего знака, он возвращал документ назад на доработку, зная, что точность измерительной аппаратуры на один-два порядка ниже. Говорить с ним было легко и интересно. Он понимал все с полуслова, запутанные вопро-

сы быстро распутывал, к решениям подходил с разных точек зрения, комплексно и с учетом перспективы. Говорил он очень убедительно, аргументированно. Иногда он убеждал человека в одном, а потом ловко переубеждал его в прямо противоположном. И при этом весело смеялся. Он обладал мастерством «тушить пожары» и умением их предвидеть. Такое сочетание способностей было очень важно в новом и сложном деле, что не раз выручало нас в острые моменты. К «пожарам» приводит, как правило, недостаточная проработка вопроса, недостаточно глубокое изучение какого-то нового явления. Поэтому он старался запланировать и провести исследования задолго до возникновения проблемы» [1, с. 70].

Анатолий Васильевич Веселовский (начальник научно-испытательного отдела, лауреат Государственной премии): «Стиль работы у Ю. В. Мирохина был весьма демократичным: в кабинете всегда было много народу, с одними он что-то обсуждал, другим давал ценные указания, третьих распекал за неудачу.

Иногда не стеснялся в выражениях, но все это беззлобно и за дело, поэтому никто на него никогда не обижался. Он был генератором идей, сам предлагал оригинальные технические решения, любил и оберегал людей такого же склада» [1, с. 74]. «Мне многократно приходилось бывать с Ю. В. Мирохиным в командировках на полигонах, в Москве, Днепропетровске, часто жил с ним на полигоне в одном гостиничном номере. Неуемная энергия Юрия Валентиновича буквально захлестывала его, чем бы он ни занимался. Он всегда был увлекающейся натурой: появились шариковые ручки — у него уже коллекция больше сотни экземпляров; купили портативный магнитофон — у него записей песен В. Высоцкого (который был в то время в большой опале) штук 400–500; играя неплохо в преферанс, научился у главного конструктора НИИ-504 М. М. Кушнира игре в покер, уже через неделю обучил всех нас и даже обыгрывал учителя; любил автомобиль и автопутешествия — с супругой Еленой Константиновной «заездили» две «Волги», объехав все города Прибалтийских республик, Калининградскую область, даже на пограничный остров Эстонии, Сааремаа, «пробились». Побывали в Западной Белоруссии, Западной Украине, Молдавии, Приднестровье, Крыму, на Кавказе. Купил любительскую кинокамеру, снял массу фильмов о своих автопутешествиях. У него в коттедже, в «кабинете», как он называл свою мастерскую, всегда стояли какие-то радиоконструкции. Он постоянно что-то паял, собирал, стараясь держать себя как радиста на современном уровне. Технической фантазии в постановке различных экспериментов ему было не занимать.

Ему было присуще очень бережное отношение к людям. Помню, на Байконуре перед 7 ноября все экспедиции собирались ехать домой на праздник. Звоню Ю. В. Мирохину по ВЧ-связи, докладываю о работе, решил на всякий случай поплакаться: все уезжают, а мы... В ответ: «Подожди, с Борисом Глебовичем поговорю!» Жду без надежды, вдруг: «Самолет бу-

дет, срочно узнай позывной полигонного аэродрома и частоту приводной радиостанции!» Шестого ноября мы все были дома, а 9 снова улетели.

К нему можно было обратиться запросто с любой просьбой: помочь ввезти родственника в зону, получить жилье, купить автомобиль, да мало ли еще всяких просьб. Он никому, как правило, не отказывал.

Любили его все за сердечную доброту и щедрость души. Друзья у него были во всех смежных “фирмах”» [1, с. 77–78].

Андрей Петрович Какичев (начальник научно-исследовательского отдела, лауреат Государственной премии): «Юрию Валентиновичу был присущ хороший житейский практицизм; он уважал человеческое достоинство и умел находить золотую середину в отношениях с сотрудниками: не захваливал за хорошие дела, но и не унижал за упущение. Вообще, отношения Юрия Валентиновича с окружающими людьми — отдельная, интересная тема. У него было глубокое понимание человеческой психологии и «философии». С любым человеком в любой ситуации он находил нужные слова, советы, выход из трудного положения. У Главного он был как громоотвод: все спорные и склочные вопросы по взаимодействию с другими отделениями, со всякими комиссиями, со спецприемкой, с опытным и серийным производством Самвел Григорьевич большей частью поручал решать Ю.В. Мирохину. И не было случая, чтобы он не находил решения по примирению «враждующих» сторон или выхода из положения.

В отношениях с сотрудниками в обыденной жизни Юрий Валентинович был внимателен и чуток к их житейским нуждам и по возможности всегда стремился помочь. Науку знания людей он существенно освоил и поступал почти безошибочно. Когда мы были молоды и напористы, а некоторые и весьма темпераментны, много раз спорили с ним по производственным или другим вопросам, иногда с обидой и упорством заблуждающихся. Проходило время, мы убеждались в его правоте и уже потом, с годами, стали понимать, сколь мудр, справедлив и мягок был наш Юрий Валентинович.

Нельзя не отметить высокую интеллигентность, образованность, культуру, органически присущие Юрию Валентиновичу, что проявлялось во всем его поведении: и в деликатности отношения к женщинам, и в общении с мужчинами, когда легкость и красочность русского языка незлобиво скрашивали и притупляли крутые и острые вопросы, и в привлечении примеров из литературы и искусства для усиления акцентов в обсуждаемых вопросах. Он умудрялся по каким-то своим каналам доставать книги из числа изъятых из обращения, например, известного Дэйла Карнеги, некоторых диссидентов и т.п. Я выклянчивал их на ночь-другую (их надо было оперативно возвращать). Потом было интересно обсуждать прочитанное, когда Юрий Валентинович давал простор высказыванию интересных мыслей, не всегда совпадающих с отечественной пропагандой» [1, с. 88–89].

Последние годы жизни стали очередным серьезным испытанием для Юрия Валентиновича. 22 июня 1982 г. у него случился инсульт,

в декабре 1982 г. — второй инсульт. В результате — потеря речи и подвижности. Умер Юрий Валентинович 3 сентября 1987 г. Пять с лишним лет к нему домой каждый день приходили его «бывшие» подчиненные — поддержать, рассказать новости, помочь в бытовых делах.

Несмотря на болезнь, появились и новые друзья. Вспоминает Людмила Сергеевна Христолюбова: «Это был замечательный собеседник, не владеющий речью. Это был такой роскошный собеседник. Дай Бог, чтобы люди, обладающие хорошей речью, были такими хоть чуть-чуть собеседниками. Его великолепная реакция и умение слушать покоряли. Настолько глубокий ум, настолько он анализировал каждую мелочь. Быстрая и точная эмоциональная реакция. Его умственные качества нисколько не угасли. Это видели его сотрудники, они приходили каждый день по 4 человека. Я видела, как они к нему относились с любовью и благоговением. Он их ждал. Это помогло ему прожить эти годы: он не чувствовал себя оставленным. Он не производил депрессивного впечатления, всегда был в хорошем настроении.

Я всегда понимала, что он хочет сказать. Иногда приходилось быть «переводчиком». Он говорил мимикой, рукой (двигалась одна рука), внутренне, эмоционально. Он видел людей насквозь.

Самое важное для меня в том, что благодаря ему я пришла к Богу. Тогда начали печатать Бердяева, Флоренского. Сначала в «Литературной газете». Я приносила ему эти статьи. С каким наслаждением он это слушал! Он очень замечательно реагировал на это. Он просил что-нибудь прочитать из этого. И мы регулярно читали.

Когда началась перестройка, я как-то спросила Юрия Валентиновича: «Изменится что-нибудь?» Он ответил: «Нет».

Это был человек редкого дара. Так переносить болезнь, оставаться человеком до последних минут — это качество редкое...»

Елена Константиновна и Людмила Сергеевна были около Юрия Валентиновича в последний день. «Я вышла на минутку, когда вернулась, все было кончено. У него было счастливое лицо» [1, с. 190–191].

4 декабря 2009 г. в Доме Ученых РФЯЦ-ВНИИЭФ прошел торжественный вечер, посвященный 90-летию Ю. В. Мирохина. Для всех желающих не хватило мест в зале — поставили дополнительные места. Пришли коллеги, которые помнили Юрия Валентиновича, пришли молодые сотрудники, чтобы услышать о легенде КБ-2. У многих на глазах были слезы. Его очень любили люди.

Литература

1. Колесников С.В., Зайцев Л.Я., Чумак М.И., Савченко О.В., Веселовский А.В., Погодина О.А. Чистый сердцем и светлый разумом. Юрий Валентинович Мирохин. К 90-летию. — Саров, 2011.

2. Тремасов Н.З. «Назначение отменяется, позвоните по телефону...» (Записки главного конструктора радиоэлектронных систем ядерного оружия). — Н. Новгород, 2000.

3. Хочешь мира — будь сильным! Сборник материалов конференции по истории разработок первых образцов атомного оружия. Арзамас-16, 1995.

МУЗЕЙ ОБОРОНЫ БРЕСТСКОЙ КРЕПОСТИ

Пролог

Драневич Светлана Николаевна, *32 года,*
научный сотрудник ГУ «Мемориальный комплекс
“Брестская крепость-герой”»
г. Брест, Республика Беларусь

В 1956 г. на территории Брестской крепости был открыт Музей героической обороны Брестской крепости, который 8 ноября 2016 г. отметил свое 60-летие.

175-летняя история Брестской крепости многогранна... Мощный форпост Российской империи XIX — начала XX вв., место подписания Брестского мира в марте 1918 г., Цитадель памяти наших дней. Однако всеобщую известность и признание она получила благодаря событиям Великой Отечественной войны.

Все эти годы были наполнены изысканиями, открытиями, творческими проектами. В июле 1944 г. перед солдатами-освободителями предстали руины казарм, многочисленные разрушения, которые свидетельствовали о тяжелых боях начала Великой Отечественной войны. В уцелевших казармах крепости разместились подразделения 128-ого Гумбинненского стрелкового корпуса, штаб которого непосредственно дислоцировался на ул. Леваневского г. Бреста.

29 июля 1944 г. в газете «Боевой приказ» 61 Армии I Белорусского фронта появились статьи, написанные военными журналистами — капитанами А. Белошеевым и А. Анисимовым [1, с. 5], а также майором М. Чачко [1, с. 6], где местные жители — свидетели событий 1941 г., рассказали о героизме и мужестве защитников Брестской крепости.

В 1948 г. появились статьи Н.И. Красовского «Героическая оборона в Бресте» [2, с. 4] и М.Л. Златогорова «Брестская крепость» [3, с. 3].

Открытие музея. Ведет экскурсию Никонова Т. К. 08.11.1956

Начиная с 1948 г. по крепости стали проводить экскурсии. Одним из первых разработал и стал проводить экскурсии замполит батальона 128-ого стрелкового корпуса подполковник Стрельцов Василий Григорьевич. В своих воспоминаниях он писал: «В 1946 году 23 июня прибыл в Брест на должность заместителя командира в/ч 44459 по политчасти... После войны сюда прибывали соединения и части с заграницы, а казармы и другие объекты были разрушены. Разбирали в крепости развалины и кирпич возили на восстановление других объектов... К 1948 г. крепость начали посещать проезжающие военнослужащие. Назрел вопрос о проведении с ними экскурсий. В апреле или мае 1948 г. с политотдела корпуса мне дали материал Брестского подпольного горкома или обкома КПБ об обороне Брестской крепости. Дней 15 мне потребовалось на изучение этого материала, после чего я стал проводить экскурсии...» [4, с. 2]. Вход в крепость был только по пропускам, экскурсии проводились только для военнослужащих.

Огромный интерес к теме обороны Брестской крепости проявился в августе 1949 г., когда у Тереспольских ворот были обнаружены останки лейтенанта А.Ф. Наганова, рядового И.Г. Горохова с документами и останки 13 неизвестных бойцов.

История начала проясняться. Но это была всего лишь маленькая капля в истории героической обороны крепости. Первые публикации имели общий характер, так как еще никто из выживших участников тех событий не был найден, никто из них не рассказал о своих мыслях и переживаниях в те самые первые дни войны. Разбирая завалы крепости, военнослужащие все многочисленные находки, среди которых были и надписи неизвестных бойцов, передавали в музеи г. Минска и г. Москвы.

Рождение первой экспозиции об обороне крепости на территории нашего города относится к 1950 г., когда по решению ОК КП Белоруссии сотрудники Брестского областного краеведческого музея развернули выставку в фойе кинотеатра «Беларусь».

1954 г. стал переломным для дальнейшей истории крепости. В этом году сюда впервые приехали старший научный сотрудник Центрального музея Советской Армии Т.К. Никонова, писатель С.С. Смирнов, защитники крепости — С.М. Матевосян и А.И. Махнач, которых удалось разыскать к тому моменту. Их выступления в городе и гарнизоне всколыхнули интерес к теме.

Осенью 1954 г. в Брест прибыл заместитель начальника Главного Политуправления Советской Армии генерал-лейтенант Пронин Михаил Михайлович. На совещании аппарата политотдела 128-го стрелкового корпуса (с 8.09.1954 г. — получил наименование 42-й стрелковый корпус) затронул вопрос о создании в крепости комнаты боевой славы. Высказал нарекание, почему она отсутствует, рекомендовал политработникам выступить в печати с освещением находок в руинах крепости. Вскоре после его отъезда в казарме саперного батальона (ныне — музей обороны Брестской крепости) была создана комната боевой славы. Дата открытия ее не установлена,

больших торжеств по этому случаю не было. Всю нагрузку по созданию комнаты несли на себе политработники саперного батальона.

Первый начальник Музея обороны крепости капитан Аркадий Анисимович Крупенников вспоминал: «В сентябре 1955 г. в связи с предполагаемым назначением на должность старшего инструктора пропаганды Брестского гарнизонного Дома офицеров меня вызвал на беседу начальник политотдела стрелкового корпуса полковник М. В. Шевяков. Помню, в его кабинете находился также заместитель начальника Политуправления Белорусского военного округа. Передо мной была прямо поставлена задача — одновременно с работой в Доме офицеров создать в крепости комнату-музей. Командование выделило на первом этаже 4 комнаты с небольшим коридором в здании, где уже была комната боевой славы» [5, с. 3].

Самую маленькую комнату А. А. Крупенников и инструктор Дома офицеров В. Ф. Гаврасов отвели и под фонды, и под рабочее помещение, где «в одной книге вели учет всего, что поступало из переписки или что находили в крепости, а в другой записывали многочисленные экскурсии, водили экскурсии только по крепости», — вспоминал А. А. Крупенников.

Работы по созданию комнаты-музея выполнял Брестский гарнизонный Дом офицеров, поэтому 1 февраля 1956 г. комната-музей была отдана в постоянное ведение Брестского гарнизонного Дома офицеров (до этого была в введении Политотдела 42-го (128-го) стрелкового корпуса).

23 февраля 1956 г. в 12 часов дня у входа в комнату-музей собралось порядка 400 человек (представители гарнизона, городские власти). В торжественной обстановке была открыта комната-музей. Ленточку перерезал председатель Брестского облисполкома Герой Советского Союза Р. Н. Мачульский и в Книге отзывов написал первую запись: «Сегодня в день 38-й славной годовщины Советской Армии, осмотрев экспозицию Музея героев, защитников Брестской крепости, хочется выразить благодарность создателям этого замечательного памятника, представляющего большую ценность для воспитания советского патриотизма и высоких морально-боевых качеств у Советских воинов. Находясь в музее, испытываешь волнующее чувство гордости за наш народ, нашу партию, воспитавшую павших бесстрашных героев, память о которых будет жить вечно в сердцах нашего народа и воинов Советской Армии» [6, с. 1].

В Докладе командира 42-го (128-го) стрелкового корпуса генерал-лейтенанта П. Вашурина об открытии Комнаты-Музея на имя начальника Политотдела 42-го (128-го) стрелкового корпуса генерал-полковника А. П. Покровского говорилось: «23 февраля 1956 г. в г. Бресте, в крепости открыт музей обороны Брестской крепости. За короткий срок музей приобрел большую известность. За несколько месяцев работы музея в нем побывало свыше трех тысяч человек, несмотря на то, что музей открыт лишь в предвыходные и выходные дни и только для военнослужащих» [7, с. 8]. Музей разместился в трех залах и стал принимать посетителей с 12:00

до 15:00, ни одной штатной единицы комната-музей не имела. Но несмотря на это, за весну и лето 1956 г. музей посетило свыше 15000 человек. Все возрастающий интерес потребовал новых решений по крепости и музею.

В том же 1956 г. с выступлениями по радио стал выступать и писатель С. С. Смирнов с рассказами о поиске героев Брестской крепости.

Информации становилось все больше, картина боев — все яснее. Небольшая комната-музей не могла вместить в себя такое большое количество материалов. Поэтому вновь встал вопрос о создании музея. Директивой Главнокомандующего Сухопутными войсками СССР Маршала Советского Союза И. С. Конева был определен срок создания музея к 1 сентября 1956 г. с подчинением Политическому Управлению Белорусского военного округа. На основе этой директивы командующий войсками округа Маршал Советского Союза С. М. Тимошенко издал приказ № 78 от 2 августа 1956 г. о подготовке к открытию Музея героической обороны Брестской крепости.

До открытия музея, при содействии местных властей и военных, была облагорожена центральная часть крепости, построен пешеходный мост через правый рукав р. Мухавец, железобетонные входные ворота в восточной части Кобринского укрепления, установлен декоративный забор и проложена асфальтовая дорожка перед зданием Музея. Одновременно появились мемориальные доски на местах основных боевых действий.

Через 3 месяца — 8 ноября 1956 г. состоялось открытие Музея обороны Брестской крепости. Музей разместился в казематах Инженерной казармы Цитадели площадью 380 кв. м. Штат научных сотрудников составлял 3 человека, в том числе и начальник музея. Началась многолетняя кропотливая поисковая работа, которая продолжается уже 60 лет.

Немного позже, чтобы сделать музей доступным для посетителей, в сентябре 1959 г. с территории Цитадели и половины Кобринского укрепления выведены воинские части. С этого времени вход в крепость стал свободным, пропуска отменены.

Уже почти не осталось в живых защитников крепости. Ушел из жизни в 2016 году и первый начальник музея обороны А. А. Крупенников. Но интерес к теме обороны крепости не угасает. За 2016 г. по залам Музея обороны Брестской крепости на данный момент прошло около 400 тысяч человек. За годы существования Музея — 23 млн человек из 140 стран мира.

Казематы крепости и сегодня хранят свидетельства беспримерного мужества и стойкости ее защитников. Поколения меняются, но и сегодня, как и 60 лет назад, Брестская крепость — это школа мужества, патриотизма, человеколюбия и милосердия.

Литература

1. Александровский И. Д. Материалы о Музее Героической обороны Брестской крепости // Архив ГУ «Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой». — Оп. «История музея и мемориала», т. 2.
2. Красовский Н. И. Героическая оборона в Бресте // Беларусь. — 1948. — № 2.

3. Златогоров М. Герои Бреста // Огонек. — 1950 г. — № 8. Оп. «333 стрелковый полк». л/д 86.
4. Стрельцов В.Г. Краткие воспоминания // Архив ГУ «Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой». Оп. «История мемориала». л/д 2.
5. Крупенников А.А. Как создавался музей // Архив ГУ «Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой». Оп. «История мемориала» — л/д 1.
6. Книга отзывов и предложений посетителей Музея героической обороны Брестской крепости 23.02.1956 г. — 22.11.1956 г. // Архив ГУ «Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой».
7. Архив ГУ «Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой». Оп. «История музея».

МУЗЕЙ, СЕЛО, КОЛХОЗ… им. Ивана Тургенева в публикациях газеты «Коммунар» (1945–1953)

Куканова Инна Алексеевна, *41 год,*
зам. директора по научной работе ГУК «Тульская областная универсальная научная библиотека»,
г. Тула

В послевоенные годы жизнь общества характеризовалась большими переменами, связанными с надеждами и ожиданиями мирного строительства, с восстановлением промышленности и сельского хозяйства, с изменениями в сфере образования и культуры. Период 1945–1953 гг. — один из основных этапов в развитии культуры советского общества. Культурно-просветительская работа этого времени отражала идеологическую и моральную атмосферу послевоенных лет. Периодическая печать являлась средством формирования определенных общественных установок. Региональная периодическая печать строго следовала темам передовиц центральной прессы. Так, в газете «Коммунар» — областной общественно-политической газете, официальном печатном органе Тульского обкома и горкома ВКП(б), областного и городского Советов депутатов трудящихся, в течение 1945–1953 гг. перепечатывались статьи о «всепобеждающей силе ленинизма», «загнивании» капитализма, о заседаниях Верховного Совета СССР и выборах в Верховный Совет РСФСР, об успехах восстановления и развития народного хозяйства, об итогах работы промышленности и мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период.

Под жестким идеологическим контролем проходила и работа библиотек. Все формы и методы их работы были подчинены идейно-по-

литическим задачам, но, несмотря на высокий уровень политизации, учреждения культуры вели большую просветительскую работу. Страна постепенно возвращалась к мирной жизни, и в прессе отражались мероприятия, связанные с юбилеями русских писателей, деятелей культуры и искусства. Несмотря на присутствие политической направленности, лектории, доклады, выставки, статьи имели все же образовательный уклон.

Накануне 200-летнего юбилея И. С. Тургенева, который будет отмечаться в 2018 году, на основе публикаций из областной газеты «Коммунар» попробуем проследить интерес к писателю, чья жизнь и творчество связаны с Тульским краем. Особенно значимо то, что послевоенные годы — это тот период времени, когда перед страной стояла цель привлечения населения к чтению; это тот период, когда читатель ставился в центр внимания библиотечного обслуживания; и, наконец, это тот период, когда строили «самую читающую страну в мире».

В небольшой информационной заметке в октябре 1945 года сообщалось, что в Тульской областной библиотеке им. Ленина Тульским городским комитетом ВЛКСМ для молодежи города был открыт литературный лекторий [1]. В качестве лекторов приглашали преподавателей педагогического института. Его первая лекция была посвящена Л. Н. Толстому. Последующие лекции были посвящены писателям, жизнь и творчество которых были связаны с Тульским краем. В их числе, наряду с В. А. Жуковским, Г. И. Успенским, В. В. Вересаевым, был Иван Сергеевич Тургенев.

Подтверждением того, что многие мероприятия того времени имели образовательный характер, служит информационная заметка в газете «Коммунар» от 3 сентября 1946 г. под названием «Путешествия по родному краю». В статье сообщается о летнем познавательном отдыхе школьников. Так, «девочки из 8-й средней школы с преподавателем тов. Казанским совершили поход в село Тургенево Чернского района. Они побывали на Бежином лугу, встретились с преподавателями местной школы, которые рассказали им о жизни и творчестве И. С. Тургенева. Путешественники ознакомились также с домом-музеем писателя в селе Спасское-Лутовиново» [2].

Возможно, маршрут по Тургеневским местам был выбран неслучайно. Месяцем раньше была опубликована статья о реставрации усадьбы писателя. В ней отмечается, что в годы войны за два месяца пребывания в усадьбе немцы нанесли заповеднику огромный ущерб. «В прекрасном парке было вырублено много деревьев, посаженных Иваном Сергеевичем. Школа, выстроенная при жизни И. С. Тургенева для крестьянских детей, здание бывшей богадельни для престарелых крестьян подверглись разрушению» [3]. После посадки деревьев и реставрации флигеля заповедник со дня открытия стал посещаем сотнями людей.

О разрушениях усадьбы Спасское-Лутовиново в годы Великой Отечественной войны писал главный хранитель Дома Л. Н. Толстого Николай

Пузин в статье, опубликованной в газете «Коммунар» в июне 1947 г. Вместе с тем, автор с любовью и восхищением описывал необыкновенную природу тех мест. «Парк в Спасском «хорош, очень хорош» (как говорил Л. Н. Толстой) даже и теперь, после огромного ущерба, нанесенного ему немецкими оккупантами. Так же, как и во времена Тургенева, возвышается ряд могучих старых елей, растущих недалеко от места прежней оранжереи. На полянах, густо заросших травой и цветами, стоят столетние березы, серебристые тополя, а снизу поднимается молодая поросль. Удивительно красивы аллеи, как бы образующие римскую цифру XIX. Вблизи цветника, окруженный кустарником, растет могучий дуб, раскинувший далеко в стороны крепкие ветви. Это любимый дуб Тургенева, о котором он вспоминал за год до смерти в далеком Буживале (Франция) в письме к поэту Я. П. Полонскому: «Когда Вы будете в Спасском, поклонитесь от меня дому, саду, моему молодому дубу — родине поклонитесь, которую я уже, вероятно, никогда не увижу...» За годы немецкой оккупации парк значительно поредел. Фашистские варвары вырубали старые липовые аллеи. Тяжелые раны, нанесенные оккупантами, видны на каждом шагу» [4].

Страшные испытания, связанные с Великой Отечественной войной, в 1947 г. остались позади, но их отголоски были еще слишком ощутимы, и речь шла не только о разрушениях в усадьбе. Николай Павлович Пузин отмечал, что «перед бывшим домом, на месте прежнего цветника, разбиты клумбы, посередине которых, окруженная кустами роз, возвышается красавица-лиственница. Вблизи цветника в настоящее время находятся братские могилы бойцов и офицеров Советской Армии, погибших во время Орловской операции» [4]. Николай Павлович описывает жизнь и творчество И. С. Тургенева, его отношения с семьей Толстых и упоминает село Тургенево Тульской области, расположенное в 18 км от Спасского-Лутовинова. Именно в окрестностях села Тургенева находится известный по «Запискам охотника» Бежин луг. Первые рассказы из «Записок охотника» были напечатаны в журнале «Современник» в 1847 году. В 1947 г. большая публикация под названием «Бежин луг сегодня» в газете «Коммунар» посвящена 100-летию «Записок охотника» И. С. Тургенева. Современный читатель, наверно, ждал бы от статьи с подобным названием публикацию об истории создания сборника рассказов, художественных образах, языке и стиле, пейзажном искусстве И. С. Тургенева.

Но послевоенное время накладывало свои отпечатки. Еще были живы воспоминания о войне. В стране был принят первый послевоенный пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. Особую остроту приобрели вопросы образования и коммунистического воспитания советских людей. Все особенности послевоенного времени как нельзя ярче отражены в статье, где рассказывается об экскурсии учеников Тургеневской школы на знаменитый Бежин луг во время летних каникул. «С утра школьники старательно помогали

взрослым в поле и к обеду закончили прополку большого клина проса. На экскурсию все нарядились, как на праздник. Старшеклассники надели новые платья, рядом с комсомольскими значками прикололи по два-три цветка: на темных кофточках — ромашки, на белых — васильки. Красные галстуки пламенели на рубашках мальчиков, на блузках девочек» [5]. Автор рассказывает о воспоминаниях школьников о войне: «Вдоль деревни Красные Холмы тянется траншея. ...Дети раздвигают траву, указывают на полуобрушенные дзоты, наперебой говорят:

— Тут наши бойцы с пулеметами сидели, а фашисты вон там, левее. Они стреляли через Снежедь. Им хотелось большой снаряд в школу запустить, да промахнулись. А наши из пулемета по ним. Вот строчили! А мы в погребах сидели...» [5]

После войны продолжал развиваться культ Сталина, усиленный Победой. Статья про Бежин луг не была исключением: «Учительница рассказала, почему во времена Тургенева крестьянские дети были забитыми и суеверными и о том, как сейчас заботятся о колхозной детворе партия, правительство, товарищ Сталин» [5]. На фоне перечисляемых успехов в коммунистическом строительстве автор отмечает красоту Бежина луга, пестрящего синим цветом от распустившегося шалфея и мышиной вики, благоухающего цветами.

Следует отметить, что в послевоенные годы много статей в газете «Коммунар» были посвящены краеведческой работе. Так, в одном из номеров в публикации председателя оргбюро областного общества краеведения Н. Мурашова говорится о том, что Тургеневская средняя школа Чернского района ведет большую работу по изучению мест, связанных с пребыванием И.С. Тургенева [6].

Известно, что говорить о процессе развития культуры в послевоенные годы невозможно без воссоздания общей картины истории жизни страны. Первые полосы газет, как центральных, так и региональных ,занимали статьи о любви и преданности И.В. Сталину, о великих стройках сталинской эпохи, сводки о выполнении и перевыполнении заданий пятилетки в 1950 г. в промышленности и сельском хозяйстве и т.д. Поскольку Чернский район связан с именем И.С. Тургенева, то крупнейшему колхозу области и молокозаводу было присвоено, как ни странно, имя писателя. В информационных заметках в газете «Коммунар» «Стройки колхоза им. Тургенева» от 25 августа 1950 г. [7] и «Механизация Тургеневского молокозавода» от 11 июля 1953 г. речь шла об успешном развитии хозяйства Чернского региона [8].

Иван Сергеевич Тургенев упоминается в статье «Литературное Подмосковье», автором которой являлся аспирант Института мировой литературы им. Горького АН СССР Н. Фудель. Речь шла о выставке, организованной в музее-усадьбе «Абрамцево» и посвященной жизни и творчеству писателя С.Т. Аксакова, другом которого был Иван Тургенев. Выставка

охватывает 40–50 гг. XIX века, годы создания всех произведений писателя, годы его дружеского общения с Н.В. Гоголем, В.Г. Белинским, И.С. Тургеневым, Л.Н. Толстым. «На открытии с сообщением выступил академик И.Э. Грабарь, научные сотрудники Института истории искусств АН СССР Н.П. Пахомов и Н.П. Пузин в своих выступлениях раскрыли взаимоотношения Аксакова с Тургеневым и Толстым, приведя ряд неопубликованных материалов» [7]. На выставке были представлены материалы с оценкой, которую давали современники творчеству Аксакова. Так, «...под неизвестным до сего времени акварельным портретом Тургенева (худ. Никитин, 1858 г.) помещены его слова, знаменательные в устах мастера художественного слова: «Слог его (С.Т. Аксакова) мне чрезвычайно нравится. Это настоящая русская речь, добродушная и прямая, гибкая и ловкая...» — отмечалось в статье [9].

В 1953 году в июльском номере «Коммунара» вновь встречается статья о летнем отдыхе детей. В отличие от 1946 г. работа по занятию школьников в летний период стала более организованной и содержательной. Проводились походы по знаменательным местам Тулы, Тульской области, выезды в Москву и Ленинград. В статье отмечается, что село Тургенево посетили члены литературного кружка Дворца пионеров. Речь шла не только об экскурсии, а о туристическом походе по местам, связанным с жизнью и творчеством И.С. Тургенева. Школьники побывали в селе Тургенево, на Бежином Луге, в Спасском-Лутовинове. «Ребятам запомнились интересные беседы о Тургеневе, которые проводила с ними преподаватель литературы Наталья Петровна Мишина, ночевки в шалаше. Юные фотографы сделали много снимков» [10].

Публикации в региональной газете послевоенного периода наводят на осмысление того, что имя писателя использовалось в различных целях осуществления политики властей. Условно те немногочисленные, прошедшие через жесткую цензуру статьи того времени о И.С. Тургеневе можно разделить на три типа:

— публикации о жизни и творчестве И.С. Тургенева, его дружеских отношениях с писателями;

— статьи, связанные с процессом образования и воспитания подрастающего поколения в духе патриотизма, и имя Тургенева призвано было идеологически способствовать решению данной задачи;

— заметки о восстановлении и дальнейшем развитии сельского хозяйства, где даже имя писателя, присвоенное колхозу, являлось инструментом, служившим реализации одной из наиболее трудных задач послевоенной пятилетки.

Литература

1. Литературный лекторий для молодежи // Коммунар. — 1945. — 14 окт.
2. Путешествия по родному краю // Коммунар. — 1946. — 3 сент.
3. Реставрация усадьбы Ивана Сергеевича Тургенева // Коммунар. — 1946. — 20 авг.
4. Пузин Н. Спасское-Лутовиново // Коммунар. — 1947. — 8 июня.

5. Кольчугин М. Бежин луг сегодня: (К 100-летию «Записок охотника» И.С. Тургенева // Коммунар. — 1947. — 6 июля. Пузин Н. Спасское-Лутовиново // Коммунар. — 1947. — 8 июня.
6. Мурашов Н. Краеведение — на службе пятилетки! // Коммунар. — 1948. — 14 июля.
7. Стройки колхоза им. Тургенева // Коммунар. — 1950. — 25 августа.
8. Механизация Тургеневского молокозавода // Коммунар. — 1953. — 11 июля.
9. Фудель Н. Литературное Подмосковье // Коммунар. — 1952. — 6 января.
10. Туристические походы школьников // Коммунар. — 1953. — 8 июля.

ДМИТРИЙ ФЕДОРОВИЧ УСТИНОВ: РАДОСТЬ ЖИЗНИ

***Калашникова Елена Михайловна**, 68 лет,*
дочь М.Т. Калашникова,
президент фонда имени М.Т. Калашникова,
г. Ижевск, Республика Удмуртия

«Процесс творчества включает в себя радость открытий и горечь неудач, муки долгого поиска, тяжелый будничный труд и взлет озарений. Мне нравилось проникать в таинство рождения новых машин и механизмов, участвовать в их создании.

Нет такого периода в сознательной жизни человека, когда можно было бы остановиться, сказать себе: все, цель достигнута, можно успокоиться, пользоваться накопленным багажом знаний, не заботясь о его пополнении. Это значило бы безнадежно отстать, утратить контакт со временем, лишить себя радости жизни».

Из воспоминаний Д.Ф. Устинова

Святой долг нашего послевоенного поколения — рассказывать потомкам о подвигах отцов. О тех, кто отдал свою жизнь за Родину, «за други своя», за жизнь и счастье грядущих поколений — то есть за нас с вами, наших детей, внуков и правнуков. Эти люди были настоящими Героями, беззаветно любящими свое Отечество. Они — ее Слава и Гордость. Дмитрий Федорович Устинов — яркий представитель этой плеяды героев нашей страны, как бы она не называлась: Советским Союзом или Россией. Поэтому мы с вами просто обязаны вспомнить о нем.

Устинов Д. Ф.

Дмитрий Федорович Устинов — советский политический и военный деятель, Маршал Советского Союза (1976), дважды Герой Социалистического Труда (1942, 1961), Герой Советского Союза (1978), кавалер 11 орденов Ленина (высшей награды СССР). Награжден орденом Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени и другими орденами и медалями СССР, а также орденами и медалями иностранных государств. Лауреат Ленинской (1962), Государственных премий СССР (1953, 1983).

Д. Ф. Устинов — народный комиссар и министр вооружения СССР (1941–1953), министр оборонной промышленности СССР (1953–1957), министр обороны СССР (1976–1984).

Дмитрий Федорович Устинов родился 17 (30) октября 1908 года в г. Самаре в семье рабочего. Отец — Федор Сысоевич, мать — Ефросинья Мартыновна. Трудовую деятельность Дмитрий начал с 10 лет. В 14 лет (1922 г.) он вступил добровольцем в Красную армию в Самарканде. Через год он уже участвовал в боевых действиях с басмачами в составе 12-го Туркестанского полка. После демобилизации в 1923 году Устинов учился в профессионально-технической школе в городе Макарьеве Костромской губернии, которую закончил в 1927 году. В ноябре того же года он вступил во Всесоюзную Коммунистическую партию (большевиков).

В 1927–1929 гг. Дмитрий Устинов работает слесарем сначала на Балахнинском бумажном комбинате, а затем на фабрике в Иваново-Вознесенске. С осени 1929 года — студент механического факультета Иваново-Вознесенского политехнического института. Избирался секретарем комсомольской организации, был членом партийного бюро института.

В 1932 году группа, в которой учился Дмитрий Устинов, в полном составе направляется в Ленинград на укомплектование вновь создаваемого Военно-механического института (ныне — БГТУ «Военмех» им. Д. Ф. Устинова). В 1934 году он успешно окончил этот институт.

С 1934 года Устинов — инженер, начальник бюро эксплуатации и опытных работ в Ленинградском артиллерийском научно-исследовательском морском институте. С 1937 года он работал инженером-конструктором, заместителем главного конструктора, директором Ленинградского завода «Большевик».

С 9 июня 1941 года по 15 марта 1946 года Д. Ф. Устинов — народный комиссар вооружения СССР. С первых дней войны он был одним из организаторов эвакуации промышленных предприятий оборонного значения на восток. Требовалось в кратчайшие сроки перевезти оборудование заводов и опытных специалистов, чтобы в тылу на новом

месте начать выпуск необходимого фронту вооружения. Д. Ф. Устинов не только занимался решением сложнейших вопросов по выпуску разнотипного оружия, но и курировал создание новых образцов вооружения, всячески поддерживая талантливых конструкторов, инженеров, руководителей производства. Молодой нарком вооружения проявил себя как знающий и хорошо владеющий ситуацией руководитель.

С 15 марта 1946 года по 15 марта 1953 года Д. Ф. Устинов — министр вооружения СССР. Он начинает работу по воплощению в жизнь идеи советского ракетостроения — при участии Д. Ф. Устинова было создано седьмое Главное управление Министерства обороны СССР, которое всецело занималось ракетным проектом.

С 19 марта 1953 года по 14 декабря 1957 года Д. Ф. Устинов — министр оборонной промышленности СССР. С 14 декабря 1957 года по 13 марта 1963 года — заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Комиссии Президиума Совета Министров СССР по военно-промышленным вопросам. С 13 марта 1963 года по 26 марта 1965 года — Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, Председатель Высшего Совета народного хозяйства СССР Совета Министров СССР. С 26 марта 1965 года по 26 октября 1976 года — Секретарь ЦК КПСС.

С 29 апреля 1976 года по 20 декабря 1984 года Д. Ф. Устинов — министр обороны СССР.

Благодаря выдающимся качествам Д. Ф. Устинова — незаурядной трудоспособности и постоянно растущей технической образованности, таланту организатора и управленца, была блестяще организована работа всего ВПК СССР как в годы войны, так и в мирное время.

На протяжении нескольких десятилетий Д. Ф. Устинов сохранял исключительную творческую работоспособность — был энергичен, предприимчив, очень быстро решал задачи управления и руководства предприятиями. За подготовку первого полета человека в космос в 1961 году удостоен звания Героя Социалистического Труда (указ не публиковался).

Воинские звания Д. Ф. Устинова: с 24 января 1944 года — генерал-лейтенант инженерно-артиллерийской службы; с 18 ноября 1944 года — генерал-полковник инженерно-артиллерийской службы; с 29 апреля 1976 года — генерал армии; с 30 июля 1976 года — Маршал Советского Союза.

С 1941 года семья Д. Ф. Устинова жила в Москве. Его супруга Таисия Алексеевна занималась воспитанием детей — сына Николая и дочери Веры. У Дмитрия Федоровича два внука — Дмитрий и Сергей и одна внучка — Таисия.

Дмитрий Федорович Устинов ушел из жизни 20 декабря 1984 года и похоронен в Москве на Красной площади.

* * *

10 ноября 2015 года в Ижевске у Вечного огня в Сквере Победы состоялась церемония торжественного открытия двух установленных рядом бронзовых бюстов — Героя Советского Союза, дважды Героя Социалистического Труда, Маршала Советского Союза Дмитрия Федоровича Устинова и Героя Российской Федерации, дважды Героя Социалистического Труда, генерал-лейтенанта Михаила Тимофеевича Калашникова.

Несмотря на морозную погоду, мероприятие было достаточно многолюдным. Заслуженные ветераны-оружейники, офицеры военной приемки, руководство Удмуртской Республики и Ижевска, родные и близкие Д. Ф. Устинова и М. Т. Калашникова, приглашенные почетные гости, представители ижевских заводов, кадеты и школьники собрались на площади перед Вечным огнем.

Два этих памятника сооружены по инициативе ижевских ветеранов-оружейников Фондом имени М. Т. Калашникова в знак особых заслуг Д. Ф. Устинова и М. Т. Калашникова в деле укрепления обороноспособности нашей страны. Каждый из них, работая во славу нашего Отечества, много сделал и для развития Удмуртской Республики. Причем, не только в оборонно-промышленной сфере, но и в социально-культурной.

На протяжении нескольких послевоенных десятилетий министр вооружения и конструктор стрелкового оружия встречались довольно часто. Происходило это на производственно-технических совещаниях разного уровня и на сессиях Верховного Совета СССР (они оба несколько созывов избирались депутатами от Удмуртской Республики).

Конструктор Калашников очень уважал и искреннее восхищался умным, талантливым и глубоко порядочным руководителем оборонной промышленности нашей страны Устиновым. Дмитрий Федорович был уникальным человеком. К сожалению, он не оставил нам своих мемуаров, так как считал это ненужным и неважным делом. Ведь он был очень строг не столько к другим, сколько к себе самому. Хорошо, что люди, знавшие его близко, оставили нам свои воспоминания о прославленном наркоме вооружения, министре вооружения и министре обороны СССР.

Об ответственной и напряженной работе наркома вооружения Устинова во время Великой Отечественной войны вспоминали не только руководители оружейных заводов, но и простые рабочие. Вспоминали, как нарком, приезжая в Ижевск, жил на территории завода № 74 (Машиностроительного). Внутри завода на железнодорожных путях ставился его вагон, а в производственном корпусе оборудовался для него «гостиничный номер» — маленькая комна-

та, где стояли кровать, стол и стулья. Спал Дмитрий Федорович очень мало — не более 4–5 часов в сутки. Поэтому его часто видели те, кто работал на заводе в ночную смену. Обычно он ночью ходил по цехам, подходил к рабочим и разговаривал с ними. Как-то раз он подошел поговорить с молоденькой девушкой, работавшей на токарном станке, и, указав на мальчишек 12–13 лет, работавших неподалеку, спросил: «А они-то как справляются с планом?» Девушка ответила: «А вы сами их спросите об этом». И нарком вооружения пошел к этим мальчикам, чтобы поговорить с ними. Все рабочие, с кем он разговаривал ночью в цехах, задавали ему только один вопрос: «Когда же будет наша победа?» А он уверенно им говорил: «Скоро будет!»

Тот факт, что Д. Ф. Устинов всю войну буквально «своей головой» отвечал за производство и поставку всех видов вооружения на фронт, свидетельствует о том, в каком безмерном напряжении он жил и работал. Причем под ежедневным неусыпным контролем Верховного главнокомандующего И. В. Сталина. Если на каком-либо заводе случалось недовыполнение ежедневного плана хотя бы на одну единицу военной продукции, то Устинову ночью следовал звонок Сталина и приказ: завтра же на этом заводе необходимо выпустить продукцию в соответствии с ежедневным планом, увеличенным на количество вчерашнего недовыпуска. Вот под каким жестким контролем работал народный комиссар вооружения Дмитрий Федорович Устинов в годы войны! Но бывали у наркома Устинова и иного рода разговоры с вождем...

Из воспоминаний С.А. Немцова, внука Д.Ф. Устинова

«Дед любил езду на мотоцикле, да еще с приличной скоростью. 1 мая 1943 года он попал в аварию, сломал ногу и вынужден был проводить заседания коллегии в больничной палате. Когда через три месяца он вышел из больницы, на следующий же день его вызвал Сталин. В кабинете были и члены ГКО.

Сталин вкрадчиво спрашивает:

— Товарищ Устинов, вы знаете, что идет война?

— Знаю, товарищ Сталин.

— Вы, как нарком, представляете собой специфическое государственное имущество. А вы знаете, что тех, кто портит госимущество во время войны, наказывают? И мы вас накажем.

И спрашивает остальных:

— Что будем делать с Устиновым?

Все молчат. Вдруг Жданов говорит:

— Давайте ему новый мотоцикл купим!

Все расхохотались. Сталин на прощание все же сказал:

— Если вы, товарищ Устинов, до конца войны еще раз на мотоцикл сядете, мы с вами по-другому поговорим. Разве вам не выделили машину?..

И дед понял, что является ценным государственным имуществом и не имеет права рисковать собой».

Из воспоминаний В.К. Елисеева, выпускника ЛВМИ, партийного работника

«Дмитрий Федорович не командовал формированиями действующей армии, не участвовал в разработке стратегических операций. И все же он был награжден орденами Суворова 1 степени и Кутузова 2 степени, которыми по статуту удостаивали только командующих армиями и фронтами. А тогда боевыми наградами не разбрасывались. Д.Ф. Устинов заслужил эти награды: он возглавлял армию тех, кто своим трудом подтвердил славу русского оружия и доблесть русского солдата. Ведь наша победа была не только военной, но и экономической» [1].

После войны Д.Ф. Устинов был назначен министром вооружения, а затем и министром оборонной промышленности СССР. Если в начале войны на него легла задача в кратчайшее время наладить на заводах страны выпуск оборонной продукции, то теперь перед ним стояла задача остановить или снизить этот выпуск до минимально необходимой потребности и начать выпуск «мирной» продукции. Но при этом ни в коем случае не прекращать создание новых видов вооружения.

Из воспоминаний П.В. Финогенова, директора завода им. Дегтярева в Коврове (1954–1960), министра оборонной промышленности СССР (1979–1989), Героя Социалистического труда

«По каждому проекту нового образца вооружения и военной техники решение принималось при его активном участии. Сразу же после войны, когда стали известны некоторые данные о немецких баллистических ракетах, Устинов организовал тщательное изучение материалов, связанных с ракетной техникой, сделал все для форсированного развертывания работ по созданию и освоению серийного производства ракетного вооружения. Новая отрасль родилась в рамках его министерства, были заложены основы для развития ракетной и космической техники. Путь к новому оружию, щиту национальной безопасности, прокладывался по целине» [1].

При всей важности поставленных целей и задач, Д.Ф. Устинов и в те годы оставался все таким же строгим, но очень «человечным» руководителем.

Из воспоминаний Е.К. Комарова, одного из первых работников ВНИИ «Сигнал»

«С упоением «старики» рассказывали байки о том, как министр начинал посещение предприятий не с парадного, а с черного хода, любил заглянуть в раздевалку, рабочую столовку или бытовку цеха. Приехав на Подольский завод, Устинов остановил машину посреди огромной грязной лужи и поманил к себе пальчиком директора, который ждал его со свитой у подъезда. Пришлось всем в штиблетах шлепать по луже к машине высокого гостя. Министр даже в машину директора не пригласил, кратко прокомментировал лужу, развернулся и уехал».

Из воспоминаний Д.Т. Язова, Маршала Советского Союза (1990), Министра обороны СССР (1987–1991), участника Великой Отечественной войны

«Все, кто начинал работать с Устиновым, быстро понимали, что простых задач для него не бывает. Только сверхзадачи и обязательно — новое качество.

Копировать? Догонять? Никогда... Напористая натура и горячая кровь толкали его к делам, реализация которых часто не считалась с возможностями науки и промышленности, требуя рывка.

Поражаешься многообразию присущих ему качеств. Это и горячий ум крупного военного инженера, организатора создания сложнейшей боевой техники, это и жесткость сурового руководителя и качества опытного дипломата. Это проникновенное умение и способность аргументированно убеждать и не меньшие способности проводить принятое решение в жизнь, в практику войск. Наконец, громадная работоспособность, вечная занятость и постоянный интерес к углублению познаний в военном искусстве» [1].

Теперь хочется привести воспоминания о Дмитрии Федоровиче Устинове наших известных конструкторов стрелкового оружия М.Т. Калашникова, В.П. Грязева, А.Г. Шипунова. Ведь они создавали свои образцы вооружения в годы руководства оборонной промышленностью СССР именно Д.Ф. Устиновым.

Из воспоминаний М.Т. Калашникова

«Когда мы заканчивали работу над АКМ и РПК, к нам на завод приехал Д.Ф. Устинов, тогда уже заместитель Председателя Совета Министров СССР. Мы хорошо знали привычку Дмитрия Федоровича первым делом ознакомиться с тем, что сделано, что запущено в серию или осваивается в производстве. В большом зале на столах разложили продукцию. Представлено было не только боевое оружие нашей систе-

мы, но и образцы охотничьего и спортивного оружия, разрабатываемого нашими коллегами-конструкторами.

Первому пришлось докладывать мне. Я осторожно спросил:

— Каким временем располагаете, Дмитрий Федорович?

— Ох, и хитер конструктор, — отозвался Устинов. — Считай, что располагаем тем временем, в течение которого тебе интересно будет рассказывать, а нам интересно слушать.

Он прошел вдоль столов, бегло осмотрел образцы и повернулся к сопровождающим его нескольким военным и гражданским лицам.

— Послушайте внимательно конструктора. Представленное нам автоматическое стрелковое оружие, унифицированные системы — новый шаг вперед в оружейном деле.

Образцы лежали по порядку: два базовых — автомат АКМ и ручной пулемет РПК и вся «семья», рожденная на их основе. Автомат для ВДВ (воздушно-десантных войск) и других родов войск — АКМС (с металлическим складным прикладом). Автомат с ночным прицелом для пехоты — АКМН и АКМСН. И еще три ручных пулемета — соответственно, РПКС и с ночными прицелами РПКН и РПКСН.

Докладывая, я назвал несколько цифр:

— Если сравнить АКМ с АК, то преимущества первого по сравнению с его старшим «братом» выглядят так: вес уменьшился на двадцать пять процентов, кучность боя при автоматической стрельбе улучшилась в полтора-два раза.

— Каков эффект от нововведений?

— Значительно сокращен расход легированных дорогостоящих сталей. Трудоемкость изготовления каждого изделия снижена на 20 процентов, расход металла — на 13 процентов.

— Это все по модернизированному автомату. — Дмитрий Федорович опять пошел вдоль столов, на одном из них притронулся к ручному пулемету. — Скажи, пожалуйста, как соотносится трудоемкость изготовления твоего изделия, скажем, с дегтяревским РПД?

— По технологической оценке трудоемкость РПК составляет 60 процентов от трудоемкости РПД, наш пулемет на два килограмма легче дегтяревского.

— Хороший показатель, — откликнулся на мои слова один из сопровождавших Устинова генералов.

Я долго еще рассказывал об особенностях унификации представленного оружия, приводя конкретные цифры, наглядно демонстрируя при разборке и сборке образцов. При этом я обратил внимание всех присутствующих на плакаты, где было наглядно отображено, какие детали и узлы взаимозаменяемы.

Устинов обратился к тем, кто его сопровождал:

— Я думаю, товарищи, вы составили себе представление о том, насколько выгоден для войск и для производства решительный поворот к унификации оружия. Первое. Максимальная простота устройства, надежность в работе. Второе. Высокая технологичность. Третье. Дешевизна производства изделий. Четвертое. Войсковая ремонтопригодность.

Когда знакомство с образцами закончилось, всех пригласили в тир. Устинов шел рядом с директором завода. По дороге он пригласил меня к ним присоединиться. Я подумал, что Дмитрий Федорович хочет продолжить разговор о работе нашей группы. Однако совершенно неожиданно Устинов спросил:

— Доложи, когда ты последний раз в отпуске был?

Я смутился, не зная, как реагировать на его вопрос, начал вспоминать.

— Кажется, года четыре назад.

— Так не годится, товарищ конструктор. Вроде бы время сейчас не военное, чтобы наши конструкторы по нескольку лет в отпуск не могли ходить. И директору завода надо подумать над этим хорошенько.

За нашу работу, «за успехи по укреплению могущества нашего государства» большая группа рабочих и инженерно-технических работников была отмечена правительственными наградами. Мне в 1958 году было присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением золотой звезды Героя и ордена Ленина» [2, с. 266–268].

Д. Ф. Устинов проявлял чисто отцовскую заботу к молодым конструкторам, создающим новые виды вооружения для нашей армии. Он знал, что в творческом запале они могут работать многие годы без отдыха. Поэтому он и напоминал им о том, чтобы они ежегодно использовали свой отпуск для восстановления сил и здоровья. Сам же министр, находясь на отдыхе, в первый же день просил приносить ему каждое утро центральные газеты, а со второго дня уже начинал работать. Как вспоминали его родственники, он давал распоряжение помощникам узнать: кто из руководителей оборонных предприятий отдыхает в местных санаториях? На следующий же день Дмитрий Федорович назначал им встречу, и... начинались долгие производственные совещания. Говорят, что по этой причине иногда кое-кто из директоров заранее пытался выяснить время и место отдыха «их» министра...

Приезжая на тот или иной завод, Дмитрий Федорович всегда пытался узнать о том, как заводское начальство относится к своим работникам. У него были по-человечески добрые отношения с теми, кто работал во время войны. Любил он поговорить и с заводской молодежью, особенно творческой.

Из воспоминаний М.Т. Калашникова

«Огонь творчества надо было поддерживать, а людей пытливых, нестандартно мыслящих, не жалеющих времени для поиска новых подходов

к конструированию, к разработке, совершенствованию образцов и производственной базы, всемерно поощрять. Правда, не так просто было тогда изыскать на заводе средства для материального вознаграждения мастеров, лучших изобретателей и рационализаторов. Но руководство завода нередко забывало о такой важной стороне творчества, как его стимулирование.

Дмитрий Федорович Устинов, будучи министром вооружения и оборонной промышленности, первым заместителем Председателя Совета Министров СССР, секретарем ЦК КПСС и министром обороны СССР, часто бывал на нашем заводе. И всегда он общался с людьми, интересуясь их рабочими проблемами.

Как-то на одном из этапов наших опытно-конструкторских работ Д. Ф. Устинов обратил внимание директора завода на то, что рабочих, техников и инженеров очень скупо поощряют непосредственно на предприятии, ничем не отмечают самоотверженный, инициативный труд людей.

Вскоре после приезда Дмитрия Федоровича появился приказ о премировании многих наших товарищей за активное участие в отработке изделий. Среди них инженеры-конструкторы В. В. Крупин, А. Д. Крякушин, В. Н. Пушин, техник-конструктор Ф. В. Белоглазова, фрезеровщик Г. Г. Габдрахманов, слесари П. Н. Бухарин, Е. В. Богданов, ложейник П. М. Пермяков.

В следующий свой приезд на завод Д. Ф. Устинов, любивший бывать в цехах и беседовать с людьми, расспрашивая о ходе опытно-конструкторских работ, поинтересовался:

— Поощрять-то вас начальство не забывает?

Получив утвердительный ответ, он удовлетворенно улыбнулся. Понимаю, что Дмитрий Федорович не случайно задал этот вопрос. Щепетильный, пунктуальный во всем, особенно в том, что касалось заботы о людях, он строго контролировал, как выполняются его указания на этот счет.

Мне довелось не раз встречаться с Д. Ф. Устиновым по своим конструкторским делам, присутствовать на его беседах с рабочими, конструкторами. Поражало умение Дмитрия Федоровича быстро находить общий язык с аудиторией, вызывать на откровенный разговор самого неразговорчивого собеседника. Наверное, этому помогало его человеческое обаяние.

Дмитрий Федорович получил хорошую трудовую закалку, работая в молодые годы слесарем, а потом, после окончания Ленинградского военно-механического института, инженером-конструктором. Поэтому он хорошо знал и понимал людей, их нужды. На мой взгляд, быстрое продвижение по служебной лестнице (как известно, накануне войны — 9 июня 1941 года — Д. Ф. Устинов в 32 года стал уже наркомом вооружения) нисколько не лишило его доброжелательного, заинтересованного отношения к человеку-труженику, чьим мнением он всегда дорожил, какой бы пост сам ни занимал.

В сложные 1950-е годы поддержка Дмитрия Федоровича для меня значила многое. Он как-то по-особому, на мой взгляд, относился к оружейникам, в том числе и конструкторам. Наверное, сказывалось то обстоятельство, что сам он в свое время был тесно связан по инженерной специализации с конструированием вооружения.

Хорошо помню разговор, состоявшийся между нами в один из приездов Д. Ф. Устинова на завод.

— Как работаете, Михаил Тимофеевич? — поинтересовался министр, когда речь зашла о ходе опытно-конструкторских работ по модернизации АК-47 и о разработке унифицированных образцов оружия.

— Стало полегче, Дмитрий Федорович. Наконец-то у нас есть свое единое конструкторское бюро. А до этого шесть лет, можно сказать, в одиночку на заводе довелось работать.

— И что, тебе никто не помогал?

— Почему же, помощь оказывали, подключая к разработке тем инженеров из отдела главного конструктора. Но только теперь вот приказом директора утверждена организационная структура нашей группы. Правда, за то, чтобы спецгруппа получила право на существование, пришлось крепко драться, — вырвалось у меня признание.

— Как драться? Я, например, не могу понять позицию некоторых наших авиационных и танковых конструкторов, пытающихся отделиться от производства. А тут, оказывается, разработчику оружия пришлось бороться за право создать КБ на заводе. Любопытная ситуация. Нука расскажи подробнее, — подошел ко мне поближе Д. Ф. Устинов, выразительно взглянув на директора завода К. А. Тихонова и секретаря парткома И. Ф. Белобородова.

Пришлось мне рассказать о том, как писал докладные записки руководителям завода, как выступал на партийно-хозяйственном активе с критикой в их адрес из-за того, что у нас на заводе распыляют конструкторские силы по отдельным мастерским, цехам и отделам и затягивается выпуск новых изделий.

— Было такое, Иван Федорович? — повернулся министр к секретарю парткома.

— Все верно, Дмитрий Федорович.

— Забываешь, Иван Федорович, проверенный опыт, — укоризненно покачал головой Устинов. — Помнишь конец 1941 года? Тогда производство оружия на заводе стал тормозить кузнечный цех, где ты был начальником. Помнишь, какой выход мы в то время нашли? Создали единую группу конструкторов, технологов, других специалистов, спроектировали новое кузнечное оборудование, на металлургическом заводе его изготовили, и кузнечный цех перешел на многоручьевую штамповку. Что, в свою очередь, помогло успешно перевести производство оружия на поток. Вот что значит создание мобильной конструкторской группы

с включением в нее опытных специалистов-производственников. Разве можно сдавать в багаж опыт организации дела, позволявший нам подниматься на качественно новый технический уровень? А в случае с Калашниковым вы медлили неоправданно. Тем более что он включился в разработку таких опытно-конструкторских тем, которые в одиночку сейчас не решить.

Министр прошелся по кабинету, помолчал немного и продолжил свой монолог:

— Вам ли не знать, что главным требованием к оружию было и есть обеспечение его превосходства над аналогичным образцом оружия противника. Подчеркиваю: не соответствие ему, не приближение к нему, а именно превосходство по всем параметрам. Такое, которое имеет сейчас АК. Превосходить должны, следовательно, и модернизированные, и новые образцы.

Д.Ф. Устинов обладал каким-то удивительным чутьем на все новое, что рождалось в отрасли, особенно на заводах. Его всегда отличало стремление поддерживать новаторов, широко использовать достижения науки и техники для совершенствования технологии производства.

Говоря о Д.Ф. Устинове, хочу обратиться к словам генерал-полковника И.В. Илларионова, многие годы работавшего под его руководством: «Если при Сталине он еще не был в «высшем эшелоне власти», вроде бы не мог полностью отвечать за его действия, то при Хрущеве и особенно при Брежневе непосредственно участвовал в формировании государственной политики. Но у меня не повернется язык сказать, что Дмитрий Федорович был одним из тех руководителей, кто привел страну к застою. Время, конечно, накладывало отпечаток и на его деятельность, не могло не накладывать. Но если говорить в целом, то на протяжении десятилетий главным для него была как раз-таки борьба с консерватизмом, успокоенностью, самолюбованием, местничеством».

Общаясь с Д.Ф. Устиновым на протяжении многих лет, могу подтвердить, что знал я его именно таким» [2, с. 290–294].

Как говорится, дружба — дружбой, а служба — службой. Какими бы ни были хорошими и уважительными отношения Дмитрия Федоровича Устинова к Михаилу Тимофеевичу Калашникову, базировались они исключительно на государственных интересах. Ни о каких отступлениях от этого принципа не могло быть и речи...

Из воспоминаний М.Т. Калашникова

«Еще одна история, связанная с Болгарией, произошла в 1966 году в мой строго «невыездной» период жизни. Зная, что мой автомат выпускают в Болгарии, я хотел попросить, чтобы меня направили в деловую командировку на завод в Казанлык. Все-таки не покидало меня желание своими глазами увидеть производство моих изделий за рубежом...

Начать разговор об этой командировке я решил сразу с Дмитрием Федоровичем Устиновым, который был в то время секретарем ЦК КПСС, курирующим оборонную промышленность.

Относился ко мне Устинов хорошо. Работать при нем было и легко, и приятно. Он был из тех руководителей, кто, схватывая все на лету, решения принимал не всегда быстрые, но зато твердые и никогда их потом уже не менял. На него можно было положиться: не подведет, не бросит на полпути, не покинет в трудную минуту... Когда он приезжал в Ижевск, искать встречи с ним не надо было: тут же находился сам. Уезжая, непременно напоминал: будешь в Москве — не забывай!

Хорошим расположением Устинова ко мне часто пользовались областные и городские власти.

Однажды втроем пришли на прием к Устинову: я, секретарь Обкома и директор завода. Меня подтолкнули вперед. Стоило мне показаться в дверях, как Дмитрий Федорович встал из-за стола и, раскинув руки, пошел навстречу: «Дядя Миша приехал!..»

Я был на десяток лет его моложе, но какое это имело значение при той братской уважительной интонации, с которой он это говорил. Крепко обнял меня, и, не разнимая рук, покружил по кабинету. При таком приеме казалось, что ему переместить меня через государственную границу с Болгарией — пара пустяков.

Я еще не успел договорить о том, что мне надо бы посмотреть на оружейном заводе в Болгарии, как Дмитрий Федорович разом помрачнел и нахмурился. Потом негромко сказал: «Товарищ майор!»

Я был, как всегда, в штатском, но мне вдруг захотелось подняться с кресла и стать навытяжку: такой у Устинова появился тон.

Тут надо знать еще один нюанс: это было как раз то самое время, когда после газетной издевки американцев над тем, что «русский сержант» вооружил весь «Варшавский блок», меня стали стремительно повышать в звании. Можно сказать, утром узнаю, что я старший лейтенант, а к вечеру — уже капитан.

Ясно, что Дмитрий Федорович лично следил за моим «продвижением по службе»: теперь вот от него, от первого, узнал, что я, оказывается, уже стал майором...

Но положение дел это не меняло.

По спине у меня пробежал холодок, когда Устинов очень выразительно произнес: «Вы мне этого не говорили. Я от вас этого не слышал. У вас — все?»

Через четверть века все-таки осуществилась моя мечта — дважды я побывал в Болгарии с деловым визитом — в 1993 и 1995 годах. К тому времени у меня уже имелся достаточный опыт заграничных поездок» [2, с. 559–560].

Тульские оружейники Аркадий Георгиевич Шипунов и Василий Петрович Грязев относятся к более молодому поколению создателей воо-

ружения, нежели Михаил Тимофеевич Калашников. Разница в их возрасте составляла почти 10 лет. Поэтому было интересно узнать, как начинающие свой творческий путь конструкторы оценивали руководителя оборонной промышленности СССР Дмитрия Федоровича Устинова. Интервью были записаны в разные годы в Туле: в октябре 2006 года — с В. П. Грязевым, а в феврале 2012 года — с А. Г. Шипуновым.

Оказалось, что молодые тульские оружейники неоднократно встречались с министром Устиновым еще во времена разработок первых образцов своих авиапушек, то есть с 1950-х. Конечно же, вспоминая Устинова, они вспоминали и начало своего творческого пути, и свои молодые годы...

Из воспоминаний А.Г. Шипунова

«Е. М. Калашникова: ...Аркадий Георгиевич, меня очень интересует такая тема: в 1940–1950 годы большое количество молодых руководителей работало на очень высоких государственных постах. Если взять Дмитрия Федоровича Устинова, то он был поставлен на высокую должность молодым — ему, по-моему, даже 35 лет не было. Так что же это была за плеяда таких молодых руководителей? Причем грамотных руководителей, гибких и умных.

А. Г. Шипунов: И я на свою работу был поставлен в 34 года — 30 марта 2012 года будет 50 лет как я пришел.

Вообще-то, как говорится, все от Бога. Конечно, воспитание руководителя — это сложнейшая задача. Раньше ею занимались как следует. Тут много показателей.

Во-первых, природный ум — он виден сразу у человека, какой он — дурной или нет? Образование — для того, чтобы знать: как и что? Это тоже понятно. Здоровье должно быть железное абсолютно, потому что руководители работали (и я всю жизнь так работал) по 12 часов — это немного, а то по 14 и больше. А когда надо, то и по несколько суток, не вылезая. То есть здоровье обязательно должно быть.

Это уже сочетание показателей. Ну, а дальше должны быть духовные какие-то свойства человека: его любовь, преданность чему-то, способность думать не о себе и пожертвовать собой, лишь бы было сделано дело.

Е. М. Калашникова: С Вашей точки зрения, Устинов был жестким руководителем? В манере своей работы, во взаимоотношениях?

А. Г. Шипунов: Я скажу: Устинов был жестким, безусловно, но дальновидным. И главное, он ценил талант в людях. Вот некоторый руководитель увидит умного человека, и он уже его ненавидит — потому что сам-то знает, что он дурак, а этот человек его превосходит. Он обязательно старается задвинуть умного человека, чтобы не возникало сравнения. А вот Устинов был не такой. Он любил талантливых людей, окружал себя этими людьми. Я расскажу одну историю, которая мне врезалась в память. Сначала я ее не понял и не очень-то одобрил, поскольку тогда я молодой был — воспитанный молодой человек — и всякая грубость мне претила.

Значит, так. Одно время Дмитрий Федорович Устинов попытался выжать что-то из традиционного вооружения, в том числе из автоматических пушек. И он собрал нас, конструкторов и руководителей предприятий (руководители предприятий были при нас, а не наоборот), на коллегию и сказал: «Объявляю конкурс: кто лучше сделает пушку, которая будет обладать такими-то характеристиками, что внесет значительный вклад...» И мы, конструктора, кинулись на это дело.

Было приглашено много народу. Был Нудельман, причем с ним в компании его конструктора Рихтер и Грибков. Мы с Василием Петровичем Грязевым, мы тогда работали в Климовске в институте и тоже были приглашены. Были там ковровчане. Короче говоря, все, кто разрабатывал пушки. За исключением, естественно, Шпитального, которому быстро голову свернули — как только батька Сталин помер, на следующий день ликвидировали КБ Шпитального. Ну, Шпитальный — это легенда, много о нем рассказывают чудес. Я достаточно хорошо знаю его деятельность, и архивы Шпитального до сих пор хранятся у нас. Да, из тульского ЦКБ-14 были Афанасьев, Волков, Ярцев, Макаров. Много было конструкторов.

И начали мы всякие выдумки. Естественно, большинство из участвовавших в конкурсе конструкторов не вышло из обычных рамок, известных схем — так, улучшения какие-то. Какой выбирать патрон, нам никто не задавал. Поэтому — кто во что горазд: и такие, и сякие были пушки. Устинов нас собирал каждый месяц.

В общем, это была школа. Первое, что я понял, — не давай легких обещаний! Конечно, тебе же хочется что-то сделать, и ты видишь, что вроде бы можешь это, и об этом говоришь. На совещаниях, после того, как отчитался по состоянию дел, тебе задается вопрос: «Ну, хорошо. А что будет через месяц, скажи!» Ну, ты и обещаешь, что и это-то мы сделаем, и такие-то испытания проведем, и это-то проверим, и такие-то схемные решения... А там за нами пишут, и протокол потом приходит.

Проходит месяц, ты заглядываешь в этот протокол и с удивлением замечаешь, что ты и четверти не сделал. Вот тогда человек начинает понимать, что слова и дела — это разные вещи. И начинается нить обещаний. Надо бы не давать их легковесно, но мы отучились это делать. И «как штык» — месяц проходит, и нас опять собирают. Елки-палки, а ты понаобещал и то, и се... И начинаешь там вертеться, как уж на сковородке, отчитываться. Ну, Устинов особо нас, конструкторов, не ругал — так, покорит немножко. И опять мы запишем свои обещания, а через месяц опять отчитываться. Жуткая история...

Запомнился один такой случай. Участвовал в этой гонке Владимиров, известный автор пулемета КПВ. Знаете такой пулемет? Вы не знаете этот пулемет. Да, темный пулемет, темный... с множеством необъяснимых явлений. И долго он шел — потому что никто не придумал что-то приличное взамен.

Ну, так вот. Владимирову надо было отчитываться по состоянию дел у Устинова — он в то время работал в Коврове в ОКБ-575 (тогда еще

не было таких условных наименований, номерные были КБ). А с Владимировым там был главный инженер, вообще-то хороший такой малый, достаточно грамотный. И ввиду косноязычия Владимирова он и взялся доложить. Влез, значит, на трибунку и начинает рассказывать, что не выполнили они вот такое-то обещание, такое-то... Устинов попросил уточнить — а кто не выполнил? Главный инженер говорит: «Это Владимиров». И дальше продолжает: «Владимиров опять не выполнил», «Ему были даны такие-то указания. Владимиров опять не выполнил...»

Я смотрю, Дмитрий Федорович встал и начал ходить вдоль стола, что является признаком ярости внутренней. Потом он останавливается у этой трибуны и говорит главному инженеру: «Вы что? Какой Владимиров? Не Владимиров, а товарищ Владимиров! Конструктор Владимиров! Известный всей стране и в мире, а вы — Владимиров, Владимиров». И вот в это время я понял, как относится к конструкторам Дмитрий Федорович.

Конечно, как говорится, один Бог без греха. Были и у него грешки и грехи. Некоторые стратегические были промахи. Но у него были и успехи. Он воссоздал ракетную технику, он один взялся воспроизвести Фау-2 и так далее. Если бы он не взялся за эти дела, неизвестно, где бы мы были сейчас. А его отношение к конструкторам...

Причем тот же Владимиров — пушку он делал по неправильной схеме — револьверной, которая провалилась потом наглухо во всех странах. Прельщала простота ее, возможность получения темпа высокого. Но была неработоспособная схема — там невозможно обтюрацию обеспечить, горели стволы и так далее. В общем — это ложное направление. Мы с Василием Петровичем давно составили мнение и сказали — вот чем мы не будем заниматься, так это револьверными пушками. И мы опередили всех на 20 лет. А многие кинулись. И зря потратили время, и потерпели фиаско все — и наши конструктора, и за рубежом.

Так вот, об отношении Устинова к нам, конструкторам: он считал, что конструктор — святой человек, ему от Бога дано. А это никакими должностями, ничем не создается. Ну, может быть, он думал, что и высшим образованием не создается. Это не совсем так, конечно, но образование еще не определяет, что конструктор получится. То есть некоторое внутреннее содержание характера должно быть у человека» [3, с. 291–294].

«Е. М. Калашникова: А вы могли попросить у Устинова аудиенцию по какому-нибудь вопросу, если вам надо было?

А. Г. Шипунов: Наверно. Хотя, во-первых, он сам часто обращался к нам. А во-вторых, проводились сборы, где мы докладывали по работам, могли задать вопросы необходимые. То есть не было необходимости такой уж его обременять еще сверхзаботами.

Вот такой он был мужик...» [3, с. 300]

Удивительно, что почти через пятьдесят лет воспоминания А. Г. Шипунова о Д. Ф. Устинове столь насыщены мельчайшими подробностями

и яркими эмоциями. Безусловно, тут сказались незаурядные способности и таланты самого Аркадия Георгиевича Шипунова, масштаб его личности.

К сожалению, наш разговор с его многолетним другом и соратником Василием Петровичем Грязевым, состоявшийся на 6 лет ранее, получился более сжатым, скоротечным. Возможно, стиль нашего разговора «вопрос-ответ» более соответствовал характеру главного конструктора по стрелково-пушечному вооружению.

Тем не менее, даже в таких обстоятельствах удалось получить небольшой, но яркий материал из воспоминаний В. П. Грязева, связанных с личностью легендарного и бессменного руководителя «оборонки» СССР Д. Ф. Устинова.

Из воспоминаний В. П. Грязева

«Е. М. Калашникова: Уйдет одно поколение, второе, третье... Слава Богу, Василий Петрович, что есть среди оружейников люди, кто действительно встречался в рабочем порядке с большими руководителями, с тем же Устиновым. А вы с ним встречались? Какой он был?

В. П. Грязев: У меня имеется вот такое соображение: та плеяда руководителей — военных, гражданских, в том числе и Дмитрий Федорович Устинов туда входит, — кто прошел войну, резко отличались от тех, которые пришли после. Вот, например, современного генерала от авиации никак нельзя сравнить с маршалом Кутаховым Павлом Степановичем. И того же, скажем, начальника артиллерии никак нельзя сравнить с маршалом артиллерии Кулешовым Павлом Николаевичем.

Е. М. Калашникова: А еще до него Николай Николаевич Воронов маршалом артиллерии был...

В. П. Грязев: Воронов и другие. Те, кто прошел войну, у них на первом месте — укрепление России, на втором месте — укрепление России и на третьем — укрепление России. А у нынешних — у них расплываются идеи. Все эти три вопроса расплываются в непонятных идеях.

Е. М. Калашникова: Очень понятные: укрепление собственной позиции — окопаться.

В. П. Грязев: Да, укрепление собственной позиции — окопаться. Устинова Дмитрия Федоровича я помню так: даже когда конструктор сильно завирался — ну врет просто безбожно, — он его выслушает, никогда не скажет ему плохого. Поблагодарит и — все. Ну, естественно, отсеет хорошее от плохого. Но если ему начнет «гнуть» руководитель предприятия — главный инженер или директор, — все, он сгорел. Устинов его тут же посадит, тут же обернет все против него. Сотрет с лица земли. Беспощадный в этом деле мужик был. А дело свое знал.

Конечно, при Устинове был расцвет оборонной промышленности, расцвет города Ижевска. Даже такое сопоставление: ведь по автомобильному производству вначале он приехал в Тулу, и туляки его тут замотали. И он сказал: «Я к вам ездить больше не буду». А в Ижевске он это дело хорошо

организовал. Ижевск после этого расцвел во сто крат. Даже у меня такой приятель был — коммерческий директор на фирме «Эрликон», он сказал так: «Если бы вашей автомобильной промышленностью командовал такой человек, как Устинов, она была бы первой в мире» [3, с. 243–244].

Литература

1. Язов Д.Т. Нарком, министр, маршал. — М.: Патриот, 2002.
2. Калашников М., Калашникова Е. Калашников: траектория судьбы. — М.: Издательский дом «Вся Россия», 2007.
3. Калашникова Е.М. Разговор с оружейником. — Ижевск: Фонд имени М.Т. Калашникова, 2012.

КАЛАШНИКОВ — ДЕСЯТИЛЕТИЕ ПОСЛЕ СОЗДАНИЯ АВТОМАТА АК-47 (1919–1987)

***Калашникова Елена Михайловна**, 68 лет,*
дочь М.Т. Калашникова,
президент фонда имени М.Т. Калашникова,
г. Ижевск, Республика Удмуртия

Калашников М. Т.

Конструктор стрелкового оружия, дважды Герой Социалистического Труда, Герой Российской Федерации генерал-лейтенант Михаил Тимофеевич Калашников прожил долгую и насыщенную яркими событиями жизнь. 10 ноября 2014 года ему исполнилось бы 95 лет. К сожалению, до этой юбилейной даты он не дожил, уйдя из жизни холодным зимним вечером 23 декабря 2013 года.

Наше государство всегда высоко оценивало творческие достижения М.Т. Калашникова, но самые первые награды, полученные им в возрасте от 27 до 40 лет, были у него на особом счету. Орден Красной Звезды и медаль «За победу над Германией» (за боевые заслуги в Великой Отечественной войне) ему вручили в 1946 году, В течение десяти лет после создания автомата АК-47 молодой конструктор получил за свой труд несколько правительственных наград: в 1949 году — Сталинскую премию I степени, в 1957 году — орден Трудового Красного Знамени, а в 1958 — орден Ленина, золотую медаль «Серп и молот» и звание Героя Социалистического Труда.

Тем не менее, творческий путь конструктора Калашникова никак нельзя назвать легким — на том пути были и неудачи, и разочарования, а иногда и совершенное отчаяние. Но, можно сказать, что он всегда жил с «Божьей помощью», особенно необходимой в творчестве.

В книге «Калашников: траектория судьбы» сам конструктор говорит об этом так:

«Жизненное Счастье мое состоит в постоянном стремлении к творчеству. С детства сидит во мне и не дает покоя неутомимая тяга к труду, к совершенствованию того, что я вижу и что могу сделать лучше.

Удача моя состоит из длинного списка с именами тех людей, с кем меня свела судьба, тех, кто учил, наставлял, помогал. А разве это не истинное богатство, которое дается человеку от Бога?Стал бы я «знаменитым конструктором Калашниковым», если бы мне не встретились эти люди? Сомневаюсь...

О многих из них, об их роли в моей творческой биографии я постарался рассказать читателям. Конечно, далеко не обо всех и не так полно, как надо бы. Но невозможно изложить все нюансы и расставить все акценты в биографии человека, 85 лет шедшего по ухабистой и извилистой дороге жизни в самое переменчивое и трагическое для его страны время» [1, с. 441–442].

Великая Отечественная война закончилась. Советский Союз одержал победу над фашистской Германией — Великую Победу. Однако военные специалисты не останавливали работ по созданию новых видов вооружения.

В конце 1945 года двадцатишестилетний Михаил Калашников, работая в КБ подмосковного полигона в Щурово, включился в конкурс по созданию автомата под патрон 1943 года калибра 7,62-мм. Первые опытные образцы его автомата изготавливались в 1946–1947 годах на Ковровском заводе № 2, а опытная партия для войсковых испытаний — в 1948 году на Ижевском мотозаводе.

Выдержав полигонные и войсковые испытания, автомат АК-47 был рекомендован для принятия на вооружение, а его создателю старшему сержанту Калашникову 9 апреля 1949 года присудили высокую государственную награду «за разработку образца вооружения» — Сталинскую премию первой степени. Несколько позже вышло Постановление Правительства: «18 июня 1949 года Постановлением Совета Министров СССР № 2611–1033сс автомат Калашникова образца 1947 года (АК и АКС) принят на вооружение Советской Армии и Военно-Морского Флота».

Теперь встал вопрос о скорейшей организации массового производства нового автомата. Подготовка к этому велась уже более года: Министерством вооружения СССР было принято решение об организации массового выпуска автомата АК-47 в Ижевске на Машиностроительном заводе. Приказом министра Д. Ф. Устинова от 11 мая 1948 года предписывалось: «Директору завода № 74 (Машиностроительного) обеспечить срочную отработку опытных образцов автомата АК-47...», а приказом директора этого завода П. А. Сысоева от 11 ноября 1948 года плани-

ровались конкретные организационно-технические мероприятия по выпуску нового автомата. В декабре 1948 года завод изготовил первые четыре автомата. Один из них был испытан на 13350 выстрелов. По живучести и безотказности в работе автомат соответствовал действующим нормам технических условий. Поломок и дефектов в деталях не было.

Ижевский оружейный завод (позже — завод № 74 и Ижевский машиностроительный завод) основан в 1807 году как казенный завод по производству огнестрельного и холодного оружия для царской армии. В девятнадцатом веке завод изготавливал кремневые и капсюльные ружья, винтовки, карабины. С 1891 года началось производство оружия системы Сергея Ивановича Мосина. В 1914 году максимальный выпуск трехлинейной винтовки Мосина составил 2200 штук в день, а во время Великой Отечественной войны — 10–12 тысяч. За период 1891–1946 годов заводом было выпущено 56 793 640 единиц оружия системы Мосина.

За годы Великой Отечественной войны оружейники Ижевска произвели для Красной Армии более 11 миллионов винтовок, один миллион пистолетов, 130 тысяч авиационных пулеметов, около 100 тысяч противотанковых ружей Симонова и свыше 40 тысяч — Дегтярева, более 80 тысяч станковых пулеметов. Всего ижевскими заводами было поставлено фронту 12,5 миллионов стволов. Основная часть этого оружия была изготовлена на Ижевском заводе № 74 (Машиностроительном). За самоотверженный доблестный труд во время войны завод в 1942 году был награжден орденом Ленина, в 1944 — орденом Красного Знамени. В военные годы завод 12 раз получал переходящее Красное Знамя ЦК ВКП(б), которое после окончания войны в апреле 1946 года было передано ему на постоянное хранение.

Многолетний опыт изготовления автоматического оружия, большие производственные мощности, наличие грамотных специалистов-оружейников и сложившиеся почти за 150 лет хорошие оружейные традиции — все это было учтено при выборе Ижевского машиностроительного завода для массового производства нового автомата. Для участия в налаживании этого производства создатель АК-47 старший сержант М. Т. Калашников был направлен на Ижевский машиностроительный завод. Демобилизовавшись, он приехал в Ижевск. Начиная с сентября 1949 года и по апрель 1955 года он работал в отделе главного конструктора (ОГК) Ижевского машиностроительного завода сначала конструктором, а с июня 1950 по июль 1955-го — ведущим конструктором.

Наличие у молодого конструктора высокой награды — Сталинской премии первой степени совершенно не означало, что для него на заводе открылись все двери, а его работам оказывалась безусловная поддержка. Нет, ничего такого не происходило: никто его «на руках не носил» и никаких «зеленых улиц» для его разработок на заводе не было. В начале 1950-х

годов М.Т. Калашникову приходилось заниматься не столько конструкторской работой, сколько отстаивать право на самостоятельность и независимость в творческой работе. Молодого конструктора часто удивляло и обескураживало нежелание руководства завода способствовать оперативному решению возникающих задач по доводке нового автомата АК-47.

Чем можно объяснить такое отношение? Возможно, тем, что на этом оружейном заводе, как ни парадоксально, никогда не было «своего» разработчика оружия, способного смотреть дальше существующих образцов и работать на перспективу. Заводские конструкторы не ставили перед собой принципиально новых технических задач. Они занимались в основном мелкими конструкторскими доделками, дополнениями к уже освоенным образцам вооружения.

Пожалуй, исключением был лишь С.Г. Симонов, еще до войны и в годы суровых военных испытаний налаживавший на ижевском оружейном заводе производство своих образцов. Но он тогда уже был общепризнанным создателем оружия, имевшим за плечами богатую творческую биографию. Да и приезжал Сергей Гаврилович в Ижевск эпизодически, хотя бывало, что жил там продолжительное время. И вдруг на этом заводе в 1949 году появился молодой чужак, претендующий на роль лидера в разработке оружия, проявлявший невиданную самостоятельность в конструировании...

Не последнюю роль в сложном отношении конструктора Калашникова с руководством завода сыграло и то обстоятельство, что нередко, минуя директора, главного инженера и главного конструктора, на его имя приходили телеграммы из Министерства вооружения или Министерства обороны. Как правило, в них М.Т. Калашникову предлагалось прибыть на совещание, либо поработать над устранением какого-то недостатка в созданном им образце оружия, либо принять участие в очередном конкурсе по новым разработкам. Конечно же, тогдашнее руководство завода не хотело мириться с такой его независимостью...

Безоговорочно М.Т. Калашников был принят и понят на заводе лишь молодыми конструкторами их маленького творческого коллектива. Но должность его была тогда невелика для того, чтобы все намеченные работы без промедления выполнялись: он был просто ведущим конструктором. И только через шесть лет стал руководителем небольшой специализированной группы.

Об этом времени конструктор вспоминал так в книге «Калашников: траектория судьбы»:

«Посоветоваться — как заниматься созданием новых изделий в условиях завода, как правильно построить взаимоотношения с его руководством я мог лишь с коллегами — оружейниками, работавшими в подобных условиях. Но, к сожалению, один за другим ушли из жизни выдающиеся конструкторы стрелкового автоматического оружия: в 1949 году умер В.А. Дегтярев, в 1952 — не стало Г.С. Шпагина. В последние годы меня с ними связывали тесные творческие и человеческие контакты, хотя мы

работали на разных заводах. Опыт знаменитых оружейников, их заинтересованное участие в моем конструкторском становлении для меня были очень важны. Но, к сожалению, я лишился их дружеской поддержки...

Конструкторы Ижевского машиностроительного завода (слева направо) Крупин В. В., Зорин П. Н., Калашников М. Т. Начало 1950-х гг.

Отношения на заводе были непростыми. Помню, как в начале 1952 года ко мне подошел начальник опытного цеха К. И. Колосков. Его мрачный, насупленный вид не предвещал приятного разговора. Он вытащил из кармана вчетверо сложенный лист бумаги, развернул его. Как я понял, это был документ, поступивший из Министерства вооружения.

— Опять требуешь себе для работы особые условия? Ну, где я тебе возьму таких квалифицированных рабочих, как фрезеровщик, токарь, слесарь-отладчик? — Константин Иванович помахал бумагой, словно флажком. — Тебе и так помогают Габдрахманов, Бухарин, Бердышев, а ты никак не угомонишься.

— Не спорю, помогают, — отозвался я, отрывая напильник от зажатой в тисках заготовки. — Да только помощь-то эта эпизодическая. Вы то и дело перекидываете рабочих на другие участки, не даете возможности своевременно изготовить опытные детали. Самому приходится постоянно за верстак вставать. А много ли я могу сделать один? — Я в сердцах бросил напильник. — Есть же распоряжение министерства, так выполняйте. А вы все волокитой занимаетесь, срываете сроки работ...

— Ты поосторожнее в выражениях-то, — еще больше ожесточился начальник цеха. — Не у одного тебя срочные дела. Хороших специалистов я не рожаю. Так что и дальше будешь довольствоваться тем, что дают. А начнешь артачиться — вовсе никого не получишь.

В словах Колоскова таилась реальная угроза торможения работ, в которые я тогда активно включился. Понимал: мог вообще оказаться не у дел, столь велико было бюрократическое противодействие моим попыткам претворить в жизнь новые идеи.

Так оно и случилось. Сроки изготовления деталей затягивались. На мои устные обращения к главному конструктору, к главному инженеру я слышал лишь обещания разобраться. Обещания, к сожалению, повисали в воздухе.

Пришлось обратиться с письменной докладной на имя главного инженера А. Я. Фишера. Приведу ее полностью, чтобы показать, насколь-

ко трудно порой пробивались в жизнь новые конструкторские задумки. Срок на документе — 8 апреля 1952:

«При переводе меня на работу в отдел № 58 в министерстве и на заводе неоднократно говорилось, что все опытно-конструкторские работы будут и должны выполняться в экспериментальной мастерской ОГК (отдела главного конструктора) вне очереди.

Практически начиная с начала 1949 года и по сей день наблюдается обратное, то есть сроки изготовления самых незначительных опытных деталей цех (который, кстати сказать, называется опытным цехом) настолько затягивает, что каждый раз у конструкторов притупляется всякий интерес к исполнению нового.

У руководителей цеха вошло в практику откладывать изготовление опытных деталей на недели, а некоторых из них — и на долгие месяцы. Подобная практика вошла в систему работы отдела и цеха, что создало крайне нетерпимое положение с ведением опытных работ.

В защиту установившегося порядка руководители ОГК и цеха каждый раз выставляют причины систематической перегрузки цеха серийными и валовыми заказами.

Начиная с 1949 года практика показала, что ведение опытных тем в установившемся порядке в отделе постоянно приводило к срыву выполнения работ.

Учитывая значительное количество и большую важность опытных работ, утвержденных на 1952 год, прошу Вас дать соответствующее указание о выделении ряда цеховых работников и станков, закрепив их на изготовление опытных работ, создав таким образом спецгруппу, которая в работе подчинялась бы руководителям опытных тем.

Считаю, что только при таких условиях возможно будет успешно вести опытно-конструкторские работы».

С подобным же письмом я обратился и в Министерство вооружения.

В министерстве среагировали на мое обращение очень быстро. Уже через две недели на завод пришло письменное предписание выделить в мое распоряжение квалифицированных рабочих и обеспечить срочность исполнения моих заказов.

Предписание министерства вызвало раздражение у руководства завода и опытного цеха. Однако не выполнить его на предприятии все же не осмелились. Вышел приказ, в котором определялось, кто из рабочих будет помогать мне в опытно-конструкторских работах. Но этот приказ был лишь формальным ответом на указание министерства. Практически не было и дня, чтобы он не нарушался. Без моего ведома выделенных специалистов то и дело переводили на выполнение других заказов.

На мой вопрос, почему подобное происходит, начальник опытного цеха только разводил руками и, отводя взгляд, вздыхал:

— Таков приказ директора.

Ссылался он на директора К. А. Тихонова не случайно. К сожалению, Константин Алексеевич не очень благоволил к конструкторам-оружейникам. Ему, видимо, казалось, что мы только хлопот заводу прибавляем. Вечно поглощенный производственными заботами, он с неохотой выкраивал время для наших личных с ним встреч. В отделе и цехе, где мы трудились, он почти не появлялся.

С одной стороны, понять директора можно: он руководил крупнейшим на Урале машиностроительным заводом. Кроме оружия, здесь выпускали технику для народного хозяйства. К тому же во многих цехах шла реконструкция, чтобы наладить производство мирной продукции.

Тем не менее, оставалась необъяснимой позиция, занимаемая К. А. Тихоновым по отношению ко всему новому, что появлялось у нас, разработчиков оружия.

После конфликта с начальником опытного цеха и после того, как главный инженер А. Я. Фишер, на имя которого я подавал докладную, не предпринял никаких серьезных практических шагов, мне ничего не оставалось делать, кроме как искать личного контакта с директором завода.

<...> Докладную записку директору я написал немедля. Только вот проку от нее большого не было. Правда, рабочих стали срывать с места не так часто. Что касается создания конструкторского бюро, то решение вопроса не продвигалось вперед еще несколько лет. Только в конце февраля 1955 года была создана специальная конструкторская группа при отделе главного конструктора...

Все это, конечно, не могло не сказаться на качестве и темпе доводки АК-47 в ходе его серийного выпуска, а так же в последующих работах по модернизации образца и унификации оружия.

И, тем не менее, работа шла. Инженеры-конструкторы нашей группы в тесном контакте с заводскими технологами прилагали немало усилий, совершенствуя АК-47 в ходе производства. Активно помогали в этом все заводские службы.

Ни один автомат не уходил от нас в войска, не пройдя через руки заводских испытателей. Через руки тех, кто проверял работу оружия при стрельбе, испытывал его на прочность. Надо сказать, занимаются этим люди с большим опытом, знающие толк в каждом образце» [1, с. 272–277].

В короткие сроки завод смог освоить выпуск нового оружия, но еще несколько лет шел непрерывный процесс по дальнейшей конструктивной и производственно-технологической доработке выпускаемого изделия. В этой работе были задействованы заводские конструкторы, технологи, металлурги, химики, специалисты оружейного производства, военной приемки. В отделе главного конструктора были созданы специальные подразделения для решения вопросов, связанных с разработками Калашникова: бюро

текущего производства АК-47, бюро аналитических расчетов, бюро испытателей. Благодаря усилиям большого коллектива специалистов завода за несколько лет массовое производство автоматов Калашникова было налажено.

При всей сложности взаимоотношений конструктора Калашникова с руководством завода со временем перед ним реально встал вопрос создания собственной рабочей группы. Необходимо было подобрать инженеров и техников, способных творчески мыслить, работать в режиме постоянного конструкторского поиска, умеющих быстро и эффективно решать все новые и новые технические задачи. Именно таким помощником при доработке автомата по замечаниям войсковых испытаний стал молодой и очень способный конструктор Владимир Васильевич Крупин.

В течение пяти первых лет работы на заводе М.Т. Калашников постепенно собрал команду единомышленников, о которой давно мечтал. В нее вошли молодые конструкторы: Владимир Васильевич Крупин, Алексей Дмитриевич Крякушин, Виталий Николаевич Пушин, Валерий Александрович Харьков. В таком составе они работали до 1955 года, не являясь официально оформленной группой. Можно сказать, что ведущий конструктор Калашников был ее «творческим лидером», к тому же и самым старшим по возрасту. Наконец, в феврале 1955 года была создана специальная конструкторская группа под руководством М.Т. Калашникова в отделе главного конструктора. Это радостное событие произошло перед началом работ по модернизации автомата.

Конструктор Калашников и его помощники одновременно работали по двум направлениям: кроме участия в налаживании массового производства автомата, необходимо было дорабатывать конструкцию образца по предложениям и замечаниям, появившимся во время войсковых испытаний, а также в ходе войсковой эксплуатации оружия. А это вызывало массу неприятностей — не раз приходилось сталкиваться с противодействием заводских специалистов. Они не хотели менять то, что, на их взгляд, было уже проверено и утверждено. Отвечая за оперативное освоение производства и высокое качество продукции, заводские специалисты опасались вводить конструктивные изменения, которые могли снизить качественные показатели изделия. И, как следствие, — задержка производства и «несоблюдение срока поставки автоматов в армейские части». Но ведь и конструктор автомата обязан учитывать поступающие замечания и дорабатывать свой образец. Любыми способами.

За два года войсковой эксплуатации автомата на завод поступило около 50 различных замечаний и предложений. По каждому надо было определить причину и найти пути устранения. Проблемы могли быть как конструктивного характера, так и технологического. Одно без другого не решалось, все было взаимосвязано. Малейшие изменения в конструкции или в технологии изготовления приводили к необходимости многократной проверки образца по всем параметрам всеми участниками производства. Последним этапом такой проверки были испытания: заводские, полигонные и войсковые. Только после этого разрешался промышленный выпуск изделий с внедренными изменениями.

Занимался конструктор Калашников такими вопросами, как снижение веса образца и улучшение кучности боя, а также отработкой технологии изготовления. На любом заводе существуют насущные задачи: экономия материала, электроэнергии, снижение себестоимости, внедрение новой техники и т.п. В результате проведенных работ за первые два года (1949–1950) добились снижения себестоимости одного изделия в 3 раза: с 2202 до 676 рублей. Уменьшение объема металла на одно изделие за тот же срок составило 1,2 кг. Все надо было делать так, чтобы не ухудшать эксплуатационных качеств образцов. То есть через новые творческие поиски, через конструкторские и технологические исследования — все по тому же кругу изменений и проверок, по кругу внедрения.

Занимаясь проблемами по усовершенствованию выпускаемого заводом автомата, Калашников не мог не думать и о новых разработках. Он знал, что коллеги-конструкторы, потерпевшие поражение при участии в конкурсе по созданию автомата в 1945–1948 годах, продолжают работать в том же направлении.

Специалисты военных ведомств, не останавливаясь на достигнутых результатах, ставили перед оружейниками все новые и новые задачи. С принятием АК-47 на вооружение армии соревновательный процесс создания нового индивидуального оружия для советского солдата не закончился. Конструкторы-оружейники продолжали свои творческие поиски, хотя теперь добиться успеха было значительно сложней. Лишь при условии достижения значительного превосходства над АК-47 они могли рассчитывать на победу.

Из книги «Калашников: траектория судьбы»:

«Так, например, автор «короткого автомата», привлекшего в прошлом конкурсе большое внимание специалистов-оружейников, тульский конструктор Г.А. Коробов отказался от жесткого запирания ствола, а вместе с тем и от газоотводной системы. Он построил работу автоматики своего нового образца на принципе отдачи полусвободного затвора. И это позволило заметно уменьшить усилие отдачи оружия по сравнению с системой АК.

В образце Коробова было несколько новаторских решений, заинтересовавших специалистов ГАУ и полигона. В 1952 году были проведены испытания новой системы. Но первую модель оценить не удалось из-за ранней поломки муфты ствола. При повторных испытаниях доработанный образец удовлетворил основным требованиям, предъявляемым к данному типу оружия.

Был отмечен ряд преимуществ автомата Коробова перед системой АК: «по кучности стрельбы, по простоте конструкции и изготовления и в освоении». И, несмотря на наличие в нем сложных по трудности устранения недостатков, специалисты оценили его как «перспективный образец, претендующий на занятие видного места в системе вооружения армии».

Для нашей конструкторской группы это было поводом для форсирования работ по совершенствованию штатного АК-47» [1, с. 241–442].

Такой творческий прорыв туляка Коробова стал серьезным сигналом не только для конструктора Калашникова и его соратников, но и для других оружейных конструкторских коллективов. Начался новый виток соревнований: военные специалисты поставили задачу дальнейшего облегчения индивидуального оружия с одновременным улучшением его тактико-технических характеристик.

Осенью 1952 года по предложению подмосковного полигона Ижевский машиностроительный завод приступил к выпуску опытной серии автоматов тульского конструктора Коробова для проведения войсковых испытаний. В процессе производства выяснилось, что трудоемкость изготовления автоматов Коробова почти в два раза меньше, чем автоматов АК-47. На основании этого Главное артиллерийское управление согласилось с мнением полигона о проведении войсковых испытаний автомата Коробова. Но эта работа не была завершена, так как перед военными специалистами возникла другая, более важная задача: создать унифицированный комплекс облегченного стрелкового оружия под патрон образца 1943 года калибра 7,62 мм.

Обладая творческой интуицией, Симонов, Константинов, Коробов и другие конструкторы-оружейники уже работали в этом направлении. Они пытались создать такой образец, который смогбы заменить и автомат, и карабин.

Конструктор Калашников также включился в соревнование по созданию автомата-карабина, одновременно дорабатывая штатный АК-47 с целью снижения его веса и улучшения кучности стрельбы. Он понимал, что участие в соревнованиях по различным образцам не только дает возможность проверять новые конструкторские идеи, но и помогает находить те или иные решения для совершенствования уже существующей системы. Участием в соревнованиях оттачивается мастерство конструктора, стимулируется его творческое мышление. Даже если не будет победы — надо участвовать.

Создавая автомат-карабин, М.Т. Калашников брал все лучшее из своих же предыдущих разработок. Образец объединил в себе признаки автомата и карабина с большим уклоном в сторону последнего по устройству подвижной системы (автоматики). Испытания этого опытного образца на полигоне показали, что он имеет равноценную с АК-47 кучность стрельбы, но уступает ему по надежности и по эксплуатационным качествам.

При технологической оценке автоматов-карабинов различных конструкций предпочтение было отдано конструкциям Коробова (Тула) и Константинова (Ковров). Технологический институт рекомендовал их как базу для дальнейших разработок данного вида оружия. Но со временем работы по созданию этого вида оружия потеряли свою актуальность...

В 1953 году конструктору Калашникову поступило задание от Главного артиллерийского управления: снизить вес АК-47 на 180 граммов. В резуль-

тате работ, проведенных конструктором и его помощниками, вес автомата был снижен на 500 граммов (с 4,3 до 3,8 кг). Боевой вес автомата с комплектом из шести снаряженных магазинов снизился на 1 кг — с 10,1 до 9,1 кг.

В 1954 году было принято решение о проведении полигонных и войсковых испытаний на предмет возможности использования облегченного АК-47 как единого образца индивидуального оружия солдата. Из отчета по результатам испытаний: «В целях повышения эффективности огня, надежности работы автоматики, живучести деталей и маневренных качеств оружия 7,62-мм СКС целесообразно заменить 7,62-мм АК». Вот так, без какого-либо вмешательства со стороны конструкторов военные специалисты принимают решение о замене одного образца, находящегося на вооружении армии, другим.

В 1955–1956 годах в нашей стране начались работы по созданию унифицированного стрелкового оружия под патрон калибра 7,62-мм (автомат и ручной пулемет). В них приняли участие все ведущие конструкторы-оружейники: Герман Александрович Коробов, Александр Семенович Константинов, Сергей Гаврилович Симонов, Владимир Васильевич Дегтярев (сын В. А. Дегтярева), Георгий Семенович Гаранин и Михаил Тимофеевич Калашников.

Проблема унификации во все времена была заветной мечтой оружейников. В чем же ее сущность? Если коротко — создаваемые типы оружия должны иметь одинаковое устройство механизмов автоматики и отличаться лишь отдельными деталями. Что это дает? Многократно упрощает изготовление и ремонт оружия. Приносит весьма солидный экономический эффект. Значительно облегчает организацию производства новых образцов. Облегчает изучение поступающих типов оружия в войсковых подразделениях.

Впервые задачей унификации стрелкового оружия занялся Владимир Григорьевич Федоров. В начале 1920-х годов на базе своего автомата он сделал унифицированные образцы оружия для пехоты, танков, авиации. Ручные пулеметы системы Федорова-Дегтярева, спаренный ручной пулемет Федорова-Шпагина, авиационный пулемет Федорова-Дегтярева — всего тогда было создано 12 образцов. Эти разработки не были востребованы — в серийное производство они не пошли из-за того, что проектировались под 6,5-мм патрон и были далеки от совершенства.

Накануне Великой Отечественной войны снова встал вопрос унификации стрелкового вооружения Красной Армии. Это было связано с вероятностью военных действий на территории нашей страны и необходимостью в этом случае быстрого налаживания производства по выпуску оружейных изделий на заводах в тылу. Процесс был бы значительно облегчен при унификации этих изделий, типизации их узлов, полном осуществлении принципов взаимозаменяемости деталей в изделиях. Но эту работу выполнить тогда не удалось — начавшаяся война поставила перед оружейниками другую, более насущную задачу: создание маневренного, простого и надежного автоматического стрелкового оружия.

После войны снова возникла необходимость принятия на вооружение унифицированного стрелкового оружия. Унификация стрелкового вооружения могла дать нашему государству большую экономическую выгоду. В СССР было несколько оружейных заводов, несколько независимых оружейных производств, выпускавших для армии три разных образца оружия — ручной пулемет Дегтярева РПД, самозарядный карабин Симонова СКС и автомат Калашникова АК-47.

Для военнослужащих Советской Армии изучение и боевое применение трех различных по конструкции образцов было делом нелегким — хотя они и были сделаны под один и тот же патрон, по своему устройству не имели ничего общего. Даже питание патронами различалось: пулемет имел ленту, карабин — неотъемный магазин на десять патронов, автомат — отъемные магазины на тридцать патронов каждый.

В марте 1953 года были разработаны тактико-технические требования (ТТТ) на создание унифицированных образцов автомата и ручного пулемета. Создание нового автомата требовалось проводить в комплексе с ручным пулеметом под тот же патрон при максимальном уровне унификации деталей, в первую очередь по устройству автоматики.

В августе 1954 года на Ижевский машиностроительный завод доставили письмо начальника Управления стрелковым вооружением ГАУ А. Н. Сергеева от 06.08.1954 г. следующего содержания: «В связи с актуальностью данной работы, а также учитывая целесообразность параллельной работы с другими КБ и заводами МОП (Министерства оборонной промышленности), которые в инициативном порядке уже приступили к разработке легких образцов стрелкового вооружения, прошу и на Вашем заводе широко развернуть указанные работы и нацелить ОГК (Отдел главного конструктора) на разработку легкого автомата и легкого ручного пулемета на базе автомата Калашникова в текущем году».

Из книги «Калашников: траектория судьбы»:

«Перед нами, конструкторами-оружейниками, была поставлена сложная задача. Но как ее решить? У каждого образца есть свои особенности, свои функции...

...В конструкторском бюро Дегтярева пытались решить поставленную задачу на базе пулемета. Начал работу над этой проблемой и Сергей Гаврилович Симонов. Было и несколько новых проектов, самым сильным из которых оказался проект известного тульского конструктора Коробова.

Мы в этой работе взяли за основу автомат АК-47. И не потому, что не смогли создать нового образца — мы и это делали. А потому, что автомат к этому времени уже зарекомендовал себя и высокой надежностью, и простотой устройства.

Зная, что живучесть у автомата почти в два раза меньше, чем у пулемета, мы не могли считать отдельные детали унифицированными, не проведя

соответствующей их доработки. При этом некоторые детали десятки раз меняли свою форму. Сделали специальную гоночную машину, чтобы испытывать эти детали ускоренным методом, без стрельбы. После проверки на этой машине мы ставили проверенные на ней детали в автомат и отправляли его в тир. Там уже наши испытатели проверяли образец, не жалея патронов. Иногда результаты простой механической гонки и стрельб были противоречивыми. Окончательные выводы мы делали, конечно, только после стрельбы.

Нелегко было решить вопрос единого питания патронами двух различных по своему боевому назначению образцов оружия. Лента и магазин трудно совместимы, так же как отъемный и неотъемный магазины. Мы начали отработку сразу нескольких вариантов магазинов повышенной емкости для будущего пулемета.

...Все детали, подлежащие разборке и сборке в армейских условиях, сделали так, чтобы обеспечить их взаимную перестановку из автомата в пулемет и из пулемета в автомат» [1, с. 253–255].

Наконец, работа над созданием новых образцов завершилась — автомат и ручной пулемет стали значительно легче штатных образцов, их кучность боя была улучшена. Вместо обоюдоострого штыка был разработан нож, легко режущий проволочное заграждение, даже находящееся под напряжением.

В начале 1957 года отработанные образцы унифицированного оружия Калашникова были поданы на конкурсные испытания, которые должны были проходить в несколько туров, с последующими доработками образцов после каждого тура. Вновь предстояла борьба конструкторских идей с постепенным уменьшением числа претендентов на победу.

Весной 1957 года начались испытания унифицированных систем. К первому туру испытаний унифицированных систем были предъявлены: автоматы и ручные пулеметы Коробова, Калашникова, Константинова; автомат Симонова — без пулемета; пулемет Дегтярева-Гаранина — без автомата.

Из книги «Калашников: траектория судьбы»:

«...Основным моим конкурентом стал тульский конструктор Коробов, привезший уже на первый тур испытаний хорошо отработанные образцы автомата и ручного пулемета. Герман Александрович являлся новатором в создании оружия с полусвободным запиранием канала ствола. Штамповка деталей его образцов, я бы сказал, классическая. Он, безусловно, очень сильный инженер и большой мастер оружейных дел. Мне много раз и в дальнейшем приходилось с ним встречаться, и всякий раз он оставлял самые лучшие впечатления о себе и о своей работе.

Неудивительно, что многие предсказывали ему победу в последнем туре сравнительных испытаний. Действительно, наша борьба шла на равных, и только введение новых конструкторских решений позволило обойти его образцы» [1, с. 256–257].

Победителя в этом туре полигонных испытаний выявлено не было, так как ни одна из представленных систем не удовлетворила заданные ТТТ (тактико-технические требования). Подводя итоги, члены комиссии отметили те или иные преимущества соревнующихся между собой образцов. По степени реализации унификации деталей автоматики лучшими были образцы Константинова (следующие — Калашникова); по кучности — образцы Коробова (следующие — Калашникова); по надежности работы — образцы Калашникова. Испытания автоматов Симонова были прекращены из-за их ненадежной работы. Комиссией рекомендовались к доработке и участию в следующем туре полигонных испытаний унифицированные образцы Коробова и Калашникова, как более перспективные.

Второй тур полигонных испытаний унифицированных систем (автоматов и ручных пулеметов) был назначен на лето 1957 года. Конструкторам отводилось всего три-четыре месяца на доработку образцов — за этот короткий срок надо было устранить все отмеченные комиссией недостатки, сохранив или даже улучшив технические характеристики.

Из книги «Калашников: траектория судьбы»:

«В ходе модернизации автомата мы изменяли многие детали, максимально упрощая образец, повышая его живучесть и надежность. Одной из первоочередных задач был переход от фрезерованной ствольной коробки к штампо-клепаной конструкции из листовой стали.

<...> Простота, надежность, живучесть, технологичность, доступность сырья и материалов... Десятки, сотни раз мы испытывали наши образцы на эти факторы. Сколько времени пришлось повозиться со ствольной коробкой, сколько усилий затратить, чтобы отладить ее конструкцию. Переходя на изготовление ее из листовой стали методом штамповки, мы ведь не просто добивались снижения металлоемкости изделия, но и выходили на новый уровень повышения надежности и живучести образцов в целом, добиваясь значительного снижения их трудоемкости.

В ствольной коробке, образно говоря, размещалось сердце оружия — его автоматика, то, что обеспечивало безотказность его работы. Все детали, размещенные в ней, выполняли основные рабочие, скажем так, двигательные функции. А там, где есть движение деталей, их соприкосновение друг с другом, неизбежно возникает трение. Пыль, вода, загустевшая смазка — все это способствует усилению трения, ухудшает работу механизмов.

Как избежать того, чтобы воздействие грязи, попавшей вовнутрь, смазки, загустевшей при сорокаградусном морозе, не ухудшало работу автомата? Мы прикидывали вариант за вариантом. Так возникла идея «вывесить» детали. То есть увеличить зазор между коробкой и подвижной частью, между затвором и затворной рамой.

<...> Правильность выбранного нами пути подтвердили не только полигонные, но и войсковые испытания, которые проводились в трех военных округах одновременно» [1, с. 260–262].

Летом 1957 года прошли повторные испытания унифицированных систем, в которых предполагалось участие образцов М.Т. Калашникова (Ижевск), Г.А. Коробова (Тула), А.С. Константинова (Ковров). Но так как Коробов не смог представить доработанные образцы к установленному сроку, они в испытаниях не участвовали. А образцы Константинова постигла неудача в самом начале — при проверке на надежность работы в затруднительных условиях. Поэтому они были досрочно сняты с испытаний и возвращены конструктору для доработки.

У образцов Калашникова в ходе испытаний тоже были выявлены недостатки. С условием устранения замечаний по полигонным испытаниям легкий автомат Калашникова был рекомендован к изготовлению опытной серии, а ручной пулемет — к доработке. Но Главное артиллерийское управление приняло решение одновременно подвергнуть войсковым испытаниям и автомат, и ручной пулемет, так как только такие испытания дают более полную информацию для окончательной доработки образцов.

Войсковые испытания прошли успешно — модернизированный автомат АКМ показал явное преимущество перед штатным образцом АК-47. Он был рекомендован для принятия на вооружение с условием предварительного устранения некоторых, выявленных испытаниями, недостатков.

С 1957 по 1959 годы конструкторская группа Калашникова занималась доработкой образцов автомата и ручного пулемета по замечаниям полигонных и войсковых испытаний.

За успешную работу по созданию образцов унифицированной системы оружия большая группа рабочих и инженерно-технических работников завода была отмечена правительственными наградами. 20 июня 1958 года 38-летнему конструктору Михаилу Тимофеевичу Калашникову присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением золотой медали «Серп и Молот» и ордена Ленина.

В 1959 году была принята на вооружение Советской Армии унифицированная система стрелкового оружия Калашникова под патрон калибра 7,62 мм: автомат АКМ (7,62-мм модернизированный автомат Калашникова); автомат АКМС с металлическим складным прикладом для ВДВ и других родов войск; автоматы АКМН и АКМСН с ночными прицелами; ручной пулемет РПК; ручной пулемет РПКС со складным прикладом; ручные пулеметы РПКН и РПКСН с ночными прицелами.

Принятый на вооружение новый автомат АКМ по сравнению с АК-47 стал на двадцать пять процентов легче, а его кучность при автоматической стрельбе в полтора-два раза выше. Трудоемкость его изготовления снижена на 20 процентов, расход металла — на 13 процентов. Значительно сокращен расход легированных дорогостоящих сталей. Трудоемкость изготовле-

ния ручного пулемета Калашникова составила 60 процентов от трудоемкости ручного пулемета Дегтярева, и РПК на два килограмма легче РПД.

В результате проведенных работ по созданию унифицированной системы стрелкового оружия на вооружении армии состояли уже не три различных образца, как раньше, а два. Учитывая стопроцентную взаимозаменяемость их основных деталей и механизмов, можно сказать, что один. Это позволило облегчить изучение и эксплуатацию оружия в армии и получить большой экономический эффект.

Менее 10 лет проработав на Ижевском машиностроительном заводе, конструктор Калашников добился значимого результата, отмеченного высокой правительственной наградой. Коллеги, друзья, родственники искренне радовались его успеху и поздравляли новоиспеченного Героя Социалистического Труда. Однако и тут не все было так просто...

Из книги «Калашникова: траектория судьбы»:

«Но это лишь одна сторона моей удачливой творческой карьеры. Я всегда повторяю еще и то, что признанному успеху часто сопутствуют и зависть, и ревность, и просто — праздное любопытство. Так уж устроен мир...

Указ о присвоении мне высокого звания Героя Социалистического Труда в 1958 году был опубликован в газетах. Как правило, в таких случаях всегда получаешь множество поздравлений. Приходят телеграммы, письма от родных и близких, от друзей-соратников и от совершенно незнакомых людей. Бывает, читая письмо, с трудом можешь вспомнить автора, с которым много лет тому назад или работал, или служил. Но случается, что и не вспомнишь — человек ошибся и принял тебя за кого-то другого. Тем не менее, ответить ему надо...

Всегда много писем приходит от рационализаторов-солдат, которые просят дать им совет. Такие письма возвращают меня к моему конструкторскому прошлому. Я вновь и вновь вспоминаю о том, какими путями пришли ко мне признание, известность, награды. При этом вспоминается не только радость от конструкторского успеха, но и горечь от тех перипетий, через которые я шел к своей победе...» [1, с. 269–270]

Лучшей наградой и лучшим признанием для конструктора-оружейника являются слова, сказанные в его адрес военнослужащими — теми, кто непосредственно связан с созданным им изделием. Такие слова, обращенные к конструктору стрелкового оружия М.Т. Калашникову по случаю его 85-летия, говорят о многом: «Уважаемый Михаил Тимофеевич, поздравляем Вас с юбилеем! Самое главное, желаем Вам здоровья! Признание Вы уже получили! Спасибо Вам за Ваше уникальное изобретение — оружие Защиты и Победы — автомат Калашникова. Ваше изобретение помогло сохранить жизнь очень многим российским солдатам. Огромное Вам спасибо, Вы всегда в наших сердцах! Российские военнослужащие».

Личную оценку своего долгого жизненного пути конструктор Калашников сформулировал в 2009 году в фильме «Просто Калашников», когда на вопрос автора фильма Андрея Никишина: «А есть у вас какая-то мечта, о чем-то вы мечтаете?» Михаил Тимофеевич уверенно ответил: «Чтоб я на твердых ногах был и ушел таким. Жизнь интересная штука. Что я вам скажу — я не тужу ни о чем. Если бы мне сказали: надо ее повторить, я бы только по такому пути пошел. По такому пути!»

Государственные награды: премии, ордена, медали присуждаются от имени государства и вручаются его руководителями. Меняются руководители, меняются границы и названия государств, а полученные награды — остаются. Как знак признания Родины за боевой или трудовой подвиг, как реальная стоимость прожитой человеческой жизни. Поколению, пережившему ужас Великой Отечественной войны, победившему фашизм и восстановившему нашу страну из руин, награды никогда не несли каких-либо весомых преимуществ или материальных благ. Тем не менее, получение этих наград всегда было для них высокой честью. Фактом всенародного признания их заслуг.

Литература

1. Калашников М., Калашникова Е. «Калашников: траектория судьбы». — М.: Издательский дом «Вся Россия», 2007.

«У ВАС Я УЧИЛСЯ ВСЮ ЖИЗНЬ»

***Никулин Владимир Викторович**, 58 лет,*
заведующий техноцентром (музеем)
ОАО «Завод имени В.А. Дегтярева»,
г. Ковров Владимирской обл.

На исходе жизни Павлу Васильевичу Финогенову было что вспомнить, чем гордиться — он заслужил звания Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и двух Государственных премий... А когда-то в 1942-м, еще не успев получить диплом об окончании Ленинградского военно-механического института, он был назначен начальником цеха на крупном, «номерном» военном заводе — заводе № 2 имени К.О. Киркижа в Коврове. Зимой сорок четвертого получил боевой орден Красной Звезды за работу в тылу для фронта — первую и далеко не единственную из своих наград, о которых не будут сообщать в газетах...

Финогенов П. В., 1944 г.

Павел Васильевич Финогенов родился 28 февраля 1919 года в крестьянской семье в деревне Фомино

Кудеверского (ныне — Бежаницкого) района Псковской области (административное деление не раз менялось, но сам он называл себя по рождению псковским). Когда ему было три года, умер отец, детство оказалось нелегким. Вместе с младшим братом Василием с малолетства помогали матери, занимались всеми сельскохозяйственными работами, ловили рыбу и собирали грибы (на продажу), зимой заготавливали дрова и отвозили продавать в райцентр.

В 1928 году Павел переехал в Ленинград к дяде Михаилу (брату отца) и смог окончить школу-десятилетку, а затем продолжить образование. До конца жизни у него сохранились яркие воспоминания о сильнейшем преподавательском составе Ленинградского военно-механического института.

Его первое знакомство с Ковровом и заводом имени В.А. Дегтярева (в тот период — заводом № 2 имени К.О. Киркижа) произошло в июле 1941 года.

«В группе студентов Ленинградского военно-механического института весной 1941 года я был на преддипломной производственной практике в Туле, на оружейном заводе, — вспоминал П.В. Финогенов. — В Туле мы работали примерно месяц на «новом заводе» (привычное тогда для всех название Туламашзавода). Там шло перевооружение производства, напряженная работа по переводу на новые изделия — чувствовалось приближение войны... Затем вторая часть практики — полигонная — в Подмосковье. В один из дней мы впервые встретили на испытаниях Василия Алексеевича Дегтярева, главного инженера его КБ Николая Андреевича Бугрова, и кто-то еще шел с ними. Руководитель нашей группы, полковник с кафедры института Степан Осипович Курганов познакомил нас с ними.

— Занимайтесь, осваивайте оружие, может быть, и к нам придете, — улыбнулся Дегтярев. У него шло испытание ППД.

Там и застала война. Мы не закончили испытания, прервали дела и выехали в Ленинград, в институт. Там уже шла мобилизация ребят с первого, второго курсов — рыть окопы на подступах к городу. Над Ленинградом иногда уже летали на большой высоте отдельные немецкие самолеты-разведчики. Над городом поднимались аэростаты, чтобы не дать возможности этим самолетам опуститься ниже.

Через несколько дней получили направление Наркомата вооружения в Ковров, на завод № 2. До Коврова мы ехали семь суток в товарном вагоне, через Ярославль и Иваново. Несколько раз останавливались в лесу под Ленинградом — был обстрел поезда с воздуха, с прорвавшихся немецких самолетов. От Новок до Коврова 12 километров, и мы стояли там часа два-три в ожидании пригородного поезда. У каждого небольшой чемоданишко — ехали все налегке, потому что каждый считал, что вот приедем, бросим вещи, устроимся и приедем забрать остальное. Но так все и осталось...

В нашей группе приехали 9 человек, утром пошли к директору завода, каждый получил назначение. Я — мастером в 45-й цех, где начальником был Петр Васильевич Филатов. Чемодан оставил на квартире, приступил к работе и после этого я первый раз вышел из завода — ну, может, я оши-

бусь в неделю — только месяца через два. Здесь шла организация производства пушки ШВАК (Шпитальный — Владимиров авиационная крупнокалиберная), и меня на самую главную деталь поставили — на затвор» [1].

Продвижение П.В. Финогенова по служебной лестнице с самого начала выглядит стремительным взлетом. Мастером цеха № 45 он был назначен 30 июля 1941 года. Приказ о создании самого цеха был подписан всего лишь неделей раньше — 24 июля, так что во всех отношениях приходилось начинать с нуля. С 1 сентября — старший мастер, а с 28 ноября уже заместитель начальника цеха.

В конце первого месяца своей работы Павел Васильевич неожиданно увидел в цехе туляка Василия Ивановича Фомина. С опытным специалистом-оружейником, одним из руководителей завода в Туле Финогенов как староста студенческой группы познакомился в дни производственной практики. А теперь в производстве авиапушек оборудование участка, на котором работал Финогенов, было расставлено у самого прохода, и однажды он увидел, как по цеху вместе идут заместитель наркома вооружения Иван Антонович Барсуков и Василий Иванович Фомин. Фомин тоже узнал недавнего студента-практиканта: «А ты как здесь?» — «Работаю! А Вы, Василий Иванович, как здесь?» Оказалось, что приказом наркома Д.Ф. Устинова в конце августа 1941 года Фомин был назначен директором завода № 2 в Коврове. Он возглавлял коллектив почти всю войну и в первые послевоенные годы. Под его руководством завод заслужил орден Трудового Красного Знамени в январе 1942 года и высшую награду Родины — орден Ленина — в сентябре победного 1945-го, когда самому Василию Ивановичу было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

В этих наградах многотысячного коллектива есть и немалая доля труда еще не успевшего получить диплом военмеховца Павла Васильевича Финогенова. 17 октября 1941 года его имя впервые упоминается в заводской газете «Инструментальщик» в заметке на первой полосе «Боевые будни стахановцев»: «В борьбе за выполнение своих предоктябрьских обязательств коллектив производственного участка, где начальником молодой инженер тов. Финогенов, достигает все новых и новых успехов. Начиная с 1 октября, значительно перевыполняется суточное задание, достигая 110 и 150 процентов. За 11 октября коллектив достиг рекордных показателей в работе, выполнив суточное задание на 183 процента» [2].

С 6 февраля 1942 года он был назначен временно исполняющим обязанности начальника цеха, через неделю вернулся на должность зама, а 11 мая назначен заместителем начальника — но уже цеха № 3, в другом производстве. С выпуска авиапушек его перевели на производство ручных и танковых пулеметов Дегтярева. Требовалось резко увеличить объемы выпуска, а для этого нужны были энергичные опытные (несмотря на молодость и небольшой стаж) руководители. 22 июня 1942 года П.В. Финогенов назначен начальником цеха № 11. За неполные одиннадцать месяцев пройдены все ступеньки от новичка до начальника.

Но несмотря на внешнюю стремительность этого взлета, никто не открывал для него искусственную «зеленую улицу», не создавал каких-то особых привилегированных условий. Время для старта выпало такое, что особыми условиями оказалась работа без отпусков, без выходных, а зачастую еще и на казарменном положении, не выходя из завода по несколько дней и даже недель.

И спрос со всех был одинаковый. В постановлении партийного комитета завода от 9 февраля 1943 года «О мероприятиях, направленных на ликвидацию производственных потерь в цехах завода и на выполнение февральской программы ГКО СССР» по итогам первых 7 дней февраля (постановление принято через день!) отмечены «систематические прорывы в выполнении сменно-суточных заданий по цехам, где начальниками тт. Самойлов, Кузьмин, Финогенов, Краснов, Омехин», причинами которых названы «плохая организация работ в цехах и чрезмерно большие потери на механическом парке» [3]. Эта цитата лишь подтверждает: любое повышение, любую награду можно было заслужить только безупречной работой. Ровно через две недели заводской бюллетень «Киркижцы на сталинской вахте» на первой странице под заголовком «Следуйте примеру передовых!» сообщал об отличной работе цеха, «где начальником тов. Финогенов»: целые бригады и участки там ежедневно значительно превышали задания, а отдельные рабочие постоянно выполняли по полторы-две нормы» [4].

За годы войны П. В. Финогенову пришлось поработать на самых ответственных участках производства едва ли не всех образцов оружия, выпускавшегося заводом, от авиационных пушек ШВАК (с них он начинал летом сорок первого) до пулеметов и противотанковых ружей.

В начале 1944 года для вручения орденов и медалей на завод приехал народный комиссар вооружения СССР Д. Ф. Устинов, с которым Павлу Васильевичу уже довелось познакомиться в непраздничной, рабочей обстановке и доведется работать вместе еще несколько десятилетий. Заводской оперативный бюллетень «Киркижцы на сталинской вахте» так рассказывал об этом событии:

«8 февраля в клубе Металлистов было особенно торжественно.

Всюду играет музыка. После напряженного труда на производстве стахановцы получили заслуженный отдых...

На торжественном заседании присутствуют Герои Социалистического Труда тт. Дегтярев и Устинов, начальник главного управления генерал-полковник тов. Яковлев, генерал-майор тов. Рудчук, депутат Верховного Совета, секретарь обкома ВКП(б) тов. Пальцев, секретарь обкома ВКП(б) тов. Урядов...

Получая орден Красной Звезды, начальник цеха тов. Финогенов говорит:

— Получая правительственную награду, я приложу все силы и молодую энергию для того, чтобы работать еще лучше.

Тов. Финогенов призвал всех награжденных товарищей закрепить достигнутые успехи с тем, чтобы весь коллектив завода работал по-фронтовому, давал больше высококачественной продукции для разгрома врага...

Герой Социалистического Труда тов. Устинов, выступивший на вечере, поздравил коллектив орденоносцев и пожелал еще больших успехов в работе коллектива завода.

— Качество выпускаемой вами продукции, — говорит т. Устинов, — отвечает всем требованиям современной техники. Металлисты вашего завода работают отлично. Желаю новых успехов в работе орденоносного завода» [5].

Следует заметить, что заводской бюллетень с трудового фронта «Киркижцы на сталинской вахте» издавался только в период войны крайне ограниченным тиражом с грифом «Из завода не выносить» — его можно приравнять к закрытым документам для служебного пользования. Ни в заводской многотиражной газете «Инструментальщик» (которая тоже несколько десятилетий была закрытой и выходила даже без указания названия завода), ни тем более в городской и областной газетах нет ни слова об этом награждении нескольких десятков работников крупнейшего завода орденами и медалями. Хотя городская газета «Рабочий клич» в те же самые дни поименно перечисляла, например, нескольких текстильщиков, награжденных знаком победителя социалистического соревнования.

Мирное время принесло новые задачи и заботы. Осенью 1946 года журнал «Огонек» опубликовал фоторепортаж «Ковровские мотоциклы». На одном из снимков около одного из первых собранных на заводе мотоциклов К-125 (Ковровский, с объемом цилиндра двигателя 125 кубических сантиметров) стоят три мастера с начальником мотоциклетного производства П.В. Финогеновым. В этом же номере увидел свет очерк Б. Зубавина «Мастера» о послевоенной работе нескольких владимирских и ковровских предприятий, в том числе и завода имени Киркижа: «К концу войны стали раздумывать над будущей «специальностью». Остановили свой выбор на мотоциклах. Но легко ли осуществить этот выбор, когда нет ни специалистов, ни оборудования, ни инструментов, когда налицо одно лишь, правда, горячее желание — выпускать после войны легкие комфортабельные мотоциклы...

В цехах под руководством начальника производства Финогенова шла подготовка станочников: были созданы курсы по повышению квалификации специалистов по зуборезным, резьбофрезеровочным и другим работам. Организация нового производства потребовала изготовления трех с половиной тысяч различных инструментов различных наименований, столько же калибров, тысячу всяких приспособлений, семьсот сорок восемь штампов для хо-

Министр Финогенов П. В. в цехе ЗиД. 1980-е гг.

лодной обработки деталей... Скоро мотоциклы ковровского завода поступят в продажу. Теперь они беспрерывно, один за другим, сходят с конвейера...» [6]

Так и не успевшему доучиться и получить в институте диплом специалисту по оружейно-пулеметным системам и установкам пришлось стать еще и организатором совершенно нового производства мирной продукции, которая на полвека оказалась для завода одним из основных видов изделий. В отличие, например, от Ижевска, где выпуском мотоциклов занимались и в предвоенные годы, для ковровских оружейников это была совершенно новая продукция.

Конечно, освоение ее выпуска, как и послевоенная конверсия в целом, проходили не так легко и гладко, как могло бы показаться из очерка. Специалистов взять было неоткуда, собственными силами приходилось вести перепланировку и переоборудование цехов, проектировать и запускать первый сборочный конвейер. Много хлопот, а иногда и серьезных неприятностей доставила организация лакокрасочного участка. Оружейникам почти не приходилось иметь дело с нитрокрасками, а попробуйте представить без них выпуск мотоцикла. Не все тонкости новой технологии удалось сразу освоить и учесть при развертывании массового производства. Пару раз случились пожары — а производственный корпус старый, с деревянными перекрытиями. Большой беды не допустили, но на ритмичности выпуска новой продукции такое сказывалось серьезно.

Порой завод лихорадило, выполнить план удавалось не всегда, хотя мотоциклов с конвейера сходило все больше. Летом 1945-го, когда уже ставились конкретные задачи по освоению мирной продукции, никто еще не планировал выпускать на ковровском заводе мотоциклы. Мотопроизводство, приказ о создании которого был подписан весной 1946-го, до конца года выпустило 279 мотоциклов, в следующем году — почти 10 тысяч, но по плану требовалось 12 тысяч. Да и в основном для завода стрелково-пушечного производства было не легче — начавшаяся «холодная война» заставляла заниматься перевооружением всех родов войск. А в это же время немало специалистов и рабочих высокой квалификации, в начале Великой Отечественной эвакуированных в Ковров из Ленинграда, Брянска, получили возможность вернуться на родину — за них можно было порадоваться, но для предприятия это означало новые кадровые проблемы.

Впрочем, возвращались не все. У Павла Васильевича Финогенова в Ленинграде не было ни своего дома или квартиры, ни прежнего места работы — возвращаться ему было просто некуда, родным городом стал Ковров. Здесь появилась своя семья, здесь была его работа. Первая послевоенная пятилетка оказалась для него продолжением суровой школы военного времени. Под его руководством мотоциклетное производство прошло самый тяжелый этап становления, чтобы с начала 1950-х годов перейти к устойчивому росту с постоянным обновлением и модернизацией моделей мототехники. Если в 1951 году объем производства мотоци-

клов впервые превысил 30-тысячный рубеж, то за 1953 год их выпустили больше 52 тысяч штук, а в 1954-м — почти 74 с половиной тысячи!

Но энергия, опыт и знания П. В. Финогенова к этому времени пригодились не только мотоциклостроителям. Он оставался прежде всего специалистом-оружейником, и его не раз переводили из одного производства в другое. Ленинградский Военмех он окончил заочно и диплом получил лишь 8 июня 1953 года, а уже 27 июня был назначен исполняющим обязанности заместителя главного инженера, с 10 октября стал главным инженером завода. Не исключено, что лишь отсутствие вузовского диплома мешало сделать эти назначения раньше: еще в начале 1951 года он (тогда — начальник цеха № 25) был выдвинут в резерв на должность заместителя главного инженера как способный и технически грамотный, хорошо знающий завод.

Меньше, чем через год, 24 августа 1954 года, был подписан приказ министра оборонной промышленности СССР, которым директор завода А. С. Шишкин переводился на должность начальника 5-го главного управления Министерства, П. В. Финогенов был назначен директором завода, а его заместителем — главным инженером — В. В. Бахирев, работавший до этого начальником опытно-конструкторского бюро [7].

К этому времени Павлу Васильевичу уже была знакома и работа директора. В июле — августе он ровно месяц замещал А. С. Шишкина на время отпуска, когда пришлось решать вопросы об оказании помощи другому заводу министерства по организации производства прядильных машин; о выпуске во втором полугодии по приказу министра, «учитывая увеличенный спрос населения», сверх плана 5 тысяч мотоциклов, на 2 миллиона рублей запасных частей к мотоциклам и на 1 миллион — хозяйственного инструмента; о направлении в цеха завода 87 молодых рабочих, окончивших ремесленное училище № 1; о преддипломной практике на заводе группы студентов МВТУ имени Баумана... И все это — помимо текущей работы по выпуску оружия и разнообразной продукции гражданского назначения.

В годы его руководства заводом имени В. А. Дегтярева началось освоение принципиально новых видов продукции — изделий для атомной энергетики и отдельных узлов ракетной боевой техники.

В 1962 году П. В. Финогенов был награжден орденом «Знак Почета» (одновременно с В. В. Бахиревым, и опять же закрытым, не публиковавшимся Указом с формулировкой «за выполнение специального задания правительства») — за выпускавшиеся на заводе исполнительные блоки управления (рулевую машинку и автопилот), которыми была оснащена ракета класса «Земля — воздух», сбившая в районе Свердловска самолет американского разведчика Пауэрса.

Сам Павел Васильевич к этому времени уже работал во Владимире — его перевели в октябре 1960 года на должность заместителя председателя Совета народного хозяйства Владимирского экономиче-

ского административного района — такая структура в управлении народным хозяйством была введена в годы хрущевских реформ.

А через два с небольшим года — новый поворот: П. В. Финогенов стал членом коллегии Комитета по оборонной технике и начальником главка. В 1965 году с возрождением Министерства оборонной промышленности СССР его назначили заместителем министра, в 1973-м — первым заместителем, а с 1979 по 1989 год он работал министром оборонной промышленности СССР.

Под его руководством шла реконструкция действующих заводов и строительство новых предприятий в разных регионах страны — во всех 15 республиках Советского Союза. Поэтому и сейчас не только в России, но и где-нибудь в Харькове, или Белоруссии, или других ныне независимых государствах (порой стремящихся теперь продемонстрировать свою независимость именно от России) пользуются плодами того, что они получили, что было для них сделано при активном участии руководителей Миноборонпрома.

В книге Н. А. Шахова (во второй половине 1980-х гг. — заместитель заведующего оборонным отделом ЦК КПСС) «Я шел с ними и учился у них» есть такое воспоминание о стиле работы П. В. Финогенова на посту министра: «Как ни оперативно руководство министерствами занимается всеми вопросами подведомственных предприятий, но встречи на уровне руководителей НИИ, КБ и заводов по итогам работы всегда становятся эффективными. В очередной такой встрече я принимал участие. Речь идет о совещании в Миноборонпроме. Доклад министра Финогенова был, как всегда, очень критичный. Буквально почти по каждому крупному заводу он «прошелся» и дал свою характеристику работе завода... Наряду с негативными оценками главных конструкторов (Некрасов (Красногорск), Шомин (Харьков), Хорол (Москва)), он отметил положительно деятельность главных конструкторов Непобедимого, Шипунова, Лагутина, Протасова» [8].

Внимательный читатель не пропустит отмеченных положительно конструкторов С. П. Непобедимого из Коломны и А. Г. Шипунова из Тулы. Увы, ныне обоих уже нет в живых, но их КБ продолжают многолетнее сотрудничество с заводом имени В. А. Дегтярева, выпуск разработанной ими продукции доверен оборонщикам Коврова.

Некоторые из важнейших работ этого периода перечислены в коротком некрологе, опубликованном сразу после смерти П. В. Финогенова в газете «Красная звезда»: «Под его руководством и при непосредственном участии разработаны и поставлены на производство новые комплексы для Ракетных войск стратегического назначения («Темп-2С», «Пионер», «Тополь»), образцы бронетанковой техники (Т-64А, Т-64-Б, Т-80, Т-72), боевые машины пехоты, ряд малогабаритных реактивных комплексов («Стрела-1», «Стрела-2», «Стрела-3», «Штурм», «Фагот», «Конкурс»), образцов стрелково-пушечного вооружения, освоены новые артиллерийские системы для различных родов войск, выполнены значительные работы в интересах Военно-морского флота» [9].

За эти работы П.Ф. Финогенов получил звание Героя Социалистического Труда (1976 г.), два ордена Ленина, ордена Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Ленинскую (1982 г.) и две Государственные премии СССР (1979 и 1989 гг.), а уже после распада Советского Союза — орден «За заслуги перед Отечеством» III степени (1996 г.) [10]. Ковровский городской Совет 9 июня 1999 года (когда Павел Васильевич уже 10 лет не был министром) присвоил ему звание Почетного гражданина Коврова.

В 1999 году П.В. Финогенову исполнилось 80 лет. Воспоминания о том, как отмечался этот юбилей, написал по свежим следам лауреат Государственной премии СССР, заслуженный конструктор Российской Федерации Е.К. Комаров:

«1 марта 1999 года в зале заседаний коллегии Миноборонпрома собрались поздравить юбиляра с 80-летием его ученики, соратники и друзья...

Почти два часа официальной части пролетели незаметно. В наступившей сосредоточенной тишине выслушали мы ответную речь П.В. Финогенова. Он говорил о пройденном пути, о родном заводе, о людях и их больших делах, проникновенно, со свойственной ему прямотой, юмором и немного с грустинкой. Он очень четко и емко сформулировал основные качества управления промышленностью, характерные для его времени: оперативность, высочайшая дисциплина и личная ответственность, безусловное и жесткое выполнение намеченных планов и самоотверженная работа не за деньги, а за честь и могущество Державы.

И в заключение сказал:

— Вот вы все говорили: мы — Ваши ученики, под Вашим руководством... И так далее... А я вам скажу, дорогие друзья: нет, это я у вас учился всю жизнь! Каждый день, каждый час! Счастья вам, успехов, здоровья! Спасибо за все...» [11]

22 января 2004 года Павла Васильевича Финогенова не стало. Он похоронен в Москве на Троекуровском кладбище, рядом с могилой его жены.

Но не скоро еще настанет время рассказать в открытой печати о всех разработках, осуществленных оборонной промышленностью страны под руководством и при непосредственном участии министра, бывшего директора завода имени В.А. Дегтярева Павла Васильевича Финогенова. Сделанное им и его коллегами, оборонщиками его поколения долго будет служить нашей Родине.

Искренне благодарю за содействие в работе и поиске материалов В.В. Васильева (г. Волгоград), В.Ф. Петрушева и Е.К. Комарова (г. Ковров), С.В. Романенко (г. Москва).

Литература

1. Здесь и далее воспоминания П.В. Финогенова приводятся по записям бесед, сделанных автором при личных встречах 20 июня, 5 августа и 9 октября 2002 г.
2. Боевые будни стахановцев // Инструментальщик. — 1941 г. — 17 октября.
3. Бюллетень с трудового фронта «Киркижцы на сталинской вахте». — 1943 г. — 11 февраля.

4. «Киркижцы на сталинской вахте». — 1943 г. — 23 февраля.
5. «Киркижцы на сталинской вахте». — 1944 г. — 10 февраля.
6. Зубавин Б. Мастера // Огонек. — 1946 г. — № 44–45. — С. 20, 34–35.
7. Приказ директора завода имени В. А. Дегтярева от 30 августа 1954 г. № 506. — Архив ОАО «Завод имени В. А. Дегтярева».
8. Шахов Н. А. Я шел с ними и учился у них. М.: 2001. Ч. 2. С. 74.
9. Красная звезда. — 2004 г. — 24 января.
10. Информацию предоставил С. В. Романенко (г. Москва).
11. Труд и жизнь (г. Ковров). — 1999 г. — 10 марта.

ОБ АРКАДИИ ГЕОРГИЕВИЧЕ ШИПУНОВЕ[1]

Чуканов Константин Павлович, *71 год,*
декан факультета систем автоматического управления (1981–1987),
проректор по учебной работе (1989–2006)
Тульского государственного университета,
доктор технических наук, профессор,
лауреат премии им. С.И. Мосина,
почетный работник высшего профессионального образования,
г. Тула

«Шипунов был человек выдающейся воли и веры в том предназначении, которое он сам нес и нес его коллектив».

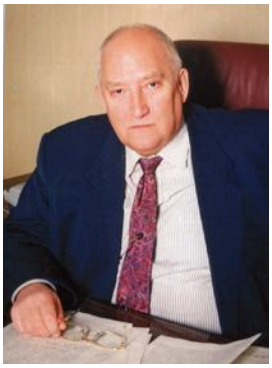
Д. О. Рогозин

«Я надеюсь на то, что единомышленники, последователи и потомки Аркадия Георгиевича, будучи людьми отзывчивыми и понятливыми, разгадают секреты его заветов, скрытые в его жизни и творчестве, а самые умные из них достигнут вершин успеха, воспользовавшись этими заветами. Заветы эти о том, как работать, как трудиться, для чего работать, для чего жить, как выстраивать отношения с людьми».

Т. А. Саклакова (Шипунова)

С Аркадием Георгиевичем я имел возможность встречаться неоднократно: и когда учился на кафедре систем автоматического управления (САУ) Тульского политехнического института (ныне Тульский государ-

[1] Воспоминания А.Г. Шипунова (07.11.1927–25.04.2013), выдающегося конструктора и ученого в области вооружения, академика РАН, Героя Социалистического труда, доктора технических наук, профессора о своем детстве см.: Шипунов А.Г. Я родом из военных лет // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. Ч.1/Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой.- Тула: Гриф и К, 2012. – С.319–328, а также см.: Грязев М.В. Отец. Конструктор. Человек //Там же.— С. 123–28.

Шипунов А.Г., директор АО «КБП»

ственный университет), и в период работы в вузе. Надо сказать, Аркадия Георгиевича связывали с вузом особые отношения — он его заканчивал, преподавал здесь, руководил кафедрой, возглавлял государственную экзаменационную комиссию, являлся членом диссертационного совета, был избран Почетным доктором университета. Аркадий Георгиевич знал многих профессоров вуза, участвовал во всех значимых событиях института и кафедры САУ. В вузовских изданиях об А.Г. Шипунове можно прочитать в энциклопедиях ТулГУ (2005, 2010), книге «Почетные доктора ТулГУ» (2005). Вуз и КБ приборостроения многие годы успешно сотрудничали по академическим и научным направлениям, взаимно определяя уровень работы и перспективы развития. Вуз был создан в 1930 году, становление оборонных специальностей связано с именем М.А. Мамонтова, организовавшего в 1937 году специальный (оборонный) факультет и работавшего главным инженером, заместителем начальника ЦКБ-14 (КБП). А.Г. Шипунов всегда считал своими учителями М.А. Мамонтова и Б.М. Подчуфарова, организовавшего и возглавлявшего в течение 30 лет кафедру САУ. Всю свою жизнь они и ближайший соратник Аркадия Георгиевича Василий Петрович Грязев были примером дружеских отношений и активного творчества.

Аркадия Георгиевича характеризовали доброжелательное отношение к собеседнику, внимание к обсуждаемым вопросам и самое главное, на мой взгляд, — объемный взгляд на проблему.

Вот несколько запомнившихся мне эпизодов.

Идет защита дипломного проекта перед ГЭК. Аркадий Георгиевич внимательно выслушал, уточнил технологию решения, возможности использования результатов, а затем спросил — откуда такая постановка задачи, кто руководитель дипломной работы. Подводя итоги защиты, сказал: «Ты выполнил задачу, как тебе ее поставили, но постановка некорректная, и я объясню это руководителю». Конечно, на защитах в комиссии, где он был председателем, волновались и дипломники, соискатели, и их руководители.

В 1981 году, проработав около года в качестве декана факультета САУ, накопив ряд вопросов по состоянию сотрудничества с КБП и направлениям его развития, я решился посоветоваться с Аркадием Георгиевичем. Позвонил на предприятие, попросил о встрече в удобное время и мне сразу же был назначен день, время — после работы, место — кабинет Аркадия Георгиевича. Я приехал пораньше, в приемной были сотрудники, но в назначенное время меня пригласили. Я сразу спросил, какое у меня время для разговора, Аркадий Георгиевич ответил: «Если разговор о природе и погоде, то уложимся в 15 минут, если по делу — сколько нужно». Разговор продолжался более часа. Я задал первый

заготовленный вопрос, ответа сразу не последовало, я перешел ко второму вопросу, но Аркадий Георгиевич сказал: «Не торопись, мне нужно подумать». В итоге мы обсудили все вопросы, и Аркадий Георгиевич особо подчеркнул, что важнее всего интересы дела. Во время разговора иногда звонил прямой телефон; меня поразило, что Аркадий Георгиевич, обсуждая прозводственные дела, называл номера, даты не заглядывая в бумажки. Мне было предложено немного подождать, чтобы вернуться домой на машине — возвращались вместе, на одной машине с Аркадием Георгиевичем и Василием Петровичем.

Другой, памятный для меня разговор, состоялся в сложные 90-е годы, особенно трудные для оборонной промышленности и преданных ею оборонных специальностей. На встрече осенью с Аркадием Георгиевичем я спросил о возможности помочь этим кафедрам, в том числе и с определением тактики и стратегии действий. Аркадий Георгиевич пояснил ситуацию и сказал, что готов помочь любым способом, кроме финансового (на тот момент). Через некоторое время Аркадий Георгиевич пригласил к себе заведующих кафедрами, ведущими подготовку специалистов для КБП. Состоялся спокойный и деловой разговор об экономике и политике, важности совместной работы для страны с просьбой немного потерпеть, сохранить специальности. Разговор продолжился за товарищеским ужином. Эта встреча стала моральной поддержкой, вдохнула оптимизм и веру в свою нужность. И опять все обратили внимание на широту понимания Аркадием Георгиевичем проблем, государственный подход к их решению в интересах страны и предприятия. И действительно, через некоторое время заказ на новые изделия предприятия позволил оживить оружейную Тулу.

Статьи, выступления, интервью Аркадия Георгиевича несли мощные методологическую и мировоззренческую составляющие. Об Аркадии Георгиевиче Шипунове можно прочитать в прекрасно написанных и изданных книгах В.М. Коровина [1, 2], Тамары Головиной и Татьяны Саклаковой [3]. Его высказывания, дающие определенное представление о мировоззрении, стиле работы, направлениях деятельности коллектива представлены в сборнике «Аркадий Георгиевич Шипунов. Бесконечность мысли» [4].

Повезло тем, кто встречался с Аркадием Георгиевичем, еще больше повезло тем, кто с ним работал, его коллегам, кто в непростое время, в не всегда комфортных условиях под его руководством и при его непосредственном участии создавал лучшие образцы вооружения и навсегда вошел в историю в качестве творцов этой техники.

Литература

1. Коровин В.М. Шипунов А.Г.— Тула: «Дизайн-Коллегия», 2008.
2. Генеральный конструктор А.Г. Шипунов /Автор проекта и текста В.Н. Коровин.— М.: Ассоциация «Международный Объединенный Биографический Центр», 2014.
3. Головина Т., Саклакова Т. «А.Г. Шипунов. Я был свободным человеком».— Тула: Компания СВИТ, 2014.
4. Аркадий Георгиевич Шипунов. Бесконечность мысли.— Тула: Изд-во АО «Конструкторское бюро приборостроения им. академика А.Г. Шипунова», 2015.

ГЛАВНЫЙ КОНСТРУКТОР РЕАКТИВНЫХ СИСТЕМ ЗАЛПОВОГО ОГНЯ

Денежкина Нонна Михайловна, *77 лет,*
инженер, ветеран труда,
г. Тула

Денежкин Г. А.

Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий, первый заместитель директора по научной работе — главный конструктор ОАО НПО «Сплав», член — академик Российской Академии ракетных и артиллерийских наук, доктор технических наук — это не полный перечень всех званий моего мужа, Денежкина Геннадия Алексеевича. Он был талантливым конструктором, замечательным сотрудником, но самое главное — он был хорошим человеком и лучшим мужем, которого можно желать.

Геннадий Алексеевич родился 28 января 1932 года в Карабаново (тогда селе, ныне городе) Александровского района Владимирской области в семье коммуниста Алексея Николаевича Денежкина и Клавдии Яковлевны (оба 1908 года рождения). Старший ребенок в семье, он повзрослел довольно рано. Его отец принимал участие в советско-финской кампании 1939 года, малоизвестной, но кровопролитной и жестокой войне. Часто он рассказывал, как тяжело было штурмовать «линию Маннергейма»: пули из пушки отскакивали от укрепления из железа и бетона, как горох от стенки. Мне кажется, что уже тогда у моего мужа возникла мечта создать такое оружие, которое смогло бы пробивать любые укрепления врагов.

Как бы то ни было, через год отец вернулся, больной и обмороженный. Некоторое время он работал на железной дороге, начальником в Трансторгпите. Но случилось большое несчастье: он попал под поезд, лишился обеих ног, на всю жизнь остался инвалидом. Тем не менее, отец смог выучить всех четверых детей — Гену, Женю, Володю и Таню, родившуюся уже в 1945 году. Обеспечивал всю семью благодаря сапожному делу, которому научился в детстве. Он был очень хорошим сапожником, брался за работу любой сложности.

С началом войны сразу была объявлена мобилизация, и все мужчины ушли защищать Родину. Всех братьев отца Геннадия Алексеевича забрали, равно как и женихов сестер Клавдии Яковлевны (они так и остались незамужними, верными своим погибшим друзьям). 10-лет-

ний Геннадий стал опорой матери, вместе с ее сестрами ездил в лес на заготовку дров, ходил по грибы и ягоды, управлялся со скотиной. На поле собирали мороженый картофель и готовили из него лепешки, которые называли «тошнотики». Когда родилась младшая сестра Танюша, он нянчился с ней и читал ей книги. Несмотря на все заботы, никогда не пропускал школу и хорошо учился, любил читать, а также успевал еще и поиграть со сверстниками в футбол.

С друзьями и взрослыми он часто ходил на станцию в Карабаново. Все собирали записки, которые кидали солдаты из проходящих мимо на фронт составов. Письма потом разносили по домам, передавали адресатам. Это пришлось на 1941–1942 годы, тогда были большие проблемы со связью и люди по много месяцев не получали весточки с фронта.

Уже в детстве у Геннадия обнаружились способности к конструированию: делал сам коньки и санки, а еще очень хорошо мастерил самострелы, рогатки, планеры и воздушных змеев из газет и лубянок. Все у него служило исправно, летало и стреляло лучше, чем у сверстников. Даже друзья признавали умение и сноровку товарища.

Родители Клавдия Яковлевна и Алексей Николаевич вырастили в деревне не просто образованных, но и интеллигентных и воспитанных детей. Геннадий Алексеевич был очень тактичным, рассудительным, добрым. Он с одинаковым уважением относился и к начальникам, и к подчиненным. Никогда не повышал голос на меня или на детей. Это, наверное, пришло из детства: в их семье детей не наказывали (лишь изредка доставалось Евгению, который мог похулиганить).

После войны в поселке работали пленные немцы. Каждый день их строем водили на работу на строительство текстильного комбината и домов. Дети сначала кидались в них картошкой, но потом перестали. Немцы заготавливали также топливо: пилили бревна, кололи дрова, завозили их на предприятия.

Геннадий — старший сын

Люди жили очень дружно. На праздники выносили на улицу столы и вскладчину приносили еду, кто что мог: квашеную капусту, картошку, огурцы. Один сосед приносил даже конину, он забивал лошадей и всегда оставлял себе кусок. Пели песни, играли на гармони. Праздновали 1 Мая или возвращение кого-то с фронта. Детей в такие дни угощали сахаром. Жили бедно, но выручала корова.

Денежкины были первой семьей, которой выделили лампочку Ильича, одну на весь дом. Мальчики, особенно Геннадий, таскали ее тайком по дому в пере-

носке «жулик», за что, впрочем, их ругали. Думаю, эта воспитательная мера формировала в детях честность. Геннадий Алексеевич был честнейшим человеком. Наш сын Владимир сказал меткую фразу: «К рукам отца не пристал ни один лишний рубль». Это было истиной правдой, мой муж отличался невероятной порядочностью.

Среднюю школу Геннадий окончил почти на все пятерки. Необходимо было продолжить образование. Родители сказали: «Поступай в институт с общежитием, потому что мы мало чем можем помочь». В Московском авиационном институте ему не хватило одного бала, чтобы получить общежитие, а снимать свой угол было слишком дорого. Помог случай: представитель Тульского механического института приехал в столицу подбирать достойных студентов. Молодой человек ему приглянулся, и так муж оказался в Туле, где остался навсегда.

Послевоенная молодежь жила трудно, но весело. Гена хорошо учился, получал стипендию, а в стройотрядах старался выбирать наиболее тяжелые объекты. За них больше платили. Студенты обязательно подрабатывали, например, разгружали вагоны, а летом работали в строительных отрядах. Это позволяло не только жить самому, но и помогать семье.

Выручала взаимовыручка. Так, в первый семестр, после зачисления, стипендию почему-то не назначили, хотя и обещали. Сосед из комнаты в общежитии был из Кимовского района, привозил из дома регулярно картошку, соленья, все, что давали родители. Как-то раз приехала в общежитие его мама и сказала: «Приезжайте вдвоем, больше увезете». С тех пор Геннадий по выходным стал ездить в деревню с другом. Студенческая дружба помогла пережить трудные месяцы.

Окончив в 1954 году Тульский механический институт, Геннадий Алексеевич получил распределение в НИИ-147, (ныне АО НПО «СПЛАВ»), где приступил к обязанностям инженера отдела главного конструктора предприятия. Под руководством А. Н. Ганичева начинались тогда работы по созданию нового поколения РСЗО, в которые активно включился молодой специалист. В 1963 году в итоге был создан «Град», а в 1966 году группа его создателей была удостоена Ленинской премии. По словам Н. А. Макаровца, Г. А. Денежкин стал одним из самых молодых, а может, и самым молодым лауреатом Ленинской премии. Ему было 34 года.

Володе 1 год и 7 месяцев.
г. Карабаново. Ноябрь 1973 г.

Всю жизнь проработал Геннадий Алексеевич на «Сплаве». В 1983 году он стал главным конструктором и первым заместителем генерального директора по научной работе, занимаясь разработкой и совершенствованием реактивных систем залпового огня «Град», «Ураган», «Смерч», включая снаряды к ним.

Вместе мы прожили 53 года. Познакомились когда-то через общих знакомых. Я тоже была инженером, нам было интересно общаться. А Гена был завидный жених. После свадьбы мы жили в его квартире. За всю жизнь мы ни разу мы не поругались серьезно, всегда жили мирно. Мой муж был человеком очень спокойным, ни с кем не ссорился. Даже детей не ругал: один раз он за что-то отругал маленького сынишку, а тот обиделся. После того случая отец ни разу не поднял голос на кого-то из мальчиков. Старшему даже дал денег на мотоцикл, несмотря на то, что раньше на велосипеде тот попал в аварию. Геннадий Алексеевич объяснил это тем, что сын впервые попросил сам у него денег, и он не мог унизить его отказом.

Очень он нас любил, хотя эта любовь была требовательной и строгой. Никогда никого не просил за сыновей, не опекал излишне. Для него было важно, чтобы дети сами всего добились.

Лишь раз за всю жизнь я слышала, как муж по телефону поднял голос на подчиненного — это было связано с какой-то аварией из-за невыполнения обязательств. Но это было один раз. Коллеги и подчиненные его любили и уважали. С самого начала своей трудовой деятельности он зарекомендовал себя вдумчивым и серьезным специалистом, безраздельно преданным выполнению поставленной задачи. Он легко входил в контакт с людьми, умел находить общий язык и принимать компромиссные решения, необходимые для общего дела.

Геннадий Алексеевич все время работал, отдавался делу полностью и без остатка. На начальном этапе совместной жизни было так, что месяц он работал дома, а месяц на полигоне. Работа всегда на первом месте (в этом наш старший сын очень похож на отца). Даже в свои последние дни, когда после несчастного случая муж попал в больницу, он думал о работе, это было смыслом его жизни. Иначе он просто не мог.

Сослуживцы говорили, что А. Г. Денежкин был отличным руководителем, всегда оставался верным товарищем. Он умел в каждом вопросе выделить главное, не относился предвзято, пытался понять доводы каждого, а затем найти оптимальное решение. Его отличала хорошая техническая интуиция, основанная на колоссальном опыте и отличном знании предмета. Он был очень скромен и неприхотлив: пока позволяло здоровье, добирался до работы пешком (это около 10 километров) или на трамвае, хотя имел в распоряжении служебный автомобиль.

Очень любил рыбалку и охоту. Часто ездил с коллегами, с друзьями, с братом Володей на природу, обожал такие вылазки. А еще выращивал на даче розы, холил и лелеял их.

13 февраля 2016 года Геннадий Алексеевич Денежкин скончался. Ему было 84 года. По словам коллег, ушел «человек-легенда», которого на «Сплаве» любя называли «дед».

Даже сейчас я не могу покинуть Тулу, ведь мы жили здесь вместе и были счастливы. Он похоронен здесь. Я так и сказала детям: «Пока нахожусь в добром здравии, в Москву не уеду».

СЛОВО ОБ ОТЦЕ

***Цаголов Георгий Николаевич**, 77 лет,*
доктор экономических наук, профессор
Международного университета в Москве,
академик РАЕН и Международной Академии менеджмента,
член Союза писателей России,
г. Москва

Цаголов Н. А.

17 июля 1904 года в Северной Осетии в селении Вольно-Христиановское (ныне город Дигора) в семье священника Александра Харитоновича Цаголова появился третий ребенок, которого назвали Николаем, мой отец. Семью хорошо знали. Пятеро старших братьев Александра Харитоновича преуспевали на ниве предпринимательства, а его младший брат славился в адвокатуре. Александр Харитонович был еще и просветителем, учителем церковно-приходской школы.

В то время во Владикавказе жили и другие известные представители цаголовского рода — адвокат Амурхан Харитонович, писатель и публицист Георгий Михайлович. Дом Цаголовых стал центром интеллектуальной жизни города. Под его гостеприимной кровлей собирались писатели, адвокаты, художники, врачи и студенты, живо обсуждавшие проблемы развития страны и края. Будучи ребенком, подростком и юношей, Николай встречался здесь с весьма интересными людьми.

В 1912 году Николай поступил в начальную школу при немецкой кирхе во Владикавказе. По успеваемости ему не было равных в классе. Его старшая сестра (моя тетя) Надежда Александровна вспоминала, что однажды его возили по другим школам и показывали как пример для подражания. Через несколько лет он перешел в одно из лучших учебных заведений, из стен которого вышло и много дру-

гих проявивших себя в самых различных областях знаменитостей, например, Евгений Вахтангов и Павел Лисициан.

Из всех предметов больше всего Николай увлекался историей и литературой. Помимо великолепно поставленного преподавания русского языка, воспитанники гимназии изучали еще немецкий, французский, английский и латынь. Отец с теплом вспоминал своих учителей. Гимназию он окончил с отличием в 1920 году. Две свершившиеся на его глазах революции повернули его сознание к социальной теме, определяя выбор специальности. Николай поступил на экономический факультет Владикавказского политехнического института, а через два года перевелся в Москву в Институт народного хозяйства (позднее названный именем Г. В. Плеханова). Получив диплом экономиста, Николай возвратился во Владикавказ, и в течение 1924–1926 гг. преподавал политэкономию в Северокавказском педагогическом институте. В местной газете «Власть труда» появляются первые публикации 20-летнего Николая по злободневным вопросам. Изложение серьезных материй предмета сдабривается юмором, которым он обладал и оттачивал в дружеской и веселой компании своих сверстников.

Шли непростые годы. Николай глубоко задумывается об оборотной стороне социальных перемен. Многие состоятельные до того родственники и знакомые семьи пострадали от национализации и продразверстки. НЭП поправил дело, но деловые люди чувствовали неопределенность их будущего. Разуверились в крутых преобразованиях и некоторые из прежде активных борцов за Советскую власть, проявлявшую все больше репрессивный характер. Старшие в семье решили держаться в стороне от политических баталий, рекомендуя то же своим детям. Николай Цаголов не вступает в комсомол, а заявление о приеме в партию не подает до 1949 года.

В 1926 году он уезжает в Москву и поступает в аспирантуру Института экономики Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). Годы учебы там вспоминались им как время интенсивного интеллектуального роста. Ученые еще пользовались относительной свободой. Отец особо отмечал значимость дискуссий на семинарах, вырабатывавших навыки умелой аргументации и полемический дар. Три десятилетия спустя, уже став заведующим кафедрой политэкономии экономического факультета МГУ, он инициировал специальные семинары по «Капиталу»; в конце 1950-х мне довелось участвовать в них.

После аспирантуры отец был направлен в Воронежский государственный университет и в 25 лет занял там должность исполняющего профессора, а вскоре он был приглашен заведовать кафедрой политической экономии Воронежского планового института. Тем временем его семья перебралась в Москву, и он часто, приезжая

к родным, стал размышлять о более интересном поле деятельности в столице. Наиболее подходящим местом представлялся Институт экономических исследований Госплана СССР. По приглашению его директора в 1932 году он стал ученым секретарем этого учреждения. Координация научных исследований расширяет его теоретический кругозор. Вместе со своим приятелем по аспирантуре и коллегой по новой работе А. И. Ноткиным он участвует в работе по составлению второго пятилетнего плана. Может, тогда отца и озарила мысль о планомерном развитии как первооснове социализма. Возможно, это произошло позже. В любом случае, столь богатая практика сыграла свою роль в дальнейших его теоретических построениях.

В то время экономика Запада была охвачена небывалым по глубине кризисом, а наша развивалась по восходящей спирали. Во второй половине 1930-х годов Ноткин и Цаголов совместно издают немало трудов, но в разгар террора 1937 года Институт так оскудел, что его закрыли. Их обоих пригласили войти в группу экономических советников при председателе Госплана, которым тогда был В. И. Межлаук. Его вскоре арестовали и расстреляли. Главой назначили Н. А. Вознесенского. С ним это же случится 13-ю годами позже. Но пока шеф повысил статус советников, и они работали, что называется, засучив рукава. Однако это продолжалось недолго. Беспрекословное подчинение начальнику, видимо, не очень нравилось потомку вольнолюбивых горцев, и он перешел в Институт экономики АН СССР, где проработал два десятилетия (1939–1959).

В предвоенные годы Н. А. Цаголов занимался актуальной тогда проблемой решения основной экономической задачи СССР — догнать США по уровню промышленного производства в расчете на душу населения; вышло несколько его статей на эту тему. Во время войны он находился в Грузии, где занимался вопросами использования местных ресурсов на нужды фронта. В 1944 году по вызову возобновившего работу в Москве Института экономики он возвращается в столицу.

Теперь уже Н. А. Цаголов обращается к исследованиям в области истории русской экономической мысли, сочетая это с курсом лекций по той же проблематике в стенах Финансового института (ныне Финансового университета при правительстве РФ). Наибольший интерес у него вызывал Н. Г. Чернышевский, который был не только великим писателем, но и оригинально мыслящим ученым-экономистом.

Уход от разработки практических вопросов экономики страны в историю экономической мысли был вызван не только желанием уменьшить риск подвергнуться гонениям, но и пониманием того, что без усвоения истории науки вряд ли можно достичь ее сияющих вершин. Отец не раз говорил мне, что специализация, конечно, весьма удобная вещь, но открытия в политической экономии невозможны

без самых разносторонних знаний ее предмета. И после ряда теоретических изысканий и госплановской практики он с головой погружается в историю науки.

В 1949 году Н. А. Цаголов блестяще защищает докторскую диссертацию «Дворянская и буржуазная экономическая мысль в период крестьянской реформы», изданную затем отдельной монографией. Совместно с А. И. Пашковым руководит научным коллективом, разрабатывающим это направление. Позже под их редакцией выйдет многотомный труд «История русской экономической мысли» (1958, 1959). Он так глубоко овладел этой тематикой и издал столько оригинальных работ, что недруги не раз пытались навесить на него ярлык: «Он ведь не экономист, а историк». Однако все эти годы отец продолжал держать руку на пульсе времени. Он принимал активное участие в известной теоретической дискуссии 1951 года, обсуждениях работы И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» (1952) и созданного на ее основе учебника по политической экономии под редакцией К. В. Островитянова, выпущенного в 1954 году.

Накопленный багаж знаний в теории, истории науки и практике, умение выразить их в ясной и увлекательной форме закрепили за ним славу мэтра экономической мысли, но одновременно вызывали и неприязнь у многих коллег по профессии. В грозные сталинские времена ряд сотрудников Института экономики, сговорившись, пытались устроить ему идейный разгром, обвинив в «антинаучных и антиленинских взглядах». В сложившейся ситуации демонстративное нежелание Цаголова вступать в Коммунистическую партию стало приравниваться к оппозиции с вытекающими отсюда последствиями. Он подал заявление. Тогда существовал годичный срок, после чего кандидат переводился в члены. Когда время подошло, противники дали волю своим страстям. Они утверждали, что кандидат не достоин перевода в члены партии. Многие, правда, выступали в его защиту. Это было время, когда за академические ошибки можно было поплатиться не только свободой, но и жизнью, что и происходило со многими его знакомыми и друзьями. К началу 1953 года тучи сгустились, и он вряд ли бы уцелел, если бы не последовавшая вскоре смерть Сталина. Лишь после этого недруги утратили опору, и отец, наконец, был принят в члены партии.

Назначение в 1957 году Н. А. Цаголова на должность заведующего ведущей в Советском Союзе кафедры политэкономии на экономическом факультете МГУ не могло произойти без инициативы руководства тогдашнего Министерства высшего образования СССР и согласования вопроса в идеологических верхах КПСС. После имевших до того место выволочек и проработок кому-то это показалось странным. Но нельзя забывать, что это было время хрущевской «оттепели», и в научной сфере, как и во многих других, зачастую поднимались люди иного, чем прежде, склада.

Здесь в полную меру реализуется не только его научно-педагогический, но и организаторский дар. За почти три десятилетия последовавшей кипучей деятельности на этом посту была создана знаменитая университетская школа политической экономии, или «школа Цаголова», как ее чаще всего называли. Им организовывалось множество международных и общесоюзных конференций по наиболее актуальным вопросам развития политической экономии и идеологическим вопросам, воплощенных затем в коллективные монографии и сборники научных трудов под его редакцией.

Однако наиболее важным делом, прославившим кафедру, стал созданный под руководством отца двухтомный «Курс политической экономии», выдержавший три издания. Это был не просто популярный учебник, но выдающееся научное произведение, украсившее русскую экономическую мысль второй половины XX века. Поставленная им цель — воспроизвести логически взаимосвязанную и соподчиненную систему категорий и законов политической экономии в широком смысле слова. И это было сделано. Творческий коллектив авторов «Курса...» состоял не только из преподавателей кафедры политической экономии экономического факультета, но и других кафедр МГУ и вузов Москвы, а также ученых институтов АН СССР, работников общесоюзных и государственных учреждений. Университетский «Курс...» вызвал большой научный и общественный резонанс как в СССР, так и за рубежом, где он издавался четырнадцать раз (на Кубе, в ГДР, ЧССР, ПНР, ФРГ, КНР, Турции, Греции, Японии).

Наиболее активным противником отцовской модели был Яков Абрамович Кронрод, возглавлявший сектор общих проблем политэкономии социализма в Институте экономики АН СССР. В чем был основной спор между Кронродом и Цаголовым? Кронрод считал, что социализм является рыночным по своей сути. Отец утверждал, что исходная база нового способа производства — иная, плановая, хотя товарное производство также имеет место при социализме. Из товарных отношений выстроено величественное научное здание «Капитала» Карла Маркса. Социализм из товарной формы никак не выходит, он замешан на принципиально иных производственных отношениях. Методология Маркса применима и к данному строю, но исходные начала двух формаций не совпадают.

За время работы кафедры политэкономии экономического факультета МГУ ею руководили многие выдающиеся личности. Но лишь однажды была создана своя университетская школа политической экономии (1957–1985). Эти годы для кафедры оказались и ее золотым веком. Большую часть тех лет деканами факультета были представители «цаголовской школы» М. В. Солодков и В. Н. Черковец.

Выдержали ли идеи отца и его школы проверку временем? В основном да, в чем-то нет. Истекшие полстолетия выявили, что планирова-

ние всего и вся из одного центра не эффективно. Для рационального исполнения регулирующих функций необходимо обладать достоверной информацией о том, что обществу нужно, а что нет. Планирующие органы государства могут обладать такой информацией в сфере производства угля, стали, нефти, газа и электроэнергии. Но в сфере изготовления индивидуальных товаров и услуг обособленный частный производитель знает свой рынок и его потребности лучше государственного чиновника и может выполнять свои задачи грамотнее последнего. Словом, все не надо планировать из одного центра. Но главное можно и нужно. Каждому свое, как говорится, кесарю — кесарево, а богу — богово.

Ни в перестроечную эпоху, ни позже вопрос так не ставился. Стоит ли удивляться тому, что, шарахаясь из одной крайности в другую, мы попадаем из огня да в полымя. Разрушив «до основанья» плановое хозяйство, мы выплеснули с водой и ребенка. Практика показывает, что требуется не просто комбинация планового и рыночного регуляторов, а соединение преимуществ социализма и капитализма.

Лев Гумилев называл пассионариями тех, кто отличается повышенной социальной активностью и волевыми качествами, необходимыми для достижения стоящей перед ними цели. Мне кажется, что отец был именно из этой породы. Человек кипучей энергии, жизнелюбивый, яркий, притягивающий к себе всех. Заразительность его убеждений сказалась на многих судьбах, в том числе моей сестры Натальи, а потом и моего старшего сына Александра. Все мы окончили экономический факультет МГУ, хотя отец никогда не агитировал нас в плане выбора профессии, а наоборот, рекомендовал серьезно подумать, прежде чем сделать окончательный выбор.

* * *

Летом 1944 года мы вернулись из эвакуации в четырехкомнатную московскую квартиру на улице Горького (ныне Тверская) в доме № 6, наискосок к Центрального телеграфу. Столь престижное местожительство в столице предоставили покойному к тому времени моему деду Александру Харитоновичу, видимо, с учетом заслуг его старшего сына в борьбе за утверждение Советской власти на Кавказе. Как-то утром я подошел к проснувшемуся отцу, лег с ним рядом и спросил: «Пап, а когда война кончится, ты купишь мне волчок?» — «Конечно», — пообещал отец. И сдержал слово. Помню его ликующее лицо в день Победы. Тогда и в последующие годы к нам приезжало много родственников с Кавказа, близких и дальних, и некоторые из них жили у нас месяцами. Отец всегда проявлял к ним внимание и делился куском хлеба. Не помню, чтобы отец дома читал нотации. Но своим примером показывал, «что такое хорошо и что такое плохо». Как-то юнцом я обронил при нем: «Ведь все люди работают ради денег» и услышал спокойный

голос отца: «Это совсем не так, я, например, тружусь не только ради этого». И сказанное навсегда вошло в мое сознание.

В послевоенные годы отец снимал дачи в разных местах Подмосковья. В академическом поселке Мозжинка он играл в шахматы с живущим неподалеку легендарным академиком Струмилиным. Помню и его общение за столом с академиками А. А. Арзуманяном, П. Ф. Юдиным, крупными партийно-государственными деятелями, великими писателями и артистами, с знатными и простыми земляками и родственниками. Видел, как отец моглегко находить общий язык с людьми разного возраста — от мала до велика — и разного социального положения. Более того — внушать доверие.

Обладая тонким чувством юмора, отец часто искрометно шутил. Один из моих сокурсников как-то сказал, что у него есть специальная довольно толстая тетрадь, где он записывает «все лекционные хохмы» отца. Многие из тех, кто был с ним хорошо знаком, и по сей день вспоминают некоторые из его остроумных перлов, ставших крылатыми фразами. Звонит, например, кто-то ему рано утром по телефону и спрашивает: «Николай Александрович, я Вас не разбудил»? — и слышит ответ: «Нет еще».

Помнят и его особую гостеприимность, и внимание к людям. У него, в общем-то, никогда не было никаких накоплений. Все, что зарабатывал, он тратил на жизнь. Никогда не имел ни собственной дачи, ни счетов в банке. Но и в долг тоже, правда, не брал. Он умел и на склоне лет дружить с молодыми. Все мои знакомые очень любили и почитали его.

Весть о первом инфаркте отца в конце 1973 года застала меня в Народной Республике Конго, где некоторое время довелось работать в качестве советника ректора Высшей Административной Школы в Браззавиле. Отцу тогда было 69 лет. Думаю, что он перетрудился. Помимо напряженной научной и педагогической работы, он вел и большую общественную деятельность. Входил в различные комиссии, возглавлял секцию политэкономии Дома ученых Академии Наук СССР и т. д. Изложив это мнение в письме, я предложил ему уйти на заслуженный отдых и сохранять здоровье, дав понять, что решение материальных вопросов берусь взять на себя. Тогда мы часто переписывались. Но на этот раз ответ заставил себя долго ждать. Наконец пришел жесткий и категорический отказ. Есть люди, для которых труд и творчество становятся первой жизненной потребностью. После этого отец полнокровно жил еще почти 12 лет, творя и руководя многочисленным научно-педагогическим коллективом вплоть до последнего дня.

Отец надеялся, что начавшаяся в последние месяцы его жизни перестройка соединит преимущества социализма с демократическими завоеваниями народа и придаст импульс прогрессу общества. Надеялся, но уже не смог повлиять на ход этих реформ.

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ СУДЕБ

***Романов Сергей Михайлович**, 57 лет,*
научный сотрудник музея-усадьбы
Л.Н. Толстого «Ясная Поляна»,
г. Тула

Невозможно представить Ясную Поляну послевоенного и дальнейшего советского периода без Николая Павловича Пузина. В январе 1944 г. по приглашению тогдашнего директора С.А. Толстой-Есениной он поступил в музей научным сотрудником, затем стал старшим научным, с 1945 г. — хранителем Дома Л.Н. Толстого. Был большим другом семьи Толстых. Он стал неофициальным восстановителем и хранителем Кочаковского некрополя, места последнего упокоения семейства Толстых, автором статей, публикаций, книг о Толстом, Ясной Поляне, ее мемориальных объектах, музейных экспонатах, он составил родословную роспись потомков Л.Н. Толстого. Николай Павлович — кавалер орденов Трудового Красного Знамени (1971), Дружбы народов (1981), ордена Почета (1995), Почетный гражданин г. Тулы.

Но говорить о Пузине — это меньше всего вспоминать его статьи и ордена; Пузин для многих сотрудников музея — это часть их памяти и жизни. Есть в яснополянских лесах и парках могучие, в два обхвата, кряжистые дубы, столетние тополя и вязы, старые березы, ясени, лиственницы. И как бы ни радовал, ни веселил взгляд молодняк, именно эти старцы-великаны составляют основу настоящего леса. К ним особое внимание музейных сотрудников, повышенный интерес посетителей, потому что они последние живые друзья Льва Толстого. В них как бы растворилось время, оставив в глубоких морщинистых изрезах свои отметины. Так же и с людьми. История Ясной Поляны без Николая Павловича Пузина неполная.

Пузин — это наше время, минувшее и сегодняшнее, Пузин — это память, в узелках которой хранятся имена, события, даты, книги, рукописи. Кто знаком с музейной работой, знает, что в Ясной есть мемориальный и немемориальный фонды. Но есть еще и «пузинский фонд» — не менее ценный и полезный. Пузин — это Слово, медленное, широкое, свободное, иногда хлесткое, резкое, ироничное, но чаще доброе, умное, изысканное. «Изысканность русской медлительной речи» — эту бальмонтовскую строчку можно отнести и к Пузину. Сейчас так, как он говорил, увы, не говорят. Пузин — это наша Гордость и Достояние.

Если кому посчастливилось попасть в экскурсионную группу, которую водил Николай Павлович, тому никогда не забыть этой экскурсии. Среди музейных экскурсоводов было и есть немало профессионалов вы-

сокого класса, великолепных рассказчиков, знающих и любящих свое дело, но над всеми ними всегда был и будет Пузин. Торжественность и праздничность, увлекательность и загадочность, возвышенность и трагедийность вмещал он в часовой рассказ. При нем «оживали» картины, «звучал» рояль, как-то по-особому шумели деревья, перед ним, кажется, отступало само время и позволяло заглянуть под свои покровы.

Пузин — это Благородство и Достоинство. Сейчас, когда княжескими титулами так любят козырять осоветченные отпрыски древних родов, когда они часто удивляют мир толщиной кошельков и узостью мысли и многие из них торопятся менять убеждения и взгляды, «старорежимный» Пузин не спешил отплывать от своих берегов. Из глубины дворянских корней впитав в себя благородство и аристократизм, соединив их с народной мудростью и простотой, он являл в этом духовном сложении пример истинной русской интеллигентности.

Мы забываем,повзрослев едва,
Что общим корнем связаны слова:
Народ,
и благородство,
и природа.

Эти стихи, конечно, про него.

Лет двадцать тому назад мне удалось уговорить Николая Павловича дать интервью. Мы с ним и без того охотно и часто беседовали, но чтоб при включенном диктофоне, тут пришлось поуговаривать. Назвал наш диалог «Минувшее проходит предо мною...»

— Мне бы хотелось, дорогой Николай Павлович, обратиться к Вашему личному памятному архиву, пролистать страницы воспоминаний о многочисленных встречах с интересными людьми, о событиях, сохранившихся в памяти, о виденном, пережитом, написанном.

Скоро Вам исполнится 84 года. И 84 года назад покинул Ясную Поляну Лев Николаевич Толстой. Прошло столько же лет, и его праправнук назначается директором музея. Но именно на Вас замыкается этот временной круг. Вы близко знали Сергея Львовича Толстого — сына Льва Николаевича, Вас пригласила сюда на работу С. А. Толстая-Есенина, и Вы же приветствовали приход Владимира Толстого в качестве нового

Пузин Н. П. с духовенством

руководителя музея-усадьбы. Расскажите, пожалуйста, подробнее о Софье Андреевне Толстой-Есениной, женщине, носившей две великие фамилии.

— Действительно, ровно пятьдесят один год назад меня пригласила на работу в Ясную Поляну Софья Андреевна. Я ей за это бесконечно благодарен. Сейчас, когда в нашей стране предполагается широко отметить столетний юбилей Есенина, мне хочется начать разговор о той колоссальной, с моей точки зрения, деятельности, которую проявила в те годы очень сложного отношения к творчеству поэта его последняя жена. В своей квартире в Померанцевом переулке, где, к слову сказать, провел последние месяцы поэт, Софья Андреевна необыкновенно ревниво хранила все, что было связано с этим именем. Ее маленькая комната была своеобразным музеем, где помимо фотографий хранились его рукописи, его личные вещи. В те годы, когда имя Есенина не произносилось широко, она делала все, чтобы увековечить его память. В Союзе писателей Софья Андреевна открыла кабинет при библиографическом отделе, посвященный памяти поэта. Она обращалась ко многим людям, в том числе и к М. И. Калинину, с просьбой об издании собрания сочинений Есенина. Так что ее лепта в этом отношении была очень и очень значительной. Общеизвестна также ее колоссальная роль в сохранении и пропаганде наследия ее великого деда. Я вспоминаю первые послевоенные годы, когда благодаря кипучей деятельности Софьи Андреевны восстанавливалась Ясная Поляна. Вспоминаю ее неиссякаемую энергию в организации новых выставок. Ее имя никогда не забудут сотрудники музеев и в Москве, и у нас, в Ясной Поляне.

Для меня Софья Андреевна останется человеком огромного обаяния, огромного шарма. О ней очень справедливо писали многие писатели и поэты. Ее правдивый портрет дал Всеволод Рождественский, о ней с большим уважением говорил Ираклий Андроников, о ней восторженно отзывался Владимир Германович Лидин. Софья Андреевна была человеком сложным, деятельным, очень умным, обаятельным. Лично я храню о ней самые светлые и добрые воспоминания. Мне горько читать в некоторых мемуарах поверхностные, порой даже неуважительные отклики о ее личности. Пусть это останется на совести тех мемуаристов, которые это пишут.

— А поверила ли Софья Андреевна, что Есенин покончил жизнь самоубийством? Сейчас определенно доказывается, что это было убийство.

— Я не знаю. Вообще на эту тему никогда не было разговора. Смерть его она очень переживала. Она не любила говорить и никогда не говорила ни с кем о своих взаимоотношениях с Есениным. Эта была очень личная страница ее жизни. Но я не скрою, что многие члены семьи Толстого были против этого брака, в частности Ольга Константиновна, ее мать.

— Ясная Поляна — один из самых посещаемых музеев страны. Президенты, министры, дипломаты, известные писатели, актеры поднимались вместе с Вами по знаменитому Прешпекту, слушая Ваш рассказ о Толстом. Были, наверное, незабываемые встречи?

— Безусловно, прошел огромный калейдоскоп людей. Я не могу всех запомнить, но были люди очень достойные, очень интересные. Мне часто говорил писатель В.Г. Лидин, что я должен написать книгу «Встречи в Ясной Поляне». Он даже приготовил мне это название. К сожалению, это не осуществилось в силу многих обстоятельств. Действительно, в Ясной побывало много замечательных людей. Теперь музеи как-то реже посещаются художниками, писателями. А ведь в послевоенные годы было просто паломничество. Ясная Поляна была необходима многим людям. Друзьями нашего музея были К. Федин, И. Андроников, Кукрыниксы, художники Б. Щербаков, В. Константинов, В. Бялыницкий-Бируля (все они запечатлели образ Ясной Поляны на своих полотнах). Время неумолимо изменяет своим невидимым резцом природный ландшафт. Нет уж многих деревьев, кустарников. Но, глядя на картины этих художников, мы вспоминаем ее прежнюю.

— У Вас большая домашняя библиотека, есть в ней книги с автографами?

— Я не собираю книги. Есть самые необходимые, например девяностотомник Толстого. Ну и, конечно, подаренные книги от людей, которых я чту, люблю, уважаю. Книги от членов семьи Толстых. Никогда не забуду, как в суровые годы войны я получил сборник от Софьи Андреевны с трогательной надписью: «Коле Пузину — верному другу Ясной Поляны от составителей. Толстая-Есенина, Зайденшнур, Чеботаревская». Эта книга для меня дорога. Я дорожу книгами с автографами Д.С. Лихачева, Никиты Толстого, многих других писателей.

— Чехов как-то пророчески воскликнул: «Вот уйдет Толстой — и все к черту пойдет...» Так и случилось. Соблазненная западными «равенством и свободой», Россия вступила на путь кровавых испытаний, не прекращающихся до сих пор. Почему страна великих гуманистов не прислушалась к голосу своих великих человеколюбцев?Публицистические труды Толстого и по сей день удивительно актуальны.

— Я совершенно с вами согласен, Толстой необыкновенно современен. Мало прислушиваются к нему. Эта бессмысленная война в Чечне — яркий тому пример. К моему большому сожалению, люди не слышат Толстого. Но к его публицистике должны вернуться, как возвращаются сейчас к Евангелию, к житиям святых. Я глубоко уверен, что со временем люди все же будут читать не только его художественные, но и публицистические и философские произведения. Не могу не радоваться тому, что сейчас переиздаются и «Круг чтения», и «Путь жизни», и «Мысли мудрых людей на каждый день», и другие толстовские произведения.

— Я знаю, что Вы были знакомы с выдающимся хирургом и известным богословом архиепископом Лукой (Войно-Ясенецким).

— Я очень высоко ценю этого великого (могу это смело сказать) хирурга и богослова. Я был свидетелем его хирургической деятельности в эвакогоспитале. Он спас тысячи жизней, делая сложнейшие операции во время войны. Я помню отзывы выдающихся хирургов, таких как Коган-Ясный,

Гольдштейн, известного ортопеда Приходько, которые восхищались его хирургической деятельностью. Знаю, что его «Очерки гнойной хирургии» до сих пор являются настольной книгой для многих врачей. Я счастлив, что судьбой наречено мне было встретиться с этим человеком.

— Вы стали свидетелем огромного исторического отрезка жизни Русской православной церкви при Советской власти. Церковь прошла через ленинские расстрелы, сталинские репрессии, хрущевские гонения. Сейчас она оживает, народ возвращается к своим истокам. Недавно я побывал в Псково-Печерском монастыре, видел толпы паломников. Люди завороженно слушают проповеди архимандрита Иоанна Крестьянкина, с которым Вы, кажется, тоже были знакомы. Как, по-вашему, это — всего лишь кратковременный церковный ренессанс или действительно начало духовного преображения народа?

— Мне хочется верить, что это подлинное возвращение народа в лоно Церкви. Вера необходима человеку. Что касается Иоанна Крестьянкина, я его помню только мальчиком. Мы оба орловцы. Детьми мы прислуживали в одной из орловских церквей. К сожалению, сейчас мы не переписываемся. Но я его глубоко чту. У меня добрые, сердечные отношения с митрополитом Ювеналием. К праздникам я получаю от него поздравления. Я благодарен своей матери, что она привила мне любовь к религии, которую я пронес через всю свою жизнь. Я — верующий человек, им был и остаюсь. Тот же Толстой утверждал, что у каждого человека обязательно должна быть вера. Он очень мучился, когда некоторые духовные лица обвиняли его в том, что он разрушает веру. Он об этом спорил с епископом Тульским и Белевским Парфением. У них просто были разные взгляды на веру. Я, например, высоко ценю и «Войну и мир», и «Холстомер», и «Смерть Ивана Ильича», я очень люблю роман «Воскресение», но я не все приемлю в этом романе. Это мне не мешает относиться к Толстому с глубочайшим преклонением. Я беседовал на эту тему с упомянутым уже владыкой Лукой. Он сам прошел через «толстовство» в молодости. Есть письмо его к Льву Николаевичу. Ему ничто не мешало относиться с уважением к Толстому как к художнику. Об этом вы можете узнать в книге М. Поповского[1].

— Большое спасибо, Николай Павлович, за беседу. Хочется еще раз напомнить Вам совет В. Лидина о написании книги воспоминаний. Уверен, что любой журнал за честь сочтет опубликовать хоть небольшие отрывки из нее.

В этом разговоре Николай Павлович лишь коснулся имени известного хирурга Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого, ныне прославленного как святой архиепископ Лука. Тогда имя это лишь «открывалось»

[1] Имеется в виду: Поповский М. Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга. Paris: YMCA-Press, 1979.

многими в России. А Пузин с ним был близко знаком, и вскоре он опубликовал свою переписку с ним с коротким вступительным словом. Немаловажно, что в публикации также приводится раннее письмо молодого юноши Валентина Льву Толстому.

Архиепископ Лука

«Мое знакомство с В. Ф. Войно-Ясенецким произошло в конце октября или начале ноября 1941 г. На одной из улиц Красноярска я увидел перед собою довольно высокого человека, с суровым выражением лица, седой бородой, в очках. Одет он был в телогрейку, ватные стеганые брюки и мохнатую серую шапку. Обращаясь ко мне, он спросил, не знаю ли я, как пройти к зданию школы, где размещается эвакогоспиталь 1515. Этот госпиталь находился неподалеку от того госпиталя, в котором служил я, будучи призван в Красную Армию и направлен в эвакогоспиталь 3355 из Харькова. До войны я жил в этом городе и работал в Харьковской картинной галерее.

Мы пошли вместе и по дороге разговорились. Я узнал, что он недавно возвратился из Большой Мурты, где был в ссылке, и что по прибытии раненых с фронта он будет работать в качестве хирурга в эвакогоспитале 1515, куда получил назначение.

Он мне рассказал, что с гимназических лет, когда он учился еще в Киеве, посещал художественные классы, мечтал поступить в Петербургскую академию художеств. Вспомнили мы и о многих украинских художниках, творчество которых он хорошо знал (С. В. Васильковском, А. А. Мурашко, Н. С. Самокиш и др.).

В. Ф. Войно-Ясенецкий сказал мне, что сейчас он живет в небольшой снятой им комнате на улице Сурикова, и пригласил меня в свободные часы приходить к нему. Я воспользовался этим любезным приглашением и несколько раз бывал у него. Затем с поступлением раненых весь обслуживающий персонал и врачи эвакогоспиталей были переведены на казарменное положение, и мы оба жили в общежитии.

Одно время мы с Валентином Феликсовичем жили даже в одной комнате. Наши беседы обычно касались главным образом литературы, искусства и религии. Со слов В. Ф. Войно-Ясенецкого стало известно, что он много рисовал, и он даже показывал два-три наброска, сделанных им недавно для задуманной книги. Очень часто наши беседы касались личности и взглядов Л. Н. Толстого. Я хорошо помню, как восторженно он говорил о таких художественных произведениях, как «Смерть Ивана Ильича», «Алеша Горшок», «Холстомер». Но особенно он ценил «Войну и мир». Что же касается религиозных сочинений Толстого, то эта

тема почти не затрагивалась нами, хотя в молодости идеи «толстовства» оказали, по словам Валентина Феликсовича, большое влияние на него. Из беседы с ним я узнал, что однажды он даже написал Толстому письмо в Ясную Поляну и получил на него ответ, который долго хранился у него, но, к сожалению, пропал во время одного из обысков.

В конце войны, уже работая в музее-усадьбе Ясная Поляна, я стал разыскивать письмо Толстого к Войно-Ясенецкому. Оно пока не найдено и не учтено в юбилейном издании, но я нашел в рукописном отделе Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве письмо В. Ф. Войно-Ясенецкого к Л. Н. Толстому от 30 октября 1897 года из Киева. На конверте рукой Толстого сделаны две пометы: «БО» — красным карандашом и «Отвечать» — черными чернилами.

Письмо В. Ф. Войно-Ясенецкого, текст которого впервые публикуется, думается, представляет большой интерес.

«Дорогой Лев Николаевич!

Помогите, мне приходится испытать весь ужас слов Христа «враги человеку домашние его». Вот в чем дело: мне 21-й год; меня сильно тянет к живописи. Я ездил в Петербург, чтоб поступить в Академию Художеств, поступил затем в Университет, ездил в эту осень в Мюнхен, чтоб учиться живописи, но нигде не мог учиться, потому что я очень глубоко поверил в то, что только в любви счастье и смысл жизни, и для меня стало невозможно отдавать годы на подготовку к жизни (учась у немцев ненужному), когда я знаю, что единственно нужное — это поставить себя в такое отношение к людям, чтоб мог я развивать в себе любовь, чтоб была пища живой душе; и как художнику мне невыносимы академии, где нет радостной работы и любимое дело тяготит; меня слишком тянет любоваться живыми людьми и учиться у них. И вот теперь я знаю, что в деревнях люди голодают и мне нужно ехать к ним, чтоб помочь, поучиться у них. Чтобы сделать это, я должен нанести удар моей матери, неделю назад сошла с ума моя сестра (однолетка); шесть месяцев она была тяжело больна, после чего в начале января этого года бросилась из окна третьего этажа. Когда я сказал матери о своем намерении ехать в деревню, она сказала, что это убьет ее. Мою уверенность в том, что я буду полезен в деревне, она считает детскими бреднями, она говорит, что ученье Христа можно было исполнять только в прежние времена, что будет гораздо лучше, если я останусь в Киеве, соберу денег и отправлю в «Комитет», что я мог бы быть полезен в деревне только тогда, если бы у меня был толстый карман, и не может понять того, что нищий человек может сделать еще больше доброго, чем богатый, и что для того, чтобы исполнить заветы Христа, не нужно никаких особых средств, подготовки, а только любовь к людям. Она говорит, что видит, что я иду по той же дороге, как сестра, что я начитался Евангелия и Ваших книги, превратно понимая их, дойду тоже до сумасшествия. Убедить

ее мне нельзя, т.к. все мои слова она слушает с горькой усмешкой, как бредни не знающего жизни мальчика, долженствующие погубить его.

Я и не претендую на знание жизни, а только хочу следовать голосу своей совести, не позволяющей мне готовиться к какой-то, считающейся хорошей жизни в будущем, когда я могу так хорошо прожить эту же зиму, ни к чему не готовясь.

Как видите, первый шаг по пути Христову для меня особенно тяжел; особенно еще потому, что мать и отец меня очень любят и ждут от меня многого. Убедите же, ради Бога, мою мать, что если она ждет от меня многого, то должна радоваться, что я еду в деревню. Убедите ее в том, что я принесу много пользы своей душе и немного пользы голодным, если проживу эту зиму в деревне; что мне не грозит там никаких опасностей (она и этого боится). Чтобы успокоить ее, я сказал, что, если Вы позволите, я поеду в Ваш уезд и буду жить под Вашим присмотром. Если Вы напишете ей, что это возможно, то мой отъезд не будет для нее тяжелым ударом. Ради Бога, напишите, ей, что я не превратно понимаю учение Христа, что я ничего опасного не затеваю, и растолкуйте, что нельзя человеку заглушать в себе голос совести, если он два года настойчиво требует одного и того же, что если человек не последует этому голосу, голосу Бога, то он умрет духовно.

Бесконечно Вам преданный В. Войно-Ясенецкий.

Адрес моей матери:

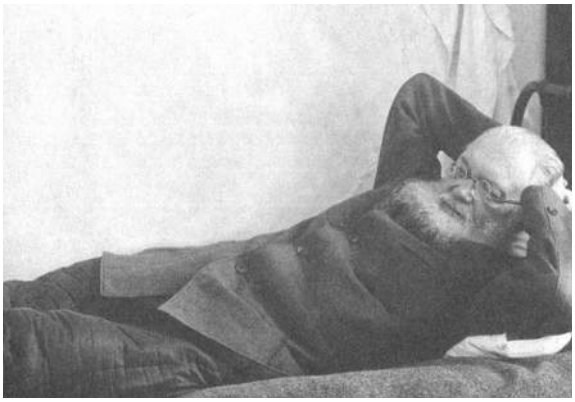
Киев, Александровская, 99

Контора «Надежда»

Марии Дмитриевне Ясенецкой-Войно.

Мой там же Валентину Феликсовичу Ясенецкому-Войно».

А в 1913 году, уже будучи врачом, В. Ф. Войно-Ясенецкий писал А. М. Хирьякову о Л. Н. Толстом: «Лев Толстой был для меня в полном смысле слова духовным отцом. Его нравственную философию я воспринял как близкую мне истину, под его влиянием решил труднейший для меня выбор между живописью и медициной, определил свой жизненный путь и свое отношение ко всему окружающему. Величайшая художественная ценность произведений Толстого находится в теснейшей связи с их неисчерпаемой моральной глубиной».

Войно-Ясенецкий В. Ф. в ссылке. Большая Мурта

Когда я должен был уехать в конце мая 1942 года из Красноярска в Балахну на Волге, куда эвакуировался эвакогоспиталь, наши связи с владыкой Лукой сохранились. Об этом свидетельству-

Красноармеец Пузин

ют его письма ко мне за 1942–1943 годы. Письма эти, несомненно, представляют большой интерес, так как в них идет речь о его практической деятельности в качестве хирурга в первые годы войны, а также о его работе над книгой «Очерки гнойной хирургии» (второе издание, переработанное и расширенное автором) и монографией — «Поздние резекции при инфицированных огнестрельных ранениях суставов». Как известно, в 1946 году эти труды архиепископа Луки были удостоены Сталинской премии 1-й степени. Почти всю премию лауреат пожертвовал на помощь сиротам войны.

В конце 1943 года владыка Лука был сначала архиепископом Тамбовским, а затем Симферопольским и Крымским, продолжая активно работать в эвакуационных госпиталях, и выступал с многочисленными научными докладами перед врачами. Иногда он наезжал в Москву и служил в разных храмах. Он очень любил проповедовать и считал проповедь самым важным делом в своем архиерейском служении. Мне пришлось несколько раз бывать у него в гостинице «Москва», где он останавливался, и присутствовать при совершаемых им богослужениях в разных храмах столицы.

По-прежнему архиепископ Лука сохранял свое огромное обаяние, и я счастлив, что мне было предназначено судьбой встречаться с этим удивительным человеком.

Летом 1957 года Валерия Дмитриевна Пришвина, вдова писателя, и Н. С. Родионов, один из редакторов юбилейного издания Л. Н. Толстого, побывали у архиепископа Луки, который был уже слепым, в Крыму. Они передали ему от меня слова глубокого уважения и сердечного привета. Мои друзья возвратились из Алушты под большим впечатлением от общения с этим мудрым человеком.

Через несколько лет (11 июня 1961 г.) владыка Лука скончался. Перестало биться сердце, горевшее пламенной и деятельной любовью к Богу и к людям».

«20 июня 1942 г.

Многоуважаемый Николай Павлович!

И я сожалею, что Вы уехали из Красноярска. С Митр. Сергием я начал очень интересную для Вас большую переписку по вопросам религиозно-философским, церковно-политическим и тактическим. Конечно, нет возможности сообщать Вам эту переписку. На 2 больших письма, посланных недавно, я еще не получил ответа.

У меня большое огорчение; из Новосибирска мне сообщили, что издать мою книгу не могут за недостатком бумаги. Однако, чрезвычайно веро-

ятно, что ее напечатают в Красноярском краевом издательстве, хотя и небольшим тиражом. Работа моя по-прежнему велика и успешна. За мною исключительно ухаживают: командиры из больных вызывали директора обувной фабрики, заказали ему ботинки для меня по мерке, велели во чтобы то ни стало достать резиновые сапоги для операций. Заказаны также 2 смены белья, 2 полотенца, носовые платки. Делают выговора сестрам, если увидят, что я сам несу тарелку. МЭП, через реввоенсовет, представил меня к награде, по-видимому, к ордену. Поистине стремительная эволюция от persona odiosa к persone grata! Слава Богу! Кормят меня так обильно, что я половину отдаю окружающим или знакомым. А бедный обновленческий архиерей в Мурте голодает до голодных отеков, живя только на 400 гр. хлеба. Завтра переберусь в новую квартиру (где была аптека). Там будут самые лучшие условия для размышлений на религиозные темы, которыми я теперь занят; полная изоляция, тишина, покой, одиночество.

Господь да благословит и сохранит Вас,

Архиепископ Лука.

30.VI.42 г.»

«1 июля 1942 г.

Николаю Павловичу мир и благословение.

У меня большая радость. 2.V я послал И. В. Сталину письмо о своей книге с приложением отзывов проф. Мануйлова и Приорова, превозносящих книгу до небес. Результат: письмо из Медгиза от 26.VI с просьбой прислать рукопись для издания. И монографию о суставах, которую медлило издать здешнее краевое издательство, потребовали от него в Москву. К зиме выйдут и книга, и монография.

Госпиталь наш сократили до 250 коек, и работа уменьшилась. Церкви в городе не хотят открывать, а из Ташкента пишут, что туда приехал обновленческий архиерей, и для него открывают много церквей. Если бы не умер М. Иоанн, то, конечно, несомненно, у нас давно была бы открыта Покровская церковь, как ему обещали. А в Николаевку осенью и весной ходить невозможно. Недавно я пошел после дождя, упал в грязь и вернулся.

Здоровье мое, слава Богу, хорошо,

М. Сергий болеет гипертрофией предстательной железы, осложненной циститом.

Недавно я получил благодарность и грамоту от военного совета Сиб ВО.

Будьте здоровы и благополучны. Господь да хранит Вас.

Архиепископ Лука.

1.VII.1942 г.»

«8 ноября 1942 г.

Николаю Павловичу мир и благословение.

Сердечно благодарю Васза поздравление сднем Ангела и любовь ко мне.

Не могу часто писать Вам, т.к. работы очень много, и нередко устаю до упада. Кроме большой лечебной работы, читаю по понедельникам врачам всех госпиталей курс лекций по гнойной хирургии, а к ним надо готовиться. На торжествах по поводу XXV-летия Советской власти ярко проявилась любовь ко мне больных. Слава Богу!

Велика радость моя о излечении множества раненых, но еще более велика она о радикальном изменении судьбы Церкви. Слава Богу! Около двух месяцев живет у меня обновленческий митрополит, с которым, помнится, Вы встречались у меня. За 2 года до окончания ссылки его вызвали из Мурты, и он будет архиереем Красноярским. Пока обещают открыть маленькую церковку в Николаевке. Это, конечно, общая мера по всему Союзу, слава Богу!

Молюсь о Вас и матери Вашей и прошу молитв Ваших,

Архиепископ Лука.

8.XI.1942 г.»

«25 декабря 1942 г.

Николаю Павловичу о Господе радоваться.

Что делаете Вы в ГОРОНО? Считаетесь ли мобилизованным? Уже 4 недели я не работаю вследствие очень тяжелого переутомления, гл. образом мозгового. 3 недели пролежал в больнице Крайкома, теперь лежу у себя на квартире. Врачи говорят, что по выздоровлении я не должен работать больше 4-х часов и не делать больше двух операций. А до сих пор я работал до 8–9 часов и делал 4–5 операций.

Митр. Иоанну Мирнову Господь не судил архиерейство в Красноярске: живя у меня, он заболел самой злокачественной чахоткой, продолжавшейся всего несколько недель, и 3. XII умер в туб. диспансере. Я в это время лежал в больнице, 73-х-летний протоиерей Алексей Захаров не в силах был поднять хлопоты по погребению его, и только у себя на дому отпел. Похоронили больничным порядком, без гроба. Тяжело было это пережить. Хороший был человек.

Книгу «Правда о религии в России» я получил и прочел. Очень знаменательно ее появление. Продолжается моя большая переписка с М. Сергием.

Мой сын, живший в Колтушах, теперь в Москве, работает в НИИСИ Красной Армии. Слава Богу.

Крайком постановил издать мою книгу в Красноярске, т.к. проф. Приоров дал о ней отличный отзыв, назвал одной из самых замечательных книг по гнойной хирургии. Слава Богу!

Да поможет Вам Господь перенести все тягости военного времени и да благословит Вас.

Архиепископ Лука.

25. XII. 1942 г.»

«17 марта 1943 г.

Николаю Павловичу мир и благословение.

Вашу открытку от 3.II я получил 22.II. Большого письма не получал, а только открытки. Очень долго не мог отвечать Вам по двум причинам: 1) я был крайне занят спешным окончанием своей монографии о поздних резекциях при огнестр. ранениях суставов. Вышло 4 печатных листа с 45 рисунками. Она уже печатается в Краевом издательстве тиражом 5000. Это очень ценный и важный мой труд. Большая книга будет печататься летом. 2) Я очень плохо чувствовал себя и иногда лежал по целым дням вследствие тяжелого мозгового переутомления, длящегося уже почти 4 месяца. В декабре я 3 недели пролежал по этому поводу в больнице, а теперь невропатологи настаивают на полном двухнедельном отдыхе. Но это невозможно, т.к. у нас открылась церковь в Николаевке, а я назначен Архиепископом Красноярским. Требуют, чтобы я не ходил в церковь, если не буду работать в больнице. И работаю через силу. До крошечной кладбищенской церкви в Николаевке 1,5 часа ходьбы с большим подъемом на гору, и я устаю до полного изнеможения, церковь так мала, что в ней нормально помещается 40–50 чел., а приходят 200–300, и в алтарь так же трудно пройти, как на Пасху. Служить мне в ней можно было бы только священническим чином, но и это пока невозможно, т.к. нет облачений. По-видимому, получим их из театра. Нет диакона, певчих, даже псаломщика. Служит 73-х-летний протоиерей, а я проповедую. Это для меня и для народа огромная радость.

Есть большая надежда, что весной откроют Покровскую церковь (на углу улиц Сталина и Сурикова).

Работу в госпитале, конечно, буду продолжать, и к этому нет препятствий.

Блаженнейший был опасно болен воспалением легкого, но, слава Богу, поправился. По болезни давно не писал мне.

Я давно уже писал Вам о смерти М. Иоанна Мирнова от молниеносной чахотки. Господу было угодно не его, меня поставить на кафедру Красноярскую.

Как это Вы стали школьным инспектором? Ведь Вы военнообязанный[1].

Желаю Вам успеха в работе, здоровья и душевного спасения.

А. Л.

17.III.43 г.»

«20 апреля (1943)

[1] В связи с тем, что эвакогоспиталь 3355 уехал из Балахны и произошло сокращение штатов, я остался в этом городе, встав на военный учет, работал школьным инспектором и преподавал в школе. Уехал из Балахны в январе 1944 г. в Ясную Поляну по правительственному вызову.

Христос Воскресе, Николай Павлович!

Я очень удивлен тем, что Вы не получаете моих писем. На все Ваши письма я отвечал, кроме открытки, полученной 31, на которую не ответил потому, что 17. III послал Вам большое письмо, в котором писал, в каких жалких условиях приходится мне начинать служение Архиепископа Красноярского.

Два раза я писал Вам о смерти Митр. Иоанна Мирнова, а Вы, по-видимому, и этого не знаете. Я занят до крайности и очень утомлен, и потому не могу пока написать Вам подробнее. Мой тяжелый невроз, слава Богу, прошел, когда возобновилось мое церковное служение, но с января я очень сильно, часто до слез, кашляю от хронического ларинго-трахеита.

Да хранит и благословит Вас Господь.

А. Л.

Живу и работаю по-прежнему в госпитале».

«Николаю Павловичу мир и благословение.

Большая и неожиданная новость у меня. 2/VIII я получил телеграмму из Москвы. Всеславянский комитет просит написать статью для заграничной славянской печати о моей общественной деятельности во время Отечественной войны в качестве Красноярского Архиепископа и хирурга госпиталей Красной Армии. Вы, конечно, сумеете всесторонне оценить значение этого предложения и возможные большие последствия его. Уже через 2 дня я послал статью, которую, однако, мне некогда переписать для Вас.

Служу и проповедую каждый праздник и каждое воскресенье. Работа в госпитале идет по-прежнему. Мои научные интересы переключались с суставов на хронические эмпиемы плевры. Мой невроз по временам рецидивирует, и 8.VIII я даже не мог служить литургию из-за него.

Фурункулез, которым Вы страдаете, верно излечивается только аутовакциной.

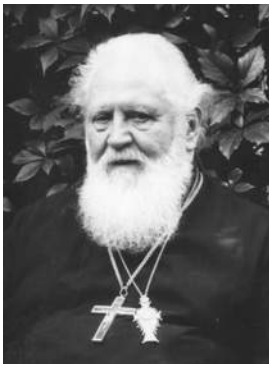
Господь да поможет Вам и да благословит Вас.

Архиепископ Лука.

16.VIII.43 г.»

О МОЕМ ОТЦЕ, ПРОТОИЕРЕЕ РОСТИСЛАВЕ ЛОЗИНСКОМ

***Лозинский Борис Ростиславович**, 79 лет,*
заслуженный врач РФ,
г. Ярославль

Протоиерей Ростислав Лозинский

Получив предложение написать свои воспоминания о моем отце в книгу «Мы помним...», я задумался: с чего начать? С какого возраста в моей памяти отложились воспоминания о нем?

В домашнем архиве хранятся альбомы с фотографиями моих родителей, когда мне было не более 2–3 месяцев от роду. На фотографии лица моих дорогих молодых родителей с коляской, в которой я лежу. Далее — они в парке с котом. Есть фотографии их совсем молодых, когда меня еще на свете не было. Вот фото их свадьбы, где кроме чая и пирога больше ничего не было на столе. А вот они среди школьников русской гимназии, где они преподавали. Заметьте, они везде вместе. Всю жизнь они были неразлучны, всегда сопровождали друг друга по жизни. Поэтому писать только об одном отце, думаю, будет неправильно. Мама и папа были одно целое и вклад в нас, детей (я и брат Сергей), равноценен и велик.

Описывать биографию моих родителей, начиная с момента их женитьбы, думаю, нет смысла. Об этом написано в книге Андрея Иванена «Ивангородская Свято-Троицкая церковь» [1, с. 161–229].

В жизни родителей можно выделить несколько периодов: Нарвский, Таллинский, Тартуский, Ивановский, Костромской и Тульский. Все они в жизни семьи священника связаны с определенными трудностями, борьбой за выживание. Только Нарвский период, считаю, можно назвать для родителей счастливым. Это начало работы моих родителей. Отец реанимировал Свято-Троицкий приход. Преподавал в школе, мама — преподавала в двух школах, государственной и воскресной. Это были годы с 1934 по 1940. С приходом советской власти папа и мама остались без работы. Папа вынужден был идти на работу на фабрику, где испытывал неимоверные физические трудности, в результате было подорвано здоровье. Мама тоже была лишена работы, как жена священнослужителя.

В 1942 году отца перевели в Таллин, где он служил в кладбищенской церкви имени Александра Невского. С этого момента у меня

в памяти осталось все очень ясно, как будто это было вчера. Я имею в виду массированную бомбардировку города советскими самолетами 9 марта 1944 года. Время было позднее, готовились ко сну. Над городом пролетел самолет-разведчик. За ним появилась группа самолетов и сбросила осветительные устройства, которые висели в воздухе на парашютах. Через некоторое время начался налет авиации. Самолеты летели группами одна за другой и сбрасывали бомбы на город. В один миг все превратилось в «ад».

Отца не было дома. Он был в центре города на совещании в епархиальном управлении. Мама и тетя Муся (ее сестра) схватили нас с братом и бросились прятаться под лестницу на первом этаже. Взрывы раздавались все чаще и ближе. Оставаться в доме стало опасно, и мы побежали через двор в погреб. Пока мы бежали, я успел рассмотреть, что кругом все горело. Было очень светло, но не видно было рядом стоящей церкви.

Когда начался налет авиации на город, отец побежал из центра города к дому. Кое-как он добрался до окраины города, где мы жили. Вбежав во двор, он увидел страшную картину — все кругом разрушено, дом горел. Он не надеялся увидеть нас живыми. Как он нашел нас в погребе? Не знаю! Самое главное, что все были живы.

На утро, когда бомбежка стихла, мужчины вылезли из погреба и пошли обследовать обстановку. Оказалось, что в церковь было прямое попадание, и она сложилась как карточный домик. В дом, в котором мы жили, попала бомба и убила двух жильцов. В общей сложности позднее насчитали на кладбище 180 воронок от взорвавшихся снарядов.

На следующий день приехала машина (типа санитарной). Погрузили нас всех в нее и повезли в какую-то деревню. Помню только, что ехали медленно, так как дорога была завалена разбитыми машинами и трупами лошадей. Нас оставили в деревне. Маму определили батрачить по хозяйству у эстонской семьи, а папа уехал определять дальнейшую нашу судьбу.

Работая у эстонских хозяев, мама опрокинула горшок с кипятком на ноги и получила сильные ожоги. Лекарств не было. Лечили народными средствами. Ходили собирать дубовую кору, варили из нее отвар и делали примочки. Со временем все прошло. Как долго мы жили на хуторе — не помню.

Пока мы жили в Таллине, отец активно занимался духовным окормлением лагерей интернированных в Эстонию русских людей из Брянской и Орловской областей. Ездил туда для проведения богослужений, раздачи Евангелий и гуманитарной помощи. Его примеру последовали другие священники города, в том числе отец Михаил Ридигер (отец будущего Патриарха Алексия II). Около двух лет отец с мамой содержали у себя в доме семью протоиерея Иоанна Попова (5 человек) из Орловской области и девочку Женю Фигу-

рину из Ленинграда. Женя попала на мину, когда искала картошку в поле, и ей оторвало стопу. Отец отвез ее в немецкий госпиталь и добился, чтобы ее прооперировали. Выхаживание ее проходило в нашей семье. Связь с Женей я поддерживал до глубокой ее старости.

В 1944 году отец получил назначение в город Тарту. Для него это был почти родной город. Здесь он окончил гимназию и философский факультет университета. Для местного населения он был свой человек. Назначили его настоятелем Успенского собора и благочинным Тартуского округа. Выделена была нашей семье трехкомнатная квартира на улице Пирогова, в двухэтажном многоквартирном доме.

В Тарту мы прожили 13 лет. Здесь я окончил среднюю школу, поступил на медицинский факультет университета. Этот период жизни у меня хорошо отложился в памяти. С нами всегда жила тетя Муся (мамина сестра, педагог) и старушка, звали ее тетя Васса. Родственных отношений к нашей семье она не имела. Родители приютили ее из сострадания и милосердия.

Жила наша семья очень скромно. Доход церкви был небольшой, так как посещаемость ее русским населением в Эстонии была очень невысокая. Мама была прекрасной кулинаркой и хозяйкой. На зиму заготавливала картофель, овощи, солила в бочках огурцы, капусту, замачивала бруснику. В этом ей помогали мы с братом. По утрам всегда варилась каша из овсяной муки крупного помола. Со временем она так мне надоела, что я ее видеть не мог. Соблюдались все посты. Город стоял на реке, поэтому на базаре всегда продавалась свежая рыба: килька, салака и др.

Мы, дети, обязаны были пилить дрова и доставлять их из сарая на кухню. Помогали маме на кухне, следили за чистотой в квартире. Родители уделяли достаточно много внимания нашему воспитанию. Дома была большая библиотека. Много читали вслух по вечерам. Имелось пианино, на котором хорошо играла мама. Нас с братом тоже учили игре на фортепьяно. Меня определили в музыкальную школу, но там я проучился только год, дальше что-то не пошло. Хотя я музыку люблю. В школе играл в духовом оркестре. Мама водила нас на все спектакли в русский драматический театр. В город часто приезжали на гастроли артисты из Ленинграда. Ни радио, ни телевидения в те годы не было. Единственным развлечением был граммофон. Папа собирал граммофонные пластинки с церковными песнопениями, операми. Любимыми его произведениями были опера М. И. Глинки «Иван Сусанин» и торжественная увертюра П. И. Чайковского «1812 год».

Отец проводил для нас с братом занятия по изучению Закона Божия по специальному учебнику и большим цветным картинам о жизни Христа. По субботним и воскресным дням мы с мамой ходили

в церковь. Со временем отец обучил нас пономарскому делу. Мы следили за тем, чтобы не погасло кадило, подавали его в нужный момент священнику или диакону. Нас он обучил церковнославянскому языку. На большие праздники во время крестного хода вокруг храма мы шли впереди и несли фонарь и икону.

Брат Сережа увлекался столярным делом. Он сделал себе токарный станок. Очень хорошо вырезал из дерева украшения для икон, киотов и др. Я же больше занимался спортом (футбол, волейбол, лыжи, велосипед) и фотографией.

В семье был заведен строгий порядок. Вечером к 20 часам все должны были быть дома. Проводились внутрисемейные мероприятия — чтение книг, проверка школьных домашних заданий и проч.

Мы с Сережей быстро освоили эстонский язык и играли во дворе с эстонскими сверстниками. Папа в совершенстве владел несколькими языками, а маме плохо давался эстонский, и это очень ее тяготило.

Родители заботились о нашем здоровье. Каждый день заставляли пить рыбий жир, это была малоприятная процедура. Летом отцу полагался месячный отпуск. На это время снимали комнату в деревне. Вывозили нас на свежий воздух и давали парное молоко. Много гуляли по лесам, купались, собирали грибы и ягоды. И обязательно читали книги. В те годы в школе давалось задание на лето прочитать не 1–2 книги, а огромную стопку из русской классики.

Живя в Тарту, мы испытывали постоянный страх из-за репрессий. В городе часто арестовывали ни в чем не повинных людей (по доносу) и высылали в Сибирь или на Север. Отец умудрялся доставать лекарства и передавать их в поезд репрессированным людям. Дома на антресолях лежал рюкзак с теплым бельем и сухарями на случай ареста. Бог миловал нас! А сколько людей не вернулось из ссылки?

Семья наша постоянно испытывала на себе притеснения со стороны властных структур. Отец платил подоходный налог в размере 50%, тогда как обычный гражданин платил 10–12%. В Тарту сочли, что квартира велика для нас, хотя проживало в ней 6 человек. Одну комнату отобрали и вселили в нее пожилую эстонку. На первом курсе меня исключили из университета как сына священника. Только после вмешательства профессора М. Макарова я был восстановлен. В пионеры, в комсомол мне была закрыта дорога. В Ивановском медицинском институте, куда я перевелся после переезда семьи, стипендию мне не давали, хотя учился я хорошо и по оценкам она мне полагалась. Родители мужественно переносили все невзгоды.

Жизнь в Эстонии очень тяготила маму. Она всей душой стремилась в Россию. Родом она была из Пскова, папа тоже был псковичом. Поэтому она постоянно заводила разговор о переезде в Россию. Почему жребий пал на Иваново? Мне не понятно до сих пор. Толч-

ком к переезду послужило поступление Сергея в духовную семинарию в Загорске.

Одним из самых тяжелых периодов жизни был для родителей переезд в Кострому. Это была жертва во имя моего спасения. Чтобы прекратить распространявшиеся на меня притеснения в Ивановском институте, родители решили переехать в соседнюю область. Но это мне не помогло. На распределении меня силой выдворили за пределы Ивановской области — в Ярославскую. Но нет худа без добра. В Ярославской области я осел на всю жизнь, отработав в здравоохранении более 50 лет.

За три года работы в Костромской епархии папа сменил 6 приходов — не по своей воле. Уполномоченный по делам религии Костромского облисполкома (была такая должность!) передвигал всех священников через каждые полгода, чтобы население не могло привыкнуть к своему батюшке. Особенно тяжело было добираться до церкви, расположенной за Волгой в период ледостава. Приходилось переходить Волгу по тонкому льду. Провожая папу в очередной переход через реку, мама очень волновалась за его жизнь.

Росли мы с братом в одинаковых условиях, а жизненный путь сложился по-разному. Сережа еще в 11 классе решил для себя, что пойдет в семинарию, а я пошел в медицину. Родители в данном случае не вмешивались. Это было добровольное решение каждого и воля Божия. Каждый нес свой крест с достоинством.

Сережа закончил семинарию за 2 года, потом духовную академию. Был оставлен в Троице-Сергиевой Лавре. Посвящен в монахи под именем Марк. Активно занимался преподавательской и научной работой, защитил диссертацию. Руководил работой церковно-археологического кабинета. Ему были присвоены звания профессора и игумена. К сожалению, Бог призвал его к себе, когда ему было 33 года. Умер он от диабетической комы и похоронен в Туле рядом с могилой мамы.

Отец очень переживал смерть мамы и сына. Но нашел в себе силы и стал заниматься научной и краеведческой работой. За эти годы он написал более 40 трудов. Небольшая часть из них была напечатана, а другая ждет своего часа. По совокупности трудов папе было присвоено звание доктора богословия. В те годы в России было только 6 священников со степенью доктора богословия, в том числе отец. Много сделал он по сохранению исторического наследия города Тулы. Он был автором идеи создания Тульского некрополя. Тесно сотрудничал с молодежными организациями, проводил раскопки на заброшенных кладбищах по поиску исторических захоронений. Им было найдено и восстановлено (на личные средства) захоронение героя Отечественной войны 1812 года офицера Прудникова. Благодаря его усилиям удалось спасти старейшее Всехсвятское кладби-

ще, через которое намечалось провести шоссе. Он был лауреатом премии «За большой вклад в возрождение культуры и нравственности Тулы». За большие заслуги перед городом ему было присвоено звание «Почетный гражданин города Тулы», и улице, на которой он жил, присвоено его имя.

Папа был очень сильным по духу. Помогал людям, всем, кто приходил к нему за советом и помощью. Наставлял, давал читать книги. Возвращал людей к нормальной жизни. Смерти он не боялся. Тщательно к ней готовился. В шкафу лежал комплект облачения, в который надо было его одеть после смерти. И два мешочка с землей: из Афона и из Нарвы, от церкви, в которой он начинал служить. На веранде стояли гроб, крышка которого крепилась специальными винтами (папа не мог терпеть стука молотка о крышку гроба), и деревянный крест. В гараже у друзей лежал надгробный гранитный памятник, сделанный по эскизу папы. В духовном завещании он расписал все до мелочей: кого известить о его смерти, создал комиссию по раздаче его вещей и трудов и т.д. Он сделал все, чтобы не обременять печальными заботами других. «Я не боюсь смерти, потому что приготовился к ней», — говорил он своим ученикам и мне. — Переделал все дела, за все отчитался. О! Не смотрите на меня так. Я знаю — она (смерть) близка». Умирал он спокойно в присутствии меня и моей жены в день праздника Благовещения. Мы успели приехать к нему за несколько дней до его кончины. Похоронен папа у стены храма Двенадцати Апостолов в Туле, где он служил в свое время. Все, что завещал папа, было мною выполнено; все ценные исторические книги и его церковные награды передал в Троице-Сергиеву Лавру.

После смерти папы я разыскал рукопись написанной им книги «Пастырь на приходе». Перевел в электронный вариант все 480 страниц и издал на собственные средства. Считаю, что эта книга актуальна и сегодня, она должна быть настольной книгой у каждого молодого священника. Текст ее можно найти в интернете.

Заканчивая свои краткие воспоминания о моих родителях, еще раз хочу подчеркнуть, что мои мама и папа были образцом семейной жизни. Я никогда не слышал, чтобы он ссорились. Они всегда советовались друг с другом. Всегда помогали людям. Недаром в нашей семье постоянно кто-то жил. Девиз отца был «Есть дела, а есть делишки! Не надо размениваться по мелочам. Нужно уметь отсеивать шелуху и сохранять зерно!»

Хочу выразить слова благодарности тем людям, кто помогал родителям во всех их делах.

Литература

1. Иванен А. Ивангородская Свято-Троицкая церковь. — С.-Петербург: Издательский дом «Коло», 2004.

ОТ «РЕЛЬСОВОЙ ВОЙНЫ» ДО ВЕЧНОГО ОГНЯ

***Джобадзе Мария Сергеевна**, 58 лет,*
преподаватель французского и немецкого языков,
ветеран труда;
***Джобадзе Михаил Александрович**, 57 лет,*
капитан 2 ранга,
г. Москва

Джобадзе С. А., 1949 г.

Мы — дочь и внук Сергея Александровича Джобадзе, верного сына своей страны под названием СССР, рады продолжить рассказ о нашем отце, деде и прадеде наших детей, начатый книгой «Мы помним...» в 2015 году студенткой научного кружка Викторией Носовой при поддержке Щекинского художественно-краеведческого музея[1]. В нашем семейном архиве хранится много документов, свидетельствующих об этой незаурядной личности. В его жизни было много ярких достижений. Он явился одним из разработчиков «Рельсовой войны» в партизанском движении (вместе с П. К. Пономаренко, М. И. Журавлевым, П. А. Абрасимовым, С. С. Бельченко, Я. Н. Никулочкиным, А. В. Торициным, И. М. Наумовым, П. Т. Колесниковым) и создателем первого «Вечного огня» в Советском Союзе, который он зажег, будучи директором Щекинского химкомбината в 1955 году в поселке Административном (сейчас он называется Первомайским). Этот поселок был признан самым благоустроенным в стране.

А сразу после войны Сергей Александрович был в Берлине по спецзаданию. Потом работал в эстонском городе Кохтла-Ярве, руководил строительством и пуском первого в мире газосланцевого завода. Впервые в истории мировой техники из горючего сланца стал вырабатываться бытовой газ. В 1949–1951 гг. руководил строительством газопровода Саратов — Москва. В семейном архиве он оставил много интересных документов. Предлагаем познакомиться с несколькими из них.

---

[1] См.: Носова В. В. «Рельсовая война» и Вечный огонь в биографии С. А. Джобадзе/ Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. Ч. 2 / Под ред. Ю. М. Осипова, Л. И. Ростовцевой. — Тула: Аквариус, 2015. — С. 321–323.

Автобиография

Я, Джобадзе Сергей Александрович, родился 24 мая 1909 года в Тбилиси, в семье служащего закавказских железных дорог. Мать умерла в 1918 году. Отец в 1951 году.

До 1926 года учился, окончил десятилетку. После окончания учебы поступил на работу радио-лаборантом Закавказских железных дорог – рабочим аккумуляторного отдела, одновременно учился на курсах радиомехаников; по окончании курсов работал сиделкой-радиомехаником в вооруженной охране ГПУ Закавказских железных дорог, одновременно учился.

В 1929 году поступил в Политехнический институт им В.И. Ленина; в 1931 году перевелся в Московский химико-технологический институт им. Д.И. Менделеева, который окончил в 1934 году.

С июля 1934 года работал в Донецком металлургическом институте ассистентом кафедры и зав. лабораторией коксохимией, одновременно на заводе проводил научно-исследовательскую работу в городе Макеевка.

С сентября 1935 года по июнь 1938 года работал на Макеевском коксохимическом заводе — заместителем начальника, начальником цеха, начальником ПТО и заместителем технического директора.

С июня 1938 года по 1940 год находился под следствием, реабилитирован (удостоверение № 96517/с от 16/IV 1940 года), по сентябрь 1940 года не работал — болел.

С сентября 1940 года по июль 1941 года работал в Наркомате нефтепрома ст. инженером отдела искусственного жидкого топлива и главным инженером проекта.

В Великую Отечественную войну ушел добровольцем (в Коммунистический батальон Ленинского района под Москвой) — рядовым.

С июля 1941 года был мобилизован в УНКВД города Москвы и Московской области, работал в Штабе Истребительных батальонов, работал инструктором, зам. начальника 2-го отделения, где проработал до 1943 года ноября месяца. Участвовал в партизанском движении Подмосковья, участник боев по разгрому фашистских захватчиков под Москвой. Награжден медалью «За боевые заслуги». Являюсь автором (совместно с офицерами) разработки специальной тактики ведения диверсий на железных дорогах в тылу фашистских захватчиков, так называемой «Рельсовой войны».

«Рельсовая война» была взята Центральным Штабом партизанского движения в 1943 году на вооружение партизанских отрядов и сыграла в Великую Отечественную войну большую роль в разгроме врагов (в 1943 и 1944 годах). См. справку УНКВД города Москвы и Московской области № 10/476 от 12/VIII 1944 года. По предоставлению УНКВД и Центрального Штаба партизанского движения президиумом Верховного Совета награжден Орденом «Боевого Красного Знамени» и «Партизан Отечественной войны I степени».

В ноябре 1943 года Главгазтоппромом при СНК СССР был отозван из органов МВД в промышленность и назначен начальником спецтехники.

В связи с освобождением Западной Украины был назначен зам. руководителя группы специалистов и командирован с сентября 1944 года в города Львов, Дрогобыч и др. для восстановления газовых месторождений и газопроводов — организации работ; одновременно был назначен и.о. директора нефтегазового техникума в городе Львове (удостоверение № Б-179–33 от 4/IV 1944 г. и NC-752–23 от 6/XI 1944 г.)

С февраля 1945 г. был назначен и.о. директора газопровода Саратов — Москва, строительство которого было начато по постановлению ГКО от 14/X 1944 г. Был назначен директором, начальником управления, а в декабре 1946 г. (постановление Совета Министров СССР № 2336) был утвержден заместителем начальника управления газопровода Саратов — Москва.

С марта 1949 года по май 1952 года работал начальником Сланцехимического комбината.

В 1952 году министерство переводит меня в Москву на должность директора строящихся газопроводов министерства.

С 1955 года (июнь) по июнь 1962 года работал директором Щекинского химкомбината.

С июня 1962 года по настоящее время работаю в Гос. Комитете по науке и технике Сов. Мин. СССР главным специалистом отдела химии.

* * *

Это письмо в газету, написанное рукой С. А. Джобадзе, хранится также в семейном архиве. Мы не знаем, было ли оно опубликовано на страницах газеты, использовалось ли в каком-либо материале.

«В редакцию газеты “Красная звезда”»

15 ноября 1972 года я был приглашен вместе с другими ветеранами партизанского движения Подмосковья на встречу с работниками музея истории Московского военного округа в Доме офицеров МВО. Экскурсовод музея в беседе сообщила, что газета «Красная звезда» недавно обратилась с просьбой к участникам парадов войск на Красной площади прислать свои воспоминания. Если это действительно так, то я, в настоящем письме постараюсь кратко изложить свои воспоминания.

Первый раз я участвовал в параде войск на Красной площади 1-го мая 1933 г. в составе военизированного батальона студентов Химико-технологического института им. Д. И. Менделеева (тогда впервые была введена в некоторых вузах Москвы высшая вневойсковая подготовка, в том числе и в МХТИ)

Парад принимал Нарком обороны К. Е. Ворошилов. К этому параду мы готовились усиленно... На приветствие Наркома ответили дружным

«ура» и мимо мавзолея прошли хорошо (нас потом хвалили). Этот парад был первым в моей жизни, и поэтому я решил рассказать об этом.

Второй раз я был участником исторического парада войск на Красной площади в ноябре 1941 года. Конечно, впечатления от этого парада, на фоне сложившейся тогда обстановки в битве за Москву, настолько большие и глубокие, что они до сих пор остались в моей памяти и, очевидно, останутся до конца моей жизни, как одно из самых ярких событий.

Прошло более тридцати лет с тех пор, я многое повидал, за это время побывал на крупных предприятиях в ряде государств, которые в то время составляли арсенал вооружения гитлеровского вермахта, после такой «дискуссии» не перестаю удивляться стойкости советских людей.

Москва после октябрьских боев на подступах к столице стала как-то более подтянутой, как будто бы, да и в самом деле, все «лишние» люди, сделавшие «нервозную обстановку», куда-то подевались.

Несмотря на то, что обстановка на фронтах осложнялась очередным «рывком» противника, на окраинах города рылись противотанковые рвы, было больше спокойствия и больше уверенности, стало тише. Хотя воздушную тревогу не объявляли, а Москву бомбили прорвавшиеся вражеские самолеты (под Москвой шли большие воздушные бои), Москва готовилась к обороне...

В эти дни я, инженер-капитан, находился на службе в Штабе истребительных батальонов и 4 отделе НКВД г. Москвы и Московской области — куда я был мобилизован из истребительного батальона Ленинского района г. Москвы, в который записался добровольцем-рядовым.

К ноябрю 1941 года фронт находился от Москвы на расстоянии 60–80 км. Наши отдельные истребительные батальоны (Шаховской, Малоярославецкий, Волоколамский, Лотошинский, Уваровский, Рузский, Ново-Петровский, Можайский, Истринский, Высоковский) после боев с фашистскими захватчиками в основном ушли в леса на заранее приготовленные базы и вели с захватчиками партизанскую войну, а из Москвы на связь с ними для выполнения специального задания выходили малочисленные разведывательно-диверсионные группы (15–25 человек), состоящие из хорошо натренированных и обученных бойцов.

5 ноября 1941 года командованием Штаба и 4 отдела было дано задание стянуть в Москву несколько истребительных батальонов, расположенных к северу-востоку, востоку и юго-западу от Москвы, и свести их в два полка.

6 ноября эти соединения прибыли в Москву и были размещены в пустующие школьные помещения города... никто не знал причину сбора... Вечером командному составу Штаба стало известно, что состоится традиционное торжественное собрание, посвященное 24-й годовщине Великой Октябрьской революции, на станции метро Маяковская, однако никому не приходила в голову мысль, что утром 7 ноября будет и традиционный парад на Красной площади.

7 ноября 1941 года в 6 часов был подъем и после утренней процедуры был сытый завтрак из сухого пайка. Была дана команда выйти всем к месту сбора у бульвара между улицей Дзержинского и улицей Кирова. После окончания построения руководство УМВД — зам. начальника управления генерал-майор Петров М. И. и начальник Штаба полковник Леонтьев И. М. поздравили бойцов и командиров с праздником 24 годовщины Великой Октябрьской революции, и тут только сообщили, что мы все будем участвовать в параде войск на Красной площади.

После соответствующей перестройки в два сводных полка, мы направились к Красной площади. Во главе первой колоны шли генерал-майор Петров и полковник Леонтьев, а во главе второй колоны я и старший батальонный комиссар А. И. Филиппов.

Помнится, что в это темное и морозное утро начал падать первый в этом году снег — густой снег, который быстро покрыл землю... Начало светать, появились первые прохожие, которые стали спрашивать друг у друга, откуда столько войск в Москве... куда и зачем они направляются?! Нашему подразделению отвели место у музея В. И. Ленина...

В ожидании начала парада политработники вели беседы с бойцами... у всех было приподнятое настроение...

Незабываема речь Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина, которую вся страна, в том числе и мы, выслушала с большим вниманием... Глубоко запали в сердцах слова... На вас смотрит весь мир, Великая освободительная миссия пала на вашу долю. Будьте же достойны этой миссии... Пусть осенит вас победоносное Знамя Великого Ленина! Под знаменем Ленина вперед к Победе!.. Какие слова... Какая сила научного предвидения... а ведь победа под Москвой тогда уже планировалась. Разве может это забыть советский человек?!

После этой замечательной речи у всех появился такой подъем, такой несокрушимый дух борьбы... хотелось прямо сходу броситься на врага (а ведь многие части прямо с Красной площади ушли на фронт).

Начался парад... пошли войска, пошли и мы, первую колону на Красную площадь повели тт. Петров и Леонтьев, а вторую я и Филиппов...Трибуны пустые, запорошены снегом... Поравнялись с Мавзолеем В.И. Ленина... равнение направо... на трибуне Мавзолея Сталин и несколько чл. ГОКО (Государственного комитета обороны)... Внизу у левого крыла мавзолея несколько человек военных. Смотрю. Генерал лейтенант Журавлев М.И., начальник УНКВД г. Москвы и Московской области, генерал-лейтенант Синилов, комендант г. Москвы, к которым присоединились после прохода мимо мавзолея, выйдя из колонны, сначала тт. Петров, Леонтьев, а затем я и Филиппов. После прохождения частей пошли танковые части... которые почему-то выходили из площади только по одну сторону, между храмом Василия Блаженного и Кремлевской стеной, что замедляло движение колоны танков по Красной площади...

Генерал Синилов побежал сам и позвал меня для того, чтобы направить танки в два потока с Красной площади, мы стали шапками и руками сигнализировать проходящим танковым колоннам... в конце концов нам удалось направить колону в два потока... Не знаю, как получилось, как нас понял командир из первых танков, но... к нашему большому удивлению и, очевидно, к большому удивлению окружающих, один танк у самого храма Василия Блаженного повернул назад и вдоль здания ГУМа — тогда здания Верховного Совета — рванул назад через всю Красную площадь... Позже нам передали, что экипаж танка поспешил на помощь свои товарищам, у которых заглохла машина на входе у Красной площади и не заводился мотор... Не знаю, насколько это правильно?!

Праздник был настоящим!..

После парада на Красной площади истребительные батальоны и специальные истребительно-диверсионные группы развернули широкие боевые действия и в течение всего времени пребывания захватчиков на территории Московской области не давали фашистам покоя, наносили им чувствительные удары, часто совместно с соединениями регулярной армии. Как это было в ночь на 20 ноября 1941 года в Угодском заводе, когда за 3–4 часа был разгромлен штаб XII армейской группы. Было уничтожено около 650 захватчиков, в том числе 182 офицера и 2 генерала, а также большое количество техники и имущества. Эту операцию проводили командир Угодско-Заводского истребительного батальона ст. лейтенант В. Карасев, ныне Герой Советского Союза, и командир разведроты 49 армии капитан Жабо.

Военный парад на Красной площади 7 ноября, на мой взгляд, сыграл для всей страны огромную вдохновляющую и мобилизующую роль. Народ поверил в силу своей армии, в руководство страны... Сталин в Москве на Красной площади... В то время это было очень важно для армии, для всего народа... Традиционный парад состоялся. А для врагов это значило, что Красная Армия далеко не разбита, не деморализована. Разгром захватчиков под Москвой подтвердил все сказанное выше.

Не знаю, будут ли иметь какое-либо значение для Вас мои небольшие воспоминания, был бы рад помочь общему делу. Если это письмо Вам не пригодится, прошу его вернуть.

Джобадже Сергей Александрович, 1909 г. рожд., чл. КПСС, к кандидат технических наук, Заслуженный химик РСФСР, Главный специалист Госкомитета Сов. Мин. СССР по науке и технике».

О «рельсовой войне»

С первых дней Великой Отечественной войны возникла необходимость в организации специальных школ по подготовке партизанских кадров, особенно подрывников-диверсантов, владеющих в совершенстве подрывной техникой, всеми видами отечественного и трофейного оружия, умеющих ориентироваться на местности в любое время суток. В одной из таких

школ работал С. А. Джобадзе. Спецшкола УНКВД г. Москвы и Московской области первоначально размещалась в Доме отдыха «Сиверский», недалеко от Коломны, затем в детской колонии г. Покров Петушинского района Московской области, а с 1942 года — в областном Доме пропагандиста в Быково (в усадьбе князя Шереметьева).

За время оккупации северо-западных, западных и юго-западных районов Московской области спецшколой было подготовлено 377 истребительно-диверсионных групп, по 10–15 человек в каждой. Некоторые группы переходили линию фронта по 6–8 раз; выполнив задание, они возвращались в школу. На временно оккупированной территории Московской области действовал также 41 партизанский отряд, кадры для которых готовились также в школе. После освобождения Московской области от фашистских захватчиков спецшкола осуществляла подготовку истребительно-диверсионных групп для других областей и республик страны, а также занималась разминированием освобожденных территорий [1, с. 3].

«Рельсовая война» преследовала цель парализовать на длительное время движение поездов массовыми одновременными диверсиями на железных дорогах, вывести из строя взрывом большое количество рельсов в прифронтовых районах оккупированных территорий, особенно на главных направлениях снабжения вражеских армий, чтобы сковать боевые возможности врага. Для разрушения 1 рельсы требовалась шашка весом 400 г взрывчатого вещества (тротила). В ходе экспериментов, проведенных в феврале-апреле 1943 г. начальником спецшколы, майором Я. Н. Никулочкиным, инструктором по диверсионной работе инженер-майором С. А. Джобадзе и старшим преподавателем минно-подрывного дела инженер-капитаном П. Т. Колесниковым, размер заряда был сокращен до 70 г.

9 июля 1943 г. И. В. Сталину была направлена докладная записка начальника Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко «О подготовке операции “Рельсовая война”». Через три дня состоялся его телефонный разговор со Сталиным и предложение доложить лично, так как возникли вопросы. В тот же день на даче вблизи Кунцево начальником Центрального штаба был сделан 30-минутный доклад.

В ночь на 22 июля 1943 г. «первый удар по рельсам» нанесли брянские партизаны, взорвавшие 5133 рельса на участке Брянск — Навля — хутор Михайловский. Движение на важнейшей для немцев магистрали было остановлено. В последующие дни к брянским партизанам присоединились орловчане. В рапорте на имя И. В. Сталина орловских партизан, действующих в тылу фашистов на Курской дуге, опубликованном в газете «Правда» 22 сентября 1943 г. говорилось: «Мы счастливы рапортовать Вам, Верховный Главнокомандующий, о своем участии в наступлении Красной Армии летом 1943 года... Мы вели с немцами ожесточенную «рельсовую войну». Только за июль и август нами подорвано 17330 рель-

сов, движение вражеских поездов на важнейших железнодорожных магистралях было полностью или на длительный срок парализовано» [1, с. 15].

После первых, подготовительных ударов партизан 3 августа 1943 г. началась спланированная общая операция «Рельсовая война». Около 2 часов дня начальника Центрального Штаба партизанского движения П. К. Пономаренко вызвал к себе Сталин. Полных сведений в Штаб пока не поступило — слишком мало прошло времени с момента диверсий, но Верховный главнокомандующий предположил, что «дело вышло», т.к. по сообщениям в свои агентства некоторых иностранных корреспондентов, аккредитованных в Берлине, Гебельс сказал, что в прошедшую ночь на Восточном фронте началось великое сражение на транспорте, но «...мы добьемся, чтобы колеса вертелись во имя победы...» За 3 и 4 августа было взорвано 42000 рельсов, а всего за август перебито 171452 рельса [1, с. 17].

Эта крупнейшая операция партизан стала первым примером их оперативного взаимодействия с Советской Армией. С 20 сентября по 31 декабря 1943 года партизаны Белоруссии, Украины, Ленинградской и частично Калининской областей, Карело-Финской и Прибалтийских республик осуществили более 30 000 взрывов, уничтожив 144000 рельсов [1, с. 17–18]. В нужное для Советской Армии время на главных направлениях ее наступления партизаны и истребительно-диверсионные группы, парализовав полностью на несколько суток железнодорожные перевозки противника живой силы, техники и боеприпасов, облегчили разгром вражеских полчищ.

«Рельсовая война», осуществляемая под руководством Центрального штаба партизанского движения, как мощное оружие для дезорганизации железнодорожного транспорта врага, продолжалась до 1944 года. Она была известна также под кодовым названием «концерт» и сыграла большую роль в операции «Багратион» при освобождении Белоруссии.

Вечный огонь

9 июня 1945 года подполковник С. А. Джобадзе был направлен в Берлин для выполнения спецзадания. Он никогда не рассказывал об этом периоде, но возможно, что какое-то время он выполнял функции коменданта города.

После войны Сергей Александрович имел дело с газом: работал начальником управления газопровода Саратов-Москва, затем начальником сланцевого химического комбината в городе Кохтла-Ярве Эстонской ССР, откуда в 1949 году был подан первый газ в Ленинград. С 1952 по 1955 год был директором строящихся газопроводов Миннефтехимпрома.

Когда Сергей Александрович приехал в Щекинский район, то, знакомясь с окрестностями, увидел много неухоженных, неизвестных и заброшенных могил. Тогда и возникла идея перезахоронить останки в одной могиле. Его военное прошлое подсказывало сделать это. А встреча со старушкой на одной из могил с зажженной лампадкой навеяла мысль о Вечном огне,

так как на возглавляемом им газовом заводе (впоследствии при нем реконструированном в химический комбинат) имелись остатки газа, которые можно было использовать для этого.

6 мая 1955 года был зажжен Вечный огонь в поселке Первомайском, на 200 километре Симферопольского шоссе. Очевидцы рассказывали, как происходило перезахоронение тел бойцов, найденных на территории всего района; когда зажигали Вечный огонь, то плач матерей и вдов был слышен даже в соседней деревне Воробьевке. Правда, горение его не было непрерывным. В течение десятилетия перед его реконструкцией в 2013 году огонь зажигался лишь по праздникам: в День Победы, День защитника Отечества и День освобождения Щекинского района от немецких оккупантов 17 декабря.

Сергей Александрович был дружен с Алексеем Петровичем Маресьевым, приглашал его в Первомайский. Будучи ответственным секретарем Советского комитета ветеранов войны, Маресьев способствовал открытию Вечного огня в Ленинграде и других городах.

Наш отец и дед был потрясающей личностью. Он большое значение придавал сохранению памяти о войне и патриотическому воспитанию. Но делал это так: брал, например, лопату и шел копать клумбу. Другие видели, как директор завода заботится о благоустройстве, и следовали ему. Так устраивались субботники. Меня, 6–8-летнего внука он брал за руку, и мы шли 9 мая на встречу с ветеранами. Я до сих пор не могу без волнения вспоминать их.

Он очень любил музыку, сам учился играть на скрипке. Сумел убедить заводоуправление выделить деньги на создание оркестра, который приносил потом большую радость.

Он всегда был впереди. Шла ли речь об игре в волейбол или теннис — он подавал пример команде; построили клуб — он дважды признавался лучшим ДК в Советском Союзе, поселок Первомайский тоже признавался лучшим по благоустройству в стране. Идея Щекинского эксперимента также родилась в его голове. Когда он переезжал в Москву, то свои наработки передал сменившему его директору П.М. Шарову. Тот доработал их, внедрил и стал Героем Социалистического труда. Сергей Михайлович Джобадзе написал даже сценарий пьесы, рукопись которой у нас хранится, так же как и шахматы из хлеба, которые он сделал, когда был под следствием в 1938 году. Кстати, будучи репрессированным, потом реабилитированным, мы никогда не слышали от него упреков в адрес Сталина. Он говорил: «Разве будут люди идти в бой “за Сталина”?»

Литература

1. Разработка и внедрение «рельсовой войны» в Великой Отечественной войне / П.К. Пономаренко, М.И. Журавлев, П.А. Абрасимов, С.С. Бельченко, Я.Н. Никулочкин, А.В. Торицин, С.А. Джобадзе, И.М. Наумов, П.Т. Колесников. — М., 1975. // Машинописный вариант из семейного архива.

Глава 2. ПОБЕДИТЕЛИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

ОТ ДНЯ ПОБЕДЫ ДО КОРЕЙСКОЙ ВОЙНЫ

***Крамаренко Сергей Макарович**, 93 года,*
Герой Советского Союза,
генерал-майор авиации в запасе,
награжден орденами Ленина, Красного Знамени (дважды), Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени; медалями,
г. Москва

Крамаренко С. М.

Между двумя войнами

В первые дни после празднования Победы летчики нашей эскадрильи оживленно обсуждали прошлые бои, но потом все перешли на разговоры о будущем. Все же, хотя некоторые думали уволиться из армии, чтобы поступить в различные институты, большая часть летчиков (в том числе и я) не мыслила будущего без авиации. Но дни шли, а полетов не было. Так прошел месяц, а за ним другой.

Наконец наш командир, Павел Чупиков, собрал руководящий состав полка, и через час наш комэска вернулся довольно оживленным:

— Ребята, приказано готовиться к отъезду в Союз!

И вот мы разбираем нехитрое имущество и грузим его в вагоны и на платформы. Ехали мы медленно: все пути, вокзалы забиты эшелонами уезжающих солдат. На платформах танки, самолеты — идет великое переселение, началась мирная жизнь! Правда, мы тогда не знали, что для многих скоро начнется новая война,— но тогда мы и не задумывались о будущем. Мы были живы, молоды и возвращались на Родину победителями.

Разрушенную Германию мы проехали за день, а Польшу проезжали ночью. Белоруссия встретила нас цветами. Из окон и раскрытых дверей теплушек мы видели машущие руки, улыбки. Особенно приветливы были девушки. Мы тоже махали им и сожалели, что не можем остановить наш поезд и обняться с приветствовавшими нас людьми. Но на остановках нас буквально не хотели отпускать в вагоны, дарили цветы и другие нехитрые подарки.

Через неделю в дороге, где-то возле Минска, нас застало известие о начале войны с Японией. Мы поняли, что и мы едем туда, и стали подсчитывать, через сколько дней окажемся на Дальнем Востоке. Выходило, что недели через две-три, не раньше,— а наступление наших войск развивалось стремительно. Саша Васько не скрывал своей радости.

— Вот молодцы! — говорил он.— Научились воевать! Скоро и мы покажем, на что способны гвардейцы.

Витя Александрюк успокаивал его:

— Не волнуйся, там уже через неделю не с кем будет драться. Смотри, как наши продвигаются!

Гордые своей победой, мы чувствовали себя непобедимыми богатырями и готовы были сражаться с кем угодно.

Но после Смоленска поезд резко замедлил ход: остановки стали длиться сутками. Наконец мы тронулись, но уже пошел разговор:

— Едем в Москву, будем там разгружаться...

Действительно, вдали показалось множество домов, и мы медленно проезжаем мимо них. Вот наконец и вокзал, здесь снова много приветствующих — в основном женщин и детей. Радость была огромной! Они наперебой спрашивали, откуда мы, ища в эшелоне своих родственников и друзей. Уже поздно. Мы ложимся спать, но долго не засыпаем, обсуждая, что нас ждет дальше.

Утром нас поднимают:

— Выходи строиться!

На построении начальник штаба нашего полка Яков Иванович Топтыгин объявляет:

— Поступил приказ разгружаться. Сейчас садимся в грузовые машины и едем на аэродром Теплый Стан, где будем базироваться.

Мы проехали небольшую деревню Теплый Стан. Сворачиваем с асфальта и по проселку въезжаем в небольшой лесок, где останавливаемся у новеньких двухэтажных казарм, видимо, только что построенных. Командир поздравляет нас с благополучным прибытием.

Так началась наша жизнь на подмосковном аэродроме Теплый Стан. С месяц мы ничего не делали, били баклуши. Правда, были занятия: мы изучали район полетов. Наличие огромного количества населенных пунктов, железных и шоссейных дорог — все это надо было наизусть выучить, начертить, а потом представлять себе в памяти, чтобы летать, не заглядывая в карту.

Помню, в следующем, 46-м, году наш полк участвовал в учениях. Нашей эскадрилье было поручено прикрыть от ударов воздушного противника аэродром Ногинск. Командир послал на прикрытие наше звено. Мы вылетели, прилетели на аэродром Ногинск в развернутом боевом порядке «фронт», с интервалами примерно 200–250 метров, и так прошли почти над всем аэродромом. При поиске противника это самый удобный боевой порядок: мы всех видим и готовы и к атаке, и к обороне.

Все пространство кругом хорошо просматривается, нас атаковать очень трудно, и мы сразу готовы отбить атаку и тотчас же вступить в бой.

Но когда мы сели, на аэродроме поднялся целый скандал. Нас стали обвинять во всех смертных грехах: и в недисциплинированности, и в нарушении НПП, и в том, что мы чуть ли не явились причиной какой-то аварии. Как мы ни доказывали, что учение — это война и это главнее НПП, ничего не помогло. Наш командир звена, Витя Петров, получил строгое взыскание, а мы поняли, что мирная жизнь для нас будет очень трудной.

Такое отношение командования авиации округа к нам, боевым летчикам, очень скоро дало свои результаты: не выдержав, стали уходить Герои Советского Союза, герои Отечественной войны...

Моя судьба в это время тоже висела на волоске. Дело в том, что с 1946 года наш полк стал участвовать в парадах над Красной площадью и аэродромом Тушино. А меня, как бывшего в немецком плену (хотя и обгоревшего, тяжело раненного и бывшего в плену всего 7 дней), особый отдел (СМЕРШ) не допускал до полетов на парады. Когда начался 1948 год, новый комполка Старостин уже направил документы на откомандирование меня из полка «за невозможностью использовать в парадах», как вдруг все переменилось.

В начале 1948 года мы узнали, что старый командующий ВВС округа генерал Сбытов убыл из округа на учебу в Академию Генерального штаба, а на его место назначен новый командующий — генерал-майор авиации Василий Сталин. И почти сразу после назначения мы увидели его на нашем аэродроме,— а ведь прежнего командующего за два года мы ни разу так и не видали!

Однажды командир полка подполковник Старостин собрал летчиков в клуб. Мы вошли, расселись. Вошла группа офицеров, впереди невысокий подвижный генерал. Наш командир поднял нас и стал докладывать. Генерал посмотрел на нас и приказал:

— Садитесь.

Затем, когда все сели, он продолжил:

— Я — ваш новый командующий Василий Сталин. С вами я уже встречался под Берлином, рад, что вижу вас снова.

Затем, после нескольких фраз:

— Мне докладывали, что у вас, фронтовиков, какие-то неурядицы,— хочу услышать.

Конечно, все молчат. Тогда, еще раз осмотрев зал, Василий Сталин вдруг произнес:

— Прошу фронтовиков встать.

Вся левая сторона зала (а мы, фронтовики, сидели все вместе, слева) встала. Правая сторона, прибывшие «школьные работники», переведенные к нам «на усиление», осталась сидеть. Посмотрев на это, Василий Сталин сказал:

— Все понятно.

В дальнейшем разговоре он сказал, что примет все меры по улучшению обстановки с жильем, с аэродромом и укрепит нас опытными боевыми кадрами.

Действительно, не прошло и нескольких недель, как бывший командир нашего полка Чупиков был назначен командиром нашей «Кубинской» дивизии, а мой ведущий Александр Куманичкин — командиром 29-го гвардейского авиаполка. Чуть позднее началось строительство жилого городка из финских домиков. Василий Сталин добыл для авиации МВО из промышленности 500 финских домиков, в том числе домиков 50 для нашего полка, и к осени все наши бесквартирные летчики, ютившиеся в соседних деревушках, разместились в благоустроенных коттеджах.

Сразу после своего назначения Куманичкин вызвал меня:

— Байда, что с тобой делать? На тебя прежний командир представил материал на откомандирование.

Я ответил, что готов выполнить любое приказание. В ответ же услышал:

— Не волнуйся, за тебя я повоюю, попрошу командующего оставить.

Я не знал, что и думать. В одном нашем полку было трое бывших в плену. Одного из них, командира звена Виктора Петрова, уже отправили на Дальний Восток, за меня и Виктора Шарапова долго хлопотал командир эскадрильи Иван Щербаков. Но, видимо, он не смог нас отстоять, и нас собирались тоже отправить из части.

Через несколько дней Щербаков вечером говорит нам, мне и Шарапову:

— Готовьтесь. Завтра в 10 часов поедете с командиром полка в Москву к командующему.

Вечером мы начищаемся, приводим себя в порядок, готовимся к выезду. Утром, минут за 30 до назначенного времени, подходим к дому командира. Машина уже стоит возле крыльца. Минут через 15 выходит Куманичкин. Осмотрев нас, он говорит:

— Садитесь, поехали.

В дороге мы почти не говорили. Куманичкин о чем-то думает: видимо, проигрывает в уме свою просьбу. Нам ясно, что он будет просить за нас, и мы тревожимся и за себя, и еще больше — за него. Ведь выступать против СМЕРШа решится не всякий, а для авиации Московского округа ранее было правило: бывших в плену в округе не держать.

Вот показался роскошный дом. Перед ним чугунная ограда, над зданием — флаг ВВС. Часовые козыряют Куманичкину и пропускают нас. Мы входим: кругом мрамор, ковры... После деревянных домиков нашего гарнизона эта роскошь впечатляет — чувствуется штаб воинов-победителей! Чувствуется, что в этом доме настоящий хозяин, умеющий показать свою силу, власть и могущество.

Мы входим в приемную, и Куманичкин докладывает адъютанту, что прибыли по вызову командующего. Тот просит обождать: «Командующий

занят». Минут через 20 из кабинета выходит какой-то генерал. Адъютант сразу заходит в кабинет и быстро выходит: «Командующий просит зайти». Мы заходим за Куманичкиным.

Василий Сталин, в хорошо сшитой генеральской форме, немного рыжеватый, быстрый в движении, внимательно смотрит на нас, затем здоровается с Куманичкиным и говорит:

— Садитесь. Куманичкин, докладывай.

Куманичкин говорит:

— Товарищ командующий, два отличных летчика, Крамаренко и Шарапов, в войну были сбиты, оба попали в плен. Крамаренко был тяжело ранен, обгорел, через неделю освобожден нашими войсками, был полгода в госпитале, вернулся в полк и был моим ведомым. Я с ним сбил 12 самолетов. Шарапов тоже был сбит, провел полгода в плену, был освобожден нашими войсками.

Василий Сталин смотрит на меня, я встаю, и он спрашивает:

— Где был сбит?

Я докладываю:

— На 1-м Украинском, возле города Проскуров. Ранен и обгорел. Лежал 7 дней в лазарете в лагере военнопленных. Затем наши танковые войска окружили город, и я был освобожден. Лежал в госпитале, переболел сыпным тифом, затем меня отправили в Москву. Лечился в Центральном авиагоспитале. Был признан годным к летной работе, вернулся в полк и снова в полку воевал до Победы.

Генерал Сталин смотрит оценивающе на меня, о чем-то думает, затем говорит:

— Хорошо, разберусь.

Потом смотрит на Виктора Шарапова и говорит:

— А ты как оказался в плену и где был?

Виктор отвечает, что был в восьмерке Кожедуба в Курляндии. Вел бой с немецкими асами, те его сбили. Он выпрыгнул на парашюте, был взят в плен и помещен в концлагерь. В концлагере, чтобы не ходить на работы, сделал себе известью на ноге язву. Был помещен в лазарет, а за несколько дней до окончания войны был освобожден и вернулся после проверки органами СМЕРШ в полк.

Василий Сталин задумался, а потом говорит:

— Повезло тебе, а вот моего брата Якова в этом концлагере убили... А ведь тебя и доктора за твою симуляцию могли расстрелять. Скажи, кто тебя лечил в лазарете? Как фамилия этого доктора?

Виктор смутился и говорит:

— Не помню его фамилии. Я у него не спрашивал.

Василий Сталин нахмурился:

— Не помнишь? Ты всю жизнь должен его помнить: он тебя от расстрела за симуляцию спас! Сам жизнью рисковал, а ты — «не помню».

Затем, помолчав, он сказал:

— Не верю я тебе и у себя в округе не оставлю.

И чуть подумав:

— Вы можете идти, а ты, Куманичкин, останься.

Мы, бледные от пережитого, выходим в приемную.

Минут через десять выходит Куманичкин:

— Ну, поехали.

Всю дорогу мы едем молча. Шарапов сидит мрачный. У меня на душе радостное чувство, мне поверили, но переживаю за товарища. Приехав в гарнизон, Куманичкин нам говорит:

— Шарапова командующий отправляет на Дальний Восток, а относительно тебя, Крамаренко, будет решать.

Проходит несколько недель. На партийном собрании полка меня в числе других летчиков выбирают делегатом на партийную конференцию дивизии. Через три дня мы выезжаем в Кубинку. Все делегаты полка держатся вместе. Впереди командир — Куманичкин. Войдя в вестибюль Дома офицеров, мы останавливаемся, чтобы раздеться и зарегистрироваться.

Внезапно все поворачиваются. В клуб входит группа офицеров. Впереди — Василий Сталин. Увидев Куманичкина, он подходит к нему:

— Здравствуй, Куманичкин, привез своих орлов?

Затем, увидев меня, спрашивает:

— А как Крамаренко здесь оказался?

Куманичкин отвечает:

— Товарищ командующий! Коммунисты полка доверяют ему, вот делегатом выбрали.

Василий Сталин слегка улыбнулся:

— Ну, раз коммунисты доверяют ему, то и я доверяю. Назначай его командиром звена. Я утвержу.

Так я, один из немногих, бывших в плену, был восстановлен в рядах полноправных летчиков Московского военного округа и стал принимать участие в воздушных парадах.

Мирная передышка

В 1949 году мне было 26 лет, я являлся капитаном, командиром звена, летчиком прославленного 176-го гвардейского истребительного авиаполка, которым командовал тогда подполковник Николай Шульженко — невысокий коренастый летчик из 32-го гвардейского полка, которым в годы войны командовал Василий Сталин. Наш полк все так же базировался на аэродроме Теплый Стан и демонстрировал мощь советской авиационной техники над Красной площадью 1 Мая и в День Военно-Воздушного флота (18 августа) над аэродромом Тушино, где летчики полка показывали высший одиночный и групповой пилотаж.

Именно в 1949 году наш полк начал освоение реактивной техники: пришли новые самолеты Як-15. К сожалению, при освоении этого

самолета произошли две катастрофы, и мы потеряли двух летчиков. Несколько позже в соседнем полку при выполнении высшего пилотажа на новом самолете сорвался в плоский штопор и погиб командир полка.

Закончился тяжелый 1949 год, и в 1950 году началось освоение нового реактивного истребителя МиГ-15, созданного конструкторским бюро Микояна. МиГ-15 превзошел все наши ожидания. Задача была сложной: всего за несколько месяцев нам предстояло освоить эти самолеты и в мае показать их на первомайском параде.

Первый вылет на МиГ-15 произвел на меня неизгладимое впечатление. Освоение самолета шло очень быстро, и уже в апреле наш полк приступил к групповым полетам, начав отрабатывать полет по маршруту для первомайского парада.

Настал день первомайского парада 1950 года. Это был прекрасный, солнечный день. Звенья самолетов с откинутыми назад крыльями, как стрелы, проносились над Красной площадью.

Парад окончился. Май, июнь и июль ушли на подготовку к показу воздушного пилотажа над аэродромом Тушино: отрабатывался одиночный и групповой пилотаж. Наиболее сложным было выполнение пилотажа девяткой самолетов МиГ-15, которую возглавлял командир части Николай Шульженко. Но и одиночный, и особенно групповой пилотаж на реактивных «мигах» производил не меньшее впечатление. Последним было прохождение колонны реактивных бомбардировщиков и истребителей.

Никто из нас не сомневался, что этот день стал настоящим триумфом советского народа, создавшего первоклассную авиационную промышленность, выпускающую лучшие в мире самолеты!

Война в Корее 1950–1953 гг.

За постоянными полетами, их разбором и подготовкой к следующим полетам время летело стремительно. Жили мы в палаточном городке в лесу неподалеку от наших казарм. Дни проходили по строго установленному распорядку: утром зарядка, завтрак, потом полеты и послеполетный отдых или занятия. Как что-то далекое прозвучало сообщение о начале войны на Корейском полуострове. Сначала сообщалось, что войска Народно-Демократической Республики, отбив нападение войск южнокорейского диктатора Ли Сын Мана, перешли в наступление и успешно продвигаются на юг. Затем неожиданно поступило сообщение о высадке американского десанта почти в центре полуострова, о разгроме северокорейской армии и выходе американцев к границе с Китаем. После этого последовало сообщение о помощи китайских добровольцев народу Кореи, успешном их наступлении и стабилизации линии фронта примерно на 38-й параллели. Все время шли сообщения об ожесточенных бомбардировках американской авиацией городов и сел Северной Кореи. Сообщалось, что целые города сжигались напалмовыми бомбами, сбрасываемыми с американских бомбардировщиков, что гибнут десятки тысяч

мирных жителей. Только после войны я узнал, что с первого же дня в ней начала действовать авиация обеих сторон. В приграничных сражениях действия сухопутных войск КНА обеспечивала северокорейская авиация: около 60 штурмовиков Ил-10 осуществляли штурмовки южнокорейских войск, а 70 истребителей «Як» различных модификаций прикрывали и поддерживали удары штурмовиков и наступающие войска. Днем 25 июня американское командование сообщило, что несколько северокорейских истребителей «Як» сбили транспортный самолет С-54 и главнокомандующий войсками генерал Макартур отдал приказ прикрывать американские войска с воздуха. Между тем еще до начала войны американское командование сосредоточило на Дальнем Востоке три воздушные армии: 5-ю, 13-ю и 20-ю, которые насчитывали 8 крыльев (дивизий) — 1200 истребителей и штурмовиков. По количеству самолетов американская авиация более чем в 10 раз превосходила северокорейскую, а наличие реактивных истребителей-бомбардировщиков F-80 «Шутинг Стар» и F-84 «Тандерджет» еще больше увеличивало ее преимущество. Это позволило американцам легко завоевать полное господство в воздухе.

Кстати сказать, советским летчикам, базировавшимся в северо-восточном Китае и обучавшим китайских летчиков полетам на реактивных истребителях МиГ-15, для готовности к боевым действиям и вступлению в бой потребовалось не несколько часов, как американским авиационным частям, а целых четыре месяца.

Через несколько дней в бой вступила палубная авиация с американских и английских авианосцев: утром 3 июля самолеты «Корсар» американской палубной авиации нанесли удар по аэродрому в Пхеньяне, а двумя часами позже английские штурмовики «Сифайер» и «Файерфлай» штурмовали аэродром Хеч-жу. Северокорейская авиация потеряла более ста самолетов, уничтоженными на земле, и практически перестала существовать. Господство в воздухе полностью перешло к американцам. Начались активные действия американской авиации.

Нам стало известно, что особенно страшным по своим результатам был массированный дневной удар восьмидесяти В-29 по расположенному на границе с Китаем городу Синыйчжу; в сентябре 1950 года в результате коврового бомбометания весь город, состоявший из бамбуковых и деревянных домиков, был охвачен пламенем и полностью сгорел. Свыше 30 тысяч человек, включая детей и стариков (более половины населения города!), заживо сгорели или задохнулись в дыму. В этой критической ситуации правительство КНДР обратилось к советскому правительству с просьбой об оказании помощи путем поставки реактивных истребителей и зенитных орудий и посылки добровольцев-летчиков и зенитчиков для защиты корейского населения от ударов американской авиации.

Советское правительство приняло решение об оказании всемерной военной и материальной помощи Северной Корее. Сталин в беседе с Чжоу Эньлаем, министром иностранных дел КНР в период 1949–1958 гг., заявил:

— Для Кореи мы можем дать еще оружия. Для Кореи мы ничего не пожалеем.

Советский Союз начал поставлять для Корейской Народной Армии вооружение, боеприпасы, горючее, продовольствие, медикаменты. Советское правительство приняло решение о направлении авиационных и зенитных частей для прикрытия от ударов с воздуха важных центров северо-восточного Китая и стратегических объектов Корейской Народно-Демократической Республики. В конце октября командование авиачастей советских ВВС, которые находились в северо-восточном Китае и занимались обучением китайских летчиков полетам на реактивных самолетах МиГ-9 и МиГ-15, получило приказ Министерства обороны СССР о подготовке и ведении боевых действий по защите воздушного пространства северо-восточного Китая и Северной Кореи.

Был создан 64-й истребительный авиационный корпус, в состав которого вошли три авиадивизии: 28-я, 50-я и 151-я иад в составе пяти авиаполков, двух зенитных дивизий, прожекторных и радиолокационных частей. Командиром корпуса был назначен генерал-лейтенант И. В. Белов. В начальный период боевой деятельности 64-го иак полки располагались на тех же аэродромах, где они базировались ранее: на аэродромах северо-восточного Китая — Мукдене, Аншане и Ляояне.

Все полки 64-го авиакорпуса имели на вооружении самолеты МиГ-15 с двигателем РД-45, а с лета 1951 года в полки корпуса стали поступать самолеты МиГ-15бис с более мощным двигателем ВК-1, гидроусилителем управления элеронами и усиленными воздушными тормозами. Это резко улучшило тяговооруженность, скороподъемность и маневренность истребителя. В целом же по своим летным данным МиГ-15 значительно превосходил американские самолеты, воевавшие в Корее в 1950 году.

Первый воздушный бой между советскими и американскими самолетами произошел 1 ноября 1950 года. В небе Северной Кореи встретились 4 МиГ-15 и 3 американских «Мустанга». В результате боя были сбиты 2 «Мустанга», а МиГ-15 потерь не имели.

Первые же схватки в воздухе показали, что американские реактивные самолеты F-80 «Шутинг Стар» и F-84 «Тандерджет» значительно уступают советским МиГ-15 по скорости, скороподъемности и особенно по вооружению, в результате чего воздушные бои заканчивались их поражением и бегством. Господство американской авиации в корейском небе закончилось. Если раньше американские истребители-бомбардировщики безнаказанно действовали по всей территории Северной Кореи, то после появления советских «МиГов» они стали переносить свои удары ближе к линии фронта и побережью. Полеты разведчиков в одиночку прекратились вообще. Понеся тяжелые потери, легкие бомбардировщики B-26 «Инвайдер» были вынуждены отказаться от боевых действий днем и перешли на ночные одиночные вылеты.

Потери американских ВВС в воздушных боях с МиГ-15 вынудили командование ВВС США срочно направить в начале 1951 года на Корейский полуостров свои новейшие истребители F-86 «Сейбр» («Сабля»). По своим летно-тактическим данным этот истребитель был примерно равен МиГ-15: уступая в скороподъемности и удельной тяге, он превосходил его в лучшей маневренности, большей дальности полета и в наборе скорости на пикировании. Зато МиГ-15 имел существенное преимущество в вооружении. Его три пушки: две калибра 23 мм и одна калибра 37 мм с прицельной дальностью 800 метров — значительно превосходили вооружение «Сейбра»: 6 пулеметов калибра 12,7 мм с дальностью стрельбы 400 метров.

ОДИН ИЗ СТРОИТЕЛЕЙ ПУНКТА П.

***Марков Николай Корнилович**, 93 года,*
гвардии полковник,
член Протвинского Совета ветеранов,
главные награды — орден Красной Звезды и медаль «За отвагу»,
г. Протвино Московской области

Родился я в 1923 году в далекой лесной глубинке в Архангельской области. В 1941 году окончил 10-й класс. 21 июня состоялся выпускной вечер, но уже на следующий день, как известно, по радио сообщили о начавшейся войне. Так, в 17 лет меня отправили в военно-инженерное училище в город Архангельск, а уже через три месяца, 22 октября 1941 года, присвоили звание «младший лейтенант». Из-за военной обстановки срок обучения курсантов был сокращен до трех месяцев. Уже 23 октября 1941 года всех выпускников училища эшелоном повезли на фронт.

Несколько раз я был близок к смерти.

В первый раз мне повезло при форсировании реки Сож. Это левый приток Днепра. Форсировать реку — всегда сложно. Водная гладь... Видно все, как на ладони. На другой стороне — противник, а наша задача: переплыть через реку и отвоевать территорию. Но враг не дремлет, все видит. Конечно, люди погибали. Кому удавалось — те достигали берега, а дальше вступали в схватку с немцами.

Мои саперы на лодках перевозили пехотинцев, помогали им высадиться на противоположном берегу и, если получалось, возвращались обратно — за остальными бойцами. А я лежал на берегу и наблюдал за всем происходящим. Вдруг вижу — на том берегу из-за кустов выходят два немца. Один присел на колено и целится в меня! А я что? Голову к земле

пригнул, думаю, не попадет, а сам наблюдаю. Через мгновение пуля попадает в песок, прямо под моим носом! Остался жив, посчастливилось мне!

Второй раз повезло мне в Белоруссии. Наши войска наступали, а мы шли во втором эшелоне. Идем по лесной дороге, а впереди небольшой ручеек и через него мостик. Вокруг сплошной лес, так что технику можно провести только по этому мостику. Сразу стало понятно — он заминирован. Остановились. Я получил задание — проверить мост со своим взводом. Поставил людей, сам впереди. Идем, метр за метром проверяем щупом. Проверил под мостиком — может, там мина?Но там ничего нет. Зашел на этот мост. Стою посередине впереди всех, и вдруг справа — большой взрыв. Мостик взлетел вверх, я едва успел сделать несколько шагов, как взрывной волной меня откинуло на солдата Коваля. Опять остался жив, хотя взрыв был рядом. Мостик спас меня!

И еще раз я мог бы погибнуть. Форсировали в Германии реку Одер. Очень трудно было нашим войскам. Переправились уже на тот берег. Немцы контратаковали. За день пришлось 22 раза отбивать атаки, а на следующий день — аж 23 раза. Немцы применили зенитную артиллерию. Зенитки предназначены для того, чтобы сбивать в воздухе самолеты, а они стали стрелять в нас! Снаряды рвались у нас над головами. Все стали прыгать в окопы. Рядом со мной был окоп, и я хотел в него прыгнуть, но не успел — меня опередил ефрейтор Ситников Семен Максимович, а места там было лишь на одного человека. Я присел прямо на землю рядом с ним и жду. А снаряды один за другим рвутся... Через несколько минут стрельба закончилась, мы поднялись. Вроде бы все живы, а Ситников Семен не встает... Оказалось, что его убило. А я ведь тоже туда, в окоп, хотел, но не успел. Опять повезло.

Запомнился и такой случай. Это произошло во второй половине 1944 года. Мы на фронте нередко получали посылки. Так, в мой взвод передали одну из них с надписью «Самому боевому бойцу». Не зная фамилии и имени, ни отправителя, ни получателя, мы стали думать, кому же ее вручить. Посоветовались и решили вручить сержанту Ковалеву. Отдали. Он вскрыл эту посылку, а там вязаные носки, шерстяные, носовой платок, кисет с табаком. Прочитал письмо, и из глаз его покатились слезы. Мы смотрим и не поймем — почему?Оказывается, эта посылка была отправлена женщиной и ее дочерью, которые остались на этом свете вдвоем. Об этом он прочитал в письме. А у Ковалева, наоборот, дочка и жена погибли, когда немцы оккупировали область. Их расстреляли, и он остался один...

После войны мне очень хотелось учиться, т.к. в училище обучение длилось всего три месяца. Теоретических знаний приобрел немного, хотя опыт во время войны получил. Когда в части меня хотели поставить на более высокую должность, я отказался, сказав: «Отправьте меня учиться, у меня мало знаний». Я все-таки упросил командира, и меня направили на 11 месяцев на курсы под Москву.

Затем я служил в городе Львове, в знаменитой еще со времен гражданской войны Самаро-Ульяновской 24-й стрелковой Железной дивизии. Здесь

я прослужил год, а потом получил назначение на строительство Семипалатинского полигона. В 170 км западнее Семипалатинска, в Казахстанской степи начали строить первый и один из крупнейших испытательных полигонов СССР, где впоследствии испытывали ядерное оружие (испытание первой советской атомной бомбы было проведено 29 августа 1949 года). Условия — голая степь. Во Львове я уже женился, мы полгода жили вместе, ждали ребенка, а в Семипалатинске условия спартанские: солдаты и офицеры жили в землянках, безвыездно. Пришлось жену отправить на родину.

Мы сами не знали, что мы строим. Знали только, что пункт П., а за семьдесят километров был пункт М. на берегу Иртыша. Условия были тяжелые. Короче говоря, с этого времени началась моя служба в военно-строительных частях. После был отправлен в Красноярск, где строили секретные объекты. Тоже закрытая зона. Создавали также ядерные объекты в целях обороны. Это были объекты по производству оружейного плутония для атомных бомб, вырабатывали топливо для атомных бомбардировок. Здесь я служил с 1950 года по 1962 год. 12 лет. С 1962 года живу в Протвино. Состою в ветеранской организации с 1971 года. С 1974 года вхожу в состав совета ветеранов.

У меня большая и счастливая семья: жена, сын, дочь. Дети живут отдельно в Москве, у них уже свои семьи. Есть внук, две внучки, два правнука и одна правнучка. Все они — очень хорошие, часто приезжают ко мне, навещают.

Записала Сушко Алена,
студентка 1 курса Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова

КАК Я ПОСТУПИЛ В АКАДЕМИЮ ИМЕНИ МОЖАЙСКОГО

Мацигор Иван Григорьевич, *94 года,*
полковник в отставке,
г. Севастополь

9 мая 1945 года закончилась война, и сразу же появились планы о встрече с родителями, с любимой девушкой Олей Шаповал, в которую влюбился еще в школе. Во время войны я часто думал о ней: как она бедная, угнанная в Германию, живет, думает обо мне или ей не до этого. Наконец-то долгожданная встреча произошла.

Очень хорошо помню ее. Оля была необыкновенно красивой! Волосы чуть прикрывали плечи. Умные глаза светились искорками из-под длинных ресниц. Алые губки в ослепительной улыбке тогда произнесли:

— Я тебя очень ждала.

Мацигор И.Г., 25.03.16

— Я тебя очень люблю, теперь мы будем вместе навсегда, — ответил я.

Долго тянулось время тяжелых лет войны. Но все же мы вернулись из пекла, встретились и, взявшись за руки, сказали:

— Спасибо тебе, судьба.

Мы встретились потому, что мы ждали, очень ждали друг друга. Победила любовь.

5 января 1947 года мы с Олей поженились в с. Стенка, где жили мои родители. Как таковой свадьбы у нас не было: в сельсовете нам выдали свидетельство о браке, подписанное моим отцом (председателем сельсовета). В хате накрыли стол.

Так мы с Олей стали мужем и женой и прожили вместе всю свою жизнь. Я очень любил Олю. Мне казалось, что такой любви, какая была у нас, ни у кого не было, и не раз думал, вот бы описать ее, нашу любовь, для примера другим.

Хотя некоторые офицеры смотрели на наш брак косо. Даже отец интересовался — не повредит ли моей карьере женитьба на репатриированной девушке.

А однажды пригласили меня в Особый отдел, и там состоялся следующий разговор:

— Вы, товарищ Мацигор, теперь женатый?

— Да, женился. На девушке, с которой вместе учились до войны в школе.

— А разве не было девушек, которые не были бы угнаны в Германию?

— Такой, как моя девушка, другой не знаю. Она умна, добра, красива. Без нее я не мог бы представить свою дальнейшую жизнь.

Вот такая была в то послевоенное время официальная настороженность в отношении тех, кто был угнан в Германию.

Я счастлив, что именно такая жена мне досталась. Ведь только в счастливой, любящей друг друга семье могут быть такие прекрасные дети, как наш первенец Сережа и наша доченька Наташа.

После свадьбы передо мной стал вопрос о продолжении образования. О нем я начал задумываться сразу же после окончания войны. Мой друг Коля Королев предложил поступать в Юридическую Академию в Москве. На его предложение я ответил: «Коля, это же авантюра. Как же мы будем сдавать экзамены, если мы не готовились? И притом мне специальность юриста не подходит, не нравится она мне» (в школе я любил математику). В ответ услышал: «Ты не понимаешь. Все великие люди заканчивали юридические институты. Возьми Ленина, он тоже учился на юридическом факультете в университете. Нам бы только поступить в Академию».

Я сомневался — как мы поступим без подготовки? Но Коля заявил: «Прошла великая война. Никто в это время не готовился для поступления в институт или в академию. Мы заслужили, чтобы нас приняли».

На что он рассчитывал? Наверное, на ордена и медали, которых у него было куда больше, чем у меня: два ордена Красного Знамени, Красная Звезда и другие награды. У меня же был один орден Красной Звезды и медаль «За оборону Ленинграда».

Приезжаем мы с ним в Москву. Заходим в Академию. Узнаем, какие экзамены надо сдавать, какой порядок приема в академию. Подали документы и вернулись в назначенный день, чтобы сдать первый экзамен по русскому языку и литературе. (Если мы сдадим эти экзамены хотя бы на «3», то нас допустят к сдаче следующего экзамена, если нет, то нам просто вернут наши документы и мы свободны.)

Написали сочинение (помню, писал о «Молодой гвардии» Фадеева), через два дня приезжаем за результатами. По русскому языку мы получили по «двойке», а по литературе: Коля — «два», а я — «три». На этом экзамены для нас и закончились. И мы отправились в отпуск в свои родные места. Коля в г. Калинин, а я в Стенку к родителям.

Рассказал им о своей попытке поступить в юридическую академию. Отец сказал: «Плохо, что не поступил». И я понял: отец одобряет мое намерение продолжить учиться. Я с детства очень любил математику, а в гуманитарных науках не преуспел, поэтому не расстроился из-за того, что не стать мне юристом. И через несколько лет начал выбирать Академию, подведомственную Военно-воздушным силам. Таких академий тогда в Советском Союзе было две. Одна — летная, в г. Монино, а вторая — Военно-Воздушная инженерная имени Можайского в Ленинграде.

Но меня, тогда штурмана, все же больше интересовала летная, она все же престижнее. Я думал, что пусть буду летать штурманом, но все же не буду заниматься обслуживанием самолетов. Я тогда и не представлял, что существует множество должностей, не связанных с непосредственной работой по обслуживанию самолетов. А долю авиационных инженеров я себе хорошо представлял: ранним утром надо прибыть на аэродром, подготовить самолет к полетам, летчик и штурман приходят на готовенький самолет, принимают доклад о его готовности, отлетали час или полтора, зарулили на место стоянки, высказали свои замечания инженеру или технику и ушли в штаб.

Я написал письмо в Ленинград, в Краснознаменную Военно-Воздушную Инженерную Академию им. Можайского, и мне прислали вызов для сдачи экзаменов, куда я и отправился в июне 1948 года.

Командир эскадрильи не хотел меня отпускать, ведь я пользовался авторитетом, был членом партбюро. Но для тех, кто хотел учиться, часть не имела права чинить препятствий. На прощанье он мне пожелал не поступить в академию.

Приехав в Академию, я узнал, что сдавать экзамены будут не только приехавшие в этом году офицеры, но и те, кто окончил подготовительные курсы при академии, т.е. мы оказались в неравных условиях.

Напряженно готовился к экзаменам, ведь очень не хотелось «провалиться». А конкурс был огромный — 50 человек на место. Экзамены я сдал вполне успешно и получил две «четверки», «тройку» и «пятерку».

Намеревался я поступить на радиотехнический факультет, но по общему баллу не прошел, предложили на выбор: или материальная часть самолетов, или строительство аэродромов. Я выбрал последний, хотя он меня совершенно не устраивал. Как это так? Быть штурманом звена, пользоваться такими льготами, почетом и вдруг заниматься строительством аэродромов. Совсем быть оторванным от летной работы и стать каким-то строителем... Но отказаться от поступления и вернуться в часть самолюбие не позволяло.

К 1 сентября 1948 года вместе с женой и сыном я вернулся в Ленинград, и мы занялись поисками квартиры. За 6 лет учебы в Академии нам пришлось жить в 4-х квартирах, в одной из них в 1953 году у нас появилась доченька Наташа. Мы были счастливы, несмотря на незавидные бытовые условия. Жили мы вчетвером в одной комнате площадью 9 кв. м. Жена занималась детьми, а я ежедневно ходил в Академию, которую закончил в 1954 году в звании «инженер-майор».

ГЛАВНЫЕ ВЕХИ

Шалашников Евгений Тимофеевич, *94 года,*
участник Курской битвы, штурма Берлина,
освобождения Прибалтики,
прокурор Шальчининкайского района
Вильнюсского уезда Литовской ССР (1948–1950),
Почетный гражданин г. Тулы

Родился я 25 января 1924 года в поселке Чернь Тульской области. Отец, Шалашников Тимофей Иванович, 1904 года рождения, был медиком. Мать, Дальцова Ольга Александровна, происходила из крестьян. Нас, детей, в семье было семеро, но одна моя сестричка умерла в младенчестве.

Во время войны

Когда началась война, мне довелось копать окопы под Тулой, а потом нас перебросили под Ржев. Там до конца августа 1941 года мы строили

доты, дзоты, копали противотанковые рвы, а затем вернулись в родные места.

Шалашников Е. Т.

Врезались в память первые бомбежки нашего поселка. Однажды, заслышав гул немецких самолетов и взрывы бомб, мы с учительницей истории побежали спасаться в подвал возле райисполкома. Я успел забежать, а она, к сожалению, отстала, и ей осколком бомбы оторвало голову. В этот момент я понял, что такое война.

В октябре месяце мы пытались эвакуироваться, поскольку немцы уже взяли Орел. Двинулись в путь, но танки Гудериана настигли нас. Мы вынуждены были вернуться. На окраине Чернского района увидели немцев.

Однажды в дом зашли немцы: офицер и солдат. Офицер посмотрел на моего кудрявого и светловолосого брата Юру и что-то сказал солдату. Мы испугались, что офицер хочет забрать малыша. Тогда мы его стали прятать. Увидев в следующий раз подходящих к дому немцев, мы посадили Юру в корзину, укрыли одеялом и засыпали сверху картошкой в подполе. Мы были ни живы, ни мертвы. Оглядев в комнате всех с головы до ног, офицер резко сказал что-то солдату, и они ушли. Так мы спасли моего брата.

В результате Тульской наступательной операции, проведенной советскими войсками в октябре-декабре 1941 года, угроза обхода Москвы с юга была ликвидирована, а немецкая группировка на тульском направлении разгромлена, враг отступил. В феврале 1942 года я был призван в армию и направлен на трехмесячные курсы младших командиров. Через месяц пришел приказ о подготовке полевых связистов и радистов, и нас стали готовить день и ночь. В дальнейшем мой боевой путь прошел от Ржева до Берлина, я участвовал в освобождении Белоруссии, Прибалтики, Польши, в штурме Берлина. После подписания маршалом Жуковым акта о капитуляции Германии в ночь с 8 на 9 мая 1945 года мне пришлось нести службу на немецкой территории еще в течение двух лет.

Сразу после объявления войны наш народ почувствовал смертельную опасность. Все силы были направлены на отпор врагу, чтобы не допустить порабощения нашей Родины. Сражения шли очень тяжелые, кровопролитные. Мы не дали войти Гудериановским войскам в Тулу, победили в битве за Москву, в Сталинграде. Самым страшным сражением было Орловско-Курское, можно сказать, что оно стало решающим. Если бы мы не победили, то не было бы России, нас с вами. Говорят, что мы воевали с Германией. Ничего подобного, мы воевали со всей Европой. Гитлер, прежде, чем пойти на Россию, поставил ее на колени. Вся мощь и вся техника, все имущество, которое требовалось для войны, поставлялось Европой Гитлеру. Орловско-Курская битва происходила на линии дли-

ной в 500 километров, на протяжении которых Гитлер расположил свои отборные подразделения. Мы расположили там шесть фронтов, это миллионы человек. Гитлер был уверен, что он уничтожит и потопит в крови Красную армию и навсегда уничтожит Советский Союз. Но мы одержали победу в этом сражении. Я был ранен, контужен, был доставлен в госпиталь и там пролежал определенное время. Когда меня «подштопали», я вновь оказался в боевых частях.

Мне пришлось пройти долгий путь до Берлина. Это был очень хорошо укрепленный город. Во многих домах были амбразуры с пулеметами. Было страшно тяжело брать каждую улицу и дом. Самым сложным оказалось взять рейхстаг, где были сосредоточены сильные части, которые вели войну не на жизнь, а на смерть. Даже после того, как мы водрузили над рейхстагом знамя Победы, продолжались бои, немцы сопротивлялись до последнего.

Прежде чем уйти из жизни, Гитлер создал новое правительство во главе с Деницем, которое расположилось во Фленсбурге. Гитлер отдал приказ о том, что если сдавать Берлин, то только американцам или англичанам, ни в коем случае не русским. И как бы ни хотелось союзникам взять Берлин, взяли его мы. В зонах, сданных американцам, было мало сражений, немцы сдавались фактически без боя. Советский Союз отпраздновал победу 9 мая. Черчилль ненавидел нашу страну, ненавидел Сталина, но он дал ему высокую оценку за руководство государством в войну. Все человечество в вечном неоплатном долгу перед героями, павшими на полях сражения, и перед солдатами, оставшимися в живых.

После войны

Я запомнил момент, когда мы устанавливали границу из проволочного заграждения между нашей зоной и американской. У нас пропали семеро солдат, занимавшихся заграждением, говорили, что их выкрали американцы. Мы обращались к ним, но они отвечали, что ничего не знают. А через две недели их офицеры и солдаты залетели к нам на «додже», на котором с ними оказались немки. Мы их взяли и отправили всех вместе в Берлин. Вот такие отношения складывались после победы.

Когда объявили о том, что Германия подписала акт о капитуляции, кто-то прыгал от счастья, кто-то плакал, стреляли из всех видов оружия, каждый выражал свою радость. Этот праздник очень трудно описать, невозможно выразить эмоции каждого, у всех это было по-разному. Но даже в этот день еще гибли наши солдаты. Одна из них — писарь штаба, молодая девушка. Рядом с нами было большое озеро, через которое она переправлялась на другую сторону, в этот момент началась стрельба из автомата, и она была убита.

В 1947 году я демобилизовался из Германии и вернулся домой в Чернь, где меня встретила моя мать, Ольга Александровна, отец, Тимофей Иванович, а также мои сестры. Все были живы.

После войны я поступил в медицинский техникум в Туле, на зубопротезное отделение. Но вскоре мы с товарищем поняли, что не тем делом занялись. Забрать документы назад удалось с трудом, и мы поехали в Москву поступать в дипломатический корпус, но мест там уже не было. В итоге в 1949 году я закончил «Московскую юридическую школу», после чего меня отправили в Литву. С 1949 года я работал следователем в Литве. Затем, в 1950 году, вышел приказ о назначении меня прокурором Шальчининкайского района Вильнюсского уезда.

В это время там уже была проведена коллективизация, но одна из деревень категорически не желала вступать в колхоз. Мы обходили каждый дом, агитируя жителей и объясняя, что в СССР колхозы созданы и работают везде. Наконец в деревне организовали общее хозяйство, посеяли зерно, вырос урожай. Когда начали собирать, выяснилось, что каждый все уносил к себе домой. Пришлось самому выходить в поле, брать лошадь под уздцы и везти колхозный урожай, чтобы ничего не пропало. Некоторые люди бросались под лошадь, чтобы перегородить дорогу. И я вел разговоры, постепенно все становилось на свои места.

Спустя некоторое время мы узнали, что сын председателя колхоза украл пятнадцать снопов. Его задержали. Прокурор республики Бахарев дал мне распоряжение провести показательный суд. Собралось много народа, не только местные жители, но и люди с других хуторов. О процессе над расхитителем колхозного имущества писала республиканская пресса.

Когда я работал в Шальчининкайском районе, действовали и «лесные братья» — силы, выступавшие за восстановление государственной независимости Литвы, Латвии и Эстонии, утраченной в 1940 году в результате присоединения Прибалтики к СССР. В Литве действовало 300 групп общей численностью около 30000 человек. Налеты совершались группами по 2–3 человека. Террор был направлен на всех, кто выступал за Советскую власть. В «расстрельный список» входили милиционеры, партийные и хозяйственные работники, врачи, учителя, колхозники и их семьи. Однажды я с председателем колхоза поехал на хутор, и мы попали под обстрел. После этого нам стали давать в сопровождение двух бойцов, если приходилось покидать деревню.

В 1953 году умер И.В. Сталин. Все были удручены и горевали, плакали. Это была большая печаль. После этого в Литве началась кампания по смене руководящего состава на литовцев. Мне позвонил прокурор республики Бахарев и сказал: «Евгений Тимофеевич, подбирайте на свое место литовца, хотя бы с десятиклассным образованием. Для Вас мы подготовили место, Вы выезжаете туда». Меня перевели в Клайпеду следователем.

Через некоторое время мне предложили пойти на работу в транспортный отдел Балтийской железной дороги, я согласился. Вскоре железную дорогу расформировали, мне дали направление на Север, в Печору. Там я работал в органах до пенсии. Затем работал председателем Нефтеразведочной экспе-

диции Ухтинского треста, в горкоме партии инструктором организационного отдела, председателем Печорского профкома и директором горбыткомбината.

На данный момент я состою в «Тульском городском отделении Всероссийской общественной организации ветеранов войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов», являюсь членом общества «Знание», председателем комитета по военно-патриотическому воспитанию и членом президиума городского комитета ветеранов, награжден золотой медалью «За вклад в развитие Тульской области».

Записала Дарья Булгакова,
студентка 1 курса Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова

1946 год

***Придонов Михаил Придонович**, 95 лет,*
бывший узник концлагеря Маутхаузен,
художник,
г. Тула

Придонов М.П.

Уже полгода, как завершилась война. Перед теми, которые освободились из плена, из концлагерей, во всяком случае, теми, которых я знавал, вопрос остаться за рубежом или вернуться на Родину не вставал.

Мы обрели свободу и всей душой и мыслями стремились поскорее вернуться домой, на Родину, которая всегда в нашем сознании произносилась с большой буквы. Даже мысли не имели, чтобы остаться за рубежом. Ясно представляли себе и то, какая нелегкая жизнь ждет нас дома, но, независимо от этого, все мы стремились поскорее попасть домой, на Родину. Мне не встречался человек, возжелавший остаться за границей, спрятаться от самого себя. Это было равносильно предательству, измене Родине. Нас не устраивала такая зарубежная перспектива. Домой! На Родину, которую мы защищали!

Заголовок подсказывает, что речь пойдет о будущем 1946 годе. Чем он может нас порадовать? Как он нас встретит? Неизвестно.

Приближается мирный, пусть в развалинах, обгорелый, обожженный, с опаленными человеческими душами, новый тысяча девятьсот сорок шестой год. Видятся светлые, достойные, заслуженные дни, за что воевали, кровь проливали! Заслужили, небось.

И вот, наконец-то, я на Родине, в своем родном городе, где родился и вырос. Дома! Домой к себе, правда, я не сразу попал. По дороге с вокзала не стал ожидать трамвая: он редко ходил, а я спешил. Первым, однако, на дороге встретился одноклассник Вовка! Конечно, обнялись, но для разговора не нашлось времени. Скорей домой! К маме! Ведь целых шесть лет не виделись, и пропадал невесть где! Только в разлуке понимаешь, что такое МАМА, что такое Родина. Тогда только и начинаешь ее по-настоящему, по- сыновнему любить — и маму, и Родину, понимать, чем ей обязан. Вопрос только в том, как Родина примет своих сынов, попавших в беду.

Перед самым домом меня перехватил хромой двоюродный брат, что жил по соседству, завел к себе домой. Начались вопросы, только успевай отвечать. А как же?! Человек вернулся с фронта живой, здоровый. Насчет «здоровый» — это еще бабушка надвое сказала. Руки-ноги на месте, а вот что с головой, с нервами? Нервы, что струны у рояля. Много их, и каждая поет на свой лад. А все они вместе натянуты, точно как у того рояля, каждая до своего предела.

С превеликим трудом вырвался из объятий родных и соседей, заваливших меня вопросами... Вдруг входит мама! Запыхалась! Ну, конечно, объятия, слезы радости, а слов нету. Что говорить — не знаешь. Все чувства в молчании, в тишине.

Только к середине ночи с мамой выбрались к себе домой. В свой дом, в котором я не был шесть лет и тринадцать дней. У меня все так получается. Шесть и тринадцать. Отбыл в армию шестого числа, через шесть дней, тринадцатого числа ноября месяца того же 1939 года, надел гимнастерку, обмотки. Шестого февраля 1940 года принял присягу. А она на всю жизнь дается. Шестого августа 1941 года впервые вступил в бой с противником. Тринадцатого числа того же ноября месяца, только 1945 года, с интервалом в шесть лет, демобилизовался и отбыл домой. Ехал поездом номер тринадцать. Прибыл домой через шесть лет и тринадцать дней.

Медленно поднимаемся по старой, видавшей виды лестнице. Поскрипывает. Темно. Вошли мы в нашу простую, скромную квартирку без всяких излишеств. Не в квартирку, а просто в комнату с туалетом и краном во дворе, но для меня лучше нее в мире не было.

Огляделся: все как и было на своих местах, будто вчера ушел. Мама все сохранила, даже листок на календаре не сорвала: висит с датой шестое ноября 1939 года! Шесть лет висит! Не говоря уже о содержимом гардероба. Новый костюм, который пошил по окончании школы на свои трудовые денежки, шесть лет висел на вешалке и терпеливо ждал своего хозяина. Мама даже не подумала продать его, хотя и жилось очень туго. Остались и туфли модельные фабрики «Люкс», которые мама сохранила, как святыню!

Из костюма я, правда, несколько вырос: в ширину раздался. Что ни говори, а шесть лет прошло, успел состариться. Похожу в военной форме, которую мне дал отец. Так даже лучше, больше похож на фронтовика.

А как это тогда звучало гордо и уважительно: «Фронтовик!» В трамвае, автобусе место уступали: «Садитесь, пожалуйста, товарищи офицеры!» А мы ведь без погон были, только в шинелях офицерских...

Медленно, осторожно прошелся по комнатке, останавливался возле каждой памятной вещицы. Осторожно так потрогаю пальцем, чтобы убедиться, что это не сон, а явь!

Шесть лет прошло с тех пор, как я не садился за свой старинный стол с натянутым на него зеленым сукном. Три ящика в письменном столе. В правом хранились мои примитивные инструменты, готовальня, карандаши, кисточки акварельные, в левом — учебники, папки с чертежной бумагой, тетрадки с недописанными страничками. Все благодаря маминым заботам-стараниям. В среднем ящике всевозможные мои «секретные», мальчишеские личные документы.

Сейчас мои мысли о другом, не перестают бегать по тропам, дорожкам, болотам и окопам, рекам и речкам, кустикам. Вижу голубое, облачное небо, в котором, как коршуны, безнаказанно летали немецкие «мессеры» и «рамы» (самолет-разведчик). Раз «рама» появилась — жди артобстрела или бомбежки.

Вот эти оставшиеся с войны мысли никак не могут выветриться из моей исстрадавшейся головы: будто сейчас просвистит над ней автоматная очередь, или ждать, согнувшись в три погибели, прижимаясь к земле, когда взорвется брошенная в меня, именно в меня, мина.

Не забыть окружения. Трассирующие пулеметные очереди в ночи, лай собак впереди нас. Раз лают псы, значит, в селе немцы. Надо обойти. А нас всего трое. Или же гул тяжелогруженой немецкой машины по прокатанной ими прямо по полю, в удобном для них направлении, дороге. А как распутица? Аукнутся им тогда эти пути-дороги, накатанные по нашей земле! И это у себя дома! На своей земле! Притаиться только от звука автомашины! Было от чего лишиться рассудка!

Или позже, в концентрационном лагере, рука автоматически взлетает к голове по команде «Мютцен аб!», не опоздать бы, вовремя сорвать с головы полосатую шапку одновременно со всеми. Не отстать бы от строя! Шлепнуть шапкой о тощую ляжку одновременно со всеми! В один шлепок! Не то заработаешь удар по пробритой полоске на голове резиновым шлангом, набитым дробью. Не зевай! Шеренга строго в линию. Равняли по полоскам на голове. Удобно! А номерок свой надо знать назубок, не отзовешься вовремя — обеспечен удар по голове резиновым шлангом! «Айн хундерт ахт унд цванциг нейн хундерт цвай унд зибциг!» 128972. Пожалуйста, будь любезен, выучи номерок назубок! Отвечай, хоть спишь. Привыкли стоять в шеренге не шелохнувшись. В любую погоду. В снег и в дождь. Эх!!!

Долго ли еще буду ходить по улице и оглядываться, идет ли конвой следом. Где он? Потерялся, что ли? Когда же настанет час, когда буду ходить по улице и не оглядываться по сторонам в поисках конвойного?

Для того, чтобы стоять в очереди в магазине, сил не доставало… Лучше постою в сторонке, подожду, пока подойдет моя очередь. Не могу стоять в очереди, а тогда за всем надо было стоять в очереди: за хлебом, за какой-нибудь тряпкой. Не могу выдержать, когда перед глазами маячит затылок другого, постороннего человека, а сзади подпирает третий, дышит в затылок и шумно топчется позади меня, не понимая, что мне это трудно. Не стану же кричать и объяснять им, что я из концлагеря. Не могу стоять вот так, зажатый в тисках, между двумя людьми. Что за блажь, скажете вы. Блажь не блажь, а вот забыть не могу, как нас палками и шлангами резиновыми втаптывали, именно втаптывали одного в другого. Точно кильки в банке, плотно, только без томата. Ноги — голова, ноги — голова!

Или лежим на полу, все на одном боку, валетом, а чья-то вонючая пятка мельтешит у меня перед лицом. Не знаете? Объясню. Укладывают строй плотно. Один ряд, потом в ногах проходит вторая шеренга, и ее укладывают валетом между лежачими, между уже уплотненными кильками! Простите, людьми, если их так можно назвать.

А в ревире, это лазарет по-немецки, на одну одноместную деревянную кроватку укладывали ШЕСТЬ человек. Тоже как кильки. Потому что, во-первых, это не человеки, а нагие хефтлинги (заключенные), а во-вторых, объем уменьшенный: в объем одного можно втиснуть три так называемых тела.

Тогда на это не обращали внимания, это было в порядке вещей, а теперь? Нет, мои дорогие, это не блажь. Поверьте мне.

Все эти концлагерные мысли запрессованы в памяти. Станешь в шеренгу, прижмутся к тебе поплотнее, впритирку. Вот память и держит это в голове. Жизнь показала, что не надейся и не жди избавиться от такого наваждения. Это прививка на всю оставшуюся жизнь. Терпи!

Забыть бы. Думать о чем-то другом не получается, а хотелось бы. Мы ведь домой приехали! Домой! Радоваться надо! Ан нет. Старое, пережитое так и прет из тебя, давит пудовой тяжестью.

Время показало, что, действительно, это прививка на всю жизнь. Эти ощущения сохранились и сегодня. Такая же прививка осталась после странствий в окружении. Услышишь случаем, ночью, натужный гул тяжелогруженой автомашины, вскочишь или ляжешь, свернувшись калачиком, будто кочка земляная, значит, впереди накатанная дорога, а на дороге немцы на машинах туда-сюда шастают…

Вернемся и посидим вместе со мной, за моим старым письменным столом. Стол этот когда-то принадлежал моему отцу до тех пор, пока столяр-краснодеревщик смастерил для него, тогда «красного директора», новый стол, двухтумбовый. С секретом. Закроешь средний ящик, и все остальные восемь ящиков замкнуты. Такой вот фокус. Сейчас этот стол находится в моем ведении, на нем стоит мой компьютер, на котором я пишу. Научился и с принтером обращаться, который размножает для

друзей мои произведения. Стоят перед глазами фотографии моей любимой жены — и в молодости, и на закате жизни, любуюсь ими, так что я ее никогда не забываю. Ничего не поделаешь. Прожить вместе пятьдесят шесть лет — это не шутка. Это не поле вспаханное перейти...

Стол мой стоял перед окном, летом я распахивал обе створки, и прохлада наполняла комнату. На столе стояла такая же древняя настольная лампа.

Мне хочется рассказать вам, как после чудесного возвращения домой, на Родину меня встретили мои домашние «друзья». Мама моя, нижайший ей поклон, сохранила все мои бумаги, письма с фронта, которые я писал ей тогда, в 41 году, и вот теперь эти письма — уникальный голос из прошлого. Воскрешают то, что уже было предано забвению.

Правее письменного стола, вдоль стенки, стояла книжная этажерка моего собственного изготовления, которая всегда была моей гордостью, моей мечтой. Я называл ее с гордостью «моя библиотека», несмотря на слишком малое количество книг. Но книги — дело наживное. Даже на каждую книжку наклеил свой номерок, как в настоящей библиотеке.

В углу стоял мой велосипед «Москва», уткнувшись передним колесом в щель, образованную между столом и стенкой. При необходимости я выволакивал его из угла задним ходом, взваливал на плечо и с ним спускался по лестнице во двор, а дальше уж мы с ним менялись местами, и он молча, покорно и терпеливо возил меня, куда мне заблагорассудится.

Перед уходом в армию я собрался продать его, но не получилось. Не судьба была. Повестка из военкомата дала возможность моему велосипеду прожить в покое еще целых шесть лет. А потом я его все-таки продал...

Не могу не вспомнить, что на верхней книжной полке стояла модель лодки с парусом, сотворенная моими же мальчишескими руками. А в другом углу, образованном между гардеробом и стеной, висела деревянная модель восьмимоторного самолета «Максим Горький», которую я построил по чертежам из журнала «Техника — молодежи».

Над книжной полочкой на стене висел отрывной календарь с листком шестилетней давности, с датой моего отбытия в армию! Листок этот, с маминой подачи, терпеливо ожидал моего возвращения. Мама не хотела его срывать. Вот что значит мама и мамино сердце, хотя тогда у нее уже не было почти никаких шансов дождаться сыночка с войны: я ведь пропал без вести.

Я уже говорил, что обстановка в нашей с мамой комнате была довольно-таки простой. Это с позиции сегодняшнего дня, потому что за годы, прожитые вместе с моей любимой женой, мы нажили двух деток, смогли пристроить вторую комнату, обставить ее вполне прилично, но старая наша скромная комната всегда до боли вспоминается мне как память детства, а такая память не исчезает никогда.

Самое ценное, что в комнате было,— это зеркальный шкаф и мамин, тоже из ее приданого, древнейший комод. Не комод, а настоящая гроб-

ница. Такой же тяжелый, угловатый. На комоде стояло прямоугольное зеркало с зашлифованными кромками и стеклянными винтиками, и что удивительнее всего, стояли коробочка из-под пудры и флакончик с одеколоном! Ну и что тут примечательного? А примечательно то, что я, учась в шестом классе, подарил эти предметы туалета маме ко дню ее рождения. На сэкономленные деньги, которые давала мне мама на завтрак. Мама взвилась на дыбы, мол, откуда деньги взял??? Испугалась — не украл ли я? И ведь хранила столько лет. А я и не знал, что подарил я ей одеколон, а не какие-нибудь духи! Разницы я не видел и, честно говоря, купил то, на что хватило накопленных денег. Мама же никогда не пользовалась ни одеколоном, ни пудрой. Так что подарок оказался ни к чему...

Опять-таки из маминого приданого — пузатый, посеребренный самовар на подносе и с полоскательницей. А стоял он на столике, покрытом белоснежной, накрахмаленной скатеркой с очень поучительной надписью маминого сочинения: «Любишь чаю пить, люби и чашки мыть».

Моя постель была идеально прибранная, ни один, даже самый строгий, старшина не нашел бы изъяна, словно я только что проснулся и поднялся со своей постели. В детстве, даже в юности, я не знал, что такое убрать за собой постель. Это только в армии меня научили. Дома все с любовью делала за меня моя мама, а я, нахал, полагал, что так и должно быть. С каким трепетом в голосе я уже столько раз произнес это святое для меня слово «мама». Да простит она меня, если я когда-либо, хоть невзначай, обидел ее.

Но! Каждый угол сверкал идеальной чистотой. Ни пылинки, ни соринки, ни паутинки. Не придерешься. Надраенный мастикой паркетный пол сверкал. Стекла в окнах, как всегда, сверкали зеркальным блеском. Не потому, что любимый сыночек приехал, а просто потому, что так было всегда. Это была у мамы норма! В этом смысле мама была неповторимой чистюлей.

Был еще столовый стол, всегда покрытый накрахмаленной белоснежной скатертью. На дальнем конце стола всегда что-нибудь красивое стояло. Стояла еще маленькая фотография под стеклом — красноармеец с винтовкой в руках. Это ваш покорный слуга в сороковом году. Вазочка с конфетами или печеньем собственного приготовления.

Еще в комнате стояла столетняя тахта, простая, жесткая, покрытая ковром. Откуда родом был этот ковер, не знаю. Может, память от отца. Рядом с тахтой стояла «табуретка», высокая, узкая, а на ней, тоже из маминого приданого, стояла прелестная мраморная фигура. Евнух продает нагую рабыню, а она стыдливо прикрывается покрывалом. Очень красивая скульптура была. Все это я внимательно, как что-то бесценное, рассматривал, впервые придя домой после шестилетнего отсутствия.

На второй же день по приезде меня сводили к парикмахеру. Навели марафет на мою пожухшую физиономию и с почетом повели в серную

баню. Главный в бане — это терщик, он же массажист. Необходимо было соскрести с меня накопившуюся на моем теле многолетнюю грязь. Все предыдущие мойки были даже в фильтрационном лагере, где нас пригласили в баню, помыли с паром и веником, так что первый слой был ликвидирован. Ну, а тут! Это было шедевральное действо. После терщика, станцевавшего на моей спине лезгинку и напустившего на меня гору мыльных пузырей, ты вышел, как новорожденный. Далее было подкрепление в виде стаканчика «чачи» и пары кружек пенистого пива, а также целой горы парующих «хинкали» на подносе. После всех этих процедур меня, как князя, хотели было на фаэтоне доставить домой в целости и сохранности. Но... Обошлись без фаэтона. Пешая прогулка была предпочтительнее: и хмель выветрится, и я был готов, как свеженький огурчик.

Итак, приближался новый 1946 год. У мамы моей новые заботы. Маме хотелось, чтоб у ее сыночка была запоминающаяся встреча Нового года. Первая за шесть лет. Дома, конечно, мама собственноручно напекла бы разных вкусностей, печеностей, на эти дела она была мастерица. Я же болтался, не зная куда приткнуться. Денег-то у меня своих не было, и я не представлял себе, что все это стоит денег! За шесть лет жизни в армии и плену об этом не приходилось беспокоиться. Хорошее или плохое — все получал вовремя: и еду, и одежду. Теперь надо привыкать, что за все, даже за солонку с солью, тоже надо платить. Умей жить, зарабатывать деньги.

При демобилизации мне должны были выдать месячный оклад, но для этого требовалось прослужить в действующей Красной армии, в том числе на фронте, не меньше шести месяцев. Таковых боевых месяцев у меня не оказалось. Набралось всего четыре с половиной месяца. Неполных четыре года в плену не шли в счет. Значит, месячный оклад пролетал мимо меня. Литер дали, удостоверение дали, направление дали, продуктовый аттестат дали. На бумажки не поскупились, чего не скажешь о деньгах. Даже на дорогу у меня не было ни копейки. Спасибо, что пекари помогли.

Вы спросите, а при чем тут пекари? Вот при чем. В свое время добрые люди, друзья по концлагерю, после прохождения всех фильтрационных процедур направили меня работать в пекарню: мол, доходяга, еще жирком не обзавелся, будешь возить дрова из лесу, «вестимо», а вернее, набирать вес, которого мне очень не доставало. Два месяца я не мог обходиться без клюки, без палочки. Передвигался с трудом. Ноги не держали.

В пекарне мне вручили конягу «Росинанта», как я его окрестил, и подводу. Дело было в лесах под Невелем, а сосны бедные тоже натерпелись в войну. Верхушки у них были посечены под «нулевку». Видел даже сосну, срезанную пулеметной очередью! Можете себе представить, сколько пуль в нее вонзилось!? Я должен был привозить из лесу бревна из разобранных блиндажей. Ребята разбирали, а я возил. Ну не я сам,

конечно, а «Росинант», такой же истощенный, как и я. В пекарню дрова, а из пекарни хлеб. Сколько рейсов, столько и хлеба. В итоге, я и ребята в лесу нагуляли жиру, так что во мне уже невозможно было признать заключенного концлагеря. Выглядел как нормальный мужик из леса.

Пекари предложили мне, как единовременное, дружеское, но неофициальное пособие, несколько буханок хлеба. Продашь хлеб, будут деньги. Мы поможем продать, покажем, где и кому, вот и будут тебе деньги на дорогу. Вот что значит друзья. Такие друзья, бескорыстные, всегда встречались у меня на пути. Подставят плечо. Глядишь, и удержался на плаву.

Встреча Нового года у себя дома маму не устраивала. И она, без моего согласия, договорилась с моим двоюродным братом, чтобы он со своими друзьями приняли меня в свою компанию. Новый год отпраздновали, повеселились вдоволь. Мама пыталась разбудить, расшевелить во мне человека, проспавшего в страшном летаргическом сне все шесть лет, меня успевшего за эти годы отвыкнуть от всего человеческого. Состариться. Но привыкать к старой, а для меня теперь новой, позабытой, прошлой, человеческой жизни надо было.

Само собой, первым делом я отдал должное военкомату. Вся запечатанная пачка бумаг, приехавшая вместе со мной и побывавшая в НКВД, предназначалась для военного комиссара. Там, в военкомате, что было весьма удивительно, меня приняли очень добросердечно, расспросили о моих мытарствах. Надо было позаботиться о паспорте и прописке. Без прописки и ни туда, и ни сюда. Один месяц мне предоставлялся как отпуск, а затем уже надо было начать заботиться о трудоустройстве. Без работы жить нельзя. Не мог же я сидеть на шее у мамы.

К этому времени получил от отца приглашение в Москву и поехал к нему. Наша встреча была очень радостной. Мы ходили по Москве, посмотрели музей В. И. Ленина, мавзолей, сфотографировались на память. Оба в офицерских шинелях без погон. Зима ведь. Мороз. Спустились в метро, а в метро и тогда вагоны были набиты пассажирами. И москвичей, и приезжих хватало. Демобилизованных воинов, впервые попавших в Москву, интересовало все. Когда еще подвернется случай побывать в Москве, которая была символом Победы для всех народов, населяющих нашу необъятную страну. Итак, спускаемся по эскалатору, входим в переполненный вагон, а сидящие на лавочках женщины, и молодые, и не очень, вскакивают со своих мест и наперебой предлагают:

— Садитесь, пожалуйста, товарищи офицеры!

А на нас погон нет, только шинель офицерская! Вот какое внимание, какая любовь народная к своим защитникам! К слову говоря, шинель эту, перелицованную мамой, я носил до 1954 года! Девять лет. И отлично себя чувствовал. На работе заходишь утром в цех, где сидят и трудятся художники разного возрастного калибра, приложишь ладонь к шапке и гордо говоришь:

— Здравия желаю, товарищи!

Срок, указанный в приглашении, подходил к концу, надо было возвращаться домой в Тбилиси к маме и думать о работе.

Надумал я попытаться устроиться на студию мультипликационных фильмов. Двоюродный брат, партийный деятель, знавал режиссера мультстудии. Обратился к нему, мол, надо помочь брату. Тот согласился и помог мне с оформлением документов.

Очень трудно было привыкать к новому статусу гражданина. Это привыкание затянулось на долгие годы, и я не смогу честно сказать, что все прошлое забыто.

За время моей жизни в Туле, когда я стал туляком, пусть и некоренным, но именно здесь и произошел рывок в отношениях людей ко мне и изменился мой взгляд на собственную жизнь. То, что я сейчас разговариваю с вами, для меня очень много значит, и мне хотелось бы пожелать всем добрякам-тулякам здоровья, счастья и благополучия. Хочу, чтобы мой труд доставил вам возможность узнать о судьбе одного ее гражданина, а также неизвестные вам страницы жизни нашей с вами любимой и Великой Родины Советского Союза. Ведь все мы родом из Советского Союза, другого адреса мне неизвестно.

Тула, 8 ноября 2013 — 5 марта 2017

ЛЮБОВЬ С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА

Кульпов Николай Иванович, *94 года,*
командир эскадрильи полка «Нормандия — Неман» (1952–1960),
подполковник в отставке,
председатель Совета ветеранов Скуратовского микрорайона
Центрального района г. Тулы

После взятия Кенигсберга и Варшавы войска и авиацию 1-го Прибалтийского фронта, где я служил, послали на старые точки добивать вражескую трехсоттысячную группировку, находящуюся в окружении на территории Литвы и части Латвии. В то время, когда мы бомбили порты Либава, Виндава, Клайпеда, наши войска штурмовали Берлин. С вечера 8 мая мы готовились к запланированному на утро полковому вылету, но в 4 часа утра нас разбудила стрельба из многих орудий. Мы быстро собрались и хотели бежать на аэродром, но нас остановило то, что стрельба была беспорядочной. Дневальный объявил, что кончилась война. Мы тоже расстреляли по две обоймы и легли спать.

Утром стали думать, как отметить нашу Великую Победу. У меня в самолете лежал разобранный немецкий мотоцикл DKW. Механики его собрали и обменяли на спиртное. Только сели за стол всем полком, как объявили тревогу — нас подняли с полным вооружением на патрулирование Балтийского моря.

Два дня мы летали над Балтийским морем, направляли все суда на Восток. Тот, кто не подчинился, хотел уплыть в Норвегию, был уничтожен. Когда задача была выполнена, от праздничного стола, конечно же, ничего не осталось. Потом занялись организацией мирного быта во всех подразделениях.

Меня первого из полка послали в Кенигсберг готовиться к Параду Победы в Москве. Отбирали по росту (не ниже 174 см, а у меня было 175) и по наградам. Отрабатывали строевые приемы по 8 часов в день. После двух недель строевой подготовки я приехал в часть сменить износившиеся сапоги. Командир эскадрильи предложил мне и еще двум летчикам поехать в Москву получить самолеты для подготовки к воздушному параду. Я, конечно, согласился.

По приезде в Москву на аэродроме «Чкаловский» у нас проверили технику пилотирования, и мы начали готовиться к параду. На смотре получили от командующего хорошую оценку. Но метеорологи выдали плохой прогноз погоды, и он в день Парада Победы 24 июня оправдался — день выдался пасмурный, лил дождь. Воздушный парад не состоялся.

Москва ликовала. Москвичи в этот день были очень приветливы, все друг друга угощали, радушно приглашали в гости. Я оказался за праздничным столом в квартире на Новослободской.

Через несколько дней нам подготовили самолеты, и мы полетели в свой полк под Кенигсберг. Первую посадку для дозаправки мы совершили в Смоленске.

Во время переговоров Сталина в Потсдаме наша трасса была закрыта, и мы около двух месяцев ждали ее открытия.

Приближался август, стали думать, как отметить мой День рождения. Узнали, что на авиаремонтном заводе стоят 5 «ИЛов», не облетанных после ремонта. Договорились с главным инженером, что я проведу испытательные полеты по 300 рублей за самолет. Через день выдалась хорошая погода, и мне на старт ребята стали подруливать самолеты. Я взлетал, делал круг, несколько фигур и садился, не забывая при этом пролететь над домом знакомой девушки. Руководство города стало звонить командиру авиабазы, возмущаясь хулиганством летчиков, а тот оправдывался за нас.

Вскоре открылась трасса, и мы улетели под Ригу. Потом из полка сделали эскадрилью, а нас вывели за штат. Но вскоре нас взяли в истребительный полк. Мы перелетели в Белоруссию, а затем несколько летчиков, в том числе и меня, перевели в полк «Нормандия — Не-

Сын-летчик — гордость матери

ман». Там мы стали осваивать новые реактивные самолеты. Перелетели под Ярославль и вошли в состав ПВО Московского округа. До моей деревни было каких-то 100 км. Однажды удалось «покружить» над родным домом. Мама услышала рев самолета, выбежала из дома, помахала платочком. Потом в письме написала: «Сынок, ты больше не летай так низко, у бабушки Авдотьи пять кур пропали». Пришлось высылать 200 рублей.

Домой в отпуск я попал только в марте 1948-го. Сколько радости принесла долгожданная встреча с матерью!

Время пролетело незаметно. Когда до конца отпуска оставалось всего пять дней, я отправился на лыжах в соседнюю деревню в гости к двоюродному брату. Вечером мы пошли в клуб на танцы. И тут... я заметил ее сразу и уже не мог отвести глаз. Я сразу понял — это моя судьба, любить ее буду всю жизнь.

На следующий день отгладил свою летную форму и при полном параде с мамой предстал перед невестой. Сватовство состоялось, Людмила согласилась стать моей женой.

Председатель колхоза дал мне лошадь, расписываться в сельсовет поехали на санях. Скромно отпраздновали свадьбу, а на другой день вместе отбыли к месту моей службы.

В 1949–50-е годы заводы стали выпускать современные МИГ-15, которые по всем параметрам не уступали хваленым F-84 «Тандерджетам», а по вооружению даже превосходили. В разгар «холодной войны» началась война в Корее, нас срочно отправили из Ярославля в Приморский край. Участие советских летчиков в боевых действиях на территории Северной Кореи было окружено в Советском Союзе строжайшей секретностью. Вся информация, доступная женам летчиков, ограничивалась словом «командировка».

В марте 1951 года мы перелетели в город Мукден, в это время там уже была дивизия Кожедуба и вела боевые действия с американской авиацией. В июне мы тоже перелетели ближе к Корее. Постепенно нас стали включать в боевой расчет: поднимали на перехват бомбардировщиков Боинг Б-29 «Суперфортресс», вступали с ними в воздушные бои. Женя Стельмах сбил в одном бою три самолета и сам погиб.

Однажды я летел, идя над облаками. Вдруг прямо передо мной вышел из облаков F-84 в 80–100 метрах. Я нажал гашетку на все пуш-

ки, американец взорвался и разлетелся на кусочки, один из которых я привез на решетке воздухозаборника. В сентябре, при атаке Б-20, я столкнулся с падающим истребителем, и мне пришлось покинуть самолет. После приземления китайский солдат хотел ударить меня прикладом автомата, но на воротнике увидел портрет Мао Цзэдуна, заулыбался и стал собирать мой парашют. В штабе мне перевязали руку, потом отправили на операцию в Союз.

С женой Людмилой

В 1953 году война кончилась, а мы продолжили службу на Дальнем Востоке. Охраняли воздушные рубежи. Меня повысили в должности — я стал командиром эскадрильи. Мы учились летать на сверхзвуковых самолетах в любую погоду.

Из-за нехватки военных испытателей несколько месяцев мы привлекались к испытательной работе. Нам эта работа нравилась, тем более она хорошо оплачивалась. В одном из вылетов у меня спутались тормозные парашюты, после приземления я их не успел сбросить и взлететь снова. На заводском аэродроме без аэродинамического торможения сесть невозможно, и я, согласовав действия с руководителем полетов и руководством завода, готовился покинуть самолет катапультированием. Но наше руководство связалось с Хабаровском, где полоса была 4,5 км, и я сел там. Тем самым самолет стоимостью в 1 миллион 250 тысяч остался цел.

Однажды у летчика Орлова из моей эскадрильи во время обычного полета при взлете загорелся самолет. Я приказал ему прыгать, но он продолжил полет и скрылся за сопкой. Мы на санитарной машине поспешили к месту падения, но летчика не обнаружили. Мы подумали, что он погиб. Командир полка приказал мне заехать к его жене и рассказать о случившемся. Я не знал, какие подобрать слова, как сообщить о таком горе, тем более что в молодой семье несколько месяцев назад родилась дочка. Потоптавшись у дверей, дрожащими руками я наконец открыл дверь и вижу... О, чудо! Лева стоит посреди комнаты с дочкой на руках. Оказывается, он успел катапультироваться. В это время подъехала попутка; они собрали парашют и привезли Леву домой.

Да, непроста служба военных летчиков, а еще сложнее жизнь их жен. Бессонные ночи, тревога, неизвестность... Бесконечные переезды и бытовая неустроенность по сравнению с этим — пустяки. Моя супруга Людмила Ивановна безоговорочно приняла эту судьбу. Выросшая в де-

ревне, житейских трудностей она не боялась (так, когда мы получили новую квартиру, она не растерялась и сама сколотила из ящиков стол). Но постоянные волнения подкосили ее здоровье. Когда я возвращался с ночных полетов, то подшучивал над товарищами: «Видите, как вас ждут жены? Все спят, и только у моей Людмилы Ивановны свет в окне!» Моя супруга покинула сей мир в 2008 году.

По прошествии многих лет могу сказать — война, вся наша служба, постоянная учеба командиров, летчиков, техников, младших специалистов, направленная на обеспечение охраны и защиты государственных воздушных границ ради спокойной жизни трудящихся, дали закалку на всю жизнь. Многие сослуживцы после увольнения добились значимых результатов, став руководителями, инженерами, профессорами. А двое летчиков из моей эскадрильи стали генералами: это П. И. Рыжов и П. Г. Массалитин.

О ДЕВУШКАХ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-ДИВЕРСИОННОЙ в/ч 9903

***Осипова Татьяна Михайловна**, 75 лет,*
ветеран труда,член активной группы при Совете ветеранов в/ч 9903;
***Паншина Маргарита Михайловна**, 94 года,*
член Совета ветеранов в/ч 9903,
г. Москва

«Перед ними мы в вечном долгу...»

Их насчитывалось более двух тысяч — добровольцев, попавших в диверсионно-разведывательную воинскую часть особого назначения № 9903 Разведотдела Западного фронта (командир Артур Спрогис), примерно треть — девушки. Еще тысячу отсеяли при отборе: не прошли медкомиссию, не внушили доверия, не подошли по личным качествам. Молодежь рвалась защищать осажденную Москву. Около половины бойцов и командиров части отдали свои жизни в борьбе за свободу и независимость Родины.

Приведем сухие цифры статистики из материалов музея истории части, который работает в ЦО 1272. Из двух тысяч бойцов личного состава в/ч 9903, по нашим подсчетам, погибли 1006 человек, по данным К.В. Сукачевой, — 951 человек, в том числе: замучены в гестапо — 12 человек, повешены, расстреляны, сожжены заживо — 18 человек, погибли при десантировании или переходе линии фронта — 13 человек, погибли при минировании шоссе и железных дорог — 7 человек, подорвались на минах — 4 человека, пропали без вести — 348 человек. Больше всего

погибло и пропало без вести под Москвой — 431 человек, на Брянщине — 81 человек, в Белоруссии — 150 человек, в Восточной Пруссии — 21 человек, в Латвии — 7 человек.

За каждой из этих цифр — конкретная жизнь, судьба, подвиг, смерть...

Паншина М. М. и Осипова Т. М., г. Тула, 05.05.2010 г.

Легендарная Зоя Космодемьянская более двух суток штурмовала Московский комитет комсомола, чтобы попасть в диверсионно-разведывательную часть. В конце ноября 1941 года она героически погибла от рук нацистов и стала первой женщиной в годы Великой Отечественной войны удостоенной высокого звания Героя Советского Союза (посмертно). Наверное, Зоя не совершила уникального подвига — все бойцы части № 9903 знали, на что идут, и были готовы к мученической смерти. Однако так сложилось исторически, что именно Зоя стала символом мужества и Победы над фашизмом. Она стала для мира тем человеком, который молчал, когда от нее требовали слов, и говорил, когда требовали молчания.

В 1942 году, защищая любимую столицу, погибла однополчанка Зои Елена Колесова, командир «девичьей» группы (в воинской части было две группы, укомплектованных только девушками: группа Елены Колесовой и «вторая девичья» под командованием Екатерины Пожарской; остальные группы были смешанными), тоже ставшая посмертно Героем Советского Союза.

Вера Волошина до войны переболела гриппом, который дал осложнение на ноги. Несколько месяцев она не вставала с постели. Пришлось бросить Институт физкультуры и вернуться в Кемерово, где отец лечил ее электричеством. Через год Вера поступила в Советский институт кооперативной торговли. А еще через три года избитая и окровавленная девушка запела «Интернационал» с веревкой на шее, зная, что жизнь вот-вот оборвется. После войны было непросто найти свидетелей ее гибели — жители деревень уходили «из-под немца» в леса, жили в землянках. Казнь Веры почти случайно увидела крестьянка совхоза Головково, которая осталась в обжитом доме вместе с беременной дочерью. Именно эта женщина рассказала журналисту-поисковику Георгию Фролову о последних минутах жизни светловолосой девушки-партизанки. Она же и опознала ее на групповом фото. Вере посмертно было присвоено звание Героя Российской Федерации.

Когда-то жила на земле Лариса Васильева, ей почти исполнилось семнадцать. Она попала в плен в деревне Поповка, была изнасилована, подвергнута жестоким пыткам, а после этого раздетой брошена на мороз умирать. Последними ее словами было: «Вы меня убьете, но ни одна фашистская гадина не уйдет живой с нашей земли!» Жители деревни после войны называли дочерей Ларисами в ее честь.

Две девушки были в группе Константина Пахомова: Женя Полтавская и Шура Луковина-Грибкова— студентки Московского художественно-промышленного училища. Пятого ноября 1941 года группу окружили на городском кладбище Волоколамска, взяли живыми, допрашивали, затем повели на казнь. На Солдатской площади уже была готова виселица. Но внезапно восемь приговоренных обнялись и с песней двинулись на немцев. У тех не выдержали нервы — раздались автоматные очереди. Перед смертью ребята кричали: «Да здравствует Родина!» Потом для устрашения их тела все-таки повесили. Опознали и похоронили их лишь в январе, когда Волоколамск был освобожден.

Антонина Могилевская-Горькова — ветеран в/ч № 9903, поэтесса — в своем стихотворении, посвященном матери Сони Пашуканис, которая получила извещение, что ее дочь пропала без вести, пишет:

Неизбывна матери боль,
И не властно время над ней.
Перед ними мы в вечном долгу
За «без вести» пропавших детей.
Не без вести пропали они,
А страну заслонили собой,
Даже имя свое не назвав,
С ходу бросились в смертный бой.
Сколько их,патриотов страны,
Грудью вставших ее защищать,
Жизни отдали под Москвой,
Чтоб не смог ее враг топтать!

Позже было установлено, что 18-летняя Соня Пашуканис с товарищами была заброшена к партизанам в Брянские леса. Группа партизан, направлявшаяся на заготовку картофеля, наткнулась на засаду немцев. Пришлось принять бой и отходить к лесу. В бою у деревни Новониколаевка Лида Новикова, Соня Пашуканис и Таня Орлова погибли.

В июле 1942 года 19-летняя Антонина Штырова в составе группы партизан Брянских лесов была направлена на подрыв железнодорожного полотна. Тоня приступила к минированию на отведенном ей участке. Но что-то у нее не получалось, а железнодорожный состав был уже виден. Тоня продолжала работать. Когда мина была установлена, железнодорожный состав был всего в нескольких метрах от девушки.

Раздался взрыв такой силы, что, взорвав вагоны, он разорвал и отважную военную партизанку.

Антонина Могилевская-Горькова в одном из своих стихотворений пишет:

Лес брянский,ночь черным-черна,
Кусты нас за ноги хватают.
Наш путь без края и конца,
Кишки пустые «марш играют».
Не чуешь рук,немеют ноги,
Мешок прилип к твоей спине...
Да,были тяжелы дороги
На проклятущей той войне.
Но рядом Муськино плечо,
А впереди шагает Клава.
А Аня шепчет горячо:
— «Держись,недолго до привала.
Конины сварим,и Наташка
Тебе уделит мосолок
И поровну на всех разделит
Ржаной заветный сухарек».
Единый жар сердец горячих
Нас грел,а песня единила.
И отступала прочь усталость,
И тело наливалось силой.

«Это наша с тобою судьба, это наша с тобой биография...»

Долгие годы возглавляла Совет ветеранов части № 9903 и много сделала для увековечения памяти своих боевых товарищей Клавдия Васильевна Сукачева. В первой книге воспоминаний и размышлений поколений «Мы помним...» опубликованы ее интереснейшие воспоминания о военном времени [1, с. 93–115; 2, с. 252–259]. Внимательно прочитав книгу «Мы помним...», Клавдия Васильевна откликнулась письмом благодарности к авторам проекта, редакторам-составителям книги Ю. М. Осипову и Л. И. Ростовцевой, в котором привела подробный анализ наиболее понравившихся ей работ и разбуженные чтением воспоминания о своем брате Александре, погибшем на Курской дуге. Этот ее отклик был опубликован в третьей книге «Мы помним...» [3, с. 242–247]. Удивительное совпадение — жизнь К. В. Сукачевой оборвалась 15 февраля 2012 года, в день презентации книги «Мы помним...», посвященной 70-летию битвы под Москвой и героической обороны Тулы.

А сейчас мы хотим привести сохранившиеся ее записи о послевоенном времени, которому посвящена настоящая, четвертая, книга поколений «Мы помним...».

«На Смоленщину меня направил ЦК ВЛКСМ для восстановления комсомольских организаций в районах, освобожденных от фашистских оккупантов, и организации их работы. Пока шла война, я считала себя «мобилизованной». Война закончилась нашей Победой, и я решила, что имею моральное право уйти «в отставку», вернуться домой — в Москву. Тем более что в мае 1945 года я направила заявление и другие необходимые документы в Московский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина о принятии меня на заочное отделение педагогического факультета. Написала заявление в Смоленский обком ВЛКСМ с просьбой освободить меня от занимаемой должности первого секретаря Знаменского РК ВЛКСМ. Обком отказал мне в освобождении от работы. Послала заявление в ЦК ВЛКСМ, и там только в августе приняли решение об освобождении меня от работы в связи с выездом на учебу.

Дорогая, родная моя Москва, здравствуй! Я так соскучилась по твоим улицам, переулочкам, по твоим театрам, по Сокольникам, где прошло мое детство! И вот я снова дома.

Немного отдохнув, я поехала в институт, чтобы забрать свои документы, а мне там сказали: «А зачем Вам документы? Прочитав Вашу биографию, мы без экзаменов зачислили Вас студенткой первого курса, так что приступайте к учебе».

С институтом вопрос решен, теперь надо думать о работе. Я пошла в Железнодорожное отделение Госбанка, где начиналась моя трудовая деятельность и откуда я уходила на фронт. В отделении Госбанка сохранился старый коллектив, меня встретили с радостью и сразу зачислили на должность кредитного инспектора. Вскоре меня избрали секретарем парторганизации, а на районной партийной конференции — членом ревизионной комиссии Железнодорожного РК ВКП(б).

В июле 1949 года меня перевели на работу в Московскую городскую контору Госбанка, а в августе на отчетно-выборном собрании избрали секретарем партбюро.

В марте 1950 года Коминтерновский РК ВКП(б) освободил меня от должности секретаря партбюро Московской городской конторы Госбанка и перевел на работу в аппарат райкома на должность инструктора орготдела.

Учеба в институте пришлась на годы моей работы в Госбанке: в те годы студентам вечерних и заочных отделений не предоставляли оплачиваемого отпуска для сдачи экзаменов. Поэтому свой очередной отпуск я использовала в дни весенней и зимней сессий.

Итак, на протяжении пяти лет учебы в институте я не имела ни одного отпуска и ни одного выходного дня. Ибо занятия в институте проходили в понедельник, среду, пятницу — с 18 до 22 часов и в воскресенье — с 10 до 18 часов. (В то время был один выходной день в неделю — воскресенье.) А если быть точнее, то я не имела ни одного отпуска и ни одного выходного дня на протяжении девяти лет. В годы войны мало кто имел

выходные дни или отпуск. Я отношусь к числу людей, которые с первого и до последнего дня не пользовались такими благами.

В таких условиях учиться, конечно, было трудно, и не все это выдерживали. На первом курсе нашего отделения было 70 человек, на втором — 50, а пятый курс закончили и сдали госэкзамен — 15 человек.

Окончила я институт в 1950 году, получив квалификацию преподавателя педагогики, психологии, методиста по дошкольному воспитанию и звание учителя средней школы. Работала по специальности всего один год, да и то по совместительству с работой в Коминтерновском РК ВКП(б) — преподавала в восьмом классе средней школы психологию.

Работая кредитным инспектором в Железнодорожном отделении Госбанка, я вела группу промышленных предприятий, осуществляя постоянный контроль за их финансовым состоянием. И если предприятие по какой-либо причине испытывало финансовое затруднение, незамедлительно принимались необходимые меры по оздоровлению финансового состояния предприятия, никто даже не помышлял о его банкротстве. А задержка зарплаты хотя бы на один день считалась «ЧП» (чрезвычайным происшествием). Так было в советское время...

В аппарате Коминтерновского РК ВКП(б) я проработала почти шесть лет, в основном инструктором орготдела и некоторое время — инструктором отдела пропаганды. Вела группу парторганизаций Министерств: Высшего образования СССР, Здравоохранения СССР, Финансов РСФСР, Правления Госбанка СССР, Верховного Совета и Совета министров РСФСР, Совинформбюро, Торгбанка СССР, Общества Красного Креста и Красного Полумесяца РСФСР.

В каждой первичной парторганизации парткомы были на правах райкома, а цеховые парторганизации на правах первичных. В каждой первичной парторганизации было от 10 до 25 цеховых парторганизаций. Почти каждый день приходилось бывать на партийных собраниях. Я с головой ушла в работу и не представляла свою жизнь другой. Однако мне пришлось перейти на другую работу. В апреле 1953 года у меня родился сын, а в 1955 году он тяжело заболел. Мальчику нужен был строгий режим и внимание матери, а мой рабочий день начинался в девять часов, а заканчивался в двадцать три часа.

Я перешла на работу в Центральное бюро технической информации Министерства тракторного и сельскохозяйственного машиностроения, которое размещалось на улице Кирова, в этом же здании находился детский сад министерства, в который был принят мой сын. Таким образом, я имела постоянную связь с воспитателями и врачом детсада. Когда я пришла в ЦБТИ, там было два коммуниста. С моим приходом была создана первичная партийная организация, секретарем избрали меня.

В июне 1957 года произошла реорганизация — Министерства были ликвидированы и созданы Совнархозы. Большая часть сотрудников на-

шего ЦБТИ (в том числе и я) была переведена в ЦБТИ Мосгорсовнархоза, где я работала до марта 1966 года, до новой реорганизации, когда были ликвидированы Совнархозы и вновь созданы Министерства. Наше ЦБТИ в полном составе передали в Госснаб СССР.

Работала в Мосгорсовнархозе инженером, старшим инженером, а затем — начальником отдела научно-технической пропаганды и выставок ЦБТИ. Работая в Мосгорсовнархозе, я побывала почти на всех промышленных предприятиях Москвы. Специалисты отдела изучали трудовой опыт работы конкретного предприятия и, с целью передачи передового опыта работы другим предприятиям, проводили научно-технические совещания по специально разработанным программам, школы фабрично-заводского обучения на предприятиях, чей опыт изучался. В итоге работы научно-технической конференции и школы изучения передового опыта давались рекомендации по внедрению передового опыта и осуществлялся контроль за исполнением рекомендаций.

Передовики производства выезжали на родственные предприятия, рассказывали о методах своей работы и показывали это на рабочем месте. До сих пор помню передовиков производства — стахановок: Героя Социалистического Труда — Клавдию Емельяновну Щукину с Автозавода имени Лихачева и Дарью Смирнову с комбината «Трехгорная мануфактура». Это были энергичные женщины, в совершенстве владевшие своей квалификацией, дающие много рационализаторских предложений. Они охотно делились своим производственным опытом со специалистами родственных предприятий. Изучению и внедрению передового производственно-технического опыта придавалось большое значение в годы Советской власти.

Много внимания уделялось подготовке высококвалифицированных специалистов. На многих крупных предприятиях были свои техникумы и институты, где без отрыва от производства учились работающие на данном предприятии, например, на заводах: «Серп и молот», «Автозавод имени Лихачева», комбинате «Трехгорная мануфактура». Имя — рабочий — звучало гордо. Передовики производства избирались в руководящие партийные, советские и профсоюзные органы. Дарья Смирнова, например, в свое время была избрана депутатом Верховного Совета СССР. В Верховном Совете СССР был значительный процент рабочих и крестьян.

Работая в ЦБТИ Мосгорсовнархоза, я выполняла много партийных поручений. Была секретарем партбюро ЦБТИ, членом лагерной комиссии месткома Мосгорсовнархоза, внештатным инструктором МГК ВКП(б). В 1966 году наше ЦБТИ в полном составе передали Госснабу СССР, преобразовав его в институт информации. В этом институте я проработала чуть более двух лет в должности начальника экономической информации, а затем — начальника организационно-методического отдела.

Работа в области снабжения для меня была абсолютно новой, поэтому я перешла в институт информации Министерства машиностроения для

легкой и пищевой промышленности (ЦНИИТЭИЛЕГПИЩЕМАШ), где работала заведующей отделом научно-технической информации и выставок до ухода на пенсию в 1977 году. Здесь я опять «с головой» ушла в общественную работу. Была — председателем профбюро института, главным редактором стенгазеты института, пропагандистом семинара, секретарем партбюро института, членом детской комиссии Министерства. Уже будучи на пенсии, была утверждена внештатным инспектором комиссии народного контроля Краснопресненского РК ВКП(б).

Отдел, руководимый мною, работал в тесном контакте с ВДНХ СССР, ЦК, МГК, МК ВЛКСМ. Систематически проводились конкурсы, смотры научных разработок молодежи. На ВДНХ СССР организовывались выставки перспективных научных разработок молодежи, различных изделий, сконструированных и изготовленных молодыми специалистами. На базе выставок проводились научно-технические конференции, семинары, показ изделий в рабочем состоянии. Развитие научно-технического творчества молодежи имело огромное значение — оно формировало стремление к познанию нового, неизведанного, пробуждало мысль к творчеству, готовило высококвалифицированных специалистов, высококлассных конструкторов.

В 1979 году я снялась с партийного учета в Краснопресненском районе и встала на учет в Красногвардейский район и в первичной партийной организации по месту жительства — ДЭЗ-31. Партийная организация состояла из сотрудников ДЭЗа и пенсионеров, проживающих на территории микрорайона. Численный состав парторганизации — 62 человека. На первом же отчетно-выборном собрании меня избрали заместителем секретаря партбюро по пропаганде. А через два года избрали секретарем партбюро. Секретарем партбюро меня избирали ежегодно, вплоть до ликвидации КПСС. Наш микрорайон в 80-е годы активно застраивался, и партийная организация возросла до 267 человек и занимала видное место в Красногвардейском районе.

По инициативе парторганизации был создан Совет ветеранов, руководили которым коммунисты-фронтовики. Был создан товарищеский суд, председателем которого стал коммунист, полковник в отставке товарищ Савельев. Товарищеский суд работал так профессионально, что конфликтующие стороны приходили к общему согласию, и дело не доходило до районного народного суда. Очень активно работала санитарная комиссия, председателем которой была коммунистка Еремина. Была создана команда дружинников, члены которой, по утвержденному графику, патрулировали улицы микрорайона. Активное участие коммунисты принимали в благоустройстве и озеленении дворов. Для того, чтобы решить многие из насущных вопросов, жители микрорайона шли в партбюро. Так было в советские времена...

Много лет я возглавляю Совет ветеранов в/ч № 9903, часто встречаюсь с молодежью. Мой призыв к молодежи: «Будьте патриотами своей Родины (не обольщайтесь забугорным блеском), изучайте ее историю, особенно историю Великой Отечественной войны. Будущее нашей Родины в ваших руках. Не растеряйте нашу Победу!»

«Будем помнить, покуда живы!»

Так говорят все ветераны военной разведки. После войны они активно восстанавливали имена погибших и пропавших без вести, искали родственников, пополняли архивы.

М. М. Паншина: «И до сих пор я проверяю и уточняю анкетные данные бойцов части № 9903 Западного фронта. В этой работе помогает мой сын Николай Григорьевич Паншин.

Почему мы это делаем? Наверно, наши биографии подсказывают ответ на этот вопрос.

Мои родители были членами РСДРП. Участвовали в Октябрьской революции. Отец, Михаил Каравай,— организатор Красной Армии в Орехово-Зуево. Воевал против Каледина, Врангеля. В 1924 году — секретарь Замоскворецкого райкома партии города Москвы. Мать, Марфа Самарина, в 1918 году была делегатом Всероссийского съезда работниц и крестьянок. В 1938 году я вступила в ряды ВЛКСМ. К началу войны окончила 1 курс Московского института инженеров транспорта. Летом 1941 года участвовала в строительстве оборонительных рубежей под Смоленском, а осенью работала на заводе Ильича в Москве в цеху, выпускавшем военную продукцию. В военную часть № 9903 пришла 1 ноября 1941 года со своим братом Борисом Каравай и подругой Еленой Шатерник.

Я не воевала в части до конца войны. По семейным обстоятельствам мне пришлось вернуться домой. В 1942 году я поступила на работу на завод «Красный пролетарий» и одновременно стала учиться на вечернем отделении Машиностроительного института, где встретила будущего мужа Гришу, тоже фронтовика, получившего на войне тяжелое ранение.

По мере возвращения к мирной жизни моих боевых подруг из «второй девичьей» группы Кати Пожарской разведывательно-диверсионной воинской части № 9903 Западного фронта я начала встречаться и тесно общаться с ними. Некоторые из девчат долгое время пробыли в госпиталях на лечении после тяжелых ранений. Так, Катюше Елиной, потерявшей ноги во время одного из выходов в тыл врага, пришлось учиться ходить на протезах. И она сделала это! Она ходила без всяких костылей, и никто даже не подозревал о том, каких усилий ей это стоит.

А уж какой был для нас праздник 9 мая 1945 года! За мной приехала моя школьная подруга, с которой мы служили в в/ч № 9903, Леля Шатерник, и мы пошли на Красную площадь. По дороге она рассказала мне, что недавно встречалась с А. К. Спрогисом, командиром нашей

части, который продолжал военную службу. На Красной площади было много людей с цветами, все целовались, плакали и смеялись, с восторгом смотрели на военных, кричали им слова благодарности!

И вот позади окончание института, я уже дипломированный специалист — инженер на том же заводе.

В начале марта 1953 года по радио объявили о смерти И. В. Сталина. На похороны мне пойти не пришлось — уже ждала второго ребенка, а то обязательно пошла бы. У меня было к нему очень хорошее отношение, глубокое уважение. После его смерти было такое чувство, будто все рухнуло. Как будем жить дальше?..

После Победы мы с однополчанами не потеряли друг друга, старались вместе проводить первомайские и ноябрьские праздники: ходили на демонстрации, собирались семьями.

Каждый год 19 января, в день нашего последнего совместного боя, мы встречались у Лии Кутаковой или Кати Пожарской, нашего командира, которая нас всех и собирала. Мы вспоминали всех тех, кого еще не встретили в мирной жизни, пытались их найти, узнавали о погибших и пропавших без вести, искали места их захоронения. Архив с документами нашей части был тогда еще закрыт, о многих боевых подругах и друзьях мы узнавали от своих же товарищей, по их воспоминаниям. Стали составлять списки бойцов нашей части.

Постепенно начали подключать к нашему поиску школьников. Особенно активно откликнулись ребята из школы № 15 со своей учительницей Ольгой Алексеевной Гурычевой, ныне, к сожалению, уже покойной. Мы собирались на свои встречи в школе, вместе с ребятами ходили и ездили по местам боев нашей части, ставили памятные знаки на местах гибели и захоронения однополчан, создавали музей истории части.

Маргарита Паншина (Каравай) – в центре с книгой,
слева от нее: Екатерина Пожарская, Людмила Хотовицкая, Клавдия Сукачева,
справа от нее: Анна Лаптева, Елизавета Паничкина, Лия Кутакова

Теперь нас остались единицы. Но каждый год в первую субботу декабря мы вновь и вновь собираемся в школе (теперь это ЦО 1272) на традиционные Декабрьские встречи, куда приходят уже дети, внуки и правнуки наших однополчан. Связь времен и поколений не прерывается.

В конце 80-х гг. удалось найти родственников Лизы Беневской, которая числилась в группе под конспиративной фамилией Лиза Чарская. 19 января 1942 года, прикрывая отступление товарищей, жертвуя собой, Лиза была тяжело ранена во время выполнения своего четвертого задания в тылу врага. Мы были в том выходе вместе. В 2017 году исполнилось 75 лет с того рокового дня».

Поиск продолжается

Елизавета Ивановна Беневская родилась 15 января 1915 года в Дубровке Орловской губернии. Внучка Приамурского генерал-губернатора А. С. Беневского, дочь толстовца И. А. Беневского, по окончании Дубровской школы и Московского энергетического техникума она работала и одновременно училась в Московском энергетическом институте, со второго курса которого добровольно ушла на фронт.

Четвертый выход разведчицы-диверсантки Лизы Беневской в расположение врага. 16 января 1942 года отряд перешел линию фронта в районе населенных пунктов Брюхово и Свердлово и получил задание уничтожить отступающие по Можайскому шоссе немецкие части.

Однополчане Елизаветы Беневской вспоминают о ее последнем бое, который продолжался 40 минут. В этом бою было уничтожено около 200 немецких солдат и офицеров и 12 повозок.

Еще в начале боя из числа бойцов отряда Семенова были убиты двое: Михаил Новиков и Надежда Жеглова. Троих тяжело ранило: Екатерину Елину, Лию Кутакову и Лизу Беневскую. Елина и Кутакова позднее оказались на партизанской базе отряда Гаева. Лия сама добралась по лыжному следу до партизанского поселения. Мужественная девушка, у которой были перебиты щиколотки ног, ползла на лыжах по зимнему лесу в сильный мороз почти сутки! Она и сообщила партизанам о своей раненой подруге, которая сумела затаиться в глубине леса.

Наступившей ночью партизаны, тщательно обследуя место дневного сражения, наткнулись на тела двоих убитых бойцов отряда Семенова. А вот Беневскую тогда не обнаружили. Поэтому в своем донесении на имя командира части А. К. Спрогиса командир диверсионного отряда упомянул о Елизавете как о пропавшей без вести.

Так она числилась вплоть до конца 1980-х, пока с помощью жителей села Дунино Медынского района Калужской области, боевых товарищей Лизы и поисковиков московской школы № 15 (ныне гимназия № 1242) не была найдена ее могила.

В начале 2016 года благодаря большой работе поисковиков стало известно, что Елизавета Беневская повторила подвиг своих однополчанок Зои Космодемьянской и Веры Волошиной. Прояснить эту историю удалось с помощью старожила села Дунино Валентины Николаевны Моисеенковой.

Из воспоминаний В. Н. Моисеенковой: «В 1942 году, в конце января — начале февраля, жители села Рахманино Коля Бирюков и Саша Моисеенков шли на лыжах через лес из Рахманина в Дунино. Эти 17-летние ребята были разведчиками в партизанском отряде Гаева. На месте боя 19 января нашли двух убитых — мужчину и женщину. Они были без верхней одежды и валенок. Коля и Саша поехали обратно за санками и потом повезли убитых в ближайшее село — в Дунино.

Выходя из леса, около дороги у сосны увидели еще одну убитую женщину — совсем голую. У нее были выколоты глаза и вырезана грудь. Кроме того, колотые раны были на ногах и руках, рваная рана на плече. Пальцы рук согнуты в обратную сторону — видимо, сломаны. Некоторые пальцы отсутствовали. Немцы, наверное, гнали ее ночью босиком голую по снегу в село и при этом пытали, отрубали пальцы...

Ребята ее тоже положили на санки и всех троих повезли в Дунино. Там тела положили около церкви и прикрыли хворостом.

Так как земля была промерзшая, их хоронили уже позже, в конце марта, жители села — Федор Хотулев и Николай Чекин на сельском кладбище у края оврага. Сделали небольшой холмик. Не было никаких сведений о том, кто же эти погибшие и откуда они (многие в селе считали, что это беженцы). Поэтому могила была без надписи. За ней, как могла, ухаживала я...»

Писатель Василий Николаевич Глаголев, председатель общества «Московское Поле Победы», вел свое собственное расследование. Незадолго до своей скоропостижной смерти в августе 2016 года он даже обратился с просьбой к властям Медынского района Калужской области о написании ходатайства на имя Президента России В. В. Путина о присвоении Е. И. Беневской звания Героя Российской Федерации (посмертно).

Понимая, что по прошествии стольких лет документально установить все подробности событий тех дней уже не представляется возможным, племянники Лизы Беневской хотели бы просто получить в качестве бесценной семейной реликвии орден Красной Звезды, которым по приказу командующего фронтом генерала Г. К. Жукова она была награждена посмертно. Сегодня в этом отказано: недостаточно близкая степень родства.

75 лет прошло с момента гибели Лизы Беневской, но имя и подвиг героини не забыты ее семьей, однополчанами, московскими поискови-

ками, жителями поселка Дубровка, где она родилась, и села Дунино, где она похоронена. В прошлом году, в канун Дня памяти и скорби, журналист газеты «Московский комсомолец» Александр Добровольский написал статью «У нее были выколоты глаза и вырезана грудь...». В нынешнем году, в канун Дня защитника Отечества, газета «Правда» опубликовала статью «Пропавшая без вести была героиней-мученицей». Обе публикации вызвали много читательских откликов.

Если факел памяти погаснет,
Померкнет жизнь без этого огня,
Окажется,что жертвы все напрасны,
И ни тебя не будет,ни меня...

Литература

1. Сукачева К. В. Всегда стремилась быть на переднем крае // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений / Под ред. Ю. М. Осипова, Л. И. Ростовцевой.— Тула: Гриф и К, 2010.

2. Сукачева К. В. Склоним головы // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. Ч. 1 / Под ред. Ю. М. Осипова, Л. И. Ростовцевой.— Тула: Гриф и К, 2012.

3. Сукачева К. В. Письмо «по следам» книги «Мы помним...» // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. Ч. 1 / Под ред. Ю. М. Осипова, Л. И. Ростовцевой.— Тула: Аквариус, 2015.

Глава 3. ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ ГЛАЗАМИ ПОДРОСТКА

***Осипов Юрий Михайлович**, 75 лет,*
руководитель Центра общественных наук,
МГУ имени М.В. Ломоносова,
Председатель Межрегиональной общественной организации
«Историко-просветительский центр "Преемственность"»,
заслуженный деятель науки РФ,
доктор экономических наук,профессор

Я лично из того самого военно-послевоенного времени — и мне тоже хочется сказать кое-что об этом знаменательном периоде, но не с позиции сегодняшнего дня, а с позиции как раз дня того — давно уже минувшего, причем сказать о времени, увиденном глазами ребенка и подростка, каковыми я тогда и был.

Родившийся в сентябре 1941 г., я принадлежу к поколению «детей войны», его младшей части. Никакой собственно войны я, конечно, не помню, хотя помню кое-какие военные слова, произносившиеся тогда взрослыми, родителями, мамой: «война», «на фронте», «немец», «фашисты», «повестка», «похоронка», а затем уже и вполне отчетливо помню такие слова, как «победа», «взятие рейхстага», «немца победили», «фронтовики», «фронтовички».

Родился я в Ростове-на-Дону, где жили мои родители, а летом 1942 г. уже случилась эвакуация нашей семьи через Орджоникидзе (ныне Владикавказ), Махачкалу, Красноводск в Ташкент. Ехали сначала поездом, переживая бомбежку, крушение пассажирского состава, пожар, яростный огонь, голую степь, нехватку воды и еды (а я-то грудной!), потом пароходом через Каспийское море, затем снова поездом до Ташкента. Я, конечно, ничего из всего этого не помню и знаю все по рассказам мамы — Осиповой (Моисеенко) Елизаветы Прокофьевны — матери трех детей (сына Анатолия 1936 г.р., дочери Лидии 1937 г.р. и меня). Отец был тогда с нами, он тоже эвакуировался. Эвакопоезд отец догнал после своего отважного участия в эвакуации Батайской авиашколы, которую он сам закончил и в которой затем трудился. Покидал же авиашколу отец на бензовозе, когда уже показались наступавшие немцы.

Поскольку отец, Осипов Михаил Яковлевич, получил, уже будучи в Ташкенте, назначение в Москву, то в том же 1942 г. семья оказалась в Москве, живя сначала в Подмосковье в п. Томилино Рязанской железной дороги, а с 1947 г. уже непосредственно в Москве, в Хамовниках, в микрорайоне меж нынешними ст. ст. метро «Парк культуры» (в 1947 г. конечной) и «Спортивная» (1956 г.).

В эвакуации мне довелось, по рассказу мамы, пережить острое заболевание малярией, как раз в Ташкенте. Говорю об этом вот почему: был завернут я всем своим небогатым телом в медицинскую клеенку, густо обмазанную горчицей, а мама крепко держала меня, неистово оравшего, какое-то весьма не короткое время на руках — так вот и вылечили меня от малярии тамошние эскулапы, наверное, эвакуированные, а может, и ранее репрессированные — кто знает?

Где-то в три-четыре года я уже был достаточно смышленым, чтобы видеть и навсегда запомнить многое из той жизни, преимущественно, конечно же, детской.

Многоквартирный деревянный двухэтажный дом с двумя комнатками и террасой, где жила наша семья из пяти человек. Мама нигде, кроме дома и семьи, не работала, была домохозяйкой, коей осталась до конца своих дней (по настоятельному желанию мужа и взаимной между ним и будущей женой предсвадебной договоренности). Дом стоял на опушке большого соснового бора (парка); недалече от Томилино текла речка Пехорка, куда детвора бегала летом купаться. Недалеко от дома, за парком, — огороды, в том числе и наш — ради картошки-спасительницы.

Хорошо помню Победу, возвращение фронтовиков и фронтовичек, общее приподнятое настроение, большую совместную радость, накрытые столы, песни, танцы.

1947 год запомнился празднованием 800-летия Москвы, транспарантами, иллюминацией, портретом И. Сталина и огромным флагом СССР в ночном небе в перекрестье прожекторных лучей, большим праздничным салютом. Врезался в память гигантский темный силуэт строившейся высотки на Смоленской площади — здания МИДа.

Московский двор того времени — детская коммуна, в которую входили все дети дома-двора, старшие и младшие, но уже способные бегать, прыгать, играть, носиться по микрорайону, бегать купаться на Москву-реку, в Лужники, на Воробьевы горы, в Парк культуры им. М. Горького, к Новодевичьему монастырю с купанием в монастырском пруду. Постоянными местами нашего пребывания были превосходный сквер Девичьего поля («Девичка») и несколько увядший Детский парк им. М. Мандельштама («Мондик»), расположенный рядом с нынешней станцией метро «Фрунзенская» и ставший теперь парком-усадьбой Трубецких (кусок от имения князей Трубецких, где бывал, как оказалось, сам А. С. Пушкин).

Никакой дворовой дедовщины, никакого мальчишеского насилия у нас не было, наоборот, всеобщая дружба (не без мимолетных ссор и стычек). Была опека старших над младшими: носились-то мы по большому городу, иной раз и далековато, да и не на один час, к тому же еще и на небезопасное повсюду купание. С превеликой благодарностью вспоминаю опеку и водительство надо мной, еще маленьким, моей сестры Лидии, бывшей на четыре года старше меня: во дворе, в городе, в пионерлагере, при поездках в деревню.

Спортом я и мои друзья по двору тогда не занимались, в секции не ходили; нам хватало дворовой игровой кутерьмы, очень даже спортивной. Летом большая беготня, прыжки, дворовая гимнастика, а зимой коньки, санки, скольжение на упругих ногах по ледяным дорожкам.

Поигрывали в шашки, шахматы, домино, даже в карты (простые игры вроде занятного «дурочка»). Тут верховодили старшие ребята, однако не курившие, не выпивавшие, не сквернословившие. Не то что мат, но даже и «пацанский» жаргон были у нас не в почете.

В материальном плане дети жили в семьях по-разному: кто получше, кто похуже, но на дворе царило потребительское равенство, предполагавшее дележ чем-нибудь съедобным, по крайней мере, среди близких друзей: хлеб, баранка, булка, морковка, картошка, капуста, кочерыжка от капусты, свекла, огурцы, помидоры, семечки — все шло в общее пользование, все немедленно с нескрываемом аппетитом поедалось. Не голодали, но есть всегда хотели, набегавшись, наигравшись. И что могло быть лучше такой вот коллективной трапезы, даровавшейся детворе родителями!

Вспоминается наше детское участие во «взрослых» очередях того времени: за хлебом, за мукой, за сахаром, ну и, конечно же, за сухой воблой, с непременными очередными номерами на ладонях, писаными химическим карандашом. После удачной «рыбной ловли» дворовые закутки заполнялись на время под вкусное детское чавканье рыбьими останками — чешуей, головами, косточками.

Когда наша семья появилась в Москве в 1947 г., то дома (а мы жили в хорошо слаженном при первых довоенных пятилетках кирпичном четырехэтажном доме без лифта) отапливались с помощью домовых угольных котелен, но в 1948 г. в городе появился газ (из Саратова), и отопление домов стало центральным. А вот горячей воды в домах не было, не было и ванных комнат. Весь микрорайон пользовался превосходными Усачевскими банями, выстроенными в конструктивистском стиле перед войной. Суббота — великий банный день!

Тогда в городе царил вполне дружелюбный социум, когда все чувствовали себя обитателями общего для всех города, признавали друг друга, хотя каждый, конечно же, жил по-своему. Для нас, детей, взрослые были как бы родителями, а взрослые считали нас как бы своими детьми.

Да, были среди молодежи хулиганы, были среди взрослых уголовники, случалось воровство, имели место драки и убийства, но... все это было,

если и не редким исключением, то никак не ставившим под сомнение в целом дружелюбное городское общежитие.

Интересно, что лет через пять-семь после войны среди взрослых пошли разговоры, что, мол, во время войны москвичи были лучше, добрее, отзывчивее, не теми, кем они, видно, уже стали в годы сих кухонных признаний.

Жизнь в стране и Москве в целом улучшалась: в 1948 г. были уничтожены все дворовые сараи и огороды, а на их месте были высажены деревья, кустарники, посеяна трава. Дворники (татары) были всегда на месте и начеку, наводили чистоту и порядок, воевали не без помощи своих метел с дворовой детворой. Просыпаясь утром, было все-таки приятно слышать, как мерно шаркают о землю дворницкие метлы — это весной, летом, осенью, или же скрежещут о мерзлую наледь дворницкие лопаты и скребки — это уже зимой.

Исчезал булыжник с улиц, появлялся асфальт, вместо трамваев пошли троллейбусы. Город явно из года в год хорошел, расширяясь и отстраиваясь. Поражали воображение строившиеся не по дням, а по часам «сталинские высотки», особенно здание МГУ на Воробьевых горах.

Город отличался чистотой, везде стояли урны — не дай бог бросить на землю или тротуар бумажку, окурок, даже спичку; летом вовсю трудились поливальные машины, зимой — снегоуборочные.

Что касается разных коммунальных, медицинских, санитарных и прочих городских служб, то в Москве со всем этим был тогда полный порядок. Мы, дети, знали в лицо и по имени-отчеству своего, как тогда говорилось, «домоуправа» (точнее, управляющего домами, или «управдома»), лихо бегали по просьбе родителей в жилищную контору для вызова по записи водопроводчика или электромонтера, которые, кстати, немедленно являлись, делали свое дело и с достоинством удалялись. Знали мы тоже своего участкового врача, приходившего на выручку к заболевшему ребенку, отчего тому сразу становилось легче (по себе знаю!) и он начинал быстро выздоравливать.

Знались мы и с участковым милиционером, общались с ним, что-то ему рассказывали из происходившего во дворе, а вот закладывать мы никого не закладывали, да и поводов особых для этого не было.

Школа. До 1954 г. школа в Москве была раздельная: мужская и женская. Я пошел в 1948 г. в школу № 588, которая располагалась и существует до сих пор рядом с церковью Николая Угодника, что в Хамовниках (ныне ул. Тимура Фрунзе, а тогда — Теплый переулок). Никаких специальных, как и привилегированных школ тогда не было, хотя и были так называемые «образцовые школы» (но все-таки не «элитарные). Все городские дети автоматом записывались районными властями в близлежащие школы.

Мужская школа того времени: демократичная, толковая, простая, с весьма твердой дисциплиной, в особенности в младших классах. Учили нас хорошо: после четвертого класса я уже был весьма грамотен и неплохо образован. Как круглый отличник, я занимался по указанию

нашей превосходной учительницы в начальных классах Агриппины Михайловны с отстающими учениками, вполне эффективно. Неважно в школах того времени обстояли дела с изучением иностранных языков. Зато хорошо с физикой, математикой, литературой, историей. Мужская школа, несмотря на царство праведной в общем-то дисциплины, не обходилась и без некоторой доли «бурсачества», исходившего в основном от не очень благополучных в поведенческом плане «пацанов», однако это не мешало школе оставаться вполне добронравной и эффективной. Замечу, что со дня основания школы в 1938 г. до конца 1990-х гг., когда я посетил ее в последний раз, в школе случилось всего два директора. И первая директрисса, принявшая школу в 1938 г., а потом и другая, бывшая в 1950-е гг. нашей школьной пионервожатой, были супер!

В те годы была в московской школьной жизни одна замечательная традиция: сбор по дворам и пустырям микрорайона металлолома, а по домам — бумажной макулатуры. Все энергично собранное доставлялось в школы, забитые в тот момент бумагой в вестибюлях и железом во дворах. Так пионеры очищали город и помогали стране металлоломом и бумагой.

Замечу особо, что по дворам тогда ходили стекольщики, точильщики и, кстати, старьевщики, иногда ездившие на лошади, запряженной в телегу. Дети несли старьевщикам что-нибудь из старья, получая взамен нехитрые пестрые игрушки. Были в городе и пункты по сбору ненужных вещей, стеклянной тары, макулатуры, за сдачу чего платились небольшие, но денежки. Ребята этим с удовольствием пользовались.

Культура. Общеприняты были походы в близлежащие кинотеатры (клубы) на недорогие сеансы, посещения, по инициативе школ, детских театров, Домов пионеров, музеев, выставок, хождение в районную библиотеку за книгой с условием обязательного обертывания ее в газету и в газете же возвращения (все доброжелательно, но строго). Любили походы в Парк культуры и отдыха имени Горького, прогулки по Москве-реке на речных трамвайчиках по имени «Москвич», заходы на стадион «Красное знамя», что располагался на Девичьем поле около Военной академии им. М.В. Фрунзе — поглазеть на соревнования легкоатлетов, конькобежцев, хоккеистов. Участвовали в народных праздниках у Дома культуры «Каучук» и др. Вспоминается массовая «домоуправленческая» поездка детворы на речном трамвайчике от пристани «Крымский мост» до с. Коломенское и обратно. Было замечательно! В общем, не скучали, набирались впечатлений, знаний, а также чувства местного патриотизма.

Наш дом-двор располагался за знаменитыми Хамовническими казармами, где стоял в ту пору парадный кавалерийский полк. Перед казармами, на месте нынешнего Комсомольского проспекта (около станции метро «Фрунзенская»), располагался конный плац, на котором кавалеристы тренировались и под звуки военного оркестра устраивали «конные праздники». Для всей

окружающей детворы это было великолепным развлечением, в особенности если на празднике появлялся маршал С.М. Буденный, славный не только своими великими кавалерийскими делами, но и роскошными вразлет усами.

Бывал я и в пионерском лагере (вместе с братом и сестрой, но в разных отрядах). Лагерь Аэрофлота находился в семи километрах от г. Истра. К нему вела от Волоколамского шоссе проселочная дорога, превращавшаяся под дождем в непроезжую, а в с. Мансурово был еще и совершенно неодолимый для автомашин в дождливую пору подъем. Нас, октябрят и пионеров, везли из Москвы от станции метро «Аэропорт» на американских «студебеккерах» (это было в 1948–50 гг.), отличавшихся высокой проходимостью. Каждому отряду — по «студебеккеру». А когда лагерный продовольственный «студебеккер» все-таки не мог взять мансуровский подъем, то ему на помощь посылался первый юношеский отряд (14–15-летние ребята), который вызволял грузовик из грязевого плена и с триумфом въезжал на нем в лагерь под радостное улюканье всей лагерной братии.

Жизнь в пионерлагере была достаточно свободной, не считая «мертвого часа» и отбоя, когда все должны были быть в койках и спать. Отрядные палаты были просторные, в свежепостроенных щитоблочных деревянных домах-казармах финского типа. Тепло, светло, уютно! Разные игры, футбол, волейбол, всевозможные увлекательные рукодельные занятия. Непременная общелагерная военная игра, предполагавшая в финале отыскание спрятанного где-то поодаль в лесу лагерного красного знамени, ну а победителями всегда были, конечно же, первоотрядники. В последний свой заезд в 1952 г. я смастерил из реек и папиросной бумаги «змея», который отличался очень хорошими воздухоплавательными свойствами: лихо парил, свободно и управляемо в ясном пионерском небе! Еда в лагере была вполне сносная. Любимое блюдо — компот, но непременно с фруктами на полстакана! Никаких речевок, никаких маршировок, вообще очень мало собственно пионерской атрибутики. Обязательными были лишь два пионерских построения: утреннее и вечернее, с отдачей рапортов председателей советов отрядов перед старшим пионервожатым.

Вокруг обильные ягодами и грибами истринские леса, поля, овраги (тоже не без ягод), как бы вросшие в землю деревни, полуразрушенные церкви. Повсюду следы недавно прошедшей войны: исчезающие от времени и непогоды окопы, блиндажи, воронки, кое-какие предметы вроде гильз от патронов и снарядов, останков техники (вплоть до большой дальнобойной пушки, стоявшей посреди большого поля, причем нацеленной прямо на Москву). Ну и, конечно, всюду на опушках леса и на деревенских кладбищах братские безымянные могилы, за которыми пионеры, как могли, ухаживали, борясь с сорняками, присыпая дорожки и могилы песочком, крася в красный цвет деревянные со звездой обелиски, украшая воинские захоронения полевыми цветами. Случилось однажды обнаружить прямо на территории лагеря неразорвавшийся снаряд, который был извлечен

из земли и взорван поодаль прибывшими немедленно в лагерь саперами. Так что война, а точнее — живая память о войне, была тогда с нами рядом. Несмотря на следы недавно прошедшей войны, имели место вполне безопасные пионерские прогулки и походы по окрестностям, включая, конечно, и хождение по ягоды. Проводились и отрядные купания в р. Истре.

Не могу не поведать об одном любопытном эпизоде, имевшем место в моей ребячьей жизни. Мы, подростки, бредили тогда «войной», не только играя постоянно в войну («наши» против «фашистов»), но и мечтая о военной службе, военной форме, погонах и завораживавшем нас отдавании чести. А уж суворовцы нас просто сводили с ума! Я захотел тогда попасть в Суворовское училище, а потому написал в 1952 г. письмо... самому министру обороны СССР маршалу Н.А. Булганину с просьбой разрешить зачислить меня в Суворовское училище. И получил вскоре по почте ответ из Министерства обороны за подписью (возможно, факсимильной)... самого товарища Булганина. В нем говорилось, что в Суворовские училища принимаются дети участников войны и военнослужащих, а вы, дорогой... и т.д. В общем, в Суворовское я не попал, но зато какова состоялась переписка, а-а!

Была в нашей тогдашней жизни, вполне городской, московской, и деревня, когда наша семья выезжала на отдых летом на родину отца в Орловскую область. Запомнилась железнодорожная станция Долгоруково с вековыми вязами и «тьмою» непрерывно каркавших ворон, деревенская урчащая полуторка, на которой не без опаски доезжали до места нашего пребывания в с. Веселое. Благословенная среднерусская степная природа, быстрая, чистейшая, с песчаным дном речка Олымень, незатейливый деревенский быт.

В 1949–1953 гг. русская деревня, оформленная еще до войны в колхозы, особо не процветала, но и не голодала и не вымирала, а худо-бедно жила, неистово трудясь, платя городу неизбежную продуктовую дань (сам видел, как по деревне на лошади с телегой проезжал налоговый агент — сборщик мяса, общипанных домашних птиц, масла, яиц). Да, здесь была явная эксплуатация деревни городом, но замечу, что тот же наш московский Усачевский рынок был всегда битком набит всякой колхозной снедью, вовсе и не с баснословными ценами (разумеется, для кого как!).

Наше ребячье времяпрепровождение в деревне было привольное, не скучное, вполне сытое, хотя и не роскошное. Гулянье по живописным окрестностям, купание в доброй и безопасной речке, вечерние посиделки с местной ребятней, костерок с пекущейся картошкой, аппетитное ее поедание с солью и с угольным нагаром, заметный хруст морковки, капусты, яблок, дружный вылет изо ртов вишневых косточек, непрестанное щелканье семечек.

Основной тягловой силой в деревне были тогда лошади и быки, но зато из МТС (машинно-тракторной станции) прибывали в разгар посевных, полевых и уборочных работ колесные тракторы с прицепными к ним плугами, боронами, сеялками, культиваторами, а также первыми в то время

комбайнами. Оказавшись в один из приездов на колхозном току, куда свозили с полей снопы зрелой пшеницы и где шел ее обмолот, я был поражен интенсивностью и слаженностью труда мужчин и женщин, обслуживавших не только ручные молотилки и веялки, но и большую молотильную машину (так называемую «сложку», т.е. сложную молотильную машину). Она приводилась в движение вертящейся лентой, накинутой на специальные боковые колеса трактора и «сложки». Шум, гам, резкие командные восклицания, ритмичные движения людей, тяжелый труд, пыль, летящий от машин мусор, обильный пот, но при этом горы зерна, отвозимого на редких автомобилях и больших вереницах лошадиных повозок в район, на станцию, в общем — добывание страной хлеба насущного! А потом, уже в обеденный перерыв — сидение и лежание уставших людей в тени под стогами, кучами снопов и машинами, поедание ими незамысловатой пищи, принесенной из дома (хлеб, картошка, молоко, яйца, огурцы, лук, помидоры), ну и, конечно же, краткий, но крепкий оздоравливающий сон. А после перерыва снова жаркий на солнечном пекле труд, почти что тогда и бесплатный.

Поездки в деревню, как позже оказалось, имели одно важное для нашей семьи последствие: они сказались на решении отца уехать в 1955 г. из Москвы поднимать колхозную жизнь по призыву Коммунистической Партии (как тогда говорилось, «тридцатитысячником»). Отец попал не в родное место, куда бы хотел, а на Тамбовщину, где славно проработал в должности председателя большого колхоза «Страна Советов» аж целых семнадцать лет — до 1973 г., осуществив свое благородное намерение возвысить село и вывести его на рубеж полноценной, трезвой и процветающей жизни. Отцу это в полной мере удалось!

К слову сказать, я тоже в 1955 г. отбыл четырнадцатилетним парнем в деревню вместе с отцом и матерью, хватил там житейского и трудового лиха, закончил в 1958 г. среднюю школу, поработал в колхозе. Ни о чем не жалею, наоборот, благодарен судьбе за столь драгоценный опыт русской жизни на русской земле, как и за классный пример моих героических родителей — настоящих русских подвижников!

Теперь, пожалуй, о главном: о И. В. Сталине и сталинизме, разумеется, от имени и по разумению тогдашнего подростка. В семье, как и на кухнях, о Сталине почти не говорили, разве лишь поминая его добрым словом по поводу Победы и с немалой признательностью в связи с очередным снижением цен (было ведь и такое!). В огромном значении вождя для страны никто из окружавших взрослых никогда не сомневался. В той же нашей школе никакой особой пропаганды по поводу Сталина и сталинизма не было, как собственно и Ленина с ленинизмом. Разумеется, школьники хорошо знали, что в стране есть мудрый и непререкаемый вождь, ведущий страну от победы к победе. В актовом зале висел портрет Сталина, а в широком коридоре на стене была картина, изображавшая Сталина и Ворошилова на прогулке в Кремле.

«Дело врачей» 1952 г. не осталось без внимания со стороны взрослых, но все-таки... в пользу Сталина, может, и не с восторженным «одобрямсом», но без какого-то в сторону властей неудовлетворения. Сталину в целом верили, в правильности его деяний не сомневались, а потому воспринимали все тогда происходившее в стране, как и само это «дело врачей», как должное. «Ужахались», конечно, — как это врачи могли сотворить такое! Было ли это со стороны взрослых искренно? В основе и на людях — да, а в частностях и в тишине жилых комнат — не знаю! В нашей семье (а отец был, во-первых, верный коммунист, во-вторых, «калач тертый») такого рода события, повторюсь, вообще не обсуждались. Отец предпочитал молчание, мама шла за ним, правда, о кое-каких довоенных репрессиях, имевших место в той же Батайской авиашколе, кое-что рассказывала, разглядывая вместе с детьми большую отцовскую выпускную фотографию и указывая на лица репрессированных преподавателей. «Хорошие были,— говаривала мама,— люди».

Мне доводилось видеть лично Сталина (может, и его двойника) на мавзолее во время праздничных демонстраций, сидя на папиных плечах, или же находясь с отцом на стадионе «Динамо» по случаю спортивных праздников 2 мая с непременными футбольными встречами между прославленными «ЦДКА» и «Динамо». Довелось мне с родителями побывать на выставках подарков Сталину в связи с его 70-летием: художественно роскошной — в Музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина на Волхонке и технически содержательной — в Политехническом музее, где, кстати, был выставлен какой-то физический прибор, сделанный в подарок Сталину старшеклассниками моей родной школы № 588.

Отдельная тема — смерть И.В. Сталина. Взрослые вполне искренне горевали: «Как же мы будем жить без Сталина?» Всех волновал вопрос о преемнике. В школе состоялось собрание. Директор и учителя говорили об уходе великого гениального вождя, искренне скорбели. Некоторые учительницы всплакнули. Никакой истерики, никаких заклинаний, никакого нарочитого перед портретом Сталина преклонения. Уважение, огорчение, озабоченность! Строго, спокойно, достойно! До нас, двенадцатилетних, кое-что, конечно, тогда дошло — случилось в стране что-то воистину серьезное! О народной давке на Трубной площади в день похорон Сталина узнали по городским слухам. В целом, в Москве было спокойно. Запомнились гудки фабрик, заводов, паровозов и даже автомобилей в момент внесения гроба Сталина в Мавзолей, ставший тогда почетной гробницей не только для Ленина, но и для Сталина.

Потом, как раз в том же 1953 г., всех граждан страны потряс арест Л.П. Берии. В его большую вину перед страной и народом, как и в злой образ, взрослые поверили безоговорочно (Ягода, Ежов, Берия — что ни имя, то... содрогание!). Расправа с Берией обернулась на какое-то время доверием к преемникам Сталина: Маленкову, Булганину, Хрущеву и другим тогдашним деятелям. Пошли реабилитации и возвращения ранее репресси-

рованных. Начиналась послесталинская оттепель. Общее настроение было приподнятым, несмотря на только что прошедшую Корейскую войну (фактически против США) и ожидание новой мировой войны — уже атомной. Считалось, что СССР непобедим! Замечу мимоходом, что в 1949–1952 гг. учителя говорили нам — младшеклассникам, что новая мировая война, причем атомная, неизбежна и что у страны остается каких-нибудь десять мирных лет. Любопытно, что Карибский кризис, едва не приведший к такой именно войне, разразился аккурат в 1962 г., то бишь через десять лет.

Вот так мне довелось жить в СССР до 1953 г., так жила моя Москва, так примерно жила, я надеюсь, и вся моя страна. Конечно, не в материальном плане, что было везде по-разному, тем более в местах «не столь отдаленных», где все было, надо полагать, совсем по-другому. Но все-таки это была моя жизнь в моей стране, как и судьба моя и моей же страны!

«СВОЯ СТЕЗЯ — ЭТО НЕ ТАК ПРОСТО, КАК КАЖЕТСЯ...»

Макаровец Николай Александрович, *77 лет,*
научный руководитель и генеральный конструктор
Государственного научно-производственного
предприятия «Сплав» (с 1985 по 2015 гг.— ген. директор),
организатор и заведующий кафедрой «Ракетное вооружение»
Тульского государственного университета,
доктор технических наук, профессор,действительный член
Российской академии ракетных и артиллерийских наук,
лауреат Ленинской премии (1984 г.),
Государственной премии (1993 г.),
премии Правительства РФ (2014 г.),
лауреат Международной премии Андрея Первозванного
«За веру и верность», Герой России,
почетный работник высшего образования,
почетный гражданин г. Тулы и Тульской области,
почетный профессор Тульского государственного университета,
г. Тула

У детей, родившихся до войны (особенно у тех, кто жил на оккупированных фашистами территориях), военные годы ассоциируются с ранним детским трудом, вечным голодом и гордостью за отцов, погибших и живых, выковавших победу.

Макаровец Н. А.

Я родился в 1939 году в г. Кролевец Сумской области, на Украине, в котором проживало тогда 13000 жителей. Немцы в городе были с сентября 1941 года до середины 1943 года.

Сумщина — это партизанский край. Мои первые воспоминания о немцах — это приход по ночам жандармов в особой форме: плащи, огромные бляхи на ремнях и каски. Они искали партизан, которые зимой в сильные морозы приходили домой переночевать и погреться. Расстрелы подпольщиков, евреев, цыган, угон юношей и девушек в Германию — это было обычным для того времени.

Понятен страх матерей за наши судьбы. Двое моих близких: двоюродные брат и сестра — были угнаны в рабство. Им было по 15 лет, и их послевоенные судьбы были непросты.

Как только фашистов изгнали из города, бабушка меня тайком окрестила. Чтобы защитить.

Когда в Кролевце появились советские бойцы, один из них зашел в наш двор. Подошел, погладил меня по голове и... заплакал. А потом подарил пилотку, которую я носил до восьми лет.

Вечно хотелось есть, и самым радостным периодом были лето и осень, когда созревали ягоды и яблоки. Из-за отсутствия сахара запекали красную свеклу на костре. Пас корову (это счастье, что она у нас была!), носил на животе привязанную бутылку с молоком (так сбивалось масло). Молоком делились с соседями. Весной корова тащила плуг. Крупные слезы на глазах у коровы невозможно забыть. Колокольчик, который висел на ее шее, сохранился до сих пор. Это семейная реликвия. Я говорю о жизни в селах и малых городах. А каково было детям, живущим в Харькове, Киеве и других городах, где «подножного корма» не было!?

Обязанностью детей была покупка хлеба. Очередь занимали с 4 часов ночи.

В 1946 году я пошел в первый класс. В классе только у примерно 20% были полные семьи. В городе было профессиональное училище для сирот, там училось около 300 юношей. Одежда у школьников была «никакая»: перешитые телогрейки, калоши, носки или обмотки.

Мне кажется, что мы все учились хорошо. Было подспудное понимание того, что наше будущее связано с учебой, хорошим образованием. Родители не просто уговаривали, они «орали»: «Учитесь, учитесь...»

В вузы были огромные конкурсы, особенно на технические специальности: по 10–15 человек на одно место. Это было нормой.

После войны все мы мечтали стать военными. Я хотел быть моряком-подводником, но не прошел по состоянию здоровья. В итоге стал оружейником, поступив в 1956 году в Тульский механический институт — лучший оборонный вуз. Школу я окончил с медалью, учиться любил. Медалисты имели значительное преимущество. Как подтверждение моих слов об учебе — в на-

С ректором ТулГУ

шей группе было 24 студента, 18 получали повышенную стипендию. Жили дружно. Ездили на целину убирать урожай.

В моей жизни был интересный эпизод. В 1947–1949 годах я жил в Германии, в городе Потсдаме по месту службы отца. Наша семья (одна из русских) жила в большом многоквартирном доме. Я дружил со сверстниками-немцами. У них не было отцов. Никакого чувства ненависти другк другу не было.

В 1990 году я нашел свою квартиру, встретился со сверстниками и их родителями и услышал только теплые слова благодарности нашей семье за поддержку. В их памяти остались наши добрые отношения, подкармливание моими родителями ребятни и угощение сахаром.

Приятно, что добрым словом вспомнили моих родителей: отца Александра Никитовича Макаровца (1912–1991) и мачеху Тамару Юрьевну (1914–2002). Они были учителями. Отец был фронтовиком, прошел войну от Сталинграда до Берлина.

Время идет. Наше поколение воспитало детей, воспитывает внуков.

Каждый год 9 Мая мы несем портреты родителей, дедов в Бессмертном полку и говорим им: «Спасибо за победу!»

А еще я говорю «спасибо» моей родной школе в городе Кролевец. В знак благодарности организовал и руковожу кружком ракетной техники и авиации, оказываю спонсорскую помощь.

Журналисты меня часто спрашивают, не жалею ли я о когда-то сделанном выборе, ведь многим пришлось поступиться, лишить себя каких-то радостей, трудиться денно и нощно. Могу ответить словами одного из героев Паоло Коэльо: «Своя Стезя — это не так просто, как кажется...

Путь следом за своей мечтой имеет свою цену. Может быть, придется расстаться с какими-то из укоренившихся привязанностей и привычек, могут возникнуть трудности, могут ждать горчайшие разочарования.

Но как бы высока ни была та цена, она всегда будет ниже той, которую приходится платить тем, кто не следует за Своей Стезей. Ибо они когда-нибудь оглянутся назад, увидят все, что сделали, и услышат голос собственного сердца: “Я прожил жизнь зря”.

И поверьте мне, едва ли есть на свете слова, страшнее, чем эти».

* * *

Н. А. Макаровец имеет награды: орден Трудового Красного Знамени, орден Октябрьской революции, орден Ленина, ордена «За заслуги

перед Отечеством» IV, III и II степени, орден Дружбы народов, медаль «За освоение целинных земель», медаль «За участие в боевых действиях в Сирии».

МИНИ-ФУТБОЛ — ИЗ ПОСЛЕВОЕННОГО ДЕТСТВА

Андреев Семен Николаевич, *76 лет,*
почетный президент Ассоциации мини-футбола России,
председатель комитета по этике
Российского футбольного союза, заслуженный тренер России,
кандидат педагогических наук, профессор
Московской государственной академии физической культуры,
г. Москва

Андреев С. Н.

Я родился в 1940 году в городе Серпухов Московской области. Детство пришлось на военные и послевоенные годы, которые оставили свой отпечаток в памяти.

Мой отец Андреев Николай Семенович родился в 1914 году. Дед происходил из дворянского рода, погиб во время Первой мировой войны. Отец окончил экономический факультет текстильного института, работал в строительстве. Участвовал в Великой Отечественной, был лейтенантом, командиром стрелкового взвода. На фронте он был ранен в голову, после чего долгое время лечился. До конца от ранения он, впрочем, не оправился: хоть и прожил более 90 лет, но всю жизнь мучили головные боли, а за 10 лет до смерти выяснилось, что в голове остался осколок.

Мама Андреева Клавдия Алексеевна, тоже 1914 года рождения, как и отец, была из крестьянской семьи. Всю свою жизнь она проработала медсестрой в психиатрической лечебнице в Серпухове. Свою работу она очень любила, всегда спешила к больным, которые были очень привязаны к ней. Она была очень отзывчивой и доброй: к ней постоянно бегали за помощью все соседи, а больные скучали и всегда ждали.

Мой дядя Давыдкин Валентин Николаевич, известный в Серпухове футболист (играл в команде завода «Красный текстильщик»), тоже воевал. Он прошел также Финскую и Японскую войны. Мне запомнился один

эпизод. Зимой 1945 года дядя подшивал в доме валенки, с фронта вернулся недавно. Стук в дверь — это был пленный немец; они часто просили еды, были голодные. Мы впустили его, и у них с дядей завязался разговор; уже и не помню, на каком языке они общались, но с помощью жестов, смеси русских и немецких слов понимали друг друга. Пока бабушка собирала на стол нехитрую еду (картошку, хлеб), наблюдать за ними было так удивительно: не было ощущения, что разговаривают недавние враги, беседа проходила словно между двумя старыми знакомыми. В нашем городе этих военнопленных немцев вообще жалели, люди к ним относились более чем терпимо.

Я хорошо помню бомбежки Серпухова. Помню землянки, вырытые для того, чтобы прятать детей. Наверное, мы долго не могли там находиться: в них было холодно и страшно; мы кричали, нас оттуда вынимали на время, но потом снова возвращали обратно.

Явственно запомнился День Победы. В Серпухове вечером 9 мая был небольшой салют, и я сразу же его нарисовал на небольшом листе бумаги. Мама долго хранила этот рисунок, а я позже стал очень много рисовать.

После войны жили тяжело, конечно, но никто никогда не жаловался. Все были веселыми, родители не сетовали на жизнь, в школе учиться было интересно, и воспоминания об этом до сих пор вызывают приятное теплое чувство в сердце. Для нас с ребятами ориентиром, примером были моряки. Почему-то в Серпухове матросы вызывали особое уважение. Их форма, даже татуировки манили юных ребят.

Спортом «заразил» нас преподаватель по физкультуре Павел Михайлович Филатов. Он прошел войну, имел звание капитана. Павел Михайлович увлек нас игрой в шахматы и шашки, в футбол, волейбол. Я даже окончил спортивную школу по волейболу. Он и другие учителя советовали мне связать жизнь именно с этим видом спорта. Но я слишком сильно любил футбол.

Все послевоенное детство связано с футболом, со спортом. Как только мы с братом приходили домой из школы, под окном раздавалось: «Сенька, Колька, выходите играть». Мама всегда нам покупала мячи и другой спортинвентарь, поэтому мы всегда были в центре внимания.

Да и спортивная атмосфера в семье, пример родственников тоже располагали к физкультурным занятиям. Моя двоюродная сестра Нина Давыдкина хорошо играла в волейбол и баскетбол, позднее она даже была в сборной Московской области по этим видам спорта. У дяди было много фотографий спортсменов, особенно выходцев из моего родного города Серпухова, и они завораживали меня. Я часто брал эти фотографии в руки, рассматривал, мечтал; это было очень интересно. На фотографиях ворота были расписаны волнистыми линиями, в этом была своя романтика. Среди футболистов нам особенно импонировал форвард из московского «Динамо» Василий Смирнов, наш земляк. Большое уважение вызывала его сила воли: изнурительные тренировки, ко-

торым спортсмен подвергал себя, его удивительная работоспособность. В 50-х он вернулся в Серпухов и стал работать директором стадиона «Красное знамя».

В школе я учился не очень хорошо. Мое увлечение спортом привело к тому, что урокам я уделял слишком мало времени, предпочитая проводить матчи с друзьями. Лишь после 8 класса я осознал необходимость и силу знания, стал учиться значительно лучше.

В 40-х годах во дворе мы часто играли в футбол со старшими ребятами. Московский «Спартак» в то время был не очень популярен, и я, как самый младший, в играх с ребятами представлял именно его сторону. Так и получилось, что примерно с 1948 года я болею за футбольный клуб «Спартак» и до сих пор, теперь уже вместе со своим сыном и внуком. А в детстве, когда «Спартак» проигрывал, я даже плакал.

В 10 лет я записался в местную детскую футбольную команду «Торпедо» (Мотозавод). Естественно, мне очень хотелось играть в нападении, но, несмотря на способности, тренер поставил меня в запас. Однако я все же пробился в основной состав. Все решил случай: во время одной игры, на которой тренер отсутствовал, капитан поставил меня центральным защитником, и команда выиграла со счетом 4:1. После этого я стал незаменимым центральным защитником. И все же затем, в команде юношей, я играл и левым полузащитником.

Во время службы в армии я стал играть в нападении, причем достаточно хорошо, забивал много голов и вошел в сборную Ленинградского Военного округа. Однако я всегда хотел учиться и, прослужив в армии 3 года, поступил в институт. Учился хорошо, потом поступил в аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию. Но мне всегда очень хотелось писать, и у меня это получалось. Я стал писать о спорте в различные газеты: «Советский спорт», «Учительская газета», «Ленинское знамя», «Московская правда» и др. В 1975 году, после того как я пришел в Управление футбола, в свет вышла моя первая книга «Мини-футбол» для ребят. И сейчас я занимаюсь этим творчеством: разрабатываю учебные пособия для студентов, тренеров, иногда сочиняю даже стихи. Но главное — это, конечно, разработка учебно-методических пособий.

После армии меня пригласили работать тренером по футболу одной из юношеских команд города Серпухова. Одновременно я стал работать и учителем физкультуры в школе. Причем футбол оставался на первом месте. В конце каждого урока я старался провести с ребятами небольшой футбольный матч. Ребята любили это. Они старались вести себя хорошо, быть дисциплинированными, чтобы матч состоялся; работать с ними было очень легко и приятно. Позднее мы в школе основали мини-футбольный клуб «Олимп», и вся школа, включая некоторых учителей, стала играть в мини-футбол. Уже тогда я почувствовал, что мини-футбол может стать перспективным видом спорта.

В 1980-е FIFA стала проводить активную политику развития мини-футбола, и я начал заниматься популяризацией этого направления в отделе «Подготовки резервов и мини-футбола». Это было ново и очень интересно.

В 1988 году я по своей инициативе сформировал сборную мини-футбола, и мы начали ездить в разные города на игры. Когда распался СССР, была создана Ассоциация мини-футбола России, и мы стали существовать автономно, хоть и в составе Футбольного Союза.

Несмотря на встречающуюся сейчас критику в адрес спортивного устройства в СССР, я считаю, что в прошлом было много положительного. Неслучайно все чаще идут разговоры о том, что в прошлом было много полезного, применимого и даже необходимого для возрождения сегодня. Полагаю, что принцип преемственности необходим во всем, в том числе и в спорте. То, какой является сейчас наша страна, имеет корни в советском прошлом, и, конечно, далеко не все его черты носили негативный характер. Лучшие отечественные спортивные традиции должны сохраняться.

Мне крайне претит нынешняя тенденция давления на Россию через спорт: скандалы, связанные с допингом, которые не имеют за собой ничего, кроме политической подоплеки. Политические разногласия не должны влиять на спорт. Это нонсенс! Да и само давление на наше государство необоснованно: Россия не повинна в военных действиях, она не оккупировала какие-либо земли, старается урегулировать мировые конфликты и не заслуживает подобного отношения. История, думаю, еще скажет свое слово!

В мини-футболе сейчас есть проблемы. Например, необходимо создавать новые клубы и спортивные школы, ведь это — прямой путь к развитию этой дисциплины. В то же время не совсем активна в отношении развития футбола и УЕФА — главная футбольная организация Европы. Вообще европейцы — такие бюрократы! Необходимые преобразования занимают у представителей УЕФА много времени, и я считаю, что они уже не поспевают за духом времени. Но любимый мной мини-футбол хуже от этого не становится, и я желаю нашей молодежи активно заниматься этим прекрасным видом спорта. И для этого есть все основания.

Отечественный мини-футбол приносит постоянно своим многочисленным почитателям положительные эмоции. В 2016 году национальная мужская сборная завоевала серебряные награды Чемпионата мира. Высокие результаты продемонстрировала национальная сборная женская команда, которая впервые в истории завоевала второе место на мировом чемпионате в Гватемале. Кубок УЕФА выиграл Мини-футбольный клуб «Газпром-Югра».

Надеюсь, что два социальных проекта «Мини-футбол — в вузы» и «Мини-футбол — в школы», поддержанных Президентом России В.В. Пу-

тиным и Председателем Правительства РФ Д.А. Медведевым, будут способствовать воспитанию здорового образа жизни, появлению новых талантливых игроков и тренеров. Ассоциация мини-футбола России уже более 10 лет продуктивно на всей территории страны реализует эти уникальные проекты, в которых участвует около 1,5 миллиона школьников и студентов. Лично я горжусь, что являюсь одним из авторов этих полезных начинаний.

МОЯ СЕМЬЯ ДО ВОЙНЫ, В ВОЙНУ И ПОСЛЕ

***Богомолов Виталий Алексеевич**, 71 год,*
кандидат экономических наук,
секретарь комитета ВЛКСМ Новомосковского химкомбината (1971–1972),
второй секретарь Новомосковского ГК ВЛКСМ (1972–1974),
директор Новомосковского ПО «Оргсинтез» (1981–1984),
второй секретарь Новомосковского ГК КПСС (1984–1985),
заведующий экономическим отделом Тульского ОК КПСС (1985–1987),
секретарь Тульского ОК КПСС (1987–1989),
ответственный работник ЦК КПСС (1989–1991),
первый заместитель Губернатора Тульской области (1997–2004),
заместитель председателя Тульской областной Думы (2004–2008),
депутат Тульской областной Думы (2004–2014),
Почетный гражданин г. Новомосковска Тульской области

До войны

Мое раннее детство проходило на Дальнем Востоке, на юге Приморского края. Появился на свет я 13 сентября 1945 г. в п. Посьет Хасанского района Приморского края на берегу Японского моря в семье кадрового офицера.

Мой отец, Богомолов Алексей Петрович, родился в 1914 г. в Ульяновской области в крестьянской семье. С малых лет вместе с родителями занимался сельским хозяйством. В 1934 г. переехал в г. Куйбышев (теперь г. Самара), где работал на хлебопекарне, а затем на заводе № 59.

В апреле 1936 г. был призван в ряды Красной Армии. Службу начал на Дальнем Востоке красноармейцем 63-го отдельного саперного батальона 39-го стрелкового корпуса Приморской группы войск особой Краснознаменной дальневосточной Армии на станции Океанская г. Владивостока.

Вскоре батальон был переведен в п. Занадворовка Хасанского района, поближе к границе. Через два месяца службы отец стал помощником командира

взвода, а еще через полгода его избрали секретарем первичной комсомольской организации батальона. На границе в то время было очень неспокойно, японская военщина то и дело устраивала провокации. Летом 1938 г., воспользовавшись резким обострением политической обстановки в Европе, японцы развязали вооруженный конфликт против СССР у озера Хасан на самом юге Приморья, на стыке нашей границы с Маньчжурией и Кореей. Этими действиями враг хотел испытать прочность наших дальневосточных границ и в случае успеха создать хороший плацдарм для последующего захвата Советского Дальнего Востока.

Рано утром 29 июля 1938 г. самураи перешли нашу государственную границу. В район озера Хасан на помощь пограничникам начали выдвигаться соединения и части 39-го стрелкового корпуса. Развернулись упорные, кровопролитные бои по освобождению сопок Заозерная и Безымянная от занявших их японцев. 9 августа наша территория была полностью очищена от японских захватчиков. В полдень 11 августа боевые действия у озера Хасан прекратились. Это было по сути первое боевое столкновение с противником регулярных частей Красной Армии после Гражданской войны.

За образцовое выполнение боевых заданий у озера Хасан и проявленные при этом мужество и отвагу Указом президиума Верховного Совета СССР от 25 октября 1938 г. более 6000 воинов Красной Армии были отмечены правительственными наградами, 26-ти участникам боев было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

В этих героических событиях участвовал и мой отец — комсорг саперного батальона. За мужество, проявленное в боях, он был награжден медалью «За боевые заслуги» под номером 932 и нагрудным Знаком участника хасанских событий. Для вручения боевой награды отец был вызван в Москву, где в Кремле «всесоюзный староста» М. И. Калинин вручил ему эту медаль.

Провокация японской военщины вызвала гнев и возмущение советских людей, поэтому участников Хасанских событий в то время по праву считали настоящими героями. Как вспоминал отец, когда он ехал поездом в Москву, а поездка была длительной, среди пассажиров просочилась информация, что в поезде едет герой Хасана, и его буквально на руках носили из вагона в вагон, чествовали и высказывали слова благодарности.

Перед поездкой в Москву командование части предложило отцу остаться в кадрах Красной Армии и продолжить службу на офицерской должности в звании политрука роты. Отец согласился и подал соответствующий рапорт. Ему предоставили отпуск с тем, чтобы после получения награды в Москве он мог решить свои личные вопросы перед дальнейшей службой. Побывав в родных местах, отец отправился в г. Куйбышев, где еще до призыва в армию познакомился с девушкой Валей. Он сделал ей предложение, они поженились, и отец вернулся к месту службы в Приморье уже с молодой женой, моей мамой, Богомоловой Валентиной Васильевной.

Мама, уроженка Вологодской области, родилась в 1919 г. в семье крестьянина. Семья была работящая, жили в избе-пятистенке, имели корову, лошадь. Когда была объявлена коллективизация, родители не захотели вступать в колхоз. За это вся семья была отправлена в Сибирь, а имущество конфисковано. Жизнь на новом месте складывалась непросто. У мамы были слабые легкие, она часто болела и впоследствии всю жизнь страдала от хронической бронхиальной астмы.

Мамина родственница, тетя Нюша, жившая в Ленинграде, стала хлопотать о том, чтобы детям разрешили выехать из Сибири. В конечном счете, она добилась приема у М.И. Калинина и получила такое разрешение. Маме с младшим братом позволили уехать из Сибири, а родители продолжали оставаться там. Поскольку в родной деревне их никто не ждал, а дом был конфискован, они в 1935 г. приехали в Куйбышев к родственникам. Здесь мама училась в вечерней школе и работала в типографии имени Ф.Э. Дзержинского помощником корректора.

Женившись на маме, родители которой были высланы в Сибирь, отец в какой-то степени подвергал себя риску. Время было непростое и для того, чтобы сделать такой шаг, офицеру-политработнику требовалось определенное мужество. Наверное, поэтому родители долгие годы на эту тему никогда не вели разговоры.

Забегая вперед, скажу, что родители мамы, отбыв определенный срок в Сибири, оставшись практически без средств к существованию, уехали на заработки на о. Сахалин. Там ее папа заболел и вскоре умер, а мама, т.е. моя бабушка, в конце войны приехала к дочери в Приморье, прожила вместе с нами до конца своих дней и умерла в 1977 году в г. Новомосковске на девяностом году жизни.

Поскольку работы для женщин в гарнизоне не было, мама занималась домашним хозяйством и вместе с другими женами офицеров активно участвовала в общественной жизни части, выступала в художественной самодеятельности, посещала курсы кройки и шитья, вышивания, вязания.

Война

Начало Великой Отечественной войны встретили там же, в Приморье, но уже в п. Славянка Хасанского района. Отец и некоторые его сослуживцы подали рапорты с просьбой об отправке в действующую армию на западный фронт. Но эти шаги были резко пресечены командованием с жестким разъяснением, что нахождение здесь, на дальневосточных рубежах, не менее ответственно, чем участие в сражениях на западном фронте. Тем не менее некоторые соседние части были отправлены на запад, и каждый день проходил в ожидании, что вот-вот наступит приказ об отправке на фронт и их батальона. Время шло, но приказ не приходил, и отец со своим подразделением вел активную работу по укреплению границы от возможного нападения японцев. О напря-

женности службы в этот период свидетельствуют строки из раздела «Награды и поощрения» личного дела отца: 7 ноября 1941 г. командованием 39-го стрелкового корпуса награжден часами за хорошую работу по оборудованию командного пункта корпуса; 22 ноября 1941 г. командованием 39-го стрелкового корпуса поощрен денежной премией в размере 200 рублей за досрочное выполнение плана по строительству мостов в прифронтовой полосе; 25 ноября 1941 г. командиром батальона объявлена благодарность за досрочное выполнение задания по оборудованию района обороны батальона.

Перед войной, хотя в небе витали грозовые тучи, большинство людей думали о светлом, мирном будущем, о детях. Вот и мои родители дождались своего первенца: 14 марта 1942 г. родилась моя старшая сестра Светлана.

Так, в тревожном ожидании и тяжелом ратном труде родители встретили светлый праздник, День Победы, 9 мая 1945 г. И если на западе страны приступили к залечиванию ран, нанесенных войной с Германией, восстановлению народного хозяйства, то на востоке тяжелые испытания были еще впереди. Руководство страны, соблюдая свои союзнические обязательства, начало интенсивную подготовку к боевой операции на Дальнем Востоке. В интересах быстрейшего окончания Второй мировой войны, обеспечения безопасности наших дальневосточных границ и ликвидации очага агрессии в Азии СССР после отказа Японии капитулировать перед антифашистской коалицией объявил 8 августа 1945 г. войну Японии.

В ночь на 9 августа батальон отца в составе 39-го стрелкового корпуса 25-й армии первого Дальневосточного фронта пересек границу и пошел в наступление в направлении г. Дуннина. В течение первой же недели наши воины сломили ожесточенное сопротивление противника, преодолели многочисленные укрепленные районы и разгромили главные силы японских войск. К 20 августу 1945 г. основные боевые действия были закончены, и японцы повсеместно начали капитулировать. 2 сентября 1945 г. Японией был подписан акт о безоговорочной капитуляции.

Войну отец завершил в Северной Корее в должности заместителя по политической части командира 63-го отдельного саперного батальона в звании капитана. За боевые действия он был награжден орденом Отечественной войны II степени, медалью «За победу над Японией» и корейской медалью «За освобождение Кореи».

По окончании боев саперный батальон вместе с другими частями был оставлен на территории Северной Кореи для оказания помощи братскому народу в строительстве нового государства и расквартирован в г. Канко. Семья начала готовиться к переезду в Северную Корею к месту службы отца. В октябре 1945 г. нас вместе с нехитрым скарбом посадили на «студебеккер» и в составе воинской колонны повезли в Корею. Мама со мной,

одномесячным ребенком, на руках села в кабину, а сестра Светлана вместе с бабушкой, укутавшись в одеяла, разместились в кузове грузовика. По пути следования с машиной что-то произошло, и она на полном ходу перевернулась. Мы с мамой, к счастью, не пострадали, бабушка, вылетев из кузова, сломала ключицу, Света, упав на скошенную стерню, тоже немного поранилась. Нас пересадили в другую машину, и дальнейший путь прошел благополучно. Отец, узнав о происшествии, уже мчался нам навстречу с доктором.

В Северной Корее мы прожили три года. Конечно, я почти ничего не помню об этом периоде жизни, но мама вспоминала его как очень тревожный и напряженный. Страна только формировала институты власти, было много хаоса, имели место случаи провокаций против военнослужащих и их семей. Поэтому мама очень переживала за отца и всех нас.

После войны

В июне 1946 г. по причине сокращения вооруженных сил саперный батальон, в котором служил отец, был расформирован, а отец переведен на такую же должность в 23-й отдельный саперный батальон 40-й мотострелковой дивизии имени Серго Орджоникидзе, которая также входила в состав 39-го стрелкового корпуса. Это была прославленная дивизия, которая отличилась в боях у озера Хасан и первой в Красной Армии была награждена орденом Ленина. Очень достойно воины дивизии воевали и в 1945 году. 19 сентября 1945 г. за успешные боевые действия против милитаристской Японии и массовый героизм личного состава дивизия была награждена орденом Суворова.

В октябре 1948 г. мы вернулись в родное Приморье. На этот раз местом дислокации батальона стала станция Боец Кузнецово недалеко от г. Находки. Пребывание батальона здесь было временным, до окончания строительства крупного военного городка в п. Смоляниново, в 60 км от Владивостока, в котором должны были разместиться штаб и основные части 40-й мотострелковой дивизии. Условия жизни были спартанские: семьи офицеров и личный состав батальона размещались практически на одной территории в бараках и различных приспособленных помещениях.

Вся моя жизнь проходила в солдатской среде. И с тех юных лет я проникся большим уважением к ратному солдатскому труду. Я познакомился со всеми видами стрелкового оружия, поскольку постоянно принимал участие в процедуре чистки солдатами личного оружия. Очень любил бывать в учебном классе, где посередине комнаты стоял большой стол, на котором эмитировался полигон для проведения тактических занятий. На нем размещались сделанные из дерева макеты различной военной техники. Особенно завораживали маленькие и очень похожие на настоящие автомобильчики. При отсутствии игрушек очень

хотелось подержать их в руках и поиграть с ними. Однажды, наверное, увидев блеск в моих глазах, мне подарили одну из машинок. Радости не было предела. Где-то к пяти годам я уже сам пытался вырезать из дерева такие машинки.

Очень часто по вечерам в солдатской столовой, по причине отсутствия клуба, демонстрировали фильмы. Со столов убирали посуду, на стене вывешивали экран, и начинался показ. Я был завсегдатаем просмотров кинофильмов, но, как правило, через 10–15 минут засыпал. После окончания фильма кто-нибудь из солдат брал меня на руки и относил домой. Родители никогда не беспокоились за нас, потому что все жили как одна дружная семья, не было случая, чтобы кто-то кого-то обидел.

Питались мы в те годы, конечно, скромно, но не голодали. Семьи офицеров получали пайки, выдавали, как правило, на месяц крупы, консервы, макаронные изделия, муку, сахар и т.д. исходя из численности семьи. По специальным талонам ежедневно можно было получить черный хлеб. Выдавали нам в пайках и американские галеты, лакомством была сушеная морковь, спрессованная в плоские брикеты. Фруктов и ягод мы не видели. Иногда организовывались коллективные выезды в тайгу на заготовку кедровых орехов. Привозили по несколько мешков шишек с орехами, которые мы потом с удовольствием шелушили, извлекая орехи из шишек.

Мама частенько посылала меня на склад за хлебом с соответствующим талоном. Было большой радостью, если тебе доставалась буханка, пусть черного, но свежего, мягкого хлеба. В таком случае домой приносилась буханка, вся обкусанная со всех сторон, и никакие нравоучения о том, что этого делать нельзя, не помогали.

Бывали дни, когда бабушка, собрав старые ненужные вещи, ехала в г. Находку на рынок. Продав что-нибудь, вечером возвращалась назад с белым батоном и связкой баранок. Вот это был действительно праздник! А однажды зимой она привезла Светлане беленькую шубку. В один из дней мама надела на нее эту шубку и отправила нас на улицу гулять. Со своими друзьями, сверстниками, мы набрели на пустую бочку из-под солидола. Перевернув ее на бок, мы решили сделать приятное Светлане, единственной девчонке в нашей компании, и покатать ее в этой бочке. Она с удовольствием в нее залезла, и мы несколько десятков метров ее прокатили. Придя домой, мы с изумлением увидели, что белая шубка стала черной. Ее пришлось выкинуть, а нас несколько дней не пускали на улицу. И таких курьезных случаев в этот период жизни было очень много.

Территорию части со всех сторон окружали сопки, весной они покрывались розовым цветом от расцветающего багульника. Запомнились огромные разноцветные бабочки махаоны и светлячки, которые с наступлением темноты расцвечивали небо, как трассирующие пули.

Наконец, в п. Смоляниново закончили строительство военного городка, и батальон передислоцировали туда, но жилье для семей офицеров не было готово, и нас поселили в 10 км от поселка на каком-то хуторе. Каждое утро приходила машина, которая отвозила отцов на службу, а ребят в школу. Света к этому времени уже начала учиться и тоже уезжала. А мы, малышня, вместе с матерями оставались дома.

В поисках занятий мы однажды набрели на заброшенный полевой аэродром, который был весь забит трофейными японскими самолетами. Их, видимо, доставили сюда с японских аэродромов в Маньчжурии с тем, чтобы постепенно утилизировать. Некоторые самолеты были как новые, но, конечно, со снятым вооружением. Мы с огромным удовольствием облазили все самолеты, насиделись в кабинах пилотов. Но хотелось извлечь какую-нибудь пользу от всего этого богатства. И в голову пришла идея сделать из кусков дюралевой обшивки самолетов в подарок маме несколько терок, на которых можно было бы тереть морковку и другие овощи. Технология изготовления была простой: отрывали от фюзеляжей или крыльев самолетов куски металла, дома обрезали их ножовкой по металлу на ровные пластины, удаляли заусенцы напильником, а затем гвоздем пробивали частокол дыр, и терка готова.

Затем меня привлек процесс заготовки дров. Печка всегда присутствовала в нашем доме, поэтому дрова и уголь заготавливались впрок. Однажды я упросил бабушку напилить дрова вместе со мной двуручной пилой. Быстро овладел этой наукой, и меня уже нельзя было остановить. Я постоянно ходил за бабушкой по пятам и клянчил: «Пойдем пилить дрова». А она не знала, как от меня отделаться. Постепенно освоил работу топором и стал раскалывать на поленья небольшие чурбачки. Но самым интересным было укладывать нарубленные дрова колодцем для просушки, а затем — в поленницу.

По каждому месту жительства у нас всегда был огород, на котором сажали картошку и овощи. Так что посадка, копка картошки и другая работа на огороде всегда были неотъемлемой частью моей жизни.

Вскоре в п. Смоляниново было закончено строительство жилья, и мы переехали туда. Заготовка дров и работа в огороде здесь продолжались. Никаких удобств в доме, конечно, не было: туалет на улице, воду привозили в бочке, в первое время на лошади, а потом стала ездить автомашина. Я быстро нашел общий язык с солдатом-водовозом, и он, отъезжая от дома, сажал меня рядом на облучок телеги, вручал вожжи, и я с гордостью метров 300 управлял лошадью, подергивая вожжами.

За домом был небольшой лес, и мы без устали лазили по деревьям и играли в войну. Игрушечного оружия у нас не было, бегать с палкой, изображающей автомат, было неинтересно, и я сам начал делать себе и ребятам оружие, благо досок, привезенных на дрова, было много. Дело спорилось, и вскоре у меня появился целый арсенал деревянного оружия

от пистолета до пулемета «Максим». Вообще, я очень любил что-нибудь мастерить. Каждую весну делал по нескольку скворечников для птиц, однажды сделал самокат на шарикоподшипниках. С наступлением зимы освоил катание на коньках. Отец купил коньки «Снегурки», а затем «Ласточки». Естественно они были без ботинок, поэтому коньки крепили к вырезанным по ноге дощечкам, а уже их с помощью веревок и палочки фиксировали, как правило, на валенках. Получалась довольно жесткая и устойчивая конструкция, позволяющая нормально кататься. Недалеко от дома было небольшое болотце, которое зимой замерзало и превращалось в неплохую площадку для катания.

Потом на территории части стали заливать настоящий каток, по вечерам его освещали и включали музыку. Ощущение было такое, что ты находишься не в дальнем гарнизоне на окраине страны, а чуть ли не в столице Родины, тем более, что некоторые взрослые катались на настоящих «ножах» и «дутышах» с ботинками.

Большой любовью у нас пользовалась стрельба из рогаток. Но с особым трепетом мы относились к игре в футбол. Тогда еще не было телевизоров, мы никогда не видели настоящей игры, но про футбол, кажется, знали все. Ребят не хватало для полноценной команды, но мы гоняли мяч вдвоем, втроем в одни ворота и получали огромное удовольствие, особенно когда отец принес мне настоящий дерматиновый мяч с надувной камерой.

На Новый год дома всегда ставили елку. Мы с сестрой не могли дождаться вечера, когда отец придет со службы и установит лесную красавицу. И начиналась долгожданная процедура ее украшения. Обязательным элементом на елке были конфеты в фантиках, которыми в обычные дни нас не баловали. После новогодней ночи конфеты быстро съедались.

В праздничные дни мы всей семьей рассаживались около радиоприемника и с большим удовольствием слушали концерты, транслируемые из Москвы. Звучали песни Руслановой, Шульженко, шутки Тарапуньки и Штепселя и т.д.

В п. Смоляниново жилая зона была несколько удалена от военного городка, но я по-прежнему часто бывал в расположении батальона: в штабе, казарме, ленинской комнате, учебных классах, автопарке. Мне везде было интересно. Я видел, что солдаты с уважением относятся к отцу, и он отвечал им взаимностью. Они тянулись к нему со своими горестями и переживаниями, он вникал в судьбу каждого. В это время шла война в Корее, а ведь это совсем рядом, мы недавно только оттуда уехали. Во всем чувствовалась напряженность, наши летчики помогали КНДР, в этот конфликт в любой момент могли быть втянуты и сухопутные войска.

Однажды отец принес домой комплект полевого зимнего обмундирования: телогрейку, ватные брюки и главное — каску с подшлемником и пачку патронов к пистолету «ТТ». В те годы личное оружие у офицеров всегда было при себе, и отец держал пистолет дома в ящике письменного стола, но без

патронов. Я невольно насторожился, неужели отец готовится на фронт, но он успокоил, что выезжает на плановые учения. Чувство тревоги улетучилось только тогда, когда он через несколько дней вернулся домой.

В 1952 году я пошел в школу. Учился хорошо и первый класс закончил на «отлично». Летом 1953 года родители собрались в отпуск и решили поехать вместе с нами в г. Ленинград. Для нас с сестрой это было невероятное событие, оставившее приятные воспоминания на всю жизнь. Из окна вагона увидели практически всю страну (только вдоль Байкала поезд шел почти сутки, ныряя из одного туннеля в другой).

В Ленинграде остановились у упомянутой уже тети Нюши, которая жила на Невском проспекте в коммунальной квартире. Я уже смутно помню, какие достопримечательности мы посмотрели в Ленинграде и его окрестностях, но отчетливо запомнилось посещение театра юного зрителя. Раньше мне никогда не приходилось бывать в театре, поэтому все было необычно. Во время спектакля на военную тему актер, облаченный в немецкую форму, с автоматом в руках бегал по проходу в зрительном зале, и мне, сидевшему около прохода, очень хотелось подставить ему подножку и тем самым помочь нашим юным подпольщикам. Еще помню, как выходил из дома на Невский проспект и покупал у продавщицы, стоявшей с лотком недалеко от подъезда, молочные ириски, потом угощал сестру. Главное — при покупке не нужно было предъявлять никаких талонов.

Пришло время вступать в пионеры. В день, когда мне повязали красный галстук, я был горд и безмерно счастлив. Целый день без устали всем подряд отдавал пионерский салют. Перед нами выступали участники войны, Герои Советского Союза, с рассказами о подвигах как своих, так и товарищей по оружию, как правило, во время боев с японцами. Участников войны с Германией в нашем гарнизоне было мало, поэтому у ребят-дальневосточников в то время было твердое убеждение, что все беды и горести шли от японских милитаристов, а позднее и от американцев, которые ввязались в войну в Корее. Все шуточки и анекдоты у нас были про японцев и янки.

В ноябре 1954 г. отца направили учиться на Центральные курсы усовершенствования командного состава инженерских войск, располагавшиеся в п. Нахабино, в ближнем Подмосковье. Учеба была рассчитана на один год, затем предстояло назначение на новое место службы, поэтому уезжали всей семьей. Все говорили, что мы едем в Москву, по-хорошему завидовали. Конечно, радость была безгранична, но в то же время было грустно расставаться с Дальним Востоком и с полюбившейся армейской средой.

И вот мы снова в поезде пересекаем всю страну. По прибытии в Москву пересели в электричку и опять куда-то поехали. А перед этим на перроне вокзала я увидел мальчишку в школьной гимнастерке, подпоясанной ремнем, и в фуражке. В это время только-только ввели школь-

ную форму, и она меня просто привела в восторг, поскольку напоминала военную.

Электричка набирала ход, в окне замелькал лес. Я очень расстроился: говорили, что едем в Москву, а она уже давно осталась позади. Новое разочарование наступило на другой день, когда нас повели в школу. Света училась в шестом классе, и ее зачислили в среднюю школу, расположенную в военном городке. А я в третьем классе, и меня направили в начальную школу, которая располагалась в жилом частном секторе, в небольшом одноэтажном доме. Чувство горечи было страшное. Учился раньше в бараке, а здесь еще хуже, а ведь я мечтал о большой, многоэтажной, светлой школе. Одна была радость — во дворе школы стоял бетонный дот, оставшийся со времен обороны Москвы, и каждую перемену мы брали этот дот штурмом, сталкивая друг друга с его крыши.

Поселились мы в маленьком частном домике, состоящем из одной комнаты, в которой ютилась вся семья. Я спал на сундуке. Хозяйка дома переселилась в какую-то пристройку. В детстве все житейские проблемы переносятся легко и непринужденно. Главное, что Москва была все-таки недалеко, и я иногда позволял себе втайне от родителей съездить в столицу на электричке за хлебом. В сентябре 1955 года родился младший брат Сергей, шестой член семьи.

В ноябре отец завершил учебу, получил распределение в Одесский военный округ и уехал в Одессу за новым назначением. Но тут в армии началось сокращение, и с новым назначением возникли проблемы. Мы оставались в Нахабино в ожидании вызова к новому месту службы отца. Наконец, он получил назначение, но поехать в Одессу нам было не суждено. Воинскую часть, где отец начал новую службу, погрузили в эшелон и отправили в г. Сталиногорск, нынешний Новомосковск. В декабре 1955 года мы прибыли в город химиков и шахтеров. Поселили нас в новостроящемся 19-м квартале, на окраине города, в трехкомнатную коммунальную квартиру, где мы заняли две комнаты. Газа и ванной не было, на кухне стояла печь, а значит, предстояло опять заготавливать дрова и уголь, регулярно покупать керосин для керосинки.

Жить в городе было, конечно, интересно, но меня тяготило, что вокруг было сплошь гражданское население, не хватало армейского колорита. Военных в городе было мало. Вскоре грянуло новое сокращение вооруженных сил, и в декабре 1956 г. часть, в которой служил отец, расформировали. Отслужив 21 год в Советской Армии, он уволился в запас. Мы остались в Новомосковске на постоянное место жительства. Больше всех в семье данную ситуацию, пожалуй, переживал я. В моей голове не укладывалось, что отец снимет военную форму и станет гражданским человеком. Я никогда не видел его в штатском, и в будни, и в праздники он всегда был в форме, да у него и не было гражданской одежды. Получив за двадцатилетнюю выслугу лет орден «Красного Знамени», отец снял со сво-

их плеч погоны майора Советской Армии. Потом он еще долго ходил в кителе и шинели, пока не купил костюм и пальто.

Ностальгия по армейской атмосфере у меня никак не унималась, и я стал настойчиво просить отца отпустить меня на учебу в Суворовское училище. Выслушав несколько моих просьб и видя, что я настроен серьезно, он очень жестко заявил, что никогда этого не сделает и чтобы я перестал об этом думать. Слова отца подействовали, я постепенно остыл. Забегая вперед, хочу сказать, что, когда после окончания школы встал вопрос о выборе будущей профессии, мысли о военном училище почему-то не возникали, хотя трепетное отношение к армии у меня сохраняется всю жизнь.

Отец за год службы в Новомосковске заработал определенный авторитет в городе, поэтому после увольнения в запасе быстро решил вопрос со своим трудоустройством — его избрали председателем постройкома СУ № 15 треста «Мосбассшахтострой». В январе 1962 г. перешел на работу старшим инспектором отдела кадров электромонтажного управления треста «Центроэлектромонтаж». Затем он трудился заместителем секретаря наркома треста «Новомосковскхимстрой» и заместителем председателя объединенного постройкома этого же треста. Последние десять лет до ухода на пенсию в 1977 г. он был секретарем партийной организации Донского кирпичного завода. Мама тоже пошла на работу. С октября 1957 г. и до ухода на пенсию она проработала телефонисткой на коммутаторе СМУ № 3 треста «Тулспецстрой».

Жизнь набирала обороты. В свободное время с азартом играли во дворе в волейбол, городки, настольный теннис и, конечно же, в футбол. Страстно болели за городскую футбольную команду мастеров класса «Б» «Химик», не пропускали ни одного домашнего матча. На стадион попадали, во всяком случае, до восьмого класса школы, только через забор, преодолевая заслоны милиции и дружинников. И не потому, что родители не давали денег на билет, а потому что это считалось проявлением мальчишеской доблести.

С тринадцати лет я приобщился к серьезным занятиям спортом. К этому времени в городе построили прекрасный Дворец пионеров, туда я и пришел записываться в секцию бокса. Но этим видом спорта разрешалось заниматься только с 14 лет, поэтому мне посоветовали пойти в секцию акробатики, позаниматься там, окрепнуть, а через год вернуться к вопросу о боксе. Я так и сделал и поступил на отделение акробатики Детской спортивной школы, где тренером был Глеб Иванович Паншин, а вскоре он стал директором ДСШ. Я благодарен судьбе, что свела она меня с детства с этим замечательным человеком, с которым мы впоследствии не теряли контактов до самой его кончины.

С первых дней занятий спортом я был вовлечен в атмосферу товарищества, уважительного отношения к тебе как к личности, как к человеку,

занимающемуся серьезным, тяжелым трудом. Все это окрыляло и придавало силы. Глеб Иванович был очень требовательным педагогом с неприкасаемым авторитетом, пресекал любую расхлябанность, не прощал поверхностного отношения к учебе в общеобразовательной школе. Мне такой подход к делу нравился, занятия спортом укрепляли характер, вырабатывали силу воли, воспитывали преданность тому делу, которым занимаешься, делали тебя дисциплинированнее, серьезнее и взрослее. Естественно, что через год я забыл про бокс и продолжил заниматься акробатикой, а затем и гимнастикой. И я очень благодарен Глебу Ивановичу, что он помог поверить в себя, научил преодолевать трудности, проявлять упорство в достижении поставленных целей.

После окончания средней школы встал вопрос об институте. На семейном совете пришли к выводу, что родителям будет тяжеловато помогать мне материально, если учеба будет проходить вдали от дома. Я решил поступать в Новомосковский филиал МХТИ имени Д.И. Менделеева. Но в химический вуз в то время принимали с 18 лет, а мне не было еще и семнадцати. Поэтому я принял решение поработать год на производстве, набраться жизненного опыта, помочь материально семье, а затем поступать уже в институт. Через неделю после получения аттестата зрелости я уже работал электрослесарем в электромонтажном управлении треста «ЦЭМ». Должен отметить, что эти «рабочие университеты» очень помогли в дальнейшей жизни, на руководящей работе. Через год, в 1963 г., как и планировал, я поступил на первый курс механического факультета Новомосковского филиала МХТИ.

Вторая половина пятидесятых и шестидесятые годы запомнились мне как годы бурного развития страны, стремительного продвижения вперед на основе научно-технического прогресса во всех отраслях народного хозяйства. Я это прекрасно видел на примере Новомосковска. За эти годы буквально на глазах вырос практически новый город. Ежегодно вводились в строй целые кварталы домов, школы, детские сады и другие объекты социально-культурного назначения. Люди массово переселялись из бараков в благоустроенные квартиры. Не менее интенсивно развивалась экономика города. На химических предприятиях вводились в эксплуатацию новые производства по самым современным технологиям. Строились новые шахты и заводы, серьезная реконструкция была проведена на электростанции и других предприятиях. Поэтому не случайно в 1971 году город был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Все это окрыляло и настраивало на серьезную подготовку к будущей трудовой деятельности.

Возвращаясь к тем уже далеким годам, хотелось бы отметить, что отец, находясь практически всю свою трудовую жизнь — и в армии, и на гражданке — на партийной работе, постоянно был в гуще людей, активно влиял на жизнь коллектива и постоянно помогал людям в ре-

шении их насущных вопросов. Приходя с работы, он иногда в разговоре с мамой говорил о том, что помог одному из работников получить место в детский сад для ребенка, другому — восстановить справедливость при распределении жилья и т.д. Невольно слыша эти разговоры, я приходил к пониманию того, что отец занимается очень важным, нужным людям делом, проникался к нему еще большим уважением и ловил себя на мысли, что мне тоже хотелось бы стать в будущем партийным работником, поскольку, как мне тогда казалось, именно партийный работник стоит ближе всех к людям, лучше понимает их нужды и заботы и постоянно нацелен на оказание им поддержки и помощи. И судьба сложилась так, что впоследствии я им стал.

Отец был очень трудолюбивый и «рукастый» человек. Он мог делать практически все: пилить, строгать, штукатурить, класть кирпичи, выполнять сантехнические и электромонтажные работы, ремонтировать бытовую технику и т.д. Все это передалось и мне, причем он никогда не учил меня специально, как и что делать. Я просто во время его работы всегда был рядом, смотрел, активно помогал и быстро все схватывал. Переезжая с места на место, мы с ним построили не один сарай для бытовых нужд. И это была хорошая строительная практика, которая мне очень пригодилась в жизни. Получив садовый участок в 1958 г., отец все свое свободное время проводил там. Соответственно, немалый объем работ доставался и мне. Я бы не сказал, что отец очень много внимания уделял нашему воспитанию, в силу большой занятости на работе, но своим поведением в семье, трудолюбием, порядочностью, заботой о семье он невольно формировал наш характер, и мы впитывали от отца все то хорошее, что в нем было.

Не имея даже полного среднего образования, отец тем не менее был очень грамотным человеком, собрал хорошую библиотеку, выписывал многие газеты и журналы. Подшивки периодических изданий он хранил многие годы и использовал в работе. Даже переезжая с Дальнего Востока, он упаковал все газеты и журналы в огромный ящик и привез его с собой. Для нас, детей, всегда выписывались «Пионерская правда», «Мурзилка», «Веселые картинки». Изучая «Историю КПСС» в институте, я часто консультировался у отца по тем или иным вопросам, и он всегда давал исчерпывающие ответы, называя источники, порой даже безошибочно указывая номер страницы в книге.

Мама была тоже очень трудолюбивой, постоянно хлопотала по хозяйству, отличалась чистоплотностью и аккуратностью. Как сейчас помню ее с иголкой в руках, подшивающую каждый день свежие белые подворотнички отцу на гимнастерку, а мне на вельветку, в которой я ходил в школу. Мама всегда очень живо интересовалась текущими делами в стране, радовалась достижениям в космосе, в экономике и в других сферах деятельности. И хотя она в детстве пострадала от Советской власти, никогда не держала зла и очень тяжело, с болью в душе, пережила развал Советского Союза.

Оглядываясь назад и осмысливая прожитые годы, по-новому оцениваешь ту огромную роль, которую сыграли в твоей жизни родители. На первый взгляд, ничего особенного и героического в их судьбе не было, но само время, в котором они жили, было героическим. Когда в предвоенные годы вся страна строила новые фабрики и заводы, отец с оружием в руках защищал родную землю от японских агрессоров. А когда уже в августе 1945 г. он вторично пошел на битву с Квантунской армией, каково было маме провожать мужа на фронт на последнем месяце беременности и трехлетней дочкой на руках. Тогда, в детские годы, мы об этом даже не задумывались. И только теперь, когда родителей уже не стало, начинаешь понимать, какая непростая доля им досталась, корить себя за то, что так мало расспрашивал родителей о тех трудностях, которые они пережили, об их мыслях и чаяниях того времени. Сколько интересного и поучительного ушло навсегда вместе с ними... Я горжусь, что отец, отслужив 21 год в Советской Армии, не искал тепленьких местечек в штабах, военных учреждениях и конторах, а все эти годы провел непосредственно в войсках, бок о бок с солдатами, деля вместе с ними все тяготы и невзгоды. А мама, воспитывая троих детей, всегда была рядом, создавая уют и тепло в доме. Она и умерла тихо и незаметно в 1997 г., прилегла на диван отдохнуть и не встала. Через год с небольшим ушел из жизни и отец.

Хотелось бы отметить еще один жизненный эпизод из разряда случайных, а может быть, и закономерных. В 1968 году, после окончания института, я был призван в Вооруженные Силы и отправлен на два года лейтенантом для прохождения службы в Краснознаменный Дальневосточный военный округ. После кратких военных сборов в Прикарпатском военном округе я женился, и мы вместе с женой отправились на Дальний Восток. В четвертый раз я пересек на поезде всю страну. Прибыв в г. Хабаровск в штаб округа, а затем в г. Уссурийск в штаб армии, я получил назначение в уже ставшую родной для нашей семьи 40-ю мотострелковую дивизию имени Серго Орджоникидзе в п. Смоляниново.

Это было неожиданно и невероятно. Через четырнадцать лет я вновь оказался в местах своего детства. Ровно два года прослужил в службе ракетно-артиллерийского вооружения дивизии в очень напряженной и тревожной обстановке. В это время резко обострились советско-китайские отношения. В марте 1969 г. грянули события на острове Даманский. Это было совсем рядом, но мы не принимали участия в боевых действиях. Все ограничилось пограничным конфликтом, хотя боестолкновения были тяжелыми и кровопролитными. После событий на Даманском в частях дивизии заметно усилилась боевая учеба. Чуть ли не ежедневно объявлялись тревоги, под рукой всегда был «тревожный» чемоданчик с комплектом белья и продуктами питания на 2–3-е суток. В какой-то мере я повторял судьбу своего отца. Весной 1970 года стал кандидатом в члены КПСС. На партийном собрании, рассматривая мое заявление, вспомнили добрым словом и об отце.

За безупречную службу я был награжден медалью «За воинскую доблесть. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», а командующий войсками Краснознаменного Дальневосточного военного округа генерал армии В. Толубко объявил мне благодарность и наградил Почетной Грамотой. Службу завершил 28 августа 1970 г. и вернулся в Новомосковск, где меня уже ждал двухмесячный сын Эдуард. В сентябре приступил к работе на Новомосковском химкомбинате. С первых дней трудовой деятельности был сразу же вовлечен в круговорот серьезных и интересных дел. И та закалка, которая была получена еще в детстве в непростые послевоенные годы, помогла мне преодолеть все трудности и невзгоды, встретившиеся на жизненном пути, и посвятить всего себя делу дальнейшего развития Новомосковска и Тульской области.

ЖИЗНЬ СМЕРТИ ОКАЗАЛАСЬ ВНОВЬ СИЛЬНЕЙ[1]

***Гусев Владимир Алексеевич**, 68 лет,*
учитель иностранных языков,переводчик,
старший мичман на Балтийском и Северном Флотах,
почетный работник образования России,
ветеран Вооруженных Сил, ветеран труда,
член Тульского литературного объединения
православных писателей «Родник»,
член Российского Союза писателей,
п. Дубна Тульской области

По милости БОГА я родился 13 сентября 1948 года в г. Мурманске в семье морского офицера Алексея Григорьевича Гусева и медицинской сестры Валентины Григорьевны Гусевой (в девичестве Седовой).

Я благодарен отцу и матери за то, что вскоре после моего рождения они меня крестили в православной Вере.

Во времена гонения на Церковь — это был смелый шаг, но вполне объяснимый. Отец всю войну был на фронте на полуострове Рыбачий, который фашисты штурмовали ожесточенно, не жалея сил и средств. С таким же ожесточением они пытались стереть с лица земли Мурманск, где под непрерывными бомбежками работала медсестрой мама.

[1] Продолжение. См.: Гусев В. А. «Прощайте, скалистые горы»// Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. Ч. 1 // Под ред. Ю. М. Осипова, Л. И. Ростовцевой.— Тула: Аквариус, 2015.— С. 348–354.

Попав в пламя ада, многие начинают тянуться к БОГУ, чтобы найти спасение в милости Его. Они уцелели и решили и детей своих вверить всевышней милости.

Когда мне было 4 года, отца перевели служить в город Выборг.

Этот город так же, как и Мурманск, лежал в развалинах, которые мы по-детски звали «разбитками». Жили мы на улице Крепостной в чудом уцелевшем двухэтажном доме. Комнатка была побольше, чем в Мурманске, и у нас с сестрою, наконец, появились собственные кроватки. В Мурманске я спал на обеденном столе, а старшая сестра Ира на стульях.

Самые яркие впечатления от Выборга — это прогулки с родителями по берегу Финского залива, в старинном парке Монрепо, зимою — катания с горок на финских санках.

Парк Монрепо у Финского залива.
С тех пор промчалось шесть десятков лет.
Как часто вижу в снах моих счастливых
Я тех,кого со мной давно уж нет.
Идем все вместе к пляжу по дорожке.
Я маленький,идти мне тяжело.
Я чувствую,из маминой ладошки
Бежит в мою ладонь любви тепло.
Дорожка солнцем ласковым залита.
Крик чаек,запах рыбы и воды.
У каменных скульптур носы отбиты,
А на стволах деревьев — пуль следы.
Мой город детства весь лежит в руинах,
Которые оставила война.
Но в парке обезврежены все мины,
И лижет берег ласково волна.
Туда приходят люди на рыбалку.
Летают чайки с криком над волной.
А я на пляже собираю гальку,
И мама с Иркой рядышком со мной.
Отец,с извечной пачкой Беломора
(Казался он всегда героем мне).
Сумеет позабыть еще нескоро
Своих друзей,погибших на войне.
Оркестр играет вальс какой-то старый.
Там танцплощадка. Все идем мы к ней.
Как кружатся самозабвенно пары –
Жизнь смерти оказалась вновь сильней!

Уж расцвели на клумбах маргаритки.
И я не вижу в том большой беды,
Что в парке у скульптур носы отбиты
И на стволах деревьев — пуль следы!

Еще мы часто ходили на кладбище. У многих наших знакомых умирали отцы от ран и контузий, полученных на войне. Вернувшись домой, многие победители успевали сделать главное — оставить после себя потомство. На большее жизненных сил у них не хватало — они уходили один за другим. Мы с соседками-вдовами ухаживали за их могилами. Каждая такая «прогулка» накапливала в моей душе все больше и больше необъяснимой грусти от соприкосновения с чем-то волнующим и непонятным мне.

В Выборге у меня появилось много хороших друзей. Игрушек у нас было очень мало, но всевозможных игр и затей — бесчисленное множество.

Больше всего любили играть в войну. Но надо было кого-то побеждать, а «фашистами» становиться никто не хотел. Кто-то из взрослых научил нас делиться на «синих» и «зеленых» — так было никому не обидно.

Мы с детства знали имена героев.
Война для взрослых — страшная беда!
А нам казалась только лишь игрою,
Где побеждают русские всегда.
Послевоенных лет тяжелых дети,
Как мать, любили Родину свою.
Мы появились для того на свете,
Чтобы сменить отцов своих в строю.

В марте 1953 года умер Сталин.

Все гудело, ревело и рыдало.

— Что это? — спросил я в ужасе у сестры Иры.

Ира была старше меня на целых 2 года и со знанием дела объяснила:

— Война! Снова фашисты напали!

Вокруг нас лежали одни лишь руины домов. Я решил, что теперь непременно разбомбят и нас, и заревел, и зарыдал вместе со всею страной.

Родители запрещали нам забираться в «разбитки», и потому они стали самым любимым местом наших игр. Однажды я попал в разрушенную комнату. Я увидел там две детские кроватки с полуистлевшими одеяльцами. На полу были разбросаны детские игрушки, а на стене с обгоревшими обоями чудом сохранилась фотография чужого семейного счастья.

И вдруг страшная мысль пришла мне в голову. Я понял, что тех детей с фотографии больше нет на свете, как нет уже отцов некоторых моих друзей. И я подумал, что точно так же может не стать на свете меня! И это показалось мне несправедливым. Будут чайки летать над заливом, и люди гулять в парке Монрепо, детишки зимою будут кататься на санках... А меня уже не будет!

Когда вернулся домой, со мною случилась истерика. Мама поняла, в чем дело, и произошло то, что во многом определило сегодняшнее состояние моей души. Она рассказала о Господе, к которому после земной жизни приходят те, кто любят Его и верят Ему. Мама сказала, что Господь дарит всем, кто живет честно, жизнь вечную.

Она очень просила меня никому не говорить о нашем с ней разговоре.

Тайна! Ей самой, дочери «врага народа», расстрелянного в ленинградской тюрьме «Кресты», терять было нечего. Но отец мой был старшим офицером и коммунистом.

И я хранил мамину тайну, как обещал. Но больше почему-то играть в войну мне не хотелось.

Что знал я о моей стране вначале?
Старинный парк,залив,цветущий луг.
Мир дивный открывая,приучали
Любить все то,что вижу я вокруг.
Была зима подобна дивной сказке.
Любимая пора всей детворы:
Друзья, снежки и быстрые салазки,
Азарт и смех какой-нибудь игры.
Мы и весной не ведали печали,
Весна всегда на улицу влечет,
С ее капелью,и с ее ручьями,
И с первым нежным солнечным лучом.
Вот папа в клуб идет матросский с нами,
Как будто бы на праздничный парад:
Тужурка с боевыми орденами
И папин кортик радуют мой взгляд.
Костюм на маме модный,но не броский:
Она нарядной выглядеть должна.
Шик маме придает ее прическа,
Ведь мама — офицерская жена.
В матросском клубе весело и тесно,
Всем ветеранам очень мало лет.
Ревут басы,сверкает медь оркестра...
И женщины глядят счастливым вслед.
Цветы роняет белоснежных вишен
Моя на свете пятая весна.
В матросском клубе много женщин «лишних»:
Их счастье в море унесла война.
И снова праздник — солнечное лето!
И жизнь кипучей радости полна!
Готовы бегать с самого рассвета
До самого вечернего поздна!

Бывали на заливе с мамой часто,
Где крепостной вдали виднелся вал.
Там над волной рыдали горько чайки,
Их крик меня манил и волновал!
Свой отпуск проводили в древней Туле.
Там маленький домишко,старый сад.
Спать приходилось иногда на стульях,
Но был я этим приключеньям рад.
Все взрослые опять сегодня в сборе:
Расселись тесно около стола.
Так много принесла война всем горя,
И этот дом она не обошла.
Родных погибших молча помянули:
Когда фашист на Тулу наступал,
Разорвало снарядом тетю Юлю,
А дядя Петя без вести пропал.
Был мастером известным, между прочим,
От «брони»[2] отказавшись в дни беды,
Отправился на фронт с полком рабочим,
И там оборвались его следы.
Не повезло и маминому брату:
Под Ленинградом ногу потерял.
Был гармонистом,плясуном когда-то,
Теперь же еле-еле ковылял.
Мне так сказал однажды дядя Боря:
«О всех погибших помнить мы должны!
Для всех людей война — большое горе!
Пусть повезет прожить вам без войны!»
Засыпали свинцовые метели
Тех,не судьба которым уцелеть,
А выжившие в мире жить хотели,
Любить,рожать детей и песни петь.
Вот баба Ксенья,тетя Галя,Толя...
Смеются, говорят уж невпопад:
Разобрало всех пьяное застолье,
Того гляди затянут: «Хазбулат...»
А после — танцы! Жаль,что позабыты
Мелодии, что помню с детства я:
Как солнце Аргентины,«Рио-Рита»
И трепетное «Танго соловья».

[2] Бронь — освобождение от службы в Армии в связи с востребованностью профессии в промышленном производстве. (Примечание автора.)

Не блекнет это все в душе с годами,
Как иней на оттаявшем окне...
Там мамочка, такая молодая,
Читает сказки и баллады мне.
На улице дожди заморосили.
Там холодно. А на душе покой.
Узнал я,что живем мы все в России,
Что нет нигде другой земли такой!

СТРАНА ЧИСТОПРУДНАЯ[1]

***Караваева Ольга Михайловна**, 69 лет,*
ведущий инженер-конструктор
НПО «Гелиймаш» (1965–1998),
ветеран труда, пенсионерка,
г. Москва

Быстро летит время. Я теперь редко бываю на Чистых прудах. Почему-то не влечет туда. От многого отвыкаешь.

Вспоминаю ли я детство, школу, институт?Да, конечно, ведь это большой и важный период жизни. Как же это далеко... и в то же время близко!

Но сегодня меня случайно «занесло» на Чистые пруды. Бывает и так. Выхожу из метро (теперь это станция «Чистые пруды», бывшая «Кировская»), Мясницкая улица — знакомые лестницы, старый вестибюль, двери... Вот перед моими глазами трамвай и памятник Грибоедову. И почему-то я ему шепчу: «Привет». Как его возводили, я хорошо помню, уже училась в школе.

Иду по аллеям Чистопрудного бульвара и невольно всматриваюсь в лица прохожих, ищу знакомые. Но почему-то ищу их среди молодых людей. Стоп! Мои знакомые и друзья — уже пожилые люди, они по-другому выглядят, и вряд ли мы друг друга узнаем. Вот Харитоньевский переулок, наша 310-я школа, красная, кирпичная, вот 7-я наша клиника, поворот — и наша улица Жуковского[2]. Дом № 2, № 4, вот и дом № 8. Но все другое, чем прежде: и улица, и дома. В них не осталось той теплоты жизни, которая сохранилась в моем сознании. Живут ли здесь вообще люди?Какие-то темные, полукаменные здания, офисные окна, дорогие машины на тротуаре. И дом

---

[1] Продолжение. Начало см.: Караваева О.М. Уходили мужики на войну защищать свою родную сторону // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений /Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. — Тула: Гриф и К, 2010. — С. 228–231.

[2] Николай Егорович Жуковский (1847–1921) — механик, математик, основоположник гидроаэродинамики, один из основателей русской авиации.

Николая Егоровича Жуковского — не тот. Его перестроили и передвинули с его законного места. Бревенчатый, двухэтажный дом не могли реставрировать — бревна сгнили. И дом заново построили подобно старому. Убрали наши старинные, чугунные ворота, поставили современные решетки. Наглухо заперли вход во двор. Двора уже тоже нет. Вырублен дорогой наш «Серебристый тополь». Нет памятной мемориальной доски — ее разбили и не реставрировали. Все уже не мое, не наше. Все какое-то маленькое, серое.

Двор нашего детства был солнечным, большим и громким. Нас, послевоенных малышей, было много: шесть или семь 1947 года рождения, четверо-пятеро — 1946 года, человек восемь-десять — довоенных. Эти держались обособленно — они были уже студенты и старшеклассники. У них была своя жизнь и свои интересы. А нас-то была целая «тимуровская команда» со своим штабом на чердаке трикотажной фабрики.

1952 год. Жаркое лето. В детский сад не берут тех, у кого родители — не рабочие и матери — домохозяйки. Родители вынесли тазы с водой на солнце. Вода нагрелась, и мы сидим в этих тазах, оцинкованных ванных, купаемся на воздухе. Мы плещемся, поливая друг друга, перетаскиваем наши «бассейны» на солнечные места, уходя из тени. Бегаем босиком в одних трусиках, подливаем воды из трубы с краном, предназначенной для полива двора. Счастье! Домой не затащишь.

Валику — Валюнчику-пупунчику — мама принесла здоровый ломоть хлеба с маслом, посыпанный сахаром. И всем принесли что-нибудь подобное. Двор в цветах, в палисаднике липа, клен, груша, рябина. Старушки на лавочках. Все под присмотром, чужих не пускают. Здо́рово и здоро́во. Асфальта еще не было — земля, песок. К вечеру начинаются игры в города, железную дорогу, беготня. Копаемся в песке, ковыряем землю, откапываем интересные для нас вещи.

Раньше, до революции, на заднем дворе была конюшня, потом пожарники стояли — были лошади. Мы откапывали лошадиные зубы, подковы, какие-то костяшки (мы их называли «чертов палец»), гладкие, как ручка ножа. И почему-то много было глины на детской площадке. Мы ее выбирали, смачивали водой, разминали и лепили из нее всякие разности: чашечки, кружечки, блюдечки, кувшинчики, танки, пушечки; потом клали на крышу подвала. Все это высыхало на солнце, и мы играли в свои незатейливые игры — «дочки-матери». Лепили из глины «Эскимо» на палочке, оборачивали фольгой от шоколада и бежали за ворота на улицу, позабыв про запрет родителей выходить из двора. Матери стращали, что нас могут украсть цыгане или нехорошие дяди, а мы все равно убегали на улицу, так как там было много интересного. Хотя бдительность у нас была чрезвычайная — конфетками нас было не заманить.

Но улица все равно к себе тянула. Там была другая жизнь, бегая до Харитоньевского переулка, мы неслись смотреть на Рину Зеленую. Она вечером, часам к 17 поближе, выходила на прогулку со своим мужем. У него всегда

был галстук-бабочка. Мы в восхищении шептали друг другу: «Черепаха Тортилла». Петька, наш предводитель, и Валюнчик–пупунчик нахально предлагали: «Тетенька Тортилла, купите "Эскимо",— и протягивали наше мороженое из глины. Дяденька «с бабочкой» покупал пару таких эскимо за 2–3 копейки, а мы, довольные, что они поддержали нашу игру, бежали покупать квас из бочки, стоявшей на Лобковском переулке (теперь улица Макаренко).

Мы, конечно, слушались и слышали родителей, но любопытство брало свое. Во-первых, машина-«поливалка» каждый день приезжала заправляться водой в конце улицы, у 5-й типографии. Там стояла колонка. Когда машина заправлялась водой, мы смотрели и ждали, как она поедет по улице, разбрызгивая на солнце разноцветным веером воду по мостовой и тротуару. А мы с криком бежали впереди машины, стараясь попасть под эти потоки и брызги. Это был такой восторг: мокрые, чумазые, счастливые!

А вот и лошадка белая — цок, цок, цок — везет бочку к колонке. Лошадку ведет дядя с большими усами, как у Буденного, и нам с ним тоже надо к колонке. Чтобы там поплескаться под краном.

Мостовая, выложенная булыжником — неровная; тротуар — под асфальтом, но кое-где есть и булыжник, отполированный прохожими. У каждого двора высился гладкий дорожный камень, как мы тогда полагали, чтобы привязывать лошадей (а мы с них прыгали). Потом они исчезли, мостовую и тротуары заасфальтировали где-то после 1953 года.

В домах у нас было дровяное отопление, и на «заднем дворе» стояли сараи. Вот уж где мы гоняли по крышам, перелезая по ним во двор к «Колизею» и на Чистопрудный бульвар. А зимой прыгали с крыш в сугробы. Зимы тогда были снежные. Родители вместе с нами делали ледяные горки, заливали площадку под каток. И зимой, и летом наш двор — наше царство и спортивная площадка для игр.

Часто мы видим дяденьку без ног, в один и тот же час передвигавшегося на своей тележке, отталкиваясь от булыжников с помощью каких-то «чурочек» в руках. Он был в гимнастерке с орденами. Еще один дяденька был на костылях и с деревянной ногой. Проходил мимо нас и дяденька без руки, с протезом в черной кожаной перчатке в неподвижном рукаве. И мы замолкали — хотя они все нам приветливо улыбались. Мы понимали — это война! Она нас тоже не отпускала, хотя мы ее и не видели. Но у нас были старшие братья и сестры, которые были в эвакуации с матерями. И мы невольно слышали скупые слова о войне от старших. Эти воспоминания были горькими и тихими. Нас как будто боялись испугать, но мы были любопытны и слышали больше, чем полагалось. Поэтому и в наше поколение война вошла в кровь и душу как страшное горе, большая человеческая боль. На ней погибли наши дяди, деды, умерли бабушки, о них вспоминали наши родители и близкие с большой печалью и слезами.

Потом все дяденьки-калеки как-то внезапно исчезли с улицы.

1953 год. Умер Сталин. Этот день врезался в память. В 6 утра отец пришел со службы и сразу включил, молча, приемник. Доиграла траурная музыка, все вскочили. Отец сказал: «Умер Сталин». Родители сразу ушли к соседям. Все стали собираться на коммунальной кухне. Она у нас была метров 20. Дядя Сеня, фронтовик, многодетный отец (13 человек детей), в одних кальсонах выскочил из своей комнаты с напряженным, перекошенным лицом. Они с отцом вышли пошептаться на веранду. Мы жили в бывшей квартире Николая Егоровича Жуковского, и на лестничной клетке у нас была веранда перед входом в квартиру. Это место было у нас для курящих и для наших игр в плохую погоду. Там находился целый склад ненужных вещей, старой мебели. Женщины заплакали: «Что теперь будет?!» Потом пошли прощальные дни и похороны Сталина. Нам запрещали выходить на улицу и носиться по крышам.

Мой брат Олег и сестра Валентина сбежали на похороны. Мать волнуется: «Где они?» Отец раскричался: «Ты знаешь, что там творится?! Надо идти искать». Но все обощлось — они вернулись поздно вечером. Отец запретил им бегать по центру. Но они, хорошо зная район, по крышам пытались пробраться к Колонному залу. «Там такое творится! Смертоубийство — люди давили друг друга. Мы решили вернуться». Но Олег с ребятами на второй день все-таки добрались до прощания с вождем. Мама за него очень беспокоилась. Брат был высокий, под два метра, красавец с очаровательной улыбкой и «золотым» характером. Сильный, спортивный. Мы его обожали, на него можно было опереться — защитник, гордость семьи.

Через несколько дней пошли похороны, венки... Это хоронили уже людей, погибших на похоронах Сталина. Говорили, что калош, валенок, разной обуви и одежды выгребали с улиц очень много. Наш двор в эти дни был безлюден. Только мы носились по крышам сараев и чердаков, по лужам из тающего снега. Лишь позднее мы поняли, какая трагедия прошла мимо нас.

Видимо, учитывая те печальные события, нас не выпускали из школы встречать Гагарина в 1961 году. Родители, у которых были телевизоры, забирали нас из школы группами. Но вечером мы с одноклассниками и соседями из нашего дома все-таки попали на Красную площадь и были вместе с восторженными москвичами. А на встречу Титова мы пробрались с демонстрантами и дошли от Кировской до Красной площади.

Мы были вместе со своей страной. Этого не забудешь. И горе, и радости объединяли нас. До сих пор мы встречаемся с одноклассниками и друзьями по двору.

В 1957–1958 годах вдруг стали появляться во дворе дяденьки, которых мы не знали. Старушки шептали: «Вернулся такой-то», — и молча провожали его взглядом до подъезда. Однажды появился высокий старый человек, лысый, с большим красным носом. Анна Петровна, бабушка

одной девочки, выбежала, пытаясь спрятаться от него в подъездах двора. А он преследовал и полунасмешливо «окая» кричал:

— Онюта! За что же ты меня посадила? За то, что я сказал: «Сталин — г?.. Так он и оказался им. Признайся, Онюта, ты это от ревности?

— Уйди. Я — старая партизанка. Не позорь, пьяница, охальник, гуляка.

— Не бойся. Я уже женился в лагере. Оставляю тебе и детям квартиру с коммунистическим приветом. И не порти больше жизнь никому и детям тоже.

Больше мы его не видели. Это был дед Л. Говорили, что он был военный, с «тремя ромбами», знал Тухачевкого и работал с Ворошиловым. Анна Петровна потом любила рассказывать, как Тухачевский бывал у них дома и играл на скрипке.

Пересудов потом было много на лавочке под тополем. Говорили, что в партии его не восстановили. Саму Анну Петровну в доме не любили. Выяснилось, что не один дед был ее жертвой. И сама она себя сгрызла ненавистью и завистью к людям.

Но жизнь продолжалась. Люди приходили в себя, оттаивали от горя, лагерей, войны. Все шло своим чередом. Это теперь кажется, что люди были лучше и добрее, но, как и во все времена, люди были разные. При этом всегда было больше хороших.

В нашем дворе собирались на танцы со всей улицы. Дядя Леня Булаев (фронтовик) ставил патефон на подоконник 1-го этажа в своей комнате, и «плыли» пары, танцевала наша молодежь. Приходили с других дворов фронтовики. Любили танго, фокстрот. Звучал Козинцев, Оскар Строк, старые довоенные пластинки, фронтовые. А мы крутились вокруг и смотрели, изображали танцы, пока нас не загонят по домам.

Двор был веселый, все и все были на виду: четыре двухэтажных дома, большие чугунные ворота, которые дворник закрывал на ночь. Большой раскидистый тополь возвышался над двумя домами, раскинув по крышам свои тяжелые ветви, серебром отливая на солнце, железо крыш. Он был такой большой, что в любой дождь служил зонтом — и на лавочках за столом всегда можно было переждать любую непогоду. А старшие ребята прыгали по его веткам и развешанным веревкам, изображая Тарзана.

В 1960 году стали выселять из подвалов. И все стали ждать своей очереди на квартиру, потому что жили все-таки в плохих коммунальных условиях. Ждали, что в доме Жуковского будет музей. Но ждать пришлось долго.

Приезжал к нам сам Андрей Николаевич Туполев и другие ученики Жуковского, уже пожилые люди. Туполева все окружили. Одет он был просто: в каком-то пальто с каракулевым воротником и шапке «пирожком». Он рассказал, как Жуковский проводил лекции по аэродинамике и как они испытывали пропеллер — открывали все окна, создавая сквозняк.

В то время на 1-м этаже дома находилось общежитие Москонцерта; из окон звучала музыка, доносились стихи Есенина и Маяковского. А с «чер-

ного хода» квартиры можно было видеть валявшиеся разбитые виолончели, арфы, гитары, балалайки (которые мы растаскивали по своим комнатам).

Запомнились слова А. Н. Туполева: «Николай Егорович говорил: “После меня в моем доме будут жить простые и небогатые люди. Но дом будет стоять”». Ученик «отца русской авиации» очень огорчался, глядя на облупленный вид этого знаменитого дома. «Тополь жив, — тихо приговаривал. — Да, нужен музей этому гению». Дом-то числился под госохраной, закрепленной декретом Ленина.

Приезжала и внучка Жуковского к своим подругам детства, жившим в соседнем строении.

В нашем дворе жили и «бывшие» дворяне, служащие, вдовы белогвардейцев и бывший домовладелец. Правда, говорили с измененными фамилиями. Но это было понятно. Такое время. Выживали, кто как мог. Злобы на них не было среди старших, а мы не понимали: соседи и соседи.

Во двор выходили старики, домовладелец (изменивший фамилию и ставший бухгалтером) Василий Михайлович — дед за 80, со сверкающей на солнце гладкой лысиной, с женой Таисией, женщиной с рыжими волосами и экстравагантным видом и поведением. Вроде, она была артисткой в театре оперетты (в наше время кинотеатр «Колизей»). Она была на 30 лет моложе него. Гладила его по плечам (а дед Вася, как кот мартовский, широко улыбался, опираясь подбородком на свою палку) и щебетала: «Какая была жизнь! Как мы катались, Вася! На тройке, да с бубенцами, да по Харитонью переулку». А мы все слушали и спрашивали, что здесь было и почему мы находим столько лошадиных костей и зубов.

Умерли они незаметно, друг за другом.

Вечером под стук печатающей машинки мы продолжали посиделки, слушая песни старших обитателей, старшеклассников. Это вдова белого офицера зарабатывала свой хлеб, для матери-«графини» и «Верлиоки», своей няньки. Они жили втроем в квартире № 8. Говорили, что в этой квартире когда-то жил меньшевик Мартов и даже бывал Ленин.

Зимой мы бегали на каток, на Чистые пруды. Старое деревянное здание зеленого цвета с буфетом и вечной очередью, огороженный пруд-каток. По кругу парами и гуськом рассекаем каток. Школьные соревнования, уроки физкультуры на улице, место зимнего отдыха не одного поколения.

«Аннушка» — звонкий трамвай, кинотеатр «Колизей», утренники, фильмы «Чапаев», «Тарзан», «А если это любовь», тир, буфет, концерты перед сеансами... Все это было в калейдоскопе моих ровесников, одноклассников, сокурсников, друзей, родни и всех, кто жил в Чистопрудных переулках.

Люди работали, отдыхали, росли, умирали, переезжали. Жизнь шла. Мы видели пример своих родителей. Они у нас все жили дружно, и мы росли в заботе и любви. У всех было желание учиться, притом хорошо, стремление получить специальность. Хотели работать. Все выросли приличными людьми. Спасибо нашим мамам и отцам за это! Да и всем хорошим людям, соседям, окружаю-

щим нас. Мы видели трудную жизнь, нас научили ценить и уважать старших. Не «хапать», достойно себя вести. И хотя впоследствии все разъехались по спальным районам Москвы, хоть редко, но по мере возможности мы общаемся до сих пор. Многих, конечно, уже нет на этой земле. Новые москвичи удивляются: как мы здесь из центра оказались?.. В центре живут теперь другие, очень мало осталось москвичей. Коренным москвичам там уже не купить жилплощадь.

Мы жили и работали на совесть. И деньги не были «кумиром» нашей жизни. В семьях ценились верность, порядочность. Все было испытано временем и войнами.

Конечно же, в наше время «и вода была мокрее, и снег белее», но в семье всегда царила ответственность за детей, их воспитание, а в школе учителя были авторитетом и хорошими воспитателями. А сейчас у молодых женщин на первом месте карьера, работа, а потом дети и муж. К сожалению, женщины почему-то потеряли ориентир на свое предназначение и великое слово «Мать».

В каком-то смысле мы потеряли свою страну детства, юности, зрелости. Что приобрели?Стало хуже или лучше?Наша страна не стала нам чужой и безразличной. Она просто другая. А может быть, не надо на нее смотреть через темные или розовые очки?У одной реки разные берега — левый и правый. И к себе надо тоже предъявлять счет — к своему мышлению, поведению. Любить и свое прошлое, и настоящее. Не за деньги же можно купить любовь.

Время пришло для любви и открытия сердец — Богу теперь опять угодны не алчные люди, не потребляющие, а дающие. Наступает время совести, справедливости и любви. Любви к ближнему, к своей малой и большой Родине, к окружающему миру.

КОММУНАЛКА[1]

Москвина Татьяна Александровна, *69 лет,*
инженер Института радиовещания и телевидения (1965—2004 гг.),
почетный радист, мастер связи, ветеран труда
г. Москва

Тихий двор, старый дом в центре Москвы. Коммуналки. Мое счастливое детство. ...В квартире пять комнат и небольшая темная кухня. В самой маленькой комнате жил Петр Карлыч, пожилой грузин, помню — мы побаивались его черных усов, гортанного с акцентом говора, да и самого

[1] Продолжение. Начало см.: Память должна быть долгой...// Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений / Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. — Тула: Гриф и К, 2010. — С. 226–227.

Перед Первомайской демонстрацией я и Анна Климентьевна (1952 г.)

слова «Карпыч». В соседней комнате — Талочка, так звали соседи украинку Наталию Ивановну с забавной фамилией Шкода. Она курила «Беломор», любила пофантазировать, рассказывая о своей молодости, носила на указательном пальце кольцо с красным камнем, называя его кольцо-маркиз. И подрабатывала стирая белье тем, кто позажиточнее. В двух смежных комнатах (а это уже роскошь!) жила семья Хаткевич — польских кровей. Все Хаткевичи работали на Главпочтамте, что на улице Кирова (нынче Мясницкая, как встарь). А это было, как теперь говорят, — престижно. В самой уютной комнате, с окном в садик жила моя неродная бабушка — Анна Климентьевна (написала неродная, а она была мне роднее родной). Помню, кто-то во дворе со зла сказал: «Да неродная она тебе». Мне было лет 5–6 и я долго-долго плакала, пока бабушка не сказала мне: «Никого не слушай; мы с тобой бабушка и внучка».

Моя мама сдружилась с Анной Климентьевной во время войны. Отец мой на фронте, Климентьевна одна, ее муж пропал в 1937 году, но об этом никогда не говорилось вслух. Его большой портрет висел в его комнате, а я всегда, когда стала постарше, говорила: «Это Шаляпин». После моего рождения в 1946 году Климентьевна стала лучшей бабушкой на свете.

Еще один эпизод или событие, которое сегодня просто немыслимо. До окончания войны в маленькой 10-метровой комнате жили мои мама и папа, а бабушка Анна Климентьевна жила в соседней квартире в большой 18-метровой комнате с дубовым паркетным полом, лепниной на потолке, печкой с изразцами (квартира была «побогаче»). А после того как появилась я, она сама предложила, даже настояла — чтобы мы трое переехали в ее комнату, а она в нашу 10-метровку, ей этого хватит. «Мне уютнее здесь, а вам просторнее будет». Так мы и обменялись площадью. Сегодня, когда каждый м^2 идет на вес золота, такой обмен на грани фантастики.

Я пишу все это для следующей книги воспоминаний и размышлений «Мы помним...» в преддверии Первомая 2013 года, а вспоминаю как старую, добрую сказку Первомай 1953–1954 годов. Накрывается стол в большой комнате Хаткевичей. И за столом — все кто с чем пришел: Талочка с салом, Карпыч с вином, бабушка с пирогами, мама моя (а она была мастерица готовить) — со студнем и заливной рыбой. Наша семья — гости из соседней квартиры. За столом 8 взрослых, я и маленький Андрюшка Хаткевич тут же. В честь праздника нас одарили воздушными шарами и леденцами «петушок на палочке».

Все собрались после Первомайской демонстрации веселые, радостные, возбужденные. Как это было давно! Как хорошо, что это было! Коммунальное застолье, открытые окна, да и дверь квартиры редко запиралась днем. Заходите, люди добрые! С праздником! Мир, май, труд...

Моя подруга Ольга Караваева на встрече одноклассников по случаю 30-летия выпуска сказала: «Мы почти все с 1947 года рождения и сели как бы в одну электричку отправлением в 19:47...» И у меня родились следующие строки.

Электричка 19:47

Да, наша электричка 19:47.
Подруги фраза в душу мне запала.
С какого она тронулась вокзала,
С какими остановками пошла?
Не вышла я на нужном полустанке,
Промчался поезд с громким свистом мимо.
А может, я была бы там любима,
И понята, и счастливо жила?
Попался мне попутчик роковой.
«Поедем дальше, милая, со мной».
Казалось мне, что лучше не найду.
А через час он спрыгнул на ходу...
Несется электричка сквозь года...
Куда приеду я? Куда?..

Я ГОРДИЛАСЬ СВОЕЙ СТРАНОЙ

***Носова Светлана Сергеевна**, 78 лет,*
профессор Национального исследовательского
ядерного университета «МИФИ»,
доктор экономических наук,
г. Москва

Я помню, как вся семья 9 мая 1945 г. прыгала от счастья, что мы победили. В меня вросло чувство гордости за нашу страну, за беспримерный подвиг всего нашего народа, в том числе и моего отца, которые спасли нашу страну, освободили многие страны Европы от фашизма.

Мой отец Носов Сергей Афанасьевич, 1907 года рождения, старший техник-лейтенант, начальник технического снабжения, погиб 18 ноября 1942 года «при катастрофе самолета Ут-2»[1].

[1] Родился отец в Борисоглебске Воронежской области. Похоронен на кладбище с. Берестянки Сасовского района Рязанской области. См.: ЦАМО, ф. 58, оп. 818883, д. 1685, л. 39.

Светлана. 17 лет

Уже более 70 лет прошло после мая 1945 года, а для меня и моей семьи День Победы остается самым великим праздником России. Последние годы я хожу в этот день в сквер у Большого театра в Москве. Тысячи людей... Кто-то ищет своих однополчан — таких с каждым годом все меньше, кто-то, как я, приходит, чтобы поклониться воинам-освободителям всего мира от фашизма. Бывает и такое увидишь: «В прошлом году из 931-го стрелкового полка пришли двое. В этом году не нашел никого». Внук держал в руке табличку с номером батальона, полка и дивизии, а пехотинец стоял, опираясь на его руку, и плакал, как ребенок. Такие простые слова и боль пехотинца остаются в памяти навечно. В сквере Большого театра каждый год обновляется панорама: «Спасибо за жизнь!»

9 мая в последние годы организуется шествие Бессмертного полка, посвященное Дню Победы в Великой Отечественной войне. Это потрясающее событие, хотя суть проста: сказать «спасибо» за подвиг может каждый, взяв фотографии и портреты своих родных — защитников Отечества. По городам России прошли миллионы: в едином строю, под крики «Ура!», с цветами и флагами. Этому людскому океану, казалось, нет конца и края. С фотографий военных лет смотрят те, кто ковал Великую Победу, те, кто погибал на фронтах, умирал в фашистском плену, и те, кого до сих пор считают пропавшими без вести. Словно колесо истории внезапно повернулось вспять — у этого Бессмертного полка, как у тех, кто дожил до Победы, есть возможность пройти по Красной площади и вместе с живущими ныне напомнить всему миру: мы победили. Ширится число участников «Бессмертного полка» и за рубежом.

Среди участников акции — Президент Российской Федерации Владимир Путин. Он с портретом отца Владимира Спиридоновича Путина. «Ценность этой инициативы в том, что она родилась не в кабинетах, не в административных структурах, а в сердцах наших людей. Это показывает то уважение, с которым мы относимся к поколениям, защитившим страну. Это показывает и является знаком того, что мы будем держать высоко планку, которую они поставили. Это также говорит о нашей уверенности в себе, в своих силах и в счастливом будущем наших детей»,— отметил Владимир Путин[2].

Сталин для меня и нашей семьи был ВСЕМ. Отдать жизнь за Сталина — для нас были не пустые слова. В нашей семье не было репрессированных, более того, я до сегодняшнего дня не встретила людей, чьи родственники были репрессированы. Может быть, поэтому так вошла в мою плоть и кровь безмерная любовь к Сталину как победителю фашизма,

[2] Бессмертный полк. Москва. Электронный ресурс: http://parad-msk.ru/

Наша семья. 1950 г.

так она и «зацементировалась» пожизненно. В квартире на стене всегда висел портрет Сталина во всех регалиях. Это было как знамение. Трудно сказать, как это произошло, но имя Сталин для меня и сегодня — это ВСЕ. Вплоть до сегодняшнего дня все мои поступки совершаются под символом Дня Победы! Чувство гордости, что я живу в великой стране, пронизывает все клеточки моей жизни. Все, что я делаю — с любовью или отчаянием, — связано с этим.

После гибели отца его соратник и друг Иван Иванович Букин дал слово, что останется с семьей погибшего друга и воспитает его детей: и сына Вячеслава, и меня, дочь Светлану. Так оно и произошло. Из Серпухова (мы жили в общежитии военного городка) мы переехали в Воскресенск Московской области, а отчим (к которому мы относились как к отцу) в том же 1942 г. ушел на фронт. В 1943 г. произошел интересный случай — в дверь стучат и громко кричат: «Иван здесь проживает?Сейчас он в вагоне, раненый. Срочно бегите». И мы побежали. Не знаю, каким образом, но его оставили лечиться в Воскресенске — у него было ранение в голень правой ноги. От ампутации он отказался. Ему было 29 лет; это был мужчина неописуемый красоты. Не знаю, что помогло, но ногу ему сохранили. Мама за ним ухаживала. В октябре отец, прихрамывая, вернулся домой. Мы плакали от счастья.

В 1945-м мне было 7 лет, моему брату Славе — уже 10 (он дожил до 77 лет, был кандидатом технических наук, доцентом Саратовского технического университета, впоследствии директором института строительства мостов и тоннелей), сестре Людмиле (от отчима и мамы) — 1 годик. Мама всю войну шила по заказу военное обмундирование, парашюты, сумки, варежки. Денно и нощно. У нее это получалось. Маленькая дочка все время плакала (Людмила стала биологом, всю жизнь проработала на «закрытом» предприятии в Узбекистане, имеет троих детей). Машинка стучит, нужно успеть в срок. Дети, конечно, сами по себе.

Что я помню?Худо-бедно, но мы всегда были одеты. Однако с продуктами было тяжело. Отец из-за больной ноги не мог найти работу. Он стал вязать оригинальные кофточки для женщин с виноградными гроздьями на груди и рукавах. До сих пор вспоминаю эти кофточки и хотела бы их возродить: красота неописуемая! Вяжутся жгуты из белой и зеленой шерсти. Затем они выстилаются на листе плотной бумаги по рисунку и соединяются ниткой по форме кофточки. Это очень кропотливая работа. Я тоже в ней участвовала.

Как только отец несколько окреп, то решил объединиться с родными братьями. Он понял, что ему одному троих детей не поднять (причем двое не родных). И оставив двухкомнатную квартиру, мы с небольшими пожитками уехали в Саратов. Теперь это мой любимый город.

Его братья были старше. Федор служил у Чапаева. У него была шашк, черный мундир и необыкновенной красоты сапоги. Позднее он был директором совхоза под Саратовом. Умер от туберкулеза, как и его дочь, моя ровесница.

Отец все время искал работу. Жили бедно, хлеба было мало. Ели лебеду, как рассказывала мама, кожуру картошки. Родственники нас постоянно называли «нахлебниками». У бабушки (мамы отца) был рак желудка. Я помню ее жуткие крики от боли. Она постоянно взывала о помощи. И все это в одной комнате. Туалет был на улице. Это было труднейшее время.

Наконец отец нашел работу в качестве управдома. Проработал три года, и нам дали коммунальную квартиру с двумя маленькими комнатами на ул. Некрасова, д. 26. Домик был одноэтажный, деревянный, с печкой внутри. У каждого появилась своя койка и общий стол. Жить стало легче. Через какое-то время отцу дали отдельную двухкомнатную квартиру на улице Некрасова, д. 32, на первом этаже. В мае 1965 г. я уехала в Москву учиться в аспирантуре и в этот дорогой моему сердцу дом больше не вернулась. Но я по-прежнему ощущаю себя саратовской.

В 1946 г. я поступила в первый класс лучшей школы Саратова — № 73. Училась отлично. Школа находилась рядом с Саратовской консерваторией, поэтому мы беспрерывно учились под музыку. Кроме того, вход в наш класс был в зале, где проводились музыкальные занятия. Но мы не реагировали — занимались своим делом. Никто не протестовал. Все школьники вели себя благопристойно. В школе был хоровой кружок.

Училась я на одни пятерки. Мои образцовые тетради вывешивали как пример для подражания. Когда директор школы пришла к маме, чтобы выяснить, как меня воспитывают, мамин ответ был: «Сидит за столом, как прикованная, до трех часов ночи». Если бы они знали, как тяжело мне это доставалось! Когда я делала ошибку, пусть даже на последней строчке последней страницы, я переписывала всю тетрадь. И так постоянно. Нередко тетради переписывала по три раза, чтобы все было без запинки и задоринки. Такая была упертая.

И еще отличалась одной особенностью: решала примеры по математике, которые должны быть на следующем занятии. И все только для того, чтобы быть лидером, быть лучше всех. Ни родители, ни родственники, никто не заставлял меня учиться (теперь я понимаю, что заставить учиться невозможно). Может быть, моя одержимость и страсть к учебе во многом воспитывались постоянным напоминанием ленинских слов: «Учиться, учиться и учиться». Может быть, это — дар, может быть, это — болезнь (когда много адреналина в крови). Думаю, что военное время наложило свой отпечаток — оно требовало отдавать себя полностью своему делу.

В итоге — на протяжении всей своей жизни я учусь. Я не знала слова «лень». Мне не нужно было ее побеждать и заставлять себя учиться, с радостью и с чувством гордости шла я в школу. Мне безумно нравилось прийти домой и на вопрос «Как дела?» ответить: «Все отлично!»

На летние каникулы меня отправили в Тамбовскую область в с. Токаревка. Там жил брат мамы Юрин Федор Андреевич. Он прошел всю войну, вернулся в 1945 г. Семья была из пяти человек, из них — трое детей: две девочки и мальчик. У них был большой дом (как мне казалось тогда) из одной комнаты с печкой. К нему примыкал хлев с коровой. Предполагалось, что поездка в гости позволит подкормить меня. Я была синяя, худющая, кожа и кости. Помню, как однажды испекли блины, и я стала их просто глотать. Через некоторое время мне стало тяжело дышать. Меня вынесли на улицу, положили на землю и стали обмахивать полотенцем. Выжила. С тех пор поняла: переедать — опасно для жизни и здоровья.

Мне было 7 лет. И мне нужно было отрабатывать свой хлеб. Я добела мыла деревянные полы с помощью кирпича (это очень тяжело: стоя на коленях утюжить каждую половицу). За хорошо вымытый пол хозяйка наливала мне из крынки стакан парного молока, это было незабываемое удовольствие. Еще я должна была трудиться на колхозном поле. Вставала в 4 утра и вместе с местными бабами ехала на грузовике собирать колоски, которые остались на поле, убранном механизаторами. Делать это было запрещено, считалось хищением. Нас могли арестовать. Это был риск, нарушение закона. От страха я бежала быстрее всех. Меня останавливали, но я все равно опережала. Все знали, что я отрабатываю за тетю Машу, которая меня кормит. Так что же делать, нужно отличиться! И тетя Маша говорила: «Света моет с таким упорством, что диву даешься». Или в другой раз: «Света смелая».

По железной дороге можно было ездить бесплатно детям до 5 лет. Сопровождающая меня сестра Александра все время заставляла меня говорить, что мне 5 лет. Я отказывалась. Тогда она, уложив меня под одеяло, говорила сама: «Ей пять лет». Проверяющий сомневался: «Да, нет! Ей не пять. Покажите документы». Не знаю, чем заканчивался разговор, но мы доезжали до Саратова.

С самого детства я понимала, что нужно трудиться во благо нашего Отечества. В итоге жизнь распорядилась так, что я поступила учиться в Саратовский экономический институт. Учиться было легко, помогало самообразование. Потом состоялся неожиданный разговор с научным руководителем Константином Ивановичем Топилиным. Он сказал: «Я болен. Скоро умру. У тебя большое будущее. Ты знаешь математику и английский. Сдай кандидатский минимум и уезжай в Москву».

Завет своего научного руководителя я выполнила. Окончила аспирантуру Московского финансового института, успешно защитилась, применив в диссертации все свои знания и по математике, и английскому языку. Была приглашена на должность ассистента кафедры политической экономии

этого же вуза, где проработала до января 1969 года. Затем перешла в Московский институт народного хозяйства им. Г.В. Плеханова на должность старшего преподавателя. Зав. кафедрой политической экономии был д.э.н., профессор Леонид Иванович Абалкин, впоследствии академик, директор Института экономики РАН. Работа в МИНХ им. Г.В. Плеханова под его началом стала отправной точкой моего роста — я защитила докторскую диссертацию, стала профессором кафедры политической экономии. За это мой низкий поклон не только этому коллективу, но и всем тем, кто помогал расти мне в профессиональном плане. Большое влияние на меня оказало общение с коллегами МГУ имени М.В. Ломоносова, особенно с выдающимся ученым современности Юрием Михайловичем Осиповым.

ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ В МОЕЙ ЖИЗНИ

***Плешаков Иван Давыдович**, 81 год,*
полковник в отставке,
г. Тула

Плешаков, 1952 г.

Самым ярким и выдающимся событием тех лет стал День Победы — 9 мая 1945 года. Как запомнил тот день я — девятилетний мальчишка? Об этом знаменательном и долгожданном событии я узнал вечером, когда пришел на выгон встречать нашу корову со стада. Кто-то из взрослых сообщил, что война окончена — Победа. Все взрослые и дети, встречавшие своих коров, радовались, плакали и смеялись, надеялись, что скоро с фронта возвратятся их близкие — отцы, братья, мужья, сыновья. Надеялись и мы, что скоро возвратится наш отчим Черепахин Николай Вакхович. От него долго не было писем, и было извещение, что пропал без вести. Потом, уже зимой 1945 года, он сообщил, что был в плену, его освободили части Красной Армии, и он сразу же был направлен в действующую армию. Николай Вакхович участвовал в боях за освобождение Венгрии и Чехословакии. А после Победы проходил проверку в спецлагерях, и только летом 1946 года его отпустили домой.

Какой была эта первая моя встреча с отчимом? Ведь перед войной я его ни разу не видел. Когда в мае 1941 года мама вышла за него замуж, я находился у моего крестного Василия Афанасьевича Плешакова на станции «Ольховая». А в июне 1941 года, на второй день войны, от-

чима призвали на фронт, вот я и не успел с ним познакомиться. Кто-то из соседей сообщил, что пришел с фронта наш отец. Мы с сестрой Тоней бегом побежали домой. Подбежали к своему двору и видим, что во дворе сидит чернявый, худощавый мужчина в военной форме. Я понял, что это и есть наш отчим. Я подбежал к нему и бросился в объятия. Он сразу прижал меня к себе, а Тоня немного отстала, зашла во двор и остановилась в нерешительности, не зная что делать. Отчим поднялся, подошел к ней и прижал к себе. У него был небольшой вещмешок, отчим достал оттуда по кусочку сахара и угостил нас. Мама пришла с работы только вечером, и, конечно же, было много радости и слез.

Отчим сразу же пошел на работу на свой знаменитый паровозостроительный завод имени Октябрьской революции (завод «ОР») в городе Луганске, на котором он трудился еще со своих юных лет и которому был предан до конца своих дней. Был он специалистом высокой квалификации, принимал участие в изготовлении колесных пар для паровозов, в своем цехе пользовался уважением и хорошо зарабатывал. Нам сразу стало жить легче. Своих детей у него не было, и мы с сестрой всегда были ему родными, относился он к нам с большой заботой и теплотой. Как-то, много лет спустя, находясь «под хмельком», он прижал меня к себе и со слезами проговорил: «Бабка не верит, но вы всегда были для меня родными, и вы, и Тонины ребята, и ваши дети». И, действительно, мы постоянно ощущали его поддержку и внимание, и сами всегда прислушивались к его отеческим советам. Любили его и наши дети — дедушка Коля для них был высоким авторитетом по важнейшим жизненным вопросам.

А время тогда было очень трудное. Особенно тяжело всем нам было в 1947 году. Он запомнился как год голодовки. Накануне, в 1946 году, была сильная засуха и неурожай. Все население основательно голодало. Ведь и в колхозе на заработанные трудодни почти ничего не получали, и на приусадебных участках ничего не уродилось. Картошка была очень мелкой, и мы ее не очищали ножом от кожуры, а варили «в мундирах», а потом уже снимали кожуру. Многие семьи никак не могли дождаться весны — начала роста всякой травы. Ели кору деревьев, желуди. А с наступлением весны шла в ход лебеда, крапива. Мы, детвора, копали на буграх козельцы, очищали их и ели. По лугам искали дикий щавель, касатик и тоже использовали в пищу. В ряде семей были опухшие, имелись и случаи голодной смерти.

Наша семья тоже очень трудно переживала эти времена, но мы все же были в лучшем положении по сравнению со многими другими. Нам и дедушка с бабушкой помогали, и отец по карточкам получал на заводе хлеб, масло, консервы, сахар. Помню, однажды он принес в большой металлической банке килограмма полтора орехового масла. Мы никогда его и не видели, а в этот день впервые попробовали, и оно нам очень понравилось: и сладкое, и душистое, и высококалорийное. Привозил он и сухое молоко — тоже очень сладкое и вкусное.

В крайне тяжелом положении находилась семья моей тетушки Марии Афанасьевны, у них в это время уже было трое детей, а ее муж Андрей Семенович работал сапожником и в то время почти не имел заказов. Однажды был я у дедушки, и к нему со слезами пришла моя тетушка и просила его помочь ей хоть чем-либо. Но ведь у дедушки было много и своих детей и внуков, которые нуждались в его поддержке. Все же он выделил ей немного зерна, которое они перемололи на ручной крупорушке, и несколько дней у них была крупа для каши. А вскоре весной там же у дедушки я играл во дворе и услышал, что меня кто-то зовет с дороги, проходившей за огородом. Смотрю, а это моя тетушка машет мне рукой и зовет к себе. Она везла зерно в поле на посевную и, когда я подошел к ней, сунула мне в руки небольшую сумочку с зерном (килограмма два) и поехала дальше. Вечером она пришла и забрала это зерно. По тем временам это был отчаянный поступок. Ведь за эти два килограмма она могла получить 10 лет тюрьмы.

А какие просто трагические картинки можно было наблюдать в школе! Многие дети никогда и ничего не приносили с собой из продуктов, а у некоторых такая возможность все же была, и с какой завистью и огорчением смотрели на этих счастливчиков остальные ученики, когда на переменках они ели свои бутерброды или просто хлеб, пышки и т.п. У моего одноклассника Мишки Сапельникова отец Касьян работал на элеваторе и имел возможность обеспечивать семью продуктами. Поэтому Мишка часто приходил в школу с чем-либо съестным в сумке. И были случаи, когда наша учительница Валентина Ивановна на перемене выгоняла нас всех из класса на прогулку, а сама у Мишки из сумки брала его завтрак. Об этом Михаил вспоминал в нашей беседе много лет спустя.

В дальнейшем, в 1948–1950 годах, обстановка немного улучшилась, было не так голодно, но все же жили мы очень трудно и бедно. В колхозе за свой труд колхозники получали крайне мало, к тому же надо было платить налог, обязательные государственные займы и другие подати. Все обязаны были сдавать молоко, яйца, мясо, шерсть, шкуры забитых животных. Платили налог и за каждое плодовое дерево в саду, за ульи, у кого они были. Вот и приходилось каждой семье продавать продукцию со своего приусадебного участка, чтобы заплатить эти налоги. Многие вырубали плодовые деревья в своих садах, чтобы не платить за них налоги, переводили скот, вместо коров заводили коз (на коз налог на молоко не начисляли), перестали разводить овец, чтобы не сдавать шерсть.

В 6–7 классах я летом частенько ездил в город Ворошиловград на базар, продавал молоко, картошку. Сама поездка в город была непростым делом. Надо было вставать очень рано (около 3-х часов утра), потом идти до поезда на станцию «Ольховая 7 км» по песчаной дороге. А груз на плече немалый: бидон молока на 5–7 литров впереди, да за спиной в мешочке ведра два картошки. Поездом ехали около часа, потом быстро

шли на базар, продавали и возвращались на вокзал. Иногда мы, ребята, по собственной инициативе собирали за сельской околицей в терновнике дикую ежевику и тоже отвозили на рынок. Деньги, вырученные от торговли, шли на различные семейные потребности, а также на уплату налогов. Потом свою корову мы продали, так как наша Зорька давала очень мало молока, и доходило до парадокса — покупали в городе топленое масло, сдавали государству вместо молока. Купили мы себе две козочки и вместе с другими ребятами и девчатами пасли их по буграм и рощам. Мы же их и доили, заготавливали им корм на зиму. По буграм и перелескам собирали грибы и ягоды. Все это шло на общий стол.

Но, кроме летних каникул, были и школьные заботы осенью и зимой. В эти годы я учился в 5, 6 и 7 классах. Нашей классной руководительницей была Стехина Александра Тихоновна. Она была очень строгой учительницей, мы всегда перед ней дрожали. Вела она у нас русский язык и литературу, а иногда и немецкий, так как преподавателя иностранного языка в школе не было и его часы отдавали кому-либо из других учителей. Любимым моим предметом была математика, преподавал ее Филиппенко Николай Филиппович. Директор школы Барков Николай Петрович вел у нас историю и Конституцию СССР. Историей я тоже всегда интересовался, начиная с истории древнего мира и до наших дней. К 7-му классу количество учеников у нас значительно уменьшилось, и это несмотря на то, что в 5-м классе к нам пришло несколько учеников из Верхней Ольховой. Многие мои сверстники бросали школу, так как не во что было одеться и обуться, особенно зимой. Они пропускали занятия, отставали в учебе, и их оставляли на второй, а иногда и на третий год в одном и том же классе. Бросали школу также из-за того, что надо было работать — сначала дома, а потом и в колхозе. Некоторые поступали учиться в ФЗО или ремесленные училища в Ворошиловграде. Все это привело к тому, что семилетку у нас окончили только 13 человек: 5 мальчиков и 8 девочек.

Учился я средне — в основном на «4» и «5», но бывали и «тройки». В эти годы я пристрастился к чтению художественной литературы. Но библиотека в школе имела слишком малый книжный фонд, все ее книги вмещались в один шкаф, который стоял в канцелярии. Учебников тоже было очень мало, иногда всего один на класс. В школе работали кружки художественной самодеятельности. Я обычно выступал на концертах с чтением стихов. Однажды мы поставили пьесу Фонвизина «Недоросль», где главную роль играл мой друг Ленька Голоднов, а я играл роль учителя Цыфиркина. Этот спектакль мы ставили не только в школе, но и в колхозном клубе, где были тепло встречены колхозниками. С концертом художественной самодеятельности мы ездили в станицу на районный смотр. Колхоз нам выделил пару лошадей с телегой, но мы большую часть пути в 12 км прошли пешком, так интересно было нам обозревать окрестности. Проводили мы в школе и другие пионерские ме-

роприятия — торжественные линейки, смотры, военные игры. Пионеры часто помогали колхозу на сельхозработах: собирали колоски в поле, убирали помидоры и огурцы на огороде, арбузы и дыни на бахче, работали на току с зерном, участвовали в прополке кукурузы с помощью культиваторов. И еще многое другое делали наши детские руки. Появился у нас в 7-м классе и первый комсомолец, им стал Ленька Голоднов. Правда, вступал он в комсомол в МТС, так как в школе комсомольской организации не было. Вот так и жили мы в эти годы.

Плешаковы Иван и Екатерина

Подошла к концу моя учеба в 7-м классе. Шел 1950 год. Встал вопрос: куда идти дальше — учиться или работать?Многие ребята шли в ФЗО или ремесленные училища, получали рабочие профессии, некоторые оставались работать в колхозе. Двое наших парней Михаил Сапельников и Валентин Белинский поступили в спецшколу ВВС в Ворошиловграде, а несколько человек пошли в 8-й класс в станицу. Мы с отцом и матерью поговорили, посоветовались, и я решил поступать в горный техникум. Чем он привлекал?Да только тем, что там платили высокую стипендию и было общежитие. А после окончания предлагалась работа на шахтах, которая тоже хорошо оплачивалась. К тому же, у нас в семье мой дядя Михаил Матвеевич и его сын Юхим Михайлович жили и работали на шахтах.

Я оформил все необходимые документы и подал заявление в горный техникум в Ворошиловграде. Экзамены по русскому языку, математике и физике я сдал на «4» и «3». В приемной комиссии мне сказали: «Ждите решения, мы вам сообщим». Я и жду. Уже подходит 1-е сентября, а мне ничего не сообщают. Мать приготовила чемодан с продуктами и личными вещами, и мы поехали в техникум. В приемной комиссии увидели списки тех, кто принят — моей фамилии не оказалось. Зашли в канцелярию и узнали, что я не прошел по конкурсу, мало набрал баллов. А мы по своей деревенской неопытности даже понятия не имели, что такое конкурс, и не с кем было на этот счет посоветоваться. Забрали мы документы и поехали в станицу Луганскую, где я подал заявление в 8-й класс.

В станице проживала наша дальняя родственница Некравцова (Плешакова) Ольга Ивановна. Ее муж Павел Андреевич работал в милиции, старшая дочь Екатерина окончила институт и уехала по распределению в Херсон, а младшая Надя еще была дошкольницей. Мы обратились

к Ольге Ивановне с просьбой пустить меня на квартиру. Она согласилась. Ко мне присоединилась и моя двоюродная сестра Шура, которая тоже решила идти в 8-й класс. Обговорили все вопросы о проживании и питании. Пищу мы должны были готовить самостоятельно, также должны были привезти свои постельные принадлежности.

Станично-Луганская средняя школа в те времена была единственным средним учебным заведением в районе, поэтому заявлений в 8-й класс было очень много. Сформировали три 8-х класса: 8 «А» составили ученики местной школы, они изучали английский язык, в 8 «Б» и 8 «В» набрали по 40 с лишним человек со всех сел района, мы изучали немецкий. Но уже после первой четверти количество учеников в этих двух классах стало уменьшаться. Многие не осилили высокие требования этой школы, так как уровень подготовки в сельских школах был значительно ниже. Ушла и моя сестра Шура. Из нашей Ольховской семилетки пришло 6 человек, а осталось только двое — я и Леонид Голоднов. Поэтому к концу года осталось только два класса, «А» и «Б». Существенную роль играл и материально-бытовой фактор. За обучение в школе мы платили по 300 рублей в год, плюс ежемесячная плата за квартиру, да еще и питание. Трудно было с транспортом. Автобусного сообщения райцентра с селами тогда еще не существовало, добирались попутными машинами, а я часто на выходные шел пешком 12 км, а назад еще и с мешочком за плечами с продуктами. Зимой, если был снег, шел на лыжах. В лучшем положении находились ученики из ближайших к станице сел: Валуйского, Макарово, Кондрашевки и других. Им хоть и приходилось ежедневно преодолевать расстояния в 5–7 км в один конец, но у них не было проблем с квартирой, питанием и транспортом.

Годы учебы в станице были весьма интересными. Новые учителя, многие из которых были очень опытными и талантливыми. Особенно запомнились: учитель математики и завуч школы Калюжный Иван Михайлович, старейшая учительница школы Наталья Тимофеевна (биология), Мария Абрамовна — русский язык, Надежда Устиновна — украинский язык. Молодая и всеми нами любимая Додонова Людмила Ивановна, наша классная руководительница, вела историю, она много сил и энергии вкладывала не только в обучение, но и в наше воспитание, проводила с нами различные мероприятия, вечера, обсуждения книг, да и просто задушевные беседы о жизни, о нашем будущем. Правда, были и исключения из этого прекрасного ряда учителей. Не любили мы нашего физика Марка Зиновьевича за неуравновешенность, вспыльчивость, пренебрежительное отношение к ученикам. Потому не любили и его предмет.

В станице у нас появилось больше возможностей для самообразования. Кроме хорошей школьной библиотеки, там были детская районная библиотека, общая библиотека, библиотека райкома партии. И все они были к нашим услугам. Я очень любил читать художественную литературу, порой даже в ущерб учебе, тем более, что контроль со стороны старших

отсутствовал. Еще и с освещением было хорошо — электричество не сравнить с керосиновой лампой. В школе появились новые друзья-одноклассники. Особенно я подружился с Сашкой Вакуленковым из Герасимовки. Он жил в станице на квартире, недалеко от меня. Вместе мы ходили в школу и из школы, часто вместе готовили уроки, разбирали трудные задачи, обсуждали книги, иногда ходили в кино. Помню в то время шел многосерийный фильм «Тарзан». В теплые весенние дни бегали на Донец — плавали, прыгали с высоких круч в реку, переплывали на другой берег, чтобы в лесу нарвать ландышей. Все это делало нашу жизнь насыщенной и интересной. Дружба с Сашкой у нас сохранилась на всю жизнь.

Из других одноклассников можно выделить Юрия Андреева, Леонида Золотарева, Андрея Сухаревского, Леонида Филиппенко, Володю Несмеянова. А из девчат Раису Попову, нашу единственную отличницу, которая потом поступила и окончила сельскохозяйственную академию им. Темирязева; Слесаревы Елена и Нина (однофамильцы), Макарова Наталья, Демина Антонина. Со всеми ребятами и девчатами я был в хороших отношениях, постоянно контактировал по различным вопросам. Продолжил я дружбу и со своим односельчанином Леонидом Голодновым. В 9-м классе ему купили мотоцикл. Его отец Евгей — главбух колхоза, мог позволить такое дорогое удовольствие своему сыну. Правда, оно имело и отрицательные последствия. Хорошо, конечно, каждый день ездить в школу и из школы. Он и меня по субботам подвозил домой. Но потом Леонид стал разъезжать на мотоцикле по окрестным селам, завел веселые компании, а это не могло не отразиться на его учебе. По окончании 9-го класса он не сдал один экзамен и был оставлен на осень для переэкзаменовки. Но и осенью он не сдал этот экзамен. Пришлось ему идти в 10-й класс в вечернюю школу.

В 10-м классе моя квартирная хозяйка приняла еще двух квартирантов — Демину Антонину, мою одноклассницу, и ее родственницу Махукову Людмилу, которая только поступила в 8-й класс. А если еще учесть, что и дочь хозяйки Надя пошла в 1-й класс, то станет понятным, что нам уже стало тесновато в небольшом домике. Тем не менее жили мы дружно, по вечерам допоздна делали уроки, а с хозяином Павлом Андреевичем часто обсуждали политические события, сообщения газет и радио. Мы с ним также пытались разобраться в премудростях 4-й главы Краткого курса ВКП(б). Он был членом партии, в их организации изучали Краткий курс, а 4-я глава была чисто философская, и многое в ней было сложным для нашего понимания. А еще я с помощью Павла Андреевича сделал себе турник и стал заниматься физкультурой.

Осенью 1952 года мы с Леонидом Голодновым познакомились с двумя подружками и стали дружить — я с Ниной Крупской, а он с Ниной Бондаревой. Они приехали из Герасимовки в нашу Ольховскую школу в 8-й класс. Однако встречались мы с ними редко, только по выходным, и то не всегда, так как мы учились в станице и приезжали только на выходные, а они по выходным часто ездили к себе домой.

Под новый 1953-й год, уже вечером 31 декабря, ко мне пришел Леонид и предложил идти в Герасимовку к девчатам встречать Новый год. Накануне он видел свою Нину, и она пригласила. Я стал отказываться, так как мои сапоги прохудились, и я отдал их в ремонт соседу. В эти дни стояла оттепель, везде были лужи, а нам предстояло идти по степи 12 км, к тому же в двух местах надо было преодолевать овраги, а там ручьи. Но Леонид продолжал настойчиво уговаривать меня и заверил, что в оврагах он меня перенесет. В конце концов я согласился, пошел к соседу, забрал сапоги и мы отправились в поход. Моей матери Леонид сказал, что пойдем к нему встречать Новый год, так как у него День рождения. Дорогу в Герасимовку через степь знал только я, по ней однажды я ездил на мельницу. Часа два мы шли по степи, преодолевая лужи и ручьи. Леонид легко переносил меня через ручьи, он был крепким и сильным, а у меня вес был небольшой. Пришли мы в Герасимовку уже поздно — около 23 часов. Подошли к дому Крупской — там полнейшая тишина, в окнах света нет, стучать мы не стали. Пошли по деревне, она была небольшой, всего домов 20. Но никого знакомых не увидели ни в одном окне. Побродили еще немного по селу, никого так и не встретили, везде нас сопровождал лай собак. И пошли мы снова в степь. По пути к дому нашли в поле скирду соломы, забрались в нее и улеглись отдохнуть, а с рассветом двинулись дальше. Вот так мы и встретили 1953 год.

В 10-м классе произошло два существенных события в моей жизни: я вступил в комсомол и стал заниматься в кружке аэроклуба. В комсомол наши ребята стали вступать еще в 8-м классе, но я считал себя недостойным звания комсомольца, так как имел много троек. К 10-му классу я улучшил качество учебы и подал заявление в комсомольскую организацию. А кружок аэроклуба в нашей школе возник по инициативе командования аэроклуба города Ворошиловграда, которое направило к нам инструкторов, они провели агитацию среди ребят и укомплектовали группу человек в 15. Занятия проводились в нашей школе и были они в основном теоретические, изучали по схемам устройство самолетов, практику мы должны были получить после окончания школы на базе аэроклуба. Нас предупредили, что по завершении учебы будет отбор в летные училища.

В марте 1953 года произошло весьма важное событие в стране — умер И.В. Сталин. Кем он был для всех нас в то время — общеизвестно. А поэтому на траурном митинге в школе многие учителя и ученики плакали, было всеобщее смятение по поводу того, что теперь будет, как пойдет жизнь дальше. Особенно волновались мы — молодежь. В каких условиях мы будем вступать в новую жизнь?

А жизнь между тем продолжалась. Подошла к завершению учеба в 10-м классе. С 20 мая по 20 июня мы сдали экзамены на аттестат зрелости. Экзамены я сдал в основном на «4» и «5», но было и несколько троек. Однако на выпускном вечере 20 июня я получил испорченный аттестат — фамилия в нем стояла моя, а имя и отчество Виталия Побочного.

В списках класса мы стояли рядом, и оценки в моем аттестате были его, а у него было троек значительно больше. Я сразу же обнаружил эти ошибки и сдал аттестат в канцелярию. Но получить другой аттестат я сразу не смог, так как это документ строгой отчетности, и дирекции школы пришлось делать запрос в область. Только к середине августа мне выдали новый аттестат, к тому же пришлось самому ходить по квартирам учителей и собирать необходимые подписи. Но и в новом аттестате исправили только имя и отчество, а оценки так и остались Виталия Побочного, тогда это было не существенно.

Спустя 5 дней после выпускного я уже прибыл в аэроклуб. Нас поселили в палатках летних лагерей, одели в солдатскую форму без погон, и мы приступили к освоению техники. Изучали два типа самолетов — Як-18 и По-2. На всю жизнь мне запомнился мой первый полет на По-2 с инструктором. Завели мотор, заняли места в кабинах, и инструктор повел самолет. Я не успел осмотреться, а инструктор требует взять управление на себя. Управление этим самолетом было несложным, одной рукой регулируешь газ, а другой штурвалом осуществляешь повороты, при этом еще надо и педали нажимать. Мы выполняли так называемый «полет по коробочке», то есть шли по квадрату. Перед посадкой инструктор вновь взял управление на себя, посадка — это самый сложный элемент полета. У меня при посадке закружилась голова и меня вырвало. Потом пришлось основательно драить борт самолета. В дальнейшем я освоился с управлением самолетом и чувствовал себя более уверенно.

В двадцатых числах августа приступила к работе медицинская комиссия. Отбор был строгий, так как всех направляли в реактивную авиацию. Врачи долго вертели и крутили меня, проверяли состояние моего здоровья. Никаких отклонений в моем здоровье они не обнаружили, но для учебы в летное училище меня не рекомендовали. Комиссию насторожил большой дефицит веса, около 20 кг. Именно по этому показателю я и не прошел комиссию. Я, естественно, был очень огорчен этим, ведь многие мои одноклассники продолжили обучение и стали летчиками. Так, Леонид Золотарев стал летчиком-испытателем (впоследствии он погиб, испытывая новый боевой самолет). Долгую летную службу прошел Иван Костылев. Ну а я забрал свои документы и под известное выражение «Рожденный ползать — летать не может» убыл домой.

Август уже подходил к концу, прием в институты и техникумы закончился, оставались только военные училища. Но ведь именно военное училище меня и привлекало. Вместе с тем у меня закралось сомнение — пройду ли я там медицинскую комиссию? И все же я решил сделать еще одну попытку. Поехал в райвоенкомат, а военкомом в то время был майор Антон Андреев — отец моего одноклассника Юрия. Он выслушал меня, узнал о моей неудаче в аэроклубе и тоже высказал сомнение — примут ли меня в другом военном училище. Спросив, как у меня с математикой, он посоветовал поступать в Сумское артиллерийское училище.

Рассказал об училище, о профессии офицера-артиллериста, и я согласился. Через пару дней документы были оформлены, и уже 6 сентября я выехал в Сумы. Так далеко от дома самостоятельно я еще не ездил.

Сумское артиллерийское Краснознаменное училище имени М.В. Фрунзе (САКУ) было одним из старейших в Вооруженных Силах. Оно было сформировано в 1919 году на базе кадетского корпуса, который в свое время построил сахарозаводчик Терещенко. В училище была хорошая учебно-материальная база и опытный командно-преподавательский состав, в большинстве состоящий из фронтовиков. Экзамены мы сдавали по четырем предметам: русский язык — сочинение, математика — устно и письменно, физика — устно. Все экзамены я сдал успешно, прошел и медкомиссию, на мой рост и вес никто не обратил внимания. С 1 октября 1953 года я был зачислен в училище и приступил к учебе, а 5 декабря, в День Конституции, мы приняли военную присягу, и с этого времени началась моя служба в Советской Армии, которая продолжалась 35 лет.

В ВОЙНУ И ПОСЛЕ В ТУЛЕ

Стародубцева Галина Ивановна, *85 лет,*
пенсионерка, учитель математики,
ветеран труда,
г. Тула

Война

Все мемуары субъективны, это взгляд автора на прошедшее время. Я пенсионерка, всю жизнь проработала учителем математики, вдова участника Великой Отечественной войны, без отрыва от производства воспитала двух сыновей, один из них — участник ликвидации Чернобыльской аварии, ветеран Ордена Мужества.

Стародубцева Г. И.

21 июня 1941 года мне исполнилось 10 лет, а 22-го началась эта ужасная война, и я сразу из сумасбродного ребенка превратилась во взрослого человека. Мама работала преподавателем французского языка в оружейно-техническом училище, училась на заочном отделении в Московском институте иностранных языков, была беременна. В момент начала войны была на экзаменационной

сессии в Москве и, бросив там все дела, срочно вернулась в Тулу. 8 августа родилась моя сестра Ирина (умерла 04.01.2008, отпустив в конце декабря учеников на каникулы). Ирина окончила педагогический институт и до самой смерти преподавала французский язык в школе-гимназии № 30.

В самом начале войны мобилизовали друга нашей семьи Роберта Яковлевича Эймана. Он работал преподавателем в Тульском пединституте и там же заочно учился на физмате. Перед самой войной закончил учебу, уволился из института, получив направление на работу в какой-то район Тульской области, но доехать туда не успел, получил повестку. Его семья сразу была эвакуирована на восток, так что он писал письма на наш адрес, всего два «треугольника». О первом я не знаю, а во втором писал, что лежит в госпитале в Киеве с тяжелыми ранениями в ногу, врачи настаивают на ампутации. «В Киеве творится что-то непонятное, беспорядок». Больше писем от него не было ни нам, ни его семье. Очевидно, там он и погиб. По национальности Эйман был чех, в 30-е годы его семья выбыла из СССР, а он из-за жены остался.

В начале войны Тулу не бомбили, но через наш город куда-то летали фашистские самолеты и потом, отбомбив, — обратно. По два раза за ночь были воздушные тревоги, мы спускались с 4 этажа и бежали в траншею, вырытую недалеко от дома. Я панически боялась немецких самолетов, хотя они летали куда-то мимо Тулы, стреляли зенитки, небо бороздили прожектора. И сейчас не могу смотреть сериалы или кино, где стреляют пушки, бомбят.

В сентябре всех студентов и преподавателей механического института отправили на строительство оборонительных сооружений. Мой отец был преподавателем физкультуры и тоже отбыл со студентами. Мы остались с мамой. Мне 10 лет, брату всего 4 года, Ирина — новорожденная. Помню, как мы с мамой из кухонного окна смотрели на шоссе (ныне пр. Ленина), по которому бесконечно брели в сторону центра сплошным потоком красноармейцы. Усталые, понурые. Иногда проезжала повозка, на ней, очевидно, лежал кто-то раненый. Картина была удручающая, пугающая.

Из артучилища уволили всех вольнонаемных. Я училась в школе № 39, где-то в сентябре нас распустили по домам, а школа стала госпиталем. Ранней осенью мама с нами при помощи сестры отца перебралась к бабушке (матери отца) в центр города, где проживала еще семья отцовской сестры — вдовы с тремя детьми. Вернулся с рытья окопов и противотанковых рвов отец. Когда Тула оказалась в осадном положении, всех мужчин собрали под Тулой, кажется, в Торхово.

В это время немцы уже ежедневно бомбили город, в районе вокзала и там, где были заводы. Они даже во время осады работали, хотя эвакуировали и станки, и сотрудников: здесь ремонтировали подбитые танки и другое вооружение, делали минометы и соорудили бронепоезд. Здорово бомбили и нашу улицу Свободы. Мы не могли понять — зачем?После мы узнали, что на углу улиц Свободы и Л. Толстого был расположен штаб

армии. В церковь Петра и Павла дважды попадали, как и в дом, в котором был хлебный магазин. Первый раз погибло много людей, второй раз были уже руины.

Однажды мама ушла по делам, мы трое остались дома. Объявили тревогу (этот звук воющей сирены!). Я, старшая, кое-как завернула Иру в одеяло, и мы, полураздетые, побежали в траншею. Тихо. Ни самолетов, ни зениток. Прозвучал сигнал «отбой». Мы вернулись в дом. И вдруг... вой самолетов, стрельба зениток, взрывы бомб. Мы ринулись к выходу. Я с Ирой на руках, Олег держится за меня. И тут страшный гром, все черное, ужас! Все ринулись к другому выходу. Там тоже чернота и гром, дом ходуном ходит. Не помню, как мы выбрались и добежали до траншеи. Все живы, но в доме не осталось ни одного стеклышка в окнах. Электричества тогда уже не было. Окна забили досками, фанерой, засыпали между двумя слоями землей. В доме тьма.

Чем мы питались? Карточек продуктовых не было, магазины не работали, но было два места, где можно было получить горячую еду. Одна столовая была в цокольном помещении в многоэтажном кирпичном доме. Он и сейчас стоит на ул. Пушкинской. Там давали тарелку пустых щей из кислой капусты, какую-то кашицу и солянку. Маме, мне и Олегу давали положенное в столовой, а Иринину порцию мы забирали домой, на ужин. Второй пункт питания был на ул. Советской в ресторане гостиницы. Меню такое же. Вот таким квартетом мы и добывали себе пропитание. Однажды во время наших походов во дворе дома взорвалась мина. Осколок пробил то, что было окном, и застрял в шкафу. Если бы мы были дома, то осколок попал бы в кого-то из нас.

В бабушкином доме была кухня, изолированная от комнат. Однажды мы были в кухне, а бабушка топила печь, около которой сушились наши вещи. Упала «вьюшка», и сгорела одна пола маминого мехового пальто, полностью сгорели валенки Олега и голенище одного моего валенка, а также наши варежки. Кажется, мелочь, а для нас это было большой проблемой. Кусок маминого скунсового пальто зашили куском овчины. Половину моего валенка залатали голубой фетровой шляпой. В моих валенках стал ходить Олег, а мне достались отцовские, со срезанными наполовину голенищами. Ходить в них мне было очень трудно. Из дореволюционного бархатного маскарадного костюма тореадора мама соорудила Олегу муфту.

Вот такая «костюмированная» четверка шла однажды по улице Коммунаров. И вдруг увидели чудо! Красивый богатырь, в белом полушубке, белой шапке с автоматом наперевес шел нам навстречу. Это был красноармеец из сибирской дивизии. Мы остолбенели от радости, у нас появилась уверенность. До этого сибиряка военных в Туле я не помню. Увидев после войны картину Иванова «Явление Христа народу», я вспомнила этого сибиряка. Сидя в подвале, мы не знали о сражении наших зенитчиков с танками немцев, не знали об ослеплении немецкой атаки прожекторами в Мясново и Маслово.

Снег в 1941 году выпал рано, рано наступили и сильные морозы. Мама, к великому ужасу бабушки, оставив на ее попечение детей, отправилась в наш дом за постельными принадлежностями в прифронтовую зону. И она ползла в своей рыжей шубе до нашего дома, кое-что погрузила в ящик, как в сани, и ползком назад. Дважды в нее стреляли.

Когда с Тулы была снята осада, вернулся отец. А когда немцев отогнали то ли за Косую Гору, то ли за Ясную Поляну, мы почувствовали себя в глубоком тылу и перебрались в свой дом. В квартире нашей жить было нельзя, т.к. в кухню попала мина, и через дыру в потолке было видно небо. Заняли комнату в другой квартире. Кроме нас, в четырехподъездном доме (ныне по проспекту Ленина, дом № 84-а) жил только дворник с семьей. Мама сшила нам с Олегом стеганые бурки, и мы в них с калошами проходили всю войну. Отец поставил в комнате «буржуйку». В армию его не взяли по возрасту, он занялся восстановлением механического института и подготовкой допризывников. Выдали продуктовые карточки. По карточкам давали грамм 400 макарон из ржаной муки, подсолнечное масло, жидкое мыло, за которым ходили с металлической баночкой. Хлеб давали из сгоревшего зерна, т.к. элеваторы были сожжены, чтобы не достались врагу. Карточки были «детские», «иждивенческие» (которые получали все неработающие люди с 12 лет), «служащие», «рабочие» и какие-то еще, повыше. Нормы продуктов были разные.

Мама в ту зиму шила теплые на вате рукавицы с двумя пальцами для фронта. Крой она получала готовый. Будучи кормящей матерью, она несколько раз сдавала кровь, скрывая, что кормит грудью Иру. За это давали какие-то продукты. С наступлением весны она два раза ходила пешком менять вещи на продукты, километров за 20–30. Это было и очень опасно, и очень трудно.

Я пошла в школу этой же зимой 42-го года. Сначала в свою № 8, училась там несколько дней, т.к. школу заняли под госпиталь. Наш класс перевели в здание на углу Советской улицы и Коммунаров, там тоже учились несколько дней, пока нас не перевели на ул. Дзержинского, около Кремлевского сада. В 10 лет я зимой ходила пешком в такую даль. Теперешний проспект Ленина был узкий, его не чистили, а снега было много. По узкой дороге ехали на фронт, на юг, машины, встречных почти не было. Однажды я присела на сугроб на обочине отдохнуть и заснула. Меня случайно заметил отец.

О детях в те дни старались заботиться особо. Весной 42-го года по рецепту врача Ире прописали питание, которое отпускалось детям до 1 года. Молочная кухня находилась в Заречье, кажется, на улице Володарского. Каждый день я в мешочке приносила сестре три стакана с кашками, ходила пешком через весь город. Трамваи начали ходить, но редко и нерегулярно. Втиснуться в вагон даже на конечной остановке было очень трудно.

Дома завели карту на стене и ежедневно отмечали сводки информбюро.

До войны во дворе собиралась компания ребят: мальчики и девочки из нашего дома и их друзья. Мальчиков в самом начале войны мобилизовали, они сразу попали на фронт. Все затихло, как будто бы вымерло.

Ни один парень из этой компании не вернулся. Мать одного из них после войны сошла с ума, все ждала своего Славика. Все ребята сложили свои головы за нас. До сих пор всех помню.

Весной родители вскопали два участка земли за нашим домом, там, где сейчас корпуса университета, и засадили их картошкой и еще кое-чем. Отец с оставшимися студентами, в основном девушками, с ранней весны каждый день ходил на работу «в парники». В совхозе ему выписали семена укропа, лука, бобов. Огороды были вблизи голодной Тулы, но ни разу не было украдено ни одного куста картошки, не то, что в 90-е годы, когда сытые бездельники выкапывали целые огороды. Тогда эти участки нам очень помогли. Однажды мама наложила мне большую миску свежих огурчиков и отправила угостить ими красноармейцев. Я явилась с перевязкой на правой ноге и стриженная «под Котовского» (так называли стрижку под машинку), т.к. от сидения в подвале завшивела, а волосы отрасти не успели. Солдаты с удовольствием разобрали у такого чучела огурцы. Они клали в миску деньги, я отказывалась, но они говорили, что на фронте им деньги не нужны. Картошку мы хранили в чулане, часть закапывали в глубокие ямы, вырытые за домом, так она сохранялась до весны.

В октябре 42-го года меня определили в 4 класс. Госпиталь переместили на юг, вслед за армией. В третьем классе я почти не училась, но все обошлось, наверстала упущенное. Каждый день во время урока в класс торжественно входила буфетчица с ведром жареных пирожков с начинкой, чем-то похожей на мясо. Учительница расписывалась в ведомости, все были очень рады. Писали мы в самодельных тетрадях, кто на чем. Носили чернила в «непроливаемых» чернильницах в мешочках.

Начал работать и мамин институт в Москве, ее вызвали на сессию. Оставив нас на бабушку, она отправилась в Москву. Карточки свои она оставила нам. С собой взяла котомку с луком собственного урожая, ежедневно меняла пару луковиц на кусок хлеба. В это время уже работал и детсад, и ясли, куда ходили Ира и Олег. Оба эти учреждения были расположены на первых этажах нашего дома.

Летом того года у меня на правой ноге образовались две большие язвы, врачи говорили, «от худосочия». Пока мама не уехала в Москву, она перевязывала мне ногу и мазала какой-то вонючей черной мазью. Это должен был делать в ее отсутствие отец, но он ни разу не дотронулся до моей ноги. Нога чесалась нещадно. Когда вернулась мама, увидела в бинтах вшей, а Олег утверждает, что в ранах были черви. Долго заживало, а шрамы остались на всю жизнь. К зиме восстановили отопление зданий механического института. Мы перебрались в свою квартиру на 4 этаже, к тому времени крышу и потолок в кухне заделали. Из 3-х комнат квартиры мы занимали две, в третью поселили двух офицеров-связистов.

Хотя в 4 классе сдавали несколько экзаменов, нас начали ежедневно направлять на работу в те же «парники», куда ходил отец. Так почти

все лето. Каждый учебный год из-за сельхозработ начинался для младших с октября, а старшие работали и весь октябрь. С этого года мы учились уже отдельно от мальчишек, девочек оставили в школе № 8. В классах стояли вешалки, т.к. в случае воздушной тревоги нужно было быстро выходить из здания.

Мы делали фронтовикам подарки. Некоторые посылали носки, я шила кисеты и писала письма «незнакомому бойцу». Некоторые девочки ходили с концертами в госпиталь. Иногда нас, девочек, водили в какие-то подвалы для перебирания картошки. Все лето 43-го и 44-го годов мы работали «в парниках», туда и обратно ходили пешком. Весной нас там кормили щами из отходов капустной рассады, а осенью давали домой по морковке на человека.

В учебное время ежедневно давали в школе пончики, жареные в масле. Тесто из белой муки. Во время каникул по установленному графику мы приходили в школьный буфет, и нам выдавали сразу по несколько пончиков. Дома из них мы варили очень вкусную лапшу. Однажды отец принес бутылочку рыбьего жиру, дополнительное питание спортсменов. На этом жиру мы жарили картошку. Такой вкусной еды в своей жизни я больше не ела.

Когда мне исполнилось 12 лет, мою «детскую» карточку заменили на «иждивенческую». Не помню, какие были нормы, но все уменьшилось. Поэтому много детей с 12 лет работали тогда на заводах.

В конце 1943 г. у нас была няня Шура, поскольку Олег не мог ходить в ясли из-за состояния пищеварительного тракта. Однажды она уговорила родителей отпустить меня к ней в деревню за малиной. Представьте, тогда — малина! Она вызвала доверие не только у моих родителей, но и у наших соседей по квартире, с которыми долго советовались, отпускать ли меня. Мне дали большой кувшин, денег на дорогу и немного хлеба, и мы отправились с Шурой на Лихвинский вокзал. Тогда были узкоколейные железные дороги, с развитием автобусного транспорта их ликвидировали. Доехали мы благополучно, но к вечеру. Идти до деревни было нельзя: и страшно в темноте, и комендантский час. Остановились в станционном помещении, съели мой хлеб и легли спать прямо на полу. Постепенно все помещение заполнилось девушками, устроившимися, как и мы, на полу. Утром я проснулась... Никого. Я одна со своим дореволюционным кувшином для малины, голодная, ни копейки денег. Вышла на перрон. Встретила симпатичного старичка с белыми усами — это оказался начальник станции. Он рассказал, что все мои ночные соседки — дезертиры. Они мобилизованы то ли на трудовой фронт, то ли просто на фронт. Ночью была облава, всех их арестовали. Все они были молодые колхозницы, но война требовала их труд в другом месте. Мне стало страшно. Не знал, что делать со мной, и «дед с усами». В тот день в Тулу не было ни одного поезда. Он меня чем-то накормил, а вечером остановил проходящий мимо товарный состав и сунул меня

в пустой вагон. В Тулу я приехала глубокой ночью. Никакого освещения, ясное небо со звездами, без луны. Место безлюдное, мне незнакомое. Я пошла по наитию, дошла до южной окраины парка. Здесь уже что-то знакомое, пошла вдоль парка дальше и свернула в сторону механического института. Шла полями. Не встретила ни одного патруля, ни одной собаки, был комендантский час. Явилась я домой на рассвете, усталая, голодная и с пустым кувшином. С Шурой мы больше не встречались.

Когда вернулись из эвакуации механический институт и военное училище, в соседнюю с нами комнату поселили пару. Муж — офицер из училища, казах Сарсебек Чоптаевич Чоптаев, жена — преподаватель института Тамара Николаевна. Очень симпатичные люди, особенно Сарседбек. У него был ординарец, худенький, небольшого роста солдатик Иван. Сарсебек обучал курсантов и постоянно уезжал в двухмесячные командировки на фронт, продолжая обучение на передовой. Возвращался и через месяц опять на два месяца на фронт. После войны он стал военным прокурором Тульского военного гарнизона. Но говорил по-русски плохо. Встретив меня уже взрослую, он сказал: «Галечка, какой ты стал большой и красивый». В постсоветское время в одной из тульских газет была заметка о первых защитниках Тулы. Оказывается, на южных подступах к нашему городу фашистов встретили курсанты под руководством лейтенанта Чоптаева. Вот такая военная история нашей квартиры. Позже семье Чоптаевых дали отдельное жилье.

К лету 42-го года с улиц Тулы убрали противотанковые надолбы и «ежи», закопали все рвы. Убрали оборонительные заграждения из мешков с землей на ул. Коммунаров, которые защищали зенитчиков, остановивших танки Гудериана. Туляки были абсолютно уверены, что фашисты больше не приблизятся к городу, что мы в тылу. В городе появились раненые фронтовики. У нас был почтальон без одной руки.

Когда маму вызывали на сессию в институт, то деньги она оставляла мне. Я каждый день ходила на базар (сейчас это Центральный рынок) и покупала у теток один стакан какой-то крупы. Сейчас я думаю, что это была молотая пшеница или рожь. Дома из нее варили какую-то похлебку. На базаре появились искалеченные молодые мужчины. Тяжело было не только тыловикам, но и военным инвалидам. Я на всю жизнь запомнила одного. Молодой, красивый, спортивного типа парень без обеих ног. Передвигался на самодельной деревянной тележке, отталкиваясь руками от земли. Кажется, я была по-детски в него влюблена. Он сновал между рядами торговок крупой, вареньем, молоком, зеленью. Очевидно, ему подавали. Этого парня на базаре я видела каждый день. Потом, не помню когда, все инвалиды, кроме нашего почтальона, с улиц и базара Тулы исчезли. Никто не задумывался, куда.

Я не помню ни одной политинформации или классного часа в школе. Помню, как принимали в пионеры в сквере напротив детского универмага. Воспитывало время, война. Мы учились, следили за сводками с фронта,

работали на полях, посещали госпитали. Иногда на грузовом трамвае для школы привозили каменный уголь. Трамвайные пути тогда проходили посередине проспекта. Мы, девочки, разгружали и переносили уголь ведрами в школу, им топили печи в классах.

В 44-м году Олег пошел в школу. Никто не отводил и не приводил этого семилетку, все сам. Тетради ему шили из бумаги, которую приносил отец из механического института. С одной стороны она была светлая, а с другой постепенно темнела. Разлиновывали горизонтальные линии и косые под определенным углом. В первый день учебы мы не могли дождаться из школы Олега, тихого, послушного мальчика, до самого вечера. Мама, отец и я обшарили все возможные пути Олега. Вечером он явился сам. Цел, невредим, ходил в гости к новому товарищу в Серебровский поселок. Братца отругали, и повторных отклонений от заданного пути следования домой у него больше не было. Позже Олег окончил механический институт, работал в Москве конструктором, главным инженером, директором завода, стал многодетным отцом. Его старшему сыну 54 года, а младшей дочери 14 лет.

Светомаскировка сохранялась, пока не выгнали немцев за пределы нашей страны, сохранялись и бомбоубежища. В сводках с фронта, в передачах по радио и в газетных новостях сообщалось о наших успехах, героических подвигах красноармейцев и зверствах фашистов. О наших потерях, наших пленных мы узнавали через несколько лет, иногда от фронтовиков-инвалидов.

Я считаю, что наша семья пережила военное лихолетье не очень голодая, многие жили хуже. Мама нашла дополнительную подработку. Подруга познакомила ее с родственницей, женой тульского начальника. Мама хорошо шила, ей давали шить какие-то вещи, а расплачивались манкой и подсолнечным маслом. Мама приглашалась на судейство спортивных соревнований, и однажды ее премировали «американским подарком» — вязаной шерстяной кофточкой василькового цвета. По размеру она подходила мне, но пока я ее с трепетом надевала, она вся расползлась. Помощь от «рядовых американцев» часто была обыкновенным рваньем. Но случались исключения: моя подруга, с которой мы сидели за одной партой с 5-го по 10-й класс, одевалась в американские шелка, даже когда училась в медицинском институте.

После снятия осады работающим иногда выдавали ордеры на промтовары. Наша семья дважды получила ордеры на «отрезы» для пальто. Эти «отрезы» продавали на толкучке или меняли на еду. Помню ордер на пошив туфель, но их сшили так, что ходить в них мама не могла, они достались мне. Ноги в них болели, но я их носила.

В 43–44 годах организовали пионерские лагеря. Я попала в Суходол. Везли нас туда в кузове грузовичка. Кормили хорошо, ежедневно давали по 1–2 дольке американского шоколада. Я их аккуратно собирала, не съела ни одной, только облизывала. Привезла их своим младшим. Они не знали даже вкуса шоколада, а я была с ним знакома до войны. Однажды в ла-

герь привезли на лошади целую телегу огурцов. Мы выстроились в очередь и, получив один огурец, выстраивались в хвост очереди за другим.

В школе появился новый учитель географии, участник войны, контуженый. У него на уроках случались припадки, он падал на пол и бился в судорогах. Девчонки-старшеклассницы наваливались на него чуть ли не всем классом, чтобы он себя не поранил. Долго он в школе не проработал.

Однажды мы удивились, узнав, что старший брат нашей одноклассницы Леры Пеньковой сбежал на фронт. Увидели его мы после Победы. У него была искалечена рука, на груди медали. Он доучился в школе, потом окончил пединститут.

Девочки получали похоронки на своих отцов, но это было как-то обыденно, горе не показывали. Отец одной из одноклассниц, Раи Флеймер, погиб, не доехав до фронта. Фашисты разбомбили эшелон, идущий к передовой.

Мои воспоминания похожи на отдельные эпизоды из жизни девочки, которой очень повезло. Мне не довелось узнать, что такое фашистская оккупация, не видела я, как вешают и убивают людей. Не пережила я ужасов Ленинградской блокады, не видела последствий боев, погибших солдат, не работала в 12 лет на заводе у станка. Мои сверстницы растаскивали и хоронили трупы наших защитников и немцев после Курской дуги. Много лиха пришлось пережить детям войны. Я бесконечно благодарна Богу и нашим великим советским воинам. Я помню каждого знакомого, кто не вернулся с войны, я благодарна сложившим свои головы «у незнакомого поселка», вернувшимся израненными, контуженными и тем, кто вернулся невредимым.

После войны

Наконец, по радио мы узнали, что Германия капитулировала, наступил мир. Это не было неожиданностью, все мы ждали конца войны со дня на день. Но радость была неописуемая, казалось, что все сразу станет лучше, как раньше, до войны.

Я пошла в центр города. Там радостные толпы женщин распевали песни под гармошки (гармонисты — тоже женщины), плясали, обнимались. Были и такие, что тихо плакали и даже рыдали. Действительно, «праздник со слезами на глазах». Появился мужчина в военной форме. Его «тетки» схватили и начали подбрасывать. Люди кричали: «Да здравствует товарищ Сталин!» Я смотрела с замиранием сердца, боясь, что его уронят. Вечером был салют. Пушки стояли на стадионе «Пищевик» дулами на юг, откуда шли в 41-м фашистские танки.

Начались будни. Те же карточки: и продуктовые, и промтоварные. Страна-то в разрухе, особенно колхозы. Иногда по карточкам «на крупы» получали макароны из ржаной муки. Такие длинные, толстые макароны с большим отверстием посередине, в которое можно было и смотреть, и дуть. Вполне вкусные, но я мечтала о белых макаронах. Олег не помнил, какие они были до войны, а Ира их и не видела, не знала, что бывают другие.

Мама еще в 1944 году, закончив Московский пединститут, была принята на тогда же открытый факультет иностранных языков в нашем пединституте, на кафедру французского языка. Была поглощена работой и шитьем-перешитьем для нас, чтобы мы трое выглядели прилично. Так что мне опять приходилось ходить за крупой на базар и варить какой-то супец на примусе и керосинке.

Для современного человека полезно знать, что представляла из себя та часть Тулы, где мы жили. Керосин продавали там, где сейчас хлебный магазин «Нива». Тогда там стоял двухэтажный деревянный дом, где была пекарня, а во дворе — керосиновая лавка. Иногда за керосином приходилось стоять в очереди. Наливали его в сохранившиеся с довоенных времен металлические бидоны (в бутылку было нельзя), литров 5–10, и тащили их на себе. В трамвай с керосином не пускали. Напротив, где сейчас детская библиотека, был одноэтажный дом. Дальше по четной стороне ул. Коммунаров (теперь проспект Ленина) были новые многоэтажные дома, частично заселенные, и на углу у «Толстовской заставы» стоял четырехэтажный «дом специалистов» с несколькими пробоинами на фасаде — следствие боев за Тулу. Дальше шли «проезды» — улочки частных домов, перпендикулярные проспекту. Затем поле, недостроенный корпус механического института, опять поле и наш дом с пробитыми крышей и потолком в нашей квартире. Метров через 300–500 стоял дом Тульского оружейного завода. Во время боев половина его сгорела, после войны к целой половине пристраивали что-то, а потом снесли. После этого опять поле.

Трамвайные линии тогда проходили посередине ул. Коммунаров, а на ул. Жаворонкова стояла высокая водонапорная башня из темного кирпича с художественной кладкой. Вокруг башни был круг из трамвайных рельсов и конечная остановка «Толстовская застава», и сама ул. Жаворонкова так называлась. От этого кольца шла односторонняя колея «косогорского» трамвая. Ходили два вагончика. Чтобы они могли пропустить друг друга, были тупики. Напротив нашего дома была остановка «по требованию». Дальше — территории винного завода. Сзади школы лесок, «посадка». Таким образом, наш дом стоял тогда на самой окраине Тулы.

Между тем, Тула постепенно преобразовывалась. Вместо женщин-милиционеров, очевидно, мобилизованных, стали появляться мужчины. Мы знали, что война продолжается где-то в Китае и Японии, приходили и оттуда похоронки, и запоздавшие с запада. Узнали о страшном разрушении Хиросимы и Нагасаки американцами.

К лету 45-го года открылся детсад в нашем же «профкорпусе», туда водили Иру. 1 сентября Олег пошел во второй класс, а я в седьмой. Это считалось выпускным классом, окончанием неполной средней школы. В дверях нас встречал тот же «довоенный» Фрол Палыч, вроде швейцара. В классах уже отсутствовали вешалки, их перенесли на место — в раздевалку — подвальное помещение, которое во время войны было бомбоубежищем. Уголь для отопления печей в классах привозили теперь

не на грузовом трамвае, а прямо во двор школы на грузовичке. Так что уголь мы больше не носили на себе. Те же пончики, посыпанные сахарной пудрой, те же учителя. Появился завуч Сазонов, довоенный, вернувшийся с фронта. Очень мягкий, никогда нас не отчитывал, даже если было за что.

Все школы были прикрепленными к каким-то предприятиям, нашим шефом был винный завод. Однажды, придя в буфет за своим пончиком, мы почуяли странный запах. Самые опытные девочки определили, что пахнет водкой. Нашим учителям (как и мы, полуголодным) шефы привезли сухофрукты, на которых настаивали водку для производства вин. Нам стало понятно, почему наша учительница математики Клавдия Михайловна, дав нам задание, заснула. Мы ее не осуждали, сочувствовали — она с голоду наелась этих сухофруктов, пропитанных водкой. Все молчали, за пределы класса это происшествие не вышло, уважать меньше нашу «потерпевшую» мы не стали.

Ранней весной на шоссе появились пленные немцы. Какие-то задрыпанные, серые. Они ремонтировали шоссе, по которому в Тулу рвались танки Гудериана. На немцев никто не обращал внимания, ни ненависти, ни жалости к ним не было. Охранял их один наш солдатик с ружьем на плече.

Запомнился особенный день в нашей жизни. Выйдя на перемену после первого урока, в коридоре мы увидели пленных немцев. Впервые. Они что-то ремонтировали. Паршивенькие, подавленные, пугливые, но ненависти к ним не было, даже у военных сирот. Мы сначала опешили, а потом начали, как ужаленные, бегать по коридорам, визжать, кричать. Немцы жались по углам, а мы, очевидно, хотели показать им, какие мы сильные, смелые и не боимся их. Так продолжалось весь день. Больше мы их не видели.

Начались выпускные экзамены у 7 класса. Единственный трояк у меня был по русскому языку (за диктант). Даже немецкий, который я в 5 классе принципиально не учила по патриотическим соображениям, освоила, наконец, на «4». Конкуренция была в классе. Плохо учиться было не принято. Торжественное собрание, выдали свидетельства и из трех седьмых классов сделали два восьмых.

Много читали, не пропускали ни одного нового фильма, особенно любили документальные, которые менялись раз в неделю и рассказывали о жизни страны. Показ был обязательным перед каждым художественным фильмом, очень интересно, романтика!

Летом мама отправила Олега и Иру к бабушке (своей матери) на Сходню. Я должна была быть дома, оставлять надолго квартиру было нельзя. И мне повезло: мама купила билеты в Большой Театр на «Травиату» и «Князя Игоря». Места выше балкона по центру зала, под самым потолком, недорогие, но все видно и слышно. Вызвала меня в Москву на 3–4 дня. Жила она там летом в квартире дяди Бори, своего брата (известного психолога Б. М. Теплова), семья которого снимала дачу на Николиной горе. Большущая комната, заставленная книжными

шкафами. Я все дни сидела на подоконнике открытого окна и читала Шекспира, а вечером с мамой — в театр. Больше я в Большом не была.

С 8 по 10 класс мы пересмотрели все постановки Тульского драмтеатра, знали всех актеров. Особенно переживали за артиста, у которого был протез левой руки. Кто ходил в театр редко — не замечал этого. Летом бывали гастроли театров из других городов. Мы копили деньги на билеты. Прослушали «Чио-Чио-Сан» и «Евгения Онегина», смотрели «Лебединое озеро», из оперетт — «Сильву» и какую-то современную (может быть, «Вольный ветер»). Тогда, кроме здания ТЮЗа, было еще одно здание театра — теперешняя филармония.

Многое сейчас кажется безумным. В конце лета Олег и Ира возвращались в Тулу. Одному 9 лет, другой — 5. Бабушка довезла их до Москвы, их встретила тетя Таня (жена Б. М. Теплова), посадила в тульскую электричку, а мы их встретили уже в Туле. Олег нес все имущество, а Ире бабушка дала нести утку в подарок маме! Утка была небольшая, обработанная, но Олег жаловался, что Ира отказывалась ее нести. Думаю, я своих сыновей одних в электричке не отправила бы. Но для того времени это было обычным явлением.

В 8 классе нас приняли в комсомол. Очень торжественно, приглашали в райком человек по пять, вручали комсомольский билет и значок, мы давали клятву. Иногда в начале учебного года нас снимали с уроков для уборки урожая в совхозе. Первое полугодие русский язык и литературу нам преподавал фронтовик. Даже мы не считали его «стариком». Высокий, стройный, в военной форме без погон, мы его обожали. Потом его назначили директором другой школы, фамилия Холин, кажется.

В 8 и 9 классах я занимала первые места среди школ Тулы по лыжам. В 9 классе меня наградили книгой «Тихий Дон» — это был почти запрещенный роман. На уроках мы изучали «Поднятую целину». Мой «Тихий Дон» прочитали, по крайней мере, оба девятых класса. Я с большим трудом вернула книгу, девчонки вели целое следствие, кто кому передавал. Вид у книги стал жалким, потрепанным, вместо корешка «под кожу» моталась ситцевая тряпочка. Но хорошо еще, что книгу не «зачитали».

В 9 и 10 классах, два года, я избиралась в школьный комитет комсомола, отвечала за спортивный сектор. Все школы были распределены по спортобществам, нашим шефом был «Спартак». Я выступала за него на соревнованиях по лыжам и легкой атлетике. Физкультуру у нас преподавал, по нашим меркам, «старик». Занимались мы в актовом зале или в Пушкинском сквере. Он муштровал нас в строевом шаге, что пригодилось позже. А вообще, на его уроках мы делали, что хотели. Он был безразличен ко всему, кроме строевой подготовки. О предстоящих школьных первенствах города я узнавала в «Спартаке». Сама формировала команды, составляла заявки, кто-то из девочек подписывался за медработника, которого в школе не было, подсовыва-

ла директрисе на подпись — и команда на старте. Наша школа среди отстающих не числилась.

В 9 классе тульскую команду школьников — лыжников и конькобежцев — на зимние каникулы повезли в Тамбов на зональные соревнования. Приехали, а там плюсовая температура, почти весь снег растаял. Мы, лыжники, все-таки выступили, шли по жидкой глине темно-желтого цвета, иногда попадались отрезки снежной лыжни. Конькобежцы все дни просидели в школе, в которой мы остановились. Из лыжников помню Ю. Трошина, из конькобежцев О. Закуренова, который потом, уже студентом, стал чемпионом страны по стрельбе. Финал таков. Нянечка, проявив инициативу, взялась сушить наши валенки. Там тоже было печное отопление. Несколько валенок сгорели, мои начисто, ничего от них не осталось. Возвращаться пришлось в лыжных ботинках, изготовленных в одной из «спартаковских» артелей. Рыжий верх и тоненькая резиновая подошва, шерстяных носков у меня не было. Приехали в Тулу, а тут сильный мороз. Пока добралась до дома, чуть не обморозила ноги. Вообще мне на сгоревшие валенки везло. В чем я дохаживала зиму 48–49 годов — не помню.

В 9 классе мы стали участницами школьных танцевальных вечеров. Школа-то женская. Разрешали приглашать мальчиков только из мужской школы № 4, человек по 15–20. Кому-то из девчонок поручали оформление пригласительных билетов «утвержденного образца», и только я, пользуясь уважением и доверием директора О. Н. Алмазовой, шла к ней ставить на эти билеты школьную печать. По просьбе девочек я всегда штамповала лишние билеты, прятала их в рукав и давала секретарше пересчитать то, что было «законным». Праздники отмечали 1 мая, 1 января, 7 ноября и 5 декабря (день сталинской конституции). 9 мая был обыкновенным рабочим днем. Собирали деньги и приглашали духовой оркестр.

На стадионе «Зенит» заливали каток. Я так и не научилась кататься на коньках, ноги «вихлялись». Стояла за барьером и завидовала. На катке смех, музыка играет, веселье — не то что лыжи. Хотя и у меня бывали приятные моменты. Помню: парк, все деревья в инее, идет редкий крупный снег. Я на аллее, стою на лыжах. Никого кругом, тишина, как в сказке. Очень часто вспоминается это по утрам.

Стадион «Зенит» располагался к юго-востоку от кремля. Он был более благоустроенным по сравнению с «Пищевиком». Футбольное поле, вокруг гаревая дорожка, сектора для метаний и ямы для прыжков. Высокая трибуна с западной стороны, теннисные корты, летом был даже душ, правда, холодный. Все большие соревнования проводились на «Зените». Особенно много народу было на футболе. Появились новые послевоенные спортсмены-фронтовики Демьянов (будущий директор школы № 20), Сомов, Королев (с перебитой рукой), знаменитая тульская партизанка, еще довоенная спортсменка, дискобол Жаворонкова.

Многое менялось в жизни. В 9 классе ввели школьную форму: темное платье и черный фартук — рабочая, каждодневная и с белым фартуком — парадная. С черным фартуком было все, как у всех, а вот белый... Мама сшила мне фартук из бабушкиных или даже прабабушкиных дореволюционных панталон. Кипельно белых, широченных, чуть ниже колен с отделкой кружевами — «шитьем». Фартук получился изумительной красоты, всем на зависть, один единственный такой, но я его ненавидела, т.к. он был не как у всех. Я вообще не любила выделяться, но другого фартука не было.

На площади Восстания стоял памятник Ленину. К первомайской и октябрьской демонстрациям строили деревянные трибуны. Первыми шли спортсмены-физкультурники (я их не видела, т.к. наши колонны стояли и ждали своего времени где-то в самом начале ул. Советской). Демонстранты двигались по Советской улице мимо трибун. За спортсменами — школы. Наша, 8-я школа, всегда шла первой (кстати, мы были первыми и при введении формы). Стройной колонной 9 и 10 классы девочек шли строем, чеканя шаг. Все в белых фартуках, белых носках и в 48-м году в красных кокошниках, сделанных из картона, а в 49-м году в красных беретах вместо них. Впечатление у начальства и публики было незабываемое. Никаких флагов, транспарантов или портретов, только скромная эмблема 8-й школы, которую несли учителя. С трибуны нас поздравляли, кричали: «Да здравствует тов. Сталин!» Мы, как солдаты, орали: «Ура!» Опять мы первые, лучше всех!

Самое интересное, что помню о 9 классе — поездка в Крым. Летом 1948 года группу девочек старших классов решили отметить. В группе было 12–15 человек и руководительница. Не знаю, по какому принципу формировали группу, я это заслужила лыжами. Из нашей школы было пять человек: Ася, только окончившая школу медалистка, уже зачисленная в МГУ, Тася, дочь секретаря горкома партии, моя подруга и еще две девочки моложе на 1–2 класса. Билеты всей группе были заказаны заранее. Провожал нас отец Таси. Наш вагон оказался забит полностью, даже имея плацкартные билеты, секретарь горкома партии смог втиснуть туда только половину группы во главе с руководителем. Остальных оставили на завтра (в том числе и меня). На следующий день в переполненный вагон Тасин папа втиснул нас, остальных. Меня сделали ответственной за всех. Я бы сейчас такой девице, какой я была тогда, не доверила. Очевидно, я одна была из многодетной семьи, неблагополучной, остальные девочки были «маменькиными дочками». Я, как большой начальник, и моя подружка, как приближенное ко мне лицо, сидели «на тамбуре», ноги стояли на верхней ступеньке (они тогда не убирались, а двери вагонов не запирались). Куда смотрела проводница? Мы на свежем воздухе, а мои подопечные в переполненном вагоне. Доехали.

В Симферополе нас встретила руководительница, и мои полномочия прекратились. Жили мы в Алуште и в Ялте в гостиницах, в тесноте, кровати впритык. Помню узенькие улицы, ограниченные каменными заборами, домов из-за них не было видно. Был поход на Ай-Петри с ночевкой, к Ласточкиному гнезду и — море, море, море. Денег нам дали немного. Я, как старшая сестра, экономила и привезла домой фрукты. Больше я в Крыму не была.

К началу учебного 1949-го года Ира была определена в 1 класс той же 8-й школы, куда мне предстояло пойти уже в 10 класс. В школу мы ходили вместе с ней, а домой Ира возвращалась одна. Она была меньше всех в классе, слабенькая. Очевидно, сказалось ее пребывание в подвале во время осады Тулы в первые месяцы ее жизни. Олег, уже самостоятельный пятиклассник, учился в той же школе № 17 на ул. Гоголевской. Мама преподавала французский язык в пединституте и штурмовала аспирантуру. Она — глава нашей семьи и надежда на лучшее.

В сентябре проводили первенство школ по легкой атлетике на «Зените». Я заняла вторые места на 100-метровке и в прыжках в высоту, и у меня там, где мы переодевались, украли единственную юбку. Было очень трудное время и для страны, и для нашей семьи.

Не могу забыть, как профсоюзные тети из механического института обидели семилетнего ребенка, мою Иру. Был новогодний утренник для детей сотрудников. После представления все дети выстроились в очередь для получения гостинца, была в этой очереди и Ира. Когда она подошла, ей сказали: «Тебе подарок не положен, твой отец не платит членские взносы в профсоюз». Нашли, кого наказать за неуплату взносов! Многие из этих теть жили в нашем доме и знали жизнь нашей семьи. Профсоюзные взносы были мизерные. Можно представить, как обидно было Ире. Это была последняя капля, переполнившая чашу нашего терпения. Мама подала на развод с нашего согласия, посоветовавшись с Олегом и мной.

Когда готовились к выпускному вечеру, закуску к столу покупали в одном из открывшихся тогда коммерческих магазинов, и я как носильщик ходила туда с одной из мамаш. Впервые увидела копченую колбасу, но больше поразило меня то, как продавщица тоненьким ломтиком резала ее на трофейной машинке. К этому времени достроили 2 корпус механического института. Пленные немцы построили кинотеатр «Центральный», студенты при помощи одних лопат равняли землю для институтского стадиона. Заделали пробоины на «доме специалистов». В квартире появился телефон...

Спасибо стране, партии, я говорю это искренне, спасибо школьным учителям и самой школе, спасибо моей маме! Все, что я написала, не более чем субъективные воспоминания. Может быть, что и не так, но искренне и от души.

ВОСПОМИНАНИЯ О ПОСЛЕВОЕННОМ ВРЕМЕНИ[1]

***Пинаев Олег Иванович**, 79 лет,*
инженер, ветеран труда, пенсионер,
многодетный отец,
г. Москва

Я родился в 1937 году. В 1944 году пошел в первый класс, в 17-ю мужскую начальную школу на улице Гоголевской. Это трехэтажное здание цело и сейчас. Там по-прежнему учебное заведение. За школой — храм Александра Невского и рынок. На рынке мы покупали перья, самодельные тетради, иногда молоко в стаканах. Занятия по военной подготовке в школе проводил инвалид войны. Использовали площадку перед церковью. В подготовку входили артикулы с мосинской винтовкой. Многие ребята поднять ее на плечо не могли, так как были ослаблены. Имитацию прицеливания делали только лежа. В классе было много ребят из детдома. Они были старше нас, держались дружно, но обособленно. Нас не обижали. Эти ребята не имели возможности учиться в оккупированных фашистами районах. Они иногда давали нам лизнуть свое «лакомство» — смесь джема и маргарина в баночке из-под гуталина. В школе нас подкармливали пончиками с сахарной пудрой — объедение!

Олег Пинаев и Слава Давыдов

Из школы мы шли по улице Гоголевской до улицы Коммунаров, где останавливался трамвай. По пути в аптеке на углу дома мы покупали витаминки поштучно. Эта аптека цела и сейчас.

Помню, какое было в Туле ликование, когда кончилась война. Всюду танцы, музыка. На центральном стадионе «Пищевик» был дан салют из зениток. Салюты бывали и до, и после, но этот, победный, — особенный.

После войны многие туляки участвовали в расширении Центрального парка имени Белоусова. Для этого сажали деревья на юге парка, на месте бывших

[1] Продолжение. Начало см.: Пинаев О.И. Мои военные воспоминания // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. Ч. 1.— Тула: Аквариус, 2015.— С. 465–473.

позиций зениток. В 40–50-е годы везде было много посажено лесозащитных полос вокруг полей и вдоль дорог. Школьники собирали и сдавали в аптеку лекарственные травы, семена деревьев и кустарников. За ведро семян получали мячик. Сдавали также майских жуков, во время массового лета ловили их целыми шапками.

В 1948 году я перешел в 20-ю среднюю мужскую школу, что находилась рядом с нашим домом. Директором тогда был Н. В. Смирнов. Само здание было мне хорошо знакомо, так как в войну там был госпиталь, и мы, детсадовцы, ходили туда с концертами. Раненые нас угощали конфетами.

Учась в средней школе, я активно занимался спортом: лыжным, конькобежным, велосипедным, легкой атлетикой. Лыжная и велосекции располагались в центральном парке, а конькобежная — в Тульском кремле. Там был хороший стадион «Зенит», а зимой — каток. Кстати, перед всесоюзными конькобежными соревнованиями каток заливали из громадного самовара, поставленного на сани. А позже — привозили воду из бани. Лед получался очень гладким. (Кстати, позднее во всесоюзных соревнованиях я участвовал как судья.)

В каждой секции нас экипировали, выдавали спортивный велосипед, коньки, лыжи с ботинками, спортивную форму. Во время соревнований и перед ними снабжали талонами на усиленное питание на фабрике-кухне. Спортинвентарь и питание были бесплатными.

Во Дворце пионеров на площади Челюскинцев был военно-морской кружок, где изучали мины, торпеды, военную сигнализацию, учились вязать морские узлы, плавали на бронекатере вверх по Упе. Бронекатер маскировался на правом берегу реки в кустах напротив водной станции около Чулковского моста. Здесь занимались греблей на шлюпках.

Моя школа была мужская, в ней был хор, тоже мужской. Мы объединялись с большим женским хором телефонной станции (станция была с ручным коммутатором). Песни пели патриотические: «Партия — наш рулевой», «Врагу не сдается наш гордый “Варяг”»...

В школе я занимался в кружке танцев, изучали вальс, мазурку, па-де-катр, польку, падеграс и др. Танго и фокстрот были запрещены, но на школьных вечерах только их и танцевали. На вечера приглашали по билетикам девочек из женских школ. Билеты доставались только комсомолкам-отличницам, остальных мы втаскивали в окна первого этажа или проводили через котельную. На таких же полулегальных условиях мы посещали женские школы.

Учились в те годы 6 дней в неделю; на выходные часто задавали писать сочинения. Их обычно писали в центральной библиотеке, где сейчас музей самоваров (около кремля).

В старших классах в целях профориентации я организовывал экскурсии на Косогорский металлургический комбинат, на сахаро-рафинадную фабрику, колбасную фабрику. Не знаю, есть ли сейчас такие в Туле...

Однажды хотел провести экскурсию на шахту где-то за Косой горой. Работник шахты показал мне штрек, где тонкий пласт угля, лежа на боку, шахтеры рубят кайлом и выволакивают на стальном листе. Он мне сказал: «Если такое увидят, то никто из школьников не придет к нам работать». Экскурсия не состоялась.

В конце войны на витринах магазинов в центре города появились люминесцентные вывески. Это было очень красиво и нарядно. По вечерам многие горожане гуляли по улице Коммунаров (сейчас — проспект Ленина), стали работать кинотеатры «Форум», «Пионер», потом построили «Центральный».

Моей мечтой было поступить в механический институт и стать конструктором. Желание что-то делать самому у меня было с детства. Я сделал деревянный самокат на подшипниках, улучшал работу бумажного репродуктора, чинил старинные механические настенные часы 1872 года, электрических тогда не было. Эти часы у меня дома и сейчас ходят. Делал из конструктора самолетик с пушками из гильз малокалиберной винтовки. Заряжал их серой со спичек.

Когда начал заниматься фотографией, то мы с моим другом Славой Давыдовым (в дальнейшем он стал Вячеславом Викторовичем Давыдовым — доцентом, замдекана политеха) изготовили камеру обскура. Фотоаппаратов в продаже не было. Фотобумагу использовали солнечную, еще довоенную. Сейчас ее мало кто помнит. Для работы с «солнечной» бумагой темнота была не нужна, а при контактной печати негатив и бумагу держали на солнце очень долго, наверное, минут 30, пока не появится четкое изображение коричневого цвета. Моим первым фотоаппаратом был «Комсомолец» с пленкой 6 х 6 см. Потом я переделал его под пленку 24 х 36 со звуковым счетчиком кадров. Изготовили из фанеры фотоувеличитель. Пленку 6 х 6 сначала резали из просроченной аэрофотопленки, которую доставали в больших тяжелых бобинах. В те годы мало у кого был фотоаппарат, и каждый выход на улицу давал много интересных снимков людей, улиц, трамваев, машин.

Машин на улицах после войны было мало, каждую старались запечатлеть, в том числе встречались и трофейные. Из глины старались сделать отпечатки шин. А когда появились нарядные красные трамвайные вагоны, мы стали экспериментировать, какая пленка лучше — панхроматическая или изохроматическая. Все пленки были отечественные — шосткинские или казанские. Пленки проявляли вместе с Давыдовым в «фотолаборатории» под столом, завешанным одеялом. Из-под стола обычно торчали 4 ноги, но когда помогал младший брат Давыдова Толик — то 6.

В 20-й школе у нас классным руководителем была Ольга Сергеевна Сюзева — прекрасный педагог. Психологию и логику по учебнику ту-

ляка, моего дяди, Теплова Бориса Михайловича вел молодой учитель, спортсмен-боксер. Он нас на уроках боксу тоже учил.

За семь десятилетий, конечно, фамилии и имена учителей забылись. Завуч небольшого роста во френче и усах стоит иногда у приоткрытой двери, слушает. Пальцем поманит кого-нибудь, и испуганный школьник идет к нему на полусогнутых. Учительница по географии, молодая женщина, задавала рисовать и раскрашивать акварельными красками карты разных стран. Химию преподавала строгая принципиальная дама по фамилии Рождественская. Я у нее вел химический кружок, вероятно, делал это плохо, так как на вступительном экзамене по химии в институте она мне поставила «4». Эта отметка могла повлиять на выбор факультета. Я был зачислен на машфак и всю жизнь считаю выбор удачным.

Когда умер Сталин, город был в трауре. Некоторые школьники хотели поехать в Москву на похороны, но поезда не ходили, а другого транспорта не было.

В школе проводилась подписка на займы восстановления и развития народного хозяйства.

Жили в то время, конечно, бедно. Я ходил в школу в красной спортивной куртке и лыжных ботинках. Когда мама по требованию завуча перекрасила куртку в черный цвет, она стала как новая. Первый костюм мне купили только к выпускному вечеру в конце 10 класса. Он был мне велик, но мама, хорошая портниха, мне его «подогнала».

С питанием было неважно, продукты давали по карточкам, их отменили лишь в 1947 году. В Москве с продуктами во время войны и после было лучше, чем в Туле. Мать, возвращаясь с экзаменационных сессий, привозила из столицы масло, сахар, белый хлеб. Большим лакомством было намазать масло на хлеб и посыпать сахаром. В продаже конфет не было, мы делали их часто таким образом: растворяли сахар-песок в молоке или воде, выливали в сковороду и кипятили до выпаривания, застывшую карамельную массу потом кололи и ели — это было наслаждение!

Во время и после войны хлеб пекли с картошкой. Он был плохо пропечен, прилипал к ножу, поэтому нож все время смачивали в воде. Продавали хлеб по карточкам, вразвес, с довесками. Муку выдавали только по праздникам пакетами по 2 кг. Хорошим подспорьем в питании являлись огороды, на которых выращивали картошку, помидоры, огурцы.

Иногда мы, старшеклассники, устраивали вечеринки. В квартирах тогда не было проигрывателей-магнитофонов, танцевали под граммофон с большим рупором или патефон. Иногда играл на рояле одноклассник Тарновский, хороший пианист, наверное, единственный в классе. Моя мама и старшая сестра играли на пианино. У меня, вероятно, был слух, и меня в конце войны хотели определить в музыкальную школу. Я там спел «Эх, полным-полна моя коробочка» и... не прошел по конкурсу.

То, что в Москве всю войну работал институт иностранных языков, где училась моя мать, а в Туле — музыкальная школа, говорит о том, что страна была уверена в победе и все работало с перспективой.

Наверное, в 8–9 классе у нас была экскурсия в Москву. Туда и обратно ехали в кузове грузовика. Дорога была частично булыжная. Ее асфальтировали пленные немцы. Ночевали в актовом зале МВТУ им. Баумана.

Незабываемые воспоминания в школе связаны с ежегодными, с 5 класса, переводными экзаменами. Не сдавшие экзамен получали переэкзаменовку на осень или оставались на второй год в том же классе. Каждый год было 5–6 экзаменов. Нас утешало, что предыдущие выпуски сдавали еще больше.

В 50-х годах в Туле было суворовское училище. Я иногда туда ходил к своему товарищу. Мне нравилось смотреть, как ребята занимались на гимнастических снарядах. По улице они ходили в красивой форме, в белых перчатках. На вечерах в женских школах суворовцы — первые танцоры. Очень хорошо, что в Туле воссоздали суворовское училище.

Следы многих одноклассников за 60 лет затерялись, но с кем-то встречаюсь до сих пор. Давыдов Слава стал доцентом ТулГУ, Усенко Коля — профессором, председателем Совета по защите диссертаций, Розаренов Володя — классным слесарем, специалистом по спусковым механизмам, Полетаев Гена — архитектором, Шотловский Никита — инженером, Пинчук Жора — волейболист, после института был распределен в Калугу. Курапов Боря — инженер — работал в Климовске под Москвой, Тарновский — пианист.

* * *

Благодаря поискам тульских музейщиков и воспоминаниям моей матери я узнал, что мои предки Тепловы были известными людьми в Туле, Москве, Санкт-Петербурге. Нам есть кем гордиться! В Туле на мемориальном Чулковском кладбище нашли захоронение моих предков Тепловых. В 2011 году я собрал около 20 человек потомков Тепловых, в основном мужчин из Москвы, Тулы, Суворова, и мы на этом захоронении XVIII–XIX вв. провели субботник: подняли некоторые упавшие за 200 лет надгробия, спилили лишние деревья, засыпали склеп. В 2014 году поставили мемориальную доску, которую изготовил музей «Тульский некрополь». Благодаря работникам тульского музея, я нашел в Москве троюродных братьев и сестру — Постниковых. В Санкт-Петербурге познакомился с двоюродным братом Михаилом Николаевичем Аввакумовым, инженером-экономистом, сыном Ольги Павловны Пинаевой.

В нашем родословном древе сегодня 272 человека, из них 117 живы. Живут в Туле, Суворове Тульской области, Москве, Санкт-Петербурге.

Сохранить память для будущих поколений — очень важно! Спасибо руководителям и организаторам проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов» за такую возможность.

ПЕРИПЕТИИ ДЕТСТВА

***Сабельникова Инна Тихоновна**, 84 года,*
зав. кабинетом Института усовершенствования
учителей (1967–1983),преподаватель русского языка,
литературы и методики преподавания русского языка
в начальной школе в Тульском педагогическом училище (1983–1987),
г. Тула

Родители

Всем нам известна ужасающая цена победы в Великой Отечественной войне, мы чтим ее многочисленных героев, знакомы с ужасами этой войны по литературным произведениям, документам и художественным фильмам. Люди не пощадили своих жизней, оставили самых дорогих и близких, уйдя на фронт, пожертвовали абсолютно всем, чтобы отвоевать право на жизнь и на счастье для нас, будущих поколений. И нашим священным долгом является сохранение памяти об их величественном подвиге.

Но, к сожалению, мы, старые люди, часто забываем, что являемся последним поколением, которому судьба послала шанс собрать по крупицам воспоминания о той страшной войне. Об этом я и хочу написать.

До начала войны я жила в городе Вильнюсе (Вильно) с мамой и папой. Мой отец был военный и вместе с Тульским артполком был откомандирован в Литву в период ее присоединения к Советскому Союзу. Только вернувшись с Финской войны, он уговорил маму ехать с ним в Литву, хотя она боялась этого. В Вильнюсе я училась в школе, в которой обучались и русские, и литовцы, и поляки, и евреи.

Все было более или менее спокойно. Наша семья и даже бездетные соседи ждали прибавления в нашей семье, ждали мальчика Сашу.

Отец собирался поехать в отпуск в Тулу на несколько дней. Маму и меня он не брал с собой, так как через две недели должен был родиться ребенок. Мама настояла, чтобы отец съездил в Тулу. Были приготовлены подарки для всех родственников. Уехать он должен был 19 июня утром.

А вечером 18 июня его вызвали в штаб. И он со свои чемоданчиком, в котором содержались его вещи для походов, ушел и не вернулся.

Всю ночь через Вильнюс по главной улице (она проходила параллельно нашей) шли танки. Мы были уверены, что это маневры (т.е. учения). До 22 июня по ночам шли танки.

А ранним утром 22 июня 1941 года в 4 часа утра мы проснулись от страшного грохота. Вильнюс бомбили, но мы даже и подумать не могли о том, что началась война.

В 9 часов утра мама собиралась послать меня в соседнюю булочную лавочку за хлебом. Но до 9 утра было еще несколько налетов. Уже не работали водокачка, электростанция.

Всем стало ясно — это война. Самое страшное и нелепое горе пришло на нашу землю.

В 10 часов утра к нам прибыл красноармеец и подал маме записку от папы. Там было коротко написано: «Обстановка тебе ясна. Выезжай немедленно на родину к брату». Красноармеец помогал маме собирать вещи, но она ничего не соображала, да и красноармеец мало что понимал: в вещмешок бросал, что попадалось под руку.

Самое главное — это чемодан с Сашкиными вещами. За нами и еще несколькими семьями офицеров приехал на грузовике капитан, к сожалению, я не помню его фамилии.

Он собрал нас всех и к вечеру вывез из Вильнюса. Поздно вечером он привез нас на станцию Ошмяны (это уже в Белоруссии) и велел дожидаться поезда, который пойдет утром на Минск. Всю ночь мы на своих узлах и чемоданах дожидались поезда. А в 6:00 утра вбежал в вокзальное помещение начальник станции и закричал: «Показались самолеты противника!» Мы с мамой все-таки успели схватить чемодан и со всеми бросились спасаться в рожь. Немецкие истребители летели так низко, что видно было, как стрелял фашист из пулемета. По женщинам и детям, прятавшимся во ржи.

Когда улетели самолеты, мы вернулись на станцию, но от нее остались одни руины. Значит, были и бомбардировщики. Все, кто остался в живых, двинулись к дороге. Совсем недалеко проходила проселочная дорога, по которой отступали наши бойцы на грузовых машинах. Многие были в крови, кое-как перевязанные. Мы попросились к ним, и они взяли нас с собой.

Немцы постоянно обстреливали с самолетов дорогу. Мы выскакивали из машин и прятались где придется: за деревом, в канаве, просто в траве.

Самое удивительное и отчасти радостное было то, что мы увидели того капитана вместе с его грузовиком, который вывозил нас из Вильнюса. Он нам сообщил, что не смог попасть в свою часть: все мосты через реку Вильно были разбиты.

Он, кого сумел, собрал из офицерских семей в свой грузовик.

Мама почувствовала себя очень плохо: у нее начались схватки, так как нельзя было в ее положении столько раз вылезать из машины, а потом кое-как снова влезать в кузов. И все последующие обстрелы мы уже с ней из кузова не вылезали. Она сказала: «Будь что будет».

А дорога представляла страшное зрелище: искореженные машины и автобусы, и кто-то там оставался еще живой, но помощи оказать никто не мог.

Кое-как капитан довез нас до станции Молодечно, недалеко от Минска. Нам удалось сесть в поезд. По дороге его все время бомбили и обстреливали. Люди во время этих обстрелов выбегали из вагонов. Но мы с мамой не сходили с места — ждали своей участи. Мама сдерживала роды.

К утру поезд все-таки прибыл в Минск, хотя его страшно бомбили, он еще жил какой-то жизнью. Маму забрала «Скорая помощь», переполненная ранеными бойцами. Меня хотели отвезти в детдом, но мама не отдала, сказав: «Неизвестно, что к вечеру останется от вашего Минска». Меня с мамой отвезли в ближайший роддом. Мне дали горячего чая, и я уснула на диване, который стоял здесь в приемной. Проснулась я от страшного грохота. Бомбили завод им. Кирова, который был ряд с роддомом. Я с криком «Мама, мама!» бежала по коридорам больницы, а навстречу мне бежали женщины. Возможно, они хотели спрятаться в подвал. Одна из медсестер, находившаяся в этой толпе, схватила меня и втолкнула в дверь родильной комнаты, где на столе лежала мама. Она не могла встать. Увидев меня, она прокричала: «Инночка, ничего не бойся, у нас теперь есть Сашечка!» Мама родила Сашку в самый разгар бомбежки. Вылетали рамы из помещения, но врач приняла роды, и нашего мальчика, даже не обмыв, успели взвесить и прикрепить к ручкам клееночки, где было написано, чей это мальчик. Мальчика унесли в подвальное помещение, а мама кое-как встала со стола, и мы, спустившись в подвал, забрали своего Сашку! Он лежал уже один. Всех остальных детей женщины разобрали.

До 5 вечера мы пробыли в роддоме, затем нас вывезли в автобусе с другими женщинами, которые не были жителями Минска, за 5 км от города, в деревню Синело. Мы ехали уже по горящему Минску. Много домов было разрушено.

В деревне нас приютили местные жители. Сашку мы обмыли и завернули в какие-то тряпки, которые нам дали хозяева. Чемодан с пеленками и распашонками исчез.

У нас ничего не осталось: ни дома, ни одежды. Но удивительно, что мы из роддома взяли наши литовские пальто и туфли. Через несколько дней, после 29 июня, когда немцами был захвачен Минск, мама забросила связку ключей. И на мой вопрос, как мы войдем в свою квартиру, мама ответила: «Ничего этого не будет, мы не войдем в свою квартиру. Мы остались без жилья, без одежды, без документов».

Что же нам оставалось делать? Моя мама, мужественная женщина, решила идти пешком в родную Тулу. И мы пошли. Мне мама после сказала, что я была похожа на черную палку, так я похудела. Я две недели ничего не ела: не могла, таков был стресс.

Сначала мы шли вдоль шоссе Москва — Минск. Сплошным потоком ехали немецкие машины и мотоциклы (немецкая пехота передвигалась на мотоциклах) и раздавались крики: «Москау».

В одной из деревень нам посоветовали идти по проселочным дорогам. Так мы и сделали. Мы шли от деревни к деревне, и местные кормили, не отказывали нам в еде. Мы побирались. И люди выносили нам картошку, хлеб и даже кружку молока для мамы. Она кормила Сашу грудью. Нас пускали переночевать, стелили нам солому на полу.

Было тяжело, но люди нам, как могли, помогали. И я до сих пор благодарна белорусам и русским, которые не отказывались нам помочь. Немцы редко заезжали и останавливались в этих селах. Они наступали на Москву.

Но один раз мы натерпелись страху. Ночью в избу, где мы спали на полу, заявились немцы и завалились спать на солому рядом с нами, причем рядом с мамой положили огромную собаку (это была их овчарка). Но она вела себя спокойно.

Мы с мамой шли довольно быстро, хотя давалось это нелегко.

Сашу мы обмывали и стирали его тряпочки в речке, если она попадалась, а чаще в болоте, их в Белоруссии много. Порой шли через горящие леса. Лето 1941 года было жарким. Леса горели.

У мамы не было и мысли остаться где-нибудь в деревне, хотя ей и предлагали. В одной семье очень упрашивали оставить им Сашку, но мама не согласилась и даже поспешила поскорее уйти. Она побоялась, что ребенка могут отнять.

И так, передвигаясь от деревни до деревни, мы дошли до Смоленска. Здесь мы узнали, что под Смоленском были жестокие бои, но город был сдан.

Нам было необходимо войти в Смоленск, перебраться через Днепр, а мост был разбит. И люди переходили по бревнам. Надо было с одного бревна перепрыгнуть на другое, а оно вертелось под ногами и уходило под воду. Мама сказала: «Инна, я не могу взять тебя за руку и помочь, у меня Саша, старайся сама». И здесь нашлась добрая женщина, которая помогла мне перейти через Днепр.

Смоленск был совершенно разбит. Мы шли по улицам, усыпанным разбитым стеклом. Я поранила ногу. Был уже конец лета.

Мы почти дошли до Ельни. В Ельне тоже были жестокие бои. Мы остановились у одной хозяйки в деревне (не помню названия), здесь стояла какая-то немецкая часть.

Вскоре деревня стала обстреливаться снарядами. Позже мы узнали, что попали в центр двойного окружения. Наших окружали немцы, а немцев наши. Уже невозможно было узнать, чьи снаряды нас добивали. Погибло много

жителей деревни. Мы не знали, куда нам прятаться, и оставались в хате. Даже немцы кричали на маму за то, что она не спускалась к ним в укрытие.

От Ельни мы вынуждены были отступить.

Наступил октябрь. Начались дожди. Наши туфли износились. Продолжаться наше путешествие в Тулу не могло. Надо было искать какое-то жилище, чтобы перезимовать, а весной продолжить путь. И здесь снова помогли добрые люди.

В Стригино Починковского района Смоленской области маме посоветовали обратиться к старосте (назначенному уже немцами). Староста оказался порядочным человеком, он определил нам угол в хате одной бедной женщины, звали ее Алена, жила она с 17-летней дочерью Ниной. У нас появилась крыша над головой. Моя мама очень хорошо шила. Об этом узнали не только жители этой деревни, но и окрестных деревень. И моя мама начала шить кому что надо. Она даже шила зимние жакеты из шинелей (которые были сняты с убитых красноармейцев). Подкладку она делала из льняной ткани. Получались очень приличные зимние жакеты. Девчата были в восторге. А за шитье нам приносили все, что у кого было: муку, картошку и прочие немудреные продукты. Поэтому мы не голодали.

А Манечка Демихина каждый день приносила пол-литра молока, и мама варила кашку для Саши.

Старшие ребята ловили рыбу и раков в речке Хмаре, и нам немного перепадало. Нюре, дочери старосты, мама шила бесплатно. Староста вписал нас в список жителей деревни. И если приезжал карательный отряд, нас не трогали, а неизвестных жителей расстреливали, считая, что это партизаны. Мама хорошо вязала и вышивала. Девчата деревенские часто собирались в хате у Алены. Я в основном была при Саше, в общем, была нянькой. Но я не жаловалась. Я знала, что это необходимо.

Осенью 1943 года началось наступление наших войск в тех местах, где мы обитали.

И все началось сначала: ночные бомбежки, снаряды, пули. Мы вместе с жителями Стригино и окрестных деревень прятались по лесам, оврагам. Однажды обстрел застал нас на берегу речки. Рядом рвались снаряды, в песок врезались пули. А мы лежали на песке, как всегда. Мама Сашку прятала под себя, и мою голову тоже, и обращалась к Богу: «Господи, если суждено быть убитыми, то всех сразу».

И вот однажды мы сидели в овраге. Был сильный дождь. Овраг заливало водой. Все были мокрые. И вдруг услышали осторожные шаги. Это была наша разведка. Мы не могли сдержать слез: дождались. Разведчики умоляли нас вести себя потише: кругом еще были немцы.

Наконец, мы свободны. Вернулись в Стригино, от которого, можно сказать, остался один пепел. Лишь несколько домов уцелело. Туда набились оставшиеся в живых жители деревни. Некоторое время мы пробыли

в деревне. А потом, узнав, что железная дорога восстановлена, через Сухиничи добрались до Тулы.

Измученные, оборванные, голодные, с котомками за плечами появились мы на пороге дома маминого брата, Одоевцева Леонида Александровича. Он только что вернулся вместе с женой из г. Энгельса, куда был откомандирован для создания в этом городе филиала Тульского оружейного завода, который уже через несколько месяцев гнал свою продукцию на фронт.

Чтение — любимое занятие Инны

Документов у нас не было. И здесь мама столкнулась с трудностями. Бюрократы-чиновники отказались оформить документы на основании слов. Но нашлись хорошие люди: сослуживцы отца, бывшие соседи, которые подтвердили, что мы жили в Туле до войны (вообще мы коренные туляки, потомственные оружейники). Нам выдали документы, продовольственные карточки. Меня устроили в школу, во 2-й класс. Был уже ноябрь, заканчивалась первая учебная четверть, но я быстро догнала своих сверстниц и вскоре стала отличницей. Сашу удалось устроить в ясли с круглосуточным пребыванием. Мама стала работать: она шила и за скромную оплату принимала заказы. Но произошло несчастье: заболел Саша дифтеритом. Болезнь дала осложнение на ухо, вследствие чего была и до сих пор осталась некоторая потеря слуха. Из-за этого его не взяли в военную академию, хотя в армии он 3 года отслужил. Это было очень печально.

Было в эту пору в Туле голодно. Но мы получали немного продуктов и хлеб по карточкам (по 250 грамм на ребенка в день). Кое-что мама покупала на заработанные деньги на базаре, где было все очень дорого. С голоду мы не умирали, но есть все время хотелось. Дядя, работавший на Оружейном заводе, сумел выхлопотать нам небольшой участок земли (две сотки) за парком. Там мы стали сажать картошку. Осенью выкопанную картошку мы с мамой на себе перетаскивали домой. Осложнились дела с жильем. Дом дяди, где мы жили, принадлежал его теще, а она была очень недовольна нашим пребыванием в нем. О возвращении нашей жилплощади, где жили до отъезда в Вильнюс (ул. Тургеневская, 38 — дом для военнослужащих), нечего было и думать.

Нам дали комнату на ул. Советской, 44, которая была темной и холодной. Потом нам сложили печку. Тимуровцы нашего класса выхлопотали дрова. Жизнь потихоньку налаживалась. Я тоже была членом этой

тимуровской команды. Мы часто ходили в госпиталь, который располагался в здании 6-й школы на ул. Жуковского, устраивали концерты для раненых. Дарили им кисеты для табака с вышитыми на них узорами. Раненые были нам благодарны, встречали с радостью.

И вот 9 мая 1945 года закончилась эта странная война. Мы вступали в новую, послевоенную жизнь. В ней было много светлого, радостного, но хватало и тяжелых дней.

Госпиталь, который занимал здание нашей 6-й школы, расформировали. И мы смогли переехать из 13-й школы в свою. Директор школы и учителя были заняты ремонтом, а мы, ученицы, перетаскивали наглядные пособия (транспорта не было) по улице Коммунаров (так назывался проспект Ленина). Было тяжело, но мы не жаловались. Так надо! Никто тогда не говорил об эксплуатации детского труда. Кстати, мы летом работали на прополке овощных культур в Парниках. Высаживали в Белоусовском парке деревья, расширяя его, и очень долго называли эти места молодым парком. Мы гордились тем, что так помогали взрослым.

Школьники чистили тротуары от снега, и не было в Туле участков, по которым нельзя было пройти. Никто не говорил, что снег — это стихийное бедствие.

Итак, мы в своей школе. Школьные годы чудесные! Это одна из радостных сторон моей жизни. До революции здесь была Ольгинская женская гимназия. Ольгинская — потому что ей покровительствовала Великая княжна Ольга.

Когда я училась, сохранялись традиции и дух гимназии, тем более что наша школа была женской. Она стала элитной, хотя ее так не называли. На праздничные вечера приглашались суворовцы. Они приходили с офицером-воспитателем и со своим оркестром. Девочки обязательно надевали белые фартуки и в косы вплетали белые банты. Танцевали только бальные танцы под музыку оркестра: па-де-катр, мазурку, вальс-мазурку, польку. Бальным танцам нас учила та же преподаватель, что и в Суворовском училище. Это наш директор, Роза Самуиловна Гурович, сумела уговорить ее приходить и обучать девочек.

С Суворовским училищем нас сближали не только танцевальные вечера. Проводились общие серьезные мероприятия. Помню вечер, посвященный трудам Мичурина и академика Лысенко. Доклад о Мичурине читал суворовец, а о Лысенко — я. Сейчас мне сложно судить, почему труды и имя Лысенко забыты напрочь.

Суворовцы привлекали нас своими особенными чертами и манерами: они умели дружить, помогать друг другу в трудные минуты, вести себя в обществе, почтительно относиться к девушкам.

Среди них были награжденные медалями сыновья полков и партизанских отрядов. Многие из девчат влюблялись в них, в том числе и я.

У меня в школе было несколько общественных поручений: редактор школьной стенгазеты, пионервожатая в 7 классе и, конечно, прикрепляли ко мне какую-нибудь отстающую ученицу из класса. Это мне очень не нравилось, и когда я высказывалась по этому поводу, мне говорили: «Ну а кто, если не ты?» Я раздражалась на лентяек, с которыми мне надо было заниматься, и не могла понять, как это можно чего-то не знать или не уметь из того, что нам преподавали наши замечательные учителя.

А учителя были, действительно, замечательные. Я с благодарностью вспоминаю Д. П. Корсунского, М. М. Улыбышеву, Ф. М. Дятлину, М. С. Николаеву, К. В. Гуляеву, Е. И. Позднышеву, О. Н. Климову и др. Они не только дали мне знания по своим предметам, но и воспитали стремление к знаниям.

Наша школа соревновалась с 8-й средней женской школой, которая тоже считалась одной из лучших, за право на демонстрациях 1 мая и 7 ноября открывать шествие школьников. Главным критерием оценки была успеваемость. Очень часто наша школа приобретала это право.

У меня в классе было много подруг, и я часто их вспоминаю. Но самая любимая — Яна Вармирова. С третьего класса по десятый мы сидели за одной партой. Обе учились отлично и получили одни из всего выпуска золотые медали.

Нас многое объединяло. Мы очень любили классическую музыку. У Вармировых хранилось много отличных пластинок с записями опер, балетов, романсов. Нам нравились одни и те же литературные произведения. Но что особенно нас объединяло — это интерес и любовь к театру. С 7-го класса мы начали ходить в театр на дневные спектакли. Особое впечатление оставляла игра актеров Сотничевской, Гореловой. Спектакль «Много шума из ничего» Шекспира привел нас в восторг. Много лет спустя (в начале 70-х годов) я видела этот спектакль в Ленинграде с участием тогда очень известного артиста И. Горбачева в роли Бенедикта. Но впечатление от тульского спектакля не стерлось из моей памяти.

Вспоминая Яну, я хочу написать немного о ней. После окончания школы я поступила в наш Тульский пединститут, а Яна на факультет журналистики в Московский университет и училась один год в одной группе с Василием Лановым. Через год он ушел из университета, стал артистом. По-моему, Яна была влюблена в него. Позже она вышла замуж, имела двух сыновей. Мы встречались с ней в Академгородке в Новосибирске. Она погибла в авиакатастрофе.

Возвращаясь к послевоенному периоду, хочу еще вспомнить, как в 1948 году отменили карточки и вообще каждую весну снижались цены на продукты. Но за продуктами стояли большие очереди, и в одни руки давали ограниченное их количество.

Помню, в это время появилась в магазинах мороженая треска. Ее было много, и мы не могли ею насытиться. Мама очень вкусно готови-

ла эту рыбу и носила отцу в госпиталь, где он находился на лечении. Офицерам — соседям по палате — тоже нравилась эта рыба. Папа умер в госпитале в 1948 году.

Годы с 1945 по 1953 я считаю счастливыми и думаю, что Сталин многое сделал для страны. Когда он умер, мы не могли представить, как будем жить. Да, некоторые законы многим кажутся жестокими, но они были необходимы. Я вспоминаю об одном случае, свидетелем которого я была.

По соседству с нами жила тетя Даша Кузнецова. Мама с ней дружила, и обе женщины, как могли, помогали друг другу. У нее подрастали два сына, а муж погиб на фронте. Работала она в «Заготзерно» и однажды вынесла 1 кг пшеницы. Ее задержали и, естественно, осудили и отправили в тюрьму, оставив детей без матери.

Я помню, какое недоброжелательное, подозрительное отношение было у властей к тем людям, которые пережили оккупацию. Это обижало и вызывало возмущение. Особенно после того, как с мамой однажды поговорили в одном из кабинетов:

— Что вы делали у немцев?

— Немцы нас завоевали, а не мы добровольно пришли к ним. Я работала: шила одежду односельчанам, весной и летом работала на маленьком огородике.

— А что делала Ваша дочь?

— Ей было 9–10 лет. Она помогала мне: смотрела за маленьким ребенком и тоже работала на огороде.

Вот почему я никогда не рассказывала никому о том, что два года и четыре месяца жила в оккупации. А мой муж, бывший малолетним узником фашистского концлагеря, скрывал это даже от меня.

Все, о чем здесь я здесь рассказала, что хранится в моей памяти и по сей день, это скорее личное, мое. Прошлое помогает мне в настоящем. Мне приятны радостные воспоминания, а тяжелые помогают преодолевать трудности в наше «непростое» время.

Я полностью согласна с мыслями И. Эренбурга: «Я не хочу ни о чем забывать, память — не безделушка и не балласт, память — великий дар. Не будь памяти, легкой, но ничтожной была бы жизнь человека».

Я счастлива, что выбрала профессию педагога и проработала на тульской земле 56 лет. Награждена Почетной грамотой Министерства просвещения СССР (1973 г.), значком «Отличник просвещения СССР» (1983 г.), несколькими почетными грамотами Областного отдела народного образования Тульской области, медалью «Ветеран труда».

Мой брат Саша, который родился в тяжелые военные годы, под бомбежками, стал настоящим оружейником. Лет 10–15 перед уходом на пенсию работал коммерческим директором Тульского оружейного завода.

ГЛАВНОЕ — УЧИТЬСЯ И РАБОТАТЬ

Сидорова Галина Андреевна, *89 лет,*
заслуженный учитель РСФСР,
Почетный гражданин г. Тулы

Родилась я 22 сентября 1927 года. Родом из потомственных оружейников, казюков[1]. Вся семья моя до пятого колена работала на Тульском оружейном заводе в ложевой мастерской, был это 8-й цех.

Отец мой, Сидоров Андрей Федорович, был членом партии с 1924 года до конца своих дней, до 1980 года. Работал он, как и все его братья и сестры, в том же 8-м цеху. Был депутатом городского совета 1 созыва с 1938 года, а так как во время войны не было перевыборов, то его полномочия длились до 1947 года. Ему было присвоено звание почетного пенсионера. Важно отметить, что дома никогда не говорили о том, что делается на заводе, потому что все оружейники давали подписку о неразглашении государственной тайны. Мать моя, в отличие от отца, была верующей женщиной, поэтому и я была крещена. Крестили меня на улице Советской, в храме Николы на Ржавце, там же и работала моя мать.

Начала я учиться в 11-й школе. Когда началась война, я была в пионерском лагере Суходол; 22 июня нас вывезли назад в Тулу.

Двор у нас был большой, людей всегда в нем было много, приходили ребята из соседних домов. Начали все вместе копать окопы. Бомбоубежищами служили и подвалы, которые находились у нас в сараях. Когда начались обстрелы Тулы, мы старались выбегать из дома, потому как боялись, что от зажигательных бомб загорится деревянная часть второго этажа. Помню, как мы с однокашниками в начале войны копали окопы на Рогожинском поселке.

Тогда большая часть школ была передана под госпитали. Вот мы, например, ходили в нынешнюю 20-ю школу. Когда немцев отогнали, мы, конечно, не остались без дела — пошли работать в эти госпитали. Соседи у нас были офицеры Тульского военного гарнизона, а там были и врачи. Они нас взяли в госпиталь на Жуковского, где сейчас 6-я школа. Там мы ухаживали за ранеными. Помогали, как могли. Не очень многое мы умели, но нас учили. И стрелять, и перевязывать. Самой трудной была повязка на голову, а вот остальное все для нас было легко.

Тульские заводы эвакуировались, в том числе и наш оружейный. Эвакуировался и мой отец в Медногорск. Климат там был очень суровый,

[1] Казюки (от «казенные люди») — прозвище туляков со значением «оружейник, прикрепленный к казенному оружейному заводу» (примечание ред.).

вероятно, от этого и от нагрузок сердце его не выдержало, и он заболел, попал в больницу. Мы с мамой были вынуждены к нему поехать. Я там проучилась один год, а потом уже вместе с отцом мы вернулись назад, в Тулу. Квартира наша уже была занята, и мы поселились у деда на улице Колетвинова. Вот там-то мы долгое время и жили.

Так как год я пропустила, пошла учиться в вечернюю школу, потом поступила в институт. В пединституте оказалось, что большая часть моих сокурсников — это люди, прошедшие войну. Двух парней, например, приводили жены, потому что они ослепли после ранений. У кого-то не было ног, у кого-то — половины лица, кто-то не имел руки, но они все были очень заботливы по отношению к нам. Они были старше нас (разница в возрасте была от 2 до 9 лет). Они запрещали нам курить и даже пробовать спиртное. Ну а мы их слушались.

Когда провозгласили победу, я очень сильно болела, у меня была малярия. В то время мы жили у жены моего дяди на улице Революции. Помню, еле вышла на улицу, все люди, знакомые и незнакомые, плакали и обнимались. Это было так здорово! Мы думали: слава Богу! Кончился этот кошмар. Теперь мы сможем наесться как следует, потому что во время войны мне казалось, что я никогда не наемся.

А потом, когда окончили институт, конечно, пошли работать. Многие мужчины многие стали партийными работниками, директорами школ, а мы — простыми учителями. Но некоторые из нас все равно были связаны с партийными органами, работали секретарями в своих партийных организациях. Одно время и я тоже избиралась секретарем парторганизации. Мой отец-то ведь был коммунистом ленинского призыва, и я тоже пробыла в партии более 40 лет. И не жалею об этом. Считаю, что в партии не все были карьеристами, а большинство было честными, порядочными людьми.

Я попала в 53-ю мужскую школу, где были одни мальчишки. Позднее уже вышел приказ об объединении женских и мужских школ, и нас объединили с 28-й школой. Я получила сразу пятый класс и по сей день считаю их своими любимцами-первенцами.

Когда я начинала свою педагогическую деятельность в школе, то некоторые учителя, которые были из дворян, говорили, что я не смогу стать хорошим учителем, потому что из рабочих. И всю жизнь (а я проработала в школе 50 лет) я доказывала, что могу быть хорошим учителем.

После смерти Сталина я сдала кандидатский минимум и прикрепилась к Московскому историческому музею, где получила задание сделать экспозицию «Оборона Тулы 1941 года» в Тульском Краеведческом музее. Я увлеченно работала над этой темой, и уже многое было сделано, но в 1956 году мне сказали работу переделать, потому что часть материалов, которую я получила из архивов, после разоблачения культа личности Сталина оказалась запрещена. Но я не стала все переделывать заново. Я осталась в школе. Потом уже возглавила Тульскую городскую секцию

учителей истории вместе с Ольгой Петровной Кузнецовой. В течение 20 лет я руководила секцией историков. Это все привело к тому, что я стала Отличником народного просвещения, потом мне дали звание учитель-методист.

В 1947 году, когда я еще училась в институте, мне вручили медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Потом уже я стала Заслуженным учителем РСФСР, а в 2005 году — Почетным гражданином города. Но и сейчас ни одного дня я не сижу дома! Все мои дни расписаны. Я хожу в школы, в колледжи, в институты, участвую в конкурсах, в «зарницах». Я считаю, что обязана отдать все свои силы и знания подрастающему поколению. Вот в этом и есть смысл моей жизни.

Когда только открыли в Туле бюро экскурсий и путешествий, то я подрабатывала там. В это время я разработала свою программу «Край наш Тульский». И вела эту программу, делилась ею со всеми учителями города. Потом разработала программу «История религии», получив благословение у митрополита Тульского и Белевского Серапиона. Мне всегда было интересно познавать! Я разработала беседу об истории оружейного производства в Туле. Тогда еще, пожалуй, никто не занимался этим. И сейчас рассказываю все, что знаю о нашем городе, о нашей промышленности, о нашем производстве, этим, собственно, и живу!

И все же главное, я считаю, нужно учиться, учиться и еще раз учиться, приобрести профессию и работать! Я не жалею ни одной минуты, что стала учителем. Считаю, что лучше этой профессии нет. Просто нет! Нет и быть не может!

Много лет спустя, когда я уже вышла на пенсию, о том времени я написала следующие стихи:

Осень сорок первого выпал ранний снег.
Дома очень холодно и покоя нет —
За водой в колонку, в очередь за хлебом,
Вечером дежурить возле дома с дедом,
Каждый день к солдатам в госпиталь идешь:
То полы помоешь,то стихи прочтешь.
Ждешь весны,как Бога, — может,доживешь,
Огород вскопаешь,картошку соберешь.
Голод и отступит — станет веселей.
Будем ждать победы, только б поскорей.
А учиться надо — в вечернюю пошла
И ее закончила, в институт сдала,
И потом работала более полвека!
И живу по принципу — все для Человека!

Записали Береговая Диана и Франке Елизавета,
студентки 2 курса Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова

БРЯНСК НАШЕГО ДЕТСТВА

Непомнящий Наум Аронович, *80 лет,*
ветеран труда,
г. Брянск

Брянск нашего детства пробуждался от пения петухов и криков молочниц, разносящих по улицам молоко.

«Молока надай!» — старались перекричать петухов груженные коромыслами с укрепленными на них гроздьями коричневых кувшинов молочницы. Они доставляли молоко из близлежащих деревень пешим порядком, и просто удивительно было, как они добирались до города в такую рань.

Центр послевоенного города размещался где-то в рамках «тюрьма — набережная» по вертикали и «Верхний Судок — Нижний Судок» — по горизонтали. Состоял он из улиц Васильевской (ныне Горького), Советской и Ленинской (ныне Фокина). Но самой центральной считалась, естественно, нынешняя улица Калинина, а тогда — III Интернационала. Почему «естественно»? Да потому что с нее можно было попасть на любую из вышеперечисленных улиц. А чтобы с Красноармейской улицы или Петровской горы попасть в центр, не было другого пути, кроме как спуститься на улицу III Интернационала, а затем уже подняться по одной из трех улиц-горок. Это позже через Судки были возведены сначала деревянные мосты, а потом дамбы, а в начале пятидесятых их не было.

Дома росли как грибы. Никто не ждал квартир от государства — каждый строил из чего мог и как мог. Те, кто живым вернулся с войны, брали в банке ссуды и начинали строительство, не надеясь получить в обозримом будущем государственные квартиры. В каждом десятом доме держали козу или корову, в каждом втором — свинью, а уж петухи пели во всех дворах.

Пленные немцы построили кинотеатр «Октябрь», драматический театр, библиотеку. Немцы маршировали по улицам строем, без конвоя и пели незнакомые песни. После работы они ходили по домам подрабатывать: копали огороды, заготавливали дрова. За это их кормили горячим, давали хлеб или картошку. После победы народ, кажется, простил солдат и видел в них лишь несчастных людей. Даже принародная казнь нескольких фашистских генералов на сооруженных напротив теперешнего ЦУМа виселицах не вызвала особых эмоций.

После войны строили все, а тем, кто не мог строить сам из-за перегруженности на ответственной государственной службе, дома строило государство. Чем выше человек занимал должность на госслужбе, тем престижнее оказывался дом. Рядом с парком на улице Горького появился особняк первого секретаря обкома Матвеева. Позже в этом доме раз-

местилась гостиница обкома партии. Напротив, через дорогу, поднялся особняк начальника КГБ Баранова. Ныне там детский сад «Ягодка».

Для сменившего Матвеева на посту первого секретаря Бондаренко построили новый особняк по улице Октябрьской. Сейчас там сад-ясли № 15. Особняки были обнесены глухими заборами и тщательно охранялись даже от вездесущих мальчишек. На самых тихих и зеленых улицах, Октябрьской и Горького, строились дома для работников партийных и государственных учреждений. Напротив «бондаренковского» особняка возвели так называемый «обкомовский дом». Одними из первых построили здания обкома партии и комитета госбезопасности. Позже подо всеми этими строениями сооружались объединенные в одну систему атомные убежища...

Деревянные постройки послевоенного города густо облепили склоны Судков и сбегающих к Десне гористых улиц. Немногие кирпичные строения были или сожжены, или вовсе разрушены войной. Довоенные кирпичные здания были такой значительной вехой в городской биографии, что каждому присваивалось название или номер: «1-я Советская больница», «2-я Советская больница», «Дома специалистов», «Пятый корпус», «Девятый корпус» и т.д. Разделенные Судками-оврагами районочки и улицы имели названия: «Петровская горка», «Покровская горка», «Карачиж», «Городище», «Рабочая слободка», «Соловьи», «Лесные сараи», «Кирпичные выселки».

«Городом» называлась часть улицы Калинина от завода «Дормаш» до «Дома офицеров». Естественно, все дороги вели в «Город», ведь здесь размещались базар, вокзал, ресторан, кинотеатр и все основные торговые точки.

По оврагам, лесенкам, мощеным булыжником улочкам стекался в «Город» народ. Было принято говорить «пошли в Город» даже у тех, кто жил в районе площади Ленина или Карла Маркса.

На старом Брянском базаре

Теперь, спустя столько лет, даже старожилам трудно восстановить в памяти место, называвшееся Базарной площадью, а еще раньше, до революции, «Привозом» — по аналогии с Одессой-мамой.

Базарная площадь являлась центром города. Здесь размещались все основные магазины, за мостом через Десну находился вокзал, а в самом центре площади — базар. Официально он именовался колхозным рынком, о чем гордо извещала вывеска над аркой, но колхозам в то время было не до торговли. Впрочем, учитывая, что все крестьяне числились колхозниками, вывеска не противоречила действительности: колхозники там торговали.

На месте теперешнего киноконцертного зала «Дружба» находился дивной красоты заросший деревьями холм, почти отвесно нависавший над базаром. Выходя главным фасадом на улицу Калинина, высился полуразрушенный старинной постройки собор, одно из главных украшений старого Брянска. Холм поднимался сзади собора круто вверх, метров на 30–40, а затем почти отвесно обрывался. В этом месте,

у основания холма, сохранились остатки то ли крепостной стены, то ли каких-то построек. В одной из них располагалась керосиновая лавка.

С лицевой стороны собора, по обе стороны от главного здания, шли приземистые кирпичные одноэтажки, в которых разместились магазинчики и автостанция. Сам собор употребили под склад облкинопроката. На вершине холма сохранились звонница и двухэтажный деревянный особнячок. Справа от собора, на улице, ведущей к деревянному мосту, находился двухэтажный кирпичный дом с остатками ажурных металлических ворот. На первом этаже его находился магазин «Одежда», на втором — бюро инвентаризации.

...Собор долго не сдавался безбожным властям. В тридцатые годы сумели уничтожить только главный вход и купол. Уже после войны его стены регулярно крошили, ломали отбойными молотками специально выделенные солдаты. Не сумели осилить собственными силами, вызвали из Москвы подрывников и, наконец, в 60-е годы взорвали. О взрыве торжественно сообщили по радио и в газетах.

На этом не остановились и срезали холм «до основания». Впоследствии на его месте возвели помпезный киноконцертный зал «Дружба», фонтан в форме план-шайбы токарного станка и пустынную набережную, на которой нынче выгуливают собак.

А тогда справа от собора красовались арочные деревянные ворота — центральный вход на базар. По Калининской, подымая едкую пыль, тарахтели редкие «эмки», «полуторки», «трехтонки» или же ленд-лизовские «студебеккеры» и «виллисы». Их было меньше, чем пугливых лошадей, которые шарахались от машин, не слушая возчиков.

Напротив базара, на стене теперешней школы рабочей молодежи, висело огромное панно. Бравый румянощекий солдат, с лихим русым чубом из-под заломленной набок пилотки держал в руке, как бы угощая, раскрытую пачку папирос «Казбек». В другой руке он держал уже дымящуюся колечками, наполовину скуренную папиросину. Весь его вид выражал довольство и силу. Внизу призывно алела надпись: «На папиросы не сетую. Сам курю и вам советую!»

До борьбы с курением дело еще не дошло.

Сам рынок представлял собой экзотическое зрелище — разнокалиберные деревянные магазинчики, киоски, туалеты, навесы и крытые прилавки. Торговали здесь овощами, фруктами, мясными и молочными продуктами, трофейными вещами и тканями, скотиной и птицей, жестянкой, скобянкой, патефонными пластинками и семечками.

На задах, вдоль берега, ютились катакомбы из разномастных ангарчиков, сарайчиков и навесов — цеха артели инвалидов «Металлист».

Здесь делали металлические кровати, оцинкованную посуду и садово-огородный инвентарь. На заднем выезде стояла кузница, где можно было подковать лошадей.

На левом берегу, напротив базара, к городу подходила железнодорожная ветка. Поутру окутанный дымом паровозик серии «СУ» притаскивал к вокзалу полдюжины вагонов со станции Брянск-I. Из вагонов высыпал увешанный корзинами, авоськами, мешками торговый люд и через мост спешил на рынок. Территория рынка заполнялась телегами, тачками, коромыслами и «парашютами» — этим чисто брянским изобретением (корзина в платке за спиной).

Горами высились глиняные кувшины, горшки, миски. Гроздьями висели деревянные ложки и лыковые лапти, громоздились дубовые бочки и кадки. Китайцы развешивали бумажные веера, гирлянды, надувные шарики с пищалками. Демонстрировались традиционные безворсовые коврики с расписными лебедями и пухленькими ангелами. Тупо поглядывали свинки-копилки, фарфоровые волки и слоники. Народ толкался, шумел и спорил. Тут и там целыми таборами носились цыгане, карманники, торговцы водой и морсом, леденцами на палочках.

Типажи

— Бабоньки-дамоньки! — зазывал зрителей небритый верзила, потряхивая мешком.— Продаю поросенка! Дешево продаю поросенка!

Верзила шарил рукой в мешке, пытаясь вытащить на свет божий отчаянно визжащего поросенка. Тот не давался. Потеряв надежду справиться с тварью, хозяин зло пинал мешок сапожищем.

— Ты чо, гад, над скотиной издеваешься? — вставал на защиту несчастного кто-то из зрителей под возмущенный ропот остальных.

— А ты не встревай, тебе не продаю!

— Ну, прибил, наверно, свинку, обормот,— сожалела, вздыхая, женщина.

Верзила добивал исходившую визгом свинью об угол киоска и вытряхивал из мешка под ноги зрителей... кирзовый сапог. Мужики хохотали, а бабы с воплями прыгали в стороны.

— О-е-ей! — вдруг заходилась одна из зрительниц.— Сумку срезали!

А злодей, подхватив сапог, уже растворялся в толпе. Услышав милицейский свисток, все спешили покинуть место происшествия...

Раздвигая толпу выставленной вперед палкой, скакал одноногий инвалид по кличке Журавель. На линялой гимнастерке звенели боевые ордена и медали. На голове Журавеля, как на витрине, красовалась новенькая восьмиклинка.

— Кому картуз бостоновый?Картуз кому? — зазывал он покупателей.

Пустая брючина по самую культю была набита товаром. Найдя покупателя, Журавель подозрительно осматривался — нет ли рядом милиционера, залезал в расстегнутую ширинку и молниеносно выхватывал из штанины восьмиклинку.

Извлеченный картуз был какого-то линялого цвета и никак не тянул на витринного собрата. Журавель тут же пресекал все возражения: «Энтот не продается, для себя шил!»

Как бабочку сачком, он ловил восьмиклинкой голову клиента, несмотря на то, что тот упирался и крутил головой. Недовольный по-

купатель возвращал товар и настаивал на витринном образце. Тяжело вздыхая и закатывая глаза, словно расставаясь с самым дорогим в своей жизни, Журавель стаскивал с головы картуз. Когда покупатель рассчитывался, Журавель вынимал из штанины копию проданного и водружал на голову. Несимпатичный экземпляр занимал место в штанине.

— Дяденька, солдатик! — хватали за руки и полы шинели проходящих мужчин цыганята.— Дай рупь!

Чумазые, немытые, они отталкивали друг друга, стараясь первыми схватить подачку.

— Дяденька, дай еще, на пузе и на голове станцуем!

Мужчина нехотя лез в карман: «Ну, давайте, танцуйте!» Цыганята плюхались животами в пыль, били себя по ляжкам и делали корявые кувырки, в то время как девочки хлопали в ладоши и пели противными голосами: «Арбуз-дыня, Шахна синя...»

— Чистим-блистим! Чистим-блистим! — зазывал клиентов чистильщик обуви, стуча над головой, как турецкими тарелками, щетками.

Прямо на проходе, под ногами у прохожих, безногий гармонист рвал меха. Он пел о трагической истории батальонного разведчика.

«Я был батальонный разведчик,
А он писаришка штабной,
Я был за Расею ответчик,
А он спал с моею жаной...»

Гармонист утирал ушанкой пот и протягивал ее слушателям. В ушанку летели медяки. Мужчины матерно ругались, глядя на женщин. Женщины сочувственно вздыхали, глядя на мужчин.

На другом конце рынка плотный крутоплечий мужчина в тельняшке зазывал сиплым голосом: «Граждане, перед вами легендарный русский силач, чемпион мира по французской борьбе — дядя Ваня Бежицкий! Па-апрашу образовать круг!»

Обычно дядя Ваня Бежицкий гастролировал в пригородных поездах, играя роль слепого.

— Подведите меня к Ташкенту,— приказывал он своим жуликоватого вида ассистентам. Те подводили его к раскаленной буржуйке в центре вагона. Дядя Ваня отогревал здоровенные ручищи: «А теперь внимание. Снаряд!» Ассистенты ставили у его ног двухпудовую гирю.

— Па-апрашу публику проверить снаряд!

Если желающих не находилось, он клал гирю кому-нибудь из пассажиров на колени. Убедив публику в подлинности «снаряда», захватывал гирю мизинцем и несколько раз выжимал. На этом представление обычно оканчивалось, и ассистенты обходили зрителей с шапкой, чутко следя, чтобы медяк бросил каждый.

НОСТАЛЬГИЯ

Фаев Юрий Васильевич, *66 лет,*
писатель, журналист,
г. Брянск

Патефонные вечера в послевоенном Брянске

На выгоревшей от времени фотографии компания улыбающихся молодых людей, и в центре — патефон. Патефон этот не наш, приносной.

Мужчины в военных гимнастерках без погон и наград, девушки — в скромных платьях. И тетя Ната здесь, и тетя Лида, и папа.

— Сразу после войны мама разрешила нам организовывать на дому танцы,— объяснил мне когда-то папа.— Все в городе побито, ходить было некуда, но это не значит, что жизнь остановилась. К тому же сестер надо было замуж выдавать, вот бабушка и уступила.

После этих патефонных вечеров тетя Лида вышла замуж за квартиранта-офицера дядю Мишу, а тетя Ната — за дядю Витю, художника, очень привлекательного молодого человека. Рассказывали, что дядя Витя был влюблен в тетю Лиду, и сильно, но взаимности не нашел.

Для характеристики тех лет показателен такой эпизод. Бабушка на рынке, кажется, на картошку выменяла у солдата несколько кусков мыла — страшный дефицит по тем временам. С гордостью принесла его домой, а тут как раз зашел дядя Витя. Он внимательно куски осмотрел и посоветовал бабушке быть с ними поосторожнее.

— Это вовсе не мыло,— заключил дядя Витя, в недавнем прошлом партизан.— Это тол.

Так вот тол в то время можно было раздобыть запросто — война только закончилась, а с мылом были проблемы.

К слову, папа нашел себе невесту не на этих посиделках, а в школе, где работал военруком. Для мужчин это сюжет обычный, чаще всего они далеко невест не ищут. Папа поначалу был влюблен в учительницу Машу Бобкову — статную красавицу с русой косой, но та предпочла папе местного фотографа.

Уроки физкультуры

Зато еще одна его попытка завершилась свадьбой. У меня есть фото, где сидят мама с букетиком искусственных цветов и папа в потертом военном френче на фоне занавески, прибитой к стенке гвоздиками, — это и есть их свадебная фотография. Да и в полном смысле свадьбы у них не было, по крайней мере, папа ничего не мог вспомнить. Сходили в загс, расписались, и все.

Любопытно, что когда папа — старший сын в семье — рассказал бабушке о своих серьезных намерениях, та решила проверить кандидатуру невесты самолично — у нее приятельница работала уборщицей.

Школа тогда находилась в бараке прямо у станции Брянск-I. Ученики сидели буквально на головах друг у друга. Бабушка зашла в школу, а там как раз вырубили свет. Идет она в полной темноте по коридору: в одном классе — шум, в другом песню поют, а в третьем, слышит, громким голосом женщина стихи в полной темноте читает (потом бабушке сказали, что «Евгения Онегина»). Оказалось, это и была моя мама.

Бабушка пришла домой и, по семейной легенде, сказала старшему сыну знаменитую фразу:

— Женись, Аня в твоей школе — самая умная.

Хочется вспомнить и еще одну историю. Несмотря на то, что папа с мамой всю жизнь прожили дружно и с участием, они были очень разными. Папа — гордый и застенчивый молчун, а мама — душа любой компании, очень танцевать любила. Детей у них еще не было, и вот на школьном вечере мама увлеклась танцами с неким офицером. Это было всего несколько танцев, но папа ее сильно приревновал и тут же сделал заключение:

— Уходи, коли ты такая!

В слезах мама прибежала домой раньше папы, пожаловалась бабушке, что Васик ее из дому гонит, рассказала, как что было.

И когда мрачный папа пришел домой со своей версией случившегося, то бабушка, а она была весьма суровым человеком, сказала любимому сыну:

— Если ты совсем дурак, то сам уходи, а Анечку я не отпущу, вместе будем жить.

Пришлось папе с мамой помириться. А больше у них ссор, похоже, никогда и не было.

Нестыдная бедность

На снимке — славная юная компания середины 50-х годов со Слесарной улицы, окраинной улицы Брянска, и среди прочих — автор этих строк.

Повзрослев, мы все быстро разошлись по жизни. Ну, а что объединяло нас тогда, так это улица, на которую в те времена еще не боялись выпускать детей, и социальное равенство, когда все мы пребывали примерно в одном состоянии и качестве. И учительский сынок, и дочка уборщицы. Рассмотрите хотя бы детские ботинки на героях тех

лет, и вам многое станет понятно о том времени.

Много позже историки назовут середину пятидесятых лучшим периодом советской истории. Не было войны, власть прекратила массовые аресты и убийства, страна строилась и развивалась в невероятном темпе. Новые дома, новые заводы, новые школы. Все тогда были примерно одинаково бедны. С малого детства мы понимали цену денег (что многим благополучным детям сегодня непонятно совершенно) и изобретали разнообразные способы для заработков, пусть и невеликих.

Нестыдная бедность

Много позже в институте я увлекся стихами великого шотландского поэта Бернса. И особенно на сердце, помню, легло стихотворение, начинавшееся словами:

«Кто честной бедности своей
стыдится и все прочее,
тот самый жалкий из людей,
трусливый раб и прочее».

Похоже, мы и сегодня все еще не разобрались, как самим относиться к «честной бедности». Горевать, если ты в ней пребываешь или, может, радоваться, что не заплатил чрезмерно, чтобы ее преодолеть. Все сегодня оказалось крайне запутанно, и зато как все было просто тогда, полвека назад.

Воскресник на картошке

Середина 50-х. Молодые. Понятно, в деревню приехали. Но кто? Между прочим, это — аппарат Брянского обкома комсомола, люди и тогда заметные, а затем многие и вовсе пошли высоко.

А как просто одеты! И какие хорошие лица!

Насчет тогдашней помощи города деревне, думаю, лучше всего мне рассказал замечательный организатор сельхозпроизводства Герой Соцтруда Королькевич. В 59-м году его отправили спасать колхоз в почепской глубинке. Над ним одновременно шефствовали и обком партии, и облисполком. И вот шефы осенью по выходным приезжали собирать картошку, а местные пьянствовали и растаскивали по дво-

рам с колхозных полей, что городские не собрали. Сильно бедовал тогда этот колхоз, даже имеющий влиятельных шефов. Шефы ему не помогли. Колхоз встал «на ноги» только когда сами колхозники с новым молодым председателем поняли, как и за счет чего они могут жить лучше. И сделали это.

Новейшая брянская история выяснила: чтобы снова, уже в двадцать первом веке собирать миллион тонн картошки, совершенно не нужно столько шефов, нужна качественная техника, новые технологии, хорошие семена, нужно иное отношение к земле работающих на ней.

И все так. Но эти поездки на картошку многие потом запомнили на всю жизнь. Было весело! Ведь далеко не все способны объединиться для дела сами, зато с готовностью соединяются, когда жизнь велит.

На этот снимок славной компании после урока физкультуры я натknулся, просматривая старые семейные пленки. Год примерно 1958-й.

Снимал мой папа, учитель физкультуры брянской школы № 22 в Володарском районе (позже — школа № 34). Он тогда увлекался фотографией. Как понимаю, ребята упросили — он щелкнул.

В ту пору своего спортзала у нашей окраинной школы не было, не было и стадиона, так что соревнования устраивали прямо на школьном дворе. Время было дотелевизорное, интересных событий, кроме драк улица на улицу, у нас случалось мало, так что даже школьные состязания привлекали много болельщиков.

Спортивная карьера тогда, пусть она потом сложилась лишь у единиц, была все же прекрасной возможностью рвануть наверх. Если, конечно, повезет. Отец, помню, мне рассказывал про знаменитых учеников богатырей братьев Скок (позже они стали руководителями крупных брянских предприятий). В десятом классе они запросто жонглировали двухпудовыми гирями. Условий для спорта в ту пору не было практически никаких, но сколько же и с каким азартом говорилось о спорте и знаменитых чемпионах тогда! А урок физкультуры, безусловно, был одним из самых любимых в школьном расписании.

Интересно, что много позже российские социологи назовут конец пятидесятых самым счастливым в советской истории. И это действительно так! Начали строить жилье для людей, заводы росли, и потому не было проблем с работой. И не было войны. А еще верилось, что завтра будет еще лучше. Надо только немного потерпеть.

БЫЛИ Б К ГОЛОДУ БЛИЗКИ, ЕСЛИ БЫ НЕ КОЛОСКИ

***Мачехин Николай Егорович**, 88 лет,*
ветеран педагогического труда,
Отличник народного просвещения,
п. Дубровка, Брянская область

Шли эшелоны с войны...

Мачехин Н. Е.

Наша семья до войны жила в селе Давыдчи Давыдчинского сельсовета Дубровского района Орловской (ныне Брянской) области. Старинное село, которое впервые упоминается в 1457 году, расположено у южной окраины поселка Дубровка, на правом берегу реки Сещи.

Особо хочется сказать о Давыдчинской церкви Рождества Богородицы. Церковь располагалась на возвышении в центре села с 1733 года. Она горела, отстраивалась заново, не раз ремонтировалась, перестраивалась. Стены церкви были рублены из бревен, снаружи обшиты тесом, а внутри оштукатурены, основание кирпичное. С 1889 года при храме имелась церковно-приходская школа, которую окончили мои родители.

Надо сказать, что православие всегда определяло жизнь русских селян. Не была исключением и наша семья. Хотя, безусловно, активно обозначать свою веру в те времена было не принято.

К сожалению, в 1960-е гг. наша церковь Рождества Богородицы была полностью разрушена. В постсоветское время вместо бывшего храма была построена часовня села Давыдчи, освященная 16 сентября 2002 года в честь Воскресения Христова.

Вот в этом замечательном старинном русском селе и жила наша семья. А семья была большая: отец — Егор Иванович, мать — Прасковья Михайловна, дед — Иван Васильевич, дочери — Мария, Ксения и Евгения, сыновья — Николай (1930 г.р.) и Александр (1937 г.р.).

Наши родители с раннего детства приучали нас работать дома: пасти гусей, уток, свиней, овец, корову. Работали мы с братом и в колхозе: на молотильном току, на заготовке сена и на других работах.

Вместе со всеми земляками пережили мы трудные годы фашистской оккупации. Фашисты заняли нашу деревню 10 августа 1941 года, а долгожданное освобождение пришло только 19 сентября 1943 года. Военное

лихолетье — это голод («лындики» из мерзлой картошки — самое лучшее лакомство), тяжелый труд, расстрелы, постоянный страх смерти...

В нашей деревне после оккупации осталось всего несколько дворов, остальные были сожжены врагом. Люди ютились в землянках и полуземлянках. В такой полуземлянке жила и наша семья.

А отец наш, как и другие мужчины-односельчане, воевал на фронте. Он дошел с боями до Кенигсберга, где был тяжело ранен. У самых его ног разорвалась граната, и осколки посекли ноги. Он долго лечился в госпитале, потом вернулся домой и долечивался уже в местной Дубровской больнице, главным врачом которой был потрясающий человек, врач от бога, фронтовик-орденоносец, участник Московской, Сталинградской, Курской битв, заслуженный врач РСФСР, гвардии майор медицинской службы Григорий Васильевич Петров.

Сегодня как-то особенно часто вспоминается, как бегали мы, давыдчинские мальчишки и девчонки, за три километра на вокзал в Дубровке встречать поезда с фронтовиками, возвращавшимися домой. В то время на всех вокзалах, больших и маленьких станциях с надеждой встречали поезда, идущие с войны. Матери и жены, старики и дети со слезами радости встречали родных: мужей, сыновей, братьев. Встречали Победителей.

...Поезд медленно тормозит, словно кланяется собравшимся на станции людям. А сколько встречающих — глазом не окинешь! Звучит гармонь. Встречающие внимательно всматриваются в окна и двери вагонов, в счастливые лица фронтовиков. Пытаются разглядеть своих близких — не пропустить бы! Так однажды и мы с братом Сашей и мамой встретили нашего отца. Какая это была радость! Хоть израненный, но живой!

Приходили к поездам и те, кто получил похоронки на близких,— а вдруг ошибка? И с тревогой, и с надеждой вглядывались в лица возвращающихся с войны победителей. Многие так и не дождались своих родных...

Фронтовики дарили нам, детям, красные звездочки. Самые дорогие для нас подарки! Были такие и у нас с Сашей. Мы с гордостью и радостью носили их на груди, на шапках, на пилотках.

Возвратившиеся фронтовики после небольшого отдыха вступали в борьбу с послевоенной разрухой, начинали восстанавливать разрушенное войной хозяйство, возводить дома, выводить семьи из землянок. И мы, дети, помогали им в этом как могли...

Колоски

Нам, довоенным подросткам, пришлось пережить оккупацию сполна, испытать и голод, и холод. Не было соли. Приходилось воровать ее на железнодорожном вокзале, который охранялся полицаями и немцами.

Наша деревня Давыдчи Дубровского района была сожжена фашистами при отступлении в сентябре 1943 года. Но люди не пали духом, ведь пришло долгожданное освобождение! Из подручного материала строили жилье (землянки, полуземлянки, мазанки), обогревавшиеся

маленькими печками и железными «буржуйками». И каждая семья думала: как пережить зиму, холодную и голодную? Начали собирать оставшийся урожай зерновых, картофеля, овощей. Многие зерновые поля были сожжены немцами. Собирали оставшиеся колоски.

Приступили к возрождению колхозов. Стали поступать лошади из Монголии (их называли «монголки»). Быстроходные, они годились для верховой езды. Бригадир закрепил их за нами, подростками. Мы их обучали, а это нелегкое дело, много раз падали с них. Поздно осенью готовили корма — косили почти сухие травы. Старшие наладили нам косы, учили косить.

Здоровых мужчин в селе не было, все еще сражались на фронтах. Питание в семьях было плохое, на кого ни погляди — лица бледные и худые. Руки в кровавых мозолях. А зимой 1943–44 гг. стал свирепствовать сыпной тиф. Умирали целыми семьями. У нас из 12 человек переболели 11.

Наступила весна 1944 года. Начали копать и перекапывать землю, пахать на коровах, волах, лошадях. Впрягались в плуги и люди. Стояла задача — больше вскопать, больше засеять. Ведь нужно было кормить и фронтовиков, и все гражданское население страны. На работы выходили все: и стар и млад.

И вот колос налился. Подошла пора уборки. Хлеба убирали вручную. Хорошо, если где скосит жатка-косилка. А для нас, подростков, выпала работа — возить снопы с полей на молотильный пункт.

Быстро опустели колхозные поля. Осень. Пожилые люди говорили нам: «За кузовок да в лесок, студеной зимой каждый гриб — праздник». И пошел я со своими сверстниками Мишей Петраковым, Ваней Маляновым, Колей Балашовым, Юрой Петиным за грибами. По пути заглянули на поле, откуда возили снопы. Осиротело поле без людей, одни вороны бродят. И не по всему полю, а крутятся на пятачках, где скирды со снопами стояли. Подошли к вороньей площадке и увидели, что колосков на земле уйма. Долго мы собирали их. Набили кузовки и сумки. Принесли кладовщику. А он запустил руку в корзинку, пошелестел колосками и говорит: «Приказ из района пришел: всех, кто на ногах держится, на колоски».

Трудная работа — собирать колоски. До крови наколешь руки о стерню. В ясный день солнце печет в спину, а в ненастье дождиком прохватывает насквозь. Собранное складывали в копки. На поле вырастали пирамидки. Затем колоски отвозили под навес над обмолотом. А тех, кто пытался уворовать, строго наказывали по закону. Одна женщина получила за них 5 лет тюрьмы. Особенно много людей было наказано в голодные, неурожайные 1946 и 1947 годы. И до сих пор колосковая пора живет в памяти пожилых людей.

Но и в ту тяжелую пору селяне находили время для кратковременного отдыха, веселья, поговорить о происходящем, посочувствовать кому-либо. Многое изменила война в сознании людей. В тяжелые времена их в деревне спасали единение, взаимопомощь, выручка, дружба и товарищество. Вместе радовались даже маленькому успеху, вместе переживали неудачи, горе и печаль. Особенно когда приходили похоронки...

МЕЧТЫ ПОСЛЕВОЕННОГО ДЕТСТВА

***Шеин Николай Григорьевич**, 83 года,*
председатель Тульской городской
организации«Знание» России,
заслуженный работник культуры РФ,
г. Тула

«Герой на весь мир»

В апреле 1945 года нам, трем пацанам из деревни Черновка, было по 10 лет. В деревне нас звали «кумовья», потому что всегда все делали вместе. А называли в деревне по именам отцов: Ленька Матюшкин (отец Матвей), Володька Левакин (отец Левон — Левака) и я — Колька Гришкин (отец Григорий). Вот такая была традиция.

Ленька Матюшкин из нас, кумовьев, был самый изобретательный и смелый. Теперь уже и Матюшкина, и Левакина нет в живых — Царствие им небесное. На огороде, возле речки Казачки, у нас была территория детства. Там мы играли, там мы мечтали. На огороде в одну линию росли три тополя, они были одинаковые по возрасту — ну прямо тоже «кумовья». Мы их распределили: левый — Матюшкин, средний — мой, правый — Левакин. Залезали на тополя и сидели на высоте, мечтая о будущем. Однажды Матюшкин предложил: «Кто по команде быстрее и выше всех залезет на макушку своего тополя, тот, когда вырастет, станет Героем на весь мир!»

И вот мы бросились к своим тополям. Ленька Матюшкин сразу залез быстрее и выше всех. Я — немного ниже Матюшкина, а у Левакина обломился сук, и он полетел спиной вниз, ломая сучья. Нам показалось, что ухнула земля под Володькой, он начал тяжело стонать. Перепуганные, мы стояли возле него и не знали, чем помочь и что делать.

Слава Богу, отошел Володька, еле-еле потащился домой. Вот ведь как бывает в детстве! Мы тогда даже подумать не могли, что наш ровесник Юрий Гагарин «залезет» быстрее всех и выше всех и действительно станет Героем на весь мир.

В маминых сапожках

Летом 1946 год была страшная засуха в Оренбургской области. И это сразу после Великой Отечественной войны. Мне 12 лет, всю войну прожил в правлении колхоза. Родителей не было: мама умерла, когда мне было четыре месяца, папа погиб в 1943 году. Жил с бабушкой. Приходилось много работать, но такого голода, как летом 1946 года, больше никогда не ощущал. Щавель, кислятка, лебеда, просянка стали основной пищей.

В июле с надеждой все смотрели на поля, но урожай оказался такой низкий, что становилось страшно. Следующий год тоже оказался засушливым. Но это потом... А пока председатель колхоза разрешил скосить несколько гектаров пшеницы для трактористов, чтобы испечь им хлеб. Душистый оренбургский хлеб... Даже голова кружилось у нас, мальчишек, при одном предчувствии, что можно будет съесть кусочек хлеба. Бригадир колхоза, раненный в ногу и сильно хромающий, Суслов Алексей Васильевич, дядя Леха, как мы его звали, говорит мне:

— Коля, надо трактористам и картошки накопать, хотя бы мешок. Сможешь?

Родители в тех самых сапогах

Я всегда был под рукой у председателя колхоза, а теперь и бригадир ко мне обратился. Разве можно отказаться? Но вот беда, я босиком ходил каждое лето — не было обуви. А как босому копать картошку? Бабушка посоветовала: «Колькя (так она меня называла), залезай на чердак, там должна быть старая обувь. Может, что-нибудьнайдешь для себя».

Действительно, на чердаке в фанерном ящике лежала старая обувь отца и матери. Как память о них. Солдатские сапоги отца были для меня очень большие и тяжелые. А вот сапожки мамы я примерил — они оказались прямо по ноге. Только были они на высоких каблуках (видимо, праздничные) и выглядели почти как новые, наверно, мама не успела в них походить. Что делать? Картошку копать надо. И я обул эти сапожки и копал в них картошку для голодных трактористов. Спасибо, мама! Выручила...

Дядя Леха сам приехал на тарантасе за мешком картошки и привез мне в подарок... полбуханки душистого оренбургского пшеничного хлеба. Запах и вкус этой полбуханки я ощущаю всю жизнь. Сохранилась всего лишь одна фотокарточка (да других, скорее всего и не было) моих мамы и папы, где они рядом, руки сложены на коленях, у мамы белая праздничная кофта, на плечах легкий платок и на ногах эти самые выходные сапожки. А у папы те самые солдатские сапоги.

Дед Бардан

Это Никифоров Дмитрий Андреевич, постоянный конюх в деревне Черновке (колхоз «Ударник») с первого дня образования колхоза и до последнего дыхания деда. Он заведовал конюшней, которая готовила кавалерийских скакунов для Красной Армии. Примерно в 1935 и 1937 го-

Дед Бардан с женой Лукерьей после Отечественной войны

дах Д. А. Никифоров был участником сельскохозяйственной выставки в Москве вместе со своими кавалерийскими конями. Для меня, Кольки Гришкина, дед являлся колхозным воспитателем в годы войны и до 1949 года. Так как жили по соседству (конюшня тоже была рядом), дед учил меня ухаживать за конями и многим другим деревенским навыкам.

В первую мировую войну дед (тогда молодой солдат) оказался в немецком плену и его вывезли в Германию, поселили у немки-вдовы, как домашнего работника. Дед рассказывал: «Я парень был видный, хозяйка стала приставать ко мне, как к мужчине, и тут я не выдержал, убежал в лес, потом стал пробираться на восток, питался желудями и все-таки вернулся к своим, а после революции 1917 года и в Черновку. Сохранил присягу и верность».

Глава 4. ОТЦЫ И ДЕДЫ — СОЗИДАТЕЛИ

«ЛЮБОВЬ — ЭТО НА ВСЮ ЖИЗНЬ»[1]

***Макаров Николай Алексеевич**, 69 лет,*
военный врач Воздушно-десантных войск,
гвардии майор медицинской службы,
член Российского Союза ветеранов Афганистана,
член Союза писателей России,
г. Тула

Алексей Макаров

В семейном архиве сохранилась рукопись отца, которая достойна быть напечатанной и, естественно, прочитанной не только детьми, внуками, правнуками отца, но, по-моему, заслуживает внимания и любого читателя. Мало того, мысли этих дневниковых записей актуальны и в наше время.

Рукопись предваряют воспоминания его младшей дочери Ольги (в замужестве — Тишкиной), моей сестры:

«Помимо отцовских тетрадей, черновиков стихов, пожелтевших газетных вырезок, сохранился старенький серенький блокнотик.

В нем аккуратным девичьим почерком с наклоном в левую сторону переписаны стихи, которые отец посвящал своей любимой девушке, будущей жене и нашей матери — Танюше Петровой.

Стихи наивные (...кто стихов не пишет в девятнадцать лет?!), но такие искренние и чистые, что трогают до слез.

Мальчишка, в восемнадцать лет лишившийся обеих ног после ранения на фронте, и девчонка, ответившая на его чувства, не побоявшаяся пересудов родных и окружающих.

Что давало им силу пережить ужасы войны, тяготы и лишения послевоенных лет? Что помогало честно работать, растить детей, дождаться внуков?

Только большая любовь и глубокая верность и преданность.

---

[1] Продолжение. Начало см.: Макаров Н. А. Об отце // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. Ч. 1 / Под ред. Ю. М. Осипова, Л. И. Ростовцевой.— Тула: Гриф и К, 2012.— С. 434–443; Макаров Н. А. Из воспоминаний отца // Мы помним...Книга воспоминаний и размышлений поколений. Ч. 2 / Под ред. Ю. М. Осипова, Л. И. Ростовцевой.— Тула: Аквариус, 2015.— С. 91–101.

Они прожили вместе более сорока лет.

Но остались мы, его дети, повзрослели внуки, народились правнуки...

В детстве родители нас звали Колюнька, Танюшка и Олечка. И одной из отцовских любимых песен была: «Я люблю тебя, жизнь».

Итак, заглянем в отцовы записи».

Любовь на всю жизнь

«Читаешь иногда о том, что такие-то и такие-то молодые люди, поженившись по любви, пожив несколько месяцев, расходятся; или о том, как в результате вмешательства родных и близких он женится на другой, она выходит замуж за другого. Обидно становится за таких людей. Не было у них любви. А если и была, то не умеют они дорожить этим прекрасным, священным чувством, не хотят бороться за настоящую, чистую, верную любовь.

Мне хочется рассказать о своей жене — человеке большого, благородного сердца. Не удивляйтесь. Может, кто и подумает: каждый, мол, муж хвалит свою жену. Нет, вы послушайте, что я расскажу, и, надеюсь, вы согласитесь со мной.

Прежде — о себе. Я окончил десять классов, когда началась война с фашистскими захватчиками. Как и многие юноши, я ушел добровольцем на фронт, был разведчиком, бывал в тылу у немцев с заданиями командования фронта. 18 февраля 1942 года был тяжело ранен, лишился обех ног. В это время мне было 18 лет! Признаюсь, тяжело было, очень тяжело. Что буду делать? Кому я нужен? Жить на иждивении матери? Получать инвалидскую пенсию? Это в 18-то лет! Лежа в госпитале, читал и перечитывал «Как закалялась сталь». Ну, да — речь не обо мне.

...Домой приехал с костылями, с кожаными ногами, с морщинами на лбу, с седой прядью в волосах. Настроение ужасное. Помню, встретил девчат, с которыми учился в десятилетке, приглашают: «Заходи к нам, патефон послушаем, станцуем»... и осекаются, глядя на мои ноги. А у меня слезы на глазах.

Опять — не о том начал.

В 1943 году я поступил учиться в учительский институт на первый курс. Там-то и встретил в двадцать пятую годовщину комсомола, 29 октября, свою будущую жену, студентку второго курса Таню Петрову.

Забегу вперед: этот день — день годовщины комсомола и день нашей первой встречи мы ежегодно торжественно отмечаем.

Конечно, тогда я и не думал, что Таня станет моей женой, что она полюбит меня, калеку, как я, скрепя сердце, называл себя. Вообще, насчет любви к себе я был настроен пессимистически, не верил я в хорошую, чистую, искреннюю любовь; да, по правде сказать, и не знал я этой любви. Помните, были в это время и такие девушки, да и сейчас еще попадаются, для которых нужен был не человек, а звездочки на погонах. Это — не в укор офицерам, нет! Но известны были случаи, когда какая-нибудь 18–20-летняя девица выходила за 45–50-летнего папашу со звездочка-

Татьяна Петрова

ми, как и сейчас иногда бывает: выходят замуж за квартиру, за большой оклад. Очень здорово наши карикатуристы разделывают таких молодоженов.

Опять отвлекся.

Я считал, что меня никто полюбить не сможет, не отважится на такой подвиг.

Да, я считаю это подвигом!

Я видел, как мать, глядя на меня, утирала слезы, скрывая их от меня. Видел и слышал, как многие женщины горестно вздыхали, видя молоденького солдатика с костылями. Во многих у нас книгах очень хорошо, очень правильно написано о том, как жены с любовью встречают искалеченного мужа-героя. Спасибо! Большое спасибо таким женщинам. Но они знали своих мужей еще до войны, здоровыми, ловкими, красивыми. А моя Таня не знала меня таким, хотя и жили мы в одном городе, но на противоположных концах его, учились в разных школах, к тому же я на два года старше ее.

...В тот день — 29 октября — мы вместе с группой студентов были в театре на торжественном вечере: разговоры, смех, шутки. Какие бывают разговоры у молодежи, о чем?Обо всем, конечно: о дружбе, о любви. Я любовь высмеивать начал, хотя мало что смыслил в ней. Так и прошел этот вечер.

Потом вместе с товарищем, тоже инвалидом, стали участвовать в институтской художественной самодеятельности (пели), участвовала и Таня. Она сразу (еще в тот, первый вечер) обратила на себя мое внимание. Не похожа она на других: скромнее, серьезней, если веселится, то веселится от души, рассуждения всегда умные, ни разу я не слышал от нее неправды, пошлости. Ко мне она относилась не так, как другие. Иногда эти «другие», желая пошутить надо мной и моим товарищем, спрашивали у нас: «Когда вы женитесь?» Мы обычно на такие вопросы отвечали: «Хоть сейчас, пойдем в ЗАГС». Конечно, никто из этих «шутниц» в ЗАГС с нами идти не собирался. Таня таких вопросов никогда не задавала, но частенько спорила со мной, разбивая мой пессимизм, мое тяжелое настроение. Смеешься, бывало, с девчатами, а у самого на сердце кошки скребут: «Вам хорошо, а каково мне, мне, девятнадцатилетнему инвалиду?»

Споры, совместные посещения кино, участие в художественной самодеятельности, бережное, нежное, чуткое отношение ко мне со стороны Тани все больше и больше влекло меня к ней. И я должен признаться самому себе, что я полюбил, что я люблю эту чудесную девушку-блондинку. Глаза мои всегда искали ее, слух мой из массы голосов всегда выделял ее голос, сердце мое всегда замирало, когда она подходила ко мне, говорила со мной.

А я?Я боялся сказать ей о своем чувстве, хотя видел, что и я ей становлюсь небезразличен. Несколько раз я ходил ее провожать, далеко мы жили друг от друга, хотя и тяжеловаты для меня были такие прогулки, но я любил ее. Да и время такое: война, город затемнен, небезопасно идти девушке одной,

но она не боялась, ходила. Как-то у меня сломался протез, и я «отходился», пришлось сесть на первую завалинку, а она побежала ко мне домой за костылями и потом, проводив меня до дома, одна пошла через весь город.

Мать моя как-то смеялась: «Девчата научили тебя хорошо и помногу ходить». Отчасти, это — правда. Первое время, помню, вернувшись из госпиталя, я после двухсот метров садился отдыхать, а если и пройдешь за день километр, то неделю сидишь дома. Став студентом, ни одного дня не пропустил: ходил в любую погоду, в любое время, костыли бросил, стал ходить с одной тросточкой, танцевать научился.

В один, как говорят, прекрасный февральский вечер — вечер был действительно прекрасным — легкий морозец, медленно-медленно падающие снежинки и мы с Таней идем из кино. И я решился (будь что будет) сказать ей о своей любви. Таня — человек правдивый, она сразу скажет, как воспримет мое признание. Боялся, что услышу в ответ: «Хватит и этой дружбы». Нет, ответ ее потряс меня.

— Это серьезно? Ведь любовь — это на всю жизнь, я только так могу любить.

Так состоялось наше взаимное объяснение в любви. Простояли у ее дома до утра. Как я был счастлив, это всякий, кто по-настоящему любил и любит, поймет. Я даже за этим счастьем забыл, что у моей подруги ноги не деревянные, как у меня, что она в туфлях, что на дворе февраль. Позже, вспоминая этот дивный вечер, она говорила, что ноги ее замерзли до предела, но сердце горело, и не хотелось уходить.

Встречались мы после того вечера каждый день. Как это — прожить целый день и не видеть друг друга?! Познакомились с матерями: она — с моей, я — с ее. С Таней решили: как закончу институт, так и поженимся. Таня окончила институт на год раньше меня, и ее, как отличницу, оставили работать в городе; к тому же в семье она была старшая, кроме нее было еще четверо. Отец умер, старший брат погиб на фронте, старшая сестра умерла совсем недавно.

...По окончании института, по распоряжению Наркомпроса, я, как инвалид первой группы, тоже был оставлен работать в городе. Каждый день мы только и говорили о том, что скоро нам придется произносить слово «надо». Это слово произносили тогда, когда уходить по домам действительно надо было. Надо... надо... надо... До десяти раз произносили, пока, наконец, не прощались до завтра.

Однажды, отнюдь, совсем не в прекрасный сентябрьский вечер — хотя и в сентябре бывают прекрасные вечера — Таня мне говорит, что сегодня к ним мне лучше не заходить в дом. Почему? Банально просто: ее тетушки, бабушки, знакомые, родные и не родные, узнав, что Таня собралась выходить замуж за безногого калеку, начали атаковать Танину мать, будущую, но пока несостоявшуюся тещу, в бесперспективности такого брака. Нашли даже альтернативного богатого жениха — бухгалтера какого-то завода. И мать ее, моя будущая, но пока несостоявшаяся теща, заявила категорически, чтобы я больше к ним не ходил, что она не даст своего разрешения на нашу свадьбу, что спустит всех своих

и соседских собак, приблизься к их дому ближе чем на семнадцать с половиной метров.

Что было всем этим сватьям бабкам Боборихам до любви, до нашей любви?

Хотя прав я был, что не имею никаких прав — во, каламбур! — на ее любовь. Моя любовь может принести ей только несчастье.

Таня, словно угадав мои мысли, мое смятение, успокаивала, лила бальзам на мою истерзанную душу:

— Ни за кого другого я замуж не пойду. Ты помнишь: любовь — это на всю жизнь, я только так могу любить,— и потом: — Подождем немного, меня они не переломят, но пока не ходи, не хочу обижать мать.

Так мы виделись каждый день целый год, третий год со дня нашей первой встречи.

Как-то после окончания учебного года она говорит:

— Знаешь, мне не хочется обижать мать, которая против тебя, и тебя я вижу каждый день и люблю по-прежнему. Но давай все-таки проверим нашу любовь: поезжай куда-нибудь работать. Посмотрим, настоящая ли наша любовь. Если да — то я ни на что не посмотрю, брошу все и приеду к тебе.

Я так и поступил. Я верил, как и она, в нашу любовь. Я уехал работать в село 15 августа 1946 года...»

Первые стихи отца, посвященные своей девушке, любимой Татьяне.

В День восемнадцатилетия

Тебе, Танюша, в день рожденья
Решил сказать спасибо я
За то,что часто в сновиденьях
Ты снишься мне,любовь моя.
За то,что ты своей душою
Мою сполна понять смогла,
За то,что ты всегда со мною,
Как с милым ласкова была.
Через тебя я стал как прежде —
Почти такой, как до войны.
Опять явилися надежды,
Явились светлые мечты.
Сказал бы больше... Только знаешь,
Словарь мой беден — мало слов
Сказать про все... Ты понимаешь?
Что жизнь вернула ты мне вновь!!!

10.12.43 г.

В 1943 году отец поступил учиться в Мичуринский педагогический институт и сразу же вступил в Профсоюз работников просвещения, высшей школы и научных учреждений.

Окончив институт в 1945 году, отец уехал преподавать русский язык и литературу в Ново-Тарбеевскую среднюю школу Мичуринского района Тамбовской области.

Через год в село приехала и его невеста — Татьяна Петрова, учительница математики. 21 сентября 1946 года они поженились в Мичуринске — испытание разлукой оба выдержали с честью. В декабре 1947 года родился их первенец — автор этих строк, в 1952 году на свет появилась дочь Татьяна, в 1956 году — Ольга. В 1953 году отец стал завучем школы, в 1955 году — директором.

В это время, по-моему, отец не делал записи, но много писал в районные газеты, в которых публиковались и заметки о нем.

Маленькую толику этих публикаций, показывающих жизнь села в конце сороковых — начале пятидесятых годов прошлого века, привожу ниже.

Публикации об отце

Краснов М.С., Полянский А.П. В помощь школе. Сборник статей.— М.,1947.

«...Примером удачного использования литературы в целях воспитания учащихся в духе коммунистической морали является анализ поэмы Маяковского «Во весь голос» в 10 классе Ново-Тарбеевской средней школы.

Выясняется смысл и значение следующего отрывка из поэмы:

«Мне наплевать
на бронзы многопудье,
мне наплевать
на мраморную слизь.
Сочтемся славою –
ведь мы свои же люди,
пускай нам
общим памятником будет
построенный
в боях
социализм»
(«Во весь голос»).

Тов. Макаров подчеркивает коммунистический мотив стихотворения Маяковского.

«...пускай нам
общим памятником будет
построенный
в боях
социализм».

Проведена аналогия с «Памятником» Пушкина, подчеркнута возвышенность мотива великого поэта, который тесно связывает славу со служением народу. Аналогия позволяет глубже уяснить возвышенность стремлений В. Маяковского.

При изучении темы «Некрасов о поэте и поэзии» подчеркнут взгляд поэта на общественную роль литературы и противопоставлен взгляд теоретиков так называемого «чистого искусства», использованы данные доклада т. Жданова о подлинном искусстве и искусстве бессодержательном, пошлом, вредном.

При анализе поэмы «Кому на Руси жить хорошо», характеризуя образ Гриши Добросклонова, т. Макаров подчеркивает возвышенность стремления к счастью героя и противопоставляет эту возвышенность индивидуалистическим стремлениям к счастью Манилова и Обломова.

Тов. Макаров стремится в преподавании художественной литературы разрешить не только образовательные, но и воспитательные задачи, помочь учащимся, соблюдая систему прохождения курса, разбираться в различных вопросах коммунистической морали на живых и наглядных образах литературы...»

Ф. Потапов. Изба-читальня в дни уборки урожая // Мичуринская правда. 21 августа 1949 г.

«Раз в неделю в помещении начальной школы Ново-Тарбеевского сельсовета для повышения своих теоретических знаний собираются коммунисты колхозов «Авангард», «13-й Октябрь», «Свободный труд». Кружок по изучению биографий великих вождей советского народа В. И. Ленина и И. В. Сталина здесь начал работать с 15 октября. За это время проведено пять занятий.

Руководитель сельского лектория коммунист т. А. Д. Макаров каждую неделю выступает перед колхозниками с интересными лекциями. На днях он прочитал лекцию о международном положении. Более 200 человек с большим интересом и вниманием слушали простой и яркий рассказ о событиях за границей. После лекции тов. Макарову было задано много вопросов. Колхозники желают знать о предательской политике клики Тито в Югославии и о том, против кого направлен Северо-Атлантический пакт, о современном положении дел в Китае и т.д.

Тов. Макаров несколько раз выступал с докладами, проводил беседы на полевом стане среди колхозников сельхозартели «Авангард»...

В. Грезнев,заведующий избой-читальней. Лекторий при избе-читальне // Мичуринская правда. 1 февраля 1950 г.

«...В связи с развернувшейся подготовкой к выборам в Верховный Совет СССР, лекторий (руководитель — А. Д. Макаров) наметил в ближайшие дни ряд лекций и докладов на темы: «Общественное и го-

сударственное устройство СССР», «Высший орган государственной власти Союза Советских Социалистических республик», «Основные права и обязанности граждан», «Избирательная система» и другие...»

6-й Пленум райкома ВКП(б)// Мичуринская правда. 23 октября 1951 г.

«...Заведующий учебной частью Ново-Тарбеевской средней школы т. Макаров сказал о том, что райком партии не сделал еще соответствующих выводов из недостатков, имевших место в прошлом учебном году, формально относится к воспитанию пропагандистских кадров.

– Накануне учебного года,— говорит т. Макаров,— мне было поручено прочитать лекцию о том, как провести занятие в политшколе по теме «Единая семья советских народов». В райкоме сказали, чтобы я особенно не торопился. Готовься, мол, к семинару, который состоится во второй половине октября. Но вдруг 1 октября звонят по телефону, спрашивают: готов ли я к лекции? Отвечаю, что нет еще, не готов. «Готовься скорее. Высылаем автомашину». Жду час, другой, третий, но автомашина так и не пришла. Подготовившись к лекции, прибыл на очередной семинар, но он, к сожалению, не состоялся из-за неявки слушателей...»

Роль сельской интеллигенции в производственной жизни колхозов // Мичуринская правда. 9 января 1952 г.

«...Заведующий учебной частью Ново-Тарбеевской средней школы т. Макаров поделился опытом работы сельского лектория:

– Интеллигенция села Ново-Тарбеево и в первую очередь учителя,— сказал тов. Макаров, — уделяют большое внимание вопросам политического просвещения колхозных масс. У нас регулярно читаются лекции и доклады на различные политические и научно-популярные темы. Но в порядке самокритики,— продолжает т. Макаров,— должен отметить, что мы еще недостаточно пропагандируем мичуринскую агробиологическую науку и опыт передовиков сельского хозяйства...»

Т. Краснова. Из опыта работы сельского лектория // Мичуринская правда. 15 января 1952 г.

«...В организации лекторской работы большая заслуга принадлежит руководителю лектория — заведующему учебной частью школы А. Д. Макарову. Он много уделяет внимания тому, чтобы лекции были глубоки по содержанию и доходчивы по изложению для широких масс колхозного крестьянства, воспитывали их в коммунистическом духе...»

Пленум райкома партии // Мичуринская правда, 28 сентября 1952 г.

«...О низком качестве проводимых семинаров пропагандистов, случаев срыва их занятий говорил в своем выступлении и заведующий учебной

частью Ново-Тарбеевской школы т. Макаров. Он отметил также, что отдел пропаганды и агитации райкома партии недостаточно серьезно подошел к комплектованию сети партийного просвещения на новый учебный год. При создании кружков и политшкол не всегда учитывались мнения пропагандистов, образовательный уровень и желания коммунистов. Так, например, было с комплектованием политсети в Ново-Тарбеевской территориальной парторганизации и в колхозе имени Ленина...»

Районное собрание партийного актива // Мичуринская правда. 3 октября 1952 г.

«...Свое выступление на собрании заведующий учебной частью Ново-Тарбеевской школы т. Макаров посвятил вопросам народного просвещения. Он рассказал о том, что отдельным школам не созданы условия работы. Вот, например, Озерская семилетняя школа. Здесь имеется 7 классов, но занятия учащихся проходят в трех тесных комнатах. В некоторых средних сельских школах не достает преподавателей, отсутствуют физические, химические и другие кабинеты, мало наглядных пособий...»

Шахматный турнир // Голос колхозника. 21 декабря 1952 г.

«Особой любовью преподавателей Ново-Тарбеевской средней школы пользуется игра в шахматы. 11 декабря здесь закончился квалификационный шахматный турнир, продолжавшийся более трех недель. В турнире приняло участие 8 шахматистов, среди них лучший шахматист нашего района второразрядник С. А. Голубев, пять шахматистов четвертого разряда.

Турнир проходил в острой напряженной борьбе. Первое место завоевал шахматист А. Д. Макаров, набравший 12,5 очков из 14 возможных. На втором месте П. И. Чеканов, набравший 10,5 очков, на третьем — М. А. Богоявленский (10 очков). Второразрядник С. А. Голубев набрал 9 очков и занял четвертое место.

Шахматисты тт. Макаров, Чеканов и Богоявленский, занявшие первые места в турнире, завоевали право на получение третьего спортивного разряда по шахматам...»

Шахматный турнир в районе // Тамбовская правда. 14 января 1953 г.

«Мичуринский районный комитет по делам физкультуры и спорта провел первый шахматный турнир. В нем участвовало 13 лучших шахматистов района.

Первое и второе места поделили между собой заведующий учебной частью Ново-Тарбеевской средней школы А. Макаров и заведующий учебной частью Заворонежской семилетней школы Н. Погарченко, набравшие по 10,5 очков из 12 возможных...»

Публикации отца

А. Макаров. Неправильное отношение к школе рабочей молодежи// Мичуринская правда. 14 октября 1945 г.

«В начале 1945–46 учебного года решено было открыть школу рабочей молодежи при заводе им. Ленина. Укомплектовали штатом учителей. Сто человек, желающих обучаться в 5–8 классах, были зачислены в школу. Отвели учебное помещение, но в нем... не оказалось электропроводки. Не велика беда, руководство завода заверило, что проводку обеспечат своими силами к 10 сентября. Легко было решать, а выполнять — ой как трудно! Директор школы т. Миронов почти две декады по нескольку раз в день делал рейсы от кабинета заведующего гороно т. Елисеева до кабинета директора завода т. Зильберта, и только 18 сентября проводка была закончена. Не без трудов удалось включить свет. 20 сентября в школе загорелся свет. На второй день начались занятия. Вместо ста человек во все четыре класса явилось не более 15, остальные работали на подсобном хозяйстве в лесу. Вскоре оторвали от учебы и тех немногих товарищей, которые ходили в школу. Занятия в школе продолжались и с малым количеством учащихся, а с 4 октября школу оставили без света. Прибавились хлопоты т. Миронову. Он начал бегать к завам, замам, начам и помначам, имеющим прямые или косвенные отношения к школе, отвоевывая нормальные условия для работы.

Но и поныне электоэнергию для школы не дает ни горэлектостанция, ни завод им. Ленина. Школа не работает.

В довершении ко всему т. Елисеев издал приказ, по которому преподаватели школы должны идти в отпуск... без содержания, до момента обеспечения школы электросветом. Причем зарплату за сентябрь месяц учителям еще не выплатили.

Большие мытарства претерпевает школа, а вместе с нею и преподавательский состав».

А. Макаров. Зайдите через полмесяца // Мичуринская правда. 13 ноября 1945 г.

«Еще в августе городской отдел социального обеспечения выдал группе инвалидов Отечественной войны ордера на пошивку брюк и гимнастерок на швейной фабрике им. Крупской.

– Когда будет выполнен наш заказ? — спросили мы закройщика Сарычева.

– Зайдите через полмесяца,— ответил он.

Дождавшись намеченного срока, мы пришли на фабрику. От того же закройщика снова услышали: «Зайдите через полмесяца».

Эти «полмесяца» тянутся до сих пор.

Почему же руководители фабрики допускают подобное бездушие к заказчикам и, в частности, к инвалидам Отечественной войны?»

А. Макаров. Кружковая работа в школе // Мичуринская правда. 27 сентября 1949 г.

«В Ново-Тарбеевской средней школе большое внимание уделяется кружковой работе учащихся. Здесь организовано 10 различных кружков: литературные, драматический, хорового пения, физкультурный, шахматный, рукоделия, юных мичуринцев и другие. Организован также струнный оркестр. Всего в предметных кружках и художественной самодеятельности участвуют 230 пионеров и школьников.

Работа кружков проходит строго по плану, утвержденному директором школы. Учащиеся проявляют исключительно большой интерес к занятиям в кружках и активно посещают их.

В хоровом кружке, например, ребята разучивают «Гимн демократической молодежи», члены драматического кружка готовят постановку пьесы «Последний ход», успешно работает физкультурный кружок. Члены литературных кружков решили выпустить рукописный журнал творчества учащихся и подготовить литературный монтаж «Русские писатели о Родине».

Результаты своей работы в предметных кружках и кружках художественной самодеятельности учащиеся покажут в дни празднования 32-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции».

А. Макаров, с. Ново-Тарбеево. По инициативе комсомольцев // Мичуринская правда. 10 февраля 1950 г.

«В Ново-Тарбеевской средней школе по инициативе комсомольской организации намечены читки лекций для учащихся старших классов и молодежи села. Например, ученик 10 класса, секретарь комсомольской организации Виктор Остроухов готовит лекцию «Комсомол в дни Отечественной войны Советского Союза», ученик того же класса Алексей Крадинов прочитает лекцию «Горький об Америке».

Кроме того, будут прочитаны лекции «Земля и солнце», «О советском патриотизме», «Академик Т. Д. Лысенко — продолжатель развития мичуринской биологии» и другие».

А. Макаров. Работа сельского лектория // Мичуринская правда. 11 апреля 1950 г.

Созданный в Ново-Тарбеевском сельсовете лекторий регулярно проводит чтение лекций в местной избе-читальне. За три последних месяца текущего года им прочитано 15 лекций, на которых присутствовало более 2 000 человек.

Лекцию на тему «Учение академика Лысенко о стадийном развитии растений» прочитает учительница средней школы А. П. Погадаева, лекцию «Талантливейший поэт советской эпохи В. В. Маяковский» готовит учительница В. С. Салычева. С докладом о 81-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина и о событиях на реке Лене в 1912 году выступит С. А. Голубев.

В конце текущего месяца намечено прочитать лекцию на тему: «Происхождение жизни на земле» (докладчик учитель М. А. Богоявленский).

Во время весеннего сева сельский лекторий запланировал прочитать ряд лекций в бригадах колхоза имени Ленина, на семинарах и совещаниях агитаторов.

А. Макаров. Спортивная работа в школе // Мичуринская правда. 12 мая 1950 г.

«В Ново-Тарбеевской десятилетней школе хорошо работает кружок физкультуры, которым руководит опытный преподаватель т. Грезнев. В дни выборов в местные Советы депутатов трудящихся, в Верховный Совет РСФСР физкультурники школы продемонстрировали перед избирателями свои успехи в упражнениях по легкой атлетике, исполнении акробатических номеров.

Совсем недавно большинство учащихся школы имело неясное представление о шахматной игре. Два года назад здесь по инициативе учителя т. Голубева организован кружок шахматистов. Он привлек многих учащихся, особенно 7–10 классов. Уже в конце первого года существования кружка среди его членов был проведен шахматный турнир. Из 11 участников турнира первые места заняли десятиклассники Константинов, Степанов, а также пионервожатый Власов. Им присвоена 5 категория.

С наступлением весны намного увеличились возможности для проведения занятий по различным видам спорта. При школе оборудована спортивная площадка. Здесь учащиеся упражняются на турнике, брусьях, шесте и кольцах. Организованы две футбольные команды. Под руководством учителей тт. Иванова и Грезнева члены спортивных команд регулярно тренируются. В летний период юные физкультурники проведут экскурсии по изучению родного края».

А. Макаров. Большие заботы о благоустройстве села // Мичуринская правда. 13 мая 1950 г.

«Большие средства отпускаются советским правительством на благоустройство наших городов и сел. С каждым годом все заметнее становится культурный рост колхозного села. Об этом говорят факты. Например, в селе Ново-Тарбеево у многих колхозников появились патефоны, радиоприемники, велосипеды.

Когда-то показ кинокартин был событием. Теперь 2–3 раза в неделю в местной избе-читальне демонстрируются кинофильмы, регулярно читаются лекции. Молодое поколение уже не знает о том, что на территории села прежде была лишь одна начальная школа. Сейчас в селе две школы — десятилетняя и семилетняя.

Выросла и своя интеллигенция. В средней школе на 27 человек ее педагогического коллектива 14 — уроженцы родного села. Дети колхозников,

окончив школу-десятилетку, поступают учиться в высшие учебные заведения страны. Василий Милованов, например, учится в Мичуринском плодоовщном институте имени И. В. Мичурина, Алексей Краденов и Виктор Остроухов — в Харьковском медицинском институте, Виктор Грезнев — в Тамбовском педагогическом институте и т.д.

Но жизнь не стоит на месте. Она предъявляет все новые требования. Забота о дальнейшем благоустройстве села возложена на сельский исполнительный комитет депутатов трудящихся. Хорошие, дельные, ценные решения и постановления выносятся на сессиях сельсовета, на заседаниях сельисполкома, но в большинстве случаев эти постановления остаются на бумаге.

С осени 1948 года выносятся решения об озеленении улиц села, а до конца это дело не доводится. Депутатам сельсовета было поручено возглавить эту работу в своих избирательных округах, но сроки проходят и все остается по-прежнему. Почему сельисполком и председатель сельского Совета В. А. Мельникова на спросят с депутатов: как же они выполняют принятые решения?

Неоднократно обсуждался вопрос о радиофикации села. Для этого сейчас есть все возможности. Однако сельсовет не проявляет должной инициативы в том, чтобы ускорить радиофикацию.

Есть в селе и тепловая электростанция, но работает она нерегулярно. Сельский Совет и правления колхозов должны позаботиться о том, чтобы лампочки Ильича горели в домах колхозников.

Пора подумать и о переименовании названий сельских улиц. Такие названия, как «Епишина гора», «Кобелевка», «Углянка», «Ровок», безусловно, отжили свой век.

Надо больше проявлять заботы о благоустройстве села, о культурных нуждах ее жителей».

А. Макаров. День бригады в колхозе // Мичуринская правда. 24 августа 1950 г.

«На днях в сельскохозяйственной артели имени Ленина Ново-Тарбеевского сельсовета был проведен «День бригады».

В первой и второй полеводческих бригадах агитаторы-учителя средней школы Н. А. Милованов и М. А. Богоявленский прочитали лекции о международном положении. На эту тему состоялись лекции в кормодобывающей и овощеводческой бригадах.

Агитаторы провели с колхозниками беседы по поводу заявления Министра Иностранных дел Англии Моррисона и ответа газеты «Правды», обмена посланиями между председателем Президиума Верховного Совета СССР тов. Шверником и Президентом США г-ном Трумэном, резолюциями Президиума Верховного Совета СССР и Конгресса США. Рассказали также о событиях в Корее и ходе переговоров о перемирии в Кэсоне, о международном фестивале демократической молодежи в Берлине и т.д.

Бригадиры тт. Крадинов, Сухарев, Милованов и Баев поставили перед колхозниками очередные задачи по досрочному завершению уборочных работ и хлебосдачи государству».

А. Макаров. На пришкольном участке // Мичуринская правда. 11 апреля 1951 г.

«С наступлением весны оживилась работа на пришкольном участке Ново-Тарбеевской средней школы. Все работы в плодовом саду, который заложен здесь три года назад, проводятся учащимися под наблюдением и руководством учителей-биологов М. Г. Брюхиной и А. П. Погадаевой.

Еще осенью все 70 яблонь и 25 деревьев вишни были окопаны, стволы укрыты от мороза и грызунов. Каждое дерево закреплено за отдельным учеником, который и ухаживает за ним.

Сейчас стволы яблонь раскрыты, произведены подрезка и окопка приствольных кругов. Весной намечено посадить еще 50 яблонь.

Кроме сада на пришкольном участке имеется 30 делянок для опытных посевов злаковых, бобовых, технических и овощных культур. Под опытные посевы отведено 180 квадратных метров земли».

А. Макаров. Любимый писатель // Мичуринская правда. 6 ноября 1951 г.

«Более пятисот учащихся Ново-Тарбеевской средней школы являются читателями своей библиотеки. Один из любимых писателей учащихся — Аркадий Гайдар. Они перечитали его произведения: «Р.В.С.», «Школа», «Военная тайна», «Тимур и его команда» и другие.

В связи с десятилетием со дня смерти писателя А. П. Гайдара во всех классах школы проведены беседы о жизни и литературной деятельности писателя-борца».

А. Макаров. Сбор семян древесных пород // Мичуринская правда. 17 ноября 1951 г.

«Учащиеся старших классов Ново-Тарбеевской средней школы приняли активное участи в сборе семян древесных пород. Ими собрано около 600 килограммов желудей и более 70 килограммов семян клена и ясеня.

Собранные семена сданы на заготовительный пункт Старо-Казинского сельпо».

А. Макаров. В школе сельской молодежи // Мичуринская правда. 18 ноября 1951 г.

«Четвертый год существует вечерняя школа сельской молодежи в Ново-Тарбеевском сельсовете. В прошлом году 7-й класс вечерней школы окончило 8 человек, все они поступили учиться в техникумы города Мичуринска.

С 1 ноября в школе сельской молодежи начались занятия нового учебного года. Сейчас обучается 40 человек, из них в 7-м классе — 15».

А. Макаров. 500 килограммов желудей // Молодой сталинец. 18 ноября 1951 г.

«Учащиеся Ново-Тарбеевской школы Мичуринского района вносят свой посильный вклад в дело преобразования природы. Они собрали 500 килограммов желудей».

А. Макаров. Вечер,посвященный памяти М.В. Ломоносова // Мичуринская правда. 27 ноября 1951 г.

«В Ново-Тарбеевской средней школе состоялся вечер учащихся, посвященный памяти великого русского ученого Михаила Васильевича Ломоносова.

Лекцию о жизни и деятельности М. В. Ломоносова прочитала учительница литературы В. С. Салычева.

После лекции учащиеся 10 класса «А» показали своим товарищам постановку двух одноактных пьес».

А. Макаров. Комсомольцы изучают биографию И.В. Сталина // Мичуринская правда. 15 февраля 1952 г.

«Вечер. В одной из классных комнат Ново-Тарбеевской средней школы за партами сидят девушки и юноши — комсомольцы колхоза имени Ленина. Сегодня у них очередное занятие по изучению биографии Иосифа Виссарионовича Сталина.

А пропагандистом в кружке — учитель истории Сергей Александрович Голубев. Он не новичок на пропагандистской работе, не первый год руководит комсомольским кружком. За пропагандистскую работу среди комсомольцев С. А. Голубев награжден почетной грамотой ЦК ВЛКСМ.

Пропагандист Голубев любит свою работу. Тщательно готовится он к каждому занятию в кружке.

— При подготовке к занятиям,— говорит он,— я использую «Краткий курс истории ВКП(б)», сочинения Ленина и Сталина, газетный материал, лекции Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, художественную литературу. Перед занятиями продумываю вопросы, по которым будет проводиться беседа, составляю конспект.

Занятия в кружке проходят оживленно, в беседе активно участвуют все слушатели кружка. Пропагандист своими вопросами умело направляет ход беседы.

Слушатели тщательно готовятся к занятиям. Овладение марксистско-ленинской теорией, повышение своего идейно-политического уровня помогают слушателям кружка в успешном выполнении их производственных заданий. Это можно сказать, например, о выдвинутом на должность кладовщика колхоза комсомольце С. Грезневе, колхозном бригадире В. Крадинове и молодых колхозниках В. Грезневе, С. Власове и других.

После занятий комсомольцы задают пропагандисту много вопросов по международному положению. С. А. Голубев не оставляет без ответа ни одного вопроса слушателей».

А. Макаров. Вечер учащихся // Голос колхозника. 1 января 1953 г.

«В Ново-Тарбеевской средней школе состоялся вечер учащихся, посвященный жизни и деятельности великого вождя и учителя И. В. Сталина.

С докладом «Сталин — продолжатель дела великого Ленина» выступил ученик 10 класса «А», секретарь комитета ВЛКСМ Иван Милованов.

Затем хор 10 класса «А» исполнил «Кантату о Сталине», грузинскую народную песню «Сулико» и другие песни».

Эти вырезки, которые делал отец, прекрасно передают послевоенную эпоху, жизнь в селе, его достижения и проблемы. Они касаются многогранной деятельности отца, сельской школы, в которой он учил и которой руководил.

А март 1953 года уже помню и я, хотя было мне всего чуть больше пяти лет.

Начало месяца. Утопающие в сугробах дома. По улицам только санные следы, укатавшие дорогу до блеска. Электричества нет и в помине. Вода в колодцах. «Удобства» — во дворе. Радио проведут только через несколько лет. На все село пять радиоприемников (громадные агрегаты с тяжелыми угольными батареями питания и антеннами на крышах; у нас был радиоприемник «Искра»). Где были эти чудо-машины? В сельсовете, в правлении колхоза (колхоз имени Ленина — середнячок-колхоз по всем показателям во все времена, но «железный» середнячок), в школе, у директора школы и у нас (отец в ту пору был уже завучем — вторым человеком в школьном табеле о рангах).

И у этих очагов культуры собрались все жители нашего села. Все! Даже женщины (сельские, замученные тяжким трудом бабы) с грудными младенцами. Все внимали жутким, страшным словам диктора: «Умер товарищ Сталин...»

* * *

А родители прожили долгую счастливую жизнь. Отец умер 2 марта 1989 года, за три года до этого написав четверостишье:

Мы сорок лет с тобою рядом
Одною связаны судьбой.
Большой нам было бы наградой
Дожить до свадьбы золотой...

Мать пережила отца почти на двадцать шесть лет.

ОПАЛЕННЫЕ СЕВАСТОПОЛЕМ…
(о моем отце, военврачe 3 ранга Володине Иване Петровиче)

***Володин Валерий Иванович**, 68 лет,*
директор Музейного историко-мемориального комплекса
героическим защитникам Севастополя «35-я береговая батарея»
капитан 1 ранга в отставке,
г. Севастополь

Володин И. П.

Десятки тысяч защитников города, десятки и даже сотни тысяч историй, событий, фактов за каждой из судеб в хрониках, воспоминаниях и даже легендах… Мой отец один из них, и этот рассказ — небольшая хроника его жизни, составленная из его же собственных рассказов в разные годы и моих впечатлений от них. Осмысление пришло ко мне позже. Сегодня его уже нет среди нас, живых…

Тот ноябрьский день, как водится, выдался ветреным, с моря волнами накатывала морось, на ветру хлопали плащи и зонты, кругом комья грязи. На кладбище у отрытой бульдозером могилы толпились люди, в основном пожилые, с орденскими планками на груди. Много, неожиданно очень много людей. Его действительно знали многие по военному и послевоенному Севастополю. Отрывочные картинки этих скорбных дней остались в моей памяти какой-то разорванностью, недоговоренностью и чем-то еще, что на бумаге не укладывается ровными строчками…

Умер Отец. А я тогда только и смог, что отпроситься со службы и срочно примчаться с Севера, чтобы, как водится, успеть попрощаться и помочь матери в ее и нашем с младшим братом Анатолием, который тоже отпросился со службы в г. Измаиле, безмерном горе. Обыкновенная биография ветерана, бойца Великой Отечественной, защитника города-героя, которому высокое звание было присвоено благодаря ему и таким же «рядовым войны», каким был наш отец. Обыкновенная — для них, встретивших войну двадцатилетними, но легендарная и необыкновенная сегодня даже для моего послевоенного поколе-ния. Июнь 1941-го он встретил в школе военных фельдшеров в казармах Севастопольского военного училища Береговой Обороны имени Ленинского Комсомола Украины. Было ему всего-то 22 года от роду.

Это была его мечта, деревенского парнишки из глухой деревни Зыбино, что в Тульской области, — стать военным врачом-хирургом, но путь к профессии лежал через военную службу. А еще он хотел увидеть море, о ко-

тором столько слышал. Свершилось! И три года учебы позади (это давало право после завершения практики быть военным фельдшером, младшим офицером). А море — вот оно, внизу, буквально под ногами. Незабываемый и чудный вид из училища на Южную бухту, Владимирский собор, Панораму первой Обороны и на город — белокаменную столицу черноморских моряков. От этого всего хотелось жить и жить, а молодость еще желала быть на танцах, рядом с красивыми девушками из этого необыкновенного города. Так состоялась его встреча с Марией — моей будущей матерью. Она была еще моложе его и только-только окончила десятилетку во 2-й школе, что на Центральном городском холме. На выходные дни моряки в белых форменках, бескозырках, в залихватских морских клешах заполняли улицы, площади, знаменитый Приморский бульвар. Где-то рядом с этими веселыми и счастливыми людьми 21-го июня были и они — наши будущие родители. До войны оставались считанные часы...

Когда говорят: «Война у твоего порога», то фраза воспринимается со стороны как некий литературный штамп, но тогда, в июне 41-го было именно так. Ночью, в 03:15 гул моторов и взрывы бомб (впоследствии оказалось, что это были новейшие немецкие магнитные мины кратного действия для блокирования нашей эскадры в бухтах Севастополя). Первые людские жертвы этого неудачного минирования появились после мощнейшего взрыва на улице Подгорной. Всего в каких-то 200–250 метрах от родительского дома на улице Азовской, д. 23, где после счастливого свидания спали моя мать, ее отец с матерью, дедушка с бабушкой и их трое детей. Большая и очень дружная семья... была. Война и оборона Севастополя унесла из жизни почти всех из них!

Почему-то не всем известен исторический факт из летописи нашего легендарного города: Великая Отечественная началась не где-либо, и не у стен Брестской крепости, война началась именно здесь, в Севастополе, и ее первые жертвы — более двадцати убитых и почти сто человек раненых и контуженных появились до времени «Ч» (4 часа утра), назначенного Гитлером к вторжению в СССР по плану «Барбаросса», и именно здесь начался кровавый отсчет миллионов безвинных жертв той войны! В 1996 году на этом месте установлен скромный памятник «Первым жертвам войны». И я рад и даже горд, что вместе с писателем Геннадием Черкашиным был среди инициаторов его возведения. Нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов, будущий Маршал этой войны Г. К. Жуков и Верховный Главнокомандующий Иосиф Сталин — все они 22 июня 1941 года в эти минуты получали доклады о нападении Германии именно из Севастополя, от командующего флотом вице-адмирала Ф. С. Октябрьского.

Взрыв этой мины, неточно сброшенной с самолета на парашюте, контузил моего деда, ночевавшего у родственников неподалеку от улицы Подгорной в доме на Матросском переулке, а курсант Иван Володин уже утром примчался на улицу Азовскую, чтобы убедиться, что все

живы-здоровы. И затем весь тяжелейший год беспримерной Обороны города, вплоть до самого конца июня 1942 года, он так же будет выкраивать любые возможности, чтобы во время затишья на передовой или с оказией проверять своих, живы ли, помогать пайком и за двадцать дней до падения города фактически спасет их, погрузив вместе со своими ранеными на один из эсминцев, отправлявшихся из Южной бухты на Кавказ.

Сам останется... Останется вместе с врачами медсанбата 7 бригады морской пехоты и со своими ранеными в так называемом «подскальном госпитале» у мыса Херсонес, под скалами 35-й береговой батареи вместе с остальными оставленными здесь без эвакуации десятками тысяч героических защитников города: раненых, обессиленных, без воды, съестного, а самое главное — без боеприпасов и всякой надежды на спасение. Здесь, в двухстах метрах от 35-й батареи 6 июля 1942 года он, безоружный, со своими ранеными и остальными врачами медсанбата был захвачен фашистами.

Об обороне он говорил нехотя и редко. Этому была причина — плен! Запомнилось со слов отца немногое:

«...В середине августа — начале сентября 1941-го нас по очереди вызывали к начальнику училища, где вместе с другими военными, сидящими за столом, решалась наша судьба. Объявили, что всем нам присваивается звание «младший военврач» (соответствует младшему лейтенанту), выдается форма и нас отправляют служить во флотские части для обороны Севастополя. Так я попал в формирующуюся здесь, на территории училища, «бригаду в тельняшках», легендарную 7-ю бригаду морской пехоты под командованием полковника Жидилова Е. И. (я помню встречу отца с этим человеком где-то в начале 60-х, когда мы еще жили в нашей старой квартире по ул. Очаковцев, 19). Морским пехотинцам 7-й бригады выпала судьба одними из первых встретиться в боях с фашистами на Ишуньских позициях под Перекопом в конце октября 1941 года. Там бригада понесла первые тяжелые потери от прорвавших нашу оборону немецко-румынских войск».

В тех боях отец не принимал участие. Ему, вместе с другими врачами, было поручено готовить и развернуть полевой медсанбат бригады морских пехотинцев на планируемом основном рубеже обороны, что проходил у подножья горы Гасфорт (примерно 17 км от Севастополя, слева от Балаклавы, где сейчас высится монумент павшим в боях морским пехотинцам 7-й бригады). Там и прошли все тяжелейшие месяцы обороны с октября 1941 по июнь 1942 года. Это был один из самых страшных периодов в его военной биографии и вообще в жизни. Рассказывал он об этом крайне скупо:

«...Всего не расскажешь, да и кто это сейчас может понять. Попробуй представить себе: город давно в осаде, почти нет воды, нет медикаментов, нет продуктов (кроме элементарных круп), хронически не хватает

боеприпасов, автоматов, нет полноценной замены выбывшим из строя. Но это — «цветочки». В нашем медсанбате к 3-му штурму немцев в июне 1942 года уже не было не только препаратов и лекарств, медицинских инструментов, но и сутками не привозили бочки с водой. Как поступали? С умерших бойцов снимали окровавленные бинты, кое-как промывали мизерной порцией воды и затем для дезинфекции отмачивали шампанским, которое оставалось в Инкерманских штольнях и его привозили бочками и в бутылках на передовую взамен медицинского спирта. Бинты пытались просушивать на солнце в перерывах между обстрелами. Эти бинты-тряпки использовались, порой, многократно (т.е. если раненый все же умирал). А как оперировали! Этого из памяти стереть невозможно. Резали медицинской пилой и заточенными ножами без всякого наркоза! Держали бойца вдвоем-втроем и по-живому пилили кости, зашивали простыми нитками, мы их называли «суровыми», по-моему, № 10 у них был. А раненому бойцу, лежащему на столе под многократно латанным-перелатанным покровом брезентовой палатки, при слабой коптилке, в лучшем случае, перед самой операцией давали грамм 50–70 спирта (до мая 1942 года), а затем — шампанского вина. Крики, стоны, ругань раненых, их бессвязные угрозы отомстить за потерю конечности. И так день за днем, между обстрелами и бомбежками. Сколько их прошло через нас — никто не считал, хотя конечно, кто-то в штабе выдавал на раненых и умерших справки и учет санитарных потерь, конечно, вели. Для меня, молодого парня, особенно в последние 2–3 месяца обороны, все это было... не передать словами, как тяжело! Может быть, ты думаешь, в тылу было легче? Тылом считался город, который беспрерывно бомбили и жгли фашисты. В июне 1942-го нашей авиации уже не было видно. Я возил раненых в этот «тыл» для отправки их кораблями на Большую Землю и все это видел своими глазами. Спроси у матери. Она всю оборону со своей сестрой и братом провела в бомбоубежищах, выстирывала от крови и гноя бинты, штопала порванные пулями и осколками шинели и форму, с другими соседями, мамой, сестрой Ирой, братом Аликом, выполняла все, что хоть немного приносило пользу для передовой».

Я действительно спрашивал об этом у матери, она и сейчас (на 95-м году жизни) рассказывает обо всем этом, как о недавнем, вчерашнем дне, так ясно и четко отпечатались в ее памяти те дни.

«Мы спасались в бомбоубежищах, что были рядом с домом на улице Баско (сейчас это место в районе ул. Новороссийской, на углу, чуть выше ЗАГСа) и на ул. Большой Морской под Центральным холмом. Однажды бомбой завалило вход и мы очень долго там сидели и ждали, когда нас всех откопают. Были сухари и еще оставалась молочная бутылочка с водой на нашу семью (нас там было четверо — с мамой, сестрой и братом). Так вот, в эту бутылочку с узким горлышком пролезла маленькая серая мышка, застряла и захлебнулась, а вытащить ее мы не могли.

Что было делать? Другой воды не было! Мама обернула горлышко тряпочкой и по очереди давала нам, детям, пить эту воду! Это мне рассказала мама потом, а тогда этого не говорила. Из города нас вывез твой отец на одном из рейсов кораблей, которые грузились ранеными и выходили из Южной бухты примерно 6–7 июня. Бомбили и стреляли день и ночь, было очень страшно. Счет дням мы тогда уже не вели. Твой отец примчался к нам ночью на грузовичке-полуторке с ранеными, помню, что водителя звали Николай, схватили все, что было из одежды, завернули простынями в тюки и — всех в кузов. Погрузили на корабль, это был эсминец «Сообразительный», и еще один крейсер сопровождал, «Красный Кавказ». На переходе налетали самолеты и бомбили, многие из тех, кто был на верхней палубе, погибали или получали ранения, но нам всеже удалось добраться до Туапсе. Но отца твоего мы потеряли. Добрались до Тбилиси. Я обращалась в горвоенкомат, называлась его женой, но все было безрезультатно. Думали, что погиб в Севастополе...»

Они нашли друг друга только после войны и опять же благодаря отцу, который, вернувшись в Севастополь, целый год рассылал запросы по всем эвакопунктам, пока не обнаружил их в Тбилиси после сообщения одного из соседей, вернувшегося с Кавказа в начале 1946 года.

Но все это было потом.

А пока, в начале июля 1942 года, десятки тысяч бойцов Приморской армии и черноморцев на небольшом клочке побережья от мыса Херсонес до мыса Фиолент продолжали из последних сил сопротивляться врагу уже под скалами и в подземельях 35-й береговой батареи без воды, боеприпасов, пищи, раненые и измученные. Отчаянно ждали спасения! Как выяснилось много позже, в 60-х годах, тогда просто не существовало плана эвакуации войск из Севастополя. Был один приказ: СТОЯТЬ ДО КОНЦА! А когда поддерживать оборону Большая Земля уже не могла, то смогли вывезти ночью 1 июля на «Дугласах» и двух подвожных лодках только около 300 человек командиров и руководителей, чтобы 3 июля из Москвы объявить в очередной сводке Совинформбюро, что «3 июля 1942 года наши войска после беспримерной, героической обороны, продолжавшейся почти 250 дней и ночей, оставили Севастополь». Но не было этого! Никто не оставлял город, просто войска остались на его последнем рубеже обороны, выполняя приказ — стоять до конца.

Попытка спастись у отца все же была. Рассказывал так:

«...Глубокой ночью 2 июля с моря из Новороссийска подошли небольшие катера и стали в 200–300 метрах от берега, побоялись подойти ближе, оценив опасность многотысячной толпы, скопившейся у берега. Бросились в воду к ним навстречу все, кто умел плавать, и даже не умевшие. Это была наша последняя надежда! Из сотен, а может и тысяч, до катеров доплыли немногие. Офицеры были в гимнастерках, чтобы видны были командирские нашивки. Я все-таки доплыл до борта катера со своим товарищем, врачом

Григорием Браславским. Борт был облеплен доплывшими, и ухватиться было не за что. Его первого матрос с катера зацепил багром и стал тянуть к себе, а я ухватился за его ноги, но в какой-то момент он ногой меня оттолкнул, пытаясь помочь матросу вытащить его из воды на борт. Катер в это время стал резко сдавать назад, в темноту. Удержаться за ноги Григория я не смог. Поплыл обратно. Доплыли далеко не все. Когда наступило утро, утопленниками была покрыта вся прибрежная полоса под скальными обрывами района 35-й береговой батареи. Так все и было...»

Рассказывать про плен и обо всем, что там было, отец не хотел. Кое-какие разрозненные сведения мне в разное время все-таки удалось от него узнать. Чудом сохранилось и кое-что из документов. Сегодня у меня в руках уникальные справки из партизанского отряда, от 7-й батареи морской пехоты, датированной маем 1942 года, характеристики от командиров и товарищей по обороне 1946–1947 гг. и другие. Что-то я скопировал для иллюстрации:

«Про плен говорить не могу... Это очень трудно, и не все могут понять. Представь себе бесконечную колонну нас, пленных, многие из которых, как я потом узнал, до 12-го июля и даже позже еще пытались сражаться, что-то сделать, ведь надеялись на помощь с моря. Не дождались. Стали выползать наверх из-под скал в районе 35-й батареи. Здесь, на краю обрыва фашисты с собаками и румыны сначала всех собирали и держали под солнцем, пока выясняли, где командиры, комиссары, евреи, потом стреляли и велели закапывать расстрелянных в воронках. Затем нас пешком по 30-градусной жаре, раненых, больных, голодных, оборванных и униженных, фашисты под конвоем вели в сторону Симферополя. Без воды, без пищи, без всего, с собаками... Кто падал, того охрана добивала. Остановки в пути были. Я эти места все помню и могу показать. Когда мы продолжали путь, за нами на стоянках оставались трупы, трупы, трупы... Колонна ползла дня четыре, а может и больше. В Симферополе всех пленных начали делить на партии и сажать в вагоны для скота. Нас из 7-й бригады морской пехоты было человек десять. Мы старались держаться кучкой и оказались сначала в Днепропетровской тюрьме. Что сказать, здесь ситуация была другая. Немцы, обрадованные сдачей Севастополя, относились к нам снисходительно. Говорят, даже уважительно. Не знаю. Помню точно, что они очень брезгливо относились к тем раненым, кто был в этих загноившихся тряпках-бинтах, завшивел, нуждался в лечении и помощи. Поэтому они назначали из наших как бы старших, выявили врачей и поручили раненных нам. Попав в тюрьму в Днепропетровске, мы планировали убежать, но кто-то сказал немцам.

Меня отправили дальше, на Западную Украину. Здесь опять концлагерь — около г. Славута, есть такой маленький городок. Условия существования там были страшные, постоянный голод, очень большая смертность. Но здесь немцы опять перепоручили нам, врачам, тяжелых и заразных больных в лагерном лазарете, в котором в основном не лечились, а только умирали. Меня под охраной немца неоднократно отправляли в город, на склады

Фото сделанно в осажденном Севастополе, 02. 04. 1942 г.

или еще куда-то, где я получал кое-что из медикаментов для этого лазарета. Подходили местные, тихо расспрашивали, сопереживали, давали поесть. По фамилиям я их не знаю, но тогда узнавал в лицо, познакомился, они называли себя патриотами. От них передал своим рекомендацию воспользоваться тем, что наш лазарет охрана почти не посещала (боялась заразиться болезнями) и тем, что он находился у самой проволочной ограды, перед лесом. Нужно было сделать из лазарета подкоп под ограду длиной метров 50, а там они встретят, помогут нас переодеть и покажут, куда бежать в лес. С их помощью нам все-таки удался и подкоп (лично я не копал, командовал побегом тоже врач — Лопатин), и побег большой группы — почти 20 человек, многие задохнулись в узком подкопе или вернулись. Рядом со мной был тоже взятый в плен у 35-й береговой батареи на Херсонесе полковник И.Ф. Хомич, с которым мы встретились после войны, он мне очень помог в реабилитации за плен (позже я нашел справку-рекомендацию отцу от И.Ф. Хомича, датированную 1947 годом). Разными путями, мелкими группами по три-четыре человека сопроводили нас в леса Винницкого района, где было, по-видимому, много других партизанских групп.

Вот там, после «севастопольской катастрофы», как мы ее после войны называли, я и оказался в конце 1943 года, в довольно большом партизанском отряде имени Щорса (в разное время там находилось, наверное, до 150 человек). Как врач я был для них находкой, и меня там почти не проверяли. Поручили дело, которое было опасное, так как никогда не знаешь, где свои, где чужие: я пробирался в разные хутора, поселки, собирал для отряда любые лекарства и медикаменты, одежду, подыскивал новых бойцов, что-то расспрашивал, уточнял. У меня была кличка «Задоянчук Иван», видимо, все-таки был такой человек из местных, а кличка — чтобы меня не сдали немцам как чужого. Мерзли в землянках и голодали очень сильно. От голода многие болели и не вставали с койки, приходилось и оперировать. В партизанах меня приняли в партию, представили к награде. Правда, ее я так и не получил, наверное, где-то потерялась. Тяжелое было время еще и потому, что о задачах нашего отряда никто из нас не знал, полная неопределенность. Все время чего-то ожидали, наши группы уходили и не все возвращались, и о них уже никто и ничего не слышал. Только после войны я узнал про ставку Гитлера под Винницей и понял, что наш командир Шкрабацкий не случайно был старшим лейтенантом НКВД, хотя

в отряде были и люди с более высокими званиями — и капитан, и майор, но ему подчинялись. Наверное, задача отряда была, как и у других отрядов, образованных НКВД, искать и найти эту секретную ставку Гитлера.

А в конце марта 1944 года к городку Самбор подошли наши войска, и мы влились в действующую армию. Моя война продолжилась в медсанбате Самборского стрелкового полка 241-й стрелковой дивизии, которому это имя присвоили за взятие этого украинского городка. Должность — командир санитарной роты. Почти перед самым окончанием войны, в феврале 1945 года, уже на границе Чехии и Австрии, в бою снарядом мне оторвало ступню, а 2 марта 1945 года представили и наградили орденом Великой Отечественной войны 2-й степени. На костылях приехал домой в Подмосковье, а там кроме голодного родительского дома — ничего! Искал работу, нужно было и лечить ногу, и делать протез. Пришли сытые в штатском, и начались допросы: по-чему и как попал в плен, про тех, кто еще из севастопольцев убежал тогда из концлагеря, как попал в партизаны. О чем было с ними говорить... И доказывать что-либо сложно. Собрался и поехал в Севастополь искать свою Марию и всех остальных, с кем воевал. Город был полностью разрушен. Едва нашел кого-то из соседей, что жили до войны на ул. Азовской, они и сообщили о знакомых, которые видели наших в Туапсе и в Тбилиси. Послал запросы, ждал ответы, жил сначала где придется — в сараях, в развалках. На костылях сложную работу медика выполнять не мог, но ассистировал в операциях в госпитале Черноморского Флота, меня кормили, был паек. Но случилась беда. Умер во время операции майор НКВД. Его друзья стали допрашивать тех, кто участвовал в операции. Дошла очередь до меня. Требовали подтверждений об обстоятельствах плена и о партизанском отряде. Угрожали. Из-за этого отказали в приеме в партию, припомнив плен. Меня выручили своими рекомендациями и характеристиками друзья по севастопольской обороне и с кем прошел лагеря. Соответственно, доверить мне ответственную работу вплоть до 1948 года не спешили. Но после того, как нашлась твоя мама и все вернулись в Севастополь из Тбилиси, здесь тоже нашлись друзья, те, с кем воевал, кого лечил — дело пошло на лад, а тут и ты родился, потом и Толик, твой брат...»

Из медицины его прогнали по результатам расследования, которое провели сотрудники НКВД в госпитале, восстановиться в партии (документы были утеряны на Херсонесском полуострове) тоже не разрешили. Остался без профессии, инвалидом на протезе в свои 26 лет. Все-таки не сдался. Из-за инвалидности рабочие профессии освоить не мог, попробовал руководить фруктово-сушильным цехом, который открыли рядом, на улице Очаковской. Получилось, «Севпотребкооперация» рекомендовала его на курсы подготовки руководителей в Харькове. Впоследствии руководил в городе центральным продовольственным магазином на ул. Большая Морская, затем отделом снабжения завода «Химпром» (более 20 лет). Вышел на пенсию, его пригласили на работу в отдел снабжения самого крупного Севастопольского хлебокомбината, где и работал до последних дней, пользуясь уважением и авторитетом.

Наверное, его история во многом тогда была обычной для всех, кто воевал и пережил ту войну. Поэтому мой отец никогда не считал себя никаким героем, но о нем и его товарищах по 7-й бригаде морской пехоты сказаны добрые слова сослуживцами в книгах-мемуарах: «Мы отстаивали Севастополь» (генерал-лейтенант Е. И. Жидилов), «Мы вернулись» (генерал-майор И. Ф. Хомич). Его находили уже в 60-х годах однополчане из Москвы, Харькова, Днепропетровска, Иванова, Симферополя, Феодосии и многие-многие другие, некоторых из которых я впервые увидел только в этот скорбный ноябрьский день у свежевырытой могилы на городском кладбище — всего в каких-то 5-ти километрах от рубежа обороны под горой Гасфорт, где ему и его друзьям после войны в 1968 году был возведен монумент со щемящими словами поэтического посвящения морпехам от их командира — генерала Евгения Ивановича Жидилова, как последняя дань мужеству двадцатилетним, у которых вместо молодости была война:

Ушли вы в бессмертье,
Чтоб песни звучали,
Чтоб город-герой
Горделиво стоял!
Чтоб дети смеялись
И внуки рождались,
И землю не жег
Смертоносный металл...

ДОРОГА К РОДИНЕ

Филатов Виктор Иванович, *65 лет,*
кандидат исторических наук, доцент
Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова,
г. Тула

Послевоенные дороги у фронтовиков были разные, а главная одна — к Родине, где своя земля, дом, семья, родители... Началом этой мирной дороги для моего отца Филатова Ивана Васильевича стал День Победы, который он встретил в Австрии. Там, на родине И. Штрауса, первые мирные дни запомнились отцу светом счастливых лиц, общением с союзниками и мелодией вальсов, которые он любил и хорошо танцевал. А самое сильное чувство — радость от победоносного завершения войны и надежда на возвращение домой.

Как сложилась жизнь фронтовика после Победы, сегодня можно узнать из воспоминаний отца, имеющихся документов, фотографий. По окончанию войны двадцатилетний лейтенант гимнастерку снял не сразу. Дорога к Ро-

Филатов И.В. 1946 г.

дине лежала с остановками в Венгрии, где, по рассказу отца, он с товарищами случайно избежал гибели при совершенном на них покушении. Потом армейская служба продолжалась в Киевском военном округе, где шла беспощадная борьба с остатками бандеровцев. Но все же война была позади, и можно было строить мирные жизненные планы. Прежде всего предстояло сделать выбор между военной и гражданской службой. Командование предложило ему продолжить службу в советской армии с повышением, отец дал согласие. Но тут пришло письмо от матери. Она писала о тяжелых испытаниях повседневной жизни, которые легли на плечи одинокой женщины (муж Василий умер еще до войны), о голодном существовании (голод 1946–1947 гг.), о болезни брата, ставшего немым, о борьбе за жизнь детей и решении переселиться в город... Следы минувшей войны.

После горестных размышлений отец решил ехать на малую родину, к семье. Вернувшись в Тулу в марте 1947 г., он навестил родную деревню Акулинино, встретился с земляками. Слушая их рассказы о жизни сельчан, о нищете, об обессилевших от голода, холода и непосильной работы людях, собиравших на полях остатки померзшей гнилой картошки, он все более проникался горькой долей их жизни. Но фронтовику виделось в людях и другое: эмоциональный подъем земляков, возникший с окончанием войны, возвращением отцов и сыновей, радость, что остались живы, и стремление преодолеть все трудности. Эти встречи и наблюдения помогли отцу определиться с выбором жизненного пути. Надо обустраивать лучшую, мирную жизнь, а это значит, прежде всего, работать.

Разобрали свой небольшой дом в деревне, перевезли и восстановили его на окраине Тулы в местечке Глухие поляны. Вообще, отток сельского населения в город был характерной чертой первых послевоенных лет. В восстановленном доме поселились все вместе. Пространства для большой семьи было мало, и отец вскоре оставил жилье матери и своим братьям. Обособление от родительской семьи тоже было приметой времени, а для молодого фронтовика обусловлено и планами создания своей семьи. Поэтому он снял комнату (7 кв. м) на первом этаже двухэтажного дома на улице Епифанской. В этом доме, доме моего детства, жили интересные люди, ставшие потом известными в городе специалистами: прокурором, врачами, руководителями заводов.

Помимо жилищной проблемы, тяжелой реальностью повседневной жизни послевоенного времени была постоянная нехватка еды, прежде всего хлеба. Засуха 1946 г. вызвала продовольственный кризис. Ухудшилось снабжение населения, повысились цены на продукты питания. Все эти обстоятельства обострили ситуацию в розничной торговле и побудили отца согласиться на предложение местной власти развивать снабжение туляков продовольствием. Отец был направлен на курсы повышения

квалификации заведующих магазинами. После успешного завершения учебы он проработал в торговле много лет, пройдя путь от работника киоска до заведующего крупным гастрономом. Мама рассказывала, что сотрудники отца очень уважали его за профессионализм, предприимчивость и бережное отношение к людям. Впрочем, и завистников хватало... За особые достижения в развитии советской торговли, высокую культуру торгового обслуживания покупателей Филатов И. В. был награжден нагрудным значком «Отличник советской торговли».

С отменой карточной системы, снижением цен на товары массового потребления, расширением торговой сети материальная жизнь людей стала постепенно улучшаться. Но не хлебом единым жив человек. Активная жизненная позиция фронтовика и стремление обустроить жизнь не только своей семьи, но и родного края, проявились в общественной работе. В 1949 г. отец избирается народным заседателем суда Пролетарского района, секретарем партийной организации районного управления торговлей и депутатом Пролетарского районного Совета депутатов трудящихся.

В эти годы, наполненные работой, произошли изменения и в личной жизни. Отец познакомился с девятнадцатилетней девушкой Ниной Котеневой, из многодетной семьи, глава которой, мой дед Николай, был расстрелян фашистами. Его семья бежала в Тулу, они так же строили дом в Глухих Полянах. Схожесть судеб детей войны и любовь стали основой семейного союза. Сыграли скромную свадьбу.

Начался новый этап послевоенной дороги в жизни отца. В 1951 г. родился я, а в 1956 г. моя сестра Ольга. Семья мамы была верующей, и меня тайно крестили. Оживление религиозности было характерной особенностью общественной жизни первых послевоенных лет. С самого раннего возраста нас приучали к порядку и привлекали к труду. В условиях жилищной тесноты мы с соседними ребятами днями пропадали во дворах. Там закладывались основы дружбы. Важной приметой повседневной жизни того времени было стремление людей быть вместе, помогать друг другу. Эта общинная черта народа еще более укрепилась войной. Пережитые испытания показали высокую ценность солидарности. Отец был гостеприимным хозяином. Во время праздников и семейных торжеств у нас собирались не только родственники, друзья, но и соседи, коллеги. А когда появились телевизоры, к нам вечером приходили соседи, ставили в ряд стулья и вместе смотрели передачи, комментируя какое-либо событие. Общение сплачивало людей, порождало соучастие и сопереживание. Это проявилось и в год смерти Сталина. Родители рассказывали мне, как они ездили в Москву на похороны вождя и видели искреннюю скорбь советских людей.

Потом пришли другие времена. Дорога жизни знала подъемы и спуски, радости и печали. Но отец никогда не жаловался, не осуждал страну и людей. В последние годы жизни отца (он умер в сентябре 1993 г.) его сильно тревожили события в стране. Впервые на глазах ветерана вы-

ступали слезы, когда он видел, как искажаются ценности, которые он защищал, как нарастает раскол в обществе.

Один из главных уроков истории жизни наших ветеранов, по моему убеждению, состоит в том, что к Родине ведет дорога, на которой живет память о тех, кто ее созидал и защищал, патриотизм поколений, социальная справедливость и солидарность, сбережение народа и вера в страну, друзей, любовь. Мы — наследники пройденных нашими отцами дорог, их преемники и продолжатели. По дороге памяти сегодня мы идем вместе с нашими фронтовиками единым строем Бессмертного полка.

ПРИМЕР ДЛЯ ПОДРАЖАНИЯ

Шепарев Роман Михайлович, *58 лет,*
ведущий научный сотрудник Государственного центрального
музея современной истории России,
кандидат исторических наук,
г. Москва

Сержант
Шепарев М. В. 1944 г.

Он выглядел хмурым, нелюдимым. Его лицо было изборождено глубокими морщинами. Казалось, что он выглядит старше своих лет. Такое первое впечатление производил на окружающих мой отец Шепарев Михаил Васильевич (1926–1998).

Крестьянский сын, с детства познавший несчастье, нищету, страх смерти. Когда ему было 4 года, семья была раскулачена, хороший дом, хозяйство были отобраны. Его отец, мой дед Василий Игнатьевич, был сослан на Север, на Кольский полуостров. Срок должен был закончиться осенью 1941 г., но началась война, и дед пропал без вести. Отец со своей матерью, моей бабушкой Николаевой Евдокией Ивановной, вынужден был скитаться по родственникам, жить впроголодь. Во всех обстоятельствах ему помогали природная настойчивость, интерес и даже страсть к познанию. Он закончил сельскую школу с отличными оценками. Ему было интересно читать художественные литературные произведения. Отец рассказывал, как он читал повесть Н. В. Гоголя «Вий». ...Темная комната, слабо освещенная горящей лучинкой. Глубокая ночь. Полное одиночество. На страницах книги, взятой в сельской библиотеке, бушуют страсти: Хома Брут тщетно уклоняется от ведьм, упырей, вурдалаков, прочей нечисти и погибает.

Отец, младший школьник, читает, трясется от страха, даже подгибает под себя ноги, опасаясь, что его схватят персонажи повести...

Однополчане. Старший сержант Шепарев М. В. справа

Продолжить учебу надолго помешала война. Деревня Иваники Смоленской области оказалась в центре боевых действий. Смоленщина стала тем местом, где наступление германской армии было задержано. Ярцево, районный центр, переходило несколько раз из рук в руки. Передовая проходила прямо через деревню. Пятнадцатилетний подросток был свидетелем кровопролитных боев, видел горы трупов. Именно тогда он познакомился с боевым оружием. Среди убитых валялись винтовки, пистолеты, гранаты. Автоматы тоже были, но значительно меньше. Отец так рассказывал о своем первом знакомстве с оружием: «В кустах была найдена трехлинейная винтовка. Она была заряжена. Мы решили пострелять. Первые три выстрела были сделаны успешно. Затем стреляная гильза застряла в патроннике. Извлечь ее не было возможности, шомпол в винтовке отсутствовал. Пришлось срезать веточку, очистить ее и ввести в ствол. В стволе веточка сломалась. Догадались разрядить несколько патронов, ссыпать порох в ствол через дуло и поджечь порох. Непосредственно поджигать должен был отец. Порох взорвался, веточка вылетела из ствола и проткнула щеку товарища, который неосторожно встал напротив. Гильза не отразилась, а пошла назад, в магазинную коробку, выбив крышку магазина. Крышка, отскочив от коробки, оторвала два пальца у товарища, который держал винтовку». Отец отделался легким испугом. Вот к чему привело отсутствие элементарных знаний о правилах безопасности при обращении с оружием.

Получилось так, что винтовки, советские и трофейные, оказались практически у всех мальчишек. Сказать: «У меня есть винтовка» — было то же самое, что ничего не сказать. Винтовки не котировались. Ценность в глазах товарищей имели автоматы, пулеметы, пистолеты, револьверы. Несколько пистолетов имел отец. Он рассказывал, что ТТ взял из руки убитого лейтенанта. Наган он нашел в разбитом, обгоревшем танке. Он вынул его из кобуры убитого танкиста. Одна из щечек рукоятки револьвера была обгоревшая. В коляске разбитого германского мотоцикла отец увидел труп офицера вермахта. На ремне его он обнаружил маленькую кобуру, которая ему показалась чуть шире ремня.

Так к нему попал светлый хромированный браунинг. На краю воронки от взрыва, затопленной водой, он увидел обрывок поясного ремня, который уходил под воду. Потянув за ремень, отец вытащил из воды кобуру с парабеллумом. Кончик ствола пистолета был немного деформирован пулей. Ему пришлось подпилить дульную часть ствола. После этого пистолет стал действующим, только немного пострадала точность стрельбы.

В бытность свою на оккупированной территории отец, располагая большим количеством разного оружия, изучил конструкцию, научился стрелять. Он рассказывал, что при отсутствии продуктов ему приходилось с трофейным маузеровским карабином охотиться на разную дичь. Как правило, основной добычей становились вороны. Попасть в ворону, тем более пулей, было трудно, они были хитрыми и осторожными. Кроме того, он разводил кроликов.

Довелось ему видеть немцев. Через Иваники проходили строевые части вермахта. Зондеркоманд, которые занимались карательными операциями, не было. Он увидел быт немцев. Удивлялся, что вражеские солдаты, практически все, имели наручные часы, которые стоили дешево. Авторучки, ножницы и пилки для ногтей, зажигалки, губные гармошки и др.— все эти вещи в Смоленщине были неизвестны. Эти предметы немцы меняли на яйца, молоко, мясо. Грабежей, которые с таким изощрением показывали в советских фильмах, отец не видел. Тогда отец узнал, что существуют синтетические продукты, например, искусственный мед. Он видел, как немцы себе делают бутерброды. Это — два тонко отрезанные кусочка хлеба, которые просвечиваются, на один из них намазывается сливочное масло, затем кладется тонко отрезанный кусочек искусственного меда, сверху накрывается вторым кусочком хлеба. Немцы также делали многоэтажные бутерброды с колбасой, маслом, сыром. (Отец в будущем сам делал мне такие «немецкие» бутерброды.) На месте привала германских частей можно было найти большое количество разных занятных, невиданных в смоленской глуши штучек. Один раз он попробовал разогреть немецкий синтетический мед и очень удивился, когда мед от нагревания испарился (сублимировался).

Какого-либо вреда от строевых германских частей отец не видел. Один раз он наблюдал такое зрелище: в лесу стоит германский грузовик, немец ремонтирует двигатель, вокруг машины толпа советских военнопленных, между собой переговариваются, курят, травят анекдоты, автомат немца лежит в кабине, его любой мог бы легко достать. Немец заканчивает ремонт, закрывает капот грузовика, жестом призывает всех садиться в кузов, все заполняют кузов, автомобиль уезжает.

Работать отцу довелось помощником мельника на водяной деревенской мельнице. Заработок он получал натурой — мукой. Рассказывал, что на мельницу приходили нищие и просили разрешения обмести остатки

муки со стен. В чьем ведении была мельница, он не говорил, безусловно, в ведении оккупационной власти. Таких подробностей он мог не знать. Продукты приходилось выискивать где угодно: в окопах, в блиндажах, в землянках и др. Однажды ему удалось найти в окопах простреленный бочонок с селедками.

Рассказывал о своем участии в партизанском движении. В их колхозе был секретарь партийной организации Никитин Василий Дмитриевич. В глазах отца он был легендарной личностью. Прапорщик царской армии, прошел Первую мировую войну, затем Гражданскую войну, один из первых вступил в партию, затем в Красную Армию. Во время Великой Отечественной войны был назначен партийным руководством района комиссаром партизанского отряда. Имел прекрасный боевой опыт, отлично владел оружием, имел коллекцию охотничьего оружия, выписывал охотничий журнал. На огороде у него был закопан боевой наган, с которым он воевал на Гражданской войне. Его сын Виктор был школьным другом отца. Конечно, Виктор был взят отцом-комиссаром с собой в отряд. У моего отца был трофейный пистолет-пулемет МП-40. Провожая друга в партизаны, отец подарил ему германский пистолет-пулемет. Виктор же подарил ему отцовский наган, выкопав его. Судьба Виктора оказалась жестокой. Он подорвался на мине, полуживым был привезен домой, выжил и попал в плен к власовцам. Во власовском полку ему сделали предложение, от которого он не смог отказаться: предложили выбор — или быть расстрелянным на месте, или поступать к ним на службу. Он выбрал службу. Подробностей его службы у врага никто не знает, в том числе и отец. Известно только, что Никитин после войны 10 лет отсидел. Такое наказание применялось к тем власовцам, которые не были замечены в индивидуальных убийствах советских людей. Всем прочим безоговорочно полагался расстрел.

Однажды в Иваники пришел партизанский отряд. Командир и комиссар поговорили с жителями и предложили им оказать отряду содействие, особенно это касалось подростков, вчерашних школьников. Партизанами была разработана боевая операция. Немцы стянули крупные силы в деревню Жатомля. Нужно было уничтожить германский гарнизон в Жатомле. Школьникам было дано задание: со своим оружием занять позицию и по условному сигналу начать частую непрерывную стрельбу. Для этого партизаны выдали им несколько ящиков с патронами. Они были обязаны опустошить эти ящики. Попадать куда-либо было не нужно, стрелять можно было куда угодно, хоть в воздух. Главное — произвести как можно больше шума, осуществить отвлекающий маневр. В нужное время партизаны должны были ударить в тыл немцам. Произошло так, как и было запланировано. Школьники отвлекли стрельбой огонь противника на себя, партизаны ударили в тыл и полностью уничтожили германский гарнизон, освободили деревню. Среди школьников, участников партизанской операции, был отец.

Он рассказывал, как жители другой деревни, выстроившись в цепь с ведрами, организованно вычерпывали воду из деревенского озера, в которое советские танкисты при отступлении загнали танк. Башня торчала из воды посреди озера. Общими усилиями озеро осушили, танк вычистили, заправили горючим. Так партизаны получили ценную боевую технику.

В 1944 г. Смоленщина была освобождена от оккупации. Отец был призван в армию. Уходя в армию, как мне рассказал, он сложил свои пистолеты: ТТ, наган, парабеллум, браунинг в металлический лоток для мин миномета, залил смазкой и закопал недалеко от дома. По воле судьбы он смог вернуться сюда только в 1961 г. Деревня оказалась сметена войной, в этом месте оказалось колхозное поле, найти какие-либо следы было невозможно.

Отец чудом избежал смерти. Когда новобранцев везли в поезде, он видел, как впереди идущий эшелон был разбомблен.

Запасной полк, куда он попал, был расквартирован в г. Кунгур, на Урал. Новобранцам было роздано обмундирование, снятое с убитых. Гимнастерки, галифе имели пулевые или осколочные пробоины, тщательно зашитые. Сапоги не полагались, обувью были ботинки с обмотками. Вооружили новобранцев винтовками царской армии. Отцу досталась старая пехотная трехлинейка с клеймом «Императорскій Тульскій оружейный заводъ». Начался так называемый курс молодого бойца. Командирами были сержанты и офицеры, направленные в запасной полк после ранения. Как впоследствии заключил отец, основное желание некоторых командиров было — не попасть снова на фронт. А что нужно сделать, чтобы не попасть на фронт? Необходимо любым путем понравиться начальству, прослыть требовательным, хорошим командиром. Поэтому сержант был готов содрать с новобранца семь шкур, только чтобы вышестоящий командир был им доволен. Отцу больше всего запомнилось, что бег стал основой жизни в запасном полку. Все команды выполнялись бегом, любое передвижение — бегом. Наказания были бессмысленными. Если сержант недоволен прохождением с песней, он командует «Бегом» и заставляет солдат выбиваться из сил, а затем снова командует «Запевай». Если на территории полка находили брошенный окурок, весь полк подвергался позорному наказанию, получившему название «Похороны окурка». Весь полк по очереди выкапывал нечто вроде котлована, в который окурок на доске опускался в «могилу» и всем полком закапывался. (Когда мне довелось учиться в военном училище, командир батальона полушутя, полусерьезно говорил, что если заметит брошенный окурок, может устроить такие «похороны».) Провинившегося могли заставить копать яму по два метра в длину, ширину и глубину, затем залить ее водой, таская воду в ведре. После того, как яма наполнится водой, нужно было ее закопать. И так несколько раз, сколько прикажет командир. Перед входом в столовую ставили гимнастического коня, через которого

каждый солдат должен был перепрыгнуть, иначе рисковал остаться без обеда. Когда такие «прелести военной службы» дошли до командования, «мартышкин труд» запретили. Было указано сверху, что любой труд должен быть полезным и осмысленным. О глупости командиров отец рассказывал нередко, но о казарменной уголовщине тогда среди солдат не говорил никогда. Это явление появилось гораздо позже.

Отца возмущали такие порядки в армии, когда солдата, купившего хлеб или что-нибудь съестное, мог задержать патруль и сделать замечание о том, что солдат позорит вид советского воина. Отец нередко говорил, что иметь пустой желудок было не позорным, а нести хлеб — позорным. Были случаи, с его слов, что при проверке гарнизонной гауптвахты дежурный по гарнизону замечал у кого-нибудь из арестованных расстегнутый воротник гимнастерки. На вопрос, почему расстегнут, солдат мог ответить, что гимнастерка не сходится. После такого ответа могло последовать приказание дежурного перевести арестованного на строгий арест, где полагалась урезанная продовольственная пайка, которая гарантировала, что вскоре солдат похудеет и воротник гимнастерки легко начнет застегиваться.

Отец откровенно смеялся над ура-патриотическими измышлениями некоторых граждан, которые говорили о том, что с детства мечтали о службе, например, на флоте или о службе в авиации. Когда пришло время отправляться в боевые части на фронт, никто никого не спрашивал, где кто хочет служить. В полк приехали «покупатели», офицеры разных полков, разных родов войск. Отец попал в зенитный артполк только потому, что рядом со строем, в котором он стоял, случайно оказался «покупатель» из зенитного артполка. Рядом с его строем мог оказаться «покупатель» из авиаполка или из полка морской пехоты.

Перед отправкой в боевые части солдат одели «с иголочки», выдали новое, пахнущее краской обмундирование.

Отец попал на Ленинградский фронт, «под знамена маршала Говорова», как любил он говорить. Его зенитный артполк занимал позицию в Эстонии, на подступах к Ленинграду. Вновь прибывших солдат разместили в землянках, дали несколько дней на привыкание, усиленно кормили. Здесь отец узнал, что такое тыловая и фронтовая пайка, насколько фронтовая пайка была больше и сытнее тыловой. Его определили в орудийный расчет подносчиком снарядов. Служба в орудийном расчете запомнилась ему тем, что снаряды к пушке нужно было не просто подносить, а предварительно готовить их. Это значило, что поступившие на батарею снаряды нужно было распаковать из ящиков и расконсервировать. Расконсервация боеприпасов была работой тяжелой и грязной. Патроны были залиты толстым слоем пушечного сала. Для подготовки боеприпасов к бою в специальном котле грели воду, патроны полоскали в горячей воде, смывали консервант, обтирали концами. Обмундирование сильно загрязнялось, смены не было.

Приходилось его стирать, солдаты в основном, выглядели замызганными, от них пахло нефтепродуктами. Отец вспоминал, что вначале батарея была вооружена крупнокалиберными пушками отечественного производства. Боеприпасы к ним было трудно расконсервировать. Затем появились пушки мелкокалиберные, американского производства. Патроны к ним были упакованы в картонные тубусы и завернуты в восковку. Тогда подносчики снарядов облегченно вздохнули.

Отец нередко говорил, что солдаты больше боялись своих командиров, чем противника. Батарею немцы ежедневно бомбили. Мне, ребенку, отец говорил, что в него просто не попали. Была и другая смертельная опасность. Эстонцы могли ночью прокрасться на батарею и ножами вырезать спящих артиллеристов. Поэтому солдаты как никто чувствовали и понимали пагубность сна на посту.

Личным оружием артиллеристов были трехлинейные карабины образца 1938 г., затем появились карабины со складным штыком образца 1944 г. Отец вспоминал, что у него было желание иметь такой небольшой и удобный карабин. Одно время у них были пистолеты-пулеметы конструкции Судаева ППС.

Отец нередко вспоминал об офицерах полка. Среди тех, о ком он вспоминал, на почетном месте был командир полка полковник Накашидзе. Это был Командир с большой буквы. Прошел всю войну, был неоднократно награжден. Его «слабостью» была стрельба — он в совершенстве владел огнестрельным оружием. В Красном уголке висели мишени с десятками, пробитыми пулями полковника. Над мишенями был лозунг: «Стрелять, как полковник Накашидзе». На артиллерийских учениях полковник садился на место наводчика орудия и поражал все воздушные мишени. Почти ежедневно он посещал тир и выбивал из табельного ТТ десятки в мишенях. Если солдат на стрельбах мазал, полковник мог подойти к нему, спросить, почему не попал. Если получал ответ, что мушка сбита, брал у солдата винтовку и, не целясь, навскидку поражал мишень. У него был наградной маузер и карманный браунинг, с которым не расставался. Если сержант, проводящий занятия с солдатами, допускал грубость и это замечал полковник, сержант мог быть позорно разжалован. Когда отец демобилизовывался, полковник построил уволенных в запас и объявил им, что, если они не найдут работу, могут обращаться к нему.

Отцу пришлось служить в солдатах до 1950 г. Он прошел от рядового до старшего сержанта, последние месяцы службы исполнял офицерскую должность командира взвода, пока не передал должность вновь прибывшему в полк младшему лейтенанту, окончившему военное училище. Безусловно, он очень хотел стать офицером, учеба для него всегда была увлекательной, интересной. Подавал рапорты в военное училище и всегда получал отказ. Отец считался неблагонадежным, так как был на временно оккупированной территории. Ему помогла бы справка, свидетельствующая об участии

в партизанской операции, но он не знал, как ее получить, от кого, к кому обращаться. Такого жизненного опыта у него не было.

Оказавшись на гражданке, он понял, что в вузе ему не бывать, так как в паспорте у него оказалась так называемая «черная печать» о неблагонадежности. Единственное, на что он мог рассчитывать, — это ПТУ. Школа машинистов располагалась на одном из этажей Ленинградского института транспорта. Туда принимали всех, обеспечивали стипендией, общежитием, обмундированием. Для демобилизованного сержанта это был оптимальный вариант. О своей учебе в школе машинистов отец вспоминал с теплотой. Ему запомнился один из преподавателей. Преподаватели института по совместительству преподавали и в ПТУ. Один из них на занятии сказал примерно так: «Вы все хотите получить прекрасную и нужную профессию. Но для того, чтобы стать гармонично развитой личностью, этого мало. Вы находитесь в Ленинграде, в лучшем культурном центре мира. После занятий мы с вами пойдем в театры, в музеи, в консерваторию». Этот преподаватель тратил свое личное время на культурное просвещение бывших фронтовиков. Если не было возможности попасть в театр, он приводил всех желающих в свою квартиру, там устраивал прослушивание на мощном иностранном проигрывателе пластинок с записями опер, симфоний, оперетт. За время учебы в школе машинистов отец услышал огромное количество произведений классической музыки, увидел весь репертуар ленинградских театров, побывал во всех ленинградских музеях.

Выбор места работы по распределению для выпускников школы машинистов был небогатый. Только два варианта: Печорская железная дорога или Забайкалье. Отец выбрал Печорскую, мотивируя тем, что это хотя бы в Европе. Он приехал в городишко Ижма в республике Коми. Там находилось паровозное депо. Первая же поездка на паровозе его неприятно поразила. Отец начал трудовую деятельность на паровозе в должности помощника машиниста. В паровозных бригадах обязанности распределялись так: машинист — начальник, он ведет состав, реагирует на все знаки, светофоры, семафоры, получает жезлы; кочегар поддерживает в топке огонь, следит, чтобы горение топлива было равномерным, чтобы давление пара было в норме. Помощник машиниста — низшая должность. Загружать топку углем — обязанность помощника. В армии отец усиленно занимался спортом, имел дипломы победителя соревнований по гимнастике, занимался боксом, фехтованием. Физической работы никогда не боялся. Но после первой поездки, во время которой ему пришлось перекидать в топку несколько тонн угля, организм стал отказываться ему служить. Руки, ноги, поясница оказались неспособными к любому усилию. Практически нельзя было пошевелить пальцем. Он с огромным удивлением смотрел на людей, которые страдали алкоголизмом, никогда в жизни не занимались спортом, но тем не менее легко и непринужденно

кидали в топку многие тонны угля и почти не уставали. Такой трудовой опыт пришел не сразу. Во втором рейсе он был полутрупом. Но после нескольких рейсов организм начал привыкать, через полгода работы помощником машиниста он полностью адаптировался, и начал удивляться, как это он ничего не мог поначалу.

Наконец отца назначили машинистом. Тут у него проявился талант. Как он мне говорил, самая трудная часть работы машиниста — это владение тормозами. Мы все ездим пассажирами по железной дороге, в метро. Нередко мы видим, что от неумелого торможения поезд дергается, пассажиры иногда не могут устоять на ногах, есть опасность промаха, поезд может остановиться за станцией или перед станцией. Есть еще одна опасность. Если не учитывать профиль дороги, уклоны, подъемы, можно «растянуться», т.е. потерять при въезде на горку силу движения и остановиться, не доехав до места назначения. В таких случаях вызывается вспомогательный локомотив, который, толкая «растянувшийся» состав, помогает ему преодолеть горку. Машинист, пользующийся «толкачом», считается плохим. Отец как никто чувствовал дорогу и движение, ни разу не «растягивался», тормозил грамотно. В депо его стали назначать инструктором по торможению. Машинисты проходили у него курсы повышения квалификации по тормозному хозяйству.

1953 год. Скончался Сталин. «Черные печати» в паспортах отошли в прошлое. Отец получил право на высшее образование. Сначала он проучился в школе рабочей молодежи в Ижме, получил аттестат зрелости об окончании средней школы, а затем поступил на заочное отделение Ленинградского института транспорта.

Я представляю себе общежитие машинистов: за столом пьяные паровозники, на столе бутылки спирта, на койках лежат уже «готовые», в том числе не живущие здесь, а пришедшие с улицы, в углу притулился отец с книгой и тетрадью, решает задачу по сопромату. Окружающих он не видит. Его цель — сдать зачет или экзамен. Контингент общежития более чем сомнительный, есть и бывшие уголовники с ножами в карманах. Отец говорил, что один из его друзей был зарезан.

Женитьба вытащила его из общежития. Вдвоем с моей будущей мамой отец снял комнату в частном доме. Они любили друг друга. Мама, по профессии химик-лаборант, получила работу в лаборатории депо. Я был зачат на Севере, в съемной комнате. Рожать мама поехала к себе в Москву. Я родился за два года до получения отцом диплома.

В 1960 году отец стал инженером-механиком. Он уехал с Севера в Москву вместе с мамой. У нас была в Текстильщиках комната в коммунальной трехкомнатной квартире. На работу отец поступил инженером-конструктором сначала на Комбинат железобетонных конструкций (КЖИ), потом на Карачаровский механический завод, затем на Гидрозавод, где мама работала в химической лаборатории. Заработки были более чем

скромные. Крутой перелом наступил, когда отца приняли на работу в Государственный научно-исследовательский институт хлорной промышленности (ГНИИХП). Производство было опасным. Приходилось работать с такими веществами, как хлор, фосген, зарин, зоман, окись углерода и др. Отец говорил, что цех оборудован реакторами, вокруг них переплетение трубопроводов, в каждом смертельно опасный газ. Основное условие работы — наличие противогаза, без которого появляться в цехе было категорически запрещено. Иногда случались аварии с утечками газов, противогаз спасал в прямом смысле слова. Производство было опасным, но высокооплачиваемым. Отец занимал должность технолога цеха. Он рассказывал, какие бывали казусы по инженерной линии. Прежде всего, когда я стал студентом, отец учил меня, что авторитет на работе достигается только знаниями. В качестве примера он привел поломку шкива на одной из машин. Шкив, от которого происходила ременная передача движения на другой шкив, лопнул. Требовалось изготовить новый. Казалось бы, элементарная работа. Деталь выточили на токарном станке. Требовалось насадить ее на вал с помощью горячей посадки. В таких случаях деталь нагревают, надевают на вал, остужают, металл от охлаждения сжимается и крепко захватывает вал. Когда выполнили все, что требуется, шкив остыл, но не схватился с валом. Естественно, был задан вопрос отцу как инженеру: «Почему не укрепился шкив на валу, что нужно сделать?» Отец ответил, что марка стали отличается от той, из которой был сделан старый шкив. Поэтому у новой стали коэффициент расширения и сжатия другой. В отделе снабжения отец выяснил марку стали. Затем по справочникам он определил коэффициент расширения и выяснил, до какой температуры необходимо нагревать шкив. Была заново выточена деталь, нагрета до вновь выясненной температуры, надета на вал и остужена. Шкив отлично схватился с валом. Среди подчиненных укрепилось мнение, что инженер понимает.

Отец всегда занимался со мной. В школе он помогал мне решать задачи по математике, по физике. Пересказывал содержание многих книг. Благодаря этому у меня появился интерес к чтению, я начал читать много художественной литературы. В школе гуманитарные науки стали даваться мне гораздо лучше, чем точные. Отец ездил со мной по многим музеям, мы часто ходили в кино, а также ездили за грибами, на рыбалку, на охоту. Он всегда пытался привить мне интерес к природе. Стремление получить деньги любым путем было ему чуждо. Он всегда напоминал, что деньги нужно честно зарабатывать, а не ловчить. Когда я учился фотографировать, сделал фото соседей по дому и раздал их соседям, мне дали небольшие копейки «на мороженое». Отец потребовал вернуть копейки, сказав, что я фотографировал не за деньги, а для того, чтобы научиться фотографии. Зарабатывать деньги нужно на работе, после того, как получишь квалификацию, так учил меня он. Интерес к истории оружия привил мне отец. Как

надо с ним обращаться, он нередко говорил мне. Многие системы оружия я знал «заочно». Это мне очень помогло, когда я стал историком оружия.

Отец категорически не признавал двойной морали. Все лозунги о скорой постройке коммунизма его откровенно раздражали. Когда он стал главным инженером Гидрозавода, на основе которого возник Мосжиркомбинат (МЖК), столкнулся с откровенной нечестностью работников как главка, так и Ждановского райкома партии. Директор МЖК показал себя с нехорошей стороны — нечестным, беспринципным подхалимом. Из-за нечестности директора погиб человек. Директор откровенно подставлял отца, могло случиться так, что человек погиб бы из-за него. Директор требовал от отца, чтобы он включил лифты на МЖК без испытания Госгортехнадзором, чтобы отрапортовать в главк о досрочном пуске второй очереди комбината. Отец категорически отказался и написал заявление об уходе. Когда отец уволился с МЖК и вернулся обратно на старое место работы — в институт хлорной промышленности, директор МЖК назначил нового главного инженера и потребовал от него включить лифты. Тот, не желая конфликтовать, лифты включил. В результате один из лифтов пошел самопроизвольно и разрезал, практически четвертовал сотрудницу комбината. Директор, по инструкции не неся ответственности за лифт, оказался неподсуден, а срок получил новоиспеченный главный инженер.

Отец, горячо протестуя против нечестности сотрудников как райкома, так и главка, МЖК, заявил о выходе из партии. Его исключили с помпой, как вора, антисоветчика, диссидента. Сфабриковали дело о его краже с МЖК, которой не было в помине, начали преследовать маму, которая работала в лаборатории комбината. Ей пришлось уволиться. Тогда отец начал мстить обидчикам. Он составил жалобу в ЦК КПСС. Началась крупная тяжба, на несколько лет. В результате директор был снят, секретарь парткома был отстранен от должности. Отец был восстановлен в партии XXVI съездом КПСС. Он требовал, чтобы перед ним извинились райкомовские работники, но этого не добился.

Когда началась «перестройка», отец не поверил в нее. Он знал, что партийные чиновники никогда не перестроятся, к добру это не приведет. И оказался прав. Государство было потеряно. Причиной развала СССР была, прежде всего, двойная мораль, которая махровым цветом процветала в стране. Для отца, да и для меня, двойной морали не существовало, он всегда жил по одной морали, честно, был всегда готов бороться с любым проявлением нечестности.

Мне очень жаль, что отец не дожил до дня получения мной ученой степени. Осознание, что я стал профессиональным историком оружия со степенью, было бы для него достойной наградой, олицетворением того, что его труднейшая жизнь была прожита не зря. Он навсегда остался для меня достойным примером для подражания.

«БУДЕТ ГОЛОВА НА ПЛЕЧАХ — БУДУ УЧИТЬСЯ, РАБОТАТЬ...»[1]

***Михайлов Александр Владимирович**, 66 лет,*
кандидат технических наук, доцент ФГБОУ ВПО
«Тульский государственный университет»,
***Васильева Ирина Алексеевна**, 12 лет,*
учащаяся 6 класса МБОУ «ЦО Гимназия № 1»,
г. Тула

— Дед, я недавно дочитала ту белую книгу с рассказами о войне, про которую ты говорил. Она называется «Мы помним...». Там ведь есть воспоминания твоего отца.

— Да, верно. Мой отец, а твой прадед повоевал. Был в плену. Из тыла в плен не попадешь. Хлебнул лиха.

— Скажи, а он писал письма с войны?

— С войны он не прислал ни одного письма. Не успел.

— Что же, почти три года родные о нем ничего не знали?

— Да. Мама думала, что он погиб.

Михайлов В. Е. 1966 г.

Из воспоминаний Владимира Евгеньевича Михайлова

После освобождения из плена в апреле 1945 г. американскими войсками в г. Зальцбурге и прохождения госпроверки в филиале бывшего концлагеря Маутхаузен в г. Мельке служил в авторемонтном батальоне. Оттуда для излечения контузии ноги отправлен в госпиталь в г. Бухарест, а затем в Баку. В Тулу вернулся 22-го апреля 1946 года...

— У нас хранятся его первые послевоенные письма.

— Дед, а как же они сохранились?

— Моя бабушка Мария Васильевна сберегла. Тебе-то она доводится прапрабабкой.

— Интересно, о чем он писал в первых письмах?

— Что ж, давай почитаем.

---

[1] Продолжение. Начало см.: Михайлов А. В. Плен испортил биографию // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. Ч. 2 / Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой.— Тула: Аквариус, 2015.— С. 122–131.

Из первого,после освобождения из плена,письма от 14.06.45 г.

Здравствуй, мама!...

Извини за долгое молчание. Я жив и здоров. Поздравляю с Великой Победой над врагом!!!

Возможно, скоро я возвращусь опять на Родину, и тогда будем вновь начинать жить...

— Видишь, он написал самое главное. Жив.

— Что же, он мог не вернуться?

— Да. И так могло случиться.

Из воспоминаний Владимира Евгеньевича Михайлова

При допросе во время госпроверки я спросил следователя: «Капитан, а что с нами будете делать?» — «А что с вами будет, разберемся. Часть здесь расстреляем, остальных в Сибирь. Ведь мы без вас победили...»

— Так что отец правильно сомневался. Мог и не вернуться.

— Дед, как же он хотел начать все с начала?

— Как? Вот что он пишет. Читай.

Из письма от 13.01.46 г.,отправленного из госпиталя

Дорогая мама!!!

Ты не огорчайся, пожалуйста, если не будешь иметь от меня долго писем (думал, что могут посадить из-за плена). Вовка всегда здоров и, если не будет дураком, то будет жив и приедет. Не беспокойся обо мне. Не велика важность, если первое время я буду ходить в военном. Будет голова на плечах — буду учиться, работать, а остальное ерунда...

Жаль, что так быстро убегает тот возраст, в котором хорошо было бы учиться...

— Дед, а что же он делал, когда приехал в Тулу?

— Об этом тоже у него записано.

Из воспоминаний Владимира Евгеньевича Михайлова

Я — дома. Все осталось в прошлом, началось настоящее... Было решено — я поступаю в институт на дневное отделение.

Меня демобилизуют. В милиции паспорт не выдают. Вместо паспорта я получаю «Удостоверение № 106» без права выезда из Тулы.

Сдал документы (кроме паспорта) в приемную комиссию механического института. Поверили, что паспорт принесу позже. С удостоверением без права выезда из Тулы дорога в институт была закрыта.

Через неделю получаю повестку — явиться в Управление НКГБ к 22.00 по адресу...

После допроса, окончившегося в четыре часа утра, приказано срочно получить паспорт.

В новом паспорте в графе «На основании каких документов выдан паспорт» стояло «Удостоверение № 106».

В 1946 г. поступил и в 1951 г. окончил Тульский механический институт, получив диплом «с отличием» и звание инженера-механика по специальности «Технология машиностроения, металлорежущие станки и инструменты».

После окончания вуза получил предложение от своего руководителя дипломного проекта поступить в аспирантуру. Однако отделом кадров было отказано. Сыграло роль «Удостоверение № 106», которое для отдела кадров было знаком о неблагонадежности.

При распределении молодых специалистов предложили поехать в г. Барнаул на военный завод.

Председатель комиссии по распределению задал вопрос:

— Согласен?

— Нет.

— Почему?

— Вы же знаете мою биографию. Не хочу работать дворником (на военном заводе бывшему военнопленному на инженерную должность рассчитывать было нельзя).

— Других предложений не будет!

Я встал и пошел к выходу.

Пришлось ехать в Москву в Министерство образования. Только там, с большим трудом, удалось получить свободное распределение.

В дальнейшем «Удостоверение № 106» продолжало действовать. На должность инженера не удалось устроиться ни на один тульский завод. Когда показывал диплом «с отличием», брали с распростертыми объятиями, когда смотрели паспорт — отказывали под предлогом «оказывается, должность уже занята».

В лучшем случае предлагали поступить рабочим. Но на такую работу дипломированный инженер не мог соглашаться. За это грозил тюремный срок.

Только благодаря вмешательству директора Механического института Александра Михайловича Тененчука удалось устроиться на Тульский котельно-вентиляторный завод. И еще потому, что у сына директора завода была такая же военная биография...

— А что было потом? Где и кем он работал? Дед, ты об этом мало рассказывал.

— Что рассказывать? Лучше прочти его автобиографию.

Из автобиографии Владимира Евгеньевича Михайлова

В 1951 г. приняли на должность бригадира в литейный цех. Затем работал мастером литейного цеха, инженером-конструктором, зам. начальника и начальником технического отдела. В 1957 г. стал главным технологом завода. В 1958 г. окончил заочную аспирантуру во Всесоюзном научно-исследовательском институте сантехоборудования. В 1961 г. перешел в Тульскую проектно-конструкторскую технологическую лабораторию текстильного машиностроения (ПКТЛ ВНИИТЕКМАШ) на должность главного технолога...

— Добавлю, что в 1964 г. отец подал заявление о приеме в КПСС, но получил отказ, мотивированный нахождением в плену во время Великой Отечественной войны. Отказали те, кто никогда не «нюхал пороху».

— Дед, неужели столько лет ему припоминали плен?

— Да. Даже меня один одноклассник раз обозвал сыном предателя. Подрались, конечно. Это было в 1967 году.

Из автобиографии

В 1965 г. был полностью реабилитирован. В 1966 г. получил приглашение на должность главного технолога завода «Красный Октябрь». Затем работал главным инженером завода. В 1967 г. был принят в члены КПСС. После преобразования завода «Красный Октябрь» в объединение «Туласантехника», в которое, кроме него, вошли Тульский котельно-вентиляторный и Дубенский чугунолитейный заводы, работал главным технологом и главным инженером объединения.

С 1967 г. до выхода на пенсию в 1984 г. работал главным технологом и главным инженером Тульского проектно-конструкторского технологического института легкого машиностроения (ПКТИМАШ).

— А это что за поздравление?

— Это коллектив института поздравил отца с 60-летием:

«Вы прожили большую содержательную жизнь, были свидетелем многих исторических событий, прошли дорогами великой Отечественной войны...

Никогда не останавливаясь на достигнутом, Вы постоянно совершенствовали свои профессиональные навыки и мастерство.

Ваши деловые качества: поразительная работоспособность, профессионализм, организаторский талант и умение работать с людьми — позволили Вам пройти путь от рядового инженера до главного инженера крупного производственного объединения.

Мы высоко ценим Ваши человеческие качества: отзывчивость, бескорыстие и доброжелательность к людям».

— Да! Была у прадеда голова на плечах!

ТЯЖЕЛЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

***Белоусов Владимир Олегович**, 71 год,*
кандидат филологических наук,
более 40 лет доцент филологического
факультета МГУ им. М.В. Ломоносова,
в настоящее время пенсионер, ветеран труда
г. Москва

Сейчас я уже на восьмом десятке, а в марте 1965 года мне было неполных 20. В том же марте 1965 года моему папе, Белоусову Олегу Васильевичу, было неполных 50. В том же марте 1965 года его не стало.

А в конце 30-х он, двадцатипятилетний выходец из деревни в Калининской области, работал на заводе «Красный гвоздильщик» в Ленинграде. Жил папа в общежитии при заводе. Был арестован по доносу соседа по комнате. Так водилось в ту пору. Родители никогда не рассказывали мне и младшей сестре о прошлом. Они щадили нас, скорее, боялись за наше настоящее и будущее. Мы знали только, что наш папа был участником войны.

За полгода до своей смерти папа получил реабилитационный документ. И вот когда государство подтвердило его невиновность, он, словно предчувствуя приближающуюся развязку, посчитал своим долгом рассказать о том, что пережил. И сразу мои какие-то разрозненные наблюдения и неясные предположения стали выстраиваться в единую картину понятных событий и фактов.

Помнится, моя мама всегда как-то неохотно и уклончиво рассказывала нам с сестрой о своем двоюродном брате, Александре Васильевиче Калинине, его послевоенном прошлом. Много позднее я узнал, что он, двадцатилетний мальчишка, прошедший нацистский плен, также не избежал советского концлагеря. Ему потом долго не разрешалось жить в Москве.

В те годы мы жили около Красных ворот в коммунальной квартире. Одну из комнат занимали тихие и скромные, как мне тогда казалось, уже в солидном возрасте брат и сестра. Я замечал, что всякий раз, как я появлялся на кухне, мой папа и тот пожилой мужчина, Гавриил Дмитриевич, сразу же замолкали, хотя до того сидели и оживленно беседовали вполголоса. Позднее я узнал от папы, что в жизни его собеседника НКВД тоже сыграл роковую роль. Им обоим, понятное дело, было что вспомнить, о чем поговорить.

В конце 1964 г. папа назвал нам фамилию «честного советского гражданина», донесшего на него в 38-м. А ведь этот «благожелатель» (а их было так много!) стал виновником того, что другой человек (и сколько же их пострадало по всей стране!) три года провел в «воркутинском сталинском санатории». И дети, и внуки этого стукача не знают истинного лица своего отца и деда.

Благодаря природным качествам лидера и умению делать руками абсолютно все, папа пользовался большим авторитетом среди сидельцев лагеря, политических и уголовных. Правда, наше государство не признавало наличие политических в местах заключения.

Из лагеря папа рвался на фронт. Просьба его была удовлетворена, но понятно, в каком качестве он, лагерник, смог попасть в действующую армию. Его направили в самое пекло.

Долго провоевать папе не пришлось. К 1943 году он уже был в звании младшего лейтенанта (!), но его комиссовали по причине тяжелейших ранений. Множество «неоперабельных» осколков снарядов он так и носил в теле до конца своих дней.

После войны ему каким-то чудом удалось получить высшее образование. Несколько последних лет он даже занимал довольно высокий юридический пост.

Папа ушел из жизни в 49 лет. Он умер, участвуя в качестве бригадира агитаторов на выборах. Он агитировал народ за ту самую власть, которая когда-то предъявила ему стандартное ложное обвинение. Благородный человек, папа оставался членом правившей партии, не пытался мстить государству и просил нас не пытаться отыскать того самого искреннего борца с «врагами народа».

Сломанная судьба, подорванное лагерем здоровье, преждевременная смерть, двое детей, оставшихся без кормильца. Большего «родная» советская власть, вроде бы «повинившаяся» за свое слепое злодейство и украденные молодые годы своего подданного, предложить не могла. Я учился на втором курсе, мама была вынуждена искать для поддержания семьи дополнительные источники существования, сестра пошла работать, отказавшись от поступления в вуз и от устройства личной жизни.

После папы остались его фронтовые награды и извлеченные осколки, завернутые в марлю. Мой сын, его внук, назван в память деда Олегом. В чем-то эта история похожа на истории других семей, где были невинно осужденные и реабилитированные.

Папа моей мамы — старый большевик, Кузьма Васильевич Софронов. Когда я был еще в аспирантуре, он чуть было не затащил меня в партию. Бог миловал. Он всю жизнь проработал в Министерстве образования (названия менялись). Внимание госбезопасности обошло его стороной. Никто на него так и не стукнул. «Правильный» был человек, наверное. У него умерла жена (моей маме тогда едва исполнилось 4 года), и он женился повторно. Мы с сестрой знали, что есть где-то гипотетический дедушка. Мы, его внуки, как бы и не существовали для него. Бог ему судья, но с нами он вдруг стал общаться незадолго до своей смерти: прослышав о нашей вопиющей бедности, он даже время от времени помогал нам материально.

Не зная, как осуществить планы построения новой страны, власти пошли по проверенному пути всех диктатур — запугать, унизить, сломать, подчинить человека. Советские радетели счастья только и смогли, что уравнять всех в нищете, заставить наслаждаться «жизнью в самой справедливой стране на земле», и для обеспечения этого взращивали «добровольных помощников».

Излишне рассказывать, как тогда материально жилось нам и большинству жителей великой страны, не получавшим спецпаек, не имевшим доступа к магазинам для людей белой кости и прочим прелестям «социалистического рая». Родители делали все, чтобы мы, дети, не знали забот. Нам было хорошо в пионерлагерях, мы беззаботно носились по дворам на самодельных самокатах, посещали кружки и хоровые студии. Но мы не видели взрослой жизни.

Хотя что-то все же отложилось в памяти. Помню, как долгое время после войны наша семья — папа, мама, сестра, я и еще две семьи наших родственников по два человека — жили в 16-метровой комнате. Помню, как у родителей не было денег, чтобы покупать нам, быстро растущим детям, необходимую одежду и обувь. Помню, когда я учился в старших классах, мы с папой носили один плащ на двоих. Помню первое пальто, купленное мне, десятикласснику. Помню радость моего папы, когда ему в день его 45-летия подарили (самые недорогие) ручные часы.

Люди выживали. Конечно, было трудно. Но всем ли? Мне трудно понять тех, кто ныне ратует за возврат к «добрым старым временам» и мечтает о «твердой руке». Трудно понять и тех, кто не видит лживость фильмов типа «Кубанские казаки», «Цирк» и т.п., создававших и создающих якобы правдивое представление о победах социализма. Надо, чтобы наши дети, внуки получали знание об истинной истории страны, семьи, знали хотя бы два-три поколения. Трагедия идеологической промывки мозгов, удушающая атмосфера сталинщины и унизительное выживание «самых счастливых людей на земле» никогда не должны повториться.

И не надо преследовать негодяев-стукачей, не надо мстить ни следователям, ни палачам-исполнителям. Мы живем в православной России, и нам не нужна корсиканская вендетта. Да, надо искать правду. Но я горжусь великодушием моего отца, который не ожесточился и сохранил как лучшие человеческие качества, так и верность своей стране.

Вечная память тем, кто пострадал безвинно.

ПЯТНАДЦАТИЛЕТИЯ

Савостьянов Валерий Николаевич, *67 лет,*
поэт, лауреат международных и российских
литературных премий,
г. Тула

Уже в который раз ловлю себя на мысли, что во мне вновь и вновь возникает подспудное желание сравнивать это наше 15-летие нового века и новой России с послевоенным 15-летием победившего в Великой войне Советского Союза.

У читателя может возникнуть резонный вопрос: почему я беру за период отсчета именно 15-летия? Все очень просто: в 1960-м году моя семья перебралась в город, а до этого все 15 послевоенных лет жила в деревне под Тулой. Вернее, в двух деревнях: сначала в Сергиевском или, как его еще звали в народе, Упском, — на родине моей матери, а потом в соседней деревне Нижние Присады — на родине моего отца. И мне кажется, поскольку большая часть всей тяжести восстановления разрушенного войной хозяйства легла прежде всего на нашу послевоенную деревню, то и героический процесс этого восстановления, да и вскоре плоды его, проявился наиболее отчетливо именно в жизни и судьбах наших деревень. Так что я при этом вполне естественно явился, хоть еще и маленьким, но уже реальным свидетелем этого сложного и трудного процесса.

Но откуда и почему оно возникает, это желание сравнивать, казалось бы, несравнимое: ведь они, 15-летие нового века новой России и то послевоенное 15-летие, казалось бы, абсолютно разные, из разных эпох. И вроде бы они не могут быть сопоставимы: ибо одному предшествовала страшная кровопролитная изнурительная и разрушительная Война, а второму — всего лишь так называемые перестройка и «реформы».

Вездесущий и всезнающий Фейсбук утверждает и доказывает, что наши потери в результате «ельцинских реформ» сравнимы или даже больше наших потерь в результате Великой войны! Верить или нет?..

Я родился в 1949 году, и с этим, кажется, мне повезло: страшный послевоенный голод и карточки остались где-то в 1947-м. Поэтому в одном из своих стихотворений, открывающем мою московскую книжку «Товарищ мой», я написал:

Я у села своего на виду,
Я у него на особой примете:
В послевоенном,в счастливом году
Я родился — и не ел лебеду,

Как зачастую военные дети.
Не захлестнула мне горло петля
Голода — видно, родился в рубашке.
Мне из картошки гнилой кавардашки
Добрая мать никогда не пекла.
Мама лепешки пекла,терунки —
На настоящем, на сливочном масле.
Милый мой край — мои первые ясли,
Благодарю за твои колоски!
Благодарю за картошку твою,
Что «по оборушкам» насобирали!
Как мне поверить, что в этом краю
Пухли от голода и умирали?..

Что ж, наверное, так и было где-то: и умирали от голода в послевоенной деревне, хоть и трудно мне, родившемуся всего лишь через пару лет после голода, в это поверить в момент написания этого стихотворения. Да и продолжался этот страшный период, очевидно, не слишком долго — лишь два самых трудных послевоенных года. Но я хорошо помню, что уже в наши пореформенные 1990-е годы, после развала Советского Союза голод стучался и в наши семьи — из-за задержки зарплат месяцами, нищенских пенсий пенсионеров...

Поверит ли в это молодой человек, будущий молодой поэт, родившийся в начале двухтысячных? И какие стихи напишет он об этом времени, что предшествовало его рождению? Ведь творчество, особенно поэтическое, совершенно непредсказуемо...

Поскольку я собираюсь далее продолжить эту мою вступительную статью стихами о моем деде-фронтовике, то вот вам и пример этой самой непредсказуемости творчества из моей личной жизни и из жизни моей семьи.

У меня было два деда — Царствие им Небесное! Один по матери, Николай Алексеевич Кострюков: в июле 1941 года он ушел на войну и вернулся — живой и не инвалид! — уже после войны, кажется, в 1946 году. С орденами и медалями!

А второй дед, по отцу, Алексей Федорович Савостьянов, всю войну проработал на тульском патронном заводе. Бронь! Вполне достойная и даже, наверное, героическая трудовая судьба! И что в ней не так? Все так! Но так почему же тогда стихи — эта капризная творческая стихия, возникающая сама по себе и гуляющая, словно волны морские, тоже сама по себе и как ей хочется — пишутся лишь о воевавшем и орденоносном деде Николае?

Так и тянет повиниться и сказать: «Прости их, стихи мои, дед Алексей!» А заодно прости и меня, не умеющего их обуздать или хотя бы

просто уговорить, убедить, усовестить, доказать, что и твой труд на патронном заводе тоже ковал нашу Победу. Что и ты тоже Герой, хоть лишь и ветеран труда, а не Войны. Я же ведь не забыл не только его, деда Николая, рассказы — но и твои тоже, про то, как ходил ты из Нижних Присад на Кировский поселок, на завод, и ходил, разумеется, пешком. А это, вероятно, уж не менее 10 километров в один конец! Думаю, даже больше! Ладно, летом, а как зимой, да еще по снегу? И не дай Бог опоздать на смену хотя бы на 5 минут! А когда бывали страшные морозы, то оставался ты ночевать прямо в цеху либо, в крайнем случае, изредка, у дальнего тульского родственника.

Да нет, дед Алексей, все я помню! Я-то помню, но стихи — они стихия! У них своя логика! И не просто железная, а еще и огненная, боевая, фронтовая логика! Им романтику подавай!

Фуражка
(В День Победы)

В боевом солдатском званье,
В гордом званье старшины,
В новом обмундированьи
Возвратился дед с войны.
Гимнастерку и рубашку,
Пару яловых сапог
Износил он. А фуражку
Почему-то все берег.
Надевал фуражку в праздник,
Очень ею дорожа.
Бабка скажет: «Новой разве
Нету? Все для куража!
Как в такой пойдешь к соседу:
Не хозяин,что ль,рублю?
На базар поеду в среду —
Шляпу там тебе куплю...»
Дед припрятанную «Старку»
Брал: да что тут говорить? —
Спорить с бабкой,что по танку
Из винтовочки палить...
Не спеша он шел к соседу,
Что под Курском воевал,
И с соседом за Победу
«Старку» — чаркой распивал.
С ним,осколком ослепленным,
Пел о самом дорогом,
Пел и плакал!

И граненым —
Пил за мертвых самогон!
Добирались и до бражки...
Правда, ум не пропивал:
Никогда чужой фуражки,
Уходя, не надевал.
Перед бабкой отвечая,
Говорил: «Да что там пью? —
От чужих же отличаю
Я фуражечку свою!»
«...Отчего ж тебя качает,
Что корову в борозде?
Знаю, как ты отличаешь:
Ты ж — на ощупь,по звезде!..»
Дед молчал. Когда ж от брани
Строгой бабки уставал,
Не ложился на диване —
Уходил на сеновал.
И проваливаясь в небыль
От нахлынувшей тоски,
Видел он, как шли по небу
Краснозвездные полки.
Там по цвету и по лаку,
По немеркнущей звезде —
Узнавал свою фуражку!
Ту,что в доме,на гвозде...

Дедовы Медали

Мне однажды наподдали —
И всерьез, а не слегка,—
Что я дедовы медали
Утащил из сундука.
«Ты попробуй,постарайся —
На войне их заслужи,
А уж после — хошь,играйся,
Хошь,в сундук их положи...»
Ждали деда.
Дед награды
Взял — и, вспомнив про бои,
Молвил: «Пробовать не надо —
Лучше носит пусть мои...»

Скромность

Бабку старую проведаю,
Дом и сад перед крыльцом,
Где отмеченный Победою,
Золотым ее венцом,
Жил мой дед — до часа смертного,
До сырого бугорка
В скромной роли неприметного
Простофили-мужичка.
Не кричал: «Мы жизнью тертые:
Вынь-положь,— а нас уважь!».
Говорил: «Герои — мертвые,
А живым награды — блажь.
Грех рядиться перед вдовами:
Сколь уж лет они в тоске».
И лежали ненадеваны
«За отвагу» в сундуке...
Жил мой дед — колхоз выхаживал,
Быть старался,где народ.
Много делал,
Мало сказывал,
Вдов стесняясь и сирот.

ГОРНОСПАСАТЕЛИ ДОНБАССА

Чечулина-Собещанская Ирина Николаевна, *59 лет,*
химик,кандидат химических наук,
полковник Федеральной таможенной службы России,
г. Москва

Посвящается бойцам 1-го военизированного горноспасательного отряда.

Мои корни

Мой отец, Собещанский Николай Александрович (1919–1991 гг.), родился в селе Мариинка Мариупольского уезда Екатеринославской губернии, на берегу реки Осыковой. Его родители Николай Иванович и Ядвига Антоновна встретились в городе Мариуполе в начале XX в. Александр Собещанский приехал тогда на хлебный рынок продавать урожай зерна, выращенный на полях Марьинки, принадлежавших его родителям

с 1860-х годов. Предки моего отца переехали на эти земли из г. Белая Церковь, где они жили после переселения в конце XVIII в. из Кракова. Они были одними из первых в селе Марьинка поляками «Герба Рогаля», однодворцами, наделенными здесь пахотными землями. Донецкие степи стали их второй родиной. У отца было шестеро братьев и сестер. Их внуки и правнуки живут в Марьинке, Мариуполе, Донецке и других городах Донбасса до сих пор.

Собещанский Н. А.

Отец с почтительностью и любовью всегда вспоминал своих родителей. Александр Собещанский, получивший образование в церковно-приходской школе в Марьинке, после революции работал на шахте «Трудовская» десятником — мастером смены. На его жалованье жила их большая дружная семья. Семейные скрепы и помогли выдержать всем членам семьи тяжелые испытания, которые принесли революционные перемены. Всегда трудились, выполняли свой долг, берегли честь как большинство людей, живших рядом с ними. Отец рассказал мне такой случай из жизни своих родителей, который мог бы показаться забавным, если бы не суровое и трагическое время, когда это происходило и когда каждому приходилось делать свой выбор: «В 1918 году разоряли и грабили поместье Карповых-Пестеровых, какие-то незнакомые люди выносили оттуда мебель или другие ценные вещи. На третий день Александр Собещанский не выдержал искушения и тоже принес оттуда несколько досок, объясняя это тем, что в имении Карповых все равно уже все растащили, а доски очень пригодятся в хозяйстве, ведь лесов в округе почти нет. Бабушка с непроницаемым видом выслушала эти объяснения и твердо ему заявила: «Пойди и отнеси обратно». Под покровом ночной темноты, взяв злосчастные доски, он переправился на противоположный берег реки Осыковой и, точно выполняя строгие указания своей супруги, положил доски на то место, откуда утром взял. Она вообще считала, что все беды, грабежи, разорения начались после того, как в 1918 году убили Царя и его семью. Мать Николая, моя бабушка, никогда не снимала креста с распятием со стены и никогда не убирала Евангелие со стола, даже в самые суровые годы гонений на Церковь.

Родительский дом на Донецкой земле

Родительский дом был построен в 1911 году на земле, принадлежащей семье с 1863 года, со времен царствования императора Александра II. В то время Марьинка активно росла за счет переселенцев из Полтавской, Харьковской, Подольской, Киевской губерний, Царства Польского на свободные плодородные земли. Село Марьинка, по одной из версий, названо в память императрицы Марии Федоровны, супруги императора Павла I. На-

Отец, мама и их маленькая дочь Виточка в гостях у родственников Навроцких, Енакиево. 1953 г.

против дома, на другом берегу реки, располагалось имение Карповых-Пестеровых, крупных горнозаводчиков, снабжавших высококачественным углем из рудника «Вознесенского» почти весь Черноморский флот, а также металлургический завод «Новороссийского общества каменноугольного, железнодорожного и рельсового производства» англичанина Юза, находившегося в нескольких километрах от их дома на территории современного Донецка. «Вознесенским» рудник был назван потому, что именно на праздник Вознесения, на сороковой день после Пасхи, было впервые обнаружено на этой земле крупное месторождение каменного угля. Дом был перестроен, там еще недавно находился военный госпиталь для инвалидов и ветеранов Великой Отечественной войны. Он пережил Первую мировую войну, оккупацию германскими войсками в 1918 году, фронт и оккупацию в годы Великой Отечественной войны. Отцовский дом, всегда казавшийся в нашей семье самым тихим, уютным и безопасным местом на земле, сейчас находится на передовой линии огня, на подступах к Донецку. Снарядами засыпан весь огород, разрушены все хозяйственные постройки. Незыблемым остается только этот домик, «родовое гнездо» моего отца, почти самый старый в Донецкой области из жилых домов.

Донецкая земля стала центром притяжения для многих поколений людей различной национальности, происхождения, со своей историей, традициями. И образовался удивительный историко-культурный и хозяйственный край. Так, в 10 км от Марьинки проходила историческая граница Области Войска Донского (7-го Миусского казачьего округа). Такие ближние к Марьинке города как Макеевка, Ханженково, Харцизск, Иловайск входили в состав Области Войска Донского и до сих пор носят названия, связанные с фамилиями и именами своих бывших владельцев из казачьих родов — полковников Ханженковых, Иловайских, казака Макея. Находясь за чертой границы, проложенной еще в старину прямо по руслу реки Кальмиус, называемой в древнерусских летописях рекой Калкой, эти края издавна были заселены служилыми донскими казаками. Сейчас эта река протекает по центру современного города Донецка.

Когда-то Донецк был небольшим рабочим поселком, возникшим во второй половине XIX века при металлургическом заводе подданного Британской империи, предприимчивого англичанина Джона Джеймса

Юза — Юзовка. С 1924 г. — Сталино, с 1961 г. — Донецк. Советская власть в 1923 году объединила часть Екатеринославской губернии, часть Харьковской губернии и часть Области Войска Донского. Хозяйственная жизнь этого края во многом определилась развитием горнопромышленного производства. Первые шахты здесь закладываются еще в 1860-е гг., а к концу XIX века сложился Южный горнопромышленный район. Благодаря быстрому развитию горной промышленности в Донбассе и железорудной в Криворожье, он становится крупнейшим угольно-металлургическим центром страны. Здесь сформировалась своя школа подготовки специалистов горной и горнозаводской промышленности, они стали вытеснять иностранных специалистов. Формировались квалифицированные рабочие кадры. Важным источником пополнения кадров были жители окрестных сел, приезжали на работу на шахты и заводы крестьяне Орловской, Курской, Калужской, Тульской, Воронежской, Тамбовской, Екатеринославской, Черниговской, Харьковской и Полтавской губерний, а также Области Войска Донского. Они уже к началу XX в. составляли большую часть населения, работавшую в горнодобывающей промышленности. В советское время темпы развития этого края значительно увеличились. Вся страна участвовала в стройках пятилеток на Донбассе.

Примером того, как донецкий центр притянул к совместному жительству людей разных национальностей, чьи предки нередко враждовали между собой, но вдруг объединялись в одних семьях, связанных союзами любви и взаимовыручки, стала наша семья. Например, бабушка моего отца, мать Александра Собещанского, потомка мятежных польских шляхтичей, происходила из храброго черногорского рода, традиционный сербский праздник «Славы» (прославление имени святого — Небесного покровителя своего рода) которого отмечается в День Архистратига Михаила. При императрице Елизавете Петровне принявшие присягу на верность России гусарские полки сербов и черногорцев мужественно защищали эту землю от османов. Затем они полностью слились с представителями других православных народов, в том числе с мариупольскими греками — «азийскими христианами», но неизменно передавали из поколения в поколение только самую важную информацию о своих корнях — День Славы.

Родительский дом был домом для всех наших родных. В 1950-е годы в гости в Марьинку приезжали родные сестры бабушки из Латвии. В семье бабушки принято было родившихся девочек называть уменьшительно-ласкательными именами, как, наверное, и во многих семьях. У отца были сестры, которых все называли Аллочка, Розочка, независимо от их возраста и контекста беседы, а также в следующем поколении — Виточка, Людочка, Эллочка, Шурочка. Бабушка, выдавая своих дочерей замуж, говорила, что девочки должны уходить из дома

к мужу и сами «вить свое гнездо», а мужчина обязательно должен иметь свой дом и землю. Поэтому когда отцу в дальнейшем,не пришлось жить в Марьинке, у него все равно там оставался надел земли и свой дом, оставленные для него родителями. Муж тети Аллочки, дядя Саша, уроженец Смоленщины, часто вспоминал историю о том, как он оказался в наших краях. Из Кенигсберга их полк был переброшен на Дальний Восток в 1945 году, для участия в Манчжурской военной операции. Его отец писал ему, что их деревню под Смоленском сожгли немцы при отступлении, и они с дочерью и все их соседи живут в землянках, все хозяйство уничтожено. Война уже заканчивалась, солдаты думали только о том, как они вернутся домой и что будут делать... В их части служил хороший парень из Марьинки. Вот он и говорит загрустившему другу: «Поехали со мной на Донбасс, в Марьинку, у нас всегда было много хлеба и красивых девчат, сразу сможешь жениться и устроиться на работу». Так оно и оказалось. Дядя Саша после свадьбы с моей тетей Аллочкой, проживший в Марьинке почти 70 лет, всегда с большим уважением отзывался о своей теще — моей бабушке, которую знал с 1946 года: «Она была удивительно доброжелательным, мягким, интеллигентным человеком, никогда не повышающим голоса». У нее, помимо забот о воспитании семерых детей, было большое хозяйство: своя корова, разные птицы и огород. От нее отец унаследовал доброжелательность, мягкость, а от своего отца твердость характера и мужество.

Война: плен, побег, фронт

Из теплого родительского гнезда Николай Собещанский был призван весной 1940 года в РККА СССР. Службу проходил в пехотных войсках, дислоцированных на восточном побережье Крыма, в районе Феодосии и Судака. Прошел обучение по военной специальности — станковый пулеметчик. Юго-восточное побережье Крыма, где отец служил, было одновременно и границей нашей страны на суше. Он служил вместе со своим братом-близнецом Антоном и Борисом, родом из Харькова.

С началом Великой Отечественной войны уже в первые дни был получен приказ: пехотной части, расположенной в районе Судака, построиться в полном походном снаряжении и выдвигаться к линии фронта у западных границ. Мой отец, тогда молодой солдат-пехотинец неполных двадцати двух лет, со станковым пулеметом за плечами, весом 20 кг, в пешем строю, в составе своего подразделения, двинулся от Восточного побережья Южного Крыма в сторону Запада. Когда они подошли к Житомиру, то уже столкнулись с фашистскими войсками, танками. Они оказались на оккупированной фашистами родной земле. Дальше были и попытки пробиться к своим, и мучительная смерть друга Бориса, и пленение, и рытье окопов для немцев возле города

Белая Церковь. И попытки бегства из плена, наказание, и колодки на ногах. И новая успешная попытка бегства, и голод, и морозные ночи ноября, и напрасные попытки найти приют в большом селе. Если бы не старик в бедной хате на окраине села, пропали бы. Отворив дверь, они увидели перед собой сидящего за столом совсем седого старичка. Перед ним на простой деревянной доске лежала краюха хлеба и большая очищенная луковица. Ласково взглянув на них и ни о чем не спросив, он произнес на малороссийском наречии: «Заходьте, хлопці, сідайте вечерять», сразу разломил хлеб на три равные части и также разрезал луковицу на три части. Они вместе поели. Дедушка принес воды, затопил печь. Они согрелись, помылись, отдохнули в теплой хате за ночь. На рассвете дедусь проводил немного передохнувших хлопцев и рассказал, как кратчайшим путем идти на юго-восток, в Донецк. Через несколько дней ночного пути они пришли в свой родной дом в селе Марьинка. Там их ждали отец, мать и три сестры. Слава Богу, сыновья вернулись живыми, но что будет дальше — неизвестно, война продолжалась. Наступал 1942 год. Уже прошло почти полгода войны.

Линия фронта уходила все дальше и дальше на Восток. И уже были объявлены врагами народа все сдавшиеся в плен. Сколько боли, отчаяния, незаслуженных обид пришлось пережить людям на оккупированной территории! В Марьинке фашистов было мало. Замерла в тихой усадьбе семья, в которой вместе с отцом, матерью и сестрами жили во время оккупации два брата, Антон и Николай, убежавшие из фашистского плена. Никто из соседей не пошел в немецкую комендатуру и не предал. Все делали вид, что это ребята-подростки, которые еще не служили в армии и помогают родителям по хозяйству.

Немцы пытались возобновить работы на шахтах, требовали от жителей исполнения трудовой повинности. Монополии Круппа, Симменса, Оппеля и др. для эксплуатации донецких шахт и заводов создали горно-металлургическое общество «Восток». Восстановлением шахт ведала специальная организация «Берг Хютте-Ост». Но за 5 месяцев на восстановленных шахтах было получено всего 2,3% довоенной добычи угля за такой же период. Для надсмотра за рабочими немцы привлекали своих союзников — итальянцев. С местным населением за работу расплачивались захваченными на оккупированной территории пищевыми продуктами, в основном мукой и крупой, причем в очень небольших количествах. Так прошло два года фашистской оккупации, под которой были все мои родственники старшего поколения.

Для жителей городов Донбасса, например, Горловки, время немецкой оккупации запомнилось как очень голодное. Среди огромного количества шахт и заводов, занимавших большую часть площади города, земли для подсобного хозяйства, пастбищ и покосов оставалось очень мало, к тому же

она была, в основном, каменистая и малоплодородная. Выживать приходилось без денег, без зарплаты, без магазинов, без организованного снабжения и медицинской помощи, питаясь скудным подножным кормом или горькими подачками от оккупантов.

Но больше всего матери в городе боялись за своих детей, если им было 14–17 лет. Это был как раз тот возраст, когда их могли схватить прямо на улице и сразу посадить в эшелон, направлявшийся на Запад. Тогда практиковались массовые угоны подростков на работу в Германию. Так моя мама, тогда юная девушка, оказалась захваченной прямо на улице и была отправлена в специальный накопитель для отправки в Германию. К моей бабушке вскоре прибежали видевшие это люди и рассказали об этом. Оставалась надежда только на помощь одного немца по имени Ганс, который жил на постое в доме и как-то проникся сочувствием к семье и помог вызволить девушку. Он был поваром и не раз помогал продуктами.

Как вспоминала моя мама спустя 60 лет после войны, наступление наших войск в 1943 году было столь стремительным, что немцы поспешно, в течение двух дней покинули город, надеясь еще вернуться, и оставили для присмотра итальянцев и румын на скудном довольствии. Голодные солдаты съели всех лягушек в прудах, переловили всех коз и кур. После освобождения Марьинки от фашистов 9 сентября 1943 года войсками Южного фронта (320 стрелковой дивизией 9-го стрелкового корпуса под командованием генерал-майора И. И. Швигина) братья Николай и Антон сразу отправились в военную комендатуру, доложили, что они не погибли осенью 1941 года, как почти все их однополчане, а были в плену, бежали оттуда, прятались.

Братья были направлены в действующую армию на фронт, который стремительно двигался в 1943 году на запад. Местом службы была определена передовая линия огня, которая на тот момент находилась возле Гуляй Поля в Днепропетровской области. В штрафном батальоне искупать нарушение Устава можно было только двумя путями: или смертью на поле боя, или пролитой кровью, т.е. ранением при выполнении боевого задания. Солдаты их штрафного батальона должны были в любых условиях, под прямыми обстрелами обеспечивать связь между подразделениями армии и командованием. И обеспечивали эту связь ценой своих жизней! Отец был ранен множественными осколками снарядов в ногу, нога была искалечена, но кости целы. Взыскание с него было снято. Считалось, что он кровью смыл свою вину. Тяжелее было ранение у брата Антона. До конца дней он хромал, почти до конца войны лечился в госпитале и был ограничен в выборе профессии.

Отец лечился недалеко в госпитале в Горловке, а это всего-то 70 км севернее Марьинки. Однажды решился «слетать» домой, повидать маму, но больная нога помешала вернуться в срок. Опоздал из увольнения

на 20 минут и вновь был направлен в штрафной батальон. Но учитывая серьезное ранение, оставили в Горловке в бригаде штрафников, работавшей по восстановлению шахт.

На фронтах Великой Отечественной войны вместе с отцом сражались двоюродный брат моего отца Николай Николаевич Собещанский, участник боев за взятие Берлина и муж моей тети Аллочки, уроженец Смоленщины, участник боев за взятие Кенигсберга, более полувека возглавлявший Совет ветеранов Великой Отечественной Войны на Донбассе. Два младших брата моего дедушки, до войны трудившиеся фрезеровщиками на Горловском машиностроительном заводе им С. М. Кирова, пали смертью храбрых: Александр — в боях за Москву зимой 1941 года, Федор, прослуживший младшим сержантом в рядах Краснознаменного Балтийского флота в осажденном Ленинграде весь период блокады, принял геройскую смерть при освобождении островов Выборгского архипелага, при штурме острова Тейкарсаари в Балтийском море 4 июля 1944 года.

Восстановление шахт. В отряде горноспасателей

Война еще не закончилась, а уголь уже надо было добывать. Много тогда пришлось потратить сил, чтобы откачать воду из разрушенных шахт, подготовить все к добыче угля. Восстанавливать славную деятельность, традиции которой заложили их предки на этой земле.

Условия работы в штрафбате по восстановлению шахт были, пожалуй, одними из самых тяжелых, которые отцу, с еще не зажившими ранами на ноге, пришлось пережить. Он никогда при жизни не рассказывал об этом, и только спустя 60 лет после войны мама поделилась, по нашей настойчивой просьбе, своими воспоминаниями военных лет. Четвертый год войны страна жила одним лозунгом: «Все для фронта, все для победы!»

Но отцу и в этот раз удалось выстоять и продолжить жить. Может быть потому, что всегда помнил наказ своей матери: «Смотри, без Бога не до порога». Он и меня этим напутствовал, когда я уезжала учиться в Москву после окончания средней школы в Горловке.

Так сложилось, что отец был избавлен от штрафбата и оказался у истоков новой службы, которую потом долгие годы в Горловке называли просто — «спасательной». Полное ее название — Военизированная горноспасательная часть № 1 (ВГСЧ). Это ему очень помогло. А история ее создания такова. Как только шахты начали вводить в действие, сразу потребовалось наладить работу службы безопасности подземных работ, необходимо было срочно сформировать спасательные подразделения. Для организации Военизированного горноспасательного отряда по обеспечению безопасности работ на шахтах в районе Горловки был призван из рядов действующей армии полковник Иван Зотов, выдающийся горный инженер, закончивший Горный институт в Санкт-Петербурге.

Ему необходимо было подобрать бойцов для этого отряда. Это было сверхсложной задачей: требовались хорошо тренированные, выносливые люди, способные работать в экстремальных условиях, ликвидировать неизбежные под землей аварии, взрывы, пожары, выносить раненых или погибших людей из-под завалов в шахте.

Еще шла война, был март 1945 года, и все здоровые мужчины находились на фронте. Полковнику Зотову было разрешено подобрать себе команду из штрафников, работающих на восстановлении шахт в Горловке. Если он выбирал кого-либо из них в свой отряд, то автоматически с них снималась провинность, они получали равные права с остальными свободными гражданами страны, получали работу в привилегированной по тем временам организации: бесплатное жилье, обмундирование, питание во время дежурств, бесплатные путевки на курорты Крыма и Кавказа, бесплатное лечение всех видов. Все это за то, что в любое время дня и ночи по сигналу тревоги бойцы, где бы они не находились, должны были в течение 40 секунд одеться и бегом бежать к машинам в гараж ВГСЧ. А те уже стоят с заведенным мотором, чтобы оперативно выехать на аварию на шахту.

Ранней весной 1945 года полковник Зотов ходил по рядам штрафников за колючей проволокой и подбирал кандидатов в спасатели. Его внимание среди нескольких сотен человек привлек мой отец. Он подошел и спросил у него: «Что ты умеешь делать?» Отец неожиданно для себя ответил: «Я — художник». Он действительно хорошо рисовал. Все дети в их семье хорошо рисовали, и братья, и сестры.

Полковник Зотов зачислил его в свой отряд. И в течение нескольких десятилетий в свободное от оперативной работы время отец оформлял стенгазеты, рисовал плакаты, занимался любой художественно-оформительской работой в своей организации на добровольных началах в выходные дни и был глубоко благодарен полковнику Зотову, спасшему его от гибели, давшему ему еще один шанс выжить.

Приказом № 33 от 21 марта 1945 он был принят в оперативный взвод 1-го ВГСО (Военизированный Горноспасательный Отряд) на должность бойц-респираторщика. Отец проработал в этой должности до выхода на пенсию по возрасту. В его трудовую книжку внесены благодарности за каждый год службы с формулировками: «За высокую боеготовность, безупречную службу и активное участие в общественной жизни подразделений» и другими подобными.

В нашей квартире у входа висел большой звонок, диаметром с блюдце. Это была сирена тревоги, которая могла зазвучать в любое время суток завывающим звуком, длящимся минуту или чуть более. Я помню, как отец, что бы мы ни делали, или только сели ужинать, или у нас гости, или вообще глубокая ночь, мгновенно вскакивал, надевал гимнастерку, сапоги и, на ходу застегивая кожаный ремень с металлической бляхой, на которой было написано «ВГСЧ», убегал из дома.

Одновременно раздавалось хлопанье дверей в других квартирах нашего дома. Из нашего и соседнего домов выбегали мужчины в гимнастерках и шинелях и быстро, как только могли, бежали к Главному штабу ВГСЧ, каждая доля секунды была на счету. Бегали они очень быстро, все были спортивными, подтянутыми, хорошо тренированными, способными выполнять самые тяжелые работы в экстремальных условиях. Для этого упражняться на различных тренажерах в спортзале, на спортивной площадке им приходилось через каждые два дня на третий.

Горноспасатели — это очень трудная, но почетная профессия. Горноспасатели в 50 лет уходили на пенсию, как шахтеры, но они никогда не добывали уголь. Они выполняли на шахтах профилактические работы по предотвращению взрывов и пожаров, а если беду предотвратить не удавалось и происходила авария, они первыми спускались под землю, в противогазах, чтобы не задохнуться.

Добыча угля в нашем городе уже тогда в середине прошлого века велась на большой глубине: 800–1000 м. Говорят, что на этой глубине почти 100% влажность воздуха при температуре выше 40 градусов, абсолютная темнота и тишина. Контроль за концентрацией метана в воздухе составлял главную заботу горноспасательной службы и ее химической лаборатории, где моя мама Марфа Прокофьевна работала с 16 марта 1945 года. Здание лаборатории располагалось в 30 метрах от подъезда нашего дома.

Метан являлся основной причиной огромных трагедий и разрушений на шахте. Этот газ таится в земных недрах и может самым непредсказуемым образом появляться из глубин угольных пластов как грозное дыхание подземных стихий, накапливаться в воздухе шахт, который после этого приобретает способность легко взрываться. Мгновенно весь воздух под землей становится смертоносным огнем и в доли секунды сжигает все живое, повреждая, прежде всего, легкие у шахтеров. От высокой температуры при взрыве начинают загораться пласты угля. И тогда горит все на глубине, пока не выгорит весь кислород, поддерживающий процесс горения. А воздух в шахтах после пожаров начинает содержать большое количество угарного газа, который, вытесняя кислород, подавляет процесс дыхания человека и обладает способностью накапливаться, вследствие своей тяжести, на больших глубинах.

Сразу после взрыва, чтобы спасти оставшихся в живых людей, горноспасателям необходимо как можно скорее оказаться на месте взрыва. Поэтому они так стремительно, бросая все дела, уезжают на шахту, затем, надев противогаз или респиратор, также быстро спускаются в шахту и, разбирая завалы, пытаются спасти уцелевших, но очень часто обожженных шахтеров.

Сколько еще можно привести примеров духовной высоты людей, окружавших меня в детстве, их выносливости, порядочности, чув-

ства долга и товарищеской поддержки, готовности «душу свою положить за други своя». Примеров тех, присущих горноспасателям качествам, которые казались нам в те годы обычными и само собой разумеющимися.

Когда горноспасатели выходили после аварии из шахты на поверхность, снимали противогазы и респираторы, у них не было сил даже говорить. Им положен был обед после выхода из шахты, но они, как правило, не могли сразу ничего есть. Они молча садились обратно в машины и возвращались в свою часть. В выходные дни они обычно всем взводом собирались у кого-нибудь дома, нередко у нас, обсуждали пережитое. Я слышала, что они иногда плакали после особенно тяжелых аварий. Наверное, только они сами могли глубоко понять друг друга, утешить, поддержать. С остальными они почти не делились впечатлениями.

Помню только, как отец говорил, что особенно тяжело выносить из шахты на носилках обгоревших людей. Каждое движение причиняет им боль, но иногда на сложных участках подземных дорог, где нельзя пройти с носилками, приходилось нести их на руках. Каждая спасательная операция незабываема. Но особо помню из рассказов отца случай о том, как пришлось, поставив каменную кладку, изолирующую очаг возгорания от остального подземного пространства, оставить там лошадь. В те годы на некоторых шахтах еще работали лошади, участвуя в качестве движущей силы в старинном методе процесса спуска-подъема в глубины шахт. Отправляясь на эти шахты, отец не забывал захватить для лошадей какое-нибудь лакомство: хлеб, сахар. Отец отвязал лошадь, чтобы ее спину не терли больше ставшие ненужными ремни передачи, покормил. Их взвод вскоре закончил кладку перемычки, навсегда замуровав лошадь в земной глубине. Вернувшись домой, отец с тоской отсчитывал время, когда огонь доберется до лошади.

Другой случай до сих пор в памяти людей старших поколений. После сильного взрыва на шахте под землей работало много шахтеров, под землю спустился взвод горноспасателей. Раздался еще один взрыв! Тогда вниз спустилось поочередно еще два взвода во главе с заместителями командира отряда Новиковым и Анисимовым. И снова раздались два взрыва! Следующим по очереди спустился взвод моего отца во главе с командиром отряда Иваном Беликом. Взрыва больше не произошло, и им пришлось доставать их шахты всех погибших и пострадавших, которые находились на дальних горизонтах угольной выработки, на безопасном расстоянии от очага взрыва. Тогда погибли все их товарищи-горноспасатели. У моих одноклассников погибли отцы.

Отец трудно вспоминал и о войне. Он никогда не смотрел фильмов о войне. Особенно его возмущал жанр кинокомедии применительно

к событиям войны. Во время празднования юбилейных дат периода Великой Отечественной войны отец всегда горько плакал, вспоминая своих боевых товарищей, и с грустью говорил, глядя на выступающих с трибуны ветеранов, увешанных орденами: «...а наша рота вся в земле лежит...»

Когда я вспоминаю о своем отце, перед глазами всегда встает облик улыбающегося, ласкового и очень доброжелательного ко всем людям человека. Он всегда был по-военному бодр, подтянут и успевал в течение дня выполнить множество разных дел как бы без особых видимых усилий, не напрягаясь. Хотя за плечами был тяжелый жизненный путь, и он оставался кормильцем большой группы родственников, вдов и сирот, семей, потерявших трех мужчин на фронтах войны.

Особенно он любил рисовать картины маслом на холсте, выполняя все виды сопряженных с этим занятием работ: сам натягивал на подрамник холст, грунтовал его, выполнял работу живописца масляными красками и даже сам выстругивал рамку для готовой картины. Когда после тяжелейшего пожара и гибели товарищей у отца стало ухудшаться зрение, он перестал рисовать. Последней работой, которую он пытался выполнить, но не смог закончить, была копия с картины известного русского художника второй половины XIX века Федора Васильева «Март. Оттепель». Особенно он любил художников К. Маковского, В. Васнецова, А. Куинджи.

Может быть, парадоксально, но все мужчины, работающие в ВГСЧ, привыкшие по долгу службы преодолевать тяжелейшие экстремальные ситуации, в домашнем быту были тихими, покладистыми. Атмосфера общения всегда была дружеская, товарищеская, очень доброжелательная. Дверь нашей квартиры почти не закрывалась. Любимыми музыкальными произведениями моего отца были старинные вальсы. По дореволюционному сборнику нот я разучила эти вальсы и всегда могла выполнить просьбу отца. Особенно отец любил слушать «Амурские волны», «Дунайские волны» и «На сопках Манчжурии». Эти музыкальные темы были связаны с интересом к истории: отец вместе с братом Антоном и двоюродным братом Станиславом Навроцким особенно любили потолковать о событиях русско-турецкой 1878 года и русско-японской 1905 года войн.

Всем товарищам отца были свойственны порядочность, чувство чести и достоинства в сочетании с элегантностью, вежливостью и галантным обращением с дамами. Вообще атмосфера высокой культуры общения были неотъемлемой частью нашего города, органически присущи ему. А как они отмечали праздники! На каждый праздник в большом зале ВГСЧ устраивались балы. Большой зал главного здания ВГСЧ, где проходили праздники, балы и детские утренники, был очень красивым помещением, с росписью потолка. Четыре сто-

роны зала представляли собой как бы четыре времени года: зиму, весну, лето и осень. Эти замечательные живописные панорамы были выполнены моим отцом в технике фресковой живописи, росписи по штукатурке.

По заведенному правилу на балу тон всегда должны были задавать жена командира части и жены его заместителей, как и положено по статусу. Командир отряда со своей супругой открывали бал, танцуя вальс. Супруга командира не могла не блистать в танце и не выглядеть хорошо. Ведь это было знаковое действо! Подготовка на всех уровнях в нашем отряде всегда на высоте! В городе работали хорошие портнихи — «модистки», как их тогда называли, которые едва успевали обслуживать всех дам, желающих элегантно выглядеть.

Один из главных источников формирования такого уровня бесстрашных и талантливых людей, конечно, образование. Все командиры Военизированной горноспасательной части № 1, их заместители, горные инженеры на шахтах города и сам основатель нашего города в 1867 г.— горный инженер П. Н. Горлов учились в Санкт-Петербурге, в Горном институте. Институт известен своими традициями подготовки горных специалистов. Интересное совпадение, Горный институт расположен недалеко от морского кадетского корпуса на набережной Невы на Васильевском острове, только ближе к устью реки, у входа в Финский залив. Может быть, поэтому есть что-то неуловимое у горноспасателей с моряками. На корабле, как и под землей, выживают командой. Потомки этих замечательных людей живут сейчас на Донецкой земле и отстаивают свое право на достойную жизнь.

О ГЕРОИЗМЕ ДЕДА МЫ УЗНАЛИ ИЗ АРХИВОВ

Мелехова Наталья Алексеевна, *36 лет,*
пресс-секретарь Тульской Гильдии Риэлторов,
г. Тула

Ветеран и герой... Он никогда не рассказывал ни жене, ни трем детям, перенесшим оккупацию на Смоленщине, о своих боевых заслугах. Это был невероятно скромный и малоразговорчивый человек. Он мало смог насладиться послевоенной жизнью — дали знать о себе военные раны. И только после смерти его дети и жена узнали о том, что их муж и отец Тимошенков Николай Фролович возглавлял партизанский отряд.

Когда началась война, ему было 33. Одним их первых он ушел в лес, партизанить. А жена и трое детей остались в деревне Доротов-

ка. Из крепкого дома их выгнали немцы, пришлось рыть землянку, в которой впоследствии и зимовали...

Тимошенков Н.Ф.

После освобождения родной деревни в ноябре 1943 года прадеда призвали в Красную Армию. Его боевой путь сложен и неповторим. Думал ли он, колхозник и беспартийный, что когда-нибудь будет освобождать Витебск и Минск, Вильнюс и Кенигсберг?!

В июле 1944 Н. Ф. Тимошенкову был присвоен орден Красной Звезды, как сказано в наградных документах, за «решительные боевые действия в ходе Вильнюсской операции 3-го Белорусского Фронта». Всего несколько слов. А что за этим? Огромная сила воли, мужество, желание жить и победить! Позднее из архивных документов стало ясно, что прадед Николай в одиночку, из пулемета смог вывести из строя станковый пулемет немцев, что дало возможность продвинуться нашей пехоте, а сам он уничтожил более 100 фашистов! В том, что г. Минск был освобожден, есть заслуга и моего прадеда.

Вторую награду прадед получил в ноябре 1944 г. Медали «За боевые заслуги» он был удостоен за то, что продолжил обстрел противника из миномета при явном превосходстве сил фашистов в ходе Гумбинненской наступательной операции. Тогда его стрелковая дивизия в составе 3-го Белорусского Фронта освободила г. Сувалки.

Война для моего героя окончилась на границе с Польшей, после освобождения Кенигсберга и его окрестностей.

Домой прадед вернулся без одного глаза. Оказалось, он был ранен, но добился, чтобы его не комиссовали и дали возможность дальше громить врага. А дома его ждали жена и трое детей: Катя, Маня, Ваня. Маленький Петя, рожденный в начале войны, не смог пережить голода оккупации.

Жить в разоренной деревне было тяжело, но у прадеда были золотые руки — он восстановил дом, пахал, сеял, косил, отлично разбирался в технике. И НИКОГДА не рассказывал о войне, о том, что ему пришлось пережить. Только после его смерти родные узнали о его наградах, а я, его правнучка, смогла по архивным документам восстановить его боевой путь. Путь честного, скромного, верящего в свою страну рядового Николая Фроловича Тимошенкова.

МОЙ ДЕД И ЕГО СЫНОВЬЯ

Щепотьев Александр Викторович, *39 лет,*
кандидат экономических наук, доцент,
профессор ЧОО ВО «Тульский университет — ТИЭИ»,
председатель правления Тульской областной организации
Общероссийская общественная организация – Общество «Знание» России,
г. Тула

Мой дедушка Иван Матвеевич Щепотьев (19.10.1912–23.12.1991) родился в многодетной семье в селе Нижние Деревеньки Льговского уезда Курской губернии.

До войны работал на железной дороге. Прошел советско-финскую войну (1939–1940 гг.). Начало Великой Отечественной войны встретил, будучи кузнецом железнодорожного депо города Льгов (это важный железнодорожный узел). В 1941 году был направлен с производством в г. Тулу, где до конца войны продолжал работать на железной дороге: восстанавливал разрушенные железнодорожные пути и железнодорожные мосты. Специалистов, способных квалифицированно работать на железной дороге, было недостаточно, поэтому многих железнодорожников использовали не непосредственно в боевых действиях, а на железной дороге — для обеспечения перевозок для нужд фронта.

Дома, в селе Нижние Деревеньки, остались жена Мария Егоровна Щепотьева (20.07.1912–19.01.1989) и трое сыновей: Иван (05.06.1932–08.11.2007), Александр (1938 года рождения) и Виктор, мой отец (1941 года рождения). Вместе с ними проживал также дядя Марии Егоровны Леон Ермолаевич Воробьев (1892 года рождения, инвалид).

Курская область с 1941 по 1943 год была оккупированной территорией. В селе Нижние Деревеньки немецкие войска появлялись нечасто, однако контролировали те места, в том числе с помощью полицаев.

Как-то однажды зимой 1942 года в село нагрянул небольшой отряд фашистов, которые остановились в одном из дворов, чтобы отдохнуть. Так как это была зима, то отряд передвигался на лыжах. Лыжи фашисты поставили около избы, где остановились.

10-летний Ваня со своим другом, увидев много лыж, решили стащить одну пару, чтобы потом, когда немцы уйдут, на них кататься. Украденную пару лыж Ваня притащил домой. Увидев лыжи и узнав у сына, откуда они, мать Ивана Мария Егоровна испугалась. Она поняла, что если немцы найдут у них лыжи, то несдобровать.

Так как была зима, печь в избе была растоплена. Мария Егоровна быстро взяла топор, порубила лыжи и покидала в печь. Пол тщательно подмела и все мелкие щепки от лыж тоже отправила в печку. Порубленные лыжи сгорели быстро.

В этот же день, через некоторое время фашисты начали собираться в путь. Обнаружилось, что одной пары лыж не хватает. Их начали искать, причем по всем дворам села. Заходили и в избу Щепотьевых, но лыжи так и не нашли. Обошлось. Отряд ушел, но группа потеряла мобильность, один фашист остался без лыж. Так детская «шалость» маленького Вани замедлила скорость передвижения группы немцев.

Конечно, потом досталось ему от мамы! Страшно представить, что ждало семью, если бы лыжи нашлись в их избе...

Однако кроме детских выходок был у Вани и взрослый труд: в зимнее время — по уходу за лошадьми, а в летние месяцы — на колхозном поле. Приходилось помогать взрослым пахать, сеять, убирать хлеб, косить, заготавливать сено.

После войны жизнь пошла в мирном русле. Отец Иван Матвеевич вернулся в родное село. Вплоть до пенсии работал в своем железнодорожном депо города Льгов Курской области. На свет появилось еще двое детей: в 1948 году родился Павел, в 1952 году — Галина. Иван отучился, стал работать на металлургическом предприятии в городе Оренбурге (став к зрелому возрасту главным металлургом металлургического завода; удостоен медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и медали «Ветеран труда СССР»).

По воспоминаниям моего папы, третьего сына Щепотьевых, Виктора, военные годы были тяжелые, голодные и страшные. Отчетливо он их не помнит, они запечатлелись как нечто негативное, тягучее, угрожающее.

Война закончилась. Но послевоенные годы были тоже непростые, тяжелые по-своему. Теперь надо было восстанавливать разрушенную страну. Не хватало элементарных вещей: еды, одежды, обуви, мыла и др. Папа помнит, как его частенько посылали со старшим братом Александром на железнодорожную станцию Льгов, чтобы на местном рынке обменять молоко или сметану (у них была корова) на хлеб или иные продукты.

Как-то раз на станцию прибыл эшелон с пленными немцами, голодными, в обветшавшей одежде. Жестами они предлагали наручные часы и другие личные вещи в обмен на сметану. Но ребята должны были обменять сметану по заданию мамы на что-то другое; вещи немцев были им ни к чему, и обмениваться они не стали. Но этот эпизод остался в памяти моего папы. Именно тогда он впервые увидел фашистских захватчиков живьем, правда, уже пленных, голодных, оборванных и жалких...

Время шло. Виктор пошел в школу, помогал родителям по хозяйству: пас гусей на лугу, помогал ухаживать за коровой, став чуть постарше, ходил на сенокос. В 1960 году он окончил школу, начал работать слесарем. В этом же году был призван на флот, служил на атомных подводных лодках. Потом работал и учился, учился и работал. Виктор Иванович Щепотьев получил среднее специальное образование, три высших образования, что дало ему возможность занимать руководящие

должности в строительной и банковской сфере. Он работал в Краснодарском крае, Курской области, Оренбургской области, Тульской области, где и вышел на пенсию.

Помимо ответственной работы папа осуществлял и общественную деятельность: трижды (в 1984, 1987, 1989 гг.) избирался депутатом Новомосковского городского Совета народных депутатов Тульской области РСФСР.

Уже на пенсии, являясь членом Тульской областной организации Общество «Знание» России, занимается просветительской работой: пишет статьи, участвует в общественных мероприятиях.

Я с гордостью ношу фамилию Щепотьев.

ОТ ДНЯ ПОБЕДЫ ДО ДЕМОБИЛИЗАЦИИ

Калинин Алексей Михайлович, *58 лет,*
заместитель начальника 9 отделения
ОАО «КБП им. А.Г. Шипунова»,
г. Тула

Калинин М. М.

Мой отец Михаил Матвеевич Калинин родился в 1923 году в селе Юрьево Тульской области. Он фронтовик, инвалид второй группы, кандидат технических наук, доцент Тульского государственного университета, автор четырех книг по экологии и изобретательству, а также 52 изобретений по горным машинам и по охране окружающей среды.

В 1941 году окончил школу, 10 июня 1941 года был призван в армию, в марте 1947 года был демобилизован.

Был ранен на фронте, попал в окружение. Из лагеря военнопленных бежал, пробираясь к партизанам, был схвачен немцами и вывезен в Данциг, но опять бежал, около Гдыни снова попал в плен и заключен в распределительный лагерь. Впоследствии больным был продан помещику в рабство.

В 1945 году бежал из рабства, побег удался, и был направлен на фронт. Принимал участие в форсировании Одера, был ранен, потерял слух, но продолжал воевать до Победы.

Как считал отец, его судьба была заранее предрешена годом рождения — 1923-м. Этого было достаточно для того, чтобы успеть познакомиться с «прелестями» коллективизации и пережить Великую Отечественную

войну. Война поделила жизнь на три части: мирные довоенные, боевые военные и послевоенные годы. Конечно, бывали и светлые минуты в жизни, но они так густо перемешивались с черными, что постоянно преследовало чувство отверженного человека. Хитросплетения своей довоенной и военной жизни отец описал для нас в книжечке «Планида». Его воспоминания о первых послевоенных днях и годах будут интересны как его внукам и правнукам, так и широкому кругу читателей.

Утро 9 мая

«Помню,— пишет отец,— что утром 9 мая 1945 года, за час до общего подъема, разводящий поднял нас, очередную смену, и перед тем как разводить по постам сообщил радостную весть, что войне конец, что враг капитулировал, и поздравил нас всех с победой!

Трудно без волнения передать мое состояние, которое было в то время, когда была объявлена команда «Подъе-о-ом!»

Я стоял на посту, когда кругом выскакивали из палаток военные, молодые и старые, усатые и безусые, все обнимали друг друга, поздравляли с победой, целовались, а многие, не стесняясь, плакали от радости.

Но вот уже команда «Строиться на утреннюю поверку!» Помню, что личный состав полка был построен на продолговатой лесной прогалине, расположенной рядом с моим постом, и слышно было, как командир полка, поздравив личный состав с победой, разрешил произвести по три выстрела вверх, отсалютовав в честь Победы!

Что тут началось! Из карабинов бухают, освобождая обойму за обоймой, автоматчики меняют рожок за рожком, а я стоял на посту и завидовал им.

Сверху на головы и к ногам победителей сыпались срезанные пулями ветки с мягкими весенними листочками, а командир полка стоял перед строем, слезы радости текли по его щекам».

Письмо из дома

Войну закончили, и оставалась теперь у солдата-победителя одна мечта: скорее домой, к родному очагу, к родителям, к родным, друзьям...

Хотя закон о демобилизации из армии и флота для 13-ти старших возрастов и был принят 23 июня 1945 года, процесс же демобилизации начался только 5 июня 1945 года и завершился к началу 1948 года. Правда, повезло участникам Парада Победы в Москве — 24 июня 1945 года, помню даже, как мы вместе с Маршалом К. К. Рокоссовским несколько дней готовились к Параду Победы, но и до этих радостных дней много событий произошло. Вспоминаю, как в первый послевоенный день 10 мая 1945 года командование 13-й СД организовало общедивизионное построение в честь нашей победы.

Весь личный состав дивизии был выведен из леса на открытую равнинную местность, на которой уже была подготовлена высокая трибуна.

Пока шло построение воинских частей нашей 13-й стрелковой дивизии и наш полк ожидал свое место и команду на построение, ко мне подошел батальонный почтальон с треугольным письмом в руке: «Солдат Калинин,— обратился он ко мне,— тебе письмо из Тулы!»

В одно мгновение вся кровь ударила мне в голову, сердце учащенно заколотилось в груди и закружилась голова: как там дома одни мои старенькие, больные родители, как мой брат воевал на фронте после тяжелого ранения?

Успокоившись немного, я стал постепенно соображать, узнав почерк отца на треугольном конверте, промелькнуло в моей разгоряченной голове: «Слава Богу, отец жив! — но тут же опять тревога. — А как мать? Жива ли?»

«Добрый день, наш возлюбленный сынок Миша,— как всегда отец писал и это письмо,— мы все твои родители, я и мать, шлем свое родительское почтение, с любовью посылаем тебе низкий поклон и заочно крепко целуем, а также желаем от Господа Бога доброго тебе здоровья и всего благополучия, а еще передают тебе...»

«Слава Богу! Мама тоже жива!» — успокоили меня первые строки письма, но дальше отец продолжал: «Ты спрашиваешь в своем письме про своего брата, нашего с матерью старшего сынка Василия, и просишь сообщить тебе его адрес — полевую почту, у него теперь «земляная почта»,— погиб он на фронте»...

Не помню, как выдержал я тогда и не заревел во весь голос, прочитав о гибели моего любимого брата, а вот когда с трибуны командир нашей дивизии, поздравив всех нас с победой, призвал помянуть всех погибших в этой войне минутой молчания, то тут уже вся дивизия, не стесняясь, плакала, и я ревел взахлеб вместе со всеми.

Вскоре после этого торжественного построения нашей боевой стрелковой дивизии к нам в минометную роту прибыл старший лейтенант из отдельного учебного батальона. Он приехал агитировать нас, что бы мы поступали учиться на курсы младших командиров.

Тут надо заметить, что среди солдат уже прошел слух о том, что в очередную демобилизацию командование планирует увольнение в запас из армии одних только рядовых 1923 года рождения, сержантский же состав и курсанты учебных батальонов будут задержаны в армии на неопределенный срок».

Подготовка к Параду Победы

«После войны я оказался в отдельном учебном батальоне, расположенном в Штольне, в обособленном городке.

Помню, что в часы послеобеденного отдыха мне разрешили отлучаться в армейский госпиталь к ушному врачу. В первый же день после осмотра врач заявил: «Правое ухо нам не вернуть, подчистим только

немного, удалим присохшую кровь, а левое ухо постепенно со временем восстановится...» Но от занятий с курсантами (я служил штатным командиром минометного отделения отдельного учебного батальона) я не был освобожден.

Врачи так и не помогли мне избавиться от шума в ушах, утешало только то, что левое ухо слышало отлично — одно «за двоих», окружающие даже и не подозревали, что слышит у меня только одно ухо.

Помню утро 25 мая 1945 года, когда я был дежурным по кухне нашего учебного батальона и вместе с поваром сидели мы у котла с готовым завтраком: ждали появление дежурного по части. Вдруг энергично открылась дверь, и около котла оказался дежурный по части, вместе с которым вошел в кухню Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский...

Мы с поваром вскочили со стульев и в стойке «смирно» я доложил маршалу о готовности завтрака для курсантов нашей воинской части и уточнил, что приготовлено к завтраку на первое, второе и третье. После моего доклада маршал повернулся к дежурному по части со словами: «А не попробовать ли нам, товарищ майор, супчику!» Тут наш повар вовсю раскрыл свой талант: он молниеносно накрыл стол накрахмаленной белоснежной скатертью, ловко сервировал стол и пригласил дорогих гостей к столу. Маршал был доволен нами и приготовленным завтраком.

А через неделю меня освободили от занятий с курсантами в связи с тем, что я был назначен вторым телохранителем знаменосца со знаменем нашей воинской части. Мы приступили к тренировкам для участия в Параде Победы в Москве.

В тренировках к параду участвовал и маршал К. К. Рокоссовский. Он выступал с трибуны, рассказывал о боевых действиях 2-го Белорусского фронта, о героях, а рядом с ним стояли мы: знаменосец со знаменем нашей воинской части, а по бокам — телохранители... Запомнилось мне, что в своих выступлениях маршал часто повторял, что он — ученик Сталина, а кинооператоры фотографировали нас.

С большим старанием готовился я к Параду Победы в Москве. Репетировали мы ежедневно, по два-три часа, а я уже и «нос раскатал». Надежда побывать в Москве на Параде Победы и повидаться с моими родителями рухнула в один день: неожиданно Маршал Советского Союза Рокоссовский выехал в Москву, он был назначен Командующим Парадом Победы в Москве и автоматически надобность в нашем присутствии при нем отпала».

В госпитале

«В конце декабря меня с высокой температурой и кашлем положили в армейский госпиталь. Я не хотел ложиться в госпиталь, но командование настояло на своем. И начались бесконечные процедуры: порошки, уколы, банки, массаж, анализы... 27 или 28 числа меня посетил мой курсант Павлов, на плечах которого я увидел новенькие

погоны старшего сержанта. Я обнял его, поздравил. Он передал привет мне от моих бывших курсантов и рассказал об экзаменах: из моего отделения звание старшего сержанта было присвоено двум курсантам, остальным выдали сержантские погоны, мне заочно было присвоено звание младшего сержанта.

Павлов вручил мне стопку писем из дома и от моих школьных друзей. В конвертах были фотографии друзей детства в военной форме: Морозов — с лейтенантскими погонами, Григорьев — с погонами капитана. Они сообщали мне, что Ваня Дмитриев погиб под Курском, Всеволод Помухин вернулся домой инвалидом первой группы, Толя Симонов сгорел в танке.

Тяжело стало у меня на душе, жаль до слез было Толянку, с которым прошло мое детство, вместе изобретали мы «вечный» двигатель, мечтали, путешествовали по родным юрьевским местам... Жаль было и Всеволода — инвалида первой группы.

На прощание я проводил старшего сержанта Павлова до выходной двери. А вскоре меня выписали из госпиталя...»

Демобилизация

«6 марта 1947 года был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР о демобилизации рядового и сержантского состава 1923 года рождения, после которого я получил увольнение: разрешение на выход в город за покупками... Полдня бегал я по магазинам, покупал для родственников подарки: школьникам — тетради, цветные карандаши, ручки, а для взрослых — шарфики, платочки, туфли...

На покупки я истратил почти все выданные мне деньги, и к концу дня оставалось у меня триста марок. И тут только, когда возвращался в часть, вспомнил, что отец в своем письме просил купить хорошенького нюхательного табачку, и я зашел в первый попавшийся на моем пути магазин. Покупателей в этом магазине не было, помню, что у прилавка стоял один молодой продавец.

Разнообразные товары «уживались» на полках рядом друг с другом: булочные изделия и напитки, обувь, одежда, канцтовары и посуда. Не найдя на витринах табачных изделий, я, было, направился к выходу, но продавец обратился ко мне:

— Что пан хотел купить?

— Чего я хотел, того у вас нет,— сказал я,— а нужен мне нюхательный табак.

— О! Пан плохо смотрел! Вам какой нужен нюхательный табак-то: рыжий или черный? — спросил он и показал на два больших ларя, между которыми стояли весы около продавца...

— Сколько стоит черный-то? — спросил я.

— Полторы марки за один грамм черного табака,— ответил продавец,— Сколько пану надо взвесить?

— Триста грамм,— ответил я и стушевался, почувствовав, что сбился в счете, в наличии-то осталось только триста марок...

— Что, пан, задумался? — спросил продавец.

— Да денег-то на триста грамм не хватит у меня,— сказал я.

— А сколько у пана осталось денег? — спросил он.

— Триста марок,— сказал я.

— Ну, что ж ты хотел, чтобы в полтора раза снизить цену за табак?

Я уже хотел было объяснить продавцу, что случайно я сбился со счета, да не знал, что в магазинах можно было торговаться, как у нас в России только на базаре.

Вдруг неожиданно открылась потайная дверь рядом с продавцом, и передо мной появился богато разодетый, с золотой цепью на жилете сам хозяин магазина. После приветствий он вежливо приказал продавцу: «Если покупатель просит снизить цену на товар, то надо уважить его!»

После такого вежливого замечания хозяина продавец тщательно взвесил табак — триста грамм, упаковал его в большой бумажный, трехсотграммовый пакет и с улыбкой вручил мне его за триста марок.

А на другой день наше командование организовало прощальный обед, на котором майор Царев вручил каждому демобилизованному памятные подарки: по одной фаянсовой чашке и сберкнижки с вкладом за все годы службы в армии в военные годы. Вместе со сберкнижкой майор Царев вручил демобилизованным памятные листки с фотографией И. В. Сталина со следующим содержанием:

«За нашу советскую Родину!

Товарищ сержант Калинин М. М.!

Вы за время службы в нашей воинской части, на фронте Великой Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков храбро и мужественно сражались, внесли свою долю в дело Победы над врагом.

Командование части благодарит Вас за хорошее несение службы и выполнение своего воинского долга перед Родиной и надеется, что впредь, на каком посту Вы не находились бы, Вы также честно и самоотверженно будете трудиться на благо нашей Отчизны.

Командир части — Царев».

Разъехались боевые друзья, каждый на свое родное место... Я — домой, к моим старенькым родителям, в родную Тулу. «В Тулу... В Тулу... В Тулу — стучали колеса товарного вагона... Тула — я, Тула — я, Тула — Родина моя!»

Да, отец честно и самоотверженно трудился на благо нашей Отчизны!

ГОРНЯК — ЛАУРЕАТ СТАЛИНСКОЙ ПРЕМИИ

***Акименко Георгий Константинович**, 71 год,*
с 1968 по 2016 гг.: сменный мастер,зам. начальника цеха,
зам. председателя профкома,главный металлург
Тульского оружейного завода (1995–2004),
г. Тула

Мой отец Константин Григорьевич Акименко родился в 1910 году в городе Кадиевка Луганской области в семье грузчика. Начал свою шахтерскую жизнь отгребщиком. Работал и забойщиком, и крепильщиком. А когда окончил горный институт в Днепропетровске, был направлен в Сталиногорский район (в 1961 году Сталиногорск переименовали в Новомосковск). Работал инженером, затем помощником заведующего горными работами, начальником горного цеха, главным инженером. После долгих лет работы в шахте стал начальником Смородинского стройуправления треста «Мосшахтострой». Здесь же встретился с моей мамой Анной Андреевной, 1916 года рождения, которая работала зубным врачом.

Во время Великой Отечественной войны отец более трех лет воевал на Ленинградском фронте. Имеет боевые награды. В 1944 году был отозван на восстановление и строительство шахт.

Из-за оккупации Донбасса, разрушения шахт в Подмосковном угольном бассейне страна оказалась в труднейшем положении, особенно с обеспечением углем промышленности и населения. Предстояло в кротчайшие сроки восстановить угледобычу. Для этого нужны были горные специалисты, поэтому на основе постановлений Государственного Комитета Обороны в 1942 и 1944 годах демобилизовывались из действующей армии работники, имеющие горнотехническое образование, и направлялись в горнодобывающую промышленность. Среди них оказался и отец.

В 1948 году ему было присвоено персональное звание Горного директора I ранга. У меня сохранился пожелтевший от времени листок Приказа Министерства строительства топливных предприятий СССР № 19-АТ от 12 февраля 1948 г., выпущенный тиражом 700 экз. типографией министерства. В нем говорится: «В соответствии с Положением о прохождении службы руководящими и инженерно-техническими работниками угольной промышленности и шахтного строительства, утвержденным Постановлением Совета Министров СССР № 3210 от 10 октября 1947 г., приказываю присвоить персональные звания:

Горного директора I ранга:

т. Акименко Константину Георгиевичу — начальнику Смородинского УНШ № 1 треста «Мосшахтострой» Главшахтостроя Запада;

т. Брайко Николаю Акимовичу — начальнику Донской ремонтно-прокатной базы треста «Мосшахтострой» Главшахтостроя Запада;

т. Хрущевскому Михаилу Михайловичу — начальнику Ширино-Сокольнического УНШ треста «Мосшахтострой» Главшахтостроя Запада». Далее назывались фамилии специалистов, которым прсваивались звания Горного директора II и III рангов, Горного директора административной службы II и III ранга, Горного инженера III ранга. Подпись гласила: «Министр

Генеральный директор

угольной промышленности А. Задемидко».

Отец, будучи начальником строительства Смородинской шахты № 45, был удостоен Сталинской премии за усовершенствование скоростных методов прохождения горных выработок на шахтах Подмосковного бассейна в составе коллектива, в который входили проходчики Аристарх Иванович Медведев, Степан Михайлович Аржанов, Николай Григорьевич Телегин и инженер Семен Николаевич Волощук.

Идея скоростной проходки пришла в голову Медведеву. Однажды в забое он наблюдал за работой проходчиков; отбойщики отбивали уголь, навальщики грузили его в вагонетки, крепильщики ставили крепь. Словно в цехе завода, только там слаженнее, там все операции — звенья одной цепи. А здесь то и дело кто-то задерживает других. Что будет, если графиком согласовать все процессы?

Летом 1949 года развернулось соцсоревнование в честь Дня шахтера. Все шахтеры брали повышенные обязательства, не остались в стороне и строители Смородинской шахты. Горняки соседней новостройки пообещали сдать свою шахту в эксплуатацию на два месяца раньше срока. Тут и пригодились идея и опыт Аристарха Ивановича Медведева. Он поделился своими мыслями с проходчиками, вспомнил, как приходилось работать на прежних стройках, какие были трудности при восстановлении шахт, разрушенных немцами.

Инженеры и рабочие стали вносить предложения, как ускорить проходку и, соответственно, сдачу шахты в эксплуатацию. Вспомнили примененный еще до войны скоростной метод прохождения горных выработок на основе имеющейся техники инженера Семена Николаевича Волощука. Тогда под его руководством было пройдено одним забоем более 300 погонных метров в месяц. А на основе послевоенной техники можно и нужно пройти больше. Тем более, что молодежная бригада соседней шахты побила тот рекорд, пройдя уже 420 метров. Таких темпов проходки в то время еще не знала практика мирового шахтостроения.

Медведев тщательно обдумывал свою идею. Вспомнилось, как во время войны он внес предложение при строительстве Ширино-Сокольнической шахты № 32. Шахта была почти готова, но предстояло еще

пройти главный подъемный ствол, на проходку которого требовалось не меньше трех месяцев. В разгар войны такой срок не устраивал — каждая тонна угля была на вес золота. Вариантов решения проблемы поступило много, но начальник строительства М. М. Хрущевский поддержал предложение Медведева — проходить ствол одновременно и сверху, и снизу. Даже опытные инженеры сначала называли этот вариант несбыточным. Аристарху Ивановичу спорить было сложно — слишком мал был его горняцкий стаж, только в 1938 году он демобилизовался из Армии и поступил на шахту Томашевка треста «Лисичанскуголь»; работал крепильщиком и забойщиком. Но он не сдавался, отстаивал свое мнение. В итоге работа была выполнена намного быстрее, встреча проходчиков сверху и снизу произошла на двадцать седьмой день. А технологию предложенного Медведевым способа прохода впоследствии разработал Михаил Михайлович Хрущевский.

И вот теперь новое предложение — по сокращению времени проходки в соответствии с графиком на основе механизации и совершенствования организации труда. На совещании, посвященном его обсуждению, отец сказал, что в таких сложных геологических условиях пройти 400 метров в месяц — сложная задача. Но она по плечу, так как для этого есть все необходимое: машины, оборудование и главное — замечательные люди. При этом он подчеркнул, что успех возможен, если не одна проходческая бригада будет стараться, а весь коллектив.

На совещании решили установить в штреке конвейер для откатки угля, а рядом проложить рельсовые пути, по которым лебедкой можно будет доставлять вагонетки с лесом и необходимыми материалами. При этом обнаруживались новые задачи: как избежать потерь из-за необходимости наращивать конвейер через каждые 50 метров, какое должно быть оптимальное количество отбойных молотков, как брать уголь, как ставить крепь и др.

Медведев предлагал провести два воздухопровода, как у соседей: один рабочий, другой — в запасе. Чтобы не было остановок в течение смены, он предложил составить бригаду из шахтеров, умеющих подменять друг друга: «Утомится кто-либо на отбойке — уголь грузить начнет, а на его место станет навальщик. Устанет навальщик — поменяется местом с крепильщиком... Иначе нужного темпа не дадим» [1, с. 15].

Чтобы была слаженность в работе, К. Г. Акименко предложил подчинить звеньевого крепильщиков С. М. Аржанова, который будет вести крепление параллельно с проходкой, с отставанием на 5–6 метров, бригадиру скоростной проходческой бригады А. И. Медведеву. А разработать четкий график строительства взялись отец и главный инженер Афиногенов под руководством главного инженера треста С. Н. Волощука.

В ночь на 1 июля отец не уезжал с шахты; только на пару часов отлучился и Медведев. Он появился в конторе, когда было еще

темно. На душе было неспокойно. Волновались. Прошли в кабинет. Отец тогда сказал:

— Такое уж дело у нас, шахтостроителей. Как ни рассчитывай, а всего сразу не предусмотришь: тут тебе и плывун, и выклинка пласта, и десятки других неожиданностей... Поэтому для нас с тобой самое важное — не теряться, уметь быстро ликвидировать осложнение.

1 июля Медведев целые сутки не уходил из шахты: восемь часов провел с первым звеном, затем перешел во второе, а потом всю ночь проработал с третьим. За сутки его бригада прошла 14,5 погонных метров. Не снижали темпа проходчики и в последующие дни. За неделю они превысили месячную норму! Но ни руководители, ни проходчики не были удовлетворены этим результатом. Они анализировали работу и обнаруживали новые возможности ускорить проходку.

Ежедневно после окончания смены бригада собиралась на короткие летучки, где присутствовали отец или главный инженер Афиногенов, иногда — начальник горного цеха Файзулов, главный механик Горбачев или его брат, главный энергетик. Подводили итоги работы за смену, анализировали возникшие проблемы, ставили новые задачи. Борьба шла за минуты. Так, например, идея Медведева использовать переносные лампы родилась после того, как минут 30 пришлось потерять, сидя в темноте из-за ожидания, пока удлинят электрические провода. На следующий день были с лампами. Так же быстро внедрили предложение начальника строительства о приспособлении для подвески воздушных шлангов. Экономии времени способствовали специально изготовленные салазки для передвижения насосов вслед за забоем. Поправки стахановцев и инженеров, сокращающие непроизводительные затраты рабочего времени, вносились почти каждый день.

Но неожиданность все-таки случилась. Ее описал в своем очерке «Мастера скоростной проходки» М. Резников в брошюрке, которая для меня является семейной реликвией.

«Случилось это в ночную смену... Раздались тревожные голоса:

— Пласт уходит!..

Медведеву не впервые приходилось видеть, как угольная толща постепенно начинает сужаться, и над ней появляется слой породы и песка. Бывало, что пласт уходил вниз на несколько метров.

Но у проходчиков есть закон: ни в коем случае пласт не упускать. Как бы он ни петлял, как бы круто не падал — неотступно идти за ним.Так поступил и Медведев.

А пласт уходил все ниже и ниже. Штрек начал изгибаться, и от этого стало трудно всем — навальщикам, монтажникам, крепильщикам.

Молодые горняки наблюдали за бригадиром, его выдержка вселяла уверенность. Аристарх Иванович сохранил спокойствие и в то время, когда вниз к груди забоя, по образовавшемуся уклону, стала обильно стекать вода.

Отбойщикам и навальщикам приходилось работать по щиколотку в грязи, вдобавок сверху стекала вода.

Один насос не успевал ее откачивать. Тогда Медведев распорядился включить резервный. Были присланы вспомогательные рабочие, которые рыли дополнительные колодцы для отвода воды.

В таких условиях двигаться прежними темпами нельзя было. Приходилось отбивать уголь не больше чем на 7–10 сантиметров в глубину и тут же тщательно оформлять забой, ставить раму крепления. Проходчики знали: не сделаешь это вовремя, кровля рухнет. Но как бы четко они ни работали, как ни старались уплотнить время — проходили не больше 10 метров в сутки.

Вода все прибывала. Требовались новые меры, в первую очередь нужно было защитить проходчиков от капежа сверху. Медведев и Аржанов с этой целью предложили применить специальные щиты.

Это помогло. На четвертый день шахтный нормировщик занес в учетник 14 метров проходки. На следующий день было записано 18,5 метров.

Шесть дней бригада Медведева «гналась» за пластом и не упустила его. На протяжении пятидесяти метров пласт ушел вниз более чем на восемь метров.

Все это время Аристарх Иванович уходил из шахты всего на несколько часов. Он осунулся, похудел. Но глаза его по-прежнему светились тем особым блеском, который выражает большую внутреннюю силу волевого и упорного в своих стремлениях человека.

Однажды утром, сдав забой звеньевому очередной смены, Аристарх Иванович сказал дежурному инженеру:

— Ну, теперь можно и отдохнуть. До вечернего наряда не ждите. Побуду с детьми.

...Медведев проснулся, когда солнце уже скрылось за крышами домов. В окна заглянули сумерки. Пока жена готовила ужин, Аристарх Иванович возился с детишками. Но не успел он сесть за стол, как услышал гудки автомобильной сирены.

— Не иначе, за мной,— сказал Аристарх Иванович.

В дверях показался шофер.

— На шахту, Аристарх Иванович! Велено срочно доставить.

— Что случилось?

— Точно не знаю. Говорят, будто плывун прорвался...

Забыв захватить сверток с едой, заботливо приготовленный женой, Медведев сел в машину. Дорогой он торопил шофера, ему не терпелось скорее очутиться в забое.

Десять лет назад, когда он еще только начинал свою горняцкую жизнь на шахте Томашевка, в Донбассе тоже прорвался плывун. Тогда он работал крепильщиком и впервые увидел такое зрелище. Мокрый песок, прорвавшись в забой, начал расползаться по штреку. Вспомнил Медведев, что в первую минуту он тогда растерялся, но затем, ободренный спокойствием рабочих, энергично стал укрощать стихию.

С тех пор Медведеву много раз приходилось бороться с плывунами. Часто встречались плывуны и в Мосбассе при проходке горных выработок, на новостройках, он научился преодолевать их, но то, что он увидел сейчас в скоростном штреке, превзошло все его худшие опасения.

Когда составляли план скоростной проходки, были предусмотрены меры и на случай прорыва плывуна. Однако никто не рассчитывал, что размыв пласта окажется в действительности таким мощным. Даже старые проходчики Мосбасса, встречавшие немало плывунов, не помнили ничего подобного.

Плывун появился совершенно неожиданно у левой стороны забоя, где показалась вначале узкая полоска обводненного песка.

Медведев и дежурный инженер тщательно осмотрели трещину. И когда бригадир с помощью молотка убрал нависший у кровли кусок угля, на его месте показался песчаный прожилок.

— Во всю мощность пласта проходит,— с тревогой сказал он инженеру.

— Посмотрим, какой ширины размыв...

Двухметровая доска, которую забили в щель, почти вся вошла в песок.

Проходчики с беспокойством наблюдали за бригадиром.

— Что же теперь будет, Аристарх Иванович?

— Этак плывун нам все дело загубит...

— Рано вешать нос! — сказал Медведев.— Пугаться нечего, управимся.

Но хотя Медведев и успокаивал проходчиков, на душе у него было тревожно. Он понимал всю сложность создавшегося положения. Продолжать проходку, имея на фланге столь неприятного соседа, было рискованно.

О прежних темпах проходки теперь, конечно, нечего было и думать. Но и медленно двигаться тоже нельзя — это значило бы отказаться от твердо принятого решения ускорить проходку. Этого Медведев не мог позволить. Не для того он несколько месяцев вынашивал идею скоростной проходки и добивался ее осуществления.

— Ничего,— глухо произнес Медведев,— попробуем померяться силами — и, обращаясь к Аржанову, после небольшого раздумья добавил:

— Поставим забивную крепь. Надо потребовать сорокамиллиметровые доски.

Извещенные о создавшемся положении, в забой явились начальник строительства и главный инженер. Они привели с собой опытных крепильщиков.

— Доски сейчас начнут спускать.— сказал Акименко Медведеву. Потом повернулся к Аржанову.— На тебя, Степан Михайлович, большая надежда. Сейчас все решает крепление. В подмогу бери трех крепильщиков. Надо будет — еще дадим. Расставь людей и действуй.

«Коза» доставила в забой первую партию досок.

При помощи забивной крепи было пройдено более пятидесяти метров штрека, пока, наконец, на смену песку снова не появилась угольная твердь. Как только угроза миновала, проходчики, точно соскучившись по настоящему делу, с новой силой ринулись вперед. Теперь они стремились наверстать упущенное за 3 дня. Пласт залегал спокойно, капеж прекратился» [1, с. 23–27].

...2 августа в конторе подсчитали месячную проходку. Одним забоем они прошли 450,5 метров! Это был новый мировой рекорд прохождения горных выработок. В таких сложных условиях! В итоге шахта была сдана на два месяца раньше срока, а ценный опыт новаторов получил распространение и в других бассейнах страны.

Это был настоящий подвиг уже в мирное время — трудовой. Пригодилась закалка, полученная во время войны: снова самоотверженность, взаимовыручка, осознание громадной ответственности, помноженные на быстрые решительные действия, высокое мастерство, поиск нестандартных, творческих решений.

В составе коллектива, удостоенного Сталинской премии третьей степени, есть имя комсомольца Николая Телешова с горняцким стажем всего чуть более двух лет. Не могу не привести весьма примечательный факт его биографии. Зимой 1941 года ему, 14-летнему парнишке, пришлось спасать колхозное стадо от приближавшихся немцев — вместе с другими пацанами гнать от родного Коммунистического района в Подмосковье до Ивановской области. Колхоз заменил ему родителей: матери он лишился в девять лет, через три года — и отца. Разве мог он подвести? Пешком пришлось гнать стадо сотни километров по заснеженным полям, добывать корм, охранять от хищников. Но стадо было спасено. И вот теперь, чтобы шахта вступила раньше в строй, он снова ответственно делал свое дело, его звено работало быстрее других. Не помышляя о наградах.

Литература

1. Разников М. Мастера скоростной проходки // Горняки — лауреаты Сталинской премии.— М.: Углетехиздат, 1950.— С. 7–29.

СЕМЬЯ И ШКОЛА

***Гончарова Наталия Николаевна**, 50 лет,*
Канд. филол. н., доцент
ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет»
г. Тула;
***Лунчева Людмила Петровна**, 60 лет,*
МБДОУ МО Плавский район «Детский сад «Радуга»,
воспитатель

Так случилось, что многие члены нашей семьи связали свою жизнь с системой образования. Три поколения педагогов: учителей, преподавателей, воспитателей, психологов. Общий педагогический стаж более 250 лет. О тех, кто положил начало педагогической династии, пойдет речь далее. Трудной, порой трагической, но и счастливой была их судьба, судьба Учителей — Петра Васильевича и Ольги Тимофеевны Поляковых,— посвятивших свои жизни детям, ученикам, школе.

Ольга Тимофеевна Копенкина-Алешина-Полякова родилась в деревне Мерлеево Алексинского района Тульской области 1 июля 1918 года. В 1922 году семья переехала в деревню Берники Алексинского района Першинского сельсовета. В 1926 году поступила в Першинскую начальную школу и окончила ее в 1930 году. В том же году поступила в Павшинскую семилетнюю школу, которую окончила в 1933 году. В июне 1933 года поступила на месячные курсы по подготовке учителей начальных классов. Окончила эти курсы в 15 лет и была направлена на работу в Королевскую начальную семилетнюю школу, где проработала 4 года.

Время было голодное и бедное. Девочка из крестьянской семьи, сама еще ребенок, уже призвана учить грамоте других, маленьких детей, в другой деревне. Ходила на работу из дома, деревни Берники, за несколько километров в грязь и распутицу пешком, в онучах, обуви не было. Ноги от холода распухали и болели. Родители на неделю могли дать ей только свеклу, несколько картошек и немного муки.

16-летняя учительница Копенкина О. Т. со своими учениками Королевской школы

Однажды ей целую неделю и вовсе пришлось сидеть голодной. Шла она так с узелком в Королевку, а навстречу ей по-

жилой человек. «Дочка,— говорит он,— отдай мне свой узелок, что там у тебя есть съестного, а я за это завтра тебе чулочки шелковые принесу». Ольга отдала — прежде чулок шелковых не видела и не увидела: обманул ее прохожий.

По теплой погоде добиралась босиком, берегла единственные туфли, надевала их перед самой деревней, где была школа. С первых зарплат справила себе голубое шелковое платье с белым воротничком — невиданная в деревне роскошь. Осуждали коллеги ее за это. А дети любили, считали красивой и тянулись к ней — чутка детская душа к красоте и добру.

Удивительным было в ней миссионерское ощущение учительства, постоянное стремление к совершенству, ведь она — учительница, образец во всем,— не имеет права на ошибку. Всегда поражало то, как гордо несла она по жизни высокое имя «Учитель». В то время действительно смотрели на учителя, как на Бога. К его слову прислушивались, шли за советом.

В 1934 году Ольга Тимофеевна поступила на заочное обучение в Тульское педучилище и окончила его в 1937 году. В 1938 году была переведена на работу в Дубенскую среднюю школу. В том же году, 7 ноября, Ольга Тимофеевна вышла замуж за Ивана Константиновича Алешина [1]. Иван Константинович на четыре года ее старше, учитель математики, очень способный, с быстрым, точным умом и отличной памятью, только что окончивший Московский педагогический институт им. А.С. Бубнова (ныне Московский государственный педагогический университет). Ему, как лучшему специалисту, дали классное руководство и доверили преподавать математику в старших классах, это было тогда очень ответственно.

Ольгу с радостью приняли в семью Алешиных, большую, дружную. Все жили в новом просторном доме. 11 августа 1939 года родился сын Евгений.

Иван Константинович проработал в школе три года, сделал первый выпуск, и в июле 1941 года был призван в армию, направлен в Тесницкие лагеря на подготовку. Поскольку он был математиком, его, как это и практиковалось, готовили к службе там, где нужны были точные расчеты,— в артиллерии.

В ноябре 1941 г. младший лейтенант Алешин направлен на фронт, в конце декабря ранен в шею и госпитализирован в Тульский госпиталь, где пролежал 3 месяца. По пути в госпиталь заезжал домой на один день. Надвинув на глаза шлем и изменив голос, представился незнакомым офицером. Его не узнали ни мать, ни жена. После госпиталя получил отпуск на 2,5 месяца, т.е. до середины июня 1942 г. Это время он, конечно, провел с семьей.

Потом Ивана Константиновича направили на Калининский фронт, в 25 гвардейскую механизированную бригаду. За бои под Великими Луками он был удостоен ордена Красной Звезды. Вот что значится в его наградном листе: «Во время наступления противника на район обороны 1-го батальона мл. лейтенант Алешин лично уничтожил из автомата 10 нем-

цев, не покидая наблюдательного пункта, продолжал вести огонь батареи. В районе высоты 153,4 лично руководил стрельбой батареи, разрушил два немецких блиндажа, рассеял и частично уничтожил до роты пехоты противника. В 14:30 27.12.42 младш. лейтенант Алешин засек и уничтожил шестиствольный миномет. Награждаю орденом «Красная Звезда». Командир 34 ММбтр полковник Краснов» [2].

Иван Константинович Алешин погиб 31 декабря 1942 г., похоронен в д. Кочнево Калининской области.

29 января 1943 года родилась дочь Галина.

Всю войну Ольга Тимофеевна проработала в Дубенской средней школе. Исключение составили месяцы оккупации поселка Дубна, о чем в трудовой книжке сделана следующая запись: «16.10.1941 — Освободить от работы в связи с оккупацией. Завроно (подпись)». А уже 16 января 1942 года вновь «назначить учителем начальных классов Дубенской средней школы». За добросовестный труд Ольга Тимофеевна Алешина награждена медалью «За трудовую доблесть» Г № 350531 от 24 марта 1949 года.

В 1944 году Ольга Тимофеевна познакомилась с Петром Васильевичем Поляковым, который работал сначала фельдшером, а потом военруком и учителем рисования и черчения в Дубенской средней школе. 24 января 1946 года она вышла за него замуж. Ольга Тимофеевна обрела любящего и верного мужа, дети — отца, ставшего им по-настоящему родным. Они создали дружную, крепкую семью.

Жизнь шла своим чередом. В 1950 году супруги взяли ссуду на постройку своего дома и начали строительство. Отец Ольги, Тимофей Сергеевич, привез сруб для дома. В 1953 году Ольга Тимофеевна и Петр Васильевич переехали в свой, еще не совсем достроенный, дом. 11 января 1957 года у них родилась дочь Людмила.

В семье Поляковых, в просторном и светлом учительском доме, царила атмосфера любви, взаимопонимания, поддержки и творчества. Вся домашняя работа делалась с любовью, интересом и юмором. Материальные трудности преодолевали вместе, работали в саду и на огороде, выращивали домашних животных (держали козу, кур, поросенка, разводили кроликов). Выращивали особые сорта овощей, прививали лучшие сорта яблонь и груш. А каким красивым, уютным и ухоженным был палисадник перед домом! Беседка, увитая вьюнком, дорожка, посыпанная ярко-желтым песочком, клумбы с анютиными глазками и маргаритками, роскошные пионы и дельфиниум, скромные ландыши у забора... Ольга Тимофеевна следила, чтобы в доме было не только чисто, но и красиво, уютно, у каждого — свой уголок для занятий. Особенным, трепетным было отношение к учебе и чтению. Это считалось самым главным. Дети росли, учились, развивали свои способности (все трое получили высшее образование). Хлебосольный дом Поляковых был открыт для гостей: родственников и друзей.

Всегда в доме ощущалось присутствие школы: стопки тетрадей на письменных столах, красные ручки, учебники, конспекты, обилие книг. Удивительно, но даже имея за плечами уже огромный опыт работы, и Ольга Тимофеевна, и Петр Васильевич всегда вечерами готовились к урокам.

Ольга Тимофеевна учила ребятишек держать правильно карандаш, писать, читать, считать. Из школы приходила поздно, после уроков занималась с ребятами, у которых никак не складывались буквы в слова, не получались крючочки на листе тетради, не слушались цифры при сложении и вычитании. Она отличалась от многих учителей начальных классов — никогда и ни на кого не повышала голоса, говорила спокойно. И этими негромкими словами умела добиться того, чего не под силу было достичь окриками. Поэтому именно к ней в класс родители старались отдать своих детей. И Ольга Тимофеевна дорожила доверием людей.

Всей жизнью, помыслами, делами, тактом, умением беседовать, своей внешностью Ольга Тимофеевна создавала образ Учителя, тот образ, который уже сам воспитывает, вызывает желание следовать за ним. Учитель должен быть прекрасен во всем! Ольга Тимофеевна была всегда одета со вкусом, в туфельках и в шляпке. Несмотря на то, что зарплата была низкой, жилось трудно, к августовской конференции учителей района обязательно шилось новое нарядное платье. Ведь конференция была для нее праздником, началом нового учебного года, в который следовало входить в радостном настроении. Это было ее образом жизни.

Ольга Тимофеевна проработала учителем начальных классов сорок лет, с 1934 по 1974 год, до выхода на пенсию. Потом еще три года была воспитателем в интернате при Дубенской средней школе, где жили ребята из деревень.

За многолетний добросовестный труд Ольга Тимофеевна Полякова, кроме медали «За трудовую доблесть», награждена еще медалями «Ветеран труда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «50 лет Победы в Великой Отечественной войне». Ольга Тимофеевна Полякова умерла 13 августа 2003 года в возрасте 85 лет. Все ее дети, внуки и правнуки выросли достойными образованными людьми. Это во многом благодаря Петру Васильевичу Полякову.

Петр Васильевич Поляков родился 15 июля 1922 года в деревне Вялино Дубенского района. Родители умерли, когда Петру было 8 лет. Вот какие его воспоминания сохранились. Семья Поляковых жила не в самой деревне, а на хуторе. Детей было трое: Петр, Анна и младший новорожденный Сергей. Отец их был сильным, высоким, здоровым. В марте, в распутицу, отцу надо было ехать за углем куда-то далеко, может быть, в Тулу. Было холодно, сыро, отец в дороге заболел, едва добрался до дома, когда приехал — слег. Его отвезли в больницу, скорее всего, в Скоморошки.

Мать собрала кое-какую еду и велела Петру идти проведать отца. Тот пошел пешком по бездорожью и распутице несколько километров. Пришел

в больницу, видит — отец на железной кровати лежит, а больничная кровать ему мала: ноги просунуты между прутьями на табуретку. Таким могучим был отец. Петр посидел там с ним, пошел обратно, еле-еле добрался до дома, уже затемно, промок и продрог до костей. И вот сидят за столом с матерью, ужинают. В избе тихо. Вдруг занавеска, отделявшая хоры, заколыхалась, как будто от порыва ветра, хотя ни дверей, ни окон никто не открывал. «Все,— сказала мать,— умер отец». Так и случилось.

Поляков П. В. после ранения и демобилизации

Хоронили отца через три дня, в мерзлую землю. Мать плакала, кричала, упала на могилу, так и выла на сырой земле, пока не стемнело. А пришла домой — легла и больше не встала, умерла вскорости. Петру так было тяжело, томно, черно на душе, что это свое состояние запомнил навсегда. Вышел он из дома и побрел-побрел сам не знает куда. Перешел речку по льду, пришел к дому своих родственников, они его оставили у себя. За ночь речка вскрылась и разлилась, обратного пути уже не было. Петру нельзя было попрощаться с матерью — река не пускала. С другого берега смотрел он, как ее хоронили, как несли гроб, а она лежала совсем молодая, в легком своем простеньком платьице в мелкий такой цветочек, подол раздувался от пронзительного мартовского ветра.

Так за несколько дней потеряли дети и отца, и мать. Сирот разобрали по семьям родственники. Анну взяла тетка Екатерина с мужем. Петра и грудного Сергея взял на воспитание дядя Ефим с женой теткой Настасьей. У них были свои дети, жили совсем бедно, голодно, трудно, а тут еще и сироты, лишние рты. Тетка Настасья все подумывала отдать Петра в детский дом в Воскресенске. Дважды пыталась отвести его, а путь был неблизкий. Вот выходят они из дома, идут к Воскресенску, а с половины дороги вдруг тетка поворачивает и говорит: «Пойдем лучше домой». Жалко ей было отдавать Петра. И в третий раз, когда совсем невмоготу стало, окончательно решились определить Петра в детдом. Лето. Жара. Опять идут той же дорогой. На пути у Скоморошек — Святой колодец Георгия Победоносца. Сели попить воды. Стал тут Петр мысленно святого просить, чтобы не отводили его в детдом, а остался бы он с братишкой и родными. Так сильно просил, что увидел самого Георгия Победоносца. Встает вдруг Тетка Настасья да и говорит, что не отдаст его никуда. Вернулись домой и больше уж никогда не заговаривали о детдоме.

Поляков П. В.

Петр учился в Пустошиновской школе, где закончил 7 классов. Ощущение одиночества и тоска по родителям не проходили. Он хотел понять, почему умер отец, всегда здоровый и сильный. Говорили, что от туберкулеза, но Петру хотелось знать точно, и потому он в 1939 году поступил в Тульскую фельдшерско-акушерскую школу. Тогда она располагалась на улице Менделеевской, д. 3.

В то же время Петр брал уроки рисования у художника, с которым познакомился случайно. Студентов медучилища привлекали к проведению профилактических мероприятий среди населения. Так Петр попал к художнику, жившему в районе современного стадиона, и тот предложил учить его рисованию. Петр ходил на занятия к художнику домой, вспоминал, что постоянным объектом его зарисовок служила огромная труба, видимая из окна квартиры. Художник заставлял рисовать ее снова и снова, и с каждым разом Петр обнаруживал в ней все новые и новые детали.

После окончания медицинского училища Петра Васильевича направили на работу на санитарно-эпидемиологическую станцию в Кимовский район Тульской области.

С началом Великой Отечественной войны в августе 1941 года Петр Васильевич добровольцем ушел на фронт, был призван Кимовским райвоенкоматом Тульской области. Скорее всего, он добавил себе год, чтобы взяли на фронт.

Вначале была учеба в Ленинграде на высших бронетанковых курсах. Еще курсантом принял Петр Васильевич первое боевое крещение на подступах к Ижорскому заводу. Страшным был бой и велики потери. Но фашистов отбросили. Петр Васильевич получил первую, воистину солдатскую медаль «За отвагу», которая в Великую Отечественную почиталась, как ранее Георгий за храбрость.

Были жестокие схватки на Волховском фронте, прорыв блокады в районе Киришей, где Петр Васильевич получил ранение. Он воевал в 3-ей танковой армии генерала Рыбалко. В битве за Сталинград, под Калачом, участвовал в окружении группировки Паулюса. Бился в 1943 году с немецкими танками на Курской дуге под Прохоровкой.

Под Киевом в составе 56-й гвардейской танковой бригады Первого Украинского фронта в бою за деревню Княжичи Петр Васильевич получил орден Красной Звезды. Вот что значится в его наградном листе: «Тов. Поляков работает военфельдшером старшим танкового батальона. Свою непосредственную работу знает отлично. За все время маршей и боев тов. Поляков всегда находился и следовал с боевыми машинами батальона и оказывал мед. помощь бойцам и офицерам. 24.09.43 г. в бою за д. Княжичи тов. Поляков под сильным огнем противника, рискуя своей жизнью, непосредственно сам вынес с поля боя и оказал медицинскую помощь 22 бойцам и офицерам. В этом бою тов. Поляков захватил пулемет противника — открыл огонь по отходившей пехоте противника, в результате

чего противник понес потери до 20 солдат и офицеров. Тов. Поляков достоин правительственной награды ордена Красной Звезды. 27.09.1943» [2].

Освобождая Киев, на Днепре Петр Васильевич получил второе тяжелейшее ранение — в бедро. Видимо, не сразу вынесли его с поля боя, потому что началось нагноение кости — остеомиелит. Известно, что в полевых госпиталях применялась сортировка раненых для оказания медицинской помощи наибольшему их числу. Петр Васильевич оказался среди тяжелораненых, безнадежных, умирающих. Их из-за большой загруженности хирургов оперировали в последнюю очередь. Очнувшись, он увидел, как медсестра несет миску квашеной капусты. И так ему захотелось капусты, что попросил: «Сестричка, дай капустки!» Хирург, вышедший в коридор перевести дух после многочисленных операций, услышал и сказал: «Этот еще будет жить. Давай его на стол!» Петра Васильевича прооперировали. Тот хирург, что спас ему жизнь, рекомендовал обязательно завести пчел и лечиться их укусами. Потом были девять долгих месяцев в госпиталях, которые закончились инвалидностью 2-й группы в 22 года.

За боевые заслуги Поляков Петр Васильевич награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны I степени, медалями «За отвагу», «Медалью Жукова», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В 1944 году комиссован по ранению и инвалидности. В то время он ходил на двух костылях, ноги подгибались, как на шарнирах. Стал работать фельдшером в Дубенской средней школе. Но, зная черчение, умея хорошо рисовать, стал учителем черчения и рисования, а как фронтовик — вести военное дело.

В 1946 году Петр Васильевич женился на Ольге Тимофеевне Алешиной. А в 1947 году поступил на географический факультет Московского педагогического института имени В. И. Ленина, который закончил заочно.

Вскоре Петр Васильевич создал кружок «Юный географ», где увлеченные ребята узнавали много интересного о родной стране. С 1956 года занимается туризмом: начинает ходить с учениками в походы, изучать родной край. В 1957 году на областном слете туристов команда Дубенской школы под руководством П. В. Полякова заняла первое место и получила право участвовать во Втором всероссийском туристическом слете, который проходил в городе Дмитров Московской области. В дальнейшем команда неоднократно занимала призовые места, награждалась путевками в Артек, Ленинград, а также участвовала во Всероссийских туристических слетах.

«Пионерская правда» организовала в 60-е годы радиоигру, где кружковцы отвечали на трудные вопросы по географии Захара Загадкина. Многие школы Советского Союза включились в эту игру. Но победы неоднократно одерживал Петр Васильевич со своими ребятами. И увлеченные дети, полюбившие географию на всю жизнь, становились геологами, моряками, бороздившими моря и океаны, большими любителями путешествий.

Петр Васильевич апробировал идеи В.А. Щенева, одного из редакторов журнала «География в школе». И с огромным желанием делился своим опытом работы, публикуя статьи в сборниках Тульского областного института усовершенствования учителей, выступая с докладами перед педагогами области, давая бесчисленное количество открытых уроков, на которые приходило и приезжало большое количество учителей. Преподавал Петр Васильевич военное дело, географию, рисование, черчение, позднее — краеведение.

Навсегда останутся в памяти учеников интересные уроки Петра Васильевича. Богатый познавательный материал, собранный из разных источников, уникальная наглядность (Петр Васильевич писал картины, делал иллюстрации) сочетались с любовью к родине, к родной земле, ее природе и гордостью за страну.

Петр Васильевич принимал активное участие в семинарах, научно-практических конференциях, организуемых областной станцией юных туристов. Его питомцы и сам руководитель получали Почетные грамоты Тульского Облоно за активную туристско-краеведческую работу.

Кабинет географии и краеведения Петра Васильевича постоянно совершенствовался. Применялась система зеркал для показа видеоматериала при свете, чтобы не терять времени на затемнение окон. Портреты знаменитых путешественников, карты Тульской области, исторические картины, написанные маслом самим учителем. Редчайшие коллекции полезных ископаемых, в том числе вулканического происхождения, рыб. Шесть выдвигающихся досок с «немыми» картами полушарий, векторами для нахождения азимутов и определения погоды. Его кабинеты географии и краеведения были одними из лучших в области. Да и не только кабинеты — на стенах школьных коридоров много картин по истории родного края, с большой любовью выполненных Петром Васильевичем.

Петр Васильевич считал краеведение, знакомство с историей, природой, географией родного края очень важным в становлении будущего гражданина нашей Родины, в пробуждении ростков лучших человеческих качеств. Только прикоснувшись к истории своей Земли самому, услышав рассказы очевидцев, подержав в руках найденную каску времен войны, посидев за старой прялкой, постояв на пригорке деревеньки у русских берез, можно по-настоящему полюбить Родину. Каждая деревня, овражек, речушка имеют свою уникальную, интересную, яркую историю. За время работы в школе не было такого лета, чтобы Петр Васильевич не побывал с кружковцами в походе. И каждый раз они записывали в дневнике рассказы очевидцев о неизвестных еще никому страничках истории. Записывались и воспоминания людей, которые передавались потомкам из уст в уста. Так появились знания о ремеслах на Дубенской земле, быте людей, новые сведения об исторических личностях. Материал бесценный! Весь собранный материал вошел в разработанный Петром Васильевичем курс «Краеведение», который он преподавал в школе.

В 1960 году Петр Васильевич создал первый в Дубенском районе краеведческий музей. В сборнике очерков об учителях «Творцы буду-

щего», напечатанном Тульским книжным издательством в 1960 году, описываются первые шаги на пути создания краеведческого музея. Он начинался с комнаты, отданной в распоряжение Петра Васильевича, и ребят, занимающихся в кружке «Юный географ». По крупицам собирался богатейший материал в походах по родному краю.

Так появился уникальный музей. Желание сохранить историю для потомков стало для Петра Васильевича делом всей жизни. Под музей было выделено отдельное здание рядом со школой. Здесь были диорамы, макеты, модели, картины, написанные Петром Васильевичем, огромный аквариум с засушенными рыбами, крабами, морскими звездами и другими животными подводного мира. Стоял настоящий пингвин — великолепно изготовленное чучело. Была богатая коллекция минералов и полезных ископаемых, привезенных из разных уголков нашей Родины учениками Петра Васильевича. Музейные экспозиции рассказывали об истории Тульской области и Дубенского района, о выдающихся земляках.

Проводили кружковцы-краеведы акции «Обелиск». Они находили могилы погибших в войну солдат, ухаживали за ними, посылали письма родным о месте захоронения их родственников. На всю жизнь остался в памяти учеников поход «По дорогам Великой Отечественной войны». Бывший лесник Андрей Семенович Храпков провел ребят по тому пути, которым он в ноябре 1941 года вывел из окружения нашу кавалерийскую дивизию. Об этом подвиге Петр Васильевич в соавторстве с писательницей Марией Казаковой написал рассказ «Лесная быль» [4], позже на собственные средства установил памятник А.С. Храпкову.

В 1967 году Петр Васильевич преобразовывает кружок в краеведческий клуб «Родина». Им разрабатываются две самостоятельные программы для групп. Из младшей выходят со званием «Инструктор по туризму», а из старшей — спортсмены-разрядники по ориентированию.

Воспитанники Петра Васильевича были победителями областных соревнований, призерами двух Всесоюзных, трех республиканских соревнований. За большие достижения в туристско-поисковой работе Петр Васильевич награжден памятной медалью «Дорогами отцов-героев», врученной ему лично маршалом И.С. Коневым.

За учительский труд Петр Васильевич награжден медалями «За трудовую доблесть», «Ветеран труда», отмечен званиями Заслуженного учителя школы РСФСР (1976), Отличника министерства просвещения, а также Почетного гражданина Дубенского района (2000). Его имя носит пионерская дружина Дубенской средней школы.

Петр Васильевич Поляков всегда активно жил жизнью района. Он был инициатором создания памятника в честь 50-летия Победы, участвовал в работе над гербом поселка Дубна, постоянно публиковался в районной газете «Ленинец», проводя большую исследовательскую и просветительскую

работу. По сей день действует школьный краеведческий музей, основанный П.В. Поляковым.

В Петре Васильевиче поражает душевная щедрость, стремление к красоте и творчеству, гармоничность и разносторонность его личности. Он географ, турист, краевед, учитель, методист, художник, писатель. Это еще далеко не полный перечень его проявлений. Таланты и способности Петра Васильевича развивались и реализовывались в семье и в школе, для детей. Сама его личность, заинтересованность давали импульс к развитию учеников, он передавал им не только знания, но и любовь к прекрасному, к родному краю, к Родине, к земле, к человеку. Петр Васильевич являл собой пример состоявшейся личности, пример того, как быть настоящим человеком в любых жизненных условиях.

До последних дней он работал в школе, писал картины, щедро дарил их родственникам, друзьям и знакомым.

Мало кто знал, что все годы Петра Васильевича мучили старые раны: дважды в год, весной и осенью, они воспалялись, гноились. Он сам колол себе пенициллин, а потом сам же вскрывал скальпелем абсцесс.

В 2001 году, заболев и пройдя обследование, которое выявило смертельное заболевание, Петр Васильевич сказал: «Слава богу, у меня нет туберкулеза — я могу работать с детьми!» Это было для него главным, в этом был он весь. Школе он отдал 58 лет жизни.

Петр Васильевич Поляков скончался 19 мая 2002 года, не дожив до своего 80-летия двух месяцев. Его хоронила буквально вся Дубна, ведь у него учились все. Нескончаемый людской поток растянулся более чем на километр, от школы до центральной площади. Это было прощание с человеком, заслужившим поистине всенародное уважение и любовь.

Петр Васильевич и Ольга Тимофеевна похоронены рядом. Каждый год 9 Мая и в День Дубны, в первое воскресенье августа, когда собираются выпускники Дубенской средней школы, бывшие ученики прямо с площади, как раньше к ним в дом, приходят теперь к их могилам, чтобы почтить память. Мы же, их дети и внуки, тоже их ученики, храним в сердцах светлую память...

Литература

1. Гончарова Н.Н. Никто не забыт?.. // Мы помним... Часть 2. Книга воспоминаний и размышлений поколений.Часть 2. — Тула: Аквариус, 2015.— С. 189–192
2. http://podvignaroda.ru/
3. Творцы будущего. Сборник очерков об учителях.— Тула: Тульское книжное издательство, 1960.
4. Казакова М., Поляков П. Лесная быль // Слово о подвиге. Литературно-художественный сборник. Книга вторая.— Тула: Приокское книжное издательство, 1985. С. 236–254

ТАКАЯ РАЗНАЯ ЖИЗНЬ

(по воспоминаниям Гавриила Григорьевича Лебедева)

Гончарова Наталия Николаевна, *50 лет,*
канд. филол. н., доцент,
Тульский государственный университет,
г. Тула;
Лебедева Любовь Гавриловна, *68 лет,*
воспитатель,
г. Щекино

Лебедев Г. Г. 1947 г.

Гавриил Григорьевич Лебедев — отец Любови Гавриловны Лебедевой и двоюродный дед Наталии Николаевны Гончаровой — достойно прошел большой трудовой и боевой жизненный путь на протяжении почти всего двадцатого века. Особый его дар запечатлять и сохранять в памяти картины и события позволил записать и воссоздать эпизоды и образы прошедших лет, ближе и детальнее высветив известные исторические реалии и факты, коснувшиеся семьи, края, страны.

Гавриил Григорьевич Лебедев родился 9 апреля 1919 года в селе Ясеновое Дубенского района прежде Московской, а ныне Тульской области. Его детство пришлось на первые годы Советской власти. Он стал свидетелем того, как ломались крестьянские устои русской деревни в 20-е—30-е годы XX века.

«Хлеб — народам, земля — крестьянам!» — провозглашали первые советские лозунги. Сначала дали землю по едокам. Были единоличные хозяйства. Клочки земли разбросаны. Землю надо обрабатывать, а дети в семье Лебедевых мал мала меньше. Приходилось очень трудно: работали с темна до темна. Ведь надо сеять и рожь, и гречиху, и лен, и коноплю, плюс огород. Кроме того, лошадь, корова, поросенок, овцы, куры. Было натуральное хозяйство: вспаши, посей, убери, смолоти.

Церковь сначала работала, потом ее закрыли и в ней стали показывать кино, тогда еще немое: «Закройщик из Торжка», «Праздник Святого Иоргена» и другие фильмы. Появилась изба-читальня, где было много хороших книг, бильярд, шахматы. Все это привозили из бывших барских усадеб. В избе-читальне работал избач, который рекомендовал книги и вел просветительскую работу среди населения.

Отменили все «буржуйские» праздники. Елку для детей не наряжали, читали лозунги: «Если ты пошел на елку — значит, ты не пионер!» Проводилось много собраний, митингов, где «разъясняли текущий момент».

1 мая и 7 ноября в Ясеновом проходили демонстрации. Шли с красными флагами от школы через всю деревню на поляну к избе-читальне. На поляне был митинг, потом пели революционные песни, читали стихи Некрасова, Пушкина, Демьяна Бедного. Стихи подбирали «на злобу дня» — в них обличали помещиков, духовенство, кулаков.

Гавриил Григорьевич Лебедев пошел в школу в семь лет, в 1926 году. Уроки начинались так: входил учитель, ученики вставали. Учитель (Михаил Павлович Соболев — сын священника) играл на скрипке «Интернационал», все пели. В первом-втором классах тетрадей не было — писали мелом на грифельных досках. Учиться Гавриилу нравилось, но уроки никогда не учил: ему достаточно было послушать урок в школе. У него была хорошая память, дикция — громко, выразительно читал стихи в школе на утренниках и линейках и даже на митингах.

Чтобы купить тетради и карандаши, приходилось летом собирать ягоды и грибы, продавать их на железнодорожной станции проезжающим. Блюдце ягод стоило две копейки. Купить же тетради тоже не всегда было можно. Одно время, вспоминал Гавриил Григорьевич, писали на обрывках газет. Учебники выдавали в школе, но один учебник на пять человек. Учили уроки по очереди.

На большой перемене ученики выбегали на поляну перед школой, играли в лапту, зимой — в снежки. Однажды Гавриил снежком нечаянно разбил окно в школе. Его отца Григория Ивановича вызвали в школу. Стекло трудно было купить, да и денег не было. Дома, ничего не говоря, отец высек Гаврюшку чересседельником (часть лошадиной упряжи) и поставил в угол коленками на горох. Такое наказание за провинность было в порядке вещей. Могли поставить и на гречку, что еще больнее.

Вспоминая свое детство, Гавриил Григорьевич очень любил рассказывать про ночное. За день лошади очень уставали: на них пахали, возили грузы. Чтобы они отдохнули и поели, их пасли ночью. Этим занимались мальчишки 10–12 лет; угоняли лошадей в лес на всю ночь. Было это так. Вечером за деревней собирались подростки верхом на своих лошадях. Иногда гнали и лошадей соседей или родственников, если у них некому было ехать. Обычно скакали в Рассолово — хорошее место в лесу: поляна, небольшая речушка. Там стреноживали лошадей (спутывали передние ноги), чтобы они далеко не ушли, разводили два-три костра. Спать было нельзя — зорко следили за лошадьми. Бывали случаи, когда на жеребят нападал волк.

С собой брали хлеб, соль, картошку, сырые яйца. В костре пекли картошку, в конце в золу клали яйца, тоже пекли. Очень вкусные печеные яйца. В речушке на горящую бересту ловили раков и их тоже бросали в костер. У раков ели шейку, шептала (так называли кусочки мяса на клешнях). Ели, рассказывали сказки и разные истории. Мальчишек пугали крики филина. Утром лошадей гнали в деревню. Но бедные лошади за ночь не успевали как следует отдохнуть и наесться. Их опять запрягали — и в поле.

Деревенский быт был тяжелым. Вставали до свету. Мать шла доить корову, потом затапливала печь, ставила самовар, готовила завтрак. Ребята завтракали и шли в школу. После школы они должны были кто воды наносить, кто дров наколоть, кто навоз вычистить у скотины. Также мальчики заготавливали дрова, чинили лошадиную сбрую, зимой чинили телегу, подшивали валенки. Летом все работали в поле. Приходилось пасти коров и овец. В деревне было два стада. Стерегли по очереди, но приходилось стеречь часто.

Гавриил Григорьевич Лебедев получил хорошее для своего времени образование: закончил семилетку в Ясеновом, а потом — ремесленное училище в Туле (впоследствии оно было преобразовано в железнодорожный техникум) по специальности слесарь-паровозник. Знания давали основательные. Он хорошо разбирался в электричестве и слесарном деле. После окончания училища работал в колхозе в Ясеновом.

В 1939 году Гавриила Григорьевича призвали в армию. Тогда в армию забирали в 20 лет. Служить он попал в связь в Прибалтику, его сразу направили учиться в полковую школу. «Глаза и уши армии — связь». В то время «протягивали братскую руку» Прибалтике и Западной Белоруссии. Всю Литву, Латвию и Западную Белоруссию прополз Гавриил Григорьевич, протягивая связь между частями и штабами полка. В 1940 году он участвовал в октябрьском параде в Риге.

Очень недружелюбно встречали наши войска в Прибалтике: бросали букеты цветов из толпы, а в букете — граната. Чуть зазевавшегося солдата или офицера, если он шел один, хватали и бросали в ямы со свиньями. Свиньи, как известно, всеядны, они разрывали человека живьем на части. Так действовали «Айсерги» — бандформирования.

В армии Гавриилу Григорьевичу нравилось. В деревне-то ему приходилось с 13–14 лет вставать на работу вместе со взрослыми в 4 часа утра. Косить, пахать наравне со взрослыми мужиками, а питание было скудное. А в армии подъем был в 6 часов утра, три раза в день кормили, днем один час отдыхали, отбой в 22 часа.

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Хотя все чувствовали, что война будет, не ожидали, что вот так скоро. Связисты все узнавали первыми.

Гавриил Григорьевич очень хорошо ориентировался в лесу. За время войны он дважды выводил солдат из окружения. Был дважды ранен и дважды награжден орденом Красной Звезды (№ 17403535, № 29239662) [1]. Имел много медалей. Старший лейтенант. Служил в штабе связи полка. Северо-Западный фронт.

Однажды в окружении им пришлось долго голодать. В марте они наткнулись на замерзших лошадей, которые остались здесь после осеннего боя. Варили эту конину и ели. Когда вышли из окружения, у Гавриила Григорьевича проявился сильный авитаминоз, почти цинга. У него выпало много зубов, а какие остались, еле держались в деснах. Кроме того, открылась рана в боку — последствия ранения.

В госпитале ему назначили лечение — пить хвойный настой. Он очень горький, но богат витаминами. Десны ему каждый день смазывали синим веществом. После этой процедуры была неимоверная жгучая боль, но надо было закрепить оставшиеся зубы. Есть он ничего не мог, только пил жидкий суп и чай. Госпиталь находился в красивом месте в Калининской, ныне Тверской области, в городе Осташкове. Рядом озеро Селигер. На озере — остров. На острове — монастырь Нилова Пустынь. В то время в нем размещалось что-то вроде госпиталя.

Фронтовые тяготы были неимоверны: смерть, кровь, грязь, вши. Вошь — переносчица сыпного тифа. Солдаты болели сыпным тифом, да и брюшным тоже, если попьют воды из грязного водоема. Гавриил Григорьевич тоже болел сыпным тифом.

Командование, как могло, обеспечивало санитарию и гигиену. Были специальные пункты, куда с передовой попадали солдаты и офицеры. Здесь они мылись, брились, стриглись. Здесь же им обрабатывали одежду, прожаривали от вшей. Здесь же выдавали наркомовские 100 грамм и продуктовые пайки.

Однажды с Гавриилом Григорьевичем произошел такой случай. Он спал, пристроившись возле стены какого-то сарая. В это время вернулась группа бойцов с задания. Ему пришлось встать, чтобы дать отдохнуть другому бойцу. В этот момент налетели немецкие бомбардировщики, посыпались бомбы и одна попала как раз в то место, где лежал прежде Гавриил Григорьевич. Оказавшийся на его месте боец был убит.

Фронты часто переформировывались после больших сражений. Гавриила Григорьевича посылали в Москву в командировку за пополнением. Там на Курском вокзале он видел Де Голля, возглавлявшего Сопротивление во Франции. После этого прибыла эскадрилья французских летчиков «Нормандия — Неман», воевавшая на нашей стороне. Гавриилу Григорьевичу довелось видеть маршалов Жукова, Ворошилова, Конева, Рокоссовского и Черняховского, не раз слышал их переговоры по связи с другими командующими.

Во время войны бывали и светлые моменты. На фронт выезжали концертные бригады. В их составе — великие оперные певцы: М. Д. Михайлов, И. С. Козловский, С. Я. Лемешев, Б. Р. Гмыря, И. С. Паторжинский, а также эстрадные артисты: Л. А. Русланова, К. И. Шульженко, Л. О. Утесов. На их концертах бывал Гавриил Григорьевич.

И вот апрель 1945. Советские войска в Берлине. Ощущается скорое окончание войны, начало мирной счастливой жизни. Неожиданно часть, в которой служил Гавриил Григорьевич Лебедев, грузят в состав и отправляют на Дальний Восток, опять на войну. Вторая мировая еще не закончилась: не побеждена Япония. Ехали по Транссибирской магистрали очень долго, больше месяца в вагонах, чуть ли не «телятниках» («телятники» — вагоны для перевозки скота). Были остановки в специально оборудованных пунктах. Останавливались на день или на несколько дней: баня, дезинфекция, прожаривание белья от вшей,

офицерам выдавали специальные продуктовые пайки: консервы, галеты, 100 грамм водки. Гавриил Григорьевич собирал эту водку, получая сразу бутылку или две, и менял их в населенных пунктах на продукты.

Победа застала эшелон в Новосибирске. Поезд остановила толпа людей: смех, крик, слезы. Солдат вытаскивали из вагонов, обнимали, целовали, угощали солеными огурцами, картошкой, рыбой.

Всю нашу огромную страну с Запада до Дальнего Востока проехал Гавриил Григорьевич, удивляясь ее просторам, лесам, рекам. Очень восхитили его реки Сибири: Енисей, Амур. Особенно поразил Байкал — сибирское море. Вода, говорил, так чиста, что на глубине 10 м монетку видно. Вода пресная, очень вкусная. Пили прямо из Байкала. Окаймлен Байкал сопками и тайгой. Очень красивые места. Железная дорога проходит прямо по самому краю Байкала. Вода чуть не в колеса поезда плещется. Проезжали Красноярск на Енисее, станцию Зима, Слюдянка, Благовещенск, затем через Манчжурию, Северный Китай и Корею. Были бои с японцами. Многие бойцы, выжившие в борьбе с гитлеровцами, погибли здесь. Гавриил Григорьевич награжден медалью «За победу над Японией».

Через Манчжурию прибыли в Корею. Отца интересовало и удивляло все: какие в Китае и Корее растут злаки, что употребляют в пищу жители. Говорил, что едят чумизу — это как пшено, только жестче. Рассказывал, что жилища у них — фанзы, круглые. Внутри по кругу всего жилища располагается глиняная лежанка, а топка — с улицы. Внутри лежанки находится дымоход — движется горячий дым и согревает ее. На этой лежанке сидят и спят: она теплая.

Приятно удивила еда на улице. В частности, приготовление рыбы. Идешь по улице — здесь же стоят торговцы. Возле них горит огонь и рядом емкость с кипящим маслом. В большом чане с водой плавает живая рыба. Подходишь и сам выбираешь любую рыбу. Хозяин тут же на твоих глазах ее разделывает и бросает в кипящее масло. Обжаривает с двух сторон и ты ее тут же ешь. Бойцы отъедались рисом, рыбой, фруктами.

На улицах для них все было необычно: одежда местных, поведение, например, низкий поклон господину, рикши, которые тянут за оглобли или на велосипеде двухколесную коляску с пассажирами или грузами. Велорикш в то время было мало. Кули — грузчики, носильщики. Ослики, необычные фрукты — персики, абрикосы, виноград, огурцы величиной с полметра.

Гавриилу Григорьевичу довелось общаться с солдатами и офицерами других стран: с англичанами (очень удивило одноразовое нижнее белье у англичан), китайцами, корейцами, японцами.

Местное население хорошо относилось к советским солдатам, ведь Красная Армия помогла изгнать японских оккупантов. Но на освобожденной территории оставалось еще много японцев: торговцев, аптекарей, портных и др. Поговаривали, что они могут вредить. В яблоках и персиках якобы может быть яд, введенный иглой, а рис, возможно, заражен червями. Предупреждали об осторожности.

Небольшая группа офицеров, в числе которых был и Гавриил Григорьевич, как-то проходили мимо аптеки, которой владел японец. Хозяин вышел на улицу, низко кланяясь и прикладывая руку к груди: «Господина, сево нада?» Тут они увидели спирт и стали просить его у хозяина. Японец подал им бутылку. Когда он увидел, что они собираются его пить, в ужасе закричал им, путая слова: «Яд! Смерть! Нельзя пить!» Но офицеров это нисколько не остановило. И наши, и англичане спокойно пили спирт, запивая его водой. Для японцев это было жутко: ведь они пьют 15–18-градусную рисовую водку — саке.

Гавриил Григорьевич видел, как шли под конвоем пленные японцы. Была осень, и гадюки собирались в клубки на зимовку. Наши солдаты сгребали их и бросали в костер. Когда пленные японцы увидели это, они стали выхватывать жареных гадюк и есть. Наши солдаты плевались, а для японцев это была неплохая еда.

В Корее Гавриилу Григорьевичу очень понравился климат, природа: когда их из Кореи отправляли к нам на Дальний Восток, был уже декабрь, а тепло +22 °С, они были в гимнастерках. Когда их переправили в район Комсомольска-на-Амуре, здесь уже было –25 °С и сильный ветер, а из одежды — шинель. Часть двигалась через Уссурийск, Лесозаводск, Спасск-Дальний, Хабаровск, Советскую Гавань, Комсомольск-на-Амуре. Поразил Амур своим величием и полноводностью. Местные жители называют его Амур-батюшка. Довелось Гавриилу Григорьевичу видеть Тихий океан — великую стихию — и искупаться в Японском море.

Комсомольск-на-Амуре в то время выглядел неказистым поселком. В этом районе Дальнего Востока военные должны были налаживать телефонную связь. Для этого надо было в тайге делать просеки, вырубать деревья. Вглубь тайги продвигались с местными проводниками. Гнус. Мошка. Спасение — накомарник. Чтобы сходить в туалет, разводили костер. В тайге было много зверя: олени, куницы, белки, соболи, змеи, медведи, тигры.

Однажды с Гавриилом Григорьевичем был такой случай. Пробивались сквозь тайгу с проводником-нанайцем. Пришлось ночевать в тайге. Спали прямо на земле, на плащпалатке — благо хвойная «подушка». Утром Гавриил Григорьевич почувствовал что-то неудобное под спиной. Сдернув плащ-палатку, он увидел змею. Она пригрелась у его тела. Думали, ядовитая, но проводник сказал, что это полоз, он не ядовит.

Гавриил Григорьевич общался с местным населением: нанайцами, гольдами,— интересовался их бытом. Они вялили в больших количествах юколу. Кормили ею охотничьих и ездовых собак. Рассказывал, какие они отличные охотники. Легко стреляли в летящую птицу, а белку и соболя — в глаз, чтобы не испортить шкурку.

Здесь жили и русские, и украинцы, и евреи, и другие национальности. Гавриил Григорьевич говорил, что они жили, по нашим меркам, богато и сытно. Климат хороший, край изобиловал рыбой, икрой. Рассказывал, как красная рыба (семга, кета, горбуша и др.) шла на нерест сплошным полотном. Ее можно было ловить прямо руками. Ели много икры. Особенно хороша

была икра свежепосоленная. В тайге было много кедровых орехов, из них выжимали масло. Рос дикий виноград. Жители выращивали сою, огурцы огромной величины — с полруки. Это было в диковинку.

В начале 1947 года Гавриил Григорьевич демобилизовался и отправился домой. За все годы войны у него в банке накопились деньги (перечисляли на счет). Пока он добирался до дома, в стране произошла денежная реформа, его деньги обесценились. Приехав домой, на все оставшиеся деньги он смог купить чуть больше 10 кг муки.

В стране разруха, голод. В конце 1947 года Гавриил Григорьевич женился на Зинаиде Тимофеевне Потаповой, и они уехали в Тулу. Жить несладко. Снимали комнату. Зинаида устроилась на Патронный завод, а Гавриил Григорьевич — в мастерскую слесарем. Зарплата была мизерная, на рынке продукты не купишь. Они вернулись в деревню.

Гавриила Григорьевича сразу назначили председателем небольшого колхоза «Золотая нива» деревни Матюхино, где и стали жить. Хлеб сами пекли из сухих молотых картофельных очисток с добавлением измельченных сухих головок клевера, небольшого количества отрубей и муки. Весной и летом становилось легче, хоть была трава: щавель, крапива, лебеда.

Годы были неурожайные: дожди, хлеб вымокал, картошка гнила в земле. И вот, похлебав пустых крапивных щей, Гавриил Григорьевич шел косить или пахать. Хотя он был председателем, работал наравне со всеми.

Мелкие колхозы стали объединять, и Гавриил Григорьевич стал председателем большого колхоза с правлением в селе Ясеновом, куда и переехала семья и где 12 июля 1948 года родилась дочь Любовь Гавриловна Лебедева.

Страна в разрухе, надо восстанавливать заводы, фабрики, шахты, кормить города. С колхозников, как говорил Гавриил Григорьевич, «драли семь шкур». Денег им не платили, начисляли трудодни. Осенью после сдачи зерна и прочего государству продуктов оставалось немного, и из этого необходимо было еще сохранить на семена, на корм скоту. Оставшуюся часть урожая распределяли по трудодням колхозникам. Кроме того, с колхозников брали налоги за каждую курицу, яблоню, куст смородины.

Из района постоянно приезжали прикрепленные уполномоченные. Они указывали, где и что сеять, хотя сами мало понимали в сельском хозяйстве: не могли отличить сурепку от кормовых трав. Указывали, когда сеять, без учета погодных условий. Колхозники еще не отсеялись, а из района уже дают план, сколько сдать зерна и других продуктов.

Летом 1952 года вышел конфликт с уполномоченным, и жена Зинаида настояла, чтобы Гавриил Григорьевич уехал в шахтерский город Щекино Тульской области к ее двоюродному брату Алексею Федоровичу Потапову. Тот с семьей жил в домишке, построенном из шпал. Гавриил Григорьевич поехал, остановился у него, спал в сарае. Алексей Федорович работал на только что открывшейся 13-й шахте, туда же под землю устроился электрослесарем главного водоотлива шахты Гавриил Григорьевич.

Осенью ему в только что построенном доме на 20 квартир без удобств дали комнату площадью 18 кв. м, угловую, но теплую, с большими окнами и высокими потолками (3 м). В углу — плита, на улице — сараи и туалет. Рядом разрастался поселок шахтостроителей.

Шахты в районе Щекино относились к Подмосковному угольному бассейну. Добывали бурый уголь, который использовался тогда везде: для теплоэлектростанций, для топок паровозов, для отопления жилых домов. Шахта — производство повышенной опасности. Глубина залегания угольного пласта, глубина шахты от 60 до 100 метров. Высота угольного пласта метр — метр двадцать. Работать в лавах проходчикам, навальщикам приходилось в полусогнутом состоянии. Бывали случаи, когда деревянные крепления не выдерживали, шел, как говорили, плывун, большая масса песка,— шахтеров засыпало в лаве. Но горноспасатели откапывали. Смертельных случаев было немного, но были. Под землей было опасно еще и тем, что выходил иногда газ метан и мог произойти взрыв. Строжайше запрещалось курить, пользоваться спичками. Малейшая искра — и взрыв. Часто проводился инструктаж по технике безопасности. Шахта работала непрерывно, шахтеры — по сменам.

Гавриилу Григорьевичу приходилось обслуживать все подземные штреки, где были установлены насосы, которые откачивали воду из шахты. Штреки тянулись на километры. По колено в воде Гавриил Григорьевич выхаживал за смену по пять-восемь километров. До 13-й шахты от дома было чуть более семи километров. Все шахтеры добирались до работы пешком — автобусы не ходили.

Идя домой с работы, Гаврии Григорьевич всегда нес на плечах «шабашку» — отработанное бревно (их выкидывали на поверхность, когда меняли под землей деревянные крепления). Или несподмышкой большую уголину. Печку топили углем. Позже стали бесплатно выписывать на шахте уголь.

Шахтеры выходили на пенсию в 50 лет при наличии подземного стажа 15 лет. Гавриил Григорьевич вышел на пенсию в 1969 году.

Несмотря на то, что Гавриил Григорьевич прошел всю войну «от звонка до звонка», имел два ордена Красной Звезды и множество медалей, благоустроенную квартиру от государства он так и не получил. Он не хотел и не умел ходить по инстанциям, добиваться квартиры. Выйдя на пенсию, решил приобрести кооперативную квартиру. В 1974 году семья наконец переехала в новую квартиру. Сразу всю сумму за нее Гавриил Григорьевич выплатить не мог, поэтому с бригадой строителей ездил по колхозам: строили коровники, свинарники. Таким образом набрал денег и рассчитался.

Умер Гавриил Григорьевич в 2003 году в возрасте 84 лет. Он был по-настоящему сильным независимым человеком, умевшим брать на себя ответственность, любящим свою семью и родных, неизменно заботившимся о них.

Литература

1. http://podvignaroda.ru/

Глава 5. ГЕРОИ И ПОДВИЖНИКИ

...И НА ГРУДИ ЕГО СВЕТИЛАСЬ МЕДАЛЬ ЗА ГОРОД БУДАПЕШТ

Гетманцев Леонид Вячеславович, *54 года, майор запаса, ветеран Вооруженных Сил и боевых действий, инженер-электроник, внештатный консультант и член общественного советаМБУК «Районный историко-краеведческий музей» (Ахтубинск Астраханской области), коллекционер-исследователь, краевед, г. Знаменск Астраханской области*

Подопригора Е.Г., Будапешт, 30.01.1945

Великая гордость за Победу в прошлой войне постепенно стирается из памяти народа вместе с уходящими ветеранами, унося с собой забытые имена на потемневших обелисках. Но я помню! Мы помним и учим помнить своих детей и внуков на примере подвига миллионов, подаривших нам синее небо.

В годы войны вчерашние мальчишки рано становятся мужчинами. Родной брат моей мамы — дядя Женя, Евгений Гаврилович Подопригора, — ушел на фронт в самом начале 1943 года. Только-только отгремели последние залпы Сталинградской битвы, и всех парней-десятиклассников средней школы села Болхуны Астраханской области призвали в ряды Красной Армии. На тот момент им не исполнилось еще и восемнадцати лет. Мама вспоминала, что в день проводов призывников было очень холодно и дул пронизывающий степной ветер, но военкоматовскую полуторку с новобранцами далеко за село бегом сопровождали целыми семьями.

О войне дядя рассказывать не любил. На все мои детские расспросы отвечал коротко: «Воевал как все». Больше в разговоре вспоминал, однополчан. Его фронтовой путь я уже в зрелом возрасте проследил и составил по крупицам архивных данных.

Служить красноармейца Подопригору направили в артиллерию — в формирующуюся на Южном Урале в районе Златоуста и Чебаркуля 16-ю артиллерийскую дивизию прорыва Резерва Верховного Главнокомандования. На краткосрочных подготовительных курсах он освоил

специальность шофера и всю войну управлял «Студебеккером» — тягачом 122-мм гаубицы. Азы мастерства номера орудийного расчета молодому солдату пришлось постигать в первых боях на Северо-Западном фронте. Летом 1943 года дивизия была переброшена на Курскую дугу, вошла в состав войск Степного фронта и своим мощным артиллерийским огнем обеспечила наступление наших стрелковых частей на Белгород. В ходе дальнейшего наступления были освобождены города Харьков и Полтава.

В начале января 1944 года части артиллерийской дивизии участвовали в разгроме группировки немецких войск в районе Кировограда. В Приказе Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза И. Сталина от 8 января 1944 года № 57 указывалось:

«Войска 2-го Украинского фронта, прорвав сильную оборону немцев, сегодня, 8 января, в результате умелого обходного маневра овладели областным и крупным промышленным центром Украины городом Кировоград — важнейшим опорным пунктом обороны противника...

В боях за овладение городом Кировоград отличились ... артиллеристы генерал-лейтенанта артиллерии Фомина (командующий артиллерией фронта — прим. автора). Особенно отличились: ...16-я артиллерийская дивизия генерал-майора артиллерии Гусарова...

В ознаменование одержанной победы соединениям и частям, отличившимся в боях за освобождение города Кировоград, присвоить наименование «Кировоградских».

Впредь эти соединения и части именовать: ...16-я артиллерийская Кировоградская дивизия...

Сегодня, 8 января, в 21 час, столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует нашим доблестным войскам, освободившим город Кировоград, двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий. За отличные боевые действия объявляю благодарность всем руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях за освобождение города Кировоград» [1, с. 99–102].

Спустя три недели разгорелась кровопролитная Корсунь-Шевченковская битва — операция по окружению и уничтожению отчаянно сопротивляющейся группировки гитлеровцев на Правобережной Украине. В этом сражении 16-я артиллерийская дивизия поддерживала своим огнем действия войск 53-й армии на внешнем кольце окружения. 4–5 февраля немцы безуспешно повторяли попытки прорвать фронт в полосе 53-й армии в направлении на Шполу. О том, насколько тяжелыми выдались те бои, можно судить по доступным в архивах донесениям о безвозвратных потерях наших войск. Согласно донесениям, 700-й артиллерийский полк, в котором воевал Евгений Подопригора, за месяц боев потерял примерно столько же человек, сколько и за весь предыдущий период боевых действий от Курской битвы. В этих тяжелых боях дядя Женя уцелел и даже, отмечу, забегая вперед, за всю войну не получил ни одной царапины. Помню, как бабушка говорила: «Господь уберег. Я молилась за сына и денно и нощно».

Далее войска фронта участвовали в освобождении западной части Украины, Молдавии, разгроме Румынии. Осенью 1944 года Красная Армия вступила на территорию Венгрии — последнего союзника Гитлера в Европе. Будапештская стратегическая операция продолжалась более трех месяцев, а бои за сам город велись с ожесточением. «Сталинград-на-Дунае» — так называла фашистская пропаганда столицу Венгрии, еще надеясь изменить ход войны.

В уличных боях за Будапешт в использовании артиллерии были некоторые особенности. Главная из них — это ведение огня прямой наводкой, начиная от 45-мм и до 203-мм орудий включительно, для поддержки действий штурмовых групп пехоты. Гаубичный расчет 6-й батареи 700-го артиллерийского полка, в который входил Евгений Подопригора, также был включен в состав одной из таких групп для непосредственного разрушения домов, блиндажей, подвалов, баррикад. Орудие действовало в боевых порядках пехоты и вело огонь прямой наводкой бронебойными и бетонобойными гранатами по укреплениям врага, а ночью методически проводило беспокоящий огонь в глубину вражеской обороны.

Но в непрерывных уличных боях случались и редкие минуты отдыха. В передышках солдаты получали возможность привести себя в порядок, написать письмо родным, сфотографироваться. В семейном архиве сохранилась дядина фотография, датированная 30 января 1945 года,— серьезное лицо с задумчивым взглядом уже многое повидавшего 19-летнего воина, по-молодецки набекрень надетая шапка и «для форсу» часы на каждой руке и в нагрудном кармане... Через тридцать лет те самые трофейные карманные часы перешли ко мне как память о дяде после его кончины.

Потери в боях за Будапешт с обеих сторон были огромные. 700-й артполк также недосчитался многих в своих рядах: командиров огневых взводов, связистов, артиллерийских разведчиков и номеров расчетов. Убитых наших бойцов, случалось, хоронили прямо в жилых кварталах, а командиры отмечали место их погребения на топографических картах. Помню из детства, как дядя всегда с теплом и горечью от утраты вспоминал наводчика своего орудия — балагура и весельчака сержанта Бориса, похороненного в саду господского дома...

За взятие столицы Венгрии 52-я гаубичная артиллерийская бригада (700-й и 741-й полки) 19-й артиллерийской дивизии Приказом Верховного Главнокомандующего от 13 февраля 1945 года № 277 удостоена почетного наименования «Будапештская». Также в этом приказе говорится:

«Войска 2-го Украинского фронта при содействии войск 3-го Украинского фронта после полуторамесячной осады и упорных боев в трудных условиях большого города сегодня, 13 февраля, завершили разгром окруженной группировки противника в Будапеште и тем самым полностью овладели столицей Венгрии городом Будапешт — стратегически важным узлом обороны немцев на путях к Вене.

В боях за овладение городом Будапешт отличились... артиллеристы... генерал-лейтенанта артиллерии Вознюка, ... полковника Строка (командир 19-й ад — прим. автора)...

За отличные боевые действия объявляю благодарность руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях за овладение Будапештом...» [1, с. 365–368].

Да-да, в одном приказе Верховного главнокомандующего отмечены благодарностью будущий основатель города и полигона «Капустин Яр» («колыбели» ракетно-космической техники, где я служил, живу и продолжаю работать), Герой Социалистического Труда, легендарный генерал В.И. Вознюк и мой дядя, своим ратным трудом заслужившие медаль «За взятие Будапешта».

А после Будапешта 19-я артдивизия поддерживала своим огнем освобождение чехословацкой Братиславы и взятие Вены. В один из дней весны 1945-го миллионы наших граждан как обычно вслушивались в сводку Совинформбюро. Из репродукторов на всю страну разносился голос Левитана:

«Войска 2-го Украинского фронта, продолжая наступление, 13 апреля овладели на территории Чехословакии...

Северо-восточнее и севернее Вены с боями заняли на территории Австрии населенные пункты ... Нидер-Зульц...

Войска 3-го Украинского фронта, при содействии войск 2-го Украинского, после упорных уличных боев, 13 апреля овладели столицей Австрии городом Вена — стратегически важным узлом обороны немцев, прикрывающим пути к южным районам Германии» [2].

Среди двух десятков перечисленных в сводке названий населенных пунктов, пожалуй, только Вена у всех была на слуху, а остальные не сразу-то отыщешь и на карте. В том числе и упомянутый какой-то там Нидер-Зульц. Но именно в этом местечке, как указано в приказе по полку, «смелость и отвагу проявил тов. Подопригора, участвуя в отражении контратаки в районе Нидер-Зульц, огнем своего карабина уничтожил трех гитлеровцев» [3]. За этот подвиг он был удостоен медали «За отвагу».

Отгремели майские победные залпы. 700-й гаубичный артиллерийский полк 52-й гаубичной артиллерийской Будапештской ордена Богдана Хмельницкого 16-й артиллерийской Кировоградской Краснознаменной ордена Суворова дивизии прорыва РГК встретил победу в Австрии. В те весенние дни боевые друзья расчета 6-й батареи сфотографировались на память. На фото видны счастливые улыбающиеся лица молодых и полных жизненных сил парней, победивших в страшной войне. Они не знали еще, что впереди их ждет тяжелейший переход через безводные степи Внутренней Монголии и Хинган, схватка с японскими самураями, чтобы поставить последнюю точку во Второй Мировой войне...

Дядя Женя, пройдя две войны, вернулся в родные Болхуны в 1946 году. В голодный послевоенный год среди подарков родным привез невиданную в селе колбасу. Моя мама, самая младшая в семье, ела эту колбасу прямо со шкуркой, боясь, что очищенной ее станет меньше.

Несколько первых лет после войны Евгений Подопригора «крутил баранку» колхозной полуторки, а затем долгое время работал шофером на стройках народного хозяйства под Астраханью. В начале 1970-х вер-

нулся в отчий дом, работал в передвижной механизированной колонне (ПМК). Ушел из жизни на пятьдесят первом году, не выдержало сердце.

...Очередной весной вновь запахнет сирень, и вновь украсят улицы красные стяги Победы сорок пятого. Пройдет по улицам и площадям Бессмертный полк. Будет радость, песни и танцы. Только ветераны уже не пляшут, им за девяносто — тем немногим, дожившим до сегодняшнего дня. И ценнее становятся воспоминания ветеранов и очевидцев о том лихом времени. Все ли мы сделали для того, чтобы их воспоминания не ушли бесследно?

Для солдатского подвига нет времени. Наш долг — хранить его в веках.

Памяти дяди Жени

Лежишь на сельском ты погосте
Среди покоя, тишины.
Я приезжаю часто в гости
К тебе — солдату той войны.
Прошел ее,затем другую,
Не выбирал себе судьбы.
Ах, если б жизнь прожить иную,
Когда бы не было войны...
Ты не погиб под Сталинградом,
Корсунь-Шевченковским,Плоешти,
Снаряды рвались, пули градом –
В аду кромешном в Будапеште.
Ведь мать молилась: «Бога ради!
Вернись, сынок, домой живым
И будь душе моей отрадой,
Отцу и сестрам — всем родным!»
На фронт ушел совсем мальчишкой,
Терял друзей, о них страдал,
Хлебнул солдатской доли с лишком
И сердцем кровь и боль впитал.
Оно не выдержало — после,
Когда закончилась война.
Лежишь ты с миром на погосте
В цвету сирени. Тишина...

Литература

1. Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза: Сборник.— М.: Воениздат, 1975. — 598 с.
2. Сводки Советского Информбюро. URL: http://great-victory.ru/?m=148 (дата обращения: 14.12.2014).
3. Приказ подразделения // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 717037. Д. 1562. Л. 204.

СТАРЕЙШИЙ ДИАКОН МОСКВЫ. ОТЕЦ АЛЕКСИЙ — АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ СКОРОСПЕЛОВ

Ермишина Анна Викторовна, *38 лет, историк, кандидат исторических наук, г. Москва*

Диакон Алексий Скороспелов

Отец Алексий — диакон с интересной судьбой, в которой отразились события и судьбы страны и Русской Православной Церкви XX века. Его голос (баритональный бас) звучал в стенах многих московских храмов — сначала как чтеца и певчего, потом как диакона. Пел он в храме Преображения Господня на Преображенской площади, в Богоявленском кафедральном соборе в Елохове, в храме Илии Пророка в Обыденском переулке, в храме Рождества Иоанна Предтечи на Пресне. Пятнадцать последних лет диакон Алексий служит в храме Живоначальной Троицы в Листах на Сретенке. Служит практически каждый день — без перерывов. Кто-то справедливо заметил: отец Алексий, его служение и голос — уникальное явление церковной жизни Москвы.

Старейший диакон Москвы родился 5 июня 1929 года в самом центре столицы — под крылом собора Василия Блаженного у Москворецкого моста. Так близко к Кремлю уже никому не суждено появиться на свет — район был снесен в 1936 году в связи со строительством нового Москворецкого моста. Семья Алексея переезжает в Черкизово, в собственный дом (вернее, принадлежавшую половину дома). Алексей рано стал помогать по хозяйству. Дом деревянный — надо было печь протопить, дровами запастись, воду принести в огромный чан. Сложно, но привычно. Особенно тяжело было в войну — семья не уехала из обезлюдевшего города. Отец работал в военкомате, формировал войска защитников Отечества. Старший брат Валентин ушел на фронт — и пропал без вести под Севастополем. В последнем письме написал: «Если я погибну — гордитесь. Я защищал свою Родину».

Семья была верующей, почитала отца Валентина Амфитеатрова — знаменитого московского пастыря. Бабушка рассказывала, как еще до революции ходила в кремлевский Архангельский собор, где о. Валентин был настоятелем и всегда к ней, простой девочке, обращался с ласковым словом, называя Сашенькой. Не случайно о. Иоанн Кронштадский говорил москвичам, приезжавшим за советом: «Зачем вам ездить ко мне, если у вас есть о. Валентин?»

Дедушка особенно любил храм Преображения на Преображенке. Туда ходил и Алексей — молился, читал «Апостол» — и красивый голос чтеца привлек внимание известного митрополита Николая (Ярушевича), кафедра которого находилась в этом храме. Он приблизил к себе молодого человека и поддержал его желание получить духовное образование. До сих пор отец Алексий вспоминает с почтением проповеди «Златоуста нашего времени» — такими яркими и исполненными силы они были, так зажигали сердца и укрепляли в вере прихожан. Вся Москва — и не только Москва — стекалась послушать слово пастыря. В храме образовалась очень крепкая духовно община. Власти не раз пытались закрыть храм. Несколько тысяч подписей было собрано в защиту, однако ночью 18 июля 1964 года храм был разрушен. Для Алексея, как и для всех прихожан, известие стало настоящей трагедией. Он и не предполагал, что доживет до радостного события возрождения храма Преображения в его былом великолепии (восстановленный храм был освящен в 2015 году).

Но пока на дворе трудные послевоенные 1940-е. В 1947 году 18-летний юноша поступает в Московскую Духовную семинарию. Его выпуск (1947–1951 годы) стал пятым во вновь открытой семинарии. Поначалу занятия проходили в Новодевичьем монастыре. Потом и Семинария, и Академия были переведены в Троице-Сергиеву Лавру — на свое историческое место. Предстояло заново обживать монастырь, в котором велись активные реставрационные работы. Совместной молитвой, трудами и учебой наполнялись дни. О семинаристах заботились, обеспечивали питанием, жильем. Но Алексей по договоренности приезжал из Москвы. В шесть часов каждый день приходилось вставать, чтобы поспеть на электричку к утренним занятиям в Лавре. А вечером — спешил домой или на службу...

Курс был большим. Поступали со всей страны. Большинство — молодые. Женатых — таких, как отец Матфей Стаднюк, приехавший с Украины уже женатым священником, — было мало (впоследствии о. Матфей стал настоятелем кафедрального Богоявленского собора в Москве, а в настоящее время является его почетным настоятелем).

Многие семинаристы были озабочены поиском невесты. Актуальность вопроса была нешуточной. Чтобы принять сан, надо было определиться — или найти жену, или стать монахом. В семинарии даже специальные занятия посвящались тому, как правильно жениться — так и назывались лекции «О матушках». Помогали обстоятельства. Первое время среди учреждений, размещавшихся на территории Лавры, был и Педагогический институт. Там обучались в основном девушки — это облегчало знакомства и браки будущих священников и матушек-педагогов. Когда власти поняли идеологический просчет подобного соседства, институт был переведен.

Отношение преподавателей к семинаристам, при всей строгости, отличалось вниманием. Многие принадлежали еще к старой, дореволюционной

Крестный ход на День Святой Троицы. Храм Св. Троицы в Листах. Москва, 31.05.2015 г.

культуре и традициям. Отец Дмитрий Боголюбов — старенький, прошедший лагеря батюшка, профессор о. Александр Ветелев, преподававший патрологию и гомилетику (пастырское красноречие). Строгостью отличался преподаватель катехизиса о. Сергий Савинский, ректор и инспектор Московской Духовной академии и семинарии. Феноменально обширных познаний был профессор Николай Петрович Доктусов, которого семинаристы называли «ходячей энциклопедией». Эрудицией и знанием языков блистал Иван Николаевич Хибарин. Он преподавал английский язык. «Но мы не особо стремились овладеть этим языком,— вспоминает отец Алексий.— Знали, что преподаватель человек увлекающийся. Стоило ему подкинуть тему, и он мог часами о ней рассуждать. Мы так и делали. А в конце семестра он хватался за голову. И всем ставил четверки. Спрашивая: «Вам же хватит?» — А мы и рады. Хотя в английском мало что смыслили. Зато как интересны были его рассказы! О разных странах, народах и их обычаях, святителях и подвижниках. Жаль, что уже мало что помнится».

Священное Писание и Новый Завет преподавал о. Александр Смирнов — настоятель Николо-Кузнецкого храма. Он, несмотря на арест, сумел спасти храм от разрушения в 1930-е годы.

В августе 1949 года о. Александр был назначен ректором Московской Духовной академии и семинарии. При вступлении в должность сказал: «Я пришел сюда как послушник, не для господства над «наследием Божиим», а с твердым намерением быть, по завету Господа, всем слугою». Однако служение длилось недолго. В 1950 году о. Александр умер. На отпевании в храме свт. Николая в Кузнецах, которое о. Алексий запомнил на всю жизнь, присутствовали в полном составе студенты Академии и Семинарии.

Вместе с о. Алексием учились очень интересные люди, многие будущие прославленные пастыри. Особо дружен был с Леней (Алексеем, в священстве — о. Алексием) Остаповым, крестником Святейшего Патриарха Алексия I, человеком одаренным, с чувством юмора, о чем ярко вспоминает митрополит Питирим в своей книге «Русь уходящая»: «Я к тому времени был уже старшим иподьяконом, и Патриарх поручил мне опекать его. Чем я мог ему помочь? Учить его Евангелию не было смысла — его крестным отцом был сам Патриарх. Я взял на себя труд

приобщить его к нашей советской действительности, и для начала дал ему прочитать «Двенадцать стульев» и «Золотого теленка». Эффект был сногсшибательный. Мы подружились, а с увлекшей нас идеи «поиска стульев» начался наш Церковно-археологический кабинет. Была у нас тетрадь, в которой мы оставляли друг другу послания, поскольку времени для личного общения днем нам обычно не хватало. Так вот, если в этой тетради появлялась запись: «А я нашел еще один стул!» — это означало какую-то новую выдумку» [1, с. 153–154]. Так в творческой игре началась работа над созданием великолепного музейного собрания, которое стало для о. Алексия Остапова делом всей его жизни, трудов и вдохновений, реализацией потребности служения церковному искусству.

Музыкальные занятия для семинаристов вела прекрасная женщина и замечательный педагог Мария Николаевна Ильченко. Небольшого роста, хрупкая, но стойкая — дочь офицера царской армии и вдова первой скрипки Большого театра. Был организован оркестр, в котором будущий митрополит Питирим играл на виолончели. А будущий диакон Алексий пел самые разнообразные басовые партии — и духовного, и оперного репертуара. Особенно полюбил он исполнять на концертах в Чертогах «Варяжского гостя» из оперы «Садко» Н. И. Римского-Корсакова.

«Позднее,— вспоминает о. Алексий,— уже в конце 1950-х годов мы встретились случайно в храме в Сокольниках. Я его узнал сразу — красивый, со своими знаменитыми импозантными усами. И он меня узнал. Разговорились, долго беседовали, гуляя по парку. Спрашивал о моем голосе».

Голос о. Алексия хвалили с детства. Помнит, как еще мальчонкой по просьбе старших вытягивал: «Господи, помилуй!» В семинарии многие рекомендовали продолжать заниматься. Известный протопресвитер Николай Колчицкий, управляющий делами Московской Патриархии, даже советовал поехать служить в Грузию: «Там ты будешь нарасхват с таким голосом».

«Не поехал. Была мечта — петь в Большом театре. Решил зачислиться в стажеры театра. Успешно прошел прослушивание. Заполнил анкеты. И вдруг телефонный звонок. — «Вы что, учились в семинарии?» — «Да», — отвечаю.— «Спасибо, все понятно». Так и закончилась моя театральная карьера оперного певца».

И хотя одно время все-таки пел на театральной сцене и лет 10 проработал «иллюстратором» в консерватории (благодаря чему выучил все известные басовые партии), большую часть жизни посвятил служению в храме. «Со школой церковного пения мало что может сравниться. Она самая лучшая для начинающего певца. Фактически ставит голос и очень помогает формироваться». Пел со многими прославленными регентами. В хорах Матвеева, Кондратьева... Дольше всего — в Преображенском храме у Петра Михайловича Копченкова (композитора и собирателя нотных рукописей, которые сейчас хранятся в фонде Российской Государственной Библиотеки). У Валерия Григорьевича Каткова — в храме Ильи Пророка

«Обыденного» (где служил и о. Александр Егоров, семинарский товарищ, на протяжении почти 50-ти лет хранивший предания и традиции прихода). В хоре Каткова пели знаменитые басы — А.Н. Попов и Б.П. Шифрин, племянник артистки Большого театра Н.А. Обуховой — увлекательный рассказчик, знаток церковной жизни Москвы со времен Патриарха Тихона.

Незабываемый опыт Алексей Николаевич приобрел в Богоявленском кафедральном соборе, у регента и композитора Виктора Степановича Комарова. Там службы часто возглавлял Святейший Патриарх Алексий I. «Он меня еще с семинарии запомнил и узнавал, когда я подходил под благословение. Должно быть, крестник его, Леня Остапов, про меня рассказывал».

Диаконское служение, по словам о. Алексия, — особое счастье и особый труд. «Не случайно говорится: «Где голосок, там и бесок». Всякое бывает. Но Господь зачем-то дал долголетие, дает силы, сохраняет голос. Надо послужить». И в свои почти 90 лет о. Алексий служит, сохраняя традиции вокального мастерства своих учителей. С особым восхищением вспоминает знаменитого московского архидиакона Сергея Павловича Турикова. «Я по сравнению с ним лишь осколок былого величия. Никто уже не сможет так, как он, тонко исполнить — начав с пьяниссимо, закончить раскатистым три-форте, без труда перекрывающим самый мощный хор. Сколько на Руси было архидиаконов, голоса которых вошли в историю! О. Константин Розов, о. Стефан Гавшев, о. Андрей Мазур... И сейчас появляются интересные, сильные голоса».

Часто о. Алексий обращается памятью к семинарским годам, вспоминает своего друга Леню (о. Алексия) Остапова, который так мало прожил — всего 45 лет, но отличался глубоким знанием церковных традиций, высоким пониманием задач и ответственности служения священника, которые изложил в «Пастырской эстетике»: «Жизнь христианская — это красота духовная, нравственная, творческая; она определяется внутренним богатством человека и умением общаться с людьми. Цель жизни — спасение, вечность. Руководителем на пути к этой цели выступают Церковь и пастырство в ней...» [2]

* * *

P.S. Диакон Алексий тяжело болел в последние годы. Но продолжал служить каждый день в храме, вызывая удивление докторов. Силы оставили отца Алексия только перед самой смертью. Старейший диакон Москвы отошел ко Господу 13 марта 2017 года. Вечная память!

Литература

1. Русь уходящая. Рассказы митрополита Питирима/ Сост. Александрова Т.Л., Суздальцева Т.В.— СПб., 2007.

2. Протоиерей Алексей Остапов. Пастырская эстетика. URL: https://azbyka.ru/otechnik/bogoslovie/pastyrskaja-estetika/ (дата обращения: 26.02.2017).

ПОЛНЫЙ КАВАЛЕР ОРДЕНА СЛАВЫ ИЗ СЕМЬИ КАСИНЦЕВЫХ

Кочетова Марина Евгеньевна, *52 года,*
филолог, товаровед «SEARS Canada Inc.»,
г. Оттава (Канада)

В предыдущем издании книги воспоминаний и размышлений поколений «Мы помним...» был опубликован мой очерк «Легенда по имени Любовь», в котором изложены известные мне подробности военного детства в блокадном Ленинграде моей мамы — прославленной велосипедистки Любови Кузьминичны Кочетовой. О том, как складывалась судьба будущей чемпионки и рекордсменки мира в первые послевоенные годы, неоднократно рассказывалось в различных печатных изданиях и даваемых ею интервью. Поэтому я решила в этом повествовании уделить внимание семье, в которой она росла. Судьба каждой пережившей войну советской семьи в первые послевоенные годы — это «хождение по мукам» и живой пример мужества и стойкости русского характера, замешенного на воле к преодолению бесконечных жизненных испытаний. И мамина семья — не исключение.

Раздумывая над тем, с какой стороны подступиться к рассказу о моих родных, я вдруг получила письмо из Орла от двоюродной сестры Татьяны, дочери маминой младшей сестры Ларисы. Таня с гордостью рассказала мне о своем участии в «Бессмертном полке» 9 мая в Орле, а также участии ее родного брата Миши и его сына Влада в аналогичной акции в Москве. При этом она сообщила, что, разбирая документы своей мамы Ларисы Кузьминичны, наткнулась на интересные записи... Такая синхронность не случайна! Мои колебания и сомнения моментально развеялись. Дневники очевидца событий тех лет — это прямое попадание в цель данного издания.

Предлагаем вниманию читателей материалы из дневника Л. К. Потуй (урожденной Касинцевой) с последующими моими комментариями.

* * *

«Я, Потуй Лариса Кузьминична, родилась в 1934 году в г. Ленинграде в семье Касинцевых. Наша семья в составе папы Кузьмы Яковлевича, мамы Ксении Георгиевны и детей: Аркадия 1923 г.р., Валентина 1926 г.р., Любови 1929 г.р., меня и Юрия 1938 г.р.— жила в центре Ленинграда, на улице Пушкинской, в доме № 20, в семейном общежитии студентов торгового института (в котором учился папа), бывшей гостинице «Пале Рояль». В этой гостинице останавливался в свое время

Касинцев К.Я.

Федор Иванович Шаляпин, о чем он пишет в своей книге «Маска и душа».

Каждый дом нашей короткой улицы в 20 домов являет собой памятник архитектурного искусства, от которого нельзя отвести глаз. В середине улицы маленький скверик, в центре которого памятник А. С. Пушкину. В нашем доме широкие пологие лестницы с мраморными ступенями и чугунными витыми ограждениями. В бывших номерах гостиницы теперь живут семьи. В каждом номере маленькая прихожая и комната с нишей. На наших 22 кв. м жила наша семья из 7 человек, а до войны и после нее еще и мамина мама — наша бабушка. В нашем коридоре было 14 таких номеров, т.е. проживало 14 семей. И была на всех одна кухня до войны, а после войны — две. Несмотря на стесненность, жили дружно.

Когда началась война, сразу же ушли на фронт папа и старший брат. Брат ушел добровольцем, все 4 года войны он был разведчиком. 15-летний Валентин перед самой войной поехал с другом в деревню к его родственникам и не успел вернуться домой — оказался в оккупации.

В самом начале войны была организована эвакуация семей комсостава. Но в нашей семье болел в то время младший 3-летний Юрочка. Так мы остались дома, а почти все соседи эвакуировались.

Продовольственных запасов в семье никаких не было (как и у большинства оставшихся семей). Оставалось немного гороха, лавровый лист и черный перец горошком. Горох размачивали и ели, он скоро кончился. Мама в воду бросала лавровый лист, перец и соль, это называлось супом. В комнате стояла печка «буржуйка», в которой сжигали что было: книги, стулья. А потом и сжигать стало нечего. Поначалу по сигналу «воздушной тревоги» мы спускались на первый этаж в помещение, которое называлось бомбоубежищем. Окна были там заложены мешками с песком, стояли скамейки. Потом, когда чувство голода стало преобладать над чувством страха, во время воздушной тревоги оставались дома, забивались в дальний угол, иногда даже под кровать. Мама старалась нас отвлечь чтением вслух. Когда бомбы падали совсем близко от нашего дома, наш старинный дом с толстыми каменными стенами начинало раскачивать. Но он устоял!

Чтобы уберечь детей от голодной смерти, мама носила на «толкучку» вещи и обменивала их на продукты, чаще всего на жмых, который в Ленинграде тогда называли «дурандой». Иногда удавалось обменять какую-то крупную вещь на килограмм крупы. Так, пальто мама обменяла на 1 кг пшена, а патефон и все пластинки, которые у нас были, — на 1 кг манной крупы. Некоторые варили «холодец» из столярного клея. Мама

не рискнула, но однажды долго-долго варила кожаный ремень, но есть его было невозможно.

Зима 1941–1942 гг. была страшна голодом и небывалыми морозами. У Юрочки началось воспаление легких, нечем было лечить его, нечем было даже поддержать в смысле питания. Он таял на глазах, как свечка, и умер на руках у мамы, прося корочку хлеба. Уж не знаю где, мама достала маленький гробик, поставили его мы на Юрочкину детскую колясочку и повезли на Охтинское кладбище. А над кладбищем летали немецкие самолеты и разбрасывали листовки такого содержания: «Доедите бобы, готовьте гробы».

Смерть Юрочки мама переживала очень тяжело. К тому же, и ее, и нас с сестрой одолевала цинга. У мамы выпадали один за другим зубы, потом отнялись ноги у мамы и у меня. 12-летняя сестра получала хлеб по карточкам, а иногда меняла на «толкучке» что-то на жмых. Позже у нас с сестрой от цинги руки и ноги покрылись коростой. Маме стали настоятельно советовать эвакуироваться, чтобы не потерять еще и нас.

Поздней осенью 1942 года мы выехали из Ленинграда на поезде до Ладожского озера, а потом ночью переправляли нас по «Дороге жизни» на катерах. Над озером летали немецкие самолеты и сбрасывали бомбы, так были потоплены катера, идущие перед нами и за нами. На нашем катере была женщина, которая все время молилась и призывала молиться других. Мы переправились, были спасены. А дальше добирались на поезде в Свердловскую область, на станцию Куеда, куда уже был эвакуирован мамин брат из Минска.

В Куеде мама пошла работать, а мы учиться в школу. Мама вела большую общественную работу, была председателем женсовета. А мы с сестрой активно включились в работу тимуровцев. Мама продолжала обменивать вещи на продукты, однажды выменяла мед, благодаря которому мы с сестрой избавились от коросты на руках и ногах.

Об окончании войны узнали в Куеде ранним утром 9 мая 1945 года, и началось ликование! Радости не было границ! Эвакуированные засобирались домой. Ехали домой в «теплушках», располагались семьями на нарах.

Послевоенные годы были также трудные, но это были уже мирные годы.

Как сложилась судьба членов моей семьи? 3 февраля 1945 года погиб наш отец Касинцев Кузьма Яковлевич в возрасте 42 лет. Старший брат Аркадий прошел всю войну, был участником парада Победы на Красной площади в июне 1945 года, награжден 13 орденами и медалями, в том числе являлся полным кавалером Ордена Славы. После войны его без экзаменов приняли в институт иностранных языков имени М. Тореза, который он и закончил.

После освобождения от оккупантов деревни, в которой находился Валентин, наши солдаты взяли его «сыном полка», но вскоре по доносу

он был осужден по политической статье на 10 лет лагерей, впоследствии был реабилитирован.

Сестра Любовь Кочетова посвятила свою жизнь спорту. Закончила Ленинградский институт физкультуры имени Лесгафта, стала первой чемпионкой мира по велоспорту на треке, Заслуженным мастером спорта, Заслуженным тренером СССР, Почетным гражданином города Тулы. В течение 15 лет возглавляла региональное отделение Общества блокадников Тульской области.

Я, закончив в 1955 году Ленинградский государственный институт имени Герцена, по зову сердца уехала на целину, работала в сельских школах Алтайского края, потом в школах Казахстана. Награждена медалями «За освоение целинных и залежных земель», «Отличник просвещения Казахской ССР», «Ветеран труда».

Моя героическая мама так много пережила, но оставалась всегда жизнелюбивой, активной, оптимистичной. Я имею все основания гордиться своей семьей».

* * *

Тетя Лариса ушла из жизни тихо в марте 2012 года, умерла во сне от сердечного приступа, три дня не дожив до своего 78-летия. Она была глубоко порядочным человеком. Про таких обычно говорят: «Не обидит и букашку». Получив высшее педагогическое образование, она много лет преподавала математику в Актюбинске, Уральске, работала инспектором гороно, директором школы. В пенсионном возрасте продолжала преподавать и была завучем в средней школе. Воспитала двух замечательных детей Татьяну и Михаила, которые достойно продолжают эстафету поколений, бережно храня в своих сердцах, а не только в памяти, семейные ценности.

Лариса Кузьминична всегда была наполнена состраданием, готовностью всем помогать. Грамотный, ответственный, добросовестный человек, специалист своего дела. На таких держалась вся советская педагогика. Последние годы жизни прожила в подмосковном Ногинске, много внимания и заботы подарила старшему внуку Евгению, воспитав в нем редкие для сегодняшней действительности качества джентльмена.

Мы все родом из детства, а те, чье детство выпало на военные и первые послевоенные годы, люди особые — не только закаленные войной, но и окрыленные любовью семьи. Невозможно было, пожалуй, «выйти в люди» и проявить свои потенциальные таланты в полной мере без моральной поддержки семьи.

Кто же был в семье? Отец и старший брат ушли на фронт, младший умер в блокадном Ленинграде. Все заботы оказались на плечах Ксении Георгиевны, мамы Ларисы и Любы, простой женщины, никогда не учившейся в институтах. Если б у нее была такая возможность,

думаю, из бабушки Ксении вышла бы великолепная комедийная актриса. Ее богатое воображение не знало границ. Сколько я ее помню, она всегда была выдумщицей, любившей веселые розыгрыши. Смекалка, находчивость, остроумие, врожденная интуиция — вот набор ее качеств. А как замечательно она шила! Нужда заставила научиться шить, а впоследствии самоучка стала одной из лучших и востребованных портних Ленинграда. Голь на выдумки хитра.

Касинцев А. К.

Про дедушку Кузю, к сожалению, мы, внуки, почти ничего не знаем, поскольку даже наши родители видели его только в детстве, до войны. Не знаем даже, где похоронен. Бабушка говорила, что он был сиротой, потому и никаких родственников по его линии не было.

Ну а Аркадий Кузьмич, ушедший на фронт в подростковом возрасте добровольцем, а с войны вернувшийся кавалером трех орденов Славы, — стал гордостью всей семьи. Равнение на него держали многие ленинградцы, не говоря уже о сестрах. Для своих сестричек Аркадий был эталоном — умный, красивый, надежный. Моя мама, когда была совсем маленькой, мечтала выйти за него замуж. Именно Аркадий поддержал Любу в переломный момент, судьбоносный, когда надо было, несмотря на несогласие мамы Ксении Георгиевны и бабушки (балерины Федоры Андреевны), перейти из театрального института в физкультурный...

Сейчас в зрелом возрасте я оглядываюсь назад и недоумеваю — почему никогда не заводила разговоров с дядей Аркашей о войне, хотя знала, что он Полный кавалер ордена Славы, в советское время это приравнивалось в правах к званию Героя Советского Союза?! Он не любил рассказывать о войне, но мы и не настаивали. А сколько всего он мог бы рассказать! Своих детей у него не было, но племянников Аркадий Кузьмич любил, несмотря на географические сложности общения. Он жил в Питере, мы — в Туле, Лариса с семьей — в Казахстане. Писем писать, в отличие от Ларисы, Аркадий не любил, по телефону болтать, как и большинство мужчин, тоже. Но при встречах (мы, конечно же, ездили друг к другу в гости) беседовать с ним было невероятно интересно. Для нас он был просто дядя, о титулах никто не задумывался. Он был человеком скромным, выделяться и хвастаться не любил и не умел. О его военных подвигах написано и во многих документальных книгах о войне, и в военной энциклопедии, и в интернете; связанные с ним экспонаты имеются в музеях Москвы и Петербурга. Историки и краеведы, занимаясь поисковой работой, разузнали о нем больше, чем знали мы, племянники.

К своему стыду осознаю, что из энциклопедии могу выудить больше фактов из жизни родного дяди, чем из собственных воспоминаний юности. Однако никакие энциклопедии не могут заменить информации из первых уст. Личные воспоминания наиболее ценны, потому они и остаются в памяти навсегда.

Смотря на все через призму лет, с гордостью могу заявить, что не нужны мне были чужие кумиры, поскольку мне выпало счастье быть окруженной кумирами в буквальном смысле тысяч и миллионов людей. Правда, я их таковыми не воспринимала, общаясь как с мамой, так и с остальными членами нашей прославленной семьи на равных.

Дядя Аркаша по натуре был юмористом высшего класса. Он почему-то не стал работать военным переводчиком, несмотря на свое образование, а много лет посвятил педагогике, преподавая английский язык в специализированной школе-интернате (надо заметить, что педагогическая жилка присутствовала у всех Касинцевых). Аркадий умел увлечь учеников своим примером, мог заинтересовать кого угодно. Его способность поддержать беседу на любую тему завораживала. Он умел подобрать ключик к кому угодно, был тонким психологом. Бывало, как приедет в Тулу, с порога начинает мне загадки загадывать и фокусы показывать. Наверное, живое общение с людьми нравилось ему больше, чем скучные переводы.

Я старалась не упустить шанс попрактиковаться в английском. В те времена мой английский был совсем никудышным, но дядя Аркаша настолько тактично корректировал мои попытки штурмовать английскую разговорную речь, что мне казалось — я могу! Вот это умение встать на уровень человека, с которым общаешься в данный момент, было его козырем. Военный дипломат по образованию, он в повседневной жизни щедро сеял доброе и вечное, не строя из себя героя.

С тех пор прошли десятилетия, изменилась динамика жизни, все теперь по-другому. Изменились условия жизни, потребности, возможности... Изменились и сами люди. По-моему, если б не было послевоенного поколения, на долю которого выпало хлебнуть горя, разрухи, потерь, наше общество развалилось бы, не дожив до сегодняшнего момента: именно в первые послевоенные годы зацементировались основные составляющие, без которых невозможно дальнейшее процветание как на уровне нации, так и на уровне семьи.

* * *

В музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе есть зал, в оформлении которого использованы колонны, где выбиты фамилии Героев Советского Союза и полных Кавалеров ордена Славы. Имя Аркадия Кузьмича Касинцева там увековечено.

ДОРОГОЕ И ВЕЧНОЕ: ПРОТОИЕРЕЙ ВИКТОР САВИН

***Савина Любовь Викторовна**, 61 год,*
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии ТулГУ,
преподаватель кафедры теологии ТулГУ
и Тульской духовной семинарии,
г. Тула

Мой отец протоиерей Виктор Васильевич Савин был участником Великой Отечественной войны. Необычайное сочетание двух видов служения — священник и воин — нашло свое выражение в названии выставки, которая была подготовлена в 2015 году Музеем обороны Тулы. Выставка называлась «Солдаты Победы — воины Христовы» и рассказывала о людях, после войны принявших священнический сан. Один из них — мой отец.

Протоиерей Савин В. В.

Интересно отметить, что он не был уроженцем Средней России, а происходил из семьи крестьян Саратовской губернии, правда, они были переселенцами с земли Смоленской.

Семья Савиных была очень большой: у дедушки Василия Ильича и бабушки Варвары Ильиничны было 9 детей. Из них пятеро сыновей стали участниками Великой Отечественной войны. Двое старших сыновей, Иван и Алексей, погибли на войне, а Петр, Константин и Виктор вернулись в родной дом. Мой отец в 1942 году закончил среднюю школу и сразу же был призван в действующую армию.

6 сентября 1944 года был подписан приказ о награждении медалью «За отвагу» ряда бойцов и командиров, среди которых был и оружейный номер I-го дивизиона гвардии красноармеец Савин Виктор Васильевич. 19 августа 1944 года при прорыве немецкими танками нашей обороны он способствовал отражению их дальнейшего продвижения, как говорилось в приказе.

Немецкие танки появились неожиданно, и требовался срочный залп из орудия для того, чтобы их остановить. Мой отец, которому тогда едва исполнилось 20 лет, первым бросился заряжать орудие, увлекая своим примером товарищей по оружию. В результате залп был сделан вовремя, причем точно по цели. Получив достойный отпор, танки противника остановились.

Об этой награде отец никогда не упоминал, потому что он ее не получил ни во время войны, ни после. И только при подготовке выставки, посвященной 60-летию Победы, был обнаружен этот приказ, и мы, его

родственники, узнали, что отец не просто воевал, но и совершал героические поступки. К этому можно только добавить, что в детстве, когда отец рассказывал нам, детям, о своей жизни, он говорил, что во время войны ему довелось вместе с другими бойцами участвовать в захвате вражеских орудий, а однажды они вынесли с поля боя раненую медсестру.

Мой отец, как и многие другие русские воины, тем более священники, был человеком скромным, он не любил привлекать излишнее внимание к своей персоне. И о своей награде он даже не узнал до самой своей кончины.

После войны отец поступил в Саратовскую духовную семинарию. Закончил семинарию он уже зрелым человеком, ему было около 30 лет, и ему нужно было искать спутницу жизни.

История знакомства моих родителей необычна и заслуживает внимания. После окончания Саратовской духовной семинарии отец не нашел для себя достойной избранницы ни в Саратове, ни в его окрестностях. Как он потом рассказывал, у него было предчувствие, что жена будет из Тулы, хотя, вероятно, он даже в то время не очень хорошо представлял себе, где находится город Тула. Где-то рядом с Москвой. А в это же время в Туле жила девушка, которая говорила всем, что выйдет замуж только тогда, когда ей сделает предложение руки и сердца молодой человек высокого роста со светлыми волосами. Среди ближайшего окружения таких юношей не было. Этой девушкой была моя мама, и она, наверное, тоже не знала, что жених у нее уже есть и они скоро встретятся.

Так и произошло. Выпускник Саратовской духовной семинарии Виктор Савин приехал в Москву к Святейшему патриарху Алексию (Симанскому), чтобы просить для себя место будущего служения. Для этого, как известно, он должен был либо жениться, либо принять монашеский постриг. Размышляя о своей будущей судьбе, Виктор Савин оказался в Туле и, в ожидании решения патриархии, стал прислуживать за богослужениями в Тульском Всехсвятском кафедральном соборе. Однажды мой будущий отец разговорился со сторожем собора и поделился с ним своими мыслями — так хотелось встретить благочестивую, верующую девушку, которая согласилась бы стать женой священника. Неожиданно сторож ответил, что знает семью, где есть такая девушка. Виктор, человек решительный, не стал долго раздумывать и сразу же пошел знакомиться.

И вот, когда моя будущая мама вечером пришла с работы, ее мать, моя будущая бабушка, сказала ей, что в комнате уже сидит и ждет свою невесту тот, о ком она говорила — молодой человек высокого роста со светлыми волосами. Так встретились молодые люди и создали настоящую православную семью.

Первое место служения моего отца было в Костромской области, в селе Ильинское Кадыйского района, в 60-ти километрах от железной дороги, среди темных лесов, в которых совершил свой подвиг Иван Сусанин. Там, в райцентре Кадый, и появилась на свет я, их первый ребенок.

Мне не исполнилось еще и года, когда отца перевели ближе к Москве: сначала в Тульскую, а затем в Калужскую епархию. Меня завернули в тулуп, положили в сани и повезли к новому месту назначения.

С тех пор отец прослужил в сельских храмах Калужской епархии более 30 лет. За это время он получал различные церковные награды и памятные юбилейные медали ко Дню Победы как участник Великой Отечественной войны.

Во время своей службы в действующей армии в 1942–1944 годах отец был ранен и контужен. Ранение в ногу, которое послужило причиной его досрочной демобилизации, в дальнейшем сказывалось затруднением при ходьбе (отец очень часто ходил с тростью). Более коварными оказались последствия контузии, которые, в конце концов, привели его к скоропостижной кончине 22 июля 1993 года. Ему не исполнилось в то время и 70-ти лет.

Протоиерей Виктор Васильевич Савин похоронен на кладбище села Осиновая Гора под Тулой.

С.Г. БАННИКОВ — ПАТРИОТ И ГРАЖДАНИН

***Липунцова Татьяна Федоровна**, 46 лет,*
учитель русского языка и литературы
МБОУ 2-Гавриловской СОШ

Банников С. Г.

71 год отделяет нас от Дня Великой Победы нашего многонационального народа в Великой Отечественной войне, победы над «коричневой чумой» XX века — фашизмом. В наши дни появляется много информации, искажающей историю войны, роль нашего народа в разгроме фашизма, в освобождении Европы от этого зла. С какой целью искажают эту информацию иностранные СМИ и некоторые политические деятели европейских стран, специально перевирают, чтобы принизить роль Советского Союза в этой войне? Возникает вопрос: зачем? Пока живы ветераны этой войны — есть свидетели бесчеловечных действий фашистских оккупантов, зверств, которые они творили на захваченных территориях. Но с каждым днем все меньше и меньше остается тех, кто приближал Великую Победу, кто видел своими глазами, ощущал всем своим нутром, чувствовал каждой клеточкой своего тела ужасы самой страшной войны. Пока живы ветераны, никому

не удастся переписать и переврать события тех огненных лет. Они — наши часовые, они — наша правда, они — наша честь, наша совесть! Наш долг, долг каждого гражданина,— знать историю своей страны, своего народа, изучать ее по достоверным источникам, чтобы не допустить фальсификации ее событий. А жизнь каждого ветерана — это часть нашей истории.

Российским людям свойственна любовь к родному краю, где они родились и выросли, к своей прекрасной Родине. Эта любовь испокон веков проявляется в их готовности защищать не жалея жизни свое Отечество. В русском народе живет убеждение, что истинный человек и сын Отечества есть одно и то же.

Патриотизм — любовь к Родине, преданность ей, стремление защищать ее от врагов, своими делами служить ее интересам — чувство великое, необходимое, прекрасное.

Защита Отечества и служение ему стали смыслом жизни и для нашего земляка, выпускника нашей школы, участника Великой Отечественной войны, настоящего гражданина и патриота — Сергея Григорьевича Банникова.

Родился Сергей Григорьевич в 1921 году в селе Ивановка 2 Гавриловского сельсовета. Здесь он пошел в школу, которая имела в те годы одну ступень — 4 класса. Здесь он вступил в пионеры и получил первые навыки общественной работы. Здесь же в возрасте 8–9 лет начал свою трудовую жизнь. С 5 по 7 класс продолжил обучение в Гавриловской школе. 9 июня 1936 года, в неполные 15 лет, осуществилось заветное желание Сергея Григорьевича — он был принят в ряды ленинского комсомола.

Спустя годы Банников вспоминает, что школьники его поколения практически все свободное от учебы время, а также каникулы проводили вместе со взрослыми на колхозных полях и фермах. Ему, подростку, пришлось участвовать во многих видах сельскохозяйственных работ: пахоте, прополке, сенокосе, уборке и молотьбе зерновых, пастьбе скота и пр. «Поистине неоценимо благотворное влияние трудового процесса на воспитание у ребят чувства коллективизма и товарищества, самоутверждение их как личностей, понимание ими общественной значимости труда»,— писал Банников [1].

3 октября 1937 года, после окончания 7 класса, он вступил на самостоятельный трудовой путь и в течение двух лет испытал себя на комсомольской и журналистской работе в своем районе. С 1937 года он технический секретарь Гавриловского райкома ВЛКСМ, инструктор районной газеты «Сталинец» и заведующий Красным уголком колхоза «Красная звезда» (в Ивановке). В 1938–1939 гг. учился в Тамбовской областной школе комсомольских пропагандистов, после ее окончания — инструктор, затем — заведующий отделом Гавриловского райкома ВЛКСМ.

«Очень ценю этот период. Многое он дал для формирования характера, волевой закалки, выработки настойчивости, целеустремленности, да и в целом для выхода на самостоятельный жизненный путь»,— так оценивал Банников отрезок жизни, связанный с его родным краем [1].

С уважением и особым трепетом говорит Сергей Григорьевич о своих учителях, наставниках: «Всегда буду помнить прекрасных людей старшего возраста, истинных большевиков, которые советом и делом учили зрелому, осмысленному подходу к жизненным явлениям... Назову лишь одного из них — А.И. Шамова, работавшего Гавриловским райвоенкомом. Именно он склонил чашу весов в пользу того, что я стал военным человеком» [1]. Многие годы спустя (в 1974 г.) бывший районный военный комиссар Андрей Иванович Шамов, проживавший в с. Ольшанка Чуповского сельсовета, напишет в письме Банникову, занимавшему в то время пост заместителя Председателя Верховного суда СССР: «...Я радуюсь, что Ваше стремление и твердый ум не пропали даром. Я прожил вместе с КПСС 41 год и доволен тем, что Вы, представитель трудового народа, занимаете высокий государственный пост, и я от чистого сердца желаю Вам крепкого здоровья, успехов в большой государственной работе, счастливой, радостной и долгой семейной жизни». Это письмо Банников хранил как «документ, излучающий тепло большой благородной человеческой души».

Тяга к учебе брала свое, в сентябре 1939 г. Сергей Григорьевич стал курсантом Военно-Морского политического училища Военно-Морского Флота г. Ленинграда (с 1940 — Кронштадта).

О начале Великой Отечественной войны Сергей Григорьевич узнал раньше, чем объявили по радио, поскольку уже около 4 часов утра 22 июня 1941 года на Кронштадт был совершен налет германских самолетов, и, как помощник дежурного офицера, он рано утром в мобилизационном порядке вызывал на службу командиров и преподавателей.

Так в начале войны в возрасте неполных 20 лет он оказался в составе действующего Краснознаменного Балтийского флота в звании младшего политрука. До 18 октября 1943 г. служил офицером контрразведки флота. Участвовал в обороне Таллина, Кронштадта, а также Ленинграда. В блокадном Ленинграде в сентябре 1943 г. Банников создал семью.

Наиболее яркий эпизод Великой Отечественной для Сергея Григорьевича связан с участием в героическом переходе боевых сил Краснознаменного Балтийского флота из Таллина в Кронштадт и Ленинград в конце августа — начале сентября 1941 года. «В ночь с 28 на 29 августа в открытом заливе корабли стали подрываться на минах, поставленных немцами по всему фарватеру. В воздух на высоту 30–40 метров поднимались огненные столбы воды, а вслед за этим из непроглядной темноты раздавались неистовые крики оказавшихся в воде людей, взывавших о спасении. Зрелище жуткое, даже теперь оно порою является во сне и наяву...— вспоминал наш герой.— Трудно выделить какой-либо эпизод из кошмарного времени блокады Ленинграда, где подвигом считалось просто выжить и где пули и снаряды могли убить только раз, а голод убивал каждый день...» [1]

18 октября 1943 года С.Г. Банников был отозван в Москву в центральный аппарат контрразведки ВМФ. Об окончании войны он узнал поздним

вечером 8 мая 1945 г. из сообщения по радио, когда находился в Москве. День Победы Банникову запомнился до малейших деталей, ликование было безмерным. Он писал, что «радость и горе соединились в одном могучем потоке и шли рядом, но радость не стыдилась скорби, она была сильнее...» [1]

В военное и послевоенное время Банников по роду службы часто выезжал на продолжительные сроки в действующие части и соединения флота на территории СССР, Румынии, Болгарии, Венгрии, Австрии, Финляндии.

Из послужного списка: «В 1941–1946 гг. Банников С.Г. служил на Краснознаменном Балтийском флоте в органах военной контрразведки — помощник оперуполномоченного, оперуполномоченный 3-го отдела // Особого отдела // УКР «Смерш» флота, затем в центральном аппарате МГБ — начальник отделения 2-го управления 3-го Главного управления (военной контрразведки) в 1946–1947 гг. и начальник отделения инспекции с 1947 г. С 1949 г. работал в Вологде заместителем начальника обл. управления МГБ, с 1951 г.— советник МГБ-МВД-КГБ СССР в Болгарии. С 1955 г.— заместитель начальника 11-го отдела 2-го ГУ КГБ, затем председатель КГБ при СМ Туркменской ССР (в 1956–1959) и начальник 7-го (оперативного) управления КГБ при СМ СССР в 1959–1960 гг. С 1960 г.— заместитель и 1-й заместитель начальника 2-го Главного управления КГБ. С июля 1963 по ноябрь 1967 г.— заместитель председателя КГБ при СМ СССР. Одновременно с июня 1964 г. по июль 1967 г.— начальник 2-го Главного управления КГБ» [3]. Органам безопасности С.Г. Банников отдал более 26 лет жизни, уволившись в запас в звании генерал-лейтенанта.

В октябре 1967 г. Верховным Советом СССР избран заместителем Председателя Верховного Суда СССР. Десять лет проработал на этом посту. В 1971 году, в пятьдесят лет, окончил Всесоюзный юридический заочный институт. В Верховном суде Сергей Банников оставил о себе хорошую память. На пленумах он сам откровенно говорил о том, что творится в стране (возможно, это была единственная аудитория в Москве, где звучали такие речи), и требовал того же от других судей. Банников был внимателен к человеческим судьбам — прислушивался к протестам, принесенным на приговоры по уголовным делам, и всегда голосовал за отмену или смягчение приговоров. В декабре 1977 г. по состоянию здоровья пришлось изменить характер работы, но перерыва в трудовой деятельности не было. Последние годы Банников трудился в органах научно-технической информации. По воспоминаниям Банникова, он никогда не расставался с общественной работой. Всю сознательную жизнь участвовал в выборных комсомольских, партийных и советских органах. Был членом ЦК и членом бюро ЦК Компартии Туркестана, депутатом Вологодского горсовета и Верховного Совета Туркменской ССР, избирался делегатом XXIII съезда КПСС.

С.Г. Банников, посвятивший всю свою жизнь защите и благополучию своей страны, установлению законности и справедливости, награжден орденом Красной Звезды (1944), двумя орденами «Отечественной войны» I степени (1945, 1985) за образцовое выполнение боевых заданий коман-

дования в период Великой Отечественной войны; медалями: «За оборону Ленинграда» (1942), «За победу над Германией» (1945), «За победу над Японией» (1945), а также двумя орденами «Трудового Красного Знамени», орденом «Красной Звезды», орденом «Октябрьской революции», медалью «За боевые заслуги» (1951–1974) за боевые и трудовые успехи на военной службе и работе в государственном аппарате. Всего удостоен 7 орденов и 16 медалей СССР, 4 орденов и медалей Народной Республики Болгарии и ГДР.

С. Г. Банникова, несомненно, можно назвать настоящим гражданином и патриотом! Ведь настоящий патриотизм — это прежде всего патриотизм долга, поступка во имя Отечества, умение в решающую для Родины минуту подняться над личным, проникнуться чувством ответственности за судьбу народа. Вся жизнь С. Г. Банникова — это служение Отечеству и в военное, и в мирное время.

Я горжусь тем, что мой край, моя гавриловская земля родила и воспитала много настоящих граждан, патриотов таких, как Банников Сергей Григорьевич.

Литература

1. Материалы школьной музейной комнаты 2-ой Гавриловской СОШ (письмо Банникова С. Г. школьникам, 1986).
2. Абрамов В. Контрразведка. Щит и меч против Абвера и ЦРУ.— М.: Яуза, Эксмо, 2006. (Лубянка. Открытые архивы.)
3. Сайт «Военная литература»: URL: //http: militera.lib.ru (дата обращения: 15 октября 2016).

«ПРИ ИСПОЛНЕНИИ ПОГИБ...»

***Тарасов Александр Дмитриевич**, 55 лет,*
полковник внутренней службы в отставке,
старший корреспондент газеты Главного управления
МВД России по городу Москве «Петровка, 38»,
член Московской городской организации Союза писателей России
и Академии российской литературы (по коллегии критики),
лауреат премии Союза журналистов России,
Международной премии «Чернобыльская звезда»,
Всероссийской литературной премии имени Николая Некрасова,
г. Москва

Собирая на протяжении двух с лишним десятилетий документальные материалы для своей публицистической книги «Алтарь добра», я встречался и с доблестными фронтовиками — участниками Вели-

кой Отечественной войны, и с заслуженными ветеранами-специалистами — бывшими сотрудниками различных подразделений регионального уровня и центрального аппарата Министерства внутренних дел страны. Кроме того, у меня была возможность основательно ознакомиться с экспозицией и фондами хранения Центрального музея МВД России и других подобных ведомственных учреждений культуры, которые образно можно назвать храмами памяти.

Само собою разумеется, необходимые биографические сведения о замечательных стражах порядка, о которых собирался поведать читателям, искал и в различных архивах. А еще внимательно изучил немало мемуаров, стремясь найти хоть какую-нибудь дополнительную информацию о погибших при исполнении служебного и гражданского долга людях в погонах — настоящих бойцах закона и справедливости.

В 1955 году поэт Александр Твардовский написал превосходное стихотворение, которое надо бы почаще вспоминать теперь — в XXI столетии:

Спасибо, моя родная
Земля, мой отчий дом,
За все,что от жизни знаю,
Что в сердце ношу своем.
За время, за век огромный,
Что выпал и мне с тобой,
За все, что люблю и помню,
За радость мою и боль.
За горечь мою и муку,
Что не миновал в пути.
За добрую науку,
С которой вперед идти.
За то, что бессменно,верно
Тебе служить хочу,
И труд мне любой безмерный
Еще как раз по плечу.
И дерзкий порыв по праву,
И сил не занимать,
И свято на подвиг право
Во имя твое,во славу
И счастье, Отчизна-мать!

Будто яркое творческое завещание современного поэта, полковника в отставке Евгения Грязнова, который не так давно ушел из жизни, воспринимаются написанные им великолепные стихотворные строки об исключительной важности для всего общества и истинном благородстве труда тех, кто честно и самоотверженно служит своему Отечеству:

Святое дело — Родине служить,
За честь ее, не зная страха,
биться.
Не только там, где значится
граница,
Святой Руси проходят рубежи.
Они, мы знаем, всюду пролегли,
Добро и зло незримо разделяя.
И тот, кто пал, Закон оберегая,
На рубежах Российской пал
земли...

К большому сожалению, сейчас мало кто знает о совершенных десятилетия назад подвигах скромных, достойных сотрудников поистине армии правопорядка, которые с риском для себя, а то и ценой своей жизни обеспечивали безопасность сограждан. Ведь как и в суровое военное лихолетье, так и в наступивший после победоносного завершения Великой Отечественной мирный период храбрых и мужественных бойцов правоохранительной передовой, боровшихся с разгулом уголовщины, подстерегали смертельные опасности.

Обезвреживая бандитов

...Летом 1944 года в городе Орехово-Зуево Московской области при исполнении служебного долга погиб один из сотрудников системы НКВД — Народного комиссариата внутренних дел СССР. Молодой участковый уполномоченный Андрей Казачков задержал вора и в час ночи конвоировал преступника в дежурную часть ореховозуевской милиции. Но у дома № 109 по улице Ленина на участкового вдруг напали пятеро вооруженных мужчин, являвшихся криминальными дружками задержанного. Бандитской пулей младший сержант милиции Казачков был сражен прямо в сердце, однако он буквально за мгновения до смерти успел вступить в перестрелку и ранил двоих: одного из напавших и попытавшегося убежать вора. Позже бандиты были арестованы и отданы под суд.

На похоронах отважного милиционера Андрея Васильевича Казачкова собралось множество горожан, и над гробом погибшего сослуживца его коллеги поклялись и впредь вести непримиримую борьбу с преступным миром. С прощальным словом к павшему милицейскому соратнику обратился руководитель ореховозуевских стражей правопорядка майор госбезопасности Степан Ульянович Малинин, который и сам вскоре, в сорок шестом году, геройски погиб при захвате бандитов-убийц. Вот как тогда развивались трагические события.

С гарнизонной гауптвахты Московского военного округа в начале января 1946 года был совершен побег большой группы дезертиров

и предателей Родины. Часть беглецов была схвачена довольно быстро, а вот остальным удалось скрыться. Среди тех, кто самовольно вырвался на свободу, оказались и трое жителей Орехово-Зуева: Бычков, Наумов и Чуркин, ранее судимые за относящиеся к категории тяжких преступления.

Пробираясь к родным местам, ореховозуевские беглецы в подмосковном Раменском наткнулись на охранявшийся двумя часовыми склад. Чтобы завладеть их оружием, преступники скрытно подобрались к часовым и убили обоих, забрав винтовки. Однако после того как убийцы проникли в склад и нашли в этом хранилище оружие и боеприпасы, они бросили похищенные винтовки и взяли себе по пистолету «ТТ» и запаслись немалым количеством боевых патронов.

Прибывшие в Орехово-Зуево из комендатуры военного округа два офицера контрразведки «Смерш» известили начальника горотдела Степана Малинина о совершенном беглыми гауптвахтовцами двойном убийстве часовых и похищении пистолетов. А также сообщили о том, что, по имеющейся у военной контрразведки оперативной информации, вся преступная тройка уже добралась до Орехово-Зуева и скрывается где-то в городе.

Внимательно выслушав представителей «Смерша» и записав установочные данные и приметы всех беглецов, майор госбезопасности Малинин организовал безотлагательные оперативно-поисковые мероприятия. Адресная работа довольно скоро принесла конкретный результат: выражаясь профессиональной терминологией правоохранителей, доверенное лицо уведомило милицейских сыщиков, что трое разыскиваемых проживают тайком на улице Володарского в квартире их бывшего сообщника Пантюшина. Последний до начала войны вместе с ними, отпетыми уголовниками, участвовал в ограблении граждан.

Стало известно, что преступники-беглецы даже готовы пойти на новое убийство, чтобы раздобыть необходимые документы, особенно — справки об освобождении от воинской службы. В планах убийц местом нападения была определена улица Совхозная, где они планировали обзавестись настоящими документами, чтобы затем перебраться куда-нибудь подальше и там заняться с целью наживы дерзкими вооруженными криминальными налетами — иначе говоря, бандитизмом.

Войдя в контакт с Пантюшиным и предоставив ему шанс загладить свою вину в укрывательстве преступников, милицейские работники уговорили бедового горожанина помочь обезвредить его бандитствующих постояльцев. Однако он в последний момент струсил и рассказал своим недобрым гостям, что милиционеры готовятся их захватить. Более того, Пантюшин ввел в заблуждение участников милицейской опергруппы, заверив их, что беглецы будто бы уже улизнули из его жилища. Чтобы проверить слова Пантюшина, в дом осторожно двинулись Степан Ульянович Малинин и опытнейшие работники ореховозуевского угрозыска Федор Григорьевич Иванов и Василий Иванович Иванцов.

Поднявшись по лестнице на второй этаж, старший офицер — майор госбезопасности Малинин — и его подчиненные проверили первую комнату, в которой не оказалось никого. Держа в руке пистолет, Степан Ульянович подошел к задернутому тканью проему в дощатой перегородке и отодвинул занавеску. Притаившиеся за ней бандиты открыли пальбу, выпустив в сторону начальника горотдела десяток пуль, две из которых попали в грудь Малинину, а одна угодила в руку Иванцову. Тут из-за печи выскочил Иванов и вступил в схватку с тремя преступниками, во время которой Чуркин выбил у оперативника оружие. Вовремя подоспевшая с улицы основная милицейская группа во главе с начальником уголовного розыска Николаем Алексеевичем Васиным переломила ход драматичного поединка в квартире.

В перестрелке был убит Бычков. Когда же Чуркин направил свой пистолет на сыщика-руководителя Васина, то последний выстрелил раньше и смертельно ранил бандита. Третьего преступника, который в ходе боевой стычки тоже попал под прицельный огонь группы захвата, отправили в больницу, но по дороге и Наумов скончался от полученного в квартирном убежище ранения.

Уже при тщательном обследовании места боя сотрудников ореховозуевской милиции с бандой беглых гауптвахтовцев-убийц выяснилось, что начальника угрозыска Николая Васина спасло то, что у Чуркина в пистолете перекосило в патроннике патрон.

В зимний морозный день сорок шестого года бесстрашный начальник горотдела, погибший при обезвреживании бандитов-убийц, был похоронен у входа на Ореховское кладбище. Участник Гражданской войны, он, Степан Ульянович Малинин, с 1926 по 1946 годы доблестно трудился в органах правопорядка.

Как записано в послужном списке майора госбезопасности Степана Малинина, он за боевые отличия во время Гражданской войны, смелость и мужество при ликвидации бандитских шаек, умелое руководство оперативно-розыскной деятельностью и эффективную работу по подбору и воспитанию личного состава был награжден орденом Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды и несколькими медалями.

Роковой выстрел через дверь

Кандидат исторических наук, профессор Владимир Воробьев, заслуженный работник культуры Российской Федерации, в своей публицистической книге «Ступинская милиция» (Москва, «ЭСТ-М», 2006 год) поведал о старшем лейтенанте милиции Иване Сергеевиче Слепове, который при исполнении служебного долга тоже погиб в сорок шестом.

Иван Слепов, родившийся 24 апреля 1899 года в Куркинской волости Тульской губернии, в двадцать четвертом перебрался на Урал. В небольшом городке Пласт, что расположился на берегах речки Уй, Иван

Сергеевич сделал первые уверенные шаги на пути к профессиональному призванию. Став бойцом сил правопорядка, Слепов довольно быстро заслужил признание среди коллег.

В так называвшемся тогда «Деловом отзыве о работе тов. Слепова Ивана Сергеевича» районный прокурор и народный судья 31 ноября 1935 года написали:

«Тов. Слепов И. С. в Кочкарском райуправлении милиции — единственный лучший работник. Заботливый, энергичный и деловой товарищ. Имеет хороший опыт по следственному и оперативному делу, хороший общественник...

Прокуратура и народный суд Кочкарского района, хорошо зная тов. Слепова по работе в Кочкарском районе, особенно ценят этого работника и его работу».

На местном прииске, где свои разнообразные профессиональные задачи очень ревностно выполнял милицейский сотрудник Иван Слепов, работа и жизнь старателей вошли в спокойное русло. Поэтому Иван Сергеевич счел, что он теперь может, как говорится, с легким сердцем перебраться поближе к родным местам.

И в тридцать восьмом он с женой Варварой и двумя ребятишками, сыном Сашей и дочкой Лидой, переехал на житье в один из совхозов Каширского района Подмосковья, где продолжил милицейскую службу. Здешние блюстители порядка в то время обслуживали и рабочий поселок Ступино, который, к слову, в 1938-м был преобразован в город районного подчинения и в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 14 сентября 1939 года выделен в самостоятельную административно-хозяйственную единицу, с непосредственным подчинением Московскому областному исполнительному комитету.

В войну Иван Слепов, которого Каширский райвоенкомат 24 июля 1941 года призвал на армейскую службу, отважно сражался с немецко-фашистскими захватчиками. Вслед за отцом попал в действующую армию и его сын Александр Слепов, который в том же сорок первом пропал без вести.

Войсковая часть, в которой служил милицейский посланник Иван Слепов, прорвала линию фронта и вклинилась в передовые порядки врага. Однако эта отчаянная атака наших воинов вскоре захлебнулась, и они попали в окружение.

Гитлеровцы пленили тяжелораненого красноармейца Ивана Сергеевича Слепова, который был без сознания. Однако он не только чудом выжил и мужественно выдержал все пытки и издевательства фашистов, но и сумел бежать из плена и добраться до партизан.

Затем с новыми боевыми товарищами Иван Слепов опять встал в армейский строй. Наводчик орудия, а потом и командир расчета, фронтовик Слепов дошел до самого Берлина.

Иван Слепов (первый слева) с сослуживцами по кочкарской милиции. 1935 год

Демобилизовавшись в победном сорок пятом, Иван Сергеевич вернулся в Подмосковье и был зачислен в штат Ступинского горотдела милиции. Став участковым уполномоченным пригородной зоны, милицейский офицер с фронтовой закалкой вместе с сослуживцами начал вести активную, целенаправленную работу по укреплению правопорядка и борьбе с преступностью.

Старший лейтенант милиции Иван Слепов трудился на своем участке фактически без выходных, реагируя на каждое обращение граждан и призывая к ответу нарушителей закона. В общем, из-за столь напряженной службы офицер-участковый почти не замечал, как быстро течет время: миновала осень, а следом и первая послевоенная зима уже подходила к концу.

Начальник отдела А. Жулябин проводил совещание, когда на его столе затрезвонил телефон — это из каширской милиции сообщили, что в одном из совхозов Иваньковского района шайка скотокрадов угнала несколько овец и лошадей. Судя по уверениям очевидцев преступления, уголовники с похищенной живностью направились в сторону Ступинского района.

Похоже, так и было на самом деле. Во всяком случае, немного позднее из конторы подсобного хозяйства металлургов «Белопесоцкое» позвонил бригадмилец — член бригады содействия милиции, который известил о группе мужчин, разделывавших вроде бы барана во дворе жилого дома.

Руководитель районной милиции Жулябин поручил проверить этот сигнал общественника старшему лейтенанту Слепову, на участке которого была замечена подозрительная мужская компания. Туда Иван Сергеевич поехал на санях один, потому что на тот момент в отделе не оказалось сотрудников, не занятых выполнением какой-либо работы по службе.

Поблизости от здания Белопесоцкого монастыря стоял на отшибе приземистый обветшавший дом, во дворе которого суетились трое мужчин. Они свежевали овец...

Предполагаемые скотокрады при задержании вполне могли оказать активное сопротивление, поэтому участковый уполномоченный Слепов решил взять себе подмогу. Милицейский офицер добрался до зенитчиков, которые охраняли железнодорожный мост. Старший лейтенант милиции обратился за помощью к их командиру, и тот выделил участковому двух солдат.

Иван Сергеевич по телефону доложил начальнику отдела Жулябину, что вместе с двумя военнослужащими приступает к задержанию троих подозреваемых. Слепов и солдаты тихо подошли к дому, но во дворе уже никого не было.

Заглянув в окно, милицейский работник увидел в горнице двоих мужчин, а третьего рядом с ними не было. Дверь в доме оказалась хлипкой, но выбивать ее участковый уполномоченный не стал, чтобы не поднимать шум. Рука пролезла в широкое отверстие, и офицер начал отпирать дверной засов...

Однако Ивану Сергеевичу не хватило каких-то считанных мгновений, чтобы осторожно отворить дверь и застать скотокрадов врасплох. Видно, внезапно что-то насторожило находившихся в доме мужчин, и один из них, выскочив в сени, через дверь выстрелил в сотрудника милиции. Смертоносный заряд попал в лоб старшему лейтенанту Слепову, и он, отшатнувшись от простреленной двери, упал на снег.

Перепуганные молоденькие солдаты тотчас разбежались. Совершив тяжкое преступление, убийца сотрудника милиции и сообщники вооруженного уголовника скрылись с места происшествия. И очень запоздало в отдел поступило горестное телефонное известие, что у одного из белопесоцких домов лежит человек в милицейской форме...

Участкового уполномоченного Ивана Сергеевича Слепова, погибшего при исполнении служебного долга, похоронили на кладбище в деревне Среднее. Павшего на опасной правоохранительной вахте самоотверженного милицейского офицера-фронтовика в последний путь провожали не только родные и сослуживцы, но и жители всей округи.

Следствие сразу же установило, что убийство совершил некий И...нко — бывший комендант совхоза «Белопесоцкий», заправлявший в преступной группе. Упорные поиски скрывшегося преступника длились в течение года, и наконец-то было установлено, где затаился убийца. Его нашли и задержали в городе Шахты Ростовской области, откуда доставили в Ступино.

Московский областной суд приговорил убийцу к исключительной мере наказания — смертной казни. Попали на скамью подсудимых и его соучастники, которых тоже постигла справедливая кара за их преступную деятельность.

Уже десятилетия канули в Лету, но в отделе МВД России по Ступинскому району (ранее — Управление внутренних дел по Ступинскому муниципальному району Московской области) и поныне помнят Ивана Сергеевича Слепова, офицера-участкового, отдавшего свою жизнь ради сохранения правопорядка в трудный послевоенный период, и гордятся тем, что на полицейском посту продолжается дело этого замечательного человека и доблестного воина.

Операция по задержанию вооруженного дезертира

Осенью 1948 года оперативная группа, которую возглавил начальник Коломенского РОВД столичной области подполковник милиции Дмитрий Астапов, совместно с сотрудниками органов внутренних дел

из соседних подмосковных Луховиц провела сыскные мероприятия по розыску вооруженного дезертира Страхова. Точно установив, что разыскиваемый, являвшийся жителем коломенского села Городец, скрывается неподалеку — на территории колхоза «Красная Пойма» Луховицкого района, участники милицейской операции получили конкретные индивидуальные задания при проведении ее заключительного этапа.

В ходе переговоров дезертиру предложили добровольно сдаться представителям власти и выдать оружие, однако он не согласился и попытался незаметно покинуть нежилой дом и скрыться, используя наступившие сумерки. Но дорогу дезертиру преградил лейтенант милиции Иван Исаев, с которым была верная четвероногая помощница — служебно-розыскная собака.

И тут дезертир открыл стрельбу из револьвера и смертельно ранил милицейского работника. Участвовавшие в поисковой операции сотрудники органов внутренних дел вынужденно применили оружие на поражение против оказавшего сопротивление дезертира, и преступник был убит.

Проводник служебно-розыскной собаки (теперь такие специалисты называются кинологами.— А.Т.) лейтенант милиции Иван Петрович Исаев, который родился в 1915-м и в 1941–1942 годах являлся участником партизанской борьбы в Подмосковье с немецко-фашистскими оккупантами, уже в мирную пору погиб при исполнении служебных обязанностей. Милицейский офицер Иван Исаев навечно был зачислен в списки личного состава Коломенского управления внутренних дел.

Написав в 1982 году стихотворение «В засаде», уже упоминавшийся писатель-юрист Валерий Ковалев посвятил его памяти милиционера Ивана Исаева, погибшего 27 сентября сорок восьмого:

В последний раз моргнув нестройно,
Огни растаяли в ночи.
Усталая затихла пойма.
Деревня сонная молчит.
Вот крайний дом. Во мраке сада,
Где ночь особенно темна,
Не спит милиции засада
И тайну прячет тишина.
От черных дел уйдя на время,
Таится в доме дезертир,
Тревоги полн,вполглаза дремлет,
Не сняв с оружия руки.
Приказ серьезный,непреложный
Беззвучно каждый повторил:
«Быть непременно осторожным
И брать, желательно, живым».
Удар в стекло... и шепот слабый...

Бандит, как ждали наперед,
Пойдет,скрываясь от облавы,
К сараю через черный ход.
Метнулась тень в провале темном,
Ползет, крадучись, по трухе,
В шинели с сорванным погоном
И с парабеллумом в руке.
Внезапный окрик: «Стой! Сдавайся!»
Затвором лязгнул автомат.
Бросок. Но точным оказался
Бандитский выстрел наугад.
Ответно залп ударил громкий,
Покой и мир восстановив.
Светлело небо на востоке,
Рассветом темень растворив.
...Суровый миг. Фуражки сняты.
Бровей нахмуренных изгиб.
Доложат после, как солдаты:
«При исполнении погиб...»

Вместо послесловия

Вот так в столичном регионе и в других уголках державы победителей люди служебного долга, оставаясь буквально до конца своей жизни верными присяге, поистине принимали удар на себя. В отечественной истории должна бережно сохраняться память и о подвигах героев «Бессмертного полка» армии правопорядка, и о других отличившихся на боевом посту сотрудниках, которые решительно, умело защищали соотечественников в трудные первые послевоенные годы и энергично, наступательно, как на фронте, очищали нашу страну от всевозможных криминальных поползновений преступников.

Современному мастеру художественного слова Валерию Бородулину принадлежит поразительное образное обобщение-элегия:

...В печальной памяти людской
Незабываем облик близких,
Она единым обелиском
Стоит над Вечностью-рекой.

Несмотря на осеннее ненастье, 10 ноября 1994 года — в День милиции — на Трубной площади Москвы собралось множество людей.

И хотя та милицейская дата календаря не была юбилейной, однако она стала действительно знаменательной: в столице состоялось торжественное открытие памятника «Благодарная Россия — солдатам правопорядка, погибшим при исполнении служебного долга». Авто-

рами величественного монумента являются известный отечественный скульптор народный художник РСФСР Анатолий Андреевич Бичуков и заслуженный архитектор России Анатолий Васильевич Климочкин.

В тот незабываемый День милиции Россия благодарила своих сыновей и дочерей, у кого судьба начертала в биографии два высоких слова, которые нельзя не написать с большой буквы: Подвиг и Бессмертие.

Необыкновенной проникновенностью отличалось обращение протоиерея Виктора — служителя Русской Православной Церкви, приглашенного на волнующий церемониал открытия главного для правоохранителей нашей страны мемориального символа. Священник указал, что этот памятник изливает свет, так как воздвигнут в память воинов, положивших собственную жизнь за други своя!

После святых слов поминовения участники возвышенно-печального мероприятия, пришедшие отдать дань памяти погибшим стражам правопорядка, возложили венки и живые цветы к подножию мемориала, аллегорически символизирующего борьбу Добра со злом.

Следует напомнить, что в 2011 году в Российской Федерации была осуществлена реформа органов внутренних дел. Соответственно, изменилось и название праздника стражей правопорядка: сейчас 10 ноября — День сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации.

По сложившейся традиции ежегодно осенью, 10 ноября, к увенчанному скульптурой Святого Георгия монументу приходят благодарные потомки, чтобы почтить память тех героев правоохраны, кто «при исполнении погиб».

ПОРТРЕТ ХОЗЯЙСТВЕННИКА СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ[1]

***Соболевская Алиса Александровна**, 75 лет,*
старший научный сотрудник Института
мировой экономики и международных
отношений РАН, кандидат экономических наук,
г. Москва

Человек, о котором я решила написать, был настоящим хозяином — правда, в то время их называли «хозяйственниками». Он рос вместе со страной, которой служил, и прожил удивительную жизнь, пройдя путь

[1] Продолжение. Начало см.: Соболевская А.А. О войне и моей семье // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений /Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой.— Тула: Гриф и К, 2010.— С.165–179.

от приютского мальчика до управленца в ранге министра. Петр Иванович Иванов был мужем моей тети, подобно ему вышедшей из крестьянской семьи Гжатского уезда Смоленской губернии. Ее семья была большой и дружной, имела крепкое хозяйство, была зажиточной. Начало жизни П. И. Иванова было значительно более суровым. Он родился в Москве 16 июня 1904 г., как это тогда называлось, «от незаконного брака». Отсюда и фамилия, и отчество. Мать работала в прислугах, и мальчик был отдан в воспитательный дом, откуда был взят в крестьянскую семью. У воспитателя, Николая Егоровича Попова, было небольшое крестьянское хозяйство, и, как многие малоземельные, он работал по найму плотником. Воспитательница Екатерина Осиповна Попова с семьей работала в своем хозяйстве. После их смерти в 1919 г. Петр уехал в Москву, где начал свою трудовую жизнь, имея в активе несколько лет сельской школы.

В автобиографии он писал: «Поступил я вначале на работу чернорабочим на аэродроме, а также работал на других стройках Москвы. В том же 1919 г. я поступил на работу курьером в Наркомздраве РСФСР, где работал до 1920 г. В 1921 г. Биржей труда был направлен в дом подростков Рогожско-Симоновского района, который находился на Б. Коммунистической ул., дом 13. Оттуда был направлен в дневную райсовпартшколу Рогожско-Симоновского района, после окончания которой я был послан в 1923 г. на работу в 12-ю типо-литографию Мосполитграфа, где работал вначале учеником, а потом наборщиком до 1928 года. В 1922 году я вступил в доме подростков в комсомол, а в 1924 г. в указанной типографии в ВКП(б). В этой же типографии я работал также освобожденным секретарем ячейки ВКП(б) — 1928–1929 гг.».

В 1926 г. Петр Иванович женился на моей тете, Марии Федоровне, а в 1927-м родилась дочь Тамара. Из Москвы тетя Маня с дочкой летом ездили в деревню под Гжатск, где жили младшие братья и сестры с бабушкой Домной Самсоновной и дедушкой Матвеем Дмитриевичем Матвеевыми. Здесь она делала все то, что делали крестьяне летом: возила навоз, косила траву, собирала ее в копны. В трогательных письмах 1929 г. она писала своему молодому супругу в Москву, чтобы он не скучал, что Томуся растет, правда, иногда болеет из-за холодного и дождливого лета, лакомится земляникой и маслицем, которое бьет бабушка, о том, что постарается приехать в Москву пораньше и сшить мужу костюм из того материала, который удалось купить. Вот такие были у нас мамы: шили одежду своим мужьям, себе и детям. Рассказывала о жизни деревни: цветет вовсю сирень, яблони зимой приморозило, но удалось достать полпуда сахарного песку для варенья, в Филисово сгорела рига с зерном. Писала о тех проблемах, которые приходилось решать: «С Троицкого дня начнется покос. Хотя меня это не касается, но жалко Нюсю (так в семье звали мою маму Анастасию — А.С.). Последнее время у нее сильно болит рука, как она будет косить, не знаю. Врач сказал, что нужны грязевые ванны, но какие уж там грязевые ванны, когда работать некому. К покосу, наверное, наймут работниц».

Петр Иванович вступил в ряды ВКП(б) в 1924 г. и сразу стал ее активным членом. Но в 1933 г. началась так называемая «чистка» партийных рядов от буржуазных элементов, в ходе которой бюро ячейки Центрального управления народнохозяйственного учета при Госплане СССР, где Петр Иванович в то время работал, вынесла ему выговор «за притупление классовой бдительности». Комиссия по чистке на районном уровне исключила его из рядов РКП(б) как «не желавшего бороться на деле с классовыми врагами, ставшего на путь открытой защиты интересов кулацкого хозяйства: Иванов брал под защиту кулацкое хозяйство своего тестя.

Тесть, мой дед Федор Матвеевич Матвеев, к этому времени вовсю трудился на стройках Москвы. Профессия строителя всегда была на Руси делом нужным, а смоляне понимали в ней толк. Федор Конь, прославившийся созданием крепостных сооружений второй половины XVI в., в числе которых укрепления смоленского Кремля, был тоже родом со Смоленщины. Дед работал одним из младших управляющих на строительстве домов по улице Воровского (теперь снова Поварская). Позже стал трудиться на строительстве Московского метрополитена. Остался наградной документ от 14 мая 1935 г. — года пуска первой очереди московского метрополитена. На нем за подписями Председателя ЦИК СССР М. Калинина, Председателя СНК СССР В. Молотова и Секретаря ЦИК СССР И. Акулова выражается благодарность ударникам, всему коллективу Метростроя и лично Ф. М. Матвееву за его ударный труд в качестве прораба на строительстве Дома метро.

Трое сыновей Федора Матвеевича тоже уже жили и работали в столице, мама вышла замуж за моего отца, он тоже уехал в Москву и стал инженером-строителем. В деревне к 1933 г. остался дед Матвей, как звали моего прадеда Матвея Дмитриевича Матвеева. Хозяйство было неплохое: две лошади, две коровы, овцы. Приходилось подкармливать в то голодное время живших в городе родных. А работников практически не было, так что приходилось нанимать. В свое время дед Матвей не хотел, чтобы внучка Маня выходила за Петра Ивановича, так как тот был «голь перекатная». Но тот все-таки женился на Марии Федоровне. И вот теперь, когда семью Матвеевых приписали к кулацким хозяевам, пришлось оправдываться за такой неосмотрительный шаг.

Судьбу Петра Ивановича решила выписка из протокола Гжатского исполнительного комитета от 24 февраля 1931 г. Из нее следовало, что в 1930 г. было подано заявление Федора Матвеева, жителя деревни Молчаново Ленинского сельсовета, об отказе земли и части имущества. Дословно решение выглядело следующим образом: «Приняли во внимание, что все трудоспособные члены двора гр. Матвеева Федора перешли к другим видам заработка (работа по строительству в качестве специалистов) и трудоспособных членов в хозяйстве не осталось, что хозяйство кулацким не является, а излишек (земли.— А.С.) объясняется службой трех членов

семьи. Постановление Ленинского Сельсовета от 29/3–1930 г. о слиянии хозяйств Молчанова Матвеева Федора с хозяйством Матвеева Дмитрия отменить, зачислив землю гр-на Матвеева Федора в количестве 18,07 десятин и указанный в заявлении инвентарь и постройки в состав ГЗИ (Государственное земельное имущество.— А.С.). Предложить сельсовету усилить работу среди бедняцко-середняцкой части деревни в отношении коллективизации, использовав принятую землю и имущество в первую очередь для колхозов». И уже в сентябре, т.е. несколько месяцев спустя, Комиссия Бауманскиого райкома партии Москвы отменила решение об исключении П. И. Иванова из рядов ВКП(б).

Дед Матвей, который хозяйничал на той земле, умер в 1935 году, наш дом в деревне Молчаново Гжатского района Смоленской области достался кому-то, кто там жил, а у нас остались семейные предания о тех временах, переданные нам нашими родителями и едва припоминаемые. Там, в деревне Молчаново, похоронены мои прабабушка Домна Самсоновна, прадедушка Матвей Дмитриевич и бабушка Евдокия Дмитриевна (1886–1918), прожившая всего 31 год и родившая шестерых детей — троих сыновей, из которых двое сложили голову за русскую землю в Великую Отечественную, и трех дочерей. Я там никогда не была. Да и самой деревни давно уже нет — она ушла под асфальт трассы Москва — Минск.

В 1929 г. Петр Иванович был выдвинут на работу в Центральное статистическое управление СССР, где занял должность заместителя заведующего сектором сельскохозяйственной статистики. Началась его карьера хозяйственного работника высших экономических органов Советского Союза: ЦСУ, Госплана, Совнаркома, Совмина. Сохранились письма 1934 г., которые он писал из командировок по сельскохозяйственным районам в качестве уполномоченного от центральных хозяйственных органов своей жене и дочери. Когда я их увидела, я стала больше понимать многое из того, что читала сначала в учебниках, потом в научных статьях и книгах. Они вызывали в душе горячий отклик, потому что рассказывали о том, как в его судьбе сплелись дело его жизни, любовь к женщине и забота о семье. На обороте фотографии, где он полулежит на только что вспаханной земле на фоне трактора, читаю: «Одна из лучших страниц за последнее время в моей жизни — весенняя посевная и уборочная кампания в совхозе Столбовая». В одном из весенних писем он пишет: «Здравствуйте, мои дорогие, милые Мария и дочка Тамуся! Шлю я вам свой сердечный привет и самые лучшие пожелания и крепко целую. Дорогая моя деточка, поздравляю тебя с днем рождения 15 мая и исполнившимися тебе семью годами. Очень жалею, мои дорогие, что я не могу лично прийти к вам и вас расцеловать. Желаю тебе, моя дорогая доченька, доброго здоровья, бодрости и весьма желаю, чтобы ты всегда была резвушкой и умницей. Хорошо бы училась и слушалась свою мамусю. Расти и будь славной умницей.

Дорогая моя Марочка! А тебя поздравляю с приближающимся восьмилетием нашей совместной приятной жизни. Тебе, моя дорогая, в свою очередь, желаю также счастья и радости. <...> Желаю тебе, чтобы ты в последующие годы имела обилие продуктов и вообще ни в чем бы не нуждалась. (Эти слова — на злобу дня, только что в стране прошел голод, еще сохранялись карточки.— А.С.) Жаль, что я не смогу вместе с вами провести эти праздничные для нас дни.

У нас в совхозе сев идет во все лопатки. На сегодня посеяли 56%, или 158 га. Осталось посеять 124 га числу к 20–22. Сев и посадку картофеля закончим, вот тогда и приеду. Вчера и сегодня здесь страшный холод, холодно и в пиджаке было выходить, холодно даже спать. К вечеру сегодня немного потеплело. Других новостей нет. До свидания, мои милые. Крепко вас целую и жду ответа. Ваш П. Иванов. 12/V-34. Ночь 11 час.»

В осеннюю уборочную страду из того же совхоза он пишет: «Здравствуйте, дорогая Мария и моя милая детка Тамуся! Шлю я вам свой сердечный привет и самые сердечные пожелания и крепко целую. Дорогие мои ребятишки! Извините, что не писал раньше — был чрезвычайно занят. <...> Дорогая Мария! Пиши, что у тебя нового, как проводите время. Получила ли ты деньги за командировку. У нас сейчас производятся следующие работы. Кончили овес, завтра привезут вику. Завтра еду в город. <...> Я, по-видимому, задержусь до 10 октября. Других новостей нет. Крепко вас целую. Ваш П. Иванов». В следующем письме он на их рассказы о том, что соскучились, отвечает, что тоже скучает, но скучать, по существу, некогда: «В том письме я тебе писал, что поеду к деду. Однако, ввиду того, что сейчас идет усиленная уборка картофеля, я съездить не смог, поеду в следующее воскресенье — свезу ему все имущество и распрощаюсь. Работы у нас остались — картофель и еще кое-какие мелочи. С картофелем нам повезло. Полк предложил 200 красноармейцев, и они нам вырыли 23 га. А мы вот после них 4 дня возим и будем возить еще завтра. Кроме этого, осталось убрать семенной клевер, 1,5 га ячменя и прочей мелочи, и с полем мы, можно считать, разделались. Других новостей нет. Остаюсь любящий вас, крепко вас целую — ваш П. Иванов. 2/X-34 г.».

Наконец, в третий раз он едет уже в ноябре в Бежецкий район Московской области в роли уполномоченного Госплана СССР по проведению выборов в сельский совет. «Здравствуйте, мои дорогие, мои милые Мария и детка Томуся! Шлю вам свой сердечный привет и крепко целую. Поздравляю вас, мои славные, с торжественным и великим праздником, XVII годовщиной Октября, и желаю вам провести его в добром здравии и весело. Жалко, что не будет меня, но что делать.<...> Приходится очень много бегать. Колхоз от колхоза находится в километрах 1,5–2-х, а мне приходится иногда быть в двух колхозах и сельсовете. Питаюсь, можно сказать, неважно. Во-первых, не всегда чисто, а во-вторых, не всегда во-

время. Иногда приходится обедать (как в Москве) в 10–11 часов, только с той разницей, что в Москве еще пообедаешь днем. Ну а здесь я отыгрываюсь утром (ем 3 шт. яиц, 2 стакана молока, чай и еще кое-что). И днем где-либо пью чай. Мясо здесь 6–7 руб./кг, яйца 4,5 руб./10 шт. и т.д. Других новостей нет. Сегодня пришел в город послать вам и в Госплан письма. До свидания, мои дорогие, еще раз желаю вам хорошо провести праздник. Крепко вас целую. Ваш П. Иванов».

В письмах он волнуется, почему нет писем от жены, и о том, как прошел праздник: «6/XI был пленум сельсовета, присутствовало человек 300. Я выступал с докладом. Говорят, доклад сделал приличный. <...> С 10/XI началась отчетная кампания сельсовета. 12/XI начнутся выборы. В моих селениях будут отчитываться 12, 14, 16, а выборы 15, 17 и 18/ XI. 20 будет пленум сельсовета. Думаю, что я уеду из колхоза 20/XI. До свидания, мои родные, скоро снова будем вместе. Ваш П. Иванов. Жду ответа. 11/XI-34».

Потом были письма, в которых срок возвращения отодвигался по разным организационным причинам, в том числе из-за плохой подготовки отчетного доклада председателя сельсовета. Поэтому сроки выборов отодвинулись. Петр Иванович пишет, что много разных проблем, что ложится спать иногда в 2 часа, а вставать приходится чуть свет. Что питается ничего — суп или щи с мясом, на второе молоко с хлебом. На завтрак жареная картошка, иногда со свининой, яйца. Но иногда перекусывает очень неприхотливо, если не сказать крайне неосмотрительно: крынка молока и тарелка кислой капусты! Нет бани! Так что условия довольно суровые, но «наш герой не сдается»!

В последнем письме Петр Иванович пишет: «Милый мой друг! Дорогая моя Мария! Славные мои Мурка и Тамуся! Вы, наверное, получили мою телеграмму о том, что я 29/XI не приеду, а приеду позднее. Чувствую, мои дорогие, как вы были опечалены и огорчены. Мурочка! Милая! Что делать? Конечно, надоело быть одной. Но я должен тебе заявить, что 5 или 6 декабря — это последний срок, когда я действительно приеду. Конечно, моя командировка затянулась, но что делать? Я выполняю здесь великое дело. Дело партии, и я как коммунист ничего другого сказать не могу.

Славная моя дорогая Мурочка! Если бы ты знала, как соскучился и я. Последние дни я только тобой и живу, только одна ты (конечно, и дочурка с нами и между нами) у меня в голове. Серьезно, я бы очень дорого отдал бы за то, чтобы увидеть тебя и Тамусю. Приласкать вас, поцеловать и никуда от вас не уходить долго, долго! Но, дорогая моя милая голубка, знай — разлука (и большая) сближает людей. Знай, моя славнушка, что я, по-моему, ни разу не чувствовал еще так глубоко, как я тебя горячо и беззаветно люблю. И вот сейчас, сидя один, я думаю, что я еще так горячо, так чисто тебя не любил, и, будучи вместе, я просто этой теплоты твоей, ласки не чувствовал, той привязанности и любви

к тебе. Знай, моя дорогая, что я еще лучше, еще горячей люблю вас (и тебя, конечно, как мою дорогую половину). Мурочка! Это не набор слов, это не лирика. Это действительно то, чем я живу, это та действительность, о которой я думаю ложась спать и вставая. Ты мне, моя дорогая, снишься каждый день (и я очень рад, что хотя бы во сне с тобой).

Дорогая моя Мария! Я приеду, как я уже сообщил, 5 или, самое позднее, 6/XII. Выборы Советов у нас начинаются 29/XI и к тому времени обязательно закончатся, а то сама пойми, с чем я приеду. Всю подготовительную работу провел, а на самое главное, на что я поехал, не хватило пороха. С чем же я приеду в Москву?» Эти свои чувства и понимание своей роли в строительстве социализма Петр Иванович пронес по всей своей жизни.

Новая работа требовала знаний, и в 1935 г. он поступает во Всесоюзную плановую академию имени В. М. Молотова, имевшую своей целью, согласно постановлению СНК СССР от 18/XI 1930 г., подготовку руководящих кадров для системы плановых органов и народно-хозяйственного учета. В стране, охваченной культурной революцией, росло число учебных заведений разного уровня. Перечень изучаемых предметов в Академии, куда поступил Иванов, в принципе не сильно отличался от тех, которые преподавали в мои годы учебы на экономическом факультете МГУ: те же диамат, истмат, политэкономия социализма и капитализма, та же история КПСС (тогда — ВКП(б)), статистика — экономическая и теоретическая, бухучет, народнохозяйственное планирование, планирование и экономика промышленности, право, математика. Еще были физика, химия, энергетика. Иностранного языка не было, но был ленинизм. Так формировалась система высшего образования в сфере управления народным хозяйством. И не только в сфере управления: в те годы открывались новые вузы, выпуск специалистов с высшим образованием рос семимильными шагами, действительно шла настоящая культурная революция.

В 1938 г. Петр Иванович освобождается от работы для окончания Академии, и в том же году получает диплом о высшем планово-экономическом образовании с присвоением звания экономиста по народнохозяйственному планированию. По окончании Всесоюзной плановой академии Иванов начинает службу в аппарате Совета Министров СССР (до марта 1946 г. Совета народных комиссаров), откуда, проработав более 30 лет, в 1970 г. уйдет на пенсию. Через два года началась Великая Отечественная война, и осенью 1941 г. он вместе с правительственными учреждениями выезжает в Куйбышев, откуда в 1943 г. возвращается в Москву. За работу во время войны награжден орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды, «Знак почета» и медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За оборону г. Москвы». Орден «Знак почета» он получил за участие в строительстве в 1942–1943 гг. новых железных дорог в районе правобережной Волги.

Это были стратегически важные объекты, необходимые для разгрузки грузопотоков, идущих с эвакуированных на Восток предприятий, изготовляющих боеприпасы и вооружение. Об этом я узнала из газетной вырезки, сохранившейся в бумагах Петра Ивановича. За что были другие награды, могу только догадываться.

В 1944 г. он поступает в Высшую (заочную) партийную школу при ЦК ВКП(б), которую заканчивает в 1948 г., получив второе высшее образование. Здесь наряду с традиционными истматом, диаматом, историей ВКП(б) и политэкономией упор был на историю — всеобщую, СССР различных периодов, международных отношений, а вместо ленинизма шло партийное строительство. Пиком его карьеры стало назначение в 1951 г. заместителем начальника хозяйственного управления Совета Министров СССР; на этой должности он проработал десять лет. Здесь развернулся его хозяйственный талант, пригодились приобретенные за годы учебы и работы знания, опыт и навыки. В круг его обязанностей входила организация строительства хозяйственных объектов. Но, наверное, главными отличительными чертами его было сочувственное отношение к людям, простота и сердечность в отношениях с товарищами.

Жизненный путь П. И. Иванова был тесно связан с судьбой людей его поколения в тот период, когда Россия оказалась историческим новатором в прокладывании путей в будущее. А. А. Зиновьев, родившийся на 18 лет позже, писал об этом феномене взлета: «Мы были первопроходцами, колумбами исторических поисков человечества. На Западе прилагают титанические усилия к тому, чтобы не заметить, занизить и исказить историческое творчество русских людей. Чтобы какие-то лапотники делали исторические открытия — такого не должно быть! Но это все-таки произошло, и с этим, так или иначе, придется считаться».

У Петра Ивановича, как и у многих миллионов простых русских людей, считавших Сталина вождем, спасшим Отечество, была своя правда. И когда я читаю Ф. И. Чуева, который подписывается: «Чуев Феликс Иванович. Советский поэт, публицист, сталинец», — я не только понимаю его, как теперь любят говорить, «мотивацию», но и не могу не уважать его — как гражданина Великой державы, которую создавали мои и его предки, он сам под водительством руководителя этой державы. Когда я вижу книгу Сергея Никитовича Хрущева, пытающегося доказать, что именно его отец возглавил создание Сверхдержавы, меня не охватывает негодование — мне просто смешно. Зачинщика современного развала сын ставит во главе того, что собиралось и сохранялось совсем другими людьми.

Став взрослой, выбрав в качестве профессии обществоведение, вступив в партию и подчинив свое поведение ее законам и ее политике, дожив до ее естественной, или противоестественной, кончины, я не могу переступить через свое ощущение чего-то важного и значительного, происходившего в то время. Да и разве это возможно? Подобное ощущение уходит

в подкорку сознания. Поэтому я поняла многое из того, что говорил и про что умалчивал Петр Иванович. Прежде всего, я поняла, за что он сильно недолюбливал Никиту Сергеевича. До сих пор помню, как летом 1954 г., в начале целинной эпопеи, Петр Иванович в разговоре со старшей дочерью Тамарой, ставшей уже экономистом-профессионалом, обсуждал проблему освоения целины, насколько обоснованным было это решение. Оба они считали, что лучше было бы все средства, пущенные на это дело, вложить в сельское хозяйство районов традиционного земледелия, т.е. в русскую деревню. Оказывается, они были совсем не одиночки. Тогдашний Председатель Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилов, который только что вернулся из поездки по Смоленской области, узнав о том, что для освоения целины перебрасывается вся сельскохозяйственная техника, с грустью заметил: «А в смоленских деревнях еще кое-где люди на себе пашут»,— так писал Брежнев в своих воспоминаниях. У Петра Ивановича, выходца как раз из смоленского крестьянства, все «экзерсисы» Хрущева в области сельского хозяйства, включая целину, кукурузу, чумизу (было и это), отмену травополья, потом его возвращение, защиту коневодства, потом требование его ликвидации — вся жуткая мешанина необоснованных решений — не могли не вызвать возмущения. Но о его политике в деле развенчания роли Сталина в семье никогда не говорили. Это была самая мучительная для него тема, о чем я стала догадываться значительно позже.

Свои убеждения дядя Петя старался привить нам с сестрой Наташей, родившейся в 1943 г. Осенью 1953 г. он привез нас с сестрой к новому высотному зданию МГУ, чтобы рассказать, по чьему указанию оно было построено, какие возможности открывает учеба здесь, объяснить величие замысла и показать всю красоту его выполнения. И тогда я дала себе слово, что буду учиться в МГУ во что бы то ни стало. Экономический факультет, куда я поступила в 1958 г., находился не здесь, а на Моховой. Но все-таки это было единое целое — естественные и гуманитарные факультеты Московского университета. С того далекого осеннего дня 1953 г. прошло так много лет, и эти годы так изменили, а где-то и исковеркали нашу жизнь. Но здание МГУ, парящее над Москвой, отсылает к лучшим дням молодости и остается залогом надежды.

На фотографии, сделанной 7 ноября 1966 г. во время демонстрации, посвященной 49-й годовщине Октября, Петр Иванович со знаменем парторганизации в руке. Ему всего 62 года, но выглядит он каким-то очень усталым и явно старше своих лет: уже 10 лет нет его любимой жены и тринадцать — любимого руководителя. На обороте карточки рукой секретаря парторганизации А. Кочеткова написано: «Сорок два года эта рука крепко держит знамя нашей Партии». В это время я училась в аспирантуре, и он убеждал меня вступить в партию, говорил, что готов дать мне рекомендацию: верил и ей, и в меня. Петр Иванович умер в 1973 г., таких, как он, становилось все меньше и меньше. В конце

концов, держать знамя партии и Советского государства стало некому, и оно рухнуло, погребя под своими обломками большую часть народов некогда великой страны. Однажды, еще в 1994 г., крестивший меня батюшка, отсидевший в местах, как говорится, не столь отдаленных, сказал: «Надо было чуть-чуть подправить, а они все разрушили». А один из «них» подтвердил: «Хотели как лучше, а получилось как всегда».

ГЕНЕРАЛ ВАСИЛИЙ ПЕТРОВ: ДО ПОСЛЕДНЕГО В СТРОЮ

***Тетушкина Мария Евгеньевна**, 18 лет,*
студентка 2 курса Института права
и национальной безопасности
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
университет имени Г.Р. Державина»,
г. Тамбов

Десятки и сотни раз проходят тамбовчане мимо скромного памятника, установленного в одном из скверов в центре города Тамбова. Кто он, этот человек, бюст которого мы видим практически ежедневно? Петров — такая распространенная фамилия. Сколько их, Петровых, полегло на поле боя. Наверное, наш земляк, участник Великой Отечественной войны, думает большинство жителей.

Этот памятник был установлен в 1953 году в честь дважды Героя Советского Союза Василия Степановича Петрова — мужественного офицера, человека с большой буквы.

Мы все знаем о подвиге легендарного летчика Алексея Петровича Маресьева, который лишился обеих ног, но сумел продолжить службу, вернуться в армию, сбив после ранения 7 немецких самолетов. Василий Степанович фактически повторил подвиг Алексея Маресьева в годы Великой Отечественной войны, лишился обеих рук, но остался на военной службе, продолжая участвовать в боевых действиях.

Кто же он, легендарный герой, какое отношение имеет к нашему городу?

Василий Степанович Петров родился в Запорожской области 5 марта 1922 года. В 17 лет поступил в Сумское артиллерийское училище, которое закончил лейтенантом в 1941 году. 22 июня 1941 года лейтенант Василий Петров встретил командиром огневого взвода 152-мм гаубиц 92-го отдельного артдивизиона Владимир-Волынского укрепрайона.

Боевое крещение было жестоким, с трагическими последствиями. Открыв стрельбу по фашистским танкам лишь после запоздалого при-

каза, несколько раз меняя огневые позиции, артиллеристы оказались в болоте и без тягачей, без тяжелых орудий позже присоединились к отступавшей пехоте [1, с. 439].

В 1942 о комбате Петрове заговорили после вошедшей во фронтовые легенды переправы батареи через разбитый и подожженный немецкими бомбардировщиками мост через Дон, после которой батарея мгновенно развернулась на огневую позицию и отбила от переправы немецкие танки.

14 сентября 1943 года подвиг практически повторился — только река была другая, Сула. Через два часа после переправы на дивизион капитана Петрова пошли 13 танков при поддержке батальона пехоты. Петров повел взвод управления и всех свободных артиллеристов в контратаку. После двухчасового боя, получив очередное ранение — в плечо,— Петров уничтожил еще до 90 гитлеровцев и вывел свои батареи из окружения, прихватив семерых пленных [2].

А уже через неделю капитан Петров заменяет выбывшего командира полка, причем в ответственейший момент: на переправе через Днепр. Именно стволы Петрова стали первой артиллерией Букринского плацдарма. 1 октября он встал за пушку со своим ординарцем — огонь немецких танков разметал весь расчет одной из батарей. «1 октября 1943 года,— читаем в наградном листе Героя,— при танковой контратаке немцев тов. Петров, находясь в боевых порядках, руководил огнем и лично подбил 4 немецких танка, 2 шестиствольных миномета» [3].

Прошла неделя, и неожиданно для героя исчез его друг, который был начальником разведбригады, майор Григорий Болелый. Петров отправился на его поиски — и исчез сам...

Простреливался буквально каждый метр. В этой огненной круговерти, ночью, Василий нашел раненого друга, присыпанного землей, без сознания, и понес его на руках. Вдруг — близкий разрыв, осколки ударили в грудь, руки... Через несколько дней однополчане отыскали капитана Петрова в медсанбатовском морге среди... погибших. Обе руки у командира были оторваны, на виске густо запеклась кровь. Очнулся Петров только в госпитале... Перенес несколько операций. Доктора давали небольшой шанс выжить. Потянулись долгие месяцы госпитальной жизни. Нам сейчас даже трудно представить, сколько нужно силы воли и мужества человеку с ампутированными руками, чтобы не пасть духом.

По признанию самого Василия Степановича, очнувшись на госпитальной койке, он испытывал такую нестерпимую боль во всем теле, что кричал до тех пор, пока силы не покидали его [4, с. 344].

Врачи считали Василия Степановича Петрова самым тяжелым и неспокойным больным. Он лежал в дальней маленькой палате, и к нему входили лишь при крайней необходимости — боялись его крутого нрава. Целыми днями больной молчал. И не только днями — в длинные бессонные ночи он сидел на кровати и качался, качался до рассвета. И Петров собрал все силы для

борьбы с собой. Но одно огорчало его теперь: врачи, да и некоторые товарищи, смотрели на него как на безнадежного инвалида, которому осталось только отдыхать и вспоминать прошлое. Неужели он совсем выбыл из строя?[5, с. 144]

Правда, тогда Василий Степанович все же немного не выдержал — изменил себе биографию, и в его личном деле появилась запись: «Родился в Тамбове».

Именно в госпитале Василий Петров попросил прицепить к вороту его рубахи карандаш и два месяца учился писать, держа его во рту. Сначала старательно выводил свою фамилию, потом — воинское звание.

Офицеру не хотелось быть обузой своим родным, поэтому даже не сообщил в родную Дмитриевку о том, что он все-таки выжил. Решил, что лучше пусть близкие считают его без вести пропавшим. Именно из-за этой записи бюст дважды Героя Советского Союза В. С. Петрову стоит не на его малой родине, а в городе Тамбове.

24 декабря 1943 года указом Президиума Верховного Совета СССР капитану Петрову Василию Степановичу за успешное форсирование Днепра, удержание плацдарма и проявленные при этом мужество и стойкость было присвоено звание Героя Советского Союза.

И Василий Степанович пишет рапорт на имя Сталина с просьбой... разрешить остаться в рядах Красной Армии. Его просьба была удовлетворена, и в декабре 1944 года В. С. Петров вернулся в действующую армию на должность командира гвардейского истребительно-противотанкового полка.

Второй медали «Золотая звезда» командир полка Петров удостоен 27 июня 1945 года за удержание плацдарма на Одере 19–20 апреля 1945 года, где был тяжело ранен в обе ноги. В порядке исключения, отметив заслуги отважного героя, Сталин после войны подписал приказ о зачислении гвардии подполковника В. С. Петрова в ряды вооруженных сил СССР пожизненно.

Вопреки инвалидности Василий Петров не пользовался лифтом, играл в футбол, ежедневно совершал часовые пробежки и делал по 1000 приседаний. Он даже расчесывался и брился самостоятельно. Для этого во дворе на дереве для него прикрепили расческу и бритву. Не говоря уже о том, что лично, без чьей-либо помощи, написал сотни тысяч строк своих мемуаров. С помощью специального приспособления, крепившегося к протезу.

Спартанский образ жизни прославленного ветерана поражал всех: он спал на солдатской койке, отказывался от заслуженных льгот. Кропотливо занимаясь военной историей, Петров написал несколько книг, вел научно-исследовательскую работу. В 1954 году окончил Львовский государственный университет. Кандидат военных наук. Был заместителем начальника ракетных войск и артиллерии Прикарпатского военного округа.

Василий Степанович, который в марте 1994 года указом президента Украины пожизненно был оставлен на военной службе в Вооруженных Силах Украины, лишился своего жилья и безвыездно жил за городом в районе правительственных дач в Конча-Заспе в одноэтажном деревянном доме.

В 1999 году ему было присвоено звание генерал-полковника артиллерии ВС Украины. Последние годы своей жизни он занимал пост заместителя командующего Ракетными войсками и артиллерией Главного командования Сухопутных войск ВС Украины. В эти годы он занимался активной научной, гражданской и военной деятельностью [6].

Прославленный ветеран, герой Великой Отечественной войны ушел из жизни 15 апреля 2003 года в возрасте 81 года. Был похоронен в Киеве на Байковом кладбище. Здесь же установлен памятник герою, деньги на который собрали его сыновья, которые также связали свою жизнь с армейской службой.

Литература

1. Тамбовская энциклопедия / Под ред. Л.Г. Протасов — Тамбов, 2004 – 704 с.
2. «Герои страны» http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=342 (дата обращения: 29.11.16).
3. Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь / Пред. ред. коллегии И.Н. Шкадов.— М.: Воениздат, 1988. Т. 2.– 863 с.
4. Петров В.С. Прошлое с нами.— К.: Политиздат Украины, 1988 – 623 с.
5. Люди бессмертного подвига. Очерки о дважды, трижды и четырежды Героях Советского Союза. / Изд. 4-е, испр. и доп.— М.: Политиздат, 1975. — 654 с.—Т. 2 .
6. Президент України; Указ від 14.10.1999 № 1329/99.

ЖИЗНЬ ПРАВОСЛАВНОЙ ЖЕНЩИНЫ ТАТАРИНОВОЙ АНАСТАСИИ НИКИТИЧНЫ

***Олейник Александр Петрович**, 63 года,*
педагог дополнительного образования
МБУ ДО «Дом детского творчества»,
г. Белев Тульской области

В плену

Большая крестьянская семья Никиточкиных жила в деревне Башкино Белевского района. Глава семьи Никита Евлампиевич из Башкино, его супруга Пелагея Ивановна из села Зайцево. На подворье имели каменный дом пятистенок, хозяйственные постройки. В 1941 году начали строить второй дом — деревянный. Подвели под крышу в начале лета. Такая необходимость была вызвана тем, что в 1940 году родился девятый ребенок — Дмитрий. Старшие уже помогали по хозяйству: Иван — 1924 г.р., Василий — 1925 г.р., Никита — 1928 г.р., Мария — 1930 г.р., Анастасия — 1932 г.р. Младшие: Александра — 1934 г.р., Пелагея — 1936 г.р., Виталий — 1938 г.р.

Татаринова А. Н. (первая слева). 1951 г.

С первых дней войны отец мобилизован в армию. Прошел всю войну. Комиссован по инвалидности.

В октябре 1941 года деревню оккупировали немцы. Установили свой порядок. Старостой назначили Алехова (по уличному). Однажды он доложил немцам, что семья прячет в лесу две лошади и корову. Пришел во двор немец, увидел ораву детей и не стал спрашивать мать, где она прячет скотину. Он их пожалел и ушел. Ивана и Никиту поставили обслуживать немецкий обоз. Однажды, воспользовавшись случаем, они убежали от немцев, перешли через линию фронта, который приблизился к реке Ока, и спрятались в лесу.

31 декабря 1941 года освобожден город Белев и большая часть района. Братья подались в город. С весны 1942 года Иван пошел воевать. Был артиллеристом. Погиб и похоронен в Польше. Никита поступил на работу в депо станции Белев. Всю войну был кочегаром на паровозе.

С начала 1942 года деревня Башкино стала местом жестоких боев. Все дома были разобраны немцами на блиндажи и для строительства укреплений. Фашисты отбирали всю живность и еду у населения. Срывали валенки и теплые вещи. Чтобы сохранить валенки, люди поверх них накручивали портянки и перевязывали их веревками. По возможности надевали еще и чуни (веревочные лапти). Женщины мазались сапухой (пушистой сажей).

Всю зиму шли бои. По деревне постоянно велся артиллерийский огонь. Люди прятались в подвалах и погребах. Снаряды разрывались близ их убежищ. Было страшно, они так и не смогли понять, как остались живы. Мать непрестанно молилась о спасении своих детей.

В апреле 1942 г. всех жителей деревни немцы погнали в тыл. Семья Никиточкиных ехала на своей лошади. В середине общего потока двигалась немецкая колонна, а по краям гнали наших людей. По весенней распутице не убежишь. Так за живым щитом немецкие подразделения благополучно совершали марши. Обозы шли до Бакланово, что под Орлом. Все лето пленные селяне как могли добывали пропитание. Нанимались на любую работу. Настя опекала младших братьев и сестер. Осенью, когда начали бомбить эти места, немцы погнали людей далее в тыл в сторону Брянска. На одной из станций посадили наших людей на железнодорожные платформы, а сами сели

в крытые вагоны. Такие эшелоны были застрахованы от налетов нашей авиации и партизан.

На станции Почеп была остановка. Немцы помыли людей, пропарили одежду от вшей. После такой дезинфекции всех посадили в вагоны. Трое суток везли на запад. Не кормили, больные и слабые умирали от голода. Люди плакали и молились о своем спасении. Привезли в местечко Рипейно. Здесь всех выживших распределили по рабочим командам. Семью Никиточкиных отправили работать на сушильный завод, где сушили картофель, овощи, зелень, делали крахмал. Там уже работало 300 русских пленных. Это были молодые ребята, которых еще не успели призвать в армию. Большинство было из города Мценска.

На этом заводе мать работала по 12 часов. Чистила картофель. Настя пасла гусей и присматривала за младшими сестрами и братьями. Пленные рабочие жили в бараке. Немцы жили в пятиэтажном доме. Всеми командовал бауер. Пленных кормили очень плохо. Утром и вечером по 4 картошки в мундире и один стакан чаю. В обед один литр баланды с мелкой крупой. На неделю ребенку выдавалась одна буханка хлеба и одна ложка сахара. Взрослым выдавалось на неделю две буханки хлеба, 100 г маргарина и две ложки сахара.

В бараке была железная печка. На ней можно было кое-что приготовить. В основном это была картошка, которую таскали с производства и прятали. Кто попадался, тех били розгами. Детям — 13 ударов, взрослым — 50. Когда били, люди теряли сознание. Их обливали водой и продолжали бить.

Весной 1945 года наши танки вошли в местечко. Всех освободили. После освобождения своим ходом долго добирались на Родину. Где-то в Польше поймали лошадь, нашли подводу. Наши военные кормили пленных всем чем могли. На одной из станций удалось сесть на поезд и доехать до Орла. От Орла до Болохова добрались на машине. Далее пешком в Башкино.

На родине

Вернувшись в родные места, семья Никиточкиных увидела вместо деревни пепелище. Мать с детьми отправилась пешком в село Мишенское. В этом селе прожили на квартире полгода. Затем обосновались в Белеве, в домике на улице Фрунзе. Семья пошла работать на белевский сушильный завод (филиал знаменитого сушзавода купца Прохорова А. П., находившийся на площади Пролетарской), который начал работать с февраля 1943 года. Заводом использовались бывшие купеческие склады, построенные у ярмарочного места. В апреле 1943 года на этом предприятии работало 130 человек и были открыты цеха инженерно-технических работников, материального обеспечения производства, заготовки, механический.

До войны Настя проучилась один год. В Белеве пошла учиться в школу № 3, которая располагалась в деревянном доме на улице Фрунзе. Проучилась два года. Семья большая, есть нечего. В 4-м классе Настя сдала экзамены и пошла работать на сушзавод.

После войны на этом заводе курсов уже не было. Молодые рабочие учились у мастеров прямо в цехе в процессе производства. Была одна канальная печь для сушки овощей и фруктов. Большая канавка вмещала в себя 12 вагончиков по 12 сит в каждом. Под канавкой была громадная топка, которая топилась круглосуточно цельными стволами. Истопниками были пенсионеры. Работали в три смены. Мастера поддерживали рабочую температуру +90°С. Сушили картофель, морковь, свеклу, петрушку, укроп, лук, пастернак, сельдерей, яблоки. Смородину и сливы сульфидировали. Зимой из них варили варенье. Из зрелых хороших яблок делали белевскую пастилу.

Мастер Николай Николаевич Гайдуков учил делать пастилу. Продукция шла в столицу, где раскупалась мгновенно. В самом же Белеве она была редкостью. На праздники (7 ноября, 1 мая) рабочим давали по одной килограммовой буханке.

Анастасия Никитична на сушзаводе прошла три производства: варенье-варочное, пастильное, бланшировка картофеля (сушка картофеля, предварительно ошпаренного в котлах).

На субботниках и воскресниках рабочие восстанавливали здания и убирали территорию разрушенного ликеро-водочного завода, переданного сушильному заводу. В летний период производственные бригады направлялись в Оленьково Московской области для сбора ягод.

За свои 45 лет трудового стажа Анастасия Никитична 28 лет работала на белевском сушзаводе, 8 лет — на белевской швейной фабрике, 7 лет — на «Трансмашзаводе», два года уборщицей. Везде была ударницей.

Выйдя на пенсию, целиком посвятила себя богоугодному делу, приходскому служению в Николо-Часовенской церкви г. Белева.

Литература

I. Белевский архив
Ф. 166, оп.1. Д. 1;
Ф. 166, оп.1, л.с. Д. 3;
Ф. 166, оп. 2, л.с. Д. 2;
Ф. 166, оп. 2, л.с. Д. 3,4.

II. Государственный архив Тульской области
Ф. Р-2515. ОП. 2. Д. 38;
Ф. Р-2515. ОП. 1. Д. 26;
Ф. Р-2515. ОП. 2. Д. 9;
Ф. Р-2515. ОП. 1. Д. 12.

УЧИТЕЛЬ — ГЛАВНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Парахина Юлиана Михайловна, *42 года,*
педагог дополнительного образования МБУ ДО г. Ливны
«Центра творческого развития,краеведения и туризма»,
г. Ливны Орловской обл.

Шишкина Л. М.

Я хочу рассказать историю жизни своей бабушки, ныне уже покойной, Лидии Михеевны Шишкиной, в девичестве Жиглиной, замечательного, светлого, как говорили все ее знакомые и друзья, отзывчивого и порядочного человека.

Родилась она 25 февраля 1923 года в городе Баку. Жила в историческом центре «ичари шяхяр» — в переводе с азербайджанского языка «внутренний город». Там, на улице Магомаева, располагалась коммунальная квартира, где дружно проживали и русские, и азербайджанцы, и евреи. Комната, в которой она прожила до 1997 г., была небольшая, но очень светлая, с прекрасным видом на Каспийское море. Из двух огромных окон, по 2,5 метра высотой, был виден весь город от парка Кирова до Дома Советов. Эти огромные окна во время войны приходилось закрывать тяжеленными дубовыми ставнями. За три года до войны, в 1938 году, бабушка осталась круглой сиротой. И по договоренности проживала на попечении соседки до совершеннолетия в своей комнате.

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. В тот же день в Баку состоялся многолюдный митинг трудящихся. После его окончания свыше 40 тысяч человек подали заявление в Военный комиссариат Азербайджанской ССР с просьбой отправить их добровольцами на фронт. В течение первых десяти дней войны в одном районе Баку 1200 женщин-работниц, домохозяек и учащихся подали заявление с просьбой зачислить их в санитарные дружины. Среди них была и 18-летняя Лидия Михеевна Жиглина. Однако ей было отказано из-за слабого зрения — близорукость минус семь, без очков она почти ничего не видела.

Тогда Лидия записалась в добровольные помощники войскам ПВО. Каждую ночь с подругами-однокурсницами поднималась она под звуки сирен на крышу, чтобы там, среди зияющей черноты и мечущихся столбов света от прожекторов, тушить зажигательные бомбы в случае их попадания. А после ночного дежурства утром девушки шли на работу или учебу.

Германское командование уделяло особое внимание нефтяным залежам Баку и в ходе Битвы за Кавказ ставило задачей взять контроль

над Баку и бакинским нефтегазоносным районом. Наши войска всеми силами сдерживали фашистов на подступах к городу Баку.

Бакинское небо охранял летчик Михаил Корин, лучший друг и первая любовь моей бабушки. К сожалению, в 1943 году он умер от пневмонии в госпитале. Но до сих пор его фотография с подписью хранится в нашем семейном альбоме.

Бабушка была очень энергичным человеком с активной жизненной позицией, патриотом. Как комсомольский вожак с прекрасными организаторскими способностями в 1941 году по комсомольской путевке была направлена директором в детский передвижной клуб БОНО (Бакинского отдела народного образования). Он тогда размещался на ул. Гоголя в одноэтажном доме. Бабушка рассказывала, что коллектив у них был на редкость дружным, профессиональным и работоспособным. Там же она познакомилась с замечательными и уважаемыми людьми, которые были намного старше ее: А. Т. Лежневым — народным артистом АзССР, сатириком Ю. Фидлером, балериной Театра оперы и балета Н. Мазепа, первоклассной портнихой Клавдией Ивановной.

В задачи директора клуба БОНО входила организация выступлений детских коллективов перед ранеными солдатами в госпиталях. Нужно отметить, что в годы войны республика была покрыта сетью эвакуационных госпиталей, через которые прошло более 440 тысяч раненых. По официальным данным, госпитали Азербайджанской ССР вернули в строй около полумиллиона советских солдат. Первое выступление состоялось в военном госпитале, который находился на улице Красноармейской в бывшей школе № 26. В дальнейшем до конца войны детские коллективы ездили по госпиталям с концертами, которые очень нравились раненым, и они просили повторить на бис некоторые номера. Юные артисты с большим удовольствием и полной отдачей повторяли номера, сценки, песни. Особенно раненым нравились юмористические частушки на военную тему, неизменно вызывавшие восторг и бурю аплодисментов.

В конце 1942 года коллектив клуба БОНО готовился к премьере спектакля «Машенька». Но тут в помещении начался ремонт: в зале сложили канцелярскую мебель, стулья, кругом был строительный мусор, стояла густая пыль. Казалось, премьеру придется отложить на неопределенный срок... Однако благодаря активности и умелому руководству Л. М. Жиглиной премьера все же состоялась в актовом зале Республиканского дома пионеров, который в то время располагался напротив мемориала памяти 26 Бакинских комиссаров. Зал был полон: среди зрителей были и чиновники народного образования, и директора бакинских школ, и учителя, и актеры ТЮЗа, и родственники юных артистов. Премьера прошла успешно, после спектакля всех горячо поздравляли. Выступающие выразили благодарность дирекции детского передвижного клуба БОНО, режиссеру А. Т. Лежневу и всему коллективу.

В 1945 году после возвращения с войны специалистов мою бабушку направили работать в школу, так как к тому моменту она уже закончила педагогическое училище и получила специальность учителя начальных классов. За самоотверженный труд во время войны она была отмечена наградой — медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Хочется отметить, что бабушка помогала фронту не только своим трудом, но и передавала деньги из личных сбережений в фонд обороны, несмотря на стесненность в средствах. Согласно архивным данным, из личных сбережений в фонд обороны жителями АзССР было передано 15 кг золота, 952 кг серебра, 320 миллионов рублей.

С 1947 года и до самой пенсии бабушка работала в школе № 160 г. Баку. Это была не просто школа, а одно из самых уважаемых в городе Баку учебных заведений, в котором долгое время функционировал клуб интернациональной дружбы. Сюда приезжали ребята и их учителя из стран социалистического лагеря. Работать в этой школе было почетно и интересно. Будучи членом КПСС, бабушка длительное время являлась парторгом школы.

После войны процесс возвращения к мирной, нормальной жизни был труден. Учить детей, переживших ужасы войны, трудно. Своим ученикам бабушка старалась прививать такие замечательные человеческие качества, как благородство, чувство справедливости, трудолюбие, честность, усидчивость и, конечно же, любовь к близким, к Родине, которую безгранично любила сама.

В послевоенные годы Л. М. Жиглина дважды дважды избиралась депутатом Совета Азербайджанской ССР. За активное участие в работе по проведению выборов в Верховный Совет СССР в марте 1950 года была отмечена благодарностью.

Школы давали не только знания, но и воспитывали любовь к Родине и к ее многонациональной культуре. Лидия Михеевна проводила необыкновенные внеклассные мероприятия, например, уроки мужества проходили на военном сторожевике Краснознаменной Каспийской флотилии. Бабушка учила меня и своих учеников иметь свое мнение и высказывать его вслух. Ответы на вопрос начинать словами: «я считаю», «мое мнение», «я думаю». Это воспитало умение брать на себя ответственность за свои поступки.

В музее школы № 160 есть фотографии и видеоматериалы, посвященные моей бабушке Лидии Михеевне Шишкиной.

Бабуля — удивительный человек, большая выдумщица, с потрясающей фантазией — умела радоваться жизни и всеми ее проявлениями и заражала этим свойством окружающих. Она была волевым, жизнерадостным и добрым человеком. Оставшись сиротой, прожила достойную жизнь, получила образование, выучила много поколений школьников, которые

очень любили и помнили ее, помогали ей в трудные моменты. Я горжусь своей бабушкой!

Литература
1. Куманев Г.А. Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 годы // VIVOS VOCO.— 2006.
2. Новая Российская энциклопедия. Т. 3, ч. 1. Битва за Кавказ 1942–1943.— М.: Энциклопедия, 2007.
3. Султанов Б.И. Очерки истории стальной магистрали Азербайджана.— Баку, 1997.
4. Беляева В.А. Трудовой героизм рабочих Азербайджана в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.).— Баку: Азнефтеиздат, 1957.
5. https://ru.wikipedia.org/wiki/
6. http://rodina.pomni-yanaul.ru/ussr/azerbaidzhan.htm

МОЯ ТЕТЯ ЗОЯ

***Евтеева Марина Иосифовна**, 62 года,*
врач-терапевт высшей категории,
г. Москва

Евтеева З.С.

В жизни мне очень повезло родиться в замечательной семье, каждый член которой заслуживает отдельного подробного рассказа, но меня попросили вспомнить то, что связано с моей любимой тетей Зоей, Евтеевой Зоей Семеновной.

Она родилась 22 апреля 1929 года, была вторым ребенком в семье. Ее отец, Семен Васильевич Евтеев, был родом из Рязанской губернии, второй из трех сыновей в не самой бедной и очень трудолюбивой семье, по крайней мере, дом был кирпичный с железной крышей; хозяйство вела властная Ульяна Петровна, бабушка мой мамы и тети. Мама, Мария Ильинична Евтеева (урожденная Субботина), окончила епархиальное училище, до замужества работала учительницей (племянница дедушки вспоминает, как во время сватовства она стояла на крылечке рядом с сестрой, Антониной Ильиничной, тоже учительницей, обе в длинных черных юбках и белоснежных блузках).

Мама вспоминала, что в детстве тетя Зоя зачастую была заводилой в играх, шалостях. Во время войны девочки делали все, что было необходимо, но редко об этом говорили, потому что не видели ничего из ряда вон выходящего, ведь все старались не только выживать, но и заботиться друг о друге. Вспоминали об огородах, об оранжерее, о золотых рыбках, которых разводил в оранжерее дедушка, руководивший этой оранжереей. А между стеклянными

фонарями оранжереи сотрудники сажали картошку. Тетя Зоя в детстве пасла козу, привязывала ее к ноге, а сама читала книгу, сидя на насыпи железной дороги.

Тетя Зоя родилась в 1929 году, в тот же год, что американская кинозвезда и, впоследствии, Принцесса Монако Грейс Келли; училась в той же школе, что знаменитая актриса Руфина Нифонтова, но на год позднее. Я иногда сравнивала свою тетю с этими потрясающими женщинами, думала — откуда у нее способность держать спину прямо, откуда дар декламации, владение голосом. Я очень любила в детстве, когда во время болезни тетя Зоя читала мне книги, особенно любила слушать сказки Салтыкова-Щедрина, стихотворения Пушкина, Лермонтова; потом уже мне выдавались книги с ненавязчивыми советами почитать — и почти всегда эти книги мне очень нравились. Возможно, у людей, родившихся в то время, переживших войну, была необходимость своей внутренней жизни, выражавшейся в артистизме (только это надо было заметить и развить).

Характер обычно формируется на примере близких по духу, по крови людей. Так вот, маленькой Зое Евтеевой было с кого «делать жизнь». У нее были удивительно честные, трудолюбивые и порядочные родители. В 1959 году в двух маленьких комнатах коммунального барака жили мои родители, дедушка, тетя Зоя и маленький ребенок, то есть я. Маме на работе дали на нас троих комнату в новом доме, мы уехали, а в жилконтору сведения еще не поступили, и дедушка получил ордер на трехкомнатную квартиру. Но он честно сообщил о нашем переезде и остался со взрослой дочерью в одной комнате этой квартиры.

Субботина Антонина Ильинична, тетя Зои Семеновны по матери, всю жизнь проработала учительницей начальных классов, была избрана депутатом Райсовета, награждена орденом Трудового Красного Знамени. В те годы орденоносцам платили ежемесячно довольно большие деньги, тетю Тоню представляли к высшей награде, к ордену Ленина, но она сказала, что у сотрудника большая семья, ему 25 рублей нужнее, а если награды поменять, ей вполне и 15 рублей хватит.

Брат Марии и Антонины, Николай Ильич, служил в летной части и был награжден во время Великой Отечественной войны орденом Красной Звезды, о чем родственники узнали из газеты. Да, в общем, среди моих родственников не принято было не только хвастаться, но и особо говорить о своих личных победах; в те времена люди замечали сами и радовались достижениям окружающих.

Моя мама, Раиса Семеновна Евтеева, на 3,5 года старше своей сестры, стала врачом, великолепным диагностом и терапевтом. Понятно, что, имея такое окружение, тетя Зоя старалась все время совершенствоваться, учиться, делать все безукоризненно. Все у нее было продумано — от одежды, обуви, маникюра (у нее были очень красивые и ухоженные ногти, она считала это необходимым, так как учитель русского языка показывает кончиком пальца ошибки в тетради) до подготовки к урокам, оформления кабинета литературы, проведения отчета о походе или выступления детей перед ветеранами.

Тетя Зоя всегда путешествовала, нельзя сказать, что она это любила — нет, это был образ жизни, желание постоянно познавать и узнавать новое, делиться

с окружающими: родными, сверстниками, учениками, со всеми, кому это интересно. Она прошла своими ногами чуть ли не все Подмосковье, объездила весь огромный Советский Союз, от Прибалтики на западе до Камчатки, Сахалина и Курильских островов на востоке. Горы, реки, южные и северные моря — все это было в ее жизни и в жизни Ольги Гурычевой, ученицы и ближайшей соратницы. Думаю, надо быть целеустремленным, сильным, суперответственным человеком, чтобы водить в походы (в том числе в горы) своих учеников, показывать им красоту природы, учить взаимовыручке и доброте.

Очень любила цветы полевые — ромашки, васильки, обязательно с колосками ржи в букете; купавки, ландыши, колокольчики, все, что можно найти в лугах. Из садовых — розы, пионы, георгины, настурции, гладиолусы, кажется, флоксы — это от дедушки, Семена Васильевича, который был замечательным садовником, агрономом, выращивал дивные цветы. Таких роз, как у него на даче, я больше нигде и никогда не видела, даже в розариях разных стран, а дача-то и была года три всего, продали после дедушкиной смерти, потому что она была пополам с его другом, а без дедушки было невозможно все это содержать — талант нужен особенный.

Очень хорошо помню, как в моем детстве, по воскресеньям (когда это был единственный выходной), мы в этот день выезжали за город на электричках: зимой на лыжах резво пробегали 10–15 км, катались с горок, летом бродили по лесам, всегда разжигали костры, готовили еду в котелке на треноге. Особенно вкусным был походный чай с веточками хвои, с попавшими угольками; он зачерпывался из котелка прямо кружкой и был необыкновенно ароматным и волшебным, в нем отражалось небо, солнце, сосны, березы и счастливые лица путешественников на привале... А какой был кофе из термоса, когда мы пробегали на лыжах с опушки Измайловского парка (Новогиреевская улица) до озера в Горенках, а оттуда возвращались на электричке. Мы тогда не снимали лыж до платформы, даже перебегали на лыжах временами пустую дорогу, которая теперь называется МКАД и которая теперь похожа на постоянно движущуюся ленту —Лего из машин. И все это время главным генератором была моя тетя Зоя Семеновна.

У тети была среди многих ученица, Ольга Гурычева, Ольга Алексеевна, очень умный и талантливый человек. Она занималась в детстве и юности музыкой, считалась очень перспективной, но, придя в класс к Евтеевой Зое Семеновне, решила стать учительницей. Окончила педагогический институт с красным дипломом по специальности «География на английском языке», отказалась от обучения в аспирантуре для того, чтобы заниматься педагогикой и учительством. В дальнейшем они стали подругами, обе очень целеустремленные, с сильными характерами, с желанием сделать максимум полезного для людей. Обе разными путями пришли к поиску ветеранов Великой Отечественной войны. Изучали материалы, встречались с участниками войны, прошли по местам боев, основали в своих школах (434-я городская и 15-я специальная с углубленным изучением английского языка) музеи тех подразделений, историей которых занимались, начали организацию встреч ветеранов, где они делились воспоминаниями и жизненными принципами со школьниками, взрослыми —

со всеми, кто хотел их услышать. Тогда не было слова «поисковик», что у меня ассоциируется с поиском информации во всемирной паутине, было слово «поиск», а те, кто искал «ровесников следы», как писал Арик Круп, назывались «следопытами», а еще раньше были «искатели» — по-моему, чудесные определения людей и их занятий.

Когда я думаю о своей маме и тете Зое, которые прожили рядом всю жизнь, были очень близки, умерли в течение двух недель друг за другом, всегда вспоминаю их радостные молодые лица, те события, выдумки, домашние «капустники», к которым часто присоединялись другие люди. А какие они организовывали встречи Нового года с ночными прогулками в лес на лыжах, когда в одной руке палки, в другой — бенгальский огонь! И ощущение счастья от наступившего Нового года, и всегда у всех случалось что-то волшебное в течение года, потому что жили с радостью, с желанием постоянно делать друг другу приятное.

Конечно, жизнь не была безоблачной, были болезни, операции, неприятности, характер моей тети, да и всех остальных, обострялся, особенно упрямство, но, из-за острой веры в хорошее, удавалось справляться с большим количеством проблем.

В общем, говоря о моей тете, Евтеевой Зое Семеновне, надо обязательно вспоминать об ее окружении, о тех, кто был рядом, помогал, поддерживал, учился и учил, потому что любой умный человек учится всегда у всех достойных людей. Надо обязательно назвать тех людей, о которых тетя Зоя говорила с воодушевлением и кого я еще не назвала.

Это Ирина Трифоновна Филатова– участник боев 2-й дивизии народного ополчения — с ней обычно тетя Зоя обсуждала все дела в музее и голосом, интонацией всегда выражала восхищение этой удивительной женщиной; Елена Вячеславовна — талантливый учитель, словесник, классный руководитель, талантливая поэтесса; Людмила Шмалько — ее песнями тетя Зоя восхищалась и заслушивалась; Александр Андреевич Абрамов — Директор Божьей милостью; Валерий Игнатьевич Гуров — тетя Зоя всегда в высшей степени отзывалась о высочайшем интеллекте и многих талантах своего ученика Валерия Гурова; Саша (теперь уже Александр Андреевич) Осмоловский и Женя (Евгений Александрович) Блинков — удивительно тонкие и светлые, «чудесные ребята»; Саша Ларин, мастерски владеющий гитарой и собирающий людей вокруг себя у костра, в поезде, поддерживающий всех в трудную минуту; Марина Константиновна — блестящий профессионал и человек редкой души. Об этих людях я много слышала в последние несколько лет, когда оказывалось время для неспешной беседы с чашечкой кофе или во время празднования чьего-либо Дня рождения.

Прочла написанное и поняла, что всю жизнь пыталась равняться на своих близких, старалась равняться и на других людей, которые были симпатичны тете Зое и мне сначала по ее рассказам, а потом и при личном общении. Вот тут-то и поняла, как трудно соответствовать тем высоким требованиям, которые предъявляли себе и окружающим мои мама и тетя, а также все люди, о которых я рассказала.

ДЕТИ ВОЙНЫ МУЧКАПСКОГО РАЙОНА

Щербак Галина Ивановна, *48 лет,*
заместитель директора
МБОУ ДО «Дом детского творчества»
Мучкапского района Тамбовской области

Горюнова М. А.

Горюнова Мария Алексеевна

Горюнова Мария Алексеевна (в девичестве — Чуева) родилась в 1936 году в селе Троицкое Мучкапского района Тамбовской области. Мама трудилась дояркой на местной ферме, разнорабочей в колхозе. Отца не было.

Марии было 5 лет, когда началась война. Односельчане узнали об этом страшном событии из военных сводок по радио.

С первых дней войны на фронт ушли воевать дяди Марии: Дмитрий Ефимович, Иван Ефимович и Михаил Ефимович Шейкины. Все они прошли военные испытания достойно. Дмитрий Ефимович был в плену. В различных званиях и с наградами вернулись дяди с полей сражений.

Военные действия не коснулись родного села. Только однажды прошел по селу строй неизвестных солдат. С замиранием сердца вглядывались в их лица женщины и дети с надеждой увидеть знакомое лицо.

Самым тяжелым испытанием в жизни для Марии были военные годы. Это был самый страшный период в жизни девочки. Холод и голод преследовали всех односельчан. Ходить было не в чем, условий для обучения не было никаких. Закончила Мария всего 2 класса. Все, кто не попал на фронт, работали в колхозе. Дети и женщины пахали, сеяли, убирали хлеб как могли, держали скотину. Все для фронта, все для Победы! Мария помогала маме и по хозяйству.

Самым радостным для Марии стало известие об окончании войны. Радовалось все село. Радовались и плакали. Слезы радости за Победу, горькие слезы — за погибших.

После войны жили трудно: нищета, плохое жилье, недоедали. Но настроение у односельчан было хорошее, так как самое страшное уже было позади. Надеялись и верили, что трудом своим построят хорошую жизнь, достойную.

Работала и Мария — сначала плугочистом, затем на комбайне в местном хозяйстве.

Сейчас Мария Алексеевна проживает в р.п. Мучкапский Тамбовской области.

Минаева Р. И.

Минаева Раиса Ивановна

Минаева Раиса Ивановна родилась в 1930 г. Детство и юность прошли в Мучкапском районе Тамбовской области на территории Хреноярovского сельского Совета в колхозе им. Молотова. В семье было семеро детей.

Мама и папа работали в колхозе. Мама выращивала свиней, ухаживала за лошадьми. Папа работал плотником, в дальнейшем стал бригадиром.

Известие о начале войны привез молодой парень, сидя верхом на лошади. Он гнал лошадь в галоп и громко кричал: «Война! Война!..» Раисе Ивановне тогда было 11 лет.

С первого дня войны ушел на фронт отец. Ему было 39 лет. Он прошел всю войну, участвовал в боях за Кенигсберг. Вернулся домой в августе 1945 г.

В 1943 г. ушел на фронт старший брат Павел. Он пробыл в Армии 7 лет. Вслед за братом самовольно отправилась на фронт старшая сестра Александра. Но до фронта она не добралась. Причиной тому стали голод и холод. Она вернулась домой.

В период войны в колхозе остались женщины, дети, старики. На полях и на фермах работали всем селом, все отправляли на фронт. Работали до изнеможения. Раиса Ивановна работала тоже в колхозе: разносила воду, помогала пахать поля на быках. Продуктов питания не хватало, скотину кормить было нечем. Однажды прямо на поле пал бык. Девочек возили в район, разбирались, пугали трибуналом. Но простили. Носила сводки в сельский Совет за 5 километров, работала почтальонкой — разносила солдатские письма.

В колхозе выращивали овец, вязали из шерсти носки и варежки на фронт. Голодные волки нападали на стадо. Было очень страшно оберегать поголовье. Каждый раз казалось, что волки набросятся и съедят людей.

Страшным для людей в этот период были голод и холод. Все отправляли на фронт. Дома еды не было. Спасала семью полуголодная корова. Всеми силами оберегали ее. По кружке молока в день спасло детей от голода. Ели также свекольные листья, похлебку из ржаной крупы. Крупу делали из зерна. Зерно получали из колосков, которые терялись на полях. Но и за колоски, что домой относили, сильно ругали в колхозе. Меняли одежду на продукты, в основном — картошку. Но ее было очень мало, не хватало на такую большую семью.

Корова помогала и обогревать дом, и сварить еду. Печь топили навозом, который заготавливали круглый год. Но его было очень мало. Успевали только сварить еду.

Иногда мама ездила в Мучкап. Там работала пекарня, и оттуда она привозила хлеб. Можно было выменять соль, спички.

Света не было. Зажигали коптилки, которые сами делали.

Не было мыла, моющих средств. Изготавливали из золы щелок. В нем и стирали, и мылись. Но вшей и блох вымывать не удавалось.

Несколько раз село бомбили. Часто пролетали самолеты и сбрасывали бомбы. Однажды пастух гнал стадо коров. На них упала бомба. Пастух погиб и много коров. Было очень страшно.

Однажды в село пришли двое мужчин, попросили хлеба. Они сказали, что отстали от своей части. Их оставили переночевать. Постелили в сенях соломы для ночлега. Но утром, когда проснулись, их уже не было. Кто они и откуда — никто так и не узнал. Ходили предположения, что это были дезертиры, которые отсиживались в лесах.

Самым радостным событием было, конечно же, окончание войны. Ликовало и плакало все село. Гул стоял несколько часов. Плакали по погибшим, радовались за выживших. Но самым ужасным было то, что после объявления Победы продолжали приходить похоронки. А в некоторых семьях после похоронок приходили запоздавшие солдатские письма-треугольники. Долго село переживало этот период.

Трудным был период восстановления страны после войны. Раисе Ивановне доверили дойку коров. 16 голов доила она руками, сепарировала молоко, ездила сдавать в район. Очень сильно уставала, болели руки, так как весь труд был ручной.

Затем ее направили в г. Архангельск на лесозаготовку. Отказаться было нельзя, иначе тюрьма. На работе пилили деревья, обрубали сучки. Было очень тяжело. Позже направили в Казахстанские степи — на Целину. Осваивали новые земли, выращивали зерно. Там же вышла замуж, родились два сына: Слава и Витя. Жили в неприспособленных вагончиках, топили печки-буржуйки.

И только в 1959 г. семья приехала в п. Мучкапский. Здесь родился третий сын Юра. Работала Раиса Ивановна на кирпичном заводе, на хлебозаводе мастером-пекарем. Имеет множество районных Почетных грамот за хорошую работу.

Чурсин Александр Иванович

Чурсин Александр Иванович родился в 1931 году в Мучкапском районе Тамбовской области, в с. Чимбиревка. В те годы это было большое село. Односельчане жили дружно, работали на полях и фермах, вели подсобное хозяйство. Родители Александра были простыми колхозни-

ками: мать (Прасковья) — доярка, отец (Иван) — кладовщик. В семье было четверо детей. Александр был старшим ребенком.

Чурсин А. И.

22 июня 1945 г. был обычным днем. Тогда не было телевизоров, а радио было только в сельском Совете. Известие о начале войны настигло родителей на работе. Александру тогда было 11 лет.

В первые дни войны отца забрали на фронт. Вслед за ним ушел дядя Степан. Оба погибли в 1941 году, в самом начале войны. На войну уходили все, кто мог держать оружие в руках. Всю войну прошли две тети Александра — Пелагея и Евдокия. После войны они не раз приезжали в село в гости.

Все взрослое население ушло на фронт. В селе остались старики и дети. Скотина, огород, домашнее хозяйство — все было на плечах детей, женщин и стариков: плетень упал — ремонтировали, огород пахать — корову запрягали, боронить — сами в борону запрягались. Так и жили. Но дети продолжали учиться в школе. Условия были непростые. Постоянно было холодно. В сильные морозы печь протапливали торфом или кизяками. Продуктов питания не хватало, все отправляли на фронт. Но, несмотря ни на что, дети учились.

Военные действия проходили вдали от села. Но однажды случилось следующее. Вблизи от железной дороги двое парнишек, чуть старше Александра, пасли телят. Над железной дорогой пролетел немецкий самолет. Самолет сбросил бомбы на железную дорогу. Ребята попали под бомбежку. Одному из мальчиков руку оторвало, а другого сильно ранило.

Известия с линии фронта о боях, о победах и поражениях узнавали из сводок по радио, из писем с фронта и от почтальонки. Ее всегда ждали с нетерпением. Слушали ее, радовались и горевали вместе. Но однажды она принесла самое страшное — похоронку на отца. Остались четверо детей с матерью. Старшие помогали младшим, работали.

Тяжести войны закончились с Победой. Победное ликование в селе длилось несколько дней. После войны из Москвы привезли по три пуда пшеницы на едока. Вот это была радость!

В 1948 г. Александр выучился на тракториста. Работал в селе на полях. В 1951 году был призван в Армию. В 1954 году вернулся в родное село и работал плотником. Со временем перебрался в р.п. Мучкапский и продолжил работать в совхозе «Россия».

УЧАСТНИК СРАЖЕНИЙ НА «НЕВСКОМ ПЯТАЧКЕ»

***Медведева Нина Викторовна**, 63 года,*
учитель русского языка и литературы
ГПОУ ТО «Болоховский машиностроительный техникум»
(отделение г. Липки),
г. Липки Тульской области

Здесь жарко плавился металл,
Железо гнулось, как бумага,
И «пятачок» навеки стал
Медалью доблестной отваги.

Соколова С. Б.

В этом году я побывала на экскурсии в Санкт-Петербурге. Я давно мечтала попасть в памятное и историческое место под названием «Невский пятачок». Моя мечта осуществилась. Во время Великой Отечественной войны здесь находилась деревня Арбузово, сейчас это плоское пустое пространство с заплывшими траншеями, покрытыми травой. Более 75 лет тому назад в сентябрьские дни 1941 года на левом берегу Невы возник крохотный плацдарм, вошедший в историю под названием «Невский пятачок».

В послевоенное время на месте кровопролитных боев в память о героях открыли мемориал. На нем слова Роберта Рождественского:

«Вы, живые, знайте, что с этой земли
Мы уйти не хотели и не ушли.
Мы погибли,чтоб жили вы».

Мемориал «Невский пятачок» находится в 30–40 км от Санкт-Петербурга, около города Кировска. Чем дорого мне это место, что так тянуло сюда?

В техникуме, где я работаю, действует небольшой музей. В нем бережно хранятся документы, награды, письма, много старых, пожелтевших от времени фотографий участников войны. Здесь чувствуется атмосфера далекого прошлого, память о нем. Ребята и преподаватели по крупицам собирают материал об участниках войны Киреевского района, проводят экскурсии по музею, классные часы.

Минченок В. С.

Меня очень заинтересовала история одного из участников военных сражений, защитника Ленинграда Минченка Василия Степановича. Я была знакома с этим человеком. Его дочь Зоя Васильевна работала в техникуме преподавателем физического воспитания.

Сухие строчки военного билета НМ № 4937567 повествуют о военной биографии красноармейца. Василий Степанович — уроженец Калининской области, Пустошинского района, деревни Скриплево. Ушел добровольцем на фронт 14 августа 1941 года с Ижорского завода Ленинградской области, когда ему не было еще и 18-ти. Образование — 7 классов.

С августа 1941 года по сентябрь 1942-го служил в 401 телеграфной стрелковой роте связи стрелком. Сначала был связистом, но в первом же бою получил ранение. После госпиталя он был назначен в полковую разведку. В это время началась блокада Ленинграда. На Ленинградском фронте была создана специальная опергруппа, задача которой заключалась в том, чтобы своими активными действиями не допустить поворота противника в сторону наступающих частей Волховского фронта. В этой операции участвовал и разведчик Василий Степанович Минченок. «Кто на Невском Пятачке не бывал — тот войны не видал» — гласила солдатская поговорка. Наверное, им было страшно, но эти слова не произносились вслух. Они были молодыми, хотели выжить, чтобы громить ненавистного врага и мстить за людей, за все зверства фашистов. Тяжело было молодому парню думать о том, что в его родном Ленинграде люди умирают от голода. Отец его умер в блокаду.

Опять сухие строчки документа: «С сентября 1942 по май 1943 года служил стрелком в 70-й стрелковой дивизии». 16 октября 1942 года 70-я ордена Ленина стрелковая дивизия преобразована в 45-ю гвардейскую стрелковую дивизию — первую гвардейскую дивизию на Ленинградском фронте. С мая 1943 по февраль 1944 года служил стрелком в 45-й гвардейской стрелковой дивизии.

С 1941 года по 1944 год дивизия участвовала в Битве за Ленинград. «Невский пятачок», где воевал Василий Степанович, выполнял важную роль в прорыве блокады Ленинграда. Георгий Константинович Жуков сказал: «Без «Невского пятачка» не продержится «Дорога Жизни», а без нее не продержится и Ленинград. Здесь решается судьба Ленинграда». Гитлеровцы били по «пятачку» из орудий, бомбили его с самолетов, перепахивали минами, но не могли потеснить наших бойцов с захваченных позиций. Так продолжалось 285 дней и ночей. Насмерть стояли советские бойцы и командиры. Многие геройски погибли. 17 февраля 1943 года немецкие войска под угрозой окружения оставили позиции перед «Невским пятачком» [1, с. 6–7].

Здесь В. С. Минченок был ранен. С февраля по сентябрь 1944 года он находился на излечении в 3866 эвакогоспитале. В его военном билете

зафиксированы «три ранения легких, два тяжелых». После очередного тяжелого ранения хирурги армейского госпиталя не решились извлекать один осколок в районе почек и один в ноге. Так и прожил он всю жизнь с этими кусочками металла.

Зоя Васильевна, дочь ветерана, рассказывает: «В феврале 1944 года тяжелораненого отца привезли и поместили в госпиталь «на колесах», то есть в вагон военного эшелона. Знакомясь со списком прибывших раненых бойцов, одна из медицинских сестер увидела знакомую фамилию и имя. Она бросилась искать раненого солдата. Предчувствие ее не обмануло — это был ее родной брат. Так Василий Степанович встретился со своей сестрой — медсестрой Таисией Минченок». И такое случалось на войне.

После госпиталя Василия Степановича комиссовали и отправили на излечение на Украину, в Краснополянский РВК Сумской области, где находились эвакуированные из Ленинграда родственники. Здесь он и встретился со своей будущей женой Анной Григорьевной.

В 1950 году вместе с женой и сыном Анатолием, дочерью Зоей приехал сначала в Щекино, потом в город Липки. Работал мастером бурения на шахтоосушении, затем слесарем в ЦЭММе. Василий Степанович активно занимался общественной деятельностью: являлся заместителем председателя Совета ветеранов войны и труда г. Липки и членом городского Совета депутатов трудящихся. Он часто выступал перед школьниками, студентами. Скупые мужские слова о военном времени, погибших друзьях действовали сильнее всяких воспитательных бесед на патриотическую тему. Из его рассказов мы узнали, что 9 мая 1945 года он встретил на Украине, работая бригадиром на Бездрикском спиртовом заводе (в настоящее время Харьковский майонезный завод). Узнав о капитуляции Германии, мужчины плакали от радости, не скрывая слез.

На разные вопросы отвечал В. С. Минченок. Один из них мне особенно запомнился. «Как восприняли он, его семья смерть В. И. Сталина?» Ответ был откровенным и запоминающимся. Ветеран войны сказал, что они встретили это известие как потерю самого дорогого человека. С этим именем были пройдены тяжелые военные годы, в него верили. Все, в том числе и мужчины, плакали.

После войны он часто ездил в Ленинград на встречи со своими однополчанами. В музее «Боевой славы» Невской Дубровки хранится его фотография.

Гордость за своего земляка, который не раз был награжден за мужество и стойкость медалями «За боевые заслуги», «За отвагу», знаками «Невский плацдарм», «Невская Дубровка», а также орденом Красной Звезды, переполняет наши сердца и остается в памяти.

Литература

1. Белоголовцев А. Ф. Невский пятачок. — Ленинград: Лениздат, 1970.

РАБОЧИЕ ДИНАСТИИ

***Гусев Борис Андреевич**, 81 год,*
ветеран труда,
кандидат технических наук,
г. Тула

В природе все взаимосвязано: полноводную, широкую реку питают впадающие в нее многочисленные притоки и речушки, мощное раскидистое дерево формируют сотни больших и малых суков, сучков и веточек. Из одного доброго семени, если оно окажется в благоприятной среде, может вырасти большое крепкое дерево. А от него уже рядом поднимутся другие деревца, которые, в свою очередь, дадут жизнь новым и новым растениям. И глядишь, с годами зашумит, поражая своей красотой, целая рощица.

Так и в семье: люди женятся, выходят замуж, создают свои новые ячейки, возводят дома, рождают и воспитывают детей, внуков. Порою посмотришь, разные они, но только из рода в род, из поколения в поколение сохраняются и передаются общие семейные традиции, навыки, образ жизни. За последние 150 лет наша семья потомственных оружейников Гусевых породнилась с семьями самоварных дел мастеров, первых тульских железнодорожников...

Только оружейному производству мы в общей сложности отдали более пятисот лет. Есть у нас еще и станкостроители, кадровые военные, строители, врачи, в основном, славные рабочие династии.

Общее для всех нас: любовь к Родине, честный добросовестный труд на любых участках, ответственность. Общая Великая Отечественная война, для большинства семей — эвакуация на Урал, где мы продолжали ковать оружие для фронта. Пережив все тяготы военного лихолетья, встретили Великую Победу и стали строить мирную жизнь.

Первые государственные награды: медали «За оборону Москвы», полученная отцом Андреем Дмитриевичем Гусевым в 1946 году, «За доблестный труд», врученная ему в феврале 1947-го. Только очевидцы событий 1941–1945 годов по-настоящему знают, как они, эти медали, достались.

...Эвакуация станкостроительного завода (ныне АК «Туламашзавод») в Куйбышев (теперь это Самара). Три недели в пути. В некоторых семьях оружейников маленькие и даже грудные дети. Мне тогда, второго ноября 1941-го, только исполнилось пять лет, а сестре Тамаре не было еще и двух месяцев, и ее везли в самодельной люльке, подвешенной к потолку вагона.

Необжитые места будущего поселка туляков «Машстрой» встретили крепкими морозами и огромными сугробами, а с приходом весны — непролазной грязью. Вокруг землянки, бараки, несколько двухэтажек с коммуналками.

Вручную на листах железа разгружали с платформ оборудование, тяжелые станки, затаскивали в промороженные недостроенные цеха и начинали работать. Уже 26 ноября собрали первый пулемет. А до нового 1942 года уже дали фронту почти три тысячи пулеметов «ДШК» (Дегтярева-Шпагина крупнокалиберный) и «ШКАС» (Шпитального-Комарицкого авиационный скорострельный). Всего за годы войны выпустили 54427 штук пулеметов «ДШК» и 114725 — «ШКАСов».

9 мая 1945 года, когда начинали цвести сады и оружейники еще затемно дружно шли на свои огороды, из громкоговорителя на столбе в конце улицы ставший родным для нас голос Левитана сообщил о Победе.

Войне — конец! ПОБЕДА! Все кинулись обратно домой, к репродукторам, разнося по соседям радостную весть. В школах начались митинги, встречи с фронтовиками, всеобщее ликование, ожидание возвращения даже тех воинов, на которых ранее приходили сообщения «погиб» или «пропал без вести». И бывало, они возвращались. Сколько было радости!

Вспоминая те послевоенные дни и месяцы, а я был в Куйбышеве до 1955 года, сегодня трудно себе представить, как, в каких условиях работали, как выжили. И не только трудились, выполняли и перевыполняли из месяца в месяц растущие планы, но и параллельно с этим строили новые цеха, вспомогательные производственные службы создавали, вместо землянок и бараков возвели красивый поселок «Машстрой», обустроили его, открывали школы, поликлиники...

А наши женщины! Многие из них трудились наравне с мужчинами в цехах, но на их хрупкие плечи, особенно у кого были малолетние дети, ложились дополнительные проблемы: чем и как накормить семью, выстоять очередь в магазин, чтобы по карточкам получить продукты, поработать во дворе и на огороде, покормить домашних животных — скотину и птицу. Это, кстати, отдельная тема послевоенной жизни туляков не только в Куйбышеве, но и других городах, куда они были эвакуированы. Даже когда жили в землянках и бараках, у каждой семьи имелся свой участок, на котором выращивали овощи, фрукты, как и в Туле, был палисадник с цветами. Мы держали скотину — корову, козу, кур. Это было хорошее подспорье к карточкам. Некоторые, не забывая свои традиции, разводили еще и голубей — чисто тульское увлечение. И когда эти красивые, символизирующие мир и любовь птицы весело кружились в воздухе, на душе становилось тепло и радостно, как в довоенной Туле, и крепла уверенность в том, что если вместо фашистских стервятников в небе наши тульские голуби — все будет хорошо.

Память выхватывает яркими огненными всполохами отдельные эпизоды, случаи тех послевоенных лет, которые никогда не забыть. Помню, как еще два или три года после войны нам, малышам, снились низко летящие самолеты Ил-2, рев этих «летающих крепостей», от которого дрожали стекла в окнах, дробный треск испытываемых на заводе скоро-

стрельных авиапушек и крупнокалиберных пулеметов. Эта «симфония войны» долго еще заставляла вздрагивать во сне не только нас, но и многих взрослых, прошедших сквозь пламя пожарищ и огонь сражений.

Помню, когда нас трясла малярия, медсестра, маленькая женщина по фамилии Кершон, разносила желтую хину. Сколько сил надо было иметь, чтобы обойти три улицы по 150 домов каждая и застать всех там проживающих.

А после основной работы во многих семьях занимались подработкой, раскрывая свое мастерство и умение, привнося в жизнь и быт этого города на Волге тульскую особинку, тульский колорит: кто-то делал на заказ резные наличники окон, кто-то ковал железные решетки, паял, лудил, обновлял дефицитную тогда кухонную посуду... Моя мама, к примеру, неплохо шила и брала в швейной мастерской работу на дом.

Мы, дети войны, без каких-либо назиданий, нравоучений воспитывались на примерах своих родителей, старших товарищей. В меру своих сил и возможностей мы, шести-семилетние малыши, помогали родителям: таскали воду из пруда, поливали растения, цветы, заготавливали корм козам на зиму, копали, пололи, сажали и многое другое.

Никогда не забуду, как в 1947 году мы с мамой и сестрой впервые ехали на побывку в Тулу. Переполненные шумные вокзалы на всем пути от Куйбышева до Москвы, за окнами вагонов часто проплывали огромные груды металлолома и раскореженной военной техники, собранной вдоль железнодорожной линии на переплавку.

1947 год запомнился какой-то особенной предъюбилейной атмосферой. Москва и страна готовились отметить 800-летие столицы, денежная реформа и обмен денег: десять к одному, повышение покупательной способности, огромные очереди в магазинах после отмены карточной системы. Когда, бывало, выскакиваешь с помятыми боками и буханкой еще теплого хлеба из магазина, каким вкусным казался этот черный хлеб. Из детских забав в те дни были пачки старых купюр, которые ребята доставали в цехах толевого завода, расположенного рядом с поселком, и приносили в своих, ставших школьными, сумках из-под противогазов.

Приметами тех лет стали и несостоявшиеся завоеватели — пленные немцы — изможденные, небритые, в расхрястанной обуви и потрепанной форменной одежде с пришитыми белыми лоскутками, на которых чернела надпись «ВП», и наша охрана с овчарками и автоматами. Немцы тогда копали траншеи под канализационный коллектор от Верхнего поселка до очистных сооружений и обустраивали бывшее Черновское шоссе (ныне проспект Юрия Гагарина).

В районе будущего парка «Дружба» располагался лагерь для военнопленных.

И какова же русская душа, какое сострадание наших людей! Порой женщины приносили вчерашним лютым врагам, которые жгли и убивали, кусочек хлебца или вареную картошку. Пленные и сами принимали с опаской и настороженностью ожидая, видимо, какой-то скрытой мести.

Многое в военной и послевоенной работе и жизни металлистов в Самаре схоже с историей тульских оружейников, ведь они были мастера не только много и качественно работать, но и отдыхать, обустраивать свой быт. В городе, как и в довоенной Туле, появились небольшие дворовые парки с цветами и обязательно с фонтанами и скульптурными композициями в центре. Сюжеты этих композиций были взяты с оружейных прикладов — «олень», «гусак» и другие. Многие оружейники тех лет, в том числе и мой отец, были заядлыми охотниками и фотолюбителями. Эти увлечения они взяли с собой в Самару, где стали активно развиваться уже после войны, когда времени на отдых стало больше.

Охота, рыбалка на Волге и Самаре, выращивание урожая на грядках в садах и огородах, разведение цветов, овощей и фруктов, участие в выставках всего того, что уродилось на благодатной волжской земле, — все это от оружейников прочно вошло в быт местных жителей. Но туляки никогда не оставались без наград. В сквере у проходных по выходным собиралось немало фотолюбителей: подрабатывали, знакомились с образцами отечественной и зарубежной фотоаппаратуры различных форматов.

В 1952 году по опыту горьковчан началось возведение жилья методом народной стройки. В те годы в поселке появилось много подростков в форме учеников фабрично-заводских училищ. Это были ребята из городов Поволжья и Украины, а также из других районов. Благодаря тульским мастерам, преподававшим в ФЗУ, среди которых был и мой отец, они становились первоклассными рабочими, востребованными многими заводами города. Мне и самому в пятьдесят третьем году пришлось поработать в инструментальном цехе, возглавляемом известным тульским оружейником Борисом Васильевичем Пастуховым. Тогда я в деле увидел многих наших мастеров и их учеников. Среди них был и туляк Сергей Горшков, который, подобно сказочному Левше, работая «на глазок», давал в смену четыре нормы без брака. Туляк-ветеран Дмитрий Михайлович Сергеев не только воспитал опытного инструментальщика Василия Масалыкина — паренька-сироту из-под Харькова, но и научил его играть на тульском баяне и ремонтировать часы, что ему тогда в жизни очень пригодилось. И таких примеров — сотни.

Для нас, ребятишек, самым главным была учеба. Пусть не хватало учебников, тетрадей, но учились мы прилежно, не пропуская занятий. До начала пятидесятых годов приходилось каждый день приносить в школу чернильницу-непроливайку. Потом появились авторучки перьевые, за ними — шариковые. Когда в последних исписывалась мастика, приходилось ехать в центр города, чтобы перезарядить ручку.

Для подрастающего поколения было организовано детское и школьное питание, хорошая библиотека при клубе «Заря», детские сады,

незабываемые пионерские лагеря на берегу Волги, спортивные секции при заводской спортбазе «Зенит». Лыжи, коньки, снаряжение для игры в хоккей — все предоставлялось ребятам бесплатно. Но особой популярностью в поселке пользовался футбол. Мальчишки гоняли мячи (чаще тряпичные, других не было) всюду: в своих дворах, на освободившихся картофельных полях, на стадионе. Были в поселке и свои кумиры: вратарь заводской команды Гарипов, Федор Новиков, который в 1947 году пришел из заводского «Зенита» в городскую команду мастеров «Крылья Советов», а в 1951 году стал мастером спорта. С него мы брали пример во всем. Он был нападающим таранного типа, с хорошей скоростью и обводкой, обладал сильным ударом с обеих ног. Это он в 1954 году на первом международном матче «Крыльев Советов» забил в ворота сборной Индии три мяча. Немало поселковых ребят тогда совмещали работу со спортом, играли в футбол даже и в команде мастеров. Не каждый сегодня может похвастаться улицей в своем городе, названной в честь футбола и футболистов, а в поселке туляков «Машстрой» такая улица была.

Нельзя не вспомнить и о наших замечательных учителях. Тулячки 1941 года рождения, как и моя сестра Тамара, расскажут о своей первой учительнице Марии Степановне Васильевой, а ребята из школы № 71 (тогда было раздельное обучение) — о классном руководителе Клавдии Алексеевне, учителе истории, директоре школы Сергее Романовиче и учителе химии первой новой послевоенной школы № 107, построенной у стен завода на месте позиций бывшей зенитной батареи,— Федоре Ивановиче Логинове, а также о преподавателе английского языка Зое Федоровне Орешко.

Особенно повезло с учителем математики. Мы с благодарностью вспоминали его в школе на выпускных и в институте на приемных экзаменах, и позже, ставя в пример учителям наших детей и внуков. Он пришел к нам в начале пятидесятых годов. Невысокий, немолодой, с короткой стрижкой, строгий, и, как казалось, очень консервативный. Его пространные замечания и комментарии в наших тетрадках с домашними заданиями и контрольными работами невольно настраивали на более глубокое самостоятельное изучение материала, заставляя искать варианты решения, учиться мыслить. Мы встретились с ним много лет спустя. В 1972 году среди гостей новогоднего Голубого огонька был и наш школьный учитель, директор одной из куйбышевских школ, Герой Социалистического труда Александр Александрович Столяров.

Познавать мир, еще не научившись читать, мы начинали с радио. Какие тогда были разнообразные, и главное добрые, развивающие программы для детей и школьников: литературные, познавательные, развлекательные, спортивные — настоящая радиоакадемия для вступающих в жизнь подростков.

Бегло читать многие из нас тогда учились по газетным статьям и передовицам. Бывало, отец раскроет «Волжскую коммуну» или заводскую многотиражку «За боевые темпы» и дает пятнадцать минут: «Читай, да без ошибок, с выражением».

Учились жить не только на примерах родителей и старших товарищей, но и у героев любимых первых изданий книг о войне Александра Фадеева, Льва Кассиля, Валентина Катаева, Бориса Полевого и других. Отрывки читали на уроках литературы, писали школьные сочинения. С нетерпением ждали очередного номера «Пионерской правды», на которую очень трудно было подписаться, с продолжением повести Валентина Катаева о подвиге партизан в одесских катакомбах. Глубокий след в памяти о том времени оставила повесть Льва Кассиля «Дорогие мои мальчишки» о ребятах-подростках, поступивших в ремесленные училища и заменивших у станков ушедших на фронт отцов. Все это очень напоминало жизнь в нашем тульском поселке на волжской земле — «Машстрой».

Запомнилось первое издание «Повести о настоящем человеке» Бориса Полевого: книга небольшого формата, в мягкой обложке, но очень толстая. О ней много говорили на уроках литературы, писали сочинения. Спустя много лет встретил ее героя на Куликовом поле в день шестисотлетия битвы. Среди гостей был и А. П. Маресьев. Думаю, что каждый школьник в те далекие послевоенные годы зачитывался воспоминаниями Никиты Федоровича Карацупы — легендарного пограничника с 1933 года, опытного следопыта. На его счету 120 боевых столкновений с контрабандистами и диверсантами, 467 задержанных нарушителей границы. Узнав о том, что младший брат отца Сергей Дмитриевич Гусев, офицер-пограничник, встречался с Никитой Карацупой, очень захотел перечитать его «Записки следопыта».

Любовь к строительной профессии мне передалась по наследству. Один из моих предков был не просто умельцем-оружейником, но и прекрасным резчиком по дереву. Он участвовал в отделке интерьера двух тульских храмов. Его резьба была даже в храме Христа Спасителя. Незабываемые впечатления остались от того, как в конце войны и в первые послевоенные годы туляки строили себе дома и с какой радостью две тысячи семей переселялись из землянок, бараков и коммуналок в свои одноэтажные пятистенки с высокими тесовыми крышами и приусадебными участками в девять соток. Помню, как рассказывали о строительстве мощной по тем временам Волжской ГЭС.

После окончания средней школы в 1954 году отец, который будет работать в Куйбышеве еще до 1971 года, посоветовал мне возвращаться в родную Тулу и поступать на недавно открывшийся строительный факультет Тульского горного института, что я и сделал. И сегодня горжусь, что, продолжая семейную традицию рабочих династий, стоял у истоков создания тульской Магнитки, возведения одной

из крупнейших тогда в металлургической промышленности третьей доменной печи, освоении производства и выпуска первых в регионе изделий крупнопанельного домостроения для пятиэтажных жилых домов... Но это уже другое время и отдельная история, начало которой идет с того послевоенного периода.

Теперь же несколько слов о других моих родственниках, членах большой разветвленной рабочей династии Гусевых, Беляевых, Петровых, Пасько, Исаевых, Минюшиных, Крыловых, Кузиных, детство и юность которых проходило в послевоенные годы. Моя сестра Тамара Гусева-Минюшина, закончив Самарский авиационный институт, как и многие дети и внуки потомственных туляков, выросших на самарской земле, влилась в ряды первых строителей космических кораблей.

Двоюродный брат Эдуард Николаевич Гусев впервые в 1946 году в десятилетнем возрасте сел на старый, видавший виды отцовский велосипед. Эдик, как он сам вспоминал, едва доставал ногами до педалей, ерзая по привязанной к раме подушке. Это было время в Туле тяжелое, голодное. Отец слесарил по заказам, мать продавала газированную воду. Трое детей. Старший Эдуард помогал отцу в качестве подручного. А если выдавался свободный часок — гонял с ребятами по улице, обычно по Коминтерна. Здесь жили уже известные тогда велогонщики — Владислав Ростовцев, Виктор Кузнецов, Михаил Мысков. Они-то и затащили Эдика на трек. Затем в 1951 году тренер и гонщик Николай Касаткин пригласил семиклассника Эдуарда Гусева в велосекцию общества «Динамо». В том же году он стал чемпионом Тулы среди юниоров и был включен в сборную области. Он чемпион СССР и России в 1953, 1955 и 1956 годах, в 1954-м установил рекорд СССР, а в 1956 году отличился в командной гонке на треке на XVI Олимпийских играх в Мельбурне.

Николай Семенович Беляев восемнадцатилетним пареньком с семьей старшего брата Павла, работавшего на Тульском оружейном заводе, отправился в эвакуацию в Медногорск. По возвращении на ТОЗ занимался изучением трофейной военной техники, а потом вплоть до ухода на заслуженный отдых в 1983 году работал в ГНПП «Сплав», создавая вместе с коллективом первые реактивные системы залпового огня «Град», «Смерч», «Ураган» и другие.

Юрий Данилин — лауреат Государственной премии Совета Министров СССР, Почетный строитель Российской Федерации — начинал карьеру на стройках Большой химии в Щекино и на Тульской Магнитке, а с 1963 года — в Магадане вместе с женой Жаннеттой Сергеевной, племянницей Заслуженного строителя и шахтера РСФСР, Почетного гражданина города-героя Тулы Ивана Макаровича Климанова.

Ветеран Великой Отечественной войны Василий Пасько после капитуляции милитаристской Японии вернулся в Тулу и работал в проектных организациях комбината «Тулауголь» на восстановлении шахт

Подмосковного угольного бассейна и развитии послевоенного жилищного и промышленного строительства. А его дочь Вера Васильевна, с одной, единственной записью в трудовой книжке: институт Мосбассгипрошахт, — занималась проектированием предприятий стройиндустрии, в том числе космодрома «Восточный».

Более пятидесяти лет отдала тульскому здравоохранению еще одна представительница нашей династии Светлана Владимировна Гусева- Крылова, родители которой работали в эвакуации в Ташкенте на авиационном заводе, а после окончания войны были переведены на восстановление освобожденного от врага Кишинева. Здесь-то Светлана и закончила медицинский институт и переехала в Тулу.

Каких только нет профессий среди представителей рабочих династий, ведущих свое начало от Степана Егоровича Гусева с середины девятнадцатого века и до наших дней: оружейники, станкостроители, машиностроители, самоварных дел мастера, железнодорожники, умельцы кустари-ремесленники, изобретатели, строители, врачи, юристы, педагоги, проектировщики, шахтеры, психологи, спортсмены, офицеры советской и российской армии, пограничники...

Все они в зависимости от политической и экономической ситуации в стране выбирали наиболее востребованные профессии и с чувством глубокой ответственности всегда делали свою работу хорошо, с любовью и высоким качеством. Не зря в народе говорят: «сделать хорошо — это сделать дважды».

Глава 6. ПРАВДА О ПОСЛЕВОЕННОМ ВРЕМЕНИ. ИЗ ПИСЕМ, ДНЕВНИКОВ, ВОСПОМИНАНИЙ

НАХЛЫНУВШИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

***Токарева Евгения Юрьевна**, 51 год,*
член Союза писателей России,
член Клуба «Московский Парнас»,
г. Москва

Крестный ход Бессмертного полка

Солнечный ясный день. На небе ни облачка. Во всем чувствуется необычная торжественная атмосфера: и радость, и печаль пополам. Из репродукторов победно звучат песни военных лет. На домах развеваются кумач и триколор. Даже в природе произошли прекрасные перемены: парки благоухают сиренью, на бульварах, в парках и во дворах всех встречают красные, белые, розовые и желтые красавцы-тюльпаны, по бордюрам клумб весело расположились приветливые анютины глазки, в кустах звонко щебечут воробьи, словно тоже радуются этому великому празднику...

Я вышла из дома и гордо несла вдоль Садового кольца портрет дяди Жени, пропавшего без вести под Ленинградом в ноябре 1941 года. В честь него меня и назвали Евгенией. Приближаясь к станции метро «Маяковская», я заметила — впереди появился отряд молодежи в белых праздничных рубашках. Возглавлял отряд юноша, несший красный флаг. С этим отрядом я влилась в колонну Бессмертного полка.

Передать словами атмосферу, царившую там, невозможно, но я все же попробую хоть коснуться краешка этого Великого Действа.

...Море восторженных глаз и пылающих сердец слились во единый строй. В одно мгновение все стали братьями и сестрами. Это было подобно Крестному ходу! Только вместо хоругвий и икон люди несли портреты своих родных и близких — солдатов войны. Солдатов войны, без различия степеней и рангов, без различия национальностей... Здесь были русские и украинцы, белорусы и казахи, армяне и грузины, киргизы и башкиры и многие, многие другие. Мы шли одной интернациональной

шеренгой, то затягивая песню военных лет, то подхватывая раскатистое «ура-а-а-а!», то молча глядя в мирное чистое небо...

Мы шли одной колонной, но в ней можно было заметить и отдельные группы, во главе которых шли знаменосцы. Над полком реяли Андреевский флаг, триколор, флаги республик бывшего Советского Союза, флаги с орденом Отечественной войны и георгиевской ленточкой, многие другие флаги и, конечно, красный, флаг, с которым шли в бой, шли на смерть наши деды, отцы, а у старшего поколения — мужья и братья, защищая Родину!..

Подходим к Пушкинской площади. И вдруг забили в барабаны, заиграли на народных инструментах — кяманче и дудуке. Это шла армянская группа со своими портретами, со своей историей, со своей музыкой, переворачивающей душу.

А над всем строем, над всем «крестным ходом», в чистом лазурном небе летал вертолет с видео- и фотокорреспондентами. И взмывали вверх портреты, точно живые знамена!

По обе стороны Тверской улицы с некоторых балконов люди встречали нас бурными приветствиями. Кто махал рукой, кто платком, кто кричал вместе с полком «ура», оказываясь в общем торжестве. В окно одного из верхних этажей смотрит ветеран и машет нам рукой, приветствуя шествие. И вся колонна дружно скандирует: «СПА-СИ-БО!» Это было настолько трогательно и проникновенно, что у многих покатилась слеза.

Приятно отметить, что в Бессмертном полку принимали участие не только старшее поколение и молодежь, но и много было детей от 2 до 10 лет. Самых маленьких везли на прогулочных колясках. Дети, которые были постарше, гордо восседали на плечах у отцов. Одного мальчика лет пяти с загипсованной до плеча рукой нес отец. На гипсе развевалась георгиевская ленточка, а на голове ребенка была военная пилотка. Остальные дети шли рядом с родителями, неся в руке либо флажок, либо шарик. ...Вот подул легкий ветерок, малыш не удержал веревку в руке, красный и белый шарики полетели в небо. Но, не достигнув цели, зацепились за провода и оттуда, плавно покачиваясь, провожали торжественно идущую колонну. Это поколение только входит в жизнь, но раз они идут в этом славном строю, думаю, они выберут правильный путь и станут достойными сынами и дочерьми своей великой Родины.

Подходим к Иверским воротам Красной площади, и я вижу со стороны Александровского сада, как идет еще одна колонна с портретами. Но она не вливается в нашу, а обе шеренги разводят по двум сторонам Красной площади: одна огибает могилу неизвестного солдата и идет мимо трибун по площади, другая (наша) проходит через Иверские ворота. Обе колонны завершают свой путь у храма Василия Блаженного.

Немного погуляв по Красной площади, насладившись ее величием и красою, мы направились в поисках метро к Большой Ордынке, родным местам моего папы. Милое доброе Замоскворечье! Здесь многое измени-

лось, но его сердце и душа остались. С трепетом и сонмом воспоминаний я прошла по этой старой, окутанной легендами улице. Вдали показался храм «Всех скорбящих радости». Войдя в него, я подала записки за всех родных и близких, как почивших, так и здравствующих. Завтра Радоница — день поминовения всех усопших. И хоть у меня не было портрета папы, но весь путь я прошла, неся его образ в своей душе. Это ощущение давало мне силы и необыкновенную легкость. В следующем году обязательно понесу его портрет. Во время войны папа, будучи восьмилетним ребенком, тушил фугаски на крышах.

«Крестный ход» Бессмертного полка открыл во мне второе дыхание. Нахлынули воспоминания...

Дядя Женя

Евгений Григорьевич Дадыкин родился в 1919 году на Донбассе. Вместе с родителями, Анной Павловной и Григорием Леонтьевичем, и младшей сестрой Валентиной Евгений еще ребенком переехал в Москву, на улицу Фрунзе (сейчас — Знаменка). Здесь он пошел в школу № 57 на улице Маркса — Энгельса (сейчас она называется Малая Знаменская улица). Здание школы было построено в 1877 году и открыто как частное реальное училище, а после Октябрьской революции функционировало как учебное заведение.

В школе Женя подружился с Лаймоном Цирулем, сыном старого большевика Фрица Яновича Цируля. После того, как в октябре 1925 года трагически погиб Фриц Цируль, Лаймона усыновил комендант Кремля. Евгений некоторое время жил у своего друга Лаймона на улице Грановского. Но он часто приходил домой к родителям и младшим сестрам, Вале и Тане (моей маме). Таня вспоминала: «Женя часто сажал меня на закорки, бегал по комнате, приговаривая: “Веселый Франц и шустрый Фриц пошли охотиться на птиц”». За отличную учебу по окончании школы Евгений получил в подарок бюст В. И. Ленина и его собрание сочинений.

Женя очень любил маму Анну Павловну. Отца Григория Леонтьевича немного боялся, но относился к нему с почтением. После школы Евгений поступил в Геолого-разведочный институт и затем в ОСОАВИАХИМ. Занимался в летной группе лейтенанта Сегедина ВМАУ им. Сталина. Когда началась война, у дяди Жени была бронь. Отец об этом узнал и строго сказал Евгению: «Если ты воспользуешься своей «бронью», ты мне больше не сын! Так и знай...» Надо сказать, что на момент разговора с отцом у Жени уже было направление на фронт. Вслед за отцом (у которого, кстати, тоже была бронь. — Прим. автора) Евгений в первые месяцы войны ушел на фронт и погиб в ноябре 1941 года в мясорубке под Ленинградом. Дедушка, Григорий Леонтьевич Дадыкин, погиб под Москвой в 1942 году.

Московский дворик

Родная сестра дяди Жени и моей мамы — Валентина Григорьевна Ивлева (11.04.1921–21.12.2000) — была участницей трудового фронта в Великую Отечественную войну. Тети Вали давно нет с нами, а воспоминания остались. Я записала их в 1994 году и с большим волнением перечитываю, так как все мое детство и отрочество также связано с этим дорогим моему сердцу двориком.

«Дом 9 по улице Фрунзе (ныне Знаменка) располагается рядом с Кремлем. По этой улице долгие годы проезжали вожди, члены правительства прошлых лет отправлялись из Кремля через Боровицкие ворота до Арбата и далее на дачи, находящиеся на Воробьевых горах.

Мы, дети довоенного времени, всегда видели на улице секретных агентов, охранявших улицу от посторонних, видя в каждом потенциального врага. Такое было время...

Несмотря на то, что улица жила в постоянной тревоге, особенно в 1937–40-е годы, наш милый московский дворик жил своей веселой, бесшабашной жизнью, наполненной детским смехом.

В те годы в доме проживало очень много ребят — мальчиков и девочек разных национальностей, но все жили дружно, как одна семья. Даже сейчас, по прошествии долгих лет, я с нежностью вспоминаю свои детские годы, прожитые в нашем доме, в нашем дворе...

Как и для всех детей тех далеких лет, любимыми играми были штандер, лапта, волейбол, «чижик» и, конечно, куклы у девочек. Весной, в мае, весь двор был расписан мелом, играли в классики и прыгалки.

Наш дом — четырехэтажный. Во дворе один флигель был одноэтажный, другой — двухэтажный с подвалами, в которых жили старые московские торгаши фруктами и овощами. Дидины, Волковы, Дьячковы — целые династии, из рода в род занимавшиеся торговлей.

В летнее время, когда все окна на этажах и в подвале были раскрыты, у этих нижних окон сидели на табуреточках люди старшего поколения, вели задушевные беседы и любовались своими детьми, играющими во дворе.

На углу двухэтажного флигеля росла дикая груша, которая весной цвела и благоухала, а осенью одаривала плодами.

В середине двора силами жителей дома был сделан огороженный сквер с цветочной клумбой посередине, травой по заборчику и липами, которые в летнее время давали тень и прохладу. В светлые летние дни, особенно во время сдачи школьных экзаменов, мы подолгу сидели в этом садике. Рано утром выходили, чтобы на свежем воздухе (тогда Москва еще не была такой загазованной) подучить последние вопросы перед экзаменами, и всегда мы слышали бой кремлевских курантов, так как воздух был чист и прозрачен.

Ранней весной каждого года жители нашего дома с удовольствием приводили в порядок двор, а именно — подправляли заборчик и штакет-

ник внутри небольшого садика, сажали на клумбе цветы. Всегда в этих мероприятиях принимали участие и наша мама — Анна Павловна Дадыкина, и группа женщин, которым было важно, каким станет в летнее время садик, где можно радостно посидеть на скамеечке, вдыхая аромат садовых цветов и запахи свежей травы и деревьев.

В нашем доме до войны проживали Михаил Гаркави, известный конферансье, и его жена Лидия Русланова, Георгий Милляр — Баба-Яга «всего Советского Союза», как он сам себя называл.

Нас, детей, в те годы воспитывали в духе уважения к старшим, дружбы между собой. Была у нас воспитательница Анна Станиславовна, которая ходила с нами на экскурсии в парки Москвы и увлеченно с нами занималась самодеятельностью.

Лидия Андреевна Русланова приходила в наш подвальчик и пела русские народные песни без тени пафоса и заносчивости, присущих многим современным артистам.

В подвале двухэтажного флигеля был красный уголок, где находился домуправ, а в вечернее время помещение было предоставлено нам. Здесь размещался также хор девочек, где мы разучивали песни тех лет, выступали на конкурсах в клубе завода «Каучук». С нами занимались и подготовкой к сдаче норм на значок «ГТО».

Надо отметить, что в те далекие годы до войны, мы, дети, были обласканы вниманием взрослых, и у нас не было времени, чтобы бродить бесцельно по улицам, стоять в подворотнях домов и подъездов. Все дети были по-настоящему детьми и далеки от мыслей, которые заполнили детские души в наше, такое смутное тяжелое время, когда на первый план выступают деньги, бизнес и секс, развращающие детские души, превращающие их в маленьких стариков.

...Первой жертвой финской войны был Николай Дьячков, который был призван в армию и погиб. Вот тогда мы, ребята, поняли, что несет с собой война.

В 1941 году — в первые дни войны мальчики нашего двора сбрасывали с крыши зажигательные бомбы, а старшие ребята с первых дней войны ушли на фронт.

Когда война кончилась, столько мужчин и ребят не досчитался наш двор! Многие наши мальчики погибли на фронтах Великой Отечественной войны: Семен Еврейсон, Евгений Дадыкин (мой старший брат), Сергей Дьячков, Володя Солдатов, Николай Русинов, Федор Глазков и др. Многие отцы не вернулись домой. Не вернулся и мой отец Григорий Леонтьевич Дадыкин. Он погиб под Москвой в 1942 году.

Понемногу старые жители уходили из жизни, из подвалов переселялись в новые дома. Дом и его милый, дорогой сердцу дворик пустел. Одноэтажный кирпичный флигелек сломали. Садик опустел, не стало желания сажать цветы и все, что было до войны, потихоньку ушло. Но, несмотря

на все невзгоды, пролетевшие над нашим московским двориком, оставшиеся жители, пережившие с ним все радости и беды нашего дома, с большой любовью и грустью вспоминают свою молодую жизнь в том московском раю».

Записки о детстве моего отца и послевоенных годах

Я родился 27 марта 1933 года в рабочей семье в Москве, на Кадашевской набережной, или, как мы называли, в Кадашах, недалеко от Третьяковской галереи. Москва была тогда не такой шумной и многолюдной, как стала теперь. Центр Москвы был местом наших детских игр. Вместе с сестрой Валей и другими ребятами мы бегали на Красную площадь играть в «салочки» и «колдунки». Любили мы играть в «чижа», в футбол и в денежные игры — «расшибалку», «пристенок»...

Мой отец, Мухин Михаил Михайлович, погиб в 1933 году. Мать, Токарева Ольга Петровна (брошюровщица), работала в две смены, но ее заработок все равно был небольшим. Во время войны голодали. Мой дядя работал в Третьяковской галерее, и я ходил туда в столовую обедать. На обед всегда был бульон с пирожком. Бульон я съедал, а пирожок продавал на рынке и таким образом возвращал деньги, потраченные на обед.

Учился я в разных школах: 9-й, 2-й, 12-й, 586-й. В 1949 году после семилетки я поступил во 2-е Московское артиллерийское подготовительное училище. Начальником училища был генерал-лейтенант В.С. Гулейко, которого в 1951 г. сменил генерал-майор Н.С. Иванов. Училище располагалось на Велозаводской улице недалеко от станции метро Завод имени Сталина (впоследствии — Автозаводская), которая тогда была конечной. Училище состояло из двух зданий школьного типа, в одном из них мы учились, в другом — жили. За зданиями находился стадион, где проходили занятия строевой подготовкой. Там же мы играли в футбол и в хоккей. Я играл сперва за детскую команду «Динамо», а затем — за 2-ю юношескую команду ЦСКА.

Самое первое мое воспоминание о товарищах по училищу связано с тем, что нам приходилось учиться узнавать друг друга дважды. Когда мы сдавали вступительные экзамены и начинали общаться между собой, мы запоминали друг друга, в первую очередь, по одежде, т.к. все были одеты в гражданское. Потом, когда мы стали уже воспитанниками, нас отвели в баню, постригли наголо и выдали форму. Сначала мы слегка растерялись: все одинаково одеты, одинаково пострижены и похожи друг на друга, как близнецы. Пришлось менять сложившиеся стереотипы восприятия своих товарищей. С этим мы, конечно, довольно быстро справились. Но это изменение внешнего облика было только началом тех изменений, которые происходили с нами в подготовительном

Полковник Токарев Ю. М.

училище и позднее. Военная форма играла при этом не последнюю роль. Оказывается, стоит сменить гражданский костюм на военную форму — и ты сразу становишься взрослее, строже к себе, к своей речи, поведению. От длительного ношения формы (плюс строевые занятия) развивается привычка к четкому, размеренному движению, прямой постановке корпуса, головы. Эта привычка не исчезает уже даже при смене одежды на гражданскую, поэтому мы наметанным глазом всегда можем выделить кадрового офицера из толпы гражданских лиц. Но тогда первым нашим чувством от ношения формы была мальчишеская гордость. На нас обращали внимание взрослые, восторженно глазели девчонки и завидовали «шпаки» (ребята, одетые в гражданскую одежду).

В училище мне удавалось уделять достаточно времени любимым видам спорта — футболу и хоккею. Команда нашей 5-й батареи (Миша Шишкин, Толя Якименко, Сергей Скрепцов, Владик Тараканов, Юра Беляев и др.) обыгрывала и старшие курсы, что было чревато некоторыми неприятностями. Мы, восьмиклассники, называемые «хазарами» (возможно, это название связано с упоминанием «неразумных хазар» из «Песни о вещем Олеге» А. С. Пушкина), отличались от ребят более старших классов — «спецов»; те пытались иногда нас притеснять, заставляя делать уборку помещений, брали «напрокат» в увольнение наши вещи, но отдавали не всегда. Для зимней формы одежды нам выдали шапки из натурального меха, а им — из искусственного. Ботинки, ремни у нас тоже были поновее. Мы сопротивлялись этим притязаниям, сплачивались. Доходило и до драк. Наш комбат, тогда майор, Кочнов Сергей Николаевич, поддерживал нас.

Драки у нас иногда бывали и со «шпаками». В одной из них я тоже принимал участие. Конечно, причиной раздора были девчонки, которых больше тянуло к нам. «Кадрили» мы их в основном в парке культуры имени М. Горького. Там, на Третьем массовом поле, по выходным устраивались танцы (подтверждением являются слова из песни: «О, парк культуры, тебя лучше нет, на Третьем массовом — весь спецовский цвет...»). Либо гуляли на улице Горького, московском «Бродвее», как ее тогда называли. Именно там при мне и вспыхнула драка. Нас было меньше, чем гражданских, и мы заняли круговую оборону вокруг памятника А. С. Пушкину (тогда он еще стоял на Тверском бульваре). Замелькали бляхи, «шпаки» напирают... Какой-то офицер, оказавшийся поблизости, выхватил свой пистолет и, угрожая им, потребовал разойтись. Толпа разбежалась.

Моим офицером-воспитателем был майор Минаев Василий Семенович (впоследствии он учился в Академии им М. В. Фрунзе, работал в Генштабе). Помню, как он учил нас правильно держать вилку, ложку, пользоваться салфеткой... Ко мне он относился всегда хорошо.

Старшиной-каптенармусом (это офицер, отвечающий за выдачу военного инвентаря и провианта) батареи был Москвичев Василий Дмитриевич, пришедший в МАПУ из ансамбля «Березка», где играл на баяне. Я был у него помощником по раздаче белья в бане, обмундирования и т.п. Поскольку я хорошо умел пилить, строгать, пользоваться лобзиком, старшина привлекал меня к оформлению помещений. Под его руководством я оформил все комнаты и коридоры, где размещалась наша 5-я батарея: выпиливал всякие надписи, ордена и медали СССР...

В учебе я не блистал, был середняком. С плохой успеваемостью ребят у нас, можно сказать, не было. Учился с нами Володя Демидов, племянник генерал-лейтенанта Кариофилли Г.С., начальника Управления артиллерийских подготовительных училищ. Во взводе было много отличников: Тебин, Фролов, Закурдаев, Ежиков, Сивицкий, Талалаев... В 6-й батарее учился Володя Граве, ставший впоследствии актером (он снимался в кинофильмах «Гусарская баллада», «Оптимистическая трагедия» и др.), а затем кинорежиссером. И это не было случайностью. Наши воспитатели старались прививать нам любовь к искусству. Преподаватель русского языка и литературы майор Обозий В.Г. приучил меня к чтению художественной литературы. Я много читал в училище: Аполлона Григорьева, Максима Горького, Михаила Шолохова и др. Полюбил стихи Сергея Есенина. К слову сказать, С.А. Есенина мы не проходили, его не переиздавали и вообще замалчивали. Но мы где-то доставали томики его стихов и читали с упоением.

Много ярких воспоминаний о МАПУ оставили летние лагеря. Наш лагерь находился под Можайском, возле Москвы-реки. Рядом был лагерь 1-го МАПУ. Ближайшие деревни — Игумново, Петерино, Макарово, а километрах в 20-ти — Бородино, куда мы ходили в пешем строю. Форма одежды в лагере была «полевая», хотя тогда мы ее так не называли: зеленая хлопчатобумажная гимнастерка с ремнем, такие же брюки с красным кантом, черные ботинки, зеленая пилотка х/б с красной звездой. Помню учения с холостой стрельбой из гаубиц 122-мм калибра, карабинов образца 1943 года, разрывы взрыв-пакетов... Из автомобильной техники в училище были американские «студебеккеры» и «Додж s». Между лесом, где находился лагерь, и Москвой-рекой был обширный луг, на котором мы играли в футбол, проходил даже матч со сборной г. Можайска. Сейчас я стал немного полноват, а в те годы мы все были стройные, энергичные и все время хотели есть. Особенно запомнилась ячменная каша — до чего она была вкусна! А когда после лагеря мы разъезжались по домам в отпуск, нам выдавали сухой паек: концентраты из круп, консервы, сгущенное молоко, сухофрукты. В те голодные годы это было очень кстати.

Погрузив предварительно нашу технику на платформы, из лагеря мы возвращались пригородным поездом, который тащил паровоз.

После 8-го класса, а точнее — 30 мая 1950 года, я познакомился с девочкой Таней. Два года мы с ней встречались, гуляя по Москве до рассвета, ездили с ее подругами и моими друзьями по МАПУ за город до «Заставы Ильича», где жила ее лучшая подруга Аня Кочергина. По окончании МАПУ, в 1952 году, мы расписались (паспорт я получил еще до поступления в училище).

Меня направили в Калининградское минометно-артиллерийское училище. Танюшка осталась в Москве учиться в МГУ, в который она поступила в 1951 году без экзаменов, т.к. окончила медицинский техникум с отличием. Вскоре, в 1954 году, наша семья соединилась. В том же году у нас родилась дочка Лена, а в 1965 году — дочка Женя, названная в честь старшего брата Танюши, погибшего в Великой Отечественной войне. С Танюшкой мы прожили вместе 45 лет, ни разу не пожалев о нашем решении соединить свои судьбы еще в юные годы.

В Калининградское училище Миша Шишкин и я прибыли с небольшим опозданием. Нас, естественно, никто не встречал, и мы добирались до расположения училища самостоятельно.

Когда мы вышли из вагона поезда на привокзальную площадь, то перед нами была ужасная военная картина: ни одного целого здания не было, одни развалины... А когда мы спросили, как нам добраться до училища, то нам ответили, что надо сесть на трамвай и доехать до такой-то остановки. Трамвай представлял из себя груду железа, весь пробитый пулями, осколками, без дверей и окон. Как он передвигался, известно одному богу. Пока мы ехали до своей остановки, не встретили ни одного целого жилого дома. Это как поется в одной из наших калининградских песен: «В город некуда пойти, все разбито на пути...»

В 1953 году Калининградское училище из двухгодичного стало трехгодичным (т.к. на вооружение шла более сложная техника). Все отличники и хорошисты (в том числе и я) закончили училище по двухгодичной программе. Изучали мы гвардейские минометы БМ-13, или «Катюши», БМ-31-12, БМ-24 и другую технику. На базе тех знаний, которые я получил в МАПУ, учиться было легко, и я закончил училище по 2-му разряду, что дало мне право выбора военного округа. Я выбрал Московский, к чему и стремился. Мне предложили на выбор: курсы «Выстрел» или полигон в Алабино. Я остановился на первом. Так я стал командиром взвода управления реактивной артиллерией (4 установки БМ-13), а вскоре — командиром взвода гаубичной 122-мм батареи на Центральных курсах «Выстрел». Там я прослужил 4 года. Видел всех маршалов — от С.М. Буденного до Г.К. Жукова. Тогда появились бинокли ночного видения, и я выдавал их всем маршалам для наблюдения. Министром обороны был Г.К. Жуков. Он беспощадно относился к тем, кто недостаточно четко выполнял свои обязанности. Но первую в своей службе благодарность (и 200 рублей премии) я получил именно от него.

В те времена среди военных и работников оборонной промышленности ходил анекдот, что в армии отработка новой техники проходит несколько этапов: 1-й — Шумиха, 2-й — Неразбериха, 3-й — Наказание невиновных и 4-й — Награждение непричастных.

Так вот, маршал Жуков наказывал виновных и награждал заслуживших. Тогда очень удачно были проведены учения «Рота в обороне». В таких случаях Жуков был щедр. Два лейтенанта сразу стали капитанами (один из них — Володя Иванов). Еще два офицера получили звание полковника и подполковника досрочно. А начальнику курсов, генерал-лейтенанту Сабельникову Петру Петровичу (генерал царской армии, граф, перешедший на сторону Советов!) министр подарил «Чайку».

До Сабельникова начальником Курсов был маршал Мерецков. У него в качестве военного трофея была машина японского императора. Стояла она в конюшне, и я не видел, чтобы на ней выезжали.

Курсы «Выстрел» подчинялись Генштабу, и на них не распространялись ограничения для поступления в вузы. В 1958 году Саша Монахов, Ваня Игнатов (оба из 1-го МАПУ) и я одновременно поступили с Курсов в Дзержинку (академию им. Ф.Э. Дзержинского). Правда, Саша Монахов со 2-го курса был отчислен за неуспеваемость. В академии меня избрали секретарем комсомольской организации курса, приняли в партию. Старшим лейтенантом я проходил шесть лет: 1 год — на курсах «Выстрел» и 5 лет — в академии им. Ф.Э. Дзержинского, так как поступил учиться с должности старшего лейтенанта.

В Москве у нас сложилась дружная компания: Володя Шишов, Володя Чернов (оба из 1-го МАПУ) и Толя Честнов.

Наша компания сохранилась и после окончания мной академии (в 1963 г.), так как я остался служить в Москве. В январе 1974 года Володя Чернов скоропостижно скончался.

После академии я попал в 665 Военное представительство в Москве, где и прослужил до увольнения в запас (1992 г.) от младшего военпреда до районного инженера — руководителя приемки.

За это время мои друзья-товарищи по МАПУ мало-помалу перебрались в Москву, откуда мы были призваны через военкомат после окончания подготовительного училища и направлены учиться и служить в «нормальные» военные училища. Сперва наши встречи были случайными. Но нас тянуло общаться друг с другом. Привычка к организованности и порядку привела к идее создания некого центра. Как потом выяснилось, то же самое происходило и в среде выпускников 1-го МАПУ, а также и ЛАПУ, создавших в Москве свою «диаспору». Первым вдохновителем и организатором «спецовских» встреч бы воспитанник 1-го МАПУ, курсант Калининградского минометно-артиллерийского училища Эдик Голуб. Собирались сначала спецы, окончившие 1-е и 2-е МАПУ в 1952 году и Калининградское

училище в 1954 и 1955 годах. Потом стали присоединяться и посещать наши сборы спецы, окончившие другие училища и в другие годы. Первый сбор состоялся у памятника М. Горькому около Белорусского вокзала. В последующие годы стали собираться на Красной площади около памятника К. Минину и Д. Пожарскому.

* * *

Токарев Юрий Михайлович награжден орденом Почета, орденом «Ради жизни на земле. За освоение космоса», медалями СССР и Федерации космонавтики СССР и России.

МЕЧТЫ О БУДУЩЕМ ПАВЛА ИВАНОВИЧА ПЛАТОНОВА

***Платонова Елена Юрьевна**, 57 лет,*
ведущий инженер-исследователь
ОАО «Конструкторское бюро приборостроения им. А.Г. Шипунова»,
г. Тула

Что я знаю об отце отца — своем деде Павле Ивановиче Платонове? Надо сказать, немного, почти ничего... Он родился в Туле в 1905 году и был младшим (шестым) ребенком в семье мелкого лавочника — торговца мясом Ивана Васильевича Платонова. Большого образования Павел, по-видимому, не получил, но был вполне грамотным и почерк имел отличный! По воспоминаниям родственников, Павел Иванович был красивым, общительным и очень добрым человеком. Работал он на разных работах. Племянница Павла Ивановича вспоминала, что одно время он работал продавцом в колбасном отделе очень солидного тогда гастронома на Советской, расположенного рядом с «филипповской» булочной — они заходили с мамой «к дяде Паше за колбаской»: «Дядя Паша был очень красивый, в белом колпачке, белом фартуке и нарукавниках, такой вежливый, обходительный, он очень красиво и аккуратно нарезал колбаску». (На память об этом периоде его жизни, наверное, у нас в семье сохранился длинный продуктовый нож, который на праздники до сих пор используется по назначению — им действительно удобно резать твердую колбасу.) Еще одно время он работал на кондитерской фабрике, расположенной в церкви Александра Невского — двоюродная сестра бабушки запомнила, что однажды он повстречался ей по дороге возле фабрики и щедро угостил пряниками из своего пакета — незабываемо вкусными. Отец помнит, что какое-то

время Павел Иванович приезжал домой обедать на грузовике с водителем — может быть, тогда он работал снабженцем? (Маленькому отцу моему разрешалось на время этих обедов забираться в машину — счастью его не было предела, запах бензина с тех пор стал для него любимым, не сравнимым ни с какими духами!)

Когда началась Великая Отечественная война, дед ушел на фронт, и с войны домой он не вернулся... К счастью, в семье сохранились фронтовые письма деда — я очень благодарна старшему брату деда Алексею Ивановичу Платонову за сохранение своей части переписки с ним. Письма переносят нас в прошлое, дают возможность увидеть образ живого деда — душевного, сильного, спокойного и уверенного в себе человека, услышать его мысли, пройтись немного рядом с ним фронтовыми дорогами, взглянуть на мир его глазами, понять систему ценностей.

В армию Павла Ивановича Платонова, жителя Заречья, коренного туляка, призвали не сразу — только в июне 1942 г., практически через год после начала войны. На тот момент он был не слишком молодым человеком (37 лет) и, согласно формулировке военкомата, являлся «нестроевым пекарем».

Думаю, что фото моего деда Павла Ивановича с единственным своим горячо любимым сыном Юрием, моим отцом, было сделано в самом начале войны как раз в преддверии неизбежной скорой отправки на фронт — Юре было всего 5 лет. Тогда было совсем не ясно, что сулит ближайшее будущее, и лучше было поторопиться, оставить память о себе в семье — на крайний случай. К тому же, иметь всегда при себе фотографию сына, самого дорогого на свете существа, тоже было необходимо...

В период обороны Тулы 1941 года дед мой находился в городе. Возможно, он входил в одно из формирований Тульского рабочего ополчения — по крайней мере, участвовал в рытье окопов и боевых дежурствах по городу, а иногда он не возвращался домой на ночь (об этом сохранилась память в семье). Принимал ли дед участие в боевых действиях ополчения? Об этом информации нет.

Павел Иванович с 5-летним Юрой

Сохранилось одно маленькое военное фото Павла Ивановича, сделанное в Москве в августе 1942 г., то есть в тот период, когда он уж точно находился на службе в армии. Может, это было время прохождения им «учебки», и именно в этот период он приобрел свою будущую армейскую специальность «орудийный мастер»?

Писем от 1942 и 1943 года не сохранилось. Почтовая

карточка, посланная 22 апреля 1944 г. в Тулу младшему брату Коле (Николаю Ивановичу Платонову, рабочему Тульского оружейного завода), проникнута заботой о сыне, оставленном дома без отеческой опеки:

«Здравствуй дорогой брат Коля, Вера, бабушка с внучатами! Шлю красноармейский привет и поздравляю вас с наступающим 1-м Маем. А я сейчас постоянного адреса не имею,а направляюсь на фронт, говорят,что по специальности. Ну,дорогой брат Коля,жму крепко руку. Не вспоминай лихо и будь несколько чувствителен к моему Малышу, который сейчас растет уже два года без меня. Ведь это в моей жизни самое единственное дорогое,а я вот еду отдавать долг свой отчизне. Ну пока,как приеду,так напишу. Не сходишь ли, Коля, ко мне домой, а то и велосипед собрать надо и просто может поможешь...»

Фото на документ (кандидатский партийный билет) от мая 1944 г., присланное домой, разительно отличается от аналогичного военного фото 1942 г., вид у деда уже не молодцеватый, а очень и очень усталый, глаза запавшие, но взгляд скорее спокойный и уверенный, а не тревожный, как на предыдущем фото... В августе 1944 г. мой дед, как следует из приказа от 30 ноября 1944 г. о награждении медалью «За отвагу», был принят кандидатом в члены ВКП(б) — и, видимо, именно такая фотография от мая 1944 года была в его кандидатском билете. А на момент февраля 1945 г. Павел Иванович состоял уже членом ВКП(б) — это следует из данных списка о безвозвратных потерях.

На фронте Павел Иванович служил артиллерийским мастером 1-й батареи 195-го Артиллерийского полка, входившего в состав 91-й Гвардейской Стрелковой дивизии, которая была, в свою очередь, в составе 39-й армии 3-го Белорусского фронта. На попечении деда находились обслуживание и необходимый оперативный ремонт орудий 1-й батареи.

В сентябре 1943 года 91-й Гвардейской Стрелковой дивизии за успешный прорыв обороны врага в Смоленском направлении и взятие белорусского города Духовщины было присвоено почетное наименование «Духовщинской». Был ли мой дед уже тогда в составе 91-й дивизии и участвовал ли в тех боях, неизвестно. Но в июне 1944 года, во время Витебско-Оршанской наступательной операции, он точно был в ее строю — за успешное проведение операции по уничтожению витебской группировки противника дивизия была удостоена Ордена боевого Красного Знамени, а дед мой, тогда — гвардии рядовой, получил и личную награду, Орден Красной Звезды. Формулировка в приказе была следующая: «За время боев тов. Платонов показал мужество и отвагу. В районе Витебска у деревни Подлийка противник переходил несколько раз в контратаку, тов. Платонов под сильным обстрелом противника обеспечил четкую работу орудий 1-й батареи. Из личного оружия убил 5 немцев и двух взял в плен».

Вместе с дедом в этих боях также отличился и был удостоен Ордена Красной Звезды его товарищ по 1-й батарее — Федор Егорович Рябов,

орудийный номер, гвардии ефрейтор: его орудие «отразило четыре контратаки превосходящего противника, уничтожив до 70 солдат и офицеров».

Об этих событиях лета 1944 г. упоминает Павел Иванович в своем сентябрьском письме в Ленинград старшему брату Лене (Алексею Ивановичу Платонову):

16 сентября 1944 г. Здравствуй дорогой брат Леня! Клавдия! Надя! и Евдокия Ивановна! Шлю вам свой сердечный привет с фронта. Письмо я от тебя получил,за которое я очень и очень благодарю. Да за фотокарточку твою большое спасибо! Я в ответ на это могу послать фото моего сына Юрия, так как мне прислали их две. И одну дарю на память. У него что-то обиженный взгляд вышел. Учится сейчас во 2-м классе, обижается, что много уроков задают, а помочь, кроме бабушки, некому. А лето все прогулял и многое забыл и запутался,не с кем повторить. Я ему все-таки послал на ботинки,так как продал свои часы «Мозер». Жинка все работает на старом месте. Женин брат Сергей все в Заводе «Новая Тула». Жена получила единовременное пособие,как семье фронтовика,250 р.

Я получил благодарность т. Сталина об участии прорыва обороны немцев под Витебском,а также еще за участие в овладении городом Каунас (Ковно). Я еще маленьким был, а там во дворе жили беженцы из Ковно. (Имеются в виду беженцы с западных территорий Российской империи,проживавших в Туле во время Первой мировой войны — Е.П.)

Время идет незаметно,и месяц пролетит. Вот наша жизнь фронтовая протекает. Пушки мои в отличном состоянии — была комиссия по проверке по Армии.

Ну,дорогой брат Леня,желаю тебе тоже успехов и здоровья,очень и очень благодарю за фото, а как вот в будущем я должен сняться на партдокумент,то вышлю обязательно.

Остаюсь твой любящий брат Паша.

Я уж в письме два раза посылал Юре перышко для письма.

Зарплата моя низкая 180р., но что делать? Перемелется все и мука будет,говорит пословица.

Итак,до следующего письма! Крепко целую всех домашних,а тебя вдвойне за карточку мне — очень и очень приятно! Твой братишка, П. Платонов

16.09.44

На полях: *Питание прекрасное. Погода у нас стала холоднеть.*

26 октября 1944 г.— Восточная Пруссия

Здравствуй дорогой брат Леня! Клавдия! Надя! и тетя Дуня!!

Шлю Вам привет с фронтов Восточной Пруссии и желаю Вам Всего наилучшего.

Письмо с фотокарточкой получил, за что очень и очень благодарю.

Я из дома тоже получил письмо. Овощей собрали с огорода очень хорошо — 20 меш. картошки и пудов 20 капусты,а брат женин Сергей еще больше получил с огорода урожая! Вот она, жизнь-то!

А писем никак ни от кого не дождусь,наверное,всем некогда. Я уж им и конверты прямо с обратным адресом пишу,а ответов для меня нет. Ну а тебе, Леня, большое спасибо. Как приятно получать письмо!

Живу я хорошо. Вот уже четыре благодарности от товарища Сталина и еще будет награда. А жизнь моя, наверное, чем-то застрахована. Вот както я ехал на подводе на марше и что же. На марше мы на лошадях,а на машинах снаряды. Моих пару лошадей убило, а я все-таки жив и невредим оказался. А впереди меня убило человека, а лошади живы. Значит,судьба такова.

Чирьи мои прошли и сейчас вот как-то вешался,правда в шинели, повесил больше 90 кил. Ну а питание у нас отличное. То вот нет, по 100 гр водочки дадут, а табак право не знаю и девать куда — я же не курю.

Ну пока за Диму твоего я на все педали жму,чтобы дать больше огня на фашистскую нечисть!

(Сын Алексея Ивановича Платонова Дима, молодой выпускник Ленинградского военного училища, погиб в самом начале войны, в июле 1941 на него уже пришла домой похоронка — Е.П.)

Итак,я все-таки вглубился в Германию!

Не знаю,как дальше моя судьба,а пока герой и буду героем.

Целую крепко-крепко вас всех! Жду ответа!

Я домой всю получку отсылаю,да она у меня очень малая — 187 р.

Ну пока. Ждем конца. Тогда настанет покой и мир! Твой Паша

Поздравляю тебя и ваших с будущ. празд. Окт. Революции!

Мой Юрик очень хорошо стал писать и вообще не ленится по всем предметам.

Погода у нас очень хорошая,немного ночью прохладно,но у меня шапка, жилет и одеяло.

14 ноября 1944 г.— Восточная Пруссия

Юрик,от тебя я получил письмо и очень доволен,что ты хорошо усваиваешь то,что тебе в школе преподают. Денег я тебе позднее вышлю. А у меня нет больших конвертов для того,чтобы послать тетрадь для школы. А сразу как поеду на передовую,так напишу и вышлю.

Целую тебя крепко-крепко. За меня обними мамку посильней. Когда я приеду,так погляжу,как тебя обуют!

Платонов П. Ив.

В конце ноября 1944 года в районе деревни Шаркобуде на территории Восточной Пруссии завязался бой, в котором Павел Иванович отличился, за что будет позднее награжден медалью «За отвагу» с формулировкой: «Под огнем противника произвел орудию ремонт, после чего помогал расчету вести огонь по танкам противника».

28 ноября, на следущий день после боя, Павел напишет письмо брату, где расскажет ему и о событиях предыдущего дня:

28 ноября 1944 г.

Здравствуй, дорогой мой Брат Леня! Клавдия! Надюша и тетя Дуня!! Шлю Вам сердечный привет из Восточной Пруссии. Письмо я второе получил,за что искренне благодарю. Просьбу о фотокарточке моей — сейчас пока не до этого,а должен сняться,надо будет билет менять с кандидата на члена. Был я на празднике Артиллеристов — это 19/IX — на вечере лейтенантов и командиров. Очень в память будет мне этот вечер. У нас в Туле тоже салют давали.

Вот теперь можешь меня поздравить с успехами боевыми — меня представили еще раз к правительственной награде за подбитие 3-х танков, когда немец шел в контратаку и ему не удалось нисколько оттеснить нас, так как где стоят гвардейцы, там враг не пройдет! И твое обещание я крепко сдерживаю и выполняю: мстить за потерянного Диму!

Мы сейчас стоим на дальности прямой наводки. Отдыхаем хорошо, кормят отлично.

И вот меня Бог пока спасает, а из расчета двоих ранило,но очень легко.

Получил новый шубный полушубок, хотя снег не выпал. А писем ни от кого нет — только из дома. Это ты мне сочувствуешь — знаешь, бывалый.

Ну,а пока желаю вам всем здоровья. А я пока несу с честью свой долг перед своей Родиной.

Итак, до следующего письма! А может, после войны увидимся! Целую тысячу раз и крепко жму руки. А как хотелось повидаться! Ведь сколько уже лет Наде — мне и то уж сорок лет.

24 января 1945 г. Восточная Пруссия

Здравствуй, дорогой брат Леня!! Клавдия! Надя! и Евдокия Ивановна! Шлю вам свой горячий боевой привет с наилучшими пожеланиями! Письмо я твое получил от 28 декабря, за что искренне благодарю. Я только и имею с тобой аккуратную переписку, да из дому что получишь,что-то не до этого что ли им? Я и с конвертами им посылал для того,чтобы им получить и вложить в мой же конверт. Но что делать,насильно мил не будешь.

Я домой крепенько подмагиваю,но это все хорошо. А в основном-то, в поговорке говорится, то хорошо, когда кончается хорошо. Да, вот-вот вся Восточная Пруссия накроется, как говорят, и выйдем к Балтийскому морю. И сколько интересного встречается. Ну, если будем живы, то обязательно встретимся и поговорим. Я чувствую себя прекрасно! Имею теперь две награды и шесть благодарностей т. Сталина. Юркович мой очень хорошо рисует,а также отлично учится по всем предметам. Да, хорошо, что имеют огород. А так, все в порядке. Да, много бы нуж-

но писать,но пока не до этого. Целую всех вас крепко-крепко и желаю в этом году встретиться со мной!

Пока остаюсь твой брат Павлушка.

Итак, вперед на запад. Даешь Берлин!

25 января 1945 года, на следующий день после написания дедом этого последнего своего письма брату, 91-я гвардейская стрелковая дивизия, осуществляя Восточно-Прусскую наступательную операцию, «решительной атакой овладела городом Тапиау» (сейчас г. Гвардейск Калининградской обл.), а через две недели после этого события, 9 февраля, был выпущен приказ по 39-й армии о награждении дивизии за проведение этой операции орденом Ленина. Но деду узнать об этой высокой оценке их боевого труда уже было не суждено — он погиб за день до выхода приказа. Однако предельная напряженность боевой обстановки этих последних двух недель жизни деда, наполненность их тяжелейшими событиями оказались столь высоки, что, думаю, вряд ли бы известие о награждении дивизии могло вызвать какие-то эмоции в тех условиях.

События на этом участке фронта развивались стремительно. После успешного наступления Красной Армии в течение всего января положение немецких войск в северо-западной части Восточной Пруссии оказалось критическим. Продвигаясь на запад высокими темпами и обойдя Кенигсберг с севера, дедова 39-я армия вышла к заливу Фришес-Хафф в Балтийском море 30 января, отрезав при этом порт Пиллау — главную морскую базу противника и захватив по пути следования более 100 немецких складов с боеприпасами! Однако дух германского командования был далеко еще не сломлен и, обладая еще достаточно мощным потенциалом, оно явно не планировало сдавать без боя оставшуюся территорию Восточной Пруссии. Во-первых, удержание Кенигсберга являлось принципиальной политической сверхзадачей; во-вторых, потеря этой части Пруссии нарушила бы коммуникацию немецких войск в Курляндии с остальной Германией; в-третьих, решалась стратегическая задача по сковыванию советских армий и недопущению их переброски на берлинское направление. Эта мотивация действий противника явно не была учтена нашей ставкой — все усилия Красной Армии этого периода были направлены на активное преследование отступающих, а не на закрепление завоеванных позиций, подтягивание тылов и ведение долговременной обороны.

Напротив, за счет вынужденного сужения линии фронта на направлениях основных ударов советских войск постепенно создавались участки чрезвычайно насыщенной обороны противника.

91-я стрелковая дедова дивизия фактически сразу после выхода к морю стала отбивать ожесточенные атаки противника с юга — фланги ее оказались незащищенными. Существенную огневую поддержку контратакующему противнику оказала корабельная артиллерия и батареи

крупнокалиберных береговых орудий из порта Пиллау. Как вспоминали участники этих боевых действий, если к стрельбе полевой артиллерии уже попривыкли, то звук летящих крупнокалиберных снарядов представлял собой нечто леденящее душу, не говоря уже о самом эффекте взрыва — он легко сносил кирпичный дом без остатка. Существенный вклад в оборонительные бои 91-й девизии внесло артиллерийское подразделение деда. Именно при отражении атак с южного направления выдающуюся роль сыграли артиллеристы 195-го гвардейского артполка полковника Мосолкина: шесть артиллерийских батарей 1-го и 2-го дивизионов полка закрывали участок обороны вдоль дороги от Норгау (п. Медведево) — южная окраина леса Лангервальд — Эллерхаус — усадьба Захерау (д. Морозовка).

Наиболее сильные атаки противника последовали 4 февраля — к этому моменту немецкое командование уже обладало достаточными разведданными о дислокации советских частей, и план по их окружению и полному уничтожению начал приводиться в действие. К вечеру 7 февраля 1945 г. 91-я гв. стрелковая дивизия, несмотря на отчаянное сопротивление, оказалась полностью блокированной и оттесненной в лес Лангервальд; разрозненные подразделения 39-й армии, связанные боями южнее, не смогли оказать помощи своим товарищам. На спасение 91-й дивизии были направлены части 43-й армии. В ночь с 6 на 7 февраля взводу пешей разведки под командованием сержанта Валентина Равлюка и взводу автоматчиков лейтенанта Владимира Кузьменкова удалось прорваться к штабу дивизии и вывести из окружения группу раненых солдат и офицеров, при этом собственные потери прорвавшихся оказались очень значительны... Остаток дня 7-го и 8 февраля 91-я гвардейская дивизия продолжала отбивать атаки противника по всему фронту.

Ареной ожесточенных боев оказалась высота 70,9, позволявшая контролировать дорогу, по которой из леса Лангервальд началили выходить окруженцы. Авангардным частям 182-й дивизии удалось взять эту высоту 7 февраля и закрепиться на ней, но долго удерживать ее они не смогли — высота была вновь отбита и перешла под контроль противника уже вечером 8 февраля.

В то время как на высоте 70,9 шли бои, 91-я дивизия получила приказ командарма на выход из окружения; ночью с 8 на 9 февраля она начала движение колонной через боевые порядки противника общим направлением на юго-восток. Отступление замыкали батареи 195-го артполка и части 277-го гвардейского стрелкового полка, ведущие арьергардные бои. Эти подразделения оказались в особо тяжелом положении, так как были не только были окружены в лесу, но и изолированы от основной части дивизии. Особо жестокий бой завязался в районе местечка Норгау, где немцами были устроены артиллерийские засады и зенитные заслоны, прикрытые пулеметчиками...

Выйти из окружения 91-я дивизия и другие части смогли в основном к 11 февраля. За 8 дней первой декады февраля 1945 г. (со 2-го по 10-е

число) дедова 91-я дивизия потеряла погибшими и без вести пропавшими 557 человек, из них 62 человека были офицерами.

Во многом бои первой декады февраля 1945 г. в Замланде продемонстрировали советскому командованию сохраняющийся высокий боевой потенциал немецких войск, возможность вести не только оборонительные бои, но и наступательные операции. Именно бои 91-й дивизии заставили командование 3-го Белорусского фронта остановить наступление на полуострове и начать организовывать оборону как против армейской группы «Замланд», так и против блокированного Кенигсберга, в котором были сконцентрированы значительные силы. Окружение советской группировки в западной части Замланда ярко высветило основные тактические просчеты советского командования. В дальнейшем подобных просчетов наше командование уже допускать не будет, но это все будет потом... а деда-то моего уже не вернуть!

Итак, согласно данным о безвозвратных потерях, мой дед, младший сержант Платонов Павел Иванович, погиб 8 февраля 1945 года недалеко от небольшого прусского селения Norgau. Сообщение о его смерти в Тулу шло долгих полтора месяца — домой похоронку принесли только в конце марта, когда в воздухе уже витал воздух близкой Победы, поэтому для родных эта весть была особенно тяжелой — все были просто уверены в скором его возвращении домой...

После войны к нам домой заходил однополчанин Павла Ивановича и рассказал бабушке про свою последнюю встречу с ним: во время выхода полка из окружения он видел Павла сидящим — тот был ранен в ногу и ждал подводу — он не мог идти самостоятельно. Дождался ли мой дед подводы или вынужден был выбираться из леса ползком? Был ли убит разорвавшимся рядом снарядом или умер в лесу, не добравшись до своих? А может, он оказался в плену? Бабушка, допуская возможную ошибку в списках о безвозвратных потерях, еще все-таки надеялась на возвращение мужа домой и молилась об этом Богу еще целых два года, но чудо возвращения в нашем случае явлено не было...

Изучив родные письма деда, мне захотелось почитать и другие письма фронтовиков. Их сейчас достаточно много можно встретить в интернете — я нашла хорошие подборки и с удивлением обнаружила, что, разные по форме, по сути они все просто сливаются в одно общее письмо! В них всех разлита такая тоска по прошлой обычной жизни, по оставленным без их участия родным и желание им помочь — ну хоть чем-нибудь; в них непременно просьбы-мольбы писать им письма почаще и обязательно присылать фотографии, а еще горячее желание побыстрей прекратить вторгшуюся в их жизни «нечисть» и обязательно мечта-заклинание о прекрасном скором празднике возвращения их домой! Наши родные письма в этом плане совсем не уникальны — они такие же, как и все... Не уникальной также оказалась и фронтовая история Павла Ивановича — моя подруга, прочитав собранный

мною материал о его боевом пути, заметила, что судьба ее деда сложилась очень похожим, почти точно таким же образом. Такие вот неожиданные получились выводы по общему содержанию фронтовых писем и биографий.

Как это ни странно, но наступившая после Победы мирная жизнь не только не принесла облегчения населению страны, но и оказалась, как утверждает мой отец, еще более тяжелой и голодной, чем военные годы! Если во время войны государство помогало семьям фронтовиков ежемесячными продуктовыми пайками (отец помнит, что домой приносили кусок сала и еще что-то из продуктов), то с ее окончанием всякая подобная помощь была прекращена. Почему государство повело себя так негуманно, лишив ослабленные войной семьи необходимой поддержки?Государство, безусловно, выплачивало пенсии семьям погибших фронтовиков, но, видимо, размер выплат был слишком мал, и их семьи оказались в особенно тяжелом положении. Хотя следует признать, что и остальным категориям граждан было в то время очень нелегко — экономика страны, безусловно, была истощена войной.

Как протекала жизнь нашей семьи после праздника Победы? За линией Рязанско-Сызранской железной дороги, возле которой жила семья отца, протекала река Тулица и находились городские огороды. Весной, как вспоминает отец, они всей семьей выходили на эти огороды и искали невыкопанные по осени клубни картофеля, ими и питались (домашние осенние овощные запасы давным-давно иссякали к тому моменту). Картофельные очистки тоже были вполне нормальной пищей, летом ели и траву. Вожделенным кушаньем этого периода времени была «мурцовка» — разведенные водой кусочки черного хлеба, подсоленные и немного сдобренные подсолнечным маслом, а самым любимым блюдом отца были молодые свекольные стебли, нарезанные кусочками...

Только к концу 40-х ситуация с едой стала немного улучшаться. Политика государства при Сталине была таковой, вспоминает отец, что цены регулярно понижались, а не повышались — не то, что сейчас. Но в магазинах все равно мало что можно было купить. Черный хлеб продавался свободно, белый купить было сложнее, да и стоил он дорого. С деньгами в семье было туго.

Мама отца — моя бабушка Зинаида Георгиевна работала дезинфектором в зареченской бане, а после работы она обрабатывала огород, вела хозяйство, перекраивала и перешивала старую одежду, чтобы было что носить в семье, принимала заказы на шитье платьев и пальто от более состоятельных соседей, чтобы выручить еще немножко денег, продавала что-нибудь из домашних вещей не первой необходимости (если такие еще находились) и т.д. Горнило испытаний на выживание тех тяжелейших лет делало этих людей несгибаемыми, самоотверженными — моя бабушка до конца дней своих не понимала, что означает слово отдых, что значит свободное время, личная жизнь. Сколько было у нее сил, все без остатка она вкладывала в обеспечение жизни семьи. И примеров таких очень скромных, незаметных «святых» бабушек советского периода знаю я немало...

В 1950 году после окончания восьми классов школы мой отец решил поступить учиться в техникум им. С. И. Мосина. Причины такого выбора отца были следующие: во-первых, ему очень нравились чертежные домашние задания, выполняемые жившими по соседству с ним сестрами-близняшками, студентками этого техникума — рисовать он очень любил; во-вторых, учащимся техникума выплачивалась стипендия, а за учебу в старших классах школы в те времена нужно было платить деньги самим. Семья (мама и бабушка) поддержала такое решение Юры — к учебе малограмотные женщины относились с большим почтением.

Началом будущей отличной учебы отца в техникуме, а затем и в институте, оказались вступительные экзамены в техникум: многие абитуриенты «срезались», а он неожиданно для самого себя оба экзамена по математике (устный и письменный) сдал на «пятерки». Это было настоящим потрясением — в его малограмотной семье после потери отца и «тройка» считалась вполне достойной оценкой, о большем и не мечталось! С этого момента отец начал относиться к учебе серьезнее, и результаты не замедлили сказаться — он стал отличником, но в техникуме планам на получение стипендии так не суждено было сбыться. Выяснилось, что пенсию за погибшего отца и стипендию одновременно получать было не положено; от стипендии пришлось отказаться, так как пенсия за отца была чуть выше. Вот такие были тогда правила.

В послевоенные годы в Мосинском техникуме работали очень сильные преподаватели: Соколов Михаил Григорьевич — по физике, Будаев Евгений Николаевич — по математике и многие другие. Все обучавшиеся получили фундаментальную подготовку, очень им пригодившуюся при дальнейшем обучении в вузе и в последующей производственной деятельности. После поступления отца в техникум, несмотря на продолжающиеся материальные трудности, жизнь его начала изменяться в лучшую сторону: после окончания техникума как отличник учебы он без экзаменов был зачислен в Тульский механический институт на машиностроительный факультет (выбор факультета был обусловлен опять материальными соображениями — там платили повышенную стипендию), там судьба свела его с талантливыми высококвалифицированными преподавателями, настоящими учеными, увлекшими его научными исследованиями. Он отлично учился (стал Сталинским стипендиатом), вел научную работу, а также успешно реализовал себя в общественной жизни — был избран комсоргом группы, потом курса, а затем машиностроительного факультета; участвовал в освоении целинных земель в Павлодарской области; как представитель Тулы был делегатом на Всемирном Московском фестивале молодежи и студентов 1957 года. По окончании вуза, распределившись на работу, он со временем возглавил расчетно-теоретическое подразделение своего предприятия, стал признанным авторитетом в области расчета и проектирования стрелково-пушечного и гранатометного вооружения, автором целого ряда научных разработок, методик по специальным дисциплинам,

лауреатом Государственной премии СССР за разработку по специальной тематике (в составе коллектива авторов), доктором технических наук, уважаемым и заслуженным человеком. Работая в творческом союзе со многими выдающимися тульскими конструкторами, он внес значительный личный вклад в укрепление обороноспособности нашей страны и удостоен за свой труд различных правительственных наград. Следует также отметить, что и в семейном плане жизнь его сложилась вполне хорошо: он стал счастливым мужем, отцом и дедушкой.

Что ж, пожалуй, есть полное основание утверждать, что заветные мечты Павла Ивановича Платонова о хорошем светлом будущем для своей семьи и для своего единственного горячо любимого сына Юрия все-таки сбылись и воплотились в жизнь в полной мере!

Только благодаря упорному героическому каждодневному труду Павла Ивановича Платонова, а также тысяч и миллионов других фронтовиков, была завоевана в Великой Отечественной сама возможность обретения нашей страной и ее гражданами счастливого свободного будущего. Принесенные в жертву жизни не были бессмысленными и не канули в лету, а обрели заслуженное счастливое продолжение в их семьях, детях, внуках и правнуках.

СУХАРИКИ

***Карагодина Ольга Геннадьевна**, 54 года,*
член Союза писателей России,
член Академии российской литературы,
г. Москва

Далекие семидесятые годы прошлого столетия. Счастливые дни моего детства. Мне тринадцать лет. Мы с бабушкой на даче. Родители уехали в санаторий по профсоюзной путевке. У бабушки тоже отпуск, но она предпочитает проводить его на даче. У нее большой огород, она выросла в деревне и не умеет отдыхать. Постоянно копается в земле. Я помогаю ей. Только что собрала целое ведро крыжовника. Мы с бабушкой садимся на крылечко и начинаем перебирать ягоды. Хорошие, гладкие, ровные в одну миску, похуже — в другую. У бабушки есть одна особенность. Собирает все недоеденные корочки хлеба и сушит вкусные сухарики, потом складывает их в холщовые мешочки. Этих мешочков много, очень много, и я не понимаю, зачем ей столько сухарей.

— Бабушка! Зачем тебе столько сухариков?

Бабушка вздыхает, смотрит серыми глазами куда-то мимо меня. Словно ее здесь нет. Я разглядываю ее простое, красивое русское лицо:

маленький носик уточкой, ямочки у губ, всегда серьезный взгляд. Потом медленно-медленно переводит взгляд на меня.

— Война! Во всем виновата война. Всю жизнь мою поломала. Если бы мой Ванюшка не погиб... все было бы иначе. Мы так любили друг друга. Дедушку твоего в первом бою убили. Как выжила? Сейчас не понимаю. Всю войну еле-еле концы с концами сводила и... голодала. Много голодала. Маму твою кормить было нечем. А бывало, ей найду поесть, а самой нечего. Пришлось выживать. Работала с сорок третьего года. По ночам шила платья на заказ. Алечку, мою крошку, с соседкой оставляла. Думала, кончится война — легче станет. Оказалось, еще труднее. К другим мужья вернулись, а я одна с четырехлетней дочкой на руках. Хорошо, вернулся из эвакуации завод «Салют», где Ванюша работал. Вот туда и устроилась на работу бухгалтером. До войны успела закончить техникум советской торговли.

— Бабушка! А как твоя семья войну пережила? У тебя же три брата и три сестры есть. Тетю Катю, дядю Фиму и дядю Сережу знаю. А остальные?

— Всех нас война потрепала. Долго восстанавливались. Тетю Катю немцы в Германию угнали. Отдали в немецкую семью на хозяйственные работы. Ей всего пятнадцать было. А там у этих же немцев мальчишка оказался из нашей деревни. Он у них поле вспахивал. Сынок у них родился и умер. Мальчишку того немцы до смерти забили. А когда Советская Армия освободила пленных, я ее сюда позвала, мне ребенка не с кем было оставлять. Катю никуда на работу не брали. Тогда военнопленные врагами народа считались. С трудом ее устроила по знакомству в ресторан официанткой.

Ефим у нас старший. Он первым в Москву еще до войны уехал учиться. Закончил Ветеринарную академию им. Скрябина. В войну был с академией в эвакуации в Петропавловске, разработал новый вид тушенки для бойцов Красной Армии. Его наградили за это. В сорок третьем вернулся, только благодаря его помощи и выжила. Он и сейчас доцентом там работает.

Бабушка с Алей и Таней

Остальные: Сережа, Юля, Дуся и самый младший Федор — с родителями в Смоленской области под немцами в оккупации жили. Сережа старшим был, ушел в партизаны. Маму тогда фашисты в штаб взяли, сильно избивали, требовали выдать сына. Она ему в лес передачки носи-

ла. Кто-то из деревни донес немцам. Ни слова не проронила. Какая мать свое дитя предаст? Отец каждый день в штаб ходил, на колени перед немцами вставал, чтобы отпустили. Малые дети на руках оставались. Еле-еле односельчане помогли ее вытащить. Немцы маму отпустили, а за это Катю — сестру в плен в Германию угнали. Сергей после войны перебрался в Подмосковье в Купавну. Женился на девушке из Белоруссии, у нее тут родня.

А всего нас, детей, было двенадцать, выжили только мы семеро. Восьмая сестра Раиса в войну умерла от воспаления легких.

После войны, как Сергей женился, родителей и сестру Юлю мы с Ефимом сюда перевезли. Они в Купавне с Сергеем поселились, там дом большой. Дуся с Федором в Смоленске осели.

В сорок седьмом я снова замуж вышла за фронтовика. Родила для твоей мамы сестричку Танюшку. От завода «Салют» мне этот участок выделили. Вот мы со Степаном, отцом Танюшки, и начали его осваивать. Радовались. Дом кирпичный заложили. Но недолгим счастье наше было. Умер Степан в пятьдесят шестом году от ран, полученных на войне.

— Получается, бабушка, ты опять одна осталась? Как же ты дом одна поднимала?

— Ох, внученька. Работала днем на заводе, а все выходные здесь, на участке. Сажала помидоры, огурцы, клубнику. Продавала их по выходным на базаре. Где деньги на стройматериалы брать? Кстати, здесь же и твои папа с мамой познакомились.

— Как это? Неужели прямо на участке?

— А я тогда плотников искала. Нашла в нашем поселке. Двое братьев, бывшие военные офицеры. Тоже плотничали, помимо основной работы. Трудно было семьи содержать.

Участок свой очень выручал. Я курочек и кроликов разводила, чтобы мясо свое было, ну и с огорода овощи на всю зиму закатывала. У одного из офицеров сынок был. Очень ему твоя мама приглянулась. Она у тебя хорошенькая и работящая была. Вот и стал он брать с собой на работу сына-студента. Папа твой тогда в Бауманском учился. Через год они поженились, а еще через год ты родилась.

Смотри! Вот и разобрали ведро. Теперь можешь идти к девчонкам. Они заждались.

— Бабушка. А про сухарики ты мне так и не рассказала. Зачем так много? Сейчас мирное время. Хлеба всем хватает.

— Хлеб — кормилец. Мы этот хлеб по карточкам после войны получали. По карточке было положено 500 грамм сахара на месяц. Но давали 250 грамм сахара, а вместо других 250 грамм давали печенье галеты — это на месяц. Получу в гастрономе эти галеты, иду домой, еле донесу. Дочку кормить надо. Невозможно передать, как хотелось есть! Ужасный был голод. Есть хотелось всегда.

Хлеба нам давали 500 грамм, кажется. Он был очень тяжелый, вроде как не из муки. Его прямо горячим отрезали. Возьмешь кусочек, бывало, и до дома не доносишь — пока идешь, весь съешь до крошки. Помню, была у нас соседка Зина. Так вот она вообще одна жила, есть ей было нечего — по карточкам очень мало давали, она стала опухать и попала в больницу.

А как устроилась на завод, стало легче. Хлеба выписывали по 800 грамм и спецзаказы для работников давали. Вот с тех пор и завела привычку хлеб да соль про запас складывать.

— Оля! Оля! — кричала подружка Лидка из-за забора.— Пошли на речку!

— Беги,— улыбнулась бабушка.— Возьми на речку хлеба с квасом из холодильника.

Четыре письма

— Олюшка! Мне осталось недолго жить. Вот и подняться уже не могу. Возьми коробку в буфете. Там за вещами посмотри. Хотела ее маме твоей Алечке отдать, решила, пусть у тебя хранится. Там письма от моего Ванечки,— показала в сторону старого, но крепкого дубового буфета слабой рукой Мария Васильевна.— Будет время, почитай. Дедушка твой очень любил свою доченьку... Мамочку твою. Жалею только, что могилу его так и не нашла... Может, ты разыщешь? Убили его в первом бою, у деревни Анино. Двадцать семь ему было, — заблестели слезы в выцветших глазах.— Хороший он был. Добрый. Любили его люди. Финскую войну прошел и... не стало моего Ванечки. Посмотри. Там письмо от его командира лежит.

Я торопливо подбежала к буфету. Отодвинула кучку ровно сложенного постельного белья. Достала старую коробку от шоколадных конфет. На ней даже не было пыли. Осторожно открыла и достала желтые, истлевшие от времени листочки, сложенные треугольничками. Они напоминали засушенных птичек. Птичек сорок второго года. Их было всего четыре. Три от деда и одно от командира, в котором он сообщал о смерти Ивана Алексеевича Александрова, павшего смертью храбрых. Письма были написаны чернильным карандашом. Было видно, как торопливо их писали. Буквы скачут, словно плачут.

Многие строки стерлись, но я пытливо водила пальцем, пытаясь разобрать каждую. Бабушка внимательно смотрела на меня и молча плакала.

«Уважаемая Мария Васильевна! На Ваше письмо даю печальный для Вас как для жены и матери дочки, которую он так часто вспоминал с гордостью — «моя дочка», ответ. Для всех родных, которые вырастили, вскормили такого боевого, мужественного и умелого командира. Ваш муж был убит 9 июля 1942 года у деревни Анино

Александров И. А.

и там же похоронен. Мой лучший командир, которого я любил больше всех за его деловитость, стойкость и уважение. Вы должны были получить похоронное извещение, если не получили, возможно, где-то затерялось, я вышлю второй раз. Вот такое печальное известие. Пишу карандашом, потому что нахожусь на передовой.

Командир пульроты лейтенант Мишакин А. Ф.»

По моей щеке покатилась предательская слеза, не хотела расстраивать бабушку, у нее последняя стадия рака. Знала, сейчас она внимательно смотрит на меня.

— Бабушка! А каким он был? Ты мало рассказывала о нем.

— Работал начальником цеха на заводе «Салют» до сорок первого года. У него было много друзей. Любил компании. Играл на гитаре, хорошо пел. Мы прожили-то с ним всего два с лишним года... В сороковом поженились, в августе сорок первого мама твоя родилась. Завод эвакуировали. Ему дали отсрочку на год, потому что грудной ребенок. В мае сорок второго забрали отсюда, из Москвы, и все. Пропал мой Ванюшка. Мама твоя, хоть и крохотная совсем была, словно чувствовала все. Очень крикливая и беспокойная была. Все плакала и плакала. Часами не могла ее успокоить. А страшно как было... Люди с вещами пешком из Москвы уходили. Как ни выгляну в окно, они идут и идут к окраине города. А я тогда подумала: «Останусь здесь. Если Москву сдадут, значит погибну». Куда мне было идти? Мои родители под Смоленском в деревне под фашистами... Брат в партизанском отряде. Мать мою фашисты избивали, требовали выдать сына, все стерпела, ничего не сказала.

— Бабушка! А этот Мишакин, командир пульроты, приезжал к тебе потом?

— Нет. Думаю, и он погиб. Там такие бои шли... Танковые атаки и с воздуха. Говорят, это Анино почти стерли с лица земли. Мясорубка там была. Видно, никто не уцелел. Подходы к Москве защищали.

— А как же ты выживала здесь?

— Подойди к моей кровати,— позвала меня бабушка.— Загляни под матрас.

Я осторожно просунула руку под старый полосатый с пружинами матрас. Пошарила рукой. Наткнулась на холщовый мешочек. Достала его. В нем лежали сухарики из черного хлеба.

— Зачем? — изумилась я.

— Голодала сильно,— слабо вздохнула бабушка.— Никогда! Слышишь, никогда не выбрасывай хлеб! Положи на место.

Бабушки не стало через два месяца. Я отсканировала все письма деда. Вот они.

«Здравствуй, моя милая крошечка!

Крепко заочно целую и желаю быть здоровой. Еще привет мой милой дочке и поцелуй ее за меня несколько раз. Она,наверное,стала еще больше и говорит что-либо новое. Я очень часто смотрю ваши карточки и такое впечатление,что нахожусь рядом с вами. Сейчас только что вернулся с занятий. Сижу в палатке,которую вчера только сделали. Письменным столом служит моя коленка. Решил написать несколько строк. Возможно от меня долго не будет писем, не беспокойся, т.к. от станции мы далеко и не знаю куда опустить. Ящика у нас нет.

Вот скоро мы разобьем эту нечисть и с победой вернемся домой, и тогда заживем все вместе своей дружной семейной жизнью,а пока прошу,крошечка тебя, успокой себя сама. Береги дочку, не жалея для этого ничего.

Крепко целую твой муж Ванюшка.

Мой адрес: Почтовая полевая станция № 17554 О.С.Б. Пульрота. 4 VI 1942 г.»

«Здравствуй,дорогая моя жинка Маруся!

Шлю тебе свой командирский привет и крепко-крепко тебя целую! Еще привет моей милой козочке Алечке,поцелуй ее покрепче за меня. Милая крошка Маруся, сегодня получил письмо от тебя. Большое спасибо, пиши почаще. Сегодня мы прибыли на свое место расположения. Сейчас находимся в Тульской области от передовой пять километров, так что не сегодня завтра, получим приказ выступать. Ты,моя крошка, знаешь,что война без жертв не бывает. Так что возможно придется и мне поплатиться жизнью. У меня будет одна просьба. Воспитывай и люби дочку,ведь она не будет знать своего папу. Я конечно буду тебе писать,пока жив. Ведь мы уже собирались один раз выступить, но нас все время перебрасывали на разные участки,возможно и сейчас куда переедем. Настроение бодрое и у меня и моих бойцов. Эти дни все время были в походе. Мои бойцы все время спрашивают,как Москва? Не бомбят ли? Дочка, наверное, стала большой, наверное, уже ножками переступает и скоро будет бегать. Я с удовольствием сейчас хоть на одну минуточку заглянул в комнату и посмотрел на вас. Я вас часто вижу во сне и еще больше любуюсь на фотокарточки. Кормят нас хорошо, табак дают, но нет курительной бумаги. Привет от Ивана Алексеевича. Он стоит и смотрит,как я пишу, а сам уже наполовину спит.

12 VI 1942 г»

«Здравствуй,дорогая моя Маруся!

Живу по-старому. В настоящий момент строим дзоты, окопы, занимаем линию обороны. Сейчас отошел в палатку. Она из сосен и елок. Очень приятный запах и пишу письмо,а ребята мои продолжают рыть укрепления. Вам с дочкой сейчас тяжело. Прошу продай мои двое шерстяных брюк,хромовые сапоги,ботинки,все вещи. Если вернусь купим новые, а умру, то мне ничего не нужно. Береги дочку. Я верю,что мы побьем этих проклятых,озверевших фашистов и мы вернемся к своим на родину. Крошечка,в личном разговоре с комиссаром узнал, мы должны столкнуться с противником на днях. Много писать не могу. Надо идти к ребятам.

Крепко целую твой муж Ванюшка.

Мой адрес: Западный фронт. Почтовая полевая станция № 17554 батальон Пульрота. 27 VI 1942 г.»

Неоднократно я делала запросы, чтобы найти захоронение деда, но ни в одном из архивов мне так и не дали ответа. У дедушки не было наград. Он не прошел всю войну. Он погиб в первом бою.

МОЛОДОСТЬ НЕ ВЕРНУТЬ

***Афанасьева Надежда Александровна**, 60 лет,*
старший преподаватель Смоленского филиала ФГБОУ ВО
«Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»,
г. Смоленск

Посвящается памяти
моей второй мамы (свекрови)
Афанасьевой Веры Прохоровны.

Вера родилась в д. Цыганы Велижского района 1 января 1923 года. Их дом стоял на хуторе, семья была большая — в одном хозяйстве были собраны дядя, тети, бабушка, дедушка, мама, папа, дети. Вера ходила в школу в Старое село за несколько километров от дома; училась очень хорошо, и, если бы не война, Вера Прохоровна достигла бы больших успехов в жизни.

По окончанию восьми классов она поступила в педагогическое училище, но затем поняла, что ее интерес ближе к технике, и поступила в технологический техникум г. Велижа, перед войной училась на последнем курсе. Отец Веры, Афанасьев Прохор Афанасьевич, очень интересовался сельским хозяйством, выписывал газеты и всем читал в деревне. Его мобилизовали в первые дни войны, и он пропал без вести. Вера преуспевала в учебе, особенно в изучении иностранных языков, что ей и помогло выжить в первые дни войны.

Как она вспоминает, начало войны — это сильнейшая бомбежка, она говорит: «Я спряталась за овин и стояла, вокруг все взрывалось, осколки от бомб летели вокруг меня, а я все стояла — забыла, что нужно лечь на землю, после налета посмотрела на свое платье, а оно в дырках, видно, ангел-хранитель рядом был».

Немцы пришли в деревню уже через неделю, Вера вспоминала: «Собрали всех на площадь, пулемет наставили, как сейчас в кино показывают, зачитали правила жизни для населения, ну и по дворам курей и прочую живность ловить...» Как рассказывала Вера: «Время шло, лето клонилось к осени, кушать было нечего, фашисты все выгребли, летом мы кормились лесом, наберем ведро малины — это и завтрак, и обед, и ужин тоже».

Советские войска в первые дни войны не оказывали особого сопротивления, не готовы были к войне, фронт откатился на восток. Жители деревни по инерции продолжали вести свое хозяйство, ходить в лес, собирая там все, что годилось для еды.

Леса немцы очень боялись, для них это было, как говорила Вера, «партизанен». Однажды жителей, вышедших из леса, арестовали, тогда Вера подошла к офицеру и объяснила ему на немецком языке, что все они ходили в лес по грибы и ягоды, вся их вина в том, что они хотят кушать. Жителей отпустили, а ее, восемнадцатилетнюю девчонку, взяли в штаб как переводчика. Простояла эта часть в деревне с неделю, потом их, видимо, под Москву отправили.

В это время семья перебралась в г. Велиж, где и жили до поздней осени. В ноябре месяце немцы собрали все местное население и колонной погнали в сторону Минска. По дороге, у кого не хватало сил идти, расстреливали. Их как рабочую силу гнали в концлагеря, которые уже были организованы на территории Польши. В этой колонне шли моя свекровь, ее мама, тетка Христинья, и четырехлетняя сестра Мальвина, младшая. Ее средняя сестра Мария 21 июня 1941 года, за день до начала войны, на пароходе уехала к тетке Арине под Москву. Там, когда началась война, она вступила в армию и дошла до Берлина, демобилизовалась в городе Львове. Колонна растянулась на несколько километров, вечерело. Контролировать всех не всегда удавалось немцам, особенно на поворотах, и на одном из поворотов как раз дорога проходила вдоль реки Двина, река уже давно встала, тетка Христинья сказала: «Скатываемся к реке — быстро», мы и скатились под обрыв, лежали до вечера, ждали, чтобы колонна ушла подальше.

Уже когда стемнело, они пошли через реку на другой берег и оказались на территории, которую контролировали наши войска, однако им не очень были рады, стали допрашивать, как они прошли через Двину. Офицер сказал: «Весь лед на реке побит артиллерией! Там живого места нет, весь день артиллерия била именно в этом месте. Как вы прошли?» Видимо, и в этот раз ангел-хранитель отвел их от тех полыней во льду. Веру забрали в штаб на допрос, самая грамотная была. В комнате, где ее заперли,

с ней сидела учительница, очень красивая. Днем их допросили, в паспорте штамп поставили, что она находилась на оккупированной территории. А учительницу расстреляли — говорили, что шпионка это, немецкая засланная. Их из этого района не выпустили — сказали, нельзя и все тут.

Вера вспоминала: «Мне бы потерять этот паспорт, но мы были воспитаны по-другому, в советском духе, да и врать я по жизни так и не научилась». Во многом этот документ с отметкой подпортил ей все в военное время, да и в послевоенное радости не доставил. «Долго мы горе мыкали в этом тылу, голодно было, люди гадость всякую ели, а я не могла, может, поэтому и ни разу не заболела в этом аду. Местные нам ничего не давали, как мы их ни просили, злые какие-то были. Кормились от наших солдат, что подадут».

Весна 1942 года наступила дружно, все развезло, дороги превратились в болото. Всех «полудохлых» собрали и сказали: «Надо армии помогать». Выдали по мешку, в мешке снаряд тяжеленный, и вперед на линию фронта, всю ночь по грязи километров двадцать — один снаряд за ночь успевали принести на батарею. Всего таких доходяг человек двадцать набрали. Артиллеристы днем постреляют минут десять, ночью они опять подносят снаряды. Подсохло и от них отказались, да и осталось «ходоков» человек пять: кто умер, кто заболел.

Вот дальнейший рассказ Веры: «За наши труды нас даже не кормили, не в штате мы были. В один из этих дней меня в этом чужом месте, хоть и на своей земле кто-то окликнул по имени: «Вера!» Оглянулась, офицер молодой, совсем мальчишка, подошел и спросил: «Вера, ты меня не узнаешь?» Это оказался мой одногруппник Туманьян (учились вместе в техникуме). Он служил в этих местах. Подарил мне фотографию, на обратной стороне написал номер полевой почты — 7373013. Всю жизнь хранила эту фотографию, пробовала писать, но, видимо, погиб. Сейчас эта фотография хранится в семейном альбоме. Встрече я обрадовалась очень — здесь, на войне, родную душу встретила из своей группы. Расспросил, как сюда попала, что делаю, с кем. Все рассказала ему, вспомнили годы учебы, ребят своих. Говорит он мне: «Вера, через несколько дней наступление начнется, здесь камня на камне не останется, а вас и подавно». Я ему говорю:

— Нас из этого района не выпускают, видимо, из соображений тайны, подготовки этого самого наступления.

— Ладно, сделаем так: я к своему командиру сейчас пойду, скажу, ты моя жена, думаю, получится, машину для вас попрошу, чтобы отсюда вывезти.

Через некоторое время бежит:

— Все! Командир машину дал!

Сказал, полчаса на сборы, погрузились мы на полуторку, которая в тыл за снарядами шла, продуктов немного нам в дорогу дал. Тетка Христинья чугунок всю дорогу таскала с собой, а сварить за все время так ничего и не пришлось. Все мы: я, тетка Христинья, мама моя, сестра младшая Мальвина — доехали до вокзала.

Нас всех отправили в г. Бугуруслан. В этом городе пересыльный пункт был, один из самых больших в СССР в годы войны. Там нас всех «поделили» — военнообязанных (из всех нас только я) на работу, остальных разбросали по всей стране. Долго мать я искала после войны, только через этот пересыльный пункт и нашла. В итоге после всех моих тяжелых скитаний на войне направили меня на Дальний Восток, в город Комсомольск-на-Амуре. В комендатуре распределили на завод «Амурсталь» — он и поныне работает под этим названием.

Работа тяжелая оказалась: с фронта орудия, танки, машины разбитые, все немецкое привозили. Газорезчики разрезали, а мы, одни бабы да девчонки худые, это железо к мартенам таскали. Так и ночевала на заводе неделями, на еще теплых листах брони спала. Уйти домой сил уже не было, кормили очень плохо, вода с крупой, вода белая — называли «молоком», из сухого американского молока с червями, червей выберешь и пьешь.

Прошел почти год. Пригласили меня в управление к главному бухгалтеру завода, в возрасте был, с виду приятный, обходительный. Сказал, на заводе грамотных мало. То есть, их и нет, а у тебя техникум, считай, институт по нынешним временам (у меня студенческий билет сохранился), и предложил место кассира. Я в слезы, не пойду и все тут. Он спросил:

— Почему?(Потом я узнала, он сосланный, из дворян, очень грамотный и воспитанный.)

— Всех кассиров сажают каждые два-три месяца в тюрьму,— отвечаю. Засмеялся.

— Они воруют, вот их и сажают.

Я согласилась. Оказалось, кроме денег, передовикам выдавали (кассир выдавал) отрезы ткани, папиросы, шарфы всякие и прочее. На этом кассиры и горели из-за своей жадности.

Проработала до конца войны, победу встретила в Комсомольске-на-Амуре, самый лучший был день для меня! Радость неописуемая! Стала искать мать, нашлась она уже в деревне, в Цыганах. Послушалась мать, приехала на разоренную Смоленщину. Здесь картошку варили в немецких касках, жили в землянках, это было нечеловеческое отношение к человеку.

Устроилась на работу в колхоз, как сейчас бы про колхоз сказали, «полный банкрот», бухгалтером, председатель неграмотный, ликбез закончил, как моя мама. Прошло несколько лет, и от беспросветной нищеты с двумя детьми уехала я в 1953 году в г. Сафоново Смоленской области на шахту, тогда они только открывались, работала под землей откатчицей на шахте № 7, в 1959 году была переведена машинистом вентилятора — обеспечивала воздухом шахтеров под землей».

Таков рассказ Веры Прохоровны. 8 апреля 1952 года Сафоново официально был присвоен статус города областного подчинения. Это событие стало важнейшей вехой в истории края — началось развитие городской цивилизации. В короткое время он вырос в настоящий город. Рождение

и стремительный рост города связаны с созидательным трудом треста «Дорогобужшахтстрой», созданного в 1949 г. (позднее «Дорогобужхимстрой»), где Вера Прохоровна трудилась с 1963 года в управлении механизации мотористкой, затем машинистом башенного крана. Строители треста возвели в Сафонове шахты, заводы, жилые дома. Кроме этого, большое промышленное и жилищное строительство велось в Дорогобуже, Верхнеднепровском, Вязьме и других городах Смоленщины. Вера Прохоровна принимала активное участие в строительстве Сафоновского завода «Пластмасс», ныне производственное объединение «Авангард», и Верхнеднепровского завода азотных удобрений, эти два предприятия были тогда одними из самых больших строящихся заводов в СССР. В 1978 году Вера Прохоровна ушла на пенсию.

В этой жизни, как она говорила, нашлось место ее детям. Все они получили достойное образование, работают, имеют свои семьи, внуки тоже выучились, жизнь продолжается, прекрасная жизнь. Вера Прохоровна все время говорила: «Я не хочу, чтобы повторилось то время, самое тяжелое и страшное, какое только может придумать человек сам для себя, которое мне пришлось пройти в самые непростые и самые страшные годы в горниле войны, которая все еще стоит рядом со мной и не отпускает меня».

Вера Прохоровна умерла в возрасте 91 года, имела многочисленные награды за труд в тылу и в честь победы над Германией.

ПОСЕЯЛИСЬ!

***Фаев Юрий Васильевич**, 66 лет,*
писатель, журналист,
г. Брянск

Фаев Ю. В.

Весна 1947 года. Чуровичский район Брянщины (теперь такого района нет — он вошел в Стародубский) получил по фондам вагон зерна — 20 тонн на посев, на весь район. А надо помнить, что предыдущий 46-й год был страшным, голодным, своего зерна в районе не было. И вот прислали, но такая беда — от района до станции Климово было три десятка километров в одну сторону. Транспорта в районе, хоть и два года, как закончилась война, по сути, не было. Дороги развезло от дождей. Что делать?Обком партии телеграммой потребовал в два дня забрать зерно. И тогда райком партии объявил мобилизацию.

Подняли сотни людей, и на следующий день с вещмешками они двинулись пешком на станцию. Оборванная, усталая колонна растянулась на 10 километров. Добрели до Климово. На станции у вагона кладовщик развешивал зерно по вещмешкам и записывал в тетрадку, кому и сколько отдано. А затем плохо одетые и обутые люди по грязи отправлялись в обратный путь.

Шли молча, не разговаривали, берегли силы. Михаил Ковалев, будущий секретарь Брянского обкома рассказывал мне, что он шел вместе с женой. Как и все, пешком, с мешком за плечами. Прошли за день около пятидесяти километров. Он говорил, были великие сомнения, а донесут люди до Чуровичей все зерно. Соблазн был велик, голодно, и не отсыплет ли кто по дороге из мешка немного зерна себе потихоньку?

В Чуровичах зерно сдавали на общий склад. И как с гордостью говорил секретарь Ковалев, никто казенное зерно не тронул, малой толики себе не взял. Потом примерно таким же пешим образом зерно разнесли по колхозам. Посеялись!

Честь и слава героизму брянских людей в мирное время! На этой красивой ноте и закончить бы сюжет. Да по жизни было не все так просто, как выглядит в рассказе партработника. И почему так у нас всегда: героизм одних покрывает огрехи в работе других. Как я понял, все эти сотни зерноношей свой поход совершали голодными: их никто и не думал кормить. И если договаривать до конца, то надо точно представлять что было бы с теми, кто вдруг не утерпел и взял зерна, и не сошлась цифра в казенной тетрадке. Тем более, что все имена переписаны. Что было бы тогда?Вот — несколько ответов на эту тему, которые я нашел в областном архиве в фонде Брянского областного суда.

Горький хлеб

Председатель колхоза «Коммунистическое знамя» Иван Литиков вместе с председателем ревкомиссии Васькиным совершили по тем временам ужасное преступление. Убрав в августе 1946 года колхозный урожай, они утаили часть зерна от сдачи государству поставки и ночью, тайно раздали его колхозникам в строгом соответствии с заработанными трудоднями. Каждая семья получила: кто — три, кто — пять, кто — семь пудов зерна. Это было все, на что им предстояло жить и выживать до следующего лета. При раздаче, как выяснило позднее следствие, Литиков предупреждал, чтобы об этом деле никому не говорили, и особенно единственному на то время коммунисту в селе — Бобкову. Найденный свидетель позже вспомнил, что Литиков простодушно заявил: «Если зерно отдадим государству, то самим будет кушать нечего». Но в деревне разве можно что утаить?Донесли на Литикова, приехали из района, забрали вместе с председателем ревизионной комиссии.

Председатель Павлинского сельсовета Клетнянского района на суде заявил, что сельсовет разрешил Литикову выдать на трудодень по 40 граммов зерна, а он преступно выдал ржи — по 150, ячменя — по 440. Как можно было выжить крестьянской семье, получив по 40 граммов на трудодень, советский активист не уточнил, а суд и не спрашивал.

В свое оправдание Литиков (31 год, беспартийный) на суде сказал, что колхозники, не получив ржи после начала обмолота, отказались выходить на работу и трудиться бесплатно. Вот он и раздал часть зерна, чтобы закончить обмолот. Судом этот довод был расценен как еще одно свидетельство преступного самоуправства. Литиков и Васькин получили по 10 лет лишения свободы как «расхитители колхозного зерна». Их следы потерялись в сибирских лагерях. Новым председателем колхоза назначили коммуниста Бобкова, того самого.

Пять лет комсомолке-кладовщице

А вот в Слепыни (Жирятинский район), в отличие от малограмотного и наивного Литикова, председатель колхоза «15 лет Октября» Захаркин был человеком, видавшим виды. Партийный, колхозом управлял еще до войны, всю войну прошел, вернулся с четырьмя боевыми наградами. И коль он после уборки рискнул, не отдал государству и велел укрыть несколько тонн зерна, то, безусловно, знал, на что шел. Но, вероятно, думал, что делает доброе дело, и деревенские на него не донесут. Зерно он роздал колхозникам по 500 граммов на трудодень.

На Захаркина донесли. Со страстью его топил на суде председатель Князичского сельсовета Кацекин, заявивший, что «Захаркин с целью развала колхоза стал на путь явного и открытого саботажа, а также имел цель подрыва и создания недовольства среди колхозников против Советской власти». Оказывается, не от голода односельчан спасал, не заработанное отдавал фронтовик Захаркин вместе с другим фронтовиком, председателем ревкомиссии Бурмистровым, а саботажем занимались два фронтовика. И потому не заслуживали никакого снисхожденья.

Захаркин в свое оправдание пояснял, что, если бы они выполнили хлебопоставки в полном, предписанном объеме, то у колхоза вообще не осталось бы зерна на новый посев. Он говорил, что у него самого никакой личной выгоды от этого дела не было. Он просто хотел хоть что-то дать колхозникам за их труд.

Знакомясь с делом, я видел, как адвокат пытался спасти хотя бы Бурмистрова, многодетного отца, героя войны, дошедшего до Берлина. Защитник доказывал, что никакого хищения не было, а было лишь должностное преступление.

Ответ суда — по 10 лет лагерей с конфискацией имущества и поражением в правах трем членам правления — мужчинам и пять лет — женщине, комсомолке-кладовщице.

Похитители колосков

Еще в тридцатые годы товарищ Сталин заявил как отрезал: «Крестьяне, рассматриваемые капиталистами как материал, унаваживающий почву для капитализма, массами покидают хваленое знамя «частной собственности» и переходят на рельсы коллективизма, на рельсы социализма». Ну, и перешли,— куда было деваться?Лишились паспортов, большей части имущества, поставленные чаще всего на бесплатную работу, они в середине

двадцатого века явили пример нового крепостного права. Пропасть возникла между городом и деревней. Такова была кормовая база строящегося социализма. В городах имелись продуктовые талоны, вещевые карточки, зарплаты, а в деревнях думали только об одном — как выжить?

Пример: душераздирающая история Афанасия и Агафьи Лебедевых из поселка Потехино Комаричского района. Свои сроки (10 и 8 лет) они заработали за кражу колосков с колхозного поля в июле 1947 года. Ночью тайно настригли несколько мешков ржи, но сторож заметил чьи-то тени на поле и доложил председателю колхоза Зайцеву.

Воров вычислили в поселке по запаху (!). Лебедевы из похищенного зерна испекли в печи три буханки хлеба, но поесть хлеба не успели. Их взяли с поличным, арестовали, судили, приняли решение о конфискации имущества — единственной хаты. На суде отец (51 год) все взял на себя, но суд его старшую дочь не пожалел.

По справке следователя, у Лебедева осталась жена, которая «плохо ходит» и шесть несовершеннолетних детей. Позже возникла заминка с конфискацией имущества Лебедевых.

Даже судьи в Комаричах не понимали, за что и куда выселять из собственной хаты женщину с шестью малыми детьми. Но областной суд добился своего. Маховик машины устрашения провернулся, и спустя два года семью преступников из собственного дома выселили, а их дом продали.

Все — по Закону, по советскому Закону.

ОСТАЛИСЬ ВОСПОМИНАНИЯ… И РАЗМЫШЛЕНИЯ

***Лапина Татьяна Михайловна**, 68 лет,*
заместитель директора по воспитательной работе
ГПОУ ТО «Щекинский политехнический колледж»,
Отличник профессионального образования,
г. Щекино

«Высочайший патриотизм –
страстное и беспредельное
желание блага Родине».

Н.Г. Чернышевский

«Война» — мягкое слово, в котором нет ни одной зловещей, шипящей буквы… И сколько боли, слез, горечи, потерь оно вместило… Плечом к плечу сражались на войне люди разных национальностей, защищая свое Отечество, свою Родину: русские, украинцы, белорусы, татары, че-

Лапин В. Р.

ченцы, башкиры, казахи, киргизы, грузины, молдаване... Они стали на этой войне одним народом, народом-победителем.

Неизвестный солдат... Он погиб, защищая свой рубеж, свой родной клочок земли, и не оставил потомкам своего имени. В декабрьские дни 1966 года в Александровском саду у стен Кремля был торжественно погребен прах Неизвестного солдата, доставленный с 41 километра Ленинградского шоссе, где в 1941 году шли ожесточенные бои; а 8 мая 1967 года на месте захоронения был открыт архитектурный ансамбль «Могила Неизвестного солдата». Всякий раз у меня замирает сердце, если приходится побывать там или когда просто смотрю по телевидению церемонию возложения цветов.

Солдаты Победы... Мы в вечном долгу перед ними, потому, что за нашу жизнь они заплатили своими страданиями, своей кровью. Их все меньше и меньше, тех, кто отстоял независимость нашей Родины. Даже самым молодым участникам боевых действий уже далеко за 80.

Но Великая Победа ковалась не только на полях сражений, но и глубоко в тылу. Там, где все жили под девизом: «Все для фронта, все — для победы!» И это не просто слова, это — жизненное кредо того времени. Я думаю, что одной из причин провала плана гитлеровцев по покорению нашей страны явилось то, что они не учли массового трудового героизма простых жителей, их самоотверженности и полной самоотдачи. Очень хотелось бы верить, что, подобно памятнику Неизвестному солдату, будет создан памятник Труженику тыла. Я верю, что это произойдет.

* * *

Нет в России ни дома,ни хаты,
Где б ни глянул на нас со стены
Молодыми глазами солдата
Окрыляющий подвиг войны...

Я не знаю автора этих замечательных строк, но какие точные слова!

В моей семье воевали:

— отец, Шестаков Михаил Дмитриевич, 1912 года рождения, уроженец села Война (ударение на первом слоге), Комарического района Брянской области;

— его брат, мой дядя, Шестаков Иван Дмитриевич, с войны вернулся инвалидом и до конца жизни носил в себе вражеские осколки;

— сестра жены дяди Ивана (немцы повесили ее за связь с партизанами на Брянщине);

— мой дядя, Зубарев Дмитрий Николаевич, летчик, кавалер двух орденов Красной Звезды;

— мой дядя, Зубарев Владимир Николаевич, старший лейтенант-артиллерист, пропал без вести в районе Керчи;

— мой дядя, Зубарев Анатолий Николаевич, ушел на фронт 16-летним парнишкой, вернулся инвалидом и рано умер;

— мой свекор, Лапин Василий Романович, прошедший и Великую Отечественную, и войну с Японией, моряк-подводник, кавалер ордена Красной Звезды. После войны 40 лет отработал на Щекинской ГРЭС, обеспечивая страну светом и теплом;

— три брата свекра: Тимофей, Егор и Владимир, который был награжден двумя медалями «Солдатская Слава» 3 и 2 степени.

Огромный вклад в Победу внесли работники тыла: женщины, дети, старики. Среди тружеников тыла были и члены моей семьи:

— мой дядя, Зубарев Евгений Николаевич, который был эвакуирован в Златоуст вместе с Тульским оружейным заводом, где работал инженером. Фронту нужно было оружие, все работали, не считаясь со временем, не выходя сутками из цехов. Не умереть от голода помогали посылки из дома с сушеными овощами, которые посылали сестры. А однажды удалось передать с проводником картошку, которая была съедена, а росточки посажены весной в землю. И, ура, они дали урожай!

— мой дядя, Зубарев Константин Николаевич, шахтер. На фронт его не призвали — надо было кому-то и уголь добывать!

А мои героические тетушки! Зубарева Александра Николаевна рыла противотанковые рвы в 1941 году, как и моя свекровь, Наумова (Лапина) Лидия Петровна; Ольга Николаевна была медицинской сестрой и работала в Доме малютки в Туле. Дом, в котором она жила, немцы разбомбили. Моя мама, Зубарева Людмила Николаевна, была сельской учительницей.

Однажды ее пригласил к себе ее дядя, у которого была пасека, и преподнес четверть меда. Это был царский подарок! Мама была сладкоежкой, весь сахар, который она получала в качестве пайка, тут же от соблазна крепко зашивала нитками в мешочек и отправляла брату Евгению. Представьте себе, как бережно несла она свой груз по каменке (каменной дороге) и насколько велико было ее горе, когда эта злосчастная бутыль с медом выскользнула из ее рук и, о, ужас, ее горлышко откололось... Смотреть, как густой мед течет по бутыли, было выше ее сил... Она слизнула мед языком и с ужасом поняла, что язык... раздвоился... Очень долго рана заживала и не давала вести урок в надлежащем темпе...

Моя тетя, Зубарева Александра Николаевна (во время оккупации жила в деревне Наумовка Щекинского района Тульской области) вспоминала:

«Немцы стояли с октябрьских праздников до Варвариного дня (17 декабря). Сосед служил старостой. Его крестным был помещик Фире. Подал немцам списки, у кого какой провиант. Постоем они не стояли, но каж-

дый день собирали продукты. Очень любили «яйки». Убили бывшего парторга шахты 18 (приходил проведывать жену, которая родила, а кто-то видел), а также бывшего начальника шахты, бухгалтера по имени Михаил (в деревне Спицыно), и не разрешали хоронить. Так и лежал замерзший в канаве, пока немцы не отошли... Стояли немцы на постое в Шондрово...

Когда заболела сестра Ольга, я поехала на лошади за фельдшером в Костомарово, а он не поехал. Подошел немец высокий в коричневой пелерине поверх шинели, взял лошадь под уздцы и повел...Что делать? Лошадь-то колхозная... Подождала, посмотрела — нигде пелерины не видать, быстрее отвязала и уехала...

Склады в Миленино сожгли партизаны. Ходили слухи, что идут каратели и сожгут все дома, но они успели сжечь только один дом Куваевых...

Наши наступали со стороны Иконок...»

Все это забыть нельзя. Мы в вечном долгу перед солдатами Победы, тружениками тыла, потому, что за нашу жизнь они заплатили своими страданиями, своей кровью... И отдать этот долг мы можем только Памятью и Уважением.

В первые дни после освобождения началось восстановление разрушенного хозяйства. Так, еще шли бои, а 17 декабря 1941 года началось восстановление высоковольтной линии электропередачи «Тула — Щекино».

Люди работали по 12 и более часов, получая скудный паек по карточкам. Но и в этих условиях нормы выработки, особенно по оборонным заказам, выполнялись в срок и перевыполнялись [1].

Все Щекинские шахты были разрушены при отступлении наших войск. Превращены в груды развалин надземные здания и сооружения. Топливная проблема обострилась до крайности. Поэтому все силы были брошены на восстановление шахтного хозяйства. В лютую стужу зимы 1942 года, при недостатке людей и оборудования, их следовало восстановить в кратчайшие сроки. Многих ушедших на фронт мужчин заменили женщины. 11 января 1942 года выдала уголь щекинская шахта № 2, а спустя несколько дней — шахта № 19. Шахты района, все, без исключения, вошли в строй раньше намеченного срока.

Промышленность района к концу войны не только достигла довоенного уровня, но в ряде производств перешагнула его. В 1954 году в тресте «Щекиноуголь» было добыто угля в несколько раз больше, чем в довоенном 1940 году, а на шахтах трудилось около 20 тысяч шахтеров [2].

За успехи в восстановлении шахт и выполнение планов угледобычи большая группа работников угольной промышленности была награждена орденами и медалями:

— Трофимов Николай Николаевич, шахтер. Звание Героя Социалистического Труда присвоено в 1948 году за большой вклад в работу по восстановлению шахт, высокопроизводительный труд, систематическое перевыполнение плановых заданий по добыче угля;

— Швецова Екатерина Семеновна, работница завода «Кислотоупор». Звание Героя присвоено в 1949 году за самоотверженный труд по восстановлению разрушенного войной хозяйства;

— Соловьев Николай Алексеевич, шахтер. Высокой правительственной награды удостоен в 1957 году за успехи в развитии угольной промышленности, досрочное выполнение планов пятилетки по добыче топлива.

Фронтовые будни

Поднималось и сельское хозяйство района. Правительство, несмотря на огромные трудности, выделяло средства на ремонт и восстановление машинотракторных станций (МТС) и животноводческих ферм. Колхозы обеспечивались семенами. Усилиями вернувшегося с фронта председателя колхоза «Новая жизнь» (Карамышево) Семенова небольшой колхоз превратился в крупное многоотраслевое индустриальное предприятие с высокими показателями урожая зерновых (40–45 центнеров с гектара), развитым животноводством. Председателю колхоза было присвоено звание Героя Социалистического труда в 1957 году. А до войны, по словам моей бабушки, Зубаревой Евдокии Дмитриевны, колхоз «Новая жизнь» во многом уступал колхозу «Ударник», в котором они жили и трудились.

Что помогло всем этим людям перенести все тяготы войны?Это — сильный русский дух, который живет в каждом русском человеке. Это — патриотизм, любовь к Родине, преданность своему Отечеству, стремление служить его интересам и готовность, вплоть до самопожертвования, к его защите. Чувство Родины у всех нас развито очень сильно. Прекрасное чувство! Оно начинается с памяти детства, со своего дома, своей улицы, своего города или села... И живет оно вместе с ощущением величия большой Родины, которая в условиях опасности и больших испытаний вся от края и до края становится вдруг до боли близка и дорога. И сейчас, в наше время, еще слышны отголоски той войны... Еще в чьей-то семье живы ветераны, которые не жалели своей жизни, защищая нас. Они есть в каждой семье или были... совсем недавно.

В моей семье, увы, все уже ушли... Остались лишь воспоминания.

* * *

Мы жили в небольшом шахтерском поселке шахты № 19 Щекинского района. Жили в бараке, нам было весело и дружно и тягот быта мы не замечали. Летом играли в «дочки-матери» и не было счастья большего, чем найти осколок с каким-то рисунком... А куклы были в основном тряпочные, самодельные... Папа работал под землей, добывал уголь. «Шахтер в забое —

на линии огня» — этот девиз родился давно. Помните, как в популярной песне 30-х годов характеризовалось обычное наступление на угольные пласты?Как «дни работы жаркие, на бои похожие...» Естественным было и рождение таких терминов и крылатых выражений, как «битва за уголь». Я помню, когда папа приходил со смены, он угощал нас, детей, остатками своего «тормозка» с впитавшейся угольной пылью и говорил, что это «лисичка его угостила», и мы уплетали это нехитрое угощение за обе щеки...

Значение добываемого угля для подъема страны в послевоенное время трудно переоценить. Переживали за успехи не только сами шахтеры, но и члены их семей, включая маленьких детей. Помню, над терриконом, по откосам которого сновали вагонетки с пустой породой, была установлена звезда. Если смена выполняла норму, она ярко светилась в темноте, а если нет — что-то помешало шахтерам выполнить план. Причины были разные, в том числе технические неполадки, вызывающие аварии... Если случалось такое, раздавался вой сирены, означающий, что в шахте произошел обвал... Шахтеры добывали уголек с помощью отбойного молотка, отсекая от залегающих пластов глыбы, грузили в вагонетки. Оставался штрек, который надо было закрепить деревянными стойками... Иногда случалось страшное... Смена закончилась, а шахтеры не поднялись наверх в специальной клети... Сирена... Все бегут к зданию управления (называли «комбинат» почему-то), женщины причитают, мы, дети, от испуга ревем... Мой папа дважды оказывался засыпанным, но, видимо, судьба его берегла... Над правой бровью навсегда остался шрам...

Детство. В нем все видится иначе. Праздники — запах пирогов и варящегося холодца. Хочется одновременно спать, перепробовать все начинки и дождаться того момента, когда мама начнет перебирать холодец.

А массовые гуляния на Троицу, когда устраивались игры, розыгрыши, лотереи и можно было перекусить прямо на полянке?Помню, летом загрузились в кузов грузовой машины и отправились за раками. Наши отцы ловили их прямо руками, а раки так смешно и страшно шевелили своими усами.

В выходные дни устраивались футбольные матчи... Те, кто не играл, отчаянно «болели», сидя на скамьях... Если по радио транслировались футбольные матчи, дети вели себя «тише воды, ниже травы», потому что взрослые с замиранием сердца слушали слова спортивного комментатора.

А зима... С горки катаешься до тех пор, пока твое пальто не превращается в сосульку, варежки тоже мокрые, а тебе жарко. Ты идешь домой по улице и отчаянно завидуешь тем, кто в сухой (!) одежде чинно направляется в клуб. А в клубе — буфет, а в нем, между прочим, продавалась настоящая черная икра в таких небольших конусообразных баночках. И, трудно поверить, деликатесом она тогда не была. То ли вкуса мы ее не знали, то ли цена не подходила...

Вся жизнь на шахте подчинялась главному — работе. А в каждой семье главным был, конечно, шахтер. Его надо было накормить вкусно и сытно, поэтому в сарайчиках мычало и хрюкало поголовье. Ему надо

было создать условия для отдыха, и детвора замирала, когда отцы отдыхали после смены. Слово отца было закон. И это было правильно! Я не помню, чтобы кто-то дебоширил или пьянствовал. Старшие заботились о младших, помогали по хозяйству, и это было в порядке вещей. Помню, обращались мы к старшим только на «Вы».

Была в поселке целая улица, на которой жили немцы-переселенцы с Поволжья. Мы все дружили и общались друг с другом на немыслимом языке, однако прекрасно понимали друг друга. И только потом, уже в школе, нас обучили «правильному» немецкому языку. А тогда мы были счастливы, дружили, ходили друг к другу в гости. Семьи немцев отличались удивительной аккуратностью и чистотой, даже летом не увидишь ни одной мухи... А еще они умели готовить удивительно вкусную колбасу и научили наших мам этому умению. А какие вкусные «крепли» (хворост) готовила бабушка моей подруги Лили Петри!

Только много позже мне стало ясно, что очутились эти переселенцы здесь не по своей воле, а подчиняясь Указу Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» от 28 августа 1941 года. Им предписывалось в течение 12 часов быть готовыми к переселению. Что можно приготовить за 12 часов?Так и отправлялись в путь, взяв немного еды и теплой одежды. Бывало, семьи разлучались, ведь кого-то отправляли и в Сибирь, и в Казахстан. Тогда многие жили трудно и голодно, но трагедия спецпереселенцев заключалась, на мой взгляд, в том, что их разлучили с родиной...Вначале эти парни работали под присмотром охраны — девчат из соседних деревень, а закончилось дело тем, что стали создаваться интернациональные семьи.

Диаспора немцев сохранилась и до наших дней. Где-то году в 1956 их реабилитировали. А канцлер Коль назначил жертвам политических репрессий компенсации. Кто-то уехал впоследствии в Германию, но и сейчас встречаются фамилии Кель, Петри, Эдель, Нейбергер... Это те, кого я лично знаю.

Еще одно яркое воспоминание. Вокруг столба с черным репродуктором стоят люди. Кто-то плачет... и шепоток: «Сталин умер». А я никак не пойму, почему от этого надо плакать.

Неподалеку, в деревне Наумовка, жила моя бабушка, Зубарева Евдокия Дмитриевна. Жила с сыном Анатолием, который пришел с войны инвалидом. Можно только догадываться, что пришлось ему увидеть и пережить. Ему, совсем мальчишке... Помню, дядя Толя приходил на шахту, покупал в магазине сливочное масло, чтобы сдать его в счет налога. Много лет спустя я узнала, что каждая яблоня в саду и каждая курица облагались налогом, который всенепременнейше колхозники должны уплатить государству. Работали в колхозе много, с раннего утра, по разнарядке. Когда мы подросли и тоже жили уже в деревне, мы помогали колхозу: поливали рассаду, пололи свеклу и морковь, собирали смородину и яблоки. Все это воспринималось как само собой разумеющееся.

Моя семья. 1953 г.

А дома — два младших брата... Летом поставишь на солнышко корыто с водой, вода в нем нагревается. Искупаешь их, оденешь в чистое, возьмешься в «помылках» постирать их одежонку, глянешь, а они опять черные, как трубочисты.

Активными мы были, самостоятельными... Чего мы только не собирали: макулатуру, металлолом, даже куриный помет. В уборочную, летом, создали, как сейчас бы сказали, агитбригаду и выступали перед комбайнерами.

Можно было бы ностальгировать по детству и дальше и видеть все в розовом свете, но я помню и другое... Бабушка всю жизнь ждала пропавшего без вести сына Владимира. До войны он успел поработать учителем математики в Ревякино, справил себе сапоги и костюм, ушел воевать, «не долюбив», а курить он так и не научился. Много раз пытались разыскать его, но, увы... В Щекинском краеведческом музее в Книге Памяти есть строчка, посвященная моему дяде. Мама назвала его именем моего брата.

Многие фронтовики не любили вспоминать войну. Таким был и мой отец. И лишь однажды мы видели, как он плакал. Много лет спустя после войны нашла моего отца через военкомат дальняя родственница, прислав ему письмо. Оказывается, во время войны она смогла вытащить его из лагеря как своего родственника. Каждый день в лагере пленных выстраивали на поверку. Были неудачные попытки сбежать, и, чтобы устрашить остальных, немцы расстреливали: каждого третьего, каждого пятого... Когда назвали его фамилию, отец только и успел попрощаться с теми, кто стоял рядом. Оказалось, его узнала эта женщина и смогла вытащить из лагеря, и он работал у помещика. Отец плакал, и мы рыдали вместе с ним...

Война сама по себе — большая несправедливость, много несправедливого было и после нее. Те, кто побывал в плену, становились для своей Родины пасынками. Отцу не разрешили вернуться на свою Брянщину. Так он оказался на шахте № 19, где потом и встретил мою маму.

Война — страшное время. Жизни людей становятся одновременно самым дорогим и самым доступным ресурсом... Можем ли мы рассуждать о войне, не почувствовав на себе всю тяжесть этого бремени?Мы родились и выросли в мирное время. Мы никогда не слышали воя сирен, извещающих о военной тревоге, не видели разрушенных фашистскими бомбами домов, не знаем, что такое нетопленное жилище и скудный военный паек... Нам трудно поверить, что человеческую жизнь оборвать также просто, как и утренний

сон. Об окопах и траншеях мы можем судить только по кинофильмам и рассказам фронтовиков. Для нас война — история, которая разделила время и жизнь на «до» и «после». Мы должны помнить всех, кто защищал Родину и наше будущее. Замечательная традиция возникла в нашей стране — шествие Бессмертного полка. Традиция недавняя, но сплотившая потомков победителей в Великой Отечественной войне в единое целое. И в этом году, как и в прошлом, я с моей семьей, моими студентами вновь встану в ряды Бессмертного полка, чтобы еще раз напомнить всему миру:

Тех,кто лежит сейчас в братской могиле,
Вас, кто дожил, — мы не забыли.
Вы — победили!

Литература

1. Энциклопедия городов и районов Тульской области / Составитель С. Д. Ошевский.— Тула: Пересвет, 2000.
2. О подвиге щекинцев скупой строкой архивных документов // Архивный отдел администрации города Щекино и Щекинского района, 2005.

НАШИ РОДНЫЕ

***Федорова Елена Сергеевна**, 60 лет,*
выпускница МВХПУ (Строгановское училище),
художник, преподаватель основ изобразительного искусства
в средней школе;
***Демичева Дарья Николаевна**,28 лет,*
историк,
г. Москва

Я родилась в Москве в 1956 году через полтора года после того, как мои родители были освобождены из мест лишения свободы по амнистии (впоследствии реабилитированы).

Мой отец Федоров Сергей Степанович родился 7 ноября 1927 года под городом Омском в многодетной семье (13 человек детей). Моя мама Ирина Фоминична Федорова (в девичестве Шкурина) родилась 24 сентября 1925 года в Москве. У них были очень похожи детские судьбы. Они были из репрессированных семей. Мои родители были детьми «врагов народа», а затем по ложным обвинениям стали сами «врагами народа». Встретились они в «местах не столь отдаленных», именно там начался их роман.

Отец Сергея, мой дед Степан, был расстрелян перед войной, позже реабилитирован. Мы о нем мало знаем. Моя мама Ирина Фоминична всегда говорила о своих родителях с глубокой нежностью и болью. Жизнь мамы была очень интересная, но полная тяжелых событий и испытаний. Детство ее кончилось, когда арестовали отца. Ее отец, мой дед, Шкурин Фома Кузьмич был расстрелян перед войной, позже реабилитирован. О деде Фоме знаю, что он родился 20 июля 1893 года в слободе Ефремовской, Ефремовского уезда Усть-Медведицкого округа бывшей Донской области в семье крестьянина-середняка. Закончил приходскую школу. До 1941 года занимался сельским хозяйством. С 1914 по 1917 год проходил службу артиллеристом в старой армии в Михайловской крепости близ Батума, в нижним чине.

В 1917 году, будучи в армии, избирался депутатом первого в Батуми Совета рабочих и солдатских депутатов, примыкал к фракции большевиков. С ноября 1917 года по возвращении на родину он активно участвовал в установлении Советской власти в Усть-Медведицком округе в качестве члена Ревкома. В этот период дважды подвергался нападению белоказаков (на хуторе Колединои и на хуторе Перелазовском), но остался жив. В июле 1918 года вступил в отряд Красной гвардии, организованный в слободе Михайловской Усть-Медвидицкого округа. Позднее отряд был переименован в партизанский, где он был помощником начальника штаба отряда. 11 сентября 1918 года отряд был реорганизован в 23-ю стрелковую дивизию 9-й армии Южного фронта. Был начальником дивизии, участвовал в боях с белогвардейскими отрядами Краснова и Деникина, два раза был ранен. По окончании гражданской войны работал в военкомате города Ростова. С 1922 года работал в Москве, в аппарате ЦК ВКП(б) — секретарем комиссии помощи голодающим; позже освобожденным членом местного комитета. В последующие годы он работал в Губотделе Московского Союза совторгслужащих, потом был директором совхоза в Каширском районе Московской области. В 1936 году он окончил Академию пищевой промышленности без отрыва от производства.

С 20 июня 1937 года до дня своего ареста 16 января 1938 года работал в качестве директора Академии пищевой промышленности. Фома Кузьмич был членом КПСС с 1922 по 1923 год и после перерыва в связи с провокационным доносом в 1921 году снова был принят в партию в марте 1927 года.

В феврале 1955 года сообщением Военной Коллегией Верховного Суда СССР установлена дата смерти Ф.К. Шкурина — 27 апреля 1939 года. 22 декабря 1955 года решением той же Коллегии дело об аресте Ф.К. Шкурина было пересмотрено, и он был реабилитирован.

Воспоминания о своей жизни, родителях Фоме и Антонине и о родных оставила моя мама Ирина Федоровна. Они начинаются размышлениями:

«Та часть нашего общества, которая еще читает, видимо, не могла не заметить неодобрительных слов нашему прошедшему русскому

двадцатому веку. Об этом категорично сказал поэт Владимир Соколов: «Я устал от двадцатого века!» Такое же отношение сквозит в строках поэта Владимира Кострова, творчество которого я почитаю.

Эти поэты родились в первой трети XX века, как и я, его особенности мы испытали на себе. И, тем не менее, судьба отдельного человека — не слепок с невзгод века. Жизнь моей матери тому подтверждение. Ей выпала незаслуженная репрессия — тюрьма и исправительно-трудовой лагерь, досталось и материальных трудностей во время войны и послевоенного лихолетья, но судьбу свою она не воспринимала трагически. А может быть, то был Божий промысел, давший ей характер рассудительный, практический склад ума и легкость в действиях и поступках.

Разлук было много, в мои двенадцать лет я осталась без мамы из-за репрессий 1938 года. После своего освобождения из лагеря в 1943 году мать наладила с нами, ее двумя детьми, жизнь в условиях эвакуации в Архангельской области. Шла еще война. Этот период был недлинным, хотя и ярким эпизодом совместного житья, когда мать была активна, усердно работала сельским врачом. В конце 1944 года я их с братом покинула, получив вызов в число студентов Московского полиграфического института. Когда спустя два года мама с Алексеем тоже вернулись в Москву и быт вроде как стал снова общим, то я, кажется, мало что из него замечала, так как центром моей двадцатилетней жизни был Вышеславцев. Два года вместе и опять разлука — теперь уже из-за моего ареста и пятилетнего срока в исправительно-трудовом лагере. Без разлук прошел только последний отрезок ее жизни: с середины пятидесятых и до кончины в июле 1980 года. Жили рядом, в одной большой квартире, но жизнь матери была обособлена. Вначале она была работающей бабушкой, а в последнее десятилетие из-за болезни нарастали печальные признаки угасания.

Нельзя сказать, чтобы я этого не видела, не огорчалась тем, что уходит жизнь и что человек уже другой, но много ли у меня тогда было ресурсов, чтобы, тянув жизнь семьи с двумя подростками, по-настоящему активно быть в курсе ее интересов, отдельных от нас, тогда еще молодых людей...

Потребность трудиться, человеческая надежность достались маме от ее родителей и всего уклада жизни обитателей славного города Саратова, живших в XIX веке достойно и неторопливо. По моим представлениям, бабушка происходила из семьи священника Храмова. Дед Федор Григорьев был мелким чиновником в городской судебной системе тех лет,— присяжным поверенным, то есть адвокатом. Вопрос лишь в том, какие дела он вел — видимо, не самые престижные. В Симбирске примерно в это же время присяжным поверенным был Владимир Ульянов.

Семья жила в собственном доме вдовы Храмовой (матери бабушки) в отдаленном районе города. Дочери Григорьевых родились в самом конце века, Антонина (мама) в 1896 году, Александра — в 1898. До революции 1917 года обе они успели окончить частную гимназию, поступили в Сара-

товский медицинский институт; видимо, в разное время. Каждая потом перевелась в I Московский мединститут в связи со своими семейными обстоятельствами. Небезынтересны и обстоятельства жизни семьи Григорьевых, когда дети еще не вылетели из гнезда.

Впрочем, как раз младшая дочь Александра вылетела очень рано из-за конфликта с отцом, а он был неизбежен, как я догадываюсь, из-за предреволюционной конфронтации. Саратов, как и вся Россия после 1905 года, жил в ожидании краха монархии. Конечно, социум состоял из разных групп, хотя 70 лет нас и уверяли, что революцию желали абсолютно все.

Современный историк В. Кожинов в одном из своих исследований «Правда черной сотни» проливает истинный свет на сложный политический климат тех лет. Он утверждает, что многих русских людей пугал призрак надвигающейся гибели Империи. Они предвидели тяжесть жертвы и пытались сплотиться; были созданы такие общества, как «Союз русских людей», «Русская монархическая партия», «Союз русского народа» и иные, которые все желали не допустить катастрофы. Но эти усилия были утопичны.

Отец был за сохранение монархии, может быть, даже входил в один из названных союзов, а дочь Александра, как и ее гимназическая подруга Анна, была воодушевлена «борьбой за права народа», и они вместе вступили в некую боевую дружину «Маяк», этот факт сообщает Анна Васильевна в своих воспоминаниях о муже, писателе Викторе Бабушкине.

Революционный романтизм Александры захватил ее настолько, что она ушла из дома, причинив горе бессловесной матери. Где она стала жить, я не знаю, может быть, под кровом родителей Анны Васильевны. Кажется, их семья была из числа состоятельных саратовцев; собственный дом стоял чуть ли не на берегу Волги.

Родители юной революционерки были страшно огорчены ее замужеством. Выбрала безродного революционера Бабушкина, фактически тоже ушла из дома невесть куда.

Из рассказов Анны Васильевны я знаю, что Александра вышла замуж в первые постреволюционные годы тоже за одного из новых героев. Молодые супруги, жившие уже в Москве, нередко ссорились и разбегались (это понятно из писем моего отца), но потом, видимо, мирились. Развела их эпоха. Андрей Николаевич Шангин был одним из номенклатурных работников, в начале 30-х был послан на Дальний Восток, возглавлял в Благовещенске райком партии, там и погиб: «попал под раздачу». Тетя с ним не поехала, видимо, дорожила своей тоже номенклатурной должностью.

Старшая дочь Тоня не интересовалась политикой, из дому не уходила. Может быть, уже имело место знакомство с будущим мужем Фомой Шкуриным. Он был заброшен в Саратов по службе в рабоче-крестьянской Красной Армии, был крестьянином, но уже с идеями.

После кончины матери я разбирала письма отца, которые она сохранила, они все от раннего периода их совместной жизни, начавшейся

в конце 1918 года. Время было тяжелое, неустроенное. В 1920 году их первый ребенок умер в младенчестве от диспепсии. Свой ужас к детскому расстройству пищеварения мама сохранила на всю жизнь, помню это уже по своему материнству.

О моем отце Фоме Кузьмиче Шкурине я могу судить по «отраженному свету» его личности в людях, которые его знали, и по его письмам. В той семье он был, конечно, главной опорой и организатором. Я думаю, что Бог не обидел его талантом и свойственной русскому типу мышления потребностью в правдоискательстве. В книге донского писателя Анатолия Знаменского, изучавшего социальные схватки региона по документам того времени, я встретила имя отца, одного из сподвижников крупного казачьего военачальника Филиппа Кузьмича Миронова. Он был потом уничтожен по приказу Троцкого.

Отец, один из его штабистов, писал легко и достаточно грамотно. Его, рядового русской армии, избрали в Совет солдатских депутатов. Это — после знаменитого Приказа № 1 Временного правительства, сокрушившего воинский дух армии и дисциплину. Если мама была человеком дела и поступка, то натуре отца, судя по романтическим письмам, были свойственны абстрактные размышления и, конечно, революционный максимализм.

Об особенностях славянского склада души сегодня есть уже много здравых суждений, в частности, в исследованиях Кожинова. С позиций европейца, русские непостижимо мало заботятся о бизнесе, наживе, вообще о богатстве. Вкратце это сжато в формуле: «русские не на земле живут, а по воздуху летают!» Эта особенность менталитета стала одной из составляющих революционного психоза. И видимо, каждый, кто был воодушевлен идеей социальной справедливости, потом уже шел за вождями не рассуждая. Отец и тетя были коммунистами с дореволюционным стажем. Отец был служащим одного из крупных советских центров нового образования, Промышленной Академии. Ее слушателями были Надежда Алилуева, Никита Хрущев. Шкурин тоже стал студентом экономического факультета, который окончил в 1936 году. Теперь стал возможен карьерный рост. В частности, отец проработал некоторое время заместителем министра Союзного министерства торговли, но недолго; подоспело время, когда «революция стала пожирать своих детей».

Хотелось бы знать, кто из идеологов новой власти придумал в свое время практику распространять репрессию на членов семьи политического врага?Потянулись эшелоны жен в лагеря, как будто жена всегда была единомышленником супруга или хотя бы знала, чем он там на работе занят. В камере Лубянской тюрьмы в 1948 году мой путь пересекся с судьбой дочери Карла Радека. Он был фигурантом одного из крупных политических процессов 1937 года. Соня рассказывала, что ее мать на тот момент уже фактически разошлась с отцом. Но в Казахстанский лагерь ее все равно отправили, а Соню, которой было уже 18 лет, определили в ссылку.

А сколько трагедий стоит за этим жутким изобретением века! Мамина подруга по лагерю Татьяна Тихоновна Озолина, родом с Украины, была замужем за латышом Озолинем, сподвижником А. И. Микояна по министерской работе. Муж, как и мой отец, был расстрелян, Татьяну Тихоновну препроводили в исправительно-трудовой лагерь, а их единственную дочь — в детский дом. Девочка 12-ти лет умерла там от воспаления легких.

Моя мать была арестована спустя два месяца после отца, осуждена на пять лет, отправлена в женский лагерь в Мордовию, где для нее было совершенным кошмаром работать вышивальщицей в женской артели заключенных. Но ее медицинская профессия оказалась востребованной, по спецнаряду ее отправили этапом в другой лагерь в Архангельскую область, и там она свой срок проработала врачом в зоне, а не на общих работах. Работа по специальности сохраняла заключенному человеческое достоинство и по логике внутрилагерных отношений давала материальные преимущества.

Это было важно для тех, кто не получал помощи с воли. Мама не получала. Тетя Шура не могла нарушать табу на связь с членом семьи «изменника Родине», хотя это была и родная сестра и фактически она мать детям заменяла. Она даже почти не писала сестре, предоставляя вести переписку мне, а что я могла в свои 14 лет написать дельного? Правда, два письма, написанных тетей, я потом в мамином архиве обнаружила. Они скорее подошли бы для выступления на партийной ячейке. Тетя сообщала о патриотизме детей, о том, что хорошо учатся, читают «Пионерскую правду» и что-то еще весьма поверхностное.

Но тетку я свою благодарно помню не только за ее подвиг с риском для партийного функционера. Она была мягким, деликатным человеком; с ее уровнем интеллекта могла бы стать и ученой, стала все же кандидатом медицинских наук. Ее обожали сослуживцы по работе в престижной московской поликлинике на Петровке, где она была главным врачом, проработала там долго и бесконфликтно. Я знаю, что и пациентки ценили ее работу. Одной из них была Мария Миронова, мать Андрея.

Тетя умерла в 1962 г., пережив XX съезд партии и доклад Хрущева. Это сенсационное развенчивание личности вождя, символа партии и незыблемости государства, было подобно сокрушению некой важной несущей детали в архитектуре целого здания. Можно было только догадываться, как Александра Федоровна восприняла это крушение. Конечно, она не снисходила до того, чтоб что-либо выражать словами. Я лишь видела, как она страдальчески курила, прикуривая новую папиросу от другой. Она знала, что ее сердце не даст ей долгой жизни. Мама, перенесшая лагерную изоляцию, пережила ее на 18 лет».

Так закончила свои воспоминания моя мама Ирина Фоминична.

Вот такие репрессированные истории двух семей объединили моих родителей, Сергея Степановича и Ирины Фоминичны. Когда они поженились, то жили с моими бабушками, о которых шла речь — Шкуриной Антониной Федоровной и Григорьевой Александрой Федоровной.

О моем отце Сергее Степановиче Федорове, по его воспоминаниям, со слов его друзей, с которыми он делился ими, можно рассказать следующее. В 1947 году его, 19-летнего студента III курса Строгановки, арестовали по печально известной 58-й статье Уголовного кодекса. Изнурительные, издевательские, садистские допросы во внутренней тюрьме на Лубянке. Там же, на Лубянке, забитой заключенными до отказа, он случайно оказался в одной камере с известным монархистом В.В. Шульгиным. Старик обучал мальчишку игре в шахматы, много рассказывал — давал уроки стойкости и мужества, которые пригодились в последующей его лагерной одиссее. Лефортовская тюрьма с ее страшными казематами-одиночками, приговор — 10 лет лишения свободы с отбыванием наказания в лагерях усиленного режима и бесконечные этапы: Котлас, Вологда, Карелия...

Живой, смешливый, склонный к шутке, любознательный от природы, имеющий за плечами один год учебы в Калининском училище и два — в Строгановке да небольшой практический опыт работы художника-оформителя, он был назначен руководителем лагерной самодеятельности, снят с общих работ и причислен к разъездной агитбригаде для оформления концертов и спектаклей. И вновь дороги, но уже не этапом, и опять Котлас, Магадан и многие, многие другие лагеря. И конечно, люди, с которыми встречался в этих лагерях, и особенно те, кто вместе с ним работал в составе агитбригады. Люди с большим жизненным опытом, такие же, как и он, «политические» заключенные, относились к нему как к сыну и советом и делом помогали выжить в этом аду, не потерять в себе человека. Он всегда вспоминал их добрым словом. Это и писатель А. Гладков, и известная исполнительница русских песен Л. Русланова, и актриса Т. Окуневская, и балетмейстер и директор бывшего Мариинского театра в Ленинграде М. Янковский, и многие, многие другие. Все они в той или иной мере повлияли на его взросление, на формирование жизненной позиции, ориентацию в искусстве. Но все же лагерь оставался лагерем с его системой унижения человека, грязью, грубостью, безнравственностью, со всем комплексом продуманных мер по уничтожению в человеке всего человеческого.

Отсидев семь лет, в 1954 году С.С. Федоров был освобожден, но не реабилитирован, лишен права прописки в Москве.

Выйдя на свободу, и папа, и мама продолжили обучение в высших учебных заведениях. Отец закончил МВХПУ по специальности художник-монументалист в 1957 году. Позже в этом же вузе, закончив аспирантуру, стал преподавать монументальную живопись и рисунок. Впоследствии стал профессором. Моя мама завершила обучение в Московском полиграфическом институте в 1956 году по специальности художественный редактор. Впоследствии работала редактором в различных издательствах. Последнее место ее работы — комитет по печати РСФСР.

Нам очень дороги воспоминания коллег об отце. Искусствовед Александр Александрович Комаров работал с Федоровым Сергеем Степано-

вичем в Московском высшем художественно-промышленным училище (бывшее Строгановское), на кафедре монументальной живописи. Он в свое время написал о коллеге в своей статье:

«Сергей Степанович был тонкий, наблюдательный, вдохновенный художник, лиричный портретист по призванию. Прошел трудную, драматичную школу жизни. В 1957 году не без помощи добрых людей он был реабилитирован. Вернулся в Строгановку. И это уже в 30, когда столько пережито горького, видано грязи, перенесено унижений! Но после всего этого его все же тянуло к светлому, к искусству. Не убили, не затоптали... Ректор училища Захар Николаевич Быков отнесся к без вины виноватому и много перенесшему и пережившему молодому человеку с исключительным вниманием, предоставил ему право выбора любого отделения вуза. С. Федоров выбрал монументально-декоративную живопись. Довольно смелое решение, так как за его плечами было, по сути дела, всего два года учебы на отделении художественного металла и перерыв в образовании почти 10 лет. Но одаренность Федорова, замеченная еще в 1942 году академиком К. В. Сахаровым и одним из интереснейших педагогов Строгановки В. Е. Егоровым, преподававшими будущему художнику первые уроки изобразительного искусства, не подвела его и здесь.

В 1961 году С. С. Федоров успешно окончил курс обучения под руководством профессора В. Ф. Бордиченко, защитил диплом на «отлично» и был оставлен в училище на кафедре рисунка в должности преподавателя. Затем перешел на кафедру монументально-декоративной живописи. Это был опытный, знающий и любящий свое дело педагог, активно работавший в области монументально-декоративной живописи художник, но в большей степени влюбленный в свои модели художник-портретист, тонко чувствующий и вдохновенно передающий все нюансы индивидуальности портретируемых.

За годы, прошедшие после окончания вуза, С. С. Федоров много времени и внимания отдавал подготовке молодых специалистов на кафедре монументально-декоративной живописи и плодотворно работал как монументалист, создав целый ряд интересных произведений, гобелены, декоративные резные деревянные рельефы, мозаичные панно. Но все же главные поиски и находки С. С. Федорова как художника, всегда искавшего что-то свое, стремившегося к совершенству художественной формы, — в его станковых работах — натюрмортах и особенно портретах. Именно здесь в наибольшей степени раскрывается его талант художника-реалиста, внимательно вгляды-вавшегося в жизнь, любовавшегося совершенством и разнообразием ее форм».

В традициях нашей замечательной семьи росли внучки Сергея Степановича и Ирины Фоминичны: старшая, Аглая, окончила университет по специальности государственное и муниципальное управление, замужем, младшая, Дарья, — историк, тоже замужем. Вот ее мысли о дедушке и бабушке:

«Продолжая рассказ мамы, я, младшая, хочу сказать, что воспоминания о дедушке и бабушке очень мне дороги. Когда я вспоминаю своего

дедушку, меня охватывает особая нежность, потому что более доброго и терпеливого человека я не помню. Он любил всех людей, и люди ему платили тем же. Пройдя ужасы репрессий, он не «сломался». Дедушка любил устраивать праздники и в мастерской на улице Чаянова, а также на даче, в деревне Тимовка. Он великолепно ориентировался в лесу (сибирский человек) и чувствовал грибы, умел их собирать и любил это делать. Прекрасно играл в шахматы, пытался этому научить меня, но я не смогла это освоить. Запомнилось, как на даче мы ходили с дедушкой к соседу-леснику Ивану Тихоновичу, с ним дед дружил. Иван Тихонович катал меня на своей лошади Соловье. У нас дома развешаны портреты, выполненные дедушкой, он был великолепным портретистом. Вся наша семья этим гордится. Я очень любила свою бабушку. Она была добрым и стойким человеком. Окончила школу с золотой медалью. Выдержала смело и достойно годы, которые пришлось провести в ГУЛАГе. Она была арестована за участие в контрреволюционном кружке, закончила учебу в Московском полиграфическом институте. Написала несколько акварельных работ, которые нам очень нравятся.

Бабушка с большой благодарностью и теплотой вспоминала своего педагога, у которого ей посчастливилось учиться. Это художник Серебряного века Николай Николаевич Вышеславцев (1890–1952), который был талантливым графиком, иллюстратором, преподавал в Московском институте им. Сурикова и Московском полиграфическом институте. Был библиофилом и собрал за свою жизнь одну из лучших библиотек, собрание книг по философии, искусству, истории. Он написал портреты своих современников Б. Пастернака, М. Цветаевой, Ф. Сологуба и др. Бабушка получила специальность художественного редактора, для дипломной работы выбрала книгу Гектора Мало «Без семьи», работала в разных издательствах по своей специальности. Она довольно часто ездила в командировки, и было интересно слушать рассказы об этих поездках. Бабушка умела очень многое: замечательно пекла пироги, вязала разные вещи, великолепно выращивала цветы (а соседи по даче сажали картофель и овощи, не понимая, зачем эти цветы). Профессионально колола дрова — наследие работы по лесозаготовкам в ГУЛАГе. А как бабушка прекрасно читала мне, нашей маме и моей сестре классические произведения, сидя на террасе нашей дачи! Это был «театр одного актера». Бабушка любила искусство в разных его проявлениях и приучила меня к посещению театральных постановок. Именно бабушка привила мне любовь к театру. Запомнились мне особенно два наших похода в театр. «Свои люди, сочтемся» и «Царь Иоанн Грозный» — эти спектакли мы смотрели в Малом театре. Я с бабушкой проводила много времени и многому у нее научилась. Наша семья чтит память своих родных, которые пережили страшные годы репрессий. Наши родные были мужественными, талантливыми и добрыми людьми».

ПОСЛЕВОЕННАЯ СУДЬБА ФРОНТОВИКА

Долгарев Анатолий Васильевич, *70 лет,*
доцент НТУ «Харьковский политехнический институт»,
ответственный секретарь Украинского отделения
Международного общественного фонда
имени полководца Г. К. Жукова,
г. Харьков, Украина

Автору этого очерка, посвященного Евгению Николаевичу Дегтяреву, всегда было приятно узнавать что-либо интересное, связанное с историей художественной самодеятельности НТУ «ХПИ», так как, будучи студентом, он все годы принимал участие в разных коллективах, а после окончания политехнического института в Харькове в течение шести лет ему довелось руководить работой Дворца студентов. В структуре ХПИ, где мы работали вместе с Е.Н. Дегтяревым, было две должности директора — опытного завода, которую занимал Е.Н. Дегтярев, и Дворца студентов, где директором был автор.

Евгений Николаевич был одарен незаурядными музыкальными способностями. Он их унаследовал от своих родителей. Отец Евгения Николаевича, Дегтярев Николай Федорович, неплохо играл на мандолине и гитаре. Он и обучил Женю игре на различных струнных инструментах. Отец часто вспоминал, как еще в ремесленном училище ему довелось исполнять на флейте «Соло ручейка». Николай Федорович рассказывал Жене о том, что его жена, Женина мама, Анастасия Степановна постоянно напевала отрывки из разных песен и даже «Баядерки». Евгений Николаевич еще в школьные годы стал участником оркестра народных инструментов Дворца культуры металлургов в городе Днепродзержинске. По-настоящему же он полюбил музыку, когда студентом Харьковского политехнического института участвовал в институтском оркестре народных инструментов. Еще в 1950-м году на республиканском фестивале народного творчества этот оркестр, в котором Евгений Николаевич исполнял на домре партию первой примы, стал лауреатом фестиваля и попал на заключительный концерт, который проходил в Киеве. Политехники исполняли там концерт Будашкина для домры с оркестром. Руководил в те времена нашим коллективом Игорь Мирный, студент 4-го курса радиотехнического факультета. Солистом был Олег Руднев, который учился на кафедре автоматики и телемеханики электромашиностроительного факультета. Еще тогда у Дегтярева зародилась тяга к серьезной музыке, которую он не перестает любить и сегодня, в свои 93 года, поэтому иногда берет в руки домру и наигрывает свои любимые мелодии. Евгений Николаевич рассказал автору этого очерка, как на фронте его боевые товарищи однажды нашли и подарили ему великолепную мандолину. После успешно

завершенной операции «Багратион» командование части, в которой служил Евгений Николаевич, решило организовать концерт, в котором с радостью согласился участвовать и Е. Н. Дегтярев. Среди слушателей было много солдат и офицеров. На этом концерте присутствовали генералы и местные жители из Польши, где тогда служил Евгений Николаевич.

Уже в 70-е годы директор Дворца студентов часто видел, как Евгений Николаевич буквально мчался во Дворец, где проходили концерты симфонического оркестра областной филармонии, которым дирижировал Анатолий Васильевич Калабухин. Дегтярев не пропустил ни одного симфонического концерта, на которых исполнялась музыка великих композиторов: Баха, Бетховена, Моцарта...

Будучи студентом, Евгений Николаевич активно занимался спортом. Сегодня он является старейшим в Харькове обладателем золотого значка ГТО второй ступени, который гордо носит со всеми своими боевыми наградами.

Евгений Николаевич Дегтярев родился 4 июня 1924 года в городе Верхнеднепровске Днепропетровской области. Его мама, Анастасия Степановна Дегтярева (Чеботарева), работала на дизельной электростанции, начальником которой был отец Владимира Васильевича Щербицкого, бывшего первого секретаря ЦК Компартии Украины. Отец Евгения Николаевича, Николай Федорович Дегтярев, работал токарем в железнодорожном депо Верхнеднепровска, где был удостоен звания «Почетный железнодорожник». До сих пор Евгений Николаевич восхищается конструкцией построенного отцом дома, в котором он родился. В том деревянном доме не было ни единого металлического предмета: ни гвоздей, ни скоб, ни болтов, ни гаек.

В первый класс Евгений пошел с семи лет по собственной инициативе, хотя в то время принимали в первый класс восьмилетних детей. В мае 1941 года он с отличием окончил среднюю школу в городе Днепродзержинске, в который был переименован город Каменское в 1936 году. Дегтяревы жили бедно. У выпускника средней школы за все школьные годы никогда не было собственного костюма. Окончившего школу комсомольца Дегтярева пригласили работать воспитателем в пионерский лагерь. Находясь в пионерлагере, Евгений только 27 июня узнал о том, что началась война с Германией.

Пока Евгению Николаевичу не исполнилось восемнадцати лет, он работал на изготовлении снарядов для фронта, а потом ушел на войну и дошел до Чехословакии. На фронте он был ранен и лечился в госпитале. После госпиталя Евгению Николаевичу пришлось воевать на Карпатско-Дуклинском плацдарме в составе 4-го Украинского фронта под командованием И. Е. Петрова.

«На фронте было всякое,— говорил Дегтярев.— Иногда в день по три раза «расстреливали» свои командиры, сотрясая воздух криками и угрозами, и в тот же день по три раза объявляли благодарность». Артдивизион Дегтярева одно время находился на стыке 3-х государств: Германии, Польши и Чехословакии. Форсировав реку Шпрее, дивизион ступил на территорию Германии. Пройдя часть Германии, 30 апреля, в день, когда Гитлер покон-

чил с собой, дивизион Дегтярева вошел в Чехословакию. В ночь на 9 мая дивизион ворвался в Бейчвары, в предместье Праги. Немцы стали отступать, а советские войска начали преследовать армию Манштейна. И только 14 мая дивизион был остановлен приказом советского командования.

Жители Чехословакии тепло встречали советских воинов-освободителей. Евгения Николаевича командование наградило медалью «За освобождение Праги», а совсем недавно Президент Чехии наградил Е. Н. Дегтярева медалью в честь 70-летия освобождения этой страны от фашизма.

В 1945 году воинская часть, в которой он воевал, 3-я Корпусная Краснознаменная ордена Кутузова бригада резерва главного командования, была расформирована. Однако Евгений Николаевич продолжил службу до июня 1947 года, когда командир полка, в котором он служил, полковник Сергеев, подписал приказ о направлении Дегтярева на учебу. 22 июня 1947 года он уехал домой.

Радости не было границ, когда он вернулся в свой родной Днепродзержинск. На родине его друг Еська (Иосиф Иванович) Олейник сосватал ему будущую жену Аду Ивановну, которая работала в одном цехе на Днепродзержинском заводе (ДГЗ) вместе с родным братом Леонида Ильича Брежнева — Яковом Ильичом. Во время эвакуации Ада Ивановна с родителями находилась на заводе в Нижнем Тагиле, где собирались лучшие в мире танки — славные тридцатьчетверки.

Из Днепродзержинска Дегтярев послал заявление на поступление в ХЭТИ (Харьковский электротехнический институт). После третьего курса, в 1950-м году Евгений Николаевич и Ада Ивановна поженились. В 1952-м году, после окончания института, комиссия по распределению специалистов оставила Дегтярева работать в политехническом институте, где его зачислили в научно-исследовательскую лабораторию механических выпрямителей.

Как изобретатель, постоянно ищущий и способный находить нестандартные решения, Дегтярев был замечен руководством института и назначен начальником научно-исследовательского отдела ХПИ (руководителем Дегтярева стал будущий Герой Социалистического Труда Василий Иванович Атрощенко, который был в тот период проректором института по научно-исследовательской работе).

В 1965 году Евгений Николаевич был назначен директором опытного завода ХПИ.

Осенью 1980 года Евгения Николаевича без всякой на то причины «упрятали» на 4 года в советскую тюрьму. Автор при этом находился в зале суда и оказался свидетелем того, как прямо там Е. Н. Дегтярева взяли под стражу. Спустя много лет удалось узнать, почему так случилось, а тогда для всех это было шоком. Все произошло потому, что одному из сотрудников милиции очень хотелось «выслужиться», и он делал все возможное, чтобы раскрыть модное в то время «хозяйственное преступление», совершенное по вине руководителя.

Что же он раскрыл? В то время в Харькове прошел огромной силы ураган, в результате которого башенный кран, при помощи которого возводилось здание высотного корпуса института (У-1), был согнут и случайно не упал только потому, что зацепился крюками за оконные проемы в корпусе. Кран необходимо было каким-то образом демонтировать. Для этого потребовались газосварщики, способные на высоте, в опаснейших условиях разрезать покореженные металлические конструкции. Под руководством Евгения Николаевича Дегтярева верхолазы успешно справились со своим заданием. Однако с рабочими необходимо было рассчитаться. Проверявшим показалось, будто сварщикам-верхолазам было уплачено слишком много денег, что и было поставлено в вину Дегтяреву. К этому были добавлены еще какие-то просчеты и, как говорят, «на ровном месте» посадили в тюрьму невиновного человека.

В судьбе Евгения Николаевича главным оказалось то, что он сумел мужественно выдержать все эти испытания. Вернувшись из колонии, он поведал мне, что в знак протеста против вопиющей несправедливости отказывался употреблять хлеб, сахар и селедку, питаясь и без того скудным пайком. Вот такую «полуголодовку» объявил Дегтярев так называемому «правосудию». Он высказывал и мысль о том, что случившееся с ним недоразумение вписывается в доктрину Алена Даллеса, и здесь трудно с ним не согласиться.

ДОРОГОЙ ПАМЯТИ

(из воспоминаний Лукашиной Полины Михайловны и Суховой (Лукашиной) Алевтины Васильевны)

Безгин Михаил Николаевич, *50 лет,*
учитель истории,
руководитель школьного музея
МКОУ «Архангельская СОШ»,
Тульская область,Чернский район

1945 год... Война, продолжавшаяся четыре бесконечных года, наконец закончилась. В каждой семье радовались Победе, окончанию неимоверных мучений, надеялись на улучшение жизни. Победа над врагом далась нелегко. Она стоила огромных жертв, титанических усилий всего советского народа. Сельское хозяйство было крайне ослаблено. Остро не хватало техники. Во многих селах крестьяне пахали на коровах, быках или даже впрягались сами. Жестокая засуха 1946 года и дальнейший голод еще больше подорвали жизнь колхозов и совхозов.

С 25 октября по 25 декабря 1941 года Чернский район был оккупирован гитлеровцами. Всего два месяца хозяйничали фашисты на чернской

Лукашина П. М. 1938 г.

и липецкой земле, но и за этот небольшой срок они успели совершить страшные злодеяния. Захватчики дотла сожгли и разрушили город Чернь, многие села и деревни, разграбили все колхозы и совхозы, железнодорожные станции, угнали большое количество скота. И все это нужно было восстанавливать.

Война, послевоенная деревня... Много интересных судеб... О ком рассказать? Судьбы Полины Михайловны и ее дочери Алевтины Васильевны Лукашиных — живые свидетельства войны. Общаясь с ними десятки раз, я вижу перед глазами отдельные эпизоды военной и послевоенной жизни. Что-то удалось записать, сфотографировать, но далеко не все, что хотелось бы.

Обидно до слез, когда не только ученики, но и их родители не знают о судьбах своих близких родственников, прошедших через жернова войны. Возможно, было упущено время. А людей уже не вернуть... Ведь по большей части ветераны, прошедшие через самое пекло,— люди очень скромные и складно рассказывать о себе не умевшие. Но в них удивляет стремление к жизни, трудолюбие, милосердное отношение к людям...

Вспоминает Лукашина Алевтина Васильевна, 1937 года рождения:

«Когда началась война, мне было четыре года, но я немного помню, как уходил на фронт мой отец Лукашин Василий Сергеевич 1916 г/р. Отец был дважды ранен. Первый раз — легко, а второй — тяжело. В 1944 году нам пришла похоронка. Мама, Полина Михайловна, очень сильно плакала, переживала, но через некоторое время смирилась с гибелью мужа. Все мы были очень удивлены и обрадованы, когда он вдруг неожиданно пришел в короткий отпуск. Отец выжил...

Мы были на улице, около дома Федотовых. Наш дом сожгли немцы, и мы шесть лет жили у них. Смотрю: идет какой-то военный... Побежала к матери, рассказала про солдата, который подходил к нашему дому. Мама присмотрелась: «Так это твой папа!» Он побыл дома несколько дней и так же неожиданно ушел опять на фронт.

Лейтенант 1185-го стрелкового полка 356-й стрелковой дивизии Лукашин Василий Сергеевич погиб 31 января 1945 года в Германии. Захоронен в городе Регентин.

После второй похоронки мама долго не могла поверить, что отец больше не вернется. Папа нас очень любил: маму и меня с братом Юрой. В 1944 году он прислал телеграмму с фронта. В этой телеграмме он поздравлял меня с днем рождения. От отца было много писем, но после второй похоронки сестра мамы их сожгла, чтобы меньше переживали и думали о нем.

Саму войну я помню не очень хорошо. Но послевоенное трудное время не забуду никогда. Дети войны повзрослели очень рано. Нам мало

Лукашин В. С. 1944 г.

пришлось играть и веселиться. В десять лет мы уже многое умели, но школа была важнее всего.

Учеба давалась не всем. Война сделала свое дело, многое было запущено. Некоторые ребята часто пропускали школу. Многие были из соседних деревень. Ходили в школу пешком, а у кого были лыжи, приезжали зимой в школу на них. Ребята были дружными, а учитель был «царь и Бог». Хорошо помню свою первую учительницу Малолетневу Варвару Андреевну, своих одноклассников: Усачеву Марию, Воробьеву Нину, Сухова Петра, Александрова Виктора, Пузанова Михаила, Криулина Петра, Тюрикову Александру, Денисову Надю, Зайцеву Машу...

В нашем классе было более двадцати человек. Однажды к нам в школу пришел фотограф, и мы все сфотографировались на память. Прошло семьдесят лет, но эта фотография в первом классе осталась в моей памяти на всю жизнь.

Писали на старых газетах и книгах между строк «чернилами», отжатыми из красной свеклы, но они быстро выцветали, и было плохо видно. Позже появился мел, перья, тетради из РОНО, чернила, которые мама разводила уже дома из какого-то порошка. Была лошадь, но только для нужд школы. Все копали вручную, а ее берегли.

В конце войны и после ходили работать в колхоз: на сенокос, убирали хлеб вместе с родителями, а вечерами часов до двенадцати вместо них сортировали зерно. Обуви не было, летом ходили босиком. Ноги грубели, привыкали и не чувствовали стерни и колючек.

Пахали на оставшихся коровах и даже на себе. Самый тяжелый и голодный год — 1947. Как дожили до весны — не знаю. Ходили рвать лук, крапиву, щавель на щи. Ели без соли, без хлеба... А когда появлялась черемуха и клубника, были очень рады. Варенье стали варить уже позже — в 60-е годы. Не было сахара, конфет, а в первый раз я узнала вкус пряника, когда училась в девятом классе. Мне казалось, что ничего вкуснее и быть не может. В школу некоторые ребята приносили картошку, и мы ее делили на всех. Но хуже всего было весной, когда заканчивались все наши скромные припасы на зиму. Ходили собирать мерзлую картошку в соседний колхоз за пять километров. Нам не разрешали, отгоняли, но мы, собрав немного, приносили домой, и мама в печке готовила из них «кавардашки». Хорошо помню послевоенное празднование Нового года. Сами готовили игрушки на елку, рассказывали стихи и получали небольшой подарок от школы: несколько яблок из школьного сада, сохранившихся в сене.

Были очень большие налоги. Семье надо было сдать 360 литров молока, 200–300 яиц, шерсть, яблоки... Мы имели корову, но молока вдоволь не ели, масло и сметану тем более.

После 1947 года довольно быстро стали подниматься колхозы. У нас в селе было два колхоза: «Свободный труд» и «За коммунизм». Из Германии пригоняли скот, привозили некоторый инвентарь. Стали приходить оставшиеся в живых фронтовики: Логинов Сергей, Поляков Александр, Худенко Афанасий и др. Все жили дружно, я не слышала, чтобы кто-то с кем-то ругался. С работы всегда шли с песнями.

В войну и в послевоенное время у нас не было керосина, в домах горели небольшие лампадки, фитильки которых были пропитаны каким-либо маслом. В 50–60-е годы появилось радио: сначала на столбах, а потом уже и в домах. Провели электричество, но свет включали зимой с 6.00 вечера до 12.00 ночи.

Во время войны и до 1947 года директором нашей школы была молодая, умная, красивая женщина — Королева Наталья Васильевна, а после нее пришел с фронта бывший директор Мельников Николай Степанович. Мы его очень уважали. Строгий, справедливый, порядочный... Затем по решению партии его назначили председателем колхоза».

Из воспоминаний П. М. Лукашиной:

«...Я родилась в 1915 году и всю свою жизнь прожила в родном и дорогом мне селе Архангельское. Была учителем начальных классов, русского языка и литературы. Закончила Чернский педагогический техникум, там же познакомилась с будущим мужем Лукашиным Василием Сергеевичем. Перед самой войной он заочно учился в Москве в педагогическом институте и работал в нашей школе учителем математики. Он был очень увлеченным человеком: хорошо рисовал, фотографировал. Однажды приехал после учебы и привез патефон. Все сбежались слушать музыку. Поставил пластинку с песней:

Ах ты, ноченька,
Ночка темная,
Ночка темная
Да ночь осенняя.
Что ты, ноченька,
Притуманилась,
Что ж, осенняя,
Принахмурилась...

Не успели дослушать, забегает соседка и кричит: «Война!»

Василия Сергеевича призвали почти сразу, но потом вернули, и он девять дней был дома. Военное училище, фронт... Служил артиллеристом. Мы жили очень счастливо. У нас родилось двое детей: Аля и Юра. Все письма с фронта он посвящал мне и дочери Але, постоянно поддерживал нас, писал, что обязательно вернется.

В конце войны пришла вторая похоронка, затем большая стопка писем и следом посылка с вещами: фотография, благодарность,

некоторые бумаги, записная книжка, в которой лежал локон моих волос.

Лукашина Аля, 1952 г.

Когда в нашем селе были немцы, было страшно, и мы ушли в соседнюю деревню к родителям мужа. Но некоторые жители совсем не боялись фашистов. Немецкие офицеры обещали «золотые горы», а один старик, ему было лет под восемьдесят, вышел встречать их с хлебом и солью. Но это было не долго, началось наступление наших войск, и немцам пришлось убегать.

Во время одного из обстрелов снаряд попал в наш дом. Мы все сидели на печке. Удивительно: от дома ничего не осталось — весь развалился, но мы все были целы, ни царапины. Правда, я, как потом рассказали, упала в обморок, а дочь Аля долгое время не могла разговаривать.

Помню еще один случай, который приключился со мной в соседнем селе Воскресеновка. Зима, снег... Я пошла за водой к роднику у речки. В деревянных санках стояло два ведра под воду. Иду по дорожке, вдруг ко мне подходит немец. Откуда взялся — не знаю, видимо, пил у родника и отстал от своих. Грязный, уставший, замерзший, но с оружием. Выхватил у меня санки свалил ведра, сел и показывает: тащи... Что делать? Не успел он сесть, отвернулся в какой-то момент... Я выдернула из-под него мои санки и, пока он не опомнился, убежала к соседнему дому. Немец ударился головой о каменную дорогу, долго возился, но встал и начал меня искать, долго стучал в дверь, разбил окна, выстрелил, но потом, видно, испугался и побежал догонять своих. Если бы он меня догнал или нашел, было бы плохо. До сих пор не могу это вспоминать спокойно...

В конце декабря 1941 года в момент отступления фашисты сожгли нашу красавицу-школу, двухэтажное деревянное здание, построенное еще до революции. Занятия пришлось начинать в 1942 году в небольшом домике, бывшем клубе, расположенном недалеко от кирпичной мастерской, которую немцам сжечь не удалось. Рядом росли елки, их распилили, получились небольшие чурбаки. Этими чурбаками перегородили помещение; образовалось три класса. Там и занимались несколько лет. В школе училось много ребят со всех ближайших деревень: Пятилетки, Брусков, Двориков, Новой деревни, Сборного поселка, нашего Архангельского.

После того как ушли немцы, приходилось много работать: и в школе, и в колхозе, копать окопы и противотанковые рвы в ближайших лесах и на опушках вместе со старшеклассниками».

Полина Михайловна прожила долгую жизнь. Начав работать в Архангельской школе в 1935 году, почти 50 лет была связана со школой, с детьми и не представляла свою жизнь без детского шума и крика. Она умерла в возрасте 92 года. Мы часто были у нее в гостях: помогали по хозяйству, чистили

снег, пилили и кололи дрова, а затем слушали с ребятами интересные рассказы о войне и послевоенном времени, рассматривали фотографии, многочисленные грамоты и благодарности. В своем почтенном возрасте она читала стихи, пела песни и танцевала. Последние свои стихи она читала на юбилее в 90 лет.

...Жизнь прожита не зря:
Мне есть что вспомнить,чем гордиться.
Жизнь пронесла меня
через тяжелый,трудный путь,
И так пришлось всю жизнь трудиться.
Я помню детское бесхлебье,
Когда кусочек хлеба снился мне во сне (20-й год).
И я, держась за материну юбку,
Шла по селу — и подавали мне.
...Как трудно вспоминать былое:
Война, разруха, голод, похоронка.
С детьми,и крыши нет над головою...
Но надо выжить, удержаться –
И делать все пришлось самой.
Шесть лет жила я на квартире
У женщины с такою же судьбой.
Работали не покладая рук и не жалея силы.
Чтоб накормить детей, мы жертвовали собой...

ЗОНА ЖИЗНИ

***Мангазеев Игорь Александрович**, 64 года,*
инженер, краевед, журналист,
трижды «Лучший рационализатор» Ташкентского
авиационного производственного объединения им. Чкалова,
выполнил свыше 450 прыжков с парашютом,
член Союза журналистов России,
г. Тверь

Родился я в день смерти Ленина и год смерти Сталина... Но это по паспорту, на деле я появился неделей позже, просто так записали в райцентре Троицкое Кемеровской области. В ту пору мои родители причислялись к сельским служащим. Отец — Александр Степанович Мангазеев, уволенный из МГБ фронтовик и военный летчик 4-го класса, работал инструктором Троицкого райкома КПСС. Мама — Ана-

стасия Никифоровна Кутькина, преподавала в школе русский язык и литературу. Родом она из Уч-Пристанского района Алтая, окончила в 1951 году пединститут в Сталинске (ныне Новокузнецк) и оказалась в числе трех выпускниц, первыми из родного района получивших высшее педагогическое образование.

Женились родители в мае 1952 года. Летом следующего года Троицкий район упразднили, влив в Ижморский, и они переехали в Прокопьевск, угольный центр Кузбасса, его «черную жемчужину». Окончив горный техникум, отец работал горным мастером на шахте «Красногорская», построенной отчасти военнопленными. Мать преподавала в средней школе № 25, а с осени 1954 года по совместительству и в 8-й школе рабочей молодежи (ШРМ).

Мне хотелось бы поведать о том, как создавались «Красногорская», увы, закрытая в 2016 году, и родной поселок.

Кулацкий поселок

Шахта строилась с апреля 1945 года на сельскохозяйственных угодьях, принадлежавших колхозам «Деятель» и, видимо, «Бедняк» из старинного села Усяты, основанного еще в XVII веке, а также на землях зиминского совхоза. Шахтовый поселок ныне называется Красной Горкой, даже поселковый Дворец культуры — ДК «Красная Горка»! Хотя до войны так именовался совсем иной поселок — километрах в пяти-шести к юго-западу, возле шахты № 5–6. Так, в III томе издания «Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД» дается «Спецсводка СПО ОГПУ о политнастроении и к/р активности спецпереселенцев», датированная 10 августа 1933 г. В ней упоминается спецпереселенец Фролов, занимавшийся торговлей документами «в кулацком поселке Красная Горка Прокопьевской комендатуры» [1].

Подземные выработки «Красногорской» простираются до шахты № 5–6, этим и объясняется название нашей шахты. Позже сформировался целый букет топонимических версий. Одни связаны со сбором ягод, другие — со свадебным обрядом или революционными событиями. Самая экзотическая: те, мол, кто приезжал сюда незваным, уезжал обратно с «красными соплями». А лет пять назад учительница Наталья Михайловна Нефедова, дочь бывшего начальника зоны для военнопленных немцев и японцев, располагавшейся на улице Ивановке, поделилась со мной вполне обоснованной версией: Красногорский поселок получил-де свое название благодаря красной черепице на домах по улице Зои Космодемьянской, поставленных к 1950 году из Финляндии и Германии по репарациям.

К слову, улица Ивановка заканчивалась в Тайбинских горах, объекте вполне сакральном. На карте-схеме 1914 года здесь, у истока речки Тайбы, обозначены два кургана и городище, относящиеся, возможно, к линии сторожевых постов Кузнецкого острога, возведенного 400 лет назад, в 1618 году. Но проверить это предположение крайне сложно, так как сейчас здесь огромный котлован угольного разреза.

Первые начальники

Патриарх советского документального кино Ефим Юльевич Учитель еще в 1943 году получил Сталинскую премию за полнометражную ленту «Ленинград в борьбе». К его крупным работам относится и фильм «Сибирь Советская», в который включен, в частности, сюжет о пуске шахты «Красногорская». Открыли ее 9 августа 1949 года. Но, как сообщает кинооператор Георгий Цветков в книге Юрия Светлакова «Киноletопись Кузбасса», ленту по непонятным для киношников причинам положили на полку. Почему?

Некоторые краеведы уверяют, что первым начальником шахты, с 14 апреля 1949 года по май 1952-го, был Александр Александрович Дедюхин. Однако в «Книге Памяти погибших шахтеров Кузбасса. 1946–1960» черным по белому написано: «Зорин Григорий Дементьевич, 45 лет, начальник шахты «Красногорская». Погиб 30 июня 1949 года». Трагедия произошла в начале работы государственной комиссии по приемке шахты (на следующий день был опробован технологический комплекс шахты). Возможно, это ЧП и помешало кинопрокату.

За завесой секретности остались также имена проектировщиков. По всей вероятности, среди них был крупный практик горного дела Николай Андреевич Чинакал — впоследствии известный ученый. В сорокалетнем возрасте он по «шахтинскому делу» был осужден на 6 лет строгого режима. Работал в Кузбассе на шахте «Емельяновская», в Ленинско-Кузнецком районе, в 1930 году приступил к обязанностям зам. главного инженера особого проектно-строительного бюро № 14 при ПП ОГПУ в Новосибирске. А институт «Сибгипрошахт» в 1939–1950 годы возглавлял А. С. Антонов (уже после Чинакала).

Первостроители из старожилов

Еще в 1917 году к Усятам протянули железнодорожную ветку, соединившую рудник с Транссибом. Старожилами Усят были Усовы, Шабалины, Атучины, Самаковские, Ямщиковы, а в соседнем поселке Культура, чуть западнее этой ветки, жили Нехорошевы, Ементьевы, Ошкаловы, Лютовы, Афанасьевы... Многие из них строили шахту и рабочий поселок. По сей день стоит дом Григория Тихоновича Атучина. Родился он в 1885 году в бедной семье, а женился на дочери зажиточного крестьянина-однофамильца Михея Атучина. Григорий слыл хорошим плотником, а его супруга Таисия славилась пирогами и блинами. У хлебосольных хозяев всегда было полно гостей, жили и шахтостроители. В апреле 1960 года Таисии не стало, в последний день того же года умер и Григорий [2, с. 161]. Их старший сын Дмитрий, отслужив, после войны работал на шахте «Красногорская», был одним из первых ее начальников участка.

Добровольно-принудительно

Страна Советов нуждалась в высококачественном угле. Прокопьевский рудник бурно развивался, свободных людских ресурсов не хватало и уже в 1930-е годы на руднике применялся подневольный труд.

Вот как, к примеру, оказался на руднике уроженец Нерчинско-Заводского уезда Иван Николаевич Котельников. Из воспоминаний его сына Анатолия: «Мой двоюродный брат Иннокентий Куприянович Котельников с супругой в 1933 году был сослан в Нарым вместе со своим родом, а также родом моей матери Елены Трофимовны Котельниковой (до брака Авериной). В Нарыме все погибли, за исключением моих отца и матери, а также Иннокентия. Он там потерялся, отец его нашел, и жил он в нашей семье. В 1933 году в Нарым приехали вербовщики с Кузбасса. И отец вместе с матерью оказался в поселке Киселевске — так они спаслись от смерти. Отец начал работать подземным коногоном на шахте № 1–2. Иннокентий же в 1941 году попал на фронт, дошел до Германии и даже служил комендантом небольшого города, имел множество ранений, был весь в орденах и медалях. Шустрый был не по годам до самой смерти. Отец был горным мастером управления строительства шахты «Красногорская» треста «Прокопьевскшахтострой». На его участке работали военнопленные японцы, исполнительные, аккуратные со своим рабочим инструментом. В 1946 году отца наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», в 1950 году — орденом Трудового Красного Знамени, а в 1953 году присвоили звание Почетного шахтера».

Подобная судьба ждала и моего двоюродного деда Матвея Николаевича Милованова, уроженца села Коробейниково Уч-Пристанского района Алтая. В 1931 году его родителей (а моих прадедов) Николая Илларионовича и Дарью Семеновну, урожденную Наводкину, выслали в Нарымский край вместе с младшими детьми Родионом, Матвеем, Нюрой и Алексеем. На другой год родители умерли от голода. Родион сбежал к старшему брату Ивану, работавшему на шахтах Прокопьевско-Киселевского месторождения. Остальные дети попали в детдом. Матвей окончил училище и после войны тоже обосновался в Прокопьевске, работал на шахте № 5–6, а примерно с 1950 года — на «Красногорской». Окончил вечернее отделение горного техникума, работал механиком участка, удостоен правительственной награды.

Молодость в бараках

На Западной и Верхоянской улицах вместе с «Красногоркой» появился целый городок из одноэтажных деревянных бараков. В бараке № 3 в 1950-е годы вырос Сергей Михайлович Печенегов, будущий кандидат наук и Заслуженный путешественник России, штурман трех лыжных экспедиций к Северному полюсу: «От бараков на восток, к шоссейке, была большая поляна, на которой мы с пацанами и девчонками играли в лапту. Южнее

административно-бытового комбината (АБК) шахты стояли домики. В одном — парикмахерская, а в двух других — жилищная контора и небольшой продмаг, в котором меня в 1951 году чуть не задавили в очереди за мукой. Добрые люди на плечах вынесли меня к прилавку. В бараке на дальнем конце Западной улицы был рабочий клуб (Красногорского шахтостроительного управления.— И.М.). В кирпичном АБК тоже, помнится, был кинозал, слева от центрального входа. Там, прячась на полу с обратной стороны полотняного экрана, смотрели «зайцами» фильмы «Чапаев», «Котовский», «Застава в горах» и прочие. Летом любимым занятием было купание в обвалах, а чтобы помочь матери, собирал на продажу куски угля с террикона — за лето один-два грузовика».

За бараками находился конный двор. На подводах развозили уголь по дворам — в квартирах даже кирпичных домов стояли печки и котлы-«титаны», а уголь хранился на улице в углярках и стайках (сараях). Барак в самом начале Верхоянской улицы занимала больница.

В числе первых углекопов был Анвар Фаткумирович Байтимиров. Он с семьей жил на Верхоянской в бараке, построенном в конце 1940-х годов. В этом бараке сначала поселили горняков, а осенью 1955 года его целиком отдали Школе рабочей молодежи № 8, над которой шефствовала шахта. Анвар и Минжиган Байтимировы, родители моего одноклассника Нуримана, поженились в 1949 году, а комнату им дали в 1950 году. «У нас частенько собирались шахтеры,— вспоминает Нури.— Все были молодыми, одного возраста. Моя гостеприимная мама считала: справлять праздники в домашнем уюте лучше, чем шататься где-то на улице. Летом еду готовили на печурке рядом с бараком и располагались прямо на лужайке. Пели, плясали всем бараком. Пили в основном бражку, а детям давали сласти. Отчетливо помню, как до трех лет бегал без штанов и меня дразнили, как качали меня на качелях во дворе, с торца барака. Я, как Филиппок, доходил до дверей ШРМ, за плечами у меня висел офицерский кожаный планшет, и возвращался домой довольный, что сходил в школу».

Школа рабочей молодежи

Из рассказа учительницы истории Марии Федоровны Третьяковой, записанного мной летом 2010 года: «По разговорам, близко к шахте «Зиминка 1–2» было лагерное отделение для военнопленных. Они строили шахту «Красногорскую» и первые кирпичные дома — на Союзной улице. А так как ШРМ № 8 тоже была при шахте, то шахта всем ее и обеспечивала».

В архиве гороно хранятся «Сводные данные классных журналов» ШРМ № 8. Некоторые из учащихся одновременно получали рабочую специальность в Горно-промышленной школе № 68 на Союзной улице, например: «8 класс, 1953/54 учебный год: Переверзин Иван Ильич, 1935 года рождения, учащийся ГПШ № 68, домашний адрес: ул. Амурская, дом 28».

Директором ШРМ № 6 и ее филиала — ШРМ № 8 сначала был Александр Гаврилович Балагаев. Смотрим 1953/54 учебный год, берем класс 7 «Б» — в нем 47 учеников, а учителей семеро: А.Г. Балагаев, А.Г. Кузнецова, Т.А. Леонтьева, А.М. Поздняков, М.Я. Савватеев, К.Ф. Татанакова, В.М. Яковлева. ШРМ № 6 находилась близ поселка Березовая Роща, начало которому еще в середине 1920-х годов положила Автономная («Американская») индустриальная колония «Кузбасс». А в 1955 году, когда ШРМ № 8 стала самостоятельной, мою мать 20 июня перевели из 25-й школы врио директора ШРМ № 8; позже директором назначили Михаила Яковлевича Савватеева.

Надо сказать, что в начале 1960-х годов в пристройке к ШРМ № 8 открылись филиал строительного техникума и подготовительные курсы Томского инженерно-строительного института. Здесь, при поддержке мамы, в ТИСИ поступил ее двоюродный брат Виктор Иванович Милованов, живший в поселке шахты «Зиминка 1–2». После окончания вуза его взяли на военную службу, несмотря на то, что его отец в 30-е годы тоже пострадал от политических репрессий. Виктор Иванович хорошо зарекомендовал себя в 1968 году при вводе в Чехословакию войск стран Варшавского договора. Военный строитель, он прямо причастен к возведению в Звездном Городке мощной центрифуги по шведскому проекту и гидробассейна для тренировок космонавтов в условиях, близких к невесомости. Полковник Милованов, выполняя важное задание, погиб в зарубежной командировке в январе 2004 года. Светлая ему память!

Военнопленные

После войны Прокопьевск представлял собой «город шахт и лагерей». Активно использовался труд иностранных военнопленных на угольных и шахтостроительных предприятиях. Пленные работали на строительстве шахты «Красногорская» и механического кирпичного завода при поселке этой шахты, шахты «Тырганская», возведении Дворца пионеров и музыкальной школы в центре Прокопьевска, на строительстве жилья и объектов соцкультбыта [3, с. 64].

Сладкой их жизнь не назовешь.

Из «Постановления Бюро Прокопьевского ГК ВКП(б) о состоянии лагерных отделений №№ 3, 4, 17, 25 лагеря № 525» от 25.X.1945 г. Совершенно секретно.

<...> Бригадой ГК ВКП(б) установлены факты преступного отношения к спецконтингенту. Так, например:

а) 24.X сего года вагоны с больными, отправленными из лагерных отделений № 3 и № 17, не были обеспечены руководителем. В результате этого на подъездных путях шахты им. Ворошилова было выброшено 5 трупов...» [4, с. 82].

Красногорские старожилы хорошо помнят «зону» на Ивановке — лаготделение № 4 лагеря № 525 для военнопленных. А после репатриации пленных в начале 1950-х годов их место заняли собранные со всего Кузбасса «государственные преступники» (осужденные по 58-й статье УК РСФСР).

Из воспоминаний выпускницы 25-й школы Валентины Глушенковой (по мужу Кучеровой): «На Ивановку добирались на своих двоих. К нам и дорог-то нормальных не было. Так, между обвалами протоптаны дорожки. В непогоду не пройти. Однажды по весне дорогу мимо террикона так расквасило, что я завязла в резиновых сапогах, еле вытянула их и вернулась домой, так как вся была грязная. За нашим огородом виднелась зона, на самой границе между Прокопьевском и Киселевском. Там за высоким забором содержались заключенные. Когда я в 1947 году пошла в первый класс, мы жили на Зиминке в домике у подъездных путей, севернее была согра (болото). Еще в войну мама косила, что там росло, чтобы содержать корову и, естественно, нас — троих детей. Потом нам дали место для строительства дома за согрой. Теперь мне нужно было топать уже 5 км — с Ивановки через болото до Зиминской школы № 24. А потом уже я перешла в школу № 25, до нее было уже 3 км, ходила мимо шахты «Красногорская». На ее терриконике вагонетки сваливали породу из шахты. Мы еще детьми выбирали себе уголь с этой большой горы и возили на санках зимой. Печки топились углем и все удобства были на улице».

Зона была большой

Из рассказа Александра Ларионова, старожила поселка Ивановка:

«Все дома здесь — самозастройка. Улицы Ивановка и 1-я Челябинка были прокопьевскими, а 2-я Челябинка — это уже киселевская. С 1944–1945 годов на Ивановке существовала зона для военнопленных. Они участвовали в строительстве шахт «Красногорская» и «Тайбинская». На первом горизонте «Красногорки» — клеть мимо проходит — были видны японские иероглифы. «Тайбинскую» открыли 12 августа 1951 года, закрыли в 1998 году. Ее название происходит от речки Тайба, правого притока Абы, протекающей с запада на восток по всему шахтному полю.

Зона была большой. Руины фонтана в кустах — это ее центр. К востоку от него стояли двухэтажные бараки, четыре или пять. Они предназначались для шахтеров-японцев. Где сейчас трансформатор у дороги — это бывшая раскомандировка — стоял одноэтажный барак, а за ним еще пять таких же. Здесь был и свой конный двор.

В нулевые годы на японском захоронении на Полтавской улице соседнего поселка Тайбинка появился памятный знак. Мы даже не за-

метили, как его соорудили. Японцы копали в трех точках, определяя места захоронения умерших и погибших. Пацанами мы играли тут в футбол, находили кости, черепа. Рядом было болото, мы купались. Теперь вода ушла из-за шахтной подработки. Еще один памятный знак на захоронении японцев поставили за Отдаленной улицей. Металлическое навершие вскоре куда-то исчезло... Когда в 2011 году сюда на «Мерседесе» приезжали гости из Японии, дорогу для них ровняли грейдером. На кладбище Зеленая Казанка в Киселевске также открыли памятный знак японским военнопленным».

Киселевчанка Зоя Антонюк собрала коллекцию воспоминаний о зоне. Среди них воспоминания Людмилы Сохаревой: «Японцы и немцы находились в зоне до 1950 года, позже им было разрешено вернуться на родину. Вначале они жили в засыпных землянках, затем построили одноэтажные бараки. Заключенные строили шахты. Площадка с домами для жилья охранников была асфальтирована, имелись свой магазин и клуб».

Из воспоминаний Анастасии Репиной: «Я родилась в 1939 году... Мой отчим работал конвоиром. В 1954 году его перевели в эту зону. Мы жили в доме напротив зоны, через дорогу. Японцев и немцев уже не было, здесь содержались осужденные по 58-й статье. Со двора нашего дома хорошо была видна зона, огороженная колючей проволокой, с вышками и пулеметами. Чуть вдалеке видно было здание КПП, через которое выводили пленных на работу. Они жили в бараках, построенных немцами и японцами. На работу их выводили под конвоем. Расконвоированные заключенные (а их было немного) возили на лошадях уголь для нужд лагеря. Территория, где жили пленные, была хорошо освещена, почти до шахты «Красногорская». На территории был клуб, магазин и колодец с чистой, прозрачной водой, который поил всю зону. Военнопленные строили шахты «Красногорская», «Тайбинская», большую травмбольницу в Прокопьевске... Когда ломали бараки, кто-то из семьи Бабкиных нашел на чердаке письма пленных японцев и что-то еще... Умерших военнопленных хоронили недалеко от зоны, на болоте. Никаких надписей, крестов не было. Остались только небольшие холмики. А со временем и они сравнялись с землей. Сейчас на этом месте растет только высокая трава. В 2005 году на этом месте, где похоронены японские военнопленные, администрацией Киселевска поставлен небольшой памятный камень».

Офицеры танковых дивизий СС

Рафаэль Хуснутдинов окончил в Прокопьевске 17-ю школу. Теперь он живет в Германии: «Ясного ответа на вопросы о том, как строился Прокопьевск, я не получал. Одно и то же: жили в бараках и все. Многое узнал только в Германии. С 1935-го и по 1957 год

в документах НКВД–МВД город Прокопьевск значился как лагерь 7525/7 и 7525/10 и работал в системе ГУЛАГ. Это целый город ссыльных... В нескольких километрах от центра города на север был лагерь военнопленных. В плену оказались: 1-я танковая дивизия СС «Адольф Гитлер», 9-я танковая дивизия «Хоэнштауфен», 10-я танковая дивизия «Фрюнеберг», 5-я танковая дивизия «Викинги», солдаты армии «Вафен СС» и власовцы. Вот они, пленные, и построили наш любимый Прокопьевск».

Р. Хуснутдинов немного путается в хронологии и терминологии, но тут особенно интересны названия разгромленных дивизий противника. К слову, в переводной литературе встречаются упоминания о том, что в зоне на Ивановке содержались офицеры Квантунской армии. Наверное, в плену им хватало драматизма. Бригадир проходчиков Михаил Абселямов был в числе тех крымских татар-спецпереселенцев, которых в 1947 году везли в Прокопьевск в вагоне с надписью «Едут на вольное поселение». На Красной Горке он работал грузчиком, а через год в шахте коногоном. Жил сначала в землянке, а с 1951 года в бараке. Коногонские воспоминания не блещут особыми изысками. Разве что, когда лошади не тянули непосильный груз, бригадир кричал: «Бери шестерых японцев, пусть толкают!»

Впрочем, Виктор Васильевич Гришин, и сегодня проживающий на Союзной, вспоминает: «Работая шофером, я какое-то время возил начальника Краснобродского Стройуправления... Он рассказывал, что не все военнопленные японцы хотели вернуться из плена обратно в Японию, так как опасались, что их там могут расстрелять».

«Отец — начальник зоны»

Из воспоминаний Натальи Михайловны Нефедовой (Марьиной): «Мой отец Михаил Тимофеевич Марьин был начальником зоны на Ивановке. До войны он работал в органах НКВД. Воевал на Финской войне, а после был командирован на Колыму. Вернулся и сразу, в 1946 или в 1947 году, был назначен начальником лаготделения на Ивановке. Бригада японцев строила нам жилье в Усятах, на улице Комбайнеров,— дом из шпал, пропитанных креозотом. Помню: японцы раскопали на соседней лужайке заросли репейника, ели корни. Хорошо помню имена двух японцев: Сикама и Мэтэтэ. В подчинении отца были и немцы, один делал печь, но я не знаю, где они жили. Еще вроде бы японцы уезжали раньше немцев на родину, но не раньше 1948 года. Все помнится смутно, так как воспринималось все неосознанно. Помню, что японцы были улыбчивые, общительные, а немца я боялась, и отец меня успокаивал».

Лагерь «Красная Горка» упоминается в книге Павла Назаренко «В гостях у Сталина. 14 лет в советских концлагерях». Колония

для государственных преступников, находившаяся на Ивановке, описана и Евгенией Борисовной Польской в ее книге «Это мы, Господи, перед тобою» (1998). Особенно интересны ее мемуары о лагерном театре.

Советские заключенные также работали в шахтах, строили предприятия и жилье. Но они уже реже ходили пешком. Так, на Усятский каменный карьер их возили на ЗИСах.

Литература

1. Спецсводка СПО ОГПУ о политнастроении и к/р активности переселенцев // Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД о советской деревне. — Книга 1932–1934. URL: // http://odtdocs.ru/istoriya/843/index.html?page=76 (дата обращения — 5 декабря 2016 г.)
2. Шахта «Красногорская». 50 лет / Под ред. В. Медведева.— Прокопьевск, 1999.
3. Бикметов Р.С. Спецконтингент и его роль в развитии экономики и инфраструктуры города Прокопьевска // 75 лет. Прокопьевск — город шахтерской судьбы.— Томск, 2006.
4. Иностранные военнопленные в Кузбассе в 1940-е годы. Документы и материалы / Под ред.: Маркграф — Сергеева Н.М., Бикметов Р.С.— Кемерово: Кемеровувузиздат, 2002.

«ЛЕНКОМ» КУЗБАССА: ПЕРВЫЕ ГОДЫ

Мангазеев Игорь Александрович, *64 года,*
инженер, краевед, журналист,
трижды «Лучший рационализатор Ташкентского авиационного производственного объединения им. Чкалова,
выполнил свыше 450 прыжков с парашютом,
член Союза журналистов России;
Тихонова Елена Юрьевна*, 53 года,*
директор музея Прокопьевского драматического театра имени Ленинского комсомола

Посещение театра всегда было «коньком» состоятельной публики. В губернском городе Томске уже в 1860-е годы заезжие актеры играли во вполне приличном здании, а в 1885 году на средства купца и мецената И. Королева здесь выстроили каменный театр. В Красноярске в середине 1870-х годов работала драматическая труппа антрепренера А. Н. Егорова, часть этой труппы организовала первое в Сибири актерское товарищество, просуществовавшее в Томске и Красноярске 2,5 года.

На рубеже XIX–XX веков Томская губерния включала территории современных Томской, Кемеровской (Кузбасс) и Новосибирской областей, Алтайского и части Красноярского краев, а также Восточно-Казахстанской и Семипалатинской областей Казахстана. Расцвету постоянных театров и профессиональных трупп особенно способствовало строительство Транссиба. Уже в 1907–1908 годах на юге Западной Сибири возникли первые стационарные электротеатры (кинотеатры), а передвижные киноустановки перестали быть пугающей диковиной даже в селах.

Накануне мировой войны Томскую губернию посетили многие знаменитости, искавшие за Уралом дополнительные заработки: М. Дальский, П. П. Орленов, К. А. Варламов, братья Рафаил и Роберт Адельгеймы, Г. Н. Федотова. А в 1915 году спектакли в Томске шли при полных залах, ведь играли артисты МХТ И. Мозжухин и Рындина, актрисы Императорского театра Панова, Максимова.

Доходило до курьеза. 18 ноября 1917 года инспектор милиции Томской губернии В. Сизиков направил начальнику Томской городской полиции письмо следующего содержания: «Владелец театра “Фурор” обратился ко мне с ходатайством о разрешении ему поставить в театре чемпионат французской борьбы в составе исключительно женщин-участниц. Принципиально не имея ничего против организации такого чемпионата, прошу Вас разрешить со своей стороны таковой под условием, что он будет носить исключительно спортивный характер без всякого уклонения в сторону порнографии, о чем и объявить владельцу театра “Фурор”».

И в Кузнецком уезде Томской губернии театр как вид искусства появился задолго до Октябрьской революции. Еще в 1899 году кузнецкий исправник отчитался перед губернатором за спектакль, данный любителями в Общественном собрании в пользу библиотеки и развития музыки среди учащихся уездного училища. А в 1905–1906 годах в Кузнецке (ныне Новокузнецк), Мариинске, на Анжерском руднике были построены народные дома, оставившие заметный след в культуре Кузбасса. Нет сомнений, что инженеры общества «Копикуз», строившие в годы мировой войны железную дорогу от Кольчугина до села Усяты в Кузнецком уезде, а также зажиточные люди и томские студенты из кузнецких сел Прокопьевского, Усяты, Зенькова и Лучшева, могли смотреть спектакли с участием звезд российского театра.

Публика Прокопьевского рудника была приобщена к театральному искусству гораздо раньше, чем считалось до недавних пор. Революционные постановки «синих блуз» в доме купца Глазырина придали ему мощный, хотя и не совсем оригинальный импульс.

Клуб имени личного друга Сталина

Летом 1921 года в Сибирь под лозунгом «Главполитпросвет — Кузбассу» прибыл агитпоезд, в состав которого входила тонально-пластическая труппа «Тонплас» московского Пролеткульта. В середине 1920-х

на руднике вместо избы-читальни построили рабочий клуб имени Артема (Федора Сергеева), основателя Криворожско-Донецкой советской республики и личного друга Сталина. В клубе работали многочисленные кружки (театральный, изо-, фотолюбителей), а также духовой и струнный оркестры, музей, библиотека, шахматная, городошная, футбольная и легкоатлетическая секции; устраивались радиосеансы. К слову, в деревянном здании ДК Артема в конце декабря 1928 года нарком просвещения СССР Анатолий Луначарский выступил перед интеллигенцией рудника. Спектакли в клубе шли едва ли не каждый день, всякий раз в переполненном зале. Самодеятельные артисты ставили пьесы В. Вишневского, А. Н. Афиногенова, А. Н. Островского, обыгрывали местные события. На бурно растущем Прокопьевском руднике Кузбасса неизбежно должен был появиться свой стационарный театр.

И в то время, как в Нарымской ссылке Запсибкрая люди гибли от голода, политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О перестройке литературно-художественных организаций» (от 23.IV.1932). Территориальным управлениям зрелищными предприятиями, в том числе УЗП Запсибкрая, предписывалось расчистить театральные коллективы от «дилетантов и спекулянтов от искусства». Труппы теперь именовались Госдрамой № такой-то. Сборный коллектив госдрамы № 5, игравший в Барнауле, состоял из актеров, прежде игравших в разных уголках страны. Буквально за год драма № 5 вышла в число лучших в Западной Сибири, и ее перевели в Прокопьевск.

От «Культармейца Кузбасса» до Музкомедии

Молодой шахтерский город жил боевым лозунгом «Превратим Кузбасс во второй Донбасс». Театр был переименован в «Культармеец Кузбасса». Культармейцы инициировали субботники для скорейшей постройки нового, каменного здания Дворца культуры имени Артема. В сезоне 1933–1934 годов «Культармеец Кузбасса» обслужил около 45 тысяч зрителей, и уже в 1935 году его перевели в более крупный райцентр Сибкрая — город Кемерово. В наши дни это Кемеровский областной ордена «Знак Почета» театр драмы имени А. В. Луначарского.

В Кузбассе и до войны, и в годы Великой Отечественной выступали коллективы ведущих советских театров. Новосибирский драматический театр «Красный факел» два сезона в 1941–1943 гг. работал в Сталинске (бывшем Кузнецке) и в Прокопьевске. А в граничащем с Прокопьевском городе Киселевске обрел пристанище эвакуированный Центральный детский театр, вернувшийся в столицу в 1943 году.

Не имел домашней сценической площадки музыкальный театр, созданный в Новосибирске в 1944 году. В марте следующего года по просьбе руководства Кемеровской области (выделенной из Новосибирской 26 января 1943 года) исполком Новосибирского горсовета разрешил театру музкомедии переехать в Прокопьевск. Здесь он, разместившись в ДК

имени Артема, с большим успехом провел два сезона, нося название Кемеровского государственного театра музкомедии.

Еще в разгар войны, 24 июня 1944 года, Кемеровский облисполком принял решение об организации в Прокопьевске государственного драмтеатра[1]. Но пришлось подождать: в стенах ДК имени Артема уже жили и работали актеры других эвакуированных коллективов, в том числе Московского театра оперетты.

«Серым осенним днем от Казанского вокзала отошел поезд,— повествуется на сайте московского театра.— Партийным руководителем тут же в поезде избрали Василия Ивановича Алчевского. Его знание человеческой и особенно актерской психологии, партийную целеустремленность, принципиальность по достоинству оценили товарищи... Все приходилось преодолевать: и бытовые неполадки, и физическую усталость, и личные переживания. Самое сильное чувство — тоску по Москве, по родному дому — глушили, погружаясь с головой в работу. Началась новая жизнь, полная забот и трудовых подвигов. Артистов Театра оперетты можно было встретить повсюду: в цехах завода, на шахтах, в госпиталях. Играли, пели, плясали, шутили, бодрили, радовали своим искусством. Улыбкой снимали усталость, облегчали боль, поднимали настроение, скрашивали трудовые будни. Жили одним дыханием с рабочими, шахтерами, ранеными солдатами»[2].

Рождение Ленкома

1 декабря 1945 года на севере Кузбасса, в городе Анжеро-Судженске впервые поднялся занавес областного драмтеатра имени Ленинского комсомола. Только в 1951 году Ленком перебазировался в Прокопьевск — угольную столицу Кузбасса.

А когда в 45-м на гастроли в Анжерку приехал театр из Семипалатинска, радушные углекопы попросили гостей остаться здесь навсегда. В конечном счете так и произошло, но эта красивая легенда все-таки не объясняет причины, по какой Ленком сначала открылся на периферии Кузбасса. Известно лишь, что изначально в анжерскую труппу вошли актеры из Москвы, Ленинграда, Семипалатинска и Хабаровска — большей частью репрессированные, кое-кто из эвакуированных. В актеры брали и одаренных представителей художественной самодеятельности.

О Ленкоме послевоенных лет повествуют программки и репертуарные планы, в его музее лежит и подшивка приказов за 1947–1948 годы. Худруком был Владимир Владимирович Гарденин (урожденный Дитрих). Главным художником и бутафором являлся инвалид войны Алексей

---

[1] Газета «Кузбасс», № 113 от 28 июня 2014 г.

[2] С сайта Московского театра оперетты: http://www.biletexpress.ru/teatr-articles/119/58.html.

Алексеев. Первый спектакль Ленкома — «Лес» по пьесе Александра Островского. В репертуарном плане на 1945 год также значились пьесы «Чужое дело» (автор не установлен), «Слава» В. Гусева, «Двенадцать месяцев» С. Я. Маршака, «Горькая судьбина» А. Ф. Писемского и «Шут Балакирев» А. Б. Мариенгофа.

Первым директором был назначен Дмитрий Григорьевич Леонов, актер, плотно занятый в репертуарных спектаклях. В анжерской газете «Борьба за уголь» от 28 ноября 1947 года появилась его заметка «Вторая годовщина театра им. Ленинского комсомола»: «Театр дал большое количество выездных спектаклей на Судженке. Наш театр завоевал уважение у трудящихся соседних городов и районных центров — Тайга, Яя, Юрга, Яшкино и других. Молодой театр сумел приобрести к себе уважение и заслуженную любовь у горняков, металлургов и машиностроителей нашего славного Кузбасса... Артисты коллектива часто выступают с концертами на раскомандировках шахт и заводов, в рабочих клубах...»

Ученики школы № 8 Анжеро-Судженска под руководством учительницы Ирины Юрьевны Ларионовой выяснили, что Ленком изначально располагался в анжерском Доме Шахтера (ныне ДК «Центральный»). А проживали, большей частью, в деревянном двухэтажном здании, в котором до 1938 года (сдачи в эксплуатацию Дома Советов) располагались горсовет и горисполком. Оно стояло на площади перед Домом Шахтера.

При изучении «Книги приказов» складывается полное впечатление, что все здание Дома Шахтера — вместе с прилегающим Горсадом — находилось под управлением директора драмтеатра: распоряжения и перемещения касаются не только личного состава театра. «Книга приказов» дает представление о нелегком быте актеров. Некоторые ютились даже в подвальном помещении гостиницы-общежития. Иным сотрудникам полагался просто оклад, а другим еще и хлебная надбавка. Видимо, учитывалась бедное материальное положение. Скудость послевоенного обеспечения актеров (и населения в целом) отражает приказ о валенках. Их на выезды выдавали под роспись, а на тех, кто не возвращал, налагали штраф, провинившимся объявляли строгие выговоры.

Наблюдалась текучка кадров. Читаем приказ № 123 от 19/VII.1948 года по Ленкому: «На основании распоряжения Облотдела искусств и утверждения ГК ВКП(б) г. Анжеро-Судженска Ирисов Алексей Петрович назначен директором Облдрамтеатра с 7 июня 1948 г. с окладом 980 руб. и 500 руб. актерская нагрузка». Но в том же году приказом № 194 от 16/XI.1948 вместо Ирисова назначен другой: «На основании приказа № 111 по Кемеровскому Областному отделу искусств от 15/XI.1948 с сего числа приступил к сдаче дел театра вновь назначенному директору театра тов. Бунину Г. С. Директор Ирисов».

В 1948 году в названии театра появилось дополнительное определение: он стал передвижным.

Из театрального репертуара

К началу 1950-х годов в Сибири работало 43 профессиональных театра (драматические, музыкальные, кукольные). Их репертуар составляли, в частности: «Глубокая разведка» А. Крона, «За тех, кто в море» Б. Лавренева, «Счастье» П. Павленко и С. Радзинского, «Московский характер» А. Софронова, «Обыкновенный человек» Л. Леонова, «Два капитана» В. Каверина. Военная тема звучала в спектаклях «Победители» Б. Чирскова (Омск), «Молодая гвардия» А. Фадеева (Иркутск), «Константин Заслонов» А. Мовзона (Новосибирск, Иркутск).

Отражалось и послевоенное международное положение: «Русский вопрос» К. Симонова, «За вторым фронтом» В. Собко. В Новосибирске в начале 1950-х годов снискал успех спектакль «Вей, ветерок» Я. Райниса. Репертуар пополнили также новые пьесы А. Арбузова «Годы странствий», В. Розова «В добрый час!», А. Штейна «Персональное дело».

Старейшина

В знаменательном приказе Ленкома от 1 декабря 1948 года перечислены фамилии актеров и работников театра, служивших в нем со дня открытия: Бетев, Мартынов, Ишкова, Хараламбо, Виноградская, Гневушева, Скворцов, Янковская, Баулина, Рухлядев, Половинкин, Хакимова, Ляхова, Чугунова, Парменова, Москвитина, Боженкова, Маткевич. Установить судьбы этих людей — задача не из легких: не все остались в Ленкоме.

Мария Ивановна Гневушева (Козлова) — одна из старейших актрис «Ленкома». Ее амплуа — острохарактерная актриса. Родилась она в 1897 году, участница Гражданской войны. Лицедействовала еще на станции Тайга, бывшем оплоте белополяков в армии Колчака. Ее трудовой путь запечатлен в документах (приводятся с сохранением особенностей написания).

«Удостоверение от 14 июля 1922 г.

Предъявительница сего тов. Козлова Мария Ивановна есть действительно сотрудница Мариинскаго уезднаго Отдела Народнаго Образования, занимающая должность воспитательницы, что подписью и преложением печати удостоверяется».

Из «Трудовой книжки»:

— 1 апреля — 15 ноября 1923 г.— завхоз горбольницы ст. Тайга;

— 1 октября 1928 г.— продавец галантерейного отдела магазина на ст. Тайга;

— 1930–1931 г.— счетовод финотдела;

— 1933 г.— буфетчица и зав. столовой станции Кемерово;

— с 15 февраля 1934 г. по 26 августа 1934 г.— артистка театра при клубе им. Ленина ст. Тайга Томской железной дороги;

— 1935 г.— кассир-инкассатор с 16 января по 17 марта. Уволена, как не справившаяся с работой;

— 1940 г.— артистка Ачинского драмтеатра и Красноярского 1-го краевого совхозно-колхозного театра;

— 1943 г.— директор Красноярского Краевого театра кукол».

Мария Ивановна — участница III Всероссийского съезда комсомола в октябре 1920 года. Группа художников под руководством Бориса Иогансона создала громадное полотно «Выступление В. И. Ленина на III съезде комсомола», занявшее прочное место в золотом фонде произведений соцреализма. Судя по всему, на ней изображена и 23-летняя Мария Ивановна. Не исключено, что именно ей принадлежит инициатива присвоения драмтеатру имени Ленинского комсомола.

Заслуженные и народные

В музее Казанского театра имени Качалова есть сведения о «Петропалыче» — Петре Павловиче Бетеве (1926–2002): «Творческую деятельность начал в 1948 году актером театра в Анжеро-Судженске... В 1951–1966 годах — актер Кемеровского драмтеатра. Актер Казанского русского театра им. Качалова с 1966 года». Из отзывов: «Петра Бетева, народного артиста России, корифея Качаловской сцены, в театре называли Петропалычем. Огромный, величественный, громогласный. Шутник и балагур».

Жена его — народная артистка РСФСР Галина Семеновна Ишкова (1927–2008) — в 1948 году окончила студию при драматическом театре г. Анжеро-Судженска, одновременно, в 1945–1951 годах, актриса этого театра. В 1951–1953 годах работала в Ачинском театре, в 1953–1965 годах — в Кемеровском областном театре, в 1965–1966 годах — в Тамбовском областном театре, с 1966 года — в Казанском академическом Большом драматическом театре им. В. И. Качалова. Заслуженная артистка РСФСР (1963). Народная артистка РСФСР (1980). Народная артистка Республики Татарстан (2002)».

И по анжерскому, и по прокопьевскому спискам исполнителей ролей проходит Антонина Николаевна Баулина (1927–2015), народная артистка Чувашской АССР (1980). Она родилась в Кузбассе, в пристанционном поселке города Ленинск-Кузнецкий. По окончании театральной студии в 1946 году ее зачислили в труппу кузбасского Ленкома, который базировался тогда в Анжеро-Судженске. В этом театре она продолжала служить и после переезда Ленкома в Прокопьевск. Там Ленком размещался в ДК имени Артема, но играли и на сцене ДК шахты имени Ворошилова (величественное здание драмтеатра открылось лишь 22 апреля 1960 года). Потом в жизни актрисы были Сталинский и областной Новосибирский драматические театры. А в 1959 году Антонина Николаевна оставила Новосибирск и приехала в Чебоксары по приглашению руководства Русского драматического театра, в котором сыграла многие десятки ролей. Была дружна с летчиком-космонавтом Андрианом Николаевым, народным артистом России Петром Вельяминовым.

Из Анжеровки в Прокопьевск

В 1951 году Ленком переехал в третий по величине город Кузбасса — в Прокопьевск.

Из исследовательской работы учащихся школы № 8 Анжеро-Судженска: «“К тому времени прокопьевская публика уже знала и любила этот театр, неоднократно гастролировавший на юге Кузбасса. А в Анжеро-Судженске люди шли на спектакли неактивно, сборы были плохие, потому и было решено перевести театр в более крупный город”», — вспоминал бывший летчик П. Е. Солдатенко».

Существовала и другая причина перевода: именно в 1951 году был принят новый генплан Прокопьевска с обозначением в нем здания Драмы. А Ленком очень хотел иметь собственный дом, ведь приходилось репетировать и выступать фактически в рабочем клубе.

12 апреля 1950 года в газете «Ударник Кузбасса» (орган Прокопьевского горкома ВКП(б) и горсовета депутатов трудящихся) появилась заметка главного архитектора Прокопьевска Н. Соколова: «На Артемовской улице, в месте выхода ее на Фасадную, в ближайшие месяцы начнется строительство городского театра со зрительным залом на 800 мест». А через два года (июнь 1952 г.) в областной газете «Комсомолец Кузбасса» под статьей другого главного архитектора Прокопьевска — Г. А. Глотова был размещен проект Театральной площади. Здание театра, искусно вписанное в перепады рельефа, напоминало Парфенон — с классическими колоннами и ступенями, ведущими в храм искусства. И до сей поры это здание — визитная карточка «черной жемчужины» Кузбасса.

На прокопьевских подмостках

15 ноября 1951 года спектаклем «За вторым фронтом» по пьесе Вадима Собко начался творческий путь Ленкома в Прокопьевске. Играли на сцене ДК шахты № 5–6 имени Ворошилова.

Зрители не оставили негативных отзывов. Забойщик шахты имени Сталина И. Банщиков писал в «Ударник Кузбасса», что театр «поднимает важную тему разоблачения поджигателей Второй мировой». Главный отрицательный герой — американец-толстосум Сэм Гибсон. «Перед зрителем проходит галерея отъявленных негодяев, чьими делами и помыслами движет американский доллар», — уточнял еще один рецензент — шофер-крановщик Г. Гулькин. А положительная героиня спектакля — лейтенант ВВС Таня Егорова. Это и понятно, ведь в Корее уже больше года кипела воздушная битва между советскими и американскими асами.

В первые сезоны в Прокопьевске ленкомовцы показали зрителю «Коварство и любовь» Ф. Шиллера (постановщики Н. Ф. Филиппов и С. И. Музиль, художник Л. А. Алексеев), «Совесть» Ю. П. Чепурина (режиссер Г. И. Пушкарев, художник Л. А. Алексеев), «Платон Кречет» А. Е. Корнейчука (ре-

жиссер Г. И. Пушкарев, художник Л. А. Алексеев), «Любовь Яровая» К. Тренева (режиссер И. А. Фаликов, художник М. Т. Ривин) и многие другие.

В Прокопьевске главрежем Ленкома сначала стал Я. Т. Суторшин, затем Г. И. Пушкарев. Из газетной статьи прокопчанина Сергея Ковалева: «За первый сезон, с ноября 1951-го по май 1952-го, спектакли посетили 70 тысяч зрителей. Театр показал 12 своих постановок. В межсезонье Прокопьевская драма отправлялась на продолжительные гастроли. После окончания третьего сезона труппа колесила по Кузбассу четыре месяца: Осинники, Юрга, Мариинск, Горная Шория, Анжеро-Судженск...»

В 1949 году, когда из контингента «бытовых» колоний формировались колонии для «государственных преступников» (осужденных по 58-й статье), в «зону» между Прокопьевском и Киселевском прибыла этапом Евгения Польская, актриса, медсестра, будущая писательница. Из этой «зоны» только что отбыли по домам военнопленные танковых дивизий СС и Квантунской армии. К начлагу майору Киселеву пришел заключенный Райзин Иван Адамович, выпускник ГИТИС, в миру режиссер и актер Грозненского театра, и предложил организовать профессиональный театр из зеков. Театр был создан и работал по крайней мере по 53-й год, до освобождения Евгении Польской. В ее эмоциональных воспоминаниях «Это мы, Господи, пред тобою...» натуралистично предстает быт театра в «зоне» на Тайбинке (Ивановке), разобран его репертуар, в частности: маленькая трагедия «Скупой рыцарь», «Лес» Островского, «Волчья тропа» Александра Афиногенова (о «скрежещущем зубами классовом враге»), «Глубокие корни» по пьесе демократических зарубежных драматургов Д. Гоу и А. Д'Эссо. Любопытно, что одновременно и на воле, и в лагерном театре ставились «Русский вопрос» Симонова и «Любовь Яровая» Тренева. Художник Марк Теодорович Ривин за спектакль «Любовь Яровая», поставленный Ленкомом в сезоне 1952–1953 гг., а также за оформление целого ряда других спектаклей первым из художников Кузбасса удостоен звания заслуженного художника РСФСР (1966).

Федерального значения

Несколько лет ленкомовцы давали спектакли на разных сценических площадках, пока, наконец, в 1954 году театр не осел в ДК имени Артема, построенном в традициях конструктивизма. В наши дни это единственный памятник федерального значения в Прокопьевске.

Театральная часть Дворца состоит из просторных фойе и зала с балконами и сценической коробкой, большого числа подсобных помещений. Акустика в зале — выше всех похвал, что при отсутствии микрофонов в 1930-е годы было очень важно!

Пока не удалось выяснить, кто из архитекторов приложил руку к проектированию ДК имени Артема. Это мог быть немецкий социалист Эрнст Май, предложивший практически осуществленную схему застройки

Тырганского плато. Или репрессированный иркутский архитектор Казимир Миталь. Или Герхард Коссель...

А в 1953 году в Прокопьевске строились сразу два прекрасных Дворца культуры по проекту Константина Константиновича Бартошевича, при этом красногорский ДК запустили в эксплуатацию уже в 1957 году. На его сцене тоже шли спектакли Ленкома, а некоторые руководители ДК (Татьяна Ерина, Геннадий и Валентина Яворские) стали деятелями культуры, известными за пределами Кузбасса.

Великолепное здание Ленкома открылось в день 90-летия со дня рождения Ленина. Началась новая жизнь Ленкома, но это тема иной статьи. Заметим лишь, что в 2007 году это здание обрело статус памятника регионального значения. Искусство кузбасского Ленкома принадлежит всей Сибири. «Мы — ровесники Победы!» — под этим девизом живет и работает коллектив театра.

ИЗЛОМАННАЯ СУДЬБА ГЕРОЯ

***Мурашова Татьяна Николаевна**, 56 лет,*
учитель МБОУ Мучкапской СОШ,
Тамбовская область, р.п. Мучкапский

Многие наши земляки из Мучкапского района, выполняя свой священный долг перед Родиной, проявили себя бесстрашными воинами. Мы по праву гордимся, что в когорте Героев Советского Союза шесть имен наших земляков. Это Николай Петрович Ансимов, Николай Иванович Афанасьев, Алексей Константинович Коростелев, Иван Тимофеевич Любушкин, Денис Филиппович Рзянин, Николай Павлович Шапкин.

Но у героев бывают разные судьбы, разные жизненные пути. Есть еще один наш земляк, которому за проявленное в годы Великой Отечественной войны личное мужество и героизм было присвоено звание Героя Советского Союза. Но в 1957 году он, Петр Васильевич Чижиков, был лишен этого высокого звания.

Родился П. В. Чижиков в 1921 году в деревне Владимировка Владимировского сельского Совета Мучкапского района Тамбовской области. В 1940 году он был призван в РККА. Прошел всю войну. 16 мая 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Чижикову П. В. присвоено звание Героя Советского Союза. Вот выдержка из наградного листа на командира взвода 1137-го стрелкового полка 339-й Таманской стрелковой дивизии 56-й армии Северо-Кавказского фронта лейтенанта Чижикова Петра Васильевича:

«...В ожесточенных сражениях с немецко-фашистскими захватчиками за Советскую Родину во время штурма и прорыва так называемой «Голубой линии», ликвидации Кубанского плацдарма немцев, а также в последних боях за расширение нашего плацдарма на Крымском полуострове совершил боевые подвиги, покрывшие его имя славой героя-командира. Исключительную отвагу и доблесть проявил в боевых операциях по освобождению населенных пунктов Керченского полуострова. В бою 11 ноября 1943 года, выполняя задание командования, со своим взводом автоматчиков атаковал сильно укрепленный участок вражеской обороны, возведенной на подступах к селу Капканы. В короткой, но жестокой рукопашной схватке гитлеровцы были разбиты и бежали, бросив оружие, раненых и убитых своих солдат и офицеров. Чижиков собственноручно убил двух фашистских офицеров, истребив расчет, захватил немецкий пулемет и, повернув его в сторону врага, в упор расстреливал спасающихся бегством немцев. Не давая врагу передышки, организовал его преследование и первым ворвался на окраину села. Выделив специальную блокировочную группу, которая своими действиями отвлекла внимание врага, с другой группой он обошел фронтальные огневые точки и ударом с тыла посеял между гитлеровцами панику и замешательство. В уличном бою ружейно-пулеметным огнем и гранатами Чижиков со своей группой истребил тридцать захватчиков, разрушил три вражеских ДЗОТа, уничтожил пять пулеметных точек и выбил немцев из двух кварталов села. Будучи в этом бою раненым, он продолжал командовать и сам с двумя автоматчиками скрытно проник на чердак одного из зданий и метко брошенной им гранатой истребил четырех гитлеровцев, которые вели обстрел красных улиц из станкового пулемета и автоматов, задерживая тем самым продвижение других наших стрелковых подразделений. В боях на Керченском полуострове взвод под командованием лейтенанта Чижикова истребил свыше 70 гитлеровских солдат и офицеров. За успешное выполнение боевых заданий и проявленную при этом боевую доблесть и героизм достоин присвоения звания Героя Советского Союза.

Командир 1137-го стрелкового полка подполковник Полевик, ноябрь 1943.

Достоин присвоения звания Героя Советского Союза. Командир 339 Таманской СД полковник Пустовит, 12 ноября 1943.

Достоин присвоения звания Героя Советского Союза. Командир 16 стрелкового корпуса Герой Советского Союза Провалов, 24 ноября 1943.

Заключение Военного Совета армии: достоин присвоения звания Героя Советского Союза. Командующий войсками Отдельной Приморской армии генерал армии И. В. Петров.

Член Военного Совета Отдельной Приморской армии генерал-майор И. С. Баюков. 12 декабря 1943» [1].

И это не единственная награда нашего земляка П. В. Чижикова. Орден Красного Знамени, два ордена Отечественной войны II степени, медаль «За отвагу», медаль «За оборону Кавказа».

Вот еще некоторые выдержки из наградных листов на Чижикова Петра Васильевича, копии которых хранятся в нашем школьном музее.

Наградить «...помощника командира стрелкового взвода старшего сержанта Чижикова Петра Васильевича за то, что в боях под станицей Абинской в районе хутора Берегового, когда подразделение попало в окружение, действовал смело и решительно и не оставил поле боя, уничтожив при этом до 15 гитлеровцев и отбив атаку противника, пока не вышел из окружения. Взвод ст. сержанта всегда передовым шел в атаку, показывая примеры геройства и мужества» [2]. Это в мае 1943 г.

Или еще: «В бою 3 сентября 1943 года в районе хутора Подгарной... со своим взводом он первым прорвался к траншее противника. В завязавшемся гранатном бою его бойцы истребили до 50 гитлеровских солдат и офицеров. Лично истребил пулеметный расчет противника, уничтожив при этом метким броском гранаты вражеский пулемет. В этом бою получил два ранения, но с поля боя не ушел, продолжая до конца руководить боевыми действиями своего подразделения» [3].

«В боях за освобождение города Керчь с 22 января 1944 года его взвод действовал смело и решительно. В уличных боях в городе Керчь взвод уничтожил более 50 гитлеровцев. Лично сам уничтожил 8 гитлеровцев, находясь во время боя в боевых порядках взвода» [4].

Читая выдержки из военных документов о наградах Чижикова, мы видим офицера, который благодаря своей смелости и решительности спас не одну солдатскую жизнь. Офицера, не раз смотревшего в лицо смерти, бесстрашно поднимавшего в атаку свою роту, не жалевшего себя в минуты опасности, делавшего все, чтобы наступил День Победы. Мы можем гордиться, что во время Великой Отечественной войны наш земляк так славно и мужественно воевал. Но, к сожалению, это не весь рассказ о простом крестьянском парне из деревни Владимировка.

После войны Петр Васильевич Чижиков оказался в Краснодарском крае и, как говорится, пошел по «скользкой дорожке». Пристрастился к спиртному, систематически занимался противоправными действиями, за что был осужден в декабре 1948 года. Суд, учитывая боевые заслуги Чижикова, не лишил его наград.

Но и после отбытия наказания он не встал на путь честной трудовой жизни: продолжал хулиганить, прогуливать на работе, совершать кражи.

13.09.1957 вышел Указ Верховного Совета Союза ССР: «...За совершение тяжких преступлений, выразившихся в крупном хищении государственного, кооперативного и личного имущества граждан, лишить Чижикова Петра Васильевича звания Героя Советского Союза, ордена Ленина, медали Золотая Звезда, ордена Красного Знамени, двух орденов Отечественной войны 2-й степени и медали За отвагу...»

Герой и преступник — в одном человеке. Пройдя страшный «огонь» войны, он не выдержал, к сожалению, «медных труб». Одно дело, когда

на кон поставлена судьба страны, другое дело — мирная послевоенная жизнь. Противника нет, а соблазны — вокруг.

Как будто две судьбы и две жизни... Кто виноват? Война, несчастливое стечение обстоятельств, оторванность от родных корней, безволие и неприкаянность? Кто знает. Мог бы создать семью, воспитывать детей, ведь после войны мужчины были нарасхват...

Но, тем не менее, забытых Героев войны не должно быть. Даже если их мирная жизнь не сложилась. Урок для потомков. Ведь настоящим правит минувшее, чтобы состоялось будущее. Думаю, что, несмотря ни на что, в истории Мучкапского района должна быть страница о ратном подвиге земляка, о годах его беззаветного служения Родине.

Литература:
1. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686404. Д. 2371.
2. П.В. Чижиков в приказе о награждении медалью «За отвагу».
3. Наградной лист на П.В. Чижиков с представлением к ордену Красной Звезды.
4. Наградной лист на П.В. Чижиков с представлением к ордену Красного Знамени.

ПОСЛЕ ВОЙНЫ...

***Алтунина Людмила Дмитриевна**, 65 лет,*
член Союза журналистов России,
член Академии российской литературы,
г. Тула

Сад Победы
(по рассказам моей матери Егуековой Елизаветы Григорьевны)

Я не видела войны, родившись намного позже, но у меня такое ощущение, словно я пережила ее. Память о Великой Отечественной, не миновавшей практически ни одной семьи в нашей стране, — это генетическая память, передающаяся из поколения в поколение. Кровавым колесом она прокатилась и по нашему роду с обеих сторон, с отцовской и материнской, хотя жили они далеко от фронта, в Сибири, в Горном Алтае (ныне Республика Алтай). Отсюда многие родные и были призваны на фронт совсем молодыми. В общей сложности в нашем сибирском роду воевало более десятка человек. Многие, в том числе четверо моих дядей — мамы и отца родные братья, — с фронта не вернулись. Но они жили в памяти родни. Их очень часто вспоминали и в нашей семье; рядом с нами жили их дети, наши двоюродные братья и сестры. Возвращения сгинувших воинов всю жизнь ждали

родные, не желая верить похоронкам. Этим так и не сбывшимся ожиданием и я была заражена с детства, наверное, поэтому у меня такое чувство, будто бы я сама пережила войну. Мама, родные нередко вспоминали и тяжелые трудовые будни военного времени, горечь которых они хлебнули с лихвой, и о том, как неистово ждали победу и верили в нее и как жили после войны...

У каждого была своя победа: кто-то встретил ее на фронте, далеко-далеко от родного дома, расписываясь как победитель на колоннах рейхстага; кто-то глубоко в тылу, за тысячи километров от фронта, но тоже на фронте — трудовом, в непосильных трудах на колхозной ниве, в числе которых были и моя мама, и многочисленная ее родня во главе с моим дедом Григорием Яковлевичем Леонтьевым. В годы войны и в первое послевоенное время он был председателем колхоза в алтайском высокогорном селе Инегень. И так умел организовать работы и расставить народ, что возглавляемый им колхоз никогда, ни в войну, ни после, не имел недоимок, что было весьма непросто.

На фронт старики Леонтьевы, родители моей мамы, проводили троих сыновей, ни один из них не вернулся. Молодые снохи, старшей из которых было всего-то за тридцать, так и остались солдатскими вдовами, сохранив верность своим павшим на фронтах Великой Отечественной мужьям, воспитывая в общей сложности девятерых детей (у старшего Сидора их осталось шестеро, мал мала меньше).

— Бывало, поздними вечерами, вернувшись с работы в колхозе на току или в поле, до того устанешь, что еле порог дома переступишь, но молодые были, силы откуда-то брались. Хоть и ранешенько утром вставать, но все равно сядем в Инегене на высоком берегу Катуни с нашей мамой, вашей бабушкой Марфой Сазоновной, с ее младшими сестрами-красавицами Груней и Клавой,— все голосистые певуньи были,— песни поем, да на три голоса, да с подголоском. Эхо наши песни разносит далеко по горам и долинам. Напоемся от души, и на сердце легче станет, и усталость спадет. И попоем, и поплачем, но больше всего любили говорить о том, как жить станем, когда закончится проклятая война, когда мужики наши домой вернутся. Такой счастливой представлялась нам эта послевоенная жизнь, словно в сказке. И так намечтаемся, наговоримся, облегчив свою душу, что хочется горы свернуть, чтобы победу долгожданную приблизить. Вот с этой мыслью-то и на работу, несмотря на то, что слишком тяжкая она была, не женская, бежали спозаранку с охотой. Одно только и знали: для родной страны, для победы не жалеем себя: они — там, мы — здесь. «Разве кто станет при этом лениться или жаловаться, что тяжело — никогда: дело-то святое»,— вспоминала моя мама Егуекова Елизавета Григорьевна, одна из тысяч женщин-сибирячек, ковавших вместе с остальными советскими тружениками победу в глубоком тылу.

«Мама,— попрошу ее тихо,— а расскажи, как ты победу встретила?» — Знаю: об этом дне она любит вспоминать, даже настроение вмиг у нее поднимется.

— Меня незадолго перед тем колхоз направил из Инегеня в Горно-Алтайск, на садовода учиться. В Яломане, в горных долинах, закладывали яблоневые сады. Нам предстояло высаживать сланцевые яблони и ухаживать за ними. Не полукультурки, а настоящие крупные яблоки родиться должны были. Сам Лисавенко, знаменитый ученый-садовод, занимался этим. Все верили в победу и готовились к ней, к тому, чтобы по-новому жить, когда врага с нашей земли прогоним. Жили мы в Горно-Алтайске, в общежитии. Весна. Май. В окна запахи цветущих черемухи и сирени льются. В такую пору не спится. Подолгу мы с девчатами засиживались у раскрытых окон: разговаривали о том, как жить будем после войны. Каждая же мечтала о своем, вот и делились сокровенным. Едва — уж почти под утро — улеглись, вдруг разбудили нас громкие крики. Мы вначале и не поняли, в чем дело, всполошились: то ли пожар, то ли еще что стряслось. Опрометью выскочили на балкон, а напротив, на балконах соседнего общежития,— летчики, восстанавливавшиеся после ранений и госпиталей, радостно кричат во всю головушку: «Победа! Победа! Ура! Ура!» Ой, какая же радость нас обуяла: давай все друг с другом обниматься, целоваться, поздравлять с Победой. Слез радости никто сдержать не мог. Летчики зовут: «Девчата! Спускайтесь, пойдемте победу праздновать!» Да разве дома, узнав о победе, кто усидит! Все на улицу высыпали, все плакали от радости, целуясь, обнимаясь. С криками «Победа! Ура!», с песнями, крепко обхватив друг друга,— знакомые и незнакомые — все словно родными стали, всех победа объединила, мы широкой шеренгой двинулись по улице. К нам все притекал и притекал народ, прямо как на Первомайскую или Октябрьскую демонстрации. И никто не хотел уходить от этой всеобщей радости и ликования. Я себя, как и все, чувствовала на седьмом небе от счастья. Во всю мою жизнь большей радости, наверно, не приходилось испытывать.

С фронта вернулись далеко не все мужчины, и то многие инвалидами. Большинство погибло, а ведь уходили на войну почти из каждой семьи по нескольку мужиков. И из маминой семьи в Инегене ушли трое ее братьев да еще несколько родственников, как я уже говорила. Вернулся, как она рассказывала, только один родственник, Нестор Ощепков, без одной ноги, но и он не сидел сложа руки. Сразу же крепко взялся за колхозные дела: с раннего утра и до поздней ночи крутился на колхозных работах, которых всегда непочатый край, а рабочих рук не хватало. Трудились в войну и сразу после нее, за отсутствием мужчин, в основном женщины, старики да дети. Потому-то каждый мужчина, даже увечный, тем более фронтовик, в почете был, на него равнялись. А Нестор и до войны среди односельчан уважением пользовался: умелый и расторопный хозяин; и в колхозе в передовиках ходил, и с войны с орденами да медалями пришел, и сразу же в пол-

ную силу в общую телегу впрягся, несмотря на свое увечье, — как его не уважать! Потом его выбрали председателем колхоза. И Нестор сменил на этом посту моего отца, твоего деда, которому, по преклонному возрасту, уже тяжело было нести этот нелегкий груз. Колхоз справный был, а при Несторе и дальше, в послевоенные годы, в гору пошел: и животноводство, и полеводство развивались, и хлеба высокий урожай давали, хотя в колхозе был всего один колесный трактор. В основном лошади выручали.

Единственный этот колесный трактор в колхоз пригнали еще до войны. Все село высыпало его встречать. Управлял трактором, на зависть деревенским пацанам, юный Паша Леонтьев, самый младший мамин брат, выучившийся на тракториста. Но вскоре началась война, он попал на фронт и сражался геройски. Воевал Павел, артиллерист, командир орудия, в составе легендарной Сумско-Киевской Алтайской орденов Ленина, Красного Знамени, Александра Суворова, Богдана Хмельницкого 232-й стрелковой дивизии — одной из тех героических сибирских дивизий, воины которой дрались с врагами, как бесстрашные львы. В кровопролитных битвах за Воронеж, длившихся более двухсот дней и ночей, Павел, оставшись один у орудия, уничтожил два фашистских дзота и полевую немецкую кухню с личным составом. За проявленные мужество и стойкость его наградили медалью «За отвагу», а было ему всего восемнадцать лет. А в двадцать, в сорок третьем, он погиб на Курской дуге, умер от ран в госпитале. Там, в Курской области, и захоронен в братской могиле.

А на тракторе в колхозе, проводив мужа на фронт, заменила его юная жена Зоя. Поженились они накануне войны. Зоя осталась беременной, единственного своего сына Паша так и не увидел. И в войну, и в первое послевоенное время Зоя работала на этом тракторе. Моя сестра Валя (от первого маминого брака), намного старше меня, вспоминала, как они, ребятишки, готовили для трактора сухие березовые чурочки, которые закладывались в его топку. Эти чурочки, чтобы трактор не простаивал ни минутки, они подносили Зое прямо на поле, где она трудилась с раннего утра и до темна.

— Как челноки, бегали мы с чурочками туда-сюда, всюду поспевая за Зоей. Чурочки-то эти еще надо было наколоть и высушить: они должны были быть определенного размера и толщины и сухие, чтобы аккуратно помещались в топку и жарко горели, тогда и трактор будет хорошо работать. Вот мы и старались: знали, что все делаем для победы над врагом, а после войны — для возрождения родной страны. Так нам и в школе говорили, и дома.

...После учебы на садовода мама вернулась в родной Инегень (переводится с алтайского как «пупок матери»). Село это, расположенное у Катуни, в живописнейшем труднодоступном месте, в долине, по весне уто-

пающей в цветах, среди высоких гор и отвесных скал, ныне знаменито тем, что в нем открыт музей снежного барса, единственный в России.

После войны мама вместе с другими садоводами закладывала Яломанские сады. Из-за резко континентального сурового климата в Горном Алтае не родились настоящие крупные яблоки. Там росли в основном полукультурки: ранет, «зимовки» — так мы называли мелкие краснобокие яблочки, да дички крохотные яблочки на кисточках, величиной похожие на ягоды. На морозе они делались мягкими и сладкими. И вот, наконец, высаживались необычные саженцы — новые сорта морозостойких сланцевых яблонь, селекционированных для сурового сибирского климата. Академик М. А. Лисавенко, известный ученый-садовод, селекционер, Герой Социалистического Труда, занимался этими вопросами, приехав на Алтай и возглавив еще до войны опорный пункт Мичуринского НИИ в Ойрот-Туре (Горно-Алтайск). К 1943 году (заметьте: вовсю шла война, а в далеком тылу продолжали заниматься наукой, садоводством, думая о будущем, готовясь к нему) опорный пункт был преобразован в плодово-ягодную станцию. В июне 1945 года — всего-то месяц без войны! — Лисавенко был удостоен ордена Трудового Красного Знамени, а год спустя, в 1946 году, Сталинской премии второй степени за выведение новых ценных сортов плодово-ягодных культур и их широкое внедрение в практику плодоводства на Алтае. Орденом «Знак Почета» он награждался трижды: в 1947, 1949, 1957 годах. За внедрение облепихи в культуру Лисавенко был удостоен Государственной премии СССР в 1981 г., посмертно.

Начинающие садоводы Горного Алтая работали именно под его руководством, в том числе и моя мама. В 1950 году плодово-ягодная станция переместилась в Барнаул, получив статус Алтайской опытной станции садоводства. Ныне в Барнауле знаменитому ученому-садоводу М. А. Лисавенко установлены памятники. А в Республике Алтай и поныне существует плодово-ягодный питомник, основы которого были заложены под его патронажем; более того, на том фундаменте ныне появился еще и ботанический сад.

Сланцевые яблони, на которых растут крупные сладкие яблоки, в том Яломанском саду были, наверное, первыми в Горном Алтае. Сад долгие годы плодоносил, радуя местное население весенним цветением и осенним урожаем отличных яблок. Даже когда летом 1993 года мы — сестра, брат и я с семьями, с нашими детьми,— проезжали по Чуйскому тракту, направляясь в райцентр Кош-Агач, пограничный с Монголией, Китаем и Казахстаном, где в 50–60-х годах жили наши родители и где мы родились, завернули в эти Яломанские яблоневые сады, заброшенные, но все еще плодоносящие. В те лихие 90-е годы в стране, особенно в бывших совхозах, все было заброшенным, как и сами хозяйства. Трепетно сорвали мы несколько еще недозрелых яблочек: все-таки это был сад молодости нашей мамы, в котором трудились когда-то и ее руки. А моя старшая

сестра, взяв яблоко, нежно погладила его и со слезами на глазах сказала: «В сорок пятом году мне было одиннадцать лет, я хорошо помню, как сажали эти яблоньки. Мы приезжали сюда на лошадях вместе с мамой и другими садоводами, высаживали их и ухаживали за ними. Мы все тогда были в каком-то праздничном, приподнятом настроении: пришла Победа — и будет сад! «Сад Победы» — называли мы его между собой. И вот оно — яблоко из нашего Сада Победы! — она подняла над головой яблоко и вполне серьезно добавила: — Оно особенное, дающее силы и энергию, а главное — веру в себя, ведь тогда, сажая с мамой эти яблоньки, я так верила, что это будет счастливый сад. Его плоды непременно сделают людей счастливыми, ведь, ожидая победу, никто не сомневался, что, когда наконец она придет, все станут счастливыми. И это придавало нам силы».

И спустя полвека с того победного года, надкусывая яблоко из этого сада, каждый из нас после слов моей сестры Валентины невольно верил, что он становится счастливым, соприкоснувшись через десятилетия с той великой победой, с теми, кто так верил, что плоды из этого сада будут делать людей счастливыми.

Я не знаю, жив ли ныне этот сад...

Встретились два одиночества

Это было глубокой осенью 1945 года. Село Бешпельтир в Горном Алтае, куда к тому времени переехала семья моей мамы и она сама вместе со своей дочерью от первого брака, как и вся страна, бурно, весело праздновало очередную годовщину Октябрьской революции. Первый муж мамы был арестован НКВД в 1937 году. Она ждала его девять лет, но так и не дождалась. Только спустя годы он был реабилитирован. А в тот ноябрьский день, холодный, вьюжный, она с одиннадцатилетней дочкой Валей,— Валюськой, как звала она ее,— везла на лошади огромную копну сена для коровы. Обе сидели на возу, поглубже зарывшись в душистое сено от леденящего ветра, но как ни спасались, он пронизывал насквозь: замерзли так, что от холода зуб на зуб не попадал. Въехали в село. Навстречу — веселая компания, с песнями, плясками. Впереди — представительный, щеголеватый мужчина-алтаец; запевая, подыгрывает на гармошке «хромке», кожаная тужурка нараспашку, военные галифе, гимнастерка, хромовые начищенные до блеска сапоги. Это был директор местной школы и учитель военного дела, Дмитрий Алексеевич Егуеков (мой будущий отец), участник дальневосточных военных событий, где он нес срочную службу. В школе у него училась и пятиклассница Валя. Поравнявшись с возом, гармонист крепко ухватил лошадь за поводья и, заглядывая на копну, шутливо спросил: «Это почему же такая красивая женщина в такой большой праздник, в первую послевоенную Октябрьскую, не отдыхает со всеми, а работает? Слезайте с зарода, пойдемте праздновать с нами».

— Я ему ничего не ответила, но такое зло меня взяло, будто все во мне вскипело. Спрыгнула я с копны и давай плясать да частушки петь. Уж так я плясала, так плясала, что ног под собою не чуяла. Я всегда любила попеть, поплясать, но это было что-то другое: будто вся горечь, накопленная за тяжелые годы войны, все горе, вся неприкаянность одиночества молоденькой женщины, бьющейся одной с ребенком, потеряв неизвестно почему мужа, разом выплеснулись. Аж компания расступилась и с интересом наблюдала за мной. А гармонист лихо на гармошке своей наигрывает, подбадривает меня. Отплясалась, мигом прыгнула на воз, хотела понужнуть коня, а гармонист взял лошадь под уздцы и повел. Так и доехали до самого моего дома, не проронив ни слова. Он помог перемётать сено на сеновал и вернулся к своей компании. И меня с собой звал, но я отказалась. Мне надо было Валюську кормить, отогревать, корову доить, управляться по хозяйству,— вспоминала мама.

После войны для восстановления народного хозяйства требовались разные специалисты. Молодых, наиболее активных, энергичных, умеющих наладить дело, направляли на учебу не только в техникумы и вузы, но и на различные ускоренные курсы. Вот и моя мама все время училась: то один специалист требовался колхозу, то другой. И так в каждом хозяйстве. И на новом месте ее сначала отправили в областной центр учиться на заведующую детским садом-яслями, т.к. в их селе открывалось новое, первое послевоенное дошкольное учреждение. Отработала она некоторое время в новой должности, дело пошло. Детсад тот даже образцовым стал, за опытом к ним ездили из других сел.

Маму направили учиться на другие курсы — животноводов. В самое первое время после войны был большой падеж овец в хозяйствах тогдашней Горно-Алтайской автономной области, особенно в зимний период. Крайне нужны были подготовленные животноводы. С отличием закончила она эти курсы и получила еще одну специальность — зоотехник. И вот зимой 1946 года она в должности младшего зоотехника в составе комиссии, в которую в качестве представителя партийного бюро и образованной общественности вошел и тот самый школьный директор, что помогал маме довести и разгрузить сено, отправилась по колхозам района с проверкой, чтобы выяснять на местах причины падежа скота. Директор этот, по тем временам, был человеком весьма образованным: закончил до войны Томский землеустроительный техникум, прошел курсы повышения квалификации в Омске и Томске, партийную школу. Он хорошо знал и делопроизводство, и законы, и в сельском хозяйстве разбирался, отлично владел и русским, и алтайским языками, грамотной русской речью, и политически был подкован. Умел, как положено, составить любую деловую бумагу: заявление, иск, акт и прочее, причем писал красивым каллиграфическим почерком. Вот и в поездках по хозяйствам он составлял все деловые бумаги, акты.

— Дело было серьезное, ответственное, поскольку тревогу забили не только колхозное руководство и районное начальство, но уже и обком партии, и областное сельхозуправление. Мы целыми днями ездили верхом на лошадях по хозяйствам и аилам, где жили чабаны-алтайцы с отарами овец. Беседовали с руководителями хозяйств, с рядовыми колхозниками, непосредственно с чабанами, обследовали животных, условия их содержания, рацион питания и т.п. Уставали страшно. Порой и поесть было некогда. Вот как-то поздним вечером возвращаемся из очередной такой поездки к месту, где комиссия квартировала, измотанные все, а мороз был крепкий, под сорок, наверно. Пурга поднялась. Рядом со мной едет Митя,— это теперь он для меня Митя, а тогда был Дмитрий Алексеевич,— рассказывала мама.— Одет легко, как и на той праздничной гулянке: те же кожаная тужурка, галифе, гимнастерка, фуражка вместо шапки и хромовые сапоги. Вижу, замерз он до такой степени, что губы посинели и говорит с трудом: от холода сильная дрожь его бьет, аж зубы стучат. «Что же,— спрашиваю,— Дмитрий Алексеевич, вы так легко в такую холодную пору да в такую трудную и длительную поездку оделись?Простудитесь. Еще и воспаление легких схватите, разве ж можно так небрежно относиться к своему здоровью». А он только рукой махнул: «Ничего, мол, сдюжу». Мне его так жалко стало: видать, теплее-то ничего у него и нет. За войну все пообносились. Я подъехала верхом на лошади к нему,— он тоже верхом на лошади,— скинула с себя большую, теплую, как печка, пуховую шаль, которой поверх пальто накрывалась, наклонилась и давай этой шалью его с головой укутывать, как ребенка. А он не воспротивился, хотя характер у него был крутой, горячий, — директором и учителем был строгим и требовательным,— молча подчинился мне, только по-особенному так смотрит неотрывно мне в глаза. И этот его взгляд мне все сказал... А вскоре, 26 марта 1946 года, мы с ним расписались в Бешпельтире. Недолго пожили со свекровью в Чепоше, где Митя родился и вырос. Потом его по партийной линии направили в Кош-Агач начальником райсельхозуправления, и мы уехали. Там выбрали его членом Кош-Агачского бюро райкома партии. В Кош-Агаче родились и трое наших детей... Так и сложилась наша послевоенная семья.

Родители прожили вместе почти тридцать лет, до самой маминой смерти. Отец пережил ее на двенадцать лет.

Комиссии, выяснявшей причины падежа скота, в составе которой работали и мои родители, удалось установить эти причины. Были срочно предприняты необходимые меры, и падеж прекратился. Это была большая победа людей, спаянных одной целью: животноводов, ветеринаров, чабанов, ученых, сельхоз- и партработников — серьезная победа уже в мирное послевоенное время, давшая впоследствии хорошие плоды.

Начали с землянки
(по рассказам моей свекрови, Алтуниной Веры Филипповны)

С фронта возвращались воины, мужчины и женщины, солдаты и офицеры. Истосковавшиеся за годы войны по мирной жизни, они активно взялись за восстановление страны из руин и пепла.

Мои свекор и свекровь, Алтунины Василий Васильевич и Вера Филипповна (в девичестве Кутьина,— с этой фамилией она и прошла всю войну), тоже вернулись с войны в свои родные места — в Белевский район Тульской области: он — в древнее село Песковатое, что стоит на высоком живописном берегу Оки; она — в Игнатьево. Свекровь сразу же поехала учиться в Калугу, в пединститут: наконец-то настало время осуществить давнюю мечту — быть учителем. Когда-то в самый канун войны, летом 1941 года, окончив сельскую среднюю школу, она уже приезжала в Тулу с этой целью. Но вместо учебников ей, семнадцатилетней, пришлось взять в руки лопату и рыть оборонительные рвы под Москвой. А вскоре она ушла на фронт вместе с другими добровольцами по комсомольскому призыву. И прошла всю войну, от стен древнего Белева до Берлина, работая в госпиталях, а затем спасая раненых на передовой как санинструктор.

Вера Филипповна начала учительствовать в своем Белевском районе, в селе Бакино. Потом она заочно закончила еще и Московский пединститут им. Н.К. Крупской, получила еще одну специальность — учитель географии. Здесь же, в селе Бакино, работал учителем и Василий Васильевич, вернувшийся в родные края после двух лет, проведенных в концлагере Маутхаузен (Австрия) в качестве военнопленного. До войны он на «отлично» учился в Тульском пединституте на инязе, но, не закончив образования, ушел добровольцем на Финскую войну. Оттуда попал на Великую Отечественную.

На родной земле двое коллег-фронтовиков встретились и поженились по большой любви, как говорила свекровь. Совместную свою жизнь начали с землянки, которую вырыли и обустроили своими руками. Поселиться-то было негде: территория в войну была оккупирована фашистами, разрушившими много жилья. Но молодые не унывали. Они верили, что вдвоем преодолеют все трудности. Главное — мир, значит, все будет хорошо: будут у них и дети, и свой настоящий дом, и достаток в нем. Так потом и сталось, но в начале их семейной жизни, в первые послевоенные годы, пришлось еще многое испытать. Какая-то комиссия, инспектировавшая их школу, решила, что человек, побывавший в плену, не имеет права учить детей: Василия Васильевича уволили. И чекисты снова взялись за его проверку, но, видно, не нашли ничего такого, из-за чего его надо было отправить теперь уже в советский лагерь. Известно, что многие советские военнопленные, вернувшись на родину, попадали в лагеря на долгие сроки. После освобождения Маутхаузена американцами и возвращения в свою страну свекор, конечно же, прошел здесь тщательную проверку, но остался на свободе. Однако, после увольнения из школы,

он долго не мог трудоустроиться. Его попросту не брали на работу не только ни в одной школе близлежащих сел, но и ни на какую другую, узнав, что он был в плену. А у них уже родился первенец...

Спустя месяц после родов Вера Филипповна вышла на работу: по-прежнему учительствовала, а ее безработный муж оставался дома за няньку.

— На переменах,— рассказывала свекровь,— я прибегала домой кормить ребенка грудью, а когда Васю взяли учетчиком в колхозе, стали оставлять маленького одного в землянке. Ему не было еще и трех лет. Уходя на работу, я наказывала: «Сиди, сыночек, смирно у оконышка, никуда не лезь, жди нас, а мама с папой пойдут зарабатывать денежки на сахар. Принесем тебе сахару». Он послушный был и терпеливый, очень любил сосать околотые кусочки комового сахара. Сидит, бывало, у оконца, играет игрушками, сделанными нами из дерева да из картона и бумаги. Когда кто-то из соседей забегал, по моей просьбе, его проведывать и спрашивал: «Как ты тут, Славочка?» — он смирно отвечал: «Жду маму и папу с хахалем». Я прибегала к нему почти на каждой перемене: хорошо, что школа была недалеко. Иной раз его с собой в школу брала. Васина сестра Марфуша помогала: забирала его к себе в Песковатое. А потом мы купили радиоприемник, чтобы он его слушал. Это была наша первая крупная покупка после войны. Часами не отходил сынок от приемника. Больше всего любил слушать «Театр у микрофона»: встанет перед приемником, облокотится об стол, подопрет щечки ладонями и стоит, больше часа неотрывно слушает, а ведь дошкольник еще. А вечером нам подробно все пересказывал.

Вот так и жили. В войну было тяжело и после войны нелегко. Всем было нелегко: всей стране, всему народу, но никто не ныл, не жаловался, не отлынивал от работы, потому что верили, что это — временные трудности; все преодолеем, восстановимся и заживем счастливо.

Разделила радость с конем

Выше я сказала уже о том, что каждый по-своему встретил победу. Долгожданная весть заставала людей в разных обстоятельствах, но все неистово радовались ей. Нередко бывали и забавные случаи. Мать моей алтайской землячки и ровесницы Галины Коротеевой (в девичестве — Берсенева) Александра Берсенева рассказывала, как ее настигло известие о победе:

— Еду я вечером с полевых работ по дороге вдоль Чуйского тракта на захудалой старенькой лошаденке. Она еле тащится, сколько ее не нукай. Дай, думаю, пусть отдохнет чуток: за день-то не только люди, но и лошади уставали. Пустила ее травку пощипать. Сама тоже села на травку — шибко притомилась. А тут, вижу, по Чуйскому-то полуторка мчится, а в кузове — женщина. Я позавидовала: «Вот ведь люди на машинах ездят, с ветерком». Машины-то в ту пору, тем более в военное время, на селе — большая редкость. Полуторка на всей скорости пролетела мимо, а женщина из кузова машет мне косынкой

и кричит: «Победа! Победа! Война кончилась! Мы победили!» Умчались они, а я от неожиданной, столь долгожданной вести сижу, рот раскрыла и опомниться не могу. Пришла в себя, от радости сердце так зашлось, не знаю, что делать — всех обнять и расцеловать хочется, а рядом-то никого нету: как есть одна-одинешенька, только лошаденка возле меня. Ну я и давай коня в морду целовать и от радости плакать. Всю лошадиную морду исцеловала, а радость не убывает; хоть бы, думаю, поскорей до дома доехать, чтобы с другими людьми да с родными вместе радость такую небывалую разделить. И лошаденка, слабенькая моя, словно почуяв мое состояние, резвее затрусила к дому...

Да, у каждого была своя Победа и вместе с тем она, долгожданная, была одна на всех, а за ценой, уж точно, не постояли... И так же самоотверженно, даже героически, люди бросились побеждать послевоенную разруху: каждый на своем месте и вместе с тем в едином строю. И победили!

31.01.2017

СУДЬБА ПАРТИЙНОГО РАБОТНИКА[1]

Салихов Вячеслав Александрович, *73 года,*
почетный гражданин Кимовского муниципального образования,
г. Тула

В 2016 году мы отметили 75-летие героической обороны г. Тулы и освобождения Тульской области от немецко-фашистских захватчиков. Большинство районов области были оккупированы. Под жесткой и кровавой пятой оккупации оказались десятки тысяч советских людей. Захватчиков изгнали с Тульской земли большой ценой, о чем говорят сотни захоронений советских солдат и офицеров.

Перед жителями области, руководителями всех уровней стояла теперь не менее сложная задача — восстановить нормальную жизнь и продолжить оказание помощи фронту для окончательной победы над врагом. На примере жизни одного из районов области и судьбы человека, который возглавлял его в самое суровое и ответственное время, хотелось бы это показать.

Что оставили после себя фашисты в Кимовском районе Тульской области?

Гитлеровцы находились в районе 17 дней. При отступлении в районном центре — поселке Михайловка они сожгли почту, больницу, эле-

[1] Продолжение. Начало см.: Братья из Краснополья // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. Ч. 1 / Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой.— Тула: Аквариус, 2015.— С. 551–557.

ватор, все значимые государственные и общественные здания, многие дома жителей поселка.

Огнем были уничтожены частично или полностью десятки сел и деревень. По некоторым данным, было сожжено 3 463 дома, 44 школы. Пострадало множество животноводческих ферм, конюшен, зернотоков. Всего 333 общественных постройки. Погибло много скота и птицы. Часть скота была эвакуирована в дальние районы Рязанской области, откуда ему уже не было суждено вернуться.

Но самое главное — погибло от рук палачей много жителей района. Всего, по имеющимся сведениям, были зверски убиты в оккупации 72 жителя района, из них были повешены 8 человек. Среди них врач Гранковской районной больницы Валерия Александровна Ефремова, за то, что оказывала помощь раненым красноармейцам. 19 кимовчан погибли во время боев.

Считаю, что мои земляки-кимовчане незаслуженно забыли или мало знают об одном из своих руководителей, который в течение 13 лет являлся первым секретарем Кимовского районного комитета ВКП(б), то есть фактическим по тому времени «хозяином» района — Александре Ефремовиче Дрогайцеве. Ему выпала тяжелая ноша — руководить районной партийной организацией в самое суровое время — в годы Великой Отечественной войны и восстановления Кимовского района от военной разрухи. При нем происходило освоение угольных месторождений, то есть строительство шахт, которые прославили наш район, закладывались основы подъема сельскохозяйственного производства. Именно при нем 31 марта 1952 года рабочий поселок по Указу Верховного Совета РСФСР был отнесен к разряду городов районного подчинения. Кимовск стал городом с соответствующим ему статусом.

Несмотря на неимоверные трудности военного и послевоенного времени, именно под руководством А. Е. Дрогайцева создавалась и развивалась социальная инфраструктура, строились школы и медицинские учреждения, развивалась система потребительских обществ и торговли, переработка сельскохозяйственной продукции. Со строительством шахт шла электрификация населенных пунктов и сельхозпредприятий. Но главным была добыча угля. Угольные месторождения района занимали немалое место в Подмосковном угольном бассейне. Не зря говорилось:

Бурый уголь есть хлеб,
Солнца пласт из земли,
Чтобы люди всегда
Жить достойно могли.

В 1943 году 1-я Гранковская шахта уже давала уголь стране.

Активно велась геологическая разведка. В течение нескольких лет последовательно открывались 2, 3, 4, 5, 6 Гранковские шахты, и позднее

еще пять Зубовских шахт и четыре Львовских. Многие паровозы, возившие грузы для фронта, работали на подмосковном угле. Нужен был уголь и для строящихся электростанций.

* * *

Александр Ефремович Дрогайцев родился в 1906 году в Курской области в семье крестьян. Повзрослев, уехал в Донбасс и поступил работать на шахту. Ему тогда исполнилось всего 17 лет.

Работал лампоносом, лесогоном и на других шахтных работах. Затем трудился на Енакиевском металлургическом заводе, в прокатном цехе, подручным вальцовщика. Многие тысячи русских парней и девушек приезжали на строительство и работу на угольные и металлургические предприятия нынешнего многострадального Донбасса.

Познал тяжелый физический труд Александр Ефремович с юных лет. Он отличался от своих сверстников любознательностью, организаторскими способностями. Поэтому неслучайно в 1927 году был избран первым секретарем райкома ВЛКСМ в Белгородской области. В том же году в возрасте 21 года был принят в Коммунистическую партию.

В 1928–1930 годах проходил службу в рядах Красной Армии. После службы был направлен на учебу в Воронежский Коммунистический университет, по его окончании работал на партийных должностях сельхозпредприятий Северного Кавказа.

В 1937 году Александр Ефремович переехал в Тульскую область, пройдя партийные «чистки». Работал редактором районной газеты в пос. Куркино, начальником политотдела в одном из совхозов этого района. Как перспективный партийный работник был назначен инструктором Тульского обкома ВКП(б), а в сентябре 1940 года, менее чем за год до начала Великой Отечественной войны, был избран первым секретарем Кимовского райкома партии.

Руководил в то время областной партийной организацией видный государственный и партийный деятель, герой обороны г. Тулы осенью-зимой 1941 года Василий Гаврилович Жаворонков. Позднее, когда Кимовский район войдет в состав Московской области, ему с руководителем г. Москвы и Московский области не повезет.

Перед началом войны район был преимущественно сельскохозяйственным. В нем насчитывалось примерно 100 мелких колхозов и совхозов, а также несколько небольших предприятий по переработке сельхозпродукции.

Важной составляющей в экономике района являлась железнодорожная станция Епифань.

В районе были две машинно-транспортные станции: Хитровсинская МТС и Новопутская, которые обслуживали колхозы и совхозы. Имелись лесничество, дорожный участок, спиртзавод в пос. Пронь.

При той системе власти первому секретарю района партии отвечать надо было за все: сев и уборку урожая, за государственные поставки, выполнение регулярного рода планов, налоги и многое другое, что являлось жизненно важным для людей.

Началась война. В районе, как и во всей стране, проходила всеобщая мобилизация. На фронт направлялись материальные ресурсы, автотранспорт, повозки на конной тяге, а также другая техника.

Помощь фронту можно показать на примере колхоза «Новый путь», который уже в начале войны передал в Фонд обороны 3 грузовых автомобиля, 64 лошади с повозками на железном ходу, пожарную мотопомпу. Позднее были отправлены еще 70 лошадей без повозок. Всего за годы войны колхоз передал 157 коней. На своей крупорушке колхоз переработал для Брянского фронта большое количество гречихи и сдал 2 тысяси тонн крупы высокого качества. Ежегодно, по сводке тех лет, «Новый путь» сдавал в Фонд обороны 8–10 тысяч пудов зерна, 10 тысяч пудов картофеля и других овощей. Эти цифры — из документов личного архива председателя колхоза «Новый путь» А.Я. Салихова.

Осенью 1941 года наступила реальная угроза оккупации района немецко-фашистскими войсками. Необходимо было организовать эвакуацию в восточные районы СССР части трудоспособного населения, материальных ценностей, скота — всего, что нельзя было оставлять врагу. Требовалось подготовить к эвакуации органы управления, архивы и многое другое, а также направить часть жителей на сооружение оборонительных линий и решать массу других задач в условиях военного времени.

После поражения немецко-фашистских войск под Москвой и Тулой, как уже отмечалось ранее, возникли серьезные проблемы по восстановлению экономики района и налаживанию нормальной жизни в социальной сфере.

А.В. Дрогайцев начинал свою трудовую деятельность на угольной шахте, с большим уважением относился к тяжелому горняцкому труду, поэтому с пониманием и ответственностью отнесся к строительству и эксплуатации угольных предприятий, возведению жилья для шахтерских семей; при нем началось строительство дома культуры горняков и других социальных объектов. В больничном районе города была построена средняя школа № 1.

В Кимовском районе были созданы мощные для того времени строительные организации. Происходило укрепление колхозов и совхозов. Овощи, фрукты, продукция животноводства поступили в продажу в областной центр — в Москву.

В 1949 году в передовом колхозе «Новый путь» произошло большое событие: председателю колхоза Александру Яковлевичу Салихову и бригадиру животноводческой фермы Николаю Григорьевичу Демину было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Несколько позднее Героем Социалистического Труда стал управляющий трестом «Красноармейскуголь» Асланбек Темблович Бессолов.

В сентябре 1952 года Александр Ефремович был назначен заместителем управляющего трестом «Сталиногорскуголь» и переехал жить в г. Сталиногорск, ныне — г. Новомосковск. Но до ухода из жизни связи с кимовчанами никогда не прерывал.

В этот период, когда А. Е. Дрогайцев возглавлял Кимовскую первичную организацию, район входил в Тульскую область, а затем был включен в Московскую область, в составе которой находился более 10 лет.

С 1949 года первым секретарем Московского областного и городского комитетов партии являлся Н. С. Хрущев. Одновременно он был и секретарем ЦК ВКП(б).

К его деятельности А. Е. Дрогайцев относился критически, так как хорошо его знал. По сути, первый секретарь Московского обкома был его прямым начальником. В дальнейшем его отношение к Н. С. Хрущеву сыграло для него роковую роль. Имея большой опыт партийной работы, Дрогайцев занимал во многом принципиальную позицию, имел свое мнение, поэтому был неудобен для вышестоящего начальства.

В 1958 году Александр Ефремович был арестован, исключен из КПСС (следователь просто отобрал у него партбилет) и осужден по ст. 58 часть 10 Уголовного кодекса РСФСР на 5 лет лишения свободы за антисоветскую агитацию и пропаганду.

Его дело, надо полагать, докладывалось на самом верху и решение было принято. После XX съезда КПСС прошло уже более двух лет. Наступило время «оттепели», но не для всех.

Состав его «преступления» заключался в том, что он направил письма в орган Бюро ЦК КПСС и Совета министров РСФСР газету «Советская Россия», а также в орган Тульского обкома КПСС газету «Коммунар», где со знанием дела критиковал Н. С. Хрущева, который к тому времени сосредоточил в своих руках всю полноту партийной и государственной власти. Александр Ефремович, в частности, писал: «Почему Хрущева отождествляют с нашей партией?.. Хрущеву только и место заниматься кукурузой — да и только на юге...» Далее писал следующее: «Теперь стало известно, что в свое время Хрущев был троцкистом. Последние его действия после смерти Сталина показывают, что он и остался троцкистом».

Он также критиковал Н. С. Хрущева за просчеты во внешнеполитической деятельности.

В июне 1957 года состоялся внеочередной Пленум ЦК КПСС, который разоблачил «антипартийную группу Молотова, Маленкова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова». Пленуму предшествовало заседание Президиума ЦК КПСС, где семью голосами против четырех Н. С. Хрущев был освобожден от обязанностей Первого секретаря ЦК КПСС. Решение было правомочным. Н. С. Хрущева поддержали Министр обороны СССР Г. К. Жуков и Председатель КГБ Н. А. Серов, которые вместе с другими

членами ЦК, обязанными своей карьерой Н. С. Хрущеву, сумели собрать внеочередной Пленум ЦК. Его решением Н. С. Хрущев был оставлен в должности. Расцветал новый культ личности.

В своих письмах в партийные газеты по этому событию А. Е. Дрогайцев спрашивал: «Почему Хрущева отождествляют с нашей партией, если большинство членов Президиума ЦК КПСС решили снять Хрущева с поста Первого секретаря? Почему это квалифицируется как антипартийная группа? Вся печать и радио льют ушаты грязи и сквернословия против т. Молотова. Неужели слепцы типа Хрущева и ему подобные всерьез думают, что они пользуются доверием народа больше, чем т. Молотов, единственный оставшийся в живых верный соратник Ленина?» В письмах приводились и другие отрицательные примеры деятельности Н. С. Хрущева.

Эти письма им подписаны не были, хотя исполнялись собственноручно.

Почему он предпочел такую форму критики и выражения своей позиции — бог ему судья! Видимо, пережив партийные чистки, массовые репрессии, многое повидав в жизни, не решился сделать это открыто.

В местах заключения вел себя мужественно и с достоинством, не озлобился, не поменял своих коммунистических убеждений.

Это я заявляю ответственно. А. Е. Дрогайцев во время отбытия срока заключения в Мордовской АССР регулярно переписывался с моим отцом А. Я. Салиховым. Его письма хранятся в архиве нашей семьи. Да и мне приходилось довольно часто общаться с ним, беседовать на разные темы, обсуждать вопросы, касающиеся жизни нашей страны, ее внешнеполитической деятельности.

В возрасте 57 лет он вышел на свободу. Возраст еще не пенсионный, поэтому продолжил работу в качестве помощника начальника шахты № 13 «Новомосковскугля».

С тем, что с ним произошло, не смирился, требовал своей реабилитации и восстановления в КПСС.

После освобождения в октябре 1964 года Н. С. Хрущева с поста Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР А. Е. Дрогайцев был реабилитирован, восстановлен в КПСС с сохранением партийного стажа.

То, о чем написал в своих письмах Александр Ефремович, через 6 лет было поставлено в вину Н. С. Хрущеву при освобождении его от партийных и государственных постов.

А. Е. Дрогайцев являлся настоящим патриотом, верным сыном своего Отечества, много сделавшим для улучшения жизни простых людей, в том числе для жителей Кимовского района. Я помню его как интеллигентного, честного человека, очень скромного в быту, вырастившего двух дочерей Валентину и Людмилу и сына Анатолия. В свое время им очень тяжело было пережить то, что случилось с их отцом, а иногда в чем-то и пострадать.

Александр Ефремович был награжден орденом Отечественной войны I степени, медалью «За оборону Москвы» и другими государственными наградами.

Вот такая непростая, но яркая судьба выпала этому человека. Наш долг помнить о таких людях. История нашей страны состоит из жизненных историй людей, которые в ней живут.

* * *

Приведу одно из писем А. Е. Дрогайцева из нашего семейного архива.

Уважаемый Александр Яковлевич!

Во-первых, разреши передать тебе неподдельное,искреннее русское спасибо за твое теплое письмо.

Конечно, я никогда не сомневался и не сомневаюсь в твоей идейности и способности по-большевистски оценивать и разбираться в событиях и явлениях жизни. И это правильно. Длительное пребывание в рядах КПСС, на протяжении которого ты видел много разных событий внутри нашей партии и,как говорят, научился «понимать что к чему» и почему. Тем более, что мы вместе работали больше 10 лет в самые тяжелые годы, когда ежедневно проверялась идейность и преданность всех людей, и тем более коммунистов.

И я должен сказать,что мы экзамен выдержали, оказались на высоте положения, т.е. остались верны делу нашей партии и всеми силами оправдывали ее доверие.

И вот,в силу сложившихся обстоятельств,я оказался в этих богоугодных заведениях.

Но независимо от этого я был, есть и остаюсь до конца жизни идейным коммунистом, а не подхалимом,карьеристом и шкурником.

За время пребывания в партии я никогда не играл в прятки со своей совестью и сейчас спокойно могу сказать,что моя совесть перед партией и теми, с кем работал и боролся,чиста. История все поставит на свое место (подчеркнуто — Дрогайцевым). Но мне приходится ни за что,ни про что находиться в местах,где должны находиться только действительные преступники.

Но ничего не сделаешь,я перенесу это мужественно и твердо.

Работаю,как уже писал,заведующим библиотекой и одновременно в порядке общественной работы — председателем Совета колонии. На Совете разбираем разные вопросы, ходатайства о досрочном освобождении, снятие взысканий,р анее наложенных администрацией,а также организация учебы,получение квалификации и т.п. Короче говоря,работы много.

В библиотеке 2,5 тысяч книг, имеются газеты и журналы,так что можно читать. Здесь я уже много прочитал книг и регулярно читаю газеты и журналы.

Отношение начальство вполне хорошее. Люди они культурные и ведут дело как нужно. Никогда не позволяю оскорблять или вообще допускать грубость. Вот примерно все о себе.

Очень сожалею,что со здоровьем у тебя неважно. Очень и очень советую беречь себя.

Нужно добиваться регулярного и правильного питания. Если еще куришь, то немедленно брось курить. Знаешь, если бы я курил, то давно бы сдох. Я это считаю самым вредным делом. Это хуже пьянки, хотя и пьянка к хорошему не приводит.

Я уверен,что мы еще встретимся и тогда, как старые друзья обо всем поговорим.

Привет всем друзьям.

А. Дрогайцев. 14 сентября 1960 года».

P.S. Впереди еще было 3 года заключения в лагере. Отсидел ровно 5 лет. День в день.

КАУКЕССЕЛЬХЕН

Ганс-Генрих Нольте, *78 лет,*
почетный профессор истории Восточной Европы
исторического факультета Ганноверского университета,
основатель Общества истории мировой системы
(Verein für Geschichte des Weltsystems e.V.),
г. Барзингхаузен, Германия

Весной 2013 г. я принимал участие в конференции в честь Арно Майера в Люксембурге. Майер был люксембургским евреем, которому удалось бежать на запад в тот день, когда в Великое Герцогство с востока вошли части вермахта, затем довольно быстро бежать дальше и наконец стать известным историком в Соединенных Штатах благодаря, в частности, своей книге о холокосте «Why didn't the heavens not darken» (1989)[1]. Одним из пленарных докладчиков был Мишель Вовель из Парижа. Мы уже пересекались заочно как авторы сборника «Культура между гражданственностью и народностью»; Вовель писал там о «почитании героев и революции»[2]. Я был рад познакомиться лично и заговорил с ним — но от рукопожатия он воздержался. Возможно, его раздражение вызывалось тем, что какой-то незнакомый ему ученый, никогда не бывавший в Принстонском университете (впрочем, как и почти все другие приглашенные), высказал что-то критичное

[1] *Mayer A.* Der Krieg als Kreuzzug. Reinbek, 1989.

[2] Vovelle M. Heldenverehrung und Revolution. Die Produktion von Helden zur Zeit der französischen Revolution // Held J. (Hrsg). Kultur zwischen Bьrgertum und Volk. Sonderband 103. Berlin: Argument-Verlag, 1983. S. 98 – 116.

в его адрес. Может быть, он принял меня за моего однофамильца, Эрнста Нольте[3]. Или, возможно, я как немец, несмотря на некоторые мои академические заслуги в изучении холокоста, все же не имел в его глазах права прикасаться к имени торжественно отмечаемого еврейского ученого?

Так или иначе. Негативное восприятие и отторжение, которые я почувствовал в поведении Вовеля, напомнили мне о предостережении Петера Гляйхманна, который утверждал, что ученый не должен ограждать себя полностью от влияния эмоций и чувств (1997)[4]. Вот в каком контексте и из каких соображений была написана моя работа под названием «Каукессельхен»[5], которую я, с изменениями и дополнениями, положил в основу настоящих воспоминаний.

Я не знаю точно, откуда моя мама взяла это прозвище (мой отец был на фронте, в группе войск «Норд», а с февраля 1943 г. в Африке). Предположительно, так в лепете четырехлетнего ребенка исказилось услышанное в новостных радиосводках слово «Kaukasus» (Кавказ), или «Kessel» (котел). Наверное, промежуточным вариантом был «Каукессель». Мамы нет в живых, так что спросить уже не у кого...

Досадная сцена в Люксембурге отсылала меня к той травме, что была пережита мной и моими братьями и сестрами во время войны. Я родился в 1938 г. в Ульме, мой отец был профессиональный военный, офицер генерального штаба вермахта. Он не был богат, но закончил школу — уже это было редкостью в тогдашней Германии — и получил высшее военное образование в Берлине, так что принадлежал к образованному классу. Вскоре после моего рождения он был переведен по службе в Цербст, тогда еще Центральная Германия, недалеко от правого берега Эльбы, между Магдебургом и Дессау. В России этот маленький городок известен благодаря тому, что из Цербстской линии анхальтских князей происходила Екатерина Великая. Там наша мама с тремя детьми провела всю войну, не слишком мной и замеченную — Цербст подвергся бомбардировкам лишь в самом ее конце, и особого голода мы тоже не испытали.

---

[3] Эрнст Нольте (1923–2016) – немецкий философ и историк, его главной научной темой являлась теория тоталитаризма. Выступал за объединение в этом понятии нацизма и большевизма, в одинаковой степени, по его оценке, преступных. В большевизме Э. Нольте видел предтечу фашизма, ставшего якобы ответом на большевистскую угрозу, что выражено у него в эпатажном тезисе «Освенциму предшествовал Архипелаг Гулаг» (Примечание переводчика).

[4] Barlösius E., Kьrsat Ahlers E., Waldhoff H.-P. (Hrsg.) Distanzierte Verstrickungen. Die schwierige Bindung soziologisch Forschender an ihr Objekt. Festschrift Peter Gleichmann. Berlin, 1997.

[5] Barlösius E., Kьrsat Ahlers E., Waldhoff H.-P. (Hrsg.) Distanzierte Verstrickungen. Die schwierige Bindung soziologisch Forschender an ihr Objekt. Festschrift Peter Gleichmann. Berlin, 1997.

Когда Цербст был уже прифронтовым городом, мама и ее сестра попытались с восемью маленькими детьми перебраться через Эльбу на запад. Они хотели попасть туда, поскольку семья происходила с запада, но еще и потому, что мой отец находился уже в американском плену, и мать боялась, что после окончания войны он станет разыскивать нас на востоке и попадет в плен к Советской Армии.

Побег не удался, американцы на левом берегу Эльбы не принимали на паромную баржу никого, кроме солдат в немецкой военной форме (которые им сдавались), они не хотели иметь дело с голодающими гражданскими, рассчитывающими найти пропитание. Чтобы дать нам это понять, они демонстративно затопили баржу, как только мы высадились обратно на правый берег.

Потом мы жили в подвале сгоревшего детского садика, пока в город не пришла Советская Армия: с танками и гужевыми повозками, с трогательным отношением советских солдат к детям и с их изнасилованиями женщин — что отражено в воспоминаниях моей матери[6].

Чувство несправедливости, от которой мы страдали, служит исходным пунктом моих детских воспоминаний, а опыт перенесенного насилия сопровождает меня всю мою жизнь, как картина горящего Магдебурга в моей голове. Еще более тяжелую травму нанесли эти переживания моей сестре, ведь ей было тогда уже 10 лет. Впрочем, у семьи не было времени думать о моральных травмах; мама должна была — после того, как бегство из советской зоны оккупации в 1946 г. удалось — осваивать профессию, и мы, дети, были сданы на руки бабушке и дедушке. Мы стали называться «детьми войны», образовав своеобразный «наружный скелет» всего нашего поколения. Это накладывало ряд обязательств. Определение «наружный скелет» я вычитал в 2009 г. у Юргена Ройлеке, когда Бернд Бонвеч пригласил нас в Москву на конференцию, результатом которой стало издание замечательного русско-немецкого собрания воспоминаний о военном детстве[7].

Чувство несправедливости имело под собой веские основания. Никто в нашей семье не был нацистом. Мой отец происходил из семьи сельского священника в гессенском захолустье, они принадлежали Исповедальной церкви[8]. Эсэсовская газета «Черный корпус» посвятила моим родителям и моему дяде Альберту статьи «Не все хотят быть как Нольте»

---

[6] Nolte M. Mit acht Kindern geflüchtet // Blumstengel C. (Hrsg.) Zerbst im April 1945, 4. Auflage. Zerbst, 2006. S. 224 – 228.

[7] Bonwetsch B. (Hrsg.) Kriegskindheit und Nachkriegsjugend in zwei Welten. Deutsche und Russen blicken zurück. Essen, 2009.

[8] Так обозначалось созданное в 1934 г. объединение германских лютеран – противников нацизма и его церковной политики. Исповедальная церковь отвергала нацистские расовые теории и объявила доктрины нацистских лидеров антихристианскими. Сотни ее пасторов были арестованы. (Примечание переводчика.)

и «С черной души снят покров»[9]. Пытаясь запугать моих дядю и деда, члены Гитлерюгенда забросали окна в пасторском доме камнями. На деда подавали в суд за «клевету» на одного из местных нацистских начальников, потому что дед — в теологическом отношении вполне корректно — назвал его язычником. Проповеди и другие действия дяди и деда были лишь малой толикой в борьбе Исповедальной церкви против распространения национал-социалистского движения «Немецкие христиане».

Моя бабушка по материнской линии входила в католическую партию Центра, которая долгое время совместно с социал-демократической партией управляла Веймарской республикой. Вместе с дедом они прятали в печи и распространяли машинописные копии проповедей кардинала фон Галена, в которых он осуждал эвтаназию. В гестапо на них донесла домработница: они ругали руководителей нацистской партии и слушали BBC — однако радио так хорошо припрятали, что обыск не дал результата. Эти и другие акции не привели к тому, чтобы мои дедушка и бабушка попали в концлагерь как участники Сопротивления. Они были такими же немецкими бюргерами, как многие другие. Четыре брата моего отца (включая дядю Альберта) были призваны в войска вермахта — и все погибли. Распространенное представление, что национал-социализм был тоталитарной системой, подавлявшей всякое инакомыслие исключительно силой, игнорирует особенности военного времени, которые заключались в том, что благодаря росту частных состояний, привилегиям в образовании и наличию бесплатной рабочей силы в лице «восточных работников» образовался новый слой лояльного власти населения.[10]

После 1945 г. мои дедушка и бабушка не без удивления наблюдали, как те же люди, сделавшие карьеру во время нацистов, успешно продолжают делать ее дальше. Так получилось, что я не был ребенком бывших нацистов, как многие из моих школьных товарищей. И я гордился тем, что мой отец не был членом НСДАП. При знакомстве с родителями одноклассников я иногда попадал под своего рода «контрастный душ» — мой отец был кадровым офицером, и это сразу открывало передо мной многие двери, но он был горд тем, что отказался исполнять «комиссарский приказ»[11], а это уже закрывало некоторые двери, как только я наивно об этом рассказывал. После освобождения из плена отец работал на горном предприятии в Рурском бассейне, сначала разнорабочим, потом

---

[9] Krieger H. Nicht alle wollen Noltes sein // Das Schwarze Korps, 15. Juli 1937; Krieger H. Eine schwarze Seele enthüllt sich // Das Schwarze Korps, 24. Juni 1937.

[10] Нольте Г.-Г. Возражения против теории тоталитаризма // Век XX и мир, 1996, № 2, с. 254-261.

[11] Так называемый «комиссарский приказ» опирался на указ Гитлера от 13 мая 1941 г. о разработке военной юриспруденции в районе действия плана «Барбаросса» и последующие директивы – в нем говорилось о недействительности норм права и человечности в ходе борьбы с большевизмом, немецкие солдаты освобождались от ответственности и не преследовались законом при совершении любых преступлений, в том числе в отношении советского гражданского населения (Примечание переводчика).

постепенно дорос до инженера, зарегистрировал два патента на изобретения. Вечерами после работы он писал открытые письма (одно из них, Теодору Хойсу[12], недавно было опубликовано) и воспоминания о военной кампании в России[13].

* * *

В университете я изучал историю Восточной Европы. Этот предмет преподавали тогда в основном балтийские немцы, регионоведение вел у нас геттингенский профессор Райнхард Виттрам, который происходил из Риги. Три года назад Рольф Вернштедт (он тоже учился у Виттрама, позднее был президентом ландтага Нижней Саксонии) предложил его бывшим ученикам собраться и выяснить, что привлекало всех нас в этом человеке. В итоге мы организовали несколько встреч, обменялись докладами и пришли к следующим выводам:

1. Райнхард Виттрам не только преподавал в университете в Риге, он был деканом философского факультета Рейхсуниверситета в Познани в 1939–1945 гг. и внес свой вклад в «германизацию» Западной Польши[14].

2. Мы, геттингенские студенты, видели в Райнхарде Виттраме того профессора, с которым можно было говорить о периоде национал-социализма.

По результатам докладов и дискуссий в Геттингене я составил сборник трудов, объясняющий в чем была притягательность нашего учителя, из-под пера которого вышли значительные работы об истории балтийских немцев и об эпохе Петра Великого (мы с Рольфом Вернштедтом планировали публикацию, но пока она не состоялась). Наряду с прочим там упоминалось, что Виттрам был одним из немногих из своего поколения, если не единственным, кто допускал разговоры о годах национал-социализма и с кем в то же время можно было дискутировать о марксистской историографии. Что нас объединяло? Мне кажется, лучше всего нашу общность описывает понятие «хабитус»: мы принадлежали одному и тому же хабитусу буржуазных приличий. Поэтому, хотя мы и читали работы Виттрама его познаньского периода, хранящиеся в университетской библиотеке, однако не спрашивали его, например, что было ему известно об уничтожении евреев в его родной Риге. Но то, о чем мы не решались спросить, он рассказал сам в 1958 г. во время церковного собрания университет-

---

[12] Теодор Хойс (1884–1963) – немецкий либеральный политик, политолог и журналист. После 1945 г. выступил одним из основателей Свободной демократической партии и был избран ее первым председателем. Федеральный президент ФРГ с момента ее образования в 1949 г. до 1959 г. (Примечание переводчика)

[13] Nolte H.-H. Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion 1941. Hannover, 1991.

[14] Białkowski B. Utopie einer besseren Tyrannis. Deutsche Historiker an der Reichsuniversität Posen (1941–1945), Paderborn, 2011.

ских преподавателей[15] — в 1943 г. он нанес визит обербургомистру Риги, и тот сообщил ему, что из 26000 евреев в городе уничтожено уже 22000. В 1958 г. Виттрам назвал это массовое убийство «сатанинским» и заключил, что оно делает невозможным «то очищение имени немцев, которое уже не раз происходило в истории нашего национального самосознания»[16].

Правда, я не помню, чтобы он останавливался на этом пункте в своих лекциях или семинарах; в академической сфере он строго выдерживал свою специализацию на раннем Новом времени, историю национал-социализма преподавали его коллеги Рихард Нюрнбергер и Эрнст Шрамм, читавший лекции по военной истории. Вопреки представлению о том, будто Освенцим служил основополагающим мифом, вокруг которого складывалась новая Федеративная республика, на самом деле тема геноцида евреев оставалась в тени вплоть до освенцимского судебного процесса[17]; к примеру, в изданном Х.-А. Якобсеном в 1959 г. собрании документов Второй мировой войны об этом ничего не сказано даже в соответствующей главе, посвященной слому старых солдатских традиций (различение между военными и гражданскими, правила обращения с военнопленными, ограничения юрисдикции военных судов и т.д.) при национал-социалистах[18].

Студенты-историки, и я не был исключением, недолюбливают темы, касающиеся современности. Мы разделяли общее для всего цеха убеждение, что научная объективность особенно труднодостижима при анализе текущих или недавних событий. Для своей диссертации я выбрал тему по русской истории, но сознательно отнес ее подальше от Второй мировой войны: религиозная терпимость в России 1600–1721 гг. В 1966 г. я впервые посетил Москву и Ленинград и работал в Пушкинском Доме со старообрядческими рукописями XVIII века. С того времени я регулярно, в среднем раз в два года, приезжаю в Москву и Ленинград, позже снова Санкт-Петербург.

* * *

Очевидно, мы узнали бы от Виттрама больше, если бы решились спросить. На самом деле представление о масштабах массового убийства и о безудержной эксплуатации людей, угнанных на принудительные

---

[15] Wittram R. Historisches Referat zum Gesamtthema der Tagung «Die geistige und geistliche Bewdltigung der jüngsten deutschen Geschichte». Maschinenschriftliche Vervielfdltigung aus dem Besitz von Heinrich Wittram. Sittensen, 1958.

[16] Там же, с. 97.

[17] В нашей стране известен как Франкфуртский судебный процесс 1963–1965 гг., в результате которого судейская коллегия Земельного франкфуртского суда вынесла обвинение в преступлениях различной тяжести 24 бывшим членам СС, причастным к убийствам в концлагере Освенцим. За ним последовали аналогичные процессы 1965–1966 гг. и 1967–1968 гг. (Примечание переводчика.)

[18] *Jacobsen H. A.* (Hrsg.) 1939-1945. Der Zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten. Darmstadt, 1959. S. 409–432.

работы, я составил лишь в конце 1970-х гг., работая университетским преподавателем в Ганновере, благодаря моим коллегам Герберту Обенаусу, Йоахиму Перельсу и Клаусу Фюльберг-Штольбергу[19]. Только после этого состоялось погружение в восточноевропейские источники, как правило, не согласно моим академическим планам, а по заказу земельного отдела политического образования Нижней Саксонии, и вышли некоторые работы — сборник документов о плане «Барбаросса»[20], перевод партизанских воспоминаний еврейки из Слонима Любы Абрамович[21].

Но основную роль в формировании моей картины оккупационной политики Германии на территории СССР сыграл последующий проект, связанный с публикацией воспоминаний советских военнопленных из концлагеря Берген-Бельзен, освобожденных в 1945 г. Над ним мы работали в Ганновере в течение пяти лет — начиная с первого семинара по методике проведения опросов в 1995 г., потом были сами опросы, проведенные в 1997–1998 гг., и заканчивая обработкой, переводом и публикацией воспоминаний в 2000 г. Нам удалось собрать группу энтузиастов из студентов и более взрослых участников, которые хорошо говорили по-русски. При проведении интервью на украинском и белорусском языках мы прибегали к помощи переводчиков. Большинство опрошенных составили так называемые «остарбайтеры» («восточные работники») — люди, до 1941 г. не призванные в Советскую Армию и затем депортированные немецкими оккупационными властями для принудительных работ в Германии. Кроме того, было несколько советских военнопленных и две еврейские женщины из Минска, все они являлись заключенными концлагеря Берген-Бельзен, освобожденными английскими войсками, и еще жили в 1998–1999 гг. Общаясь с этими людьми, я впервые открыл для себя российскую глубинку, провинциальную жизнь бывшего СССР.[22] Лишь в конце моей научной карьеры я получил возможность поработать над историей Второй мировой войны в русских и белорусских архивах[23], и только после выхода на пенсию я познакомился с историей холокоста на территории уже не существующего на тот момент СССР в книге Ильи Альтмана, вышедшей в 2002 г. и переведенной на немецкий язык в 2008 г.[24]

---

[19] Fröbe R., Fьllberg-Stolberg C., Gutmann Ch. u.a. (Hrsg.) Konzentrationslager in Hannover, 2 Bde. Hildesheim, 1985.

[20] Nolte H.-H. Vom Cannae-Mythos, Tendenzen und Katastrophen. Zur Kritik der Geschichtsschreibung. Bd. 5, Göttingen, 1991.

[21] *Abramowitsch* L.A., Nolte H.-H. Die Leere in Slonim. Dortmund, 2005.

[22] Nolte H.-H. (Hrsg.) Häftlinge aus der Sowjetunion in Bergen-Belsen. Frankfurt, 2000.

[23] Nolte H.-H. Partisan War in Belorussia // Roger Chickering u.a. (Hrsg.) A World at Total War. Cambridge, 2005. S. 261–276; Nolte H.-H. (Hrsg.) Häftlinge aus der Sowjetunion in Bergen-Belsen. Frankfurt, 2000.

[24] *Altman I.* Opfer des Hasses. Der Holocaust in der UdSSR 1941 – 1945. Sudheim, 2008.

Содержательно невозможно рассуждать о «восточной кампании», не беря в расчет проблему холокоста и его места в оккупационной политике вермахта в прифронтовых зонах и НСДАП в «рейхскомиссариатах»[25]. Как верно установил Андреас Хильгрубер, война против СССР была, собственно, «истинной войной» Гитлера — колонизация Восточной Европы должна была создать Германии экономическую базу для войны с англосаксами, в долгосрочной перспективе славян необходимо было изгнать с их территорий либо уничтожить, пространство надо было освободить для предполагаемых поселений немецких крестьян[26].

* * *

Но вернемся к моей семейной истории, к неудачной попытке переправиться через Эльбу, чтобы убежать от Советской Армии. Безусловно, происходящее было для нас мучительно и воспринималось как большие страдания. Но несколько месяцев назад я прочитал присланное моим другом Павлом Поляном русское издание воспоминаний Майера Левенштейна из Риги, и в них он рассказывает, что умер бы в лагере под Герденом от голода, если бы его не спасли советские войска. Я решил, что имеется в виду городок Герден недалеко от Ганновера, и воспринял это сообщение как недоразумение или фальсификацию, поскольку туда не дошла Советская Армия. И только благодаря одному довоенному атласу я установил, что этот Герден, действительно с вокзалом Гютерглюк, теперь является восточным районом Цербста, в котором мы тогда жили. В то самое время, когда мы старались убежать от советских войск и переправить наши детские коляски через Гютерглюк, Майер Левенштейн и другие его товарищи-военнопленные ждали Советскую Армию как своего спасения, от ее прихода зависела их жизнь. Когда русские входили в лагерь, Левенштейн уже так обессилел от голода, что не мог встать — но все-таки он выжил, тогда как многие его товарищи умерли от многолетнего голодания уже после того, как были освобождены[27].

Голод... Я уже упоминал изданные Берндом Бонвечем воспоминания русских и немецких детей войны[28]. Детство тех и других объединяет многое, например, железная дисциплина, привычка не задавать вопросы, ведущая

---

[25] Pohl Dieter. Die Herrschaft der Wehrmacht. Deutsche Militdrbesatzung und einheimische Bevölkerung in der Sowjetunion 1941–1944. Frankfurt, 2008. S. 243–320.

[26] Nolte H.-H. Vom Cannae-Mythos, Tendenzen und Katastrophen. Zur Kritik der Geschichtsschreibung. Bd. 5, Göttingen, 1991.

[27] *Левенштейн М.* У края бездны. Воспоминания узника Рижского гетто и фашистских концлагерей. М., 2012.

[28] Bonwetsch B. (Hrsg.) Kriegskindheit und Nachkriegsjugend in zwei Welten. Deutsche und Russen blicken zurück. Essen, 2009.

роль матери, в одиночку тянувшей на себе быт, отсутствие отца. Но, присмотревшись внимательнее, видишь существенное отличие: голод. В немецких сообщениях о послевоенном времени иногда встречается информация о голоде. А что касается моих русских сверстников, все они помнят ужасающий многолетний голод, от которого пытались спастись тем, что лизали хлебную корку или пили воду, слегка «забеленную» небольшим количеством молока[29].

В немецкой историографии до сих пор идут споры о том, можно ли говорить об умышленном истреблении голодом, планомерно осуществляемом оккупационными властями на территории СССР[30]. Одно понятно: многие миллионы советских граждан погибли от голода. Германия захватила зернопроизводящие регионы страны, одновременно миллионы работников, специалистов, членов партии были эвакуированы из занятых немецкими войсками областей на восток, в несельскохозяйственные регионы. Голод был если не запланирован, то в любом случае предвиделся и брался в расчет, что зафиксировано в протоколе германского статс-секретаря от 2 мая 1941 г.: «Несомненно, несколько миллионов вымрет от голода, когда мы вывезем все необходимое нам из страны»[31]. Какие это имело последствия? Среди русских авторов упомянутого сборника воспоминаний о военном детстве не было людей, переживших детьми на оккупированных территориях. Почему? Поколение «детей войны» на этих территориях не просто голодало, оно вымирало от голода. В таких условиях первыми погибают слабейшие — старики и дети, а это как раз родившиеся между 1935 и 1945 гг.

* * *

Отсюда вытекает вопрос — что сделал мой отец? Он не отрицал, что очень рано узнал о германских преступлениях. После польской кампании он служил адъютантом генерального штаба в Берлине. Главнокомандующий группой войск «Ост» генерал-полковник фон Бласковиц в октябре 1939 г. открыто протестовал против того, что СС и вспомогательные отряды уничтожали евреев и польскую интеллигенцию. Это подробно обсуждалось в генеральном штабе, и мой отец требовал от своего начальника, шефа генштаба Хальдера, что-нибудь предпринять. Но Хальдер его требования отклонил (а ведь он был участником разговоров об этих протестах, которые велись в самых высоких сферах), по преданию нашей семьи, со следующей формулировкой: «Что Вам, маленькому Нольте, нужно? Сейчас есть дела поважнее». О чем шла речь? В моей интерпретации, о надеждах на рывок Германии к мировому

[29] *Nolte H.-H.* Kriegskinder. Zu den Differenzen zwischen Russland und Deutschland // Zeitgeschichte, 2009, № 36. S. 311–321.

[30] *Benz W.* Der Hungerplan im «Unternehmen Barbarossa» 1941. Berlin, 2001.

[31] *Nolte H.-H.* Vom Cannae-Mythos, Tendenzen und Katastrophen. Zur Kritik der Geschichtsschreibung. Bd. 5, Göttingen, 1991. S. 121.

господству, которые в 1939–1941 гг. кружили головы руководителям высшего ранга, таким как Хальдер.

Но принимал ли мой отец участие в массовых преступлениях во время войны против СССР? Мой брат составил полный реестр тех мест, в которых воевала дивизия отца, в первую очередь, по книге Альтмана, а также по другим источникам, например, трудам Дитера Поля, Дитриха Хартмана и Дитера Герлаха, или по сведениям, почерпнутым им из прямого общения с исследователями холокоста в России[32]. Затем он сравнил полученный список с имеющимися данными о массовых убийствах евреев и цыган в этих местах. Совпадений не было. Поэтому слова отца о том, что его дивизия не принимала участия в геноциде, кажутся правдоподобными. Есть только один особый случай: разгром госпиталя в деревне Колмово к югу от Новгорода произошел в то время, когда там стояла отцовская дивизия. Известно, что убийство раненых лежало на совести подразделений СС, акции этого рода рассматривались как часть действовавшей в Германии программы умерщвления инвалидов в рамках «расовой гигиены» и получали условное обозначение «акции Т-4», по адресу здания в Берлине (улица Тиргартен, дом 4), в котором располагалась руководившая этими мероприятиями администрация. Однако в военном отношении Колмово входило в зону ответственности дивизии, в которой служил мой отец. Нельзя представить себе, что штабной офицер не знал о происходящем там, и это может говорить лишь об одном: отец был информирован о совершавшихся массовых преступлениях.

Но насколько исчерпывающим будет ответ, что он знал, однако не предотвратил? Как уже было сказано, я изучал холокост в Слониме, небольшом городке между Белостоком и Минском. Мой отец гордился своими профессиональными успехами; в частности, он был горд тем, как быстро наладил переправу танков через Неман во время броска его моторизованной дивизии из Восточной Пруссии — по сравнению с решавшими аналогичную задачу соседними дивизиями. Этот успех обеспечил быстрое взятие Слонима. Лишь немногие евреи успели бежать, почти все остались, и главнокомандующий захваченной области предписал им носить специальные опознавательные знаки. Затем последовала передача полномочий от военных властей гражданской администрации, создание гетто и массовое уничтожение — летом 1942 г. большинство евреев были расстреляны, до смерти замучены голодом или задохнулись в подвалах собственных домов в результате устроенного в гетто пожара, когда отказались покинуть жилища для участия в «акции» — массовом расстреле. Оставшаяся часть гетто просуществовала до 1943 г.[33]

---

[32] *Nolte W.* Vater im Vernichtungskrieg. Unveröffentlichte Maschinenschrift. Berlin, 2011.

[33] *Ueberschaer G.* (Hrsg.) Orte des Grauens. Darmstadt, 2003.

Взаимосвязь между военным успехом отца и геноцидом евреев в Слониме очевидна для современных исследователей и не подлежит обсуждению. Даже если личное участие его как офицера вермахта в массовых преступлениях можно обоснованно отрицать — но ведь своим вкладом в победы 1941 г. он действительно гордился. А без этих побед 2,8 миллиона евреев бывшего СССР только в 1941 г. не были бы убиты, без этих побед миллионы советских солдат не попали бы в немецкие концлагеря и миллионы мирных граждан (по моим оценкам[34]), русских, украинцев, белорусов, не погибли бы от голода, не говоря об иных бедах и лишениях.

И какое отношение имеет к этому «Каукессельхен»? Мне кажется, связь здесь существует. Мое детское прозвище производно от слова «Кавказ». Что связывает меня с ним? Летом 1943 г. «передовые победоносные отряды» немецкой армии достигли Кавказа, и — что бы там ни думала об этом мама, а отец был на фронте — на мою малость смотрели сквозь призму этого события. Может быть, как на будущего землевладельца, представителя расы господ? Во всяком случае, как вспоминала мама, после Сталинграда меня так больше не называли.

«Каукессельхен» — это только один срез моих детских воспоминаний. Другой состоит в чувстве огромной гордости, которое я как маленький мальчик испытывал по отношению к отцу. Он вспоминал, как я с пилоткой африканского корпуса на голове громко пел, сияя от счастья, «Хейя Сафари», старую песню германских колониальных войск: «Как часто мы шагали узкой тропой негров прямо через середину пустыни...» С возрастом я все больше дистанцировался от отца, националистически настроенного военного, и он тоже не оставался в долгу, расценив мою первую книгу по всемирной истории (написанную в 1982 г., т.е. еще до распада СССР[35]) как «советофильский идиотизм». И все же мою гордость за отца и мою многолетнюю детскую тоску по нему этот спор не перечеркнул.

* * *

В моем возрасте уже позволительно спросить себя, чего ты достиг в профессии. Политологи и социологи часто были моей публикой, им нравится, когда я цитирую их работы, но мои книги они редко читают. Что же останется для моих коллег-историков? Сейчас об этом трудно судить. И какое воздействие оказали мои доклады в России? Приглашали меня, поскольку находили мои исследования убедительными, или важен был просто голос немца, осуждающего «войну на истребление»? Скорее всего, по второй причине. Даже незначительные бытовые подробности могут быть интерпретированы в национальном духе. Я сошлюсь здесь на рассказ о русской бане двух авторов — Виталия Афиани, издавшего

[34] *Nolte H.-H.* Kriegskinder. Zu den Differenzen zwischen Russland und Deutschland // Zeitgeschichte, 2009, № 36.

[35] *Nolte H.-H.* Die eine Welt. Hannover, 1982

интересное собрание источников по культурной политике партии, и Сергея Мироненко, написавшего объемную и действительно увлекательную социальную историю России, оба описывают наше совместное посещение бани. Я надеялся, что мне удастся, как и им, сделать несколько заходов, однако просчитался. Как видите, мое здоровье пострадало в итоге незначительно. Оба историка описывают случившийся анекдот независимо друг от друга, но в одинаково восторженных тонах, не без плохо скрываемого удовольствия. Оба делают из моего фиаско типичное обобщение: «Что русскому хорошо, для немца смерть»[36]. Дружба остается дружбой, для моих русских коллег и друзей я был трогательным немецким профессором, которого можно пригласить в баню, а после выпить вместе водки и закусить сыром и луком. Но все-таки я оставался для них (что подтвердила и сама баня) немцем.

В чем я ошибался, так это в оценке национального фактора. Моя работа двух последних десятилетий посвящена всемирной, глобальной истории. Я рассматриваю национальную историю как часть мировой. При этом я позиционирую себя не столько как немца, сколько как ученого и гражданина мира. Для себя я не признаю большого значения национальности: как в моих высказываниях о внутригерманских делах, например, о знаменитых «выставках вермахта»[37], так и в оценках, относящихся к внешнему образу Германии, например, в моих воронежских лекциях. Поэтому вопрос о том, какую роль играли и играют национальные особенности, является «вечной темой» в моих дискуссиях с Игорем Смирновым[38].

Я имел честь издать в переводе с русского соображения Александра Борозняка относительно проблемы «искупления»[39], которые многое дали мне для понимания известных событий. С группой российских и немецких ученых мы провели ряд конференций — в Липецке, Кемерове, Волгограде и несколько в Москве, — чтобы обменяться позициями и обсудить

---

[36] *Полян П.М.* Собеседник на пути. Памяти Николая Поболя. М., 2013. С. 84, 117.

[37] В 1995–1999 гг. во многих городах Германии и Австрии прошли передвижные выставки «Преступления вермахта. 1941–1945 годы», организованные Гамбургским институтом социологических исследований. Эта серия выставок имела необыкновенный резонанс и расколола немецкое общество, став предметом многочисленных дискуссий, в ряде случаев вылившихся в уличные столкновения. Итогом выставок стало разрушение исторического мифа о «незапятнанном» вермахте, якобы не принимавшем участия в массовых военных преступлениях СС, фактически являвшегося консенсусом в послевоенной Германии. Выставки получили оценку как один из самых успешных проектов историко-политического просвещения и «преодоления тоталитарного прошлого» (Примечание переводчика).

38 *Smirnov I.P.* Zur Rezeption deutscher Romantik in der russischen Geistesgeschichte // Zeitschrift fьr Weltgeschichte, 2007, № 8.1. S. 131–166; Smirnov I.P. Russland und Deutschland. Einwände zu Noltes Konzept der Weltregionen // Zeitschrift fьr Weltgeschichte, 2016, № 17.2.

[39] *Boroznjak A.I.* Erinnerung für Morgen. Gleichen, 2006.

в академичном ключе массовые преступления, совершенные не только германскими, но и советскими гражданами[40]. Хотя я так и не могу точно сформулировать, каково отношение моих русских коллег к проблеме массовых преступлений в советской истории.

Мое же отношение к аналогичной проблеме в истории Германии, теперь об этом можно сказать определенно, было сложным и установилось довольно поздно. В конце концов решающую роль сыграло общение со свидетелями той эпохи, с русскими, украинскими и еврейскими жертвами нацизма. Мне пришлось многое осознать, прежде чем я научился не терять трезвого взгляда ученого при работе над этой темой и попытался внести свой вклад в крупные историко-сравнительные исследования[41].

В отличие от русских коллег моего возраста, моей жизни во время войны ничего не угрожало. После войны нам иногда не хватало еды, однако я не пережил настоящего голода. Но что мне пришлось пережить — это осознание массовых преступлений, совершенных немцами, которое порой перехватывает дыхание. Говоря точнее, эти чудовищные по масштабу зверства лежат на душе тяжким грузом, опрокидывают, лишают возможности выстроить хоть какое-то историческое самосознание. Таким образом, обычно немцы предпочитают не отдавать себе полностью отчета и оставаться в неведении до тех пор, пока возможно. Но даже если эта блокада удается благодаря тому, что родители, дедушки и бабушки не были нацистами, все равно ты чувствуешь свою принадлежность и сопричастность. В силу хабитуса и традиций. Как и из-за того, что пел «Хейя Сафари», носил прозвище Каукессельхен, бежал через Гютерглюк и не замечал возле себя умирающих от голода евреев и «остарбайтеров», из-за женских криков в нашем подвале, когда в него проникли советские солдаты, из-за красного зарева горящего Магдебурга, не идущего у меня из головы.

Как успех я рассматриваю мой, пусть очень малый, вклад в то, что после 1945 г. выросло два поколения, не знающих войны, что наши дети не должны были расти с подобными картинами в голове. Это совпадает с тем, что все время повторяют пострадавшие от нацизма: такое не должно больше повториться.

Перевод с немецкого языка Смирнова Игоря Павловича, кандидата исторических наук

---

[40] *Корчагина М.Б.* Изучение диктатур. Опыт России и Германии. М., 2007.

[41] *Nolte H.-H.* Comparing Soviet and Nazi Mass Crimes // A. Kay, D. Stahel. Eds.: Reconceiving Nazi Criminality. 2016; Poljan P., Nolte H.-H. Massenverbrechen in der Sowjetunion und im nationalsozialistischen Deutschland // Zeitschrift für Weltgeschichte, 2001, № 2.1. S. 125–148; Корчагина М.Б. Изучение диктатур. Опыт России и Германии. М., 2007.

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА ПРОФЕССОРА Г.-Г. НОЛЬТЕ

Я, Сахаров Николай Павлович, родился 5 апреля 1925 г. в Киеве. Жил на улице Мельника, д. 96. Жили без отца. Он умер в 1933 г. от голода, тогда же умерли еще братик и сестричка. Я остался с мамой и старшим братом. По уважительным причинам пришлось оставить школу и идти работать. С 15 лет я работал в хирургических мастерских учеником слесаря. Когда началась война, брата призвали в армию. Он погиб на фронте в 1943 г. Меня при облаве на базаре в конце марта 1942 г. схватили и доставили на вокзал. Там погрузили в товарный вагон. В закрытом вагоне был депортирован в город Перемышль. Из Перемышля был депортирован в Магдебург. Из Магдебурга в село Гатерслебен, район Кведлинбург, на фабрику «Дампффлюгфабрик». Хозяин фабрики А. Гойке жил в километре от фабрики в селе Хауснайндорф, район Кведлинбург.

По прибытии на фабрику нас поместили в металлический гараж, где были двухэтажные нары. Наш лагерь был расположен на территории фабрики. Кормили нас 3 раза в день. В основном кольраби, шпинат, картофель в мундире и 200 г хлеба на день. Еды не хватало, а работы много, и есть хотелось. Работал я слесарем. Нашим лагерным надзирателем был герр Маркфорт. Он был не человек, а зверь, из-за его невыносимого жестокого обращения многие удирали с фабрики. Я удрал в июле 1944 г. Раньше меня сбежали Виктор Кузнецов и Сергей Колосов, которые были пойманы и отправлены в концлагерь Бухенвальд.

О хозяине фабрики я могу сказать только хорошее. Если он жив, дай бог ему здоровья, счастья и долгих лет жизни. Еще могу сказать хорошие слова о немецких слесарях, с которыми я работал,— это герр Меер, герр Вольтер. За побег из лагеря Гатерслебен в июле 1944 г. я был пойман в селении Радеболь-Вайнберг, осужден Дрезденским гестапо и направлен в барак при гестапо, так как тюрьма, где проходили все пытки и допросы, была переполнена. Формировали отправку в концлагерь Бухенвальд. По дороге туда нас еще поместили в тюрьму (не помню города, но там заключенные делали электроприборы, выключатели, розетки).

Вступив на территорию лагеря, пройдя ворота, нас сразу повели в раздевалку. Там раздели догола, постригли все места, где был волос. На голове выстригли полосу «штрассенбан» (трамвай) и намазали какой-то жидкостью. Через определенное время пришлось нырять в дезинфекционный бассейн объемом примерно 3 на 3 метра. После этого выдали полосатую одежду, красный треугольник с буквой «Р» и номер «70430» и направили в карантинный лагерь, в 18 блок. Когда я находился в карантине, бомбили заводские корпуса концлагеря Бухенвальд. После бомбежки был

переведен в большой лагерь, в кирпичный блок. Спал на двухэтажных нарах, на 1 этаже. Кормили плохо. На работу был определен в команду, носить деревянные детали бараков с вокзала для дезинфекции, в хитрый домик. А пока шла дезинфекция, сортировали вещи, находящиеся на складе. Недалеко от хитрого домика находился склад. Некоторое время работал в карьере «Штайнбрух». На работу ходили строем, под духовую музыку. Провожали и встречали с музыкой. Перед входом в лагерь после работы подавалась команда «стоять смирно, шапки долой».

Из концлагеря Бухенвальд был направлен в концлагерь Ордуф (команда Айнзатц-Арнштадт). Лагерь строил подземный завод в 15 км от города Арнштадта. Из штольни выносили камни. С вокзала делали разгрузку цемента. Он был в мешках, носили с вокзала на склад. Бывало, с работы в лагерь не завозили, а по дороге с правой стороны были подземные бункеры, там и оставляли на ночь.

В конце марта 1945 г. перевели в концлагерь Берген-Бельзен. Причина мне неизвестна. Как только я переступил ворота в Берген-Бельзене, я зацепился и упал. Строй нарушился. Меня полицай так избил, что еле дотащили до барака. Барак был без нар, все лежали на полу. На второй день полицай пришел меня искать, но помощник блокового поляк Петер спрятал меня в угол, где лежали трупы. Я не работал, и вообще в этом бараке никто не работал. Кто еще мог двигаться, а кто вообще уже не мог. Приносили в бачке еду, но не всегда доставалось. Кроме барака, где я сидел, было еще два барака. И все три вместе были окружены колючей проволокой и обнесены как будто камышом, я уже не помню. Наш барак находился посередине. Помню, что напротив была большая яма. Номера барака не помню. Матрацев и одеял не было. Грязь и вши одолевали. Я был в полосатой одежде, все лежали на покатом полу. Вечером были еще живые, а утром уже холодные. Помню, лежали рядом со мной Саша, Володя, они раньше меня попали в Берген-Бельзен, перед освобождением умерли.

Национальности были разные: русские, поляки, евреи. В том эшелоне, в котором я прибыл, были русские. Отношения были миролюбивые, так как у всех была одна участь. Условия лагеря я смог перенести, потому что недолгое время там был, не успел еще сильно ослабнуть. Спасибо богу, что дал мне силы все выдержать. И еще вера, надежда на скорый конец войны и освобождение. Начальника лагеря я не видел, так как все время был в бараке, помню только заместителя блокового, Петера, который спрятал меня от полицая.

Освобождение лагеря было такой радостью, это выглядело как воскрешение с того света. Лагерь ожил. Это нельзя передать словами. Кто еще был жив, повыползали из бараков. Первое, что я увидел, шли англо-американские солдаты, за ними ехала машина. На ней стояла тренога с кинокамерой, делали съемку лагеря. Англичане к нам относились очень хорошо. С уважением и сожалением. Дали все возможные продукты,

шоколад. Привезли белый порошок от вшей. Трупы из лагеря убирали немецкие пленные солдаты.

Через несколько дней я и еще несколько человек вышли из лагеря Берген-Бельзен и пошли в направлении ближайшей деревни. Зашли в деревню, не помню название, и нас бауэр, немец, приютил. Зарезал свинью, откормил нас, за что мы его очень благодарили. Мы у него немного пожили и пошли дальше. По дороге нас подобрали англо-американские солдаты и довезли до сборного лагеря Фаллингбостель. Из него я был направлен в фильтрационный лагерь в городе Пархен. Там я пробыл, наверное, месяца три. Оттуда перевели в фильтрационный лагерь в городе Росток. Во всех этих лагерях были одни и те же вопросы: как попал в Германию, когда, откуда, как выжил?Достоверность сведений устанавливалась путем частых допросов и описанием своей биографии. Лишь после прохождения фильтрации через лагеря Фаллингбостель, Пархен и Росток в декабре 1945 г. военным советом 5-й Ударной армии был призван на военную службу. Со стороны НКВД контроль был повседневный. В армии даже не ставили под знамя части, так как был в Германии и политически неблагонадежный. 6 мая 1949 г. я был демобилизован из армии и направлен по месту жительства в Киев, улица Мельника, д. 96.

В армии я женился на «остарбайтерине». Она работала в Германии на обувной фабрике РОВО в городе Шпеер на Рейне, а в армии была вольнонаемной. В Германии в городе Белец (возле Берлина) у нас родился сын. Поэтому в мае 1949 г. я приехал домой с семьей. Дома жила одна мать, больная. Ее уже нет, умерла. Из-за жилья пришлось поменять профессию: слесаря на камнетеса. В 1953 г. у нас родилась дочь. Жили 12 лет все вместе в одной комнате. В 1961 г. дали 3-комнатную квартиру. Всего 40,7 кв. метров, но мы были довольны и этим, живем в ней по сей день, хотя и семья прибавилась.

Все годы скрывали, что мы были в Германии, только подводило, что свидетельство о рождении сыну не поменяли, так и по сей день: место рождения — Германия, город Белец. Мы боялись за детей, чтобы их не преследовали. Лишь в 1992 г. пришла справка из НКВД, что компрометирующих данных нет.

В воспоминаниях о Германии остался тяжелый пройденный путь. Осталась благодарность людям-немцам, которые, невзирая на запрет общения с нами, всегда нас поддерживали как могли. Спасибо им за поддержку и сочувствие нашим мучениям. Сейчас я пенсионер, мне 74 года. Живу с женой уже 52 года. Имею сына, дочь, 6 внуков.

ЧАСТЬ 2

ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

в сознании современной молодежи

Глава 7. МОЛОДЕЖЬ О СВОИХ РОДНЫХ И БЛИЗКИХ В ВОЙНУ И ПОСЛЕ

С ПОЛЕЙ ВОЙНЫ НА КОЛХОЗНОЕ ПОЛЕ

***Андросова Анна Юрьевна**, 18 лет,*
студентка факультета управления и бизнес-технологий
ФГБОУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве РФ» Омский филиал;
*научный руководитель – **Кормильцева Елена Александровна**,*
канд. ист. наук, доцент,
г. Омск

Мой прадедушка, Владимир Максимович Хмара, родился в Омской области (ныне Тюменской области), Казанском районе в деревне Вакарино в 1912 году. Моя бабушка рассказывала мне, что он получил четырехлетнее образование в местной школе. После окончания учебы у него была возможность поступить в Омское техническое училище, но, так как у него было еще два младших брата и пять младших сестер, он остался помогать родителям по хозяйству. Повзрослев, мой прадедушка стал работать комбайнером Копотиловской машинно-тракторной станции. Это было время упорного труда, большого напряжения сил. Государство форсировало развитие страны, перед рабочими и крестьянами ставились задачи ускорения, перевыполнения планов. Звено, в котором работал мой прадед, взяло на себя повышенное обязательство. Упорство и целеустремленность односельчан и моего прадедушки помогли добиться высокого результата.

Хмара Владимир Максимович с женой Руфимой Ивановной

За два года до войны он женился, и у него родился

первый сын, которого родители назвали Анатолием. Как у большинства советских граждан, у молодой семьи были свои мечты и планы, но, к сожалению, далеко не всем этим планам суждено было сбыться...

22 июня 1941 года страну оглушило страшное известие: началась война. Была объявлена мобилизация в армию, но прадеда в армию не призвали. Он стал инструктором: учил женщин управлять тракторами.

Повестку на фронт он получил в 1943 году. Его отправили на Дальний Восток.

Спустя три месяца после окончания Великой Отечественной войны начались военные действия с Японией. Несмотря на то, что война с Японией завершилась в сентябре 1945 года, напряженность не снижалась еще несколько лет.

Владимир Максимович Хмара вернулся домой через два года после окончания Великой Отечественной войны, в 1947-м. За проявленные во время войны отвагу и мужество он был награжден орденом Отечественной Войны II степени. Я всегда интересовалась, за какие именно заслуги он получил эту награду, но, к сожалению, эти архивные данные пока недоступны.

После окончания войны главной целью моего прадедушки стала забота о своей семье. Он вместе с женой и сыном переехал в Большую Ченчерь, где построил дом. Спустя два года он стал директором леспромхоза.

О трудовой деятельности своего прадеда я узнала благодаря исследованиям местного краеведа Николая Олькова. Я читала сделанный им обзор Казанской районной газеты за 1931–1981 годы. В очередном номере газеты за 1948 год директор леспромхоза В. Хмара рассказывает, что годовое задание выполнено на 129 процентов, многое сделано для населения: 570 кубометров пиломатериала, 223 штуки саней, 370 штук бондарных изделий, 5,5 тонны дегтя. Газета также публикует телеграмму руководства области, в которой докладывается, что колхозы и совхозы области перевыполнили план хлебозаготовок и сдали сверх того 75 тысяч пудов зерна. Под руководством Владимира Максимовича Хмары было взято обязательство вырастить по сто пудов с гектара, а по отдельным полям по 130 пудов. И коллектив все сделал для этого. Прочитав эту газету, я узнала еще много интересного о своем прадедушке Владимире Максимовиче. Так, например, десятого октября 1948 года он «выжал» на комбайне «Коммунар» одиннадцать гектаров, после чего продолжал работать и в ночную смену. А во время уборочной на этом же комбайне убрал пятьсот девяносто шесть гектаров.

Мой прадед был награжден медалью «За освоение целинных земель» и поездкой на ВДНХ в Москву.

Умер Владимир Максимович Хмара в 1984 году.

ГЕРОИ МОЕЙ СЕМЬИ

Болучевская Анна Андреевна, *18 лет,*
студентка факультета управления и бизнеса
Кемеровского института (филиала) РЭУ им. Г.В. Плеханова;
научный руководитель — ***Девяткин Геннадий Тимофеевич,***
канд. ист. наук, доцент,
г. Кемерово

Нет в нашей стране семьи, судьба которой не прошла бы через испытания в Великой Отечественной войне. Моя семья также не стала исключением: мои прабабушка и прадедушка внесли свой вклад в священное дело Победы над фашизмом. Я восхищаюсь своими родными, вставшими на защиту Родины, для меня они стали образцом для подражания. Цель моей работы — сохранить память об ушедших родных мне людях.

Екатерина Илларионовна Хованова (Гриценко) родилась 7 февраля 1923 года в селе Гладосы Кировоградской области Украинской ССР. Учиться начала на Украине. В 1938 году она переехала с отцом в Новосибирскую область в село Васьково. Это село теперь входит в Кемеровскую область, Промышленновский район. Екатерина Илларионовна продолжила обучение в сельской школе, которую окончила в 1940 году. Затем работала там же старшей пионерской вожатой. Во время Великой Отечественной войны Екатерине Илларионовне пришлось работать учителем в школе и комбайнером в селе.

Перед окончанием войны ее папа, Илларион Федорович, уехал на Украину, где тоже принимал участие в боевых действиях и трагически погиб. Он был в партизанском отряде, попал к немцам, был казнен с другими партизанами: их разорвали на деревьях. В Кировоградской области Украины, в селе Глодосы, стоит стела, на которой перечислены имена погибших во время Великой Отечественной войны; там есть имя и Иллариона Федоровича.

В 1944 году Екатерина Илларионовна пошла добровольцем на фронт. Она служила в 877 батальоне авиационного отряда. Прошла курсы подготовки телефонистов. Так она стала связисткой, но приходилось быть санитаркой, выносить раненых бойцов с поля боя, делать перевязки, выполнять приказы командиров, участвовать в боях.

День Победы младший сержант Гриценко Е. И. встречала еще на фронте. Она демобилизовалась в октябре 1945 года. Через четыре месяца приехала в село Васьково. В это время демобилизовался ее будущий супруг Василий Иванович Хованов. Они поженились. В 1948 году родилась дочь Надежда, в 1949 году вторая дочь Вера. Василий Иванович работал, а Екатерина Илларионовна занималась воспитанием детей, вела хозяй-

ство. В конце 50-х годов младшая дочь заболела, перенесла полиомиелит. Она нуждалась в постоянном уходе, так как была парализована. Поэтому Екатерине Илларионовне пришлось оставить работу. В 1953 году семья переехала в поселок шахты Ягуновская, и в этом же году родился сын Владимир. В 1957 году главу семьи Василия Ивановича парализовало в связи с травмой, полученной в шахте в 1955 году, и фронтовыми ранениями. 27 лет Екатерина Илларионовна ухаживала за больным мужем. Она выполняла всю женскую и мужскую работу.

Она сумела построить жизнь и отношения так, чтобы Василий Иванович не чувствовал себя больным, обузой. Человек он был мужественный и жизнерадостный, честный и справедливый, одновременно строгий, требовательный. Дети уважали отца и мать, старались быть достойными их преемниками. В этой семье все добросовестно трудились.

Василий Иванович научился водить машину с ручным управлением. Это облегчило передвижение. Совместно с Екатериной Илларионовной вели хозяйство, воспитывали детей, учили их жизни. Иногда выезжали на рыбалку, на природу отдохнуть.

Екатерина Илларионовна Хованова сражалась за Великую Победу не только в те далекие военные годы, но и мужественно преодолела суровые испытания, выпавшие на ее долю и в последующие годы жизни, сумела создать крепкую семью, стать примером для других. Глядя на нее, невольно подумаешь: «Да, “есть женщины в русских селеньях”...» [1, с. 2].

4 января 2007 года Екатерины Илларионовны не стало. Она прожила неполных 84 года. Похоронена с почестями как участник Великой Отечественной войны. Остались ее юбилейные медали и ордена.

* * *

Василий Иванович Хованов родился 29 сентября 1925 г. в селе Васьково Титовского района Новосибирской области (ныне Кемеровская область, Промышленновский район). В 1942 году окончил школу, в 1943 году пошел добровольцем на фронт. Пройдя курсы шестимесячной подготовки, получил звание младшего лейтенанта, был назначен командиром взвода. Воевал на Белорусском фронте.

В конце 1944 года он получил ранение обеих ног из автоматной очереди. Попал в госпиталь, где находился на лечении несколько месяцев. День Победы Василий Иванович встретил в госпитале.

В 1953 году Василий Иванович с семьей переехал из села Васьково в поселок шахты Ягуновская, устроился в шахту, где проработал до октября 1957 года, до получения им тяжелой травмы.

Василий Иванович не был обделен вниманием и, как гражданин страны, принимал участие в голосовании на выборах, лежа на кровати [2, с. 2].

Василий Иванович заслужил многие награды.

Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» младшему лейтенанту Хованову Василию Ивановичу, командиру взвода, была вручена 22 февраля 1946 года.

11 апреля 1979 года, спустя 34 года, за подвиг, совершенный во время Великой Отечественной войны, награжден орденом Красной Звезды, который должны были вручить еще 26 марта 1945 года.

Юбилейные медали Василия Ивановича Хованова: «20 лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»; «30 лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»; «50 лет Вооруженных Сил СССР»; «60 лет Вооруженных Сил СССР»

В марте 1985 года Василий Иванович был награжден орденом Отечественной войны I степени. В связи с тем, что он был прикован к постели, орден вручили на дому.

Василий Иванович скончался 1 мая 1985 года, не дожив 9 дней до празднования 40-летия Победы [3].

Изучая данную тему, я решила обратиться к воспоминаниям детей и внуков героев Великой Отечественной войны.

Вспоминает старшая дочь Надежда Васильевна Хованова:

«Хочу рассказать о своей маме Екатерине Илларионовне. Прожила она сложную, нелегкую жизнь. В возрасте трех лет она осталась без мамы, воспитывали ее мачеха и тетя. Пережила мама и холод, и голод. Это ее и закалило в жизни.

На протяжении 27 лет она ухаживала за нашим папой, который был парализован и прикован к постели. Воспитывались и росли мы в нелегких условиях. Нас трое детей: я, сестра Вера и брат Вова. Мы с детства приучились к труду, во всем помогали маме. Она находила силы и надеялась на лучшее. Поддержкой во всем нам был папа. Мы все окончили школу, получили среднее техническое образование. Мама находила время и за папой ухаживать, и с нами заниматься. Жили мы дружно, и эту дружбу и любовь мы несем до сих пор.

Нам привили уважение к людям и заботу о близких, стремление нести людям только добро. Мама всегда сплачивала нас всех, даже когда мы создали свои семьи и у нас появились дети (ее внуки). Папа умер в возрасте 59 лет и мама, продолжая жить без него, сохраняла семейные традиции. Мы всегда по праздникам, на день рождения мамы собирались все вместе за большим праздничным столом. Мама готовила наши любимые блюда: пироги, блины, холодец. Это у нее получалось особенно хорошо.

Наша мама была участницей Великой Отечественной войны. Она имеет награды. До самой смерти она всегда вспоминала своих однополчан, любила рассказывать эпизоды военных лет.

Мы, наши дети и внуки гордимся ее заслугами перед Родиной и пронесем память о Екатерине Илларионовне Хованой, нашей маме, бабушке и прабабушке по жизни».

Младшая дочь Вера Васильевна Хованова с теплотой говорит об отце: «Мне папа запомнился самым добрым, искренним, любящим нас, своих детей. Он был честным, трудолюбивым, справедливым, отзывчивым человеком не только для нас, но и для окружающих. Хоть он и был прикован к постели, это не мешало ему общаться со многими людьми. Папа навсегда останется в моем сердце и в моей памяти».

Вспоминает зять Виктор Михайлович Зинзер: «Моя теща Екатерина Илларионовна была добрым и отзывчивым человеком. Воспитала хороших детей: мою жену Надежду, ее сестру Веру, их брата Владимира. Войдя к ним в семью, я понял, что это дружная семья, все любят трудиться и заботятся друг о друге. Воспитание детей лежало на плечах мамы. Я сразу стал называть Екатерину Илларионовну мамой. Она любила, когда мы все приходили к ней, старалась нас всех объединить за большим столом. Мы во всем ей помогали, не оставляли ее без внимания. Сейчас, когда ее нет в живых, мы храним о ней память, и эту память прививаем своим детям и внукам».

А вот что рассказал внук Андрей Юрьевич Болучевский: «Я очень рад, что у меня такая бабушка: замечательная, добродушная, внимательная, хрупкая.

На ее судьбу выпала трудная доля. Она прошла Великую Отечественную войну, о чем часто вспоминала и рассказывала нам. Я внимательно слушал ее рассказы о том, как было трудно в те страшные годы, и мне было очень интересно.

Бабушка жила в своем доме, все работы по дому, в огороде она вела сама, и я всегда старался помогать ей».

Говорит внучка Марина Викторовна Барсукова: «Мои воспоминания о бабушке и дедушке — это воспоминания моего детства, потому что это неотъемлемая их часть.

Моего дедушку я помню как сильного духом человека. Он был очень мудрым, справедливым, строгим и в то же время очень любящим дедушкой. Мы, дети и внуки, относились к нему очень уважительно. Он любил, когда мы приходили к ним в гости, играл с нами в шашки и шахматы... Таким дедом, как наш, можно гордиться и хранить память о нем с теплотой в сердце.

Бабушка тоже принимала участие в Великой Отечественной войне. Я смутно помню ее рассказы о войне, но бабушка говорила, что было очень страшно. Мы были малы, многого не понимали, но чувствовали, что эти люди обладали огромным мужеством, силой духа, чтобы пройти через все испытания и остаться людьми.

Мое детство рядом с ними — это вкусные вареники и пироги на свежем воздухе на крыльце дома; это сугробы по шею, после которых тепло у печи. Это рассуждения про жизнь, как судьба развела и снова свела их вместе, чтобы прожить ту жизнь, какую они прожили — и в горе, и в ра-

дости, вместе и навсегда! Моя бабушка была очень верным, надежным и самым добрым человеком, которая взяла на себя тяготы и заботы о доме, детях, больном муже. И мы никогда не слышали слов жалости к себе, обиды и злобы на судьбу, на окружающих. Мы часто видели уважение людей к ней.

Мало дедушка пожил на этом свете, он умер, когда мне было всего 14 лет, но память о нем всегда в моем сердце. И я всегда буду помнить о них только с теплотой и любовью в душе, потому что они — это мое счастливое детство!»

Я узнала многое о жизни своих родственников — Екатерины Илларионовны и Василия Ивановича Хованових, как они встали на защиту своего дома, своей Родины, как они жили в послевоенное время, строили семью, воспитывали детей. Моим долгом было рассказать о них. Я горжусь своими прадедушкой и прабабушкой. Вечная им память!

Литература

1. «В бой за уголь». — 1985. — 19 июня.
2. «В бой за уголь». — 1967. — 15 марта.
3. Шуранов Н.П. Кузбасс в годы Великой Отечественной войны.— Кемерово: Кемеровский областной институт усовершенствования учителей.— 2000.

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

***Коротченко Валерия Викторовна**, 19 лет,*
студентка 2 курса Института международных отношений,
Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»;
*научный руководитель – **Мякинина Наталья Петровна**,*
канд. ист. наук, доцент,
г. Москва

Известный советский военачальник Василий Иванович Чуйков говорил: «Герой тот, кто умно и храбро умер, приблизив час победы. Но дважды герой тот, кто сумел победить врага и остался жив». Таковым «дважды» героем для меня является мой прадед Бараченков Василий Фатеевич, которому я и хочу посвятить свой рассказ. К сожалению, прадедушку я никогда не видела, он ушел из жизни совсем незадолго до моего рождения, но у меня есть три бабушки и два дедушки, со слов которых я многое узнала о нем.

Родился Василий Фатеевич 10 мая 1918 года в селе Дубровка Брянской области. Закончил семь классов школы. До войны работал бригадиром, трудился в колхозе. В 1941 году, как только было объявлено о нападении гитлеровцев на СССР, его призвали на фронт. Всю войну прадед прослужил в разведке,

как он сам говорил — «всю Россию прополз на пузе», дослужился до старшего сержанта. К сожалению, номера ни роты, ни дивизии, в которой он служил, мы не знаем. Василий Фатеевич дважды попадал в плен к фашистам на территории Белоруссии и Польши, но оба раза ему удавалось бежать. Он вспоминал, как когда-то с товарищами зашел в чужую хату в деревне попить воды, но, выйдя на улицу, оказался окруженным немцами и был схвачен.Однажды, уже находясь в Польше, прадед нашел золотые часы, которые у него пытался отнять командир. За то, что прадедушка не подчинился командиру, его направляли на самые опасные боевые позиции, где он постоянно рисковал жизнью. Василий Фатеевич мог бы вовсе лишиться погон, но пришел на помощь его верный боевой товарищ.

Бараченков В.Ф. (справа)

Дойдя до Кенигсберга, нынешнего Калининграда, прадедушка получил ранение, из-за которого не мог стрелять, и был отправлен в госпиталь. В машине солдаты стали делиться хлебом и салом, которые были в то время на вес золота. Но вдруг они услышали хриплый голос перебинтованного раненого, который просил пить. В этом человеке прадед узнал как раз того самого командира, который хотел его расстрелять из-за часов. Несмотря на прошлые обиды, прадедушка пожалел раненого и поделился с ним хлебом и салом.

Но есть еще одна история, которая вряд ли оставит кого-то равнодушным. Как известно, во время войны немцы отправляли молодежь эшелонами в Германию в качестве рабочей силы. Моему прадеду довелось освобождать как раз один из таких эшелонов, в котором находилась его будущая жена (моя прабабушка) Варвара Ксенофонтовна.

Громя гитлеровцев, Василию Фатеевичу довелось освобождать Курск, Севск, форсировать Днепр. Он дошел до Берлина и расписался на Рейхстаге. Всего получил пять ранений, из них два тяжелых, дважды был контужен. За свой ратный труд прадедушка был награжден медалями «За оборону Москвы», «За боевые заслуги», «За отвагу», «За победу над Германией» орденом Красной Звезды и многими другими [1].

После войны он работал бригадиром полеводческой бригады в колхозе «Коллективный труд», молокосборщиком в совхозе «Брасовский». Вместе с супругой воспитал 5 детей. До 50 лет прадедушка никому никогда не рассказывал о войне, а только плакал. После войны его часто приглашали в школу на День Победы, где он делился со школьниками своими воспоминаниями о войне. Правда, долго говорить он не мог — сердце сжималось в груди, а на глаза наворачивались

слезы. Я горжусь своим прадедом и очень жалею, что не могу лично поблагодарить его за Победу. Однако он будет жить в моей памяти, и я обязательно расскажу о нем своим детям. Мне, как истинному патриоту своей Родины, хотелось бы, чтобы граждане нашей страны, победившей самую страшную войну человечества, считали истинными героями тех, кто готов был отдать свою жизнь ради Победы и счастья жить под мирным небом. Существует «Бессмертный полк», когда в одном строю идут несколько поколений с портретами своих героических предков. Моя семья уже два года подряд гордо проносит в рядах «Бессмертного полка» портрет нашего героя — Василия Фатеевича Бараченкова.

Литература
1. Наш бессмертный полк. Василий Фатеевич Бараченков.— URL: http://rg-vestnik.ru/statia/752

СЛЕД ВОЙНЫ В МОЕЙ СЕМЬЕ

***Кошеляева Карина Андреевна**, 21 год,*
студентка 4 курса Института права
и национальной безопасности ФГБОУ ВПО «Тамбовский
государственный университет имени Г.Р. Державина»,
г. Тамбов

Мою семью не обошла война –
Коснулась леденящею рукою.
Как знать, коль не случилась бы она,
Какими выросли бы мы с тобою...
Об этом невозможно позабыть
И трудно выразить словами.
Нельзя такое больше повторить,
И отвечаем мы за это с вами!

Неизвестный автор

Наша память о войне и все представления о ней мужские. Это и понятно: воевали в основном мужчины. Но с годами люди все больше и больше начинают постигать бессмертный подвиг женщины на войне, ее величайшую жертву, принесенную на алтарь Победы. С первых дней войны женщины добровольно вступали в ряды Красной Армии.

Среди женщин-добровольцев была и моя прабабушка — Нина Александровна Грачева-Гаврилова. Биография прабабушки такая же, как и у тысяч, миллионов сограждан ее поколения, потому что всех их объединяла война, одна забота и задача — победить в ней. Это война

сделала их судьбы до определенного периода похожими друг на друга. А потом поделила на две части: на тех, кто остался на боле боя, и тех, кому посчастливилось вернуться домой.

Нина — водитель полуторки

Родилась бабушка в Сибири. Тогда, в 1924 году, ее родителям трудно было даже предположить, что их дочери предстоит объехать не только пол-России, но и пол-Европы.

Семья была многодетной. После преждевременной смерти отца все заботы легли на мамины плечи. Незадолго до начала войны семья перебралась в Азербайджан. Здесь бабушка Нина окончила школу, строила планы на будущее.

«Война свалилась на голову, как снег в жаркий летний день», — рассказывала бабушка. Был выходной день, вместе с сестрой пошли в магазин покупать гитару. И вдруг увидели, что все люди куда-то бегут. На улицах висели большие громкоговорители, девушки подошли к одному из них, где уже собралось много народу, и услышали сообщение о том, что началась война.

Едва исполнилось 18 лет, бабушка написала заявление в военкомат и ушла на фронт добровольцем.

В начале войны Нина Александровна служила в зенитно-артиллерийском полку, охраняя небо от налетов вражеских самолетов. Фашисты бомбили города и села. Гибли не только солдаты, но и женщины, старики, дети. Девушки-зенитчицы сбивали ненавистные «мессершмитты» и «хейнкене».

Бабушка, кроме винтовки, патронов и гранат, носила с собой шинель, плащ-палатку, противогаз и саперную лопатку. У девушек из-за сильной отдачи винтовки болело правое плечо. Тогда они сообща решили сшить из ватников специальные подушечки. Бойцам выдали сапоги больших размеров. Рослым девушкам они пришлись впору, а у «мелкоты» стройные ножки выскальзывали из широких голенищ. Нине Александровне пришлось обматывать портянками икры, а ее подружка сшила себе толстые стельки. В общем, каждая старалась найти выход из сложного положения. И еще бабушка быстро усвоила, что у бойца есть два счастья: полевая кухня и баня. Особенно трудно приходилось в зимнюю пору или в непогоду весной и осенью.

После расформирования полка бабушку Нину перевели в отдельный батальон воздушного наблюдения и оповещения связи. По приказу командира направили на краткосрочные курсы шоферов в город Степанаван (Армения). Дальнейшая служба проходила за баранкой полуторки. На поле боя доставляла бойцов, боеприпасы, продукты питания, а обратно вывозила раненых.

Вскоре бабушка вместе со своими товарищами была переброшена на передовую, под Прохоровку. Прохоровка — это железнодорожная станция на линии Белгород — Курск. Прохоровское сражение — это важнейшее сражение Курской битвы.

Самым трудным было доставить снаряды в срок. Приказ не обсуждался. «Доставить во что бы то ни стало,— рассказывала бабушка.— Дождь, грязь, холод... Застрянет, бывало, машина — что делать?Не под силу мне, девчонке, ее с места сдвинуть. Хорошо, если проходят по дороге солдаты, просишь: «Ребята, помогите!» А ведь им тоже медлить нельзя, у них свой приказ. Поругаются они, но все же помогут вытащить машину...»

Она и сама не понимала, как уцелела в этой страшной войне, наверное, просто повезло, Бог сберег.

Нина Александровна честно признавалась, что на войне было страшно: из-за того, что прямо на нее летели бомбы, из-за бесчинств бандеровцев, страшно, когда прямо перед ней подорвалась на мине подруга.

Героем себя баба Нина никогда не выставляла, хоть и имеет немало наград. Наверное, в этой открытости, бесхитростности и есть подлинный героизм, достоинство людей, отстоявших и родную страну, и Европу.

В конце войны бабушка пересела на легковую машину, стала возить командира полка. Участвовала в боях за освобождение Австрии, Чехословакии, Венгрии. «С каким ликованием встречало нас измученное разрухой, голодом население этих государств», — делилась воспоминаниями бабуля.

Страшные бои Великой Отечественной шли в 1945 году в Венгрии. Здесь решалась судьба Победы, сюда были стянуты огромные силы гитлеровцев, пытавшихся не пустить на Берлин советские войска. В Румынии бабушка получила серьезное ранение, поэтому победу встретила в госпитале в Бухаресте.

И вот оно — счастье без границ, и слезы радости, и возвращение домой — в Хачмас (Азербайджан), где ждали ее мама и сестры.

У Нины Александровны немало наград. Среди самых памятных и дорогих — орден Отечественной войны, медали «За оборону Кавказа» и «За победу над Германией».

После войны бабушка выучилась на бухгалтера, вышла замуж. По семейным обстоятельствам ей пришлось перебраться в Чечню, затем — в Казахстан. В начале 1990-х семья переехала на Тамбовскую землю, ставшую второй родиной. У Нины Александровны трое детей, семь внуков, семь правнуков. Не дожив всего неделю до 65-й годовщины Победы, бабушка умерла. Вечная ей память.

Я рада, что успела расспросить бабушку о том времени. То, что я от нее услышала, заставило меня о многом задуматься: о подлинном героизме, о силе и слабости духа, о патриотизме. Из ее рассказов я узнала об истоках моей семьи, о месте, которое она занимает в истории моей страны, моего государства.

ЖИЗНЬ ВОПРЕКИ И БЛАГОДАРЯ

***Леонова Маргарита Павловна**, 17 лет,*
студентка 2 курса ОГАПОУ «Белгородский механико-технологический колледж»;
*научный руководитель – **Бердникова Татьяна Борисовна**,*
канд. экон. наук, доцент,
г. Белгород

Моя старшая сестра Катя недавно вышла замуж за Демьяна. Оба деда Демьяна — по матери и отцу — из семей, имевших до Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. по 9 детей. Из старших детей этих двух семей на Великую Отечественную войну ушли пятеро сыновей, а вернулись живыми — только двое, которые и были дедушками Демьяна.

Из погибших старшим был призванный на фронт в 1942 году Сергей (1915–1943), который до призыва работал бухгалтером районного узла связи в г. Мамадыш ТАССР. На момент боя в районе деревни Карбусень Кировского района Ленинградской области, оказавшегося для него последним, ему было полных 27 лет. Его вдова — Екатерина, в 25 лет осталась с четырьмя детьми: Борисом (1938 г.р.), Галиной (1939 г.р.), Владимиром (1941 г.р.) и Надеждой (1943 г.р.).

Екатерина с детьми после ухода мужа на фронт жила со своей бабушкой в г. Мамадыш и работала на почте телеграфисткой. В 1943 году Надежда, младшая дочь Екатерины и Сергея, не дожив до 1 года, умерла. В 1944 году умерла бабушка Екатерины, и она осталась с тремя маленькими детьми, прокормить которых на заработную плату телеграфистки было невозможно. Начальник узла связи, чтобы поддержать материально семью погибшего фронтовика, перевел ее в 1944 году на должность начальника отделения связи в село Соколка с повышением оклада. Но и этого оклада сильно не хватало растущим детям.

Владимир, Екатерина, Галина. г. Елабуга, 1956 г.

В 1946 году молодая вдова, родители которой умерли от тифа в 1920-м, перебралась с детьми к родне мужа в город Елабуга, в дедов дом на улице Московской и устроилась на консервный завод кассиром. За детьми присматривали родственники и соседи.

Жить стало сытнее. Заработная плата на заводе выше,

чем на сельской почте, да и с едой в Елабуге получше: то на консервном заводе что-то из отходов выпишут, то кто-то из родни рыбы на реках Каме или Тойме наловит, то какую дичь подстрелит на озерах. Летом в сосновых борах близ Елабуги полно ягод, орехов, осенью — грибов, в лугах — дикого лука, крапивы, душистых трав. Сад около дома яблоки, вишни, малину да смородину давал. Первый год корова была, а значит, и молоко ребятишкам. А потом корову забили: косарей нет, сена не купишь, да и мать Сергея, на которой все хозяйство, включая корову, держалось, не пережила известий о гибели двух сыновей — Сергея и Владимира — и вести о многих операциях после сильного ранения младшего сына. Она умерла, не дожив до 55 лет. Огород подкармливал. Хлеба, муки не хватало, сахара, масла, мяса и мыла почти не было. Отец погибшего на фронте Сергея, инвалид Первой мировой войны, работал и в меру сил помогал чем мог. Отапливали дом дровами, заготовленными в лесу, хворостом, собранным в логах. Так и сводили концы с концами. С одежкой и обувкой очень плохо было: все штопаное-перештопанное, много раз перешитое. Купить на базаре не на что было, так как все деньги на еду уходили. В 1946 году Борис в школу пошел, в 1947-м — Галина. В 1948 году Владимир тоже должен был пойти в школу, и пошел... но на Урале, в детдоме.

Екатерину арестовали. Реформа денежная 1947 года ее подвела. А вернее, малая осведомленность о деталях денежной реформы, которая готовилась скрытно, без предварительной рассылки четких инструкций кассовым работникам. Многие вопросы, связанные с кассовыми авансовыми расчетами на командировочные расходы, закупки сырья, отпуска и другие, уточнялись в ходе проведения денежной реформы. Только 25 декабря 1947 года появилось распоряжение МВД СССР № 831 «О мероприятиях по выявлению злоупотреблений в связи с проведением денежной реформы» [2, с. 48].

Начальник и главный бухгалтер консервного завода вложили свои деньги в кассу, чтобы поменять их 1 к 1, а не 1 к 10. Екатерина не могла перечить начальству и сама не удержалась, тоже вложила все, что имела — свои 300 рублей, что составляло примерно половину от среднемесячной заработной платы по народному хозяйству СССР 1947 г. [3, с. 125] и 1/10 часть от 3000 руб. вклада в Сбербанке, который в рамках денежной реформы обменивался 1 к 1 [4, с. 460–467]. Все раскрылось, и ей дали 10 лет лагерей. Отправили за тысячу километров от Елабуги, в Свердловскую область, в район города Краснотурьинска, где валили лес и добывали медную руду. Его величество случай, родня, судьба, а может, высшие силы, не оставили семью погибшего фронтовика.

В соседнем с Краснотурьинском городе Карпинске жила старшая сестра погибшего на фронте мужа Екатерины Сергея — Маруся. Тетя Маруся приехала в Елабугу и забрала детей. Она была замужем с 1930 года за елабужским парнем, который до войны окончил Свердловский юридический институт и после потери ног на фронте работал прокурором района

в г. Карпинске Свердловской области. Тетя Маруся, не имея возможности поселить у себя всех племянников, оставила у себя племянницу Галину, которая была чуть младше ее дочери Лины, а племянников отдала в местный детский дом. Тетя Маруся навещала их в детском доме, а ее муж возил ребят на свидания к матери в лагерь, расположенный на расстоянии 12 км от Карпинска, и писал прошения в Верховный суд, товарищам Калинину и Сталину. Его настойчивые обращения, высшая юридическая квалификация и, видимо, безупречная репутация, а также ударный труд заключенной дали положительный результат: Екатерину освободили в декабре 1950 года. Дядя-прокурор, видимо, хорошо знал свое дело и был смелым человеком — пошел против системы и сумел вернуть мать детям. Можно сказать, это — уникальный случай и детям повезло, что их родня боролась за их мать, а тем самым и за их будущее, ведь дети осужденных были ограничены в возможностях образования, местах проживания, условиях жизни и работы.

После освобождения Екатерина и трое детей поехали в Елабугу. Маруся с мужем купили им билеты до станции Кизнер, которая в 95 км от Елабуги.

Утром на станции Кизнер им подвернулась оказия — сани, которые привозили груз на станцию. На этих санях они проехали 45 км. К ночи приехали в деревню и остановились на ночлег. Утром Екатерина выменяла за телогрейку санки, каравай хлеба, картошки, и они пошли пешком в сторону Елабуги. Шли три дня. На санках везли вещи и младшего Владимира. Обгонявшие возчики не могли взять такой груз — 4 человека и вещи. На одном участке все-таки проехали на санях Галина и Владимир; санки с вещами прицепили к повозке. А Екатерина со старшим сыном Борисом шли сзади. Утром четвертого дня пути за селом Гари Елабужского района им повезло. Воз ехал в Елабугу, везли молоко на молокозавод, и возница взял Владимира и Галину, обещав довезти к деду. Екатерина с Борисом и санками с вещами пришли в Елабугу после обеда. Устали, но добрались. Можно сказать, удачно. Ведь шли в конце декабря, по морозу, почти 50 км по занесенной снегом дороге. Несколько раз их «сопровождали» идущие параллельно дороге волки. Екатерина просила детей кричать, петь, стучать, чтобы испугать голодных волков. Все обошлось.

В Елабуге Екатерина и дети поселились в передней комнате дедова дома. Екатерина устроилась на работу на консервный завод, в стерилизационный цех, где проработала до пенсии.

Жизнь в послевоенной Елабуге была трудной, но дети Екатерины этого не замечали. Учились, играли, ели что придется. Так жили тогда все.

Зимой ели свою картошку, соленья и супы из дешевых костей с завода, который подкармливал этими костями всю Елабугу. Пекли лепешки из крахмала, полученного из тертой картошки. Варили из ржаной муки завариху, приправляли салом, жиром или маргарином и долго выпаривали. Хлеба не хватало, есть всегда хотелось. Летом выручал «подножный» корм — щавель, дикий лук, земляника в лесу, орехи. Ловили рыбу,

варили уху в котелке и жарили рыбу на кострах, даже вялили маленьких плотвичек. А одежды летом не надо было, только трусы — выгоревшие, залатанные, да Галине — ситцевый сарафанчик. Так и росли.

Учиться старались. Очень нравилось новое узнавать. Книги читали библиотечные, иногда вслух. Радио слушали, песни заучивали и танцевали под радио. В кино ходили всей улицей, если билет было на что купить.

В 1955 году старший Борис окончил 10 классов, хотел поступать в ПТУ, чтобы быстрее зарабатывать. Друг уговорил ехать поступать в горный техникум в Карпинск, там стипендия была больше, чем зарплата у Екатерины на заводе. Поехал — поступил. Стипендию назначили 480 руб., как средняя заработная плата. Государство нуждалось в технических специалистах — учили хорошо, чтобы знаний на всю жизнь хватило, и поддерживали студентов хорошо. Но и студенты старались, чтобы на производстве не упасть в грязь лицом. В 19 лет пошел работать на разрез, где зарплата была высокая — 1200 руб. Вот знания сразу и пригодились. Галина закончила в 1959 году Казанский химико-технологический техникум. А Владимир получил образование в 1962 году в Пермском нефтяном техникуме.

История этой семьи в целом повторяет истории многих других семей, главы которых погибли на фронтах Великой Отечественной войны. Многочисленны в семейных альбомах фотографии молодых женщин с печальными глазами в окружении выросших детей.

Существует много личных, семейных воспоминаний о войне, каждое из которых индивидуально, но все вместе они объединяются в общее восприятие войны как всенародного бедствия, физически уничтожившего родных и близких, лишившего крова и мирного неба, заставившего миллионы голодать и выживать. Ощущения вспоминающих разные, а восприятие одинаковое. Единая боль утраты за тех, кого не стало, и тех, кого уже не будет. Каждый должен помнить уроки прошлого и делать все, чтобы такие воспоминания не стали новым настоящим.

Литература

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х томах. Т. 2.— М.: «Русский язык — Медиа», 2007.
2. Твердюкова Е. Д. Борьба со злоупотреблениями в ходе проведения денежной реформы 1947 г. // Новейшая история России. 2011. Выпуск № 1.
3. Народное хозяйство СССР за 1913–1956 гг. (Краткий статистический сборник).— М.: ЦСУ СССР, 1956.
4. Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП (б) от 14 декабря 1947 г. № 4004 «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары»/ Источник: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. 1941–1952 гг. — М., 1968.

ВОСПОМИНАНИЯ — ВЕЛИЧАЙШАЯ ЦЕННОСТЬ!

Макаркина Мария Александровна, *19 лет,*
студентка 2 курса института Международных отношений,
Национально-исследовательский ядерный университет «МИФИ»;
научный руководитель — ***Мякинина Наталья Петровна,***
канд. ист. наук, доцент,
г. Москва

Помните! Через века, через года,
помните!

Р. Рождественский

Великая Отечественная война. Что мы знаем о ней? Нам многое рассказывали в школе, мы помним наизусть даты всех сражений... Однако стоит нам открыть семейные архивы, как становится ясно, что это всего лишь малая толика. Самыми ценными источниками всегда остаются воспоминания, рассказы тех, кто пережил то страшное время. Из них мы можем узнать о том, о чем редко пишут в учебниках и говорят на уроках истории. Ведь война коснулась каждого.

Сегодня, в один из этих спокойных осенних вечеров, я сажусь в кресло с книгой, которую недавно подарил мне дед. В ней — те самые воспоминания. Воспоминания людей, и по сей день живущих в небольшом городе Щигры, что под Курском. Здесь родился и вырос мой прадед, Кирилл Иванович Воронов. Летом 41-го началась война. Кирилл Иванович сразу был призван в ряды Красной Армии. Воевал он в сухопутных войсках, затем командовал стрелковой ротой...

А в Щиграх оставались жена, дочь и двое сыновей (младшему, Володе, был всего год). Вот они — герои этой войны!

Осенью 1941 года в Щигры пришла большая беда: 21 ноября в город вошли немцы. Началась оккупация, продлившаяся долгих 440 дней. Фашисты не щадили никого. В той же самой книге с волнением читаю: «6 марта 1942 года после облавы на Немцовке зверски были убиты двадцать человек. 28 мирных жителей немцы расстреляли под Семеновкой, когда те пришли в свои погреба за продуктами. Всех их объявили партизанами. За «связь с партизанами» 18 марта 1942 года зверски были казнены 14-летние подростки Саша Степанов и Коля Андреев, проживавшие в Знаменске» [1, с. 36].

Семье моего прадеда пришлось перебраться из занятого немцами дома в старую землянку. Через пару месяцев в этих условиях от туберкулеза на руках матери умер старший сын Борис. Это был первый страшный удар. Оставшись втроем, они ждали, верили и надеялись...

Город Щигры был освобожден 4 января 1943 года. После убедительной победы в Сталинградской битве Красная Армия продолжала наступление. Близились победа на Курской дуге, операции «Багратион» и «Ясско-Кишиневская», а также освобождение Центральной и Юго-Восточной Европы. Мой прадед прошел этот путь. В 1945 году при взятии Берлина он переправлялся на лодке с двумя товарищами через реку Шпрее. Внезапно в лодку попал снаряд. В результате взрыва мой прадед потерял ногу и на всю жизнь остался инвалидом.

Подвиги его по достоинству были оценены. Кирилл Иванович дослужился до звания старшего лейтенанта и еще во время войны был награжден орденом Красной Звезды, а впоследствии еще тремя медалями.

После окончания войны он долго лечился в госпитале и в родные Щигры вернулся лишь в 1946 году. Но это был уже совсем не тот город, каким он его знал. Почти за пятнадцать месяцев оккупации экономике и личному хозяйству граждан был нанесен огромный ущерб. Потребовалось немало усилий государственных и партийных органов, а также всего населения, чтобы восстановить разрушенные жилые постройки, предприятия и всю инфраструктуру. В особенно тяжелом положении оставалось сельское хозяйство.

Вскоре после освобождения города от оккупации были проведены митинги и собрания во всех колхозах района. К концу февраля 1943 года были подобраны руководители всех сельсоветов, а также исполняющие обязанности председателей колхозов, бригадиры и заведующие фермами. Государство помогало городу зерном, фуражом, семенами, были выделены комбайны и трактора. Однако восстановить довоенный парк МТС удалось не сразу. Так, например, если в 1940 году в четырех МТС было 128 комбайнов, то в 1947 — лишь 15 [1, с. 47–48].

Жизнь в послевоенные годы была тяжелой. Катастрофически не хватало хлеба и продуктов. Хлеб и товары первой необходимости выдавали по карточкам и талонам. Очередь за ними занимали с вечера.

Стоит ли говорить, что семья моего прадеда едва сводила концы с концами! Дом с большим приусадебным участком и садом, куда прабабушка с детьми вновь перебрались вскоре после оккупации, облагался налогом, а зарплата была небольшая. Прабабушка, Антонина Федоровна, в то время работала заведующей читальным залом городской библиотеки. Можно сказать, что она в силу своих возможностей также принимала участие в восстановлении культурной жизни города.

Во время оккупации немцы не пощадили клуб, летний театр, школы, детские сады и другие постройки. Городской парк был превращен фашистами в немецкое кладбище. Многое из этого почти полностью удалось восстановить к 1947 году. В этом же году уже работал кинотеатр, который разместили в здании пожарной части.

Антонина Федоровна умерла в 1948 году. Тяжелая болезнь сразила ее. За год до ее смерти распался и брак. Много бедствий несет война! Она меняет людей, делает их чужими друг другу.

Воспитанием детей стала заниматься бабушка. В 1953 году скончалась и старшая сестра моего деда, Тамара. К началу войны ей было уже около восьми лет, так что все ужасы военного времени она воспринимала осознанно. Конечно, это, так же как голод и нищета, не могло не отразиться на ее здоровье. Сам прадед умер в 1955 году в возрасте 44 лет.

Мой дедушка остался один. Теперь он, уже известный ученый, делится со мной воспоминаниями, переданными ему его бабушкой.

Сегодня я заканчиваю читать книгу, и все воспоминания складываются воедино. Ведь каждый такой рассказ и составляет историю города, страны, историю всей войны! Необходимо бережно хранить все эти воспоминания, хранить так, как это делает книга, которую я возвращаю на полку, — книга, позволяющая помнить о великом подвиге жителей небольшого города Щигры!

Литература

1. Лымарь Н. В. Щигры — 235 лет. — М.: МУП «Курская городская типография», 2014.

ТАК И ЖИЛИ…

***Полулях Ксения Владимировна**, 19 лет,*
студентка 3 курса факультета филологии и журналистики
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина»;
*научный руководитель — **Желтова Наталия Юрьевна,***
доктор филол. наук, профессор,
г. Тамбов

Прошел год, как не стало моей прабабушки Клавдии, простой русской женщины. Не стало еще одного солдата, защитника земли Русской, связистки зенитного подразделения, а чуть позже — многодетной матери, колхозницы, добиравшей до глубокой старости нехватку трудовых лет на сезонных полевых работах родного трудового коллектива.

Намного раньше ушел в вечность дед Петр, ветеран сразу двух войн, а после войны трудившийся до пенсии на железной дороге, несмотря на осколочное ранение грудной клетки и ноги. Во время Великой Отечественной войны дедушка командовал артиллерийским расчетом.

Нас удивляло, что дед всегда собирал свои окурки, набивая ими пустые пачки из-под сигарет; уже будучи постарше, мы поняли, что он, пережив-

ший множество трудных времен, всегда был готов к очередным ограничениям. Готов настолько, что, попав однажды в больницу, после обследования был удивлен вопросом доктора: «Отец, сколько раз ты умирал?» На сердце оказалось пять рубцов от перенесенных инфарктов. До сих пор он в нашей памяти остался в черном, с золотыми пуговицами мундире железнодорожника, тщательно выбрит, пострижен, чистоплотен.

Ушли дорогие нам люди, но остался дом, построенный ими в тяжелейшие послевоенные годы.

У нас по женской линии были осуждены и отбывали срок прабабушка Ольга Глазко (чистокровная белоруска, в 1914 году бежавшая от немцев) и уже позже отвоевавшая с фашистами в 1945 году ее дочь Мария Каширина.

Баба Ольга, имея поздних детей — Александра и Виталия, осталась практически без средств к существованию, но нашлись «благодетели», продавшие ей полведерник колхозного зерна, а впоследствии, видимо, сами и «сдавшие» ее. Бабушку забрали и отправили на принудительные работы. Ее наказание оказалось жестоким вдвойне. Ей надо было охранять склад с зерном, также в ее обязанности входило готовить отраву для мышей и крыс из распаренного зерна. Сама она питалась тем же распаренным зерном, но сознание невозможности накормить своих голодных детей, которые буквально пухли от голода, терзало ее.

Бабушка Мария прошла войну как медсестра при госпитале. После победы из Европы вернулась не сразу. Возвратившись, вышла замуж за бравого воина Григория и, как думала, удачно устроилась на работу в магазин продавцом. До сей поры мы даже и не дерзали спросить: виновна она была или нет, но ее тоже забрали. Наш дед Анатолий родился уже на зоне. После сорока лет бабушка родила еще одного сына, но муж ушел в другую семью.

О послевоенной жизни без отца часто вспоминал наш дедушка Анатолий. За дровами ездили за десять километров по песчанику на ручной тележке. Дедушка, как старший, был основной тягловой силой. Это же сыграло и положительную роль в жизни полусироты: в школе не было более сильного борца. А в армии на спортивных соревнованиях с общим количеством участников около трех тысяч занял второе место по бегу и третье место по плаванию.

Взросление при безотцовщине происходило быстро: в пятом классе стал курить, а в восьмом мать уже сама покупала ему сигареты, устав бороться.

Анатолий перенял от своего деда Ивана секреты столярного мастерства. По оснащению столярка деда Ивана претендовала на одну из лучших на селе: ножной токарной станок по дереву, набор рубанков, фигурные ножи для рамок и многое другое. Такое богатство в совокупности с золотыми руками позволило Анатолию быстро стать уважаемым человеком в селе. Он и до сих пор вяжет оконные рамы и двери

без единого гвоздя. А еще дед Толя перечитал по нескольку раз книги из всех доступных ему библиотек.

Часто вспоминали случай с глушением рыбы «подручными средствами». Младшие волею и неволею участвовали в затеях старших пацанов, которые умудрялись где-то добыть противотанковые мины. Из мин делали глушилку для рыбы. Взрыватель, естественно, сработать не мог, и тогда вместо него делали какой-то ударный механизм, чуть ли не из мышеловки. И вот самый смелый разбежался и из-за головы попытался с крутого берега метнуть смертоносную конструкцию в реку, сработал самодельный запал, раздался взрыв. Подбежали: лежит — глаза открыты, но ни на что не реагирует, повернули на бок: задняя часть черепа была снесена полностью, как и часть спины. Этот опыт дети запомнили на всю жизнь.

В семье всегда умели вязать сети для рыбалки и частенько с «голодушки» ходили с бреденьком. В одну из рыбалок в сеть попала огромная щука, покрытая местами водорослями, похожими на мох, множеством крючков и блесен. Бредень стали заводить к берегу, а она, с легкостью прорывая ячейки, попыталась вырваться. Пацанье бросилось глушить чем попало, после долгой борьбы вытащили на берег, но тут выяснилось, что затоптали новую кепку, и сколько ее ни искали, так и не нашли. Когда щуку принесли домой и положили в оцинкованное корыто, то хвост и голова находились по целому метру на весу. Когда попытались ее приготовить, оказалось, что она малопригодна по вкусовым качествам, благо время голодное — на рынке всю ее распродали. Помимо бредня, пользовались корзинками, экранами, но чаще всего руками: так ловили налимов и раков. Всегда были заядлыми грибниками, но в то время это было способом выживания. Один из дедов грибы никогда не варил, но выдерживал в соли не менее полугода.

В семье была всегда тяга, как сейчас выражаются, к мужским игрушкам. Однажды на праздник, когда собрались все гости, старшие (прошедшие войну) как бы между дел проболтались, что в выгребную яму туалета была выброшена боевая граната в разобранном виде. Уже через час младшие закончили очистку ямы. Каково же было их разочарование, когда выяснилось, что не было гранаты, а взрослые специально придумали эту историю, чтобы ребята вычистили туалет!

Но самое яркое и приятное воспоминание о послевоенном периоде — это возвращение домой воинов-победителей. Очень ждали Алексея, старшего брата бабушки Марии, для всех ставшего «папой Леней». Девять лет своей жизни он защищал Родину, силы был невероятной, являл он ее нечасто, но память о его богатырских шутках жива до сей поры. Рассказывают, что вскоре по возвращении пришлось ему вместе с младшими братьями и другими ребятишками идти полем, где на беду оторвался от стада колхозный племенной бык. Схватка оказалась недолгой: папа

Леня, взявшись за рога, перевернул быка на спину. Алексей почти всю жизнь отработал на пилораме, ворочая огромные бревна, так что все, что строилось на предприятиях, учреждениях и в личных домах, проходило через его большие и добрые руки.

Не дождались с войны Николая, другого брата бабушки. Будучи танкистом, пропал без вести на Курской дуге.

Слушая рассказы моих близких о пережитом дедами и прадедами, я буквально ужасаюсь условиям жизни и тому положению, в котором они находились во время и после войны. Но меня восхищает также то, с каким достоинством, силой духа выбиралась наша страна из разрухи и голода. В этом есть весомый вклад и моих предков. Низкий поклон всем русским людям, на плечах которых была построена великая держава!

ИСКУСНЫЙ МАСТЕР

***Прокопченко Светлана Викторовна**, 28 лет,*
преподаватель русского языка и литературы
ФГКОУ «Тульское Суворовске военное училище»,
г. Тула

Мой прадед Лобанов Иван Степанович родился в д. Шеметово (ныне г. Ясногорск) Тульской области 22 июля 1915 года; 7 ноября 1941 года был призван на службу. Прадед прошел всю войну в составе 993-го стрелкового полка, дошел до Берлина.

Я знаю о прадедушке по рассказам его детей. Младшая дочь прадедушки Надежда бережно хранит военный билет своего отца. От нее я и узнала вышеприведенные сведения. Старшая дочь Раиса (моя бабушка) всегда с гордостью вспоминает военное прошлое своего отца. Я помню еще с детства ее слова: «А мой папа до Берлина дошел, награды имеет». При этом всегда особенная дрожь в голосе, которая бывает, когда не можешь высказать всего. Средняя дочь прадедушки Валентина очень гордится тем, что ее отец был чуть ли не единственным мастером в городе, кто шил хромовые сапоги и модные женские туфли.

Моя мама (Прокопченко Светлана Николаевна) отмечает, что у нее есть некоторые черты и навыки, которые она унаследовала от прадедушки.

После войны Иван Степанович искусно ремонтировал обувь, а главное — шил мужские и женские хромовые сапоги, бурочки, всевозможную женскую обувь. Он был сапожник, как говорили раньше, мастер по пошиву и ремонту обуви — как сказали бы сейчас. И у моей мамы тоже какое-то особое отношение к обуви: она любит ее выбирать, поку-

пать, ухаживать за нею, ремонтировать. При этом всегда вспоминает о прадедушке с большой теплотой.

У прадедушки были три дочери, у которых образовались свои семьи. У моей бабушки двое детей, две внучки и внук. У бабы Вали дочь, внучка и уже есть правнук. У бабы Нади два сына и трое внуков. Для всех нас очень ценно то, что прадед был участником Великой Отечественной войны и мастером своего дела в трудные послевоенные годы. Он — пример для нас.

Воспоминания... Как жаль, что с каждым годом их становится все меньше, ведь уходят не просто Герои, уходят поколения Героев. Но память все-таки живет. Я рада, что сохранились хоть какие-то факты о Герое нашей семьи.

01.10.1943 года Иван Степанович Лобанов был награжден медалью «За Боевые заслуги», 12.02.1944 года — орденом Славы III степени, 09.05.1945 — медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 года».

СЕМЕЙНЫЙ ГЕРОЙ

***Рахманина Анастасия Александровна**, 20 лет,*
студентка 3 курса факультета филологии и журналистики
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет
им. Г.Р. Державина»;
*научный руководитель – **Желтова Наталия Юрьевна,***
доктор филол. наук, профессор,
г. Тамбов

В каждом доме, в каждой семье есть человек, которым гордятся, о котором рассказывают подрастающему поколению. Я бы хотела рассказать о своем прадедушке...

Лето 1941 года. В семье Сучковых растут две маленькие дочери: Нина и Лида. Счастливая семья строила планы на будущее, но внезапно все оборвалось. Война. Сколько боли в этом слове... Сколько крови, зла, разрушения в этих пяти буквах... Рухнули все мечты и надежды. Зловещее дыхание войны, охватившее всю страну, достигло и маленького городка Рассказово.

Война увела парней и девчат, оборвала песни, заставила забыть про улыбки... Кровавое крыло смерти коснулось каждой семьи. Для моего прадедушки Петра Степановича Сучкова, 1914 года рождения, война началась в ноябре 1942 года на Сталинградском фронте в составе гвардейской части. Ефрейтор Сучков был награжден медалью «За оборону Сталинграда». Позже был переведен на Юго-Западный фронт, потом на Третий Украинский.

А в июне 1944 года воевал на Первом Белорусском фронте. В составе 83-го гвардейского Стрелкового полка 20-й гвардейской стрелковой Новобугской Краснознаменной ордена Богдана Хмельницкого дивизии освобождал Белоруссию, Польшу, принимал участие в решающей битве за Берлин.

Не раз дедушке приходилось находиться на волосок от смерти. Так было и в районе Головчук г. Познани, в Польше 14 января 1945 года. При прорыве долговременной и глубоко эшелонированной обороны противника товарищ Сучков, действуя ездовым, содействовал успеху своего взвода. Проявляя собственную инициативу, мой прадедушка под артиллерийским и оружейно-пулеметным огнем противника вывез орудие на открытую огневую позицию, в результате чего был уничтожен станковый пулемет и рассеяно до взвода пехоты противника.

В уличных боях в городе Познань противник контратаковал наши боевые позиции, и нужно было огнем поддержать нашу пехоту, отражающую атаку. Ефрейтор Сучков быстро подцепил пушку, под оружейно-пулеметным огнем проскочил зону обстрела и вывез орудие на перекресток дорог. В результате этого маневра был разбит вражеский бронетранспортер, рассеяна и частично уничтожена пехота противника. Атака была отбита. За это мой прадедушка был награжден самой памятной своей наградой — орденом Славы III степени. Победу он встретил в Берлине. И уже возмужавшим, взрослым мужчиной он вернулся к своей семье. Моя бабушка, его дочь, рассказывала, что по возвращении отца с войны она его не узнала. Ведь Петр Степанович ушел на фронт, когда ей был всего лишь годик...

Война отбирала самое дорогое, что могло бы быть у человека, — семью. Но важно то, что мой прадедушка прошел этот страшный путь и вернулся домой, к своей семье целым и невредимым.

После войны Петр Степанович Сучков работал на Арженской суконной фабрике корпусным мастером в ткацком производстве и преподавал в ФЗУ ткацкое дело. Каждый год на праздничные мероприятия, посвященные Дню Великой Победы, прадедушка надевал боевые награды, среди которых «За освобождение Варшавы», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

До ухода на пенсию он работал помощником мастера на Арженском суконном комбинате. К сожалению, прадедушка не увидел моего рождения, о его подвигах мне рассказала бабушка. Прадедушка был очень скромным человеком, и о его подвиге в Польше мы знали чрезвычайно мало.

Однажды в школьной библиотеке я увидела Книгу памяти Тамбовской области. В ней был записан и мой прадедушка — Сучков Петр Степанович. Мне стало интересно, через какие события прошел он. Благодаря поисковой системе «Подвиг народа», я нашла полное описание подвига моего прадедушки, и теперь мы знаем все о нашем герое. Когда я нашла эту информацию, меня переполнила гордость за то, что в моей семье был такой человек. Конечно же, я сразу поспешила поделиться этой

вестью с бабушкой. Как же я была удивлена, что она ничего не знала об этой истории! До глубины души потрясло то, что прадедушка ничего не рассказал об этом, а просто скромно носил свой орден Славы на груди, не рассказывая всем о своем подвиге. И нашей семье радостно, что осталась информация, бумаги, и мы теперь можем гордиться и рассказывать эту историю из поколения в поколение.

Умер прадедушка в 1975 году. Жаль, что такая недолгая жизнь была отмеряна прадедушке, но он завещал нам, внукам и правнукам, помнить войну и чтить память воинов, погибших в Великой Отечественной войне.

ФРОНТОВОЙ И ТРУДОВОЙ ПУТЬ МОЕГО ПРАДЕДА

Рожкова Елизавета Николаевна, *19 лет,*
студентка 2 курса института Международных отношений,
Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»;
научный руководитель – ***Мякинина Наталья Петровна,***
канд. ист. наук, доцент,
г. Москва

Самой страшной страницей истории СССР стала Великая Отечественная война, которая началась 22 июня 1941 года с ужасающих, но одновременно вдохновляющих на подвиги слов народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова. Речь государственного деятеля произвела сильное впечатление на граждан страны, которые были готовы на решительный отпор врагу: «...Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами» [1].

Бабенков А. И.

Великая Отечественная война — это множество героических операций советского народа. В одной из них, а именно в битве на Орловско-Курской дуге, принимал участие мой прадед, Бабенков Алексей Ильич.

Он родился в с. Луковец Малоархангельского района Орловской области. Детство прошло нелегко, в семье было семеро детей, а глава семейства участвовал в Первой мировой войне, затем в гражданской, на фронте которой и погиб. Мальчику, как и его сестрам и братьям, приходилось работать. В шестнадцатилетнем возрасте Алексей Ильич попал на Донбасс на шахту «Кондратьевская», но несчастный случай, обвал, после которого молодой человек в течение нескольких дней оста-

вался на грани жизни и смерти, заставили уехать на заработки в Одессу на товарную станцию. Однако перед войной он снова оказался на Родине, в с. Луковец, где женился на односельчанке, моей прабабушке, Нине Стефановне, у них родилось четверо детей.

В первые дни войны на фронт ушел брат Алексея Ильича и не вернулся, позже настал черед и самого прадеда. Рядовой пехоты сразу же попал в ожесточенное сражение, освобождал Глазуновку, Орел, затем Белоруссию, Польшу и Чехословакию. По словам фронтовика, время на поле боя шло очень медленно, враг скрывался за каждым углом, но страха не было, вместо него сильное желание защитить Родину и свою семью.

Самым ярким военным воспоминанием моего прадеда стало взятие «языка». Это далось его группе совсем нелегко. Несколько месяцев они пытались выполнить поставленную задачу. Долгие и мучительные часы проработки плана, безуспешные вылазки в стан врага, гибель нескольких разведывательных групп — казалось, все было настроено против них. Но неожиданно ситуация изменилась. Мой прадед и его группа уже хорошо знали местонахождение врага, изучили тактику противника и военный потенциал. Поздно ночью они пробрались в его убежище, саперы обезвредили путь, и команда совместными усилиями, благодаря навыкам использования ножей и умениям бесшумно передвигаться, приступила к выполнению заключительной задачи, захвату оберштурмбанфюрера. Часовые и военные Вермахта были ликвидированы. Прадед вспоминал эти сцены и говорил: «Бой шел не на жизнь, а на смерть», настолько кровопролитными и жестокими они ему показались. У наших было немного времени, группа разделилась на тех, кто будет пленить вражеского офицера, и тех, кто будет оборонять территорию. Мой прадед попал в первую. Он и еще несколько бойцов достигли позиций языка, его окружала пятерка военных, без шума не обошлось, наши советские солдаты уничтожили всех, а язык был взят.

Таким образом, задача была успешно выполнена, операция закончена. Вернулись, конечно, не все, но мужество каждого значительно повлияло на исход битвы на этом участке пути. Каждый участник этой операции был награжден медалью «За отвагу», а мой прадед был удостоен и ордена Отечественной войны II степени за снятие сторожевого поста противника. Эти медали были самыми ценными для Алексея Ильича, и каждый праздник он надевал пиджак, увешанный боевыми и трудовыми наградами.

Моя бабушка вспоминает, как первый раз увидела отца после войны. Во время оккупации неприятель мог ворваться в дом, забрать всю еду, одежду, надругаться над женщинами, поэтому прабабушка Нина Стефановна всегда боялась за жизнь своих четверых детей. И всегда, когда слышала, что кто-то идет, велела им прятаться. Это произошло и в тот день. Но когда она увидела, кто стоял на пороге, с невероят-

ной радостью кинулась обнимать и целовать фронтовика, а до ребят донеслось: «Дети, дети, это папа!» Тогда отец взял самого маленького ребенка, мою бабушку, и поставил на скамейку. А она стала рассматривать его награды. Все были счастливы, что остались живы и, как и прежде, могли посидеть за одним столом в кругу семьи, но еще с трудом верилось, что война закончилась, настало мирное время и эпоха значительных перемен.

Великая Отечественная война уничтожила треть национального богатства страны: на оккупированных территориях промышленность была полностью разрушена, сельское хозяйство пришло в упадок. Поэтому в послевоенное время народу пришлось не менее тяжело, нужно было восстанавливать различные отрасли в короткие сроки.

Это не обошло стороной и моего прадеда. После демобилизации он вернулся в родное село в Орловской области и стал поднимать сельское хозяйство. Мужчин в стране осталось очень мало, если до начала войны их было около 16,9 млн, то в послевоенное время стало в три раза меньше — 6,5 млн. [2]. Поэтому женщинам приходилось выполнять и мужскую работу. Они работали в поле, порой пахали на себе, использовали только плуги и бороны. Тем не менее прадед вспоминал это время как счастливое: люди были отзывчивыми, добрыми и открытыми. Так как в селе еды не хватало, особенно в первые годы после войны, когда разразилась страшная засуха и были повышены цены на товары, распределяемые по карточкам, прабабушка давала с собой Алексею Ильичу лишь кусочек хлебушка и яйцо. Даже это прадед не съедал полностью, собирал еще дополнительно ягоды, приносил детям и отдавал со словами: «Это зайчик гостинчик вам прислал».

Алексею Ильичу повезло: ему удалось устроиться учетчиком в совхоз «Луковский», в его должностные обязанности входила регистрация расходов по использованному сырью и объему готовой продукции. Так как в отличие от колхозов, которые являлись добровольными объединениями, прадед работал на государственном сельскохозяйственном предприятии, каждый месяц ему выплачивалась заработная плата, а не начислялась по трудодням. Затем, когда в 1948 году из города прислали председателя, Алексей Ильич был назначен на должность бригадира, обеспечивал всеми необходимыми материалами и техникой рабочих, а также контролировал качество выполняемой ими работы и в случае возникновения неполадок исправлял их. Проработав на этой должности до начала 60-х годов, прадед закончил трудовую деятельность через несколько лет после наступления пенсионного возраста, в 1975 году, заместителем директора. За усердный и преданный труд Алексей Ильич был удостоен награды «Ветеран труда».

И фронтовая, и послевоенная жизнь моего прадеда Алексея Ильича Бабенкова, как и жизнь всего его поколения, была труд-

ной и героической. Советский народ приложил все силы, чтобы защитить Родину, поднять страну из руин и сделать Советский Союз могущественной державой. Мы же, молодое поколение, будем помнить о великом подвиге наших дедов и прадедов и передадим эту память своим детям.

Литература:
1. Речь Молотова 22 июня 1941 года и ее анализ. URL: http://bacenko.ru/rech-molotova/
2. Жизнь после войны: ожидание и реальность. Советский человек в послевоенный период. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Dt4vmOWZhPw&t=1482s

МОЙ ДЕД РОДИЛСЯ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

***Рыжих Анна Петровна**, 18 лет,*
студентка 1 курса факультета управления и бизнес-технологий
ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
Омский филиал;
*научный руководитель – **Кормильцева Елена Александровна**,*
канд. ист. наук, доцент,
г. Омск

Дни службы. 1959 г.

Весной 1945 года отгремели последние залпы войны. Великая Отечественная война победоносно завершилась. Мир — то, о чем мечтали, то, ради чего сражались, терпели, страдали, гибли люди, — пришел на землю нашей страны. Все верили в светлое будущее, в то, что все самое худшее осталось позади. Верили в новую, справедливую, свободную от насилия и страха жизнь.

Послевоенные годы были очень тяжелыми. Трудности возвращения к мирной жизни осложнялись огромными людскими и материальными потерями, которые принесла война. Она унесла почти 27 млн человеческих жизней, 2,6 млн человек стали инвалидами. Для преодоления военных разрушений гражданам СССР потребовалось приложить большие усилия как физические, так и моральные. Страшная и беспощадная война не обошла и мою семью.

Мой прадедушка Петр Прокопьевич Рыжих воевал на Финской войне. Вернувшись домой, он женился на Ефросинье Фроловне Рыжих. Вскоре

у них родился сын — мой дедушка, Виктор Петрович Рыжих, но счастливая семейная жизнь продлилась недолго. В 1941 году прадед ушел на фронт. Мой дедушка совсем не помнит отца, так как он был еще маленьким, но всегда говорит об отце с теплотой и тоской в глазах. Ведь он прожил всю жизнь без него. Сначала прадед служил во Владивостоке до 1943 года, потом его перевели в Белоруссию. Большое количество писем он отправлял жене и сыну. Дедушка помнит лишь фрагменты из них. Одно из воспоминаний — это отпечаток руки, сделанный его отцом. По рассказам дедушки, это письмо лежало долгое время у них на столе как память. Прадедушка сообщил о своем переводе в Белоруссию, а потом от него не было никаких известий 6 месяцев. 5 марта 1944 года в дом семьи Рыжих пришло извещение о гибели отца, в котором было указано, что умер он из-за тяжелых ранений. Похоронен прадед в Полесской области Белоруссии.

Так мой дед потерял отца, а его мать — мужа. Мой дедушка чтит память отца, хранит фотографии. Дедушка каждый год 9 мая ходит к мемориалу в селе Новотроицком Омской области, на котором выбиты имена погибших на войне, в том числе и его отца.

В год окончания войны дедушке было всего лишь 6 лет. В селе Новотроицком, в котором он жил, многие семьи остались без отцов. С войны мужчины возвращались инвалидами, поэтому вся тяжесть мужской работы легла на плечи женщин. Сельское хозяйство оказалось в тяжелом положении. Из многих сибирских деревень было выжато в военные годы все до последней капли. Село отдало фронту работников — мужчин, технику, лошадей. Почва плохо плодоносила, урожай не всходил. Количество скота уменьшилось в два раза. Остро не хватало техники, пахали на коровах или даже впрягались сами.

Прабабушка работала в колхозе по 10–12 часов, возвращалась домой очень поздно. Дедушка целыми днями был дома один, почти всегда голодный. Он выходил на улицу и собирал просвирники, медунки, петушки и ел их. С ребятами ходил в лес, там они собирали яйца из гнезд птиц, пытались найти все, что было съедобно. У кого остались в семьях коровы, овцы или другие домашние животные, должны были сдавать в колхоз определенные нормы молока, шкур и другого продовольствия. Это было очень сложно, поэтому приходилось вместе с соседями объединяться и сдавать продовольствие вместе. Для людей были введены огромные налоги. Работали в колхозе за трудодни. Каждому человеку нужно было выработать свою норму. В 1947 году был подтвержден обязательный минимум трудодней, введенный в конце 30-х гг., за его невыполнение грозила ссылка. Люди в селе этого боялись, старались всеми силами выживать в этот нелегкий период.

Постепенно восстанавливали хозяйство, отстраивали дома своими силами. Мой дедушка в это время был маленький, но самостоятельный, старался помочь в силу своих возможностей.

Летом дедушка подрабатывал, помогал своей матери, а осенью снова шел в школу. Отучился он в школе 6 лет. Когда ему исполнилось 14, он

пошел работать разнорабочим. Вместе с ребятами его возраста они работали в поле, ездили в лес за дровами. Особенно тяжело было работать зимой, когда по пояс в снегу заготавливали бревна. Весной пахали на коровах и лошадях землю. Вручную засевали поля. Один человек пашет, двое идут за ним и раскидывают зерна по пахоте. Летом косили траву для скота. Выполняли самую различную работу. В 18 лет дедушка ушел в армию, служил он 2 года. После службы он вернулся домой, стал работать. Поступил в училище главного управления профессионально-технического образования при Совете Министров РСФСР. Окончил его хорошо и получил ряд специальностей: тракториста-машиниста широкого профиля с присвоением второго разряда слесаря. К тому времени жизнь стала понемногу налаживаться.

Дедушка проработал всю жизнь водителем автобуса, у него множество грамот, благодарственных писем за труд. Он является ветераном труда. Также в 2015 году он получил удостоверение «Дети войны». У него большая семья: жена, двое сыновей, дочь и четыре внучки.

Сейчас дедушка уже на пенсии, но в нем сохраняется дух того времени, когда нельзя было сидеть на месте. Он работает, поддерживает здоровый образ жизни, любит прогулки, не любит сидеть на месте, до сих пор водит автомобиль. В его доме стоят портреты матери и отца. Собираясь в семейном кругу, мы с удовольствием слушаем его рассказы о прошлом, о его трудном послевоенном детстве, о его жизни.

ПАМЯТЬ О ПРОШЛОМ — НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ ПОСЛЕВОЕННОЙ ЖИЗНИ

Умеренко Анна Евгеньевна, *19 лет,*
студентка 2 курса факультета Управления и экономики
высоких технологий
Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ»;
научный руководитель — ***Мякинина Наталья Петровна,***
канд. ист. наук, доцент,
г. Москва

Почти каждый может рассказать о своих родных, которые воевали в Великую Отечественную войну, работали в тылу, жертвуя собою, совершали подвиги. Каждый внес свой вклад в победу.

Однако не всем их потомкам, их внукам, правнукам удалось узнать об их судьбе и услышать их военные истории из их же уст. Мне повезло:

я знала своего прадеда Георгия Емельяновича Умеренко, и мы говорили с ним о том, как он прошел войну, какие истории у него накопились за те тяжелые годы беспрерывных боев и службы.

Мой прадед ушел на фронт добровольцем, когда ему было 24 года. Он мог бы бежать за Урал, подальше от опасности, от фронта, от войны по настоянию своего отца. И вот он, характер, вот она, сила духа: вместо того чтобы бежать, прадедушка подал заявление в армию и в октябре 1941 ушел на фронт шофером перевозить продовольствие, боеприпасы и раненых. Да и разве можно было поступить иначе? Родина в опасности! Георгий Емельянович ушел бы и раньше, но его бы не приняли: он травмировал палец при работе на заводе и не мог нажимать на курок. А в октябре брали уже почти всех: немцы наступали.

В первые месяцы войны жил мой прадед с однополчанами на болоте. Паек был скудным, да и разве бывает обильное и разнообразное питание в тяжелые военные годы... Однополчане ели конину: лошади часто погибали под бомбами, пулями, снарядами. Прадедушка Юра часто вспоминал, как много было пены из котла с варившейся в нем кониной, словно там было вовсе не мясо, а мыло. Вот он и собирал клюкву в мороз, поскольку конину есть не мог. А ягода эта была практически единственной пищей, которую в то время можно было добыть, помимо мяса. Об этом прадедушка особенно часто рассказывал — настолько сильное это было впечатление для него.

Война обделяла не только едой, но и драгоценными часами сна, отдыха. Бомбежки нередко будили всех посреди ночи. А кому-то после этого и не суждено было проснуться — погибали под бомбами. Однако моему прадеду везло, эта участь обошла его стороной.

Но еще страшнее было попасть под бомбежку во время перевозки раненых, продовольствия или боеприпасов. Машину всегда надо было вести быстро, иначе опасность погибнуть возрастала в несколько раз. Дороги были ухабистые, на каждой кочке и яме раненые кричали, стонали, ругались. Однако ехать медленнее было никак нельзя. Но однажды, когда Георгий Емельянович вез раненых, машина забуксовала в грязи и встала так, что одному ее никак было не сдвинуть. А немцы шли прямо по пятам, наступали. В этот-то момент прадедушка мой и подумал, что пришел, наверное, конец и ему, и раненым, которых он вез. Однако в то же время отступала и рота наших солдат, согласившихся чуть ли не на руках вынести дедушкину машину, рискуя своей жизнью. Как только прадедушка отъехал, началась бомбежка. И пожалуй, тут снова встает вопрос о силе воли, о том, как закаляет война, частенько ставя людей перед серьезным и очень трудным выбором. Ведь мой прадед мог бы оставить машину, бежать с теми, кто еще был в состоянии передвигаться. А те, кто вытащил увязшую в грязи машину, могли бы проигнорировать просьбу о помощи. Од-

нако их принципы и их характер подтолкнули к другому решению, опасному, но благородному.

День Победы 1945 года мой прадед встретил в Чехословакии. И, наверное, все ветераны Великой Отечественной войны вспоминают этот день с трепетом и радостью, которую никто не сможет описать словами. Возможно, это самые яркие воспоминания для тех, кто прошел войну от начала и до конца. Мой прадед рассказывал, как привыкшие к постоянным обстрелам и разбуженные звуком пальбы посреди ночи все бойцы сначала подумали, что случилось страшное — немцы прорвались. А оказалось, это пришло известие об окончании войны, о нашей Победе. Свою радость люди выражали стрельбой в воздух из всех подручных орудий. Счастье, охватившее весь народ, не поддается описанию, и прадедушка не мог выразить той радости, которую он тогда испытал.

После 9 мая, когда все воевавшие, в том числе и мой прадед, думали, что наконец-то смогут увидеть родных, попасть домой и вместе с ними радоваться Победе, поняли, что, вопреки их ожиданиям, подписание Германией акта о капитуляции вовсе не означает полного окончания войны.

И почему-то у многих в наше время сложилось впечатление, что после 9 мая 1945 в мире наступили тишина и покой. Но немалому числу солдат после Дня Победы предстояла еще война с Японией. Вот и мой прадед потом вспоминал, как ему пришлось ехать мимо Москвы, мимо дома, на восточный фронт, чтобы освободить Монголию. Там он воевал до 22 ноября 1945 года.

Каждая история о войне, о подвигах народа, которую нам доводится услышать, памятна ветеранам, памятна всем следующим поколениям. День Победы — это не просто знаменательная дата, это Великий праздник, который заставляет задуматься о многом.

Я хорошо помню своего прадеда, который в этот праздник выходил из дома с улыбкой на лице, но с какой-то едва уловимой грустью в глазах и с орденами на груди. Он был награжден медалями «За отвагу», «За оборону Москвы», орденом Красной Звезды и многими другими наградами, которые он надевал каждый год 9 мая.

Все это память, которая дорога мне и дорога всем моим близким. Подвиги наших родных, воевавших и отдававших жизни за Родину и за свои семьи, никогда не должны забываться, сколько бы времени после той страшной войны ни прошло...

ЛИСТАЯ СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

Хренова Анастасия Андреевна, *17 лет,*
студентка 2 курса по профессии «Повар», кондитер
ГПОУ ТО «Щекинский политехнический колледж»;
преподаватель — ***Гребенкина Ольга Николаевна,***
г. Щекино Тульской области

Тихий семейный вечер. Наша семья собралась в этот день, родительскую субботу, день поминовения усопших родственников, чтобы вспомнить дорогих наших прадедушек и прабабушек. Они уже давно шагнули в Вечность и оттуда смотрят на нас, живущих на земле своих правнуков, но мы чувствуем их незримую поддержку и заботу, потому что вся их жизнь была любовь, добро, подвиг... Каждый день этой жизни отдан был людям. Ни минуты для себя, может, поэтому, так ярко вспыхнув, так быстро сгорели они, оставив о себе вечную память в наших душах и фотографии в старых альбомах, которые мы часто перелистываем. Вот и сегодня, рассматривая ваши портреты, я невольно испытываю чувство невероятной гордости за вас.

Вот фотография Сергея Васильевича Толстошеева, подписанная с обратной стороны: «Польша. 1944». На ней — три красавца артиллериста, один из которых – мой прадед. Высокий, подтянутый чернобровый военный. Смотрит на меня через призму времени и улыбается простодушной, открытой улыбкой.

К сожалению, мне не довелось увидеть прадедушку: слишком рано он, прошедший всю войну, дошедший до Берлина, умер. Зато я часто мысленно разговариваю с его изображением на этой фотографии. Вот и сейчас не в силах удержаться.

Милый мой прадедушка! Из рассказов бабушки я многое узнала о тебе и полюбила за доброту и искренность, веселый нрав и безграничную любовь к людям, которую не смогли в тебе погасить ни голодное сиротское детство, ни титанический труд в шахте, ни страшные годы военных испытаний, ни опасная послевоенная служба в милиции. Ты приехал шестнадцатилетним парнишкой на строительство рудника им. Кагановича. Здесь познакомился ты с моей прабабушкой Тоней, красивой, хозяйственной, деловитой девушкой. И стали вы в своей комнатке с печным отоплением вить семейное гнездышко. Это ничего, что не было в доме воды и «удобств»... Важным в то время казалось другое: любовь согревала лучше печки, а веселый смех первенца Сашеньки заставлял забыть о трудностях быта. Так и жили: собирались после работы семьями во дворе дома, пели русские песни и частушки под тульскую гармонь. И счастье казалось бесконечным, если бы... не война.

Война летом 1941 года коснулась каждой семьи. Провожала тебя на фронт прабабушка Тоня с маленьким сынишкой, глотая душившие ее слезы. Знала она, что без тебя непросто будет ей с ребенком, да еще беременной вторым, в тяжелое военное время. Так начались ее испытания войной в тылу, а твои — на фронте. И прошагал ты, Сергей Васильевич, по всему Советскому Союзу, освобождая Родину от захватчиков. А потом были Польша, Чехословакия, Германия. Был дважды ранен — в правое плечо и в грудь. Всю жизнь эти два осколка напоминали о войне. Однако дошел непобедимый русский солдат Сергей до Берлина. Преодолев на своем пути и голод, и холод, и нравственные муки при виде сожженных деревень, разоренных городов, огромного человеческого горя.

Милый мой дедушка! Ты прожил 53 года. Всего 53 года! Ах, если бы не война, может, суждено было бы нам увидеться! Как жаль мне, что не могу обнять тебя, посмотреть в твои добрые глаза, расспросить о твоих подвигах, за которые ты был награжден орденами и медалями. Только они и остались у нас как напоминание о мужестве и героизме нашего любимого прадедушки — Сергея Васильевича Толстошеева.

Слава Вам, шагнувшие в Вечность и ныне живущие герои и героини той страшной войны!

ЛЮДИ, ОПОМНИТЕСЬ!

***Шаталова Елизавета Петровна**, 21 год,*
учитель русского языка и литературы МКБОУ «СОШ №2»,
п. Теплое Тульской области

«Террором они заглушить не могли любви в Вас к Отчизне великой.
Лишь лютую ненависть в сердце зажгли к фашисткой разбойничьей клике».

Болью в сердце отзываются эти строки, выбитые на обелиске, установленном на советском мемориальном кладбище в местечке Шлосс-Хольте — Штукенброк, земле Северный Рейн-Вестфалия. В этой братской могиле захоронен мой прадедушка Старостин Петр Макарович с другими сотнями тысяч измученных и истерзанных в концлагере фашистскими нелюдями. Он, простой русский парень, 28 лет жил и трудился в маленькой деревеньке Петровское, что затерялась на тульских просторах. В августе 1941 года был пленен, а 2 января 1942 года погиб.

Мой другой прадедушка, Волков Андрей Сидорович родился в 1893 году в деревне Петровское Тепло-Огаревского района. Четыре года про-

Волков А. С.

шагал дорогами войны: призвавшись на фронт в июне 1941, домой вернулся в 1945 году. Неоднократно был ранен, контужен.

Фашизму нет дела до тех, кто остался сиротой, вдовой, инвалидом, кто вечно будет лежать в чужой или в своей земле, до тех миллионов военных и штатских, что не вернулись, а остались на бесчисленных полях сражений, в пепле концлагерных кремационных печей, на дне морей. Для него люди — это некий материал... Как страшно это звучит... Но это так! Просматривая документальные хроники об ужасах нацистских концлагерей, зверствах, творящихся на оккупированных территориях, с тоской в сердце осознаешь, какая тяжелая доля выпала людям того поколения... Непосильное бремя тягот и страданий вынесли на своих плечах солдаты и офицеры, партизаны и труженики тыла, рабочие и колхозники, взрослые и дети.

Но тем и сильнее чувство гордости за достойную жизнь, прожитую ими. Люди военного поколения особенные. С фронтов они посылали веру в жизнь, в будущее, готовность жертвовать собой ради других.

После войны быт советских людей еще долгое время был наполнен отголосками войны. К сожалению, случалось и так, что тот, кто был настоящим героем на фронте, оказывался «врагом народа», придя домой. Но и это сумели преодолеть советские люди.

Говорят, что высота человеческого подвига определяется силой любви к жизни, к своему Отечеству, силой духа армии и народа. Подвиг народа — это прямое отражение подвига каждого человека, умноженное на десятки миллионов.

В послевоенное время тоже было место подвигу — трудовому. Так, мой второй прадедушка Андрей Сидорович продолжил работу в должности бригадира полеводческой бригады в родном совхозе «Горьковский», который специализировался на производстве зерновых культур и сахарной свеклы и был всегда передовым не только в Тепло-Огаревском районе, но и в области. В этом есть немалая заслуга и Андрея Сидоровича Волкова, трудившегося честно, добросовестно, с отдачей.

Я уверена, что народ и сейчас способен на повторение подвига единения, братства и долга. Ярким доказательством тому служат подвиги русских офицеров в Сирийской Арабской Республике Олега Пешкова, Александра Прохоренко, которые ценой своей жизни напомнили всему миру о силе духа нынешнего поколения и о достойном продолжении славных боевых традиций наших отцов, дедов, прадедов.

Именно на современном поколении сейчас лежит ответственность сохранить память о подвигах и славе, боли и страданиях в военные годы,

о трудовых свершениях и энтузиазме — в послевоенные. Не потому ли звучит в моем сердце ненависть, когда я вижу в СМИ репортажи из Украины, транслирующие факельные нацистские шествия под молчанье западных политиков. Хочется кричать: «Люди, опомнитесь! Разве забыли, что с Вами было в тридцатые и сороковые годы прошлого столетия?! Ведь это было совсем недавно, раны еще не зажили! Вы хотите повторения?! Забыли Вы — помним мы». Как правдиво, актуально звучат те выбитые на обелиске слова, с которых я начала свои размышления...

ОТГРЕМЕЛИ ОРУДИЙ РАСКАТЫ

***Шереметьев Юрий Олегович**, 20 лет,*
студент,
г. Киев, Украина

Моя бабушка Евгения Терентьевна Шереметьева родилась в 1931 году в г. Новосибирске. Война застала их семью в Сибири, и, хотя она была еще ребенком, ей сполна пришлось хлебнуть все тяготы войны. Во время голода 1946–1947 гг. бабушка чуть не умерла, поскольку все карточки отоваривали килькой, а она не могла ее есть.

В послевоенный период бабушка училась в Ленинградском университете на юридическом факультете. Эти годы она вспоминает с огромным удовольствием. Во время учебы в университете Евгения Терентьевна занималась в научном кружке гражданского права, который вел А.В. Венедиктов, ведущий ученый-юрист, лауреат Сталинской премии, переживший блокаду, во время которой потерял всю свою семью. А позже кружок возглавил выдающийся ученый О.С. Иоффе, известный своими научными трудами по гражданскому праву не только на советском пространстве, но и за рубежом. В университете также преподавали и другие известные ученые — основоположники советской юридической науки, такие как Ю.К. Толстой и др.

Евгения Терентьевна во время учебы занимала активную гражданскую позицию. Так, она возглавляла студенческую университетскую Комиссию по борьбе с детской беспризорностью, особенно много после войны в г. Ленинграде было беспризорных на Васильевском острове. Многие дети благодаря деятельности этой Комиссии вернулись к нормальной жизни.

Кроме работы в Комиссии, бабушка также была режиссером-постановщиком в студенческом театре университета. В театральном кружке под ее руководством начинали свою творческую карьеру многие известные актеры, такие как С. Юрский, Л. Харитонов, И. Горбачев и др.

После окончания университета Евгения Терентьевна была направлена на работу судьей сначала в Великие Луки (Псковская область), а затем в г. Псков, очень красивый город с древнерусской архитектурой. Это был край партизан, который активно помогал борющемуся блокадному Ленинграду, и многие авторские стихи связаны с историями, услышанными в эти годы.

В период работы в Псковской области и г. Пскове застала воплощение идеи Н. С. Хрущева о выращивании на северо-западе России кукурузы и недоумение по этому вопросу колхозников. Кукуруза выросла около 10–15 см, так что даже не годилась на корм скоту, а деньги огромные были попросту «закопаны в землю», что нанесло огромный урон народному хозяйству и экономике страны.

Евгения Терентьевна в период своей работы получила славу в народе как честный, неподкупный судья и неоднократно избиралась депутатом местного совета.

А еще бабушка пишет замечательные стихи. Мы выбрали пять ее стихотворений о послевоенном времени.

Солдатская память

Вы ушли на фронт безусыми,
А вернулись с фронта мужиками
Со щетиной и усами русыми,
Огрубевшими в боях руками.

Стосковались руки по работе,
Полю,что засеяно пшеницей.
Почему же ночью, на рассвете,
Бой последний вам все время снится?

В том бою убит был ваш комбат.
С ним прошли от Дона до Берлина.
Стал комбат отцом для всех солдат.
Жаль,что не успел увидеть сына.

Вырастет мальчишка сиротой
Без заботы и отцовской ласки.
У войны закон один — простой:
Для нее все люди — просто каски.

Длинными дорогами войны
Через кровь и смерть прошли солдаты.
В бой последний вновь идут они,
По-солдатски, за своим комбатом.

Сны напоминают вновь и вновь
Подожженные фашистом хаты.
Женщин, что последний хлеб несли
Под обстрелом на позиции солдатам.

Нет,не может ветеран забыть
О войне, что стала частью жизни.
Побратимов, что погибли, и живых,
Верность их друг другу и Отчизне.

Женская верность

Давно отгремели орудий раскаты.
Покрылись окопы зеленой травой.
Но девушки,вдовы все ждут, как когда-то
Ждала Ярославна. В слезах и с мольбой.

Воздев руки к небу,молила у Бога,
Чтоб милый скорее домой возвратился.
Дорога разлуки,печали дорога.
Вот там, на пригорке, он с нею простился.

Махнул ей рукою и вихрем умчался.
Дожди и ветра не оставили следа.
«Родная, ты жди. Обо мне не печалься.
Ты знай, я вернусь иль умру за Победу».

Мы знаем,как долго ждала Ярославна.
Морщинки у глаз, словно лучики света.
Но разве для женщины главное это?
Главное — ждать от зари до рассвета.

Ждать,тосковать и в печали надеяться.
Верной остаться любви до конца.
Многое в пыль превращает жизнь-мельница.
Верность же памятник женским сердцам.

Портреты

У вдовы на стене портреты.
Муж и ее сыновья.
Горько писать об этом,
Но и молчать нельзя.

Смотрит она на портреты
И вспоминает о том,
Каким красивым,веселым
Был до войны их дом.

Любили ходить к ним соседи
О жизни поговорить.
В спокойной, дружной беседе
Все вместе чаек попить.

К парням собирались гурьбою
Девчат и ребят полсела.
Собравшись,все шли на гужовку,
Чтоб петь и гулять до утра.

Поглядывая на портреты,
Тихонько так говорит:
«Муж погиб под Москвою,
Второй сын под Псковом убит.

Первый, старшенький самый,
Погиб на Курской дуге.
Младший погиб под Гданьском.
Узнала о том в декабре».

Смотрит вдова на портреты.
Не знает, что делать, как жить?!
Зачем ей дом и работа,
Коль некого ей покормить.

Никто ей утром не скажет:
«Вставай, мать! Кормить пора.
Ребят разбуди чуть позже,
Гуляли они до утра».

Я молча смотрю на портреты.
Не знаю, что ей сказать.
Вдова,потерявшая мужа,
И трех сыновей — мать.

Стреляют минные поля

Пришла истица в суд просить
Признать сынишку сыном.
На фронте он танкистом был.
Вернулся невредимым.

Ушел вспахать под лен поля.
Домой пришел веселым
И заявил: «Женюсь я, мать,
Когда достроим школу».

Сказал,что Ксюшу выбрал он.
Соседскую девчонку.
Решили перестроить дом,
Сместив чуть-чуть в сторонку.

И развернуть его к реке
Навстречу лучам солнца.
«Проснемся мы, а мир вокруг
Сияет и смеется.

Ну что ты плачешь? Подожди.
Ведь стал я агрономом.
Хочу использовать дожди,
Лен доведем до нормы».

А утром вновь пошел пахать
Отведенное поле. Вдруг
Прибежал от Ксюши зять.
Сказал: «Погиб Ваш Коля.

На мине подорвался он,
Что от войны осталась».
Свидетельство ж, что он мой сын,
В архивах затерялось.

Сказали: в суд могу пойти,
Чтоб пенсии добиться.
Ну а для этого должна
К Вам я обратиться.

И доказать, что он мой сын.
Да ведь в селе все знают.
И батюшка его крестил.
Как раз пред Первомаем.

Назначила судья помочь
Истице адвоката,
Чтоб доказал он их родство
Без денежной оплаты.

Эхо войны
Уже давно отгремели пушки.
На нашей земле не рвутся снаряды.
Мирно растет клен на опушке,
Мирному небу люди рады.

Историей стали дни сражений.
Скрежет металла, дым пожарищ,
Горечь первого поражения,
Что с тобой разделил товарищ.

Радость победы,мирные будни.
Раны зажили, растут поколения.
Но вот на колясочке медленно,трудно
Бывший солдат идет в наступление.

Он по улице мирной катится
На очень простой инвалидной колясочке.
Рядом идет девчурка с портфелем
В стареньком, школьном, коричневом платьице.

Девочка что-то щебечет весело.
Ей в ответ солдат улыбается.
Мне же слышится вой мессера,
Бомбы где-то рядом взрываются.

НЕСКОЛЬКО ЭПИЗОДОВ РЕАЛЬНОЙ ЖИЗНИ[1]

Шкут Александр Петрович, *23 года,*
Аспирант факультета международных отношений,
магистр экономики,
Белорусский государственный университет
г. Минск, Республика Беларусь

Артиллерист Василь Рубцов. 1939 г.

Беларусь потеряла в войне против гитлеровской Германии каждого третьего. Мои прямые предки также погибли в этой жестокой войне. Наш советский народ не выжил бы после страшных потерь в войне против гитлеровской Германии, если бы не сохранил чувства юмора. Поэтому начинаю с него.

Соломенная «судья»

После освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков бывшего артиллериста и партизанского комиссара Василия Рубцова направили работать в Желудокский район Гомельской области уполномоченным по заготовкам. Времена были тяжелые: много хозяйств было разграблено или уничтожено, а выполнять планы по заготовкам мяса, масла, яиц, зерна, картофеля надо было. А также планы на лесозаготовки, на подписку на облигации по государственному займу...

Приезжает уполномоченный Василий Рубцов в деревню, а крестьянка ему отвечает:

— Какие, сыночек, облигации? Денег нет. Полдесятка яиц могу дать.

Василию жаль было крестьян, которые еле сводили концы с концами, но куда денешься — план выполнять нужно. Единственный способ както воздействовать на людей — судья. До войны его считали главной фигурой в Западной Беларуси.

Судьей в Желудокском районе была Анна Григорьевна — человек справедливый, но строгий. Не раз она спасала людей, которым по жестким законам того времени грозило суровое наказание. Долгое время она работала в советском посольстве в Японии и, возвратившись на родину, по старой привычке носила кимоно и красную шапочку. По этой шапочке ее узнавали издалека. Судью уважали, но и боялись, поэтому

[1] Продолжение. Начало см: Шкут А. П. Защищая Отчизну // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. Ч. 2 / Под ред. Ю. М. Осипова, Л. И. Ростовцевой. — Тула: Гриф и К, 2012 — С. 304–309.

уполномоченные, отправляясь по хуторам и деревням по вопросам заготовок, брали с собой судью.

Как-то заготовитель Рубцов с кем-то из районного начальства отправились в путь без судьи. Вопросы заготовок сразу начали «буксовать». Активисты думали-рядили и «придумали». Поехали в поле, взяли сноп соломы, одели в шинель, а сверху красную косынку повязали. Один сидит в бричке, поддерживает «судью», чтобы не упала, а двое других заходят в избу. Хозяева причитают, стараются как-нибудь открутиться.

— Засудим, если не поедете на лесозаготовки. Видите? — визитер показывает на бричку: — Вон на возу судья.

И работа пошла. Так проехали несколько деревень.

Но тут случилось непредвиденное. Пока районные активисты агитировали крестьян, Василий соскочил с воза и, привязав лошадь к забору, пошел к колодцу. Опустил «журавль» с ведром, набрал воды и, не торопясь, начал пить. Бричку окружила стайка ребятишек, которые не столько смотрели на жеребца, хрустевшего сеном, а больше — на чудную тетку в красном платочке. Она сидела, странно наклонившись. «Пьяная»,— решили дети. Самый смелый попробовал вырвать немного волосков из конского хвоста для удочки. Жеребец испугался и рванул вперед. «Пьяная тетка» упала. С ее головы слетела косынка, и ребятня, разинув рты от удивления, увидели солому вместо волос. Хохот стоял на всю деревню.

Заготовители постарались курьезный случай превратить в шутку. А жители тех мест до сего времени вспоминают, как к ним после войны приезжала «соломенная судья».

Море состоит из мириадов капелек, а судьба человеческая — из множества эпизодов: простых и сложных, радостных и грустных, героических и трагических, праздничных и будничных. У иного человека жизнь складывается из такого числа интереснейших эпизодов, что кому-то хватило бы на десяток жизней.

Василий Иванович Рубцов родился в 1918 году в многодетной семье в Одесской губернии. В период коллективизации семью раскулачили и отправили в ссылку в северный Казахстан, где отец Василия умер. В 1933 году В.И. Рубцов поступил в Ленинаканский техникум молочной промышленности и с отличием его закончил. Затем он работал в Беларуси, служил в армии. Когда началась Великая Отечественная война, воевал в артиллерийском полку, потом партизанил, был комиссаром партизанского отряда имени Калинина бригады имени Ворошилова. После войны работал инспектором-заготовителем в Желудокском районе Гродненской области, стал директором Слуцкого маслосырзавода. Через несколько лет его выдвинули на должность председателя Слуцкого горсовета, потом назначили генеральным директором Минского объединения молочной промышленности, директором завода Минского филиала ВНИИ молочной промышленности СССР. Мой дед, работая инженером, старшим инженером, начальником от-

дела министерства мясной и молочной промышленности БССР, хорошо знал Василия Ивановича. В 2006 году 88-летний Рубцов В.И. с женой Клавдией Александровной отметили бриллиантовую свадьбу, на которой присутствовали четверо детей, многочисленные внуки и правнуки. Награжден многими правительственными наградами. К сожалению, в 2006 году он умер.

Чай с джазом

Мой близкий родственник Церлюкевич Иосиф Станиславович работал долгие годы после войны шофером в кожевенной артели местечка Смиловичи, что недалеко от Минска. Всю войну он крутил баранку своего ЗИС-5, доставляя на фронт боеприпасы, продовольствие и снаряжение. По «дороге жизни» доставлял в Ленинград необходимое осажденному городу, а оттуда забирал несчастных, умирающих от голода. Ездил с открытой кабиной, ибо в критической ситуации не успел бы выпрыгнуть из машины, когда лед проламывался под немецкими бомбами и снарядами... Потом был Сталинград... Война так его закалила, что ни разу за полвека работы шофером у Иосифа Станиславовича не было нарушений ПДД — правил дорожного движения.

Однажды работники кожартели поехали в Минск смотреть цирк-шапито. Нынешнего прекрасного цирка в почти стертом фашистами с лица земли Минске тогда не было. На этот раз Юзик Церлюкевич был среди пассажиров, а за рулем был другой шофер-фронтовик Франя Боровик.

Пока экскурсанты восторгались клоунами, эквилибристами, укротителями, Боровик зашел в ресторанчик. К нему подошел официант. Франя заказал котлету и чай, а бессовестный официант нагло пошутил:

— Вам чай с джазом?

Шофер никогда не слышал такого слова «джаз», но не хотел выглядеть провинциалом. Подумал, что у них так называется пончик или булочка с повидлом. Простодушно согласился:

— Пусть будет с джазом.

Пока шофер рассматривал посетителей, ему принесли котлету, а затем чай. Заиграла музыка. Франя в такт напевал себе под нос, но когда официант принес счет, глаза его округлились. Он вскипел, глядя на «обдираловку»:

— Пусть котлета стоит пять рублей, чай — еще десять копеек, но неужели эта булочка, этот ваш «джаз», стоит двадцать рублей?!

Давно нет в живых шоферов-фронтовиков из Смиловичской кожевенной артели, но «чай с джазом» смиловичане вспоминают и по сей день.

Дети с Комсомольской

Вспоминаю, как мой дед Владимир Шуляковский нередко баловал меня, маленького, в своих родных Смиловичах. Проходя мимо деревянного дома, где когда-то размещалась амбулатория, он часто вспоминал

послевоенные годы. Здесь собирались дети с их Комсомольской улицы. Играли в прятки и войну, гоняли в футбол покрышкой, набитой сеном, городки, полянку и лапту, а еще налетали на яблоню-ранетку, запихивая в карманы недозрелые яблоки. Однажды, через четыре года после войны, их сфотографировал учитель Сапар Константинович Асанович. Он вел в школе кружки по биологии, военному делу и фотографии. За очень высокие показатели он удостоился чести стать участником ВДНХ СССР в Москве.

Два белорусских писателя Эдуард Ярошевич (справа) и Владимир Шуляковский. 1967 г.

На фото 1949 года, которое как зеницу ока хранит дед, запечатлен он и его друзья. Эдуард Ярошевич, который, как и дед, стал писателем, Раиса Горевая, сестра чемпиона СССР по прыжкам в высоту Эдуарда Горевого, брат и сестра Эдуарда Ярошевича — Чесик и Нэла, и другие. Драматично сложилась судьба семьи Ярошевичей. Эдика, Нэлу, Алика, их маму Надежду Вацлавовну и бабушку в 1944 году гитлеровцы загнали в Азаричский концлагерь. Концлагерь представлял из себя болото, огороженное колючей проволокой. Фашисты не позволяли даже разводить костры, чтобы несчастные узники могли хоть чуть-чуть согреться. Много людей умерло, в том числе их бабушка. Оставших-ся в живых спасла Советская армия... Муки в концлагере не прошли даром: Эдика парализовало, и он оказался парализованным до конца дней своих... Чесик был продан во Францию, где после войны отыскал его отец Ярошевич Сигизмунд Казимирович. Чесик учился в школе с моим дедом и в первом классе разговаривал по-французски, ибо по-нашему почти не понимал. Полковник Ярошевич С. К. во время войны с гитлеровцами был начальником офицерской школы, в которой учился будущий президент Польши поручик Войцех Ярузельский.

Разве в то тяжелое послевоенное время кто-нибудь мог подумать, что этот деревянный дом, в котором размещалась амбулатория, через несколько лет станет родным для трехкратной паралимпийской чемпионки Людмилы Волчек?

Видимо, такая аура на родине деда в Смиловичах на Комсомольской улице!

В кровавой схватке столкнулись два жестоких режима, гитлеровский — был повержен. И эйфория захлестнула все слои общества. Но в то голодное и холодное послевоенное время было не совсем так, как рапортовали

«наверх» ретивые служители сталинского режима и учили в белорусских школах стихи:

«Беларусь — мая старонка.
Як жа расцвела ты,
За час гэты,за кароткі,
Як выгнала катаў».

Дед рассказывал, что после войны в Смиловичах на улице Комсомольской напротив амбулатории был пустырь, где после войны сажали картошку. Как-то он, пятилетний, с братом Геном, на два года старшим, пошли туда искать шайморы. Так называли мерзлую картошку, оставшуюся в земле с прошлого года. Из нее потом пекли оладьи. Что это были за оладьи, теперь можно только догадываться. Он нажал ногой на лопату, и брызнул гной. Оказывается, мальчонка опух от голода.

Мне было и есть с кого брать пример. Отец Шкут Петр Андреевич работал в Беларуси и Сталинграде, помогая родителям растить младших братьев и сестер, и учился в Белорусском госуниверситете на юридическом факультете. Затем служил в органах МВД, стал полковником милиции, начальником Минского городского управления охраны. Мать Шуляковская Елена Владимировна в школе и Белорусском госуниверситете систематически получала грамоты за хорошую и отличную учебу, участие в различных соревнованиях. Один из прадедов Бирало Никита Андреевич погиб в партизанах в 1944 году, другой прадед Шуляковский Виктор Иванович погиб защищая Москву от гитлеровских захватчиков в 1941 году, дед по линии матери Владимир Викторович Шуляковский работал на стройках Беларуси и Сибири и учился. Закончил Минский политехникум, Белорусский политехнический институт, Институт политологии ЦК КПБ, много публиковался и стал членом Союза белорусских писателей. Они всегда для меня были примером уважения к старшим и беззаветного служения Родине.

Глава 8. СТУДЕНТЫ НАУЧНОГО КРУЖКА О СВОИХ ГЕРОЯХ

НАША ГОРДОСТЬ И ПРИМЕР

***Богомолов Даниил Михайлович**, 20 лет,*
студент 3 курса Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова,
направление «Экономика»,профиль «Финансы и кредит»;
***Богомолова Анастасия Анатольевна,** 43 года,*
многодетная мать, филолог,
г. Тула

Пугин А. В.

В момент, когда мы пишем эти строки, со дня смерти нашего Героя едва минуло 40 дней. Вечная Память нашему Дедушке и Прадедушке.

Пугин Алексей Васильевич (17.03.1920–19.10.2016) родился в Горьковской области. О детстве особо не рассказывал. Голодное и босоногое оно было. В 1940 г. окончил летное училище в Ленинграде и был распределен в Саратовскую область, в Вольское летное училище. С 1940 г. был инструктором, обучавшим курсантов летать на бомбардировщике. В эти годы встретил свою единственную любовь Марию, нашу бабушку и прабабушку. Жена Мария с маленькой дочкой Джанной на руках ждали его с полетов.

Когда пришла война и над Родиной нависла опасность, дедушка стал рядовым летчиком 176-го Гвардейского истребительно-авиационного полка на I Украинском фронте.

Два Ордена Красной Звезды и медаль «За Боевые заслуги» — его боевые награды. Позднее все юбилейные медали Победы стали достоянием подполковника Пугина А. В.

После Победы и до 1951 г. дедушка служил в городе Лида в Белоруссии. Дочери Алексея Васильевича запомнились поздние возвращения отца с летнего поля и обязательно с котлетой и хлебом — свой ужин он нес маленькой Джанне. С 1951 по 1955 годы служил в Австрии и был там

с семьей. Потом судьба снова его забросила в Белоруссию, где и окончилась его военная карьера.

В 1960 году он с семьей вернулся в Саратов, на родину супруги, где начиналась его карьера. Семья — жена и две дочери Джанна и Ольга — стали смыслом всей жизни.

Дедушка вел очень здоровый образ жизни, был вегетарианцем. Полагаем, карьера летчика навсегда наложила отпечаток на ежедневный режим дня:

05.30–08.00 — подъем, зарядка, водные процедуры, прослушивание новостей и прогноза погоды по радио;

08.00–13.00 — завтрак, прогулка на свежем воздухе;

13.00–14.00 — обед;

15.00–16.00 — дневной отдых;

16.00–21.00 — чтение, переводы, новости, просмотр передач по ТВ (особенно любил хоккей);

21.00–5.30 — сон.

Эта дисциплинированность, четкий распорядок жизни позволили стать долгожителем. Кроме того, Алексея Васильевича всегда отличала воля к саморазвитию. Он самостоятельно изучил иностранные языки — немецкий и английский. Переводы статей тренировали его великолепную память и грамотность. Он любил читать, собрал огромную домашнюю библиотеку.

Именно Алексея Васильевича я, его внучка, считаю Человеком, сильно повлиявшим на формирование моего мировоззрения и активной жизненной позиции. Очень благодарна дедушке за это.

Он активно занимался общественной работой в Совете ветеранов Великой Отечественной войны при исполкоме Кировского р-на города Саратова. Вел переписку и поддерживал общение с фронтовыми соратниками. Нам известна семья, которая чтит память о Дедушке и благодарна ему уже в четвертом поколении. Фронтовик Чедия вернулся с фронта без ног, и Алексей Васильевич стал его семье опорой. В октябре 2016 г. проводить в последний путь своего друга пришла вся семья Чедия.

Не стало Алексея Васильевича Пугина на 97-м году жизни.

Вечная и Светлая Память ему, а также благодарность внуков и правнуков за пример.

САМ ПОГИБАЙ, А ТОВАРИЩА ВЫРУЧАЙ

Голык Оксана Игоревна, *18 лет,*
студентка 1 курса направления «Экономика»
Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова;
научный руководитель — ***Ростовцева Людмила Ивановна,***
профессор, д-р социол. наук,
г. Тула

Мой прадедушка Баранов Алексей Васильевич родился 25 декабря 1924 года в Тульской области. Он рос в большой семье: мама, папа, два младших брата и сестра. В семье он был самым старшим ребенком. Когда началась война, прадедушку сначала направили на обучение. Он стал танкистом, и в 1942 году его отправили на фронт.

Мой прадедушка участвовал в самом крупном танковом сражении — Курской битве. 12 июля 1943 года началась одна из самых грандиозных битв Второй мировой войны. В этом сражении с обеих сторон принимало участие свыше 1200 танков и самоходных установок [1]. В том пекле он был ранен: в танк Алексея Васильевича и его боевых товарищей попал снаряд. Прадедушка изо всех сил пытался выбраться из горящего танка, и ему это удалось. Но он заметил, что один из его товарищей остался в танке. Он не мог оставить своего друга в беде, поэтому, глотнув свежего воздуха, снова полез в горящую машину, чтобы помочь выбраться напарнику. Тот был без сознания, что очень сильно усложнило задачу его спасения. Несмотря ни на что, прадедушке удалось вытащить своего товарища.

Он оттащил товарища к дереву, передохнул и положил на свою куртку, чтобы легче было тащить его от места сражения. Обернувшись назад, прадедушка был поражен: их танк, в котором они били врагов 5 минут назад, взорвался. Собрав все силы, Алексей Васильевич пополз туда, где было безопаснее, — подальше от сражения. Он тащил своего боевого друга, но ранение и ожоги дали о себе знать. Прадедушка упал на землю, потеряв сознание; в десятке метров от него остался лежать друг...

В августе 1943 года матери Алексея пришла похоронка, где сообщалось, что ее сын погиб на поле боя. Вся семья оплакивала сына и старшего брата. Это была огромная утрата для всех родственников.

Но, неожиданно для всех, в сентябре того же года приходит письмо от Алексея, в котором говорится, что он жив и находится в военном госпитале с серьезными ранениями, но уже идет на поправку. Оказывается, что боевой товарищ, которого он тащил на своей куртке, погиб, и его,

по всей видимости, приняли за Алексея Васильевича Баранова, потому что в куртке были документы на это имя и вещи.

После серьезного ранения мой прадедушка не мог вернуться на фронт танкистом, но он рвался защищать свою страну от врагов и стал разведчиком. Зимой 1943 года вернулся на фронт и прошел всю оставшуюся войну разведчиком.

После войны, в 1946 году, мой прадедушка вернулся домой. В 1947 он женился на моей прабабушке Анастасии Федоровне Барановой. Из-за ранения, которое прадед получил в сражении под Курском, Анастасия Федоровна и Алексей Васильевич не могли иметь детей. Несмотря на это, они жили душа в душу: любили, понимали и поддерживали друг друга. После войны прадедушка устроился работать в совхоз трактористом, его жена работала бригадиром.

Совхоз был небольшим, жизнь на селе была непростой. За годы войны севообороты оказались нарушенными. Тракторы, сеялки, комбайны до предела износились. Значительные площади обрабатывались в первые послевоенные годы на конях и быках; иногда сеяли и убирали урожай вручную. Урожайность зерновых, картофеля и овощей была низкой; продуктивность скота упала. В целях повышения производительности труда в конце 1950-х — начале 1960-х началось укрупнение совхозов и специализация, чтобы сделать их жизнестойкими, повысить эффективность [2, с. 243].

Алексей Васильевич был вынужден, в конце концов, уехать в город Серпухов искать работу, а Анастасия Федоровна продолжала трудиться до полного закрытия совхоза, а потом какое-то время оставалась в деревне и продолжала вести свое собственное хозяйство.

В городе прадедушка поступил работать в Управление Механизации № 5 (УМ-5). Его взяли бульдозеристом, так как это было близко к его профессии тракториста. Он был очень ответственным и исполнительным работником. Его часто хвалили, награждали грамотами, поощряли денежными премиями. Портрет А. В. Баранова часто висел на Доске Почета предприятия.

Сначала организация предоставила ему место в мужском общежитии. Каждые выходные он выбирался в свою родную деревню помогать жене с хозяйством. Из-за возраста вести хозяйство становилось все труднее, и в 1977 году Анастасия Федоровна переехала в город к мужу. Им предоставили комнату на улице Центральной.

В 1980-х годах всем ветеранам войны в Серпухове улучшали жилищные условия. И в 1983 году предприятие предоставило прадедушке с прабабушкой однокомнатную квартиру как участнику Великой Отечественной войны.

В последние годы Алексею Васильевичу было очень тяжело работать, в связи с тем, что у него усилились боли от ран и травм, которые он получил в годы войны. При ранении, полученном в танковом сражении под Курском, у него были раздроблены кости правого бедра и таза; раны зажили, но они постоянно давали о себе знать.

Умер Алексей Васильевич Баранов 15 мая 1994 года. Это был большой труженик, скромный защитник Отечества как на ратном, так и трудовом фронте.

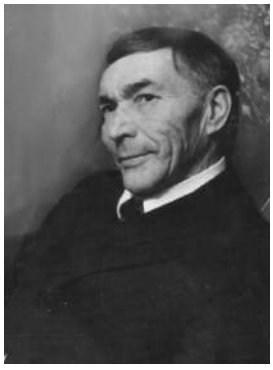
У моего прадедушки было много наград. Моя прабабушка до последних дней хранила все письма, записи с фронта, все его ордена и медали. Она умерла 18 января 2006 года. К сожалению, по огромной ошибке, все письма и ордена с войны не сохранились.

Литература

1. Танковое сражение под Прохоровкой. URL: http://histrf.ru/lenta-vremeni/event/view/tankovoie-srazhieniie-pod-prokhorovkoi (дата обращения – 05.12.2016).
2. Гарин Г. Ф., Савоскул С. С., Шилов В. В. Серпухов.– М.: Московский рабочий, 1988.

О ДЕДУШКЕ

Гордюшкина Юлия Евгеньевна, *24 года,*
магистрант 1 курса заочного отделения направления «Экономика»
Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова;
научный руководитель — ***Ростовцева Людмила Ивановна,***
профессор, д-р социол. наук,
г. Тула

Борисов В. И.

Я очень сожалею, что мои воспоминания о дедушке довольно скудные, в силу того, что была маленькой. Однако очень хорошо помню, как дедушка все время плакал, когда по телевидению показывали военный фильм. Помню, как под песню «Темная ночь» дедушка буквально рыдал. А когда пели веселые фронтовые песни, он сначала пускался в пляс, а потом опять плакал.

Мой дед Борисов Василий Иванович, 1924 года рождения, был призван на фронт в 1942 году, когда ему исполнилось 18 лет.

Мои бабушка и мама говорят, что дедушке здорово повезло: его зачислили в артиллерийские войска, и он был там разведчиком. Прежде чем наступать с артиллерией, необходима разведка, чтобы знать, где расположены войска противника. И мой молодой тогда дедуля справлялся с задачей отменно.

Был такой случай на фронте. Шли жесточайшие бои за Днепр. Мой дед разработал план в соответствии с собственными разведывательны-

ми данными и совместно с однополчанином реализовал его в действии. Операция прошла на «ура»! Деду тогда было 18 с небольшим, и, в силу своей молодости, он был беспартийный. Это сыграло свою роль: мой дед получил медаль, а его напарник, который был постарше и являлся членом партии, получил звание Героя Советского Союза.

Тогда любая награда для всех воинов нашей страны была как глоток воздуха. За свою землю не жалко было и жизнь положить. Так были воспитаны все советские люди.

Мой дедушка за всю войну был не раз контужен и ранен. Однажды осколок прошел рядом с позвоночником. Его он носил до смерти. Почти чудо, что так произошло. Воевал дед на Украинском, Белорусском фронтах, освобождал Польшу. В Берлине не был, потом очень сожалел, что его нога не ступила на немецкую землю.

Когда дедушка возвращался с войны, его в поезде обворовали, самое главное — украли справку о ранении. А так как дедушка был молодой, гордый — после войны работал на руководящих постах — особенно не озадачивался получить инвалидность. И только когда стал старенький, начал вести переписку с архивами, где восстановили, когда и где он лежал в военных госпиталях, какие ранения имел. Справедливость восторжествовала. Несмотря на кражу документов, медали дедушки сохранились. Мама особенно гордится медалью Жукова и орденом Отечественной войны.

После войны дедушка закончил экономический техникум, в школе до войны у него были хорошие математические способности. Мама говорит, что это было большим достижением для парня из многодетной семьи, в которой детей было девять человек! До революции у моего прадеда был свой магазин, и мой дед еще мальчиком вел там документацию. Прадедушка также был на войне, до сих пор числится без вести пропавшим.

После окончания техникума дедушка работал начальником отдела по снабжению на заводе «Кислотоупор». Благодаря его действиям завод тогда гремел. Дед часто ездил в командировки на Украину, откуда вагонами поступала глина для производства продукции завода. Так восстанавливалась промышленность, развивалось народное хозяйство нашей страны. Затем моему деду доверили сначала овощную базу, затем склад.

Когда умер Сталин, в стране было необыкновенное горе. Тогда казалось, что жизнь закончена. Мой дедушка даже спустя много лет после смерти Сталина мою маму назвал Светланой в честь дочери Сталина — Светланы Аллилуевой.

Василий Иванович всегда помогал бедным людям, потому что после войны знал, что такое голод. Он всегда был веселым человеком, никогда не унывал. Но как только речь заходила о войне, особенно когда пели военные песни, не мог сдержать слез.

Его впоследствии часто приглашали в школы, на праздники по случаю нашей Великой Победы.

В 2016 году исполнилось ровно 20 лет, как нашего дедушки нет с нами. Он умер в 1996 году 7 июля в возрасте 72 лет. Умер он во сне и, наверняка, счастливый, ведь семья и коллеги относились к нему с большим уважением и любовью. Наш Василий Иванович достойно прошел всю войну и своей разведывательной деятельностью спас не одну жизнь.

Мой Дед навсегда останется в моей памяти, как Дед-Победитель, ГЕРОЙ Великой Отечественной войны!

На его памятнике мы так и написали: «ЗАЩИТНИКУ ОТЕЧЕСТВА».

ВЕТЕРАНЫ ТУЛЬСКОГО ФУТБОЛА

***Данилкина Дарья Владиславовна**, 17 лет,*
студентка 1 курса направления «Экономика»
Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова;
*научный руководитель — **Ростовцева Людмила Ивановна**,*
профессор, д-р социол. наук,
г. Тула

Я люблю историю. Поэтому довольно часто расспрашиваю старших о прошлом, не просто анализируя изменения в социальной жизни, ценностях, поведении людей, но и испытывая живой интерес к судьбам людей. Мне хочется поведать о детях войны, двух тульских спортсменах, с которыми меня познакомил наш преподаватель физкультуры Анатолий Спартакович Воронович, тренер по футболу. Их жизненные истории, как мне кажется, заслуживают внимания.

Валерий Федорович Мастрюков

Этого выдающегося защитника главной команды Тулы (которая в разные годы называлась по-разному: «Труд», «Шахтер», «Металлург, «ТОЗ») хорошо знают тульские любители футбола. Он был бронзовым призером чемпионата РСФСР, выступал в первенстве СССР в 1960–62 и 1965–73 годах, провел свыше 270 матчей, забил 2 мяча. Ныне он — тренер-преподаватель детско-юношеской спортивной школы «Арсенал», долгое время был главным тренером команды ветеранов «Арсенал». В этом году он отпраздновал свой 75-летний юбилей.

Мастрюков В. Ф.

Родился он 4 февраля 1942 года в городе Туле. Отец Федор Иванович работал слесарем на оружейном заводе. Семья с заводом была эвакуирована на Урал. Мать Антонина Александров-

на занималась детьми: кроме новорожденного Валерия в семье была еще старшая дочь Лариса, 1938 года рождения (еще один сын Борис родится после войны, в 1946 году; он пойдет по стопам отца, станет хорошим специалистом оружейного завода). Мать была очень хорошей портнихой, шила женскую и мужскую одежду, легко перешивала старые вещи. Это ее умение было подспорьем в хозяйстве.

Детство запомнилось довольно тяжелым, голодным. Но, несмотря на это, болел редко, видимо, сказывались регулярные занятия спортом. Дети тогда проводили много времени на улице, гуляли с утра до вечера. Ребята дружили между собой, не ссорились и всегда помогали друг другу. Уже в то время Валерий Федорович начал увлекаться футболом, и это увлечение переросло в страстное желание связать свою дальнейшую жизнь со спортом.

Жили в Заречье. По пути в школу забегали на Ряжский вокзал, где можно было раздобыть жмых, — спрессованные остатки от семечек с шелухой, оставшиеся после производства подсолнечного масла. Им обычно кормили скот, но, как заверил Валерий Федорович, это было очень вкусно! Школьникам давали большую плитку этого жмыха, которую они делили между собой, набивали карманы и отправлялись в школу. В классе угощали остальных ребят и во время уроков стоял сплошной хруст! Но учителя снисходительно относились к этому, ведь время было очень голодным.

В 1960 году Валерия Федоровича пригласили в футбольную команду завода «Штамп». В 1962 году его призвали в армию. Службу проходил в спортивном батальоне Московского военного округа, где он получил возможность играть вместе с лучшими спортсменами ЦСКА. Спустя три года службы Валерий Федорович вернулся в Тулу. Его тренером был заслуженный мастер спорта, заслуженный тренер СССР Алексей Алексеевич Водягин. Команда заняла III место в чемпионате РСФСР и получила право играть в классе «А» (по современной квалификации, это премьер-лига). Валерий Федорович отмечает, что выступали спортсмены очень хорошо. В сравнении с другими командами у них был колоссальный разрыв.

В 1973 году Валерий Федорович закончил играть в футбол и стал работать тренером на заводе «Штамп». 8 лет тренировал команду, где добился уже в качестве тренера значительных результатов. Команда выступала в чемпионате коллективов физической культуры РСФСР и чемпионате области, все время была на лидирующих позициях, а потом он ушел в детскую спортивную школу при команде мастеров (ныне ДЮСШ «Арсенал»). И до сих пор он работает здесь.

Более десятка воспитанников Валерия Федоровича играли в команде мастеров: это Эдуард Абрамов, Анатолий Песенников, Сергей Гаврилов, Руслан Рахаев, Сергей Медведев, Сергей Рубцов, Олег Петров и др. О своих воспитанниках тренер говорит с большой теплотой и гордостью за их успехи. При этом Валерий Федорович, с трепетом относящийся к спорту и его развитию, не смог удержаться от сравнения советских молодых людей с моими ровесниками:

«Являясь свидетелем успехов тульских спортсменов, не могу не подумать о том, насколько тогдашняя молодежь отличается от современной. Сейчас спортсмены в своем большинстве не обладают такой выдержкой и стремлением к победе!

Такой контраст между той, советской молодежью, и нынешней! Сейчас дети не выходят на улицу, не занимаются спортом. Заметьте, теперь во дворах детей не видно; они играют дома в компьютерные игры, виртуальный футбол, а раньше все играли на свежем воздухе, гоняли реальный мяч! Нам нужны здоровые люди, которые думают о благе окружающих людей и своей страны. Но теперь все увлечены техническими новшествами, пренебрегают книгами и спортом. Это трагично.

А сегодняшние спортсмены? Незаслуженно получают большие деньги, при этом их «достижения» оставляют желать лучшего. Раньше была ответственность, играли на совесть, порой выходили на поле даже с травмами — не жалели себя ради интересов команды! Теперь такого нет, к моему глубочайшему сожалению.

Меня расстраивает отношение некоторой части молодежи к долгу, к Родине. Хорошо, что сейчас нашей национальной идеей провозгласили патриотизм: возможно, это поможет воспитать в детях любовь к стране, малой родине, коллективу, преданность. Этого, ведь, очень нам не хватает. Нам нужны здоровые, дружные люди, иначе просто нельзя. Я желаю этого нашей молодежи: быть сильными и спортивными, проводить время на свежем воздухе, и, что самое главное, помнить о своем долге и своей стране».

Владимир Тимофеевич Карев

Карев В. Т.

Вратарь тульской команды мастеров (именовавшейся в 1960-е «Шахтер», «Металлург»), Заслуженный тренер Молдавской ССР. Потом играл в кишиневской «Молдове» (позднее «Нистру»), днепродзержинском «Прометее», одесском СКА, новосибирской «Сибири», в «Сперанцы» из Дрокии (Молдова). В составе «Нистру» сыграл 24 матча в Высшей лиге.

Затем работал тренером, организовал ДЮСШ «Нистру», занимался с вратарями сборной Молдавии, тульского «Арсенала». Среди подопечных Карева — Игорь Добровольский, Сергей Деркач. За подготовку Олимпийского чемпиона 1988 года в Сеуле В. Т. Кареву присвоено звание Заслуженного тренера Молдавской ССР. Ныне он работает в ДЮСШ «Арсенал».

Родился Владимир Тимофеевич в Новосибирске 12 июня 1944 года. Родители, Тимофей Иванович и Клавдия Петровна, были уроженцами Волгоградской области, хутора Бесплемяновский. В семье всего было шестеро детей, двое из которых умерли в младенчестве. Это и не удивительно: тяжелые были времена, и смерть ребенка тогда была печальной обыденностью.

Отец состоял в комитете по раскулачиванию, но сам пострадал, когда отказался раскулачивать своего тестя. За это он в 1932 году был репрессирован и вместе с родными сослан в Кемерово, где долгое время работал на шахте. Спустя 10 лет семью отправили в Новосибирскую область.

Жили на берегу Оби. Местность болотистая, сплошь топи, ходили по деревянным трапам. Клавдия Петровна не отпускала детей на улицу без керосиновой сетки из-за обилия комаров и различного рода насекомых. Жили благодаря помощи, приходящей на пароходе, и корове Зорьке, спасавшей семью. На сковородке мать подогревала капустные листы, лишь бы дать детям хоть что-то теплое. Позже отец начал рыбачить и охотиться, и жить стало легче. Бывали случаи, что за один раз Тимофей Иванович приносил до 12 зайцев.

Отца реабилитировали в 1948 году. Ему вручили медаль «За трудовую доблесть во время Великой Отечественной войны», и после этого семья переехала в Тульскую область. Поначалу Тимофей Иванович работал на шахте в районе Советска, и до работы каждый день ему приходилось ходить по 5 км. Однако позже отец, который с детства любил шить и был хорошим портным, стал работать в ателье. Постепенно жизнь начала налаживаться.

С детства Владимир Тимофеевич очень любил спорт, уделял ему все свое время. Даже в 8 классе на второй год остался, жертвуя занятиями ради спортивных достижений. По юношескому восьмиборью в Тульской области Владимир Тимофеевич однажды занял IV место.

Очень ярко ему запомнился день 6 марта 1953 года, день смерти Сталина. Это событие стало национальной трагедией. Он вспоминает, что люди плакали, пребывали в глубоком шоке, искренне переживая кончину вождя. На улице гудели сирены. Несмотря на то, что семья Каревых стала жертвой репрессий, Владимир Тимофеевич положительно относится к Сталину. Считает, что в наше время не хватает дисциплины: молодые люди теперь испорчены деньгами, информацией, потребительством, пришедшим с Запада. Спорт, различные соревнования стали коммерческими, в то время как многие семьи не могут платить за детей из-за недостаточной материальной обеспеченности. Люди перестали читать.

В 1963 году Карева пригласили во взрослую команду. Он поступил в Тульский механический институт. В 1964 году, играя за факультет, получил серьезную травму — перелом руки со смещением, последствия которой чувствовались еще довольно долго.

Осенью 1967 года он был приглашен на работу в Кишинев, где достиг наиболее значимых успехов.

В 1973 году команда Карева вышла в Высшую лигу, они стали серебряными призерами чемпионата СССР. В 1977 году, в возрасте 34 лет, Владимир Тимофеевич закончил спортивную карьеру.

Следующие 5 лет он занимал пост директора спортивной школы-интерната, был тренером футбольной команды. В интернате было отличное финансирование, что давало возможность достойно тренировать ребят,

отправлять их на сборы. Из подобных интернатов, которых по стране было более 30, стабильно выходили игроки сборных команд. В частности, Игорь Добровольский, которого Владимир Тимофеевич некоторое время тренировал, стал олимпийским чемпионом Игр в Сеуле (1988).

В Тульскую область Владимир Тимофеевич вернулся в 2000 году, а с 2003 года и по настоящее время является тренером–преподавателем Тульской ДЮСШ «Арсенал».

У меня вызывают большое уважение слова Владимира Тимофеевича: «Я бы пожелал молодежи помнить о прошлом своей семьи и своей страны. Сейчас это большая проблема: историю переписывают, памятники сносят, а события нередко оценивают лишь с отрицательной стороны, не принимая во внимание положительные моменты (например, в Советском Союзе была прекрасная организация спорта). Я люблю свою страну и не могу понять людей, которые эмигрируют за границу. Никогда у меня не возникала мысль покинуть Россию, хотя возможность такая была. В другой стране я никогда не буду испытывать то, что испытываю на Родине!»

ПЧЕЛОВОД-КОЛХОЗНИК С 42-ЛЕТНИМ СТАЖЕМ

***Ефанова Анна Александровна**, 19 лет,*
студентка 2 курса направления «Экономика»
Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова;
*научный руководитель — **Ростовцева Людмила Ивановна**,*
профессор, д-р социол. наук,
г. Тула

Пожалуй, нет ни одной семьи, в чью судьбу безжалостно не ворвалась бы Великая Отечественная война. Не прошла она и мимо моей семьи. Мой прадедушка Лунев Петр Степанович был участником военных действий.

Он родился в с. Страмок Арсеньевского района Тульской области. Рано потерял родителей и воспитывался в детском доме. Окончил семь классов и поступил в Ясногорское ФЗУ (школа фабрично-заводского ученичества). Работал на военном заводе.

С каждым днем фашисты становились ближе и ближе. Рабочих и оборудование спешно увозили в Красноярск. В феврале 1942 года эвакуированный завод снова начал выпускать продукцию. Душа Петра Степановича кипела, было обидно за страну, за ту разруху, что принес фашизм. Он часто обращался с заявлением в военкомат, но с завода не отпускали, была бронь.

В июне 1943 года он все-таки добился своего: Петра Степановича направили в офицерскую школу. Но так хотелось молодому, с горячим сердцем

На пасеке

человеку попасть на фронт, вступить в бой с захватчиками, что он отказался, понимая, что на войне каждый человек был на счету. Когда советские войска уже гнали фашистов с родной земли, часть перебросили на Первый Белорусский фронт. В июле началось наступление на город Кобрин (Брестская область, Белоруссия). Потери были огромными. В пылу боя Петр Степанович даже не почувствовал боли, когда разрывная пуля вошла в плечо; заметил, что лежит в крови. Помогло фронтовое братство: товарищи вынесли с поля боя. Лечился в родном селе. Здесь он и остался, так как война закончилась.

И вот остались позади годы боев, а впереди — восстановление разрухи. Война нанесла огромный урон всему Арсеньевскому району. Хотя период оккупации был недолгим (с 28 октября по 22 декабря 1941 года), за это время немцами было сожжено и разрушено 1776 жилых домов, 26 госучреждений, школа, электростанция, аптека, клуб, 248 сельхозмашин, 74 колхозных постройки. Немцами были отобраны и уничтожены лошади — 1222 гол., крупный рогатый скот — 659876 гол., овцы — 659 гол., свиньи — 6988 гол., птица — 9333. Всего убытков нанесено на сумму 27 475831 руб. [1, с. 151].

Множество людей было убито или ранено. 3060 жителей Арсеньевского района встали под знамена Красной Армии на защиту Родины. 2559 из них геройски погибли или пропали без вести на полях сражений или в плену [2].

На опустошенной, выжженной боями земле многие остались без крова. Действительно, можно считать подвигом не только победу в Великой Отечественной войне, но и восстановление хозяйства после нее. Ведь у людей не опустились руки, они не впали в отчаянье и не стали искать другой жизни. Все население района собралось, поднялось несмотря ни на что, теперь на трудовом фронте. Беда сплотила людей. Полным ходом началось строительство и ремонт школ, больниц и жилых домов. Большие усилия сосредоточивались на восстановлении сельского хозяйства, ведь в нем не осталось никакой тягловой силы. Чтобы засеять землю, надо было копать лопатами, зерно принести на плечах с железнодорожной станции Арсеньево. Развернулось активное строительство.

После войны Петр Степанович 42 года проработал пчеловодом в колхозе имени XXI съезда КПСС Арсеньевского района Тульской области. Он очень любил свое дело. Пасека находилась в двух километрах от дома, состояла из 140 ульев. Ежедневно, при любой погоде, он ходил на любимую работу. Даже зимой охранял пасеку, т.к. были зафиксированы 2 случая воровства. В целях

повышения собираемости меда, поля вокругпасеки были засеяны медоносными травами. Благодаря этому, колхоз всегда выполнял план по сдаче меда. За многолетний труд Луневу П.С. присвоено почетное звание «Ветеран труда».

За участие в Великой Отечественной войне в составе действующей армии Лунев Петр Степанович награжден Орденом Отечественной войны II степени и медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Суровая и страшная война уничтожала все на своем пути, но не смогла сломить мужества советских солдат, не смогла погасить в их сердцах доброту, смелость и патриотизм. Несмотря на пережитый ужас военных лет, прадедушка всегда оставался улыбчивым и любящим своих детей, внуков и правнуков.

Он умер 17 марта 2001 года и похоронен на своей малой родине. На его памятнике изображена красная звезда как символ мужества советского солдата.

Я горжусь своим прадедушкой, учусь у него смелости, упорству и любви к Родине. И пусть его имя не напишут в учебниках истории, для нашей семьи он всегда будет героем, бесстрашно сражавшимся за счастливую жизнь будущих поколений.

Литература

1. Книга Памяти 1941–1945. Том 3.— Тула: Приокское книжное издательство, 1994.— 151 с.
2. Муниципальный архив Администрации муниципального образования «Арсеньевский район»: ф.1, оп.1, д. 5, л. 11.

ДЕДУШКА — МОЙ ЭТАЛОН[1]

Журавлева Злата Сергеевна, *24 года,*
Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова;
научный руководитель — ***Ростовцева Людмила Ивановна,***
профессор, д-р социол. наук,
г. Тула

«Помнит Вена, помнят Альпы и Дунай тот цветущий и поющий яркий май...» Слова известной песни «Майский вальс», написанные Евгением Долматовским, стали негласным гимном 1945 года, когда российские войска одержали Великую Победу над фашистской Германией. Весь народ ликовал! Улыбки не сходили с лиц людей, давно позабывших вкус счастья.

[1] Продолжение. Начало см.: Журавлева З.С. Война глазами ушедших в вечность // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений / Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой.— Тула: Гриф и К, 2010.— С. 280–283.

Журавлев Н. М.

В воздухе витала радость грядущих мирных дней, все чувствовали долгожданную свободу!

1945 год стал для нашего народа особым годом — годом освобождения, возрождения и зарождения новой страны. Война нанесла серьезный ущерб нашей стране: изуродованные города, сожженные села, изувеченные лесные массивы, бесплодные поля... Все это нужно было восстанавливать, возрождать. Однако внутренняя, сокровенная часть широкой души русского народа осталась цела и даже еще более укрепилась и сплотилась. Вера в светлое будущее, надежда и всеобъемлющая любовь — три ипостаси, на которых держалось все советское общество в первые послевоенные годы.

1945 год для моей семьи стал счастливым годом. С фронта вернулся мой дедушка Журавлев Никита Михайлович. Вернулся здоровым и невредимым — без ранений. Главное — он остался жив! Для бабушки день встречи с супругом стал вторым днем рождения, ведь всю войну она с двумя детьми на руках «не жила, а существовала» (это ее слова), укрепляясь лишь молитвой и верой в скорый день воссоединения.

Сразу после войны дедушка с бабушкой и детьми жили в Закавказье. Этот период в их жизни был недолгим, бабушка захотела возвратиться на малую Родину, в Тульскую область, и дедушка поддержал ее желание. Он начал работать в военно-техническом училище. По состоянию здоровья в возрасте 42-х лет ему пришлось уйти из армии на пенсию. Но дома дедушка долго сидеть не стал, вскоре он устроился в строительный трест. Никита Михайлович был сам очень трудолюбивым и, работая начальником, добивался того, что его подчиненные часто перевыполняли план! Дедушку часто награждали похвальными грамотами и благодарностями, но самой главной наградой для него было видеть плоды своих трудов и радость в глазах других людей. За добросовестный труд и большой вклад в развитие строительства в городе семье Журавлевых выделили квартиру.

В более позднем возрасте Никита Михайлович занимал должность заместителя директора по воспитательной части в интернате для глухих детей в г. Туле. Эта работа дедушке очень нравилась, ведь каждый день он мог помогать детям своей добротой, заботой и вниманием. Для него это было очень важно. Он очень любил детей. Чужую беду и горе дедушка всегда пропускал через сердце, поэтому всегда был готов прийти на выручку нуждающемуся, подать руку помощи просящему, утешить скорбящего. Работая в интернате, дедушка выучил язык глухонемых и мог спокойно общаться с детьми благодаря понятной им жестикуляции.

9 мая 1956 года в семье Журавлевых родилась дочка, моя мама. Для дедушки это был необычайный подарок. Он очень хотел дочь. Кроме того, день

рождения дочери совпал с празднованием Дня Победы — для дедушки это было особенно приятно и значимо. По словам мамы, дедушка часто говорил, что рождение дочки 9 мая — это как благословение свыше за все его труды, бои, лишения и скорби. Теперь каждый год 9 мая наша большая и дружная семья празднует два праздника — День Победы и День рождения моей мамы.

Дедушки нет с нами уже 24 года. Он ушел за несколько месяцев до моего рождения... Конечно, мне очень жаль, что я не успела увидеть его, поговорить с ним, ощутить на себе его добрый взгляд и тепло родных рук, но я чувствую его невидимое присутствие, его незримую помощь и поддержку. В моменты, когда в моей жизни бывают сложные ситуации, касающиеся проблемы выбора и принятия важного решения, часто дедушка приходит ко мне во сне и дает понять, как поступить правильно. Между нами есть невидимая связь.

Мама мне часто говорит, что характером я очень похожа на дедушку, такая же сильная и целеустремленная. Для меня эти слова выше всех похвал, ведь дедушка для меня, как и отец,— эталон мужчины, на который надо равняться, которым нужно гордиться!

ВСЕГДА НА ПЕРЕДОВОЙ

***Ключникова Наталья Андреевна**, 18 лет,*
студентка 1 курса направления «Экономика»
Тульский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова;
*научный руководитель — **Ростовцева Людмила Ивановна**,*
профессор, д-р социол. наук,
г. Тула

Мой прадед, Сергеев Алексей Михайлович, родился 14 августа 1915 года в городе Серпухове в семье рабочих. Отец, Михаил Алексеевич, работал на ситценабивной фабрике токарем, мать, Евдокия Сергеевна, была домохозяйкой. У Алексея Михайловича был старший брат Василий Михайлович 1909 г.р. и три сестры: Мария 1906 г.р., Варвара 1902 г.р. и Елена 1907 г.р. Алексей Михайлович учился в образцовой средней школе № 1 и окончил 6 классов в 1927 году. Сразу же после учебы пошел работать помощником токаря на ситценабивную фабрику, где работал его отец. Алексей Михайлович был коммунистом, членом КПСС. В 1934 году был призван на срочную службу в Красную Армию. Действительную службу проходил в пограничных войсках на Дальнем Востоке, служил 3 года (по 1937 год). Был участником военных действий на озере Хасан, в результате которых в августе 1938 года советские войска отбили наступление вторгшихся на территорию СССР японских боевых частей.

Сергеев А. М. 1934 г.

Когда началась Великая Отечественная война, прадед в первые же дни был призван в Кремлевскую дивизию внутренних войск (НКВД). Эта дивизия имела широкую известность и богатую историю как в народе, так и в Вооруженных Силах страны, отличалась высокой дисциплиной личного состава. Боевые действия начал пулеметчиком, принимал непосредственное участие в оборонительных боях под Смоленском в 1941 году, в комплексе оборонительных и наступательных действий советских войск против немецкой группы армий «Центр» и части сил группы армий «Север» на главном Московском направлении. В течение двух месяцев (с 10 июля по 8 сентября 1941 года) ожесточенные бои продолжались на огромной территории. Советские войска понесли тяжелейшие потери, за время сражения в общей сложности погибло 759 974 человек [1].

Алексей Михайлович принимал участие в обороне Москвы в 1941 году в составе Западного фронта.

Шло время, и сотни тысяч людей гибли каждый день.18 ноября 1944 года погиб в бою за социалистическую Родину, проявив геройство и мужество, старший брат Алексея Михайловича Василий, который был похоронен в городе Ясберень в Венгрии.

Мой прадед прошел всю войну, которую закончил в Румынии под Бухарестом в 1945 году в возрасте 30 лет. С 1945 года по 1946 год он принимал участие в военных действиях против бандеровцев. После войны в течение двух лет проходил службу в пограничных войсках на Западной Украине, где занимался восстановлением пограничных застав и обучением молодых пограничников. Был демобилизован из армии в начале 1947 года в звании сержанта.

Награжден орденом Отечественной войны, медалями «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За оборону Москвы» и др.

Вернувшись в родной Серпухов в начале 1947 года, Алексей Михайлович отправился трудиться на предприятие токарем, где познакомился со своей будущей женой Александрой Сергеевной, которая работала в цехе покраски тканей. В конце 1947 года они поженились, в 1949 году у них родилась дочь, моя бабушка Галина Алексеевна.

Семья жила в частном доме, в котором Алексей Михайлович сам провел водопровод, пристроил кухню и все обустроил. Мой прадед очень любил животных, и поэтому в доме всегда жили собаки. Он предпочитал проводить свободное время на природе, ходить по грибы. Мой прадед работал токарем более 40 лет и за успехи в труде в 1967 году получил в Кремле высшую награду — «Орден Ленина».

В 1970 году в серпуховской газете «Коммунист» опубликовали статью о кавалерах ордена Ленина под названием «Всегда на передовой», посвященную моему прадеду, в которой было написано:

«Как это и бывает, беда пришла нежданно-негаданно. На одной из насосных вышла из строя турбина.

Надо было срочно принимать меры. Время позднее. Вернее сказать, ночь. Третий час пошел. И все-таки надо было непременно послать за Алексеем Михайловичем Сергеевым. Только он выручит.

Узнав о случившемся, Алексей Михайлович стал собираться. Так было не впервые. Ночь-заполночь, если нужно выйти на место аварии, Алексей Михайлович всегда готов.

У Сергеева — пятый разряд. Токарь механических мастерских треста «Водоканализация», он выполняет самые сложные, самые ответственные работы. Да и не может быть иначе. В тресте он трудится двадцать третий год. Всю систему водоканализационного хозяйства знает как свои пять пальцев. За годы работы стал не только опытным, высококвалифицированным токарем, но и, одновременно, фрезеровщиком, строгальщиком, слесарем.

Алексею Михайловичу приходится ремонтировать, в основном турбины, различные моторы — в артскважинах и на очистных сооружениях. Работа сложная, детали все большие. Одних резцов у токаря более 200 штук. И все идут в дело. Иной раз за день до 5–10 видов работ приходится выполнять Сергееву. И всегда на него можно положиться во всем. Приходила в коллектив молодежь, и Сергеев считал своим долгом передать свой опыт, навыки молодым рабочим. Многие из них трудятся в тресте. И о них с гордостью говорят — «Выучки Сергеева». Вот Владимир Фомин, его первый ученик, сейчас всеми уважаемый в коллективе человек, руководит бригадой в водомерной мастерской. Токарь, сварщик, электрик — на все руки мастер, как и его учитель.

Алексей Михайлович — коммунист, и это определяет его взгляды на жизнь, на труд, на свое место в обществе. В нем как потребность в хлебе насущном живет стремление сделать свой труд и труд своих товарищей легче и эффективнее, заставить технику работать с полной отдачей.

Активным рационализатором слывет в своем коллективе Сергеев. Только в нынешнем году он внес три очень ценные предложения по совершенствованию оборудования. Получили в тресте новый насос, установили его, только главного он не делал — не качал воду. Тогда и взялся за него А. М. Сергеев. Изготовил новое рабочее колесо, и дело пошло на лад. Он же модернизировал соединительные муфты для турбин и мотора.

По торжественным дням грудь рабочего украшает орден Ленина — самая высокая награда Родины. За самоотверженный труд получил его кадровый рабочий и дорожит как святыней. Одно всегда стремление

у Алексея Михайловича — быть достойным этой награды. И его сегодняшние будни свидетельствуют о том, что всегда на передовой, всегда на самом трудном участке Алексей Михайлович Сергеев.

Н. Николаева» [2]

В 1974 году у него родилась любимая внучка — моя мама. В 1975 году он вышел на пенсию, но продолжал трудиться на производстве до 70-летия, ответственно относился ко всем поручениям. Каждый год прадедушка посещал демонстрации 9 Мая, много вспоминал о том, как воевал, рассказывал об этом своим близким.

В 1978 году жизнь его изменилась: после сноса дома, он получил квартиру в новостройке и был очень рад этому.

Я не помню своего прадеда, но я очень горжусь им. Алексей Михайлович Сергеев скончался 4 декабря 1997 года, за месяц до моего дня рождения. Эту память о нем, как эстафету, я буду передавать своим детям и внукам. Он, как миллионы других бойцов, сражался за наше счастье.

Вечная память погибшим в той войне и вечный поклон выжившим!

Литература

1. http://cpacibodedu.ru
2. Николаева Н. Всегда на передовой // Коммунист.— 1970.

ЧАБАН В ГРУЗИНСКОМ КОЛХОЗЕ

***Красникова Надежда Владимировна**, 20 лет,*
студентка 1 курса направления «Экономика»
Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова;
*научный руководитель — **Ростовцева Людмила Ивановна**,*
профессор, д-р социол. наук,
г. Тула

Война. Сколько боли в одном этом слове. Сколько поломанных судеб, разрушенных семей, прерванных жизней. В каждом доме ждали горячо любимого отца, сына, брата или мужа. А чаще, сразу несколько защитников. Все мои прадеды также были участниками Великой Отечественной войны. К сожалению, никого из них уже нет в живых. Но печальнее всего, что с каждым годом из нашей памяти стираются подробности их рассказов о войне, то, как они отстаивали право на жизнь своих внуков, правнуков — право на нашу свободную жизнь.

Мне бы хотелось рассказать о своем прадедушке по отцовской линии — Красникове Григории Михайловиче. Он родился в 1903 году в Грузинской ССР. Ушел на войну осенью 1942 года в возрасте 39 лет. Так

как Григорий Михайлович был немолод и имел проблемы со здоровьем, его распределили погонщиком на гужевой транспорт, готовили в горные войска. А в скором времени отправили защищать Военно-Грузинскую дорогу. Она играла важную роль в Великой Отечественной войне. Близ нее проходила героическая битва за Кавказ. Немецко-фашистские захватчики пытались прорваться к нефтяным промыслам Грозного и через Военно-Грузинскую дорогу — в Грузию и Азербайджан, чтобы захватить Баку с его нефтяными месторождениями. Но войска Красной Армии и отряды партизан остановили продвижение врага. Именно там прадед был ранен в первый раз (всего было три ранения).

После лечения в госпитале Тбилиси его отправили из города Поти на пароходе зимой 1943 года в Керчь. Воевал он в составе 255-й морской стрелковой бригады, входящей в состав войск Закавказского фронта; в своих скупых рассказах он упоминал имя командира Павлова. В течение нескольких месяцев они освобождали территорию Крыма. В одном из боев его рота попала в окружение.

Мой прадед Григорий Михайлович бежал из плена с другом, который был родом из этих мест. Они добрались до его отца и прятались три месяца у него дома. Пришлось выкопать небольшую яму, похожую на погреб. Сверху почву посыпали табаком и рядом посадили на цепь собаку. Так под землей они жили несколько месяцев. Постоянная сырость, спертый воздух… Солнечный свет практически не поступал в их убежище. Яма была настолько мала, что едва можно было вытянуть ноги и выпрямить спину. Но цель была достигнута — враг не нашел их даже при помощи обученных псов. Заточение под землей длилось до тех пор, пока русские войска не прорвали окружение. И снова фронт. На этот раз прадед попал в войска И. С. Конева. Ему удалось дойти до Молдавии, где был ранен второй раз. Затем Венгрия, Чехословакия. В последней стране для Григория Михайловича и закончилась война. В ночь с 8 на 9 мая 1945 года был подписан Акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Прадеда сразу же отпустили домой.

Он вернулся на свою родину в Грузию, в Богдановский район. Село было большое, насчитывающее несколько тысяч жителей, преимущественно русской национальности. Русские попали в Грузию еще в царские времена; во всем селе было лишь две армянских семьи. В самом районе жили армяне, так как рядом проходила граница с Арменией. Грузин в этом районе было очень мало. Русские жили достаточно закрытой общиной, контактировали только с другими русскоязычными селами. Моя мама, которая там родилась, очень интересно рассказывает об истории Грузии и с большим уважением относится к грузинской культуре, большое влияние на которую оказало принятие христианства уже в IV веке.

Прадед после возвращения с фронта продолжил работать в колхозе. Нужно было восстанавливать хозяйство. На протяжении долгих военных лет в поселке практически не было мужского населения, способного работать. После войны вернулись далеко не все. Все пришло в упадок. Поэтому приходилось прикладывать неимоверные усилия, чтобы достигнуть хотя бы довоенного уровня. Прадед работал чабаном в колхозе. Нужно было восстанавливать поголовье овец, которые давали шерсть, молоко и мясо. В соседнем селе был построен завод по переработке молока. Сыр из овечьего молока отправляли в республики СССР. Последние два года своей жизни прадед занимался полевыми работами. Помогал косить сено, складывать в скирды.

Из-за большого количества ранений Григорий Михайлович имел плохое здоровье и умер в шестидесятитрехлетнем возрасте 9 мая 1966 года. Война имела судьбоносное значение во всей его жизни, и даже день смерти пришелся на День Победы. Но за свою жизнь прадед сделал очень многое — он оставил после себя непобежденную и восстановленную страну.

* * *

P.S. Выражаем огромную благодарность научному сотруднику Музейного историко-мемориального комплекса героическим защитникам Севастополя «35-я береговая батарея» Екатерине Валентиновне Ерошевич за найденные документы, в которых содержится информация о Григории Михайловиче Красникове. Для нашей семьи стало приятным открытием известие о награде моего прадеда. Оказывается, он был награжден медалью «За боевые заслуги». В документе сказано: «Наградить ездового транспортной роты гвардии красноармейца Красникова Григория Михайловича за то, что он в боях с немецкими захватчиками был дважды ранен и, работая ездовым, своевременно и бесперебойно подвозил боеприпасы и продукты питания для подразделений полка». Очень жаль, что сам прадед не знал об этой награде.

В одном из присланных нам документов говорится об освобождении из плена наших солдат, одним из которых был Григорий Михайлович. «Начальник управления по персональному учету потерь сержантского и рядового состава действующей армии. Препровождаю список на 919 человек сержантского и рядового состава, освобожденных из плена и окружения противника.

Доношу, что полных данных на них сборно-пересыльный пункт не собрал, т.к. в связи со срочной передачей бывших военнослужащих 2 сентября 1944 года в 200 запасный строевой полк 3-го Украинского фронта, эти лица установленную регистрацию и проверку на сборно-пересыльном пункте не проходили».

Долгие годы в нашей семье все были уверены, что прадед бежал из плена. Поэтому данный документ стал большой неожиданностью для каждого из нас. Но если задуматься, становится понятно, почему человек хотел скрыть свое пребывание в плену. С таким «клеймом» было очень сложно жить.

ШРАМ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

***Серегина Яна Денисовна**, 17 лет,*
студентка 1 курса направления «Экономика»
Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова;
*научный руководитель — **Ростовцева Людмила Ивановна**,*
профессор, д-р социол. наук,
г. Тула

Моя прабабушка Казакова Раиса Кирилловна родилась в городе Орск Оренбургской области 13 ноября 1924 года. Ее родители, Евдокия Алексеевна и Кирилл Степанович воспитали двух дочерей: Раю и Клаву, а сынок Саша умер вскоре после рождения. Кирилл Степанович в голодный 1933 год работал на так называемой прособдирке, за работу получал пшено, благодаря которому удалось выжить. В войну он воевал на фронте, откуда посчастливилось вернуться. Перед войной моя прабабушка Рая успела окончить педагогическое училище, после чего ее послали на практику в пионерский лагерь. А 22 июня 1941 года за ней на лошади приехал отец, сказал, что началась война, и забрал ее домой.

Но не в характере девушки было сидеть дома, и она ушла на фронт добровольцем. Всего в 17 лет. Отправлялись в теплушках. Командир однажды спросил молоденькую Раю: «Ты, наверное, еще недавно в куклы играла?», на что та по-наивности ответила: «А как Вы догадались?» Окончила РОККовские курсы медсестер.[1]

После Победы служить довелось на Дальнем Востоке в полку аэродромного обслуживания. Занималась художественной самодеятельностью, руководила хором солдат и сама хорошо пела.

---

[1] В 1864 году был основан Международный комитет Красного Креста по инициативе швейцарского писателя и журналиста Анри Дюнана. В России 03.05.1867 года императором утвержден «Устав общества попечения о раненых и больных воинах». В этом же году Россия присоединилась к Женевской конвенции. С конца 1860-х годов стали создаваться его отделения в крупных городах, затем и в уездах. Организацию Московского управления Общества поддержал митрополит Филарет, ставший одним из его учредителей. 20.07.1879 года оно было названо Российским обществом Красного Креста (РОКК). 20 ноября 1920 года считается датой основания общества Советского Красного Креста – добровольной организации, «целью которой является оказание помощи населению, пострадавшему от военных действий и стихийных бедствий, а также оказание содействия военно-медицинской службе и организациям здравоохранения в медицинском обслуживании раненых и гражданского населения...». За годы Великой Отечественной войны Советский Красный Крест подготовил более 300 тысяч медсестер, около 500 тысяч санитарных дружинниц и инструкторов, более 5,5 миллионов человек были донорами [1, с. 5].

Раиса и Василий после войны

Здесь же познакомилась со своим будущим мужем Шведским Василием Сергеевичем — офицером-артиллеристом. Он окончил Тульское артиллерийское училище, имел ранение, командовал артиллерийским расчетом.

Прабабушка, бывало, рассказывала, как на войне японцы отравляли колодцы. Тот, кто выпивал оттуда воды — погибал. А прабабушке повезло. Однажды она только умылась той водой, как командир, увидев это, успел остановить ее. Но последствий было не избежать — на лице появилась язва, от которой остался шрам на всю оставшуюся жизнь.

Еще она рассказывала, как попала под обстрел японцев в колонне военных машин, когда ехали по сопкам. И снова командир спас ее, закрыв рукой, из-за чего сам был ранен.

В 1945 году, когда закончилась война с японцами, прабабушка демобилизовалась.

Она опекала сестру Клаву, так как они остались вдвоем, без родителей. После смерти матери, а вскоре и отца мои прабабушка и прадедушка взяли Клаву с собой на Дальний Восток, в военный гарнизон. Там она вышла замуж за военного. Муж Клавдии впоследствии был направлен на службу в Германию.

После войны прабабушка следовала за мужем-офицером — он служил в Пензе, во Владимире, потом в Сталиногорске. Работала она в медицинских учреждениях, а в 1957 году, когда переехали в Сталиногорск (нынешний Новомосковск), устроилась в городской кинотеатр «Дружба» старшим контролером. Прадедушка после демобилизации в 1960 году окончил химический техникум и работал на химическом комбинате в Новомосковске, в цехе контрольно-измерительных приборов и автоматики (КИПиА). Избирался парторгом цеха, был членом Всесоюзного общества рационализаторов и изобретателей (ВОИР).

В мирное время прабабушка участвовала в избирательной комиссии, была заседателем в народном суде. Так как муж был военный, жили хорошо, чего не хватало в быту, делали своими руками. Прабабушка вышивала, украшала вышивками подушки и одежду, шила дочкам платья. Прадедушка мастерил различные вещи.

Прабабушка и прадедушка имеют боевые награды и юбилейные медали. Прабабушка имеет Орден Отечественной войны II степени, прадедушке

дороги две награды: Орден Отечественной войны II степени и Медаль «За победу над Японией».

После войны прадедушка обменивался с сослуживцами фотографиями с памятными надписями, а у прабабушки осталась толстая тетрадь с пожеланиями от ее сослуживцев, которая сохранилась и по сей день. По этим надписям и пожеланиям можно судить о ценностях послевоенной поры, мечтах и стремлениях людей. А желали тогда, прежде всего, здоровья и мирного неба над головой — смысл этих слов им был хорошо понятен! И употребляли словосочетание «На добрую память».

Мы знаем из их воспоминаний о героической юности и стойкости людей в годы испытаний. Память о них мы храним до сих пор. Я считаю, что воспоминания о Великой Отечественной войне и послевоенном времени, наполненном трудовым героизмом, надо передавать из поколения в поколение. Чтобы помнить!

Литература

1. Прокопец О.Н. Сиянье Красного Креста. Из истории Тульского отделения общества Красного Креста.— Тула: Гриф и К, 2013.

ВОСПОМИНАНИЯ АНАСТАСИИ АНДРЕЕВНЫ ЯКОВЛЕВОЙ

(03.11.1924–30.04.2015)

Стрельникова Евгения Сергеевна, *22 года,*
магистрант направления «Экономика коммерческой организации»
Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова;
научный руководитель — ***Ростовцева Людмила Ивановна,***
профессор, д-р социол. наук,
г. Тула

Анастасия Андреевна Яковлева — участник Великой Отечественной войны, труженик тыла, а главное, моя прабабушка! Она, как и все ее поколение, совершила грандиозный подвиг — защитила Родину от фашистских захватчиков. Это не должно быть забыто! Рассказы об отваге и мужестве должны передаваться из поколения в поколение! Именно поэтому я решила написать о военной и послевоенной жизни моей бабушки.

1941 год. Узловая. Впереди долгожданное лето. Все жители города знали, что где-то началась война, но надеялись, что она до них не дойдет. Однако они сильно ошибались...

«Шли эшелоны с беженцами. Война быстро приближалась к нам. Стали летать вражеские самолеты и над нашим городом»,— вспоминала бабушка.

Для Анастасии Андреевны одним из самых ярких воспоминаний военных лет была первая бомбежка. Она с подругами стояла в магазине в очереди за хлебом. Народа было много, и они вышли на улицу поиграть в догонялки. Вдруг где-то очень высоко появились три самолета, и от них отделились три точки. Люди думали, что это наши самолеты, какой-то мужчина закричал: «Ложись!» Все, кто был на улице, прижались к стенам магазина или просто к земле. Прогремели три взрыва. Когда самолеты улетели, раздались крики раненых, перепуганные люди стали разбегаться по домам. Анастасия Андреевна видела, как, забившись в угол, сидела мамина подруга, уже мертвая Мария (Живова или Белова, точно фамилию не вспомнила). Домой Анастасия прибежала перепуганная и без хлеба. Часа три не могла ничего сказать от испуга.

Будучи подростками, Анастасия и ее сверстники помогали колхозникам как могли: убирали картофель, научились связывать и собирать колоски,— а те их угощали молоком.

Спустя некоторое время в город приехал полковник, которому было поручено набрать 50 подростов в возрасте от 14 до 18 лет для помощи труженикам тыла. По комсомольской путевке райкома комсомола моя бабушка была мобилизована на Егорьевский фосфоритный рудник — военный завод, где выпускали противотанковые мины. Проработала она там 4 года по 12 часов без выходных. Жили на казарменном положении в бараках по 50 человек, в основном молодежь.

В это время, как писала ей ее мама Мария Николаевна, Узловую оккупировали немцы. Фашистский террор длился три недели: с 21 ноября по 14 декабря 1941 года. За это время были разрушены школы, библиотеки, клубы, разграблены предприятия, сожжен элеватор, а самое главное — погибло много мирных жителей.

В доме родителей моей бабушки на улице Луговой в этот период поселились два немца. Один был сапожник, другой — парикмахер. Утром они уходили, приходили только ночевать, а днем где-то обслуживали своих солдат. Немцы не обижали семью: маму, бабушек, двух младших братьев и сестру.

Однажды Николай, бабушкин брат, днем достал баян из подполья, чтобы просушить, и в этот момент неожиданно вернулся один из немцев. Николай испугался, а немец посмотрел на него, что-то залопотал и попросил что-нибудь сыграть. Он играл какой-то вальс, а немец плакал...

Перед Рождеством «нежеланные гости» получили посылки с письмами, гостинцами, фотографиями своих жен и детей; что-то пытались рассказать на своем языке и снова плакали.

Однажды утром к ним в дом зашли немецкий офицер и мужчина в гражданской одежде. Они сказали, чтобы в течение дня дом освободили,

иначе всех расстреляют. Бабушки начали голосить. Но мир не без добрых людей. На углу их улиц Луговая и Беклемищева был дом, из которого хозяева эвакуировались, а ключи оставили соседям. Туда семья и переехала.

После освобождения Узловой немцы ушли из их дома, и семья смогла вернуться в родные стены. Однако бомбежки все равно продолжались еще на протяжении долгого времени.

Особенно запомнился Анастасии Андреевне фрагмент письма, которое она получила от своей бабушки: «Я, как всегда, встаю рано и пеку лепешки. Вчера Саша подошел к окну и увидел бегущего по огороду немецкого солдата. Он был одет плохо: на ногах какие-то ботинки, шинелишка, на голове что-то вроде фуражки-ушанки. Вдруг раздался выстрел, солдат упал. Саша выскочил на крыльцо и увидел, что по улице едут НАШИ. Из домов стали выбегать люди. От радости кто плачет, кто смеется, несут из дома еду. Я завернула в полотенце лепешки и сую им в руки, а наши солдаты смеются и угощают нас галетами. Все на лошадях, в белых полушубках, в белых валенках, в шапках-ушанках и в рукавицах. Это была армия Белова. Ехали они со стороны Тулы».

В конце войны на Егорьевский рудник приехали два офицера из Наркомата госбезопасности, чтобы набрать новых сотрудников в органы г. Егорьевска. Моя бабушка и ее подруга, Макаренкова Валентина Андреевна, оказались в их числе. Послевоенная жизнь была тяжелая, жили долгое время в вагонах на вокзале, спали на полу на матрацах, удобств не было. Затем Анастасию Андреевну перевели в органы государственной безопасности г. Узловая, где она вышла замуж за Болдырева Николая Андреевича — машиниста, разведчика во время войны. Они воспитали двух прекрасных сыновей — Юрия и Игоря — и счастливо продолжили гражданскую жизнь.

За долгое время работы в государственных органах Анастасия Андреевна приобрела профессиональные навыки сотрудника КГБ: она была интересным собеседником, имела отличную память на даты и имена (даже в возрасте 90 лет она могла часами рассказывать о дальних родственниках, помнила даты их рождения), обладала твердым характером, всегда держала слово и свои обещания. Именно поэтому она и в нас, внуках и правнуках, воспитывала эти качества. Она научила нас отвечать за свои слова, «не рубить сгоряча», поддаваясь эмоциям, а «трезво» мыслить в сложных ситуациях, бережно относиться к тому, что имеешь, ценить каждую минуту, проведенную со своими родными и близкими, оказывать поддержку и помощь окружающим.

Как рассказывала мне бабушка, военная жизнь, конечно же, сильно закалила ее характер: житейские неурядицы и неудачи воспринимались намного легче, ведь за спиной были множественные лишения, многочисленные невзгоды и печали. Однако главное, по ее словам, не что иное, как мирное небо над головой! Без него невозможно любить и радоваться жизни!

ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ: РАДОСТИ И ОБИДЫ[1]

Терентьева Анна Андреевна, *20 лет,*
студентка 3 курса направления «Экономика»,
профиль «Финансы и кредит»
Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова;
научный руководитель— ***Ростовцева Людмила Ивановна,***
профессор, д-р социол. наук,
г. Тула

«И откуда взялось столько силы
Даже в самых слабейших из нас?
Что гадать! — Был и есть у России
Вечной прочности вечный запас».

Ю. Друнина

Послевоенные годы — тяжелые годы восстановления экономики нашей страны. Война унесла больше 20 миллионов человеческих жизней, страна лежала в руинах. Разрушены города и поселки, уничтожены тысячи сел и деревень, взорваны и выведены из строя десятки тысяч заводов, фабрик, шахт; не хватало продуктов питания, снабжение населения товарами строго нормировалось. Но надежда на лучшее и оптимизм задавали ударный ритм началу послевоенной жизни; народ, перенесший тяжелейшие испытания в войну, мужественно переносил и послевоенные трудности. Кажется, мы знаем о том времени достаточно, но все это так далеко от нас и представить все, что происходило в те послевоенные годы, очень трудно. И только знакомясь с историей своей семьи, эти годы становятся понятнее, их начинаешь принимать сердцем и сопереживать.

Трагический след оставила война в истории семьи моей прабабушки Кирюшиной Марии Степановны. Еще до войны семья, проживавшая в поселке шахты № 17 (сегодня поселок Задонский) города Донской Тульской области, состояла из 11 человек. Но в 1941 году пропал без вести под Ленинградом первый муж прабабушки Королев Павел Иванович, из-за суточного пребывания в ледяном погребе во время бомбежки у старшей сестры Анастасии Степановны умерли две ее крохотные дочки, а в 1943 году она получила похоронку на мужа. Шахту № 17 начали восстанавливать сразу после освобождения города Донской в 1942 году, и прабабушка, оставив дочку, родившуюся в январе того года, на попе-

[1] Продолжение. Начало см.: Терентьева А.А. В «мясорубке» войны ... // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. Ч. 2. / Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой.— Тула: Аквариус, 2015.— С. 332–337.

чение своей матери, вышла на восстановительные работы, а затем до конца войны работала на этой шахте под землей на откатке вагонеток с углем. Прабабушка вспоминала, что все трудились по 15–16 часов в сутки, было очень тяжело, недосыпали, недоедали, но делали все для нашей победы над врагом.

И вот весна 1945 года — долгожданная Победа! Мир — то, о чем мечтали все люди, то, ради чего они сражались, гибли, терпели страдания и лишения,— пришел на землю нашей страны. Прабабушка вспоминала, как ранним утром 9 мая 1945 года она, как и сотни людей, спешила на работу. Озабоченные, серьезные лица, каждый был погружен в свои мысли... И вдруг неожиданный крик в толпе: «Товарищи! Победа!» Все в недоумении остановились, еще не до конца поняв смысл сказанных слов. «Я говорю, война закончилась, в Берлине подписан акт капитуляции, ура!» И вот тут, выйдя из оцепенения, все подхватили: «Ура!» Люди плакали и смеялись от счастья, начали поздравлять друг друга, подбрасывать в воздух шапки. Через минуту радостная весть облетела всю шахту. Возле здания администрации собрались толпы народа, и все дружно двинулись по улице к поселковому совету. Из домов выбегали люди, собрались все — и стар и млад. Остановились возле здания поссовета, где начался стихийный митинг. Весь день до ночи гремела музыка, раздавались по поселку песни и звуки гармошки.

В 1945 году прабабушка, получив после обучения на курсах в Сталиногорске (сегодня — Новомосковск) специальность «водитель электровоза», была направлена на шахту № 19. Она вспоминала, что при этой шахте находился лагерь для военнопленных немцев. Днем пленные трудились на строительстве бараков в поселке шахты № 17, в которых потом сами и проживали, а ночью охрана доставляла их на шахту. Немцы работали на шахте только в ночную смену. Построенные пленными бараки после закрытия лагеря были переоборудованы под жилье для местных жителей. Примечательно, что практически все эти дома сохранились до 2000-х годов, как, впрочем, и в других шахтерских поселках.

Оставив за порогом войны самое страшное и тяжелое, люди верили, что жизнь будет быстро меняться к лучшему. Однако на протяжении трех-четырех послепобедных лет вся страна жила впроголодь. Не исключением была и семья прабабушки.

Самым тяжелым, по воспоминаниям прабабушки, был 1946 год. Повысили цены на продукты, распределяемые по карточкам. И несмотря на приличную, по тем временам, зарплату (прабабушка получала 600 рублей), многим не хватало ее на то, чтобы выкупить хлеб по карточкам. Прабабушка вспоминала случай, когда ее напарница, вдова, имевшая 3-х детей, сказала в профкоме: «Мне трудно было кормить детей до повышения цен, а теперь остается только повеситься». В магазинах с перебоями отоваривались хлебные карточки, а круп и жиров не было

вовсе. По воспоминаниям прабабушки, ночами стояли в очереди за мукой — обычно ее мама с позднего вечера до ночи, потом подменял отец, а утром и до открытия младшая сестра. Цены на рынке в городе Донской быстро поползли вверх, особенно на хлеб и картофель (1 кг хлеба стоил недельную зарплату прабабушки). Один раз в месяц по карточкам давали две бутылки водки, ее меняли на крупу и картошку. Сахара не видели, вместо него ели ломтики вареной свеклы, высушенные в печи, пили морковный чай из сушеной моркови. Сильно ухудшилось питание рабочих на шахте. По воспоминаниям прабабушки, в столовой кроме баланды из капусты ничего не было, да и порции давали такие, что съешь и не заметишь, обедала или нет, и это за 12 часов работы. На шахте участились случаи болезней и даже смертей, вызванные хроническим недоеданием.

1946 год запомнился прабабушке не только непосильным трудом, нищетой и голодом, но и радостным знаменательным событием. Ее, как и ее сестру Анастасию Степановну, за трудовой героизм наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» Награждение состоялось в Донском городском комитете партии на торжественном собрании, кроме медали прабабушкам вручили спецпаек. Когда сверток развернули дома, вся семья ахнула: там были сливочное масло, чай, сахар и, что самое удивительное,— колбаса!

А в 1947 году в стране отменили карточки, установили единые государственные цены и ввели нормы отпуска на товары. Прабабушка вспоминала, что цена 1 кг черного хлеба выросла с 1 до 3 рублей, и отпускали его 2 кг в одни руки. Очереди, несмотря на повышение цен, продолжали стоять, не хватало всего. За хлебом порой приходилось стоять сутки, не говоря уже о других продуктах. Однако и это было далеко не все. В конце 1947 года объявили денежную реформу, один к одному обменивались деньги, которые находились только на сберкнижках. Наличные деньги, которые хранили дома, обменивались из расчета 10 старых рублей на один новый рубль. По воспоминаниям прабабушки, ее мать, экономя, на чем только можно, скопила около 4000 рублей и хранила их дома в сундуке, как говорила «на черный день». И черный день настал — от всех сбережений остался пшик: вместо 4000 рублей получилось 400. Как же моя прапрабабушка Анна Арестовна убивалась! До конца своих дней не могла простить себе потерю денег.

В 1949 году прабабушка вышла замуж за фронтовика Кирюшина Павла Пантелеевича, моего прадеда. Войну прадед закончил в звании старшины в бою при штурме Белграда в 1944 году, в котором был тяжело ранен и контужен, в результате чего до 1947 года лечился по разным госпиталям. Прадед еще в госпитале узнал, что его первая жена, получив на него похоронку в 1944 году, вышла замуж, поэтому домой он не вернулся, а поехал в Сталиногорск, где ему удалось устроиться на работу поваром в трест «Сталиногорскуголь». Прадед был отличным поваром, еще до войны некоторое время успел поработать в спецстоловой, открытой в 30-е

годы вместо знаменитого московского ресторана «Прага». На вопрос моей мамы, почему он не поехал в Москву, прадед вспоминал, что был указ, запрещающий фронтовикам после окончания войны селиться там, где бы они пожелали, тем более в крупных городах, не говоря уже о столице.

В 1948 году в Сталиногорске открыли первый послевоенный ресторан «Дон», куда моего прадедушку шеф-поваром рекомендовал директор треста. В том же году в Сталиногорске во Дворце культуры химиков проходил вечер, посвященный юбилею МХАТа им. Горького, на который приехали многие артисты этого театра. На встречу с московскими артистами можно было попасть только по пригласительным билетам, которые выдавались ударникам: химикам и горнякам. Прабабушке и еще трем-четырем работником шахты посчастливилось получить эти билеты как премию. На этом знаменательном концерте она и познакомилась с прадедом, который там тоже присутствовал, а потом готовил для артистов банкет.

Так как прадед проживал в Сталиногорске в общежитии, то он переехал жить к прабабушке в барак поселка шахты № 17. В 1950 году прабабушка родила ему дочь, мою бабушку Людмилу. По воспоминаниям бабушки, прадед очень любил и жалел Раису, дочку погибшего первого мужа прабабушки, даже больше, чем ее. В этом же году прабабушка с прадедом и двумя детьми, забрав с собой родителей и двух братьев, переехала в город Донской на улицу Горького в дом № 17, где им выделили две комнаты в коммунальной квартире. Прабабушка вспоминала, что дом был не новый, но отремонтированный, двухэтажный, оштукатуренный, в квартирах были туалеты. Воды не было (ее носили в ведрах из ближайшей к дому колонки), канализацию заменяли выгребная яма и вертикальный ствол туалета, готовили на керосинке и топили печь, но все мои родные настолько были счастливы, что переехали из деревянного барака, где постоянно было холодно и сыро. К слову сказать, именно в этот дом в 1970 году принесли из роддома мою маму, там в 1987 году умер прадед, не дожив до получения новой квартиры как ветеран Великой Отечественной войны всего два месяца.

По воспоминаниям прадеда, с 1948 года для фронтовиков наступили внезапные перемены. Сталин отменил официальное празднование Дня Победы, включая выходной день, сняли денежные выплаты к орденам (у прадеда было два ордена: орден Отечественной войны II степени, полученный в битве за Сталинград в 1942 году, и орден Славы III степени, которым он был награжден при форсировании Днепра в 1943 году), отменили бесплатный проезд на городском транспорте и раз в год — на поезде. В знак протеста многие фронтовики перестали носить ордена и медали, в том числе и мой прадед. И только в 1965 году при Брежневе, когда народу-победителю возвратили его праздник День Победы, прадед снова надел свои награды.

Моя бабушка вспоминала, как в ее детстве в начале 50-х годов на улицах города было много инвалидов войны: и безруких, и безногих,

передвигающихся на самодельных деревянных платформах с подшипниками, и слепых. Большое их количество было на базаре, куда бабушка вместе с соседскими ребятишками часто бегала, они продавали самодельные свистульки и леденцы на палочке, кто мог — развлекал публику игрой на гармошке. Особенно ей запомнился крепкий молодой мужчина, одетый в бушлат, с орденами и медалями на груди, в бескозырке. Он ходил по базару, и на груди у него висела кондукторская сумка, в которую люди клали монетки. У парня были ампутированы обе руки: ни «культей», ничего.

В тяготах повседневной жизни мои родные, как и тысячи людей послевоенной эпохи, находили повод для оптимизма, искренне радовались во время праздников и семейных торжеств, как своих, так и соседей. В порядке вещей считалось зайти к соседу занять соли, хлеба или денег, попросить утюг или стол и стулья для гостей. Двор был неотъемлемой частью дома. Именно там собирались на скамейках женщины, мужчины сидели за столиками возле сараев, а дети играли в салочки, прятки, «казаки-разбойники», во двор соседи выносили угощение, накрывали столы и все вместе отмечали праздники.

Моему прадеду никогда не сиделось на месте, он исколесил почти всю страну в поисках лучшей жизни. Где он только ни работал: и на Урале, и в Сибири, и в Крыму, и на Кавказе, и в Средней Азии, не добрался разве что до Дальнего Востока. Прабабушка называла его «неугомонный мой», или «наш егоза», или «непосед чертов».

В 1954 году в стране началась целинная эпопея — освоение земель в Казахстане, Западной Сибири, Поволжье и на Урале. Выходила специальная радиопередача о целинниках, расклеивались цветные плакаты, призывающие поехать работать на новые земли. И огромное количество людей потянулось в необжитые земли за мечтой о благоденствии, земном изобилии и хлебном рае. Прадед, будучи человеком деятельным, питая надежду на будущий достаток и благополучие, принял решение отправиться на целину. И в марте 1956 года, взяв с собой прабабушку и двоих детей, он уехал в казахские степи поднимать целину. По воспоминаниям прабабушки, ехали они на поезде около семи суток, затем до совхоза «Ижевский» Кустанайского района по степи 16–17 часов на санях, по дороге не встретили ни одного населенного пункта. Прибыли в совхоз на рассвете и увидели, что совхоз — это поставленные в ряд вагончики, деревянный барак — правление совхоза, и все, степь кругом. Так в одном из вагонов мои родные и поселились. Обогревались с помощью печки-буржуйки, воды не было, таяли снег и кипятили талую воду, плохо было со снабжением, по нескольку дней сидели без хлеба, неделями варили рис, после этого бабушка много лет не могла видеть рис в разных видах. Совсем не так жизнь на целине изображалась в культовом фильме 1950-х годов «Иван Бровкин на целине».

Бабушка вспоминала, как летом поразили ее огромные просторы — на сотни километров ни деревца, только сплошная пшеница. Прадед сначала работал в совхозе прицепщиком, трактористом, затем водителем. Прабабушка в страду работала на стане поварихой, а зимой трудилась на изготовлении самана — это кирпичи из глины, соломы и навоза для строительства домиков. В дальнейшем ее семье выделили половину такого дома, состоящего из двух комнат и кухни. Прадед и прабабушка были свидетелями потрясающего урожая. Однако чуть ли не половина урожая погибла: элеваторы не в состоянии были принять и сохранить такое количество зерна, токов не хватало, ссыпали зерно прямо на землю, зачастую ничем не прикрывая, в результате хлеб гнил, и его, сгнивший, сталкивали в овраг. Пшеницу в кузов автомашины сыпали навалом, не закрывая брезентом, которого просто не было, на всех поворотах и колдобинах зерно разлеталось, дороги были устланы пшеничной лентой.

Но, несмотря на все трудности, мои родные, как и тысячи других целинников, выстояли, распахали целинную землю и дали стране тысячи тонн хлеба. За работу на освоении целинных и залежных земель мой прадед был награжден медалью «За освоение целинных земель», совхоз премировал прабабушку радиолой «Октава» (эта радиола, по словам моей мамы, до середины 70-х годов стояла в доме прабабушки). На целине прабабушка родила сына Серафима. Однако климат не позволил моим родным остаться на целине (дети постоянно болели), и в конце 1958 года они, покинув совхоз, вернулись на родину в город Донской. В тот же год старшая дочь прабабушки Рая в возрасте 16 лет умерла. Как выяснилось, у нее был порок сердца, вот и сказались холод и голод военных лет. А через полгода опять несчастье — умирает Серафим. После этого прабабушка, по воспоминаниям бабушки, два раза пыталась наложить на себя руки (повеситься и броситься под поезд), и оба раза с того света ее вытаскивал прадед.

В 1961 году прадед опять уехал, сорвав с места семью, в Волгоградскую область к своему однополчанину в летную часть. Там он трудился заведующим столовой, а прабабушку устроил санитаркой в госпиталь. Но в 1964 году прадед начал сильно пить, и прабабушка забрала дочь и вернулась назад в город Донской; вскоре вернулся и прадед. Прабабушка устроилась на работу в больницу санитаркой, а прадед — поваром в ресторан.

В 1966 году в Ташкенте случилось землетрясение, и вся страна бросилась на помощь в восстановлении города. Не остался в стороне, конечно же, и мой прадед, уехав в Ташкент в составе строительной бригады. На этот раз прабабушка категорически отказалась следовать за ним. По рассказам прадеда, основные разрушения в городе пришлись на центр Ташкента, который состоял сплошь из старых глинобитных

домов с узкими тесными двориками. Эти дома и так напрашивались под бульдозеры. Поэтому большинство приехавших на восстановление города людей считали, что восстанавливать там нечего, нужно просто построить новый город, превратив Ташкент из захолустья в настоящую столицу Узбекистана, в современный город. Прадед, имея за спиной целинный опыт работы на тракторе, работал на расчистке площадок для строительства новых домов. В 1967 году ему, как и многим строителям, были обещаны и затем на самом деле выделены квартиры в новостройках Ташкента. Прадед отбил телеграмму прабабушке, чтобы она вместе с дочерью выезжала к нему, но она отказалась. По словам моей мамы, он, полюбивший всем сердцем Ташкент, всегда с теплотой вспоминал этот город, местных жителей — узбеков, и ругал прабабушку, отказавшуюся переезжать туда. Слава господу, что прадед не застал развала Советского Союза и не узнал, что сегодняшний Узбекистан не признает за советским периодом своей истории ничего хорошего.

После отказа прабабушки переселиться в Ташкент от прадеда не было вестей больше года. Вернулся он домой только в конце 1968 года и абсолютно другим человеком. Оказалось, прадед все это время находился в Псково-Печерском монастыре, где участвовал в реставрации крепостных стен и башен. Что на него там снизошло — одному богу известно, но прадед бросил пить и до конца своих дней имел отвращение к спиртным напиткам. С собой прадед привез много книг, в том числе и библию, которую он читал каждый вечер. Но самым необычным было то, что после возвращения прадеда из монастыря он начал лечить людей с помощью молитв и лекарств, которые сам изготавливал. Прадед собирал травы в различных местах, ездил даже в Сибирь, и по своим рецептам готовил мази и настойки. Отовсюду люди писали письма с просьбой о помощи, и он человека приглашал приехать к нему или сам отправлялся к больному. Бессеребренником прадед не был, но деньги брал только после выздоровления обратившегося к нему.

До конца своих дней, будучи уже больным человеком (сказались старые военные раны и контузия), прадед так и остался беспокойным и неугомонным. У него было много друзей самых разных профессий и должностей по всей стране, с которыми он переписывался, к которым ездил в гости и приглашал к себе. Лечил людей, работал зимой кочегаром в вагонном депо, а летом прадедушку приглашали в различные пионерские лагеря поработать шеф-поваром. Три раза он брал с собой свою единственную любимую внучку, мою маму, она даже провела благодаря ему одну смену в легендарном пионерском лагере «Артек» в Крыму.

Умер прадедушка в 1987 году от сердечного приступа в возрасте 78 лет. Мама рассказывала, что в день его похорон приехала женщина

из Вологды поблагодарить прадеда за излечение ее сына от кожной болезни. Узнав, что прадед умер, она сильно плакала и говорила, что только благодаря мазям и молитвам сын ее выздоровел. После смерти прадеда осталось несколько толстых тетрадей с записями рецептов и молитв, где и в какое время нужно собирать травы, их названия и описания. К сожалению, никому из членов моей семьи не передался божий дар прадеда. Однако мама бережно хранит его тетради и верит, что, возможно, мои дети сумеют продолжить дело своего предка.

Моя прабабушка пережила прадеда на 20 лет и умерла в 2007 году, ей было почти 90 лет. Я ее запомнила веселой и жизнерадостной бабулей. Она говорила: «Танюшку вырастила (это моя мама) и тебя подниму!» Прабабушка часто отводила меня в детский сад и забирала оттуда; когда родители были в отъезде, она и ее старшая сестра — баба Настя — оставались со мной: играли, кормили. Никогда не забуду блинчики бабы Маши и пироги бабы Насти! Прабабушка больше 30 лет проработала в Донской городской больнице, начиная с санитарки и заканчивая заведующей автоклавной, где стерилизовали инструменты и перевязочные материалы. Весь персонал больницы провожал прабабушку на заслуженный отдых, а было ей в тот момент уж 85 лет! Выпавшие на долю моей прабабушки испытания только закалили ее характер. Мария Степановна, не утратив жизнелюбия, была сильным, волевым человеком, не боящимся никаких трудностей, такой же она воспитала и свою дочь — мою бабушку, и внучку — мою маму.

Послевоенные годы в нашей стране стали временем возрождения мирной жизни. С окончанием войны люди связывали свои надежды на лучшую жизнь. Но из рассказов моих близких мне стало очевидно, что они вспоминали послевоенные годы с двойственным чувством: к радости победы и того, что остались живы, примешивались обиды и разочарования. Никто в то время не рассчитывал на какой-либо достаток, не претендовал на привилегии — надо было впрягаться в адский труд и налаживать разоренное. Но, тем не менее, уже тогда было ясно, что народ-победитель заслуживал большего — по крайней мере, элементарного уважения к себе за беспримерную в истории победу. Война в сознании поколения моих прадеда и прабабушки всегда воспринималась как главное мерило трудностей жизни, а поговорка «только бы не было войны» являлась надежным оправданием всех лишений послевоенного времени. Прадед говорил, что, когда кончился этот ужас — просто хотелось жить, жить без войны. И они жили, трудились, рожали детей и, по-моему, война научила их радоваться самому факту жизни.

«ЖИЛИ ТЯЖЕЛО, НО ВЕСЕЛО»[1]

Трохимчук Анастасия Васильевна, *20 лет,*
студентка 3 курса Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова;
научный руководитель — ***Ростовцева Людмила Ивановна,***
профессор, д-р социол. наук,
г. Тула

1945 год. Эта страшная война наконец-то закончилась! Но не закончились трудности, выпавшие на долю советского народа, а в частности, и на долю моей семьи. Воспоминания о тяжелом послевоенном времени, о трудном детстве и юности ни на миг не покидали мою бабушку Марию Васильевну и ее родную сестру Зинаиду Дмитриевну. От моих бабушек я услышала много историй о тех днях — как грустных, так и забавных.

Военные действия были окончены, но опасность для жизни в деревне Круговой все еще существовала. Красноармейцы с Победой возвращались домой, а в лесах, окружающих деревню, прятались бывшие полицаи и «прислужники» немцев. Однажды красноармейцы устроили в деревне концерт. Бабушка и ее сестры отправились на этот концерт, а прабабушка осталась одна в доме. Через некоторое время в ее дом ворвались эти лесные бандиты и потребовали еды. Прабабушка огрела незваных гостей вилами и выбежала на улицу с криками: «Караул! Убивают!» Красноармейцы остановили концерт и кинулись в погоню за бандитами. Разумеется, они их поймали. С тех пор таких случаев в деревне больше не было.

Немцев в деревне не было, но страх перед ними у бабушки и ее сестер остался надолго. К соседке по вечерам часто ходил лысый «жених», который кидал к ней в окно камушки, вызывая ее на прогулку. Как-то ночью бабушка услышала шум, выглянула посмотреть. На улице светила полная луна, которая освещала голову этого лысого «жениха». Из-за отражавшихся лунных лучей бабушка подумала, что это немец в каске, испугалась, подняла на ноги всех в доме, в итоге оказалась «ложная тревога».

Старшая дочь моей прабабушки Екатерина в войну работала в Сибири на военном оружейном заводе, там познакомилась со своим будущим мужем. После войны они приехали на его родину — в г. Липецк, где жили и работали до самой смерти. В деревню, по воспоминаниям моей мамы и бабушек, она приезжала очень редко — было много работы, большая семья (трое детей), да и добраться было достаточно трудно.

---

[1] Продолжение. Начало см.: Трохимчук А.В. Бабушка Зина // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. Ч.2./ Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой.– Тула: Аквариус, 2015.– С.338-340.

Моя прабабушка Анастасия Ивановна после войны осталась в деревне с двумя дочками. Бабушка Зина после войны отправилась в Москву к своей приемной матери. Она устроилась на работу в ателье недалеко от дома, работала швеей. В то время за бабушкой Зиной ухаживало много парней, но ее приемная мама, она же тетка Аня, всех прогоняла, боялась, что Зина уедет и некому будет за ней ухаживать. Бабушка Зина часто вспоминала одного из таких «женихов» — военного из Белоруссии Петю. По ее словам, Петя был в нее безумно влюблен, каждый день встречал ее с работы с цветами и провожал до дома. Тетка, как всегда, была против, говорила, что Петя ее «поматросит да бросит». Но у Пети были самые серьезные намерения. Он пришел к Анне Ивановне просить руки Зины. Тетку напугало, что Петя был неместным, его придется прописывать в квартиру и он будет претендовать на их жилплощадь. Поэтому она отказала. А Петя и не рассчитывал на эту жилплощадь, он звал Зину к себе, в Белоруссию. Но бабушка Зина не могла оставить тетку одну и родную мать с сестрами. Петя уехал. Он писал Зине письма, которые тетка прятала. Бабушку Зину до последнего дня интересовала судьба Пети. Уже в старости она любила гулять в парке недалеко от дома, в котором был памятник солдату-пограничнику. Бабушка Зина ласково называла этого солдата Петей, часто сидела возле него на скамеечке и вспоминала свою любовь.

Бабушку Зину часто награждали путевками в санатории как передовика производства, благодаря этому она много поездила по нашей стране. Но каждое лето она брала отпуск и отправлялась в родную Круговую к своей маме и сестрам. С каждой зарплаты она откладывала немного денег, чтобы купить гостинцы для мамы и младших сестер, знала, как тяжело им живется в деревне. Бабушка Маша вспоминала, что они всегда с нетерпением ждали приезда Зины, — не только из-за этих подарков, но и потому что очень скучали.

Действительно, семья прабабушки жила «впроголодь». Из подвала доставали проросшую, почти что гнилую картошку, натирали и жарили в печи так называемые «терунки». Натирали и пшеничные колоски, которые собирали с колхозных полей. Из натертых колосков пекли лепешки, которые заменяли хлеб.

У бабушки была еще одна сестра, Тамара, которая была старше ее года на два-три. Однажды бабушка и Тамара пошли в колхозный сад, чтобы набрать яблок. Мимо ехал объездчик. Девочки испугались, засуетились, Тамара неудачно прыгнула с дерева и разорвала веткой кожу на руке. Ее отвезли в фельдшерский пункт, перебинтовали, но после этого случая у нее начала развиваться болезнь — эпилепсия. Состояние Тамары ухудшалось. Она часто любила петь песню:

«Вот умру я, умру,
Похоронят меня,
И никто не узнает,
Где могилка моя».

Было опасно оставлять Тамару дома одну, у нее не только случались приступы эпилепсии, но начало развиваться психическое расстройство. Она могла поджечь дом или сделать что-нибудь с собой. Пришлось отправить ее в психиатрическую больницу, которая находилась в Туле. Анастасия Ивановна с младшей дочерью раз в месяц навещали Тамару, собирая ей «гостинец»: огурцы, пряники. Но долго она там не прожила — через несколько месяцев прабабушка приехала в очередной раз ее навестить, а им сообщили, что Тамара умерла. Удивительно, что никто так и не узнал, где ее похоронили — слова из песни, которую любила напевать эта молодая девушка, оказались пророческими. В семейном альбоме осталась лишь одна фотография Тамары, на которой запечатлены Анастасия Ивановна и две ее дочери — Маша и Тома. Моя бабушка всегда подписывала фотокарточки в альбоме, на этом снимке тоже есть подпись: «На долгую вечную память дорогой сестрице Томе. От Мамы и Маши. Фотографировались в своем саду. До свидания».

Бабушка Маша после войны пошла в школу. В их деревне школы не было, приходилось ходить за семь километров в деревню Долматово. Ее учительницей была двоюродная сестра Ольга Федоровна. Однажды на уроке Маша встала и на весь класс спросила: «Лелечк, а Лелечк, скоро пойдем?А то кушать хочется!»

Двоюродный брат бабушки, Александр Павлович, жил зажиточно, работал на железной дороге. У них было свое хозяйство, держали поросят и коров. Его сын Толик учился с бабушкой в классе. Толику с собой в школу давали поесть огурцы, сало. Но он был жадный и не делился. Однажды бабушка решила установить справедливость и забрала у него «паек». После этого Александр Павлович пришел к прабабушке со словами: «Настасья Ивановна, накажи Маньку свою, она у Толика сало ворует!» — на что прабабушка ответила «А как же я ее накажу, если ей есть захотелось?» Анастасии Ивановне было жаль своих девочек, она старалась прокормить их изо всех сил, однако это было очень сложно.

В школе бабушка проучилась немного: она окончила 7 классов. Бабушка Зина часто повторяла, что Маше повезло, что она образованная, а ей доучиться не дала война. Во время войны в деревне был пожар, в результате которого сгорели все документы. После войны документы восстанавливали, и бабушка приписала себе три года, чтобы раньше пойти работать в колхоз, чтобы хоть как-то помочь семье. После школы бабушка пошла на курсы фельдшеров. Работа фельдшера оказалась тяжелой для бабушки: из-за постоянного недоедания с самого детства она была худенькой, щупленькой и слабенькой, а здесь приходилось носить с собой тяжелую сумку с медикаментами. После этого бабушка работала «медичкой» в школе. В соседней деревне Сухотиновке был клуб. В школьные годы бабушка любила ходить туда на танцы — «вечорки». Бабушка вспоминала, что из деревни они ходили туда всегда большой компанией: и парни, и девушки. Всем доверяли, никого не боялись. Дальнейшим местом работы бабушки стал именно этот клуб. Эта работа очень нравилась бабушке: она обладала хорошим голосом, любила петь и танцевать.

Когда бабушка получила первую зарплату, Анастасия Ивановна отправила ее в магазин на станцию Чернь (в самой деревне никаких магазинов, разумеется, не было). Бабушка, «с голодухи», потратила все деньги на мятные пряники и по дороге домой... все их съела. Желудок был не приспособлен к такому количеству еды, и бабушке стало плохо.

Маша (слева) и Зина (справа). Первый приезд бабушки в Москву

Бабушка Зина часто звала младшую сестру в Москву. В середине 50-х бабушка Маша получила грамоту за исполнение песни «Вот кто-то с горочки спустился...», которой она очень гордилась. Вместе с грамотой ей выдали небольшой денежный приз, и она все-таки решилась поехать в Москву. Сообщить сестре о своем приезде бабушка не смогла, телефонов тогда не было, а письмо шло бы очень долго. Бабушка решила сделать сюрприз. Приехав в Москву, она решила взять такси, так как не знала дороги на метро или автобусе. От Курского вокзала, на который прибыла бабушка, до квартиры бабушки Зины ехать было буквально пять минут. Но молодой и разговорчивый водитель катал бабушку по всей Москве часа три. Разумеется, такси работало по счетчику. На месте он назвал ей сумму, которая бабушке и не снилась. Естественно, таких денег у нее с собой не было. Она попросила таксиста подождать, сказала, что сейчас сходит к сестре и возьмет деньги. Бабушка вышла из машины и побежала в подворотню. Просить у сестры такую сумму ей казалось нахальством, поэтому она простояла в подворотне около получаса, ждала, пока таксист уедет.

Сама Москва бабушке казалась дикой. Когда они с бабушкой Зиной в первый раз спустились в метро, бабушка испугалась эскалатора. Она долго не хотела на него заходить, а когда все-таки зашла, сразу побежала вниз, обегая стоящих людей. Бабушка боялась не только эскалаторов. Ее пугали машины, большие скопления людей. Однажды бабушка Зина взяла младшую сестру с собой на работу в ателье. Чтобы ее не увидело начальство, коллеги бабушки Зины посоветовали спрятать Машу в коробке с нитками и лоскутками, в которой Маша проспала весь день. Бабушка не пробыла долго в Москве, она скучала по своей тихой деревне, скучала по маме и с нетерпением ждала отправления домой. Через несколько дней бабушке Зине пришлось взять отгул и отвезти сестру в деревню.

Несмотря на все трудности, на все лишения, бабушки вспоминали о том времени только с добрыми чувствами. «Жили тяжело, но весело»,— повторяли они спустя многие годы.

ОНИ СРАЖАЛИСЬ ЗА РОДИНУ

Фокин Михаил Дмитриевич, *16 лет,*
студент 1 курса направления «Экономика»
Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова;
научный руководитель — ***Ростовцева Людмила Ивановна,***
профессор, д-р социол. наук,
г. Тула

Мой прадедушка Аслиян Мкртич Карапетович, 1921 года рождения, родился в далекой Армении. К началу 1941 года ему оставалось совсем недолго служить в армии, но началась война, и дедушка Миша, как его зовут в нашей семье, и два его брата вместе со всей страной встали на защиту Родины. Один из братьев прадеда погиб в 1942 году, но бабушке ничего не сказали, и она его ждала всю жизнь. Второй брат из-за того, что попал в плен, после войны был сослан на север и домой вернулся только в 1962 году. Моему прадеду повезло: он прошел всю войну, правда, были серьезные ранения, но он остался жив. Как рассказывает моя бабушка, которая очень любит своего папу и гордится им, на фронте он был полковым разведчиком. Часто линию фронта переходили на лошадях, которые не раз спасали жизнь. И всю жизнь после этого прадед любил лошадей.

Много различных ситуаций было на фронте. Так, когда форсировали Днепр, прадед, не умеющий плавать, понадеялся лишь на удачу и, к счастью, доплыл на лодке до противоположного берега. После войны, как рассказывает бабушка, он прекрасно плавал и часто на отдыхе заплывал так далеко в море, что его не было видно с берега.

В 1942 году он был награжден орденом Красного Знамени.

В 1944 году после сильного ранения, в течение семи месяцев лечился в госпиталях, а потом попал в СМЕРШ, был направлен на Дальний Восток, где после войны встретил мою прабабушку. Прадед был малоразговорчивым, а его избранница была «щебетушкой», певуньей. Может, и правда, что люди с разными характерами бывают счастливы вместе.

Прабабушка, Копотева Нина Григорьевна родилась в 1924 году в городе Хабаровске в семье военного. После окончания 9 класса весь ее класс пошел в военкомат, и, скрыв свой истинный возраст, приписав кто — год, кто — два, все записались в армию. Мальчиков отправили на фронт (вернулось только трое), а девушек обучали на курсах медсестер и зенитчиц. Моя прабабушка (у нас есть фотографии в военной форме) стала зенитчицей. И хотя Дальневосточный фронт был намного спокойнее, девчонкам в армии тоже «доставалось», ведь воинской дисциплине подчиняться не так просто. Нина Григорьевна была награждена медалями. Но, к сожалению, у нас не сохранились никакие награды, почему — не знаю.

После окончания войны с японцами, прадед Миша и прабабушка Нина случайно оказались в одном поезде, познакомились и через 21 день поженились.

Как говорит моя бабушка, она и ее сестра жили в любви, дом был всегда полон гостей. Родители жили дружно, были настоящими профессионалами: прадед работал юристом, а прабабушка — учителем русского языка и литературы. Об участии в войне говорили редко (наверно, потому, что слишком много боли связано с тем временем), но дети в семье любили рассказы о событиях давно минувших дней, так как в разговорах родителей чувствовалась огромная гордость за свою страну, за свой народ-победитель.

Мои прадед и прабабушка, как и миллионы других людей в нашей стране, навечно записаны в Бессмертный полк, над которым не властно время. Они подарили нам жизнь и сегодняшний день. За это им большое спасибо!

ПОСЛЕ ПЯТОЙ ПОХОРОНКИ…

***Фомина Анастасия Владимировна**, 18 лет,*
студентка 1 курса направления «Экономика»
Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова;
*научный руководитель — **Ростовцева Людмила Ивановна**,*
профессор, д-р социол. наук,
г. Тула

Для каждого человека семья — самое ценное, что есть в жизни. Мы дорожим минутами общения с близкими людьми, чтим память своих предков, пытаемся узнать свою родословную. У каждой семьи — своя история, которую передают детям, внукам и правнукам. Судьбы отдельных людей тесно связаны с историей Родины. Хочется найти на старых фотографиях, в текстах воспоминаний знакомые лица и имена... И, найдя их, мы гордимся, что наши родные люди в трудные минуты для Отечества были вместе со своей страной, своим народом.

На уроках истории я с интересом слушала тему «Великая Отечественная война». Эта жестокая и кровавая война тяжелым бременем обрушилась на судьбы людей, в том числе и мою семью. Я хочу рассказать о моем прадеде и его братьях, которые были причастны к Великой Победе. Я горжусь ими!

На фронтах Великой Отечественной войны сражались пять братьев Удаловых, и все они погибли или пропали без вести:

Удалов Леонид Степанович, 1908 г.р.

Удалов Василий Степанович, 1910 г.р.
Удалов Павел Степанович, 1912 г.р.
Удалов Александр Степанович, 1914 г.р.
Удалов Владимир Степанович, 1916 г.р.

Мой прадед, Удалов Александр Степанович, родился в 1914 году в деревне Марутино Ивановского района Костромской области. Мать Васенкова Екатерина Егоровна была из зажиточной по тем временам семьи. Семья была работящая, дружная. Ее отец и дядя смогли наладить производство масла, открыли в деревне маслобойню. По сегодняшним меркам, из них получились бы хорошие фермеры-предприниматели. Но Советская власть расценила их трудолюбие как страсть к наживе, объявила кулаками и приговорила к ссылке в Сибирь в 1930 году. Так Екатерина Егоровна стала дочерью «врагов народа».

Чтобы спасти от ссылки дочь, которая училась в Петербурге на учительницу иностранных языков, ее выдали замуж за парня из самой бедной семьи, на 5 лет моложе ее — Удалова Степана Матвеевича. У Екатерины и Степана родилось пятеро сыновей: Леонид, Василий, Павел, Александр и Владимир. Все они получили семилетнее образование, а дома мать обучала их языкам. Но только самому старшему Леониду очень хорошо давались языки, что потом ему пригодилось во время войны. Он воевал в разведке, к сожалению, пропал без вести 1945 году.

Существует семейная легенда, что в 50-х годах в деревню Марутино, где проживала моя бабушка, приехал незнакомец. Одет он был очень элегантно и богато, по-городскому — в длиннополом пальто и шляпе. Долго беседовал с сельчанами, не называя себя. На прощанье оставил красивое платье для бабушки и деньги. Но деньги были иностранные и за ненадобностью были просто утеряны. Моя бабушка своего дядю никогда не видела и решила, что это был Леонид. Видимо, у него была очень веская причина не называть себя. Возможно, он не представился по двум причинам. Может быть, он был разведчик и просто не имел права выдавать себя, ему просто позволили попрощаться со своей страной и родными перед ответственным заданием, а может, он сам эмигрировал в другую страну, что в те времена граничило с предательством, и сам решил побывать в родных местах. Теперь об этом мы вряд ли узнаем правду.

Василий стал машинистом, во время войны водил поезда на фронт. Он сгорел в тепловозе при бомбежке в 1942 году. Павел и Владимир до войны работали в колхозе с отцом. Ушли на фронт в первые дни войны, оба погибли в битве под Москвой в 1942 году.

А как хорошо и привольно жилось до войны! По рассказам бабушки, деревня утопала в садах. Прохладой манила река Волга. Жители деревни — народ дружный, работящий. Девчата и парни по вечерам собирались за околицей, пели, танцевали под гармонь.

Мой прадед Александр особым озорством не отличался: учился прилежно, поступил в Петрограде в военное училище, работал при областном военкомате, продвигался по службе. Внешне Александр был невысокого роста, но отличался крепким телосложением; обладал недюжинной силой. Женился, появилась на свет девочка Нина (моя бабушка), но радость была с горем — умерла при родах его жена. Как потом прабабушка рассказывала моей бабушке Нине, Александр очень любил носить свою жену на своих больших руках, когда приходил домой после работы.

Началась война. В июле много молодых парней из окрестных деревень отправились в военкомат. Они уходили из сел и деревень района навстречу суровой неизвестности с коротким сухим названием «фронт» группами и поодиночке: совсем еще неокрепшие юноши и мужчины в расцвете сил, те, кто по молодости еще не успел встретить свою первую любовь, и отцы, вынужденные оставить свои семьи.

Александра Степановича призвали 5 июля 1941 года. Бои, марш-броски, ранения, присвоение звания подполковник и назначение командиром отдельной танковой бригады Воронежского фронта. Воевал на Орловско-Курской дуге. «Подполковник Удалов Александр Степанович в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, был убит 19 июля 1943 года. Похоронен с отданием воинских почестей в Орловской обл., Болховский р-н, д. Багриново»,— говорится в извещении, которое хранится в нашей семье. Награжден А. С. Удалов медалями и орденом Красной Звезды.

Судьба женщин тоже была не из легких. Вместе с другими жителями деревни моя прабабушка Екатерина Егоровна, заменившая Нине мать, стойко переносила все тяготы войны. Колхозницы спасали колхозное добро, выращивали хлеб, овощи, ухаживали за скотиной, работали день и ночь; единственная радость — редкие письма с фронта от сыновей. Но после пятой похоронки сердце матери не выдержало, и Екатерина Егоровна умерла. Единственным воспитателем Нины и родным человеком остался дед Степан, мой прадед. Суровый, мудрый человек. Жили тем, что прадед валял валенки и плел лапти, корзины для колхоза.

Нина пошла в 1 класс. В школу ходила с ребятами за 8 километров пешком, в хорошую погоду преодолевали расстояние на велосипеде, зимой — на лыжах. При школе был большой сад и огород, школьники там проходили практику. Летом работали на колхозном поле, занимались прополкой и сбором урожая. Все школьные годы ученики помогали колхозу убирать картошку, капусту. За это колхоз в Новый год дарил подарки детям и выделял деньги на ремонт классов, оплачивал питание в школе.

В августе 1954 года прадед скончался в больнице, и бабушка осталась круглой сиротой. Росла в колхозе одна. По жизни ей помогала тетка

Кристина, что жила рядом. После школы бабушка очень хотела выучиться на агронома. Но высшее образование ей получить не удалось, вспомнили, что в семье были раскулаченные. От военкомата пошла учиться в 1958 году на радистку-телефонистку. В 1959 году вышла замуж за моего дедушку Ершова Виктора Александровича, который был шофером-киномехаником.

В 1960-е годы государство обратило внимание на северные территории, богатые полезными ископаемыми, и разработало программу их освоения. По этой программе люди могли уезжать «на Север», чтобы жить там и работать. Многие ехали в надежде заработать большие деньги, «за длинным рублем», некоторые — просто за романтикой. Молодая семья Ершовых тоже решила попробовать себя в этой программе, отправившись в 1964 году в республику Коми на газопровод «Сияние Севера». Дедушка работал шофером, бабушка — телефонисткой. Условия жизни были нелегкие. Пятидесятиградусный мороз. Жили поначалу в вагончиках, каждой семье был выделен отдельный деревянный домик — балок, собранный из щитов. Каждый такой домик был типовым, имел сени, общую комнату, кухню и спальню. В кухне стояла бочка для привозной воды (которую закачивали в машины-водовозки прямо из реки Печоры, поэтому нередко в чайниках варились мальки рыб), железная печка, стол, в спальне было две кровати по бокам — вот и вся обстановка. Было трудно, но все компенсировала молодость. Больших денег эта поездка не принесла, но зато дала большой жизненный опыт.

В 1979 году мама окончила школу № 1 г. Вуктыла. В 1984 году бабушка и дедушка по состоянию здоровья решили переехать на большую землю. Выбрали Тульскую область.

Мама получила высшее образование, окончила Ленинградский государственный финансовый институт. В 1985 году по распределению работала в городе Ухте в администрации города финансистом. В 1989 году переехала к родителям в Тулу и вышла замуж. В 1998 году появилась я.

Сейчас моя бабушка пенсионерка, но она с удовольствием работает на огороде. У меня самая добрая и удивительная бабушка на свете!

Я считаю необходимым каждому ныне живущему молодому человеку знать о своих предках. Их жизнь — это подвиг. Очень жаль, что в те далекие времена редко фотографировались. На память у нас в семье хранится только похоронка на прадеда и, к сожалению, нет фотографий.

Но я рада, что, благодаря проекту «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов», записала историю нашей семьи.

БЫТЬ ДОСТОЙНЫМИ ПАМЯТИ

***Мартынова Мария Геннадьевна**, 18 лет,*
студентка 1 курса направления «Экономика
и управление организацией» Тульского филиала
РЭУ им. Г.В. Плеханова;
*научный руководитель — **Ростовцева Людмила Ивановна**,*
профессор, д-р социол. наук,
г. Тула

Великая Отечественная война... Когда я слышу эти три страшных слова, то ощущаю ужас, страх, боль... и испытываю гордость — ведь, мы победили. Об этой трагедии мое поколение знает, к счастью, понаслышке. Но нам нужно помнить. Помнить о том горе, которое принесла война в семьи, о громадных потерях, о неимоверном напряжении сил, которое потребовалось, чтобы оправиться после войны, восстановить разрушенное хозяйство.

Миллионам людей, испытавших всю трагедию этого страшного события, матерям, навсегда потерявшим на фронте своих сыновей и дочерей, погибшим в бою солдатам и офицерам, узникам, замученным в концлагерях, я посвящаю эти строки.

Великий День в истории все дальше
Победы в страшной той войне.
Как много стало лжи и фальши,
И оправдания «коричневой чуме».
И вот во всю бандеровцы шагают
По Киеву со свастикой в руках,
И памятники в Грузии взрывают,
И в Саласпилсе строят на «костях».
Но подвиг наших прадедов и дедов
Народ России в сердце сохранит!
Такой ценой доставшейся Победы
Огонь навечно в памяти горит!
И никому сегодня не позволим
Мы эту память растоптать,отнять!
Мы будем этой памяти достойны,
Клянемся мы тебе, Россия-мать!

Мне посчастливилось родиться в Туле. За героизм и бесстрашие ее защитников, проявленные в борьбе за освобождение Родины в Великую Отечественную войну, сорок лет назад Туле было присвоено звание

«Город-Герой» с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Я искренне восхищаюсь и горжусь земляками, которые, несмотря на тяжелые испытания, смогли выстоять и дать достойный отпор врагу. Хочу посвятить труженикам и воинам славного «Города-Героя» Тулы следующее стихотворение.

Достойны славы дедов
Мне довелось родиться
В прославленном краю,
Где труженик и воин
Стоят в одном строю!

Ковала наша Тула
Оружие в века.
И немца гнали воины
Рабочего полка.

Ушли на фронт рабочие —
Мужья, отцы, сыны.
А бабоньки ворочали —
Выкапывали рвы.

К станкам парнишки встали,
Не подвели страну:
Снаряды выпускали,
патроны — всю войну!

Для фронта,для Победы
трудились день-деньской,
Чтоб гнали без пощады
Врагов с земли родной.

Великую Победу
Ковали всей страной!
Достойны славы дедов
Военной, трудовой

Оружие сверхточное
их внуки создают.
И вновь блоху английскую
На раз-два подкуют.

Глава 9. КАКАЯ БЕЗМЕРНАЯ НОША НА ЖЕНСКИЕ ПЛЕЧИ ЛЕГЛА

«ТРУДОЛЮБИЕ И УСЕРДИЕ БЫЛО НОРМОЙ»

***Белых Елизавета Юрьевна**, 13 лет,*
ученица 7 класса МБОУ «Лицей имени С.Н. Булгакова»
*учитель — **Дюмина Кристина Сергеевна***
г. Ливны Орловской области;

Я часто задумываюсь: «Для чего я живу и что меня ожидает в будущем? Кто я вообще в этом мире, имею ли я право называть себя человеком, заслужила ли уважение к себе?» У каждого человека есть своя мечта. Я мечтаю закончить хорошо школу, иметь любимую профессию, семью, достичь многого в жизни, общаться с интересными людьми и радоваться каждому дню, который мне подарила жизнь.

О чем же мечтали дети, которых война лишила всего, даже детства? К чему в те далекие годы стремились мои сверстники и кем хотели стать?

Задумавшись, я поняла, что рядом живущие со мной родные мне люди видели эту войну своими глазами. Они ее пережили.

Я хочу рассказать о своей бабушке Черных Наталье Сергеевне, которая и сейчас не потеряла веру в жизнь. Ей семьдесят восемь лет, а в годы Великой Отечественной войны она была еще совсем маленькой девочкой-дошкольницей.

Бабушка с печалью, но и с теплотой вспоминает свое суровое детство и юность. «Детство — самое светлое и радостное время в жизни человека. Детство нашего поколения перечеркнула война. Нам пришлось испытать ужасы военного времени, голод. Но мы, не задумываясь, приходили на помощь нуждающимся и сами получали поддержку. Трудолюбие и усердие было для нас нормой существования. Я не представляю себе, как можно было что-то сделать кое-как. Именно эти качества из детства помогали мне потом всю жизнь»,— говорит она.

Вот что из нашей беседы я смогла восстановить.

1 августа 1938 года моя бабушка родилась в городе Пушкино Ленинградской области в семье дочери профессора-физика О.Д. Хвольсона.

В конце июля 1941 года, за полтора месяца до начала блокады, бабушку, ее брата и сестер родители хотели эвакуировать одних в эшелоне

с детьми. Но потом приняли решение беременной маме ехать вместе с ними. И они эвакуировались в эшелоне с семьями. Эшелон с детьми, в котором они не поехали, разбомбили. А семьи из эшелона, в котором они ехали, высадили на станции Ощепково Свердловской области.

Они прибыли в тыл, на далекий, незнакомый им Урал. Прибыли... Но что ожидало их в чужом поселке? А ожидало их начало жизни семьи с чистого листа.

Местные жители относились к ним с сочувствием и состраданием. И я чувствую уважение к этим людям. Чужую беду они приняли как свою, особенно узнав, что пострадавшие — ленинградцы. Здесь бабушка пошла в садик.

В ее детских воспоминаниях навсегда сохранились голод и нужда, которые переживала семья в годы войны. Коровы были кормилицами в семье, благодаря им не погибли от голода. Из лебеды варили борщ, из картофельных очисток пекли лепешки. Вкус калачиков и пастушьей сумки с солью бабушка помнит до сих пор. Хлеб был самой главной ценностью. Его берегли, доедали все до последней крошки.

Моя бабушка знает не понаслышке цену хлеба, поэтому и меня учит тому, что хлеб всему голова. Сейчас, когда есть все на столе, она всегда говорит, чтобы я не бросала хлебушек, а брала столько, сколько съем. В нашем доме никогда не выбрасывают хлеб. Бабушка подкармливает им голодных собак, кошек и птиц. В помойку корку хлеба? Никогда! «Хлеб должен быть всегда!» — говорит бабушка. Да, должен.

1 сентября 1946 года бабушка пошла в 1 класс. Вместе с одноклассниками она участвовала в уборке урожая. После уроков они трудились в поле: собирали картофель, капусту. В школе не хватало учебников, бумаги, но ребята стремились к знаниям. Моя бабушка была отличницей. Все мальчишки ее класса хотели стать командирами Красной Армии, чтобы не отставать от своих отцов, и им было жаль, что они не успели принять участие в войне.

Несмотря на экономические трудности и общую неустроенность жизни, бабушка и ее сверстники мечтали о светлом будущем, о счастье, о любви и взаимности.

Познакомившись подробнее с жизнью бабушки, я поняла, что, даже просто выживая, она и ее сверстники боролись не только за себя, а спасали целое поколение. И несмотря ни на какие трудности, в то суровое время они сумели выжить, окрепнуть и вступить в трудовую жизнь.

Я горжусь своей бабушкой, она пережила тяжелую и страшную войну, трудные послевоенные годы. С малых лет она приучилась к тяжелому труду и привыкла к постоянной нехватке продовольствия. Но все трудности, встречающиеся в ее жизни, не сломили ее, и она осталась очень хорошим человеком.

Мне повезло, что у меня есть такой веселый и добрый человек, как бабушка. Я много переняла от нее и стремлюсь стать таким же челове-

ком, как она. Несмотря на невзгоды, которые преследуют нас, в повседневной жизни она никогда не теряет самообладания. Бабушка готова выслушать, помочь, подсказать. Она не согнулась под тяжестью жизненных испытаний, а наоборот, закалилась.

Я благодарна взрослым и детям войны, которые даровали нам мир.

НЕПРОСТАЯ ЖИЗНЬ ПРОСТОЙ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ. АННА НИКИТИЧНА РОМАНЧУК

***Болдырева Марина Ильинична**, 22 года,*
студентка 1 курса экономического факультета
ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова» КемИ (филиал),
г. Кемерово

Анна Никитична родилась 19 января 1931 года в селе Б. Ямное Юргинского района Кемеровской области в крестьянской семье Щербак Никиты и Мелании. Фактическая дата рождения и дата рождения по паспорту отличаются почти на полгода. Во всех документах датой рождения считается 1 июля 1931 года. Такая нестыковка возникла в связи с тем, что роды проходили дома, а ближайшие органы записи актов гражданского состояния находились далеко, и добраться туда в суровую сибирскую зиму было сложно, поэтому маленькую Аню зарегистрировали при первой поездке в район.

В семье Щербак, кроме Анны, было еще двое старших детей: брат Леонид и сестра Физа. Отец Ани умер, надорвавшись в колхозе при разгрузке мешков с солью. Вся забота о малолетних детях легла на плечи матери, которая трудилась за трудодни, дававшие скудное пропитание семье. Уже в предвоенные годы работать приходилось с утра до ночи, поэтому, будучи еще ребенком 5–6 лет, она вместе с сестрой бегала в поля собирать колоски и мороженую картошку. «Страшно было тогда,— рассказывала она,— соберешь пару колосков, спрячешь в галоши и бежать домой, чтоб не поймали. Тогда действовал закон о пяти колосках. А что делать? Есть нечего, вот и приходилось бегать в поле. Хлеб готовили из неочищенных колосков, чтоб больше получилось. Так и выживали». Родная мать Анны с утра до ночи трудилась на благо Родины, и всю материнскую любовь и ласку им давала бабушка Ненила, поэтому дети называли ее «мама-старая».

В 1938 году семилетняя Анна отправилась в школу. Так как в селе была только одна школа, в одном классе учились и первоклашки, и ребята постарше. Уже на первом году обучения пришлось бросить

Анна Никитична с мужем Дмитрием Петровичем в г. Сухуми

школу, нужно было помогать матери по хозяйству. Вскоре скончалась мать. Смерть застала ее прямо за работой в поле. Причина смерти неизвестна: то ли от постоянного недоедания, то ли от титанических нагрузок, то ли от неизвестной болезни.

В 1939 году брата забрали в армию, вначале письма шли, а как началась война, писем больше не было. Его судьба после 1939 года до сих пор неизвестна. Будучи уже взрослым человеком, Анна Никитична часто плакала, просматривая военные хроники, в надежде услышать знакомое имя или увидеть родное лицо.

Оставшись без родителей и брата, две юные девчонки легла заботились не только о себе, но и старой, слепой бабушке. Поэтому пришлось идти работать в совхоз. В 1943 году, когда Анне было 12 лет, ей доверили поить телят и ухаживать за ними. С 14 и до 22 лет она была дояркой.

Будучи выходцем из крестьянской семьи, Анна Никитична на протяжении всей жизни держала скот: гусей, коров, кур, свиней. Домашнее хозяйство помогало в кризисные времена, но зажиточной семья не была. Особенно сложно пришлось после смерти отца, который был коммунистом. Руководство колхоза обещало помогать семье, но на деле помощи не было. Напротив, однажды забрали корову, единственную кормилицу времен военных лет. Со слезами вспоминала Анна Никитична этот случай даже в мирное время.

В 1953 году Анна Никитична вышла замуж за односельчанина — Романчука Дмитрия Петровича. Через год у них родился первенец — Антонина, а в 1956 году — Галина. В город Кемерово семья переехала в 1961 году, обосновавшись в поселке «Шахта Ягуновская». По приезде в город Анна устроилась банщицей в поселковой бане, где работала в течение трех лет. С 1964 года по 1969 год работала на шахте в мойке. В ее обязанности входило обеспечение шахтеров горячим кофе как в шахте, так и на поверхности и содержание помещений в чистоте. В 1970 году перешла работать на базу «Плодовощторг», где работал ее муж. Там Анна Никитична работала до выхода на пенсию.

Тяжела была судьба обычной крестьянской девчонки, повидавшую на своем пути только тяжесть трудовых будней. Поэтому путевка в санаторий города Сухуми, выделенная профсоюзной организацией Анне и ее мужу в 1980-х годах, стала одним из немногих радостных и запоминающихся событий.

Будучи женщиной уже преклонных лет, Анна вспоминала об этом путешествии, называя его на новый лад «свадебным путешествием», так как в молодые годы сирота из деревенской глубинки и мечтать не могла о подобном. Часто с улыбкой она рассказывала о том, как они гуляли с мужем на морском курорте в легких кофтах в декабре, слыша удивленные возгласы местных жителей. «А чему удивляться-то?! Сибиряки мы!» — с гордостью рассказывала она внукам. Запомнилось также Анне Никитичне на долгие годы участие в сборе урожая мандаринов в теплом крае, так как для сибирских колхозников это было в диковинку.

В 1983 году Анна Никитична вышла на пенсию, работу пришлось оставить, чтобы ухаживать за внуками.

В 2005 году была награждена медалью «60 лет Победы в Великой Отечественной войне», тогда же ей было присвоено звание труженицы тыла.

Анна Никитична прожила трудную, но счастливую жизнь. Умерла в 77 лет от тяжелой болезни.

ПОСЛЕВОЕННАЯ МОЛОДОСТЬ

***Гончарова Анастасия Григорьевна**, 15 лет;*
9 «Б» класс МБОК ЦО № 7,
г. Тула

Прошлым летом я была в прекрасном городе Калининграде, гостила у своей двоюродной прабабушки Марии Константиновны Москалюк (Алешиной). Во время поездки я не только отдыхала на море, знакомилась с музеями и достопримечательностями города, гуляла по его широким площадям и уютным улицам, но и беседовала с Марией Константиновной. Она рассказывала мне о своей жизни, о том, каким увидела она Калининград сразу после Великой Отечественной войны — о многом, чего не прочитаешь в учебниках.

Мария Константиновна Алешина родилась 13 марта 1926 года в селе Богдановo Ханинского района Тульской области; в 1929 году семья переехала в поселок Дубна, в новый дом, построенный отцом. В 1933 году Мария пошла учиться в Дубенскую среднюю школу. В 1942 году умерла ее мама Мария Гавриловна Алешина. После окончания 8 класса Мария поступила в Тульский железнодорожный техникум. Проучилась там всего полтора месяца и вернулась в 9 класс. В 1944 году окончила 10 классов и поступила в Московский государственный экономический институт на факультет экономики торговли.

Студенческая московская жизнь в военные и первые послевоенные годы имела свои незабываемые особенности.

Столица была закрыта для свободного въезда-выезда: между Серпуховым и Москвой передвигаться можно было беспрепятственно, но далее требовался пропуск. Пропуска студенты получали дважды в год: на зимние и летние каникулы. Домой же хотелось ездить чаще — подкормиться, взять продуктов и немного денег. Так, Мария с подругой и многие другие студенты свободно доезжали до Серпухова, а далее начинались приключения. Поскольку билет без пропуска купить было нельзя, приходилось вспрыгивать на подножки проходящих пассажирских поездов и так, цепляясь за поручни и держа чемоданчик с вещами, ехать до самой Тулы. Станционные работники гоняли таких «зацеперов». Часто на одной подножке висело по нескольку человек. Были и воры, которые пытались выхватить вещи, спрыгнуть и скрыться. Как-то на подножку, где ехала Мария с подругой, запрыгнул молодой человек. Те удивились: зачем прыгать на уже занятую, когда есть еще свободная. Однако его интересовало не место, а чемодан Машиной подруги. Он схватил его и начал дергать. Тут Мария забарабанила в дверь вагона. К счастью, там ехали военные. Они пригрозили убить грабителя. Тот испугался и тут же спрыгнул с поезда. Однажды Марии Константиновне пришлось ехать даже на крыше вагона.

Общежитий для иногородних студентов не хватало — их селили по нескольку человек по частным квартирам. Этим занимался деканат. Квартира, где жила Мария Константиновна с подругой, находилась в центре, недалеко от Красной Площади. Она стала свидетельницей грандиозного Салюта Победы 9 мая 1945 года: всенародная радость, общее ликование, улицы полны, песни, смех, объятия. Вечер. Мария с друзьями-однокурсниками на Красной Площади. Гремят залпы салюта. Раскатистое «Ура-а-а!» После салюта никто не расходится. Вновь людские потоки по московским проспектам, идут мимо американского, английского посольств, посольств других государств. Из распахнутых окон и с балконов их приветствуют дипломатические представители. И так до самого утра.

В 1949 году по окончании института Мария Константиновна была направлена в город Калининград в Торгмортранс на должность экономиста. Вид Калининграда, бывшего Кенигсберга, поверг девушку в глубокое уныние. Города практически не было. Развалины. На пути от вокзала до центральной площади увидела лишь одно целое здание. Подумала: «Как же тут жить?»

Сначала Марии вместе с такой же вновь прибывшей девушкой дали квартиру на первом этаже дома, но они по неопытности от нее отказались: их пригласила жить к себе другая приятельница. Оттуда было ближе до работы. Очень скоро они об этом пожалели: в ее квартире было невероятное количество крыс. Потом девушек поселили в комнате дома на третьем этаже. Эта комната была вся завалена разным хламом. Девушки расчистили ее и отремонтировали.

Через полтора месяца после приезда Марии Константиновны Торгмортранс был ликвидирован, и ее перевели в Калининградский горпродторг на должность старшего экономиста. В июне 1952 года назначили на должность начальника планового отдела, где она проработала до 1989 года. Была секретарем парторганизации горпродторга. Помимо основной работы, сотрудники принимали участие в субботниках и воскресниках. Они расчищали завалы на улицах города, помогали в ремонте и строительстве зданий. Мария Константиновна награждена памятным знаком «Участник становления Калининградской области».

Семейная жизнь Марии Константиновны была счастливой. В июне 1955 года она вышла замуж за офицера Николая Тимофеевича Москалюка, у них родился сын Владимир.

Сейчас Марии Константиновне уже более девяноста лет, она настоящий оптимист, умеет радоваться и дарить тепло своей души окружающим. Я очень рада, что в моем роду есть такой замечательный светлый человек, у которого многому можно научиться.

ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ — НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ

***Демидова Елизавета Романовна**, 13 лет,*
ученица 7 класса ГБОУ Школа
с углубленным из учением экологии № 446;
*учитель — **Дубиковская Валентина Александровна**,*
г. Москва

Война — это великая трагедия для народа любого государства. Она застает людей врасплох и приносит горе семьям. Нашу семью, как и другие, постигла участь утрат, потерь близких. Я живу в Москве, столице нашей великой Родины. Я горжусь тем, что и моя семья причастна к великой обороне Москвы.

Я расскажу о судьбе моей прабабушки Тамары Федоровны Епишиной. Она родилась 14 августа 1930 года. Жила с мамой и папой в Москве, на 3-ей улице Ямского Поля рядом с метро «Белорусская». Ее родители — мама Мария и папа Федор — работали на 2-ом часовом заводе. Была простая дружная семья. У них в комнате стояла красивая мебель: резной шкаф с большим зеркалом, большой дубовый стол, буфет с резными вставками. По выходным дням стол накрывали белой скатертью, и семья садилась обедать со своими друзьями и соседями. В начале июня 1941 года Мария отвезла свою дочь Тому в Подмосковье, в деревню Снегири, на летние каникулы.

В один миг мирная жизнь закончилась. Началась Великая Отечественная война. Отец Тамары, как и все защитники Родины, ушел на

Епишина Е. Ф.

фронт. Он сражался на Ленинградском фронте, защищал город на Неве.

Фашистские войска продвигались быстрыми темпами к Москве. Бомбовые удары становились все слышнее и сильнее.

Мария решает забрать дочь в Москву. Под сокрушительным огнем мать с дочерью едут на поезде в Москву, уверенные в том, что Москву никогда не отдадут немцам.

Немецкие войска приближаются к деревне Снегири. Людям приходилось уходить из своих домов и прятаться в землянках. Деревня Снегири находится на Волоколамском направлении, где шли страшные бои за Москву, где защищали столицу 28 панфиловцев.

При отступлении армии был взорван завод и железнодорожный мост. Почти все жители ушли вместе с войсками. В декабре 1941 года в Снегирях проходил рубеж, где были остановлены наступавшие на Москву немецкие войска. Фашисты вошли в поселок в ночь на 30 ноября 1941 года. 2 и 4 декабря они предпринимали атаку (в том числе, с участием танков) на деревню Ленино (ныне входит в состав поселка), но были отбиты советскими войсками. Нейтральная полоса составляла всего 50–70 метров. Контрнаступление советских войск началось утром 8 декабря, к вечеру населенный пункт был освобожден. В результате тяжелых боев в окрестностях Снегирей погибло более 6500 человек.

В Москве работников часового завода отправляют на строительство оборонительных укреплений. На рытье окопов мама с дочкой едут вместе. Неожиданно начинается обстрел, люди бегут в разные стороны. Когда наступает затишье, то дочь не находит своей мамы ни среди живых, ни среди мертвых. Так мама пропала без вести, а дочь осталась одна. В это время моей прабабушке было всего 11 лет. В 1942 году приходит весть о гибели отца под Ленинградом. Чтобы помочь девочке, из деревни к ней приезжает бабушка Аня, которая становится ее второй мамой.

9 мая 1945 года наши войска одержали Великую Победу над фашистской Германией. В Москве в этот день был праздничный салют. Люди на улице смеялись, радовались Победе. Моя прабабушка Тамара вместе со всеми не только радовалась, но и горько плакала из-за того, что потеряла своих родителей. Это была радость со слезами на глазах.

В мирное время прабабушка получила высшее техническое образование и стала инженером-конструктором. За работу в годы Великой Отечественной войны прабабушке была вручена медаль «За оборону Москвы».

Моя прабабушка Тома прожила непростую, но все-таки счастливую жизнь. Она обрела свою семью с любящим мужем, моим прадедушкой Вовой, и с дочерью, моей бабушкой Ольгой. Год назад моей прабабушки Томы не стало, ей было 86 лет. Она была добрым, заботливым, уважаемым человеком. Память о ней и всех погибших моих родных всегда будет в моем сердце!

СЕСТРА МИЛОСЕРДИЯ

Зубарева Марина Михайловна, *15 лет,*
ученица 9 «Б» класса МБОУ 2-Гавриловской СОШ,
учитель — ***Липунцова Татьяна Федоровна,***
с. Гавриловка 2-я Тамбовской области

Милосердие всегда существовало!
Расскажу историю одну,
Как сестры милосердия на поле боя
Помогали раненым в войну.

Соколова Мария

Я расскажу о Евдокии Терентьевне Овчинниковой, замечательной, уважаемой в районе женщине. Несмотря на почтенный возраст, Евдокия Терентьевна очень общительная и гостеприимная. Она с радостью согласилась со мной встретиться.

Жизнь Евдокии Терентьевны — это жизнь человека, прошедшего испытание войной. Даже сейчас она не может без слез рассказывать о тех суровых четырех годах Великой Отечественной войны. Во время нашей беседы ее рассказ порой прерывался слезами. И это понятно, ведь пережитое не выкинешь вон, не сотрешь из памяти.

Детство Евдокии Терентьевны прошло в селе Софьинка Уметского района Тамбовской области. Девочке было всего восемь лет, когда умерли ее родители. Воспитание четырех детей, а у Евдокии Терентьевны было еще два брата и сестра, легло на плечи их бабушки. Будучи совсем юной, Евдокия хотела стать медсестрой. Чтобы осуществить свою мечту, девочка старательно, с хорошими отметками училась в школе. В любую погоду: в дождь и в метель, в мороз и в распутицу — по бездорожью ходила она пешком в школу. Учиться Евдокии Терентьевне очень нравилось, поэтому она старалась без уважительных причин не пропускать занятия.

После окончания школы девушка поступила в существовавшее тогда еще Кирсановское медицинское училище и закончила его незадолго до начала войны.

Великая Отечественная война перевернула жизнь всего советского народа. Мужчин призывали на фронт. Отправилась на трудовой фронт и Евдокия Терентьевна. Вместе со многими другими тамбовскими женщинами она попала на торфозаготавливающее предприятие вблизи Москвы. Сказать, что приходилось очень тяжело работать, — это ничего не сказать. Едва светало, женщины с лопатами и топорами уже были на работе. За мизерный паек они трудились так до самой ночи каждый день. Евдокия Терентьевна рассказывает, как, мозолистыми руками вытирая пот со лба, вспоминала она родную Софьинку, и страшная тоска подкатывала к горлу комом. Но еще больше молодой девушке хотелось попасть на фронт, где сотни или даже тысячи раненых нуждались в медицинской помощи.

Однажды вечером несколько рабочих, не выдержав адского труда, решили бежать с заготовок. Среди них была и Евдокия Терентьевна. Целый месяц по лесам, по железной дороге пешком шли они до Умета. Из восьми человек до дома добрались только трое. Остальные умерли по пути от голода и болезней.

3 января 1943 года Евдокию Терентьевну призвали в ряды Красной Армии. Она воевала на второй линии Украинско-Белорусского фронта. Рассказывая, как шли бои на реке Дон, Евдокия Терентьевна едва сдерживала слезы. Как на кинопленке проплывали перед глазами страшные события военных лет. Во время наступлений один за другим на глазах гибли однополчане. Не жалея жизни, под свистящими над головой пулями Евдокия Терентьевна на себе вытаскивала с поля боя раненых. Сейчас, глядя на эту маленькую хрупкую женщину, удивляешься, сколько было в ней силы.

В госпиталях в то время не хватало ни бинтов, ни медикаментов. Но порой не они нужны были изувеченным солдатам, нужнее была доброта и забота, которую проявляли медсестры.

Я поинтересовалась у Евдокии Терентьевны, что больше всего запомнилось ей за годы войны. Услышанное поразило меня. Евдокия Терентьевна рассказала, что когда отделение, в котором она воевала, зашло в Чернигов, улицы города были абсолютно пустыми, но ветер доносил какой-то странный запах. Заглянув в один из бараков, солдаты нашли там много женской и детской одежды. Неподалеку был пустырь, на котором фашисты убивали, а затем сжигали тела маленьких детей. Кое-где на веревках висели повешенные.

Слушая рассказ Евдокии Терентьевны, трудно не заплакать самой. Поневоле приходит мысль: как же можно такое пережить? А они, поколение наших дедов и прадедов, пережили. И не только пережили,

но и выстояли ценой миллионов жизней. За это мы им всегда будем бесконечно благодарны!»

Долгожданная весть о Победе Красной Армии над фашистской Германией Евдокия Терентьевна встретила в Брестской крепости. «Враг отступил! Ура!» — кричали солдаты, подбрасывая в воздух пилотки и обнимая друг друга.

После окончания Великой Отечественной войны, Евдокия Терентьевна приехала работать в Гавриловскую районную больницу. Здесь она встретила своего будущего мужа Николая Петровича Овчинникова. Вместе они прожили долгие годы и воспитали троих детей. Сейчас у Евдокии Терентьевны уже семь внуков и 10 правнуков.

В Гавриловской районной больнице Овчинникова проработала 34 года. Сначала трудилась хирургической медсестрой, затем в терапии. Евдокия Терентьевна вспоминает, как впервые познакомились с Заслуженным врачом России, долгое время возглавлявшим Гавриловскую Центральную районную больницу, Николаем Павловичем Баскаковым. «Николай Павлович пришел на практику робким, но очень любознательным юношей», — рассказывает Е. Т. Овчинникова. Поначалу она помогала ему правильно делать уколы. Впоследствии он не раз благодарил Евдокию Терентьевну за помощь и поддержку.

Завершая рассказ о Е. Т. Овчинниковой, отмечу, что за проявленные мужество и героизм в годы Великой Отечественной войны она награждена орденами Жукова и Отечественной войны, множеством юбилейных наград.

Слава и честь женщинам войны! О них сложены стихотворные строки:

Только помнит каждый ту девчонку,
Что спасла его из-под огня.
И о них пусть сложатся легенды,
И о них напишут пусть стихи,
Пусть история запомнит все моменты,
Пусть господь им даст и счастья и любви.

Соколова Мария

Литература

1. Соколова Мария. Сестры милосердия [http://mercy2015.ru/?p=2403]
2. Личные воспоминания Е. Т. Овчинниковой.

МАТЬ-ГЕРОИНЯ

***Луговой Станислав Викторович**, 16 лет,*
***Силаева Ольга Сергеевна**, 16 лет,*
***Суханова Эльвира Викторовна**, 16 лет,*
ученики 10 класса
МБОУ Дубровской № 1 СОШ
им. генерал-майора Никитина И.С.,
п. Дубровка Брянской области

Пиреева А. В.

В нашей школе стало традицией в канун Дня матери бывать в гостях у Александры Васильевны Пиреевой, единственной Матери-Героини, живущей ныне в Дубровке. А когда-то на дубровской земле их было немало. По инициативе нашего выпускника 1949 года, ветерана педагогического труда Николая Егоровича Мачехина, много лет преподававшего историю в Рябчинской средней школе, у здания этой школы, на Аллее Героев был открыт памятный знак Матерям-Героиням.

Александра Васильевна живет сегодня со своей дочерью Людмилой Ивановной Петраковой в уютном просторном доме. С большим удовольствием за чашкой чая она поговорила с нами, расспросила о наших планах на будущее, рассказала о своей жизни.

Александра Васильевна родилась 10 августа 1928 года в деревне Сетенка Рябчинского сельского совета. Она вспоминает: «У нас в деревне насчитывалось всего семь дворов, но детей было очень много. В нашей семье, кроме меня, росло еще три брата. В хозяйстве, помимо пахотной земли и огорода, имелось около двадцати пяти ульев пчел, сад около сорока соток. Все это нас, в основном, и кормило. Денег-то не платили».

В целом жизнь в их маленькой деревеньке до войны текла тихо и размеренно. Все много работали, в том числе и детвора, а летом собирали грибы и ягоды, которых было невероятно много в лесах, окружавших деревню. И, конечно же, как все дети, играли в свободное время и учились. Правда, окончить Александре довелось только один класс.

Оккупация стала страшным испытанием для селян, оказавшихся на захваченной врагом территории, где фашисты устанавливали свой «новый порядок». Страх и голод стали постоянными спутниками жизни деревенских жителей. Девочка видела, как нацисты издевались над людьми, уничтожали народное добро. Мать Александры умерла во время войны, отец стал инвали-

дом, потеряв два пальца руки. После он уехал в Украину, где и умер, не дождавшись внуков. Девочку вместе с другими селянами из деревни выгнали.

Отступая осенью 1943 года, фашисты сожгли деревни Рябчинского сельсовета. Уцелевшие дома можно было пересчитать по пальцам. Но люди не пали духом, ведь пришло долгожданное освобождение! Из подручного материала строили землянки, полуземлянки, мазанки и, обогреваясь маленькими печками и железными «буржуйками», встретили весну 1944 года.

Стали восстанавливать колхоз. А это значит — нужно было строить помещения для скота, склады для зерна и имущества. Не хватало мужских рук. Основная тяжесть легла на плечи женщин и подростков — мужчины ведь на фронте. С шестнадцати лет начала трудиться в колхозе и Александра Васильевна Пиреева.

Весна 1944 года не сулила легкой жизни. И главной задачей было подготовить как можно больше земли для посева: вспахать, вскопать лопатами и засеять. «Пахали на лошадях, волах, коровах, лопатами,— рассказывает ветеран села.— В плуг впрягались и женщины, по 4–5 человек. За зерном (семенами) пешком ходили в Дубровку, а это — туда и обратно — почти 50 километров. Взрослые несли по 16 кг (пуд), а подростки — по 8 кг (полпуда). По дворам собирали удобрения — золу, навоз, куриный помет — и кормили землю. И она платила колхозникам сторицей, словно понимала, что каждый болел за урожай, каждый радел за общее дело. Технологию признавали тогда лишь одну: в срок подготовить почву и семена, в срок и качественно провести уход за посевами, в срок и без потерь собрать и сохранить урожай до зернышка. Ведь тыл должен обеспечить фронтовиков питанием, одеждой, обувью. А за работу ничего не платили: из чего было платить?..»

Лозунг «Все для фронта, все для победы!» был тогда постоянно на устах тружеников тыла. А трудовой энтузиазм, рабочая совесть, приверженность долгу были необыкновенными.

После войны Александра Васильевна вышла замуж. После свадьбы переехала в деревню Буду их же Рябчинского сельсовета. Родила десятерых детей: пять мальчиков и пять девочек. К сожалению, двое сыновей умерли от болезней. Растила детей, вела большое домашнее хозяйство и продолжала работать в колхозе. Многого тогда не хватало: техники, удобрений. Но это компенсировалось высоким гражданским долгом перед общим делом, высокой сознательностью и пафосом созидания.

Нелегкому труду на земле Александра Васильевна Пиреева отдала сорок три года. И ничуть об этом не жалеет. Наоборот, гордится своим трудом. Тяжело переживала ветеран труда развал колхозного строя в 90-е годы, зато искренне радуется теперь, когда слышит по телевидению о том, как быстро развивается российское сельское хозяйство в последние годы.

Сегодня семья у Матери-Героини Александры Васильевны Пиреевой большая. Самой младшей дочери сорок девять лет, самому старшему сыну — шестьдесят шесть. На данный момент у нее восемнадцать внуков и пятнадцать правнуков, самой младшей правнучке всего четыре месяца. Александра Васильевна уверена, что дождется еще и праправнуков, и на ее 90-летний юбилей через два года соберется за большим праздничным столом столько же гостей, сколько лет исполнится юбилярше.

МОЯ ПРАБАБУШКА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВНА ИВАТАНОВА

***Насонов Аркадий Борисович**,13 лет,*
ученик 8 класса МБОУ МО Плавский район «Плавская СОШ № 2»,
*учитель — **Чепенко Ирина Анатольевна,***
г. Плавск

Иватанова (Галицына) А. Н.

Война оставила глубокий след в истории, наверное, каждой семьи. Я много видел и слышал о войне и боевых действиях, в основном, из художественных фильмов и передач телевидения. Мне рассказывали, что мои прапрадеды по маминой линии сражались и погибли на войне, а прадед участвовал в советско-японской войне 1945 года. Единственным свидетелем военных лет, которого я знал, была моя прабабушка — Иватанова (Галицына) Александра Николаевна. Она, ее сестры и брат — «дети войны».

Бабушка не часто рассказывала о войне, не любила вспоминать о ней. Видно, очень тяжелы были для нее эти воспоминания. Лишь когда она и ее сестры собирались вместе, делилась пережитым с внуками и правнуками.

Когда началась война, прабабушка вместе с родителями и тремя сестрами и братом жили под Анапой в станице Натухаевской. Отец ее, Николай Иванович, был активным коммунистом. Его направили из Воронежской области вместе с семьей под Анапу для ведения партийной работы. Когда началась война, он сразу ушел на фронт. Мать Мария Алексеевна осталась одна с пятерыми детьми. Старшей из них была прабабушка, ей было четырнадцать лет.

Немцы оккупировали Таманский полуостров, во всех станицах и городах стали собирать и угонять молодежь, евреев, а также семьи пар-

тийных работников как «неблагонадежных». Кто-то в станице выдал и прабабушкину семью. Их погнали в город Евпаторию, в Крым. По дороге от болезни умерла мама Мария Алексеевна, и малолетние дети остались на попечении старшей сестры Александры, моей прабабушки.

Об этом периоде, после смерти матери, она рассказывала совсем не много: было голодно, бегали с братом в поле кукурузу таскать, да попали под бомбежку. Но, думаю, прабабушка этот период своей жизни не забыла. Нельзя такое забыть. Скорее, не хотела вспоминать. Очень больно! Но сестры ее, хоть и маленькие тогда были, помнили то время и часто говорили, что она их спасла.

Добравшись до Евпатории, дети потеряли свою самую младшую сестру. Когда их вели колонной по городу, самую маленькую девочку пожалела какая-то женщина и взяла ее себе. Остальных сирот определили в детский дом. Прабабушка рассказывала, что они разыскивали свою сестру, но так и не нашли. Они так и не узнали, выжила ли она, где она, если жива.

Пока дети находились в детском доме, одну из младших сестер захотела удочерить одна гречанка. Сестру Галю забрала она, а остальных девочек — Александру и Нину — забрала себе «в дети» другая женщина, Елена Ивановна Кирчо. В детском доме остался лишь один брат Женя. Но он часто приходил проведать сестер, кормился в их доме.

Елена Ивановна Кирчо стала на несколько лет детям не просто приемной, а самой настоящей матерью. С каким теплом и чувством благодарности отзывались о ней моя прабабушка, ее сестры и брат. Я думаю, такую женщину можно назвать героиней. Ведь принять в это нелегкое, голодное, страшное время в свою семью, где растут двое своих, еще и приемных детей, заботиться о них, любить их, как родных,— это очень непросто. Для этого надо иметь очень большое сердце.

В 1944 году после освобождения Крыма от немцев по Евпатории полетела весть, что всех крымских татар, русских немцев, греков собираются отправлять на север, как «предателей и врагов народа». Сестру Галю было решено забрать от гречанки. Сколько маленькая девочка пролила слез! Она уже привыкла к приемной матери и считала ее родной. Елена Ивановна приняла и Галину в свою семью, а гречанку репрессировали и выслали из города.

Вскоре после войны и Победы с фронта пришел отец. Он разыскал своих детей в Евпатории, всех кроме младшей дочери, и увез их в Тульскую область. Так моя прабабушка оказалась в послевоенном Плавске.

С каждым годом все меньше становится свидетелей той ужасной войны. Но я буду помнить то, что мне рассказывала бабушка о войне, и буду рассказывать о ней своим детям, а они своим. Я надеюсь, что нам не придется видеть своими глазами другой войны. И хотя нашу Родину постоянно пытаются втянуть в какие-то конфликты, провоци-

руют нас, мы, как народ, победивший в самой страшной войне прошлого столетия, должны не допустить повторения прошлого. А это возможно лишь тогда, когда «никто не забыт, ничто не забыто!»

Литература
1. Неугасима память поколений.— URL: http://mamson80.wixsite.com/
2. Официальный сайт движения Бессмертный полк. Плавский район.— URL: http://moypolk.ru/plavskiy-rayon
3. Архив администрации МО Плавский район.

В ПЕРВЫЙ КЛАСС В 1946-м

Памяти Лидии Георгиевны Абрамцевой

***Петров Владимир Сергеевич**, 17 лет,*
ученик 11 класса МКОУ СОШ № 21;
*учитель — **Туленинова Наталья Михайловна,***
Г. Узловая,пос. Брусянский

Война...
...Она такой вдавила след
И стольких наземь положила,
Что двадцать лет и тридцать лет
Живым не верится,что живы...

К. Симонов

Дети войны... Они все разные и одинаково несчастные.

Моя прабабушка была совсем маленькая, но слово бомбоубежище выговаривала и тянула за руку свою маму, бабушку именно туда, в тот темный лаз.

Хорошо она запомнила один день — День Победы. На площадь пришло много людей, и почти все почему-то плакали... Рядом были близкие, родные люди, которые старались облегчить жизнь, насколько это возможно, детям. Приласкать, накормить, приютить.

В 1946 году прабабушка пошла в первый класс. Иногда вспоминала этот год — первый учебный, глядя на фотографию, сохранившуюся до сих пор. С фотографии смотрят лица маленьких страдальцев; это невеселые, неулыбчивые дети, дети без детства.

Но свою городскую первую школу № 1 она любила. Просторные коридоры, светлые классы — отрада от коммуналок, неустроенности быта. А еще учителя — добрые, терпеливые, которые старались сеять добро в этих детских душах. И особая радость от книг и учебников с картинками.

Очень любили чистописание, и почерк сохранился четким и красивым на всю оставшуюся жизнь. Учили буквы быть стройными, а если оставалось несколько минут до звонка, то радовали учеников, рассказывая что-то интересное, необычное. Светлая память им, тем учителям, которых уже нет. «Учитель, перед именем твоим позволь смиренно преклонить колени...» (Н. А. Некрасов).

Приятельница прабабушки Лида была чуть постарше, пережила страдания, боль, тяготы военных лет. Часто вспоминала те годы и рассказывала о них.

«...Семья жила в Ростове-на-Дону. Бабушка, папа и мама, трое детей. Прекрасное место! Дивная природа. Туда стремились приехать многие. Нам повезло: мы здесь родились, жили и думали, что такой жизни не будет конца. Особенно радовали выходные... Эти бесконечные прогулки, речка, игры, общение с друзьями.

Особенное удовольствие доставляли походы на речку. Вся семья с удочками сидела на берегу в ожидании большого улова. Очень часто удочки молчали, а уж если крючок начинал свои «танцы» по воде, то это, действительно, была рыба. Когда эта удача нам улыбалась, то мы, довольные, веселые возвращались домой. А еще на реке мы любили играть, бегать, барахтаться в теплой воде. А дома прабабушка уже приготовила нехитрый ужин, который мы с удовольствием уплетали.

Так пролетало время, лето, детство.

В тот воскресный день вся семья была на реке, рядом с нами были и другие люди. Шумели, галдели дети, разговаривали взрослые, сплетничали старушки.

И вдруг кто-то прибежал на реку и крикнул: «Война!» Все замолчали. Затихло все вокруг, дети не поняли, но, взглянув на старших, испугались.

Пришла беда. Женщины плакали, а мужчины, парни уже на следующий день уходили на фронт. Всюду поселились тишина и печаль. Родители Лиды ушли тоже. Дом затих, осиротел. По дому ходила бабушка, опухшая от слез, ждала писем, желанных треугольничков, с доброй вестью: они живы.

Наступили совсем тяжелые времена: нечего было есть, надвигался голод. Бабушка понимала — надо искать выход. На некоторое, самое тяжелое время, решила отдать детей в детдом. Старшую девочку оставила себе помощницей, а Лиду и младшего внука надо было через весь город вести туда. Держась за руки, брела скорбная троица. Лида уже понимала: ее и братика оставят где-то там, среди чужих, но там есть еда. Всю дорогу девочка надеялась: а может, их не возьмут в этот дом, где чужие.

Но их взяли, их приняли, как и многих других, оказавшихся в безвыходных ситуациях. Братишке что-то дали поесть, и он уплетал какую-то лепешку. Лида не могла ни есть, ни говорить, просто было тяжело...

Плакала беззвучно, держалась за бабушкины руки. Бабушка уговаривала: это ненадолго, как все изменится к лучшему — они вернутся домой. Чужая тетя за руки оторвала ее от бабушки, которая, наверно, боялась вот тут, сейчас, умереть от горя, своего и детского...

«Лучшее» все не приходило. К новой жизни привыкала долго, скучала по прежней жизни. В душе жила надежда, что все кончится и они все будут вместе. А рядом были такие же обездоленные дети вместе со своим горем, одиночеством, оторванностью от близких людей. Всем было нелегко. Детдом не стал своим, он оставался чужим.

Бабушка приходила не очень часто — не с чем идти к детям, нечем угостить. Но свидания с бабушкой были светлыми пятнышками в унылой жизни. Хорошо, что была учеба. Каждый день что-то новое узнавала в школе о мире, о людях, научных открытиях, великих людях разных эпох.

А рядом шла тоже очень нелегкая жизнь, люди, не призванные в армию, трудились день и ночь, падали от недоедания, недосыпания. Ждали вестей с фронта. Приходили похоронки, их было много, невеселый почтальон приносил все новые и новые страшные вести.

Не миновало горе и Лиду. Она, ее брат и сестра остались сиротами, война отняла родителей. Остро и тяжело переживала Лида утрату: никогда не увидит маму, не посидит рядом с отцом на берегу с удочкой. Детство закончилось.

Рано повзрослев, находила Лида утешение в работе в саду, на огороде рядом с детдомом. Нравилось ей видеть зеленые ростки, цветущие деревья, созревающие плоды. Радовало это исстрадавшуюся детскую душу... Работала старательно, с душой, за что ее нередко хвалили. Это трудолюбие, усердие осталось у нее на всю жизнь.

Лида окончила школу-семилетку. При первой возможности — вечернюю десятилетку, так как мечтала о высшем образовании. Знала: интереснее, чем наука, творчество, познание, ничего нет. Добилась своего: окончила институт, пришлось учиться заочно — таковы обстоятельства сиротства. Увлекалась литературой, философией, йогой, астрономией, позднее освоила компьютер и со своими двумя сыновьями, жившими неблизко, общалась, проводя много времени у экрана. Много читала. Была человеком, как говорят, светлым, всегда в хорошем расположении духа, готовая помочь и словом, и делом.

И вот не так давно ее не стало. Мир потерял еще одного чистого человека, светлую человеческую душу, которой сейчас нам так не хватает.

ФРОНТОВОЙ И ТРУДОВОЙ ПОДВИГ ЕВДОКИИ

Сарсенбаев Абиль Аббасулы, *18 лет,*
студент 1 курса направления «Юриспруденция»
Усть-Каменогорского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова;
научный руководитель — ***Турова Л.П.,*** *канд. ист. наук,*
г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан

9 мая каждого года идут к обелискам люди. Несут цветы, склоняют головы и «со слезами на глазах» вспоминают солдат той великой войны. В каждом городе, в каждом селе есть такие обелиски, а на них имена и фамилии погибших солдат. Сколько их на нашей планете? Много, очень много.

Казахи храбро сражались на полях сражений. Среди казахов есть наша землячка — Евдокия Филипповна Зеленина (Воронова в девичестве). Родилась 16 февраля 1923 года в Смоленской области, Демидовском районе, селе Лобощево. Окончила 7 классов сельской школы. Перед войной окончила курсы санитарок и медсестер. Ушла добровольцем на фронт. На фронте на себе переносила раненых ближе к линии тыла.

Евдокия Филипповна прошла славный боевой путь от Полтавы до Праги в качестве санитарки. Участвовала в боях Первого Украинского фронта под командованием маршала И. Конева.

В 1945 году получила Благодарственную грамоту за выполнение патриотического долга и доблестное выполнение воинской службы за подписью Главнокомандующего Первого Украинского фронта И. Конева, члена военного совета фронта генерал-лейтенанта К. Крайнюкова и начальника штаба генерала армии И. Петрова.

Сложный и трудный был путь молодой девушки, но опасности военного времени не сломили Евдокию. Она, молодая и хрупкая, оказывала помощь раненым бойцам: перевязывала, тащила на себе до безопасной линии, чтобы их забрали в госпиталь. Поддерживала еще и словами: «Потерпи, милый боец, мы победим»!

На фронте встретила своего будущего супруга Ивана Александровича Зеленина. После окончания войны они остались работать на строительстве химического комбината в г. Маарду под Таллином. Евдокия выучилась там же на газосварщика, за что есть грамоты Министерства химической промышленности за безупречную работу. В 1968 году Евдокия Филипповна с мужем и двумя дочерьми переехала в Восточно-Казахстанскую область в г. Усть-Каменогорск. В городе Усть-Каменогорске устроилась работать в таксопарк газосварщиком. Пользовалась уважением среди коллектива, приходила на помощь молодым специалистам, вернувшимся с фронта. По характеру была уравновешенной, отзывчивой, добросовестной. Неоднократно была вынесена на Доску по-

чета автотреста, а в трудовой книжке — многочисленные благодарности за добросовестный труд, за высокую производительность и выполнение взятых на себя обязательств.

Прожила Евдокия Филипповна долгую и плодотворную жизнь до 87 лет.

Литература
1. Семейный архив Зелениной Е. Ф.
2. Родина награждает отважных. Герои-восточноказахстанцы — Герои Советского Союза / Составитель Н. В. Крутова. Оскемен, Медиа-Альянс, 2010.

ЭХО БЛОКАДЫ

***Сезин Даниил Вадимович**, 14 лет,*
ученик 8 «Г» класса МБОУ Гимназия;
*учитель — **Тупицына Вера Анатольевна,***
г. Ливны Орловской области

Счастливая пара

Пока еще почти в каждой семье есть люди, которые помнят Великую Отечественную войну. В нашей семье это моя прабабушка — Валентина Николаевна Замыслова. Вспоминая те грозные годы, Валентина Николаевна неоднократно говорила, что многие лишения и тяготы она перенесла благодаря своему молодому возрасту, когда страх и беда не кажутся такими серьезными. Она одна из 18 человек из Орловской области, оставшаяся в живых после блокады Ленинграда. А оказалась в Ленинграде она не случайно.

Полная амбиций и надежд на счастливое будущее, девушка отправилась со своей подругой Могилевцевой Тамарой Михайловной в северную столицу. Город потряс ее необыкновенной красотой и величием.

«Представляешь! — говорит мне она теперь,— я хотела изучать жизнь и литературу народов Крайнего Севера ханты и манси». Именно поэтому моя прабабушка решила поступать на филологический факультет Литературного института имени Герцена

в 1940-м году. От учебы студентка была в восторге. Преподаватели — знаменитые ученые, каждая лекция которых заканчивалась аплодисментами, а занятия напоминали импровизированные театральные постановки.

Прабабушка окончила первый курс, собралась ехать домой навестить родных. Но скорой встрече не суждено было случиться — началась война.

Сначала Валентину Николаевну, как и многих студентов, с первых дней войны отправили на окраины города рыть окопы и противотанковые рвы, устанавливать надолбы. Ели и спали прямо в этих окопах, не уходя по нескольку суток, но всем было радостно от того, что они помогают Родине. Моральный подъем был необычайно высок, хотя были и такие, которые старались увильнуть от работы, с ними было неприятно находиться рядом.

Организация любой работы была достаточно высокой; с одной стороны, никто «силком» не заставлял работать, а с другой стороны, — велся четкий контроль за каждым человеком.

Через некоторое время прабабушку направили работать на завод, где изготавливали снаряды и комплектующие детали для фронта. Ели, спали и отдыхали прямо у станков, на груде накиданных телогреек. А в свободное время дежурили на близлежащих крышах домов, чтобы обезвреживать фугасные бомбы. Прабабушка сейчас сама удивляется, как это им не страшно было с девчатами подбегать к этим бомбам и обезвреживать: либо в песок бросали, либо на лопату и во двор кидали.

Многие студенты добровольно уходили на фронт, а Валентина Николаевна вместе с подружками попросилась в военный госпиталь, благо начальную медицинскую подготовку получили в институте.

В госпиталь с фронта привозили, в основном, молодых ребят, может быть, чуть старше ее самой. Страшные ранения, кровь, стоны — ужасные картины мучений солдат, к которым девушка психологически не была готова, но которые вынуждена была наблюдать каждый день.

Страшно было по нескольку раз в день проходить по коридору госпиталя, куда выносили умерших от ран и голода больных. Коридор был длинным и слабо освещенным. Для молодой девушки это была настоящая пытка! А ведь можно было все бросить, не ходить на работу. Были и такие, кто смалодушничал.

Все было за эти грозные военные годы. Но изнуряющий физический труд не самое страшное, что пришлось перенести во время блокады Ленинграда. Самым страшным был, конечно, голод.

Однажды старшая медсестра, поручив Вале поделить на порции мешок сухарей для раненых, оставила ее одну. «Ты подумай,— удивляется она самой себе,— сижу, делю, и даже мысли не возникло припрятать для себя сухарик, ведь никто не видит, а есть ужасно хотелось!»

И при всем происходившем жители блокадного Ленинграда удивляли Валентину своей добротой, чуткостью и сознательностью. Бывало, люди, получая по карточкам хлеб, видели около магазина упавшего от голодного об-

морока человека. И вряд ли хоть один проходил мимо равнодушно. Страдальца обязательно поднимали и давали ему, пусть маленький, кусочек хлеба.

С началом войны изменился и вид города, который еще совсем недавно так восхищал мою прабабушку. В окнах полуразрушенных домов мрачно колыхались шторы, вмиг опустели витрины магазинов. Люди ходили медленно, ослабленные голодом. Иные с опустошенными лицами сопровождали повозки с телами умерших родственников, завернутыми в простыни. А в глазах детей были только печаль и взрослая серьезность.

В конце марта 1942 года прабабушка вместе с другими жителями Ленинграда эвакуировалась по спасительной Дороге жизни. Вспоминает она остановку в городе Тихвине: «Это была первая наша кормежка. Тут мы впервые какой-то суп ели. У всех обмороки начались. Вкус еды сильно действовал на тех, кто перенес голод».

В товарном вагоне, совершенно не отапливаемом, девушка добралась до Ливен. Ей бросился в глаза полуразрушенный, покосившийся родной дом. Изнуренную, похудевшую Валентину встретила мама: «Увидела меня и перекрестилась. Ей показалось, что это какое-то видение. Отец в это время был на фронте».

После долгожданного возвращения на родную землю прошло несколько месяцев, когда Ливны в очередной раз подверглись смертельному испытанию — авиационным бомбежкам. «У нас во дворе две бомбы упало, дом встряхнуло. На порожках женщину убило, очевидно, она мимо проходила, а с ней девочка, убитая, лет пяти. Мы слышим, какой-то писк рядом раздается, а это ребеночек маленький, закутанный в одеяло, которого она грудью закрыла»,— рассказывала мне прабабушка.

С той поры прошли десятки лет, в течение которых Валентина Николаевна закончила пединститут и, как и мечтала, стала работать учителем русского языка и литературы. Вышла замуж. А так как муж был военным, набираться педагогического мастерства приходилось и в Германии, и в Молдавии.

После возвращения в родной город моя прабабушка до 1978 года проработала в средней школе № 1.

Как педагог, Валентина Николаевна была очень требовательной, и в первую очередь к себе. Эрудиция, четкая постановка целей урока, их достижение, культура речи, абсолютное знание своего предмета делали ее уроки образцовыми. Ученики ценили уроки русского языка и литературы, и не случайно, что они до сих пор помнят своего учителя и наставника.

А в прошлом году мою прабабушку Валентину Николаевну нашла медаль «Жителю блокадного Ленинграда».

Много интересного и познавательного мне рассказывает моя прабабушка при встречах. Я даже и не подозревал, что моя прабабушка, будучи обыкновенной девчушкой, проявила такую силу духа и стойкость. Слушая ее рассказы, я невольно думаю: а смогу ли я так поступать, так жить?!

О ПРАБАБУШКЕ С ЛЮБОВЬЮ

Серова Яна Валериевна, *11 лет,*
ученица 5 класса МКОУ СОШ № 1;
учитель — ***Кирилина Валентина Петровна,***
г. Кимовск Тульской области

Моя прабабушка Антонина Ивановна родилась 19 ноября 1919 года в Валдайском районе Новгородской области в многодетной семье. Она была в семье старшим ребенком. В 1941 году прабабушка осталась одна с 5 сестрами и 2 братьями, так как родители умерли. Чтобы выжить, ей пришлось уехать в город Ленинград на заработки. Не имея совсем никакого образования, прабабушка не могла надеяться на престижную работу, поэтому все родственники гордились тем, что она устроилась домработницей к профессору (к сожалению, фамилия неизвестна). Совсем недолго молоденькая Антонина Ивановна наслаждалась красотой этого города.

Началась война. В сентябре 1941 года сомкнулось кольцо блокады на долгие 900 дней. Прабабушке повезло, что, хотя она и была совсем чужим и незнакомым человеком в профессорской семье, к ней очень хорошо относились, на протяжении всей блокады делились каждой крошкой хлеба.

Все население города было обессилено голодом и холодом, но каждый житель от мала до велика старался что-то сделать для фронта, преодолевая невозможное. Не все ленинградцы пережили блокаду. Я очень рада, что моей прабабушке хватило физических сил и крепости духа выдержать такой страшный период в жизни.

Хотя моя прабабушка Антонина Ивановна никогда не была на передовой, не держала в руках оружия, но она, как и многие другие люди, заслуживает вечной памяти и уважения.

Ее заслуга, как и тысяч других блокадников, — в безграничной любви к Родине и непоколебимой вере в победу, которые помогли сохранить Ленинград, этот красивейший город, а каждый день сопротивления возрождал в сердцах наших воинов на фронте уверенность в том, что есть за кого бороться, есть что защищать.

После войны прабабушка переехала в город Краснодар, где и прожила почти 45 лет. Умерла она в 1995 году.

РАССКАЗ О МОЕЙ БАБУШКЕ

***Суслов Григорий Вадимович**, 10 лет,*
ученик 4 класса МБОУ «ЦО № 6»;
*руководитель — **Макарова Светлана Павловна**,*
зав. школьной библиотекой,
г. Тула.

Куликова Г. С.

Чем старше я становлюсь, тем больше мне хочется узнать о своих корнях, об истории нашей семьи. Хорошо, что у меня есть прабабушка Галя. Она умеет интересно рассказывать о своем детстве, юности, о работе в школе. С особым волнением я слушаю о военных и послевоенных годах ее жизни.

Моя прабабушка Куликова Галина Семеновна родилась в 1939 году в поселке Узловая. Начало войны, когда немцы наступали на Тулу, она помнит очень смутно, т.к. ей было три годика. В детской памяти остались грохот бомбежек, гул немецких самолетов. Помнит, как они с мамой и с сестрой прятались в подвале дома.

В конце 1941 года семья была эвакуирована в Среднюю Азию, под город Чимкент. Приютила их в небольшом ауле добрая гостеприимная и большая казахская семья. Бабушка помнит, как глава этой семьи, очень старый казах, вылечил ее сестру. Когда они жили в Узловой, сестра Люся чем-то заболела и после этого у нее начала сохнуть нога. Бабушка рассказывала, что этот дедушка по народным казахским рецептам лечил сестру: на ногу клал овечьи лепешки, укутывал и читал свои молитвы. Нога зажила. Потом, после войны, став взрослой, Людмила занималась конькобежным спортом и даже стала мастером в этом виде спорта.

В конце войны бабушка вернулась домой, в Узловую, но их квартира уже была занята. Там расквартировали военных саперов. Но свет не без добрых людей. Семью приютили соседи, и все жили очень дружно. Одна из соседок, девушка-боец, подкармливала бабушку своим солдатским пайком.

Наступил 1946 год. В этот год бабушка пошла в первый класс. Эти первые послевоенные голодные и трудные годы бабушка помнит хорошо. Очень тяжело было с одеждой и обувью. Ходить в школу приходилось в больших галошах, привязанных к ногам веревками. Позднее

школьникам выдали ботинки из американской гуманитарной помощи. Пальто было перешито из старой телогрейки.

Не было тетрадей, писали на газетах и оберточной бумаге. Учебники распределяли по одному на несколько человек. Но зато школьников кормили бесплатными обедами. Было трудно, но в школу ходили с удовольствием, дети очень хотели учиться. Многие ребята после школы мечтали поступать в вузы, чтобы стать образованными людьми. Ведь наша страна после такой страшной войны восстанавливалась, и необходимы были грамотные специалисты.

В городе Туле постепенно открывались различные учреждения: поликлиники, детские сады. Бабушка помнит, как она с мамой поехала зачем-то в Тулу. По городу уже ходили трамваи, автобусы, на улицах суетился народ. Отстраивались дома. Там впервые бабушка увидела пленных немцев, которых вели в колонне на работу. Им пришлось поднимать из руин то, что сами разрушили. Люди смотрели на этих жалких и угрюмых фрицев без всякой ненависти и злобы.

Помнит бабушка, как после школы ребята любили поиграть в салочки, в казаки-разбойники, но чаще всего, особенно мальчишки, играли в войну. Девочки тоже играли в войну, они были медсестрами. Но моя бабушка любила играть в школу. Она мечтала стать учителем и стала им. После окончания школы она поступила в Кировоградский педагогический институт на филологический факультет.

Жизнь в стране постепенно налаживалась. Возвращались мужчины с фронтов, все соскучились по мирной жизни, по работе...

После окончания института в 1963 году по распределению бабушка уехала в город Абакан.

Работала там учителем русского и немецкого языков. Потом она вышла замуж и уехала в город Севастополь. Через несколько лет бабушка вернулась снова в Тулу и работала в школе № 65. Сейчас моей бабушке 77 лет, уже 12 лет — на заслуженном отдыхе. Галина Семеновна очень деятельный и энергичный человек. Никогда не унывает и не сидит без дела. Она много читает, вяжет, любит петь, занимается скандинавской ходьбой, помогает мне с учебой.

Милая моя бабушка! Я тебя очень люблю! Желаю тебе всегда оставаться молодой душой, и пусть тебя никогда не подводит здоровье. Живи долго, моя дорогая бабушка!

СОЛДАТСКАЯ ВДОВА[1]

Нехаева Дарья Викторовна, *19 лет,*
студентка 4 курса факультета истории и права
ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого»;
научный руководитель — ***Нехаев Виктор Викторович,***
д-р. ист. наук, профессор,
г. Тула

Чеботарева М. К.

Моя прабабушка по линии папы Чеботарева Мария Капитоновна родилась 27.01.1915 г. в хуторе Медведевском Хоперского округа Области Войска Донского (современный Урюпинский район Волгоградской области) в казачьей семье. Скончалась 15.11.2003 г. в г. Урюпинске в возрасте 88 лет. Согласно рассказам прабабушки, документам и ее автобиографии можно сформировать своеобразный портрет, прежде всего, довоенной эпохи. К сожалению, о послевоенном времени сведения весьма скупые. Но представленная информация в целом позволяет «по крупицам» восстановить историю моей семьи и рода (как когда-то в 1995 году поисковики московского центра «Судьба» по отдельным буквам «Нех... Петру Ст...» на фрагментах двух писем, найденных при раскопках на территории Калмыкии в полусгнившем бумажнике у одного из бойцов, смогли установить имя прадеда и найти его семью). Это стало возможно также благодаря запросу жены погибшего солдата, моей прабабушки Марии Капитоновны, которая долгие годы искала пропавшего без вести мужа [1, с. 600]. Ее воспоминания — также ценный ресурс для понимания семейного казачьего быта и истории повседневности.

Все послевоенные годы она ждала... Потом начала писать письма и запросы в разные инстанции.

Итак, начнем повествование.

«Моя мама Наталия Григорьева Мельникова родилась в х. Батраки в 1894 году и прожила 72 года (умерла 29.01.1966 г.). Шести лет осталась сиротой с братом Алешей после смерти мамы. Ее

[1] Продолжение. См.: Нехаева Д.В. Безымянные герои // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. Часть 2 / Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. — Тула: Аквариус, 2015. — С.599–602.

отец — Мельников Григорий Иванович, коренастый, небольшого роста женился вторым браком и жил в х. Лысогорском, где посадил и вырастил хороший фруктовый сад (яблони, груши, вишни). Мачеха — Дуня — веселая, очень разговорчивая женщина, ее даже прозвали «телефонкой», особенно не заботилась о доме и приемных детях. Наташа вела хозяйство. В холодном пятистенке готовила обед, ухаживала за ягнятами, которые зимой тоже были в хате. Дедушка и бабушка по отцу жили в х. Батраки и занимали «усадьбу» километра в два протяженностью на горе по реке Хопер. По воскресеньям ездили в станицу Михайловскую, находящуюся километрах в шести, в церковь. Звон колоколов двух церквей из станицы был слышен в ближайших хуторах по Хопру. Особенно радостно было в праздники и на Пасху: раздавался звон с переливами.

Казак дед Иван с женой всегда заезжали к внукам, благо по пути. Что они видели? Холодная хата, сидит русоволосая девочка, чистит картофель. Готовит суп. Деды сжалились и забрали внуков к себе. Семья была большая: совместно с родителями проживали два сына — Павел и Тимофей с семьями. И Наталья стала нянькой их детей, помогала по хозяйству. Летом охраняла скирды ржи и пшеницы. «Отвезут одну в поле и оставят сторожить. Страшно, залезу в скирду и не сплю, боюсь», — рассказывала Наталья Григорьевна. По осени все подруги шли в школу — четырехклассная школа в х. Батраки, «а я гляжу на них и плачу — так хотелось учиться, но я была за няньку у своих дядей. Так и осталась на всю жизнь неграмотной».

Мария Капитоновна росла в большой семье, где главой был «батяня» — казак Илларион Ефимович. Четыре сына: Капитон, Леон, Иван, Николай и дочери: Дарья, Пелагея, Дарья (Щепетнова). Большое хозяйство, как у всех огромный фруктовый сад. Об дорогу — груши, которые не собирали, а сгребали лопатами.

Отец Марии Капитоновны — Капитон Илларионович, 1895 г. рождения (умер 14.08.1982 г.), женился в 1914 г. на Наталье Григорьевне Мельниковой. Через год родилась первая девочка Нюра (умерла младенцем). Второй ребенок — Мария Капитоновна родилась в 1916. Хотя, согласно метрической выписке, записана была 1915 г. Манюрка — так звали ее в детстве.

В своей автобиографии Мария Капитоновна вспоминает: «Дом — четырехкомнатный. Кто в горнице, кто в кухне, а кто и на полу спал. Занимали: Капитон — комнатку, Леон — горницу, дедушка «батяня» — кухню, Николай, Иван в кухне на полатях спали. Я на полу спала у родителей.

Дядя Леон женился на Зинаиде Захаровне Рябцевой из х. Скабеленского. Помню свое детство: тетя Зина в праздники играла со мной в игру «чурконики» (5 камешек на полу). (Чурконики — игра в камешки. Существует выражение: «В чурконики играть». Донские слова [2].)

Выдавали тетю Дашу замуж в х. Лысогорский — около Хопра, рядом с мостом в станицу Михайловку. Помню, обсуждали сватов Щепетновых: «А дураков в роду не было?»

Я окончила 4 класса Алферовской начальной школы. Учила нас Надежда Ивановна. Класс наш был проходным: учителя через него шли в учительскую. В классе много учеников. Учительницы дадут задание, а сами в учительскую. Фактически нас не учили.

Только в 4 классе, в 1930 г., пришел учитель Ородафонов Андрей Васильевич. Среднего роста, правильные черты лица, из ст. Михайловка, подтянутый. Он дал нам знания. Я ходила в Михайловку к нему на дом. Он готовил меня в 5 класс. Отвезли ему воз дров.

Перешла в 5 класс в станице Михайловской. Из всех соседних хуторов выпускники начальной школы пришли туда. Предварительно в конце августа сделали нам проверку. Помню: вошли в учительскую, заставили меня читать и решать примеры по математике.

1 сентября собралось много учащихся. Вывешивали список учащихся 5 класса. Я в списке. О! Радость! Многие не попали в список. Настя С. из х. Акуловки не прошла. Она в обморочном состоянии упала на землю.

Желание было учиться, но класс один. Учеба так же проходила бригадным методом. Дадут задание учителя, а сами в учительскую. Так прошли 5, 6 классы.

В моей бригаде была умная ученица Люба Кондакова. Она за нас за всех учила уроки, отвечала хорошо, нам всем ставили хорошие отметки. Весной и осенью — пока лед стоял, мы ходили в школу пешком. Наш дом почти на краю хутора. Мальчики подходили к дому и ждали меня, иногда заходили в дом. В это время папу отделили: построили пятистенок. В горнице был земляной пол до 1940 года. Вышла замуж я в 1937 г. Мама мне выговаривала: вот вышла замуж, когда надо было помочь родителям. Было 4 сестры: Тая, Нина, Оля, я и брат Петя. Всего родилось 12 детей, остальные умерли малолетними. Особенно в памяти двойняшки: Оля и Ваня. Митрофан — он меня ждал из Михайловки из школы. Лежит на печке, подбородком на конец печки и ждет меня. Мама очень убивалась за его смерть — 5-летний ушел.

Я всегда в 5, 6, 7 классе ходила с мальчиками. Скромные, внимательные, никогда плохих слов не говорили. Не любила ходить с девочками (Климова, Рябцевы и др.). У них разговор только о мальчиках! Они рано пошли в жизнь...

Зимой жила на квартире у тети Нади Федоровой. Она — «девушка», жила одна, имела одну комнату, я спала на сундуке. Отец платил за квартиру дровами (2–3 воза). Надя хорошая женщина была, она меня учила во всем.

Учить нас стали по-настоящему в 7 классе в 1931 г. Учителя Сухаревы — муж и жена: русский язык и математика — они дали нам знания.

Закончила 7 класс. Я почему-то мечтала идти на завод, хотя его в глаза не видела. Но стране нужны были учителя: введено обязательное начальное образование. Нас, всех учащихся (сколько — не помню), передали в Урюпинское педучилище. Его открыли в Урюпинске. Помню, папа поехал в Урюпинск, пошел в пед. училище. Ему сказали, что я зачислена студенткой 1 курса, приезжает и говорит мне: 1 сентября занятия в бывшем реальном училище, сейчас интернат. Большое здание, двухэтажное. Восточную половину занимало пед. училище, западную часть сельхоз. техникум.

Так я стала студенткой в 1931 г. В пед. училище первый год жила на квартире у Чеботаревой Саши (у нее две дочки: Поля, Нюра). Привозили наши картофель, молоко, а весной с продуктами трудно было. Родители привезут что, все поедят, а я голодная осталась, своими продуктами они не кормили. На второй год ушла в общежитие. В начале (осенью) жила на Октябрьской улице. У дома во дворе подвал, там воинская часть хранила морковь. Ребята-студенты окошко выставляли подвальное, на простынях и одеялах спускались ночью в подвал и доставали морковь и питались морковью. Морковь полезно очень есть студентам для закрепления памяти.

Шел 1933 год. В комнате жили 7 студенток. Никифорова Зина, Трушина Тая, Петрушина Мария и др. Когда после уроков в комнате никого не было, мальчики заходили, забирали учебники, и замыкали в своей комнате. Сами уходили в город, а приходили в 12–1 ч ночи. Мы на них набрасывались утром.

— Мы же уроки не учим!

— Голодные, да еще уроки будем учить,— так отвечали студенты.

Я ходила в галошах зимой и платья перешивала мамины. Была проверка: порядок, койки, чистота. Меня наградили ситцевой кофточкой за образцовую койку. В феврале 1933 года нас перевели в другое общежитие на проспект Ленина, где раньше был Дворец труда. Спали в пальто, не топили. В комнате много было человек. Весной 1933 года был голод. С западной стороны были сделаны полки для продажи овощей и молока и пр. Одна столовая на территории нынешнего рынка. Студенты питались там, куда ходили студенты пед. училища и сельхоз техникума. По утрам бегали в столовую, чтобы захватить суп гороховый и чай. Суп я не ела, только чай пила. Бежим мимо рынка, под полками лежат по пять и более опухших мертвецов. Это только в том ряду, мимо которого бежали. Когда мы возвращались днем, их уже не было. Нам продавали по 400 г. горячего хлеба на день и мы его сразу съедали и весь день голодные. Ходила домой пешком через х. Котовку (это километров 20 пешком). Через реку Хопер на лодке добрый человек перевозил нас — денег со студентов не брал, жаль фамилию не помню. Осенью заходила к дедушке в х. Лысогорку. Он давал с десяток яблок, как я была ему благодарна. И батяня тоже давал яблоки только.

Когда стала жить в Урюпинске и работать, я всегда посылала батяне гостинцы. Мама говорила, что когда она или папа возвращались из Урюпинска, Батяня выходил на улицу и смотрел на них, ждал гостинец. У него был маленький деревянный сундучок, куда он прятал гостинец. Жил с сыном Леоном, у которого семь детей. Отец работал в колхозе за «палочки» (трудодни). За трудодень ничего не платили.

Налог платили молоком, яйцами, мясом, кожей, яблоками, шерстью. Яблони стали рубить, чтобы не платить налог. Его ввели при Н. С. Хрущеве[2]. В город я могла взять только в глиняном горшке кислого молока. Меня за Урюпинском встречал около моста на х. Казовский дядя Коля, тоже студент. Мы сядем с ним, съедим молоко и молча идем в общежитие. Иногда заходила к тете Даше, она около Хопра жила. Та угощала меня «устрицами» из ракушек. Семья у нее большая, от голода спасали ракушки, их горы лежали на берегу Хопра. Многим они помогли выжить. Весной спасала крапива и щавель. Если колхозник украл зерно, судили и сажали на 8–10 лет. Так папин двоюродный брат Роман Александрович Чеботарев взял зерна весной, чтобы сварить суп. Его осудили, просидел полтора года. Многие за зерно «пошли в Сибирь».

В 1934 г. закончила педагогическое училище. Направили на работу в Нехаевский район. Ехала на лошадях, думала дня не хватит. В отдельный хутор нас с подругой Марией Петруниной направили, она со станции Алексиково была. Оттуда мы позвонили в Алексиково, смогут ли они нас взять на работу. И нам ответили, что «да». И тогда мы с ней сбежали из хутора. Но в Алексикове нас отправили за 60 км в х. Андреяновка. Петрунину — зав. школой, меня учителем начальной школы. Как-то в ноябре часов в 12 ночи стучат и спрашивают: «Где комсомолка?» (В хуторах комсомольцев и членов партии не любили.) А я — комсомолка. Мы как мыши прятались под парты, жили при школе в маленькой комнате (учительская и спальня). Так я механически из комсомола и выбыла. В 1988 г. меня наградили значком «70 лет ВЛКСМ».

Весной в конце учебного года приезжала проверка: зав. облоно и зав. районо. Они смотрели журналы, планы, тетради. Зав. облоно говорит: «Ну что мы будем делать с девочками? Они так здесь и останутся старыми девами. Были бы четыре полных класса, мы бы прислали вам двух парней» (и смеется). Кончайте учебный год, сдавайте школу сельсовету, а сами уезжайте отсюда совсем. А вы их устройте ближе к райцентру (как мы обрадовались этому). После окончания учебного года поехала на лошади в Алексиково к родителям Петруниной. Зав. районо предложил нам работать в х. Алексиково.

---

[2] Непоследовательность в изложении можно объяснить тем, что описываются наиболее яркие, значимые события семейной жизни.

На конференции познакомилась с пожилой учительницей Надеждой Ивановной Поповой — небольшого роста, очень энергичная, работала при царе. Уговорила нас работать в х. Дуплятка: село большое, молодежи много и мы поехали. Дуплятка нам не понравилась. Мы к вечеру обратно к зав. районо на дом, он вышел во двор, а мы ему в один голос: «Туда не поедем». А он нам говорит: «Все, приказом перевели вас на работу в Дуплятку». А мне говорит: «А Вам даже удобно ездить на родину через ст. Калмык». С поникшими головами пошли от него. Нужно было сначала поехать и посмотреть, а потом решать. Х. Алексиково рядом со станцией, тем более родители Петруниной жили в Алексиково. Назначили нас в начальную школу х. Дуплятка. Жили в одной квартире. Зимой 1935–1936 гг. меня перевели в семилетнюю Дуплятскую школу. Учителя не женатые: Нехаев П.С. и другие. Была церковь. В сентябре 1935 г. ходили на танцы. Петр Степанович танцевал с девушкой, сказали, что он с ней дружит, но встречаться он с ней не стал. Директор школы Сердюков Юрий Львович — высокий, сероглазый, внимательный, интеллигентный — стал для меня отцом родным. Заботился о нас, давал советы. Жена — учительница Александра Александровна, у них было три сына, один погиб вместе с Петром Степановичем. Жили они при школе, топили соломой, держали корову. Жена ходила неряшливо, да когда ей было следить за собой: корова, топка, приготовить обед, дети.

С ноября я стала невестой Петра Степановича и начала готовиться к свадьбе. Что у меня было: две смены постельного белья, одеяло, покрывало, корзина-сундучок. Акулина Павловна Голубинцева — моя хозяйка, женщина умная, работала до революции в прислугах у богатых людей взяла всю заботу обо мне. Купила коврик, он и сейчас цел, скатерку, занавеску, меня одела, вся школа знала (и дети, и родители) о нашей дружбе. В выходные днем ходили на охоту, Петр Степанович имел ружье, любил охоту и рыбалку. Как-то Петр Степанович решил меня пригласить к себе для знакомства с мамой. Пришли, а уже темнело, света нет и я не разрешила ему стучать, так и ушли в клуб.

В ноябре была конференция учителей в Алексиково. Петр Степанович руководил оркестром, а я хором. Он говорил, что голос мой выделялся.

9 мая 1937 была свадьба, были все учителя, брат Иван Степанович Нехаев приехал. Подарков тогда не клали. Когда прошло около месяца, муж сказал: «Ты моя хорошая, вот когда я стал только жить». 20 января 1938 года родилась дочка Лариса, а 4 июля 1939 сын Володя. Муж мечтал о четырех детях, чтобы сидели на каждой стороне стола.

— А мы где?

— Найдем место,— отвечал он».

Итак, в июне 1934 г. Мария Капитоновна получила Аттестат об окончании школьного отделения Урюпинского педтехникума и получении

квалификации учителя школы 1 ступени. 1 сентября 1934 года принята на работу учителем в Андреяновскую начальную школу. В 1935 году переведена в Дуплятскую среднюю школу, где и познакомилась со своим будущим мужем Нехаевым П. С. — учителем химии, биологии сельского хозяйства. В 1938 году вместе с мужем поступила на 1 курс заочного сектора естественно-географического факультета Сталинградского госпединститута. Однако в связи с рождением в 1938 г. дочери, а в 1939 г сына институт не закончила.

С началом войны переведена в Ново-Николаевскую среднюю школу, куда ранее был переведен супруг, а после призыва мужа в ряды РККА в августе 1942 года — в Урюпинскую начальную школу № 4, поближе к родителям.

Особенно тяжелым было военное лихолетье. После гибели мужа П. С. Нехаева (согласно извещению, он пропал без вести 26.11.1942 г. под п. Яшкуль Калмыцкой ССР), осталась одна с двумя малолетними детьми 3 и 4 лет. Отец, дяди и брат — на фронте. Рассчитывать можно было только на себя, работая учителем начальных классов. Как и все — получала продпаек (например: на месяц на семью — стакан соли), занималась домашним хозяйством. Без огорода и подсобного хозяйства было не выжить.

После войны трудилась в средней школе № 7, где и проработала учителем начальных классов до выхода на пенсию в 1975 году (и после выхода на заслуженный отдых Мария Капитоновна продолжала трудиться учителем). С утра до вечера пропадала в школе, занималась с отстающими учениками, проверяла тетради. Учила и воспитывала: объясняла, хвалила, ругала, утешала. И бесконечное ожидание мужа, ведь не погиб, а пропал без вести... Вдруг произойдет чудо...

19 мая 1947 года за свой самоотверженный труд награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», в 1949 году — медалью «За трудовое отличие», в 1951 году — медалью «За трудовую доблесть». Министерство просвещения РСФСР присвоило ей звание «Отличник народного просвещения» 27.01.1953 г.

Кроме того, награждена следующими государственными наградами: «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», «Сорок лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Пятьдесят лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В 1970-е годы в стране развернулось широкое патриотическое движение по увековечиванию памяти участников Великой Отечественной войны. Мария Капитоновна возглавила работу школьников по созданию музея и воссозданию истории 25/37-го гвардейского Донского орденов Красного Знамени и Богдана Хмельницкого 2 степени Дебреценского казачьего кавалерийского полка, сражавшегося в со-

ставе 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского корпуса под командованием генерал-майора С. И. Горшкова, прошедшего боевой путь от Северного Кавказа до Венгрии [3, с. 3]. Полк был сформирован в городе Урюпинске из числа казаков Нехаевского, Добринского, Хоперского и Новониколаевского районов Сталинградского края [4, с. 2]. Со всей страны в ее адрес шли письма от ветеранов. В районном центре Волгоградской области — городе Урюпинске прошли два слета однополчан [5, с. 2].

В школе № 7 г. Урюпинска стараниями М. К. Чеботаревой организована комната боевой славы. В ней были выставлены подлинники материалов и документов о казаках — участниках Великой Отечественной войны, а в 1980-е годы собраны материалы об урюпинцах-афганцах. Большая экспозиция об участниках войны была представлена и в Урюпинском краеведческом музее, основателем и директором которого была ее дочь Лариса Петровна Нехаева. В результате многолетних поисков более 200 человек личного состава найдены М. К. Чеботаревой. Более 30 лет — до самой своей смерти — Мария Капитоновна вела переписку с ветеранами. «Частая сетка морщин на лице у Марии Капитоновны. Они упрятали горе, страдания, тяжелые воспоминания. Но горькие слезы — их видит по ночам только подушка — не утопили самые добрые качества души ее. Она любит жизнь, людей. Бескорыстно идет на помощь тому, кто в ней нуждается... А в друзьях недостатка нет. Такой уж необычной притягательной силой обладает эта женщина» [6, с. 3].

11 мая 1977 года М. К. Чеботарева награждена медалью «Ветеран труда». Общий педагогический стаж ее составил 50 лет!

Литература

1. Нехаева Д. В. Безымянные герои// Мы помним...Часть 2. Книга воспоминаний и размышлений поколений.— Тула: Гриф и К, 2010.— С. 599–602.
2. Донские слова.— URL: http://donc.ucoz.com/news churkoniki/2013–05–06–562
3. Полк нашелся // Хоперский вестник. 1991.— № 3.— октябрь.
4. Чеботарева М. Славой овеянный // Урюпинская правда.— 1982.— 11 дек.— С. 3; Чеботарева М. 37-й гвардейский казачий полк // Урюпинская правда.— 1992.— 14 апр.
5. Сорокин В. Казаки — гвардейцы с Хопра // Урюпинская правда: орган Урюпинского городского комитета КПСС, городского и районного Советов депутатов трудящихся Волгоградской области.— 1975.— 23 апр.— С. 2.; Семенов К. Сорок пять лет спустя // Урюпинская правда: орган Урюпинского городского комитета КПСС, городского и районного Советов народных депутатов Волгоградской области.— 1988.— 7 мая.
6. Надеждина Н. Спасибо, солдатская вдова // Урюпинская правда.— 1987.— 21 ноябр.

ЧЕТЫРЕ ГОДА БОЛИ И ВЕРЫ

***Теницкая Мария Александровна**, 9 лет,*
ученица 3 класса МБОУ «СОШ № 13»,
*учитель — **Флерко Анна Николаевна***
г. Донской Тульской области;

В моей семье свято чтут память о прадедушке Александре Никитовиче Теницком. Он прошел войну с первого дня, был неоднократно ранен, но выжил, выстоял. Мне было пять лет, когда его не стало. Он не любил рассказывать о военных годах. Он не говорил о подвигах, о героях, о трудностях боевого пути, о потерях друзей, о ранениях. Но его воспоминания о военных и послевоенных годах были полны боли от сознания того, какие муки и тяготы легли на плечи самых беззащитных — женщин и детей. Пережитые ими страдания отозвались болью в моей душе, и я написала стихотворение по воспоминаниям прадедушки. Чтобы помнили...

Четыре года боли и веры,
Силы и стойкости духа без меры,
Холода, голода и смертей...
Но не сломило ничто людей!

Дикий холод сковывал тело,
А душа только верить хотела,
Знать, что страх навсегда уйдет
И уже никогда не придет.

Ноги и руки немели в безволье.
Как это жутко — дети уходят.
Слабы, прозрачны,словно игрушки...
Для жизни лишь надо хлеба краюшку.

Взять ее негде — голод везде,
А у детей лишь мольба на лице...
Хочется есть. И сил больше нет.
Что скажет мать детишкам в ответ?
Свой хлеб отдает, надеется, ждет.
Терпения нет, безмолвен ответ.
Мать только верит — победа придет
И сына от смерти воин спасет...

Помните, люди! Не забывайте!
И славу предков приумножайте!

ЕСТЬ ЖЕНЩИНЫ В РУССКИХ СЕЛЕНЬЯХ...

***Титкова Мария Алексеевна**, 16 лет,*
обучающаяся 1 курса ГПОУ ТО «Болоховский машиностроительный техникум» (отделение г. Липки)
по профессии 16675 Повар;
*преподаватель — **Савина Светлана Викторовна***

Антипова В. П.

Память о подвиге нашего народа в войне жива. Но мало кто говорит сегодня о втором подвиге, который он совершил сразу вслед за первым. Ветераны и вчерашние работники тыла не только восстановили с нуля огромную страну после такой страшной войны, но и обогнали многие не воевавшие страны. Как это могло произойти? Каким чудом? Воистину, на это способен только наш народ. Об одной труженице, помогавшей приблизить Победу, а затем восстанавливающей наши города и села, я хочу рассказать.

Мой рассказ пойдет о женщине с удивительным именем Виталина. Значение этого имени — «полная жизни». Такой и является моя героиня — Антипова Виталина Петровна. Желание жить, радоваться жизни не погасло в этой женщине несмотря ни на что. Надо сказать, что всю жизнь Виталина Петровна носит чужое имя — Нина, так привычнее для окружающих.

Родилась Виталина Петровна Антипова 25 декабря 1930 года в деревне Камчатка Рудовского района Тамбовской области. Она — четвертый ребенок в семье. Отца своего не помнит, он умер, когда девочке было три года. По рассказам мамы Прасковьи Терентьевны, Петр Кондратьевич (так звали отца Виталины Петровны), был образованным человеком, очень любил читать. Это он дал дочери такое звучное имя. Известие о смерти отца пришло, когда мама вот-вот должна была родить пятого ребенка. Петр Кондратьевич умер в Москве, куда был направлен на учебу. Когда я спросила Виталину Петровну: «Как же вы жили? Как смогли выжить?» — она, не задумываясь, ответила: «А кому было легко?»

В 1938 году Виталина пошла в школу. В первой половине дня — уроки, а затем — помощь маме. Делала все, что было по силам: пасла, кормила скотину, носила воду, работала на огороде, в поле, нянчилась с младшими братьями.

Так бы, может, и жили, но в окно постучалась война. Помнит Виталина Петровна, как «почернела» мать, когда старшего сына Степана проводила на фронт. Мужиков в колхозе почти не осталось, все тяготы деревенского труда легли на плечи женщин и детей. И все трудились, понимая, что

иначе нельзя. Мне трудно сейчас представить своих ровесников с мотыгой или косой в руках, работающих наравне со взрослыми с раннего утра до позднего вечера. А тогда было именно так, война украла у них детство.

В деревне фашистов не было, но самолеты над ней пролетали часто, и по гулу даже дети могли своих отличить от вражеских. Я, уверенная в том, что во время войны школа была закрыта, все же спросила Виталину Петровну: «А в войну-то вы, конечно, не учились?» Видели бы вы, как блеснули ее глаза, как дрогнул голос, отвечая мне: «Школа работала, ни на один день не закрывалась!» Виталина Петровна до сих пор помнит имена всех учителей. В деревне была только начальная школа, а чтобы учиться дальше, нужно было пешком идти в село Дмитровка, находившееся в семи километрах от Камчатки. И ведь ходили! Зимой по пояс утопали в снегу, но шли. Пятый и шестой классы Виталина Петровна окончила, а потом пришлось бросить учебу — нечего было обувать. Но это не значит, что Виталина Петровна бездельничала. Вместе с другими подростками она возила сено и солому для колхозного скота, работала на току, косила, вязала жниво в снопы. Наверное, проще перечислить то, чего она не делала.

Виталина Петровна помнит, как всегда хотелось есть. Помнит, как мама варила кашу из семян лебеды, как пекла лепешки из конского щавеля, сахар заменяли самодельным мармеладом из тыквы и свеклы. С тех пор у нее такое поклонение хлебу, настоящему, без примеси! Я видела, как она ест: не спеша, не теряя ни одной крошки.

В сорок третьем вернулся с фронта весь израненный Степан. Жить стало легче, появился мужик в доме хоть и с одной рукой. Но, как говорится, беда не приходит одна. В январе сорок пятого года, не дожив до Великой Победы несколько месяцев, умерла мама. Виталина Петровна вместе с сестрой Анной взвалили все хозяйство на свои плечи. Работали в колхозе им. Халтурина, растили младших братьев. Денег, конечно, не получали, работали за трудодни. Не было ни одежды, ни обуви, но не падали духом.

Помнит Виталина Петровна, как от соседки узнали о Победе, как рыдали и смеялись одновременно, как строили планы на будущее. Вскоре уехала из колхоза старшая сестра Анна. Сделать это было очень трудно, из колхоза не отпускали, не выдавали документы. Нам сейчас сложно даже представить себе, как это ты не можешь уехать из деревни в город, получить на руки свой паспорт, как можно работать за «палочки» в тетрадке бригадира, но так было, так жили! И что самое главное — не обозлились, не возненавидели весь белый свет! Удивительные люди, удивительное поколение!

Женился старший брат Степан, привел в дом хозяйку. Вскоре у них родился сын. Виталина Петровна не хотела быть обузой, понимала, что нужно выбираться из деревни, устраивать свою жизнь, да и старшая сестра Анна в письмах звала к себе. Она на тот момент жила в Туль-

ской области в поселке Стахановский, работала на двадцать седьмой шахте, спускалась в забой наравне с мужчинами. Среди шахтеров нашла себе Анна и спутника жизни, простого работящего парня Семена.

Всеми правдами и неправдами выхлопотали для Виталины Петровны документы. И вот в апреле сорок девятого года отправилась она навстречу новой жизни. «Как сейчас помню, как добиралась я до Тульской области. Раньше, ведь, никуда дальше Дмитровки не ездила, боялась ужасно. Вещей с собой почти никаких не было, все «богатство» было на мне. Мир не без добрых людей, подсказали, помогли добраться. Встретили новые родственники хорошо. А ведь жили впятером в одной комнате в бараке: Анна с Семеном, его родители и их младшая дочь»,— рассказывала Виталина Петровна. Несколько дней спала она на полу в общей комнате, а потом смастерили ей в сарае топчан, и она стала спать там. Апрельские ночи холодные, укрыться нечем было, беднота страшная, но не вешала нос Виталина Петровна, не жаловалась на судьбу. Один раз только не на шутку она испугалась. Это когда привел ее отец Семена устраиваться на работу на кирпичный завод. Ни в какую не хотел директор завода брать изможденную девчонку, все повторял: «Да куда я ее возьму? У меня не детский сад! Больная она, ее лечить надо, а не на работу устраивать! Вон одни кости торчат!» Договорились, что если принесет Виталина Петровна справку из больницы о том, что здорова, тогда подыщут ей какую-нибудь работенку. Справку принесла, директор обещание сдержал. Работа заключалась в том, чтобы собирать бой — осколки кирпича. Кругом кипела стройка, битый кирпич тоже шел в ход.

Летом Виталину Петровну вместе с другими двенадцатью девушками направили копать ямы для столбов. Столбы устанавливали от поворота на Болохово до Богородицка. Глубина ямы — полтора метра. За день каждая девушка должна была выкопать такую яму. Работали и в жару, и в дождь. Домой их не возили, жили здесь же, в палатках, питались впроголодь, сменной одежды не было. Но не унывали наши девчонки! После трудового дня собирались у костра, пели песни, мечтали, верили, что все временные трудности преодолеют.

И как бы ни было трудно, но Виталина Петровна расцвела, уже не была похожа на ту доходягу, которую директор боялся брать на работу. Работала добросовестно, руководство хвалило, в коллективе уважали. Виталина Петровна быстро освоила строительные профессии. Ее руками оштукатурен почти каждый второй дом Липок. В сорок девятом году на том месте, где сейчас расположен город Липки, было поле. Открывались шахты, приезжала молодежь со всей страны добывать уголь, нужно было строить жилье, объекты социально-культурного назначения. Строители работали без выходных. «Среди грохота стройки можно было услышать и задорные частушки, и песни молодых строителей. И тогда казалось: стройка — дело не такое уж тяжелое, оно и с песней ладится.

Но так только казалось — все было иначе, особенно в студеные зимы, когда приходилось вгрызаться в землю, возводить фундаменты», — рассказывала о том времени Виталина Петровна. Немало трудностей выпало на долю строителей. Не хватало стройматериалов, тяжело было с подвозом продовольствия, раскисали дороги, но им так хотелось жить по-людски, а для этого надо было работать, работать, работать...

Не только на стройках в Липках и расположенном недалеко совхозе «Смирновский» работала Виталина Петровна. Ее отправляли в командировку и в Москву, которая тогда нуждалась в хороших строителях. «Москва — главный наш город, советскому народу нужно было доказать всему миру, что мы выжили, что наша красавица Москва хорошеет с каждым днем, — рассказывала Виталина Петровна. — Вот и направляли нас со всей страны на стройки в столицу. Я с подругой работала на Ленинских (ныне Воробьевых) горах. Нам довелось принять участие в строительстве высоток. Меня и Раю бригадир агитировал остаться в Москве, обещал дать место в общежитии, но нас пугал этот шумный город, мы решили вернуться в Липки, рассудив, что в Москве найдутся строители, а у нас и дома дел полно». Виталина Петровна с гордостью вспоминает это время, ведь и она приняла участие в преображении столицы!

Так и работала Виталина Петровна на стройке. Сколько домов, ферм возведено с ее участием! Даже выйдя на пенсию, Виталина Петровна продолжала работать. Когда я спросила у нее о наградах, она искренне удивилась: « А за что награды-то? Что я такого сделала? Работала как все. На нас на всех и наград-то не хватит». Вот такая она, Антипова Виталина Петровна, которую все знают как тетю Нину. Да, вот на таких женщинах и держится мир! Это о них писал Н. Некрасов: «Есть женщины в русских селеньях...»

Состоялась Виталина Петровна и как жена, мать. Она воспитала троих прекрасных детей, у нее четверо внуков, есть правнук. Одна из внучек в честь бабушки названа Виталина, и она с гордостью носит это красивое имя, которое у бабушки значилось только в паспорте. Так и не окончив школу, Виталина Петровна мечтала, чтобы дети ее были образованными людьми, она приложила все усилия, дала им образование.

Когда я слушала Виталину Петровну, по телу невольно пробегали мурашки, хотелось всем рассказать о ней, о том времени. Мы жалуемся на жизнь! Все нам чего-то не хватает, все чем-то недовольны! А я смотрю на эту восьмидесятипятилетнюю женщину, на ее прекрасное лицо, которое не смогло испортить время, на ее чистые, как весеннее небо, глаза и думаю: «Пока на нашей земле будут жить такие женщины, как Виталина Петровна, нам будет все по плечу, мы сможем все преодолеть!» Перефразируя стихотворение И. Сельвинского, моей героине хочется посвятить следующие строки:

В этой женщине — вся Россия,
Вся до родинки разлита.

Так оно и есть. В них наша сила, в них наше прошлое и будущее. И пусть нет у многих из них наград, но мы-то знаем, такие женщины — герои, герои своей страны!

«ВСЮ ЖИЗНЬ ПОМНЮ...»

Филимонова Полина Сергеевна, *13 лет,*
ученица 7 класса МКОУ «Шварцевская СОШ»;
учитель — ***Дубоносова Анжелика Викторовна,***
п. Шварцевский Киреевского района
Тульской области

Акимова Е. Ф.

Люди, прошедшие войну,— отважные люди! Мы много знаем о героях, и так мало нам известно о тех, кто страдал и помогал в тылу.

Я хочу рассказать историю, которая произошла с моей прабабушкой — Акимовой Екатериной Федоровной в 1941 году.

В годы войны она жила в деревне Сергово-Северная Веневского района Тульской области. 20 ноября 1941 года в этих местах шли ожесточенные бои. В одном из боев был ранен офицер зенитной батареи Александр Васильевич Блинников. Немцы наседали, нашим частям пришлось отступать. Раненому ничего не оставалось, как укрыться в копне сена. Здесь его и нашли жители села.

Взять к себе домой раненого офицера вызвалась Екатерина Федоровна Акимова. Она понимала, что рискует своей жизнью и жизнью сына, но не могла не откликнуться на чужую беду. Его привезли на санях, внесли в хату, она его обогрела, накормила, напоила, обмыла раны и уложила в постель.

Ноги у него были обморожены и начали чернеть. Врачей не было, кругом немцы. Эвакуированная медсестра Акимова Екатерина Федоровна тайно приходила и промывала ему раны содовым раствором. А десятилетний сын Екатерины Федоровны стоял на стреме. Екатерина Федоровна ухаживала за раненым, как за родным сыном, кормила с ложечки ослабевшего воина. Да он и называл ее «мамой», а она его «сынок».

Когда немцы заходили в дом, спрашивали: «Матка, русский зольдат?» Она отвечала, что это ее тяжело больной сынок. Боец был слабым и худым и выглядел лет на 19. Немцы боялись больных и старались быстрее уйти от измотанного смертельными муками русского паренька с льняным кудрявым чубчиком. А раненому становилось все хуже.

С 16 декабря наши войска погнали немцев с Тульской земли. Отступая от деревни Сергово, немцы выгнали всех жителей за ее пределы, а их хаты подожгли. Но жители все-таки сумели спрятать в амбаре беспомощного офицера, обложив его перинами, подушками, шубами.

С обмороженными почерневшими ногами, с незажившей раной в животе он остался в стане врагов. Ни одного русского человека рядом, вокруг него только озлобленный враг. Опять судьба испытывает беспомощного воина на прочность. Выдержал он, не смалодушничал.

Вернувшиеся сельчане снова пришли на помощь. И снова заботы о нем взяла на себя Екатерина Федоровна Акимова.

18 декабря в деревню вступили наши войска. Офицера переправили в полевой госпиталь. А уже в апреле 1942 года Екатерина Федоровна получила весточку от названного сына: в Московском госпитале ему сделали операцию — ампутировали обе ноги, и теперь он находится на излечении в г. Казани, учится ходить на протезах.

Прошли годы, Екатерина Федоровна поддерживала связь с офицером и знала, что Александр Васильевич Блинников живет и работает народным судьей в городе Артемовске Донецкой области, имеет семью, внуков. Он помнит свою вторую маму, которая спасла ему жизнь, ее доброту, мужество, необыкновенную русскую ее скромность и все то хорошее, что видел от нее в те страшные дни.

Я очень горжусь своей прабабушкой, простой, но героической русской женщиной. Хочется, чтобы все люди помнили, какой ценой русские воины и весь наш народ отстояли нашу любимую Родину и счастливую жизнь для нас всех.

Глава 10. ШКОЛЬНИКИ О СУДЬБАХ СВОИХ СЕМЕЙ

ЭХО ВОЙНЫ

Антипова Ксения Олеговна, *15 лет,*
ученица 9 «В» класса МБОУ Гимназия;
учитель русского языка и литературы —
Тупицына Вера Анатольевна,
г. Ливны Орловской области

Нет в нашей стране семьи, судьба которой не прошла бы через грозные испытания. Не стала исключением и моя семья: прадедушка по папиной линии, Антипов Емельян Платонович, был призван в октябре тысяча девятьсот сорок первого года. Он защищал город Керчь. Был артиллеристом.

В тылу остались мой прапрадедушка Платон Сидорович, который был уже старым и не смог отправиться на фронт, его жена Катерина, невестка Варвара и четверо маленьких внуков, в том числе и мой дедушка Николай.

Село Бараново, где проживал Платон со своей семьей, находилось в немецкой оккупации до тысяча девятьсот сорок третьего года. Дом их располагался на окраине села, и однажды холодной зимней ночью во дворе оказался раненый разведчик, украинец. Дверь открыл мой прапрадед и пустил его на порог дома. Женщины оказали посильную помощь солдату, истекающему кровью.

А утром в дверь постучались фашисты. Они узнали о нахождении разведчика по кровавым следам на белом снегу. Платон, пытаясь спасти жизнь солдата, соврал, что эти следы оставил его сын-дезертир, сбежавший из Красной Армии. Но немцы ему не поверили. Они нашли раненого разведчика и прямо на печке расстреляли его. Затем они расправились с моим прапрадедом, а женщин и детей не тронули. Убитых похоронили во дво-

Крестьянская семья

ре дома. А после окончания войны их перезахоронили на сельском кладбище. В настоящее время там стоит памятник неизвестному разведчику.

Вернулся мой прадед с той войны в декабре 1946 года. Дождалась его родная деревня, семья... Он прошел лихие военные годы. Был награжден многими медалями. Всего у него 10 наград, но не только за военные годы, но и за мирный труд. После возвращения домой он прошел курсы механизаторов. Стал бригадиром полеводческой бригады, был шофером, комбайнером и всегда передовым. Дедушка рассказывал, что своего отца они видели редко, потому что с утра до позднего вечера он трудился в поле. Я горжусь своим прадедом!

Другой мой прадед Василий в возрасте восемнадцати лет был призван в армию. Он воевал сапером. Немало мин было обезврежено им. За мужество и героизм он был удостоен ордена Красной Звезды. Во время одной из атак рядом с ним взорвался снаряд. Прадед чудом остался жив, но молодой двадцатилетний парень навсегда лишился зрения, ему выжгло глаза.

Родственников по маминой линии тоже коснулось пламя войны. Прадедушка Петр ушел на фронт, оставив в селе Горностаевка молодую жену и 9 детей. Но воевал недолго. В сорок первом он попал в плен к немцам. И четыре года провел в концентрационном лагере в Германии, где чудом остался жив. Петр был хорошим мастером по дереву, что и спасло его от голодной смерти. Немецким офицерам он делал изделия из дерева: шкатулки, мыльницы, портсигары. За это он получал дополнительное питание. Никто в селе уже не верил, что он жив, но в конце сорок пятого он прислал письмо из Украины. Петр сообщил, что жив и находится в лагере на Украине, так как в то время освобожденные из концентрационных лагерей проходили проверку на Родине. Домой он вернулся в сорок шестом году, но вскоре умер из-за болезни желудка.

Его жена, моя прабабушка Ольга, была очень добрым и отзывчивым человеком. Во время войны она осталась одна с девятью детьми, в том числе и с моей бабушкой Надей, и скромным хозяйством. Детства не было. Все дети помогали с раннего возраста. Послевоенные годы были тяжелыми. Сорок шестой — неурожайным. Начался настоящий голод для жителей Горностаевки и соседних сел. Один из братьев моей бабушки сбежал из дома. Живым его уже и не считали, но вскоре он написал письмо из детского дома и рассказал, что притворился сиротой. Таким образом он спасся от голодной смерти. Все члены семейства чудом пережили голод. Ни один ребенок не погиб, хотя все сильно ослабли и были истощены.

Я восхищаюсь своими родными: они защищали свою семью и Родину.

Наша семья очень большая: когда мы собираемся все вместе, то мы не вмещаемся уже в нашем доме. У моего прадеда 9 детей, 20 внуков и 30 правнуков. Жизнь разбросала всех не только по разным городам и селам, но и по другим странам. Но все равно все слетаются к родному дому. Все дети получили образование. Среди них есть врачи,

военные, учителя, строители, рабочие, связисты, и все они, как и прадедушка, уважаемые люди.

Сейчас многие не задумываются о прошлом, не интересуются своими корнями. Это может превратить молодое поколение в Иванов, не помнящих родства. Воспоминания о подвигах близких людей, людей из твоей семьи, служат первым шагом к изучению истории страны. Я помню, я горжусь!

ВОЗМУЖАВШИЕ ДЕТИ ВОЙНЫ

***Безгина Ксения Михайловна**, 15 лет,*
ученица 10 класса МКОУ «Архангельская СОШ»;
*руководитель — **Безгин Михаил Николаевич,***
Чернский район Тульской области

Милая моя деревенька,
Жива ты в памяти моей,
И где бы ни бывал я,
Всегда я возвращаюсь к ней...

Н. Безгин

Война! Что может быть ужаснее этого слова? Время, когда одни люди идут убивать других. Благодаря книгам, фильмам, но самое главное — рассказам ветеранов, побывавших в этом аду — мы можем представить себе, какой была Великая Отечественная война. Но, несмотря на это, мы никогда не сможем полностью почувствовать то, что испытали эти мужественные люди. А смог бы сейчас современный человек так же отважно сражаться и усердно работать, как это делали наши прадеды?!

Многие лишились жизней, но сохранили свободу, честь, Родину. Необъятная страна стала единым сплотившимся механизмом, кровью и потом стремящимся к Победе.

Частично уже рассказано о моих родственниках в годы войны и послевоенного времени, но пообщавшись с двоюродной бабушкой Карловой (Безгиной) Антониной Ивановной и перечитав записи деда Безгина Николая Ивановича, я узнала для себя много нового.

Когда я читаю и слушаю рассказы близких мне людей, то ощущаю тепло живых душ... Это не просто страницы учебника истории, а воспоминания моих родных.

«...Деревня наша горела. Мать, Вера Ефимовна, нас с сестрой посадила в плетушку и понесла в соседнюю деревню Жерлово, подальше

от немцев. Брат Коля вел корову, а Миша нес еще какие-то вещи...» — вспоминает Антонина Ивановна.

До войны семья жила благополучно. Имели большое хозяйство. Прабабушка Вера хорошо вязала, шила. Прадед Иван Андреевич работал конюхом, а когда было свободное время, ездил и продавал шерстяные изделия в Туле. Потом на эти деньги покупал одежду, ткань, вещи. Семья была большая: Матрена Сергеевна — 1873 г., Иван Андреевич — 1902 г., Вера Ефимовна — 1913 г., Коля — 1932 г., Миша — 1934 г., Тоня — 1936 г., Тая — 1939 г. В феврале 1942 года родился Толя, но из-за голода и болезней он умер в 1944 году.

Перед самым приходом немцев прадед Иван Андреевич кое-что закопал в саду, а когда они ушли, откопал сундук, и первое время обходились этим запасом.

В конце декабря 1941 года к нам в дом громко постучали. Зашел немец. Все сидели на печке. Он стал что-то объяснять, и прабабушка Вера, не зная языка, все сразу поняла. Всех вывела на улицу и отвела подальше от дома. Немец поджег его и пошел дальше. После Вера Ефимовна рассказывала, что немец сказал ей о том, что если он дом не спалит, его расстреляют.

Жизнь была очень тяжелая. Если бы не корова, вряд ли удалось бы всем выжить. Приходилось есть кочетки, сурепку, крапиву, весной собирать замерзшую картошку. После эвакуации вернулись в родную деревню на пепелище, пришлось жить в шалаше. Потом перетащили солдатский сруб от землянки в соседнем лесу и довольно долго жили в нем.

Закончилась война. Жить стало немного легче. Прабабушка сменяла теленка на четырех ягнят, заново обзавелись овцами, но мясо, молоко, яйца нужно было сдавать государству. Каждый день в течение лета приходилось отдавать по 3–4, а то и по 5 литров молока. Антонина Ивановна рассказывала: «Помню, мать тайком отрежет кусочек от овечьей шкуры, опалит на костре и сварит немного холодца».

Были плохо одеты, разуты. В свою начальную школу ходили полуголодными. В пятый класс пошли в Троицкое-Бачурино за пять километров от села. Летом ходили босиком. Ноги, конечно, привыкали, но когда наступали на колючую проволоку, появлялись раны, которые воспалялась и начинали нарывать. Когда было холодно, обували «бурки», сделанные из тряпок (они были похожи на небольшие валеночки). Не было книг: учительница рассказывала, а ребята слушали и запоминали.

Зимой учились, а летом дети помогали в колхозе. Прабабушке пришлось работать на ферме, пахать на быках, вязать снопы, пилить и таскать дрова в лесу, заготавливая их для Полтевской больницы. Дети оставались одни и управлялись дома сами: доили корову, работали в огороде. Колхоз «Красный борец» был не очень большой. У него было

гектаров пятьсот земли, скудный инвентарь, несколько коров. Прабабушка была заведующей молочно-товарной фермой.

В конце лета в колхозе давали немного зерна. Вера Ефимовна тоже получала. В 1949 году прабабушка получила около пуда зерна, собрала все в мешок и понесла в деревню Ветрово на водяную мельницу. Смолола, принесла муки и для детей испекла в печке вкусные пироги с капустой, крапивой, щавелем.

Какое тяжелое время пришлось пережить им, ребятам и девчонкам тридцатых годов, не говоря уже о старшем поколении! Разруха, голод, холод, тяжелейшая работа. Но они выжили...

Миша и Тая закончили всего четыре класса и дальше не учились. Тоня уже во взрослом возрасте доучивалась. Работала бухгалтером. «У кого отец или старшие братья вернулись с войны, те продолжили образование. В нашей семье в послевоенные годы учиться не получилось»,— вспоминает Антонина Ивановна.

Михаил Иванович начал работать в шахте в 1950 году, когда ему было шестнадцать лет, хотя у него не было на руке трех пальцев. В конце войны, когда разбирали сгоревший дом, он нашел «запал» — взрыватель с гранаты. Думал, что это конфета. Попробовал грызть — не получилось, начал стучать камнем — раздался взрыв. Сначала прабабушка пыталась лечить руку сама: перебинтовывала, мазала йодом, разными мазями, но ничего не получалось: рука болела, завелись черви. Пошли за пятнадцать километров в военный госпиталь в село Тургенево. Только там врачу удалось вылечить и спасти руку.

После войны дедушка год учился в педучилище, но был вынужден бросить его. Вернулся в родной колхоз, где продолжил работу и помогал прабабушке Вере «поднимать на ноги» младших сестер и брата. Жили очень бедно: в колхозе не платили, работали за трудодни. Тем, кто выполнял норму, давали немного зерна, сена или овощей из колхоза. Спасало только хозяйство и небольшое пособие на погибшего мужа Веры Ефимовны, моего прадеда.

Затем с октября 1951 года по март 1956 года дедушка служил на флоте, был радистом на тральщике. Четыре с половиной года он был в Кронштадте. Всегда интересно рассказывал о своих друзьях и сослуживцах. Долгое время переписывался с ними. Осталось много фотографий, которые мы иногда рассматриваем.

После службы несколько лет работал на шахте, но его сильно тянуло в родную деревню, и он вернулся назад. Вернулся не один, а с моей бабушкой Зиной. У них родилось четверо сыновей.

Дед далеко и надолго никуда не уезжал. Получил специальность агронома и долгое время работал в своем колхозе «Родина».

Николай Иванович очень хорошо пел и был участником художественной самодеятельности. Имел много грамот и благодарностей.

Не раз участвовал в концертах на различных праздниках. Однажды в качестве награды ему подарили живого петуха. Это было на тургеневском празднике «Бежин луг».

...На самом краю села Шеламово, под раскатистыми старыми ракитами навечно окаменел молодой солдат. Уже более полувека он зорко охраняет братскую могилу своих боевых товарищей. Более шестидесяти солдат были захоронены в двух силосных ямах, которые и стали общей братской могилой. Правая рука крепко сжимает автомат, а левая легла на плечо спасенного малыша. На лице бойца застыло выражение непоколебимой воли и решительности.

Дед рассказывал, что по праздникам в родном селе у братской могилы собирались все жители. Иногда приезжали солдаты из воинской части. Звучали трубы оркестра, говорилось много добрых и теплых слов, обращенных к погибшим. Мы иногда бываем в тех местах и всегда подходим к тому солдату...

Дед всегда сильно переживал, когда вспоминал о войне. Каким трудом все строилось! Сколько сил было положено на строительство дома! Сейчас нет ни дома, ни тех яблоневых и вишневых садов, которыми славилось село Шеламово.

Мой дедушка, Безгин Николай Иванович, умер 30 мая 2007 года...

ОНИ ПРОСТО ХОТЕЛИ ЖИТЬ

Брусенцева Анна Борисовна, *11 лет,*
ученица 5 класса
МБОУ «ЦО № 1 имени Героя России Д.Е. Горшкова»
учитель — ***Афанасьева Дарья Дмитриевна,***
г. Тула

Жизнь человеку дается лишь раз... В современном мире в погоне за благами цивилизации, комфортом, богатством, в ожидании развлечений и в предвкушении праздников мы забываем о ее истиной ценности. Неужели, когда началась война, у людей что-то изменилось в осознании жизни и смерти и каждый из них получил свою «прививку бесстрашия»?

...Судьба распорядилась так, что, будучи совсем юным, мой прадед Михаил Емельянович Овсянников встретил войну, находясь на службе в Красной Армии в пограничном белорусском городе Белостоке. Вечером 21 июня 1941 г. солдата-связиста отправили на поезде за рацией на склад, находящийся под Смоленском. На тот момент это была впол-

не обычная командировка. Все были одного мнения: на границе очень спокойно [1]. Михаил даже не подозревал, что это задание спасает его от возможной гибели, унося в поезде подальше от границы. На границе в это время разыгрались трагические события. Первый удар артиллерия и авиация противника нанесли по пограничным заставам, штабам пограничных комендатур и отрядов, узлам связи, резервным частям и подразделениям [1]. Спастись в этом пекле практически не было шансов... Однако на рассвете вражеские самолеты настигли состав, в котором ехал Михаил и начали его обстрел. Не успев опомниться ото сна и не имея ни малейшего представления, что происходит, гибли пассажиры — и военные, и гражданские. В их числе был и сослуживец моего прадеда. Спустя многие годы он рассказывал об этом событии, как о самом страшном и в то же время самом запомнившемся эпизоде войны. Недоумение, страх, смерть, боль от потери близкого друга, а главное, невыносимое желание жить — все это обрушилось на Михаила буквально в первые мгновения войны.

Нам, современным школьникам, невозможно представить себе, что когда-то наши прадеды начинали каждый свой день, понимая, что он может стать для них последним. Мне не дает покоя мысль: как обыкновенные русские люди в годы Великой Отечественной войны боролись с невыносимым страхом смерти? Где находили они силы брать в руки оружие и идти в бой? Мама рассказывает, что много лет спустя после войны дедушка на подобные вопросы всегда отвечал: «Мы просто хотели жить!..»

Уже в начале октября 1941 г. во время Вяземской оборонительной операции Михаил получил осколочное ранение — разорвавшийся снаряд буквально нашпиговал всю его спину осколками. Ранение было очень тяжелым, но ведь Михаил дал себе слово: жить, а не отвечать за свои слова было не в его правилах. Много времени потребовалось на лечение. Сменил несколько госпиталей в Москве, Муроме, Новокузнецке [2]. Только в начале февраля 1942 г. прадед восстановился после ранения и направился в военно-пехотное училище в городе Томске, где после шести месяцев обучения получил звание лейтенанта. Вскоре, будучи уже командиром стрелкового взвода, сам готовил молодых солдат в городе Барнауле — обучал стрельбе из ПТР (противотанковых ружей). Михаил выпустил четыре группы молодых бойцов, после чего в августе 1942 г. его отправили на Калининский фронт.

В конце ноября 1942 г. наши войска готовили наступательную операцию Калининского и Западного фронтов на Ржевском выступе. Наступление началось 25 ноября 1942 года. Наибольших успехов на начальном этапе добился Калининский фронт [3]. И вот оно опять: самое пекло боевых действий — лицом к лицу с врагом! Позже прадед вспоминал: «В наступление пошли не сразу, прошагав тридцать киломе-

тров. Немцы ни минуты не давали покоя. Стреляли и на земле, стреляли и сверху. Невзирая на бомбовые удары, огневые выстрелы вражеской авиации, красноармейцы не сдавались. Их учили только наступать «на чужой земле и без малой крови». Но слова эти остались в лозунгах. Война внесла свои коррективы... Состав бригады редел. Два дня держались в обороне и снова готовились к бою... » [2]

Михаил отчетливо запомнил тот день, когда его полк получил команду выбить противника из небольшого городка Осташкова, а перед взводом ПТР, которым он командовал, стояла конкретная задача: уничтожить вражескую огневую точку — два пулемета. Сам Михаил вспоминал: «Противник пустил в ход все имеющиеся у него средства, в том числе и авиацию... До сего времени ясно вижу такой эпизод. Подошли к Осташкову, справа — заснеженное поле, на котором вместо зерновых культур густо выросла более чем метровая полынь. Внезапно послышалась команда: «Воздух!» Глянул вверх, мать честная, летят на бреющем не менее двух десятков самолетов. Куда прятаться?В полынь. И это невзрачное растение многим из нас спасло жизнь» [4].

Похожие эпизоды, наверное, были у каждого бойца Красной Армии. Ведь не роботы воевали, а обычные люди, которым не чужды страх и инстинкт самосохранения. Конечно, было место подвигам, но бездумно рисковать своей жизнью, на мой взгляд, это не героизм, а безрассудство. Сохранить как можно больше жизней, в том числе и свою, — не это ли одна из главных установок перед началом боя? ...А поставленную задачу взвод тогда выполнил, за что Михаил Емельянович был награжден медалью «За отвагу». Но воевать ему пришлось недолго. Еще одно ранение — и белая койка госпиталя. Опять на волосок от смерти, но опять это желание жить взяло вверх... После двух месяцев лечения на фронт Михаила уже не взяли, а отправили в Ташкент, в Среднеазиатский военный округ а оттуда — в город Петропавловск, в 44-ый запасный стрелковый полк, где он в качестве командира взвода готовил кадры для фронта. Там он и встретил Великую Победу, победу, в которую он верил все эти четыре долгих года, начиная с той самой страшной ночи в поезде.

Вера в победу! Да, наверное, именно это помогало совсем молодым ребятам, почти детям, изможденным голодом, отчаянием и потерей близких, работать на заводах по нескольку смен. Победа ведь добывалась не только на полях сражений, ее ковала вся страна...

Моего прадеда Алексея Васильевича Щербинина призвали в 1943 г. Его направили в поселок Цигломень, рядом с городом Архангельском. Там его поставили на учет в военкомат, но сразу же выписали бронь. Алексей недоумевал вместе со своими товарищами: «Раз нас призвали — отправляйте на фронт!», на что получил однозначный ответ офицера: «Фронт и тыл едины!» Эта фраза запомнилась на всю жизнь Алексею, но была малым утешением. Все время до окончания войны

и, особенно, в послевоенные годы он чувствовал некоторую неловкость. Молодой, полный сил парень, чье место по всем правилам и законам войны должно было быть на передовой, остался в тылу!

Мне сложно понять, как «путевка подальше от смерти» могла стать не радостью, а разочарованием для восемнадцатилетнего парня? Думая сейчас об этом, я благодарна судьбе, что мой прадед остался тогда далеко от линии фронта. Возможно, именно то распоряжение сохранило ему *жизнь*, и не повторил он участи своего отца. Значит, он действительно нужен был в тылу, а его золотые руки еще сказали свое слово тысячи и тысячи раз, и бронь та была полностью оправдана.

Прадед трудился на лесозаводе под Архангельском. Во время войны лес широко применялся при строительстве оборонительных рубежей, а с середины войны — в восстановительных работах. Все 22 архангельских лесозавода были привлечены к выполнению военных заказов: производству ящиков для снарядов, саней, лыж, корпусов мин, ружейных заготовок, деталей для самолетов [5]. Алексей работал на производстве ящиков для мин, изготавливал и собирал узлы для понтонных мостов, работал на пилораме. Страшно не хватало людей. Из четырех пилорам работала только одна, поэтому трудились молодые ребята по 15–18 часов в сутки! Какие там выходные! Прадед работал и на лесоповале в Вельском леспромхозе, и разбирал заторы леса в ледяной воде на реке Ваге под городком Шенкурск, работал на строительстве плотов. Было очень тяжело: суровый климат, практически отсутствие каких-либо жилищных условий, непосильно тяжелый труд.

Недавно я навещала прадедушку. Сейчас ему 91 год. Маленький, худощавый старичок, лишившийся зрения. Глядя на него, сложно поверить, что когда-то это был полный сил и амбиций юноша. Не жалея здоровья, он полностью отдавался работе и доказывал, прежде всего самому себе, что фронт и тыл едины...

Что принесла Великая Победа? Счастье, радость, еще большее желание жить — ведь надо было справиться с последствиями войны, восстановить из руин страну, вдохнуть в нее новую жизнь!

Самое удивительное, что опыт, полученный моими прадедами во время войны, определил их дальнейшие судьбы в мирное время. Михаил Емельянович в 1945 г. был демобилизован и несколько лет работал в Тургеневской средней школе в Чернском районе Тульской области военруком и учителем физкультуры. А вот Алексея Васильевича демобилизовали гораздо позже, на военном и военно-морском строительстве он трудился до апреля 1952 года, и главным объектом его службы была Запретная зона № 2 — город Севастополь. Мирное время, молодой парень — самое время начинать *новую жизнь*, создавать семью, строить дом! Но долг есть долг! В октябре 1948 года Алексей прибыл в Севастополь. Конечно, это уже был не тот разрушенный дотла, буквально стер-

тый с лица земли город. С мая 1944 года, когда Севастополь был освобожден и начал восстанавливаться, облик города изменился, по крайней мере, его удалось расчистить от завалов, но работы все равно было предостаточно, ведь в ходе войны было разрушено 94% жилой площади города, уничтожены все промышленные предприятия, водопровод, канализация, электростанция [5].

Да, думаю, Крым был для России приоритетом во все времена. Именно поэтому план по восстановлению Севастополя был четко проработан, и в соответствии с ним в 1948 году в город были направлены 32 тыс. квалифицированных рабочих из 12 областей Российской Федерации [5]. В их числе оказался и мой прадед. Поселили прибывших в бывший медицинский институт имени Сеченова. Жили в жуткой тесноте, о комфорте и речи не было! Три месяца Алексей проходил обучение на каменщика, после чего приступил к работе. Здание горисполкома и жилой дом на улице Ленина, дом № 55 по улице Советской, кинотеатр «Победа» на Большой Морской улице, Панорама на Историческом бульваре, гостиница и драматический театр на проспекте Нахимова — вот небольшой список объектов, чьи стены помнят трудолюбивые руки моего прадеда. Но более всего меня поражает то, что он сам прекрасно помнит все свои стройки и по сей день. Нет, не бесчисленные награды, которых было в его жизни множество, глубоко прописались в памяти Алексея Васильевича, а здания Севастополя, на строительстве которых он работал почти семьдесят лет назад! И как заученное стихотворение, он четко и с невероятным удовольствием повторяет весь этот список вновь и вновь. Я уже предвкушаю то чувство гордости за деда, которое испытаю, когда в следующем году наконец-таки поеду с родителями в Севастополь. Ведь он не просто хотел восстановить город из руин, он хотел дать ему *новую жизнь*. И это удалось! Просто надо очень сильно хотеть жить и всегда верить в победу!

Литература

1. Белосток в первые дни войны. Алексей Попов. 15 встреч с генералом КГБ Бельченко.– М.: Олма Пресс, 2002.— URL: http://www.warmech.ru/1941war/w-front/wf_bel_2.html
2. Жданова С. Битву трудную вели. // Заря. — 1994.— 17 ноября.
3. Ржевская битва 1941–1943 гг. Коллектив авторов. Изд.: «История Ржева».— Ржев, 2000.— С. 149–222.— URL: http://1942.rzev.ru/rshew_history.html#11
4. Перов А. Запах полыни... вдруг обожжет тебя прежней тоской. // Заря, 1998, 21 февраля. С. 2.
5. Супрун М.Н. Архангельск в войне. — Архангельск: ПГУ им. М.В. Ломоносова, 2001 — URL: http://arcticwar.pomorsu.ru/rear/souprun.htm
6. Иванов В. Послевоенное восстановление Севастополя.— URL: http://sevpatriot.ru/stati/poslevoennoe-vosstanovlenie-sevastopolya

СИГНАЛЬНЫЕ ОГНИ НА ФОК-МАЧТЕ

Горячева Екатерина Олеговна, *15 лет,*
ученица 9 «Г» класса МАОУ «Лицей № 1»,
г. Тула

Горячев В. И.

Мы с родителями часто навещаем бабушку Юлю, которая живет в пригороде Тулы, в уютном поселке недалеко от леса. Весной и летом мы вместе ходим на дачу и на пруд, а зимой мы с папой берем лыжи и совершаем лыжные прогулки по лесу, катаемся с высоких горок. У бабушки всегда есть для меня что-нибудь вкусненькое. Бабушка живо интересуется моими школьными достижениями, друзьями. Иногда мы любим вместе с ней помечтать о моей будущей профессии. Бабушка прожила большую трудовую жизнь, достойную уважения. Она всю свою жизнь была предана профессии, которую выбрала в молодости, и своей семье. Бабушка со своим мужем — моим дедушкой Володей — вместе прожили более пятидесяти лет. К сожалению дедушки уже нет, он скончался в 2014 году, но светлая память о нем будет жить всегда в моем сердце.

Я всегда буду помнить мои встречи с дедушкой и бабушкой и их интересные, увлекательные рассказы о непростом послевоенном детстве и юности, службе дедушки на флоте, об их первой встрече и большой любви, длиною в целую жизнь...

Когда закончилась война, дедушка и бабушка жили в Орловской области: дедушка в селе Змиевка, бабушка в пригороде Малоархангельска. Орловская область одной из первых была освобождена от немецко-фашистских оккупантов. Но отступая, немцы сожгли почти все дома, и жить приходилось в землянках. Но ни холод, ни голод — ничто не могло сломить веру людей в лучшую жизнь, и все стремились, как могли, приблизить победу над ненавистным врагом. Женщины работали на уцелевших предприятиях, а ребята школьного возраста днем учились, вечером помогали взрослым и в поле, и на скотном дворе, и в колхозах.

Самым запоминающимся и радостным событием, по рассказам дедушки и бабушки, было всеобщее ликование, охватившее людей, услышавших долгожданное слово «Победа!», а потом и возвращение с фронта родных, близких людей...

Частенько дедушка с бабушкой усаживали меня поудобнее и начинали свои рассказы о послевоенной жизни и своих друзьях, об учебе в школе и помощи родителям в тяжелое послевоенное время.

Но больше всего мне нравились рассказы дедушки о морской службе. Всегда, когда у него было хорошее настроение, он доставал свой любимый фотоальбом и, листая его, вспоминал своих друзей, походы по ревущему морю, бесконечные морские просторы и чувство радости возвращения в родной порт. О дедушке и о его морской службе я и хочу рассказать.

Дедушка служил на Балтийском флоте с 1954 по 1958 годы. Современный военный корабль — это большая и сложная машина, управлять которой могут только грамотные специалисты, и поэтому дедушку вначале направили в учебный отряд («учебка»), который располагался в Латвии, в городе Либаве. «Учебку» по специальности электрик флота дедушка закончил на «отлично», и был распределен на эскадренный миноносец (эсминец) «Сокрушительный», находящийся в составе Балтийской военной эскадры.

На эсминце «Сокрушительный» дедушка прослужил четыре года. Порт базирования эсминца — город Балтийск. За годы службы много было выходов в суровое Балтийское море. Эсминец охранял северные рубежи нашей Родины, выходил в нейтральные воды, неоднократно совершал походы в Польшу, Ленинград, Мурманск. Каждый поход сопровождался боевыми учениями, стрельбами из различных видов оружия: артиллерийского, торпедного, минного. С каждым походом связана своя замечательная история.

Больше всего из рассказов дедушки мне запомнилась история, которая произошла с ним во время похода в 1956 году в Данию. Эсминец «Сокрушительный» должен был совершить визит дружбы в составе кораблей Балтийского флота: одного крейсера «Орджоникидзе» и двух эсминцев «Стремительный» и «Сокрушительный». К этому походу корабли и экипажи готовились заранее. Все системы кораблей красили свежей краской, начищали орудия главного калибра, драили палубу. Матросам и офицерам раздали разговорники датского языка, знакомили с историей и культурой одного из старейших государств Европы.

Корабли в Дании встречали с большими почестями, оркестром, салютом. Экипажи советских кораблей знакомились с экипажами кораблей Дании. Матросам и офицерам давали свободное время для совершения экскурсий по столице Дании Копенгагену. Воображение наших моряков поражали своей красотой древнейшие замки и соборы Дании, великолепные парки Копенгагена. По рассказам дедушки, ему наиболее запомнилась экскурсия в замок Кронборг, который примечателен тем, что его истории вдохновляли великого В. Шекспира. Этот замок и сейчас хранит тайны событий, описанных в его трагедиях.

Но поход в Данию запомнился дедушке не только радушием датчан и своей культурной программой. На обратном переходе эсминец попал в сильнейший шторм, сила которого достигала 11 баллов. Огромные морские волны, как великаны, вставали одна за одной, казалось, что ко-

Горячева Ю. И.

рабль не выдержит ударов могучей стихии, но он снова и снова то нырял в морскую пучину с высоты волны, то взлетал на очередной гребень. Мачты корабля совершали круговые движения от одного края горизонта до другого. И вот после очередного удара морской стихии на фок-мачте эсминца вышли из строя сигнальные огни, и потребовалось немедленно устранить неисправность. Для этого необходимо было не только выйти на открытую палубу корабля, но и подняться на сорокаметровую мачту, удержаться там и выполнить необходимые ремонтные работы на этих «адских» качелях.

Эти работы могли поручить только самым отважным и самым опытным специалистам, таким специалистом на корабле считали и моего дедушку. Дедушка со своим сменщиком поднялись на мачту и в кромешной темноте под свист ветра, в леденящих соленых брызгах морской воды выполнили необходимую замену оборудования. За этот поступок дедушке была объявлена благодарность, и сам командир корабля ему подарил на память книгу с дарственной надписью.

По окончании визита дружбы в Данию командующий Балтийским флотом адмирал Головко объявил благодарность всем участникам похода и сказал: «Ваш поход сделал столько для развития дружественных отношений между нашими странами, сколько не смогла сделать дипломатическая служба за сорок лет своей деятельности».

По окончании службы дедушка награжден почетной грамотой, и сам командир корабля пожелал ему работать на «гражданке» так же честно и самоотверженно, как он служил на флоте.

Кстати сказать, дедушка познакомился с бабушкой именно в период службы на Балтийском флоте, в один из своих отпусков, которые давали за отличную службу. Как говорит бабушка, когда она увидела красивого статного молодого человека в морском кителе и бескозырке, у нее просто не было шансов не влюбиться. Но прежде чем они расписались, прошло еще два года службы дедушки, в течение которых они просто дружили. Вот какими красивыми были мои дедушка и бабушка, когда они познакомились.

Морская служба закончилась, но любовь к мощным и «умным» машинам, к технике, осталась у дедушки на всю жизнь. На «гражданке» «кораблем» для дедушки стал энергоцех одного из заводов нашей области, мощность машин которого измеряется мегаваттами. Труба энергоцеха видна далеко за пределами поселка, потому что на самом верху трубы, так же, как и на мачте эсминца, закреплены сигнальные огни, которые всю жизнь вели дедушку по правильному

курсу. И даже сейчас, подъезжая к поселку в ночное время и смотря на заветные огни, мы с легкой долей грусти говорим: «Эсминец дедушки работает».

За долгий и добросовестный труд дедушка награжден орденом «Знак почета», ему присвоено звание «Заслуженный энергетик России». И я хочу так же, как и дедушка, честно служить своей Родине и быть полезной людям.

МОИ ПРАДЕДУШКА И ПРАБАБУШКА

Девяткова Полина Николаевна, *15 лет,*
ученица 9 класса МБОУ «СОШ № 13»,
учитель — ***Флерко Анна Николаевна***
г. Донской Тульской области;

Астафьева А.А.

Я хочу рассказать об удивительных русских людях — моих прабабушке и прадедушке со стороны папы: Александре Афанасьевне и Николае Андреевиче Астафьевых.

Моя прабабушка родилась 25 октября 1924 года в деревне Кобылинка Богородицкого района Тульской области в семье крестьянина.

В 1931 году ей было 7 лет, когда арестовали ее отца Афанасия Алексеевича Санкина, его осудили на 6 лет как врага народа и отправили отбывать наказание на Камчатку. Домой он вернулся весной 1934 года. Забрал свою семью и родителей и уехал в город Сталиногорск (в настоящее время Новомосковск). Там он устроился на работу на хозяйственный двор плотником, ему дали комнату в бараке, где семья стала жить. На свободе он пробыл недолго, до середины декабря. По доносу трех негодяев, его снова арестовали и отправили в тульскую тюрьму, где в начале января 1938 года расстреляли. Семья снова потеряла своего кормильца. Имя Афанасия Алексеевича Санкина занесено в «Книгу памяти жертв политических репрессий».

Когда началась война, брат прабабушки Василий первым ушел на фронт. На фронте был тяжело ранен, прошел несколько госпиталей и вернулся домой калекой. Он умер в 1951 году в возрасте 30 лет.

Бабушка Саша на фронт ушла добровольцем в 17 лет. Сначала она стала курсантом школы авиамастеров (она заряжала 30-ти кило-

граммовые авиационные пушки и ставила их на крылья самолета). В июле 1942 года, после окончания школы, ее направили служить в 82-й истребительный полк, а в августе того же года была направлена служить в 961-й истребительный полк ПВО, где и прослужила до Победы. Ее полк защищал и освобождал Кавказ, Ростовскую область, Западную Украину.

За мужество и героизм была награждена медалями «За оборону Кавказа», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», медалью Жукова, орденом ВОВ II степени и другими наградами.

Когда вернулась с войны, начала работать, вышла замуж за фронтовика Николая Андреевича Астафьева, родила дочерей Татьяну и Лидию. Проработав почти 40 лет в торговле, Александра Афанасьевна ушла на заслуженный отдых. Она умерла 10 октября 2008 году, не дожив две недели до своего 84-летия.

Дедушка моего папы родился 10 августа 1918 года в селе Борятино Даниловского района Саратовской области. Ему довелось участвовать в войне с Финляндией в 1939 г., а затем и в Великой Отечественной войне в составе 132 танковой бригады. Его военная специальность — механик-водитель танка. 18 июля 1942 г. он был контужен. В 1943 г. участвовал в битве на Курской дуге. Его танк был подбит и загорелся. Погиб весь экипаж, погиб и его лучший друг. Прадедушка чудом остался в живых. Весь обгоревший, он был отправлен в госпиталь на лечение. Следы ожогов на лице и теле остались до конца жизни.

Николай Андреевич Астафьев был награжден медалями «За оборону Кавказа», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», медалью Жукова, орденом Великой Отечественной войны II степени и другими наградами.

После войны он работал электриком на ГРЭС, а затем более 50 лет рентген-техником (ремонтировал физио-рентгенаппаратуру в роддоме). На заслуженный отдых он ушел в возрасте 75 лет. Умер прадедушка 12 апреля 2005 года на 87 году жизни.

Мои прадедушка и прабабушка были инвалидами Великой Отечественной войны. Они похоронены на одном кладбище в г. Новомосковске.

Светлая им память и огромная благодарность за мужество и стойкость от всех нас!

«ЕСТЬ ПАМЯТЬ, КОТОРОЙ НЕ БУДЕТ ЗАБВЕНЬЯ...»

Дроздов Кирилл Сергеевич, *15 лет,*
ученик 9 «А» класса МБОУ «СОШ № 22»;
учитель — ***Ермолинская Светлана Викторовна,***
г. Узловая Тульской области

Струев С.О.

Годы Великой Отечественной войны — это годы тяжелых испытаний для нашей страны, для нашего народа. Сколько шрамов в душах людей — как прошедших через нее, так и родившихся после — оставила эта война!

Фронтовики (2 моих прадеда), военное детство бабушек и других родственников на оккупированной территории — это часть истории моей семьи. Для меня настоящий герой Великой Отечественной войны — это мой прадед Сергей Осипович Струев, попавший на фронт в 29 лет.

Недавно я нашел документы, из которых узнал, что прадед — участник знаменитого форсирования Днепра. 24 августа 1943 года советские дивизии начали движение по фронту, растянувшемуся от Смоленска до Азовского моря. Это была крупномасштабная операция, в которой участвовало 2 650 000 человек. Форсирование Днепра является ярчайшим примером героизма советских войск. Солдаты, используя малейшую возможность прорыва, пересекали реку на любом держащемся на воде предмете и под жесточайшим огнем немецких войск несли огромные потери.

В этом бою мой прадед получил тяжелейшие ранения. В его правую руку попало несколько вражеских пуль. Дед оказался в госпитале. Получив весть об этом, моя прабабушка Анна Струева отправилась к мужу с грудным ребенком на руках.

Когда врачи осмотрели ранения моего прадеда, то сообщили, что руку придется ампутировать, иначе ему грозит смерть. Но Сергей Осипович наотрез отказался. Ведь он был художником, писал картины, иконы, расписывал храмы... Что значили для него его руки! С Божьей помощью пули извлекли, но после этого ранения рука сильно дрожала. После войны прадед снова начал писать картины... Каких трудов это стоило ему! Но он терпеливо выводил каждую линию лица на портрете, ведь нужно было прокормить пятерых детей.

Я помню свою прабабушку. Она была глубоко верующим человеком, в ее доме всегда хранились иконы.

Икона Спасителя, написанная моим прадедом Сергеем, сохранилась в доме.

В трудную минуту она обращалась к Богу, просила его о помощи. Прабабушка рассказывала мне, как немцы вошли в наш город. Когда звучал сигнал боевой тревоги, все люди укрывались в бомбоубежище. Но однажды ее семье пришлось остаться в доме. Тогда они встали на колени и начали молиться. Бомба упала рядом с домом, осталась глубокая воронка. Еще бы чуть-чуть — и они бы все погибли. Спасла молитвенная помощь.

Другой случай говорит о том, что и среди немцев были отзывчивые и совестливые люди, которые могли совершать добрые поступки. Однажды в дом к моей прабабушке вошел немец. В это время все дети болели корью, а у нее нестерпимо ныла рука. Немец подошел и попросил развязать руку. Прабабушка подумала, что он не поверил, и показала нарыв. Как оказалось, мужчина хотел помочь. Он дал ей таблетки и сказал, что их нужно выпить. Через несколько дней боль прекратилась, и бабушка выздоровела.

Наверное, как и для многих других семей, для моей семьи память о Великой Отечественной войне священна. Идут годы, сменяются поколения, а память о войне жива и не забудется никогда то, что выпало на долю нашего народа. «Есть память, которой не будет забвенья. И слава, которой не будет конца...» (Р. Рождественский).

БУДУ ПОМНИТЬ

Лукьянова Софья Андреевна, *16 лет,*
ученица 10 класса МБОУ «ЦО № 51»;
учитель — ***Григорьева Екатерина Сергеевна,***
городской округ Тулы, село Алешня

Судьба каждой российской семьи прочно вплетена в историю нашей великой страны. Истории жизни моих дедов и прадедов, бабушек и прабабушек, как у каждого человека, состояли из радостей и бед, будней и праздников, но все же им довелось жить в трудное военное и послевоенное время, поэтому каждое сохранившееся воспоминание — крупица большой истории победившего фашизм народа. Они были непосредственными участниками военных действий, поддерживали фронт, работая в тылу: выращивали хлеб, делали снаряды, растили детей своих и чужих, отдавая им тепло своего сердца. Им пришлось пережить многое: голод и холод, страх и отчаяние, боль потерь. Но при этом они остались Людьми: добрыми, отзывчивыми, незлопамятными, работящи-

Яков Сергеевич Парфенов (слева)

ми, умеющими радоваться малому и надеяться на лучшее. Этому они учили и своих детей. Поэтому я хочу рассказать о них то, что помнят мои родители, что они рассказали мне, и что теперь буду помнить я.

Моя бабушка Щуплова Валентина Александровна родилась в деревне Пруды Крапивенского района Тульской области в 1930 году. К началу войны ей исполнилось всего десять лет, но уже в этом возрасте она, как многие дети той поры, вместе со своей мамой, Королевой Евдокией Матвеевной, копала окопы и противотанковые рвы. Скоро их деревня попала под оккупацию. В доме поселился офицер-эсэсовец. Единственное, чего он требовал от хозяев дома и их детей, — тишины. Видимо, офицер жалел голодающих детей и иногда приносил им суп с немецкой полевой кухни. Скоро эта часть была переведена, а на ее место пришли финны и румыны. Они отличались особой жестокостью: отбирали последние продукты, избивали и расстреливали жителей, а перед своим отступлением полностью сожгли деревню. Жители лишились крова и нажитого имущества, но хорошо, что остались в живых. Валентина Александровна вместе со своей мамой ушла жить в деревню Кутьма. Там Евдокию Матвеевну, как женщину трудолюбивую и с характером, выбрали председателем колхоза, и в течение двух лет она управлялась с большим колхозным хозяйством. Когда стали возвращаться фронтовики, этот пост передали в сильные мужские руки.

Бабушкин отец, Передков Александр Васильевич, с первых дней воевал на фронте и погиб, но подробностей о его службе мы не знаем, потому что к началу войны у него была другая семья в Москве. Бабушке Вале за работу в тылу было присвоено звание «Ветеран Великой Отечественной войны». Она награждена несколькими юбилейными медалями. Муж Валентины Александровны Щуплов Василий Кириллович не принимал непосредственного участия в военных действиях, но с четырнадцати лет работал в своем колхозе хлеборобом: пахал и сеял, жал и молотил хлеб, заменяя взрослых мужчин, ушедших на фронт.

Крапивенскую школу-десятилетку моя бабушка Валентина Александровна смогла закончить только в 1951 году, когда ей исполнилось двадцать лет. Ее сразу приняли на работу в Тележенскую семилетнюю школу учителем физического воспитания. Через год бабушку перевели на работу в Кореневскую семилетку, где она стала вести уроки биоло-

гии и немецкого языка. В 1953 году Валентина Александровна поступила в Орловский педагогический институт, чтобы стать учителем химии и биологии, но, к сожалению, так и не смогла его закончить, потому что один за другим у нее родилось двое сыновей, оставлять их было не на кого. Через два с половиной года учебу пришлось прекратить. Бабушка не получила педагогического образования, но учителем проработала сорок лет. С 1956 года и до окончания трудовой деятельности она работала учителем начальных классов. Это была тяжелейшая работа! Кореневскую школу закрыли и учителей перевели в Ивицкую среднюю школу, которая находилась в пяти километрах от дома. Каждый день они с еще одной учительницей в любую погоду пешком шли на работу, а вечером возвращались домой, а детей было уже четверо. Хорошо, что свекровь была уже на пенсии и могла за ними приглядывать. Спать бабушка ложилась не раньше двух часов ночи, вставала в пять утра. В 1969 году удалось переехать в Ивицы. Стало немного легче. Почему немного? Да потому, что уроки приходилось вести сразу в трех классах! Но Валентина Александровна справлялась, за что и была отмечена многими благодарностями. Она передала свои знания сотням учеников. Даже после окончания школы они приходили к ней за советом и помощью. Когда я родилась, бабушка уже не работала в школе. Но моим первым учителем стала именно она. Кроме чтения и счета бабуля учила меня добру, справедливости, трудолюбию. Мои старшие братья и сестры тоже проводили с ней много времени. Благодаря бабушке, они все стали порядочными людьми.

Больше сведений сохранилось о моем прадеде Парфенове Якове Сергеевиче, и начать хочу с момента его рождения, потому что у этого человека трудная, но интересная судьба.

В семье Сергея Михайловича и Аграфены Тимофеевны Парфеновых было пятеро детей: Мария, Любовь, Арина, Яков и Иван. Жили они в деревне Алехино, входящей в состав села Ивицы. Сергей Михайлович воевал на фронтах Первой мировой войны, попал в германский плен и содержался в лагере «Гильзбирг» (город Растенбург) под личным номером 73123. Был освобожден после окончания гражданской войны.

Незадолго до начала войны, 16 октября 1913 года, в этой семье родился мой прадед Яков Сергеевич. Много испытаний выпало на его долю. В 1927 году он окончил 6 классов Ивицкой семилетней школы и сразу пошел работать в колхоз. Хотя и до этого, как все тогдашние подростки, с малолетства помогал взрослым в любой работе. В 1933 году женился. Одна за другой родились три дочки: Маша, Нина и Надя. Но счастье было недолгим: любимая жена умерла через шесть лет, оставив малышек сиротами на попечении Аграфены Тимофеевны. Яков Сергеевич в это время проходил действительную военную службу в Красной Армии. Служил он тогда в ДВО города Петрозаводска проводником служебных собак. В мае 1940 года его направили учиться

в Центральную военно-техническую школу Ленинграда. Получив перед началом учебы небольшой отпуск, он приехал в родную деревню. Его матери-старушке тяжело было в одни руки управляться с хозяйством и с маленькими детьми. Девочкам нужна была материнская любовь. Но кто пойдет замуж за вдовца с тремя детьми? Все-таки такая добрая женщина нашлась. Любящей и верной женой стала моя прабабушка Наталья Акимовна. Расписались они в сельсовете, и почти сразу уехал прадед на учебу. Только один раз удалось ему приехать на побывку в начале 1941 года. Яков Сергеевич убедился, что девочки окружены заботой и любовью и называют мачеху мамой. В следующий раз дома он появился уже в конце 1945 года.

Великая Отечественная война застала Якова Сергеевича в Ленинграде. В августе 1941 года после окончания учебы был направлен в 5-ю стрелковую дивизию на Западный фронт, а 5 сентября того же года у него родилась четвертая дочь. Наталья Акимовна назвала ее символичным именем Вера. Письма домой с фронта были очень редки. В одном из них прадед написал, что в конце сентября их эшелон проследует через Плавск, но когда именно — неизвестно. Повинуясь желанию увидеть мужа, Наталья пешком ночью отправилась на станцию вместе с новорожденной дочкой, несколько дней напрасно провела там, но Яшеньку так и не повидала. Эшелоны шли на передовую без остановки.

В июне 1942 года прадед был переведен на Волховский фронт, а в июне 1943 года — на 1-й Белорусский, где был назначен командиром роты в 54-м Отдельном отряде санитарных нартовых упряжек. Этот отряд был неотъемлемой частью всего санитарного транспорта и зимой, и летом. Собаки вывозили с поля боя тяжелораненых бойцов, а на обратном пути доставляли на огневые позиции боеприпасы и продовольствие. Всего за годы войны с помощью собак спасли жизнь шестистам пятидесяти тысячам раненых и доставили на передовую шесть тысяч тонн боеприпасов. За свою службу Яков Сергеевич был награжден орденами Отечественной войны 2-й степени и Красной Звезды, медалями «За оборону Ленинграда» и «За боевые заслуги». Орден Красной Звезды прадед получил за то, что, командуя ротой в отряде санитарных упряжек, полностью сохранил личный состав и их главных помощников — собак.

Награды Парфенова Якова Сергеевича: медали «За оборону Ленинграда» и «За боевые заслуги», орден Красной Звезды.

Ценен этот орден еще и тем, что однажды он спас Якову Сергеевичу жизнь. На фотографии видно, что на одном из лучей звезды отколота эмаль. Это случилось, когда вражеская пуля летела прадеду в грудь, но попала в орден и прошла по касательной, не причинив серьезного вреда. За время военных действий он был контужен и дважды ранен: в руку и в бедро.

В июне 1945 года Якова Сергеевича перевели в Маньчжурию на должность начальника трофейных складов. Декабрь этого года стал последним месяцем его военной службы. Он был уволен в запас в звании старшего лейтенанта.

Сестры Якова Сергеевича в годы войны работали в Москве на ткацкой фабрике, а брат воевал до самой победы. Потом он тоже уехал в Москву. А прадед вернулся в родную деревню к семье и трудился в совхозе Рылевский на разных работах до 1955 года, потом перешел в колхоз им. Ленина в своем селе.

Жизнь колхозника всегда была трудна, а в послевоенные годы вдвойне! Мы привыкли за труд получать наличные деньги, тогда же за работу ставили трудодень — палочку за целый день тяжелой физической работы. Прабабушка работала на заготовке кормов в полеводческой бригаде. Кто теперь помнит, каково это было?Целый день на жаре ворошить сено, к вечеру собрать и перетащить в одно место, потом уложить в огромный стог. За такой труд женщины получали только половину трудодня. За 365 дней работы без выходных и отпусков, о которых тогда даже не думали, получали мои родные долю зерна, выделенную по решению колхозного собрания в конце года. В семье Парфеновых подрастали четыре дочери, которых нужно было кормить, одевать и обувать... Где было взять тогда деньги?В большой и дружной семье держали свое подсобное хозяйство, продавая молоко, яйца, овечью шерсть, — и так получали наличные деньги. Вернувшись домой после работы в колхозе, нужно было, как тогда говорили, «управить скотину», накормить и обстирать детей, при этом не просить помощи, надеяться только на себя и все-таки верить в достойное будущее.

В шестьдесят лет Яков Сергеевич вышел на пенсию, но трудные военные испытания не прошли бесследно: здоровье подводило все чаще и через три месяца его не стало. Умер прадед 29 января 1974 года. Его старшие дочки выросли и уехали в Москву, где и живут до сих пор. А моя бабушка Вера всю жизнь проработала на Тульском комбайновом заводе. Теперь она тоже на пенсии. У нее двое детей, четверо внуков и трое правнуков. Все мужчины нашей семьи (папа и двое братьев) прошли срочную службу в армии, помня о военной судьбе своих отцов и дедов.

Моя прабабушка, Парфенова Наталья Акимовна, всю жизнь бережно хранила военный билет и воинские награды своего мужа, Парфенова Якова Сергеевича. Незадолго до своей смерти она передала их своему внуку — моему папе.

Я горжусь тем, что в нашей семье есть такие семейные реликвии. Когда наступит моя очередь, я буду пересказывать эту историю своим детям и внукам. Им тоже будет чем гордиться.

ТРИ СВЕЧИ ПАМЯТИ В НАШЕЙ СЕМЬЕ

***Малуха Елизавета Дмитриевна**, 15 лет,*
ученица 9 «Б» класса
МБОУ «Лицей им. С.Н. Булгакова»;
*учитель — **Малуха Наталья Петровна,***
г. Ливны Орловской области;

22 июня, 9 мая, 23 февраля — это особые дни для моей семьи. Говоря о своей семье, я вспоминаю не только любящую маму Наташу, заботливого папу Диму, любопытного младшего братишку Германа, но также добрую улыбку бабушки Нины, счастливые глаза дедушки Пети. До недавнего времени я не понимала, почему именно в эти дни лица моих родных становятся другими: бабушкино лицо задумчивым, в дедушкиных глазах пропадает искорка счастья, а мама все пересматривает какие-то фотографии и на мои любопытные детские вопросы отвечает: «Скоро обо всем узнаешь, только чуть-чуть подрасти». Я все поняла только три года назад, когда мы всей семьей отправились на родину моей бабушки Нины — в Луганск, прежде этот город назывался Ворошиловград.

Перед тем как приехать в Луганск, бабушка мне рассказала о том, что она родилась в годы Великой Отечественной войны, а точнее в 1943 году, что на руках ее матери, Свечкаревой Миланьи Анисимовны, осталось четверо детей: три маленьких сына и крошка-дочка. Бабушка со слезами на глазах говорила о том, как ее мама до последнего надеялась на то, что ее муж жив, может быть, только ранен и лежит в госпитале, как в прошлый раз, или полевая почта плохо работает. Она не потеряла надежду даже тогда, когда почтальон принес извещение, где было написано: «Ваш муж красноармеец Свечкарев Семен Иванович, уроженец Ворошиловградской области 1908 года рождения, в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, пропал без вести в сентябре 1943 г.». Время шло, а муж Семен все не возвращался... Самое ценное, что осталось от мужа,— это дети, воспоминания и письма. Прабабушка Миля с особым трепетом относилась к весточкам своего мужа, ведь в них она чувствовала его поддержку, любовь, хоть Семен никогда и не говорил ей об этом (и так было понятно!). Только весточки мужа с фронта давали ей силу и надежду на то, что война скоро закончится и что наконец-то они заживут одной дружной большой семьей, что она будет, как прежде, шить красивые платья и костюмы своим родным и знакомым на заказ, а муж будет работать в шахте и гордиться своей профессией.

В один миг все надежды растворились, а силы иссякли. Его больше нет, и даже неизвестно, где могила мужа, чтобы положить цветы и выплакаться вволю, но есть дети, родные... Ради них и нужно жить!

Это уже была вторая похоронка в их семье. Первую получили годом ранее: Свечкарев Федор Иванович погиб в плену 12 октября 1942 года. Он тоже был рядовым, защищал свою Родину с первых дней войны, был хорошим стрелком, любящим сыном, мужем и отцом. В свои 32 года от роду он попал в плен под Харьковом. Умер от ран в лагере военнопленных под названием Шталаг VI К (326). К сожалению, местом его захоронения является не родная земля, которая приняла бы его как настоящего сына, а немецкая — это кладбище Хемер Хеклингсер Вег, полоса 42, участок 18, ряд 9, могила 142.

«И еще одного забрала сыночка эта проклятая война! Что-то долго нет писем от младшенького», — жаловалась прабабушке ее свекровь, Свечкарева Наталья Ивановна, которая уже потеряла двух своих детей на войне и мечтала о скорой встрече с младшим сыном. Она редко приходила в гости к невестке нянчить внуков, потому что некогда было да и идти далеко. А еще Наталья Ивановна не могла никому признаться в том, что уходить из дому надолго не хотела — вдруг ее Сашенька вернется.

Свечкарев Александр Иванович еще в декабре 1941 года, будучи учеником 10 класса школы города Брянка Луганской области, добровольно ушел в Красную Армию и был направлен в полковую школу 851-го стрелкового полка 278 стрелковой дивизии, которая дислоцировалась в районе села Терновая Елань Камышинского района Сталинградской области. По окончании школы ему было присвоено звание сержанта, а затем он был назначен командиром отделения противотанковых ружей. Из писем родные узнали, что с мая 1942 года их Саша уже участвовал в боях на Юго-Западном фронте (Харьковское направление), с августа — в составе 5-й отдельной гвардейской мотострелковой бригады, а затем — в освобождении Донбасса, Никополя.

Наконец-то получена долгожданная весточка от Сашеньки! Он назначен помощником командира взвода разведки. Это было незадолго до форсирования Днепра.

Об этом событии, происходившем в феврале 1944 года, будут много писать, говорить, приезжать за интервью не к Сашеньке, а уже к гвардии старшему сержанту Свечкареву Александру Ивановичу. Александру Ивановичу и его товарищам Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 марта 1944 года за исключительное мужество при форсировании Днепра было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 4397).

Это уже потом, после тяжелого ранения, в июле 1944 года, когда был демобилизован из рядов Красной Армии, Александр рассказал родным о том, как он возглавил группу добровольцев, которые поплыли через реку Днепр на двух лодках...

«Сначала все было спокойно. Тишину ночного Днепра нарушал лишь плеск весел. Но когда немцы обнаружили лодки десантников, они откры-

ли ураганный огонь. В лодках появились пробоины. Солдаты касками вычерпывали воду, а мы изо всех сил налегали на весла. Скорее к берегу!

Под покровом темноты мы (нас было два десятка разведчиков) вступили на правый берег, сразу же уничтожили пулемет, который вел огонь по нам во время форсирования реки, забросали гранатами несколько окопов. Потом уничтожили взвод пехотинцев».

«Нельзя передать словами, как гордилась своими сыновьями бабушка Наташа,— продолжала свой рассказ моя бабушка, когда мы уже подъезжали к Луганской области.— Ей очень хотелось побывать на могилках Семена и Феденьки, и она просила разыскать их места захоронения». А бабушка Нина все продолжала, ее речь лилась рекой, она торопилась говорить, будто боялась упустить нечто важное...

Александр Иванович Свечкарев — единственный в семье сын, уцелевший в той кровопролитной войне,— сумел добиться многого: с отличием окончил Харьковский юридический институт, аспирантуру, с 1992 до года смерти (13 сентября 2001 г.) был профессором кафедры международного и государственного права зарубежных государств, активно участвовал в военно-патриотическом воспитании молодежи. Но самое главное, он организовал в г. Брянке открытие памятника воинам Красной Армии, где выбиты золотом имена героев-земляков, погибших в годы Великой Отечественной войны, в том числе, и имена родных братьев — Свечкарева Семена Ивановича и Свечкарева Федора Ивановича.

А мы тем временем подъезжали к г. Брянка Луганской области, и первая наша остановка была возле центрального парка, где и находится этот мемориальный комплекс «Землякам, за Родину павшим». Для всех членов нашей семьи это святое место, где можно возложить цветы двум замечательным братьям — Семену и Федору — и обратиться к ним с теплыми словами благодарности, а главное, сказать им, что мы помним о них, гордимся их героическими подвигами.

К счастью, в годы Великой Отечественной войны выжили все дети Семена, жена Миля дала им хорошее воспитание. Но, к сожалению, детям очень не хватало поучительного отцовского слова, его плеча в трудную минуту, особенно единственной дочке Ниночке, которая так и не научилась говорить слово «папа», потому что ни разу его не видела, только на фотографиях, с которых до сих пор смотрят счастливые лица ее родителей в окружении трех веселых сынишек.

Мы бережно храним все семейные фотографии, письма моего прадедушки Свечкарева Семена Ивановича, копии его анкет, а также старые снимки и документы его брата Федора Ивановича, которого замучили фашисты в плену. Нам также дороги портреты Александра Ивановича, младшего брата прадедушки, и книги о его заслугах перед Родиной не только в годы Великой Отечественной войны, но и послевоенное время.

Эти три удивительные истории моих прадедов как три свечи памяти для нашей огромной семьи (ведь по одной из гипотез, фамилия Свечкарев произошла от слова «свеча»), которые не угасают, а только согревают наши сердца, вызывая чувство гордости, указывая нам светлый путь добра и мира. И такие даты, как 22 июня, 9 мая, 23 февраля, будут на долгие годы особенными и в моей будущей семье, и в будущей семье моего братишки Германа, и в семьях всех моих многочисленных родственников.

Я уверена, что истории жизни трех моих предков, братьев Свечкаревых, пополнят Книгу памяти о героических и трагических страницах истории нашей страны в годы Великой Отечественной войны. Ведь память о тех страшных событиях, о поломанных судьбах, и о великих людях должна жить в наших сердцах вечно!

В ЖИЗНИ ВСЕГДА ЕСТЬ МЕСТО ПОДВИГУ

***Пименов Владимир Александрович**, 11 лет,*
ученик 5 класса МКОУ «СОШ № 1 г. Суворова»,
г. Суворов Тульской области

О, сколько было подвигов на свете,
Они уже в преданья отошли.
Из уст в уста их повторяют дети
На всех материках большой земли...
Но из всего того,о чем мы слышим,
И из того, что мы вершим пока,
Солдатский подвиг я считаю высшим
И самым бескорыстным на века.

Ф. Алиева

Вот уже два года 9 мая я хожу на парад вместе с прадедом в одной колонне с другими участниками «Бессмертного полка», несу его фотографию и испытываю невероятную гордость. До недавнего времени я не очень-то понимал, что такого особенного совершил он. Становясь старше, узнаю все больше интересных подробностей его биографии.

Мой прадед Зелинский Василий Федосеевич родился в 1908 году в Казахстане, там он и женился на прабабушке. Они жили в маленьком горном селе Александровка. Когда началась война, прадеда забрали на фронт. Прабабушка Анна Яковлевна осталась одна с шестью детьми на руках. Для семьи наступили сложные времена, полные лишений. Старшей дочери прабабушки исполнилось 7 лет, а младшей было всего 6 месяцев.

Днем Анна Яковлевна работала в совхозе, а ночью перешивала платья, ремонтировала одежду в обмен на продукты, так как еды в доме не хватало. Старшие дочери ухаживали за младшими детьми, помогали по хозяйству. Так и жила семья, вместе преодолевая тяготы военного времени.

Василий Федосеевич был зачислен в Панфиловскую дивизию. Прадед не любил говорить о том, где и как воевал, какие подвиги совершил и что ему пришлось пережить. Да и кто тогда из прошедших войну считал себя героем? Своему сыну Василий Федосеевич рассказал только то, что был ранен, попал в госпиталь. По словам моего дедушки, Зелинского Алексея Васильевича, прадед всегда говорил одно: «Очень страшно быть на войне».

Я много читаю, интересуюсь событиями осени 1941 года, когда Москва находилась в опасности. Только 35 километров отделяли фашистов от Москвы. В ноябре 1941 года произошел бой, который сделал Панфиловскую дивизию легендарной. В бою у разъезда Дубосеково, неподалеку от Волоколамского шоссе, ведущего в Москву, бойцы дивизии остановили наступление двух танковых и одной пехотной дивизии противника. Страна узнала о подвиге 28 панфиловцев, которые в ходе четырехчасового боя уничтожили 18 вражеских танков и несколько сотен солдат. До наших дней сохранился любопытный документ. Это донесение командующего 4-й немецкой танковой бригадой. В нем он называет панфиловцев «дикой дивизией» и сообщает о том, что «с этими людьми совершенно невозможно воевать, так как они не боятся смерти».

Мы не знаем, в каком конкретно полку Панфиловской дивизии служил прадед. Но, по рассказам моего дедушки, его отец часто вспоминал знаменитого политрука 1073-го полка этой дивизии Бауржана Мамышулы, говорил, что они были знакомы, очень мечтал с ним встретиться в послевоенное время. Мы предполагаем, что прадед прослужил в этой дивизии до 1942 года, примерно до октября. В 1942 году он был дважды ранен, второй раз тяжело. После выписки из госпиталя Василий Тимофеевич был отправлен служить в 138-ю стрелковую дивизию 344 стрелкового полка.

Установить подробности военной службы прадеда мне очень помог сайт «Подвиг народа». В базе данных сайта нашлись два наградных листа. Вот что написано в одном из них: «В боях за город Быстржица 7 мая 1945 года товарищ Зелинский первым со своей пушкой ворвался на окраину города. Ее огнем он уничтожил 15 немцев. Пытаясь возвратить потерянные позиции, противник, прикрываясь сильным минометным огнем, перешел в контратаку. Расчет товарища Зелинского отбил эту контратаку, уничтожив при этом 18 немцев». За этот подвиг прадед был представлен к ордену Красной Звезды. Второй наградной лист описывает подвиг, за который Василия Федосеевича наградили орденом Славы III степени. Внимательно изучая эти документы, нам удалось узнать, что у прадедушки были еще награды: две медали «За отвагу». Закончил войну Василий Федосеевич в звании старшего сержанта. После

войны он получил еще одну медаль «За победу над Германией». К сожалению, в нашей семье сохранились только послевоенные награды.

Когда я смотрю на наградные листы, меня переполняет чувство гордости. Я точно знаю, что мой прадедушка Василий Федосеевич Зелинский был очень мужественным человеком, настоящим героем!

Совсем недавно в нашей семье взрослые горячо обсуждали увиденный по телевидению сюжет о подвиге 28 панфиловцев. В нем журналисты пытались рассказать «правду» о панфиловцах, о том, что подвига не было. Я имею полное право с ними не согласиться: в нашей семье живет память о прадеде — защитнике Москвы; он — отец моего дедушки, который бережно хранит воспоминания фронтовика, знает о войне не по фильмам, а из уст родного человека. Усомниться в достоверности этой информации невозможно.

После войны семья прадеда переехала в Киргизию, в село Аламедин, где Василий Федосеевич еще много лет проработал в совхозе. Он был бригадиром дойного гурта, конюхом, работал с племенными быками. За доблестный и добросовестный труд награжден орденом Ленина. Прабабушка не работала, занималась домашним хозяйством, потому что в послевоенные годы родила еще семерых детей, среди которых был и мой дедушка. Анна Яковлевна награждена орденом «Мать-героиня».

Память очень важна для человека. Память о великих победах, о мужестве и стойкости. Нужно помнить обо всех, кто своим трудом, жизнью и смертью сохранил для нас нашу землю, ведь «если мы войну забудем, вновь придет война» (Р. Рождественский).

Литература

1. Сайт «Подвиг народа».— URL: http://podvignaroda.ru/

ПРИМЕР ПОТОМКАМ

***Потапова Дарья Сергеевна**, 14 лет,*
ученица 9 «Б» класса МКОУ «Бородинская СОШ» МО Киреевский район;
*учитель — **Баринова Светлана Викторовна,***
п. Бородинский Киреевского района Тульской области;

Совсем недавно, около года назад, не стало старейшины нашего рода, моей прабабушки по папиной линии, Пронской Ксении Андреевны. Прожив 91 год, бабушка, на мой взгляд, очень многого добилась. Она была мамой двух детей, бабушкой шести внуков, прабабушкой шести правнуков и прапрабабушкой одной праправнучки, месяца не дожив до рожде-

Ксения (справа)

ния второй. Баба Ксеня в нашей семье была тем человеком, вокруг которого «крутилась» жизнь. Сердечность — главное качество ее характера. Бабушке нравилось доставлять окружающим удовольствие. По воскресеньям она радовала всю семью пирожками с повидлом и рисом, а мы, ее правнуки и внуки, любили слушать рассказы бабули о ее непростой судьбе. За чаем эти истории казались веселыми, легкими, наверное, потому что бабушка была оптимисткой. С малых лет я почувствовала, что в нашей семье бабушку не просто уважают и любят — ею гордятся. И я знаю, за что.

Ксения Андреевна Пронская родилась 2 февраля 1925 года в деревне Репринке Фатежского района Курской области. Семья была большая, крестьянская. Приходилось много времени заниматься домашним хозяйством: ухаживать за скотиной, работать на огороде и в поле. Дети трудились наравне с родителями. Старшие помогали младшим. По праздникам ходили в гости к родственникам. Любили петь песни, сочинять веселые истории. Жили бедно: сапог не было, летом ходили в лаптях. Однако бабушка не помнила, чтобы родители жаловались на свою судьбу. Они всегда говорили: «Все живы-здоровы, вот и слава Богу!» Наверное, оттуда и у Ксении оптимизм. Несмотря на нищету, все дети ходили в школу. Бабушка хорошо владела грамотой и закончила семь классов, что для того времени считалось большой редкостью.

После школы работала в колхозе, вместе со своими родственниками выращивала хлеб. Ксения была очень трудолюбива, это качество воспитали в ней ее родители, считая, что каждый человек должен стараться на благо Родины и своей семьи. Эту черту характера бабушка привила своим детям и внукам. В нашем роду нет лентяев: взрослые работают, дети учатся. Пенсионеры никогда не сидят без дела: занимаются воспитанием внуков, выращиванием овощей.

Лето 1941 года стало переломным в судьбе Ксении: началась Великая Отечественная война. Первый налет вражеской авиации на Курск случился 29 августа 1941 года. Бабушка вспоминала ощущения ужаса, который сменился негодованием: как же можно бомбить мирное население, почему нет пощады детям, старикам? Потом состоялось несколько крупных сражений. А с 3 ноября 1941 года началась оккупация города, которая продлилась до 8 февраля 1943 года. За это время в Курской области было замучено и расстреляно более 10 тысяч человек, а 30 тысяч

человек, в основном молодых девушек и парней, было угнано в неволю, в их числе и моя прабабушка.

Страшный удар обрушился на семнадцатилетнюю Ксению в июне 1942 года, когда ее вместе с односельчанами поймали в поле во время прополки пшеницы и под дулами автоматов загнали в амбар. А дальше — изнурительный путь: пешком в Курск, потом по железной дороге в Германию. Прабабушка вспоминала, что в вагоне, забитом так, что лежать было негде — можно было только сидеть, поджав ноги, она чувствовала себя рабыней, униженной, измученной. Утешала только мысль о том, что нет ни кандалов, ни колодок.

В Германии девушку отправили в город Виссон на фабрику, названия которой бабушка не запомнила. Может, память услужливо удалила некоторые неприятные моменты. Цех, где Ксения занималась расслаиванием железа, находился под землей. Работа была очень тяжелой. Надсмотрщики к людям относились хуже, чем к скоту. За малейшую провинность били руками, ногами, палками — чем хотели. Постоянные раны, боль, кровь, неизвестность не давали спать по ночам. Выходных не было, больничных тоже. Даже с высокой температурой приходилось работать, иначе — смерть. Но не это было самым трудным для бабушки, тяжелого труда она никогда не боялась. Невыносимо было жить без солнечного света, без родных просторов. Жили пленные там же, где и работали, под землей. Кормили их очень плохо. Выживали, как могли. Помогало чувство товарищества. Некоторых рабочих иногда отправляли на сельскохозяйственные работы. Эти «счастливцы» старались украсть что-нибудь съестное с поля. Добычу прятали в чулки, а потом ночью ею делись со всеми. Настоящей удачей считалась уборка картофеля. Его умудрялись варить. Если во время приготовления этого скромного блюда пленников замечали, то наказание было жестоким. За любое неповиновение ужасно мучали и расстреливали на глазах у всех. На вопрос: «Что помогло выжить?» — баба Ксюша отвечала: «Надежда. Безысходности не было. Я всегда верила, что добро обязательно победит зло. Победа будет за нами».

Когда русские вошли в Германию, то пленных смогли освободить. В апреле 1945 года, за месяц до победы, бабушка была отпущена домой. Как ждала она возвращения на Родину! Как надеялась на счастливую спокойную жизнь! Оказалось, напрасно. С удивлением я узнала, что к угнанным во время войны в Германию относились с подозрением, их недолюбливали, не брали на высокооплачиваемую работу, без причин увольняли. Мне не понятны причины такого недоверия к людям, которые попали в плен не по своей воле. Почти три года бабушка не жила, а выживала, сумела не сломаться, не превратиться в животное, думающее только о пропитании. Победы дождалась, а ее рабское положение не изменилось!

Молодая Ксения так не думала. Ей, конечно же, было обидно, однако мысль о том, что страна все еще в опасности, помогла справиться с пси-

хологической травмой. Девушка понимала, что война у Советского Союза отняла миллионы человеческих жизней, города, села, изуродовала землю, разрушила инфраструктуру. Поэтому не стоит обижаться на недоверие по отношению к военнопленным. Вместо этого нужно трудиться на благо страны — восстанавливать ее могущество. Бабушка отправилась на Север в надежде на то, что сможет заработать там денег на жизнь и вернуть себе честное имя. Первое время девушка работала грузчицей, потом получила водительское удостоверение и стала шофером. Это стало началом восстанавливающегося к ней доверия. Колеся по Северу за рулем грузовика, Ксения часто задумывалась о родных местах, вспоминала природу, знакомых. Поэтому через год она переехала в Тульскую область, где и встретила своего будущего мужа, моего прадеда Эмиля.

Дисс Эмиль Александрович родился в 1910 году в селе Михайловском Правобережного района Автономной советской социалистической республики немцев Поволжья. Когда началась Великая Отечественная война, юноша, как все советские люди, хотел встать на защиту Родины с оружием в руках. Однако на призывном пункте ему отказали в мобилизации. В сентябре 1941 года Эмиль был выселен в Акмолинскую область (Казахстан). Это было несправедливо! Мой прадед не был немецким шпионом. Удивительно, что его в этой ситуации задел не сам факт переселения, а отказ в воинском призыве. Прадед просился на фронт, а оказался в трудовой армии. Всю войну тяжело работал: с января по ноябрь 1942 года — в Павлодарской и Акмолинской областях, а с ноября 1942 года по ноябрь 1945 года — на шахте в Тульской области. Только спустя годы дедушка понял, что сама судьба толкала на встречу с главной женщиной в его жизни — с Ксенией.

Первое время после знакомства прабабушка и прадедушка жили в поселке Приупском Киреевского района Тульской области, где Эмиль Александрович продолжал работать в шахте, а Ксения Андреевна занималась воспитанием маленьких детей. Их родилось двое: старшая Ольга (моя бабушка) и младший Виктор. Прабабушка разводила домашнюю птицу и работала на огороде, выращивая продукты для пропитания. Помогала соседям. Когда дети подросли, она стала работать грузчицей на Васильевском заводе по производству железобетонных изделий. Когда мы, внуки, спрашивали ее: «Почему ты выбрала такую профессию, ведь могла работать шофером?» — бабушка неизменно отвечала: «Каждый труд достоин уважения. Заводу требовались грузчики, да и работала я грузчиком всего три года, а потом до пенсии — крановщиком». Было ли сложно? Думаю, да. Только бабушка о трудностях не вспоминала. Часто повторяла: «Главное, нет войны, есть семья и работа». Всю жизнь мои прабабушка и прадедушка не тянули лямку, как может показаться, — они строили наше будущее. Для меня это пример мирного героизма: выполнять тяжелую работу всю жизнь, не ища послаблений.

Получив жилье, семья переехала в наш поселок Бородинский. Я думаю, что прабабушка и прадедушка вырастили хороших детей. Несмотря на трудности послевоенного времени, они старались воспитать в них положительные качества. Дочь стала педагогом, всю жизнь проработала учителем начальных классов, прививала детям любовь к Родине. Сын работал на заводе «Тулачермет». К этому времени прабабушка вышла на пенсию. Однако никогда не ленилась, трудилась не покладая рук на даче, воспитывала внуков и правнуков. И внушала нам мысль о том, что труд — основа жизни. Труд помог выжить в войну, помог не сломаться и после войны. Никто из внуков и правнуков бабы Ксении не осквернил ее памяти ленью.

Я считаю, что каждого, кто защищал нашу Родину во время Великой Отечественной войны, кто жил и трудился, восстанавливая из руин города и села, можно назвать настоящим героем. Мы должны помнить наших героев и гордиться ими.

ГЕРОИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ МОЕЙ СЕМЬИ

Серегина Вера Борисовна, *14 лет,*
ученица 8 класса «Д» МБОУ «ЦО № 34
им. Героя Советского Союза Н.Д. Захарова»
(учебный корпус 2);
учитель — ***Матвеенцева Елена Анатольевна,***
г. Тула

На этой фотографии моим бабушке и дедушке столько лет, сколько сейчас моей старшей сестре, а сейчас им 75 лет. Мы не часто собираемся за общим столом на праздник, но когда это случается, мне обязательно рассказывают о прабабушках, прадедушках, серьезных и смешных эпизодах жизни семьи. Наиболее значимые события я могу представить.

Прекрасная семья

Мой прадедушка Иванов Николай Иванович (на фотографии в левом нижнем углу) жил в Москве, и у него было еще семь братьев. Все

они добровольцами ушли на фронт. Братья погибли при обороне Москвы, а прадедушка прослужил до 1943 года, а затем по приказу И.В. Сталина был отозван и направлен как специалист высшей категории на восстановление народного хозяйства Украины. Он был очень хорошим краснодеревщиком, модельщиком — вырезал и вытачивал из дерева модели, по которым затем отливали детали из металла для различных машин и механизмов. Всю дальнейшую жизнь он проработал на Черкасском машиностроительном заводе имени Петровского. Был награжден медалью «За трудовую доблесть во время Великой Отечественной войны».

В семье Ивановых было три сына, средний из них — мой дедушка Иванов Борис Николаевич. Когда началась война, ему было четыре года. Самым ярким воспоминанием о войне для него осталась воздушная тревога. Он рассказывал, как под вой сирены они с мамой спускались в метро, и там всех детей, чтобы они не замерзали, заворачивали в оберточную бумагу — она специально стояла в подземке в огромных рулонах. Сейчас это самая красивая станция Московского метрополитена «Новослободская», потому что вся в разноцветных витражах.

В школу дедушка пошел на Украине и, как все ровесники-мальчишки, мечтал об армии, об авиации. В 1955 году он учился в одной группе с Юрием Гагариным в Саратовском аэроклубе. А в 1959 окончил Челябинское высшее военное авиационное Краснознаменное училище штурманов. Но затем был направлен на артиллерийские инженерные курсы в связи с тем, что Советская Армия перевооружалась и требовались специалисты-ракетчики. Дедушка в 1965 году закончил Пензенское высшее артиллерийско-инженерное училище и был направлен в Тулу, где служил военпредом на заводах, производящих оружие. Он — дважды лауреат Мосинской премии, имеет двенадцать медалей за службу и орден «Знак Почета». Закончил службу в 1988 году подполковником, начальником военного представительства.

Волей судьбы в Туле оказался один из его двоюродных братьев Ашмарин Николай Александрович. Как многие советские люди, он в первые же дни войны добровольцем ушел на фронт. Сначала он строил оборонительные сооружения под Москвой, а затем и защищал Москву, там же получил первое ранение, был награжден медалью «За оборону Москвы». После выздоровления был направлен под Ленинград, где ему пришлось возить хлеб через Ладожское озеро. Во время блокады эту дорогу называли Дорогой жизни. Время было страшное: голод, мороз, бомбежки. По льду, в ночи, под обстрелом, когда в любой момент машина могла пойти ко дну, немногим водителям удалось избежать погружения в ледяную воду, потери хлеба, который дороже золота, гибели. После ранения и контузии лечился в Тульском госпитале, был комиссован и Победу встретил в восстанавливающейся Туле, где и остался. Здесь он работал и жил. Умер Николай Александрович в 1978 году.

Дедушкины старший и младший братья живут в Украине, в Черкассах. У них большие семьи: дети, внуки, правнуки. Там же живут и бабушкины родственники.

В Черкассы во время войны приехала с мамой и сестрой моя будущая бабушка Галина Анатольевна Родионова, тогда еще девочка. Она родилась в Кустанайской области, на станции Кушмурун. Они с дедушкой учились в одном классе. После окончания школы по комсомольской путевке с июля по ноябрь 1958 года Галина трудилась на целине, собирала хлеб на копнителе.

После замужества, когда стала Ивановой, отправилась с дедушкой в Пензу. Там окончила Пензенский политехнический институт. Приехав с дедушкой в Тулу, начала работать инженером-конструктором в отделе станкостроения на тульском машиностроительном заводе имени В. М. Рябикова. Бабушка — ветеран труда. А еще она, окончив курсы, десять лет работала внештатным экскурсоводом: знакомила гостей города с историей Тульского края, а туляков — с Москвой.

В 2009 году у бабушки с дедушкой была настоящая свадьба — с росписью в ЗАГСе, с кольцами, поздравлением главы Советского района, рестораном и фейерверком — золотая. Ведь когда они были молоды, событие это было отмечено очень скромно: на велосипеде в ЗАГС, на поезд — и в Пензу, на место службы мужа. Они вырастили двух дочерей: мою маму — теперь она кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой в Тульском государственном педагогическом университете им. Л. Н. Толстого, и мою тетю — сейчас она подполковник юстиции в отставке. У них три внучки и один внук, я из них самая младшая, и стараюсь запоминать все, что рассказывают мне старшие о семье.

В прошлом году 9 мая мы с мамой приняли участие в шествии «Бессмертного полка». Мы подготовили штендеры с фотографиями Иванова Н. И., Ашмарина Н. А. и Родионова А. А.— отца моей бабушки, который тоже был на фронте. Последние весточки от него были из-под Смоленска, вероятно, там он погиб. И у нас даже брал интервью корреспондент тульского радио.

По папиной линии у меня есть бабушка Серегина Галина Сергеевна и был дедушка Серегин Виктор Михайлович. Бабушка рассказывала, что о войне помнит только ужас грохота стрельбы и бомбежки. Их семья жила в Туле, на улице Гоголевской. Ей было три года, когда в 1941 году враг был близко от Тулы. Она помнит только, как куда-то бежали и где-то прятались, и самое главное, всегда хотелось есть. После войны, окончив школу, бабушка начала работать на заводе «Красный Октябрь». И проработала на нем 40 лет, была токарем и резчицей металлического шланга, награждена медалью «Ветеран труда», имеет почетное звание «Заслуженный ветеран труда объединения «Туласантехника». Моя прабабушка Феоктистова Евдокия Алексеевна работала на Тульском оружейном заводе контролером и кладовщицей. Она воспитала пятерых детей, а моя бабушка была самой старшей из них. Ее муж Серегин В. М. после окончания

школы всю жизнь работал сапожником в Тульском артиллерийском училище. Его отец — мой прадедушка — добровольцем ушел на фронт. Известно только, что осенью 41-го их эшелон разбомбили под Орлом.

Наверное, это все, что я могу сейчас сообщить о старших поколениях нашей семьи. Мне очень хочется съездить в Украину, ведь там живут мои два двоюродных дедушки и бабушка, три двоюродных тети (дочки дедушек и бабушек) с мужьями, три двоюродных дяди (сыновья дедушек и бабушек) с женами, четыре троюродных брата, две троюродные сестры, три троюродных племянника. Есть у нас родственники и в Москве.

Большая все-таки у нас семья — всех за одним столом и не собрать. Я думаю, что главное даже и не во встречах. Важно помнить старших, тех, кто отдал свои силы и жизнь, чтобы мы могли счастливо жить в своей стране. Важно радовать успехами близких, помогать старшим, быть достойной сменой и беречь мир.

ВОЗВРАЩАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

***Соколова Маргарита Сергеевна**, 15 лет,*
ученица 10 класса МБОУ «СОШ № 5»;
*учитель — **Машкова Ольга Викторовна**,*
г. Донской Тульской области

Прошла война, прошла страда.
Но боль взывает к людям:
Давайте, люди, никогда
Об этом не забудем!
Затем, чтоб этого забыть
Не смели поколенья.
Затем, чтоб нам счастливей быть,
А счастье не в забвенье!

А. Твардовский

Человек создан, чтобы любить, творить, быть счастливым, — значит, человечество существует для того, чтобы жить в мире. Различные народы в своем историческом развитии не раз убеждались в этом, проходя через испепеляющий огонь, грохот орудий, скрежет металла, разрушения, унижения, боль, голод, грязь, ненависть, горе и смерть. И все это несет одно зловещее слово — «война». Поэтому на различных языках самым лучшим приветствием было, есть и будет «мир вам».

Великая Отечественная война, напрямую связанная с нашими прадедушками и прабабушками, должна быть вечно в памяти потомков, чье право на жизнь и счастье досталось такой дорогой ценой. Ведь нет в стране семьи, которая не прошла через испытания войны. У одних родные воевали на фронте, у других работали в тылу. Все вместе приближали общую победу.

Читая и слушая рассказы о войне, я часто думаю о своем прадеде, которого я никогда не видела, но память о нем жива в нашей семье. Эрнст Теодорович Бюллер родился 18 августа 1920 года в селе Гофенталь Молочанского района Днепропетровской области. Начало Великой Отечественной войны все российские немцы восприняли как общенациональную трагедию. Еще в годы Первой мировой войны они служили в царской армии. В 1941 году они были готовы воевать в рядах Красной Армии. Прадед в первые дни войны подал заявление с просьбой направить его добровольцем на фронт. Но 28 августа 1941 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР, в котором говорилось о наличии шпионов и диверсантов среди немецкого населения; оно обвинялось в сокрытии врагов Советской власти и советского народа. Во избежание нежелательных последствий признавалось необходимым переселить все немецкое население в другие районы.

Российские немцы испытали на себе всю мощь административно-карательной машины государства, подвергшись небывалым по своей масштабности репрессиям, выразившимся в массовой депортации, принудительной работе на спецпоселении в так называемой «трудовой армии». Мама говорит, что мой прадед очень мало рассказывал о тех временах, но кое-что можно выделить из этих скудных воспоминаний.

К ним домой пришел представитель власти и сказал, чтобы через 24 часа быть на вокзале у поезда. Взяли кое-что из одежды и еды. Перевозили всех в телячьем вагоне без скамеек. Женщины, старики, дети, молодые сидели на полу. Никуда не выпускали, вагон был закрыт засовом, на остановках около каждого стоял часовой с автоматом. Состояние этих бесправных людей точно описано в стихотворении Нины Замориной:

Поле да лес.
Сыплет с небес.
Холодно.
Вновь перегон.
Пятый вагон.
Голодно.
Поезд идет.
Курс на восток.
Нет еды.
Может, умру
Нынче к утру

Без воды.
Щели с ладонь.
Лоб как огонь.
Выживи!
Руку мне дай.
Не покидай.
Тише, вы!
Через семь дней
Бедных людей
Выгрузят.
Редкий герой
Ужас такой
Вынесет.
Стон над страной.
Слезы и вой.
Правда ли?
Люди, как в сон,
В бездну времен
Падали.

В начале 1942 года выходит постановление СНК СССР «О мероприятиях по восстановлению угольных шахт Подмосковного бассейна» после фашистской оккупации. В городе Сталиногорск (Новомосковск) организовываются проверочно-фильтрационный лагерь № 283 и лагерь военнопленных № 388. Многочисленные отделения этих лагерей располагались на местных шахтах. Это стало очередным и последним этапом в депортации моего прадеда. Немцев заставили работать, запретили куда-либо выезжать. Их считали просто рабочей силой, которая обязана трудиться, ничего не спрашивая и ничего не требуя. Условия были ужасные. Умирали тысячами. Не было кладбища — не предусмотрено оно для спецконтингента. Трупы зарывали в шахте, в терриконах. В бараке шахтеры вынуждены были спать на голых койках или стелить свои пальто на полу. В столовой шахты не соблюдались правила санитарии. Не хватало ложек. Пообедает один шахтер, его ложку, не помыв, не вытерев, тут же передавали другому. Да и скудные похлебки вряд ли можно было назвать едой.

Но, несмотря ни на что, даже в войну, даже «без вины виноватые» люди жили, чувствовали, любили, и это тоже было залогом будущего мира! Когда война закончилась, лагеря расформировали. Из выживших «трудармейцев» часть вернулась домой. Многие из спецконтингента прижились, обзавелись семьями. Мой прадед принял решение остаться на тульской земле. Место ссылки стало для него вторым домом. Здесь он женился, родилось трое детей, внуки. Отношения между людьми в шахтерских поселках были очень интернациональные, и никто никому старых грехов никогда не вспоминал. Искупили люди грехи человеческие нечеловеческим трудом...

Судьба немецкого спецпоселенца, моего прадеда Эрнста Теодоровича Бюллера — наглядный пример того, что в любых условиях человек может и должен оставаться Человеком. «Жить надо на той земле, где можешь принести пользу», — так говорил прадед своим детям и внукам, и он, репрессированный по «национальному признаку», оказавшийся волею судеб за тысячи километров от исторической родины, приносил пользу той земле, на которой жил, и это завещал своим потомкам...

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

***Сорокина Полина Андреевна**, 11 лет*
ученица 5 класса МКОУ «СОШ № 1»;
*учитель — **Кирилина Валентина Петровна**,*
г. Кимовск Тульской области

Мой прадед Орехов Иван Васильевич родился 15 сентября 1930 года в маленькой деревушке Мало-Константиновке Вишневского сельсовета Староюрьевского района Тамбовской области. В семье, где воспитывалось четверо детей, Иван был вторым сыном. Трудиться он начал еще до войны, с десяти лет. Подростком дедушка работал на тракторе во время посевного и уборочного периодов.

Когда началась война, ему было одиннадцать лет. На фронт ушли его отец Орехов Василий Михайлович и его старший брат Орехов Николай Васильевич.

Ушло и детство. Некогда было играть, учиться. Нужно было помогать матери Ореховой Пелагее Ивановне в трудной колхозной работе. Мой прадедушка практически во всем заменил отца сестре Маше и брату Владимиру, которые были моложе его. Тяжелой ношей легли на детские плечи заботы трудового фронта. Дети помогали выращивать хлеб, подсолнечник, собирали урожай, пасли колхозный скот.

Линия фронта проходила недалеко от их деревеньки, всего в 15 километрах. Очень часто приходилось прятаться в подвалах, так как стреляли и бомбили вражеские самолеты. Но, несмотря на страх, во время затишья все выходили на работу. Жена прапрадедушки оставляла грудного сына Володю с больной свекровью, а сама уходила оказывать помощь раненым.

Все испытывали страх при виде почтальона, так как после его прихода по деревне часами раздавался плач и стон, который остался в сердцах детей на всю жизнь. Горе не обошло ни один дом в этой деревне. Отец моего прадедушки, Василий Михайлович, пропал без вести во время войны, а старший брат Николай вернулся с фронта только в 1947 году.

После окончания Великой Отечественной войны мой прадедушка Иван Васильевич помогал взрослым восстанавливать разрушенное фашистами хозяйство. Когда ему исполнилось восемнадцать лет, его призвали в армию. Служил он в Москве, пел в военном хоре. В Москве он познакомился с моей прабабушкой. Позже они принимали участие в строительстве знаменитого Московского государственного университета.

В 1955 году они переехали жить в город Кимовск Тульской области. Работал прадедушка в строительных организациях СУ-5, СУ-8, затем — на КРЭМЗе (Кимовский радиоэлектромеханический завод), который он и строил. Я горжусь тем, что мои родственники принимали участие в строительстве городов Тульской области, в том числе и Кимовска. Мой прадедушка был очень добрым и хорошим мужем и отцом. Они с прабабушкой воспитали четверых детей — сына и трех дочерей. Одна их них — моя бабушка. Все они выросли хорошими людьми.

Иван Васильевич умер 26 октября 2013 года. Я очень горжусь тем, что в моей семье был такой замечательный человек. Всегда буду помнить о нем и гордиться, что являюсь его потомком.

ЧЕЛОВЕК И ВОЙНА

Фонарев Денис Сергеевич, *11 лет,*
ученик 6 класса МБОУ «ЦО № 51»;
учитель — ***Расулова Ольга Николаевна,***
городской округ Тулы, село Алешня

На долю поколения моего прадедушки, Аникеева Алексея Афанасьевича, выпало немало тяжких испытаний. Но жизнь не сломила его. До конца своих дней он был стойким и сильным, мужественно переносил все невзгоды. В последние годы жизни он сильно болел. Сказывались последствия ранения в годы войны. Перенес два инфаркта. Ночами, когда забывался в коротком сне, он стонал. Проснувшись же, шутил и улыбался, как будто ничего и не было.

Прадедушка Алеша был выше среднего роста, крепкого телосложения, худощавый, рыжеволосый, с добрыми голубыми глазами. Его очень любили дети. С любым он мог найти общий язык, самые крикливые успокаивались, когда он брал их на руки и начинал о чем-то разговаривать. Дедушка трудился всю жизнь, хотя так и не накопил никаких богатств. Любил работать в саду и на огороде, искренне восхищался родной природой. Мог любоваться прилетевшей из леса птахой, красивым закатом, необычным цветком.

В свободное время, вечерами, пел под гитару. Любимыми у него были народные песни, песни времен гражданской и Отечественной войны. По ночам подолгу засиживался за книгой или газетой. После него остались тетради с его собственными стихами, где он в шутливой форме писал о родных и близких, о соседях и событиях своей жизни.

Я не знал своего прадедушку Алешу, но много слышал о нем от бабушки и мамы, поэтому рад возможности написать о нем.

Родился Алексей Афанасьевич 16 мая 1925 года в деревне Городенки, Тульской области. В семье Аникеевых, Афанасия Ивановича и Марфы Никифоровны, было семеро ребятишек: Александр, Мария, Алексей, Надежда, Борис, Николай, Раиса. Нужда была постоянным спутником. Но были семьи еще беднее. Таким, как могли, помогали всем миром. Отец, Афанасий Иванович, не надеясь на доходы от труда, зимой промышлял извозом в Туле, лучше всех в округе мог справить конское снаряжение. В годы Первой мировой войны работал на Тульском оружейном заводе. В колхоз отец пошел не сразу, но, приняв новую жизнь, сил в работе не жалел. Дети, подрастая, втягивались в тяжелую крестьянскую жизнь, помогая родителям по хозяйству и в поле.

В свободное время ребятня собиралась на «выгонке», где прежде выжигали уголь. Играли в мяч, особенно любили лапту.

Учиться Алексей начал в Дягилевской начальной школе. По окончании четырех классов Алексей продолжил обучение в Алешинской средней школе, где училась моя мама, а теперь учусь я. Начавшаяся война нарушила все планы. Алексей вспоминает, что день 22 июня 1941 года был мрачный, туманный, марево закрывало землю. А потом приехал нарочный и привез страшную весть о нападении фашистской Германии.

Через некоторое время пришли повестки. Первыми их получили Абашкин Иван Васильевич, Аникеев Андрей Иванович (дядя Алексея), Шатский Максим Игнатович. Чуть позже — Пименов Иван Михайлович (его брат Петр Михайлович погиб на финском фронте), Сорокин Иван Яковлевич, Сорокин Павел Петрович, Сорокин Павел Андреевич, Степанов Григорий Михайлович. На призывной пункт с мужиками отправились и пацаны. Они должны были отогнать назад лошадей. Запомнился не совсем серьезный эпизод. М. И. Шахский имел кожаную фуражку и для пущего блеска натер ее ваксой. Шел дождь, и черные ручьи текли по его лицу и шее.

Чуть позже дядя Андрей написал письмо из Тесницких лагерей. Просил приехать. Отправились Алексей и жена Полина Ивановна. Встреча была радостной и последней. Андрей Иванович пропал без вести где-то под Ленинградом. Кирилин, житель деревни Борщевка, помкомвзвода во время войны, сражавшийся в тех местах, рассказывал, что связисты «ловили» сообщение Андрея Ивановича, переданное в момент немецкого окружения, но помочь ничем не смогли.

Алексей же вместе с женщинами и такими же подростками, как он сам, трудился на строительстве аэродрома в деревне Рыдомо, рыл окопы и противотанковые рвы в Слободе, Воскресенском.

В октябре в Городенки нагрянули фашисты. На квартире у Аникеевых стояли два немца: сапожник и портной. Мать кормила их похлебкой, картошкой. Они благодарили, кур, как другие оккупанты в деревне, не трогали. Иногда из своего пайка давали консервы.

Однажды в дом ворвался разъяренный унтер-офицер. Угрожая направленным в грудь автоматом, приказал отцу собираться, провести немцев-разведчиков к линии фронта. Отца из-за язвы желудка на фронт не взяли, но и помогать фашистам не очень-то хотелось. Неизвестно, чем бы все это кончилось, но стоявшие на квартире немцы стали спорить с унтер-офицером. Он сердито рявкнул и, хлопнув дверью, вышел. Возможно, немцы боялись мщения, и семью, где квартировали, трогать не стали. Проводником взяли другого человека. У села Волково немецкая разведка наткнулась на наших то ли партизан, то ли разведчиков. Все были перебиты. Не вернулся и проводник.

Алексея призвали на фронт в январе 1943 года в возрасте семнадцати с половиной лет. На каких-то несколько дней разминулся он со старшим братом Александром. Работая фрезеровщиком на ТОЗе, Александр посещал клуб ДОСААФ, а затем изучал в Таганроге и Краснодаре летное дело. Стал летчиком-штурмовиком. Брат заехал домой на несколько часов по пути в Москву за новым, третьим с начала войны самолетом. Два первых пришли в негодность после участия в воздушных боях. Родные помнили рассказы Александра о боях подо Ржевом. ИД-2, «черная смерть», на котором воевал Александр в составе Воронежского фронта, был сбит огнем зенитной артиллерии противника за линией фронта. Ему было всего 24 года.

Алексей же, воюя под Смоленском и наблюдая за воздушными сражениями наших штурмовиков, часто думал, что, может, это брат бьет врага. Родные долго не решались написать о трагедии. Наконец, старшая сестра Мария осторожно сообщила, что Александр пропал без вести, но, может быть, еще свершится чудо, и он опять вернется, ведь подбивали уже его дважды и ничего... Алексей смог только ответить домой, что за брата отомстит.

Многое пришлось пережить. Во время нахождения в учебных лагерях пришлось совершить 100-километровый переход в Горьковскую область. Зима, сильные морозы. Накануне угораздило промочить обувь. В мокрых валенках ноги сначала чувствительно мерзли, а затем Алексей перестал их чувствовать. Когда прибыли на место на станцию Новашино, то встать уже не смог — ноги были обморожены. Пальцы начали чернеть. Два пришлось частично ампутировать.

После госпиталя участвовал в наступлении под Смоленском в августе 1943 года, между Ельней и Дорогобужем. Немцы уже не были хозяева-

ми положения. Запомнился эпизод авианалета. Самолеты пикировали на расположение наших войск, сбрасывали бомбы. Шум и грохот стоял невообразимый. Одна бомба упала совсем рядом и... не взорвалась. Подошли поближе, оказалось, что она ложная, без взрывателя.

Атака на немецкие позиции началась с мощной артподготовки. Затем в бой пошла наша пехота. Взяли первую, вторую линию укреплений противника, но после этого у бойцов оставались считаные патроны. Атаку пришлось прекратить и закрепиться. Гитлеровцы же, слыша, что стрельба прекратилась, пошли в контратаку. Гремели орудия, снова пошли танки. И тогда командир, поднявшись из окопа, громко воскликнул: «За Родину, за Сталина!» Бойцы, подхватив клич, начали новую атаку. Немцы, не ожидавшие такого напора, бросали оружие и бежали. А наши войска овладели еще одной линией укреплений.

В этом бою Алексей был ранен осколком гранаты в переносицу. Около двух месяцев пришлось провести в Гжатском госпитале для легкораненых, находившемся в землянках, еще недавно немецких.

Получив после обучения звание младшего сержанта, Аникеев на передовую попал как раз к началу операции по освобождению Белоруссии, под Витебск. Вновь прибывших распределили по ротам. Алексей вместе с другими минометчиками был направлен в стрелковый полк. 28 марта 1944 г. он был ранен в последний раз. А произошло это так. Наши войска начали атаку. Немцы открыли ураганный огонь. Бойцы залегли. Продолжать наступление означало верную гибель. Комбат решил отозвать бойцов. Идти вызвался Алексей.

Сначала пополз. Изрытая воронками оттаивающая земля уползала из-под рук, местами попадал в водянистый снег. Устав, решил передвигаться короткими перебежками. Только поднялся в очередной раз, как немецкий автоматчик дал очередь. Пули раздробили коленку и голень правой ноги, одна слегка задела левую ногу. Упал. Ползти дальше сил не было. Полежав некоторое время, повернулся на спину и, отталкиваясь левой ногой и локтями, начал продвигаться к своим. Недалеко от окопов силы покинули совсем. Один из бойцов уговаривал: «Ну, браток, ну еще немножко». Потом, рискуя жизнью, пришел на помощь. Кто был этот боец — Алексей не знает. Вечером приехали санитары. Снова госпитали: в Смоленске, Алма-Ате. Правую ногу чуть было не потерял совсем.

День Победы встретил в Семипалатинске. Сразу выехал домой. За военные заслуги Алексей Афанасьевич Аникеев награжден орденом Славы Ш степени, орденом Отечественной войны I степени, медалями.

После войны была тяжелая и сложная жизнь. Работал счетоводом в колхозе, завхозом в больнице, пока не нашел свое призвание, став учителем труда. С ребятами занимался выпиливанием и выжиганием по дереву, изучали трактор, изготавливали действующие модели ракет, самолетов, за что завоевывали награды на районных конкурсах.

Моему дедушке повезло. Весь израненный, но живой, он вернулся с войны к родным и близким людям. Всю последующую жизнь ему пришлось жить со страшными воспоминаниями своей юности, превозмогая мучительные боли, последствия ранений. Но никто не слышал его жалоб.

Как ребенок, радовался он поздравлениям с Днем Победы. Очень хотелось ему дожить до 55-летия Победы. Но не смог. Сердце не выдержало. Уже после смерти среди его бумаг родные нашли вот такое стихотворение Льва Тарана:

Ненасытное чрево земли,
Поглощаешь ты нас, поглощаешь
В эти стебли и в эти стволы
Превращаешь.
Вот иду я, обычный чудак,
Тихим утренним солнечным лесом.
На деревья гляжу с интересом,
Удивляюсь: ну как это так? –
Из суглинка,из ржавой воды
Каждодневно — не раз в столетье!
Тянут яркие краски соцветья,
Тянут сладкие соки плоды.
Хриплый клекот в горле ручья.
Лес рядами теней исчерчен,
Неужели все это исчезнет?
Или только исчезну я?
Горько кружится голова,
Ничего не случится со мною,
Просто вдруг над моей головою
Будет вместо волос — трава...

Мне не пришлось обнять своего прадеда, поговорить с ним, заглянуть в его добрые глаза. Но так хочется сказать: «Я люблю тебя!»

Глава 11. ОНИ ПОБЕДИЛИ ФАШИЗМ И РАЗРУХУ

ТАКИМ БЫЛ МОЙ ПРАДЕД

***Бахтина Инна Сергеевна**, 14 лет,*
ученица 8 «А» класса МБОУ Гимназия;
*учитель — **Головина Ольга Александровна,***
г. Ливны Орловской области

Я хочу рассказать о человеке, которого никогда не видела: он умер за два года до моего рождения. Это мой прадед Суровцев Иван Сергеевич, 1923 года рождения, уроженец деревни Павловка Измалковского района Липецкой области. О нем я узнала от бабушки, дочери прадеда, которая сейчас живет в деревне Успенье Краснозоренского района Орловской области. Там похоронен и прадед.

Фронтовые друзья

Пишу эти строки и вспоминаю, как впервые она рассказала мне о своем отце. Я любила наводить порядок в бабушкином шкафчике, где хранились ее украшения, какие-то документы. И однажды увидела в одном из ящиков большой конверт, в котором лежали пожелтевшие фотографии, письма... И коробочка с медалями.

Как мне объяснила тогда бабушка, молодой парень на фотографии — это ее отец, мой прадедушка Ваня. Письма и медали — драгоценная семейная реликвия, которая, по словам бабушки, потом перейдет моему папе. Я попросила бабушку рассказать о своем отце.

Чуть выше среднего роста, с большими серыми глазами. До войны работал в колхозе на тракторе. Когда началась война, девятнадцатилетним парнем ушел на фронт. Полгода находился в учебке. В действующей армии с 1942 года. Воевал в роте химической защиты. Мама прадедушки редко получала письма от него. Со страхом ждала почтальона: почти в каждый дом приходили похоронки. Война набирала разбег.

Принимал участие в выполнении боевых заданий в общевойсковой разведке дивизии. Участвовал в постановке дымовой завесы на реке Одер, где при опасности, угрожающей жизни, не прекращал выполнять боевое задание. Также принимал участие в боях против немецких захватчиков, где уничтожил из автомата четырех немецких солдат.

Мой прадед был удостоен правительственных наград, в том числе медали «За отвагу». По словам бабушки, он не любил вспоминать о войне. «Да разве обо всем расскажешь»,— тяжело вздохнув, скажет.

Мой прадедушка дошел до Берлина. Вернулся домой. Спустя два года он женился. В браке прожили 53 года. В семье было шесть детей. Жили они небогато. Прадед Ваня работал трактористом. Уйдя на пенсию, подрабатывал сторожем в колхозе. В свободное время занимался небольшим хозяйством. Дети его помнят как отзывчивого, доброго человека. Вот таким был мой прадед, Суровцев Иван Сергеевич!

Я, конечно, мало знаю о войне, и поэтому, глядя на фотографии своего прадеда, верю, что мы будем жить в мире, но помнить, какой ценой далась Победа.

ЗАВЕТ ПРАДЕДА — НЕ ЛЕНИТЬСЯ И НЕ СДАВАТЬСЯ

***Васильев Александр Алексеевич**, 11 лет,*
ученик 5 класса МКОУ «СОШ № 1»;
*учитель — **Кирилина Валентина Петровна**,*
г. Кимовск Тульской области

Мой прадедушка Иван Андреевич Чебурахов родился 25 января 1909 года в селе Бучалки Кимовского района Тульской области. Учился в Бучальской семилетней школе. После ее окончания пошел работать на крахмальный завод, который находился в этом же селе. Работал счетоводом. Закончил курсы повышения квалификации, и его пригласили на хлебозавод в городе Бобрик-Донской плановиком-экономистом. Эту специальность прадедушка Иван Андреевич получал заочно, параллельно с работой, учась в техникуме.

Иван Андреевич проработал на заводе до призыва в армию. Службу проходил в городе Москве, в НКВД при Бауманском райвоенкомате.

В 1941 году в первые дни войны ушел на фронт. Принимал участие в боевых действиях на Орловско-Курском направлении, служил в подмосковном городе Болохово в 115-м полку.

В мае 1945 года вернулся в звании старшего лейтенанта в родные Бучалки, где и проработал в колхозе до ухода на заслуженный отдых. Имеет боевые награды.

Из воспоминаний бабушки и дедушки я знаю, что прадедушка учил их никогда не лениться, не сдаваться перед трудностями жизни. «Нужно всегда идти вперед, преодолевая все печали и невзгоды», — так считал мой прадедушка.

Умер мой прадедушка Иван Андреевич Чебурахов 10 ноября 1982 года в 72 года.

СТАРЫЕ РАНЫ

***Галдина Ксения Николаевна**, 12 лет,*
ученица 7 класса
МКОУ Краснопольская ООШ имени А.Я. Салихова,
село Краснополье Кимовского района
Тульской области

Война постучала в каждый дом, принесла беду, повлияла на судьбы многих людей.

Сколько бед она принесла! Многие погибли, защищая честь и достоинство своей Родины, многие стали инвалидами на всю жизнь, как например, мой прадедушка Николай Иванович Карпухин (папа моего дедушки).

Он ушел на фронт в первые же дни войны. Дома остались жена и маленькая дочка, а дедушка мой родился уже после войны. Во время боевых действий прадедушка был тяжело ранен и домой вернулся хромым.

После окончания войны посвятил себя профессии столяра, работал в колхозе «Победа». Вместе с прабабушкой Шурой растили детей.

Старые раны не давали ему нормально жить. Бабушка моя всегда говорит, что в памяти он остался храбрым солдатом, добрым и умным. К сожалению, я не видела прадедушку живым, но много слышала о нем от его сына — моего дедушки.

Прадедушка Николай умер в 1960 году.

Я горжусь своими предками, моим прадедушкой Николаем, который, спасая мир от фашизма, отстаивая независимость нашей Родины, жертвовал своим здоровьем и пожил лишь 15 лет после войны.

Я обязана помнить, какой ценой досталась Победа, и чтить память героев. Уверена, что пример прадеда поможет мне в жизни.

КАКОЙ ЦЕНОЙ ЗАВОЕВАНО СЧАСТЬЕ...

Глоба Роман Михайлович, *14 лет,*
ученик 8 класса
МКОУ «Болоховский центр образования № 1»;
учитель — ***Шишкова Нина Васильевна,***
г. Болохово Тульской области

Люди!
Покуда сердца стучатся,
Помните!
Какой ценой завоевано счастье,
Пожалуйста, помните!

(Р. Рождественский)

Война... Какое это страшное слово! Как много людей забрала она, как много людей не смогли любить, трудиться и создавать будущее для своих детей. Война не обошла стороной ни одну семью нашей огромной страны, оставив свой отпечаток в судьбе каждого человека.

В Первую мировую погиб мой прапрадедушка. Мне очень жаль, что я ничего не знаю о нем. Но у меня появилась возможность узнать о своем прадедушке, который воевал с фашистами. Он не стал Героем Советского Союза, он не совершил подвиг, но для меня и многих моих родственников он — герой. А что такое подвиг?И кто совершает его?Может быть, это порыв души или мимолетное стремление пожертвовать собой во имя чего-то? Нет, я думаю, что подвиг совершают люди, которые готовы в любую минуту отдать все и даже жизнь, не требуя взамен ничего. Это — состояние души. Значит, мой прадедушка, Малышев Евгений Яковлевич, как и миллионы советских людей, которые защищали будущее своей страны,— герой! Благодаря их невероятному подвигу наша страна осталась великим самостоятельным государством. Я, родившийся под мирным небом нашей могучей страны, никогда не слышал воя бомб и грохота канонады. Я, не познавший всего ужаса войны, страха, голода, лишений, сегодня все же испытываю неописуемую боль и огромную гордость за свою страну, за свою семью, за своего прадедушку.

Смотрю на семейные фотографии, слушаю рассказ моей бабушки, и перед глазами проходит вся жизнь моего прадеда.

17 ноября 1919 года в деревне Ивановка Турковского района Саратовской области родился обыкновенный мальчишка. Учился в сельской школе с первого класса, продолжил учебу в городе Балашов. Как и все мальчишки и девчонки, молодой Евгений мечтал получить образование и вернуться в свою родную деревню, в свою родную школу, учить детишек

и строить счастливое будущее. Ему и в голову не приходило совершать подвиги, жертвовать собой. Закончить институт не удалось. В 1939 году Евгений Яковлевич был призван в ряды Красной Армии, но мечтать о высшем образовании и работе в родной школе не переставал. Пришло время демобилизоваться. Дома его ждали жена и сын, который ни разу не видел папу. Но встреча так и не произошла, началась война. 22-летний Евгений Яковлевич в составе 30-й кавалерийской дивизии в звании сержанта прибыл на Северо-Кавказский фронт.

Сержант Малышев принимал участие в ожесточенных боях. Из его рассказа мы узнали, что силы противника имели большое превосходство, но храбрость и стойкость советских солдат превосходила в десятки, а то и сотни раз. 23 августа 1942 года бои шли за города Моздок и Прохладное. Евгений Яковлевич с группой солдат пошел в разведку. Поле было заминировано, но медлить было нельзя. Он шел первым, и снаряд разорвался рядом с ним. В результате осколки попали в руку и ногу. Евгений Яковлевич был тяжело ранен. Его отправили в госпиталь, сделали операцию, нога была ампутирована. Отдавал ли он себе отчет, что может погибнуть? Конечно, было время подумать, но долг перед Родиной, долг перед семьей, перед товарищами...

За отвагу и храбрость, проявленные в боях с немецкими захватчиками в Великой Отечественной войне, Малышев Евгений Яковлевич был награжден орденом Красной Звезды, орденами Отечественной войны I и II степени, орденом Красного Знамени и множеством медалей. У меня хранятся все эти награды и документы, подтверждающие их, и часто, собираясь на праздники, мы рассматриваем их, вспоминаем нашего прадедушку. В общедоступном электронном банке документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» есть подтверждение этим наградам.

После войны солдат вернулся домой, в Саратовскую область. В родной деревне его встретили родные и близкие. Евгений Яковлевич начал работать председателем сельсовета, но мужчины потихоньку возвращались домой, и у него появилась возможность исполнить свою мечту — работать учителем в школе. Евгений Яковлевич очень любил детей, заботился об их будущем, надеялся, что войны больше не будет и дети никогда не услышат взрыва снарядов. Шло время, семья росла, в деревне после войны жить было тяжело, решили уехать в город Болохово Тульской области. В городе была развита угольная промышленность, работали шахты. Евгений Яковлевич был настоящим коммунистом, работал на благо страны в «Трест-уголь» бухгалтером, а когда шахты выработались, перешел в строительную организацию инженером, затем прорабом.

В школе ему работать больше не пришлось, но всю жизнь он был учителем и воспитателем для детей своей большой семьи (у него было 7 детей и 14 внуков). Всем находил время и уделял внимание. Он

своим примером «заводил» всех детей. А ведь у Евгения Яковлевича не было ноги. Он носил протез, но никто даже не мог подумать, что он был инвалидом Великой Отечественной войны. Сколько оптимизма, силы воли, энергии было в этом человеке! Он ходил зимой на лыжах, заливал детям катки, строил горки, лепил снежных баб; летом ездил на велосипеде, мотоцикле; вывозил всех детей на рыбалку, в лес за ягодами, грибами. А когда он, как инвалид войны, получил от государства мотоколяску, то дети всего двора не отходили от него ни на секунду. Они все вместе выезжали на природу, мастерили различные поделки, разводили кроликов. Ведь все это так здорово!

Я убежден, что Евгению Яковлевичу приходилось нелегко. Можно было не работать, больше отдыхать, но он не думал о себе, важнее было видеть счастливыми и веселыми глаза детей, окружавших его. Время шло. 30 января 1990 года на 71 году жизни Евгения Яковлевича не стало. Но светлая память о нем живет в сердцах тех, кто знал и любил его. Мне не пришлось посидеть у прадедушки на коленях, поиграть с ним в шахматы. Но я знаю одно — он навсегда останется с нами.

9 мая 2015 года вся страна отмечала День Победы. Победы над жестоким, свирепым врагом. Прошло долгих 70 лет с того самого дня, когда люди нашей родной страны, собрав в кулак всю свою волю, силу и веру, победили неистового врага, одолели проклятых фашистов. А мои родные в этот день как бы слушали Евгения Яковлевича: «Весенний, солнечный день 9 Мая. Сама природа радовалась восстановившейся справедливости. Радовались и люди. Радовались и плакали. Кто от счастья, что дождались с долгой затянувшейся войны родных и близких. Кто от душевной боли и обиды, что этого не случилось с ними. Будь проклята эта война! Она унесла 27 миллионов человеческих жизней! А сколько еще без вести пропавших, не найденных, оставленных, не захороненных, рассыпанных, как просо, по земному шару? Будь проклят этот фашизм!»

Я часто разговариваю с Евгением Яковлевичем, когда смотрю на фотографию. Мне очень хочется прийти к нему в гости и послушать его рассказ о войне, посмотреть на ордена и медали — память о том жестоком, но героическом времени. А 9 мая взять его за руку и вместе выйти из дома, пройтись гордо по улице, сесть рядом и сказать: «Дорогой мой прадедушка, Евгений Яковлевич! Ты не зря перетерпел, пережил, перенес эти страшные, залитые кровью годы. Мы победили! Ты победил! Я горжусь тобой. Я горжусь всеми теми людьми, кто стойко и храбро защищал мою Родину, воевал за мирное небо над головой, кто смело и отважно рвался в бой во имя будущего. Я горжусь своей великой и непобедимой страной и тобой, мой любимый прадедушка!»

Такие люди, как Евгений Яковлевич Малышев, останутся в памяти его родных и близких, а значит, будут жить ВЕЧНО!

ИЗ ПОКОЛЕНИЯ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

***Замошникова Елизавета Игнатьевна**,15 лет,*
ученица 10 класса МКОУ «Черепетская СОШ ЦО им. Н.К. Аносова»;
*учитель — **Смирнова Лариса Александровна,***
п. Черепеть Суворовского района Тульской области

Волков Г. М.

Во многих семьях есть вещи, которые передаются из поколения в поколение. К таким вещам относятся с благоговением и почтением. Реликвией нашей семьи являются старые фотографии и альбом, в котором они хранятся. Эти фотографии рассказывают о славном боевом пути моего прадедушки Геннадия Михайловича Волкова (я буду называть его дедушкой). И каждая из них — частичка истории не только нашей семьи, но и нашей страны.

Дедушка родился 15 февраля 1920 года недалеко от Москвы (Ленинский район, деревня Мамоново) в крестьянской семье. Окончив 7 классов и ФЗУ, получил специальность слесаря. Какое-то время работал на заводе имени Ухтомского в Люберцах. В 19 лет, в 1939 году, был призван по спецнабору в ряды Военно-Морского Флота. Службу проходил во Владивостоке.

Уже в ходе Великой Отечественной войны в 1944 году в составе сборных флотских экипажей был направлен на Северный флот, а в дальнейшем — в Шотландию на военно-морскую базу Скапа-Флоу, где принимал участие в приемке и подготовке к морскому переходу боевых кораблей, переданных Англией нашей стране. Переход начался 28 апреля из Кольского залива, а 6 мая 1944 года транспорт доставил экипажи в Скапа-Флоу. В Великобритании в течение 4 месяцев шла подготовка к переходу в Союз более 10 кораблей для временной службы в составе Северного флота. Квартировался экипаж, в который был зачислен дедушка, на английском пароходе «Челси». Моряки быстро осваивали вооружение и ремонтировали судовые механизмы принимаемых эсминцев. За заслуги в деле подготовки к переходу, в освоении материальной части военных кораблей и за успешный переход в Советский Союз дедушка был награжден медалью Ушакова — самой почитаемой наградой среди моряков.

В сентябре дивизион эсминцев, а среди них и эсминец «Жесткий», на котором стал служить торпедистом дедушка, благополучно прибыл на базу в Ваенгу (ныне Североморск) и вошел в состав Северного флота. Основной базой Северного флота во время войны был Полярный, где постоянно в дальнейшем и базировались эсминцы. Теперь основной зада-

Эсминец

чей военных кораблей было конвоирование внутренних и союзных судов с грузами и поиск немецких подводных лодок. Обычно конвои встречали корабли в районе острова Медвежий и сопровождали в Мурманск или в Архангельск. Каждый полярный конвой был подвигом. «Ледяным адом» называли этот маршрут моряки. И не было других слов для описания пустынных районов Арктики, где бушевали постоянные шторма. Здесь половину усилий приходилось тратить на борьбу с ветрами и ледяной водой, которая могла прикончить человека в считаные минуты.

Вторая угроза — подводные лодки врага. Это была тяжелая работа, которую с достоинством и честью выполнял мой дедушка и его товарищи.

В новогоднюю ночь 1944–45 гг. дедушка в составе группы из 5 моряков принимал участие в спасении транспорта «Тбилиси», торпедированного немецкой субмариной. После взрыва пароход разломился пополам. Носовая часть ушла под воду, кормовая оставалась на плаву. В его трюмах находился ценный груз, который необходимо было спасти. «Жесткому» предстояло разыскать и прибуксировать в базу уцелевшую часть судна. Глубокой ночью при 8-балльном шторме эсминец вышел в море. Вскоре аварийное судно было обнаружено. Но кому-то надо было высадиться на него и принять буксирные концы. Среди добровольцев был и мой дедушка. Важно было выбрать момент для прыжка, ведь когда «Жесткий» подымало на гребень, транспорт оказывался далеко внизу, а потом он, высокий, огромный, взлетал над эсминцем, грозя раздавить его. Но смельчакам удалось перескочить через пучину на корму «Тбилиси». Мокрые с головы до ног, закоченевшие на пронизывающем ветру, моряки приняли с эсминца буксирный конец и закрепили его. «Жесткий» начал буксировку, но вскоре трос лопнул, и все пришлось делать заново. Едва начинали буксировку, как стальной трос рвался, словно нитка. И так 10 раз! Я представляю, как нелегко было дедушке и его товарищам ловить стальной трос, балансируя на перекошенной, скользкой ото льда палубе, как они были напряжены, как их движения сковывала обледеневшая одежда.

Так прошел целый день. Наступила ночь. Спасательные работы пришлось отложить до утра. Новогоднюю ночь пятеро моряков провели на «Тбилиси» не смыкая глаз. И только более чем через 40 часов напря-

женных усилий задача была выполнена. За это время судно продрейфовало 80 морских миль.

За подвиг добровольцы были отмечены боевыми орденами. Дедушка был награжден орденом Отечественной войны 1 степени. Кроме этого ордена, дедушка награжден орденом Отечественной войны 2 степени (вручен в 1987 году), медалями «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией».

Победу дедушка встретил в Заполярье. Службу закончил в 1947 году в звании старшины 2 статьи. Демобилизовавшись, вернулся в родное Подмосковье, женился, а в 1949 году семья переехала в Подольск. Дедушка стал работать в НПО (научно-производственное объединение) «Луч», которое занималось разработкой технологий промышленного производства бериллия, циркония и ряда других редких металлов и топливных материалов для зарождающейся атомной энергетики. Как и во время войны, дедушка не искал легкой жизни. Он трудился там, где было опаснее всего, ведь радиационный фон цеха, в котором работал дедушка, превышал норму.

Умер дедушка 11 июня 2001 года в возрасте 81 года. Близкие запомнили его простым в общении и в быту, с хорошим чувством юмора, всегда готовым прийти на помощь другим людям. Дедушка работал всю жизнь, всегда стремился к поставленной цели. Был легким на подъем. Переживал, когда видел недостатки в жизни и устройстве государства, критиковал, иногда излишне горячился, как и многие люди того, комсомольского военного поколения. «Я всегда во все светлое верил...» — пел Высоцкий как будто и о нем тоже.

Дедушка не терял присутствия духа и чувства юмора даже тогда, когда болел. «Настроение бодрое! Идем ко дну!» — говорил он во время болезни, осознавая скорый уход.

Обо всем написанном мне рассказала моя бабушка. А еще о боевом пути моего дедушки и его товарищей я прочитала в книге Г.Г. Полякова «В суровом Баренцевом» [1]. Эта книга, как и военные фотографии, бережно хранится в нашей семье.

Мой дедушка принадлежит к поколению победителей, которое задало ныне живущим высокую планку. И я, его правнучка, постараюсь быть достойной своего героического предка.

Литература

1. Поляков Г.Г. В суровом Баренцевом.— Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1978.

ПАМЯТИ ПРАДЕДУШКИ

***Захарова Анна Андреевна**, 15 лет,*
ученица 9 «А» класса МБОУ Школа № 8 ЦО № 19,
г. Тула

СОН

Вздремнул я однажды,
И снился мне сон.
Как снова врагами
Я вдруг окружен.
И пули свистят,
И рядом со мной
Все те,
Кто тогда
Не вернулся домой.
Я помню их лица и их голоса,
Их смелые и молодые сердца.
Они хоть погибли,
Тогда, в дни войны,
Они все же тысячи жизней спасли.
Приснились друзья все.
О чудо! Тогда
Из тьмы выплывают их всех голоса.
Садимся мы в круг у костра
И молчим.
Потом говорим, говорим, говорим...
«Давайте же вспомним мы
Дни той войны!
Как холод был страшный,
И снова вдали
Мы слышим шум,
Оглушающий рев,
И гам близких взрывов,
И пушечный вой.
Давайте мы вспомним,
Как жили порой,
Теряя надежду вернуться домой,
Но мы воевали
И шли до конца!»
И снова я слышу друзей голоса,
Всех тех,
Кто покинул жестокий сей мир,
Всех павших,

Но всех,
Кто тогда победил.
Всех тех,
Кто в земле беспробудно уснул.
Я помню их всех...
Вот и вновь я вздремнул.
И видел я сон,
Будто бы наяву.
Приснились мне снова друзья той войны.
Герои, солдаты отличной страны!

На эти стихи меня вдохновил рассказ мамы о моем прадедушке Федоре Леонтьевиче Козыреве в первой книге «Мы помним...». Я хочу посвятить их ему, человеку, прошедшему три войны, победителю, который спас много жизней и невредимый вернулся домой.

После Великой Отечественной он восстанавливал хозяйство, возвратился к прежней деревенской жизни, пытался забыть все пережитые тяготы войны.

Но знал ли мой прадед, что ему суждено вернуться домой, в то время как многие его товарищи погибнут на полях сражений? В одном из городков Западной Украины он отдал местной жительнице несколько банок тушенки, чтобы та смогла накормить своих голодных маленьких детишек. Он поступал так не в первый раз, помня о своих дочерях, которых оставил дома, в далекой Туле. Женщина по-своему отблагодарила его за спасение детей. Она предсказала прадеду, что он вернется с войны — жив и здоров, что его будут обходить стороной коварные вражеские пули. Тогда мой прадед — солдат Советской армии не придал ее словам никакого значения. Однако через несколько лет, по окончании войны, он вернулся домой без единого ранения, как и предсказала женщина.

Федор Леонтьевич много раз вспоминал тот случай, сидя дома, в кругу семьи. Всю жизнь трудился он на родной земле. Прадед дожил до 96 лет, никогда не требуя наград за подвиги военных лет. Ведь он получил их в далеком сорок пятом: жизнь, здоровье и семью, которая дождалась его с фронта.

***

Мы много слышим о войне,
Она в душе нашла местечко.
Но два простых, простых словечка
Сказать сейчас хотим: «Мы помним!..»
Мы не забыли подвиг дедов,
Даривших славные победы,
Кровь проливавшие не зря!
Мы будем помнить их всегда!

ЗАКАЛКА НА ВСЮ ЖИЗНЬ

***Ивлева Алина Андреевна**, 13 лет,*
ученица 8 класса
МКОУ Краснопольская ООШ
имени А.Я. Салихова,
село Краснополье Кимовского района
Тульской области

Мой прадед Егор Иванович воевал в Первой мировой войне. Был в плену. После войны он вернулся в родное село. Прадед стал главой большой семьи — одиннадцать детей. Времена были очень тяжелые. Люди голодали. Прадедушка после Великой Октябрьской революции пошел работать в колхоз. Он был бригадиром растениеводческой бригады. Шло время. Подрастали дети. Одним из них был мой дед Анатолий Георгиевич.

И на его жизнь выпали не самые лучшие времена. Началась Великая Отечественная война. Дедушке в то время было 10 лет. С 13 лет он начал помогать фронту. Вместе со взрослыми он работал в поле, выращивая овощи и зерно. Еще мальчиком он ловко управлял повозкой лошадей, перевозя продукты для фронта на ближайшую станцию. Было очень тяжело и голодно. Все отправлялось на фронт.

Дедушка Анатолий по возрасту был такой же, как я сейчас и мои друзья. Но какая ответственность, самостоятельность и заботы лежали на его детских плечах!

После войны дедушка окончил школу и пошел учиться в педагогическое училище. Ему очень хотелось учиться дальше, он получил образование в педагогическом институте в Москве. Всю свою жизнь он посвятил работе с детьми, воспитывая честных, добрых, порядочных людей. Почти пятьдесят лет дедушка работал в школе.

Я рассказала только о двух дорогих мне людях, которым довелось нести нелегкое бремя в тяжелые военные годы, получить закалку на всю жизнь. А сколько таких людей еще живет на свете и скольких уже нет с нами. Жизнь преподносит уроки, закаляет характер. Главное — помнить, что каждый из нас в ответе за свою судьбу и судьбу нашей Родины. Она у нас на всех одна.

БОЕЦ-ОПОЛЧЕНЕЦ

Ильин Евгений Евгеньевич, *13 лет,*
ученик 7 класса ГБОУ
«Школа с углубленным изучением экологии № 446»;
учитель — ***Дубиковская Валентина Александровна,***
г. Москва

Подвиг!.. Это героический поступок, это то, что совершают герои! Набрал в Гугле: кто такой герой? Получил ответ: герой (от древнегреческого, «доблестный муж, предводитель») — человек исключительной смелости и доблести.

Для меня это было очень неожиданно. Я ведь всегда думал, что герой — это тот, кто известен, популярен, смотрит на меня с экрана кинотеатра, телевизора или компьютера. Я понял, что герой — это честный, смелый и гордый человек, который в самые ответственные моменты жизни думает не о себе. Это тот, с кого хотят брать пример, тот, на кого хотят быть похожим. И я решил написать о том, о ком я чаще всего слышал и кого мне чаще всего ставили в пример. Это мой прадед — Степан Ильич Ильин. На примере жизни своего прадедушки я хотел бы раскрыть силу характера, силу духа всего народа России. Я начал изучать записи семейного дневника и на их основе восстановил биографию прадедушки, связал судьбу прадедушки с важнейшими событиями в истории России конца XIX — XX вв.

Мне кажется, что вся жизнь прадедушки является ярким отражением истории моей страны. Родился Степан Ильич в 1889 году в Смоленской губернии — крае, связанном с жизнью многих выдающихся людей России.

Рядом с домом, где прошли детские годы моего прадедушки, находилась усадьба Грибоедовых, Хмелита, владельцем которой был Алексей Грибоедов, московский барин, родной дядя великого драматурга; неподалеку простирались земли, принадлежавшие Нахимовым.

Дом моего прадедушки был украшен многими картинами. Каким-то чудом в нашей семье сохранилась картина передвижника Воронкова. В доме была богатая библиотека с редкими и интересными книгами. До двенадцати лет моего прадедушку обучали домашние учителя и воспитатели, а затем он поступил в московскую гимназию.

Директор ресторана «Золотая рыбка» Ильин С.И. (справа)

Письменных свидетельств о том, как учился мой прадедушка, к сожалению, не сохранилось, но я думаю, что он был прилежным учеником, поскольку, окончив гимназию, он поступил в Московский университет, а затем продолжил обучение в Париже. Правда, всегда после революции рассказывал, что выучился говорить и читать по-французски по этикеткам и вывескам.

В 1914 году началась Первая мировая война. В жизни Степана Ильича эта война стала первым серьезным испытанием: мой прадедушка был отправлен на фронт, храбро воевал с врагами и получил чин офицера; в одном из сражений он был ранен, однако после лечения снова ушел на фронт и воевал до 1918 года.

После Октябрьской революции, в 1918 году, Степана Ильича арестовали как левого эсера. В его жизни начались новые испытания. В вихре революционных событий он потерял все: его жена и маленький сын погибли, два дома — на Зубовской площади и Старой Басманной — были у него отобраны, все награды, которые он имел, забрали и не вернули. До сих пор в моей семье считают чудом, что из очень большой и дружной семьи в живых остался мой прадед и его самая младшая родная сестра Александра. Жизнь нужно было начинать сначала.

Степан Ильич много работал. Во времена НЭПа организовал в Москве производство велосипедов, был владельцем артели полотеров. С конца тридцатых годов работал в ресторанном бизнесе. Вновь женился в тридцатом году, а в тридцать втором году родился мой дедушка Леонид Степанович Ильин.

Я уверен, что выжить и преодолеть все невзгоды моему прадедушке помог спорт: ведь всю свою жизнь он регулярно занимался фехтованием и французской борьбой и даже в 72 года мог легко поднять двухпудовую гирю!

В июне 1941 года мой прадедушка ушел добровольцем в ополчение. Дивизия, в составе которой он воевал, отражала натиск немецко-фашистских захватчиков под Вязьмой. Здесь осенью 1941 года шли ожесточенные бои с гитлеровцами. Многие воинские подразделения оказывались в окружении вражеских сил.

Мой прадедушка очень хорошо знал те места, в которых сражалась его дивизия. Эти края были знакомы ему еще с детских лет. Не забыт был им и боевой опыт Первой мировой войны. Бойцов-ополченцев, которые до ухода на фронт были аспирантами и преподавателями Московского высшего технического училища имени Н.Э. Баумана, во время вражеских атак мой прадедушка заставлял надежно окапываться в земле. Такие меры спасли жизнь многим солдатам. Когда Степан Ильич со своими боевыми товарищами оказался в окружении, он разработал четкий план прорыва к нашим войскам: от Вязьмы бойцы-ополченцы ушли от врага на север, а затем вдоль малых рек стали продвигаться на восток, к своим. Мой прадедушка приказал солдатам взять с собой знамя полка и всем сохранять личное оружие, документы и знаки различия. В дальнейшем это сохранило бойцам жизнь и свободу.

В начале ноября 1941 года Степан Ильич и его однополчане организованно вышли к нашим военным частям. Это произошло на границе Московской области. Бойцов-ополченцев, вышедших из окружения, после длительной проверки в «особом отделе» послали на офицерские курсы, а моего прадеда демобилизовали — ему было уже 53 года!

Всю жизнь Степан Ильич много трудился. После войны он продолжил работать в «Мосресторантресте»: был директором разных ресторанов в Москве («Олень» в Сокольниках, «Золотая рыбка» в Парке Горького, «Спорт» на Беговой...).

Каждый год к нему приходили профессора и преподаватели МВТУ им. Н.Э. Баумана — его боевые друзья, которых он вывел из окружения. Мой дедушка, Леонид Степанович, не раз вспоминал об этих грустных, но очень добрых и трогательных встречах.

Я рассказал историю жизни своего прадеда, которую хорошо знают все члены моей семьи. Для нас жизнь Степана Ильича — это настоящий пример стойкости и преданного служения Родине, это неотъемлемая часть пути, пройденного народом России в героическом двадцатом столетии.

ХРАБРЫЙ СОЛДАТ И ДОБРЫЙ УЧИТЕЛЬ

***Карпенко Анна Борисовна**, 14 лет,*
ученица 8 класса МБОУ «Лицей им. С.Н. Булгакова»;
*учитель — **Дюмина Кристина Сергеевна**,*
г. Ливны Орловской обл.

Преображенский А. Д.

Мой прадедушка Анатолий Дмитриевич Преображенский всю свою жизнь посвятил обучению и воспитанию школьников. К сожалению, я не видела своего прадедушку живым, но прабабушка, бабушка и мама рассказывали мне о нем. Анатолий Дмитриевич не любил говорить об испытаниях судьбы. Война всплывала в его памяти самым страшным и горестным воспоминанием.

Когда в 1941 году началась Великая Отечественная война, мой прадедушка не смог жить в тылу и посчитал правильным пойти добровольцем на фронт, чтобы защитить нашу Родину. В первые месяцы войны в звании рядового мой прадедушка воевал в войсках химзащиты и подготовки резерва. В 1944 году он был контужен и попал в госпиталь. Анатолий Дмитриевич был очень

предан своей стране, поэтому, чтобы не отставать от своей части, сбежал недолеченным снова на фронт. Он воевал в Белоруссии, участвовал в освобождении Праги и Германии от немецко-фашистских захватчиков. Некоторое время после окончания войны в 1945–1946 годах прадедушка принимал участие в уничтожении банд Бандеры в Западной Украине. Он закончил войну в звании сержанта. О военном пути моего прадедушки говорят такие награды, как ордена «Великой Отечественной войны» 1 степени и «Знак Почета», медали «За освобождение Праги», «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

После войны Анатолий Дмитриевич окончил педагогический институт и преподавал обществоведение и историю. В 1960 году он стал директором средней общеобразовательной школы № 5 города Ливны, а позже он находился на партийной работе.

Раньше в нашем городе все знали моего прадедушку. В памяти людей он навсегда остался храбрым солдатом, умным, добрым и отзывчивым учителем, воспитавшим не одно поколение выпускников, достойно продолживших его дело.

ШОФЕР В ВОЙНУ И В МИРНОЙ ЖИЗНИ

Карпова Ольга Сергеевна, *17 лет,*
ученица 11 класса МАОУ «СОШ № 61»;
учитель — ***Кучуккулова Светлана Александровна,***
г. Узловая Тульской области

Великая Отечественная война — это незабываемое событие в истории нашей Родины. Оно уже осталось в прошлом веке, но мы до сих пор вспоминаем его с ужасом. Среди русских людей есть много известных героев Великой Отечественной войны, о которых написаны книги и сняты фильмы. Но я считаю, что каждый человек, который отстаивал тогда независимость и свободу нашей страны, который пролил свою кровь или отдал жизнь за Родину, является героем и патриотом. До сегодняшнего дня дожили немногие, кто воевал и на себе испытал ту тяжелую, гнетущую обстановку. Это поколение стало уже для нас прадедушками и прабабушками, но тогда они были юношами и девушками.

Я хочу рассказать о своем прадедушке Федоре Фадеевиче Портнове — участнике Великой Отечественной войны. Родился он на берегу Каспийского моря в Гурьевском районе в небольшом рыбацком посел-

ке. Его родители, Портновы Фадей и Татьяна, простые рабочие люди. В семье росло трое детей — Федор, Полина и Слава, — среди которых мой прадедушка был старшим ребенком. Федор закончил 3 класса начальной поселковой школы, дальше учиться не пришлось. Умерла мама, и он, как старший из детей, должен был помогать отцу, заботиться о младших брате и сестре. Призвали на срочную службу в армию. Началась война, и моего прадедушку перевели в действующую армию на фронт. 18 мая 1942 года он принял военную присягу при 48-м железнодорожном батальоне. Федор был рядовым в должности шофера. Его боевая подруга «полуторка» прошла с ним много фронтовых дорог, спасая от пуль и бомбежек. Батальону приходилось восстанавливать железнодорожные пути и мосты, потому что они, как артерии, несли фронту боеприпасы, военную технику, продовольствие, медикаменты, а также вывозили тяжелораненых в тыл.

Мой прадедушка со своим батальоном принимал участие в битве за Сталинград, в ходе которой он получил легкое ранение в ногу. Это было страшное сражение, погибло много людей, его друзей и товарищей, но русские бойцы благодаря своему мужеству, храбрости, патриотизму насмерть стояли под пулями, взрывами, налетами вражеских самолетов. За освобождение Сталинграда Ф. Ф. Портнов был награжден медалью.

В 1944 году прадедушку зачислили в 46-й батальон также в должности шофера. Вместе с этим батальоном он дошел до Польши, где народ радостно встречал своих освободителей с цветами. Люди плакали от счастья, понимая, что близится конец этой великой кровопролитной войны. Здесь, в этой стране, мой прадедушка и встретил окончательную победу над фашистами.

Указом Президиума Верховного Совета СССР Портнов Федор Фадеевич был награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» 27 октября 1945 года. На медали изображен портрет Сталина и слова: «Наше дело правое — мы победили».

Да, русский народ действительно одержал победу над сильнейшим врагом того времени, который в достаточно короткий срок захватил практически всю Европу. И это случилось только благодаря объединению народа для общей цели. И в то же время, каждый человек не щадил своей жизни, ничего не боялся, вставая за свою Родину, за русскую землю, за жен, матерей и детей. Недаром говорят, вместе мы — сила!

Когда закончилась война, люди вернулись в свои родные дома, перед глазами граждан СССР простиралась разрушенная страна, на полное возрождение которой понадобился не один год. Мой прадедушка продолжал служить Родине. В составе 68-го отделения же-

Портнов Ф.Ф.

лезнодорожного батальона он помогал восстанавливать мосты, железные дороги, а некоторые приходилось строить заново, чтобы поднять из руин и развалин народное хозяйство, фабрики, заводы. Это уже был мирный труд фронтовиков, хотя в памяти у прадедушки остался случай, когда один из его товарищей подорвался на мине, оставленной фашистами в военное время. В те годы людям было тяжело, но прадедушке посчастливилось остаться живым и прожить долгую жизнь.

15 марта 1948 года, согласно постановлению Совета Министров СССР, Портнов Федор Фадеевич был уволен в запас. В общей сложности, прадедушка был на службе 9 лет. Он не любил говорить о своих заслугах на войне, потому что считал себя простым рядовым солдатом и шофером, выполнявшим свой долг перед Родиной, как и все остальные люди. Он остался жив — это главное, а ведь сколько погибло!

У моего прадедушки много юбилейных медалей. 11 марта 1985 года Портнов Федор Фадеевич Указом Президиума Верховного Совета СССР был награжден орденом «Отечественной войны» II степени. Он всегда носил этот орден на парадном костюме. Профессию прадедушка не менял, он так и оставался всю жизнь в должности шофера. Умер он в 2001 году.

Я думаю, что мы, то поколение, за которым стоит будущее нашей страны России, не должны забывать подвиг наших прадедов. Все они герои — и маршал, и рядовой!

Ну, что мы знаем о Войне?
Нас время далеко умчало.
На майской праздничной волне
Мы вспоминаем слишком мало.
А детям вовсе не понять –
О чем ведутся разговоры?
Вопросы задают опять,
Ответы забывают скоро.
Другие страны,времена...
Другие войны были тоже.
И та Великая Война

Все больше на кино похожа.
Лежат в коробке ордена.
Что с ними делать? Непонятно.
Ничья вина, ничья вина,
Что не вернуть людей обратно.
Тех, что сражались на войне,
Тех, что мальчишками погибли.
И почему-то стыдно мне,
Как будто мы помочь могли бы.
Но прошлое нельзя вернуть —
Вокруг совсем другие страны.
И по-другому в дальний путь
Там провожают ветеранов.
На майской праздничной волне
Все меньше правды о войне.

Мой прадед Казьмин Борис Васильевич — доблестный, смелый, отважный человек и в первую очередь ПОБЕДИТЕЛЬ. Родился 14 июня 1925 года в крестьянской семье под Тамбовом. Там же жил и учился. В 1943 году был призван в ряды Рабоче-крестьянской Красной Армии. После кратковременного обучения на курсах, получив военную специальность «стрелок-радист танка», был направлен на фронт. Воевал в войсках 3-го Украинского фронта в составе 31-ой Гвардейской Механизированной Плоештинской бригады. Участвовал в освобождении Венгрии, Румынии, Чехословакии. Был награжден орденом Красной Звезды, медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За взятие Будапешта», «За победу над Японией». В ходе военных операций танковый экипаж Т-34 неоднократно сдерживал натиск врага. Мой прадед подвергался большой опасности, находившись в горящем танке.

В августе 1945 года 31-я гвардейская механизированная Плоештминская бригада, преодолев безводные степи труднопроходимого горного хребта Большой Хинган, участвовала в освобождении и взятии г. Мукден и Порт-Артура. За эту операцию стрелок-радист танка Т-34, уже Гвардии старший сержант, Казьмин Б. В. был награжден медалью «За победу над Японией».

Преодолев множество жизненных испытаний, в 1948 году мой прадед вернулся на Родину — к своей семье, домой.

Как участнику Великой Отечественной войны с немецкими захватчиками и войны с японскими империалистами моему прадеду — Гвардии старшему сержанту Казьмину Б. В. — Верховный главнокомандующий Генералиссимус Советского Союза, товарищ Сталин, объявил 12 благодарностей за Отвагу, Мужество и Мастер-

ство, проявленные в годы Великой Отечественной войны. Этот документ очень старый и ветхий, но в нем сохранена вся сила и мощь тех времен.

Главной наградой моего прадеда является медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» награждались все военнослужащие советских войск, принимавшие участие на фронтах Отечественной войны или обеспечивавшие победу своей работой в военных округах, в том числе и те, кто выбыл из войск по ранению и болезни или был переведен по решению государственных и партийных организаций на другую работу вне армии. Согласно Положению, медаль также вручалась участникам войны, которые служили в военных управлениях, запасных и учебных частях, военно-учебных заведениях, спецчастях, базах, госпиталях и других различных управлениях; всем гражданским лицам, принимавшим участие в борьбе с фашистскими захватчиками в составе партизанских отрядов, действовавших в тылу врага. Медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», статус которой предусматривал однократное вручение, непосредственно после войны было награждено около 13,5 млн солдат и офицеров.

Одна из наград моего прадеда — это медаль «За взятие Будапешта».

Балатонская оборонительная операция, короткая по времени, но очень напряженная, потребовала от советских войск больших усилий и высокого воинского мастерства. Несмотря на ограниченную глубину плацдарма и превосходство противника в танках, войска 3-го Украинского фронта успешно выполнили свою задачу. В ходе Балатонской оборонительной операции противник потерял свыше 40 тыс. солдат и офицеров, более 300 орудий и минометов, около 500 танков и штурмовых орудий, свыше 200 самолетов и, что очень важно, утратил уверенность в сохранении за собой западной части Венгрии. Особенность Балатонской операции заключалась в том, что она была проведена войсками 3-го Украинского фронта в ходе подготовки наступления на Вену. Операция явилась примером умелого использования накопленного Советской Армией опыта подготовки и ведения обороны в условиях, когда части и соединения имели пониженную укомплектованность людьми и техникой. В этой операции советские войска продемонстрировали большую мобильность в действиях, высокие моральные качества и боевую выучку. Героические усилия воинов всех видов и родов войск сорвали наступление немецко-фашистских танков и пехоты.

Одной из 12 благодарностей Сталина моему прадеду была награда за преодоление безводных степей труднопроходимого горного хребта Большой Хинган и взятие г. Мукден, медаль «За победу над Японией».

Блестящая победа Вооруженных Сил СССР на Дальнем Востоке еще раз подтвердила неоспоримые преимущества советского военного искусства в области стратегии, оперативного искусства и тактики. Маньчжурская стратегическая наступательная операция трех фронтов, Тихоокеанского флота и Краснознаменной Амурской военной флотилии по замыслу, размаху, динамичности, способам выполнения задач и конечным результатам является одной из выдающихся операций Второй мировой войны. Одновременное нанесение нескольких фронтовых и армейских ударов с использованием всех видов Вооруженных Сил и родов войск, объединенных общим стратегическим замыслом, позволило в короткий срок достичь полного разгрома противника. 8 августа японскому послу в Москве было сделано мотивированное заявление Советского правительства о том, что с 9 августа СССР считает себя в состоянии войны с Японией. Тогда же на Дальнем Востоке объявили военное положение. 9 августа в 00 часов 10 минут начали действовать передовые отряды, а спустя 4 часа выступили главные силы наших войск. 17 августа Главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке обратился по радио к Командующему Квантунской армией с категорическим требованием — обязать все японские гарнизоны сдаться в плен. Но и после этого в различных районах Маньчжурии продолжались бои, а на Курильских островах и Сахалине борьба только разгоралась. Чтобы ускорить фактическую капитуляцию японских войск и предотвратить ненужное кровопролитие, было решено высадить воздушные десанты в Харбине, Мукдене, Чанчуне и в некоторых городах Маньчжурии, Кореи, на Сахалине и Курильских островах. Десантники с поставленными задачами справились успешно. Вечером 19 августа над зданием штаба Квантунской армии был спущен японский флаг и поднят советский.

Жить и гордиться таким прадедом — это большая честь для меня, моей семьи и близких. Мы уже не сможем пережить ту горечь, те слезы и ту радость победы, которую пережили наши деды и прадеды, но мы с большой гордостью будем хранить в сердце их героизм и отвагу! А память о них всегда будет светлой...

ДЕТИ, ПЕРЕЖИВШИЕ ВОЙНУ

***Лагутова Алина Алексеевна**, 17 лет,*
***Ширяева Екатерина Сергеевна**, 17 лет,*
ученицы 11 класса МБОУ Дубровской №1 СОШ
им. генерал-майора Никитина И.С.,
п. Дубровка Брянской области

Алешкин А. Ф.

«Мы — дети, пережившие войну». Так говорят люди, чье детство украла война. Среди них и наш земляк Анатолий Филиппович Алешкин.

Анатолий Филиппович родился 1 мая 1931 года в деревне Бельская Дубровского района ныне Брянской области в семье колхозников-животноводов. Он является родственником руководителя Сещинского интернационального подполья лейтенанта Красной Армии Константина Яковлевича Поварова, погибшего в 1942 году.

Когда началась война, семья Алешкиных жила в Украине. Анатолию было 11 лет, брату — 14 лет, а сестре — два с половиной года. С первых дней войны братья Алешкины с другими односельчанами работали на рытье окопов, возведении сооружений различного назначения.

Уже в августе 1941 года жители села стали свидетелями воздушного боя: наши истребители преследовали немецкие самолеты, летевшие бомбить химкомбинат. Два фашистских самолета были сбиты, но загорелся и наш ястребок. Летчик успел выпрыгнуть из горящей машины, но его парашют загорелся и рассыпался в воздухе. Пилот погиб. Хоронили отважного «сталинского сокола» всем селом с почестями. Налеты фашистских бомбардировщиков продолжались практически ежедневно. Фронт стремительно приближался.

Анатолий Филиппович Алешкин трижды был под оккупацией. Первый раз фашисты вошли в их село в праздник Октябрьской революции — 7 ноября 1941 года. Многих жителей выгнали из домов. Алешкиных не тронули — не прельстила оккупантов маленькая старая хатка под соломенной крышей. По селу ходил патруль — два здоровенных автоматчика. Но уже на следующий день немцев из села выбили наступающие советские части.

Вторая оккупация села продолжалась с июня 1942 года по февраль 1943 года. Зима 1943-го была морозной и снежной. С какой радостью встретили селяне группу советских бойцов в белых маскхалатах, которые ворвались в село темной февральской ночью! Все, кроме глубоких

стариков и совсем маленьких детей, вышли на улицу и лопатами стали расчищать снег для прохода нашей техники. Под утро встретились с соседями из близлежащего поселка, которые тоже расчищали путь и шли им навстречу.

Анатолий Филиппович вспоминает, как советские солдаты угощали изголодавшихся в период оккупации ребятишек мясными консервами и «чистым» хлебом. «Чистым» — значит испеченным из настоящей муки, в отличие от того, что пекла мать, наполовину состоящего из прожаренных желудей.

В марте 1943 года немцы опять пошли в наступление и в третий раз взяли село. Почти месяц селяне жили на передовой: крупных боев не было, но перестрелки шли ежедневно.

В апреле 1943 года фашисты ночью согнали всех жителей села на станцию, погрузили в крытые товарные вагоны и перевезли в Больше-Янисольский район Сталинской области, где они и находились до полного освобождения.

Когда наши войска подошли совсем близко, ночью староста села и полицейские собрали всех жителей, вывели в степь, приказали укрыться в лесополосе километрах в 3–4-х от деревни и никуда не перемещаться. Более трех суток голодные люди под открытым небом, под непрекращающимся дождем скрывались в лесополосе. А вокруг шли тяжелые, кровопролитные бои. Когда все стихло, мальчишки пробрались в село, где неожиданно встретили наших разведчиков. Выслушав ребят, солдаты потребовали, чтобы они вернулись назад и вывели всех людей из лесополосы. Эта самовольная вылазка мальчишек в село спасла всем жизнь, так как через час-полтора фашисты стали утюжить огнем то место, где селяне провели более трех суток.

Дни оккупации не прошли даром. После тяжелой болезни в марте 1944 года умерла мать Анатолия Алешкина, а вскоре ушла из жизни и бабушка. Он вместе с младшей сестрой приехал к тете на Брянщину, которая уже восстанавливалась после черных дней оккупации.

Анатолий Филиппович вместе со взрослыми принимал посильное участие во всех сельскохозяйственных работах: весенне-полевых и уборочных. Работал прицепщиком на тракторе и рабочим на строительстве.

Труженик тыла вспоминает: «В ноябре 1944-го специальному отряду, присланному разминировать поля, три года не видавшие бороны и плуга, выделили в помощь двенадцать мальчишек, среди которых был и я. В тот день я замешкался возле передвижной кухни. Ждал своей очереди за тарелкой и ложкой. Посуды просто не хватало на всех. В это время семеро моих друзей побежали к саперам, работавшим неподалеку... Оглушительный взрыв прогремел так внезапно, что у меня из рук выпала ложка. Я сразу понял, что произошло, и со всех ног бросился через поле, над которым медленно оседала пыль. Первым

я увидел обезглавленное тело лучшего своего товарища Тимки... Мы потом долго собирали останки ребят. Я плакал навзрыд, цепенея от ужаса и тяжести утраты, проклиная мины, войну и весь мир за эту чудовищную несправедливость».

По возвращении в Украину Анатолий работал в колхозе, занимался выпасом скота на степных пастбищах. Там он и узнал от брата, прибежавшего к нему, о Дне Победы.

По достижении призывного возраста Алешкин проходил службу в войсках МВД в городе Березники Молотовской области. После демобилизации в сентябре 1953 года был направлен в Лозовскую школу работников сельского хозяйства. Потом работал в совхозе бригадиром молочно-товарной фермы.

В 1957 году он поступил в Харьковскую советско-партийную школу и успешно окончил ее. В мае 1967 года был избран секретарем парткома совхоза «Мирная долина» Лисичанского района. С 1990 года работал заместителем начальника РСМУ треста «Уренгойгазремстрой».

Анатолий Филиппович награжден медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За трудовое отличие», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», «За милосердие».

С выходом на пенсию в течение многих лет Анатолий Филиппович ведет активную общественную работу, является председателем Новоуренгойского городского совета ветеранов. За это время оборудовал два музея боевой и трудовой славы и две музейные комнаты боевой и трудовой славы в школах города Нового Уренгоя.

По инициативе Анатолия Филипповича в Новом Уренгое проводятся регулярные десанты фронтовиков в школы города. По словам А. Ф. Алешкина, «диалог поколений» имеет положительный резонанс, подростки и молодежь с интересом слушают рассказы фронтовиков и тружеников тыла, подолгу не отпускают их из учебных классов и аудиторий.

За активную работу по воспитанию молодежи наш земляк получил благодарность мэра города Нового Уренгоя и главы местной администрации. Награжден Почетной грамотой и медалью Законодательного собрания Ямало-Ненецкого автономного округа, Почетной грамотой и медалью общероссийского Совета ветеранов.

По предложению Алешкина было заключено соглашение между Новым Уренгоем и Брянском о совместных Вахтах памяти на Брянской земле. Первые поисковые отряды уренгойцев уже работали на Брянщине. Анатолий Филиппович уверен в том, что связи Брянщины и Нового Уренгоя будут развиваться и углубляться.

ЖИЗНЬ МАЛОЛЕТНЕГО УЗНИКА

Масюкова Фаина Руслановна, *11 лет,*
ученица 4 класса МБОУ «СОШ № 13»;
учитель — ***Палевич Лариса Викторовна,***
г. Донской Тульской области

Знаю, помните вы,не забыли
Хату детства и небо над ней,
Как в войну нас фашисты губили
За оградами концлагерей.
Все мы видели,все испытали
Голод, холод, побои и страх,
К голым нарам порой примерзали
Малыши с сединой на висках...

Окружной Леонид Иванович,
узник № 65468 концлагеря Дахау

Мой прадедушка Иван Григорьевич Косачев — бывший малолетний узник фашистского концлагеря в годы Великой Отечественной войны. Тяжелым катком прошлась Великая Отечественная по маленьким, незащищенным душам. Они несли свой тяжелый крест — ни в чем не повинные, лишенные самой радостной поры — детства.

Косачев И. Г.

Я хочу поделиться воспоминаниями моего прадедушки, которыми он не раз делился со мной. Ведь он, как и немногие другие оставшиеся в живых ветераны и узники,— последние свидетели той страшной войны, что унесла двадцать семь миллионов человеческих жизней.

Прадедушка Ваня родился 11 февраля 1929 года в деревне Терешино Батуринского района Смоленской области. В семье было четверо детей, мать и отец. В начале войны умер старший брат, и старшим стал Иван.

В воскресенье ярким солнечным утром 1941 года в небе появилось много самолетов, летели группами и все в сторону Смоленска. И только на следующий день семья прадедушки узнала, что началась война. Всех взрослых мужчин стали отправлять в район и направлять на фронт.

Прадедушка очень скоро после начала войны почувствовал на себе ее ужасы. В июле 1941 года прадедушка и его семья узнали, что такое бомбежки. Пришлось рыть окопы и во время налета бомбардировщиков по нескольку раз в день спасаться в них.

4 октября 1941 года началась немецкая оккупация деревни. Образовался партизанский край. Колхозники работали так же, как до немецкой оккупации. В июне 1942 года после продолжительной болезни, явившейся последствием ранения, полученного еще во время Гражданской войны, умер отец прадедушки. Он был освобожден от призыва в армию по болезни, но работал в прифронтовой зоне на оборонных сооружениях.

В марте 1943 года при отступлении немцы забирали с собой почти все население. Всех жителей двух деревень погнали до города Духовщина. Мой прадедушка попал в одну шеренгу, а брат с сестрой — в другую. Так он расстался с братом навсегда, а с сестрой надолго, до 1948 года. Группу прадедушки посадили на машины и повезли до города Ярцево. Там посадили в товарные вагоны и повезли в Германию под охраной. Так впервые мой прадедушка Ваня увидел поезд. Везли через горевший Смоленск, Оршу. Потом проехали Польшу и прибыли в немецкий город Штутгарт. Взрослых и детей загнали за колючую проволоку.

Ежедневно по нескольку человек увозили на работу, но малолетних, как прадедушка, к работе пока не привлекали. В бараках были трехъярусные нары, лежать приходилось плотно друг к другу. Пробыл он в этом лагере около двух месяцев, в последнее время многие уже не могли взбираться на верхние нары от истощения.

Прадедушку и других узников увезли из этого лагеря, перевезли сначала в город Штральзунд, затем в город Барт. В городе Барт всех выстроили в шеренгу, где их осматривали мужчины и женщины. Оказалось, это был рынок рабочей силы. Купили 6 человек и везли на лошадях в повозке на резиновом ходу в населенный пункт с названием Кенц. Он оказался вместе с Сашей Шауро из Витебской области (он был старше прадедушки на год), с которым собирались совершить побег. Но у них ничего не получилось. Работа была очень тяжелая. Нужно было таскать мешки с мукой. С этой работой друзья не справлялись, и вскоре их отвезли на тот же рынок в город Барт. Так прадедушка оказался второй раз на продаже. На этот раз купила его женщина. Селение называлось Ноесдорф. Ее муж был бургомистром этого селения, звали его Карл фон Ранге. У них уже было несколько работников. Здесь в обязанности маленького невольника входили все сельскохозяйственные работы: кормить, убирать, доить шесть коров, две лошади, пахать, бороновать, сеять, косить и убирать сено. Работали от темна до темна. Место для ночлега отвели в сарае возле скота. Так продолжалось до 2 мая 1945 года, когда наши советские войска освободили узников.

День Победы Иван встретил уже в другой воинской части в небольшом городке на пути между городами Штральзунд и Штеттин. Некоторое время пришлось ездить с нашими военными. Прадед был поставлен на довольствие, проходил строевую подготовку. Но через некоторое время поступил приказ несовершеннолетних из армии от-

числить. В Штеттине собрали первую группу репатриированных из трехсот человек. Шли пешком через всю оставшуюся часть Германии, через всю Польшу, дошли до города Гродно. Поход продолжался около двух месяцев. В Гродно женщин с маленькими детьми погрузили в товарные вагоны, а прадедушка всю дорогу до Смоленска ехал на крыше вагона.

На Родину Иван Григорьевич вернулся в сентябре 1945 года. Зимой 1945–1946 годов пришлось работать на лесозаготовках в своей Смоленской области. В конце марта 1946 года приехал в город Калугу. Поступил на калужский завод ПРМЗ-12 (Калужский путевой ремонтно-механический завод — прим. ред.), где проработал до призыва на Военно-Морской флот. После демобилизации в октябре 1954 года работал в Тульской области на шахте. С 1962 года связал свою трудовую деятельность с Калужским Турбинным заводом, где проработал около тридцати пяти лет.

Прадедушка является членом городского комитета бывших малолетних узников Ленинского округа города Калуги, несколько лет был председателем комитета.

В настоящее время мой прадедушка Иван Григорьевич Косачев живет в Тульской области. Ему скоро будет восемьдесят шесть лет. Дух моего прадедушки не сломлен благодаря его личным качествам. Я восхищаюсь его стремлением к жизни, патриотизмом, храбростью, добротой, умением уважать других. Он трудился на благо общества, сейчас на пенсии.

Низкий тебе поклон, прадедушка Ваня!!!

НЕЗАМЫСЛОВАТЫЕ СУДЬБЫ

Парахина Анастасия Александровна, *12 лет*
ученица 7 «Б» класса МБОУ «ЦО № 49»;
учитель — ***Мирошниченко Ольга Николаевна,***
г. Тула

Листая пожелтевшие подписки старых газет, читая истлевшие треугольники солдатских писем, изучая архивные документы, мы по крупицам собираем и воссоздаем неизвестные страницы подвига безвестных героев Победы.

Я хочу рассказать о моих земляках, жителях поселка Рождественский незаметных тружениках войны внесших свою лепту в оборону Тулы и Москвы, о которых я узнала из Книги Памяти, хранящейся в нашем школьном музее. В течение многих лет учащиеся Рождественской школы совместно с коллективом учителей вели поисковую работу по созданию Книги Памяти поселка Рождественский и прилегающих к нему деревень.

Наша задача — увековечить теперь в книге воспоминаний и размышлений поколений «Мы помним...» память простых людей — тружеников войны с их замечательными и незамысловатыми судьбами. В преддверии 75-летия битвы под Москвой и героической обороны Тулы это особенно актуально.

Итак, Абдалин Алексей Кузьмич, 1923 года рождения. Ушел на фронт добровольцем 18 октября 1941 года. Воевал в 49-й армии, оборонявшей Тулу. Первое боевое крещение получил под Белевом в стрелковом полку.

Барденков Иван Алексеевич, он пошел на фронт в 30 лет. Армия, в которой довелось ему служить, обороняла города Москву, Тулу, позже освобождала Варшаву, воевала на территории Германии. За отвагу и мужество Иван Алексеевич был награжден орденом Славы, медалями «За отвагу», «За Победу над Японией» и др.

В юбилейном 1985 году награждены орденом Отечественной войны I степени мои земляки, принимавшие участие в обороне Тулы: Валентина Ильична Ренгач, Анна Тихоновна Дроженец (Дрожинец), Клавдия Николаевна Землянинова.

Клавдия Николаевна училась в нашей Рождественской школе 4 класса. В 16 лет она поступила работать на Тульский оружейный завод, отработала там три года. Затем год строила дороги, и началась война.

Свой боевой путь она начала в Узловой, где посещала курсы связистов. Всю войну Клавдия Николаевна служила телефонисткой. Ежегодно мы поздравляем нашего ветерана с праздником Победы, а Клавдия Николаевна искренне радуется, что мы о ней помним.

Макаров Сергей Сергеевич, 1901 года рождения. Он был призван в армию в 1941 году. Воевал под Тулой в стрелковой дивизии. Был ранен в спину. Получил медаль «За отвагу». Его праправнук учится у нас в первом классе.

Совсем незнакомая фамилия... Ковригин Алексей Николаевич. В 1941 году добровольцем пошел на фронт, был пулеметчиком, участвовал в боях под Тулой и Москвой.

Воевал под Тулой и Москвой Ларин Александр Игнатьевич. 24 июня 1945 года он участвовал в Параде Победы на Красной площади.

Дед моего учителя, Якушин Егор Иванович, родился в 1899 году. Призван на фронт в августе 1941 года Ленинским райвоенкоматом.

Начинал воевать под Москвой в 1941 году в Нарофоминске, закончил — под Белевом в 1942 году в связи с ранением в ногу. Воевал Егор Иванович в стрелковой дивизии. На сайте «Подвиг народа» я прочитала, что «красноармеец Якушин, будучи стрелком 257-й стрелковой бригады, продолжая успешное наступление после взятия Белева, первым ворвался в населенный пункт и гранатой уничтожил вражеский пулемет, в подвале крайнего дома убил двух немцев. В по-

следующем бою в этот же день был ранен». Егор Иванович был награжден медалью «За отвагу». Умер Якушин Егор Иванович в 1961 году.

Филькова Мария Федоровна в 19 лет устроилась работать на завод № 539 в Туле. В 1941 году их завод эвакуировали на Урал. На фронт Мария Федоровна пошла добровольцем. Ее зачислили в отдельный батальон под кодовым названием ВНОС. В этом батальоне их обучали два месяца тому, как различить бомбы, на каком градусе она находится. Мария Федоровна должна была хорошо ориентироваться по карте, следить, где фашисты сбросили бомбы. Если какая-нибудь бомба не взорвалась, то Мария Федоровна должна была обозначить это место на карте и сообщить саперам. Позже сформировали первую роту, в этой роте была и Мария Федоровна. Эту роту отправили в Узловую Тульской области. «Немец там очень сильно бомбил»,— рассказывала Мария Федоровна. На фронте она была телефонисткой, ходила в разведку.

Многие мои земляки не воевали против фашистов с оружием в руках, но они работали на трудовом фронте. Сальков Макар Данилович,1914 года рождения, вспоминал о том, как участвовал в укреплении обороны города Тулы, как ему пришлось рыть противотанковые рвы на подступах к городу. «С самого начала войны,— вспоминал Макар Данилович,— люди верили в победу, ни на минуту не сомневались, что победа будет за ними, и работали не жалея ни сил, ни здоровья под лозунгом: «Все для фронта, все для победы!». Какие только лишения не терпели люди в то время: не было продуктов, по карточкам выдавали норму хлеба, сахара. От недоедания и перегрузок у многих рабочих развивалась «куриная слепота», когда они ничего не видели в темноте, но, несмотря на это, люди работали и работали с большим желанием.

Вместо выходных отправлялись на работу в совхоз: убирали хлеб, картошку, косили сено.

Отношения между людьми в то время были доброжелательные, все делили поровну, друг другу помогали, не ругались, старались друг друга выручать».

Наша школьная Книга Памяти — о вкладе жителей нашего поселка в одержанную победу над гитлеровской Германией. Я с большим интересом работала с ней и узнавала о своих земляках.

Современные подростки, в том числе и я, мало знают о Великой Отечественной войне. Ветераны стареют. Сегодня из выживших на безжалостной войне осталось в Рождественском поселке совсем немного, и мы не имеем права забывать ни о ком, кто приближал Великую Победу, кто стоял насмерть по Тулой и Москвой, не думая о том, что это его вклад в разгром фашистской Германии.

Хорошо, что есть конкурс «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов» и книга воспоминаний и размышлений поколений

«Мы помним...». Настала пора в каждой школе создать такую книгу, чтобы все поколения могли сохранять память о своих семьях, предках, и не только участниках Великой Отечественной войны, но и детях войны, о довоенном и послевоенном прошлом, трудовых подвигах в мирное время.

СЛАВНЫЙ ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ПРАДЕДА

Подгорнова Зоя Георгиевна, *13 лет,*
ученица 7 класса ГБОУ
Школа с углубленным изучением экологии № 446;
учитель — ***Дубиковская Валентина Александровна,***
г. Москва

Ершов А. Р.

Мой прадедушка Ершов Александр Романович родился 2 ноября 1919 года в городе Москва. Мать — прачка, отец — извозчик. Семья состояла из семи человек, наш прадедушка был самым младшим в семье. Семья проживала по адресу: улица Сретенка, малый Головин переулок, дом 5 (сейчас нет этого дома, он снесен, на этом месте теперь автостоянка). Александр Романович учился в школе № 1 на Сретенке. Был круглым отличником, и в возрасте 10-ти лет его наградили поездкой в только что открывшийся лагерь «Артек». Дед всю жизнь гордился этим. Так как его отец умер рано, основную роль в его воспитании играл старший брат — Ершов Петр Романович, разница в возрасте у них была 20 лет. Петр Романович был главным редактором газеты «Труд». После окончания школы Александр Романович поступил в Военно-инженерную академию им. В. В. Куйбышева.

В начале Великой Отечественной войны академию закончил досрочно, слушателем четвертого курса, и был направлен в Киевский особый округ. Занимался военной фотосъемкой, проектированием и строительством военных аэропортов.

Оборонительный период войны прошел от Киева до Закавказья, наступательный период — от голодного и холодного Сочи до Вены и Праги в должности старшего офицера по изысканию и строительству аэродромов Пятой воздушной армии, которая входила в состав Закавказского, Степного и Второго Украинского фронтов. Был награжден 17-ю правительственными наградами.

После войны Александр Романович закончил Военно-дипломатическую академию, знал 5 языков: венгерский, немецкий, шведский, финский и английский, — но всю жизнь гордился безупречным владением родным языком, абсолютной природной грамотностью.

Александр Романович работал в Австрии помощником посла, возглавлял Дом науки в Будапеште. Он стал одним из первых сотрудников научно-исследовательского аэродромного института Военно-воздушных сил (НИАИ ВВС), кандидатом технических наук. Впоследствии преподавал и занимался техническими переводами, состоял в обществе «Знание».

Жизнь моего прадеда — пример нам, потомкам.

«ХУДОЖНИКИ — ГЛАЗА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»

***Рожков Иван Сергеевич**, 13 лет,*
ученик 7 класса МБОУ «ЦО № 19;
*учитель — **Сундукова Ольга Владимировна,***
г. Тула

Художник должен чувствовать вечность
и в то же время быть современным.

М. М. Пришвин

Строганов Н. И.

Великая Отечественная война закончилась. День Победы над фашистской Германией стал днем решительного поворота страны к мирной жизни. Позади годы боев, впереди — восстановление страны из разрухи. В первые послевоенные годы вся срана совершала новые трудовые подвиги. У людей не опустились руки, они не впали в отчаянье и не стали искать другой жизни. Я очень горд, что мой прадедушка внес значимый вклад в восстановление нашего любимого города!

Мой прадедушка, Строганов Николай Иванович, в военные годы служил в стрелковой бригаде, расположенной в Калуге. После того как эти места заняли немцы, был отправлен в Гороховецкие лагеря, под городом Горький, где происходило обучение танкистов. Там его и приняли в партию. Благодаря обра-

зованию художника и скульптора-формовщика мой прадедушка изготовил макет танкового мотора из органического стекла — плексиглаза. Это очень облегчило процесс обучения солдат: им стало все наглядно видно и понятно.

Николаю Ивановичу часто приходилось писать транспаранты и плакаты с призывами к победе. А один раз даже поручили изваять бюст Сталина для проведения митинга. За неимением гипса и всего необходимого пришлось делать скульптуру из глины. Прадедушка очень переживал, что бюст великого вождя всех народов может развалиться у всех на глазах во время торжественного мероприятия, ведь это могло повлечь за собой самые страшные последствия. Но глина выдержала! Впоследствии им было сделано много скульптур И. В. Сталина, барельефов Ф. Энгельса, К. Маркса и В. И. Ленина.

Мой прадедушка активно занимался восстановлением и преображением нашего города в послевоенное время. В 1945 году он создал прекрасный монумент, посвященный Победе, который стоял на том месте, где сейчас находится «Катюша». Простоял недолго... К сожалению, скульптура была кем-то разрушена и до наших дней не дожила. Осталась только модель.

Одной из его работ можно назвать прекрасный барельеф, который украшает бывшее здание «Тулашахтстроя» (проспект Ленина, 57). Прадедушка лично разработал проект и принял непосредственное участие в его изготовлении. На барельефе изображены четверо рабочих: слева — рабочий с отбойным молотком, справа — сварщик, в центре — шахтер и металлург. И по сей день они красуются на самой вершине здания.

Прадедушка оформлял также многочисленные шахты в Тульской области, украшал здания лепниной, изготовлял скульптуры, фонтаны. Раньше вход на стадион «Шахтер» (современный «Арсенал») украшала лепнина, изготовленная моим прадедушкой. К сожалению, ворота стадиона уже снесены.

В 1952 году Строганова Николая Ивановича пригласили в Москву оформлять павильон РСФСР на ВДНХ. Работы было так много, что пришлось остаться жить в столице.

В 1954 году советские архитекторы разработали проект реконструкции здания Московского вокзала в Туле. В этом проекте также принял участие мой прадедушка. Он со своими учениками разработал и изготовил эскиз лепнины, которая и сейчас украшает фасад Московского вокзала. Я горжусь этим фактом! Мой род причастен к истории города и к этому великолепному сооружению.

Николай Иванович был выпускником Тульской художественно-ремесленной учебной школы. Сейчас это Тульский электромеханический колледж имени А. Г. Рогова (кстати, А. Г. Рогов и мой прадедушка —

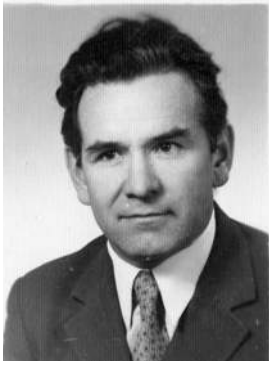
однокурсники). Сейчас в музее этого техникума находится выставка работ моего прадедушки.

Всю жизнь Николай Иванович занимался любимым делом. А потом стал передавать знания и умения ученикам. Он был членом Союза художников, работал в мастерской, располагавшейся на Красноармейском проспекте, внес большой вклад в восстановление народного хозяйства после Победы.

Всякий раз, проходя мимо памятных мест, связанных с именем моего прадедушки, я испытываю огромную гордость за то, что я правнук такого великого человека. Спасибо всем участникам войны, труженикам тыла и тем, кто сделал наш город таким, каким мы его любим.

ЖЕЛАНИЕ УЧИТЬСЯ

***Ромицына Анастасия Романовна**, 12 лет,*
учащаяся Гимназии № 4,
г. Тула

Ромицын В. В.

Своего дедушку, Ромицына Виктора Владимировича, доктора экономических наук, профессора, я не застала в живых, родилась после его смерти. Но о нем я много слышала от бабушки и папы, и мне захотелось рассказать о том, как трудно жилось его поколению, пережившему войну, испытавшему тяготы послевоенного времени, но стремившемуся к достижению поставленной цели.

Родился дедушка в 1928 году в небольшом сибирском поселке Кемеровской области. Предвоенное и военное детство было очень тяжелым и бедным, его мама (моя прабабушка) работала в привокзальной столовой посудомойкой почти круглые сутки, чтобы заработать на пропитание, поэтому дедушка с раннего детства был, можно сказать, беспризорником, полностью предоставленным самому себе. Питались в основном картошкой, чаще всего не было и хлеба. Ранней весной подростки собирали съедобные растения в лесу, в летний период выжить помогало лазание по чужим садам, где можно было нарвать яблок и заглушить голод. Совсем плохо было с одеждой: ситцевая рубашка — с весны и до глубокой осени, резиновые сапоги — зимой, в условиях сибирских морозов.

В школе учился очень хорошо: по всем предметам были отличные оценки, кроме поведения; слыл хулиганистым сорванцом, очень смелым, ловким. В нем сочетались два таких качества, как тяга к знаниям, чему-то новому и мальчишеское хулиганство. В школе любимыми уроками были французский язык (иностранные языки преподавала «настоящая» француженка, много рассказывавшая о другом мире) и рисование. Дедушка хорошо рисовал, эти навыки пригодились ему, когда он ушел на пенсию. Среднюю школу закончил в 1945 году, в год окончания войны, получил аттестат с отличием.

Желание учиться дальше и получить образование было для него главным, но для этого не было средств. Его мама, Ксения Ивановна, все лето собирала и продавала на рынке ягоды, чтобы собрать сыну денегна дорогу в Ленинград. Имея хорошие знания по всем предметам, дедушка поступил сразу в три высших учебных заведения: в Высшее военно-морское училище, в Высшую художественную школу и в Ленинградский планово-экономический институт. Учиться остался в последнем, так как туда же поступила его девушка. Как и в школе, в институте учился только на «отлично», получал стипендию, но чтобы прожить, часто разгружал вечерами вагоны. Моя бабушка Галина Афанасьевна говорит, что в то время практически все студенты зарабатывали на разгрузке вагонов.

Как хорошего студента дедушку оставили учиться в аспирантуре, он защитил кандидатскую диссертацию. Много лет он проработал в Ижевском механическом институте, где подружился с Виктором Никифоровичем Редкозубовым, участником Великой Отечественной войны. Их сближала любовь к науке, шахматы, рыбалка. Оба переехали в 1964 году работать в Тулу, тогда еще в Тульский политехнический институт. Дедушка очень серьезно занимался наукой, его исследования не всеми принимались, так как, по мнению некоторых коллег, они шли «вразрез с политикой партии». Поэтому он долго работал над докторской диссертацией и защитил ее только в 1988 году, в 1990 году получил аттестат профессора, несколько лет работал заведующим кафедрой политэкономии. Со своими коллегами по кафедре написали и выпустили первые в стране задачники по политической экономии, учебники.

Человек он был увлеченный, имел много хобби, занимался спортом: любил настольный теннис, бадминтон, лыжи, туризм. Прошел несколько горных перевалов, все это передалось моему папе, «покорившему» первый горный перевал «Клухорский» в пятилетнем возрасте, а сегодня он мастер спорта по экстремальному туризму. Примеру дедушки и папы следую и я.

Выйдя на пенсию, дедушка стал писать картины, которые дарил всем своим знакомым. Был очень творческим человеком, его многогранность сочеталась с исключительной порядочностью, честностью.

У него много было друзей, в основном коллеги по кафедре, по университету. Петр Николаевич Евстратов, доктор экономических наук,

профессор, участник Великой Отечественной войны, — один из них. С ним они просиживали днями и вечерами, обсуждая экономические проблемы, работая над своими диссертациями, статьями и учебниками; вместе ходили в горы, за грибами, катались на лыжах.

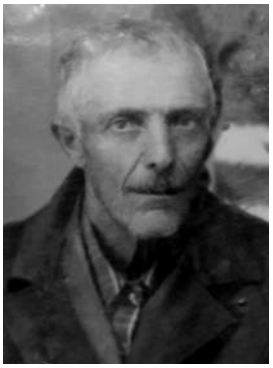
С большой теплотой о нем вспоминают коллеги. К примеру, Людмила Ивановна Ростовцева, которая пришла работать на кафедру молодым специалистом, а сегодня она доктор наук, профессор (и в этом есть небольшая заслуга моего дедушки!), рассказывает: «В жизни мне повезло, что я пришла работать на кафедру политической экономии Тульского политехнического института, где царил творческий дух. Тон этому задавали доценты Виктор Владимирович Ромицын, Петр Николаевич Евстратов, Геннадий Васильевич Бачинский, которые работали над докторскими диссертациями. Виктор Владимирович был образцом целеустремленности, научной добросовестности, интеллигентности. По любому вопросу можно было к нему обратиться и на кафедре, и дома. Двери гостеприимной квартиры Ромицыных были постоянно распахнуты для друзей и коллег. В выходные дни — походы в лес кафедрой, либо пешие, либо на лыжах, организаторами которых были также Ромицыны. В парке частенько встречала Виктора Владимировича с бадминтонной ракеткой в руках. Его отеческое и вместе с тем тактичное отношение ко мне, 21-летнему ассистенту кафедры, обнаруживалось уже в обращении «Люда Ивановна».

В 2001 году дедушки не стало... Но осталась память о нем, фотографии и воспоминания.

Глава 12. МНОГОНАЦИОНАЛЬНАЯ СЕМЬЯ ГЕРОЕВ

МОЙ ПРАДЕД — ГЕРОЙ

Аветисян Ваграм Карапетович, *12 лет,*
ученик 6 класса МКОУ СОШ № 2;
учитель — ***Сазонова Галина Александровна,***
академик Международной академии
детско-юношеского туризма и краеведения,
г. Узловая Тульской области;

Григорян П. Б.

По рассказам старших, по книгам и фильмам я знаю, что Великая Отечественная война принесла много страданий. Погибли миллионы людей, разрушены города и села. Все народы Советского Союза поднялись на борьбу с фашистами. При этом люди проявляли подлинную отвагу, чудеса храбрости. Вместе с русскими людьми воевали и армяне.

Для армянского народа эта война стала еще одним испытанием в его многовековой истории. Армения была самой малочисленной республикой в Советском Союзе. К началу войны население выросло до 1,5 миллиона человек. И все-таки в ряды Советской Армии с 1941 по 1945 годы ушло более 500 тысяч человек. Каждый второй не вернулся с войны [1]. А мой прадедушка вернулся. Звали его Григорян Похос Багратович. В нашей армянской семье глубоко чтут память ушедших родственников. О моем прадедушке я узнал от мамы Айкануш. Все, что она помнила о своем дедушке Похосе, рассказала мне.

Похос родился в Грузии, в селе Гюмбурда Ахалкалакского района в 1926 году. Он рос красивым, сильным и крепким физически. Когда началась война, ушел подростком на фронт. Это было 5 ноября 1941 года. Почти два года не было от него ни одной весточки. Как переживали все родные! Оказывается, Похос был на Ленинградском фронте. Он прислал письмо родным, чтобы они не беспокоились: он живой. Спустя несколько месяцев мой прадедушка заболел страшной болезнью — туберкулезом. Состояние было тяжелое. В госпитале за ним ухаживали три медсестры: Люба, Лена и Лида. Похос был так потрясен хорошим уходом и нежной заботой с их стороны, что обещал, если останется жив, в будущем назовет своих дочек их именами.

После выздоровления отправили его на фронт, и прошел мой прадед большой военный путь до Берлина. Был разведчиком. Однажды вместе с группой разведчиков в составе 5 человек он отправился на задание. От них долго не было вестей. Командир решил, что разведчики попали в засаду и были уничтожены. И отправил командир «черную бумагу» в семью Григорян. Можно только представить, какое горе испытали родители. Но на самом деле произошло вот что: разведчики оказались в лесу, где не было ни воды, ни еды. Запасы вскоре закончились. Чтобы продержаться, обессилевшие разведчики ели кору деревьев и червей. Долгое время они пытались выйти из леса, чтобы соединиться со своей частью. Однако наши солдаты оказались в тылу у немцев. В перестрелке погибли два разведчика. Много трупов лежало вокруг. Оставшиеся в живых решили пробиваться к своим. Увидели подбитые немецкие танки. Мой прадед сел в танк и попробовал завести его, получилось. Вдруг видят: впереди завелся еще один танк, из него вышел немец и цепляет танк с разведчиками. Но наши солдаты не растерялись: они взяли немца в плен. На немецком танке с пленным разведчики догнали свою часть. За проявленное мужество были награждены медалями. У моего прадеда много медалей, но есть еще орден Красной Звезды и орден Отечественной войны.

Вернулся Похос Багратович домой победителем в 1945 году. С какой радостью встречали воинов в родном селе Гюмбурда! Через пять лет он женился на местной девушке Марьям. В их семье родилось восемь детей: три девочки и пять мальчиков. Своих дочек назвал именами Любовь, Елена и Лидия. Как и обещал когда-то. В родном селе Похос работал пастухом. В 1983 году семья Григорян переехала в Краснодарский край. Он много рассказывал своим детям и внукам о войне. Его воспоминания и дошли до меня. Так живет память в нашей семье. Прожил прадедушка после войны еще 55 лет.

Я горжусь тем, что армяне-воины вместе с русскими и другими народами одержали победу над фашистами. И свой вклад внес мой прадедушка Похос.

В дни победного завершения Великой Отечественной войны в обращении к советскому народу было сказано: «В годы Отечественной войны армянский народ с честью выполнил свой долг перед Родиной. Армяне-воины вместе с сыновьями других народов Советского Союза самоотверженно защищали свободу и независимость нашей Родины» [2]. Маршал Жуков писал: «В победе над фашизмом армяне, начиная с рядового и кончая маршалом, обессмертили свои имена не тускнеющей славой мужественных воинов» [3].

Литература

1. Армянский историко-этнографический сайт // https://armeniansite.ru/?catid=2011&format=html&id=63: statistika-uchastiya-armyan-v-velikoj-otechestvennoj-vojne
2. Микоян К. Вторая мировая война, развязанная гитлеровской Германией, принесла человечеству неисчислимые бедствия и страдания // http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/237/armeniya-i-armyane-v-velikoj-otechestvennoj-vojne-4654
3. Цит. по: Армения и армяне в Великой Отечественной войне // http://old.mgimo.ru/study/dean/docs/6420/6624/document151418.phtml

ШЫХЫЕВ ЗЕЙНАЛ МАГАМЕДОВИЧ

***Багирова Джамиля Джейхун кызы**, 12 лет,*
ученица 5 «А» класса МБОУ «Средняя школа № 1
имени Героя Советского Союза Б.Н. Емельянова»;
*учитель — **Макеева Оксана Николаевна**,*
г. Щекино Тульской области

В нашей семье о Великой Отечественной войне знают не понаслышке. Мой прадед — Шыхыев Зейнал Магамедович — был свидетелем и участником этих исторических событий.

В годы Великой Отечественной войны мой прадед был железнодорожником. Железная дорога имела очень важное значение. По ней перевозили людей, детей в более безопасные места, спасая от неминуемой гибели. Она обеспечивала фронт техникой, оружием, продовольствием. Сохранить железнодорожное полотно было важной стратегической задачей в то время.

Приходилось порой рисковать собственной жизнью, чтобы не пропустить ненавистного врага. Во время одного из таких боев под Брестом мой прадедушка получил очень тяжелое ранение. Он оказался в госпитале, но после выздоровления вернулся в строй и продолжал службу до великого дня Победы.

Наступило мирное время, но оставалось еще много дел и забот. Нужно было восстанавливать страну, поднимать из руин города и села, устраивать быт.

В это послевоенное время мой прадедушка оказался в Сталинграде и занимался его восстановлением. Здесь шли самые тяжелые бои. Этот город был практически полностью разрушен. Зейнал Магамедович прожил здесь почти десять лет: строил, ремонтировал, восстанавливал. Рабочие руки нужны были везде!

После восстановления Сталинграда мой прадедушка вернулся на свою историческую родину — в город Гянджа. Здесь тоже нужна была помощь и участие.

Мой дорогой прадедушка прожил долгую, славную жизнь! Он всегда был там, где больше всего нужен. Я очень горжусь Зейналом Магамедовичем Шыкаевым. Мне очень хочется, чтобы люди не забывали о том, что это наша общая Победа, добытая силами дедов и прадедов, ушедших в бессмертие. Мы помним их, мы гордимся их славными подвигами и делами!

ОТГРЕМЕЛИ ВЗРЫВЫ, ОТГРЕМЕЛИ…

***Ванян Мария Рубеновна**, 16 лет,*
ученица 11 «А» класса МБОУ «Средняя школа № 6»;
*учитель — **Базыкина Ангелина Ивановна,***
г. Щекино Тульской области

Елисеев И. Т.

В нашей семье живет память о моем прадеде Иване Тихоновиче Елисееве — гвардии старшем технике-лейтенанте, заместителе командира батальона по техчасти, прошедшем Великую Отечественную войну от начала до Победы.

Мой прадедушка принимал участие в Московской битве 1941–1942 годов, одной из самых больших битв за время войны по количеству участвовавших войск и по понесенным потерям. Ему также довелось участвовать в Курской битве, которая была решающей в обеспечении коренного перелома хода Великой Отечественной войны. Участвовал он и во взятии Берлина.

За доблесть и отвагу Иван Тихонович Елисеев был награжден многими медалями. По этим наградам можно судить о боевом пути моего прадеда: он гнал врага из нашей страны и потом по всей Европе.

9 мая 1945 года война закончилась. А в августе 1945 года часть, в которой служил Елисеев Иван Тихонович, перевели на Забайкальский фронт, в составе которого «в августе 1945 принял участие в стратегической Маньчжурской операции на хингано-мукденском направлении. Сначала они преодолели безводные степи Внутренней Монголии и приграничный укрепленный район на калганском, долоннорском, солуньском и хайларском направлениях. Затем, взаимодействуя с Монгольской народно-революционной армией, разгромили японские войска» [1].

Для прадедушки война продолжалась. Полк, в котором он служил, переправился через реку Аргунь, подошел к городу Хайлар. Взяли его с боем. Потом воевали в горах.

В письме с фронта он писал:

«Монгольские степи предо мною кругом.

И здесь вспоминаю о многом, о многом и самом большом…»

Елисееву Ивану Тихоновичу, как участнику боев за освобождение от японских захватчиков, за отличные боевые действия при освобождении Маньчжурии от японских империалистов приказом Верховного Главнокомандующего товарища Сталина была объявлена благодарность.

Советские солдаты с Победой вернулись домой. Началась мирная жизнь. Надо было восстанавливать страну.

Но вот наступил 1949 год. И борьба для дедушки продолжилась. Он подвергся репрессиям. В том же году Елисеев Иван Тихонович был осужден на 5 лет по ст. 58–10 ч. 1 УК РСФСР: «Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений, а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания». В 1967 г. был реабилитирован и восстановлен в звании и во всех правах. Ему вернули все боевые награды.

Наконец и для моего прадедушки наступило мирное время. Он всю жизнь трудился на благо своей Родины. Об этом говорят и его трудовые награды.

Я горжусь своим прадедом!

Очень жаль, что ветеранов с каждым годом становится все меньше и меньше, поэтому мы должны каждую встречу с людьми, пережившими ужасы войны, запоминать, чтобы такой трагедии не повторилось больше никогда. И в первую очередь это зависит от нас, их правнуков.

Отгремели взрывы, отгремели,
Родину спасти они сумели.
Нелегко далась им та Победа,
За нее СПАСИБО скажем дедам!
(стихи Сергеевой Насти)

Литература

1. http://www.proza.ru/2016/04/02/219

ПРОСТАЯ СУДЬБА

***Головкина Варвара Артемовна**, 13 лет,*
ученица 7 класса
ГБОУ «Школа с углубленным изучением экологии № 446»,
*учитель – **Дубиковская Валентина Александровна,***
г. Москва

Мой прадед Головкин Борис Васильевич принимал участие в Великой Отечественной войне, и меня переполняет гордость за то, что он героически и самоотверженно сражался за освобождение нашей Родины от фашистских захватчиков.

Борис Васильевич родился 9 января 1925 года в селе Карловка Полтавской области. В том же году семья переезжает в Москву, поскольку

его отец Василий Ильич Головкин, участник Первой мировой войны, поступает в военную академию.

В детстве Бориса окружала материнская любовь и забота. Его мать Дора Григорьевна Перепелица растила сына фактически одна, так как отец по роду службы постоянно был в разъездах и не мог уделять сыну столько внимания, сколько ему хотелось бы.

Отец его был красным офицером, после окончания военной академии стал капитаном Красной Армии. Он принимал участие в Финской войне, и один из первых был призван на защиту родины 22 июня 1941 года. В первые дни войны Василий Ильич пропал без вести. Доре Григорьевне пришло извещение о том, что ее муж пропал без вести под Смоленском. До настоящего времени о его смерти ничего неизвестно.

Борис Васильевич пошел добровольцем на фронт. Проходил обучение в гороховецких лагерях, стал сержантом пулеметного расчета. Воевал он на Ленинградском фронте с июня 1943 года по август 1944 года в составе 296-го пехотного стрелкового полка. В 1943 году бесстрашно, не жалея жизни, он со своим полком освобождал город под Ленинградом — Гатчину. В этом страшном бою мой прадед получил два серьезных ранения, одно из которых было прямо в грудь: пуля, не щадя, прошла в 2 мм от сердца. Другая пуля попала в область левого предплечья. Его отправили в военный госпиталь, где он пробыл около девяти месяцев. Выписан из госпиталя с инвалидностью. Мой прадед награжден двумя медалями «За отвагу», медалью «За оборону Ленинграда» и медалью «За победу над Германией».

В августе 1944 года он вернулся в родной поселок Вербилки, в котором встретил свою любовь — Мягкову Веру Дмитриевну, с которой прожил всю оставшуюся жизнь. Год спустя настал один из самых счастливых дней в их жизни — свадьба. В марте 1946 года появился на свет мой дедушка — Головкин Евгений Борисович. Такое имя было выбрано не случайно. Борис Васильевич назвал сына так в честь своего погибшего фронтового товарища. Спустя 7 лет в семье появился второй сын — Головкин Александр Борисович, с которым мой дедушка был «не разлей вода».

Несмотря на инвалидность, Борис Васильевич пошел работать на Дмитровский фарфоровый завод. Поступил в планово-экономический техникум на заочное отделение. В 1960 году вступил в члены КПСС. До пенсии Борис Васильевич проработал на этом предприятии. После выхода на пенсию много времени уделял поселку. Он занимался общественной работой, организацией встреч и мероприятий для участников Великой Отечественной войны. У моего прадедушки была мечта — дожить до золотой свадьбы и до 50-летия Победы. Мечты его сбылись. Умер прадедушка в 1995 году.

Я горжусь тем, что наша семья внесла свой вклад в дело освобождения от фашизма, в дело Великой Победы.

ПАМЯТЬ ЖИВА!

***Гольцверт Максим Андреевич**, 13 лет*
ученик 8 «А» класса МБОУ «СОШ № 22»;
*учитель — **Ермолинская Светлана Викторовна**,*
г. Узловая Тульской области

Гольцверт Я.Ф., 1962 г.

Каждый человек не появляется ниоткуда. У него есть корни. Начало моей родословной, как и у всех людей, идет издалека. Меня это заинтересовало, и я стал изучать генеалогическое дерево моего рода. Дело трудное, но очень интересное.

Начались трудности при изучении третьего поколения. Мой прадедушка, Гольцверт Яков Федорович, по папиной линии был немцем Поволжья. А в былые времена, после Великой Отечественной войны, запрещалось даже вспоминать прошлое отца моей бабушки. Мои папа и бабушка отправляли запросы в архивы и собрали по крупицам информацию размером с горошину. Мой прадедушка не совершал героических подвигов. Он был просто хорошим человеком: растил пятерых детей и ждал, когда и его, и членов его семьи перестанут называть «фашистами».

Наконец наступили эти долгожданные времена: я стал гордиться своим немецким прадедушкой — тружеником тыла, ковавшим победу вместе со всеми.

А вот другая история. У любых «киношных» или литературных героев всегда есть реальные прототипы. Так, в моей маленькой истории это мой прапрадед Дудник Федор Касьянович и его сын, мой прадед, Дудник Евгений Федорович.

Федор Касьянович Дудник родом из Украины, профессиональный военный. Великую Отечественную войну 1941–1945 годов начал старшим лейтенантом в должности политрука 77-го батальона аэродромного обслуживания 14-й воздушной армии Волховского фронта под командованием генерал-майора авиации И. П. Журавлева. События, которые меня поразили, начались в декабре 1942 — январе 1943 г.

Прорыв блокады Ленинграда предпринимался многократно. Первая Синявинская операция по прорыву блокады приходится как раз на это время. Журавлев И. П. в своих воспоминаниях пишет: «Операции осуществлялись в сложных условиях воздушной обстановки, при недостатке сил и средств и превосходстве авиации противника». Сеть аэродромов, на одном из которых служил мой прапрадед, подверглась жесточайшей бомбардировке немецкой

авиации. Тогда и был ранен Федор Касьянович, мой прапрадед.

Дудник Ф.К., 1978 г.

В военной неразберихе самое ужасное — это отсутствие точной информации. Прапрадед не был найден среди солдат, уцелевших под бомбежками, и тогда в далекую Бурятию, в город Улан-Удэ, отправилось страшное письмо с похоронкой на старшего лейтенанта Дудника Федора Касьяновича.

В мае 1943 г. получила семья это известие. Моя прапрабабушка Татьяна Ивановна Дудник за одну ночь поседела, а ей было всего 30 лет. У нее на руках трое сыновей, старший из которых — мой прадед Женя (в марте 1943 г. ему исполнилось 8 лет).

У меня сейчас нет возможности спросить своего прадеда Евгения, что он чувствовал тогда, но дальнейшая история показывает, как велико было его желание отомстить фашистам за отца.

Женя отправился на фронт! Сбежал из дома! Было лето 1943 года.

Я смотрю на карту Советского Союза, на сегодняшнюю карту России, и меня берет оторопь. Где Байкал и где Центральная Россия, где Польша?!

Чтобы понять, каким был восьмилетний мальчишка, достаточно посмотреть на моего младшего братишку Вадима. Ему сейчас восемь, как и прадеду в то время. Брат мой вряд ли долго смог бы удержать автомат с полным зарядом. Я представил Вадима солдатом, и мне стало страшно. Дети должны жить в Мире!

На товарняках, где-то «зайцем» на пассажирских поездах маленький Женя добрался почти до границы Советской Украины. Наверное, он думал так, что подойдет к красному командиру и скажет: «Дяденька, вы же знаете моего папку, знаете, что его фашисты убили. Дайте мне автомат, я буду мстить за него!» Да только реальность оказалась очень жестокой.

Уже был октябрь, а убежал мой прадед в чем был, без теплой одежды. Кругом разруха, оставшимся жителям на разгромленных и разграбленных территориях приходится самим очень плохо. А Женя упорно прятался от комендантских патрулей, которые «вылавливали» беспризорников и оправляли во временные приюты, чтобы дети не погибали.

«Помощь» пришла оттуда, откуда он и не ждал. Приютила его воровская банда. Да только не было там сострадания к голодному и оборванному мальчишке. Им нужен был «форточник», мальчуган, который стоял бы на стреме во время налета. По рассказам моей прабабушки Нины (жены Евгения Федоровича), прадед говорил о том, что и в самой банде постоянно издевались над самыми слабыми или младшими.

Питался Женя объедками. И постоянно был страх: не выгонит ли главарь банды его на холод, не убьют ли во время милицейской облавы

по законам военного времени. Вспоминался ему один «взрослый мужик», который потихоньку говорил ему, что надо из банды «сваливать».

И вот весной 1944 года (где-то в апреле) перед очередным бандитским налетом этот мужик сильно избил Женю, и тот от страха и обиды сбежал. Только потом прадед понял, что именно так этот человек сохранил ему жизнь и уберег от трагедии.

А фронт откатывался на Запад, уже за границы Советского Союза. В начале 1944 года в Улан-Удэ пришло письмо от Федора Касьяновича. Он написал, что произошла ошибка, что он остался жив после налета, только был ранен.

Но Женя об этом не знает, он хочет мстить за папу!

Федор Касьянович после ранения успешно воевал: участвовал в операции 1944 г. по окончательному прорыву ленинградской блокады, освобождению Новгорода, затем освобождал Прибалтику, участвовал в операции при взятии Берлина. Награжден медалями за освобождение городов и орденом Красной Звезды. На пенсию ушел в 1961 г. в звании майора Советской Армии.

А мой прадед Евгений нашелся в 1947 г. в Польше близ города Люблин, где прижился в одном из костелов и был служкой (прислуживал ксендзу во время богослужений).

Вернули его домой только в 1948 году, когда ему шел уже 14-й год. Затем Дудник Евгений Федорович работал диктором республиканского телевидения в г. Улан-Удэ.

Я горжусь тем, как достойно прошел испытание судьбой мой прадед Яков Федорович Гольцверт. Кому-то может показаться мальчишеским безрассудством история прадеда Евгения Федоровича Дудника, но я был поражен его смелостью, решительностью.

Мне есть с кого брать пример. Именно нам, юным, нужно хранить память о своих предках и извлекать уроки из их жизни.

Я ГОРЖУСЬ ПОДВИГОМ СВОЕГО ПРАДЕДА

***Ермоленко Алина Александровна**,11 лет,*
ученица 5 «А» класса
МБОУ «Средняя школа № 12»;
*учитель — **Белоусова Валентина Михайловна**,*
г. Щекино Тульской области

Идут годы, меняются поколения, но мы все помним о героях Великой Отечественной войны. Молодые ребята жертвовали собой ради долгождан-

ной Победы. Многие из них не вернулись домой, пропали без вести или были убиты на полях сражений. Каждого из них можно считать героем.

Для меня героем является мой прадедушка (папин дедушка) Василий Семенович Симанько. В августе 1943 года он прибыл на Северо-Западный фронт, под Старую Руссу. Его зачислили автоматчиком 756-го полка 150-й стрелковой дивизии.

После первого боевого крещения оказался в госпитале. «Кажется, что действовал умело и осмотрительно, а пуля все-таки меня не миновала. Попала в правую руку»,— вспоминал дедушка. Через два месяца снова в строй. Его перебросили на 1-й Прибалтийский фронт, в район Великих Лук. Здесь был ранен во второй раз. По возвращении из госпиталя ему присвоили звание сержанта.

Начались жаркие кровопролитные сражения по освобождению Белоруссии. Отряд под командованием сержанта Симанько заставил замолчать несколько огневых пулеметных точек противника и помог стрелковой дивизии освободить ряд населенных пунктов.

Позднее сержант Симанько стал наводчиком противотанкового орудия. Своими храбрыми и точными действиями он помог приостановить продвижение врага и удержать занятый рубеж.

В 1945 году на территории Германии орудие Василия Семеновича поддерживало огнем пехоту и кавалерию. Он уничтожил два наблюдательных пункта противника, три огневых точки, одно противотанковое орудие. Это дало возможность нашей пехоте продвинуться вперед с малыми потерями. В наградном листе написано: «Симанько за время нахождения в полку показал образцы отваги, стойкости и бессмертия в боях. В трудное время он действовал смело и решительно, четко и доблестно».

Вернулся герой в родной город в мае 1947 года. Его, как и других фронтовиков, тепло и радостно встретили. Он стал работать на шахтах, а по вечерам учился в техникуме. Василий Семенович был надежным товарищем, грамотным специалистом, порядочным человеком.

Каждый год 9 мая мы ходили в гости к дедушке Васе, чтобы поздравить его с этим великим праздником. Приходили и другие участники Великой Отечественной войны. Дедушка надевал свой парадный мундир, усыпанный орденами и медалями. Я, совсем маленькая, залезала на дедушкины колени, трогала ордена и слушала рассказы.

Дедушка Вася говорил, что люди умирали под пытками в твердой уверенности, что честь дороже жизни. Погибнуть за друга, за семью, за Родину было делом правым и святым.

Мой прадедушка Вася уже умер, но в моей памяти он остался героем.

ДОЛГАЯ ДОРОГА — ЖИЗНЬ...

Коротких Валентин Юрьевич, *14 лет,*
учащийся 8 «Б» класса МОУ «ЦО № 2»;
учитель — ***Улыбышева Светлана Викторовна,***
г. Ясногорск Тульской области

Маленькая уральская деревушка, затерянная между лесов и болот, казалось бы, оторвана от внешнего мира. Ведь до районного центра двое суток пути. Эта деревня была основана семьями переселенцев из Украины. В одной из таких семей, Гаврелюков, уже на Урале родился двенадцатый ребенок, мой будущий прадедушка Александр Петрович Гаврелюк. Все много работали, жили в лесу и «лесом».

Когда на Родину напал враг, взрослые пошли на фронт, пошел и Санко, как звали прадедушку в семье. По воспоминаниям моих родных, прадедушка не был безрассудным храбрецом и не был богатырем, он был очень скромным человеком, человеком чести и долга. Если он что-то обещал или что-то должен был исполнить, то, хоть «камни с неба» (это его выражение), он это делал. Санко мало рассказывал о войне. Один раз только поделился, за что получил орден Красной Звезды. А было это так: оборвалась очень важная линия связи с передовым отрядом, занявшим важный плацдарм. Пошел первый связист — погиб, второй — не вернулся и не восстановил связь. Был дан приказ моему прадедушке. Я думаю, очень страшно идти туда, где уже погибли двое твоих товарищей, но боец знал, что он должен, пошел и устранил обрыв.

Александр Петрович Гаврелюк сражался с фашистами всю войну в рядах Третьего Украинского фронта, дошел до Праги, был ранен, получил сильнейшую контузию, которая мучила его в течение всей жизни. Воевал честно, потому что должен. Но вот прогремели победные салюты, и прадедушка вернулся домой.

Нужно было налаживать мирную жизнь, создавать семью, и он посватался к своей соседке Анастасии Безрученко. Моя мама вспоминает, что на ее вопрос, как они поженились, прабабушка поведала такую историю. У нее еще до Великой Отечественной войны умерла мать, и она помогала отцу растить младших братьев. После войны к ней посватался из соседней деревни молодой, здоровый парень, но прабабушка не пошла за него, пожалела своего отца и вышла замуж за соседа Санко. Ей говорили: «Дурочка, что ты делаешь? Он инвалид, останешься молодой вдовой». «И вот как бывает,— рассказывала прабабушка,— с Санко мы прожили пятьдесят лет, воспитали четырех детей, а тот парень женился на другой. По иронии судьбы, стал переплывать реку и утонул».

Жизнь у бабушки была очень тяжелая: дед по полгода лежал в госпиталях, а она одна поднимала детей, надрывалась в колхозе. Мама рассказывала: «В детстве я нашла у дедушки тетрадь с портретом Сталина на обложке, в той тетради дедушка записывал, какую работу

он с бабушкой выполнил и сколько им за это заплатили». Особенно поразила меня тогда история о том, как ранней весной перевозили сено через реку. Весь день они работали вдвоем, а когда перевозили последний воз, лед треснул. Хорошо, что речка неглубокая и узкая. Они по колено в воде перетаскивали вилами сено на себе. А в конце дедушка в тетради кратко подытожил: «Дали за это полтора трудодня». Мама, прочитав запись, подошла к дедушке с тетрадкой и спросила: «Почему так нечестно?» Дедушка ничего не ответил, взял тетрадь, перечитал, подумал и бросил ее в печь. После войны все в деревнях жили очень тяжело, не давали паспортов, и колхозники, как крепостные, не могли покинуть местожительство. Зарплату не давали, рассчитывали трудоднями. Дедушка получал пенсию по инвалидности, двенадцать рублей.

Чтобы собрать детей в школу, шли в лес, заготавливали клюкву, сдавали. Бабушка рассказывала: «Пошли мы с Санко на Бертраново болото за клюквой. Набрали полную паевку (то же, что пайба, пайва — «лукошко, кошель с лямками, по грибы и по ягоды; более плетеный из лык, бересты» [Даль, С. 9 — прим. ред.]). Да ягода такая хорошая, крупная. Уже обратно идти, а Санко упал, сознание потерял. Я его на себе и потащила, паевку не бросила. Ведь это же деньги, детей в школу собирать. До хаты дотащила, ягоды — на чердак, Санко — на телегу и повезла в госпиталь. А пока оттуда приехала, вся ягода почернела, до сих пор жалко».

Бабушка много раз увозила деда в госпиталь, и несколько раз ее вызывали: «Приезжайте, забирайте, умирает». Но, несмотря ни на что, они жили, растили детей и всегда были друг другу поддержкой и опорой. Бабушка говорила: «Я знала, Санко никогда не предаст», — и сама платила ему верностью и преданностью.

Когда прадедушка умер, на его похоронах племянница сказала: «Когда Александр Петрович вернулся с войны, думали, что он и пяти лет не проживет, а он прожил больше пятидесяти, и это заслуга нашей бабушки Насти, она была ему верной женой и надежным тылом».

Моим дедушке и бабушке выпала трудная жизнь. Трудности были и до, и после, и во время войны. Многие думают, что после войны трудности у солдата-победителя заканчиваются, но это далеко не так, и судьба моего прадедушки — веское тому доказательство. Он совершил подвиг во время войны, но и после войны жизнь дедушки с бабушкой была подобна подвигу.

Судьба того героического поколения должна быть примером для нас, примером несгибаемой силы воли и чувства долга. Что бы с ними ни проис-ходило, люди оставались верными слову. Как жаль, что таких людей стано-вится меньше и меньше...

Литература

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т.— М.: Рус. яз.— Медиа, 2007. Т. 3.

ПАРТИЗАНСКАЯ СЕМЬЯ

Литвинова Юлия Александровна, *13 лет;*
ученица 7 класса
МБОУ МО Плавский район «Плавская СОШ № 2»,
учитель — ***Ревина Татьяна Николаевна,***
г. Плавск Тульской области

Великая Отечественная война — это огромная душевная рана в человеческих сердцах. Началась эта страшная трагедия двадцать второго июня тысяча девятьсот сорок первого года, а закончилась только через четыре года, через четыре тяжелых года — девятого мая тысяча девятьсот сорок пятого года.

Это была величайшая и самая ужасная война за всю историю человечества. Огромное количество людей погибло в этой войне.

Мне хочется рассказать о прабабушке и прадедушке. Я знаю их только по старым фотографиям, вырезкам из газет и, конечно же, по рассказам моей бабушки Оли.

Вот одна из моих любимых историй про Катюшу Данилову (мою прабабушку). Летом 1941 года она попала на оборонительные работы под Осташков. Случай свел ее с командиром 3-й партизанской бригады Александром Викторовичем Германом. Девушка дважды обращалась с просьбой взять ее в бригаду, говорила, что может быть полезной партизанам, ведь она по профессии зубной врач. Но комбриг не соглашался. Когда же она разыскала штаб и в третий раз повторила:

— Возьмите. Не подведу,— Герман неопределенно хмыкнул, потом сказал:

— Ладно, беру. Будешь моим хлопцам зубы драть,— и, улыбнувшись, приказал начальнику штаба, Ивану Васильевичу Крылову: — Зачислите в разведку, уж очень дивчина настырная.

Герман решил послать Данилову в воскресный день на базар в Андреаполь под видом покупательницы. Провожая, еще раз проверил:

— Итак, Катя, гуси?

— Это пушки.

— Спекулянты?

— Полевые войска.

— Цены?

— Калибр орудий.

— А куры? Утки?

— Пулеметы, минометы.

— Все сведения, дорогая Василиса Прохоровна, изложишь в коротком письме мне — твоему куму. А назовешь меня не по имени, а просто — дорогой кум. Все понятно?

— Все, товарищ старший лейтенант. Только ведь я могла бы все это на словах связному передать.

— Связной, Катя, человек надежный. Но тогда лишь двое тайну соблюдают, когда один из них ее не знает. Так сказал знаменитый...

— Разведчик.

— Не угадала, писатель — великий англичанин Шекспир.

«Кума» прекрасно справилась с заданием. На третьи сутки Герман читал: «Дорогой кум! Вчера я была в нашем районном центре. Там большой базар. Продается много гусей, уток и кур. Своими глазами видела больше полсотни гусей, около сотни уток, а курам и счета нет. Но цены сердитые. Гуси стоят от 75 рублей до 155 рублей. Много спекулянтов. Так что, кум, на этот базар надо ехать с большими деньгами. Остаюсь любящая тебя кума Василиса Прохоровна».

Благодаря умело проведенной разведке и смелым действиям партизан тогда удалось уничтожить в Андреаполе склад снарядов, готовых к отправке на фронт. Взрыв боеприпасов был настолько мощным, что снег в округе на несколько километров стал черным.

Вот так моя прабабушка добывала и передавала информацию для разведчиков и тем самым приближала победу над фашистами.

У симпатичной медсестры и храброй разведчицы были большие русые косы и неотразимый взгляд. И немудрено, что в «гарну дивчину», которая и из автомата стрелять может, и рану перевязать, влюбился сам начальник штаба бригады Иван Васильевич Крылов. Красивый человек, герой. И пусть вокруг бушевала война, она не смогла помешать моим прабабушке и прадедушке полюбить друг друга, и в партизанском соединении появилась новая семья.

...В партизанских лесах умер первый ребенок Ивана и Кати — дочь, ее не успели доставить на «большую землю». Людмила родилась уже после войны, в 1945-м. Через два года в их семье появилась Алла, еще через два года — Нина. В послевоенные годы семья жила в Ленинграде.

В сентябре 1943 года после тяжелого ранения командира бригады, Героя Советского Союза Александра Германа, Крылов, сам не раз раненный, взял командование на себя. Военные историки подсчитали: за четыре года войны 3-я Ленинградская бригада пустила под откос 304 вражеских эшелона, разрушила 37 больших железнодорожных и169 шоссейных мостов, спасла от фашистского рабства 35 тысяч советских людей.

Иван Крылов (слева)

К середине февраля 1944 года все бригады, действовавшие в тылу группы армий «Север», соединились с войсками Красной Армии. Среди них была и 3-я Ленинградская. Последний бой бригада провела в феврале 1944 года на шоссе Псков — Сольцы вместе с бойцами 60-го стрелкового полка и 65-й стрелковой дивизии 2-го Прибалтийского фронта. Так закончился славный, героический, овеянный победами боевой путь 3-й Ленинградской партизанской бригады имени Германа.

Напряженность партизанской войны не спадала и осенью 1943 — зимой 1944 гг. В тылу 16-й немецкой армии по-прежнему успешно действовали полки бригады им. Германа, командовал которой в прошлом начальник штаба бригады И.В. Крылов. Гарнизон за гарнизоном становились объектами и их нападения.

Кем же был мой прадед?

Иван Васильевич Крылов был призван в армию в первые дни войны с должности «начальника объекта при 231-м отдельном саперном батальоне 212-го строительного участка 87-го управления в городе Калвария Литовской ССР» — он занимался укреплением государственной границы. По профессии — инженер-дорожник, окончил в 1939 г. Всесоюзный автодорожный институт. Родом из деревни Урдом Молодотудского района Калининской области. В 28 лет прадед был назначен командиром роты 425-го стрелкового полка. Отступал с боями из Прибалтики и скоро оказался в окружении противника. В августе 1941 года вступил в партизанский отряд имени Чкалова, который действовал в Невельском районе, и командовал ротой. В конце 1941 г. влился в один из отрядов 2-й Особой партизанской бригады Северо-Западного фронта майора А.М. Литвиненко. В середине июля 1942 г. был назначен командиром отряда 3-й Ленинградской бригады А.В. Германа, через два месяца выдвинут начальником штаба бригады и в этой должности проявил себя наилучшим образом: он «стал правой рукой комбрига». Иван Крылов вступил в командование 3-й бригадой после гибели комбрига А.В. Германа и в этой должности завершил партизанскую войну в 1944 г. Он вернулся к своей мирной профессии: работал старшим инженером производственного отдела Управления шоссейных дорог УНКВД по Ленинградской области. В октябре 1945 г. был направлен во вновь организованную Псковскую область и возглавил дорожный отдел облисполкома. Через четыре года решением облисполкома был «с работы снят» и возглавил машинодорожную станцию № 15 Главного дорожного управления при СНК СССР. Через несколько лет сменил место жительства: уехал в Амурскую область, в город Райчихинск, где работал в строительном тресте.

Там семья Крыловых с двумя девчушками поселились в 12-метровой комнате барака, в котором, кроме них, жили еще 23 семьи. Трудностей они не боялись, да и что могло напугать бывшую разведчицу и комбрига?

— Отец был очень мягким, — вспоминает бабушка. — Он мог простить любого человека, если тот сознавал свою ошибку. Впрочем, в партизанском отряде по его приказу перед строем казнили предателей... Наверное, там

по-другому нельзя было. Может быть, неизбежная военная жестокость и сделала его в мирное время очень терпимым к людям.

Крылов надеялся на тех, с кем работал, полностью доверял им. Споры решал не начальственным окриком, а своими знанием и умением. Уже будучи директором, получил заочно второе образование, окончив Московский инженерно-строительный институт.

На новом месте у Крыловых родилось еще трое детей: Ольга, Евгений и Слава. Нину, оставленную в Кирицах, привезли в Райчихинск перед школой. К учебе девочку готовили всей семьей. Однажды, чтобы она научилась отнимать от 100 единицу (Нина упрямо отвечала, что останется два ноля), Жене поручили приготовить 100 палочек. И к вечеру все было сделано: младший Крылов разрезал... веник, связав палочки в десятки.

Иван Васильевич, несмотря на занятость на работе, никогда не ругался и не кричал на ребятню. А ведь было их у него шестеро!

Сегодня нет в живых Ивана Крылова и Кати Даниловой, становится бесценной фронтовая, подлинная и достоверная, простая солдатская правда о войне. Все эти воспоминания о минувшей войне, о героизме простых людей не должны быть забыты. И мы, поколение, никогда не видевшее войны, благодаря миллионам известных и неизвестных, но незабытых героев должны сохранить мир.

Я никогда не забуду своих прабабушку и прадедушку. Они помогли сделать этот мир лучше и добрее. Память о них я пронесу через свою жизнь и передам своим детям и внукам.

Литература

1. Неугасима память поколений.— URL: http://mamson80.wixsite.com/
2. Официальный сайт движения Бессмертный полк. Плавский район.— URL: http://moypolk.ru/plavskiy-rayon
3. Архив администрации МО Плавский район.

ВЕРИТЬ И ЖИТЬ

Муликова Дарья Владимировна, *15 лет,*
ученица 10 класса МКОУ «Бородинская СОШ» МО Киреевский район;
учитель — ***Баринова Светлана Викторовна,***
п. Бородинский Киреевского района Тульской области

Великая Отечественная война жизнь нашей семьи разделила на две части: до и после. Само военное время, как вспоминала прабабушка, прошло точно во сне. В тяжелом сне, местами переходящем в кошмар.

Моя прабабушка Закирова Рахимилья Закировна родилась в 1921 году. Она жила под Ульяновском, в небольшой деревеньке. После окончания шко-

лы работала в колхозе, имела подсобное хозяйство. Рахимилье было всего 20 лет, когда началась война. Девушка сразу повзрослела. Я думаю, из-за изменившихся условий жизни. Прабабушка вспоминала, что было очень страшно. Враг наступал. Случился неурожай. Стало невыносимо голодно. Шла массовая мобилизация. Рахимилья тоже решила внести свой вклад в дело борьбы с фашизмом. Взять в руки оружие девушка не могла, поэтому осталась работать в тылу. Сейчас страшно представить, как женщинам пришлось тяжело. Они рыли окопы и строили противотанковые убежища под Ульяновском. К сожалению, прабабушки уже нет в живых. Мне бы очень хотелось спросить, откуда у нее черпались силы. Предполагаю, что любовь к стране, к семье, к самой жизни поддерживала всех борцов с фашизмом.

Всю войну прабабушка молилась за моего прадедушку. Плохо, что мы не знаем его имени. До наших дней дошли лишь отрывочные воспоминания о судьбе этого человека. Известно, что он родился в 1918 году, в той же деревне под Ульяновском, что и прабабушка. Молодые люди полюбили друг друга и собирались пожениться, однако война их разлучила на долгие четыре года. Прадедушка, как и все мужчины, пошел на фронт. В 1943 году попал в плен, был освобожден в 1945. Может, бабушкина любовь помогла ему выжить?А может, вера в спасение?

После окончания войны влюбленные наконец-то соединились. Прадеда отправили работать на шахту в Тульскую область, супруга переехала вместе с ним. Из окон поезда молодые люди видели, в каком бедственном состоянии находится страна. Муж подбадривал свою жену, ведь он, выживший в фашистском плену, точно знал, что безвыходных ситуаций не бывает. В сердцах молодой пары жила надежда на лучшее.

Мои прадедушка и прабабушка, как и все граждане, трудились на благо родины. Прабабушка занималась восстановлением посевных площадей. А прадед работал шахтером. Но недолго семья была счастлива. Здоровье супруга, подорванное войной и пленом, ухудшалось из-за тяжелого труда под землей. В 1949 году, в феврале, прадедушка умер, не дожив двух месяцев до рождения дочери, моей бабушки. Прабабушка Рахимилья вспоминала, что первый год после смерти мужа стал самым тяжелым в ее жизни. Любовь и вера в победу поддерживали ее всю войну. Теперь смыслом жизни стала дочь, которую нужно было вырастить и поставить на ноги. Чтобы больше зарабатывать, Рахимилья устроилась работать на шахту. Она трудилась наравне с мужчинами, не жалея сил. Когда уходила в ночную смену, оставляла дочку с бабушкой.

Мне кажется, что послевоенное время было особенным для нашей страны. Люди верили, что смогут преодолеть все трудности и построить для своих детей счастливое будущее. Я спросила свою бабушку: «Почему в нашей семье так мало сведений о войне и о первом послевоенном времени?» Она ответила: «Моя мама не любила рассказывать о трудностях. Она плакала и говорила, что никому бы не пожелала пережить такое».

Наша семья гордится своими предками. Я преклоняюсь перед прадедушкой и прабабушкой за то, что они смогли выжить в войну и перенести тяготы послевоенного времени.

ОСТАЛСЯ НА СВОЕМ ПОСТУ!

Сторожко Дмитрий Александрович, *17 лет,*
ученик 11 класса МБОУ «Поповская СОШ № 19»;
учитель — ***Кондрашевская Марина Константиновна,***
Алексинский район Тульской области

Кондрасов П. В., 1952 г.

О своем прадедушке Пармене Васильевиче Кондрасове я узнал из воспоминаний моей бабушки Почерняевой Валентины Парменовны. Родился и вырос он в бедной крестьянской семье в Курской области. Рано оставшись сиротой, прадедушка взвалил на себя огромный груз — воспитание своих шестерых младших братьев и сестер. Он работал день и ночь, чтобы прокормить растущих детей, был им и за отца, и за мать. Женившись на умной и доброй девушке, прадедушка познал настоящее счастье. Семья росла, появились свои дети. Приходилось много работать и в доме, и в колхозе, но уже были помощники, не так был тяжел труд. Жизнь налаживалась, строились планы на будущее. Но не суждено было сбыться этим планам.

Я горд тем, что мой прадед Пармен Васильевич Кондрасов прошел страшными дорогами войны от 1941 до 1945 года и вернулся живым в свою родную деревню Кирилловку Советского района Курской области. Отсюда он был призван в действующую армию в ноябре 1941 года, сюда и вернулся после ранений и госпиталя, после Победы в июле 1945 года. Прадедушка принимал участие в боевых действиях от Брянска до самой Германии. В составе Белорусского фронта, которым командовал генерал К. К. Рокоссовский, освобождал города и села Белоруссии, Польши, Германии от ненавистных фашистов, бил их беспощадно и отчаянно, не оставляя врагу надежду на спасение. Без сна и отдыха, недоедая, готовил рядовой Кондрасов свою «матушку»-пушку к новым сражениям, чистил ствол, заделывал пробоины, красил ее, маскировал, закапывал, подвозил снаряды и стрелял, стрелял, стрелял... Он стрелял по коварным врагам, а сам приговаривал: «Матушка, не подведи! Матушка, не подкачай!» А когда попа-

дал в цель, то кричал страшным голосом: «Вот вам за моих дочерей! Получайте за мою жену! За моих боевых товарищей! За Родину! За Победу!»

В одном из сражений за столицу Польши Варшаву артиллерийский расчет моего прадедушки попал в боевой «котел». Не было ни одного кусочка земли, куда бы ни падали снаряды. Ужас и смерть стояли кругом. А пушка стояла целехонькая, прадед и еще один боец из его расчета чудом остались живы. Только успели поднять головы, стряхнуть с себя комья земли, как услышали лязг гусениц. Танки! Немецкие танки! Они, как огромные жуки, выползли со стороны ближайшей рощи и расползлись в разные стороны. Четыре танка, размалеванные, с белыми крестами на броне, двигались прямо на ту высоту, где находился прадедушка и раненый наводчик. «Вот и наша смерть пришла»,— прошептал раненый боец и горько заплакал. Он был очень молод, ему только исполнилось двадцать лет, и так не хотелось умирать. Моему прадедушке было уже тридцать восемь лет, семья, четверо детей, и тоже очень хотелось выжить для них.

А танки все ближе и ближе, казалось, вот-вот вырвется из их стволов смертоносный огонь. И все, конец! Но не тут-то было! Пармен Васильевич вдруг заметил ящик со снарядами, засыпанный землей. Он молниеносно подбежал к нему и стал отчаянно откапывать из земли. В ящике оказалось только четыре снаряда. «Мы еще повоюем!» — громко закричал мой прадед и стал быстро заряжать пушку. Раненый наводчик метко целился в немецкие танки, а потом раздался один выстрел, затем второй, третий, четвертый. Все выстрелы достигли своей цели, четыре фашистских танка навсегда замерли у этой высоты, а остальные повернули назад, так как навстречу им мчались уже наши советские танки. Мало кто выжил в этом «котле», но моему прадедушке снова улыбнулось счастье. «Это за меня молились мои четыре дочки»,— любил говорить он. За героизм и мужество мой прадед был награжден медалями: «За боевые заслуги», «За отвагу», «За освобождение Варшавы». Весть о разгроме фашистских оккупантов, о полной и безоговорочной капитуляции немецких захватчиков застала Пармена Васильевича в шестидесяти километрах от Берлина, от Рейхстага, в военном госпитале, куда он попал после тяжелого осколочного ранения. Победа! Великая Победа! «Какая это была радость, какое ликование, не передать словами,— вспоминал прадедушка. — Как долго мы к ней шли!»

Вернувшись домой к жене и детям, он увидел страшную картину: почти дотла сожженная деревня, одиноко стоящие печные трубы, из которых кое-где вился тоненький дымок, землянки вместо изб, испуганные глаза детей. Вот что сделала война! А он, простой русский солдат, принес мир на эту землю и будет строить новую, светлую, счастливую жизнь.

Прадедушка, как и до войны, пошел работать в колхоз. Он строил новые дома для жителей своей деревни, работал в поле, взяв вместо винтовки тяжелый плуг, чтобы сеять зерно и растить на освобожденной от фашистов земле золотые колосья пшеницы, ухаживал за лошадьми, которых очень

любил. Пармен Васильевич любую работу старался исполнить честно, до конца, по совести, потому что твердо знал, что в тяжелое послевоенное время нельзя отсиживаться где-то в теплом месте, оставаться в стороне, когда истерзанная, израненная войной страна восстанавливает разрушенное хозяйство и так нужны трудовые руки. Он всегда был там, где нужна помощь, где труднее всего, а порой и опаснее. Как солдат, он всегда был на своем посту. Пармена Васильевича все в деревне ценили и уважали.

Деревня Кирилловка постепенно возрождалась из руин. На бывших пепелищах выросли новые дома, построенные руками жителей. Даже дети не оставались в стороне, во всем помогали своим родителям. Прадедушка строил новую конюшню для лошадей, за которыми ухаживал. Днем работал на стройке, а ночью сторожил построенное. Однажды теплой летней ночью началась сильная гроза. Бушевал неистово ветер, хлестал крупный дождь, раскаты грома были такими сильными, что казалось, будто стреляют из десятка пушек. Молния слепила глаза, освещая все вокруг. Лошади, стоящие в конюшне, были сильно напуганы. Пармен Васильевич, как мог, успокаивал животных. Вдруг он почувствовал запах дыма. «Неужели что-то горит?» — мелькнуло у него в голове. Он открыл дверь и увидел горящую крышу конюшни. «Что делать? Выводить животных!» — быстро решает бывший солдат. А дым уже застлал все внутри конюшни, тяжело стало дышать. Лошади сбились в дальний угол и громко ржали. Прадедушка раскрыл быстро двери и стал выводить испуганных животных из дымного помещения. Но не так просто это было сделать, ведь от дыма слезились глаза, трудно было дышать, ничего не было видно кругом. Лошади шарахались из стороны в сторону, упирались, не хотели идти. А огонь все ближе и ближе. Но моему прадедушке удалось вывести бедных животных из горящей конюшни до того, как обрушилась крыша. Когда прибежали на помощь жители деревни, лошади уже были в безопасности, а недостроенная конюшня сгорела. Долго потом переживал Пармен Васильевич, что случилось такое несчастье, но и был одновременно счастлив от того, что спас своих любимых лошадок. Так мой героический прадед отличился уже в мирное время.

Однажды из районного центра пришла ему повестка явиться в военкомат. Пармен Васильевич сильно разволновался. Зачем понадобился уже больной человек военным людям? Что хотят узнать или спросить? Всю дорогу до центра не покидали его эти мысли. А ждала прадедушку награда, которая нашла его через пятнадцать лет. В торжественной обстановке Пармену Васильевичу Кондрасову вручили орден Отечественной войны I степени.

Я горжусь своим прадедом, солдатом Великой Победы, настоящим патриотом своей страны! Я считаю, что свой воинский долг перед Родиной он исполнил до конца, в борьбе за свободу своей страны, за счастливую жизнь будущих поколений.

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ВОЙНЫ…

***Ткаченко Андрей Николаевич**, 13 лет,*
7 «Б» класс, ОЧУ «Газпромшкола»,
г. Москва

Для моего прадедушки Николая Петровича Пудова война закончилась на берегу Эльбы. Про победу объявили уже 8 мая, но осознание произошедшего пришло не сразу. К мирной жизни привыкали медленно, еще долго оставалось ощущение, что враг где-то рядом, за спиной, и расслабляться никак нельзя. И все же после объявления о капитуляции врага дедушка дал своим бойцам команду помыться и побриться, дабы встретить такую долгожданную Победу при всем параде.

Мой прадедушка был кадровым военным, поэтому с концом войны его служба не закончилась. Еще около двух лет после войны дедушкина служба проходила на территории Германии. Именно в Германии, а точнее в местечке под Берлином, дедушка и встретил любовь всей его жизни, мою прабабушку Евгению Николаевну Пудову.

Этой судьбоносной встрече предшествовала череда невероятных и во многом трагических событий. Дело в том, что моя прабабушка Женя жила на Украине в городе Попасный. В сентябре 1942 года в их город вошли немцы и забрали бабушку и еще многих девушек и женщин в концлагерь Равенсбрюк. В концлагере бабушка оставалась вплоть до самой Победы. Бабушка вспоминает, что в начале мая 1945 года у лагеря вдруг исчезла охрана. И тогда она с еще четырьмя подругами решила бежать. Куда именно надо бежать, они не понимали, главное, подальше от лагеря, и всеми силами прорываться «к своим». Несколько дней жили на сеновале у немецкого фермера, там их приютил украинский юноша, которого во время войны, как и бабушку, угнали в Германию. Мальчик кормил Женю и ее подруг картошкой, извиняясь, что больше нечем, а для них это был лучший деликатес, в лагере картошку давали только по праздникам. В результате долгих скитаний Женя очутилась в советской воинской части, где уже служил мой дедушка Николай Пудов.

Евгения была хороша собой, отличалась бойким и веселым нравом, и дедушка ее сразу заприметил, но обнаруживать свои чувства не спешил. Ухажеров у Евгении хватало, да и к офицерам (а дедушка был офицером) она не благоволила, так как солдаты из этой же части говорили, что девушкам с офицерами связываться не стоит — они их, дескать, точно обманут. И все-таки дедушка покорил бабушку. Во-первых, у него единственного в части был трофейный мотоцикл, на котором он ее катал, а во-вторых, дед всегда отличался особой хозяйственностью,

даже в полевых условиях мог наладить быт, что, конечно, подкупало невероятно. В итоге, когда в феврале 1946 года часть расформировали и Евгении разрешили вернуться домой, она уезжала с чемоданчиком, полным вяленого мяса и других ценных продуктов. Все это для нее собрал запасливый Николай.

Бабушка вернулась в свой родной город, где не была целых пять лет, а дедушка остался служить в Германии, домой он смог уехать только в декабре 1947 года. Когда молодые расставались, они не давали друг другу несбыточных обещаний, слишком много было неопределенностей, и все-таки дедушка взял бабушкин адрес, а она, хоть и неуверенно, но пообещала ждать.

После приезда бабушки домой в Попасный ее отец настоял на необходимости получения высшего образования, поэтому бабушка поступила в школу рабочей молодежи. После этого она заочно поступила в Артемовский учительский институт. Женя была девушкой крайне серьезной и все свои силы бросила на учебу, хотя и вспоминает, что принимала ухаживания «одного морячка».

В декабре 1947 года Николая Пудова отправляют на службу в Киев. «С собой у меня был мотоцикл и кое-какое барахлишко», — вспоминает дед. Через месяц после прибытия дедушку отправляют в командировку в Луганскую область. Задача — организовать поставку угля для его артиллерийской дивизии. Воспользовавшись этой оказией, дедушка решил навестить девушку Евгению, с которой познакомился в воинской части. Женин дом был как раз рядом, в городе Попасный. Когда он приехал, Жени дома не было. Она была в институте. Бабушкиной семье жених понравился сразу. В 1948 году сыграли свадьбу, и молодая семья поселилась в Киеве, где еще служил мой прадед.

После окончания Женей института семья перебирается в Москву. Евгения мечтает тут же начать работать по профессии — учителем математики, но возникли проблемы. На работу ее не брали из-за ее прошлого в немецком плену. Тогда бабушка пошла в КГБ добиваться справедливости, и ей это удалось — на работу ее взяли.

В Москве мой дед решил продолжать службу и стал готовиться поступать в Артиллерийскую академию на отделение, готовившее специалистов по противовоздушной обороне (ПВО). Дедушка закончил только сельскую школу, к поступлению они с моей бабушкой днем и ночью готовились, писали диктанты. На экзамене моему дедушке повезло — ему достался диктант, который он уже писал, и благодаря этому он поступил в Академию. В Москве у дедушки с бабушкой родилась дочка, моя бабушка Елена Николаевна Пудова.

Мои бабушка и дедушка до сих пор живут счастливо вместе. Сейчас у них уже есть внуки и правнуки. Моя бабушка всю жизнь проработала в школе учителем математики, а дед внес неоценимый вклад в развитие Российского ПВО. Я ими очень горжусь.

МЫ ПОМНИМ НАШЕГО ГЕРОЯ

***Тыро Кирилл Сергеевич**,14 лет,*
ученик 9 «А» класса МБОУ «Средняя школа № 11»;
*учитель — **Коробицына Анна Владимировна,***
Почетный работник СПО РФ,
г. Щекино

Мы помним нашего героя!
В сердцах людей он жив всегда.
Мы будем знать о нем с тобою –
Победу не сотрут года!

К. Тыро

Козлов И.И. 1943 г.

Великая Отечественная война... Все дальше и дальше от нас события тех суровых дней... Мы смотрим военные кинохроники, слушаем песни, читаем книги о войне и не можем представить себе, как на самом деле это было страшно! Всенародное горе коснулось каждой семьи — оборвало чью-то несложившуюся судьбу, чью-то наполненную радостью жизнь, чьи-то рухнувшие в один момент мечты и планы, которым не суждено было сбыться... «Война проходит тонкой нитью через души и сердца людей, объединяя и сближая их. Она заставляет задуматься нас, потомков, о том, что мы должны помнить и свято хранить память о тех героях, которые подарили нам жизнь» [1, с. 10].

История войны безгранична. В ней тысячи судеб, среди которых история героя моей семьи.

Листая старый семейный альбом, нахожу небольшую черно-белую фотографию тех далеких лет. На ней молодой симпатичный парень в форме красноармейца. Спокойный, задумчивый, открытый взгляд...

История одного человека из миллионов таких же, как он, бойцов! А как много в ней интересного и важного для меня!

Иван Игнатьевич Козлов, родной брат моего дедушки, родился 20 августа 1925 года в деревне Пигасово Киреевского района Тульской области. Он был самым старшим из шести детей, все они росли дружными. Мама называла его самым послушным и надежным из них.

В мае 1941 года Иван закончил седьмой класс, а в июле его уже отправили на трудовой фронт в Смоленскую область, в город Драгобычи. В конце августа он вернулся домой, в деревню Пигасово. В ноя-

бре 1941 года в деревню пришли немцы. Иван тогда учился в восьмом классе. Вот только девятый класс окончить так и не успел.

В январе 1943 года его призвали в армию, на тот момент ему исполнилось всего семнадцать с половиной лет.

Сразу же отправили на Урал, в «учебку». А через шесть месяцев — уже в бой. Молодой солдат Иван Козлов попал на Западный фронт. Участвовал в тяжелейших боях за освобождение Смоленска, Витебска, Орши. Весной 1944 года мой дед был ранен в ногу.

После госпиталя его отпустили на несколько дней домой. Только и успел Иван обнять мать, младших братьев-сестер да подправить покосившийся забор, как снова — на фронт. Сын успокаивал мать: «Ничего, мама, скоро война закончится. Вот тогда заживем. Ты еще моих детей, внуков своих, понянчишь». Это был июнь 1944 года.

Провожала мать своего сына с Тульского вокзала. Там формировался полк, там же выдавали бойцам и обмундирование. Ивану досталась шинель не по росту, явно с чужого плеча. Стал примерять, а уже звучит команда: «По вагонам!» Сунул он руку в карман шинели, а там 10 рублей. Так и обмер он от такой находки. Соскочил с подножки поезда, успел обнять мать, вложил ей в руку неожиданный трофей: «Купи себе и детям еды, береги себя!» Таким и запомнила его мать летом 44-го года.

Больше им увидеться не привелось. Во время сражения на Ленинградском фронте, куда был приписан мой дед, солдат Иван Козлов вновь получил тяжелейшее ранение в ногу. За этот бой он был награжден Орденом Славы второй степени. Два месяца пролежал в госпитале. Нога сохла и болела. Казалось, война для него закончилась. Медицинское заключение было коротким: назначается писарем в штаб. А дальше, как в ускоренном кино. Штаб расформировали, Иван попал в город Дно Псковской области. Оттуда получил направление в Ленинград, в офицерскую школу. Но кандидатуру отклонили, засомневалось в нем высокое начальство: мол, в 41-м году в своей деревне жил на оккупированной территории. Мало ли что! Возвращайся-ка ты, брат, на фронт!

А Иван был не против. Для него главное — бить фашистов за мать, за семью, за своих односельчан, за всю страну! В ноябре 1944 года на Псковской земле в боях за город Дно боец Иван Козлов погиб смертью храбрых.

Долго мать ждала весточки от сына, все не верила, что случилась с ним беда. Думала, может, в госпитале лежит, скоро даст о себе знать.

После победного мая 1945 года в дом пришла похоронка, в которой сообщалось, что Козлов Иван Игнатьевич пропал без вести в августе 1941 года. Не поверила мать этому страшному известию: «Ошиблись командиры, напутали что-то, не о нем это. Ведь приезжал мой Иван домой в 43-м году, жив был. Вернется, я знаю!»

Только не дождалась она сына. Полгода не дожил до Дня Победы ее Иван. Пал смертью храбрых! Моему деду тогда было всего 19 лет!

Много времени прошло с той войны, но моя семья не теряла надежду узнать хоть что-нибудь о гибели Ивана!

И вот совсем недавно на сайте «Память народа» [4] мы нашли нашего героя. По официальным источникам, он действительно числился пропавшим без вести. Такая короткая строчка, но за ней — героическая жизнь!

История про моего деда Ивана не придумана. Мне рассказала о нем его родная сестра — Татьяна Игнатьевна Козлова, моя двоюродная бабушка.

Я считаю, что мой дед был настоящим героем, истинным патриотом и хорошим человеком. Он мог бы многое в жизни еще успеть сделать, но ушел молодым в последний бой, из которого не вернулся живым. Мне очень хочется быть похожим на моего деда Ивана!

В 2016 году моему дедушке исполнился бы 91 год... Два года подряд мы принимаем участие во Всероссийской акции «Бессмертный полк». В день Победы — 9 мая, когда светит яркое весеннее солнце, среди живого людского потока и тысяч портретов других фронтовиков идет и мой герой — Иван Игнатьевич Козлов.

Он всегда будет жить в моей памяти и в моем сердце!

Литература

1. В. А. Кондратьев, З. Н. Политов. «Говорят погибшие герои». — Москва: Издательство политической литературы, 1979 г.
2. Я. М. Гершкович «Большая иллюстрированная энциклопедия», том 5. ООО «Издательство Астрель», 2010 г.
3. Сайт http://dic.academic.ru/dic.nsf/es/151928/ энциклопедический словарь
4. Сайт «Память народа» https://pamyat-naroda.ru/

Я ТОБОЙ ГОРЖУСЬ, МОЙ ПРАДЕД!

***Федотова Алена Михайловна**,15 лет,*
ученица 9 класса МОУ ЦО № 2;
*руководитель — **Колосова Алена Александровна,***
ведущий библиотекарь сектора краеведения
МУК «ЯЦБ им. В.В. Вересаева»,
г. Ясногорск Тульской области

Я и мои сверстники знаем о Великой Отечественной войне по кинофильмам, книгам, школьным учебникам. Это дает общее представление о тех суровых и героических годах. Нам известно о главных сражениях Великой Отечественной, знакомы имена многих героев: Зои Космодемьянской, Александра Матросова, Н.Ф. Гастелло, имена маршалов: Г.К. Жукова, К.К. Рокоссовского, И.С. Конева. О них написаны книги, сложены стихи, песни, сняты фильмы. Их имена носят площади и улицы городов. Все это

мы знаем. Только этого мало. Важно понять и ощутить неразрывную связь своей жизни с подвигом и жизнью того героического военного поколения.

Я вспоминаю, как болезненно трудно было говорить ветеранам о своем боевом пути на встречах с нами, учениками, которые проходили в школе. Для меня эти встречи были и памятны, и волнительны. Я долго не могла забыть пожилые грустные лица ветеранов, их затуманенные слезой глаза. Быть может, поэтому многие из них неохотно вспоминают свою боевую молодость, а возможно, стараются и вовсе забыть. Мой прадедушка, как рассказывала моя бабушка Надя, тоже не любил вспоминать войну, все отшучивался. Уж очень тяжело жить и постоянно проживать войну.

Начав взрослеть, я поняла, что только через судьбы родных и близких я смогла ощутить и прочувствовать ту великую беду, которая накрыла нашу страну, ее людей в июне 1941 года. Ощутить в полной мере гордость за наш народ, народ — победитель, за своего прадедушку, который внес свой вклад в Великую Победу над фашизмом.

Мой маленький рассказ о простом солдате Красной Армии, ветеране Великой Отечественной войны, прадедушке Николае Егоровиче Мусатове, которого я буду помнить всегда. Я его не застала в живых — он умер от ран до моего рождения. Как жаль, что сегодня мне некому сказать: «Я люблю тебя дедушка. Спасибо». Мой рассказ о прадедушке — это пересказ того, что я узнала из рассказов моей бабушки, папы, из письма тети Нади. Документы, сохранившиеся в семье: военный билет, красноармейская книжка, награды — также стали безмолвными рассказчиками о моем героическом прадедушке. Все эти документы многие годы бережно хранятся у нас в доме.

Гвардии сержант Мусатов Николай Егорович, 1911 года рождения (д. Каменка, ныне Ясногорский район Тульской области), воевал с 1941 г. по 1945 г.

В 1933 году Николай Егорович был призван в ряды Красной Армии для прохождения военной службы. Служил он в ферганском кавалерийском полку курсантом. После окончания обучения был назначен командиром отделения 19-го Ферганского кавалерийского полка. В 1935 году был уволен в запас.

После армии прадедушке пришлось много трудиться, так как был единственным мужчиной в многодетной семье и единственным кормильцем. На трудовом фронте ему пришлось трудиться недолго. Началась Великая Отечественная война.

В 1941 году прадедушка ушел защищать свою страну от немецко-фашистских захватчиков. Воевал в 6-м Гвардейском кавалерийском полку ордена Суворова в звании гвардии старшего сержанта и в должности командира отделения конников разведэскадрона.

Разведка, как говорят, — это глаза и уши армии, всегда впереди, выполняет самые сложные и опасные задания. Своим личным примером прадедушка вдохновлял своих солдат на выполнение самых сложных боевых задач. В боях за Украину — деревню Церковщина (17 августа 1943 г.) его отделение отразило три атаки противника, а 29 сентября 1943 года в районе

д. Танцы он уничтожил 5 немцев и взял в плен 6 немцев. За это его наградили медалью «За отвагу» (Приказ № 022Н от 8 октября 1943 г.). Вторую медаль «За отвагу» прадедушка получил в 1944 году (Приказ № 05Н от 20 февраля 1944 г.). Продвинувшись со своим отделением к переднему краю обороны немцев, гранатами уничтожили две пулеметные точки противника.

23 апреля 1945 года прадедушка Николай Егорович и его группа получили приказ связаться с частями нашей армии в районе населенного пункта Предтице (Венгрия). Скрытно, пробравшись через вражеские заслоны и открыв огонь из автоматов и ручного пулемета, бойцы уничтожили 7 гитлеровцев и посеяли панику среди фашистов. Тем самым они обеспечили проход и соединение с другими частями нашей армии. Задача была выполнена. Враг понес большие потери. За эту операцию прадедушку наградили орденом Славы III степени (Приказ № 018Н от 24 мая 1945 г.).

8 февраля 1946 года моему прадедушке была вручена медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1945 года).

Слушая рассказ моих родных об этих эпизодах боевого пути прадедушки Николая Егоровича, я вдруг ощутила, как они словно оживают, словно сошли с экрана, — так явственно и живо я их представила. И мне показалось, что те документальные и художественные фильмы о войне, которые я видела раньше, книги, которые прочитала, — это все и о нем, о моем прадедушке. Впервые я прочувствовала, насколько все мы, живущие сегодня, обязаны им — славным воинам и защитникам, подарившим нам право на жизнь и счастье. Вечная им память и низкий поклон.

Мой прадедушка прошел всю войну. Был дважды ранен: в голову и в плечо. В 1942 году — тяжело. Ранение было в плечо: в легком остался осколок, но он об этом не знал. Лечился в госпитале, а затем продолжил свой боевой путь. В 1945 году он был награжден знаком «Отличный разведчик» и орденом Отечественной войны.

После войны, в связи с тяжелыми ранениями, мой прадедушка был признан инвалидом войны. Раны частенько напоминали о себе, беспокоили, приходилось ложиться в больницу. В больнице он узнал, что живет с осколком в легком.

Но раскисать было нельзя. Уже была семья, родились две дочери. Нужно было их поднимать. Многие годы Николай Егорович трудился председателем в родном колхозе (в настоящее время «Ленинский путь»). Возрождал разрушенное войной хозяйство и строил новую мирную жизнь. В 1989 г. в возрасте 77 лет мой прадедушка умер.

А память жива и сегодня. Бабушка бережно хранит ордена и медали, документы, фотографии Николая Егоровича, ставшие реликвиями. Я уверена, придет время, когда и мои дети будут слушать мой неторопливый рассказ о нашем отважном, героическом прадедушке Николае Егоровиче Мусатове, его боевом пути и заслуженных наградах.

Я очень горжусь своим прадедушкой, люблю его и всегда буду помнить.

9 мая я иду на шествие вместе с прадедушкой: его фотография у меня в руках. Потом — на братскую могилу поклониться погибшим защитникам Тулы и Москвы (на территории нашего района зимой 1941 года шли оборонительные бои). И позже мы всей семьей, как обычно, приходим к прадедушке на могилку. Положим ему букетик цветов, а бабушка (его дочь) по традиции нальет ему сто грамм фронтовых «За Победу!» и накроет кусочком ржаного хлеба.

Я ПОМНЮ, Я ГОРЖУСЬ...

***Федулова Полина Михайловна**, 15 лет,*
ученица 8 «Б» класса МБОУ «СОШ № 22»;
*учитель — **Воротилина Татьяна Алексеевна**,*
г. Узловая Тульской области

Часть первая

Говоря о том, какой след оставила Великая Отечественная война в жизни нашей семьи, не могу не вспомнить своего прадеда, крестьянина из села Богослово Скопинского района Рязанской области Федора Ивановича Кузьмина. Он родился в 1906 году и с первых дней войны был призван в ряды Красной Армии. Дома у него остались старенькая мать, жена и четверо детей мал мала меньше.

Война побросала его по разным фронтам, но чаще других он вспоминал бои под Выборгом и прорыв кольца на Ленинградском фронте, где он воевал все три долгих года, что длилась блокада.

Много Федор Иванович видел смерти за эти годы, она буквально ходила за ним по пятам. Однажды во время вражеского обстрела сидел дед в окопе со своим товарищем, и только они решили закурить табачку, как невдалеке разорвался снаряд, и окоп их завалило землей. Позже деду рассказывали, как пошли собирать раненых, а двоих не досчитались. Не было двоих ни среди живых, ни среди мертвых. А вот один боец, что повнимательней был, приметил штык винтовки, торчащий из земли. Догадались, что к чему, начали копать и откопали. Товарищ, что закурить взял, был убит, а деда моего тот взрыв инвалидом сделал на всю оставшуюся жизнь, сильно искалечив ногу.

Рассказывал Федор Иванович, что на войне ярче, чем в мирной жизни проявляются и светлые, и темные стороны человеческой души, жизненные обстоятельства проверяют человека, показывая, кто чего стоит. А еще дед рассказывал, как испытал свой самый сильный страх в жизни, когда с самой жизнью чуть не пришлось проститься.

Однажды форсировали реку Днепр, при этом силы противника явно превосходили силы русских войск, и многие осознавали, что дело если и не проигрышное, то уж точно очень рискованное. И вот напряженная ночная тишина, а впереди — речная гладь. По эту сторону — наши, по ту сторону — фашист. Поступил приказ перебраться на другой береги раздавить гада. Назад ни шагу, а впереди неминуемая смерть. «Кто поплывет первым?» — был вопрос командира к бойцам. Командир не неволил, он все понимал и давал людям возможность добровольно принять решение. Наряду с взрослыми мужчинами на войне воевало очень много молодых парней, вчерашних школьников, которые теперь смотрели в лицо смерти, а жизни еще не видели. Боец Кузьмин и еще несколько солдат сделали шаг вперед. Им было по 30–40 лет, и какая-то жизнь уже была за плечами, но умирать никогда не хочется! Погрузились в лодки, дед взял свой пулемет, и группа во главе с командиром отплыла от берега... Слышно было, как сердце стучит в этой смертельной тишине.

Но напрасно эти несколько человек прощались с жизнью в те минуты, смерть пришла не за ними. Едва они вышли на берег, фашисты засекли переправу и открыли массированный огонь по тем лодкам, что шли позже. В ту ночь русских солдат на той реке погибло без счета. Пулеметчику Кузьмину Ф. И. переправа через реку Днепр дала не только орден за мужество, но и добавила седых прядей на голове.

Прошел мой прадед почти всю войну, и его служение Родине было отмечено орденом Красной Звезды 2 степени и многими медалями. Когда много лет спустя моя мама спрашивала его о том, какой же день был самым счастливым в его жизни, он отвечал, не раздумывая, что День Победы, великий день, когда воля целого народа, пусть ценою огромных жертв, смогла остановить чуму, грозившую гибелью половине человечества.

Часть вторая

Мирная жизнь для бойца Кузьмина началась промозглым осенним днем 1944 года, когда он, демобилизованный по ранению из рядов Красной Армии, вышел из поезда на станции Миллионная в селе Горлово Скопинского района Рязанской области. Солнце уже клонилось к закату, а в пустынное здание деревянного железнодорожного вокзала вошел солдатик в поношенной шинели, на костылях и с вещмешком за плечами. Таких в ту пору было много, и картина эта никого не удивила. Он подошел к дежурному по станции, объяснил, что к чему, и от него узнал, что подвода на Богослово прибудет только завтра утром, а сегодняшняя уже давно ушла. Сели, покурили, поговорили, и дежурный посоветовал остаться в вокзальной теплушке до утра. На том и порешили. Но чем ближе подступала ночь, тем нестерпимей становилась тоска по своим, которые находились теперь так близко. Как там старушка-мать, жена? Помнит ли сын? Узнают ли теперь дочки? Младшенькой Маруське было всего 2 годика, когда отец ее ушел на фронт.

Сон не шел, хоть тресни. Поворочался под шинелькой часок-другой и подумал, что лучше уж идти, хоть медленно, а все же к дому. «Куда ты пойдешь в такую непогодь? На улице ни зги не видать! Поспи, отдохни, а завтра с удобствами доставят куда надо!» Но напрасны были увещевания старого вокзального старожила. Оделся Федор Иванович, мешок — на спину, взял костыли — и в путь двинулся. По короткой дороге через лес тут недалеко: всего-то километров 7–8 — и дома!

Всю ночь до утра шел мой дед на костылях по осенней распутице домой! Да разве это расстояние для того, кто три с лишним года не раз оказывался на самом краю, находясь в огненном пекле, для того, кто отчаянно мечтал увидеть самых родных людей, жил мечтой об этой встрече и верой в то, что где-то там тебя ждут и за тебя молятся?! Такое желание подобно боли, способно полностью подчинить себе тело, оно заставляет действовать и дает силы сделать невозможное, превышающее подчас предел человеческих возможностей.

Начинало светать, когда Федор Иванович постучал в родное окошко и обессиленно рухнул на лавку возле дома. «Встречайте вояку, бабы», — только и смог произнести он. Радостная новость перетряхнула весь дом! Жена, мать, сын, три дочки — все старались занять место поближе к герою, расспросить обо всем, потрогать награды на гимнастерке.

А дальше потянулись трудовые будни. Окончилась война. Радость победы, словно мощная волна, накрывшая всех советских людей, теперь схлынула и обнажила те страшные разрушения, голод, огромное количество проблем, которые оставила после себя война.

Стране надо было восстанавливать разрушенное хозяйство, отстраивать заново заводы и фабрики, фермы, пахать землю, сеять хлеба, спасать людей от голода. В этом многотрудном деле деревня взяла на себя основной груз и создавала материальную базу для подъема экономики страны. В условиях, когда мужских рабочих рук не хватает, на счету каждый работник. Бабушка рассказывала, что женщинам порой приходилось впрягаться в соху вместо лошадей и пахать землю, потому что лошадей не было.

Труд моего прадеда Федора Ивановича Кузьмина в родном селе отражен в летописях родного края. Так, в книге «Скопин: Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района» мы читаем: «Все, что могли, отдали колхозу другие фронтовики, возвра-

Та самая скамейка, на которую обессилено опустился мой прадедушка в то промозглое осеннее утро...

щавшиеся с войны в родное село. Вот один из таких примеров. С тяжелым ранением пришел с войны механизатор Ф. И. Кузьмин. Он практически не мог ходить. И все же в постели оставаться не захотел. Буквально на руках доносили его до порога избы, где осторожно сажали на телегу. На ней он добирался до своего трактора. Там его опять же под руки усаживали в кабину, и он начинал работать. И так изо дня в день, преодолевая боль, фронтовик продолжал свой бой на колхозном поле».

Вот еще одна ничем не примечательная история советского человека, история моего прадеда Федора Ивановича Кузьмина, одного из миллионов таких же скромных тружеников. Но возможно, в этом и заключается уникальность русского характера: в мирное время без пафосных слов пахать землю, отдавая все силы, а в минуту смертельной опасности стать стеной на ее защиту.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА ЖИВА

***Шигапова Эльмира Рамильевна**, 8 лет,*
ученица 2 класса МБОУ СОШ № 13;
*учитель — **Чачина Венера Абдулгановна**,*
г. Донской Тульской области

Ахметов А.З.

Много пережил наш народ и вся страна в лихую годину Великой Отечественной войны. Каждой семьи коснулась эта беда. И сейчас еще живы люди, участвовавшие в этой войне, ветераны. Война в их памяти всплывает самым страшным горестным воспоминанием. Но она же напоминает им о стойкости, мужестве, силе духа, дружбе и верности. Один из них — мой прапрадедушка по папиной линии Атаулла Зинатуллович Ахметов. Он родился в 1926 году в Татарстане, в Дражановском районе, был призван на войну весной 1943 года из деревни Кара-Китя. На тот момент ему было всего лишь 17 лет. В течение двух недель моего прадедушку и остальных мальчиков из деревни учили пользоваться оружием, стрелять из него, закладывать снаряды в пушки и т.д. Учеба пролетела очень быстро, и пришло время моему прапрадедушке отправиться служить во Владивосток на Тихоокеанский флот.

Он рассказывает нам много историй о том времени, как он закладывал патроны, снаряды в пушки, как стрелял, ему было очень страшно, ведь он был, по сути,

совсем еще ребенком. Но он выдержал, они все преодолели это самое страшное время. Я горжусь своим прапрадедушкой. Когда мы приходим к нему в гости, он всегда говорит нам: «Я не хочу, чтобы была война, чтобы люди погибали».

О его боевом пути говорят награды: орден Отечественной войны, медаль «За боевые заслуги», орден Красной Звезды, медали «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За победу над Японией», юбилейные награды.

После окончания войны в 1945 году моего прапрадедушку не отпустили домой, его отправили на Японскую войну, которую он честно и храбро прошел. И уже потом отправился домой.

Его родители и брат Ахметов Рафаулла Зинатуллович, к сожалению, к тому времени уже умерли. Моему прапрадеду пришло письмо о том, что его брат умер и похоронен во Владивостоке. Он был снайпером. Прапрадедушка долго искал могилу своего брата, и нашел ее спустя некоторое время.

Мы часто рассматриваем военные фотографии, письма, открытки, награды. Когда прабабушка достает ордена и медали, они светятся в ее руках. Я горжусь своим прапрадедушкой.

Прапрадедушка часто рассказывает нам о далеких местах своей службы, и каждый год мы всей семьей ходим на митинги в День Победы.

У моего прадедушки 8 детей, 16 внуков, 12 правнуков. Мы гордимся им. Каждый год он надевает свою форму и, торжественно прижимая к груди снятую фуражку, еле сдерживая слезы, стоит у Братской могилы, скорбя о погибших в Великой Отечественной войне.

Это великое счастье, что я имею возможность общаться со своим прапрадедушкой, узнавать о горьких событиях Великой Отечественной войны из уст родного человека — участника, ветерана войны.

Я не видела войны, но знаю, какой ценой завоевано счастье. Я всегда буду помнить тех, кто боролся за свободу, за светлое будущее нашей Родины!

ОН ВЫЖИЛ… НА СИНЯВИНСКИХ ВЫСОТАХ

***Школьный Егор Александрович**, 13 лет,*
ученик 7 класса ГБОУ «Школа с углубленным изучением экологии № 446»;
*учитель — **Дубиковская Валентина Александровна,***
г. Москва

Мой прадед Андрей Иванович Елисеенко родился в Могилевской области в 1918 году в деревне Каничи. В 1935 году закончил школу, семь классов, а в 1937 году поступил в Военное ленинградское стрелково-пулеметное училище. После окончания училища в 1939 году ушел на Фин-

Елисеенко А. И.

скую войну. В первые месяцы Великой Отечественной войны, с 16 августа 1941 года по 2 февраля 1943 года, защищал город Ленинград, был заместителем командира взвода 11-ой отдельной стрелково-пулеметной бригады 67-й армии. Его бригада стояла под Ленинградом в районе села Синявино.

К концу 1942 года обстановка под Ленинградом была сложной: войска Ленинградского фронта и Балтийский флот были изолированы, сухопутной связи между городом и Большой землей не было. В течение 1942 года Красная Армия дважды предпринимала попытки прорыва блокады Ленинграда. Однако и Любанская, и Синявинская наступательные операции не увенчались успехом. Район между южным побережьем Ладожского озера и поселком Мга (так называемое «бутылочное горлышко»), где расстояние между Ленинградским и Волховским фронтами было наикратчайшим (12–16 км), был по-прежнему занят частями немецкой 18-й армии. Командование Красной Армии разработало новый план наступления — операцию «Искра», в результате которой планировалось разгромить фашистские войска и прорвать блокаду города Ленинграда. На подготовку операции отвели почти месяц. Для наступления были сформированы ударные группировки Ленинградского и Волховского фронтов.

12 января 1943 года

В 9 часов 30 минут более 4,5 тысяч орудий и минометов двух фронтов и Краснознаменного Балтийского флота обрушили свой удар по позициям противника. На Ленинградском фронте огненный смерч бушевал 2 часа 20 минут. На Волховском фронте во 2-й ударной армии артподготовка продолжалась 1 час 45 минут.

19–30 января 1943 года

Образовав общий фронт и закрепившись на новых рубежах, войска 67-й и 2-й ударной армий продолжили наступление на Синявинские высоты. Ожесточенные бои продолжались до конца января.

В результате операции «Искра» войска Ленинградского и Волховского фронтов 18 января 1943 года прорвали блокаду Ленинграда. Прорыв блокады стал переломным моментом в битве за Ленинград. В боях на Синявинских высотах погибло более 360 000 человек.

В районе села Синявино, которое находилось на Синявинских высотах, прадед в бою был тяжело ранен в голову.

За участие в боях на Синявинских высотах Андрей Иванович Елисеенко был награжден орденом Красной Звезды, но награда нашла героя не сразу, а только в августе 1946 года. Также прадед был награжден медалью «За оборону Ленинграда», Орденом Отечественной войны 1 степени и другими наградами.

В нашей семье помнят случай, произошедший с Андреем Ивановичем, когда во время тяжелого боя его контузило и ранило, а после боя его ошибочно чуть не захоронили в братской могиле, так как он был без сознания. Спасла его медсестра, которая во время захоронения увидела, что прадед начал двигать руками, и начала кричать: «Он живой. Он просто контужен». Вот так девушка спасла ему жизнь. После войны прадед переписывался с этой медсестрой до самой своей смерти. Она жила в городе Нарве, в Эстонии.

Когда Андрея Ивановича комиссовали в 1943 г. после тяжелого ранения, он вернулся домой в родную деревню Каничи. Дома и по всей Белоруссии он стал собирать бездомных детей и отвозил в детские дома. Затем поступил на курсы, закончил их и стал работать директором кирпичного завода, потом ушел работать бригадиром фермы, а после и вовсе ушел в лесники. Говорил всегда, что в лесу ему спокойнее работать.

Прадед никогда не любил рассказывать про войну, всегда говорил: «В книжках написано — вам этого хватит». Андрей Иванович женился в 1948 году, прабабушка жила в соседней деревне, а работала в городе, в типографии, очень гордилась своей работой. Но полюбила прадеда и оставила работу, переехала в деревню к нему.

В 1968 году прадед построил дом своими руками вместе со своими детьми (их было шестеро). Дом этот стоит до сих пор в деревне Каничи, в Белоруссии. Возле дома растут корабельные сосны, их хотели вырубить и пустить на мачты, прадед не дал этого сделать, он поднял всю деревню на защиту этих сосен, которые стоят до сих пор возле его дома. Благодаря ему, когда я там бываю, я могу долго на них смотреть. Деревня Каничи несколько лет назад отмечала свой юбилей — 500 лет. Я был на этом замечательном празднике, мне очень понравились белорусские традиции.

В доме у прабабушки и прадедушки всегда жили чужие дети или просто сироты. Их дом был для них родным. Помимо своих детей они воспитывали еще чужих. Прадед был очень честным человеком.

Андрей Иванович Елисеенко умер в июне 1998 года.

Я очень горжусь своим прадедом — героем войны, добрым и скромным человеком.

Литература

1. Сайт «Мемориал» — http://www.obd-memorial.ru/html/index.html
2. Центральный ордена Красной Звезды архив Министерства обороны Российской Федерации — http://archive.mil.ru/archival_service/central.htm

В КАЖДОЙ СЕМЬЕ — СВОИ ГЕРОИ

***Нестерук Никита Романович**, 14 лет,*
ученик 8 класса МБОУ МО Плавский район «Плавская СОШ №2»;
*учитель – **Чепенко Ирина Анатольевна,***
г. Плавск Тульской области

Все меньше остается живых ветеранов войны, кто мог бы рассказать нам о своем ратном подвиге.

Мне очень хочется сохранить память о своих прадедушках и прабабушке.

Мой прадед по материнской линии — Павлов Павел Сергеевич родился 21.12.1919 в городе Плавске Тульской области. С 1939 года был в Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА). В 1941 году Плавским районным военным комиссариатом был призван на фронт.

В боях с немецкими захватчиками проявил себя храбрым, мужественным воином. Работая шофером на боевой машине, он неоднократно выводил ее из-под обстрела вражеской артиллерии и бомбежки. В боях за Кривой Рог и по расширению плацдарма на правом берегу реки Днестр, рискуя жизнью, в нужный момент вывозил орудия по назначению, уничтожая вражескую технику и живую силу.

На 3-м Украинском фронте в оборонительных боях в районе Чеменд 15 марта 1945 года под сильным огнем противника подвозил боеприпасы для батареи, чем обеспечил успешное отражение атаки противника. Был морально устойчив, дисциплинирован.

За эти и другие подвиги во время войны был награжден двумя медалями «За отвагу», нагрудным знаком «Гвардия», медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

После войны прадед вернулся на Плавский машиностроительный завод «Смычка», женился 21.09.1946, имел четверых детей: Виктора, Веру, Надежду и Сергея.

Работал прадед Павел Сергеевич на заводе, слесарем, рабочим по обдирке, шлифовщиком металлических изделий, поездным кочегаром, помощником машиниста, был премирован за достигнутые производственные показатели во всесоюзных социалистических соревнованиях, ему объявляли благодарности.

Умер 30 июля 1983 года.

Моя прабабушка по материнской линии — Прасковья Родионовна Павлова (Ефимова) родилась 14.09.1924 в Тульской области, в Плавском районе, в деревне Акулово.

На ее долю выпали суровые испытания. В 17–18 лет была привлечена на строительство оборонительных сооружений — копала противотанковые рвы в Калининской и Тульской областях. Работали днем и ночью, в голод и холод.

В 1944 году ее призвали в Армию. Проходила обучение в Телеграфном полку, а с 17.07.1944 ее перевели в распоряжение командира 139-го Запасного зенитного артиллерийского полка Воинской части 51113, где она проходила службу до конца войны. В основном выполняла работу по организации противовоздушной обороны, была зенитчицей, сбивала самолеты. Зенитки защищали Тульские заводы от бомбежки. Пользовалась авторитетом, была требовательна к себе.

Награждена медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Прабабушка так же, как и прадедушка, всю жизнь до пенсии проработала на Плавском машиностроительном заводе «Смычка» разнорабочей в механическом цехе, гардеробщицей. За высокие показатели в работе в марте 1980 года была награждена медалью «Ветеран труда».

Прабабушка вырастила четверых детей. В настоящее время находится на пенсии.

Мой прадед по отцовской линии — Федор Владимирович Нестерук родился 17.08.1917 в Украине, в Винницкой области, в Улановском районе, в деревне Кустовцы. Там же в 1932 году окончил 7 классов и с 1933 года по 1938 год работал зав. складом горючего, рабочим, мастером. С 18 декабря 1938 года был призван в Рабоче-крестьянскую Красную Армию (РККА) Карагандинским облвоенкоматом. Был курсантом 2-й Дальневосточной армии, 10-й учебный полк. С 10 августа 1939 года по 9 сентября 1939 года участвовал в боях в районе реки Халхин-Гол. Награжден медалью «30 лет победы на Халхин-Голе».

В годы Великой Отечественной войны участвовал в боях с немецко-фашистскими захватчиками на Западном фронте в составе 110-й Стрелковой бригады 9-го гвардейского корпуса в качестве младшего командира (с ноября 1941 года по июнь 1942 года). 7 июня 1942 года под городом Белевом Тульской области на Центральном фронте при выполнении задания по взрыву немецкого ДЗОТа был тяжело ранен в правый бок и контужен. Три месяца провел в Военном госпитале № 8886, г. Рязань. Потом стал курсантом и окончил в апреле 1943 года Тульское пулеметно-минометное училище (ускоренный курс). Был командиром взвода курсантов. В его характеристике говорится, что он дисциплинирован и требователен, выдержан, обладал волевыми качествами.

За боевые отличия был представлен к медали «За отвагу». За оборону Москвы награжден медалью «За оборону Москвы». Также имел медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «50 лет Вооруженных Сил СССР».

После войны был командиром минометного взвода 803-го минометного полка 571-й артиллерийской бригады Московского Военного округа, ко-

мандиром огневого взвода 609-го минометного полка 423-й артиллерийской бригады Московского военного округа, старшим офицером батареи 159-го гвардейского артиллерийского полка 17-й гвардейской отдельной стрелковой бригады Московского Военного округа. 5 октября 1947 года уволен в запас по состоянию здоровья.

Женился, имел двоих детей. Умер 23 декабря 1997 года.

На долю моих прадедов и прабабушки выпала очень трудная участь — это суровые довоенные годы, ненависть, отчаяние, горечь и потери в военное время, нищета, налаживание быта, восстановление промышленности, сельского хозяйства в послевоенные годы.

Для меня Великая Отечественная война — это, прежде всего, трудовой и ратный подвиг моих предков — прадедов, прабабушек. Кто-то из них воевал на фронтах, кто-то пережил оккупацию, помогал партизанам, кто-то приближал Победу в тылу. А послевоенное время — это самоотверженный труд по восстановлению разрушенного войной хозяйства, защита рубежей страны под мирным небом.

Я считаю, что мои прадеды и прабабушка являются неизвестными героями Великой Отечественной войны. Я люблю их и горжусь ими!

Литература

1. Неугасима память поколений.— URL: http://mamson80.wixsite.com/
2. Официальный сайт движения Бессмертный полк. Плавский район.— URL: http://moypolk.ru/plavskiy-rayon
3. Архив администрации МО Плавский район.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ЖИЗНЬ КНИГИ ВОСПОМИНАНИЙ И РАЗМЫШЛЕНИЙ ПОКОЛЕНИЙ «МЫ ПОМНИМ...»

Когда задумывалась эта книга в 2009 году, нам хотелось лишь оставить память о наших отцах, родных, друзьях — участниках Великой Отечественной войны. Это был зов сердца. Да еще у нас, преподавателей, было понимание того, что молодежь должна знать историю своей страны и свои корни, что «общество должно быть единым и сплоченным» (Л. И. Ростовцева), а для этого необходимо «помнить, чтобы понимать» (Ю. М. Осипов).

Мы не ждали указаний «сверху», мы сами пошли «наверх» с просьбой поддержать начинание — оплатить типографские расходы. В итоге оказалось, что наша инициатива получила высокую оценку в сводном докладе Росвоенцентра при Правительстве РФ «О выполнении государственной программы "Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 годы"». Проект, в котором приняло участие около 200 человек, и подготовленная в его рамках книга «Мы помним...», объединившая 149 авторов из 6 регионов России, были названы «одной из форм, способствующей совершенствованию системы патриотического воспитания» в стране, и отмечены в качестве достижения, в основе которого «заложены новые технологии организации воспитательной работы с молодежью».

В результате многочисленных откликов и просьб проект был продолжен, свет увидела вторая книга (в двух частях), посвященная 70-летию битвы под Москвой и героической обороны Тулы. Она объединила 165 авторов работ из 46 городов и населенных пунктов 6 стран: России, Беларуси, Украины, Германии, Израиля, США. Всего в проекте, с учетом отборочных туров конкурса эссе «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов» внутри образовательных учреждений, приняли участие 487 чел. Книга была признана как «Лучший издательский проект» в 2012 г. в региональном туре Всероссийского конкурса «За нравственный подвиг учителя».

В 2015 году в честь 70-летия Великой Победы и 50-летия учреждения почетного звания «Город-герой» свет увидела третья книга (в двух частях). В нее включены эссе 290 авторов из 65 городов и населенных пунктов 9 стран мира: России, Беларуси, Украины, Казахстана, Англии, Израиля, Канады, США, Чехии. В международном конкурсе эссе «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов» приняло участие более 700 человек из 25 регионов России.

Наконец, вышла настоящая, четвертая книга «Сразу после войны», и уже готовится пятая «Мы помним ту страну, в которой жили».

В чем секрет успеха серии книг «Мы помним...»?

Предоставим читателю ответить на этот вопрос самостоятельно. Предлагаем для этого некоторые отклики.

Но, оглядываясь назад, отметим некоторые слагаемые успеха: это и прозорливость, ум, авторитет Юрия Михайловича Осипова, выступлений которого на конференциях-презентациях книги «Мы помним...» в Туле всегда ждут с нетерпением; это и высокий профессионализм группирующегося вокруг него научного сообщества на экономическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова и в Центре общественных наук, поддержавшего наш проект в качестве авторов; это и поиск истины Татьяной Михайловной Осиповой в отношении своей тети Лизы Беневской, пропавшей без вести в 1941 году, а потом найденной московскими школьниками-поисковиками под руководством бойцов разведывательно-диверсионной в/ч № 9903, которая вдохновляет нас до сих пор.

Итак, некоторые отклики.

Владимир Ростиславович Мединский, доктор исторических наук, профессор МГИМО, ныне Министр культуры РФ:

«Для меня стало честью приглашение в книгу «Мы помним...», в которой собраны лучшие эссе конкурса «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов». Вы делаете хорошее дело, и ваш опыт заслуживает того, чтобы быть распространенным на всю страну.

Скрепы нашей страны — это русский язык, русская культура и русская история. Великая Отечественная, память о ней — одна из главнейших таких скреп.

И пока она не расшатается, будет стоять наша страна — Россия. А расшатать мы ее не дадим». (Обращение к участникам международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию битвы под Москвой и героической обороны Тулы, 15 февраля 2012 г.)

Владимир Сергеевич Бушин, писатель и литературный критик, участник Великой Отечественной войны:

«За эти четверть века изданы горы самых разных книг о войне — от правдивых, грамотных, добросовестных, как, например, книги Алексея Исаева, хотя бы его «Мифы и правда о маршале Жукове», до невежественных и лживых... Есть иллюстрированная Энциклопедия войны (2005), есть двухтомная «Книга для чтения» о войне (2005), вышла Всероссийская книга памяти (обзорный том — 2003). В Туле в 2010 и 2012 годах издан двухтомник «Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений». Тут довелось принять участие автору этих строк» (газета «Завтра». Сентябрь 2014 г. № 36).

Николай Васильевич Калинин, директор Тульского филиала РЭУ им. Г. В. Плеханова:

«Когда я стал директором Тульского филиала Российского государственного торгово-экономического университета (теперь это РЭУ им. Г. В. Пле-

ханова), я с большим интересом прочитал книгу воспоминаний и размышлений поколений «Мы помним...», изданную в 2010 году. Огромное впечатление на меня произвел очерк Л. А. Вознесенского о нашем земляке, выдающемся экономисте, стратеге экономической победы в Великой Отечественной войне Николае Алексеевиче Вознесенском, председателе Госплана. Я напомнил руководству области об этом удивительном человеке, теоретике и практике, что послужило импульсом для присвоения ему звания «Почетный гражданин Тульской области». Опираясь на материальную поддержку спонсоров, удалось также в 2012 году благоустроить сквер у нашего здания на проспекте Ленина и установить бюст Н. А. Вознесенскому».

(Из выступления на Ученом совете филиала, 23 марта 2013 г.)

Яков Наумович Шафран, член литобъединений «Пегас» при Союзе писателей России и «Ковчег» при Тульской Духовной Семинарии:

«В канун 65-го юбилея Великой Победы, 65-го года светлой памяти тех, кто принимал участие в Великой Отечественной войне, в Тульском областном департаменте по делам молодежи прошла научная конференция в рамках реализованного в Туле межрегионального проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов и прадедов»...

Затаив дыхание, с большим вниманием зал слушает наших дорогих и любимых ветеранов: Паншину М. М., воевавшую в одной в/ч с Зоей Космодемьянской и Верой Волошиной (именно Маргарита Михайловна Паншина нашла родных Лизы Беневской, пропавшей без вести в одном из боев — Татьяну Михайловну Осипову, книга которой о своей тете «Лиза. Воскрешение из забвения» послужила импульсом для проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов»); туляка Гиндина Б. А., имевшего удостоверение партизана той же в/ч № 9903; Придонова М. П., художника из Тбилиси, бывшего узника концлагеря «Маутхаузен»...

Некоторые слушатели не могли сдержать слез. Душевное волнение испытывали и видавшие виды ветераны, и организаторы проекта, прочитавшие и выслушавшие столько историй, и студенты, и школьники.

В зале звучали стихи, полные признания и благодарности ветеранам и заботы о подрастающих и новых поколениях, об их духовном здоровье, которое немыслимо без памяти и любви к предкам, без преемственности.

Все выступавшие говорили о необходимости и насущности такого проекта и такой книги, о том, что такого еще не было в России. Ведь память о Дне Победы сейчас равносильна присяге на верность России. Ибо тот, кто не помнит, внутренне, а порой и внешне присягает кому-то другому...» (Город-герой Тула // http://www.chitalnya.ru/work/179587/. 5 мая 2010 г.)

Татьяна Алексеевна Есина, кандидат философских наук, доцент Тульского государственного университета:

«Большой общественный резонанс вызвал совместный проект Центра общественных наук МГУ имени М. В. Ломоносова и Тульского филиала Российского государственного торгово-экономического университета с пре-

красным названием «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов», подготовленный и реализуемый под руководством российских ученых-обществоведов Ю. М. Осипова и Л. И. Ростовцевой при поддержке правительства Тульской области. Его итогом явилась книга воспоминаний и размышлений поколений «Мы помним...». Уникальность замысла соединилась с энтузиазмом организаторов, их талантом и творческой энергией, получила интеллектуальную поддержку многих ученых, политиков, представителей самых разных профессий и возрастов, оказалась в конечном итоге той формой выражения народного духа, которая соединяет разные поколения россиян в единую нацию, становится основой традиции национальной культуры...

...Материалы книги поистине уникальны — разные грани исторической правды по-новому отражают отечественную истину — как обобщенный смысл жизни народа в переломную эпоху его истории. Для формирования исторического сознания молодых россиян одинаково важны как концептуальные схемы ученых-историков, архивные документы, так и яркие детали и отдельные факты, переданные через свидетельства очевидцев, запечатленные в семейных преданиях. Книга получилась действительно народной, она объединила оценки и мнения представителей самых разных слоев общества — профессионалов-обществоведов, специалистов историков, неспециалистов и простых людей, а также, что особенно важно, студентов и школьников». («Философия хозяйства». Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ. 1913. № 1. С. 262–263.)

Аркадий Васильевич Никоноров, доктор исторических наук, полковник в отставке, заслуженный работник культуры РФ:

«Авторы-составители книги «Мы помним...» смогли подобрать такой удивительной силы героико-патриотический материал, который не только восполняет возникшие у многих соотечественников пробелы в знании истории страны, но и явно возбуждает любовь к Родине и ее героическому прошлому.

Особенно интересны и волнующи воспоминания детей войны. «Дети и война — нет более ужасного сближения противоположных вещей на свете»,— сказал как-то гениальный советский поэт Александр Твардовский. Такое сближение случилось, и советские дети стойко и самоотверженно перенесли все тяготы и лишения самой тяжелой и кровопролитной войны в истории человечества. Каждый из них совершил хоть маленький, но свой подвиг, преодолев все невзгоды военного времени.

К сожалению, этого не понимают многие из нынешних законодателей. Продвижение в Думе законопроекта, предусматривающего отнесение поколения детей войны (1928–1945 годов рождения) к участникам Великой Отечественной войны, затягивается... А депутаты должны были бы знать, что многие из детей войны не имеют никаких льгот... Прочитали бы книгу «Мы помним...», может, и стали бы сердобольнее.

Искреннее восхищение вызывает «Великая Отечественная война в ценностном мире современной молодежи»... Помимо воспоминаний и раз-

мышлений в книге фигурируют и реальные документы: дневниковые записи, письма, фотографии фронтовиков из семейных архивов, обладающие научной и познавательной ценностью.

Хотелось бы надеяться, что данный патриотический проект будет продолжен. Подобные книги очень нужны сейчас, когда еще идут споры об итогах и уроках Великой Отечественной войны, о цене Победы и когда еще живы те, кто может рассказать нам истинную правду о войне.

Жаль, что книга «Мы помним...» вышла маленьким тиражом. Всего 300 экземпляров. Таких бы книг побольше. Где наше родное правительство?» («Философия хозяйства». Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ. 1913. № 1. С. 266–267.)

Петр Николаевич Евстратов, доктор экономических наук, профессор Тульского государственного университета, участник Великой Отечественной войны:

«Стремление сохранить в веках дух того героического времени, всего пережитого легендарным поколением победителей, показать внутренние истоки той Великой Победы в крайне трудные 1940-е гг. обусловило появление проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов», на основе которого была создана замечательная книга «Мы помним...» («Философия хозяйства». Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ. 1913. № 2. С. 270–271.)

Губаренко Валерий Владимирович, директор ГУ «Мемориальный комплекс “Брестская крепость-герой”», генерал-майор:

«Уважаемая Людмила Ивановна!

Поздравляем Вас с завершением большой работы и выходом в свет книги воспоминаний и размышлений поколений «Мы помним...» (ч. 1, ч. 2). Искренне рады и благодарны за то, что один ее экземпляр Вы подарили нам.

Книга ценна тем, что ее авторы — представители четырех поколений — делятся воспоминаниями и размышлениями, рассказывают о подвигах своих отцов, дедов и прадедов в годы Великой Отечественной войны.

Это достойная дань памяти ныне живущих поколений героическому прошлому нашего народа.

Уверены, книга вызовет интерес у людей разных возрастов и профессий, станет учебником жизни для молодежи.

Признательны Вам за возможность разместить в книге материал о героях Брестской крепости и традициях мемориального комплекса...

С уважением, директор В. В. Губаренко» (Из письма к Л. И. Ростовцевой от 29.02.2012.)

Татьяна Леонардовна Эджибия, зав. кафедрой экономической теории и права Омского филиала ФГОУ ВПО «Академия бюджета и казначейства МФ РФ», кандидат экономических наук, доцент:

«Книга «Мы помним...» впечатляет и потрясает... Речь идет не о внешнем оформлении (хотя и эта сторона достойна высокой оценки), а о той искренности и трогательности воспоминаний как свидетелей тяжелых военных лет, так и молодых людей, еще совсем юных и, к сожалению, получающих

недостаточно информации из учебников, СМИ и других источников (иногда сомнительных и противоречивых!) об истории своей страны. Не правы те, кто утверждает, что мы, россияне — «Иваны, не помнящие родства». Когда читаешь в названной книге очерки обычных граждан о фактах, событиях и истории своей страны, понимаешь, как мало эти «специалисты» или официальные идеологи-политики знают о своих согражданах!

Когда-то давно, еще школьницей, мне пришлось писать школьное сочинение на тему: «С чего начинается Родина?» Тогда я растерялась, не зная о чем писать. Сегодня, через десятилетия, начинаешь понимать, а скорее чувствовать, что Родина начинается с семьи, друзей и близких, соседей и земляков... Листая страницы книги «Мы помним...», знаю, наверное, — это действительно так!

Историческая память народа — это не только то, что «запечатлено» на страницах учебников по истории, научной, публицистической и художественной литературы, в архивах и т.д., а прежде всего то, что бережно хранится и передается в традициях, обычаях и памяти семьи. Представляется, что социологи, политологи, экономисты и др. обществоведы недооценивают этот «пласт» общественных отношений, недостаточно уделяют ему внимания в научных изысканиях. Между тем такая национальная самоидентификация важна в определении социального и экономического развития России.

Публикация книги «Мы помним...» — это попытка увидеть историю своей страны именно с этой общечеловеческой, культурологической и даже эмоциональной стороны. Надеемся, что такая попытка постепенно перейдет в традицию, и молодые ученые-социологи, политики сумеют глубже понять историческую судьбу и будущее своей Родины!

Благодарим авторов проекта, редакторов-составителей за инициативу и огромный труд, вложенный в создание уникальной книги воспоминаний. Желаем успехов в новых начинаниях и инициативах и побольше привлечь молодых единомышленников!» (Из материалов читательской конференции в Тульской областной универсальной научной библиотеке, 02.12.2010.)

Елена Александровна Кормильцева, кандидат исторических наук, доцент кафедры экономической теории и права Омского филиала ФГОУ ВПО «Академия бюджета и казначейства МФ РФ»:

«...Смысл сборника «Мы помним...» не только в том, чтобы молодые люди нашли неизвестные документы, материалы, фотографии, смогли написать об этом, проявить свои журналистские и поэтические способности, выступить в роли историка, архивиста. Это важно, но не это главное. Умение найти что-то новое и грамотно изложить, красиво, выразительно оформить материал — это только функция человека. Главное в сборнике то, что он позволяет взращивать человеческое в человеке, способствует формированию сущности человека». (Из материалов читательской конференции в Тульской областной универсальной научной библиотеке, 02.12.2010.)

Екатерина Орехова, третьекурсница гуманитарного факультета Тульского государственного университета:

«Для меня этот проект привлекателен и как для будущего специалиста — историка-архивиста, и просто с человеческой точки зрения. Думаю, тема войны никого не оставляет равнодушным. Наше поколение о ней знает больше по фильмам, книгам. А в моей семье о тех страшных днях с горечью вспоминают бабушка с дедушкой. Они тогда были детьми и жили в Белоруссии, где, как известно, война бушевала, все сметая. Каждый четвертый белорус погиб. Бабушка со слезами вспоминает, как их семью чуть не расстреляли, они чудом остались живы. В детскую память отчетливо врезались те жуткие эпизоды. Когда они читали эту книгу, плакали и говорили, что все в ней — правда. А что может быть ценнее, чем рассказать правду о Великой Отечественной войне, ведь в мире немало тех, кто хотел бы ее скрыть или исказить, умалить роль наших воинов в ней. Теперь книга «Мы помним...» лежит у нас дома на самом видном, почетном месте. Дедушка с бабушкой частенько ее открывают, перечитывают, а я испытываю гордость за них. И себе задаю вопрос: «А что бы делала ты, окажись на месте девушек огневых сороковых?..» (Из материалов читательской конференции в Тульской областной универсальной научной библиотеке, 02.12.2010.)

Людмила Дмитриевна Алтунина, корреспондент Тульского государственного университета, член Союза журналистов РФ:

«Изданная в Туле книга «Мы помним...» получила широкий резонанс не только в нашем городе и регионе, но и далеко за их пределами. Горячие отклики на нее поступают и из Москвы, и из Сибири... Проект продолжает свою жизнь, и его составители ищут и ждут новых авторов, новых воспоминаний о войне, правды о ней из уст самих ее участников. Надо спешить ее сказать; неумолимое время не жалеет никого, и с каждым годом ветеранов Великой Отечественной становится все меньше и меньше. Они уходят, но не должна вместе с ними уйти и кануть в Лету память о Великой Отечественной...

Главная цель рассказов о войне, беспримерного подвига в ней нашего народа, как отметил на презентации В. И. Зудин,— заставить задуматься современных молодых людей над тем, а готов ли я последовать примеру своих предков, если возникнет такая необходимость? На этот, далеко не праздный, вопрос ответить предстоит каждому молодому человеку, прежде всего, самому себе. И, возможно, это послужит для кого-то толчком к тому, чтобы изменить свое отношение к жизни, людям, представителям старшего поколения». (Из материалов читательской конференции в Тульской областной универсальной научной библиотеке, 02.12.2010.)

Раиса Аполлоновна Мельниченко, с. Покровка, Мамлютский р-н, Сев.-Казахстанская обл., Республика Казахстан:

«Милая моя Татьяна Александровна!

...Еще сообщаю большую радость о том, что Людмила Ивановна из Тулы прислала мне две книги — I и II части «Мы помним...». Как это хоро-

шо, что молодое поколение тоже чтит память о своих дедах и прадедах. Я с великим запоем прочла обе книги, причем и ночи использовала для чтения. Моя запись — в первой книге, и еще там И. А. Курьяков. Он сейчас хоть и в Омске живет и работает в университете, но он наш, здесь родился и работал главврачом в совхозе, муж мой — главным агрономом, а я — зоотехником-селекционером. Лет пять вместе проработали, затем он в Алма-Ате работал политработником и у нас в районе 2-м секретарем райкома партии. Когда СССР разлетелся, он в Омске обосновался. И вот читаю — вдруг его статья, конечно, я возрадовалась и за него. А из Казахстана одно мое письмецо.

Однако и у нас очень чтут память о погибших воинах и героически погибших солдатах. Я уже своим родным [книгу] читать давала, а теперь еще надо брату Михаилу в другой район отвезти почитать. А потом уже в Тюмень сыну Сергею, он ждет с нетерпением. Ну и, конечно же, по наследству передам ему эту драгоценность...» (Из письма Татьяне Александровне Москвиной от 09.02.2016 г.)

Владимир Петрович Лебедев, генерал-майор ФСБ, член Общественной палаты Российской Федерации, почетный гражданин г. Тулы и Тульской области.

«Серия книг «Мы помним...» в немалой степени способствовала стиранию «белых пятен» в истории Великой Отечественной войны, в частности, в истории обороны г. Тулы от немецко-фашистских захватчиков осенью-зимой 1941 года.

Опережая время, она явилась достойным ответом «переписывателям» истории Государства Российского всех мастей и званий. Особую благодарность хочу высказать автору и вдохновителю издания Л. И. Ростовцевой — человеку, гражданину и патриоту с большой буквы. Публикация воспоминаний председателя Комитета обороны г. Тулы Жаворонкова В. Г. «Оборона Тулы» и моего очерка «Подвиг тульских чекистов» способствовала осознанию роли сотрудников НКВД СССР в организации и самой обороне г. Тулы в 1941 году. Публикация материалов о первом директоре Щекинского химкомбината подполковнике НКВД СССР Джобадзе С. Л., который воздвиг в далеком 1955 году памятник «Скорбящий воин» и зажег первый в СССР Вечный огонь на братской могиле, способствовала тому, что сам он был удостоен в 2016 году памятного знака на этом мемориале. Все это свидетельствует о существовании неразрывной связи времен и поколений.

Это издание, его дух явились для меня и моих единомышленников моральной поддержкой в девятнадцатилетней борьбе за восстановление исторической справедливости в отношении выдающегося сына Отечества, командира Тульского рабочего полка Горшкова А. П., которому стараниями Губернатора Тульской области Дюмина А. Г. и благодаря мудрости Президента Российской Федерации Путина В. В. в сентябре 2016 года было присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно).

И тот факт, что город-герой Тула приобретает еще один статус — как Оплот Российского патриотизма, говорит о значимости серии книг «Мы помним...» в культурной жизни страны» (20.04.2017 г.).

* * *

Когда версталась книга «Сразу после войны» и шла подготовка к ее презентации, **Эра Георгиевна Жукова** попросила зачитать ее приветствие на конференции-презентации:

«Дорогие друзья!

Проект «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов» — очень важное и нужное дело для каждого из нас и всей России. Он родился в головах неравнодушных людей, болеющих за судьбы Отечества.

Я уже 5 лет наблюдаю, с какой душой делается книга воспоминаний и размышлений поколений «Мы помним...» — честная, умная, народная.

Георгий Константинович Жуков свои «Воспоминания и размышления» посвятил «Советскому солдату». Не один год он работал над своей книгой, чтобы раскрыть по достоинству «величие дел и свершений народа нашего». Серия книг воспоминаний и размышлений поколений «Мы помним...» продолжает начатое им дело, рассказывая о солдатах своего Отечества.

Поздравляю всех авторов и читателей с выходом в свет четвертой книги и желаю успехов в работе над следующими изданиями! Э. Г. Жукова».

* * *

Мы были бы очень признательны всем, кто пришлет нам свои отзывы, замечания и суждения о проекте и книге, которые можно будет учесть в дальнейшей работе.

Л. И. Ростовцева,
профессор Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова,
ген. директор Межрегиональной общественной организации
«Историко-просветительский центр “Преемственность”»,
руководитель проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов»,
доктор социологических наук

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение Губернатора Тульской области А.Г. Дюмина к авторам и читателям книги «Сразу после войны» 3

Вместо предисловия

Осипов Ю.М. История знает и зовет! 4
Калинин Н.В. Служить великому делу воспитания 6
Ростовцева Л.В. Героизм созидателей 7

ЧАСТЬ 1. О ПОСЛЕВОЕННОМ ВРЕМЕНИ ИЗ ПЕРВЫХ УСТ

Глава 1. Чтобы живые помнили

Жукова Э.Г. Послевоенные события 12
Кузина М.Н. Порфирий Никитич Крылов — один из Кукрыниксов. 21
Сабуров Л.Д. Создание ракетно-ядерного оружия в экспозиции Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации . . 33
Савченко О.В. Создатели советского атомного проекта. Юрий Валентинович Мирохин (1919–1987). 43
Драневич С.Н. Музей обороны Брестской крепости 49
Куканова И.Н. Музей, село, колхоз... имени Ивана Тургенева в публикациях газеты «Коммунар» (1945–1953) 53
Калашникова Е.М. Дмитрий Федорович Устинов: радость жизни 58
Калашникова Е.М. Калашников — десятилетие после создания автомата АК-47 (1919–1987) 75
Никулин В.В. «У вас я учился всю жизнь» 91
Чуканов К.П. Об Аркадии Георгиевиче Шипунове 100
Денежкина Н.М. Главный конструктор реактивных систем залпового огня 103
Цаголов Г.Н. Слово об отце 107
Романов С.М. На перекрестках судеб 114
Лозинский Б.Р. О моем отце, протоиерее Ростиславе Лозинском 127
Джобадзе М.С., Джобадзе М.А. От «рельсовой войны» до Вечного огня 133

Глава 2. Победители о времени и о себе

Крамаренко С.М. От Дня Победы до Корейской войны 142
Марков Н.К. Один из строителей пункта П. 151
Мацигор И.Г. Как я поступил в академию имени Можайского 153
Шалашников Е.Т. Главные вехи 156
Придонов М.П. 1946 год 160
Кульпов Н.И. Любовь с первого взгляда 168
Осипова Т.М.,Паншина М.М. О девушках
разведывательно-диверсионной в/ч 9903 172

Глава 3. Послевоенное детство и юность

Осипов Ю.М. Послевоенное время глазами подростка. 185
Макаровец Н.А. «Своя Стезя — это не так просто, как кажется...» . . 194
Андреев С.Н. Мини-футбол — из послевоенного детства 197
Богомолов В.А. Моя семья до войны, в войну и после 201
Гусев В.А. Жизнь смерти оказалась вновь сильней 215
Караваева О.М. Страна Чистопрудная 220
Москвина Т.А. Коммуналка. 226
Носова С.С. Я гордилась своей страной 228
Плешаков И.Д. Первые послевоенные годы в моей жизни. 233
Стародубцева Г.И. В войну и после войны в Туле 242
Пинаев О.И. Воспоминания о послевоенном времени. 257
Сабельникова И.Т. Перипетии детства 262
Сидорова Г.А. Главное — учиться и работать 271
Непомнящий Н.А. Брянск нашего детства 274
Фаев Ю.В. Ностальгия 279
Мачехин Н.Е. Были б к голоду близки, если бы не колоски . . . 283
Шеин Н.Г. Мечты послевоенного детства 286

Глава 4. Отцы и деды — созидатели

Макаров Н.А. «Любовь — это на всю жизнь» 289
Володин В.И. Опаленные Севастополем... (о моем отце, военврач
3 ранга Володине Иване Петровиче) 305
Филатов В.И. Дорога к Родине 313
Шепарев Р.М. Пример для подражания 316
Михайлов А.В.,Васильева И.А. «Будет голова на плечах —
буду учиться, работать...» 327
Белоусов В.О. Тяжелые воспоминания 331
Савостьянов В.Н. Пятнадцатилетия 334
Чечулина-Собещанская И.Н. Горноспасатели Донбасса 338
Мелехова Н.А. О героизме деда мы узнали из архивов 350
Щепотьев А.В. Мой дед и его сыновья. 352
Калинин А.М. От Дня Победы до демобилизации 354

Акименко Г.К. Горняк — лауреат Сталинской премии 360
Гончарова Н.Н., Лебедева Л.Г. Такая разная жизнь 367
Гончарова Н.Н., Лунчева Л.П. Семья и школа 377

Глава 5. Герои рядом и подвижники

Гетманцев Л.В. ...И на груди его светилась
медаль за город Будапешт. 385
Ермишина А.В. Старейший диакон Москвы.
Отец Алексий — Алексей Николаевич Скороспелов 390
Кочетова М.Е. Полный кавалер ордена Славы
из семьи Касинцевых 395
Савина Л.В. Долгое и вечное:
протоиерей Виктор Савин 401
Липунцова Т.Ф. С.Г. Банников — патриот и гражданин 403
Тарасов А.Д. «При исполнении погиб...» 407
Соболевская А.А. Портрет хозяйственника советской эпохи 417
Тетушкина М.Е. Генерал Василий Петров:
до последнего в строю 426
Олейник А.П. Жизнь православной женщины
Татариновой Анастасии Никитичны 429
Парахина Ю.М. Учитель — главный человек 433
Евтеева М.И. Моя тетя Зоя 436
Щербак Г.И. Дети войны Мучкапского района 440
Медведева Н.В. Участник сражений
на «Невском пятачке» 444
Гусев Б.А. Рабочие династии. 447

Глава 6. Правда о послевоенном времени. Из писем, дневников, воспоминаний

Токарева Е.Ю. Нахлынувшие воспоминания 455
Платонова Е.Ю. Мечты о будущем
Павла Ивановича Платонова 465
Карагодина О.Г. Сухарики 476
Афанасьева Н.А. Молодость не вернуть 482
Фаев Ю.В. Посеялись! 486
Лапина Т.М. Остались воспоминания... и размышления 489
*Федорова Е.С., Демичева Д.*Н. Наши родные 497
Долгарев А.В. Послевоенная судьба фронтовика 506
Безгин М.Н. Дорогой памяти 509
Мангазеев И.А. Зона жизни 514
Мангазеев И.А.,Тихонова Е.Ю. «Ленком» Кузбасса:
первые годы 523
Мурашова Т.Н. Изломанная судьба героя 532
Алтунина Л.Д. После войны 535

Салихов В.А. Судьба партийного работника 545
Нольте Г.-Г. Каукессельхен 552
Сахаров Н.П. (Из личного архива профессора Г.-Г. Нольте) 565

ЧАСТЬ 2.
ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД В СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Глава 7. Молодежь о своих родных и близких в войну и после

Андросова А.Ю. С полей войны на колхозное поле 570
Болучевская А.А. Герои моей семьи 572
Коротченко В.В. Герой нашего времени 576
Кошеляева К.А. След войны в моей семье 578
Леонова М.П. Жизнь вопреки и благодаря 581
Макаркина М.А. Воспоминания — величайшая ценность! 585
Полулях К.В. Так и жили... 587
Прокопченко С.В. Искусный мастер 590
Рахманина А.А. Семейный герой 591
Рожкова Е.Н. Фронтовой и трудовой путь моего прадеда 593
Рыжих А.П. Мой дед родился накануне войны 596
Умеренко А.Е. Память о прошлом —
неотъемлемая часть послевоенной жизни 598
Хренова А.А. Листая семейный альбом 601
Шаталова Е.П. Люди, опомнитесь! 602
Шереметьев Ю.О. Отгремели орудий раскаты 604
Шкут А.П. Несколько эпизодов реальной жизни 610

Глава 8. Студенты научного кружка о своих героях

Богомолов Д.М., Богомолова А.А. Наша гордость и пример 615
Голык О.И. Сам погибай, а товарища выручай 617
Гордюшкина Ю.Е. О дедушке 619
Данилкина Д.В. Ветераны тульского футбола 621
Ефанова А.А. Пчеловод-колхозник с 42-летним стажем 625
Журавлева З.С. Дедушка — мой эталон 627
Ключникова Н.А. Всегда на передовой 629
Красникова Н.В. Чабан в грузинском колхозе 632
Серегина Я.Д. Шрам на всю жизнь 635
Стрельникова Е.С. Воспоминания
Анастасии Андреевны Яковлевой 637
Терентьева А.А. Послевоенные годы: радости и обиды 640
Трохимчук А.В. «Жили тяжело, но весело» 648

Фокин М.Д. Они сражались за Родину 652
Фомина А.В. После пятой похоронки... 653
Мартынова М.Г. Быть достойными памяти 657

Глава 9. Какая безмерная ноша на женские плечи легла

Белых Е.Ю. «Трудолюбие и усердие было нормой» 659
Болдырева М.И. Непростая жизнь русской женщины.
Анна Никитична Романчук. 661
Гончарова А.Г. Послевоенная молодость 663
Демидова Е.Р. Жизнь прожить — не поле перейти 665
Зубарева М.М. Сестра милосердия 667
*Луговой С.В., Силаева О.С., Суханова Э.*В. Мать-героиня 670
Насонов А.Б. Моя прабабушка
Александра Николаевна Иватанова 672
Петров В.С. В первый класс в 1946-м 674
Сарсенбаев А.А. Фронтовой и трудовой подвиг Евдокии 677
Сезин Д.В. Эхо блокады. 678
Серова Я.В. О прабабушке с любовью 681
Суслов Г.В. Рассказ о моей бабушке 682
Нехаева Д.В. Солдатская вдова 684
Теницкая М.А. Четыре года боли и веры. 692
Титкова М.А. Есть женщины в русских селеньях... 693
*Филимонова П.*С. «Всю жизнь помню...» 697

Глава 10 Школьники о судьбах своих семей

Антипова К.О. Эхо войны 699
Безгина К.М. Возмужавшие дети войны 701
Брусенцева А.Б. Они просто хотели жить 704
Горячева Е.О. Сигнальные огни на фок-мачте 709
Девяткова П.Н. Мои прадедушка и прабабушка 712
Дроздов К.С. «Есть память, которой не будет забвенья...» 714
Лукьянова С.А. Буду помнить 715
Малуха Е.Д. Три свечи памяти в нашей семье 720
Пименов В.А. В жизни всегда есть место подвигу. 723
Потапова Д.С. Пример потомкам 725
Серегина В.Б. Героическое прошлое моей семьи 729
Соколова М.С. Возвращая справедливость 732
Сорокина П.А. Из семейного архива 735
Фонарев Д.С. Человек и война. 736

Глава 11. Они победили фашизм и разруху

Бахтина И.С. Таким был мой прадед 741
Васильев А.А. Завет прадеда — не лениться и не сдаваться 742

Галдина К.Н. Старые раны 743
Глоба Р.М. Какой ценой завоевано счастье... 744
Замошникова Е.И. Из поколения победителей 747
Захарова А.А. Памяти прадедушки 750
Ивлева А.А. Закалка на всю жизнь 752
Ильин Е.Е. Боец-ополченец 753
Карпенко А.Б. Храбрый солдат и добрый учитель. 755
Карпова О.С. Шофер в войну и в мирной жизни 756
Лагутова А.А., *Ширяева Е.С.* Дети, пережившие войну 762
Масюкова Ф.Р. Жизнь малолетнего узника 765
Парахина А.А. Незамысловатые судьбы 767
Подгорнова З.Г. Славный жизненный путь прадеда 770
Рожков И.С. «Художники — глаза человечества» 771
Ромицына А.Р. Желание учиться 773

Глава 12. Многонациональная семья героев

Аветисян В.К. Мой прадед — герой 776
Багирова Д.Д. Шыхыев Зейнал Магамедович. 778
Ванян М.Р. Отгремели взрывы, отгремели... 779
Головкина В.А. Простая судьба 780
Гольцверт М.А. Память жива!. 782
Ермоленко А.А. Я горжусь подвигом своего прадеда 784
Коротких В.Ю. Долгая дорога — жизнь... 786
Литвинова Ю.А. Партизанская семья 788
Муликова Д.В. Верить и жить 791
Сторожко Д.А. Остался на своем посту! 793
Ткаченко А.Н. Жизнь после войны... 796
Тыро К.С. Мы помним нашего героя. 798
Федотова А.М. Я тобой горжусь, мой прадед!. 800
Федулова П.М. Я помню, я горжусь... 803
Шигапова Э.Р. Память сердца жива 806
Школьный Е.А. Он выжил на Синявинских высотах 807
Нестерук Н.Р. В каждой семье — свои герои 810

Послесловие

Ростовцева Л.И. Жизнь книги воспоминаний
и размышлений поколений «Мы помним...» 813

МЫ ПОМНИМ…

Книга воспоминаний
и размышлений
поколений

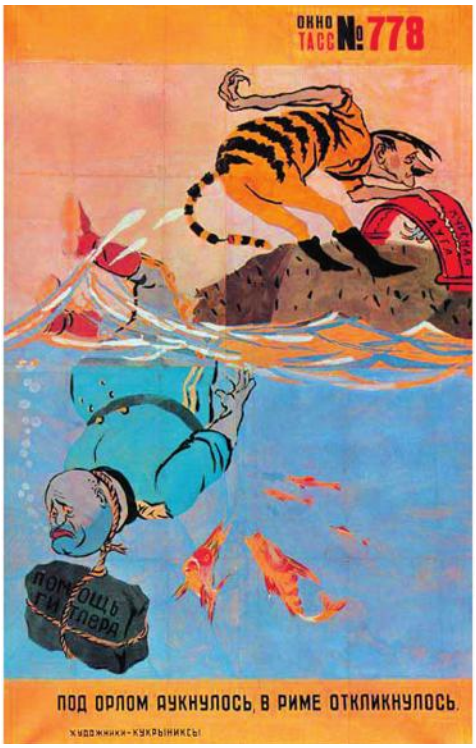
Сразу после войны

Художественное оформление: Гиндин М. Б, Волков В. Ю,
Придонов М.П.
Редакторы: Гончарова Н.Н., Ростовцева Л.И., Смирнов И.П.
Компьютерная верстка: Елагина О.И., Панин Д.В.
Корректоры: Арясова П.А., Гладышева О.А.,
Рудакова Э.П.
Научно-организационная работа: Гельфонд М.Л., Ермишина С.А.,
Жукова Т.Г.
Научно-вспомогательная работа: Мирошина Е.Ю.

В оформлении форзацев использованы фотографии Гиндина М.Б. и Печниковой В.В.
Приводятся фотографии из семейных архивов.

Подписано в печать: 25.04.2017.
Формат 70х100/16. Печ. л. 51,75.
Бумага мелованная. Печать офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ № 14.

ООО «Аквариус»
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.
Тел./факс: +7 (4872) 49-73-73,
e-mail: grif-tula@mail.ru

Карикатуры Кукрыниксов

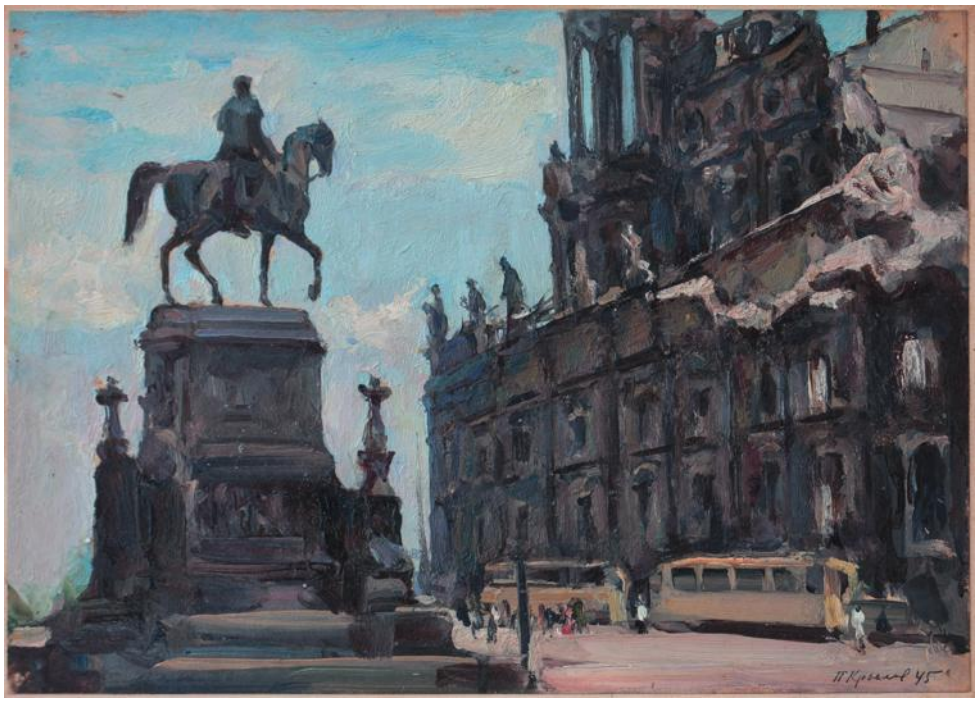
Крылов П.Н. Этюды к картине «Казнь Тани». 1942. Бумага, картон, масло

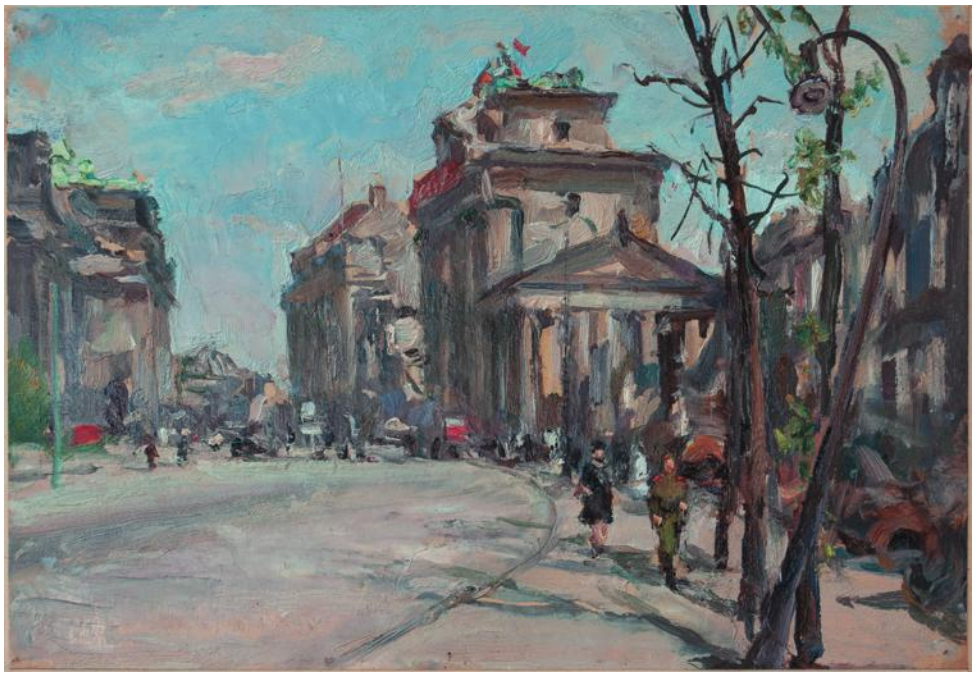
Крылов П.Н. Фрагменты этюдов к картине «Казнь Тани». 1942. Б., к., м.

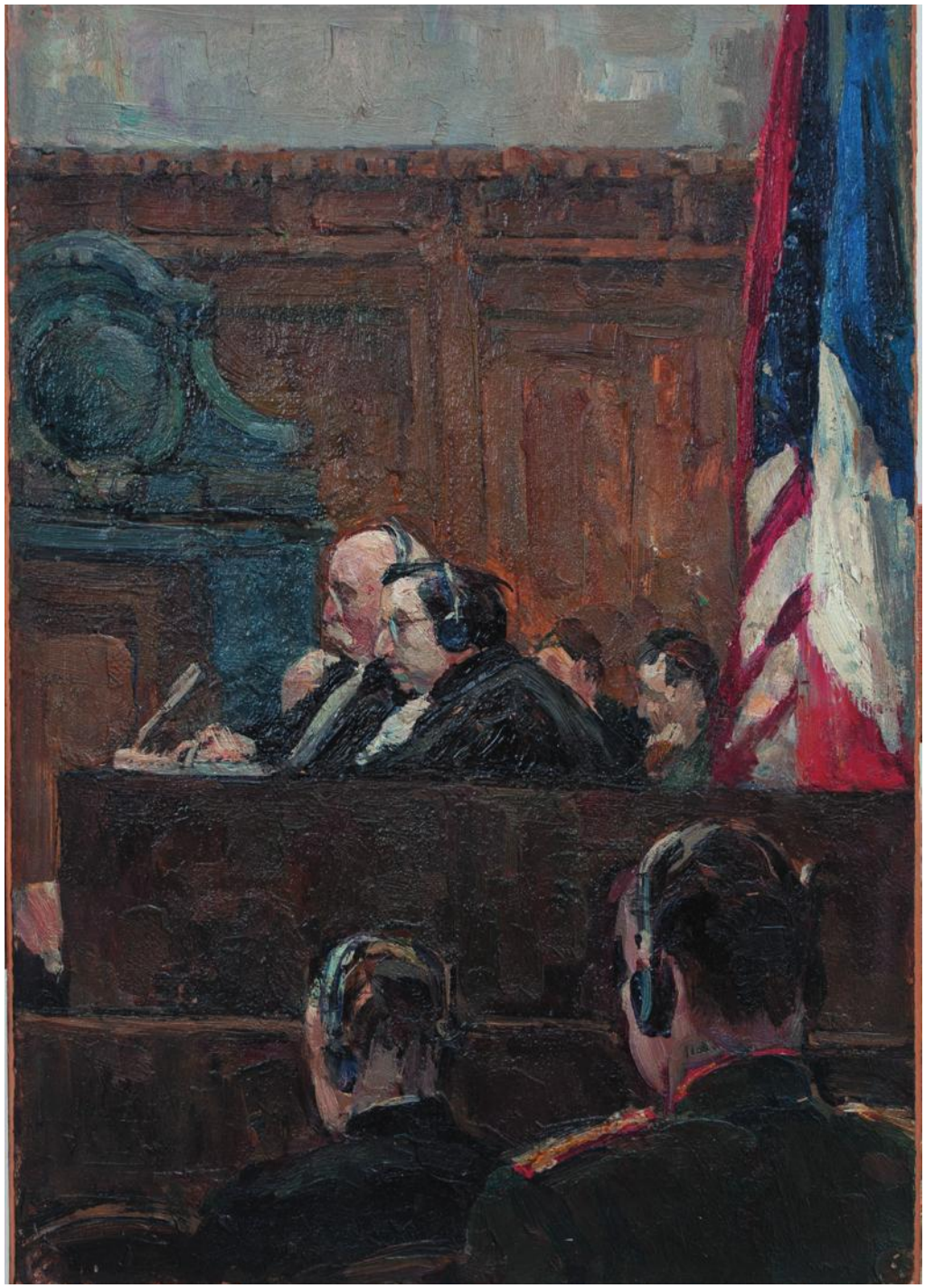
Крылов П.Н. Таня. Эскиз. 1942. Картон, масло

Крылов П.Н. Дрезден — памятник Иоганну Саксонскому. 1945 г. Картон, бумага, масло

Крылов П.Н. Берлин. У Бранденбургских ворот. 1945 г. Картон, бумага, масло

Крылов П.Н. Нюгнберг. Ложа трибунала. 1945 г. Фанера, бумага, масло

ЭКСПОНАТЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО МУЗЕЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РФ

Шляпа фирмы «Gonar» (ЧССР), светильник-ночник «сова» из уральского камня и пепельница с фигуркой птицы, фигурка «Бравый солдат Швейк», которые находились в кабинете Курчатова И. В. Баночка из-под сыра плавленого, керамическая, с рабочего стола использовалась для хранения карандашей.

Берет, очки, логарифмическая линейка, принадлежавшие Сахарову А.Д.

Депутатский билет Харитона Ю.Б.

Логарифмическая линейка, часы наручные, ключи от коттеджа и сейфа Харитона Ю.Б.

Часы «Слава» — подарок Зельдовичу Я.Б.

Зажигалка, принадлежащая Ванникову Б.Л.

Композиция к 70-летию участия в Гражданской войне — подарок Славского Е.П.

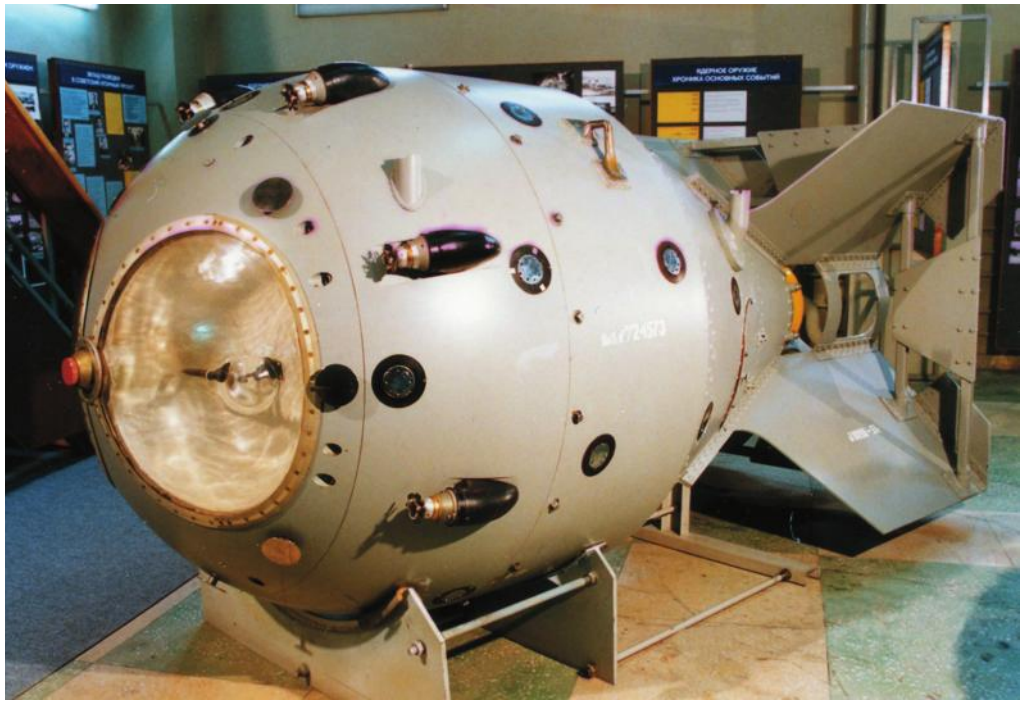
Награды Духова Н.Л.

Бинокль и часы настольные Щелкина К.И.

Первая водородная бомба СССР

Первая атомная бомба СССР

Открытие памятников 10.11.2015, г. Ижевск

Устинов Д. Ф. и Калашников М. Т. в бронзе

Дмитрий Федорович Устинов в рабочем кабинете

Дмитрий Федорович Устинов среди рабочих

Устинов Д. Ф., Калашников М. Т., Устинов Н. Д.

Михаил Тимофеевич Калашников с женой Екатериной Викторовной и Владимиром Васильевичем Крупиным. Ижевск, 1950 г.

Супруги Калашниковы с маленькой Леной. Ижевск, 1950 г.

Михаил Тимофеевич Калашников с коллегами. 1969 г.

КОНСТРУКТОРСКАЯ ГРУППА
М.Т. КАЛАШНИКОВА 1955 г.
Крякушин
Алексей Дмитриевич
1925-1997
Пушин
Виталий Николаевич
1926-1975
Калашников
Михаил Тимофеевич
1919-2013
Крупин
Владимир Васильевич
1925-2002
Харьков
Валерий Александрович
1924-1999
Дейкин
Владимир Сергеевич
представитель
военного заказчика (ГАУ)
1916-1985
Озарение, вспышка ума, откровение Божеской воли — это только зерно... И оно прорастает.
За новатором следуют тысячи. Имя первого станет вдруг именем многих.

РАЗРАБОТКИ ОАО «НПО «СПЛАВ»

«Град»

«Смерч»

«Ураган»

Высокая награда от Президента РФ Денежкину Г. А.

Денежкин Г. А., Путин В. В., Макаровец Н. А.

Шипунов А.Г., Путин В.В., Грязев В.П.

Возложение цветов к Вечному огню. Грязев В. П. и Макаровец Н. А.

РАЗРАБОТКИ АО «КБП им. А. Г. ШИПУНОВА»

Панцирь С

Корнет

ГШ-301 — самая легкая в мире 30-мм пушка. Предназначена для оснащения истребителей (МиГ-29, Су-27, Су-30, Су-33, Су-35), фронтовых бомбардировщиков, самолетов вертикального взлета и посадки (Як-38)

Самолеты, на которых летал Николай Иванович Кульпов.
Автор коллажа Даниил Иванов, студент РЭУ им. Плеханова Г.В.

Красноармеец
Николай Строганов

Скульптор Строганов Н.И.
(16.04.1909–01.02.1990)

Скульптура, переданная в дар тульскому краеведческому музею

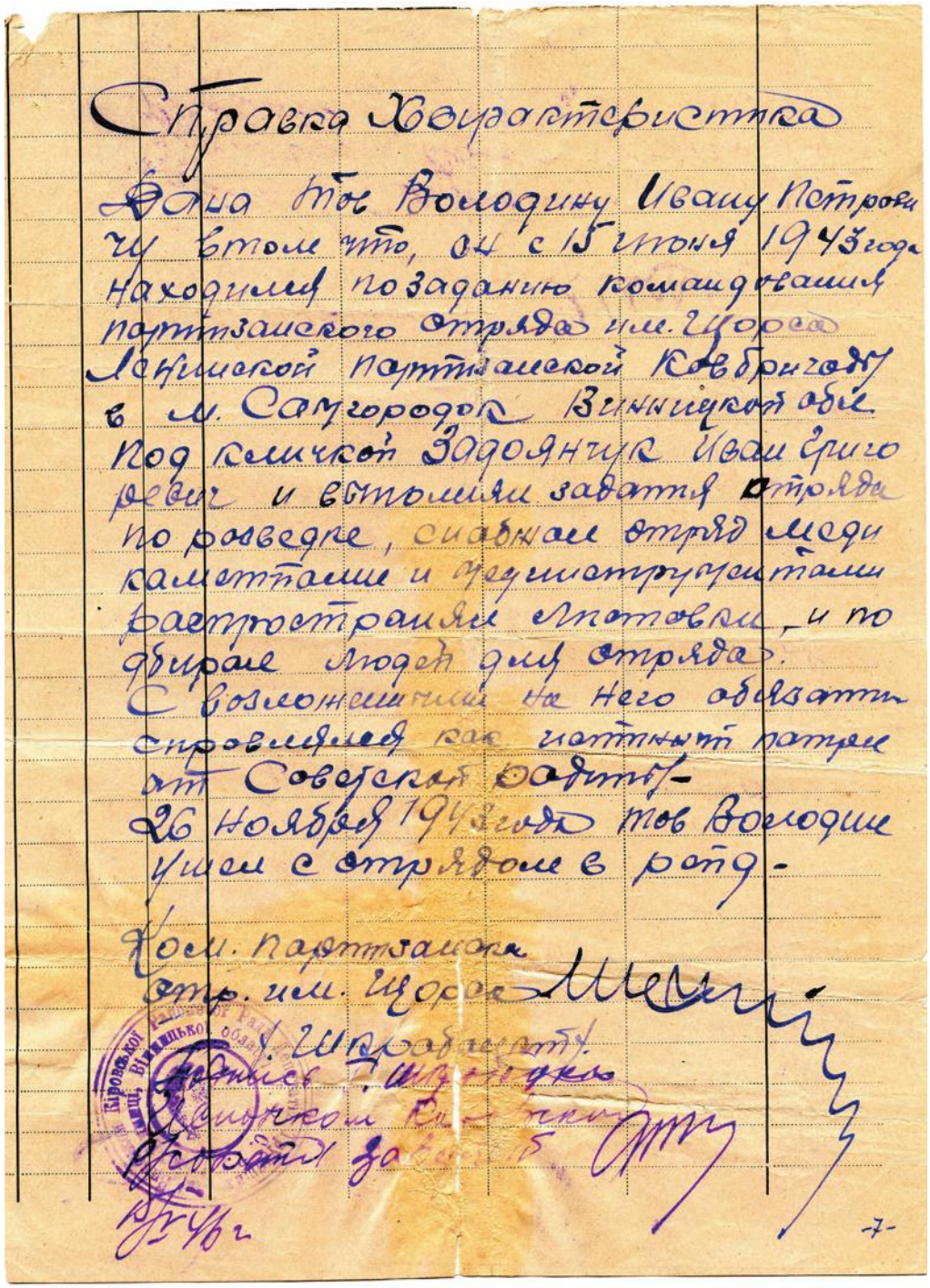
Работы Строганова Н. И. в музее ТТЭК им. Рогова А. Г.

Главный вход в здание Московского вокзала

Бывшее здание «Тулашахтстроя» (проспект Ленина, 57)

Справка Характеристика

Дана тов Володину Ивану Петровичу в том что, он с 15 июня 1943 года
Находился по заданию командования
партизанского отряда им. Щорса
Ленинской партизанской Ковбригады
в м. Самгородок Винницкой обл.
под кличкой Задоянчук Иван Григорьевич и в своими заданиями отряда
по разведке, снабжал отряд медикаментами и медицинскими
быстростраями снаряжал, и по
вербовке людей для отряда.
С возложенными на него обязанностями справлялся как честный патриот
от Советской Родины.
26 Ноября 1943 года тов Володин
ушел с отрядом в рейд.

Ком. партизанского
отр. им. Щорса [illegible]
Начальник [illegible]

-7-

Документ представлен Володиным В.И., директором музейного историко-мемориального комплекса героическим защитникам Севастополя «35-я береговая батарея»